

S T U D I A P H I L O L O G I C A



СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В. М. Грязнова

ГОВОР
КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ
СТАВРОПОЛЬСКОГО
КРАЯ



Издательский Дом ЯСК
Москва 2016

УДК 811.161.1
ББК 81.2 Рус-67
Г 92

Данное исследование было в разное время поддержано грантами
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
№ 10-04-00405а, 11-04-00103а, 12-04-14060г, 13-04-00009а, 14-04-14011г

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 16-04-16028

Грязнова В. М.

Г 92 Говор казаков-некрасовцев Ставропольского края. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. — 728 с., *вклейка после с. 176, 368, 464, 592.*

ISBN 978-5-9907947-9-5

В монографии описан островной говор такой особой социально-конфессиональной группы русского этноса, как старообрядцы казаки-некрасовцы, которые после 250-летней эмиграции в 1962 г. вернулись на Родину и в настоящее время проживают в Ставропольском крае. В книге исследуются такие исторически сложившиеся системы говора, как: лексическая, морфологическая, словообразовательная, фонетическая, — которые в целом репрезентируют языковую картину мира казаков-некрасовцев.

Лингвокультурное и этнокультурное своеобразие островного говора казаков-некрасовцев обусловлено тем, что в течение двух с половиной веков проживания в Турции, в условиях инокультурного внеславянского окружения, они сохранили русский язык, культуру, обычаи: ту систему этнических констант, сквозь которую человек смотрит на мир и которая определяет этничность сознания человека. Вербализованное в говоре мировидение казаков-некрасовцев во многом является не только самобытным, но и архаичным, сохранившим в себе черты мироощущения предков русских. В целом представленная монография открывает читателю мир русского человека, живущего в XX—XXI вв., но мыслящего и говорящего как человек эпохи XVII—XVIII вв., иногда как человек эпохи средневековья и даже древнерусского государства.

Издание адресовано лингвистам, культурологам, историкам и всем читателям, интересующимся русской национальной культурой.

В книге использованы фотографии, предоставленные заведующей отделом культуры администрации муниципального Левокумского района Ставропольского края Н. Ф. Тивиковой.

УДК 811.161.1
ББК 81.2 Рус-67

*В оформлении переплета использована фотография,
предоставленная отделом культуры администрации
муниципального Левокумского района Ставропольского края*

ISBN 978-5-9907947-9-5

© В. М. Грязнова, 2016
© Издательский Дом ЯСК, 2016

*Посвящается моим родителям:
Бельскому Михаилу Николаевичу
и Бельской Наталье Артемовне*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	17
1. Исторический путь казаков-некрасовцев	17
2. История изучения говора казаков-некрасовцев	21
3. Общие лингвокультурологические черты говора казаков-некрасовцев	25
4. Подходы и методики исследования лексики говора казаков-некрасовцев	42

Раздел 1 Имя существительное

Глава первая.

Идеографическое описание лексики имени существительного	49
1. Класс «Абстрактные отношения и формы существования материи»	49
2. Класс «Неорганический мир»	53
3. Класс «Органический мир»	56

Глава вторая.

Системные связи в лексике говора казаков-некрасовцев.

Имя существительное	112
1. Явление вариативности в семантике, акцентологии, фонетике, грамматике имени существительного	112
2. Многозначность как проявление вариативных отношений в структуре имени существительного	139
3. Синонимия в рамках имени существительного	150
4. Антонимия в рамках имени существительного	160
5. Гиперо-гипонимия в рамках имени существительного	163

Глава третья.

Специфика морфологии имени существительного в говоре казаков-некрасовцев	169
1. Лексико-грамматические разряды имен существительных	169
2. Одушевленные и неодушевленные существительные	175
3. Род имени существительного	179
4. Система склонений имени существительного	198

Глава четвертая.

Специфика словообразования имени существительного в говоре казаков-некрасовцев	224
1. Словообразование класса «Абстрактные отношения и формы существования материи»	224
2. Словообразование класса «Неорганический мир»	227
3. Словообразование класса «Органический мир»	232

Раздел 2**Имя прилагательное****Глава первая.**

Идеографическое описание имени прилагательного	283
1. Класс «Абстрактные отношения и формы существования материи»	283
2. Класс «Неорганический мир»	286
3. Класс «Органический мир»	286

Глава вторая.

Системные связи в лексике говора казаков-некрасовцев. Имя прилагательное	298
1. Явление вариативности в семантике, акцентологии, фонетике, грамматике имени прилагательного	298
2. Многозначность как проявление вариативных отношений в структуре имени прилагательного	301
3. Синонимия в рамках имени прилагательного	304

-
4. Антонимия в рамках имени прилагательного 307
 5. Гиперо-гипонимия в рамках имени прилагательного 308

Глава третья.

Специфика морфологии имени прилагательного в говоре казаков-некрасовцев 311

1. Лексико-грамматические разряды имен прилагательных 311
2. Специфика падежных форм, форм степени
имени прилагательного 314

Глава четвертая.

Специфика словообразования имени прилагательного в говоре казаков-некрасовцев 318

1. Словообразование класса «Абстрактные отношения
и формы существования материи» 318
2. Словообразование класса «Неорганический мир» 320
3. Словообразование класса «Органический мир» 321

Раздел 3

Местоименные слова

Глава первая.

Семантическая классификация местоименных слов в говоре казаков-некрасовцев 341

1. Класс «Слова, указывающие на предмет
(на все живое, вещь, явление)» 341
2. Класс «Слова, указывающие на непроцессуальный признак» 345

Глава вторая.

Специфика морфологии местоименной лексики в говоре казаков-некрасовцев 352

1. Местоимения-существительные 352
2. Местоименные прилагательные 355
3. Местоименные наречия 361

Глава третья.

Специфика словообразования местоименных слов в говоре казаков-некрасовцев	364
1. Местоименные префиксально-суффиксальные модели	364
2. Местоименные префиксально-постфиксальные модели.	365
3. Местоименные постфиксальные модели	365
4. Местоименные префиксальные модели	366
5. Местоименные модели чистого сложения	367
6. Местоименные модели, основанные на словообразовательной игре.	367

Р а з д е л 4

Имя числительное

Глава первая.

Специфика лексического состава и семантики имени числительного в говоре казаков-некрасовцев.	371
1. Лексический состав и семантика количественных числительных.	371
2. Лексический состав и семантика собирательных числительных.	372
3. Лексический состав и семантика порядковых числительных	373

Глава вторая.

Специфика морфологии имени числительного в говоре казаков-некрасовцев.	374
1. Количественные числительные	374
2. Собирательные числительные	376
3. Порядковые числительные	377

Р а з д е л 5

Глагол

Глава первая.

Идеографическое описание глагола говора казаков-некрасовцев.	381
1. Класс «Абстрактные отношения и формы существования материи»	381

2. Класс «Неорганический мир»	388
3. Класс «Органический мир»	389

Глава вторая.

Системные связи в глагольной лексике говора казаков-некрасовцев	407

1. Явление вариативности в семантике, акцентологии, фонетике, грамматике глагола	407
2. Многозначность как проявление вариативных отношений в структуре глагола	417
3. Синонимия в рамках глагола	422
4. Антонимия в рамках глагола	427
5. Гиперо-гипонимия в рамках глагола	428

Глава третья.

Специфика морфологии глагола в говоре некрасовцев	431

1. Категория лица	431
2. Категория времени	438
3. Инфинитив	439
4. Спряжение	441
5. Категория наклонения	442
6. Категория вида	444
7. Категория способа действия	449
8. Причастие	456

Глава четвертая.

Специфика словообразования глагола в говоре казаков-некрасовцев	465

1. Словообразование класса «Абстрактные отношения и формы существования материи»	465
2. Словообразование класса «Неорганический мир»	470
3. Словообразование класса «Органический мир»	471

Раздел 6

Наречие

Глава первая.

Идеографическое описание наречия 501

1. Класс «Абстрактные отношения и формы существования материи» 501

2. Класс «Органический мир» 506

Глава вторая.

Системные связи в лексике говора казаков-некрасовцев. Наречие 509

1. Явление вариативности в семантике, акцентологии,
фонетике, грамматике наречия. 509

2. Многозначность как проявление вариативных отношений
в структуре наречия. 511

3. Синонимия в рамках наречия. 512

4. Антонимия в рамках наречия. 514

Глава третья.

Специфика морфологии наречия в говоре казаков-некрасовцев 515

1. Разряды наречий по лексико-грамматическому значению 515

2. Степени сравнения наречий 517

Глава четвертая.

Специфика словообразования наречия в говоре казаков-некрасовцев . . . 520

1. Словообразование класса «Абстрактные отношения
и формы существования материи» 520

2. Словообразование подкласса «Человек» класса «Органический мир» . . . 524

Раздел 7

Служебные слова и междометия

Глава первая.

Союзы в говоре некрасовцев 531

1. Сочинительные союзы 531

2. Подчинительные союзы 532

Глава вторая.

Предлоги в говоре некрасовцев	534
1. Общие замечания.	534
2. Специфические предлоги с пространственным значением	535
3. Специфические предлоги с объектным значением	537
4. Специфические предлоги с определительным значением	537
5. Предлоги говора <i>из</i> и <i>с</i>	538

Глава третья.

Частицы в говоре некрасовцев	540
1. Частицы, имеющие различные смысловые значения	540
2. Эмоционально-экспрессивные частицы	541
3. Модальные частицы	541
4. Формообразующие частицы.	543

Глава четвертая.

Междометия в говоре некрасовцев	544
1. Специфичные первообразные междометия	544
2. Специфичные непервообразные междометия	545

Р а з д е л 8

Фразеология

Глава первая.

Лексико-семантическая характеристика фразеологических единиц говора казаков-некрасовцев	549
1. Фразеологизмы, называющие предметы, явления, состояния, ситуации, действия, связанные с человеком.	550
2. Фразеологизмы, называющие абстрактные понятия	569
3. Фразеологизмы, называющие явления, состояния, ситуации, действия, связанные с животным и растительным миром	573
4. Фразеологизмы, называющие явления, состояния, ситуации, действия, связанные с космосом и неживой природой	575

Глава вторая.

Группы фразеологизмов, объединяемые структурно-семантическими и лексико-грамматическими признаками	578
1. Структурные типы фразеологических оборотов	578
2. Фразеологические обороты, структурно равные предложению	578
3. Фразеологические обороты, представляющие собой сочетания слов	580

Р а з д е л 9

Фонетика

Глава первая.

Вокализм в говоре	587

Глава вторая.

Консонантизм в говоре	593

Заключение	598

Литература об истории, культуре, языке казаков-некрасовцев	600

Использованные словари	609

Приложение. Тексты (записи речи носителей говора).	613

Текст № 1. Информант Пушечкина Анастасия Тимофеевна.	613
Текст № 2. Информант Рамзаёва Анна Илларионовна	616
Текст № 3. Информант Елисютикова Татьяна Тимофеевна	619
Текст № 4. Информант Бабаёва Анна Ивановна.	622
Текст № 5. Информант Пушечкина Василиса Абрамовна.	624
Текст № 6. Информант Ялуплина Прасковья Григорьевна	627
Текст № 7. Информант Шкодрина Домна Тимофеевна	629
Текст № 8. Информант Гулина Елена Кондратьевна	630
Текст № 9. Информант Щепелева Серафима Иосифовна	631

Текст № 10. Информант Беликов Гаврила Дмитриевич.	636
Текст № 11. Информант Синяков Никита Филиппович.	638
Текст № 12. Информант Васютов Никита Иванович	640
Текст № 13. Информант Пушечкина Анастасия Тимофеевна.	644
Текст № 14. Информант Беликова Пелагея Федоровна	646
Текст № 15. Информант Васютов Парфен Иванович.	653
Текст № 16. Информант Гулина Елена Кондратьевна	655
Текст № 17. Информант Рамзаёва Анна Илларионовна	661

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ

Среди различных социальных групп русского этноса, проживающих на Ставрополье, находится особая группа — старообрядцы казаки-некрасовцы. Их субкультура сформировалась в силу целого комплекса исторических причин и по своей сути является социально-конфессиональной. Казаки-некрасовцы — одна из южно-русских старообрядческих групп, длительное время проживавшая в иноэтническом и иноконфессиональном окружении.

Некрасовцы — потомки донских казаков, которые после целого ряда миграций укрылись в XVIII в. на территории Турции, затем в период с 1912 по 1962 гг. несколькими партиями переселились в Россию и были размещены в компактных поселениях, крупнейшие из которых расположены на Кубани и в Ставропольском крае.

В Ставропольский край группа казаков-некрасовцев переселилась в 1962 г. Прожив в Турции 254 года по «Заветам Игната», некрасовцы во многом сохранили допетровский уклад жизни, веру, культуру, язык. Исторически их говор является одним из донских южнорусских, а в период скитаний говор некрасовцев изменялся и развивался под действием внешних социально-экономических и культурных факторов, а также в силу исторической изменчивости любого языка.

Сохранение «истинной веры» было одной из основных причин бегства казаков-некрасовцев на чужбину. «Уходя с Дона, казаки-некрасовцы взяли с собой древние книги, рукописи, иконы. Везде, где проживали казаки, они строили часовни и храмы, регулярно совершали богослужения. Церковь была центром и духовной, и общественной жизни»¹. Только религия позволила казакам-некрасовцам так долго сохранять особенности русской культуры в иноэтническом и иноконфессиональном окружении. «В условиях мусульманского мира вера у некрасовцев была как прибежище, как единственный источник, связывающий их с Родиной. Рассказывают, что в своих молитвах они “уходили” от чуждого мира, боясь отуречиться»².

Переселившись в Турцию, некрасовцы стремились сохранить свои национальные традиции, «эта замкнутая, самодовлеющая община из поколения в поколение производила одни и те же культурные модели. Именно благодаря этому эмигрантам удалось сохранить культуру предков, язык, устную поэзию»³.

¹ Денисов Н. Г. Сорок лет на родной земле // Казаки-некрасовцы. Ставрополь, 2009. С. 68.

² Рабчевская А. Б. Вновь обретенная Родина. Ставрополь, 2012. С. 25.

³ Там же.

В Турции, в с. Коджагель (первоначальное название Старые Казаки), на берегу озера Майнос, где жили казаки-некрасовцы в XX в., было две общины и, соответственно, два храма: в честь Святой Троицы и в честь Успения и Святых Жен-Мироносиц. Жизнь каждого члена общины была связана с жизнью храма. Накануне праздников все прекращали работу и шли молиться, общинно собирали деньги на содержание и ремонт храма. На Майносе традиционные казачьи устои, быт и фольклор сохранялись в неприкосновенности. «Причин такой консервативности две: во-первых, экономической основой жизни казаков оставалось артельное рыболовство, практически не создававшее возможности для возникновения неравенства и расслоения в общине; во-вторых, чуждое по обычаям, вере и языку турецкое окружение исключало ассимиляцию»⁴.

Политический деятель и писатель М. С. Чайковский в конце XIX в. побывал у некрасовцев в Турции. Вот как он описывал свои впечатления:

Некрасовцы остались теми же, какими вышли некогда с Дону. Они нисколько не изменили обычаев своих предков, и если бы кто-нибудь из товарищей Некрасова мог проснуться на берегах Майносского озера, он не нашел бы никаких перемен, кроме новой местности. Это славянское племя сохранило всё и не утратило ничего из наследия предков. Ни один фаланстер не мог дойти до такой степени единения и согласия всех. Поэтому-то и в изгнании они не перестали быть казаками, были в чести у всех⁵.

Исследователь Кубанского казачества П. П. Короленко так писал о потомках русских кубанских казаков, живущих «в турецких пределах»: «Некрасовцы сохраняют свой русский язык, старые русские обычаи и костюмы, хаты строят и все домашнее хозяйство ведут по русскому образцу. Словом, майноссские казаки живут по-русски и любят все старое русское»⁶.

Организуя свой быт и хозяйство в условиях иноэтнического окружения, община казаков-некрасовцев стала своеобразной культурно-конфессиональной общностью, которая и сейчас отличается от окружающего ее населения, сохраняя традиционный уклад жизни, исполнение религиозных обрядов в традициях русского старообрядчества, праздничный костюм, архаичный язык в быту и хоровом пении.

Жизнь казаков-некрасовцев в Турции была полна сложностей. П. П. Короленко так писал о социальном статусе некрасовцев:

Майносская колония некрасовцев управляется беєм. Он получает от своего общества содержания 20 лир. В прежнее время Османская Порта мало вмешивалась в дела этой казачьей колонии, предоставляя управление ею казачьему атаману и старшинам общества; но в последнее время власть атамана во многом ограничена турецким правительством. Атаман, хотя и собирает по старому порядку войсковой круг казаков с их есаулами, но только для обсуждения текущих войсковых дел своей колонии, прежний

⁴ Смирнов И. В. Некрасовцы // Вопросы истории. 1986. № 8. С. 103.

⁵ Чайковский М. С. Записки М. Чайковского (Садык-паши) // Киевская старина. Ежемесячный исторический журнал. Киев, октябрь, 1892. Т. 39. Вып. 12. С. 117.

⁶ Короленко П. П. Некрасовские казаки // Известия общества любителей изучения Кубанской области. Екатеринодар, 1900. Вып. 11. С. 71.

же вольный казачий суд над провинившимися, доходивший до смертной казни, решению круга уже не подлежит⁷.

В беседах с вернувшимися в Россию казаками ученые выяснили, что после 1917 г. по отношению к некрасовцам турецкое правительство предприняло ряд репрессивных мер, направленных на уничтожение их самобытной социально-конфессиональной общины. В 1923 г. был закрыт казачий Круг, вместе с ним закончилась их автономия: казаки стали турецкими подданными, атаман назначался из турок (из числа казаков выбирался лишь помощник турецкого атамана, аза-атаман), судебная власть стала турецкой, селение некрасовцев Старые Казаки было переименовано в Коджагель. В 1924 г. была запрещена русская школа, а в ее здании была открыта мечеть. В 1931 г. в село Коджагель стали переселять турок из Болгарии, отбирая для них земли у казаков. Начиная с 1933 г. русские фамилии заменялись на турецкие, часто вместо имен давали клички. В 1934 г. казаки вынуждены были сменить традиционную одежду и стали брить бороду, некрасовский костюм продолжали носить только женщины. В 1935 г. турецкие власти разрешили открыть школу для обучения детей грамоте на турецком языке при условии, что русские дети не будут в школе разговаривать по-русски, за каждое русское слово в школе следовал штраф и наказание палками. Турецкая школа в поселке давала только пятиклассное образование. Продолжать дальнейшее обучение было невозможно из-за отсутствия денег (учеба в средних и высших учебных заведениях была платной). В общественных местах на русском языке говорить запретили. После начала Второй мировой войны репрессии против казаков усилились (Турция воевала на стороне Германии). «Нам прямо в лицо говорили, что всех христиан надо побить и уничтожить, но не трогали потому, что чувствовали силу Советского Союза. <...> Чтобы услышать правду о событиях на фронте, уходили с батарейными приемниками в поле и слушали сводки советского информационного бюро. Желание быть вместе со своими стало особенно сильным», — вспоминал казак-некрасовец П. Гаврилов. В 1959 г. атамана В. П. Саничева избили турки из-за того, что он заступился за членов общины, у которых турки отбирали землю. Но несмотря на все чинимые препятствия к выезду, казаки добились возвращения на Родину⁸.

В сентябре 1962 г. 215 семей (999 человек) казаков-некрасовцев прибыли на теплоходе «Грузия» в Новороссийск (по пути родился 1000-й казак Семен Бабаёв). Общины были расселены в Ставропольском крае на территории двух поселков Левокумского района, в которых находились виноградарские хозяй-

⁷ Короленко П. П. Некрасовские казаки // Известия общества любителей изучения Кубанской области. Екатеринодар, 1900. Вып. 11. С. 71.

⁸ По данным: Денисов Н. Г., Агеева Е. Новые факты истории // Казаки-некрасовцы. Сборник материалов. Ставрополь, 2009. С. 46—48; Историческая справка о жительстве казаков-некрасовцев в Турции // Казаки-некрасовцы. Сборник материалов. Ставрополь, 2009. С. 192—201; Рабчевская А. Б. Вновь обретенная Родина. Ставрополь, 2012. С. 25, 26, 30, 33.

ства: поселке Новокумском (винсовхоз «Левокумский») — 114 семей (495 человек); поселке Кумская Долина (винсовхоз «Бургун-Маджарский») — 101 семья (505 человек). Некрасовец В. П. Саничев, организатор переселения в Советский Союз, говорил:

Разные агитаторы нас смущали. Подбивали переселиться в США, Канаду, Аргентину, Францию. А наши казаки решили: «Пойдем до своего языка, до братьев по крови, на землю своих предков». А как пересекали границу, у меня в сердце сто светов открылось. Кругом свои, свой язык, люди живут в достатке⁹.

Право исповедовать свою веру было одним из условий возвращения в переговорах казаков с представителями советского консульства в Стамбуле. Это условие было выполнено. Поселившись на Ставрополье, казаки-некрасовцы получили разрешение на строительство храмов. Так в двух поселках, появились два храма (как в Турции) — в честь Святой Троицы и в честь Успения и Святых Жен-Мироносиц.

В 1978 г. заслуженным работником культуры России Л. В. Евдокимовой был создан фольклорно-этнографический коллектив «Некрасовские казаки», который сразу же приобрел большую известность, особенно в среде специалистов по фольклору. Л. В. Евдокимова вела большую работу по пропаганде творчества коллектива и связям с многочисленными научными и фольклорными экспедициями, которые посещали Левокумский район. Коллектив «Некрасовские казаки» стал участником концертов в Московской, Ленинградской, Уральской консерваториях, являлся участником престижных фестивалей международного уровня не только в нашей стране, но и за рубежом — в Турции, США, Польше, Белоруссии, фирма «Мелодия» выпустила несколько пластинок с записями его концертов.

В 1992 г. Л. В. Евдокимова добивается создания Центра традиционной русской культуры казаков-некрасовцев и молокан, став его руководителем. С момента создания Центра при нем начал действовать историко-этнографический музей, коллективы «Некрасовские казаки», «Некрасовские казачата», «Карагод», мастерская по изготовлению сувенира «Некрасовская кукла Дунютка», традиционных некрасовских костюмов, бисерных украшений. Благодаря Л. В. Евдокимовой были сохранены материалы по истории и быту русских поселенцев в Турции — казаков-некрасовцев и молокан.

В 2004 г. Центр и его фонд были переданы в ведение краевых структур и на базе этого Центра сформирован Новокумский музей казаков-некрасовцев, являющийся филиалом ГБУК СК «Ставропольский краевой музей изобразительных искусств», руководителем которого является З. А. Белая.

В 2012 и в 2014 г. на базе Новокумского музея были проведены Международные конференции по экологии традиционных культур, в том числе и культуры казаков-некрасовцев (автор идеи и руководитель проектов проф. Северо-Кавказского федерального университета В. М. Грязнова). Большую организационную помощь ученым

⁹ Рабчевская А. Б. Вновь обретенная Родина. Ставрополь, 2012. С. 35.

в проведении данных конференций оказали и. о. заведующего Новокумским музеем Надежда Ивановна Самарина и весь коллектив музея, а также директор Ставропольского краевого музея изобразительных искусств Зоя Александровна Беляя.

Большим достижением в деле сохранения культурной идентичности казаков-некрасовцев стало открытие 26 октября 2013 г. этнодеревни, которое стало возможным благодаря активной деятельности администрации муниципального Левокумского района Ставропольского края во главе с Надеждой Федоровной Тивиковой. В этнодеревне, являющейся «имитационным культурным ландшафтом» реконструированы основные компоненты традиционного образа жизни казаков-некрасовцев: архитектурные постройки, элементы хозяйственной, сельскохозяйственной и промысловой деятельности.

В настоящее время на территории Левокумского района Ставропольского края проживает более 600 казаков-некрасовцев — переселенцев и их потомков, родившихся уже после переселения. Из переселенцев осталось в живых 190 человек, в т. ч. в поселке Новокумском — 98 человек, в поселке Кумская Долина — 92 человека.

2. История изучения говора казаков-некрасовцев

Изучение говора казаков-некрасовцев начали ученые Ростовского университета. Прежде всего необходимо назвать Фёдора Викторовича Тумилевича — видного отечественного фольклориста. В своих исследованиях он вторгся в проблематику смежных и сопряженных с филологией дисциплин¹⁰.

Заслуга Ф. В. Тумилевича состоит прежде всего в том, что он оставил потомкам объемный корпус магнитофонных записей — свыше двух тысяч поэтических текстов (2190), лишь немногим более пятой части которых (421) были опубликованы при его жизни. Большинство материалов получено от переселенцев первой волны (1912—1924). Благодаря подготовленным и изданным Ф. В. Тумилевичем сборникам общественным достоянием стали уникальные пласты фольклора, представленные песенными и прозаическими жанрами (преданиями, сказками). Ему принадлежит пальма первенства в открытии и описании в 1940-е годы (по-видимому, в 1946—1947 годах) памятников письменной культуры, в частности письменной истории Войска Игната Некрасова (от исхода с Дона до возвращения в Россию) и Заветов Игната. Он также зафиксировал

¹⁰ Тумилевич Ф. В. Фольклор казаков-некрасовцев. Краснодар: Кр. изд-во, 1948; *Он же*. Песни об Игнате Некрасове // Дон. 1948. № 12. С. 156—168; *Он же*. К вопросу о поэтике песен казаков-некрасовцев // Учен. зап. Ростовского гос. ун-та, 1957. Ростов-на-Дону, 1957. Т. LXIV. Труды историко-филол. фак. Вып. 6. С. 129—158; *Он же*. Казаки-некрасовцы (К истории антифеодального движения на Дону и Кубани) // Дон. 1958. № 8. С. 134—146; *Он же*. Свадебный обряд у казаков-некрасовцев // Учен. зап. Ростовского гос. ун-та, 1958. Ростов-на-Дону, 1958. Т. XXXXV. Труды историко-филол. фак. Вып. 6. С. 128—159; *Он же*. Сказки и предания казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону: Кн. изд-во, 1961; *Он же*. Предания о городе Игната // Тезисы докл. научной сессии Северо-Кавказского совета по гуманитарным наукам. Ростов-на-Дону, 1962. С. 186—188.

свидетельство о Книге войсковой (богослужебной), в которую некрасовцы вносили параллельный богослужебному текст¹¹.

Изучение говора казаков-некрасовцев Ставропольского края сразу после их прибытия в Левокумский район было начато ростовской исследовательницей Ольгой Константиновной Сердюковой. В результате полевых экспедиций и исследования собранных материалов в 1969 г. в Ростовском университете О. К. Сердюкова защитила диссертацию на соискание степени кандидата филологических наук «Лексика говора казаков-некрасовцев (Исследование и словарь)». Приложение к диссертации — Словарь говора казаков-некрасовцев — было издано ростовскими учеными в 2005 г.¹²

В 1964 г. А. Б. Винницким и Л. Л. Касаткиным (ИРЯ РАН) были записаны на магнитофон рассказы казаков-некрасовцев Ставропольского края. Эти рассказы, расшифрованные Л. Л. Касаткиным, вместе с лингвистическим комментарием вошли в Южнорусскую звучащую хрестоматию¹³. В 2003—2004 гг. сотрудники ИРЯ РАН О. Г. Ровнова и Т. Б. Юмсунова записали на магнитофон 85 часов рассказов казаков-некрасовцев в поселке Новокумский и селе Кумская долина Левокумского района Ставропольского края.

Начиная с 1971 г., Алла Константиновна Рабчевская, кандидат философских наук (Северо-Кавказский технический университет), начала социологическое исследование казаков-некрасовцев Ставропольского края с целью проследить всестороннюю трансформацию духовного облика некрасовцев как реэмигрантов, длительное время живших в условиях иноязычной, инокультурной и иноконфессиональной среды. Результатом стало издание книги А. К. Рабчевской «Вновь обретенная Родина (о казаках-некрасовцах)»¹⁴.

В 2010 г. в ходе этнолингвистических экспедиций ИСЭГИ ЮНЦ РАН в поселке Левокумского района было записано более 90 легендарных нарративов и дано их общее описание¹⁵.

В 2014 г. вышел сборник песен казаков-некрасовцев (составители Т. С. Рудиченко и Е. Т. Аракельян), в котором тексты песен и нотации представлены в записях Ф. П. Тумилевича и Е. Т. Аракельяна 1965—1973 гг.¹⁶

¹¹ Рудиченко Т. С. Фёдор Викторович Тумилевич и его вклад в изучение фольклора казаков-некрасовцев // Экология традиционных культур: проблематика исчезающих этнокультурных групп в современном мире. Ставрополь: Сервисшкола, 2013. С. 24.

¹² Сердюкова О. К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 2005.

¹³ Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие / Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина, А. М. Красовицкий и др.; под ред. Р. Ф. Касаткиной. М.: Наука, 1999 (тексты — с. 176—181, комментарий — с. 181—185).

¹⁴ Рабчевская А. К. «Вновь обретенная Родина (о казаках-некрасовцах)». Ставрополь, 2012.

¹⁵ Зудин А. И. Легенды некрасовских казаков // Казаки-некрасовцы: язык, история. Культура. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 331—347.

¹⁶ Сборник песен казаков-некрасовцев / Сост. Т. С. Рудиченко, Е. Т. Аракельян. Ростов-на-Дону, 2014.

Изучением церковно-певческой традиции казаков-некрасовцев в течение ряда лет занимается Николай Григорьевич Денисов. Ему принадлежит целый ряд работ в этой области¹⁷.

В XX столетии изучением говора казаков-некрасовцев начали заниматься преподаватели и студенты Ставропольского государственного университета, в настоящее время вошедшего в состав Северо-Кавказского федерального университета. Преподаватели кафедры общего и славяно-русского языкознания (проф. В. М. Грязнова, доц. И. В. Желябова, ст. пр. Э. А. Черкашина, ст. пр. О. Н. Громакова) в течение ряда лет совместно с бакалаврами и магистрантами факультета работали над проектом, связанным с комплексным описанием культуры и языка казаков-некрасовцев: выезжали в поселки Левокумского района с целью записи речи некрасовцев и дальнейшего анализа и описания специфики лингвокультуры данной социо-конфессиональной группы русского народа. По итогам проекта имеется целый ряд публикаций преподавателей кафедры, магистрантов, студентов в сборниках научных трудов регионального, всероссийского и международного характера, студентами написаны курсовые, выпускные, магистерские работы, проведены две международные конференции, поддержанные фондом РГНФ (автор идеи и руководитель проектов проф. В. М. Грязнова), по их результатам выпущено два сборника материалов (ответственный редактор проф. В. М. Грязнова)¹⁸. Был подготовлен и издан труд фундаментального характера, получивший поддержку Российского гуманитарного научного фонда, — «Семантический словарь говора казаков-некрасовцев с лингвокультурологическим комментарием» (авторы-составители проф. В. М. Грязнова, доц. И. В. Желябова, ст. пр. Э. А. Черкашина, ст. пр. О. Н. Громакова под общей ред. В. М. Грязновой)¹⁹. В настоящее время изучение говора продолжается.

Актуальность этих исследований определяется необходимостью описать систему говора казаков-некрасовцев в ее архаическом виде, поскольку современная речь потомков казаков-некрасовцев под влиянием литературного языка исчезает как самобытное и целостное явление.

¹⁷ Денисов Н. Г. Устные традиции пения казаков-некрасовцев // Устная и письменная трансмиссия церковно-певческой традиции: Восток — Русь — Запад. Гимнология. М.: Научно-издательский центр «Московская консерватория», 2008. Вып. 5. Материалы междунар. науч. конф. 23—27 мая 2005 г. С. 280—287; *Он же*. Старообрядческая богослужебно-певческая культура (к проблеме типологии): Автореф. дис. ... докт. искусствоведения. СПб., 2010; *Он же*. Ustna nradycja spiewu kosakow-niekrasowckow // Muzyka Sakralna czesc czwarta. Czestochowa 2010. P. 81—87; *Он же*. Казаки-некрасовцы сегодня // URL: www.denkaz.ru

¹⁸ Материалы Междунар. науч. конф. «Лингвистическая экология: сохранение исчезающих языков» 19—22 сентября 2012 года. Ставрополь, 2013; Материалы Междунар. науч. конф. «Лингвистическая экология: проблематика исчезающих языков и культур в истории и современности». Ставрополь, 2014.

¹⁹ Семантический словарь казаков-некрасовцев с лингвокультурологическим комментарием. Научное издание. Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2012.

Анализ и описание лингвистического материала, собранного в различных экспедициях (в середине XX в. и настоящее время) к местам проживания казаков-некрасовцев и их потомков, создали возможность выявления социально-исторических особенностей функционирования архаичного южнорусского говора в условиях изоляции от национального русского языка и и одновременно в условиях тюркоязычного окружения, его этноментальной и лингвокультурологической специфики.

Материалом исследования послужили записи, сделанные ставропольскими учеными во время экспедиций в села и поселки Левокумского района Ставропольского края с 2008 г. по настоящее время, материалы, собранные Ольгой Константиновной Сердюковой в 1962—1963 гг. и представленные ею в качестве приложения к кандидатской диссертации, а в XX столетии изданные Ростовским университетом в качестве словаря.

Выражаю свою благодарность заведующей отделом администрации муниципального Левокумского района Ставропольского края Надежде Федоровне Тивиковой и работникам данного отдела культуры; коллективу филиала ГБУК СК «Ставропольский краевой музей изобразительных искусств» в поселке Новокумский и директору музея Зое Александровне Белой за помощь в организации полевых экспедиций ставропольских ученых.

Выражаю свою признательность заведующей отделом культуры Левокумского района Надежде Федоровне Тивиковой за предоставленные фотографии казаков-некрасовцев, проживающих в Ставропольском крае.

Моя благодарность преподавателям СКФУ доц. И. В. Желябовой, доц. Н. Н. Грицкевич, доц. Д. Г. Грязнову, аспирантам И. Корсуновой, Д. Кривенко за помощь в сборе материала, его расшифровке и оформлении; бакалаврам и магистрантам университета за помощь в сборе материала и его расшифровке.

Особую благодарность выражаю информантам — казакам и казачкам, ныне здравствующим и проживающим в селах Левокумского района Ставропольского края и уже покинувшим этот мир, за помощь в сборе материала и доброжелательное отношение:

Бабаёвой Анне Ивановне,
Бандеровской Марфе Матвеевне,
Беликовой Арине Абрамовне,
Беликовой Пелагее Федоровне,
Беликову Гавриилу Дмитриевичу,
Васютову Парфёну Ивановичу,
Васютову Никите Ивановичу,
Гулиной Елене Кондратьевне,
Елисютиковой Татьяне Тимофеевне,
Елисютикову Нифонту Федоровичу,
Лебедковой Домне Иосифовне,
Мироновой Агафье Васильевне,

Пушечкиной Аксинье (Настасье) Тимофеевне,
Пушечкиной Василисе Абрамовне,
Рамзаёвой Анне Илларионовне,
Синякову Никите Филипповичу,
Чернышовой Анне Трофимовне,
Чижиковой Феодосье Кирсановне,
Шкодриной Домне Тимофеевне,
Щепелевой Серафиме Иосифовне,
Ялуплиной Прасковье Григорьевне,
Ястребовой Татьяне Никитичне.

3. ОБЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ГОВОРА КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ

В данной работе говор казаков-некрасовцев Ставропольского края анализируется в рамках синхронного среза «1962 год (время возвращения в Россию) — настоящее время» с целью описать сущностные черты данного русского говора, сложившиеся в период проживания казаков-некрасовцев и их предков в Турции в течение двухсот пятидесяти лет. Процессы ассимиляции говора в ареале русского южного говора Левокумского района не изучаются.

По своим типологическим особенностям говор казаков-некрасовцев относится к островным говорам. Термин «островной говор», или «островной ареал», давно используется в диалектологии, например в работах Р. И. Аванесова²⁰, М. А. Бородиной²¹ 70-х гг. XX в., работах Н. С. Ганцовской²², Т. И. Вендиной²³, А. А. Плотниковой²⁴ начала XXI в.

Островной говор — это говор, изолированный от территории бытования основных форм языка, к которому он принадлежит по происхождению. Говор казаков-некрасовцев в течение двух с половиной веков находился в иноязычном, иноэтническом, иноконфессиональном окружении. Исследовательница островных славянских ареалов Европы А. А. Плотникова считает, что

...представляется важным в самом общем виде дать характеристику исследуемых островных ареалов по однотипным параметрам: язык анклава и окружение; религиозная принадлежность населения островного ареала и страны проживания; частичная

²⁰ Аванесов Р. И. Вопросы теории лингвистической географии / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1962.

²¹ Бородина М. А. Проблемы лингвистической географии. М., 1966.

²² Ганцовская Н. С. Говоры Верхней Унжи в интерпретации А. В. Громова // Актуальные проблемы русской диалектологии. М.: Институт русского языка им. В. А. Виноградова. 2012. С. 24—27.

²³ Вендина Т. И. Типология лексических ареалов Славии. М., 2014.

²⁴ Плотникова А. А. Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М.: Институт славяноведения, 2016.

общность / противопоставленность культурной традиции анклава и окружения; особенности совместного проживания с представителями иных этноконфессиональных групп; влияние гражданства страны проживания²⁵.

Охарактеризуем говор казаков-некрасовцев по названным А. А. Плотниковой параметрам островного говора:

1) язык говора казаков-некрасовцев резко противопоставлен языку окружения по признаку принадлежности к разным языковым семьям: восточнославянская ветвь славянской семьи — тюркская ветвь гипотетической алтайской семьи;

2) по вероисповеданию казаки-некрасовцы резко противопоставлены окружающему населению: православие (старообрядчество) — мусульманство;

3) общие культурные традиции в течение проживания казаков-некрасовцев в Турции с местным населением не сложились; исключения составляют случаи вывешивания самодельных турецких флагов в дни государственных праздников Турции по распоряжению турецкой администрации;

4) первоначально казаки жили изолированно от турецкого населения; с 1864 г. земли вокруг казачьих станиц стали заселяться мухаджирами, переселенцами-мусульманами с Кавказа, с которыми казаки были вынуждены общаться, браки с турецким населением запрещались, и их не было;

5) казаки-некрасовцы служили в турецкой армии (за исключением конца XIX в.); если вначале Майнос представлял собой независимую республику, хотя и вассальную султану, но имевшую свое законодательство, то в начале XX в. казаки-некрасовцы были лишены автономии и объявлены турецкими подданными; казачий Круг был уничтожен, атаман назначался из турок, обучение в школе разрешалось только на турецком языке, регистрация браков и рождений происходила в турецкой администрации казачьих сел, диплом об окончании школы и свидетельство о браке и рождении выдавались на турецком языке.

Принадлежность к островному типу, история скитаний, происхождение обусловили определенные лингвокультурологические характеристики говора казаков-некрасовцев. Интерпретация записей речи, текстов сказок, песен, преданий казаков-некрасовцев с применением исторического, системно-структурного методов, методик лингвокультурологического анализа позволяет увидеть в фактах их речевой деятельности следующие черты:

1) генетическую связь говора казаков-некрасовцев с донскими говорами;

2) отражение наивной картины мира некрасовцев как представителей славянского этноса;

3) отражение в лексике говора исторического пути представителей данной социально-конфессиональной группы;

4) отражение в говоре общекультурных констант-оппозиций, характерных для большинства народов;

²⁵ ²⁵ Плотникова А. А. Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М.: Институт славяноведения, 2016. С. 11.

- 5) архаичность говора;
- 6) отражение в грамматике говора менталитета некрасовцев как старообрядцев: их стремление к аскетическому рационализму;
- 7) креативность языкового сознания как отражение свободолюбия старообрядцев;
- 8) приоритетность устной формы языка относительно письменной формы;
- 9) заимствование турцизмов как результат интерференции двух систем: говора и турецкого языка.

Опишем названные стороны речевой деятельности казаков-некрасовцев подробнее.

1. Генетическая связь говора казаков-некрасовцев с донскими говорами

Языковые факты разных ярусов говора казаков-некрасовцев свидетельствуют о том, что он по своему происхождению является южнорусским донским говором. Выявлены системные совпадения на фонетическом, фонологическом, грамматическом, лексическом уровнях. Приведем некоторые примеры.

Так, **в области фонетики** как в говоре казаков-некрасовцев, так и в донском говоре находим однотипное явление коррекции фонемы <ф>: данная фонема замещается звуком *х* (*Халилей* вместо *Фалилей*), звуком *кв* (*квасоля* вместо *фасоль*). Встречаются случаи обратной замены, гиперкоррекции: *футар* вместо *хутор*, *фирурх* вместо *хирург*. Звук *г* является как в говоре казаков-некрасовцев, так и в донском говоре фрикативным, он оглушается в звук *х*: *уатить*, *крух*²⁶.

В области морфологии также имеется множество системных совпадений. Например, многие существительные ж. р. с ударением на окончании как в говоре казаков-некрасовцев так и донском говоре, имеют в и. п. и в. п. флексию *-о* (типичный показатель ср. р.), имея синтагматические показатели существительных ж. р.: *фтарая вязздо*, *высокая капно*, *васкавая свичо*.

В области лексико-семантической системы, например, наблюдается совпадающий практически полностью в говоре казаков-некрасовцев и в донском говоре корпус номинаций «звездного неба»: *Арба* — «созвездие Большая Медведица», *Зарница*, *Жарница* — «планета Венера», *Петров Крест* — «созвездие Южный Крест».

2. Отражение наивной картины мира некрасовцев как представителей славянского этноса

Покажем данную характеристику на группе номинаций космоса. Небо было всегда важнейшим ориентиром в жизни славянина, в том числе и казака-некрасовца. Номинации созвездий в говоре демонстрируют нам представления казака-некрасовца о Небе как о чем-то едином с Землей, на которой он живет.

На Небе есть дороги, по ним ездят повозки, одна из них называется **Арба** (в литературном языке это созвездие Большая Медведица). Лексема *арба* в говоре

²⁶ В тексте книги для удобства чтения звук *у* фрикативный обозначается литерой *г*.

обозначает двухколесную или четырехколесную телегу (слово заимствовано из тюркских языков).

Главная из небесных дорог имеет в говоре две номинации, одна из них — **Арбьяная дорога**: *На неби как туманом ляжыть Арбьяная дарога* (мы называем это скопление звезд в виде светлой полосы Млечным Путем). Большая Медведица и Млечный Путь названы иначе, чем в общенациональном языке или в других русских диалектах, в соответствии с распространенным предметом быта и средством трудовой деятельности казаков-некрасовцев. Второе название главной из небесных дорог — **Матвеева дорога**.

В. И. Даль в своем словаре дает два названия этого скопления звезд в обиходном языке русского крестьянства — **Млечный Путь** и **Моисеева дорога**, значение которых он описывает так: «пояс, Моисеева дорога, белесоватая широкая полоса по небу, состоящая из несчетной бездны звезд»²⁷.

В славянских языках, в том числе и в русских говорах, существует целый ряд мотивов номинаций Млечного пути: 1) дорога Бога и святых; 2) дорога душ и предков; 3) военная дорога; 4) названия, связанные с промыслом чумаков; 5) птичья дорога; 6) соломенная дорога²⁸.

Номинации Млечного Пути в говоре казаков-некрасовцев связаны с 1) мотивом «дорога Бога и святых» — **Матвеева дорога** — и 2) мотивом «названия, связанные с промыслом чумаков» — **Арбьяная дорога**.

Номинация **Матвеева дорога** связана с именем святого Матвея (в церковной традиции Матфея). Евангелист Матфей, один из двенадцати апостолов, был мытарем, т. е. сборщиком податей для Рима. Услышав глас Иисуса Христа: «Иди за Мной», Матфей оставил свою должность и пошел за Спасителем. Осознав свои грехи, он возместил вчетверо тем, кого прежде обирал, раздал остальное свое имение нищим и вместе с другими апостолами последовал за Христом.

Номинация **Арбьяная дорога**, по нашему мнению, является интерпретацией номинации **Чумацкий шлях** (чумаки ‘возчики соли’), характерной для Южной России, Украины, Болгарии²⁹. Мотивация этого названия такова: по народным поверьям, чумацкий шлях указывает направление в Крым, куда ездили за солью, и образовался этот шлях от того, что по дороге соль сыпалась с возов. В номинации **Арбьяная дорога** изменен мотивировочный признак: мотивировка на основе субъекта деятельности заменилась мотивировкой на основе средства деятельности — арбы.

На небесной карте, созданной казаком-некрасовцем, есть еще одно созвездие, названное по внешнему сходству с другим предметом быта казака-некрасовца, —

²⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 891.

²⁸ Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 3. С. 264—266.

²⁹ Там же.

это созвездие **Коромысли**: в общенациональном крестьянском языке *коромысла* — «лучковатый рычажок, которым на плече носят пару ведер»³⁰; в говоре некрасовцев аналогичное значение.

А звезда, которую мы называем Полярной, в говоре некрасовцев названа по предмету, который использовался ими в животноводстве, — *прикол* «вбитый кол для привязки скота»³¹, в говоре некрасовцев аналогичное значение. Полярную звезду казак-некрасовец назвал **Прикол-звездо**, увидев в ее неподвижности и одновременно в движении вокруг нее других звезд сходство с колом для привязки скота. Такое образное представление Полярной звезды является очень древним. А. А. Плотнокова в словарной статье «Звезды» пишет:

В космологических представлениях Звезды уподобляются «гвоздям» на имеющем плоскую или куполообразную поверхность небе (ср. рус. загадку о небе и звездах «Сито, вито, гвоздями убито»); они вращаются вокруг одного основного «гвоздя», «столба», «оси», «пупка» мира — Полярной звезды (рус. *стожар, кол*)³².

В жизни некрасовцев очень важное место занимала религия, и на карте неба казак-некрасовец увидел два предмета из церковного обихода: созвездие **Кадило** и созвездие **Петров Крест** (*А Пятроф Крест с Кадилам сходить. Кадила — два звезда, адна светлая, светлая звяздо нижа, а Крест за ними*).

Особым вниманием у славян, в том числе и у казаков-некрасовцев, пользовалась утренняя и вечерняя звезда — планета Венера (в мифологии славян утренняя звезда — это Денница). В говоре казаков-некрасовцев Венера имеет четыре наименования: **Зарница, Жарница** (*Зарница, бываить на утрам. — Жарница выкатываицца — да света асталася два — три часы*), **Зорька, Заревая звездо** (*Зарявая звяздо — вичёрашняя звяздо. Зорька, ана здаровая*).

3. Отражение в лексике говора исторического пути представителей данной социально-конфессиональной группы

В языковой картине мира любого народа одно из центральных мест занимает выражение идеи Родины. В национальном русском языке основной образ Родины — это женщина-мать, основное языковое выражение — словосочетания *Родина-мать, Россия-матушка*, само слово *Родина* по своему происхождению и значению относится к гендерно обусловленным «феминным» лексемам.

В говоре казаков-некрасовцев наблюдаем иное явление, обусловленное историческими причинами. Судьба казаков-некрасовцев была во многом определена их лидером Игнатом Некрасовым. Для них он стал и отцом (дедом), и наставником, и мифологической фигурой. Потомки казаков-некрасовцев говорят: *Мы пошли от Игната Некрасафца*. В их говоре существует наречие *по-игнатову*,

³⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 429.

³¹ Там же. Т. 3. С. 1094.

³² Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 21. С. 291.

которое означает «по-старинному, так, как положено, как велел Игнат Некрасов». Приведем примеры из речи носителей говора: *Наши матеря бурчак ели, такую тяглу тянули, патом дал помочи **наш дет, рускай**. — Надоела нам у турках, пайдем к **сваему деду, к рускаму**. — Набивай парус на лодку, паедим **на дядофщину***³³.

Кроме того, в жизни некрасовцев мужское начало было главенствующим и определяющим как общественную, так и семейную жизнь. Н. Г. Денисов отмечает:

Следует остановиться еще на одном явлении в жизни общин, которое влияет как на позитивные, так и на негативные стороны существования приходов. Это — мужское начало. Помимо священников, все руководство в храмах у некрасовцев представлено исключительно мужчинами. Мужское начало, мужские традиции чтения и пения продолжают храниться в некрасовских общинах³⁴.

В. Н. Медведева в статье «Казаки-некрасовцы на перекрестке культур» высказывает следующее мнение: «Отметим интересную психологическую закономерность: мужчины-казаки вели подвижный образ жизни, но при этом в целом оставались хранителями наиболее устойчивой ее стороны в рамках села. Женщины, не столь часто разъезжавшие, напротив, оказались достаточно склонными к влияниям извне»³⁵. П. Донцов, Д. Николаев в статье «Западное казачество и старообрядцы. История вопроса» пишут: «Старики выступали хранителями казачьих обычаев и традиций, и почитание стариков в казачестве было безграничным. Проявление непочтительности к старику расценивалось как предательство казачьих идеалов и сурово наказывалось обществом»³⁶.

Полагаем, что именно в силу специфики исторического пути казаков-некрасовцев, а также специфики их быта, прежде всего религиозного, образ Родины в их культуре (а для казаков-некрасовцев Родина — это Россия) — это мужчина-дед (отец отца или матери), основное языковое выражение образа Родины — это слова *дед, дедовщина*.

В целом образы Родины как женщины-матери и как мужчины-деда восходят к одному и тому же языческому культу **Рода** восточных славян. В. В. Колесов пишет: «Достоверно известно, что у восточных славян существовал культ Рода и Земли. ...У восточных славян определенно различались поколения богов —

³³ Примеры взяты из Словаря О. К. Сердюковой, с. 63.

³⁴ Денисов Н. Г. Церковно-богослужебные традиции казаков-некрасовцев // Христианство и христианская культура в степном Предкавказье и на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 2000. С. 7.

³⁵ Медведева В. Н. Казаки-некрасовцы на перекрестке культур // «Музыкальная академия». М., 2002. № 3. С. 42—60.

³⁶ Донцов П., Николаев Д. Западное казачество и старообрядцы. История вопроса // Казаки-некрасовцы: сб. материалов из архивов Новокумского филиала музея изобразительных искусств. Ставрополь, 2009. С. 137.

их было три, ровно столько, сколько и одновременно живущих представителей рода»³⁷.

Полагаем, что образ Родины как мужчины-деда в языковой картине мира казака-некрасовца не противоречит языческим представлениям восточных славян, а является одной из возможных модификаций архаичного образного представления культа **Рода** восточных славян.

4. Отражение в говоре культурных констант-оппозиций, характерных для большинства народов

Определенная часть номинаций лица по месту жительства говора демонстрирует нам тот факт, что майносская ветвь некрасовцев жила вдали от русских границ изолированно, замкнуто: с одной стороны, некрасовцы воспринимались местным населением как чужие, с другой стороны, сами некрасовцы не признавали чужаков. С этим мы связываем наличие определенного количества номинаций, называющих пришельцев, приезжих, пришлых, новых поселенцев: *наброд, присёлок, приходец, прихожанец, странний* и противопоставление их местным, *жильским*. В данных номинациях овнешняется универсальная оппозиция «свой — чужой»: *Посли наброт наплыл, стали дурна жыть. — Пришли прихажанцы полна, стали наз бить*.

Универсальную оппозицию «свой — чужой» демонстрируют и номинации этносов, с которыми казаки, как правило, общались во время своего пребывания на чужбине: среди них преобладают названия турок как главных чужих: *турчин, туряга, турчанин, турка*.

Универсальную оппозицию «свой — чужой» выражают и глаголы с отрицательной конотацией, называющие речевую деятельность на чужом языке: *Покулдукать, Шлёмать, Хлехотать* (*Едут, па-чиркески хляхочуть*), *Прохлехотать* (*Праехали, прахлихатали пь-сваёму*). У глаголов *хлехотать* и *прохлехотать* названные значения являются переносными звукоподражательными значениями, являющимися следствием метафорического развития их прямого значения «кричать, квакать — о лягушках» на основе сходства звучания двух действий — криков лягушки и речи человека на чужом языке. Даль так характеризует значение названных глаголов: «твр. клёк, клекотатье... Лягушки *хлехочут*, кричат, квакают»³⁸.

В составе глагольной и именной лексики говора (в знач. глагола *нижать* и фразеологизма *года нижают*, в значении существительного *нижа*, в значении сравнительной степени прилагательного *низкий* в переносном значении) мы обнаружили вербализацию еще одной универсальной культурологической оппозиции — «хорошее направлено вверх, а плохое — вниз». Вот как некрасовка Рамзаёва Алла Илларионовна образно описывает жизненный путь человека: *Маленький радилси. Рос, рос, ступеньками, ступеньками, и вырос. Патом бальной, нижа, нижа и састарилси*.

³⁷ Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Добро и Зло. СПб.: СПбГУ, 2001. С. 92.

³⁸ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. С. 1189.

Покажем это подробнее. Глагол *нижати* имеет в говоре переносное значение ‘стареть’ (*Зафтра фсе нижайм*), в говоре есть фразеологизм *года нижают*, обладающий значением ‘годы прибавляются’ (*Розум стал фсе нанис, гада нижают*). Полагаем, что данная метафора обусловлена физическим опытом человека: в пожилом возрасте спина согнута, голова опущена.

В говоре существует и существительное *нижа* ‘бедность’ (*У каво какая багацтва, а хто — в нижы*). Кроме того, прилагательное говора *низкий* обладает переносным значением ‘беднее’ в форме сравнительной степени: *Дарють па-разнаму: хто нижа, той нижа даёць*. Полагаем, что метафорические значения социально-го характера лексем говора *низкий*, *нижа* могут мотивироваться представлением некрасовца о богатстве как о достаточно высоком, объемном вместилище, а о бедности как о низком, небольшом вместилище.

Заслуживает внимания глагольная номинация общего действия, производимого, по мнению некрасовца, звездами, содержание которой аналогично характеристике основного вида деятельности казака — службе: звезды, по мнению носителя говора, также «служат»: *Зарница бываить вечирам служыць, бываить па утрам служыць*. Данная номинация демонстрирует семиотическую оппозицию «микроскоп — макроскоп», которая выявляет фундаментальные положения традиционной ментальности. Например, Ю. С. Степанов так пишет об отношениях микроскоп — макроскоп: «В естественных знаковых системах человека существует семантическая связь между микрокосмом (органами тела человека и его внутренним, духовным миром) и макроскопом (Землей, небом, светилами)»³⁹.

5. Архаичность говора

Анализ лексико-семантической системы выявил в говоре факты, которые демонстрируют его архаичность: к ним мы относим как лексемы-реликты, так и эпизодическую реализацию в фонетическом облике слова говора казаков-некрасовцев фонетических законов, не функционировавших в русском языке уже в древнерусский период, а также ушедших в прошлое фонетических неприятий и предпочтений.

5.1. В говоре казаков-некрасовцев зафиксировано слово *пратукалина* — ‘апельсин’. Оно является мотивированным и относится к модели: **S** + формант **-ин(а)** с модификационным значением «один предмет, выделенный из совокупности предметов». К этой модели в говоре казаков-некрасовцев относятся существительные: *лимонина*, *пратукалина*, называющие плод фруктового дерева (соответственно от заимствованного в русский национальный язык существительного *лимон* и заимствованного в говор некрасовцев из турецкого языка слова *portukal*).

Специфика фонетической ассимиляции, произошедшей в существительном *пратукалина*, имеющем в качестве мотивирующего слова турецкую лексему *portukal*, заслуживает особого замечания, так как данная ассимиляция произошла в соответствии с давно не действующим ни в говорах русского языка, ни в его лите-

³⁹ Степанов Ю. С. Семиотика. М.: Наука, 1971. С. 137.

ратурной разновидности фонетическим законом открытого слога. В ходе этого процесса произошло открытие закрытого слога (*por*) путем перестановки плавного [r] и гласного [o], а также удлинения гласного [o] в [a]. Произошедшая фонетическая ассимиляция полностью соответствует процессу монофтонгизации дифтонгических сочетаний гласных с плавными *r, l* (его южнославянскому виду), начавшемуся в праславянском языке и закончившемуся уже в нашу эру в отдельных, самостоятельных славянских языках, в том числе и в древнерусском (ср.: праславянское *gord* — южнославянское *grad*, восточнославянское *город*). Лексема *пратукалина* является новообразованием в говоре казаков-некрасовцев, повторяющим результаты фонетических процессов праславянского языка в его южнославянском варианте и возникшим уже в новое время под влиянием аналогии. Мы видим в этом давление системы национального языка, что показывает нам еще раз неразрывную связь исследуемого «островного» говора с языком-метрополией. Кроме того, в этом факте мы видим неосознанное противостояние носителя говора казаков-некрасовцев чуждой (инославянской) фонетической системе.

5.2. Специфика фонетической ассимиляции присуща и такому слову говора, как *софра* ‘большая жестяная сковорода, используемая и в качестве блюда’, возникшему на базе турецкого слова *sofra* ‘обеденный стол’. В ходе фонетической ассимиляции произошла замена звука *f* на звук *n*. Подобное неприятие звука *f* было характерно для славянина, жившего в ранний праславянский период. Так, в раннем праславянском периоде греческое *f* заменялось в заимствованных словах звуком *n* (сравни греческое *faros* ‘полотно’ и русское *парус*). В древнерусской консонантной системе не было фонемы <ф>, хотя звук *ф* употреблялся в заимствованной лексике и был стилистически ограничен. В более поздний период в донских говорах, к которым принадлежит и говор казаков-некрасовцев, звук *ф* заменялся в заимствованиях на звук [х] или на звукосочетание [кв]. Замена турецкого звука *f* на звук *n* в говоре некрасовцев свидетельствует о том, что в языковом сознании носителя говора не только имеется информация о неприятии звука *f*, но и сохранилась информация о типичном способе устранения этого звука в праславянский период в процессе ассимиляции чуждого слова.

В то же время в речи казаков-некрасовцев встречаются случаи гиперкоррекции, выражающейся в замене исконного звука [х] на звук [ф]. Так, лексема *кухарь* ‘повар’ могла бытовать в речи и в форме *куфарь*, лексема *кухлик* ‘кружка’ имела в качестве фонетического варианта слово *куфлик*, прилагательное *лѣхкий* имело в говоре фонетический вариант *лѣфкий*.

5.3. Архаичность говора казаков-некрасовцев демонстрирует слово *буйлова* ‘буйволица’. Полагаем, что субстантиват *буйлова* является реликтом древней системы имени прилагательного, а именно крат. притяж. прил. с суффиксом *-ов-*. Очевидно, что крат. притяж. прил. *буйлова* первоначально входило в синтагму типа *буйлова самчиха* и обладало значением подчиненности, подвластности — «самка буйвола» (в говоре *буйлака*). По мнению В. В. Колесова, «таково типичное средневековое представление о принадлежности к определенному классу, типу, виду,

образу, группе, цеху и т. д.»⁴⁰. Названное значение крат. притяж. прил. выделено и описано в трудах С. В. Фроловой⁴¹.

5.4. Существительное *мелка* — ‘мелкое место в озере у берега, где поят скот’ — также демонстрирует архаичность говора казаков-некрасовцев. Полагаем, что субстантиват *мелка* является реликтом древней системы имени прилагательного, а именно крат. кач. прил. в функции определения. Очевидно, что крат. кач. прил. *мелка* первоначально входило в синтагму *мелка место*, а затем обособилось и пережило процесс субстантивации. В современном русском языке также имеются реликты крат. кач. прил. в функции определения в устойчивых выражениях: *на босу ногу*, *сыр-бор*.

5.5. В составе лексико-тематической подгруппы «Семейно-родственные отношения» находятся два наименования, форма которых (имеется в виду и. п. ед. ч.) является доунификационной, архаичной: *мати*, *свекры*. В общеславянском языке данные имена относились к склонению с основами соответственно на **r* и на **i*. Существительные данного склонения в косвенных падежах уже в общеславянском языке пережили упрощение основы, их тематический распространитель был осмыслен как суффикс. В группе имен с основой на **i* основа имени в косвенных падежах была перенесена в и. п.: так появились новые формы *любовь*, *кровь*, *свекровь* вместо *любы*, *кры*, *свекры*. В группе имен с основой на **r* форма и. п. пережила унификацию, выравнивание под влиянием форм и. п. существительных склонения на **i*: так появились новые формы *мать*, *дочь* вместо *мати*, *дъчи*⁴².

5.6. Метонимический перенос архаического характера «часть тела человека — единица измерения, равная величине этой части тела»: *Ступень* — 1. «ступня». 2. «мера длины»: *Шып идет наверх, икру митаить, вон литаить, ступиней на десить пирьлитаить*⁴³. Данный пример показывает нам сохранение в говоре наивной метрологии, связанной с частями человеческого тела, которая была в разных вариантах характерна для многих лингвокультур прошлых эпох. В. Н. Топоров утверждает, что представления о внешнем мире, Вселенной и пространстве оказываются мотивированными физиологическим аспектом человеческой жизни, конкретно — телом как «малым миром»⁴⁴.

5.7. В морфологической системе глагола говора мы наблюдаем **использование архаичных ресурсов общенационального языка** в качестве средств выражения грамматической семантики. Это характерно для категории лица, а также для категории времени:

1) в формах лица глаголов говора наблюдается восстановление исконного праславянского согласного как дополнительного средства выражения семантики

⁴⁰ Колесов В. В. История русского языка. М.; СПб., 2005. С. 340.

⁴¹ Фролова С. В. К вопросу о природе и генезисе притяжательных прилагательных русского языка // Учен. зап. Куйбышевского пединститута. Вып. 32. Куйбышев, 1960. С. 323—340.

⁴² Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка. М., 1954. С. 166 и далее.

⁴³ Пример взят из Словаря О. К. Сердюковой. С. 27.

⁴⁴ Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 245.

лица: а) в конце глагольной основы в **1 л. ед. ч.** наст.-буд. вр. в основах на губной согласный: *кую, насыю*, в основах на переднеязычные согласные: *насю, вазю, ездю*; б) в конце глагольной основы во **2 л. ед. ч. и мн. ч.** наст.-буд. вр. в основах на заднеязычные и переднеязычные согласные: *пикёш/пикём, талкёш/талкём, запрягёш/запрягём, атсикёш/атсикём*;

2) в составе форм времени глагола широко употребляется форма давнопрошедшего времени, являющаяся архаичной: *саливали, варивали*.

Архаичные черты в лексике и грамматике говора казаков-некрасовцев являются, с одной стороны, одним из способов самосохранения и самоидентификации этноса, живущего в иноязыковом, иноэтническом и иноконфессиональном окружении, а с другой стороны, мы видим в этой черте проявление менталитета некрасовцев как старообрядцев — их обращенность в прошлое.

6. Отражение в грамматике говора менталитета некрасовцев как старообрядцев: стремление к аскетическому рационализму

В ряде морфологических процессов мы видим *отражение аскетического рационализма, свойственного старообрядцу*. С. Таранец пишет: «В среде старообрядцев сложился особый менталитет, нашедший отражение в способе ведения хозяйства. Он был обусловлен православной аскезой»⁴⁵.

Отражение аскетических рациональных традиций хозяйственной жизни мы видим и в **процессах аналогического фонетико-фонологического выравнивания основы глагола**: личные формы стремятся к единообразию конечного согласного основы, выравнивание может происходить по разным формам, выбранным в качестве образца (подробнее об этом см. в главе, посвященной морфологии глагола говора).

Отражение аскетического рационализма, свойственного старообрядцу мы наблюдаем:

1) в процессе структурного выравнивания такой глагольной формы, как инфинитив глагола, в говоре (единообразным формантом в инфинитиве глагола выступает суффикс *-ть*);

2) в процессе структурного выравнивания такой категории глагола, как вид: в морфологической системе глагола говора происходит усиление морфологической выразительности лексико-грамматической категории вида, что проявляется в двух разных процессах: а) вторичной имперфективации глаголов национального языка несов. в., имеющих суффиксы *-а-* или *-и-*, которые в говоре заменяются на более морфологически выразительный и коммуникативно значимый суффикс несов. в. *ива-*: *приходиваться* (на месте *придаться*), *оживливать* (на месте *оживать*), б) усиление результативного значения глаголов национального языка сов. в. с помощью вторичной суффиксации глаголов сов. в.: *поспасти* (на месте *спасти*), *поприйтись* (на месте *прийтись*);

⁴⁵ Таранец С. Старообрядчество в Российской империи (конец XVII — начало XX века). Киев: Институт истории Украины НАН Украины, 2013. Т. 2. С. 89.

3) в процессе унификации безударных личных форм глагола и возникновении единой парадигмы спряжения для глаголов с безударными личными окончаниями: а) ед. ч.: *-иш*, *-ить* (*будиш*, *балеить*) и б) мн. ч.: *-им*, *-итя*, *-уть/-ють* (*нижаим*, *кушаитя*, *разводятя*).

В лингвокультурологическом плане сущность названных морфологических процессов мы оцениваем как проявление такой черты менталитета казака-старообрядца, как стремление к выраженности порядка, а в лингвистическом аспекте полагаем, что старообрядец неосознанно принадлежит к наивным структуралистам, для которых система — это все.

7. Креативность языкового сознания как отражение свободолюбия старообрядцев

Историки старообрядчества полагают, что «не менее важной чертой характера старообрядцев было свободолюбие»⁴⁶. Полагаем, что одним из проявлений свободолюбия является креативность языкового сознания носителей говора казаков-некрасовцев, что ярче всего демонстрирует явление языковой игры. К языковой игре относят те языковые факты, в которых проявляется свободное отношение к форме речи, обусловленное эстетическим заданием. Как правило, в устной спонтанной речи эстетическое чувство реализуется в установке на комический эффект. Языковая игра чаще всего основана на балагурстве — явлении народной смеховой культуры, когда комический эффект вызывает все необычное, перевернутое. Диапазон явлений языковой игры широк: выразиться необычно, развлечь окружающих, вызвать улыбку, создать шутливое настроение. Охарактеризуем явление языковой игры в речи некрасовцев.

7.1. Явления словообразовательной языковой игры. В словообразовательной системе говора некрасовцев наблюдаются явления, которые являются редкими даже в такой высшей форме существования языка, как литературный язык, в силу того, что образуются не механически, не по накатанным рельсам существующих словообразовательных моделей, а осознанно, в результате творческой когнитивно-вербальной деятельности носителя языка.

Так, в речи некрасовцев находим прием рифмованного эха (экспрессивного рифмованного удвоения), который заключается в следующем: какое-либо слово повторяется с изменением начального звука или звуков: *курица-мурица* ‘всякая домашняя птица’, *птица-мница* ‘всякая птица’, *кабаки-мабаки* ‘всякие овощи’, *крёстная-мрёсная* ‘родня’, *одежка-передёжка* ‘одежда, смена белья’, *вилюшки-кивилюшки* ‘разные украшения на одежде, в том числе и в виде извилин’, *тряпки-мряпки* ‘одежда’, *десятёрка-пятёрка* ‘небольшое количество денег’. Приведем примеры из речи носителей говора:

*А в Ражаство хадили, славили, Христа славили, давали им деньги-шменьги;
Ну он там мне спирту-мирту на виноделии дал, сумацку ета;*

⁴⁶ Таранец С. Старообрядчество в Российской империи (конец XVII — начало XX века). Киев: Институт истории Украины НАН Украины, 2013. Т. 2. С. 85.

Рыбу в мяшочик складём, камышом-мамышом закроим, он жа, возир-та, ня наш, хазяйский;

Пакупали фсё, што твая душыцка хочить: тряпки-мряпки, брусветы;

Фсё равно стол накрывали, стол накроють, приготавлиють, паславють, садитися пабедайти, садитися пакушайти, а как паславили, дала там диситёрку-питёрку, и ани спасибо, спаси Христос и накаисси спална;

А на зимле само сабой святы сажали: коксы-моксы, чирнабривацки, шапки, хризантемы, фсе святы были.

Данная эхо-конструкция, как и любая словообразовательная модель, обладает своим особым значением — это семантика обобщения (по данной модели образуются собирательные или родовые наименования). Уместно отметить, что явление языковой игры ученые обычно анализируют и описывают на материалах записей устной речи интеллигенции, а также художественных текстов⁴⁷.

7.2. Явление аналогического словообразования. Способ образования слов «по образцу», очень ярко выявляющий способность носителя языка к языковому творчеству, демонстрируют ряд лексем говора. Например, существительное *шуряк* ‘шурин’, образцом для словопроизводства которого послужило общенациональное слово *свояк*; лексема *близнята* ‘близнецы’, образцом для словопроизводства которой послужило диалектное слово *двойнята*. Подобный способ образования слов «по образцу» всегда был характерен для русского национального языка. Так, П. А. Вяземский в «Старой записной книжке» придумал существительное *подглядатай*, прокомментировав его так: «Дмитриев — беспощадный подглядатай (почему бы не вывести этого слова из *соглядатай*?)... всего смешного. Своими замечками он охотно делится с друзьями»⁴⁸.

7.3. Явление метафорического словообразования. К метафорическому словообразованию (нечасто встречающемуся в языке) относятся такие случаи, когда значение мотивированного слова возникает как переносное, причем мотивирующее слово не обладает данным переносным значением, а только является базой для реализации возможных ассоциативных смыслов, заложенных в нем. Например, в современном литературном языке к метафорическому словообразованию относится слово *небоскреб* (калька на материале английского языка). Метафорические номинации — одна из форм реализации творческой активности говорящих, один из приемов языковой игры. Метафорическое словообразование строится на общем явлении контраста между способом словесного определения (наименованием) и денотатом (именуемым). В результате несоответствия между именем и денотатом ожидания говорящего нарушаются, и возникает комический эффект. Явление метафорического словообразования характерно и для говора казаков-некрасовцев.

⁴⁷ Русская разговорная речь. 1983. С. 172—214.

⁴⁸ Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. Т. 1. Старая записная книжка 1813—1877. СПб., 1878—1896.

Например, такова семантика лексем говора: а) *судомойница* ‘неряха’ (от лексемы *судомой* ‘кто перемыкает в доме посуду, кухонную и столовую’⁴⁹); б) *голоплешка* ‘женщина с непокрытой головой’ (от слов *голый* ‘непокрытый’ и *плешь* ‘лысина от вылезших волос’⁵⁰).

7.4. Явление энантиосемии в ходе словообразования. К этому явлению относятся случаи такой мотивации, в ходе которой происходит поляризация основных семантических компонентов мотивирующего и мотивированного слов, употребляющихся в целях иронического отношения к собеседнику или предмету речи. Представляет собой прием наименования чего-либо словом, имеющим иной денотативный или сигнификативный смысл, как правило, со сниженной окраской. Экспрессивность создается контрастом между денотатом и наименованием. Энантиосемия характерна для значения лексем говора *толкушка*, *толкуша* (‘бестолковый, непонятливый человек’) в сопоставлении со значением их мотивирующего слова *толковать* (‘объяснять’): мотивирующее слово *толковать* обладает значением «объяснять», а мотивированные слова *толкушка*, *толкуша* включают в свою семантику антонимичный семантический компонент — «тот, кому *невозможно объяснить*».

7.5. Реализация постулата «выражайся ясно». Креативность языкового сознания носителей старообрядческого говора проявляется и в механизмах, с помощью которых они неосознанно стремятся соблюдать постулаты общения Г. П. Грайса, в частности, постулат способа — «выражайся ясно».

В говоре мы находим немало лексем, которые, будучи образованы от литературных лексем с помощью того или иного суффикса, являются идентичными им по своему значению: *хлеборобник* от *хлебороб* с аналогичным значением, *араненин* от *аран* с аналогичным значением, *французенин* от *француз* с аналогичным значением, *татаренин* от *татарин* с аналогичным значением. Данные лексемы выявляют тенденцию к избыточности морфематической структуры слова, ведь они полностью дублируют значение мотивирующих существительных, и их суффикс, на первый взгляд, не добавляет никакой новой информации, а только повторяет уже существующую. В то же время подобная избыточность усиливает информативность слова, помогает быстрее и точнее опознавать его словообразовательное значение по его финали, вроде бы бессмысленной и ненужной.

Подобные лексемы находим в разных лексико-тематических группах говора некрасовцев: *дитенок* ‘ребенок’ (от лексемы *дитя*), *двойнята* ‘близнецы’ (от лексемы *двойня*), *подпольник* ‘кусочек дешевого материала, вставляемый в полу балахона в месте, которое обычно скрыто под завеской’ (от лексемы *подпол*, имеющей в говоре идентичное значение), *вушкарник* ‘шнурок или матерчатый пояс у штанов’ (от лексемы *вушкар*, имеющей в говоре идентичное значение), *вершок* ‘верх,

⁴⁹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в четырех томах. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 4. С. 620.

⁵⁰ Там же. Т. 1. С. 916; Т. 3. С. 333.

лицевая сторона одежды' (от лексемы *верх*, имеющей идентичное значение), **котыры** 'женская обувь из грубой кожи, надеваемая вместо калош' (от слова *коты*, имеющего идентичное значение) и т. д.

Названная тенденция к избыточности морфематической структуры слова проявлялась в русском национальном языке на разных этапах его развития в различных формах. Так, в языке XVIII — начала XIX в. существовали словообразовательные варианты, состоящие из немотивированного либо мотивированного слова и этого же слова, усиленного суффиксом в соответствии со своим общим значением. В Сл. церковно-славянского и русского языка 1847 г. находим определенное количество подобных лексем: *азиат* — *азиатец*⁵¹, *садовод* — *садоводец*⁵², *плут* — *плутец*⁵³, *лесовод* — *лесоводец*⁵⁴, *овцевод* — *овцеводец*⁵⁵, *скотовод* — *скотоводец*⁵⁶ и т. д. Удивительно то, что описанное явление было характерно и для говора некрасовцев, живших в изоляции от «метрополии», в неславянском окружении.

По сути, названные словообразовательные процессы «островного» говора показывают нам естественную, словно происходящую стихийно, реализацию тенденций развития словообразовательной системы общенационального русского языка.

8. Приоритетность устной формы языка относительно письменной формы

Проявления этой черты мы видим в следующем: 1) в составе мотивированной лексики говора имеется значительное количество словообразовательных моделей с субъективно-оценочным значением; 2) в составе мотивированной лексики говора имеется значительное количество словообразовательных моделей со значением стилистической модификации; 3) в ряде фактов мы имеем свидетельства того, что образование мотивированного слова в говоре происходит именно от звучащей формы мотивирующей лексемы, а не от написанной. Первые две реализации названной особенности речевой деятельности некрасовцев подробно описаны в параграфах, посвященных словообразованию той или иной части речи, остановимся на третьей особенности.

Ряд фактов свидетельствуют о том, что образование мотивированного слова в говоре **происходит именно от звучащей формы** мотивирующей лексемы, а не от написанной (мужчины владели церковнославянским письмом, женщины писали на турецком, на современной кириллице носители говора не писали). Таковы существенные:

⁵¹ Словарь церковно-славянского и русского языка. СПб., 1847. Т. 1. С. 21.

⁵² Там же. Т. 4. С. 86.

⁵³ Там же. Т. 3. С. 231—233.

⁵⁴ Там же. Т. 2. С. 272.

⁵⁵ Там же. Т. 3. С. 43.

⁵⁶ Там же. Т. 4. С. 38.

- а) **воточка** ‘ласковое к водка’;
- б) **вотица** ‘фольклорное, водка’ (оба слова от мотивирующего слова общенац. яз. *водка* в его устной разновидности *вотка*, отражающей ассимиляцию по глухости);
- в) **лоточка** ‘рыбачья лодка небольшого размера’ (от мотивирующего слова общенац. яз. *лодка* в его устной разновидности *лотка*, отражающей ассимиляцию по глухости);
- г) **свясочка** ‘ласк. к *свяска*’ (от мотивирующей диалектной лексемы *свяска* («дон. повязка: узко сложенный платочек, которым молодые казачки повязывают по колпачку»⁵⁷), в ее устной разновидности *свяска*, отражающей ассимиляцию по глухости);
- д) **бессаласный** ‘беззубый, с впалыми щеками’ (от мотивирующей диалектной лексемы *салазки* ‘тмб. нижние скулы, челюсти’⁵⁸, в ее устной разновидности *саласки*, отражающей ассимиляцию по глухости);
- е) **арапенин** ‘араб’ (от мотивирующего слова общенац. яз. *араб* в его устной разновидности *аран*, отражающей процесс оглушение звонкого согласного на конце слова);
- ж) **потик** ‘низ русской печи’ (от мотивирующего слова общенац. яз. *под* в его устной разновидности *пот*, отражающей процесс оглушение звонкого согласного на конце слова).

Приведенные примеры свидетельствует о том, что образование новых слов в говоре происходит устным путем, в чем мы видим проявление различной иерархии устной и письменной форм русской речи в говоре некрасовцев и в общенац. яз.

9. Заимствование турцизмов как результат интерференции двух систем: говора и турецкого языка

Проживание в новой этноязыковой среде привело к взаимопроникновению языковых систем, находящихся в контакте. В результате появился целый ряд турецких заимствований (заимствований непосредственно из турецкого языка или заимствований из других языков, но через турецкий язык как посредник). Процессу интерференции способствовал билингвизм казаков-некрасовцев, свободно говоривших и писавших (результат обязательного обучения в начальной турецкой школе) на турецком языке. Некрасовцы, проживающие в Ставропольском крае, до сих пор нередко пользуются турецкими названиями различных предметов, а в Турции включение в русскую речь турецких слов было обычным делом:

*Дома на рускам, но многа слоф турецких, патаму што ну нет русских, што стари были, то знали. А новаи мы уже начинали па-турецки. Например, **симитка**, ета бублик, ета турки пякли, мы ни пякли. Кунжут там, на симитки, а у нас **сусан** называли, апсытан был. — Была простынь пададьная, мы называли **цах-цах**. — Калбаса па-нашему **суджук**. — Была у нас **панаирь**, ярманка, как тут называют. — Када малако пракиснить, и вот именна тада лёш закуску, называлася **мая**, мая называлася па-турецки. — Када к нам ф сяло, таргофцы приижжали, «**нитки-макар**»*

⁵⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в четырех томах. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 4. С. 92.

⁵⁸ Там же. Т. 1. С. 11.

*назывались, турак хадил и продавал нитки, иголки, персни, сирёжычки, на яишки мяняли. Пакупали «**растык**» — краска для бравей.*

Корпус заимствований по своей тематике разнообразен: номинации предметов домашнего хозяйства, одежды, украшений, продуктов, кушаний, растений, приспособлений для рыбной ловли и т. п. Подробно турцизмы в говоре казаков-некрасовцев описаны в разделе «Имя существительное» и «Фразеология». Влияние турецкого языка прослеживается и в грамматике: возможно, под его влиянием активно перестраивалась система грамматического рода в говоре.

Таковы общие лингвокультурологические характеристики говора казаков-некрасовцев. Изучение записей речи, сказок, преданий старообрядцев казаков-некрасовцев открывает мир русского человека, живущего в XX—XXI вв., но мыслящего и говорящего как человек эпохи XVII—XVIII вв., иногда как человек эпохи средневековья.

Судьба казаков-некрасовцев — уникальное явление в истории русского народа. Их говор — это «островной» русский говор, развивавшийся в течение двух с половиной веков в иноязычном окружении, в изоляции от общенационального русского языка и родственных диалектов и сохранившийся как южнорусский, генетически донской говор в его архаическом виде.

Необходимо отметить, что в течение двух с половиной веков говор казаков-некрасовцев развивался в изоляции от общенационального русского языка, в том числе и от его материнской основы — донского говора, а также вне связи с другими русскими говорами. Литературный язык как высшая форма национального языка и любые другие формы национального языка не оказывали никакого влияния на формирование говора некрасовцев. В то же время говор некрасовцев и русский национальный язык развивались по одним и тем же законам и тенденциям развития русского языка, конкретные реализации которых могли и различаться. В связи с этим считаем целесообразным сопоставление системы говора казаков-некрасовцев, с одной стороны, с системой общенационального русского языка, частью которого, хотя и островной, является говор некрасовцев, а с другой стороны, с литературным языком как высшей формой национального языка, к тому же наиболее изученной из всех форм бытования русского языка.

Сопоставление с общенациональным языком (на основе материалов Толкового словаря живого великорусского языка В. И. Даля) дает возможность охарактеризовать лексикон говора с точки зрения происхождения: часть лексики существовала в нем до исхода некрасовцев из России, часть — возникла или была заимствована уже в эмиграции. Сопоставление с литературным языком позволяет выявить различные виды реализации одних и тех же процессов, характерных для семантики, морфологии, словообразования, фонетики в литературном языке и в говоре казаков-некрасовцев.

В данном исследовании говор некрасовцев впервые подвергается комплексному системному уровневому анализу во всей своей целостности.

4. ПОДХОДЫ И МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИКИ ГОВОРА КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ

В данном параграфе мы излагаем основные теоретические положения, на которых базируется исследование лексики всех частей речи говора казаков-некрасовцев. В первую очередь, это главы, посвященные 1) идеографическому описанию лексики соответствующих частей речи и 2) системному описанию лексики соответствующих частей речи говора⁵⁹.

Семасиологический подход к исследованию словарного состава языка означает внимание к его внутренней семантической структуре, рассматривает лексику как систему, что является традиционным для русской лексикологии. Идея системности лексики была выдвинута первоначально в работах М. М. Покровского, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова и вызывала и вызывает к себе различное отношение со стороны лексикологов в силу специфичности как самой лексики, так и ее классификации.

Лексическая система является наиболее сложной по своей организации и структуре. Л. А. Новиков пишет: «Эта система включает в себя такое большое количество связанных самыми различными отношениями элементов, что их системность представляется труднообозримой или даже ставится под сомнение»⁶⁰. Эта сложность объясняет возможность существования различного членения лексики и выделения различных классов, группировок, разрядов в одном и том же материале.

Лексическая система языка (как наиболее сложная) труднее других частных языковых систем поддается анализу и описанию. Д. Н. Шмелев объяснял это тем, что во многих случаях границы лексических единиц оказываются «размытыми», а сами единицы семантически недостаточно определенными: ср. пометы в словарях «обычно», «преимущественно», «главным образом» (*роща* — «небольшой, *обычно* лиственный лес», *ядрица* — «крупная, из нераздробленных зерен крупа, *преимущественно* гречневая» и др.)⁶¹.

Дискретность лексических единиц языка вступает в противоречие с континуальностью выражаемого ими содержания, вследствие чего в ряде случаев оппозиции лексических единиц не могут быть представлены как определенные. Например, таковы случаи, когда дискретные единицы языка овнешняют недискретное означаемое (участки действительности с меняющимися, без четких границ, свойствами); к ним относятся и лексемы с отвлеченным значением, и традиционные наименования цветового спектра. А. Г. Лыков так пишет об этом: «незернистость» континуальности превращается в «зернистость» дискретности, а еще точнее — в «квазизернистость» дискретности»⁶².

⁵⁹ Впервые идеографическое описание лексики говора казаков-некрасовцев было представлено в книге: Семантический словарь казаков-некрасовцев с лингвокультурологическим комментарием / Отв. ред. В. М. Грязнова. Ставрополь: Сервисшкола, 2012.

⁶⁰ Новиков Л. А. Семантика русского языка. М., 1980. С. 60.

⁶¹ Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973. С. 20—21.

⁶² Лыков А. Г. Опыт модели языка. Краснодар, 1999. С. 7.

Особенности лексики как системы обусловлены объективными свойствами отражаемого мира, фактами действительности. Согласно теории лингвистической относительности Сепира—Уорфа, реальность мира по-разному анализируется, отражается и членится в лексико-семантической системе различных языков. В зависимости от специфики языковой системы конкретного языка, отражающей определенную культурную (когнитивную) картину мира данного этноса, создаются различные языковые воплощения объективной действительности, то или иное видение мира. Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или иные явления в зависимости от языковых навыков и норм своего общества. Различная сегментация действительности в языке зависит от специфики и инвентаря языковых средств, фактов культуры, истории, менталитета народа, самой диалектики отражения внеязыкового мира в сознании.

В нашем исследовании применяются одновременно два подхода к рассмотрению семантики слова — семасиологический и ономасиологический. Семасиология и ономасиология как теория значения и теория обозначения в современной лексической семантике являются двумя методами в рамках одной общей науки, исследующей один и тот же феномен с различных сторон. Это проявляется, в первую очередь, в принципах выделения классов слов и их иерархии в процессе описания лексики казаков-некрасовцев, а также в раскрытии и описании самого характера выделенных классов, групп и разрядов.

Классы слов — это иной, чем лексическая парадигматика, способ представления и интерпретации лексики как системы, являющийся более важным в силу того, что словарный состав является сложной и многослойной сетью, которая образуется пересекающимися связями отдельных слов друг с другом. «Классы слов существуют в виде более или менее широких объединений слов, представляющих собой словесные парадигмы, более объемные и более сложные, чем словесные оппозиции, которые входят в такие парадигмы в качестве составных частей»⁶³. В основе любого класса слов лежит принцип сходства слов по каким-либо общим компонентам.

Наиболее общими и приоритетными макроклассами слов в разрабатываемом исследовании лексики говора казаков-некрасовцев являются части речи (ономасиологический, понятийный подход). Членение словарного состава на части речи — это исходное членение лексики, оно представляет собой высшую ступень отвлечения от лексических значений всех тех слов, которые входят в данную часть речи и ее образуют. Частеречное членение словарного состава говора казаков-некрасовцев в нашем исследовании представлено как следующие подсистемы: 1) дейктические слова (местоимения); 2) именующие слова (существительные, прилагательные, глаголы, наречия и предикативы, числительные); 3) связывающие слова (союзы, предлоги); 4) квалифицирующие слова (частицы, междометия). Названные подсистемы слов дифференцируются по частным лексико-тематическим и семан-

⁶³ Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. М., 1989. С. 69.

тическим составляющим на макроклассы, с их собственным многоступенчатым членением, предстающим в виде лексического дерева.

Так, именующие слова делятся на макроклассы: 1) именующие предмет (имена существительные); 2) именующие непроцессуальный признак (имена прилагательные); 3) именующие предмет или непроцессуальный признак по числу, количеству (имена числительные); 4) именующие признак предмета или признака (наречия); 5) именующие процессуальный признак (глаголы).

Среди классов и подклассов макрокласса именующих слов встречаются как лексические множества (подмножества), получившие названия лексико-тематических групп, так и лексические множества (подмножества), называемые лексико-семантическими группами. Классической лексико-тематической группой являются имена существительные с конкретно-предметным значением, например названия частей человеческого тела, названия животных, растений, построек и т. д. Единство элементов лексико-тематических групп определяется прежде всего денотативным фактором, общностью самих явлений. Например, таков лексико-тематический разряд наименований «Названия сортов растений» подгруппы «Овощеводство» группы «Земледелие и растениеводство» в говоре казаков-некрасовцев: *горчица* [гарчица] — ‘стручковый перец’; *думать* [думать] — ‘помидор’; *майдоноз* [майданос] — ‘петрушка’.

Конечной единицей лексического дерева, репрезентирующего системный характер говора казаков-некрасовцев, является лексический ряд, объединяющий словозначения, находящиеся в отношениях семантической близости того или иного рода (синонимической, метонимической, метафорической, ассоциативной, части или целого) или семантической противопоставленности (антонимической, гиперо-гипонимической противопоставленности). Например, в лексико-тематическом разряде наименований «Названия сортов растений» в говоре казаков-некрасовцев находим: 1) лексико-семантический ряд, в котором вербализуются различные гипонимы гиперонима «дыня» (в говоре для него нет «своего» наименования) — *кочанка* [качанка], *комовка* [камофка], *шапшыковка* [шашлыкофка], различающиеся по сорту; 2) лексико-семантический ряд, в котором вербализуются различные гипонимы гиперонима *кабак* (‘тыква’) — *тамбулка* [тамбулка], *русканка* [русканка], *перехватка* [пиряхватка], различающиеся формой (соответственно круглая и *пиривязанная, как французские бабы патпашуца*).

В целом в нашем исследовании лексики говора казаков-некрасовцев лексическая система представлена как сложная система, состоящая из следующих уровней и звеньев:

1) частеречные подсистемы слов (понятийные объединения, которые далее дифференцируются);

2) лексические макроклассы, представляющие собой членение каждого частеречного понятийного макрокласса и имеющие вид лексического дерева, каждая ветвь которого возглавляется словом или словосочетанием, выражающим семантическую доминанту данного лексического класса;

3) лексические множества (и подмножества), представляющие собой дальнейшую дифференциацию ветвей лексического древа (классы, лексико-тематические группы, подгруппы, разряды);

4) лексико-семантические ряды, объединяющие словозначения, находящиеся в отношениях семантической корреляции.

Элементарной единицей словарного описания лексики говора казаков-некрасовцев является лексическое значение слова, которое входит в конечный лексико-семантический ряд и через него в общую лексическую систему описываемого говора во всей его разветвленности и многоступенчатой организации.

Основная задача исследования — выявить и описать исторически сложившуюся в говоре, им самим созданную картину мира. Эта картина, во-первых, включает мир реалий казака-некрасовца, всего того, что познано и осмыслено им в материальном и духовном мире; во-вторых, в ней отражена сеть связей и отношений между всем существующим, зафиксированная в сознании казака-некрасовца; в-третьих, в ней открывается система оценок казаком-некрасовцем всего того, что существует и происходит в материальном и духовном мире людей.

Раздел 1

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИДЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

Макрокласс «Имена существительные» на первом уровне дифференциации представлен в лексике говора казаков-некрасовцев тремя классами: 1) «Абстрактные отношения и формы существования материи»; 2) «Неорганический мир»; 3) «Органический мир».

1. КЛАСС «АБСТРАКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ МАТЕРИИ»

Класс «Абстрактные отношения и формы существования материи» представлен в говоре такими лексико-тематическими подклассами: 1) «Существование, бытие»; 2) «Пространство»; 3) «Форма»; 4) «Время»; 5) «Изменение»; 6) «Движение»; 7) «Количество, величина»; 8) «Качество»; 9) «Отношение»; 10) «Порядок»; 11) «Причинность» (данная классификация основана на классификации из словаря В. В. Морковкина)⁶⁴.

Присутствие класса «Абстрактные отношения и формы существования материи», хотя и не самого многочисленного среди других классов («Неорганический мир», «Органический мир»), является важным и значимым показателем активной деятельности языкового сознания казаков-некрасовцев по формированию абстрактных понятий и обобщенных наименований форм существования материи.

Самые многочисленные подклассы — это «Существование, бытие» и «Количество, величина». Самые малочисленные подклассы — это «Изменение», «Порядок», «Причинность».

1.1. Подкласс «Существование, бытие» представлен главным образом следующими группами: 1) «Событие, факт»; 2) «Действительность».

В группе «Событие, факт» преобладают номинации негативных событий. Так, некрасовец выделял номинации, связанные с войной и миром:

а) **Мир** [мир] — ‘отсутствие войны’ (*Коли мир, мы не служили*). **Розмир** [розмир] — ‘нарушение мира’ (*З данцами в розмир видалися, да какая ета виданя*). **Руина** [руина] — ‘война’ (*Там началась вайна — мы называли руина*). **Примирие** [примирийа] — ‘перемирие’ (*Сказали, што примирие*). **Сполох** [спалох] — ‘тревога, переполох’ (*Паламали дагавор, сполох начался*).

⁶⁴ Лексическая основа русского языка / Под ред. В. В. Морковкина. М.: Русский язык, 1984.

Далее идут номинации таких событий, как невзгоды, неприятности:

б) **Брань** [брань] — ‘ссора’ (*Брани ни хочица*). **Жаль** [жаль] — в знач. ‘невзгода, страдание’ (*Такою жаль пирьнасили*). **Изнавага** [изнавага] — ‘обида, притеснение’ (*Какую пирьжывали изнавагу*). **Пережитки** [пиряжытки] — ‘переживания, невзгоды’ (*Такии пиряжытки на нашу душу*). **Страждание** [стражданийя] — ‘страдание’ (*Скока страждания была*).

В группе «Событие, факт» также выделяются номинации болезней, физических и душевных:

в) **Вреда** [вряда] — ‘вред’ (*Типерь вряды ни делать*). **Скукота** [суката] — ‘скука’ (*Суката жы*). **Худоба** [худаба] — ‘болезни, эпидемия’ (*Патом жоны мёрли, худоба была*).

В группе «Действительность» имеются такие подгруппы:

а) отдых: **Спачив** [спачиф] — ‘сон’ (*Паши на спачиф*). **Отдышка** [аддышка] — ‘отдых’ (*Пашил на аддышку*);

б) обряд как основная форма жизни некрасовца: **Обрядок** [абрядак] — в знач. ‘обряд, обычай’ (*Ета такой абрядак*);

в) смерть: **Умеретие** [умертия] — ‘состояние по глаголу умирать’ (*Гаварил да умеретия*).

1.2. Подкласс «Пространство» представлен следующими группами:

1) «Расстояние»:

Глыбь [глыпь] — ‘глубина’ (*Глыбя балшыи были*). **Глыбя** [глыбя] — ‘глубина’ (*Ани папиритопли там в глыбе*);

2) «Ограниченное пространство и неограниченное пространство»:

Долоба [дълаба] — ‘тропинка’ (*В поли — дълаба*). **Дорога** [дарога] — ‘улица’ (*Па этой дароги рускии живут*). **Краина** [краина] — ‘окраина’ (*Градабития тольки краину тронула*). **Нёбо** [нёба] — ‘небо’ (*И нёба гарить*).

1.3. Подкласс «Форма» представлен группой «Определенная форма или характеристика формы». Это формы:

а) биофактов: **Бугрина** [бугрина] — ‘холм, возвышенность’ (*Церква была иде бугрина*). **Полугорье** [палугорья] — ‘косогор’ (*На аронки с полугорья спускаисся*). **Падина** [падина] — ‘равнина’ (*Гарская места, падинах ни было сафсем*);

б) артефактов: **Жарёха** [жарёха] — ‘форма для выпечки хлеба’ (*Жарёхи стоять на пату*). **Кат** [кат] — ‘слой, ряд’ (*В два ката надявали нитку*) — турецк. *kat* ‘этаж’. **Мечик** [мечик] — ‘мячик’ (*Мечики ис шерсти делали*). **Ровнота** [равната] — ‘ровная часть предмета’ (*Ета равната*). **Щелка** [шэлка] — в знач. ‘отверстие, дырка’ (*Праварачивалась шэлка*).

1.4. Подкласс «Время» представлен следующими группами:

1) «Временной отрезок»:

Вутри [вутри] — ‘утро’ (*Вутри идём на винаградник*). **Годовинка** [гъдавинка] — ‘годовщина’ (*Гъдавинку справлять нада*). **Ночушка** [ночушка] — ‘ласк. к ночь’ (*Фсю*

ночушку ни спала). **Обед** [абет] — ‘прием пищи утром’ (*Абет бываить утром*). **Сумерк** [сумерк] — ‘сумерки’ (*Работаим да сумерку*);

2) **«Временная точка»:**

Пондли [пондли] — ‘полдень’ (*Ета двинаццать часох, пондли*).

1.5. Подкласс «Изменение» представлен одной группой — **«Общие понятия»:**

Повороты [повъраты] — ‘наступление зимы’ (*Повраты паили на зиму*).

1.6. Подкласс «Движение» представлен группой **«Перемещение»**. Номинации этой группы демонстрируют их тесную связь с трудовой деятельностью, а также бытом казака-некрасовца. Преобладают номинации такого вида движения, как перемещение, в их составе прежде всего выделяются наименования средств перемещения грузов у некрасовцев (*аробка, гарба, стругочки*), присутствуют также наименования средств перемещения как предметов труда казаков-некрасовцев (*лоточка*) и общественных средств перемещения (*сухопутка*):

Аробка [аропка] — ‘тележка’ (*Павёс на аропки*). **Гарба** [гарба] — ‘арба’ (*Къляса у гарбы суцельнаи*). **Стругочки** [стругачки] — ‘ручные сани для перевозки груза’ (*Стругачки пхали на ляду*). **Лоточка** [лотачка] — ‘небольшая рыбацкая лодка’ (*Сваими лотачками пирьплывали Мрамарская моря*). **Сухопутка** [сухапутка] — ‘поезд на железной дороге’. (*Сухапутка — ета поист*).

1.7. Подкласс «Количество, величина» представлен рядом групп:

1) **«Расчлененное количество»**. В номинациях этой группы ярко проявляется их связь с трудовой деятельностью и бытом некрасовца. Существительные, называющие расчлененное количество, — это наименования наделов земли, комков земли, крупинок масла, сахара:

Глыбина [глыбина] — ‘комок земли, глыба’ (*Вон хватить глыбину и брасаить*). **Деяница** [диляница] — в знач. ‘надел земли’ (*Диляница — ета мой пай*). **Котушок** [кутушок] — ‘комочек’ (*Кутушок маслы*). **Крупка** [крупка] — ‘крупинка’ (*Маслинная масла садицца крупкими*). **Пай** [пай] — ‘надел земли, участок поля’ (*На наших паях харошый урод был*) — турецк. *paу* ‘часть, участь, доля’;

2) **«Определенность количества»**. Существительные, называющие определенность количества, — это номинации определенного количества зерна (*гарс*), определенного количества корма (*пригорша*), определенного количества груза, который может нести один человек (*ноша*):

Гарс [гарс] — ‘ковш, служащий мерой зерна’ (*Гарс — ета каронка*). **Ноша** [ноша] — ‘груз объемом в полмешка’ (*Нес целую ношу, полмяшка агурцоф*). **Пригорша** [пригорша] — ‘пригоршня’ (*Полную пригоришу бурчака кинул*);

3) **«Параметры величины»**. В параметрах величины казака привлекали такие, как длина и ширина:

Длинина [длина] — ‘длина’ (*Лотачка была семь метрах длинину*). **Длинка** [длинка] — ‘длина’ (*Садеи сетки да тысячи метрах длинку*). **Долина** [далина] —

‘длина’ (*Лотачка была восим метрах далина*). **Ширка** [шырка] — ‘ширина’ (*У сетки — ширка полсажыня*);

4) «Единицы измерения». Номинации единиц измерения для некрасовца связаны с пространством и жидкостями. Необходимо отметить бытование в говоре некрасовцев архаической единицы измерения: это номинация **ступень** — ‘величина, равная размеру ступни’:

Версто [вярсто] — ‘верста’ (*На вярсто нада итить*). **Ступень** [ступень] — в знач. ‘мера длины, равная размеру ступни’ (*Ступиной на десить вверх*). **Ока** [вока] — ‘мера жидкости в Турции, штоф’ (*Вазьми воку, а ни то две, вдрух праябним*). **Галун** [галун] — в знач. ‘мера жидкости, галлон’ (*Взяли галун спирта да склянку вотки*).

1.8. Подкласс «Качество» представлен группой «Оценка общая и частная». Материал показывает, что некрасовец ценит: а) красоту человека, ситуации (*лепота, хорошина*); б) добротность вещи, качество жизни (*доброта, хорошение*); в) прочность как артефактов, так и нравственных принципов (*крепость*); г) трудолюбие (*зависть*):

Лепота [лепута] — ‘торжеств. красота’ (*Лепута закрылася*). **Хорошина** [хърашына] — абстрактное свойство по прилагательному **хороший** в знач. ‘прекрасный’ (*На паску бывальча хърашына, красива*). **Доброта** [дабрата] — ‘хорошее качество вещи, продукта’ (*Такая дабрата, фкусная диривяная масла*). **Хорошение** [хърашения] — состояние по глаголу **хорошеть** в знач. ‘становиться лучше’ (*Ни было хърашения*). **Крепость** [крепасть] — в знач. ‘твердость, верность принципам, национальным традициям’: *Сколька жыли ф Турсии, ня дали и ня взяли ни адну дефку замуж за сибє, и платю сваю ни смянили — вот крепасть имели* (Сл. Сердюковой, с. 117). **Зависть** [зависть] — ‘трудолюбие’ (*У ниё зависть, ни хатить, штобы сидеть*).

1.9. Подкласс «Отношение» представлен группой «Определенные отношения». Это номинации, называющие прежде всего отношения человека в социуме (лексемы *клятьба, ответственность, покор, помога, спасенье, тяжба, питимья*):

Клятьба [клядьба] — ‘клятва’ (*Клядьбу дали вирнуцца*). **Преступочка** [приступачка] — ‘провинность, проступок’ (*За маленькую приступачку били*). **Ответность** [атветнасть] — ‘ответственность’ (*Дал такую атветнасть*). **Покор** [пакор] — в знач. ‘позор’ (*Наша сястра пакор ни зделада нашыму роду*). **Помога** [помага] — ‘помощь’ (*Помаги нам няма*). **Спасенье** [спасиня] — ‘благодарность’ (*Вам спасиня за ета*). **Тяжба** [тяжба] — абстрактное существительное по глаголу **тягаться** в знач. ‘спорить, ссориться, спор’ (*Ф кантори тяжба стаить*). **Питиня** [питиня] — ‘церковное наказание за грехи, епитимья’ (*Пайдёш к батюшки каицца, он тибя накажыть, дасть питиню несть, ета питиня называицца*).

1.10. Подкласс «Порядок» представлен двумя группами:

1) «Оценка соответствия норме»:

Ряд [рят] — ‘порядок’ (*Няма ряду*). **Ряда** [ряда] — ‘порядок’ (*Мы жа ни знаим ряды*);

2) «Порядок следования»:

Жереб [жерип] — ‘жеребий’ (*Жерибы кидали*).

1.11. Подкласс «Причинность» представлен следующими группами:

1) «Сила»:

Мочь [мошь] — ‘сила’ (*Иде ана мошь найдётъ*).

2) «Удача»:

Спорина [спърина] — ‘счастье, удача’ (*Бох спърины ня дастъ*).

3) «Предопределение»:

Часть [часть, щастъ] — в знач. ‘участь, доля’ (*Наша часть была такая*).

2. КЛАСС «НЕОРГАНИЧЕСКИЙ МИР»

Данный класс представлен тремя лексико-тематическими подклассами: 1) «Космос»; 2) «Земная поверхность»; 3) «Атмосферные явления».

2.1. Подкласс «Космос» представлен одной лексико-тематической группой «Звезды и планеты». В ней можно выделить:

а) названия созвездий: **Арба** — ‘созвездие Большая Медведица’ (*Арба — семь звёздах*). **Карауши** — ‘созвездие Большая Медведица’ (*Карауша — Бальшая Мидьведица*). **Коромысли** — ‘созвездие’ (*Тут Зажары, а тут Карамысли*). **Кадило** — ‘малое созвездие в виде звезд альфа и бета в созвездии Центавра’ (*Кадила — два звезда*). Кроме того, существуют и составные наименования: **Арбяная дорога**, **Матвеева дорога** — ‘скопление звезд в виде светлой полосы, Млечный Путь’. **Петров Крест** — ‘созвездие Южный крест’.

б) названия конкретных звезд, планет: **Зарница**, **Жарница**, **Зорька**, **Заревая звезда** — ‘планета Венера’ (*Зарница бываитъ на утрам. — Жарница выкатываица — да света асталася два-три часы. Зорька, ана здаровая*). Существуют и составные наименования: **Бурлацкое солнышко** — ‘луна’. **Прикол-звезда** — ‘Полярная звезда’.

2.2. Подкласс «Земная поверхность» представлен одной лексико-тематической группой «Определенный участок земной поверхности».

Земля для казаков-некрасовцев, так же как и для всех славян, соединяла в себе основную рождающую силу и надежное убежище для мертвых. Уважительно и ласково называл казак-некрасовец землю **Земь** (фонетический и грамматический вариант общенац. слова *земля*) и **земличка**.

В говоре отражено преобладание определенного ландшафта. Это небольшие холмы, пригорки, перемежающиеся с равнинами и водоемами: ручьями, родниками, болотами, озерами, реками. Этот ландшафт характерен прежде всего для природы низовьев Дона. Кроме того, рельеф устья реки Энос и озера Майнос, т. е., той территории Турции, на которой поселились казаки-некрасовцы, также характеризовался подобным разнообразием ландшафта.

В лексико-тематической группе «Определенный участок земной поверхности» подкласса «Земная поверхность» можно выделить такие подгруппы: 1) названия возвышенных мест; 2) названия равнин; 3) названия водоемов и их частей, заболоченных участков. Наибольшее количество слов говора, именующих участки земной поверхности, — это названия водоемов и их частей.

Так, очень распространены наименования **озер, их видов, частей озера и явлений, связанных с ним** (течений, волнений у берегов, мелких мест, видов берегов):

Лиман [лиман] — в знач. ‘озеро’ (*Вада слаткая в лимани, сазан, цука, сом ловицца*). **Озер** [озир, возир] — ‘озеро’ (*Акрух нас возир был*). **Коблы** [каблы] — ‘озеро, поросшее камышом, плавни или болотистое место’ (*Там каблы здороваи, плавни*). **Мелка** [мелка] — ‘мелкое место в озере у берега, где поят скот’ (*Паили на мелку за кизяками*). **Меляк** [миляк] — ‘мель’ (*Мелкии мяста — ета миляки*). **Рынок** [рынак] — ‘пологий берег озера, заливаемый водой’ (*Высыхаить зямля — ета называицца рынак*). **Усынок** [усынак] — в знач. ‘залив озера’ (*Лиман, ат ниво усынак идёть*). **Бурун** [бурун] — ‘волна’ (*Бурун идёть, а камыш ни дапускаить*). **Быстря** [быстря] — в знач. ‘волнение в озере’ (*Быстря идёть, буруны*).

Также распространены наименования **частей рек, ручьев, родников** (течений, волнений у берегов, видов берегов):

Гирла [гирла] — в знач. ‘устье реки’ (*Гирла, ета када речка вытикаиць в лиман*). **Ерик** [ерик], **Перетяжка** [пиритяшка] — ‘рукав реки или озера, пролив’ (*Пиритяшка, такой ерик ф калена, рыбы многа*). **Яр** [яр] — ‘крутой, обрывистый берег реки’ (*Яр — абрыф окъла речки*). **Ручак** [ручак] — ‘ручей, родник’ (*Ручак — ета где вада сама тичёть из гары*). **Рудник** [рудник] — ‘родник’ (*Рудник из зямли бёть*). **Быстря** [быстря] — в знач. ‘быстрое течение на середине реки’ (*Рыба идёть на быстру*). **Коловерть** [колавирть, колвирть] — ‘водоворот’ (*Колавирть — вада в речки быстра бжыць*).

Названия **заболоченных участков** в говоре казаков-некрасовцев также присутствуют, но занимают меньшее место:

Загрядок [загрядак] — ‘болотистое место, отделенное от озера возвышенностью, грядой’ (*Там загрядок: зарасли, камыш*). **Запша** [запша] — ‘болото, поросшее камышом’ (*Запша — балота камышовая*). **Мочаги** [мачаги], **Музга** [музга] — ‘низкое место, залитое водой и поросшее камышом’ (*Музга — малый залифчик окала ерика, мачаги*).

Хотя жизнь некрасовцев на чужбине была связана с морем, наименований, связанных с морем, в говоре мало:

Гирла [гирла] — в знач. ‘пролив’ (*Бегли в Дарданельскую гирлу*). **Зыб** [зып] — ‘крутая волна во время волнения на море’ (*Зыба идуть, ани сплёскиваюцца*).

Названия **возвышенных мест и равнин** в составе лексики говора казаков-некрасовцев представлены примерно в одинаковом количестве.

Названия возвышенных мест:

Бугрина [бугрина] — ‘холм, возвышенность’ (*А на вясну вада з бугрины уходит*). **Грядина** [грядина] — в знач. ‘возвышенное место, не затопляемое водой во время

весеннего разлива' (*Грядину ни тапила вада*). **Полгорка** [палгорка], **Полугорка** [палугорка] — 'пригорок' (*Жыли на палгорки, нивяликая пълугорка*). **Полугорье** [палугорья] — 'косогор' (*С полугорья далаба шла*).

Названия ровных мест:

Майдан [майдан], **Площина** [плашшына] — 'ровное место, равнина' (*Майдан — равнина на поли, выйдиш, а там плашшына*). **Падина** [падина], **Падинашка** [падинашка] — 'равнина, низина' (*В падинашьках растуць грибы*). **Плешина** [пляшына] — 'поляна' (*Пляшыны в лясу*).

2.3. Подкласс «Атмосферные явления» состоит из следующих групп: 1) «Наименования ветра»; 2) «Наименования, связанные с дождем, со снегом и холодом»; 3) «Наименования, связанные с засухой».

Ветер признавался в древнерусской мифологии воплощением грубых хаотических сил. В сказках ветры олицетворялись в облике четырех братьев: Северного, Южного, Западного и Восточного ветров. Славянин считал, что в ветре соединяются и благотворные, и разрушительные начала.

Значительное количество названий ветра и атмосферных явлений, обусловленных ветром, а также названий, связанных с дождем, в говоре казаков-некрасовцев объясняется тем, что их основным видом трудовой деятельности было рыболовство и их промысел зависел от погоды.

В говоре казаков-некрасовцев находим диалектные названия ветра вообще — **Воздух**, Восточного ветра — **Восток**, Северного ветра — **Караель** (от турецк. *kara uel* — 'холодный ветер'), Южного ветра — **Полудёнка**, Западного ветра — **Моряна**: *Ветры — восток, пълудёнка, маряна — з гор идёть. — Кърайель падул, ета как сеvirный; — 3 Дюняней маряна — дош ажыдай. — Пълудёнка тянить — южный воздух*⁶⁵.

Многие атмосферные явления, связанные с ветром, казак-некрасовец нередко называл одним словом:

Кура [кура], **Незгода** [нязгода, низгода], **Фуртуна** [фуртуна] — в знач. 'ветер со снегом' (*Кура — сильной снех идёть с ветрым. — Фуртуна, стыть идеть. — Низгода была, снех, стыть*). **Рукав** [рукаф], **Труба** [труба] — 'вид бури, порождаемой ветром, смерч' (*Рукаф набираить воду, крышу тянить, ни убяжыш. — Труба и на мори, и на сухом*). **Фуртуна** [фуртуна] — в знач. 'буря на море' (*Лотка мелкая, как схватила фуртуна и пъясла*)⁶⁶.

Определенное количество наименований атмосферных явлений в говоре казаков-некрасовцев связано с дождем и его спутниками — молнией, тучами, туманом, приметами дождя:

⁶⁵ Примеры приведены из: Сердюкова О. К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 2005. С. 44, 98, 211.

⁶⁶ Там же. С. 301.

Дождечочек [дажжычѣчик] — ласк. ‘дождь’ (*Дажжычѣчик праиол*). **Молонья** [мъланья, мъланя] — ‘молния’ (*Мъланья свиркаить, гром*). **Туманец** [туманиц] — ‘небольшой туман’ (*Туманиц трохи был*). **Чернядь** [чернить] — ‘грозовая туча’ (*Чернить — хмарная туча*). **Солнца уха** — ‘особый вид солнца и солнечных лучей, бывающий перед дождем’ (*Уха бывають с абоих старон, сонца уха, на ветир и на дош*)⁶⁷.

Наименования, связанные с обозначением холодной и морозной погоды, являются менее многочисленными, что обусловлено климатическими особенностями, характерными для места проживания некрасовцев в Турции:

Стыдь [стытъ] — ‘холод’ (*Стытъ стаить, гьлалѣт*). **Ледина** [лядина] — ‘сильный холод’ (*Ф хати лядина стаить*). **Крыга** [крыга] — ‘льдина’ (*А мы на крыги астался*). **Перелом** [пирилом] — ‘крепкий осенний лед’ (*Пирилом — када крепицца лѣт*). **Бель** [бель] — ‘морозный иней, рисунок на стекла’ (*Бель на акошках*).

Наименования, связанные с обозначением сухой погоды, засухи являются немногочисленными в говоре:

Погода [пагода], **Сухмень** [сухмень], **Сухота** [сухата] — «засуха, сушь» (*Дажжычоч бы убил пагоду. — А у нас сухмень. — Сухата, дожжжу няма*).

3. КЛАСС «ОРГАНИЧЕСКИЙ МИР»

Класс «Органический мир» состоит из следующих подклассов: 1) «Человек»; 2) «Трудовая деятельность»; 3) «Быт».

3.1. Подкласс «Человек»

Вводные замечания. Майносская ветвь некрасовцев жила вдали от русских границ изолированно и замкнуто. Благодаря этому казаки-некрасовцы сохранили самобытную традиционную русскую культуру: язык, национальную и религиозную идентичность, уклад жизни (быт, ремесла), фольклор.

По своему вероисповеданию казаки-некрасовцы являются старообрядцами белокриницкого согласия в юрисдикции Русской Православной старообрядческой церкви, центр которой расположен в Москве на Рогожском кладбище. Приходы некрасовцев входят в состав Донской-Кавказской епархии⁶⁸.

Сохранение своего этноса требовало от казаков-некрасовцев контроля над отношениями населения с другими нациями. Брак мог быть заключен только между членами общины. Известны случаи, когда майносы брали в жены чужих женщин, но это были обязательно казачки. Отдавали на сторону своих женщин только дунайским казакам из Гамидие. На 99 % майносская община оставалась эндогамной.

⁶⁷ Примеры приведены из: Сердюкова О. К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 2005. С. 300.

⁶⁸ Денисов Н. Г. Казаки-некрасовцы сегодня // Казаки-некрасовцы. Сборник материалов из архивов Новокумского филиала музея изобразительных искусств. Ставрополь, 2009. С. 57.

Вот какие слова приписывал фольклор Игнату: «Ой, да вы же донские казаки, а вы с турками не соединяйтесь, а вы с ними не общайтесь, они самые враги наши, преступники, они и религии нашей не исполняют»⁶⁹.

Жилища казаков-некрасовцев строились так же, как и на Дону, и представляли собой «своеобразный вариант модели жилища аграрного общества, включавший в себя весь мир производства и потребления семьи, где, как правило, было 8—12 детей»⁷⁰.

Русский путешественник В. И. Иванов-Желудков так описывает свои впечатления от посещения дома некрасовца на Майносе в 70-х гг. XIX в.:

Я ослеп и остолбенел. Думал попасть в курную избу, и вдруг мне показалось, что я в гроте у Монте-Кристо. Хата была так чисто выбелена, что мне показалось, будто она выточена из куска мела или мрамора. Глиняный пол был гладок и чист, как не знаю что. Кругом стены стояли лавки, покрытые коврами. В переднем углу темнели образа. Слева от двери была печь. На углу печи горел светец — свечи еще неизвестны на Майносе..., хата отличалась такой чистотой, таким удобством и такой нарядностью, что я просто изумился⁷¹.

Вот как описывают свой дом на Майносе некрасовцы старшего поколения:

В Турции был собственный дом. Все жили в одном большом доме. Рядом с домом небольшой приусадебный участок. В домах очень чисто. Вокруг дома сажали много цветов. Землю покупали. Каждый год платили налог за дом и землю. Всего было 40 дюлюмов. Коридор назывался лапас, а комната — хата. Парадной комнатой для гостей считалась хата. Для приготовления пищи — кухня. Дома отапливались русскими печами. Топили дровами. Дрова покупали возами. Дома строили из самана. Стены в доме обмазывали волнообразно: мазали рядами слой глины, а затем пальцами ровненько проводили горизонтальные полоски. Затем белили мягкой овечьей шкуркой. Получалось очень красиво. Полы были в основном глиняные. Дом снаружи мазали пальчиками черной глиной с добавлением толченого древесного угля. Кровати в доме были деревянные и накрывались рогожкой. На кухне стоял низкий стол, за которым, сидя на рогожках, принимали пищу. Для гостей был нормальный стол и стулья. Вместе со стульями стояли деревянные лавки со спинками. Электричества не было. Крыши крыли черепицей⁷².

⁶⁹ Смирнов И. В. Некрасовцы // Казаки-некрасовцы. Сборник материалов из архивов Новокумского филиала музея изобразительных искусств. Ставрополь, 2009. С. 21.

⁷⁰ Рабчевская А. К. Вновь обретенная Родина. Ставрополь, 2012. С. 26.

⁷¹ Иванов-Желудков В. И. Русское село в Малой Азии // Русский вестник. 1866. Т. 63, июнь. С. 429.

⁷² По воспоминаниям Милушкиной Анастасии Кузьминичны, Глубокова Максима Васильевича, Ястребова Ефима Ивановича, Милушкина Захара Семёновича, опубликованным в статье: Ямнова Т. И. Жизнь казаков-некрасовцев в Турции. Русские путешественники о жизни казаков на чужбине и материалы собирательских экспедиций сотрудников музея в Ставропольский край // Экология традиционных культур: проблематика исчезающих этнокультурных групп в современном мире. Материалы Междунар науч. конф. СКФУ. Ставрополь: Сервисшкола, 2013. С. 194—196.

Некрасовка Беликова Пелагея Федоровна вспоминает:

В Турции ездили за белой глиной, она белая, как известка, ее растворяют, гасят и потом этой «лебедкой» (она так называлась) к Пасхе, к Рождеству мы пальчиками белили. Глина мягкая была, руки не разьедала, пальчиками мазали стены, чтоб бороздки от пальчиков оставались. Потом толкли угли и черным мазали нижнюю часть стены. А на земле еще само собой цветы сажали, на окна также цветы становили и на полки во дворах.

У майносцев никогда не замечалось общежительной тенденции: ячейкой их общества оставалась патриархальная семья с большим количеством детей, с чрезвычайно почтительным отношением к старшим и регламентированными внутренними отношениями: «Младший сын живет с родителями», «За обиду жены круг наказывает мужа, а ей дает развод», «За измену мужу жену карают смертью» и т. п. Община не вступала в противоречие с интересами семьи и сама не нуждалась соответственно в мерах обобществления, потому что производство уже носило в значительной степени общественный характер. Коллективное рыболовство в течение всего XIX в. и позднее оставалось главным источником существования на Майносе⁷³.

Семьи были большими, по 10—12 человек, трехпоколенными. Хозяином в доме был отец. Все члены семьи должны были беспрекословно подчиняться ему. Отец и мать всегда считались примером для своих детей и внуков. Молодые должны одинаково почитать всех родителей. По патриархальному обычаю старшая женщина, мать-свекровь, заведовала домом, и все дочери и снохи ей подчинялись. Поэтому девочек с раннего детства учили уважать почитать мать-свекровь.

В обращении с родителями и вообще со старшими соблюдались сдержанность, вежливость и уважительность. К отцу и матери только на «Вы». Авторитет отца с матерью был непререкаем, без благословения родителей не начинали никакого занятия, не принимали решения по наиболее важным делам.

Непочитание отца с матерью считалось большим грехом. Без согласия родителей и родни, как правило, не решались вопросы создания семьи: родители принимали самое непосредственное участие в ее создании.

В семейной жизни взаимоотношения между мужем и женой определялись в соответствии с христианским учением. «Не муж для жены, а жена для мужа», «Да убьется жена мужа». При этом соблюдали вековые законы — мужчина не должен вмешиваться в женские дела, женщина — в мужские. Обязанности были строго распределены самой жизнью. Женщина могла присутствовать на круге, но участия в решении не принимала. В случае решения вопросов, касавшихся ее лично, за нее с ходатайством выступал или представлял прошение или жалобу отец, старший брат, крестный или атаман.

В силу общественного уклада, экономики, традиций женщина на Майносе занималась преимущественно домашним хозяйством, а также огородничеством. Из селения она никуда не выезжала, грамоте на кириллице не обучалась и была более

⁷³ Смирнов И. В. Некрасовцы // Вопросы истории. 1986. № 8. С. 97—107.

консервативной, чем мужчина. Об этом говорят все, кто посетил Майнос, Маду, Добруджу. В то же время женщина-некрасовка пользовалась большими правами, ее уважали, с ее мнением считались мужчины. «Именно женщина, на которой лежала вся тяжесть домашней работы, обработка полей, воспитание детей, внушала подрастающему поколению верность, преданность и пламенную любовь к заветам дедов и отцов»⁷⁴.

Обязанности мужчины были иными. Михаил Чайковский в своих Записках так описывает увиденное им в середине XIX в.:

При третьей церкви была школа. Каждый казачонок, от 8 до 12 лет, посещал ее и обучался чтению, письму и счету, а также изучал Священное писание. С 12 до 18 лет учились военному делу под руководством опытейших казаков. В 18 лет юноша становился казаком и мог идти на войну, с 30 лет казаки допускались к занятию военных должностей, а в 50 лет казак становился «стариком и мог быть выбран в старики и в атаманы, сельские или войсковые»⁷⁵.

По мнению Смирнова, весьма была велика роль пожилых людей. Некрасовец, который храбро воевал, выполнял «Заветы» и ничем себя не запятнал, по достижении 50 лет пользовался большим уважением. Из пожилых казаков избирались все руководители общины. На кругу старики сидели рядом с атаманом, составляя его ближайший совет. Пожилые женщины также обладали большим авторитетом⁷⁶.

Старшинство было жизненным укладом казачьей семьи и естественной необходимостью повседневного быта, что укрепляло семейные и родственные связи и помогало в развитии характера, что требовали условия казачьей жизни. Старики выступали хранителями казачьих обычаев и традиций, почитание стариков у казаков-некрасовцев является безоговорочным. Проявление непочтительности к старику расценивалось как предательство казачьих идеалов и сурово наказывалось обществом.

Обычай уважения и почитания старшего по возрасту обязывал младшего проявлять заботу, сдержанность и готовность к оказанию помощи и требовал соблюдения некоторых норм поведения. В присутствии старшего не позволялось сидеть, курить, разговаривать (вступать без его разрешения в беседу) и тем более непристойно выражаться. Считалось неприличным обгонять старшего по возрасту. При входе куда-либо первым пропускается старший. Младший обязан проявлять терпение и выдержку, при любых обстоятельствах не противоречить. Слова старшего являлись для младшего обязательными. При общих мероприятиях и принятии решений непременно спрашивалась точка зрения старшего. В конфликтных ситуациях, спорах, ссорах, драках слово старшего являлось решающим и требовало незамедлительного исполнения.

⁷⁴ Рабчевская А. К. Вновь обретенная Родина. Ставрополь, 2012. С. 29.

⁷⁵ Чайковский М. Записки Михаила Чайковского (Садык-Паши) // Сб. «Киевская старина» (ежемесячный исторический журнал), год одиннадцатый, т. 39, октябрь, вып. 12. Киев, 1892. С. 110.

⁷⁶ Смирнов И. В. Некрасовцы // Вопросы истории. 1986. № 8. С. 97—107.

На Майносе некрасовцы не забывали донских обычаев XVII в. Высшая власть в общине по некрасовским заветам принадлежала кругу. Осуществлявший исполнительную власть атаман избирался на один год. Самым лучшим описанием быта, жизни некрасовцев на Майносе, их самоуправления является статья В. И. Иванова-Желудкова «Русское село в Малой Азии» (Василий Иванович Кельсиев), который был у них в 1863 г. Он так описывал самоуправление на Майносе:

В Майносе вся власть сосредоточена в руках круга. Круг избирает атамана и есаула. Есаул — это рассыльный. О сборе на круг казаки узнают накануне. По обычаю атаман приходит на круг первым и садится на завалинке. Возле него садятся старики, а остальные окружают их. Атаман открывает круг неизменной фразой: «Атаманы-молодцы и всё войско Кубанское!» На кругу производят наказание. Бьют плетью за пьянство, за буйство, за мелкую кражу, за непослушание родителям или атаману. Количество плетей от 20-ти до 100. 150 дают за важные грехи, например за супружескую неверность, причем женщине назначают больше ударов, чем мужчине. Но плетью дело не кончается, надо еще, чтобы атаман и круг простили, иначе наказанные теряют все личные права казака⁷⁷.

Общественное устройство Майноса, быт, семья, нравственные устои, образование определялись «Заветами Игната Некрасова». «Заветы» (своеобразная конституция некрасовской общины), несомненно, первоначально были созданы Игнатом Некрасовым и его сподвижниками, а впоследствии дополнялись новыми поколениями, но независимо от времени происхождения все законы называются «Заветы Игната». Свод законов был записан в «Игнатовой книге», которая хранилась в священном ларце в церкви на Майносе. Старики-некрасовцы не помнят, куда эта книга делась, известно только то, что ее с Майноса не привезли. В старых церковных книгах некрасовцев имеются некоторые выписки из «Игнатовой книги».

Ростовский исследователь Ф. В. Тумилевич записал свыше 170 заветов Игната. Они бытуют устно, их знает каждый некрасовец и некрасовка старшего поколения. Основные из них Ф. В. Тумилевич описал в своей книге «Русские народные сказки казаков-некрасовцев».

Один из главных заветов, как говорят в наши дни некрасовцы старшего поколения, это завет: «Царизме не покоряться, при царизме в Расею не возвращаться». Другие заветы гласили: «Ни один член общины не может отлучиться без разрешения круга или атамана. Никто не имеет права общаться с турками. Одну треть заработка казак сдает в войсковую казну. За брак с иноверцами наказывать смертью. Муж должен относиться к жене с уважением. Муж, обижающий жену, наказывается кругом. Жена с разрешения круга может уйти от мужа. За изнасилование женщины бить плетью до смерти. За измену мужу — жену закопать по шее в землю или в куль да в воду. Не соединяться с турками. Вину члена общины устанавливает круг. За неисправную или корыстную службу атамана можно сменить до срока или поучить. С 18-летнего возраста юноша

⁷⁷ Иванов-Желудков В. И. Русское село в Малой Азии // Русский вестник. 1866, июнь. Т. 63. С. 440—441.

считается казаком. Казак обязан принимать участие в решении круга. С 30-летнего возраста казак может занимать воинские должности. С 50-летнего возраста казак может быть избран в походные, войсковые атаманы и старшины. Провинившегося перед войском можно лишить казачьих прав. Лишенного прав и не прощенного кругом считать вне закона, его может убить каждый. За убийство члена общины виновника закапывать по шею в землю. За измену войску — расстреливать без суда. Пришельца-христианина круг может принять в казаки. Каждый казак должен заниматься ремеслом. Открыто помогать бедным, больным может только круг, члены общины помогают тайно, чтоб глаз человеческий не видел. За воровство бить батогами, изгонять из общины. Сватать девушку можно в возрасте 13—14 лет, выдавать замуж — в 17—18 лет. Почитать старших. За неподчинение старшим наказывать плетью. За непослушание и оскорбление родителей бить батогами или лишить жизни⁷⁸.

Заветы, касающиеся религиозного устройства общины, немногочисленны: «Держаться старой веры. Попов никонианского и греческого рукоположения не принимать на службу. Попа, не исполняющего волю круга, можно выгнать и даже убить как бунтовщика, еретика. За богохульства расстреливать»⁷⁹.

В то же время вера была у некрасовцев единственным источником, который связывал их с Родиной. Именно вера препятствовала их ассимиляции в мусульманском мире. «Потребность в социальном и национальном самоутверждении была одним из основных источников эстетических, нравственных и иных норм и ценностей»⁸⁰.

«Казачество не напрасно именуется “вольным”. В историческом прошлом в него отслоились именно вольные свободолюбивые элементы русского народа, не мирившиеся с обычными, действительно очень тяжелыми условиями жизни оседлого крестьянского населения»⁸¹.

Специфическим признаком казачьей души была потребность выразить доброту и услугу вообще, а постороннему особенно: поднести что-либо по пути, помочь при подъеме или выходе, уступить место для сидения, подать при общем застолье что-либо соседу или рядом сидящему. Прежде чем самому что-либо съесть или утолить жажду, должен был предложить рядом сидящему.

За грех считали отказать в подаении нищему. Считалось, что лучше всю жизнь давать, чем просить. Казаки предпочитали обходиться тем, что есть, а не тем, чем бы хотелось, но не быть в долгу. Долг, говорили, хуже неволи, и старались немедленно освободиться от него. За долг считали и проявленную к тебе доброту, бескорыстную помощь, уважение. За это казак должен был рассчитаться тем же.

⁷⁸ Тумилевич Ф. В. Русские народные сказки казаков-некрасовцев. Ростовское книжное издательство, 1958. С. 14—15.

⁷⁹ Сень Д. В. «У какого царя живем, тому и служим...» // Родина. 2004. № 5.

⁸⁰ Рабчевская А. К. Вновь обретенная Родина. Ставрополь, 2012. С. 25.

⁸¹ Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Ростов-на-Дону, 1992. С. 26.

Самым отвратительным пороком в человеке считали обман не только делом, но и словом. Казак, не выполнивший данного им слова или забывший о своем обещании, лишался доверия.

В старообрядческих казачьих семьях был запрет на курение и на выпивку, кроме вина. Детям до совершеннолетия не разрешалось быть за столом во время гуляния, приема гостей и вообще в присутствии посторонних. И не просто запрещалось сидеть за столом, но и находиться в комнате, где идет застолье или разговор старших.

Длительный период у казаков были в обычае мужские беседы (гуляние отдельно от женщин), а также и женские без мужчин. А когда собирались вместе (свадьбы, крестины, именины), то женщины садились по одну сторону стола, а мужчины — по другую. В свадебных гуляниях могли участвовать только женатые и замужние. Для неженатой молодежи отдельно проводились вечеринки и в доме жениха, и в доме невесты до основной свадьбы — это было заботой о нравственности устоев молодежи.

Казак в общезжитии своем были привязаны друг к другу, как братья, гнушались воровства между собой (на своей земле ничего брать нельзя), но грабеж на стороне, особенно у неприятеля, у них был вещью обыкновенной. Трусов не терпели и вообще считали первейшими добродетелями целомудрие и храбрость. Не признавали краснбайства, памятуя: «Кто развязал язык, тот вложил саблю в ножны»; «От лишних слов слабеют руки».

Некрасовцы, живя в соприкосновении со множеством других культур, остались русскими и сохранили основы своей старообрядческой традиции.

Дадим идеографическое описание подкласса «Человек» в лексике говора казаков-некрасовцев.

Данный подкласс состоит из следующих лексико-тематических групп: 1) «Номинации человека по внешнему состоянию, свойству, качеству»; 2) «Номинации человека по семейно-родственным отношениям»; 3) «Номинации человека по внутреннему состоянию, свойству, качеству»; 4) «Номинации человека по отношению к национальности, а также к территории, к месту жительства»; 5) «Номинации человека по социальному свойству, состоянию, действию, социальным функциям, связям»; 6) «Номинации человека по отношению к религии»; 7) «Общие номинации человека и совокупностей лиц» (группы перечислены в порядке их количественного представления).

Самые многочисленные лексико-тематические группы в подклассе «Человек» — это номинации по внешнему состоянию, свойству, качеству и номинации человека по семейно-родственным отношениям.

Номинации человека по внешнему состоянию, свойству, качеству преобладают в составе подкласса «Человек».

Данную группу можно разделить на следующие подгруппы: 1) номинации человека по его физическим, физиологическим качествам; 2) номинации частей тела человека; 3) номинации качеств человека по его внешнему виду и по отношению к внешнему миру (домашнему хозяйству, другим людям).

1. *Номинации человека по его физическим, физиологическим качествам* многочисленны. Преобладают наименования по возрасту:

а) номинации детей (их большинство):

Дитёнок [дитёнак], **Чадушка** [чадушка] — ‘ребенок’ (*Три дитёнака. — Чадушак пѣжалейти*). **Дитенёнок** [дитянонок] — ‘маленький ребенок’ (*Дитянонака не урони*). **Молоденец** [мъладениц] — ‘ребенок, младенец’ (*Я мъладенцам был*). **Малюшка** [малюшка] — ‘крошка, малютка’ (*Малюшка ишо мая девачка*). **Ядряч** [идряч] — в знач. ‘ребенок мужского пола’ (*Ана ишо идряча радила*). **Наподросток** [нападростак] — ‘подросток’ (*Сын стал нападростак лет двянацать-трынацать*). **Хлопец** [хлопиц] — ‘подросток 8—10 лет’ (*Хлопиц — восим-десить лет*). **Парнѣк** [парнѣк] — ‘мальчик’ (*Парнѣк бяжыть, ривѣть*). **Пацанишка** [пѣцанишка] — ласк. ‘мальчик’ (*Я ни мох гресть, пѣцанишка был*);

б) номинации взрослых людей:

Бурлак [бурлак], **Бурлака** [бурлака] — ‘холостяк’ (*Трынацать-пятинацать — бурлак, бурлака*). **Бурлачака** [бурлачака] — ‘взрослый парень’ (*Сыня уже бурлачака стал*). **Девяка** [двяка] — ‘взрослая девушка’ (*А ана уж двяка*). **Красавица** [красавица] — в знач. ‘взрослая девушка, которую уже можно сватать’ (*Ета — красавица, сватать можна*). **Летний** [летний] — ‘взрослый, не маленький’ (*Ана уже ни малая, летняя, лет сямнацать*). **Дятятница** [дятятница] — ‘женщина, имеющая детей’ (*Ана дамно дятятница*).

Кроме этого, в составе номинаций человека по его физическим, физиологическим качествам присутствуют:

а) наименования человека по наличию увечья:

Калика [калика] — ‘калека’ (*У мене-та девачка малая — калика*). **Немец** [немиц] — ‘немой’ (*Атец был немец, а парнѣк гаварил*). **Неправый** [ниправай] — ‘искалеченный, калека’ (*Нага паломаная, ниправай какой-та*). **Правый** [правай] — ‘здоровый, не калека’ (*Он был правай, а патом фсе равно как калика стал*). **Хромщик** [хромщик] — ‘хромой человек’ (*А вон был хромщик*);

б) наименования человека по физическим параметрам, особым приметам (цвету волос, росту, объему, чистоте кожи):

Беляк [беляк] — ‘блондин’ (*Ни пандравилси — беляк*). **Грудяка** [грудяка] — ‘грудастая женщина’ (*Двяки уже были грудяки*). **Длинняк** [длинняк] — ‘человек высокого роста’ (*Жыних у миня был длиняк*). **Карандух** [карандух] — ‘пренебр. человек маленького роста, невзрачный’ (*Карандух — эта такой масклявинькай*). **Калбѣха** [калбѣха] — ‘толстая неуклюжая женщина, девочка’ (*Упала, вот калбѣха*). **Подкладышек** [паткладушык] — ‘человек маленького роста’ (*Нискай нападростак, паткладушык*). **Пеструха** [пяструха] — ‘веснушчатая женщина’ (*Пястрины крупнаи ня сходятъ, пяструха*);

в) наименования человека по физическим, физиологическим качествам:

Дрема [дряма], **Дремучка** [дрямучка] — ‘соня’ (*Дряма дремить*). **Занятая** [занятая] — ‘беременная’ (*Была я занятая, чижолая*). **Самовидец** [самавициц] — ‘очевидец’ (*Змеи здароваи, метрах на пять, самавицицы есь*).

2. *Номинации частей тела человека* делятся на следующие подгруппы: а) наименования головы и ее частей; б) наименования туловища и его частей; в) наименования ноги и ее частей; г) наименования шеи; д) наименования руки и ее частей; е) общие наименования; ж) наименования внутренностей; з) наименования души.

а) наименования головы и ее частей многочисленны:

Кубетка [кубетка] — ‘пренебр. голова’ (*Разви думаить твая кубетка?*). **Черепок** [чиряпок] — в знач. ‘череп’ (*На гълаве темя, макафка, чиряпок*). **Макавка** [макафка] — ‘маковка, темя’ (*На гълаве темя, макафка*). **Лик** [лик] — ‘лицо’ (*А ликам-ть мьладая*). **Песик** [песик], **Тонок** [танок] — в знач. ‘висок’ (*Балить у мене песик, танок*). **Висок** [висок] — ‘волосы на голове’ (*Батяка как вазьметь за виски*). **Глазушек** [глазушук] — ‘ласк. к глаз’ (*Глазушки дремлють, спать хатять*). **Полуда** [палуда] — ‘бельмо’ (*Глас был закрытый палудай*). **Века** [века] — ‘ресница’ (*И веки были чёрнаи*). **Пестрина** [пестрина] — ‘веснушка’ (*Пястрины крупнаи ня сходятъ*). **Подбородник** [падобородник] — ‘подбородок’ (*Пѣдбародник здаровай*). **Ротяка** [ратяка] — ‘увелич. к рот’ (*А ратяка-та у няво, аш страшна!*). **Салазки** [саласки] — ‘челюсти’ (*Саласки — ета челюсти*). **Яблоко** [яблака] — ‘верхняя скула’ (*На гълаве скули и яблаки — верхнии скули*).

б) наименования туловища и его частей менее многочисленны, чем номинации головы и ее частей:

Туловища [тулувища] — ‘туловище’ (*Фся тулувищаи пухнетъ*). **Телочка** [телачка] — ‘ласк. к тело’ (*Фся телачка балить*). **Хряшки** [хряшки] — ‘грудная клетка, ребра’ (*Хряшки балять, груть*). **Костряцы** [къстряцы] — ‘тазовые кости человека, животных’ (*Мушксии бѣлахоны ф костряцахъ вырязающа*). **Поясника** [паясника] — ‘поясница’ (*Паясника захаланула*). **Костка** [коска], **Клуп** [клуп] — ‘крестец’ (*Ни сагнуся — коска балить. — На дош клуп балить*). **Косточка** [костачка] — в знач. ‘копчик’ (*Нильзя сидеть — костачка завѣрнута*).

в) наименования ноги и ее частей в говоре по количеству немного уступают наименованиям туловища и его частей:

Ступень [ступень] — в знач. ‘ступня’ (*На наге шыкалка, пятка, ступень*). **Щиколка** [шыкалка] — ‘щиколотка’ (*Пятка, ступень, патом шыкалка*). **Тонок** [танок] — в знач. ‘часть ноги человека и животных выше щиколотки’ (*Танок выша шыкалки*). **Берса** [берса] — ‘голень’ (*Пятка, ступень, берса, икорка, калени*). **Лытка** [лытка] — в знач. ‘голень, икра’ (*Лытку парезал ф поли*); в знач. ‘бедро’ (*Ета берса, а вышы — лытка, бядро*). **Маслак** [масляк] — ‘бедренная кость’ (*Шырнул бялу в маслак*).

г) наименования шеи в говоре также немногочисленны и акцентируют внимание на задней стороне шеи:

Клунч [клунч], **Хрип** [хрип] — ‘задняя часть шеи’ (*Клунч застудил. — Упал с арбы, ударил хрип*).

д) наименования руки и ее частей в говоре также немногочисленны:

Рукинъка [рукинъка] — ‘уменьш.-ласк. к рука’ (*Рукинъки бледнинъки*). **Лукати-на** [лукатина] — ‘локоть’ (*На руке — кисть, лукатина, плячо*).

е) номинации человеческого организма общего характера в говоре некрасовцев немногочисленны:

Лик [лик], **Паличия** [паличийа] — ‘облик’ (*У мене лик другой. — На нийо на паличии п'хожа*).

ж) наименования внутренностей в говоре единичны (*нутрь* в 1 знач.):

Нутрь [нутрь] — в знач. ‘внутренние органы, нутро’ (*У нас здороваи нутри*).

з) аименования души в говоре некрасовцев также единичны (*нутрь* во 2 знач.):

Нутрь [нутрь] — в перен. знач. ‘душа’ (*Што тваей нутри хочицца?*).

3. **Номинации качеств человека по его внешнему виду** и по отношению к внешнему миру (домашнему хозяйству, другим людям) можно разделить по гендерному признаку:

а) наименования женщин (они преобладают) называют лицо либо по отношению к внешнему виду, либо по отношению к ведению домашнего хозяйства. Большинство из них обладает отрицательной коннотацией:

Бизрядница [бизрядница] — в знач. ‘плохая хозяйка’ (*Жана бизрядница — дом беднай*). **Ласкутница** [ласкутница], **Паганка** [паганка], **Нечистотка** [ничистотка], **Писличка** [писличка] (турецк. *pislik* — ‘нечистота’), **Судомойница** [сдамойница], **Бизрядница** [бизрядница] — в знач. ‘неопрятная женщина, неряха’ (*Ласкутница сама себе ни арядить. — Паганка ня можыть прибрать ф хати. — Бизрядница, писличка чаики ни памоить. — Ана была паганка, ничистотка. — Съдамойница — сама грязная, и ф хати*). **Голоплешка** [галаплешка] — ‘женщина с непокрытой головой’ (*Стаить галаплешкой*). **Белянка** [бялянка], **Чистотка** [чистотка] — ‘аккуратная, чистоплотная женщина’ (*Чистотка — ета бялянка*);

б) наименования мужчин называют лицо по отношению к внешнему виду, они характеризуют мужчину и отрицательно, и положительно:

Нечуняй [ничуняй] — ‘неопрятный, грязный мужчина’ (*Ничуняй — грязнай*). **Чистот** [чистот] — ‘аккуратный, чистоплотный мужчина’ (*Старшай сынок — чистот*);

в) наименования вне гендерного признака. Они немногочисленны и именуют лицо либо по отношению к чужому имуществу, либо по внешнему отношению к другим людям, либо по внешнему виду.

Моталыга [маталыга] — ‘неаккуратный в обращении с чужими вещами’ (*Заматала виритенку, маталыга*). **Попутняк** [пъпутняк] — в знач. ‘попутчик’ (*Едиш — пъпутняк нафстречу*). **Приживник** [прижывник] — ‘современник’ (*Сасет — наш прижывник*). **Голопуня** [гълапуня] — ‘шутл. ребенок с голым животом’.

Номинации человека по семейно-родственным отношениям значительны по своему количественному составу (в подклассе «Человек» по численности занимают второе место). Полагаем, что это обусловлено тем, что ячейкой общества казаков-некрасовцев была патриархальная многодетная семья, с почтительным отношением к старшим. Некрасовка Беликова Пелагея Федоровна так вспоминала о распорядке в семье некрасовца:

Столы в доме были круглые, низкие, но такие, что помещалась вся семья. У хозяйки было свое место. Особое уважение за столом к старшим, как же иначе, он глава семьи, особенно прадедушка, дедушка. И на стол одна чашка. У нас все по расписанию было. Вот утром встали, ни есть ни пить нельзя, грех это, пока не умоешься и не помолишься. Ни к чему из еды или посуды прикасаться нельзя. Помолились перед образами, поели, встали, поблагодарили — кто куда.

Некрасовка Гулина Елена Кондратьевна добавляет: «Ложились спать поздно, а вставали рано, чтобы все успеть. Сказки нам мама рассказывала, когда масленица была. В основном то пряли, то вязали. Там такого не было, чтоб воля была».

В данной группе номинаций выделяются следующие подгруппы: 1) общие понятия родства; 2) близкое кровное родство; 3) дальнее родство.

Подгруппа **общих понятий** состоит из наименований:

а) родни как совокупности и ее отдельных представителей:

Крёстная-мрёсная [крёсная-мрёсная], **Сродость** [сродасть], **Сродство** [сроцтва] — ‘родня’ (*Идутъ фсе сроцтвинники, крёсная-мрёсная. — Эта мая сродасть. — Свая сродства памагали*). **Сродственник** [сроцтвиник] — ‘сродственник’;

б) лиц по отношению к семье, институту брака:

Бурлак [бурлак] — в знач. ‘жених’ (*Бурлак был у миня*). **Отдатая** [аддатая] — ‘замужняя’. **Жениный** [жаниный] — ‘женатый’ (*Фсе дети ниаддатаи и ни жаниныи*). **Поженатые** [пъжанатыи] — ‘женатые’ (*Мы пъжанатаи были*).

Подгруппа **номинаций лица по близкому родству** состоит из наименований отца, матери, сына и дочери, брата, сестры:

Батяка [батьяка] — ‘отец’ (*Мой батяка памёр*). **Батякушка** [батьякушка] — ‘ласк. отец’. **Мамака** [мамака] — ‘мама’ (*Мамака красивая была*). **Мати** [мати] — ‘мать’ (*Гляди, мати идётъ*). **Сыняка** [сыняка] — ‘взрослый сын’ (*Сыняка уже служитъ*). **Братушка** [братушка] — ‘ласк. брат’ (*Братушка радил сына*). **Сестринька** [сястринька] — ‘ласк. сестра’ (*Сястринька тибѣ забирѣтъ*).

Подгруппа **номинаций лица по дальнему родству** состоит из:

а) наименований дальних родственников женского пола (их большинство):

Зовица [завица] — ‘золовка’ (*Ани завицы, их мужа — братья роднаи*). **Племенница** [плименница] — ‘племянница’ (*Плименница с нами живѣтъ*). **Посестрия** [пасестрия] — ‘младшая двоюродная сестра’ (*Меньший брат радил дочку, пасестрию дочку, каторый брат старша радил*). **Свекровья** [свякровья, сякровья], **Свекры** [свякры] — ‘свекровь’ (*Свякровья с нами живѣтъ*). **Своячиня** [сваячиня] — ‘сестра жены, свояченица’ (*Сястра жаны — сваячиня*). **Тѣтушка** [тѣтушка] — ‘родная тетя’ (*Тѣтушка — свая, а чужая — тѣта*);

б) наименований дальних родственников мужского пола:

Диверь [дивирь] — ‘брат мужа, деверь’ (*Вон мне дивирь, ани с маим мужам были двоюроднаи*). **Дядяка** [дядяка] — ‘дядя’ (*Дядяка письмо прислал*). **Племенник** [плименник] — ‘племянник’. **Шуряк** [шуряк] — ‘брат жены, шурин’ (*Шуряк — эта мой брат маиму мужыку был ба шуряк*);

в) наименований по обряду крещения:

Крестбенник [крэзьбинник] — ‘крестный сын’ (*Мой крэзьбинник рядом жы-вёт*). **Крёстнушка** [крёснушка] — ‘крестная мать’ (*Крёснушка у нас умярла*). **Крестовый** [крястовый] — ‘родственник по кресту’ (*Там маи крястоваи асталися*).

Почитание крестного и крестной было не просто обычаем, а душевной необходимостью казака-некрасовца. Крестная мать помогала родителям готовить к будущей замужней жизни девочку-казачку, приучала ее к домашнему хозяйству, рукоделию, бережливости, труду. На крестного отца возлагалась основным долгом подготовка казачонка к службе.

Лексико-тематическая группа **номинаций человека по внутреннему состоянию, свойству, качеству** занимает третье место по численности.

1. В составе данной группы выделяются **наименования человека по его склонности / несклонности к болтливости** (излишняя разговорчивость, красноречие, болтливость, хвастовство осуждались, казак следовал пословице: «От лишних слов слабеют руки»):

Гутарка [гутарка] — ‘разговорчивый человек’ (*Шурык гутарка был*). **Масальник** [масальник] — ‘пренебр. болтун’ (*Масальник зубы ф падол и паиол па хутару масалы сабирать, балтун*)⁸². **Язычник** [язычник, язышник] — в знач. ‘неодобр. болтун’ (*Язычник лишку гъварить*). **Хвалушка** [хвалушка] — ‘хвастливый человек’ (*Хвалушку ни любили*). **Молчок** [малчок] — ‘молчаливый человек’ (*Братушка, чаво малчиш? Вот малчок-шалчок!*). **Немушка** [нямушка] — ‘молчаливая, неразговорчивая женщина’ (*Сестринька — нямушка*).

2. Далее можно выделить подгруппу лексем, именующих человека по его интеллекту, значение которых выявляет отрицательное отношение некрасовца к глупости и уважение ума, интеллекта и памяти:

Глупак [глупак] — ‘глупец’ (*Вон глупак, фсё аддал*). **Дуда** [дуда] — ‘груб. бестолковый, неряшливый подросток’ (*Такая бизразумная, дуда*). **Толкуша** [талкуша], **Толкушка** [талкушка] — ‘бестолковый, непонятливый человек’ (*Талкуша ни панимаить*). **Спорник** [спорник] — ‘соперник’ (*У ней спорника ни было найти конец* — о начале песни).

3. Ряд **наименований демонстрирует неприятие некрасовцами обмана, лени, безнравственного поведения**. Обман считался самым отвратительным пороком в человеке. Некрасовцы были необыкновенно трудолюбивыми людьми, следуя заветам И. Некрасова, всего добивались собственным трудом. Естественным для них было презрение к ленивым людям и уважение к труженикам. Исследователи отмечают стремление казаков-некрасовцев делать добро и осуждение недобрых людей. Кроме того, казаки-некрасовцы жили по строгим христианским правилам общежития и осуждали несправедное поведение. Отражение этого находим в лексиконе некрасовцев.

⁸² Пример взят из: Сердюкова О. К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 2005. С. 145.

Жульник [жульник] — ‘жулик, обманщик’ (*Жульник глядит, с каво папить, паисть*). **Подманищик** [падманыщик] — ‘обманщик’ (*Хто абманываить, тот падманьщик*). **Страмотник** [стрьматник] — ‘бесстыдник’. **Судник** [судник] — ‘тот, кто осуждает других’ (*Ета наши судники, им бы тока ругать*). **Шаль** [шаль] — ‘непутевый человек’. **Ломок** [ламок] — ‘здоровый, но ленивый человек’ (*Такой ломок плименник, ни работаить*). **Трудяка** [тудяка] — ‘трудолюбивый человек’ (*Мы трудяки, мы фсё сами*). **Орепей** [арипей] — в перен. знач. ‘проворный человек’ (*Какая праворная, арипей у наз гъварять, матаицца, как арипей, калючка, фсюду липнить к работи-та*)⁸³. **Жадобник** [жадобник] — ‘добрый, жалостливый человек’ (*Вон жаласливый, жадобник*).

Осуждению подверглась также скупость, надменность, мрачность:

Кукобница [кукобница] — ‘скупая женщина’ (*Кукобница — скупая*). **Невзора** [нявзора] — ‘надменный человек’ (*Невзора — надутый*). **Неулыба** [няулыба] — ‘невеселый человек’ (*Няулыба — нивясёлай*).

4. В лексике казаков-некрасовцев запечатлена их *любовь к свободе, почитание храбрости*. В историческом прошлом казачество сформировалось из свободолюбивых представителей оседлого русского крестьянского населения, не согласного с тяжёлыми условиями жизни того времени:

Самовластник [сьмавласник] — ‘свободный в своих поступках’ (*Мы были сьмавласники*). **Смялячка** [смялячка] — ‘смелая женщина’ (*Мая мамака смялячка, фсё можыть зделать*). **Ухач** [ухач] — ‘удалец, сорвиголоу’ (*Ухач — лофкай, на фсе руки, и украсть, убить да убечь*)⁸⁴.

В номинациях человека по отношению к национальности, а также к территории, к месту жительства прослеживается историческая судьба некрасовцев. Преобладают *названия этносов* (как правило, единичных их представителей, хотя есть и собирательные названия), с которыми казаки общались во время своего пребывания на чужбине (в единичных случаях тех этносов, о которых некрасовцы только слышали).

1. Прежде всего это названия турок, а также названия других народов:

Турка [турка] — ‘турки’ (*Ни давал турка биседать па-руски*). **Турчин** [турчин], **Туряга** [туряга] (*пренебр.*), **Турчанин** [турчинин] — в знач. ‘турок’ (*Он прихадил, турчин, ночью. — Етат турчинин был уважливый. — За турягу адна вышла*). **Черкезня** [чиркизня] — *пренебр.* ‘черкесы’ (*Чиркизня была, то каня, то карову крали*). **Арап-нин** [арапанин] — ‘араб’ (*Арапанин чёрнай*). **Болгар** [балгар] — ‘болгарин’ (*Приехал адин болгар*). **Грекота** [гриката] — ‘пренебр. греки’ (*Гриката фсех набили*). **Гречанин** [грязчанин] — в знач. ‘грек’ (*Грязчанин был, купец*). **Татаренин** [татаринин] — ‘татарин’ (*Вон на татаринина пахош*). **Французенин** [французинин] — в знач. ‘француз’ (*Французинина мы ни видали*).

⁸³ Пример взят из: Сердюкова О. К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 2005. С. 176.

⁸⁴ Там же. С. 300.

2. Вторая часть данной группы наименований — это **номинации по территории, месту жительства**. В ряде из них также запечатлена история русских переселенцев-старообрядцев:

Дунак [дунак] — ‘русский поселенец в Румынии, на Дунае’. **Липованин** [липаванин] — ‘название русских переселенцев-старообрядцев в Добрудже, по мнению некрасовцев, по имени генерала Липкина, освобождавшего этот город’. **Городянец** [гарадяниц] — ‘горожанин’ (*Мы ни гарадянцы*).

3. Определенная часть номинаций лица по месту жительства демонстрирует нам тот факт, что, майносская ветвь некрасовцев жила вдали от русских границ изолированно, замкнуто: с одной стороны, некрасовцы воспринимались местным населением как чужие, с другой стороны, сами некрасовцы не признавали чужаков. С этим мы связываем наличие определенного количества номинаций, называющих пришельцев, приезжих, пришлых, новых поселенцев, и противопоставление их местным жителям:

Наброт [наброт] — ‘пришлые, новые поселенцы’ (*Посли наброт наплыл*). **Присёлок** [присёлак], **Приходец** [приходиц], **Прихожанец** [прихажаниц] — ‘новый поселенец, приезжий’ (*Ета новии присёлаки, раньшы пуста была. — Мы щитались прихоццами. — Пришли прихажанцы полна*). **Странний** [странний] — ‘посторонний, чужой’ (*Никаво ни пускають странных*). **Жильской** [жыльской] — ‘местный житель, не приезжий’ (*Взял себе в жоны жыльскую*). **Отселешний** [атселишний] — ‘здешний’ (*Вон ни атселишний, с Правокумж*).

Лексико-тематическая группа **номинаций человека по социальным признакам** в составе подкласса «Человек» является немногочисленной, что обусловлено в целом поздним становлением лексико-тематической группы наименований лица по социальному признаку в русском национальном языке.

1. В данной группе прежде всего выделяются **наименования человека по отношению к имуществу**, причем чаще всего именуется лицо по признаку отсутствия имущества:

Бедак [бидак] — ‘бедняк’ (*Бидаками ани пришли сюда*). **Паршоник** [паршоник] — ‘пренебр. бедняк, оборванец’. **Побирашка** [пъбирашка] — ‘нищий, нищая’ (*Побирашки ходють*). **Побирун** [пъбирун] — ‘нищий’ (*Сасет был пабирун*). **Погоретка** [пъгаретка], **Горетка** [гаретка] — ‘женщина, у которой сторел дом’ (*Бапка-пъгаретка, зажгла хату*). **Бахчеван** [бахчаван] — ‘владелец бахчи’ (*Бахчаваны уращивали дыни, арбузы*). **Казнодар** [казнадар] — ‘богач’ (*Казнадар там был*).

2. Кроме того, в лексико-тематической группе **номинаций человека по социальным признакам** имеется подгруппа, именующая лицо по совместной деятельности в общине, роли в жизни общины:

Руковидец [рукавидиц] — ‘руководитель’ (*Саничаф был наш рукавидиц*). **Ходатель** [хадатиль] — ‘ходатай, представитель некрасовской общины перед властью’ (*Нашы хадатили фсе вырешали*). **Односум** [аднасум] — в знач. ‘товарищ’ (*Вот адна-сумя лягли спать*).

Номинации человека по отношению к религии — это наименования представителей иной веры. Чаще всего это неодобрительные номинации мусульман, редко — номинации представителей католической церкви:

Неверие [ниверия] — ‘мусульмане, турки’ (*Ниверия ничаво ни варухнули*). **Неверный** [нявернай] — ‘мусульманин’ (*Нявернай нам ни заприщали*). **Беззаконный** [биззаконный] — ‘безбожник’ (*Аднаво кѣзакa зарезали, биззаконнай, ни в няво метили, а папалда в няво, папутали*). **Папезжник** [папезжник] — ‘католик’ (*Патриарх папезжник был*).

В то же время в говоре есть и номинации самого казака по отношению к религии. Это самоназвание *староверец* и прозвище, которое некрасовцы получили в Турции — *гявур*:

Староверец [сѣравериц] — ‘старовер’ (*Сѣраверцам зямли нет*). **Гявур** [гявур] — ‘так турки называли казаков-некрасовцев и русских православных вообще’.

Общие номинации человека и совокупностей лиц в говоре казаков-некрасовцев незначительны по своему количеству. Это наименования совокупностей людей, стариков, молодых казаков, а также наименование высшего органа власти у казаков — казачьего круга:

Беседа [биседа] — в знач. ‘общество, компания’ (*Биседа стала иво пристрамливать*). **Людка** [лютка] — ‘неодобр. люди’ (*Наша лютка нищадимая*). **Мир** [мир] — ‘народ, люди’ (*Мир наплыл, зямли стала мала*). **Дедовщина** [дядофшына] — в знач. ‘собр. деды, старики’ (*Ступай, дядофшыну кличь, будим вищерить*). **Молодята** [мѣладята] — в знач. ‘молодежь’ (*Мѣладята идуть, фырфыняца*). **Саплава** [саплава] — ‘сброд’ (*Ета зброт, саплава*). **Судьба** [судьба] — ‘казачий круг, коллегиальный орган казачьего самоуправления для решения хозяйственных дел общины и судебной юрисдикции по административным и гражданским делам’ (*Я за домик судился, я ходил в судьбу*)⁸⁵.

В общие номинации человека в говоре входят наименования человека и женщины:

Людина [людина] — ‘человек’ (*Мѣладая людина*). **Жена** [жана], **Женка** [жэнка] — ‘женщина’ (*Жэнки салили рыбу, в бачонки клали*).

3.2. Подкласс «Трудовая деятельность»

Вводные замечания. Основными занятиями казаков-некрасовцев было рыболовство, земледелие, скотоводство.

Русский врач В. П. Щепотьев работал в Константинополе во второй половине XIX века и посетил селение некрасовцев. Он так вспоминал свои беседы с некрасовцами об их трудовой деятельности:

Рассказы майносцев сводились главным образом на жалобы, что трудно жить, что налоги и подати велики, что их с каждым почти годом увеличивают, что земли

⁸⁵ Пример взят из: Сердюкова О. К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 2005. С. 280.

мало, да и ту понемногу отнимают мухаджиры, т. е., переселенцы-мусульмане, которых правительство расселяет на свободных землях по соседству с майносами. Эти мухаджиры наносят большие обиды некрасовцам, силой завладевая по клочкам их землей и силой же пользуясь, чтобы ловить рыбу в озере, вопреки тому, что право рыбной ловли в Майносе принадлежит только некрасовцам, откупившим это озеро у турецкого правительства⁸⁶.

Рыболовство. Рыбу ловили в Черном, Эгейском, Средиземном морях, в Дунае и в озерах Турции. В. П. Иванов-Желудков, побывавший на Майносе в середине XIX века, так описывает занятия рыболовством казаков:

На простых рыбацких лодках, длиной сажени в две, а шириной в два аршина, ходят они артелями рыбалить в устье Дуная, в Трапезунд, в Смирну. Рыбалят там от осеннего Димитрия (26 октября) до весеннего Георгия (26 апреля)..., т. е., в самое бурное время года. На каждой лодке есть хозяин и с ним работник — сын, зять или наемник. Хозяин сидит на корме, а работник на носу. Артель выбирает себе при отпращивании на рыболовство атамана и затем под его надзором перевозит лодки на водах из Майноса в море, после обычных молебствий, прощаний и земных поклонов. Артель держится всегда берега: уходить в открытое море на этих лодках слишком опасно, хотя все-таки уходят верст на пятнадцать и на двадцать, когда лов подзадорит. Прибыв в назначенное место, снимает какой-нибудь лиман местного откупщика и начинает ставить невода, крючья на белугу и прочую снасть. Весь улов сдается атаману, без атамана никто не имеет права не только продавать рыбу, но даже торговаться о цене. Деньги атаман хранит у себя⁸⁷.

Автор далее рассказывает о том, что собранная сумма от продажи рыбы хранилась у атамана, а по возвращении в село делилась на три равные части: одна часть на церковь, вторая — на войско, а третья — рыбакам.

Лодки казаки-некрасовцы делали сами, для чего скрепляли между собой дубовые заготовки, смолили смолой, сушили на солнце, ставили парус и спускали на воду. Ловили сетями и вентерями. Сетки вязали из льняных нитей с помощью деревянного челнока стреловидной формы и лопаточки, служившей для регулирования размеров ячеек. Сети вязали дома, в июле-августе и в праздничные дни на посиделках.

Протоирей Феофан Бандеровский так вспоминал занятия рыбной ловлей в Турции: «Дома рождались и умирали близкие, а мы об этом ничего не знали. Заработок зависел от улова. При хорошем улове за весь сезон получали по 5 тысяч лир (500 рублей), а иногда едва хватало рассчитаться с хозяином за долги»⁸⁸.

⁸⁶ Щепотьев В. П. Русская деревня в Азиатской Турции // «Вестник Европы». СПб., 1893. С. 576.

⁸⁷ Иванов-Желудков В. П. Русское село в Малой Азии // Русский вестник. 1866, июнь. С. 447.

⁸⁸ Протокол беседы А. К. Рабчевской с Бандеровским Ф. К. от 16.09.71 года // Рабчевская А. К. Вновь обретенная Родина. О казаках-некрасовцах. Ставрополь, 2012. С. 32.

Земледелие. Хотя обычай не позволял заниматься земледелием и скотоводством, но, чтобы выжить, казаки-некрасовцы занимались земледелием. Все сельскохозяйственные работы велись старыми дедовскими методами. Земля была тяжелая, каменистая, поэтому основной тягловой силой были быки. Пахали землю сохой, а сеяли вручную. Дети уже с пяти-шестилетнего возраста приучались к сельскохозяйственным работам. Их обязанностью было управление быками. Убирали пшеницу при помощи косы, для удобства использовали специальное приспособление, которое крепилось к косе и помогало складывать колоски ровными рядами. Урожай складывали в специальные телеги, которые предварительно расширяли при помощи грядущек (в России такую телегу называли мажарой). Затем хлеб молотили. Для этого в каждом дворе имелся специальный молотильный камень. В центр камня вставлялась ось, привязанная с помощью цепи к животному, которого пускали ходить по кругу. Так медленно колоски отбивались от стебля. Обмолоченное зерно провеивали бармаками, которые помогали отделить зерно от соломы. Оставшееся на току зерно начисто провеивали, подбрасывая деревянной лопатой, после чего зерно везли на мельницу, где при помощи больших жерновов получали муку. Земледельческий труд был преимущественно женским занятием. Как правило, обрабатывать приходилось два земельных участка: при доме и за селом, при этом нужно было успеть убрать урожай до осенних дождей. Часть угодий отводили под бахчу, где выращивали арбузы, дыни, картофель⁸⁹.

Вот как вспоминали свою работу на поле Фалилей Мефодьевич и Евдокия Федоровна Бандеровские:

Мужчины в Турции в основном занимались рыболовством. Землю обрабатывали женщины. Землю обрабатывали двухколесными плугами. Сеяли руками из завески (фартука). После посева землю заглаживали плоской частью бороны. Раньше излишки зерна продавали купцам по свободным ценам. Затем стали возить хлеб и другое зерно на государственный элеватор, где зерно оценивалось, а затем уже продавалось. Хлеб с поля свозили на ток. Готовили площадку для обмолота и молотили. Зерно хранили в амбарах. Хранили также в хворостяных сопетках, обмазанных внутри кизяками с золой. Они стояли у амбаров во дворе⁹⁰.

«Вспоминаю с ужасом», «очень тяжелый был труд», «никогда не помню маму отдыхающей» — так характеризуют свой труд в Турции некрасовцы⁹¹.

⁸⁹ По данным: Волкова Н. Г., Заседателева Л. Б. Казаки-некрасовцы: основные этапы этнического развития // Вестник МГУ. История. М., 1986. № 4. С. 23.

⁹⁰ Ямнова Т. И. Жизнь казаков-некрасовцев в Турции. Русские путешественники о жизни казаков на чужбине и материалы собирательских экспедиций сотрудников музея в Ставропольский край // Экология традиционных культур: проблематика исчезающих этнокультурных групп в современном мире. Материалы Междунар. науч. конф. СКФУ. Ставрополь: Сервисшкола, 2013. С. 197.

⁹¹ Протокол беседы А. К. Рабчевской с казацким активом от 07.10.71 года // Рабчевская А. К. Вновь обретенная Родина. О казаках-некрасовцах. Ставрополь, 2012. С. 30.

Скотоводство. Средняя семья содержала 2—3 быка, 2—3 буйвола, несколько коров, ослов, иногда лошадей. Быки и буйволы использовались в качестве тягловой силы и как гужевой транспорт. Кроме этого, держали и домашнюю птицу: кур, уток, гусей, индюков. Вот что рассказала о своей жизни в Турции Анна Ивановна Бабаёва: «В семье была пара быков, корова, телок. Буйволов держали для молока. В селе было два молочных завода, куда сдавали излишки молока»⁹².

Строительство и постройки. Селение Коджагель в Турции, где жили казаки-некрасовцы, представляло собой несколько улиц, вытянутых вдоль берега озера Майнос, застроенных одноэтажными домиками. При строительстве использовались самые простые, доступные материалы. Дом казака, как правило, являлся саманным (глиняным) либо турлучным (плетень обмазывался глиной и белился). Крыша была соломенная. На крыше обязательно устанавливался «князь» (гребень крыши). Вокруг дома сажали много цветов. К праздникам дома обязательно мазали белой глиной. Полы и фундамент дома обмазывали смесью глины, песка и толченого угля.

В доме находилась русская печь, на которой зимой готовили пищу и спали. Возле печи располагалось все необходимое для работы: кочерга, лопата, чугуны, ухваты и другая кухонная утварь. Печь занимала особое положение в доме казака-некрасовца. Печь строилась и во дворе (горнушка). Отношение к печи некрасовцы унаследовали от донских казаков. Печь служила и для отопления жилища, и для приготовления пищи, и даже теплой кроватью, поэтому в речи некрасовцев так много слов, касающихся печи или ее составных частей. Мебели, за исключением низких столов и топчанов, не было, сидели по-турецки на полу. В интерьере не применяли ковры — стены возле икон, кроватей и лавок украшали хлопчатобумажной тканью. Освещали комнату свечами и керосиновыми лампами⁹³.

Летом спали на полу или на деревянных лавках, которые застилали циновкой и матрацем из шерсти. Укрывались лоскутными одеялами. На кровати спали только родители, дети и снохи — на лавках. На день постель обязательно пряталась. Стены украшали фотографиями.

Уже упоминавшийся В. П. Щепотьев так описывал жилище некрасовцев:

Вошли во двор, гладко залитый черной глиной. Часть двора находилась под навесом. Здесь были разложены циновки, на которых сидели женщины за рукоделием, а около женщин играли дети. Эта часть жилища соответствовала так называемой «летней» избе русского крестьянина. В зимней избе было две горницы: первая — небольшая с дверью во двор, а вторая значительно больше, с тремя окнами, русской печью и полатями. Внутренние стены и потолок были обшиты тесом. Вдоль стен укреплены были деревянные скамьи, под которыми стояли рядами красивые глиняные кувшины. В верхней части той стены, которая была против двери, на длинной полке расставлены были старинные образа, с потемневшими от времени лицами святых. Здесь же висели

⁹² Ямнова Т. И. Жизнь казаков-некрасовцев в Турции... С. 194.

⁹³ По данным: <http://nekrasovcy.artmuseum26.ru/index.php?IdSec=3>

четки, крестики и маленькие образки на разноцветных ленточках. Посреди горницы стоял обеденный стол. Друг от друга дворы огораживались плетнями⁹⁴.

Убранство домов казаков-некрасовцев дает представление о многовековой культуре ведения домашнего хозяйства. Дом некрасовца был не только теплым, уютным, хлебосольным, но и ухоженным, и даже красивым. Александра Феноген — потомок казаков-некрасовцев — в книге «Дневник паломника» представила записи описаний некрасовцами своего дома в Турции (вспоминает Татьяна Елисютикова):

А дом у нас был — хата, шулан, поветка, лапаз, сарайщик, гарнушки. Летние гарнушки были. А зимние — у нас кухня была зимняя. Пещку топили, в чугунах, в медниках в пещке всё варили. На мангалах варили. Из пещки жар выгрябаешь, угли, нагорела пещка и становишь на мангал кушанья, а она варится.

К Пасхи всё мазыли, все кутухи мазыли, этими каровыми кизьяками: песок, глина, а белую глину — мы звёсткой не пользовались — белая глина была — копали ездили, в сёлах такие яры были — накопаем, и потом её комками поделаем, повысушим и поскладываем их в сарай. И пользывыимси. Вельками её поталкём, ситой просеем, пясощку, и мажем. Пальчиками мазали, чтобы были ровные ряды, а потом щёрным обводишь. Поветки мазыли, полы щёрным, потом пошло красной глиной мазыть, а то щёрной глиной мазыли, рогожки стялили. Были деревянные кровати. Хто на кровати ляжить, хто на лавке. Кровать как поширше, а лавка поменьше. Детишких вот соберём, если к Пасхи помазали, чтоб дети об стенку не хватались. Чтоб не облапали, до Пасхи чтоб свежа было⁹⁵.

Дадим идеографическую характеристику подкласса «Трудовая деятельность». Подкласс «Трудовая деятельность» состоит из следующих лексико-тематических групп: 1) «Общие названия трудовой деятельности»; 2) «Рыболовство»; 3) «Земледелие и растениеводство»; 4) «Животноводство»; 5) «Врачевание».

В говоре казаков-некрасовцев есть несколько наименований, характеризующих вообще любую их трудовую деятельность. Это номинации а) заработной платы и б) денег, отражающие скитания некрасовцев:

Заробок [заробак] — ‘заработок’ (*Мой атец на заропки нашол*). **Лев** [леф] — ‘болгарская монета’ (*Пять левав за ноч даш, пуцу*). **Пары** [пары] — ‘деньги’ (*Сто пар, куды ни шло, дам*) — от турецк. *para*.

Лексико-тематическая группа «**Рыболовство**» в говоре казаков-некрасовцев состоит из следующих лексико-тематических подгрупп: 1) наименования видов транспорта для рыбной ловли и его частей, деталей; 2) наименования рыб и их частей; 3) наименования орудий труда (предметов, приспособлений для ловли рыбы, раков) и их деталей; 4) наименования рода занятий человека, занимающегося рыбной

⁹⁴ Щепотьев В. П. Русская деревня в Азиатской Турции // «Вестник Европы». СПб., 1893. С. 574—575.

⁹⁵ Феноген А. Дневник паломника. Литературно-художественный альманах «Голоса Сибири». Вып. 7 (цит. по http://golosasibiri.ru/almanah/vyp_7/051_013_a_fen.html)

ловлей. Лексико-тематическая группа «Рыболовство» очень обширна по составу⁹⁶. Приведем лишь часть лексем, входящих в эту группу (большинство примеров номинаций лексико-тематической группы «Рыболовство» взяты из Словаря говора казаков-некрасовцев О. К. Сердюковой).

Так как некрасовцы преимущественно занимались рыболовством, в их речи встречается несколько наименований самого действия рыбной ловли и перевозки рыбы:

Рыбальство [рыбальства], **Рыболовля** [рыбаловля] — ‘рыболовство’ (*Мой дет, атес рыбальствам занималси*). **Рыбовозение** [рыбавазения] — ‘перевозка рыбы’ (*Зарзаватии лотки для рыбавазения*).

1. **Наименования видов транспорта для рыбной ловли и его частей, деталей.** Прежде всего это номинации лодок:

Лоточка [лотачка] — ‘рыбачья лодка некрасовца, которая отличалась от турецких небольшими размерами’. **Судновая** [суднавая], **Судовая** [судавая] — ‘парусное судно’ (*Суднавая бальшая хароницца пад берих. — Судавая — судна парусная. Санда* [санда] — ‘основная лодка при ловле рыбы неводом’ (*Санда — это сандальная, нивадарная лотка*). **Зарзават** [зарзават] — ‘вспомогательная лодка для перевозки рыбы’ (*Зарзават — лодка паражняк для рыбавазения*) — от турецк. *zerzavat*.

В этой лексико-тематической подгруппе имеется значительное количество номинаций деталей лодок: уключин, весел, рулей, мачт, парусов, креплений, скамеек, щитов, ковшей и т. п.:

Гребля [гребля] — ‘деревянная накладка на борту лодки, в которую вставляются уключины’ (*Гребля плотная, шырокая, дубовая гребля*). **Кочеток** [къчаток] — в знач. ‘уключина в лодке’ (*В греблю кочиток забиваицца*). **Пуца** [пуца] — ‘кожаная петля на гребном весле’ (*Пуца — римяшок з дикава къбана*). **Весло** [вясло] — ‘рулевое весло, в отличие от гребных весел’ (*Каторая памагаиць пханица — эта вясло*). **Каблучка** [каблущка] (во 2 знач.), **Коклюшка** [каклюшка] — ‘поперечная планка на конце рукоятки рулевого весла’ (*На рулявая вясло надяёцца каблучка, каклюшка*). **Дюмень** [дюмень] — ‘руль в лодке’ (*Руль — эта дюмень, када с парусам — дюмень*). **Деревка** [дирефка] — ‘мачта в рыбацкой лодке’ (*На дирефку ставицца парус*). **Распор** [распор], **Гундерь** [гундерь], **Гундер** [гундер], **Гундер** [гундир] — в знач. ‘часть парусного устройства в лодке, распор’ (*На распор парус зацапляиш. — Гундер держыць парус*). **Тагун** [тагун, тугун] — ‘поперечное крепление в корпусе лодки’ (*В лотки были тагуны заложыны*). **Клин** [клин] — ‘маленький косой парус в рыбацкой лодке’ (*Ф паруси два клина*). **Косица** [касица] — ‘часть парусного устройства в рыбацкой лодке’ (*Када витьярок, вязали парус с касицой*). **Обла** [абла] — ‘снасть для управления парусами’ (*На лотки абла парусная там была*). **Крутель** [крутель] — ‘приспособление в рыбацкой лодке для наматывания невода в виде вала с ручками’ (*Када ветрам тянуть сеть, крутили дяржуть крепка*). **Сиделка** [сидилка] — ‘скамья в лодке’ (*Сел на сиреднюю сидилку*). **Чердак** [чардак] — в знач. ‘помост из досок в носовой части лодки’ (*Чардак — доски у носа лотки*). **Текуч** [тякуч] — ‘деревянный ковш для вычерпывания воды из лодки’

⁹⁶ См. подробнее: Семантический словарь говора казаков-некрасовцев с лингвокультурологическим комментарием. Ставрополь: Сервисшкола, 2012. Раздел «Рыболовство». Автор-сост. раздела И. В. Желябова.

(*Тикущѣк выдалбливаица из дерева*). **Машанба** [мъшанба] — ‘промасленный брезентовый щит на бортах лодки для защиты от волн’ (*Када зыба идуць, на бартах ставили машанбу*) — от турецк. *tuşamba*. **Пар** [пар], **Тычка** [тычка] — ‘кол, забиваемый в дно водоема при ловле рыбы неводом’ (*У фсякай лотки свой пар, забил пар — тычка большая толстая, и крутиши барабан*).

2. Наименования рыб, характерных для занятия рыболовством, и их частей.

Бабушка [бабушка], **Ласкирька** [ласкирька] — ‘лещ’ (*Бабушка — эта ласкирька или чабак, ана шырокая такая-ть*). **Белезь** [билесь] — ‘язь’ (*Билесь фпадобия рыцца, вон хищнай*). **Бучок** [бучок], **Головач** [галавач] — ‘бычок’ (*Бучок был в озери, вон гълавач*). **Головастик** [гълавастик], **Усатик** [усатик] — ‘виды небольшой пресноводной рыбы’ (*Гълавастик большы па камнях. — Усатик на шуку пахош, толька у няво пад ратом два усика*). **Калкан** [калкан] — ‘камбала’ (*У калкана стопки, а глаза навирьху*) — от турецк. *Kalkanbaligi*. **Кирпик** [кирпик] — ‘окунь’ (*Кирпик — вокынь, в лиманах сулушиавых, шкорки силѣднаи у няво*). **Сазанина** [сазанина] — ‘сазан как порода рыб’ (*Сазанина, силѣдачка — фсѣ лавили*). **Короп** [корап] — ‘рыба карп или сазан’ (*Крупнай сазан с полкила весам — корап*). **Шаран** [шаран] — ‘мелкий сазан’ (*Шаран — малинькай сазан, ат кила наверх идѣть*). **Кутум** [кутум] — ‘рыба из породы карповых’ (*Кутум похожа на таранку*). **Кусачка** [кусачка], **Лифер** [лифер] — ‘вид морского окуня’ (*Кусачка, лифер — марская рыпка, грызѣть сети*) — от турецк. *Lüfer*. **Лаврак** [лаврак] — ‘вид морского окуня’ (*Лаврак пахош на кусачку*) — от турецк. *Levrek*. **Сводня** [сводня] — ‘электрический скат’ (*Сводня, кагда сети выбирают, то начинают руки крутить*). **Усач** [усач] — ‘вид морской рыбы’ (*В мори сазан, усач*). **Чирус** [чирус] — ‘вид морской рыбы’ (*Пападалси чирус, вон меньшы скумрии*). **Лобан** [лабан] — ‘кефаль’ (*Хадили рыбалиць на лабана, икрянай, сытай*). **Пузанец** [пузанец] — ‘пескарь’ (*Вядро постафь, паднимаиш — а там пузанцы*). **Селедец** [сيليдец] — ‘сельдь’ (*Ва фсякой дирьки афчика — силидец*). **Скумрия** [скумрия] — ‘скумбрия’ (*Скумрия большы лавилась*). **Сомина** [самина] — ‘сом как порода рыб’ (*Сомина — иная рыба*). **Сула** [сула] — ‘судак’ (*Сула как билезик, но меньша*). **Турик** [турик] — ‘тунец’ (*Турик йидрѣная рыба, вон прабивал наши сетки*) — от турецк. *Torik*. **Цыганка** [цыганка] — ‘голавль’ (*Цыганка в мори и в озери, шкорки силѣднаи*). **Шучина** [шучина] — ‘щука как порода рыб’ (*Шучина и силѣдачка, самина и сазанина лавилась*). **Щучонок** [шучёнак] — ‘щуренок’ (*В озери шучёнака паймаиш*).

3. Наименования предметов, орудий, средств труда, приспособлений для ловли рыбы, раков и их деталей.

Некрасовцы ловили рыбу в основном разного вида сетями. Общее название сетей — слово **Посуда** [пасуда] — ‘рыболовные снасти’ (*Смълада артелими плавали, пасуду брали — нивада, сетки, лотка, винтяра*). Частные названия сетей разнообразны в зависимости от строения, величины, функции:

Ава [ава] — ‘рыболовная сеть, состоящая из двух сетевых полотен — мелкочейистого (авы) и крупночейистого (порежи)’ (*У авы два късяка*) — от турецк. *av*. **Авчик** [афчик] — ‘сеть с одним сетевым полотном для ловли сельди’ (*Эта силѣднаи афчики*). **Порежь** [пориш], **Сирек** [сирек] — ‘одно из полотен двухстенной или трехстенной рыболовной сети, имеющее крупные ячейки’ (*Пориш с нитках вязаная — Ава густая,*

а пориш, сирек — реткая). **Голяк** [галяк], **Голянка** [галянка] — ‘рыболовная сеть с одним сетевым полотном, без порежи’ (*Тут галянка сеть, галяк*). **Двухпалка** [двухпалка] — ‘рыболовная сеть с ячеей шириной в два пальца’ (*Летам двухпалачкай рыбабили*). **Пятипалка** [пятипалка] — ‘рыболовная сеть с ячеей в 5 пальцев’ (*Реткии сети — пятипалки, ето на сазаня*). **Садея** [садея] — ‘большая сеть для ловли крупной рыбы’ (*Садея — сетка на крупную рыбу; в ниё путаицца крупная рыба*). **Пахва** [пахва] — ‘сеть, состоящая из двух полотен, в которых собирается рыба’ (*Пахва как сумка, большы рыбы там астаёцца*). **Глаз** [глас] (во 2 знач.), **Очок** [ачок] — ‘ячейка рыболовной сети’ (*Вот такой глас, дырка, вяжыцца, ета садейная ачко*). **Дель** [дель], **Деляка** [дяляка] — ‘полотно рыболовной сети’ (*Сами вязли дель, на вирёфку сажалим дяляку, пригинали свинец*).

Некрасовцы часто применяли закидной невод — одно из старейших орудий лова:

Невод [неват], **Матула** [матула], **Волок** [волак] — ‘большая плавная рыболовная сеть, длиной до 500 метров’ (*Неват, матула — двести сажон, был з бамбака, толстай нитки. — Широкий волак сушили на шыстах*). **Неводок** [нивадок], **Волочок** [волочёк] — ‘небольшой невод’ (*И нивадок, валачёк, малый, йиво з байдай кидалии*).

В озерах рыбу также ловили сетями, но другими видами:

Чекмея [чикмея] — ‘небольшая рыболовная сеть, которая опускалась с лодки на дно водоема’ (*Чикмея — ета малинькая сетачка, в озири, внизу свинец*). **Настановка** [настанофка] — ‘неподвижная рыболовная снасть’ (*Настанофка — силётку лавить, раках лавить*). **Бродяка** [брадяка], **Волокуша** [валакуша] — ‘брень’ (*Брадяка, яво тяниши*).

Снасти нужно было изготавливать, ремонтировать, поэтому для казаков нужны были приспособления, предметы, связанные с подготовкой сетей и их ремонтом:

Вешалка [вешалка] — ‘деревянные подставки, на которых развешивают рыболовные сети для просушки’ (*Две сахи наставлины, шест наставили — ета вешалка*). **Глица** [глица], **Иглица** [иглица] — ‘приспособление для вязания сетей, челнок’ (*Атес сети вязал, а мы иглицы матали иму*). **Тура** [тура] — ‘конопляная нить, используемая для вязки сетей’ (*Ситва с туры, тура ис кънапей*) — от турецк. *tora* — ‘жгут’.

Необходимо отметить, что крупную рыбу в озере некрасовцы ловили с помощью острог:

Сандоли [сандоли] — ‘рыбачья острога’ (*Сандоли на шасту, каг бросиши*). **Ости** [вости] — в знач. ‘острога с двумя или тремя зубьями’ (*Вости — рыбу крупную бить, вилки на два рашка*). **Ости** [вости] — в знач. ‘металлическая часть остроги с зубьями, надеваемая на деревянную рукоять’ (*Астьми рыбу цыпляють*). **Истобица** [истабишша] — ‘деревянная рукоять рыбачьей остроги’ (*Вости набиваюцца на истабишицу*).

Для сохранения пойманной рыбы в живом виде у некрасовцев были специальные приспособления:

Ливарчик [ливарчик] — ‘садок для пойманной рыбы’ (*Пляли сапетки, ливарчики ис хвёраста, складаим рыбу*). **Ляса** [ляса] — в знач. ‘плетень, установленный в устье реки для удержания рыбы’ (*Штоп рыба ни хадила назат с вадою с возира, лясы пълляли*).

Были распространены названия разных видов поплавок для сетей и невода:

Шмат [шмат] — ‘комплект поплавков на рыболовной сети’ (*Сетка видна в ваде, шмат весь навирьху*). **Барбелина** [барбелина], **Шматина** [шматина] — ‘один поплавок из комплекта поплавков’ (*На вирёфки крюцёк, на ниво барбелину привяжыши*). **Барбела** [барбела] — ‘большой поплавок у невода’ (*Сантимав десить барбелы у невада*). **Барбелка** [барбелка], **Барбель** [барбель], **Шаматина** [шаматина] — ‘поплавков у рыболовной сети’ (*Таранья сеть, на ней барбелки, барбели, шаматины были, на неват привязывали их*). **Наплавок** [наплавок], **Плавок** [плавок] — ‘поплавков’ (*Рыба клюёт на плавок*).

Кроме рыбы, некрасовцы добывали раков, в говоре присутствуют названия приспособлений для их ловли:

Ночник [начник] — ‘приспособление для ловли раков’ (*Начники фсю ночь стоять, а утрам сабирають раках*). **Рачила** [рачила], **Рачильня** [рачильня] — ‘раколовка’ (*Рачилы, рачильня — настанюфка раках лавить*).

4. Наименования рода занятий человека, занимающегося рыбной ловлей.

Общие номинации:

Рыбалец [рыбалиц], **Рыбалка** [рыбалка], **Рыболовец** [рыболовиц] — ‘рыболов’ (*Мы рыбалки были. — Какие рыбалили — рыбалофцы были. — У них нямя рыбалках*).

Номинации частного характера:

Винтёрщик [винтёршык] — ‘рыбак, ловящий рыбу вентером’ (*Винтёршыкы — винтярьми, нивадари — невадам рыбалили*). **Грузильщик** [грузильшык] — ‘член рыболовецкой артели, который следит за погружением невода’ (*Грузильшык — вон грузить*). **Зарзаватчик** [зарзаваччык] — ‘член рыболовецкой артели рыболовецкой артели, управляющий запасной лодкой — зарзаватом’. **Крылаш** [крылаш] — ‘член рыболовецкой артели при ловле неводом’ (*Крылашы — ани грузила давяють*). **Неводарь** [нивадарь] — ‘член рыбацкой артели, ловящей рыбу неводом’ (*Нивадари невадом ловють*). **Парицк** [паршык], **Парной** [парной] — ‘член артели при ловле рыбы неводом, который забивает в дно водоема колья’ (*Паршык бёт пар в зель, за ниво лотку привязывали*). **Переборщик** [пиряборшык] — ‘член артели при ловле рыбы неводом’ (*Хто сеть пирьбираить, кладёт на парятку, ета пиряборшык*). **Вершик** [вяршык], **Верховой** [вирхавой] — ‘член рыболовецкой артели’ (*Другия вярха тянуть — вирхавыя*). **Исподицк** [испотшык] — ‘член рыболовецкой артели’ (*Хто испада тянить, — испотшык*). **Кореницк** [кърянышык] — ‘член рыболовецкой артели’ (*Хто тянить спот, спады — он карянышык*).

Лексико-тематическая группа «Земледелие и растениеводство» состоит из следующих подгрупп: 1) общие понятия земледелия и растениеводства; 2) полеводство; 3) овощеводство; 4) садоводство; 5) луговоеводство.

Все сельскохозяйственные работы велись дедовскими методами, земля обрабатывалась на крайне низком агротехническом уровне: пахали сохой на буйволах, засевали, а потом молотили вручную, как на Руси два с половиной века назад. Вернувшаяся на Родину некрасовка Бандеровская Елизавета Терентьевна вспоминала:

«Обрабатывали землю сабаном. Сеяли овес и пшеницу. Сначала убирали серпами, потом косами, молотили дювеньями»⁹⁷.

1. В подгруппе «**Общие понятия...**» выделяются номинации участков земли по их применимости в земледелии: именуются годные к обработке земли и обрабатываемые земли, а также и их части, в единичном случае — земли, не пригодные для обработки.

Деляница [диляница] (в 1 знач.), **Паевая** [паявая], **Паёк** [паёк], **Пай** [пай] — ‘надел земли, участок поля’ (*Мая деляница, мой пай. — На наших пайках уражаю няма*) — от турецк. *paу*. **Нива** [нива], **Тарла** [тарла] — ‘обрабатываемое поле’ (*Нивы — ета тарлы, где сеють пашаничку*) — от турецк. *Tarla*. **Кочкарник** [качка́рник] — ‘сжатое поле с остатками стеблей растений’ (*Камыш пакосим — ета кочки, кочкарник*). **Бразна** [бразна] — ‘борозда’ (*Быки идуць в бразну*). **Пастать** [пастать] — ‘полоса, ряд, обрабатываемый жнецами, косцами’ (*Муцины пастать гонють*). **Рядочек** [рядочик] — в знач. ‘грядка’ (*Пь дяляначки зямли па пять-шесь рядочках*). **Неудобки** [ниудопки] — ‘неудобная земля’.

Также сюда входит наименование основного результата процесса земледелия и растениеводства: **Урод** [урот] — ‘урожай’ (*Какой гот — урот разнай бывал*).

2. Самая многочисленная подгруппа лексико-тематической группы «Земледелие и растениеводство» — это лексика полеводства. Опишем лексико-тематическую подгруппу «**Полеводство**». Данная подгруппа состоит из следующих разрядов: 1) названия сельскохозяйственных орудий труда: инструментов и их частей, приспособлений (самый многочисленный разряд подгруппы «Полеводство»); 2) названия сортов зерновых растений, их частей, единичных представителей зерновых растений и их совокупностей; 3) названия отходов при обработке урожая.

Названия сельскохозяйственных орудий труда делятся на три подразряда:

а) Номинации орудий труда и их частей, связанных с обработкой и вспахиванием земли:

Сабан [сабан], **Сабано** [събано], **Соха** [саха] — ‘деревянная соха’ (*Саха — сабан, жылеза напиреди, ушки па баках*). **Дерево** [дерево] — в знач. ‘деревянная основа сохи’ (*У сахи дерива, ручки, вухи, жылеза*). **Железо** [жылеза] — ‘режущая часть деревянной сохи, лемех’ (*Пахали събаном, жылеза на пиреди, ушки па бакам, идуць, землю аткидывають*)⁹⁸. **Занузда** [занузда] (во 2 знач.), **Запрягалка** [запрягалка] — ‘боковой стержень ярма, которым запирают шею вола в ярмо’ (*В ярме занозы, запрягалки*). **Шашмалочка** [шашмалачка] — ‘часть ярма, скобка, которой прикрепляется занузда к ярму’ (*У наз за границай были диривянны ёрмы, запригалка, тут шашмалачка —*

⁹⁷ Ямнова Т. И. Жизнь казаков-некрасовцев в Турции. Русские путешественники о жизни казаков на чужбине и материалы собирательских экспедиций сотрудников музея в Ставропольский край // Экология традиционных культур: проблематика исчезающих этнокультурных групп в современном мире. Материалы Междунар. науч. конф. СКФУ. Ставрополь: Сервис-школа, 2013. С. 196.

⁹⁸ Пример взят из: Сердюкова О. К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону. 2005. С. 73.

такой ражок, а у жылезнава — крючѣк — по данным Сл. Сердюковой, с. 314). **Клыч** [клыч] — ‘металлический или деревянный стержень, деталь сохи’ (*У сахи пасиридини шворинь, па-турецки клыч*). **Ухо** [уха] — ‘часть сохи, отвал’ (*У сахи тут вуха, тут вуха, и пашыть*). **Подгорленник** [падгорлиник] — ‘нижняя часть ярма’ (*Нижняя дери́ва у ярма — падгорлиник*). **Чикель** [чикель, щикель], **Чикерь** [чикерь] — ‘длинная палка с острием на конце, которой погоняют волов и буйволово’ (*Длинная тонкая ди́ривьяка, чикель, в нём гвоздик забитай, быкоф шы́рять*)⁹⁹. **Чистик** [чистик] — ‘приспособление для очистки лемеха плуга’ (*У чистика жы́леза на канцу*). **Папара** [папара] — ‘деревянный плуг с железным лемехом’ (*Ди́ривьянная са́ха — папа́ра, ана как плух*). **Сошка** [сошка] — в знач. ‘деревянная часть попары, его основа’ (*Папа́ра, иде ручки, — жы́лезная, ана фся жы́лезная, да сама́й да со́шки*). **Теска** [тяска] — ‘часть плуга, резец’ (*Тя́ска даро́шки прари́заить*). **Сюргя** [сюргя] — ‘борона’ (*На палку набѣ́м тонкии зубы — сю́ргя, и бѣ́раним землю*) — от турецк. *surgi*. **Мотыка** [матыка] — ‘тыпка’ (*Маты́кай полим фсе дочиста*). **Чапка** [чапка] — ‘род мотыги с топориком’ (*Ча́пка — адна стѣ́рана тапо́р, а другая как ты́пка*).

б) Номинации орудий труда, связанных со сбором урожая — жатвой, молотью, веянием зерна:

Ветрянка [витрянка] — ‘ветряная мельница’ (*Пару́сяные мельни́цы — эта витря́нки*). **Баран** [баран] — ‘приспособление для поворота корпуса ветряной мельницы’ (*Круг дела́цца на ка́мни, на нем пѣ́варачива́цца фся мельни́ца на фси ве́тра — ба́ран, цеп накру́тить, крепка держы́ть*)¹⁰⁰. **Бунчук** [бунчук], **Чубук** [чабук] — ‘часть механизма ветряной мельницы, наружное продолжение горизонтального вала’ (*У мельни́цы ва́л, к нему бунчу́к приби́тай, дручо́к. — Ф той гѣ́лаве у мельни́цы ишо ча́бук*). **Голова** [гѣлава] — ‘передняя наружная часть горизонтального вала на ветряной мельнице’ (*Гѣ́лава — эта ка́да ва́л из мельни́цы на дво́р выпу́ишын*). **Парус** [парус] — ‘часть устройства ветряной мельницы, парусина, прикрепленная к крыльям’ (*У мельни́цы на дере́вах па́руса привязаны́*). **Клевѣц** [клявѣц] — ‘небольшая кирка для насекания бороздок на поверхности жернова’ (*Кля́вѣц востра́й на абѣи сто́раны*). **Терка** — [тѣрка], **Дювень** [дювень] — ‘приспособление для молотьи и резки соломы конной или воловой тягой’ (*Мѣ́латили те́ркими, дю́вянями, из да́шок зде́ланай, а па́д доска́й ка́мень*) — от турецк. *Doven*. **Сгребалка** [згрябалка] — ‘приспособление из досок, которыми при помощи волов сгребают хлеб на поле’ (*Бы́кох за́прягу́ть, и згряба́лки па́тяну́ть то́к*). **Бармаки** [бармаки] — ‘широкие плоские деревянные вилы для веяния зерна’ (*Ба́льшыи барма́ки и ма́лаи барма́ки — для х́леба*). **Баламарка** [бѣламарка] — ‘приспособление для жатвы, с отверстиями для пальцев’ (*На э́тай ру́ке бѣ́ламарка, а в э́тай ру́ке се́рп, а ана из дере́ва, и па́льцы фсе прѣ́дяю́цца, пра́вай ру́кой ко́сять и на бѣ́ламарку зби́раю́ть*)¹⁰¹. **Грабарка** [грабарка] — ‘широкая деревянная лопата для сгребания зерна на току’ (*На ди́ривьяку до́ску приби́вали — эта гра́барка*). **Грабки** [грапки] — ‘гребень с длинными изогнутыми зубьями, прикрепляемый к косе’ (*Гра́пки гря́бу́ть*). **Тарпан** [тарпан] — ‘приспособление для резки камыша, стеблей кукурузы в виде небольшой косы’ (*Та́рпан, се́чка,*

⁹⁹ Сердюкова О. К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону. 2005. С. 310.

¹⁰⁰ Там же. С. 28.

¹⁰¹ Там же. С. 27.

зделана з жылеза, круглая, с ручкай). **Урак** [урак] — ‘серп’ (*Косять хляба уракими*). **Гарс** [гарс] — ‘ковш, служащий мерой зерна’ (*Гарс — эта каропка*).

в) Номинации орудий труда, связанных с севом:

Садилка [садилка] — ‘конная сеялка’ (*Землю пѣпахали, садилку пѣтягали пѣ зимле, пасеяли*) — по данным Сл. Сердюковой, с. 253). **Сеяльник** [сеильник] — ‘передник, в который насыпали семена при ручном севе’ (*Завеску, сеильник на пличо надяём*).

Остальные разряды не так многочисленны, как наименования сельскохозяйственных орудий в полеводстве. К ним относятся: а) названия сортов зерновых растений, их частей; б) названия единичных представителей зерновых растений и их совокупностей; в) названия отходов при обработке урожая:

Пшеница [пѣшаница, пшаница] — ‘пшеница’ (*Сеили пшаничку*). **Весновое** [вишновоя] — ‘яровые злаки’ (*Виснавова у них ни было*). **Горновка** [гарновка], **Желтоколоска** [жолтакалоска], **Красноколоска** [краснакалоска], **Черноколоска** [чорнакалоска], **Колоска** [калоска] — ‘сорта яровой пшеницы’ (*Калоска — пшаница, жолтакалоска, краснакалоска, чѣрнакалоска, гарновка*). **Папуша** [папуша], **Початки** [пачатки] — ‘кукуруза’ (*Пѣсадила пачатки, папушы, да трошки луку*). **Сапа** [сапа] — ‘кукурузный стебель’ (*Сапы рубили тарпанами*) — от турецк. *Sap*. **Конопи** [канапи] — в знач. ‘конопля’ (*Сеили канати, мачили, кѣлатили*). **Каплазя** [каплазя] — в знач. ‘дикий овёс’ (*Каплазя, ей скот кормим*) — от турецк. *kaplica*.

Названия единичных биофактов — одна из характерных черт русской лексической системы древнерусского языка (ягодина, ольшина и т. п.), которая находит свое выражение и в лексике говора казаков-некрасовцев:

Колосина [кѣласина] — ‘колосок, кусочек колоса, ость’ (*Кѣласина бувайт пападайт, у чилавека боль никанчимая*). **Хлебина** [хлябина] — ‘один колос’ (*Адну хлябину вазьмутъ и атарвуть*). **Кочанина** [качанина], **Киюшина** [киюшина], **Куюшина** [куюшина] — ‘очищенный от зерна кукурузный початок в единственном количестве’ (*Ат пацятка асталася качанина, киюшина*).

Немалое количество лексем, именующих отходы при обработке зерновых культур, свидетельствует о практически безотходном ведении хозяйства: одни отходы использовались как корм скоту, другие — как материал для топки печей.

Бугрина [бугрина] — ‘отходы на току при молотье’ (*Саломе, палова — называица бугрина*). **Озадки** [азатки] — ‘отходы при веянии зерна’ (*Астаюцца послѣ велѣлки азатки, шалуха*). **Кесмик** [кясмик] — ‘отходы при молотье и веянии зерна’ (*В ришате оставался кясмик, колос*) — от турецк. *Kesmik*. **Кочки** [кочки] — ‘остатки стеблей растений на сжатом поле’ (*Послѣ хлеба камыша астаюцца, кочки*). **Киюшка** [киюшка], **Куюшка** [куюшка], **Кашалайка** [кашалайка], **Напрядник** [напрядник] — ‘очищенный от зерна кукурузный початок, которым топили’ (*Киюшками, кашалайками кукурузными топим*).

3. Опишем следующую лексико-тематическую подгруппу — «**Овощеводство**» (группа «Земледелие и растениеводство»). Она состоит из следующих рядов: 1) общие понятия овощеводства; 2) названия сортов растений.

Лексика, относящаяся к **общим понятиям овощеводства** представляет собой общие обозначения овощей и мест, где их выращивают:

Овощь [воващъ], **овощ** [авош], **Грядина** [грядина] (во 2 знач.), **Кабаки**, **Кабаки-мабаки** [кабаки-мабаки], **Тыквы-Мыквы** [тыквы-мыквы] — ‘овощи, всякие бахчевые культуры’ (*Фсякую воващъ прадавали. — Сеяли и грядину — дыни, агурсы. — Кукурузы сеили, кабаки-мабаки сеили. — Тыквы-мыквы, кавуны сеим*). **Город** [гарот] — ‘огород’ (*На гародах уращивали фсю воващъ*). **Огород** [агарот] — ‘изгородь’ (*Агарот — эта забор, колушки, их патом пирьятаим*).

В составе разряда «**Названия сортов растений и их частей**» выделяются:

а) прежде всего названия разных сортов тыкв:

Кабак [кабак] — ‘общее название тыквы’ (*Кабак крашыли, ф печку сажали*). **Кубышка** [къбышка, кыбышка], **Корец** [карес], **Перехватка** [пиряхватка], **Русканка** [русканка], **Тамбулка** [тамбулка] — ‘сорта тыквы’ (*Гароды садили, кыбышки уращивали. — Карес вон растёт-растёт и сагнётца. — Пиряхватка такая длиннишка. — Русканку ворим, и с рысу пякли пираги. — Большой круглай кабак — эта тамбулка*) — от турецк. *tombul* — ‘округленный’;

б) названия разных сортов дынь:

Комовка [камофка], **Кочанка** [качанка], **Шашлыковка** [шашлыкофка] — ‘сорт дынь’ (*Дыни есь камофки, скараспелки, дынки — качанки. — У шашлыкофки семя круглая в сирётки*);

в) названия бобовых культур:

Бурчак [бурчак] — ‘растение семейства бобовых, идущее на корм скоту’ (*Бурчак на жырнавах крутим и быкам даём*). **Нугут** [нугут] — ‘сорт гороха’ (*У нугута ростик малинькай*) — от турецк. *nohut*;

г) названия разных сортов помидоров:

Самосходы [съмасходы], **Думать** [думать] — ‘сорта помидоров’ (*Съмасходы сами сходятъ. — Думати салили*) — от турецк. *domates*;

д) названия перца:

Горчица [гарчица] — ‘стручковый перец’ (*Гарчичку слаткую, горькую уращивали*). **Хатник** [хатник] — ‘перец, выращиваемый в горшке’ (*Хатник — эта перчик в гаршке*).

Кроме того, в составе подгруппы «Овощеводство», так же как и в составе подгруппы «Полеводство», обнаруживаются разряд «**Названия отходов при обработке урожая**»:

Обьюхи [абыухи] — ‘отходы при очистке бобов’ (*Абыухи ат бабочикоф скатини настелим*)

и разряд «**Названия единичных представителей растений (или их частей)**»:

Чесноковина [чиснаковина] — ‘зубок чеснока’ (*Чиснаковиной натирали*).

4. В немногочисленной подгруппе «**Садоводство**» лексико-тематической группы «Земледелие и растениеводство» выделяется разряд наименований деревьев и их

плодов, в единичных случаях — кустарников. Все они относятся к садовым культурам, произрастающим на юге, значительная часть из них не характерна для Дона: инжир (смоква), лимон, апельсин, гранат. Возделывать большинство садовых культур, входящих в описываемый разряд наименований деревьев и их плодов, некрасовцы начали уже на чужбине.

Садовина [съдавина] — в знач. ‘фруктовое дерево’ (*Съдавина — яблания, слива*). **Дуля** [дуля], **Поддулька** [паддулька] — ‘сорта груш’ (*Были сливы, груши, паддульки, дули*). **Жерделина** [жырделина] — ‘сорт абрикоса’ (*Акрух кухни жырделины стоят*). **Инжирина** [инжырина], **Инжыр** [инджыр], **Смаквина** [смаквина] — ‘инжир (дерево и плод)’ (*Аб дарогу инжырина стаить. — Смаквину — инджыр — пззбираим, ани уворяюцца, мяхкаи*). **Лимонина** [лимонина] — ‘плод лимонного дерева’ (*Варенички сворили, лимонину падавишь ф шарбу и еш*). **Нарина** [нарина] — ‘гранатовое дерево’ (*Гранат был, нарина*) — от турецк. *nar*. **Пратукалина** [пратукалина] — ‘апельсин’ (*Пратукалины балышы, фкуснай*) — от турецк. *portukal*. **Стручи** [стручи] — ‘рождовое дерево’ (*Стручи — казлинай рашки, стручи слаткаи*). **Тутина** [тутина] — ‘тутовое дерево’ (*Тутина дерива, чирвякоф кормють*). **Тутник** [тутник] — ‘заросли тутового дерева’ (*Па тутнику хадила*). **Асма** [асма] — ‘виноградная лоза’ (*У винаграда осмы на сталбы плятуцца*) — от турецк. *Asma*. **Грунка** [грунка] — ‘кисть винограда’ (*У винаграда груначка*).

В составе подгруппы «Садоводство», так же как и в составе подгрупп «Полеводство», «Овощеводство», обнаруживается разряд «**Названия отходов при обработке урожая**»:

Жибри [жибри] — ‘отходы винограда при изготовлении вина’ (*Светлай сок тикетъ, а жибри астаюцца*).

5. Подгруппа «**Луговодство**» группы «Земледелие и растениеводство» представлена единичными номинациями, что свидетельствует о том, что данный вид сельскохозяйственной деятельности был несвойствен казакам-некрасовцам. Преобладают названия совокупностей высушенных растений:

Навильник [навильник] — ‘охапка сена, поддетая на вилы’ (*Три навильника сены, и я устала*). **Скирдо** [скирдо] — ‘скирд’ (*Снапы на гарман привязуть и складывают скирдом*).

Есть единичное наименование частей орудий труда:

Косьё [касьё] — ‘рукоять косы’ (*У касы жала, касьё, каблучка*).

Лексико-тематическая группа «**Животноводство**».

В ее состав входят подгруппы: 1) скотоводство; 2) птицеводство; 3) пчеловодство.

Самой многочисленной является подгруппа «**Скотоводство**». Она состоит из таких разрядов: 1) общие наименования животных; 2) наименования видов животных по их полу, возрасту, внешним особенностям; 3) наименования постоянных или временных мест обитания или содержания животного или их частей; 4) наименования приспособлений, орудий труда, связанных с животноводством.

1. **Общие наименования** домашних животных именуют совокупное множество животных целостно, как класс:

Скотинина [скатинина], **Скотиньяка** [скатиньяка], **Худоба** [худоба], **Худобина** [худабина] — ‘скот, скотина’ (*Скотиняку напаить было нечим. — У рыбалок няма худобы. — Худабину ня купиш*).

2. **Наименования видов животных по их полу, возрасту, внешним особенностям.** Необходимо отметить, что самое большое количество названий среди видов домашних животных имеют буйволы, буйволицы и их детеныши. Это связано с тем, что эти домашние животные занимали особое место в быту некрасовцев как животные, более приспособленные к обитанию в климатических условиях Майноса. Далее следуют номинации лошадей и их детенышей, наименования овец и их детенышей. Названия, относящиеся к корове (редко к овце), нередко характеризуют ее либо по признаку ожидания потомства, возможности / невозможности потомства (*нетель, кысырка, котеная*), либо по отношению к родам (*первичка, первица, доенка, доярница*). Имеются отдельные названия для детенышей буйволицы и лошади по годам: выделяются первые три года жизни животного (первый год — *лошоночек, телок, годовик*; второй год — *стрижак, кобыленок, жеребчик, бузевка*; третий год — *лошонок*). В номинациях детенышей лошади и овцы обозначается и гендерный признак (*лошонок — кобыленок, ярок — ярочка*).

По воспоминаниям некрасовок Бандеровской Елизаветы Терентьевны и Винтовкиной Анны Харлампьевны, «средняя семья содержала 2—3 быка, 2—3 буйвола, несколько буйволиц, 10—15 кур, иногда лошадей и овец. Быки и буйволы использовались в качестве тягловой силы и как гужевой транспорт»¹⁰²

2.1. Подразряд «Названия буйволов, буйволиц и их детенышей»

Буйлак [буйлак], **Малак** [малак] — ‘буйвол-самец’ (*Буйлаки запригають. — Мущина — эта малак, а буйла — эта матка*) — от турецк. *talak* — ‘молодой буйвол’. **Буйла** [буйла], **Буяла** [буяла], **Буйлица** [буйлица], **Буйлова** [буйлава] — ‘буйволица’ (*Буялых ни запригали. — Турки буйлицу убили. — Буйлаву доють*). **Неук** [неук] — ‘молодой вол’ (*Неука пацан водить*). **Доёнка** [даёнка], **Доярница** [даярница] — ‘дойная корова’ (*Даёнка, даярница — эта ялава*). **Первица** [первица], **Первичка** [первичка], **Первячка** [пирвячка] — ‘корова, отелившаяся в первый раз’ (*Тялушка первым тилочком атилась, первица, пирвячка*). **Нетель** [нетиль] — ‘нетельная корова’ (*Нетиль нада прадаць*). **Буйлёнок** [буйлёнак] — ‘теленка буйвола’ (*Буйлёнка прадавали*). **Телок** [тялок] — ‘теленка до года’. **Годовик** [гьдавик] — ‘однолетний теленок’ (*Адин гот — гьдавик*). **Бузевка** [бузяфка] — ‘двухлетний теленок’ (*Тилок два года — бузяфка*). **Тиятишки** [тиятишки] — ‘ласк. к телята’ (*Тиятишках пацаны пасли*).

¹⁰² См.: Ямнова Т. И. Жизнь казаков-некрасовцев в Турции. Русские путешественники о жизни казаков на чужбине и материалы собирательских экспедиций сотрудников музея в Ставропольский край // Экология традиционных культур: проблематика исчезающих этнокультурных групп в современном мире. Материалы Междунар. науч. конф. СКФУ. Ставрополь: Сервисшкола, 2013. С. 196, 198.

2.2. Подразряд «Названия лошадей и их детенышей»

Коняка [каняка] — ‘взрослый конь’ (*У наз был адин каняка*) **Лошонок** [лашонак] — ‘молодой конь’ (*Лашионак — три года, большой — жырибец*). **Лошоночек** [лашоначик] — ‘жеребенок по первому году’ (*Лашионачик — адин гот, два года — жырепчик, три года — каняка*). **Конёк** [канёк] — ‘молодой конь в возрасте от одного года до трех лет’ (*Большы года — канёк, три года — конь, каняка*). **Жеребчик** [жырепчик] — ‘жеребенок по второму году мужского пола’ (*Два года — жырепчик*). **Кобыленок** [кыбылёнак] — ‘жеребенок по второму году женского пола’ (*Кыбылёначик — дефка, жырибёнак — фсе*). **Стрижак** [стрыжак] — ‘жеребенок по второму году любого пола’ (*Па фтарому году — стрыжак, на третий гот — можна запрягать*).

2.3. Подразряд «Названия овец и их детенышей»

Барашка [барашка] — ‘общее название овец’ (*Ныня барашиха пасли*). **Котеная** [котиная] — ‘овца, у которой скоро будут ягнята’ (*У котинай скоро будут барашиата*). **Кысырка** [кысырка] — ‘бесплодная корова, овца’ (*Кысырка биз ягнят, тилят, ня котица*) — от турецк. *kisir*. **Барашинок** [бърашинок] (*барашиата*), **Кузёнок** [кузёнак] (*кузята*) — ‘ягненок’ (*Барашка, бърашинок, кузёнак — эта наша слава*) — от турецк. *kuzi*. **Ярок** [ярак] — ‘ягненок мужского пола’ (*Ярак — эта баранок*). **Ярочка** [ярачка], **Ягничечка** [ягничичка] — ‘ягненок женского пола’ (*Малинькая ярачка, ягничичка — женская парода*).

В лексико-тематической подгруппе «Скотоводство» выделяется немногочисленный разряд **наименований постоянных или временных мест обитания или содержания животного** (помещений, выгородок, мест) или их частей.

Барашечник [барашычник], **Баз** [бас], **Кошарник** [кашарник] — ‘помещение, загон для овец’ (*Барашычник для барашиаф. — Для барашиха кашарники, базы*). **Котарь** [котарь, котър] — ‘сарай для свиней’ (*Котърь нада делать для кабана*). **Мосты** [масты] — ‘деревянный помост в сарае для скота’ (*Масты у скатини ф сараи дашиатаи*). **Паша** [паша], **Чаир** [чаир] — ‘пастбище’ (*Скот пасли на пашы. — Чаир — пасутъ скот*) — от турецк. *çayır*. **Пой** [пой] — ‘водопой’ (*Нада вясти скатину на пой*).

В лексико-тематической подгруппе «Скотоводство» также существует разряд **наименований приспособлений, орудий труда**, связанных с животноводством:

Арыш [арыш] — ‘дышло’ (*Арыш быкох запрягать, вон кругом арбы*). **Гега** [гега] — ‘длинная палка с крючком на конце, которую используют чабаны’ (*Гега ис палки, а на канцу закарючка нанис, а патом наверх, авечик заварачивать*). **Звон** [звон] — ‘колокольчик’ (*Звон на вале, какой фпирёт ходить*). **Кнутавилка** [кнутавилка] — ‘палка для кнута, кнутовище’ (*У ацца был такой римень с кнутавилкай*). **Чикель** [чикель, щикель] — ‘длинная палка, которой погоняют волов и буйволово’ (*Нудул — гвоздик, забитай ф чикель*). **Обротка** [абротка] — ‘недоуздок’ (*Абротка рименная*). **Посторонка** [пъстаронка] — в знач. ‘часть конской упряжи, постромка’ (*Пастаронки цапляюща г барку*). **Прикол** [прикол] — ‘кол для привязывания животных’ (*Скатину за прикол вязали*). **Ялгынина** [ялгынина] — ‘хворостина’ (*Ялгынина эта хвърастина*).

Лексико-тематическая подгруппа «Птицеводство» немногочисленна и состоит из таких разрядов: 1) общие наименования птиц; 2) наименования видов птиц по их полу, возрасту, внешним особенностям.

1) Наибольшее количество существительных в данной подгруппе является *общими или частными наименованиями* домашних и диких птиц. Общие номинации могут именовать совокупное множество животных целостно (*курица-мурица, птица-мница*), а также как расчлененное множество (*птичина*):

Курица-Мурица [курица-мурица] — ‘всякая домашняя птица’ (*Курицу-мурицу жарили, варили*). *Птица-Мница* [птица-мница] — ‘всякая птица’ (*Барсуки птицу-мницу ели*). *Птичина* [птичина] — ‘птица’ (*Фсякая птичина на гнезде сидит, детей выводит*). *Утьва* [утьва], *Утя* [утя] — ‘utki’ (*Гагара, утьва, ути было много*).

2) *Виды домашней птицы* в подгруппе «Птицеводство» таковы:

а) куры:

Кочет [кочит] — ‘петух’ (*Адежда зълатая, хвост чёрнай, гребинь краснай, ета кочит*). *Квахтуха* [квахтуха] — ‘наседка’ (*Квахтуха водить детей, цыплятках*);

б) индюки:

Куркан [куркан] — ‘индюк’ (*Курканы есь, гуси, утьва*). *Курканка* [курканка] — ‘птица индейка’ (*Курканка сидит на яйцах*). *Курканенок* [курканёнак] (*курканята*) — ‘птенец индейки’ (*Курканка пъявля курканят на выган пасть*).

Лексико-тематическая подгруппа «*Пчеловодство*» совсем немногочисленна. Данная подгруппа представлена наименования постоянного или временного места обитания или содержания насекомого или части места обитания:

Каптарь [каптарь] — в знач. ‘улей, плетенный из хвороста’ (*Каптарь плитёнай из лазы*). *Сундук* [сундук] — ‘деревянный улей’ (*Сундуки — из досках, къптарь — карзинки*). *Кровать* [кравать] — в знач. ‘подставка для пчелиного улья’ (*Сундуки ат муравликаф на краватях круглых стаять*).

Заслуживает упоминания номинация остатков после сбора урожая, представленная одной лексемой (подобные наименования мы отмечали в подгруппах «Пчеловодство», «Садоводство»). *Суховря* [сухъвря] — ‘остатки сухих сот, удаляемые весной из улья’ (*Вясной суховрю выбираим*).

Лексико-тематическая группа «*Врачевание*».

Смертность в поселках некрасовцев в Турции была высокой, особенно детская. Медицинского обслуживания в поселках не было, а лечение в городе обходилось очень дорого. «Рожали с помощью повивальной бабки, а подчас прямо в поле. День, другой были дома, а потом с детьми в поле», — вспоминала казачка Бабаёва Анна Тимофеевна¹⁰³. Лечили с помощью трав и заговоров.

Лексико-тематическая группа «Врачевание» в говоре казаков-некрасовцев включает такие тематические подгруппы: 1) общие названия болезней и болезненных состояний; 2) названия видов болезней и болезненных состояний; 3) названия лекарственных препаратов и процедур; 4) названия рода занятий людей, занимающихся врачеванием.

¹⁰³ Рабчевская А. К. Вновь обретенная Родина. О казаках-некрасовцах. Ставрополь, 2012. С. 31.

1. Общие названия болезней и болезненных состояний:

Боль [боль], **Помога** [помага] — ‘болезнь’ (*Давно ляжыць, у ней боль. — Плоха, помага схватила, зьбалел*). **Причина** [причина] — ‘болезнь, порча’ (*Вядуць нивесту і жынiхiа пешкi, друшкo iдeць атмятаць, штоп прычына нi была*)¹⁰⁴. **Вреда** [вряда] — ‘ухудшение болезни’ (*Вряды тiаперя нiа знаiм, нi балейм*). **Худоба** [худаба] — ‘болезнь, эпидемия’ (*Мушiны мeрлi — худоба была*).

2. **Наименования видов болезней и болезненных состояний**, среди которых больше всего номинаций разного вида опухолей:

Бешиха [бяхыха], **Нырок** [нырок], **Нырец** [нырес], **Опух** [вопух] — ‘опухоль, нарыв’ (*Бяхыха — чирячок скочить да задушыць. — Нарываць, крофь тичець, нырок. — Нырес выскачить и пичець. — Пашол вопух, балезня*). **Завалки** [завалки], **Глотка** [глотка] — ‘опухоль миндалин’ (*Када глотку прывалила — завалки. — У ней балесь, глотка*). **Расперстие** [расперстия] — ‘опухоль кисти руки’ (*Расперстия — фся рука пухнить*). **Вал** [вал], **Валяка** [валяка] — ‘опухоль от укуса насекомого’ (*Къмары нажгли валы, валяки*). **Главобиение** [главабиения] — ‘головная боль, толчки в голову’ (*Гълава забалить, главабиения как талкачeм*). **Глинец** [глинец] — ‘гангрена’ (*Куски мяса гниють — ета глинец*). **Кудала** [кудала] — ‘понос’ (*Бываить кудала, панос*). **Лихоманка** [лихаманка] — ‘лихорадка’ (*Балели: лихаманка, глинец, воспа, ракунец*). **Надаф** [надаф] — ‘повреждение на ноге от тесной обуви’ (*Надаф палучилси, ф пасталах хадила*). **Полуда** [палуда] — ‘бельмо’ (*Глас был закрытый палудай*). **Прытка** [прытка] — ‘эпилепсия’ (*Прытка — припадак*). **Ракунец** [ракунец] — ‘определенная болезнь’ (*Ракунец — вон чилавека сушыць*). **Свих** [свих] — ‘вывих’ (*Свих — када жылачка паверницца*).

3. Общие и частные номинации лекарственных препаратов и процедур:

Лека [ляка], **Лека** [лека], **Лечба** [лячба], **Лика** [лика] — ‘лекарство’ (*Ета старинная Игнатава ляка. — Лечить — никакии леки нi бяруць. — У лякаркi лячба была. — Главабиения: от таво лики няма*). **Зербелянка** [зирбялянка] — ‘лечебная трава’ (*Палынь, зирбялянку ат лихаманкi пюць*). **Финовник** [финовник] — ‘лечебная трава’ (*Трава финовник — ат испуга*). **Прищипка** [прищипка] — ‘прививка’ (*Прищипку здеся делали*). **Уговор** [угавор] — ‘исцеляющая молитва, заговор’ (*Угавора нету — чилавек памрeць*).

4. Названия людей по роду врачевания:

Врачица [врачица] — ‘женщина-врач’ (*Врачица дала ляку ат прастуды*). **Знатница** [знатница] — в знач. ‘знахарка’ (*Знатница — ето лякарка*).

3.3. Подкласс «Быт»

Подкласс «Быт» в лексике говора казаков-некрасовцев состоит из следующих лексико-тематических групп: 1) «Наименования одежды и головных уборов»; 2) «Наименования украшений»; 3) «Наименования обуви»; 4) «Наименования кушаний»; 5) «Наименования напитков».

¹⁰⁴ Пример взят из: Сердюкова О. К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону. 2005. С. 232.

Группа «Наименования одежды и головных уборов»

Вводные замечания. Когда казаки бежали из России, они увезли с собой русский язык, русскую православную веру и русский костюм, который они сохраняли на протяжении всего времени проживания в Турции.

Мужской костюм состоял из рубахи и нешироких штанов из холста (портов) или крашенины. Рубаха имела туникообразный крой без плечевых швов. Она состояла из пяти частей: стана, бочков, ластовок и лыла. На талии рубаха подхватывалась поясом, служившим «оберегом», таким же, как кружево или вышивка. Появиться без пояса даже дома считалось зазорным, при посторонних — верхом неприличия.

Ворот праздничной рубахи украшался наставкой из другой ткани, на которой делалась вышивка мелким крестом в красно-черно-желтых тонах, очень плотно. Все швы, соединяющие детали рубахи и штанов, сшивались при помощи игольного кружева, которое выполнялось разноцветными нитками. Обтачки на рукавах и штанинах также украшались вышивкой. Воротник был стоячим, рукава — узкими и длинными.

Нижний край штанов и все швы украшались вышивкой, которая также считалась оберегом. Обыденные порты шили из белого или крашеного холста или из грубой шерстяной ткани. Праздничные порты были обязательно красного цвета.

Бешмет (длинный цветной стеганный кафтан) служил некрасовцу верхней одеждой. Он был длиной чуть выше колен или до колен, с подрезной по талии спинкой, прямыми цельными полами, застегивавшимися до талии на крючок, с боковыми клиньями, застежка справа налево, косая, на восьми пуговицах и воздушных петлях. Это была верхняя одежда, стеганная на вате, из шерсти или из шелковой ткани оранжево-желтого цвета с черными полосами, украшенная тесьмой и стеклярусом.

Еще казаки носили чекмень. Чекмень — старинная верхняя одежда казаков, удобная для верховой езды. Он шился из сукна в талию и с широкими рукавами, стянутыми в запястье манжетом. Расхожий чекмень был длиной до колен, передние полы цельные, спина разрезная по талии, грудь открытая почти до пояса, как в черкеске, полы обшиты кругом широкой парчовой или узорчатой цветной шириной; рукава имели разрез по внешнему шву между локтем и плечом, так что их можно было откидывать за спину. Парадный чекмень носился враспашку поверх бешмета и холодного оружия, а расхожий стягивался поясом, на котором снаружи навешивалась шашка.

М. В. Чайковский, общественный деятель и писатель, в середине XIX в. живший в Турции и побывавший у некрасовцев, так описывал их одежду:

Одежда мужчин состояла из широких шаровар, кафтана и барашковой шапки с золотым галуном, а иногда и с золотой цепочкой. Женщины одевались так же, как и на Дону: на головах носят русские кокошники, любят яркие цвета, блестящие украшения¹⁰⁵.

¹⁰⁵ Чайковский М. В. Записки Михаила Чайковского (Садык-Паши) // Сб. «Киевская старина» (ежемесячный исторический журнал), год одиннадцатый, т. 39, октябрь, вып. 12. Киев, 1892. С. 117.

Русский путешественник В. И. Иванов-Желудков познакомился с некрасовцами и побывал у них, на Майносе, в 70-х гг. XIX в. Вот как он описывает одежду и внешний вид казака:

У телеги стоял человек в бараньей шапке, в серенькой свите, напоминающей покроем черкеску, в синих портах и в турецких сапогах без каблуков, носки вверх. Из-под свиты виднелась белая рубаха с прямым воротом. Грудь и подол были изящно вышиты красным и синим шелком. Русая борода, очевидно, не была от роду ни брита, ни стрижена¹⁰⁶.

Русский востоковед В. Ф. Минорский побывал у некрасовцев позже, в начале XX в., об их одежде он писал так:

Мы видели белоголовых ребятишек, казаков в расшитых рубахах, босых женщин в повойниках и ярких кофтах с распущенными широко книзу от локтя полосатыми рукавами... Мужчины были одеты в нарядные, стеганные на вате бешметы, украшенные серебряными филигранными пуговицами по вороту и на груди... На нем (молодом казаке. — В. Г.) были широченные шаровары из красного кумача с золотым позументом на лампасах. Грудь рубашки была прекрасно вышита, на голове надета высокая валяная казацкая шапка¹⁰⁷.

Женский праздничный костюм сохранился практически без изменений с конца XVII в. Женская рубаха у казаков-некрасовцев представляет собой тип допетровской женской одежды. Ее носили все женщины до начала XVIII в.

Рубаха имеет туникообразный покрой, состоит из чехлика, рукавов, стана. Рукава и стан шились из более дорогой ткани, а чехлик — из более мягкой и теплой, так как сверху закрывался балахоном. На верхнюю часть чехлика пришивается накладка. Ворот украшается скрученной черно-желтой нитью. Обложка, обычно красного цвета, вышивается, вышивка делается желтой нитью мелким крестом в шахматном порядке (узор «кокурышки»). Раньше вместо манжет была красная обтачка, позднее манжеты также украшались вышивкой. Между рукавами и чехликом пришивается ластовица.

Поверх рубахи женщины носят балахон. Он, так же как и рубаха, имеет туникообразный покрой, спереди застегивается на пуговицы по всей длине. Балахон — вид распашной одежды с узким коротким рукавом, он шился из ярких турецких тканей.

Вначале балахоны шились из полосатой набойки, затем из полосатой ткани фабричного производства; балахон носили с 12—14 лет, подчеркивая этим переход девочки в следующую возрастную группу. Поверх балахона носили завеску-

¹⁰⁶ *Иванов-Желудков В. И.* Русское село в Малой Азии // *Русский вестник*. 1866. Т. 63, июнь. С. 414.

¹⁰⁷ *Минорский В. Ф.* У русских подданных султана. М., 1902. Цит. по: *Ямнова Т. И.* Жизнь казаков-некрасовцев в Турции. Русские путешественники о жизни казаков на чужбине и материалы собирательских экспедиций сотрудников музея в Ставропольский край // *Экология традиционных культур: проблематика исчезающих этнокультурных групп в современном мире*. Материалы Междунар. науч. конф. СКФУ. Ставрополь: Сервисшкола, 2013. С. 188—189.

фартук, по подолу обшитый красной отделкой — «кырмызом». Сзади за веревочку заправлялись «мутозоки» — завязки из разных кусочков тканей с пушистой кистью из разноцветных шерстяных нитей. Девочки и девушки на голове носили «свяску», сложенную в несколько раз полоску ткани (бордово-оранжево-черной), украшенную бисером, монетами, раковинами каури). Поверх связки иногда надевали платок красно-желтой расцветки — «уруминский». Платок складывали по диагонали и завязывали под подбородком¹⁰⁸.

Балахон отделывали серебряными пуговицами и серебряными *площами* — круглыми нашивками, расположенными вдоль застежки. Иногда по низу балахона нашивали мелкие монеты — *левнички*¹⁰⁹.

Рубахи и балахон подпоясывались веревочками, причем каждая деталь комплекса одежды отдельно. Пояса всех восточнославянских народов считались предметом сакральным, а также связанным с продуцирующей и антропной магиями. В связи с этим большое значение придавалось мутозикам, они заправлялись за веревочку, которой был подпоясан балахон. Праздничные мутозики шились из шелковых кусочков ткани и заканчивались гарусной кистью из нитей 5 цветов. Мутозики имели большое символическое значение, связанным с продуцирующей магией. По расположению мутозиков судили о семейном положении женщины. Девушки носили их сзади параллельно друг другу. Пожилая некрасовка подтыкала их сзади несколько раз. А вдова, желающая выйти замуж, носила справа один спущенный вниз, другой — подоткнутый мутозик¹¹⁰.

Особое внимание в одежде уделялось красному цвету, что относится к древним поверьям восточных славян. О. В. Белова в статье «Красный цвет» этнолингвистического словаря пишет: «Красный цвет наделяется защитными свойствами и используется как оберег. Особо значимы в народных представлениях красная нить, красное полотно, красное яйцо»¹¹¹.

Женщины носили своеобразно покрытые платки, полностью скрывающие волосы. Бабий платок состоял из нескольких элементов: каука — наполненного шерстью валика из хлопчатобумажной ткани, шлычки, связки и «уруменского» платка. Один конец его украшался бахромой из разноцветных шерстяных ниток, а на голове он крепился при помощи булавок. Кроме того, платок обязательно имел многочисленные украшения из бисера.

Девушки были свободны от жесткого предписания скрывать волосы. Напротив, старались выставить напоказ свою косу. Девушки носили тканевые повязки, украшенные различными оберегами, монетами, маленькими раковинами и украшениями из бисера. Поверх связки носили платок, который завязывался под подбородком.

¹⁰⁸ Абрамова Т. Традиционный комплекс женской одежды в свадебном обряде казаков-некрасовцев // Известия Ростовского областного музея краеведения. Ростов-на-Дону, 1989. Вып. 6. Цит. по: Казаки-некрасовцы. Сборник материалов. Ставрополь, 2009. С. 110—111.

¹⁰⁹ Там же. С. 111.

¹¹⁰ Там же. С. 114.

¹¹¹ Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 2. С. 647.

родком. Смена прически — переплетение одной косы в две, уложенные «венцом» вокруг головы, а также надевание головного убора замужней женщины — один из центральных ритуалов свадьбы. Этот старинный обычай сохранился в свадебной обрядности у казаков-некрасовцев.

Иванов-Желудков, посетивший Майнос в середине XIX в., был впечатлен женским костюмом некрасовки:

Женский костюм на Майносе не от века сего. Сарафан очень короток, до колен. Грудь вся закрыта, рукава узки и доходят до локтей. Из-под них выпускаются рукава из другой материи, широкие, называемые турецкими. Сарафан на Аграфене был полосатый, желтые, зеленые и красные полосы из той материи, что до сих пор носят татарки, а рукава были из светло-желтой тафты. Перехват на талии, а не под мышками, и на перехвате был навязан пестрый широкий пояс. Под сарафаном была юбка из темной пестряди, спускавшаяся до половины икр. На голове платок, от которого на спину из-за ушей ложились два конца. От ворота до подола шел ряд мелких кругленьких пуговок, как водится и в России. Грудь сарафана была унизана турецкими серебряными монетами всех величин, от бешлыков, величиною в целковый, до двадцаток, величиною в гривенник, монеты были расположены симметрично и с большим вкусом. На Аграфене висело монет по меньшей мере рублей на двадцать, а сколько висело на одной девушке, которую я встретил на улице на другой день, я и сказать не умею. У нее монеты были вплетены в косу, так что когда она шла, то слышался звон, кроме того, грудь была покрыта монетами, как серебряным панцирем¹¹².

Детский костюм, как у мальчиков, так и у девочек, состоял из одной рубашонки.

В целом костюм казаков-некрасовцев — это сплав различных традиций и культур, история скитаний оставила свои следы и на их костюмах.

Белая мужская рубаша с нагрудной вышивкой и свадебная рогатая кичка — наиболее древняя, исконная русская одежда. Но тут же яркие восточные шелка, монеты. Узорные пуговицы и полудрагоценные камни — украшения балканских народов. Рядом морские раковины — традиционные амулеты живущих на побережье греков и грузин. На наплечных полосках женского балахона — чисто тюркская гамма цветов (желтый, зеленый, красный, синий), символика которой связана с круговоротом земной жизни¹¹³.

Лексико-тематическая группа «**Наименования одежды и головных уборов**» подкласса «Быт» включает 6 подгрупп: 1) общие названия одежды материалов и инструментов для шитья; 2) названия женской одежды; 3) названия мужской одежды; 4) названия верхней одежды; 5) названия поясов; 6) названия головных уборов.

1. **Общие названия одежды** являются либо названием совокупности одежды как расчлененного множества, либо как целостного класса, либо наименованием оппозиции «верх—низ» по отношению к одежде:

¹¹² Иванов-Желудков В. И. Русское село в Малой Азии // Русский вестник. 1866. Т. 63, июнь. С. 437.

¹¹³ Медведева В. Казаки-некрасовцы на чужбине и в России // Евразия. 1996. № 1. С. 47.

Одѣжка-передѣжка [адѣшка-пиридѣшка] — ‘одежда, смена белья’ (*Бирѣм адѣшку-пиридѣшку, пирѣдѣмси*). **Барахлина** [бѣрахлина] — ‘одежонка’ (*Адела чистую бѣрахлину и пашила*). **Катунка** [катунка] — ‘сверток, скатка’ (*Сматал адежду, связал — ета катунка*). **Перемываха** [пирьмываха] — ‘смена белья’ (*Взял рубаху-пирьмуваху и паиол рыбалить*). **Вершок** [вяршок] — ‘лицевая сторона одежды’ (*Были лѣгинькии бѣлахоны, патклатка и вяршок*). **Испод** [испот], **Спод** [спот] — в знач. ‘изнанка одежды’ (*На споди падаплѣка пришыта*).

Названия материалов и инструментов для шитья — это номинации кожи, меха, ниток, пряжи, тканей, приспособлений для шитья:

Кожа [кожа] — ‘мех’ (*У бишмяти снизу кожа*). **Мешина** [мяшына] — ‘кожа как материал’ (*Из римня, из мяшыны лестафки зделаны*). **Кужелка** [кужалка] — ‘клубок ниток’ (*Кужалки были круглаи*). **Нитя** [нить] — ‘нить’ (*Тура — ета такая нитя*). **Бель** [бель] — в знач. ‘белый материал, идущий на рубахи’ (*У муцин рубашика — бель, беличка*). **Филимѣнка** [филимѣнка] — ‘хлопчатобумажная пряжа’ (*Филимѣнка — нитки накупали, потом вязли наски, чулки*). **Сиючка** [сиючка] — ‘черный блестящий материал’ (*Ета сиючка, чѣрнай матярал*). **Фанела** [фанела] — ‘фланель’ (*Кухаѣнащѣка, сверху чѣрнай матярал, а внизу фанела*). **Шимлази** [шымлази] — ‘шелковый материал в рубчик’ (*Шымлази — тожа шолкавая, ф палосачку*). **Шелкутни** [шалкутни] — ‘плотный шелковый материал с узором, из которого шили бешметы и балахоны’ (*Шалкутни — такой блястучий шолк*). **Киндяк** [киндяк] — ‘хлопчатобумажный материал синего цвета’ (*Парки ис киндяка па фсяк день насыли*). **Веретѣнка** [виритѣнка] — ‘веретено’ (*Виритѣнкай пряли*). **Ножни** [ножни] — ‘ножницы’ (*Без ножнях ни сашѣи*).

2. **Названия женской одежды** делятся на номинации: а) старинной женской одежды и ее частей, характерных для XVII—XVIII вв.; б) утепленной традиционной женской одежды.

Номинации старинной женской одежды, характерной для XVII—XVIII вв., и ее частей:

Балахон [бѣлахон] — ‘легкий распашной полукафтан с короткими рукавами, надевается поверх рубахи’ (*Бѣлахон — внизу патклатка, рукава кароткии*). **Подпол** [патпол], **Подпольник** [патпольник] — ‘кусочек дешевого материала, вставляемый в полу балахона в месте, которое обычно скрыто под передником’ (*Патполы, патпольники розавьи пришыты, их пѣд завескай ни видна*). **Чефлик** [чефлик, щефлик] — ‘верхняя часть женской рубахи, лиф’ (*У рубахи в вярху чефлик, рукава да щефлика пришыты*). **Подоплѣка** [пѣдаплѣка] — в знач. ‘нашивка из яркого материала на лифе женской рубахи’ (*На щефлику пѣдаплѣка для красы*). **Подол** [падол] — в знач. ‘часть женской рубахи ниже пояса, подол и чефлик делались из разного материала’ (*Внизу падол красивай, кырмазам пастрочинай*). **Лыл** [лыл] — ‘верхняя узкая часть рукава женской рубахи, до локтя’ (*Рукава в вярху ускии, лылы*). **Ошейник** [ашейник] — в знач. ‘воротник’ (*На шуби малинький ашейничик*). **Завеска** [завеска] — ‘женский передник’ (*Завески пастрочинай, фсѣ руками строчим*). **Мутозик** [мутозик] — ‘длинные завязки, украшенные кистями, на нарядном переднике’ (*Мутоски ззаду висять да кален с вихрами*). **Зепь** [зепь] — ‘съемный карман на пояске’ (*Зепь — на паяске карман*). **Портки** [парки] — в знач. ‘женские панталоны’ (*Женскии парки да кален*).

Номинации утепленной традиционной женской одежды:

Сарафан [сърахван] — ‘теплый стеганный женский кафтан’ (*Сърахван каг бълaxon, ну пастѣганый, на вати*). **Фанелка** [фанелка] — ‘вязаная кофта’ (*Фанелки длиннаи, с рукавами*). **Кухаёнка** [кухаёнка] — ‘женская стеганая кофта черного цвета с короткими рукавами’ (*Кухаёнка стѣганая, патклатка, верх, рукава короткии, сама нижя поиса*). **Кухайка** [кухайка] — ‘женское стеганое пальто из легкого материала черного цвета’ (*Кухайки ровнацька стягали*).

3. **Названия мужской одежды** — это номинации традиционной мужской одежды, характерной для XVII—XVIII вв., и ее частей:

Беишметь [бишметь] — ‘стеганный полукафтан из шелка’ (*Бишмяти мелачка пастѣганый, хоть ис шалкутни сашей, хоть ис шымлази*). **Чекмень** [чикмень] — ‘мужская верхняя одежда, кафтан из сукна’ (*Чикмень с сукна, пад мышкай распаснутый*). **Карпан** [кѣрапан] — ‘длинный суконный пиджак’ (*Кѣрапаны были рыбацькии*). **Ворот** [ворот] — ‘расшитая грудь мужской рубахи’ (*Вѣрата атишывали в рубахах*). **Подплёка** [пѣдаплёка] — в знач. ‘подкладка у мужской рубашки’ (*Пад рубаху паткидывають пѣдаплёку, штоп крепиа было*). **Портки** [парки] — ‘мужские штаны’ (*Парки киндячнаи — синии, парки кырмазавыи — краснаи*). **Голенища** [гѣлянишша] — ‘нижняя часть штанов, штанина’ (*Гѣлянишша внизу киндяком пастрочина*).

4. **Названия верхней одежды** делятся на наименования рабочей и будничной, нерабочей, одежды:

Винцерада [винцарада], **Лощёнка** [лашонка], **Линцерада** [линцарада] — ‘рабочий плащ’ (*Винцарады делали ис клиёнки. — Лашонку прамасливають маслом и красють, дои ни прабивають*). **Кятлама** [кѣтлама] — ‘рабочая шуба, крытая грубым сукном’ (*Кѣтлама — ис кожи, ана для рыбакох, пѣкрыта сукною*). **Камышейка** [камышейка] — ‘мужская рабочая рубашка с карманами на груди’ (*Камышейка адяёцца как рубаишка*).

Плюшка [плюшка] — ‘плюшевое пальто’ (*Пальто купили, плюшку*). **Полпальта** [полпальта] — ‘полупальто’ (*Хадил ф полпальта, беднай*). **Полушубка** [пѣлушупка] — ‘ меховая куртка без рукавов’ (*Пѣлушупки биз рукаф, на пояс, ф церкву патить*). **Теплушка** [тяплюшка] — ‘утепленный жилет’ (*Рубаишка, свѣрх жылетка надивалася, ета тяплюшка*).

5. **Наименования пояса** могли относиться и к женской, и к мужской одежде, как к повседневной, так и к праздничной.

С древнейших времен человеческого общества пояс рассматривался как некий оберег, магический объект, способствующий благополучию и удаче. С этим связан обычай опоясывания новорожденного во время крещения. Родившийся человек получал талисман, с которым проходила вся его жизнь. О большом значении, которое придавалась поясу, свидетельствуют народные выражения, связанные со словом «пояс». Например, «распоясаться» означает утратить приличия поведения. По русским поверьям, ходить без пояса было так же грешно, как и без креста. Отрицательные герои в русском фольклоре появляются «без креста, без пояса».

Пояс для некрасовца был оберегом, магическим объектом, способствующим благополучию и удаче. У казаков-некрасовцев пояса были женские и мужские, и для повседневного употребления, и праздничные. Пояс издревле являлся хранителем кошелька. На пояс и за поясом хранили оружие. У женщин к поясу прикреплялся карман, в котором хранились ключи от кладовок, сундуков и лакомства для детей. Некрасовка Беликова Пелагея Федоровна вспоминает: «Поясок надевал священник с момента крещения. Без пояса и нательного креста на люди показываться было нельзя».

Вушкарник [вушкарник], **Вушкар** [вушкар] — ‘шнурок или матерчатый пояс у штанов’ (*Вверху парки на вушкарнику*). **Трубулус** [трубулус] — ‘широкий и длинный пояс с бахромой на концах’ (*Трубулус — в длину чирис фсю хату, ис шолку, шырокай*). **Катаур** [катаур, катавур] — ‘женский нарядный широкий пояс с резной металлической пряжкой’ (*У женишын катауры, ис сирибра пояс, с пряжкой*). **Кулан** [кулан] — ‘женский нарядный широкий пояс’ (*Сарафан патпаясывали куланам, застыбнёсси, аж живот пазажымаить*) — от турецк. *kolan*. **Черес** [шерис] — ‘матерчатый пояс, внутрь которого вкладываются деньги’ (*Шерис шырокай, ис шолку, там дирачка, а если нужна, трухнёть*).

6. **Названия головных уборов** — номинации только женских традиционных головных уборов.

Кокошники были двух видов: девичий — маленький, с гладким верхом, наподобие шапочки, и замужней женщины — большой, с рожками, который женщина носила по праздникам. Кроме того, обязательно готовилась и кичка-шапочка с рогами, которую шили из подкладочного материала, проваривая его в сахаре или крахмале. Рожки делали высотой до 15 см и набивали ватой. В приданое также входили шелковый шарф — «лента», шлычка. С момента начала подготовки приданого мать надевала девушке золотые серьги¹¹⁴.

Среди номинаций женских традиционных головных уборов выделяются наименования: а) девичьих головных уборов, б) женских («бабичих») головных уборов:

Кокошник [кукошник] — ‘праздничный головной убор девушки’ (*У девушки кукошник и махор, заплитёнай ф касе*). **Связка** [свяска] — ‘полоска материи, закрывающая лоб’ (*У девушки свяска на три пальца, нъ лабочик свяска*). **Подкосник** [паткосник] — ‘подкладка под косу, чтобы не пачкалась одежда’ (*Паткосник назади белай, пришилиш нижа пъяса*). **Ширинка** [шыринка] — ‘небольшой нарядный платок’ (*Шыринацку девушки носить на гълаве, с узорами*).

Каук [кауk, кавук] — ‘часть повседневного женского головного убора, валик, который кладется на затылок к ушам’ (*Каук шытай, иво кладуть пат шылышъку, свяску на шылышъку кладуть*). **Кичка** [кичка] — ‘часть праздничного женского головного убора, шапочка с двумя выступами по бокам в виде рогов’ (*Кичка ушытая из матери*).

¹¹⁴ Абрамова Т. Традиционный комплекс женской одежды в свадебном обряде казаков-некрасовцев // Известия Ростовского областного музея краеведения. Ростов-на-Дону, 1989. Вып. 6. Цит. по: Казаки-некрасовцы. Сборник материалов. Ставрополь, 2009. С. 111.

Сорока [сарока] — ‘часть праздничного головного убора в виде обруча’ (*Сарока круглая, з блёставак, надяёцца на кичку*). **Позатыльник** [пъзатыльник] — ‘деталь старинного праздничного головного убора, широкая оборка, расшитая золотом и серебром, прикрывающая волосы сзади’ (*Пъзатыльник ззаду, из зенчуга*). **Шлычка** [шлычка, шлыщка] — ‘деталь будничного головного убора, ею связывают волосы; надевается поверх каука, сверху покрывается платком’ (*Шлыщку жоны носяць*). **Наметка** [намитка] — ‘покупной квадратный платок, составлявший часть длинного платка некрасовки’ (*Платок длиннай — три намитки, паттыкаюць фпиреди*).

Лексико-тематическая группа «**Наименования украшений**».

Украшения в жизни казаков-некрасовцев играли важную роль. Их одежда, головные уборы имеют разнообразные украшения, а вышивка удивляет многообразием цветов и орнаментов. Все это носило отчасти сакральный характер, но было в то же время особым способом самовыражения некрасовцев и отражало дух времени и их образ жизни. Некрасовки были большими мастерицами по части украшения своей одежды, головных уборов и причёсок. Изготовленные ими изделия ценились высоко, их даже можно было сдать в церковную казну под залог, если семья испытывала финансовые затруднения.

Издавна жемчуг являлся любимым материалом некрасовок. Украшения из него чаще всего надевались казачками по особым случаям или по праздникам. Нашейные украшения носились в несколько рядов, казачки могли комбинировать в своем наряде и несколько различных ожерелий. Нашейные украшения изготавливались также и из драгоценных металлов: золотых, серебряных монет — и драгоценных камней. Такие украшения были доступны женщинам из обеспеченных семей.

Носили некрасовские казачки и кольца, и наручники (браслеты), которые изготавливались из золота, серебра или недрагоценных металлов, а также серьги, хотя последние были практически незаметны под головными платками. Изготавливались серьги из жемчуга, драгоценных камней и драгоценных металлов.

Лексико-тематическая группа «**Наименования украшений**» включает 3 подгруппы: 1) названия собственно украшений — серег, браслетов, материалов, из которых они изготавливаются; 2) названия украшений на одежде; 3) названия украшений в головном уборе и косе.

1. **Названия собственно украшений** представляют собой наименования сережек, ожерелий и браслетов, а также материалов, из которых они изготавливаются.

Бисирок [бисирок] — ‘жемчуг’ (*У них есь земчух, бисирок*). **Добрецо** [дабращо, дабрацо] — ‘драгоценные камни’ (*Было нямнога дабрацо, алмас, земчух, два калечка было*). **Злато** [злата] — ‘украшение из золота’ (*Сирёшки, персни — ета злата*). **Наручник** [наручник] — ‘браслет’ (*Наручники, сирёшки, персни были*). **Тряпки** [тряпки] — ‘серьги с мелкими висячими украшениями’ (*Тряпками серьги, када щяргунсы висяць*). **Дубла** [дубла], **Дубва** [дубва] — ‘золотая монета на цепочке как часть ожерелья’ (*Дубла — залатой чаргунис, на цеп, на лентачку, и две, и три надяюць*). **Жерёлок** [жырёлок] — ‘ожерелье из монет, нашитых на узкую полоску материи’ (*Жырёлак, вон*

пасодинай на материю, скрось пришиваюцца деньги, низы шеи). Шестаки [шыштаки] — ‘ожерелье из старинных русских монет, нашитых на одежду’ (Наши стариннай деньги, идрёнай: ета шыштаковий жырёллак, вон пришитый на материю).

2. Названия украшений на одежде. Основным украшением всех старинных русских рубах была вышивка, которая выполняла функцию оберега, защищая человека от «нечистой силы». Поэтому в одежде на Руси издревле украшались вышивкой ворот, рукава и подол одежды, как женской, так и мужской. Кроме того, для украшения рубах некрасовки всегда использовали бусы или кружево.

Особенно пышно украшали рукава, меньше — разрез ворота и подол. Основной акцент делался на плечевую часть, в местах соединения рукава с плечом. В женских нарядах мы видим разнообразные виды такого украшения, как **кис-тила**, которое представляло собой пучок разноцветных нитей — синих, красных, оранжевых, розовых, желтых, обычно на плече или же на платке. Одним из видов украшений одежды казачек (подолов, рукавов, а также платков) являлись **вилюшки** (**вилюшки-кивилюшки**) — вышивка в виде извилистых и витиеватых узоров.

Вышивка была не только украшением на одежде, она, помимо чисто эстетических функций, имела также охранительные функции, рассматривалась как оберег. Красный — цвет не только «красивый», но и цвет магический. Поэтому на подолах юбки у казачек мы видим ярко-красную ленту.

В мужских рубахах были такие узоры вышивки, как **коники**, **кушыники**, **лист с рогаком**, **свозинка**. **Коники** — народный славянский орнамент, означающий ноги бегущих коней солнечной колесницы, является частью свастики. **Свозинка** — узорный шов в виде ажурного кружева, в основном красного цвета, выполняемый по продернутым нитям в ткани в виде полосы. В праздничных рубахах использовали шов **откидушка** — разновидность шва с крестиком, такие узоры вышивки, как **орепенюшник** — четыре крестика, образующие ромб, **крестовник** — основным элементом узора является крест, **пятлё** — узор в виде петель на рукавах.

Русский путешественник Иванов-Желудков так описывает шитье на мужской рубахе некрасовца:

Ворот, грудь, подол и обшлаг его рубахи вышиты были красными и синими нитками, грудь в всю почти ширину, а подол и рукава ладони на две шириной. Швы также изукрашены красными и синими стежками. Рисунок шитья на этих рубахах сильно напомнил мне рисунок на заставках старинных рукописей, а также детали Василия Блаженного¹¹⁵.

Подгруппа «Названия украшений на одежде» довольно многочисленна. В ней можно выделить следующие наименования: а) виды шитья по одежде по внешнему виду, форме, по материалу; б) виды шитья по месту на одежде.

Наименования видов шитья по одежде по внешнему виду, форме, по материалу:

¹¹⁵ Иванов-Желудков В. И. Русское село в Малой Азии // Русский вестник. 1866. Т. 63, июнь. С. 429.

Краса [краса] — ‘украшения на одежде’ (*Приняси свою красу и заложи — церква помогала и брала залож*). **Вилюшки** [вилюшки], **Вилюшки-Кивилюшки** [вилюшки-кивилюшки] — ‘украшение на одежде в виде извилины’ (*Ашейник — на нём гарусам вилляли вилюшачки*). **Кистила** [кистила] — в знач. ‘кисти, бахрама’ (*Платок с кистилам*). **Косинка** [косинка] — ‘деталь узора вышивки’ (*Ворот атишываица, разные узоры есь: и лапки, и косинки*). **Крестовник** [крестовник] — ‘разновидность узора вышивки’ (*Узоры — лапки, утки, крестовник*). **Кушыник** [кушыник] — в знач. ‘разновидность узора вышивки’ (*Рубахи атишыва: и коники, кушыники, лист с рагачом*). **Орепешник** [арепешник] — в знач. ‘разновидность узора вышивки, четыре крестика, образующие ромб’ (*Арепешники — краснаи ниташьки, святочик, называлси арешешники*). **Откидушка** [аткидушка] — ‘разновидность шва с крестиком’ (*Шыли рубахи руками, ап чатыри стипка с аткидушками*). **Свезинка** [свезинка, связинка] — ‘узорный шов в виде мережки, которым сшивали части мужских праздничных рубаш и штанов’ (*Шоф называица свезинка, аттеля и атселя стябнёш*). **Петлэ** [питлэ] — ‘узор в виде петель’ (*Рукава абашиштыи, пительки, питлэ навиваица*). **Трёпки** [трёпки] — ‘бахрома’ (*Рукафчики с наборушками, а внизу трёпки*). **Площи** [плашшы] — ‘плоские металлические украшения на груди вдоль бортов женского балахона’ (*Плашшы из деньгах на бляхонии папришываица*). **Гайтан** [гайтан] — ‘тесьма, которой отделывают рубахи и балахоны’ (*Внизу бляхон аделаныи витучим гайтанам*). **Лента** [лента] — ‘кружево’ (*На шыринашьяки, на завески тожы лента*).

Наименования видов шитья по месту на одежде:

Запязи [зязязи] — ‘отделка, обшивка в нижней части штанов’ (*Парки кырмазыштыи, а в запязи пастрочинии киндяком*). **Обложка** [абложка] — ‘обшивка рукава, манжета’ (*Внизу рукафчикаф абложычка пастрочинаи*). **Ошейник** [ашейник] — в знач. ‘отделка горловины на мужской и женской рубахе’ (*Ашейник у чешлика кырмазам пастрочинаи, на нём вилюшки ап шею*).

3. **Названия украшений в головном уборе и косе.** Издавна у казачек-некрасовок были популярны украшения для волос и головных уборов. Они изготавливали их собственноручно. Данная подгруппа включает прежде всего: а) номинации украшений в волосах и косе девушки; б) номинации украшений в головном уборе.

Наименования украшений в косе:

Косицы [касицы, касисы] — ‘перья селезня, используемые в качестве украшения в волосах’ (*Свяска надиваица, платочик, патом касисы ат силлизня, перушки затыкаюцца*). **Лапасник** [лапасник] — ‘вид украшения в косе: треугольный лоскут на шнуре, с пуговками, приплетается к косе’ (*Дефки носять лапасник, прикрплляица к материш*). **Махор** [махор] — ‘вид украшения в косе’ (*Ф касе пролафка (провода) сиребриная, махор*). **Подмохрик** [падмохрик] — ‘подвеска у махра’ (*На махори падмохрики висять, как цепачка, фсё на сирибре*). **Накосник** [накосник] — ‘вид украшения в косе’ (*Накосники — ета с сирибра ришотачки*).

Наименования украшений в головном уборе:

Кутазик [кутазик] — ‘украшение на кичке, на кокошнике, в косе в виде подвесок’ (*Ат кички сиребринаи кутазики, как серьги матаюцца*). **Обнизка** [абниска] — ‘украшение из монет, пришитых к кичке, кокошнику’ (*Абниска ис питачкох, из двухлевничках, иё*

паавесии на кукошнику). **Чергунец** [чаргунец, шаргунис] — в знач. ‘украшение из монет на кокошнике’ (*Щаргунсы и на гълаве висятъ, на кукошнику пришытаи*). **Окоух** [акоух] — ‘металлическое украшение в виде блесток на головном уборе’ (*Акоухи жолтинькии, пришивающа на кукошнику*).

Лексико-тематическая группа «**Обувь**» подкласса «Быт» включает две подгруппы: 1) названия нерабочей обуви; 2) названия рабочей обуви.

1. **Названия нерабочей обуви** включают наименования: а) праздничной обуви, которую носили и мужчины, и женщины; б) женской праздничной обуви; в) домашней обуви и обиходной обуви, которую могли носить и мужчины, и женщины.

Номинации праздничной обуви, которую носили и мужчины, и женщины:

Кундры [кундры] — ‘закрытые мужские и женские туфли’ (*Кундры праздникаи, нискаи, каг глубокии калошы, на шнурках и бис шнурка*) — от турецк. *kundura*. **Ярым-бутины** [ярымбутины] — ‘полусапожки’ (*Ярамбутины — высокии лаковыи батинки, у них збоку рязинки*) — от турецк. *yarım* — ‘половина’.

Номинации женской праздничной обуви:

Бахилы [бахилы], **Бахилки** [бахилки] — ‘мягкие женские ботинки из цветной кожи, без подметки, поверх них надевались котыры’ (*Бахилки жолтаи, бахилы надивалися ф катыры*).

Номинации домашней и обиходной обуви, которую носили и мужчины, и женщины:

Надвижки [надвижки] — ‘домашние туфли без задников’ (*Надвишки надела, хади, шлёпай*). **Калевры** [калевры] — ‘летняя обувь, сандалии’ (*Калевры — ета сандали*) — от болг. *калевра*. **Котыры** [катыры] — ‘женская обувь из грубой кожи, надеваемая вместо калош’ (*Катыры на падошви, ани нискаи, краснаи, бахилачки ф катыры надяюща*).

2. **Названия рабочей обуви** одновременно могли называть грубую обувь, которую носили бедные:

Поршни [поршни], **Постолы** [пъсталы] — ‘грубая рабочая обувь из целого куска кожи, стянутого бечевкой или ремешком’ (*Поршни с кабаняй шкуры, шэлачки папрэбють и на бичофку набирають. — Ф насталы партянуцьку застелиш, завярнёш*). **Ходаки** [хьдаки], **Хоботы** [хобаты] — ‘грубая рабочая обувь’ (*Ишо хьдаки были, хобаты*). **Чирики** [чирики] — ‘летняя рабочая обувь’ (*Летам рыбаки ф чириках хадили*).

Лексико-тематическая группа «**Наименования кушаний**».

Основу пищи некрасовцев составляли продукты земледелия и рыболовства. Казаки питались жареной и отварной рыбой, отварной фасолью с луком, бобами, горохом с квасом, различными овощами. Картофель, помидоры употребляли в пищу редко, «в васькисеню», из-за того что их урожай был небольшой. Рыбу заготавливали впрок: ее солили, сушили, вялили. Солили мясо кабана, если удавалось его добыть. Мясо ели редко в силу недостатка средств, а также по причине длительных постов и еженедельных постных дней. Некрасовец Гаврила Дмитриевич Беликов так

рассказывает: *Мясу варили очинь ретка, на разным празникам: разгавеня, ражыство, на пасху.*

Употребляли молоко, сметаны было очень мало (делали ее сами). Было множество салатов: из огурцов, раков, картофеля, зелени. Вся пища готовилась с использованием оливкового масла. На зиму некрасовки делали заготовки: солили рыбу, помидоры, огурцы, капусту.

Кур берегли для получения яиц. Яйца использовали как компонент различных салатов, из них делали и яичницу, но редко. Яйцо предназначалось для обмена на сладости. Вот как вспоминает некрасовец Синяков Никита Филиппович: *Яичка дадут тебе, крёсная, или крёсный, или мать, бяжым халвы, белай или красный, купить, или сахар варёнай какупаим.*

Каждая семья пекла хлеб из пшеничной муки, из такой же муки готовили пирожки с рисовой кашей, тыквой, повидлом, фасолью. Из кукурузной муки также делали выпечку. Много вкусных блюд готовили некрасовки из пресного теста: плещинду с тыквой, трояки, калачи. Чай готовили из заваренных листьев айвы, варили компот из фруктов, к сладким блюдам готовилась приправа — подслащенная вода (сыта).

Некоторые блюда некрасовцев являются ритуальными: запеченные яйца на пасху, студень рыбный, студень сладкий, урек, свадебные караваи, крещенские «кресты», пасхальные куличи, поминальные и масленичные блины.

Русский путешественник М. Чайковский так вспоминал трапезу некрасовцев в середине XIX в.:

На пирушках присутствовали все, достигшие тридцатилетнего возраста, молодые люди прислуживали. Перед началом пиршества есаул громко провозглашал, что нельзя хулить Бога и Его святую веру и позорить честь женщины. После этого усаживались за столы. Угощение состояло из супа с рыбой и с клецками, из рыбы жареной и соленой с разными приправами, икры, вареников с сыром, пшенной каши на молоке, а иногда из жареного мяса и печений с сахаром или медом. Часто с приправой из мака и молока. Наедались досыта, запивая водкой или вином из огромной общей кружки. [...] Женщин не запирали и не скрывали. Но не допускали на пирушки, где присутствовали только мужчины¹¹⁶.

Русский востоковед В. Ф. Минорский так описывал типичное угощение некрасовцев в начале XX в.:

Перед отъездом приезжих накормили, посадив в красный угол под образа. Угощение состояло из мелких сладких слив, меда и сметаны с черным хлебом. [...] К ужину хозяйка постелила на стол чистую домотканую скатерть, поставила черный хлеб из очень светлой муки, чашки с мелкой жареной рыбкой, вроде сардинок, и мед. Рыбу ели руками, а в мед прямо макали хлеб¹¹⁷.

¹¹⁶ Чайковский М. Записки Михаила Чайковского (Садык-Паши) // Сб. «Киевская старина» (ежемесячный исторический журнал), год одиннадцатый, т. 39, октябрь, вып. 12. Киев, 1892. С. 114—115.

¹¹⁷ Минорский В. Ф. У русских подданных султана. М., 1902. Цит. по тексту статьи: Ямнова Т. И. Жизнь казаков-некрасовцев в Турции. Русские путешественники о жизни казаков

Перед едой все члены семьи некрасовцев молились в соответствии с правилами поведения за столом еще их предков. А. А. Топорков так пишет об этом обычае:

У восточных славян правила поведения за столом мотивируются присутствием в доме икон, а требование аккуратно обращаться с пищей — ее сакральным характером. Еда организуется таким образом, чтобы представить пищу, подаваемую стряпухой, как дары, исходящие от Бога. Хозяин дома, занимающий место во главе стола, под иконами, действует как бы от имени Бога, который незримо наблюдает за людьми и их отношением к дарам, сотрапезники же воздают Богу благодарность и выражают свое почтение¹¹⁸.

Группа «Наименования кушаний» состоит из следующих лексико-тематических подгрупп: 1) названия общих понятий; 2) названия хлебобулочных изделий; 3) названия блюд; 4) названия продуктов; 5) наименования напитков.

1. Подгруппа «**Общие понятия**» делится на:

Наименования еды как расчлененного множества и как целостной совокупности:

Еста [ёста], **Приготовка** [пригатофка] — ‘еда, кушанье’ (*Ёста фсякая была, фкусная. — Наставили на стол пригатофку, атес паел*). **Кусмяка** [кусмяка] — ‘большой кусок’ (*Взял кусмяку и нанябыриваить*).

Наименования приема пищи по временному параметру, процессов приготовления пищи, общих и частных, наименования приспособлений для еды:

Обед [абет] — ‘завтрак’ (*Абет бываить утрам*). **Запой** [запой] — ‘пиршество в честь окончания уборки урожая’ (*Фсё пажнуть, запой зделають, мяса наворють, курей нажарють*). **Солило** [салила] — ‘засолка’ (*Салила была. Салили в бочках. Мала хто салил капусту. Качан раздяляли на части, ета называица пилюльки*). **Стряповня** [стрипавня] — ‘приготовление пищи’ (*Стюдень — стрипавня такая: прасушиваиш эту рыбу, запякаиш иё в русских пяхах, штоб запах был, штобы сырость ня пахла, штоп пячным пахло*). **Байдажок** [байдажок] — ‘небольшая палочка для еды’ (*Байдашком гатушки бирём, ф чяснок акунаим и в рот иё сажам*).

2. Подгруппа «**Названия хлебобулочных изделий**» является самой многочисленной в группе «Наименования кушаний», что отражает гастрономические пристрастия некрасовцев и вообще восточных славян. Хлебобулочные изделия называются по разным признакам: а) виду теста; б) способу приготовления и начинке; в) виду изделия и материалу. Опишем подробнее:

на чужбине и материалы собирательских экспедиций сотрудников музея в Ставропольский край // Экология традиционных культур: проблематика исчезающих этнокультурных групп в современном мире. Материалы Междунар. науч. конф. СКФУ. Ставрополь: Сервисшкола, 2013. С. 188—189.

¹¹⁸ Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 2. С. 176.

Названия по виду теста:

Калач [калач] — ‘изделие из сдобного теста, напоминающее восьмерку’ (*Калачи — када невесту прасватають, свякравя нивеску идёть кармить*). **Каныш** [каныш] — ‘вид изделия из рядов слоеного теста’ (*Каныш — на новый гот пякли, хочиш пятнацать, хочиш дваццать пышек, туда денюшку лажыли: каму щасть папала*). **Стряпано** [стряпана] — ‘изделия из сдобного теста’ (*Кажнай день стряпана была*). **Колабушка** [калабушка] — ‘небольшая булочка из сдобного теста’ (*Калабушки — ани как хлебушкы: мука пашаничная, на ваде, дрожы, зделаши булачку и пикёш*). **Баклава** [баклава] — ‘вид изделия из рядов слоеного теста’ (*Баклава — раскатываицца пышка, здобная теста, очинь тонка, патом масла сливачная, черис три пышки пасыпаицца фустыкам, сиропом заливаицца*). **Трояка** [трайка] — ‘изделие из пресного теста, тонкий корж’ (*Трояки — абыкнавеная теста замешывають, как на вареники, патом шарики делают, разложуть, раскатывають тонка-тонка*). **Накваска** [накваска] — в знач. ‘кислое тесто для заквашивания, закваска’ (*Теста делали на накваски, ис хлеба аставють и паставють*);

Названия по способу приготовления и начинке:

Катламка [катламка] — ‘небольшие лепешки, которые жарятся в масле, а потом заливаются медом или сметаной с сахаром’ (*Катламки — пышку раскатаим, маслом смазываим, жарим, патом сахарам усыпаим, мёдам и смятанай*). **Копытце** [капыцца] — ‘изделие из теста с творогом, вагрушка’ (*Капыццы — пышку скатаим, ячичках набём ф сыр и ф пышку зъварачивым, в русских печках пякли*). **Пирог** [пирох] — ‘хлеб печеный’ (*Дражэй никаких ни было, аставляли кусочик хлеба, яво ф теста и муку закатывали, фсю ночь стаить, и вот падайдеть када, ф печки пякли. Да света пираги пякли уже*). **Абыденка** [абыдёнка, быдёнка] — ‘хлеб, который печется днем, на скорую руку’ (*Быденка — срочный хлеб, пякли днем, на скаврадах, а так пирох*). **Плячинда** [плящинда] — ‘особый вид пирога с начинкой из тыквы’ (*Замесиш абыкнавеная теста, патом пышки, начинка с сырой тыквы, ишо изюм, а лучшы финик дабавляють, сверху маслом, сахарам, инджырам*);

Названия по виду изделия, свойствам и материалу:

Калачик [калачик] — ‘бублик, который пекли некрасовцы’ (*Раскатають тесту и на скавраду, масла нямнога, и в руссаю печь, патом пириварнуть их, и на марличку. В нардэк макали, на заетку*). **Симитка** [симитка] — ‘бублик турецкого производства, с кунжутом’ (*Турки пякли, мы ни пякли. Радитили привазили*) — от турецк. *simit*. **Малай** [малай] — ‘сладкий хлеб из кукурузной муки с добавлением меда’ (*Малай с кукурузы, абыкнавенная кислая теста, наквасачку паставиш, туда нардэк дабавляють, палучался как пирох сладкий, нъпадоби тарты у вас, как пень трухлявый*). **Тарана** [тарана] — ‘сладкое кушанье, сдобные шарики из муки и щербета’ (*Тарана, мы иё пакупали. Турки туда яйцо, дрожы, пшаничну муку, ришётя бяруть и труть, ана падаить, и шарики делают*) — от турецк. *tarhana*. **Какурка** [какурка] — ‘лепешка в дальнюю дорогу’ (*Када аццы ездили на рыбалку, мы делали им какурку, ана год ляжала: сахар пясочный, масла пашаничная, мука и вада, фсе пириmeshываиш, патом делаиш*).

Подгруппа «**Названия блюд**» группы «Наименования кушаний» является немногочисленной и включает: а) наименования жидких (условно первых) блюд, б) наименования вторых блюд, салатов и десерта. Приведем примеры:

Названия жидких (условно первых) блюд:

Журка [журка] — ‘отвар от галушек’ (*Када галушки свориш, етат сок астаёцца, журка, вот яво и ели с галушками, фкусная, посная яда*). **Шарба** [шарба] — ‘уха’ (*Шарба — вазьмем луку, накрошым иво, вадичкай папарим, маслички туда поснай и парицца, кипить вада. И ложыли туду рыбу, головы, пятрушку, укропчик*). **Затирка** [затирка], **Затируха** [затируха] — ‘постный суп, заправленный пшеничной мукой’ (*Затирка — разатрёш муку, пашаничную, прасени, а вада закипела, катушки катаюцца и ты их вориш, картошку паложыш туду, ана атварицца, пьталькёш и вот гатова*). **Мамалыга** [мьмалыга] — ‘постный суп, заправленный кукурузной мукой’ (*Хто набиднеи, затирку с пацатнай муки мял, лукавичку пирижариш, ложыш, если ня пост, вот и мьмалыга*).)

Названия закусок, вторых блюд, салатов и десерта:

Студень рыбный [стюдень] — ‘закуска из рыбы, считалась мужской’ (*Запякаши рыбу ф печки, запякли и ставим иё варить, пасмотриш, если мягинькая, то сымаиш и начинаши ламать, пьламаим и зьливаим квасам, туду цяснок, лимон, укроп — эта стюдень рыбнай*). **Студень красный** [стюдень] — ‘закуска овощная, считалась женской’ (*Стюдень краснай — квас, туду крошыцца буряк, цяснок, капуста, лимон, и вот гатоф*). **Рыба в медник клоденная** — ‘томленая рыба с приправами’ (*Бралси медник, слой рыбы, слой луку, персым чёрным сыпали, цяснок, пятрушка — эта рыба, в медник клодина*). **Сальник** [сальник] — ‘кушанье из икры рыбы’ (*Сальник делали. Икра пастаить ф сали, патом иё убивають, туду лучок мелинька, масла и вуксус, ето на хлеб намажым и ядим*). **Кырныарык** [кырныарык] — ‘блюдо из баклажан’ (*Бяруцца синенькие, разрезаюцца ни да канца, внутрь фарш, зелинь, обжаживаюцца в масле, эта кырныарык*) — из турецкого языка. **Кравай** [кравай] — ‘тушеное мясо’ (*Кравай на свадьбу делали*). **Дулма** [дулма] — ‘блюдо из фарша (из мяса или риса), которым начинают болгарский перец’ (*Дулма: балгарский перис бяруть, срызають макушку, а фарш с луком, если мясной, рис атваривали, и тушать*) — от турецк. *dolma* ‘фарш’. **Салата** [салата] — ‘салат’ (*Салату делали, на руке резали, без даски, чиснаковная салата, картошная салата, из ракаф салата: кляшыш да хвостики, да цяснок*). **Урек** [урек] — ‘поминальная каша из пшена’ (*Бирёцца зярно пиана, талкли ф талкушках, варицца, туду мёт, сахар, на помины*). **Заедка** [заетка] — ‘десерт, чаще сладкий’ (*Малай, калаицик, трайка — эта на заетку*). **Речель** [рищель] — ‘варенье’ (*Рищель — вареня с айвы, хочиш цыликом, хочиш — на две-три части, ложым, сироп кипить, укипить и пасмотриш на яво густату*) — от турецк. *recel*.

Подгруппа «**Названия продуктов**» группы «Наименования кушаний» включает:

а) наименования продуктов, применяемых при изготовлении еды:

Мукишка [мукишка], **Мукишечка** [мукишачка] — ‘мука’ (*Кажная сямя (семья) мукишку имела*). **Хлебная мука** — ‘пшеничная мука’ (*Сьламату с пацатнай муки и с хлебной муки делали, и с пацатнай хлеп пякли*). **Пачатная мука** [пашатная] — ‘кукурузная мука’ (*Пацатную муку збалтаим, укутали, наставили, ф печку сажали*). **Зетинное масло** [зятиная] — ‘оливковое масло’ (*Масла в Турсии была зятиная, маслиная, мы иё пакупали*) — от турецк. *zeytin*. **Принч** [принч] — ‘рис’ (*Пираги с принчу, наворим, масла туды*) — от турецк. *pirinc*. **Сяркё** [сяркё] — ‘винный уксус’ (*Сярке — эта виннай вуксус*) — от турецк. *sirke*;

Наименования продуктов, из которых готовится закваска:

Мая [майа] — в знач. ‘дрожжи’ (*Мая — иё мы пакупали, када пянирь квасили, ложачку маи дабавляли*) — от турецк. *мауа*. **Накваска** [накваска] — в знач. ‘кислое молоко, используемое для закваски’ (*Мълако скипятим, астынить, заквасим — эта кислая мълако, накваска*). **Прибёлка** [прибёлка] — ‘закваска для хлеба’ (*Прибёлачку, наквасачку, ф чашки становим*);

Наименования молочных продуктов:

Молочина [малачина] — ‘молоко’ (*Мълачины было мала*). **Кисляк** [кисляк] — ‘кислое молоко’ (*Мълако заквасим, будить кисляк*). **Пенирь** [пнянирь] — ‘сыр’ (*Закваску заквасиш, эта сырная закваска, мълако, када пракиснить, туда лёш, када иё стянить, в марличку навесиш, ана стичеть, эта пянирь называли*) — от турецк. *реунир*. **Сколотина** [скалотина], **Сувратка** [сувратка] — ‘сыворожка, остающаяся при изготовлении сливочного масла’ (*Ат масла астаёцца сувратка, скалотина*). **Ялок** [ялок] — ‘сгусток сметаны’ (*Ялок ф смятани, свёрнутаи*).

Лексико-тематическая группа «**Наименования напитков**». Лексико-тематическая группа состоит из следующих лексико-тематических подгрупп: 1) названия безалкогольных напитков; 2) названия алкогольных напитков.

Подгруппа «**Безалкогольные напитки**» является тематически многочисленной. В ней преобладают номинации сладких напитков, присутствуют общие номинации напитков и наименования рассола.

Напива [напива] — ‘напиток’ (*Напивы фсякии падавали*). **Буза** [буза] — ‘жидкое кушанье из кукурузной муки на дрожжах’ (*Бузу заквасивали, заквасиш, ана тада пирябродить, атстаицца, згустеить, сливаем с чугуна и куфликам пем*). **Кушаф** [кушаф], **Извар** [извар] — ‘компот’ (*Кушаф — извар, варили из вишни, сливы, тока послы Приабражэня. — Извар ворим ис сухафруктаф*). **Нардек** [нардек] — ‘жидкий мед’ (*Сок ворим на агне, глину дъбавляют, бисприрывно мяшали, пълучалси нардек, как кампот, бальшая чашка была, вады дабавять, и вот так и хлябали*). **Чира** [щира] — ‘сок винограда’ (*Ягады в мяшок спицальной, и нагами, карыта чистая, в ней дырочка, в дырачку сок стякаить, называли щира — сок винаграднай*). **Сыта** [сыта] — ‘подслащенная вода’ (*Сыта к заедки — малаю, калацику*). **Буйлячий пянирь** [буйлячий пнянирь] — ‘напиток из молока буйлы’ (*Буйла была, смятану, буйлячий пянирь делали*). **Шыпучка** [шыпучка] — ‘напиток из лепестков роз, настоянный на солнце’ (*Сабирали розы в банку, туда кидали лимонную кислоту, и на сонцу, бис сахара, бис ничаво, патом соды туда, вот и шыпучка, такой запах приятнай*). **Саламата** [съламата] — ‘кисель из муки’ (*На прастой ваде, скипятиш, муку туда, мяшаим, если есть, смятанкой иё заделаиш, если нет, мълачку, сахарку и кушаиш*). **Айрян** [айрян] — ‘напиток из квашеного молока’ (*Заквасиш, насолиш, накрошиш абыденку, и готово*). **Саламур** [съламур] — ‘рассол’ (*Съламур ат салилы, ф кадащыки, хорошай*).

Подгруппа «**Номинации алкогольных напитков**» немногочисленна:

Пойло [пойла] — в знач. ‘алкогольный напиток’ (*Ани пойлу пили — вино, спирт*). **Кипучка** [кипучка] — ‘самодельный крепкий напиток’ (*Кипучку выпиш да уснёш*). **Рака** [рака] — ‘водка’ (*Нарезался раку, да и спать*) — турецк. *rakı*.

3.4. Подкласс «Животный мир»

Вводные замечания. В сложных условиях, в которых оказались казаки-некрасовцы, проживая в Турции, охота и рыбная ловля не потеряли для них своего решающего значения. Живя в Турции на берегу озера, казаки-некрасовцы знали многие виды водоплавающих птиц (таких, как гаргавка, гулушмарь, колп, лыска, мажар, мартин и т. д.), животных, живущих в камышах, лесах (таких, как медведи, волки, кабаны, лисы, зайцы, куницы, шакалы и т. д.).

В устном народном творчестве казаков-некрасовцев, например, в сказках, записанных Ф. Тумилевичем, мы встречаем целый ряд образов птиц и животных¹¹⁹.

Птицы — это положительные герои сказки. Они могут выполнять функцию возмездия: так, например, они «заклевывают насмерть» богатого за то, что он «выколол глаза бедному за две хлебины». Некоторые птицы «гутарят», «знают все обо всем», нередко берут на себя роль судьи в каком-либо событии, споре, принимая сторону того, кто стал жертвой (сказка «Богатый и бедный»).

Голуби как персонажи сказки выступают без четкой положительной или отрицательной оценки: глупые птицы, которых использует в своих целях герой. С их помощью поп разыгрывает ложное чудо: насыпав в ухо зерна, он выходит к людям с требованием отныне бриться всем и всегда, голуби же подлетают к его уху и клюют оттуда зерно; поп говорит народу, что это сам бог в образе голубей шепчет ему, что нужно бриться (сказка «Как люди бриться стали»).

Журавль — это положительный персонаж, по своей роли в сказке напоминает шуку из известной сказки «По шучьему веленью»): он исполняет просьбы своего спасителя, отдавая таким образом долг за помощь, выполняет желания героя, помогает ему, если тот в опасности. Так, в сказке «Красивый да мудрый» журавль дает старику два перышка, одно из которых дарит вкусный обед, другое — наказывает дубинками обидчика; с помощью перьев журавля старик справляется со злой колдуньей, воспитывает злую жену, угощает брата вкусным обедом (сказка «Злая баба»).

Собаки в сказках казаков-некрасовцев — это положительные персонажи, которые обладают нюхом на всякого рода злую силу, черную магию; их функция — ликвидация отрицательного героя: в сказке царевну-чародейку, хитрую, коварную ведьму, собаки загрызают, избавляя город от зла (сказка «Царевна-чародейка»).

Змей — это отрицательный персонаж, в сказке казак Василий его выручил (освободил из колодца), после чего змей стал творить зло: «на паперти лежать, людей пугать», а после «залез к дочери царя на шею»; хитрый, коварный, он был наказан находчивым казаком Василием (сказка «Баба и змей»).

Идеографическая характеристика лексико-тематического подкласса «Животный мир»

Лексико-тематический подкласс «Животный мир» в говоре казаков-некрасовцев включает 6 семантических групп: 1) «Общие названия животных»; 2) «Названия птиц»; 3) «Названия млекопитающих»; 4) «Названия насекомых, многоножек, пауков,

¹¹⁹ Тумилевич Ф. В. Сказки и предания казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 1961.

раков, т. е., членистоногих животных»; 5) «Названия земноводных и пресмыкающихся животных»; 6) «Названия мест обитания».

1. Общие названия животных:

Тварь — ‘животное’ (*Фся тварь зрастываитъ дитей в нурьки или гнизде*). **Зверина** [звярина] — ‘зверь, животное’ (*Ляса были, звярина была*). **Самчиха** [самчиха] — ‘самка’.

2. Названия птиц можно разделить на следующие лексико-тематические подгруппы.

а) Общие названия птиц:

Птичина [птичина] — ‘птица’ (*Птичина на гнезде яйца греитъ, дитей выводитъ*). **Птица-Мница** [птица-мница] — ‘всякая птица’ (*И птицу-мницу идять*);

б) Названия уток:

Утьва [утьва], **Утя** [утя] — ‘утки’ (*От сидять, гагара, утьва*. — Ути было много). **Бирибель** [бирибель], **Гаргавка** [гаргафка], **Гулушмарь** [гулушмарь], **Дударь** [дударь], **Мажар** [мажар], **мажор** [мажор], **Суяз** [суис] — ‘виды диких уток’ (*Бирибель, нырок, крупнай и мелкай*. — *Гаргафки — эта птицы фпадобии гуся*. — *Гулушмари — самыи малинькии утачки*. — *Дудары были в ваде, как вуты, плавали*. — *Мажар — вутки, краснай рата, краснай галовушки*. — *Суизы есть, хвостик длиннинький бываитъ, утинай у ней рот*). **Лыска** [лыска] — ‘водяная курочка, лысуха’ (*Ружой ахотилися, лысках били, вутей*).

в) Названия других птиц:

Карга [карга] — ‘ворона’ (*Скварцы, карги кукурузу бють*). **Карженёнок** [каржынёнак] — ‘воронёнок’. **Колп** [колп] — ‘водоплавающая птица, похожая на цаплю’ (*Колп белай, фпадобии гуся, на длинных нагах*). **Баба** [баба] — ‘пеликан’ (*Баба рыбу хвататъ, птицы бобы белаи*). **Бабура** [бабура] — ‘баклан’ (*Бабура как лебитъ, рыбу ловитъ*). **Мартин** [мартин], **Мартишок** [мартишок] — ‘порода чаек’ (*Мартины были, белаи, — лятають, а ф пясках выводяцца*). **Чапура** [чапура] — ‘цапля’ (*Серая, белая чапура есь*). **Кукумява** [кукумява], **Кукунява** [кукунява] — ‘сыч’ (*Кукумява кричитъ таким голасам: кукумй, кукумй*) — от турецк. *kukitav*. **Кулюк** [кулюк] — ‘кулик’ (*Кулюки над возирам лятають, ани ня плавають*). **Дудак** [дудак] — ‘дрофа’ (*Дудаки стипавыи, они лятучии*). **Павин** [павин] — ‘павлин’ (*Ийсы там, павины были*). **Павиниха** [павиниха] — ‘самка павлина’ (*Павиниха серинькая, токи два пёрушки цвятныя*). **Пичужка** [пичушка] — ‘жаворонок’ (*Пичушка — хохольчик у ней на гълаве, а цветам как върабей, трошки билесая*). **Пляшак** [пляшак] — ‘степной лунь’ (*Пляшак — нападобие коришуна, тольки вон серай*). **Пугач** [пугач] — ‘филин’ (*Пугач кричитъ пугук-пугук. В скалах жывётъ, днём трохи видить, как сляпой*). **Трус** [трус] — ‘вид дикой птицы’ (*Трус — ноги высокии, вон бяжыть и трусицца*). **Яиц** [яиц, яис] — ‘аист’ (*Март прииол, яис прилятал, гнездо вётъ, фсё туды таскаитъ*).

3. Названия млекопитающих:

Ведмедь [видьмедь] — ‘медведь’ (*И кабаниках били, дажы видьмидя пъпадалися*). **Ведмедиха** [вндьмядиха] — ‘медведица’ (*Видьмядиха — самчиха видьмедя*). **Бирюк** [бирюк] — ‘волк’ (*Ахотничали, и бирюки пъпадалися*). **Бирючиха** [бирючиха] — ‘волчица’ (*У бирючихи бирячата*). **Бирючонок** [бирючёнак] — ‘волчонок’.

Тушкан [тушкан] — ‘заяц’ (*Паиол в лес, паймал тушканика*). **Чакалка** [чакалка] — ‘шакал’ (*В буграх, там чакалки ходють, воють — ив-ив-ив на пагоду*). **Синсарь** [синсарь] — ‘куница’ (*Синсари были, синсарь, вон фсех дарожы*). **Поречная** [паречная] — в знач. ‘выдра’ (*Видра — въдяная кошка, у видри кожа ценная*). **Ёрш** [ёрш] — ‘ёж’ (*Яришы калючии, как пасадыमितь сваи стопки*). **Настопырь** [настапырь] — ‘летучая мышь’ (*Настапыри были, барабушки*). **Льва** [льва] — ‘львица’ (*Паймал бальшую льву, пасадил на цеп*).

4. Названия земноводных и пресмыкающихся:

Змей [змея] — ‘змея’ (*Иду, а змей ляжыть в ямки, свярнулси*). **Змеиха** [змеиха] — ‘самка змея’ (*У змяихи змяятчкы*). **Желтяк** [жалтяк], **Золотопуз** [зълатапус] — ‘вид змея’ (*Жалтяк — змяя дамашняя. — Зълатапус — здаровая гълава, и шкорки на нём*). **Медяница** [мединица] — ‘змея-медянка’ (*Мединица — глаткая, сияить*). **Илан** [илан] — в знач. ‘вид ядовитых змей’ (*Илан кусаить, с них и уми-рають*) — от турецк. *yılan* ‘змея’. **Лягава** [лягава] — ‘лягушка’ (*Лягавы есь, змеи, удавы*).

5. Названия членистоногих животных:

Мухота [мухата], **Муха** [муха] — ‘мухи’ (*Мухата кусакая*). **Комарь** [камарь] — в знач. ‘комар’ (*Камари, вовад был, машкара*); в знач. ‘комары’ (*Ат комаря низзя было сидеть*). **Барабан** [бърабан] — ‘большая ночная бабочка’ (*Бърабаны ночью лятають*). **Барабушка** [бърабушка] — ‘мотылек’ (*Бърабушки — бабачки белаи, малаи*). **Ведьма** [ведьма] (в 1 знач.), **Чародейка** [чирадейка] — ‘стрекоза’ (*Ведьма с крылими, чирадейка*). **Виринжик** [вириньжык] — ‘жук’ (*Вириньжик крупняя пчалы*). **Жыгучка** [жыгучка] — ‘ядовитое мелкое насекомое’ (*Жыгучка — казявачка, жыгучка кусаить*). **Мурав** [мураф] — ‘муравей’ (*Штоп муравли ня были, сундук падымаю с пчалой*). **Прыгун** [прыгун] — ‘кузнечик’. **Сарана** [сьрана] — ‘саранча’ (*Сьрана, ана лятаить, как кузняцы, хляба паидаить*). **Черва** [чирва] — ‘черви’ (*Рыбы многа было, шла, как чирва*). **Макруша** [макруша] — ‘мелкий рачок’ (*Тура с канапей, макруша паидаить*).

6. Названия мест обитания:

Нурё [нурё], **Нурька** [нурька] — ‘нора’ (*Барсуки жыли в нурях*). **Зверильница** [звярьильница], **Зверильня** [звярьильня] — ‘зверинец’ (*Были звярьильницы ф Стамбули*).

3.5. Подкласс «Растительный мир»

Человека на протяжении всей его жизни окружают растения. Одни из них распространены повсеместно, другие — в отдельных регионах, на определенных территориях. Анализ наименований растений говора казаков-некрасовцев свидетельствует о различных мотивационных признаках, лежащих в основе именования растений, что, в свою очередь, позволяет говорить о многоаспектности в мироощущении некрасовцев.

То обстоятельство, что на протяжении более 250 лет говор развивался в тесном контакте с турецким языком, также не могло не сказаться на наименованиях растений.

В Турции казаки-некрасовцы и их потомки проживали на берегу озера, поэтому в их речи много наименований, связанных с камышом: *камышинина*, *кобёл* — ‘сросшиеся корни камыша в водоеме’; *коблы* — ‘камыш’; *ноп* — ‘островок сросшихся корней камыша’; *абуза* — ‘растение, напоминающее камыш’.

Идеографическая характеристика лексико-тематического подкласса «Рас- тительный мир»

Данный подкласс состоит из следующих лексико-тематических групп: 1) «Названия травянистых растений»; 2) «Названия цветов»; 3) «Названия деревьев, их плодов и кустарников»; 4) «Названия частей растений». Культурные растения в данном подклассе не рассматриваются. Приведем некоторую часть наименований.

1. На первом месте по распространенности среди групп находится лексико-тематическая группа «**Названия травянистых растений**».

В ней выделяются номинации трав, которые использовались в быту:

Лимон-трава [лимон-трава], *Лимонка* [лимонка] — ‘душистая трава, используемая при отделении пчелиного роя’ (*Пчёлы раяцца, лимон-травачку нада тиреть*). *Сусан* [сусан] — ‘растение кунжут и его семена, употребляемые в пищу в качестве приправы’ (*Калачик малинькай, сусанам апсыпанай*) — от турецк. *susat*. *Нюхальник* [нюхальник] — ‘мята’ (*Рыпку ворим, нюхальнику клали*). *Чабор* [чабор, щабор] — ‘чабрец’ (*Щабор — душыстая трава, када рыбу ворють, кидают яво*).

В этой группе также выделяются номинации трав, которые произрастали в окрестностях Майноса:

Абуза [абуза] — ‘растение, напоминающее камыш’ (*Карзины пляли из абузы*). *Шмара* [шмара] — ‘болотное растение, похожее на осоку’ (*Шмара — ета такая асака*). *Трафилъ* [трафилъ, трахвиль] — ‘трилистник’ (*Трахвиль — листушки как трефи*). *Колюка* [калюка], *Орепей* [арипей] (в 1 знач.) — ‘колючка’ (*Калюка растёт ф стипе, палынь. — Арипей фсюду липнить*). *Купырь* [купырь] (в 1 знач.), *Канофрик* [канофрик] — ‘вид травянистого растения’ (*Купырь был, трахвиль, канофрик, палынок*). *Полынок* [пылынок] — ‘вид полыни’ (*Пылынок — запах харошай*).

В группу «Названия травянистых растений» входят номинации лечебных трав:

Финовник [финовник] — ‘лечебная трава’ (*Финовник — трава, раны залечивать*). *Белоголовник* [белоголовник] — ‘лечебная трава’ (*Белоголовник — када жывоит балить, иво пють*). *Зербелянка* [зирбялянка] — ‘лечебная трава’ (*Туда кладут зирбялянку, ета старая ляка*).

2. На следующем месте по распространенности находится лексико-тематическая группа «**Названия цветов**», представленная родовым названием *Цвет* [свет] — ‘цветок’ (*Пчала са фсякава света мёт сабираетъ*). В данную группу входят номинации садовых и полевых цветов.

Названия садовых цветов:

Орепеюшек [арипеюшук] — ‘садовый цветок с шарообразным соцветием лилового цвета’ (*Цваты разнаи были: арипеюшки, ротикими*). *Огнёв* [агнёф] — ‘садовый цветок бальзамин’ (*Агнёф — краснай святок*). *Кабачками* [кабачками] — ‘садовый

цветок настурция' (*Летам кабачками как жарам цвятуть*). **Обезьяний** [абизьяний] — в знач. сущ. 'вид садового цветка, астра' (*Ф цистам дваре святы: ротикими, краснинькии, шапки, жолтыи, абизьянии*). **Осоковий** [асаковий] — в знач. сущ. 'вид садового цветка, ирис' (*Ета асаковий, пахнуть хърашо*).

Названия полевых цветов:

Кучками [кучкими], **Лопалками** [лопалками] — 'вид полевого цветка' (*Кучкими — красны кисти. — Лопалками святы, тут ани ни растут*). **Подснежный** [патснежный] (в знач. сущ.), **Крякалка** [крякалка] — 'подснежник' (*Святки патснежни — ета раннии. — А на март, как снех растаить, святочки на снягу расцвятаяють, крякалочки*). **Папач** [папач], **Папуша** [папуша] (в 1 знач.) — 'ромашка' (*Фсякии расли святки: папуша — ета рамашка. — Трава папач, цвितёт белым цветом*), от турецк. *rapaşa*.

3. Определенное место по распространенности среди подгрупп занимает лексико-тематическая группа «**Названия деревьев, их плодов и кустарников**»:

Древа [древа] — в знач. 'дерево' (*На дваре древы был*). **Буква** [буква] — 'бук' (*Дахина* [дахина] — 'лавровое дерево' (*Дахина, на ней лавровый лист*) — от турецк. *defne*. **Ясенина** [йисянина] — 'ясень'. **Самородина** [съмародина], **Зербелика** [зирбялика] — 'смородина'. **Жигра** [жигра] — 'колючий кустарник' (*Жигри — ета калючки*). **Дубник** [дубник], **Чирпа** [чирпа, щирпа] — 'дубовая поросль' (*Нидалёка асины расли, ясинь, щирпа — ета дубник*).

4. Одна из групп лексико-тематического подкласса «Растительный мир» — это лексика, именующая **части растений** (корни, стебли, ветки и лепестки):

Поп [поп], **Кобёл** [кабёл] — 'сросшиеся корни камыша' (*Ф папах рыба запружыная. — Каблы — камышыныя каряня*). **Абузина** [абузина] — 'стебель абузы' (*С абузины вудачку делали*). **Камышинина** [камышынина] — 'стебель камыша'. **Купырь** [купырь] — в знач. 'стебель цветка' (*Цвяток выганить купырь, а на нём святы*). **Лапушонок** [лапушонак] — 'лепесток' (*У етава святка — чатыри лапушонака*). **Лесина** [лясина] — 'срубленная ветка'.

Обобщим наши наблюдения в области идеографического описания имени существительного. В целом идеографическое описание существительных говоря в рамках выявленных лексико-тематических классов выявило, что в **классе «Абстрактные отношения и формы существования материи»** имени существительного самые многочисленные подклассы — это «Существование, бытие» и «Количество, величина».

В лексико-тематическом подклассе «Существование, бытие» актуальными для некрасовца и получившими вербализацию оказались номинации негативных событий: а) номинации, связанные с войной (*розмир, руина*); б) номинации невзгод (*жаль, пережитки*); в) общие номинации болезней, духовных и физических (худоба, вред).

В лексико-тематическом подклассе «Количество, величина» сгущение лексики характерно при вербализации: а) расчлененного количества наделов земли,

комков земли (*глыбина, дяланица, пай*), крупинок масла, сахара (*крупка, котушок*); б) определенного количества зерна (*гарс*), определенного количества корма (*пригорша*), определенного количества груза, который может нести один человек (*ноша*); в) таких параметров измерения, как длина и ширина (*длиннина, долина, ширка*); г) единиц измерения, связанных с пространством и жидкостями (*ступень, ока*).

Класс «Неорганический мир» представлен тремя лексико-тематическими подклассами: «Космос»; «Земная поверхность»; «Атмосферные явления».

Подкласс «Космос» представлен одной лексико-тематической группой «**Звезды и планеты**»: в номинациях *Арба, Карауши, Жарница, Кадило* отражена и хозяйственная деятельность некрасовца и его религиозные представления.

Подкласс «Земная поверхность» представлен одной лексико-тематической группой «**Определенный участок земной поверхности**». В номинациях этого разряда очень распространены наименования озер, их видов, частей озера и явлений, связанных с ним (течений, волнений у берегов, мелких мест, видов берегов): *лиман, озер, коблы, мелка, ручак, рудник, быстрия*. Названия возвышенных мест и равнин в составе подкласса «Земная поверхность» представлены примерно в одинаковом количестве: *бугрина, грядина, полгорка и майдан, площадь*.

В подклассе «**Атмосферные явления**» преобладают наименования ветра и атмосферных явлений, связанных с ветром: *воздух, восток, караель полуденка, моряна, кура, незгода, фуртуна*.

Класс «Органический мир» состоит из следующих подклассов: «Человек»; «Трудовая деятельность»; «Быт».

В подклассе «**Человек**» самые многочисленные лексико-тематические группы — это номинации человека по внешнему состоянию, свойству, качеству и номинации человека по семейно-родственным отношениям.

В номинациях человека по его физическим, физиологическим качествам преобладают наименования по возрасту: *дитёнок, молодец, малюжка, наподросток*. Также некрасовец выделял и вербализировал: а) наименования человека по наличию увечья: *калика, неправый, хромирик*; б) наименования человека по физическим параметрам, особым приметам (цвету волос, росту, объему, чистоте кожи): *беляк, грудяка, длинник, карандух, колбёха*; в) наименования частей тела человека, прежде всего наименования головы и ее частей: *кубетка, черепок, макавка, тонок, висок, полуда, века*; г) наименования женщин либо по отношению к их внешнему виду, либо по отношению к ведению домашнего хозяйства, большинство из которых имеют отрицательную коннотацию: *безрядница, лоскутница, поганка, нечис-тотка, писличка, судомойница, голоплешка*.

В номинациях человека по семейно-родственным отношениям актуальными для некрасовца и получившими вербализацию оказались: а) общие понятия: *крёстная-мрёсная, сродость, сродство, сродственник*; б) близкое кровное родство: *батяка, батякушка, мамака, мати*; в) дальнейшее родство: *зовица, племенница, посестрия, свекровья, свекры, дядяка, шуряк, своячина*; г) родство по обряду крещения: *крестбенник, крёстнушка, крестовый*.

В подклассе «Трудовая деятельность» распространены следующие лексико-тематические группы: 1) «Рыболовство»; 2) «Земледелие и растениеводство»; 3) «Животноводство».

В лексико-тематической группе «Рыболовство» некрасовец именовал в первую очередь виды транспорта для рыбной ловли и его части, детали: *судовая, сандал, зарзават, кочеток, пуца, каблучка, коклюшка, дюмень, деревка*; далее следуют наименования рыб, характерных для занятия рыболовством, и их частей: *бабушка, ласкирька, белезнь, бучок, головач, усатик, калкан, кирпич*; наименования предметов, орудий, средств труда, приспособлений для ловли рыбы, раков и деталей этих приспособлений: *ава, порежь, сирек голяк, голянка, двухпалка, матула, волок, матула, волок, вешалка, глица, иглица, сандоли, ости*.

В лексико-тематической группе «Земледелие и растениеводство» в говоре казаков-некрасовцев самой многочисленной подгруппой является лексика полеводства, в которой преобладают названия сельскохозяйственных орудий труда — инструментов и их частей, приспособлений: *занузда, запрягалка, шашмалочка, клыч, подгорленник, ветрянка, бунчук, чубук, клевец, терка, сгребалка, урак, гарс, садилка, сеяльник*; далее следуют названия сортов зерновых растений, их частей, единичных представителей зерновых растений и их совокупностей: *горновка, желтоколоска, красноколоска, черноколоска, колоска, папуша, початки, сапа, хлебна, кочанина, киюшина*.

Лексико-тематический подкласс «Животноводство». В его составе самой многочисленной является подгруппа «Скотоводство». В лексико-тематической подгруппе «Скотоводство» по своему количеству выделяются такие разряды, как наименования видов животных по их полу, возрасту, внешним особенностям: *буйлак, малак, буйла, буйлица, неук, доёнка, доярница, первича, нетель, буйлёнок, бузевка, лошонок, барашика, котеная, кысырка, барашинок, кузёнок*; далее следуют наименования приспособлений, орудий труда, связанных с животноводством: *арыш, гега, звон, кнутавилк, чикель, нудул*.

Лексико-тематический подкласс «Быт» прежде всего представлен лексико-тематической группой «Одежда и головные уборы», по количественному признаку в ней выделяются: а) общие названия одежды, материалов и инструментов для шитья: *барахлина, катунка, перемываха, кужелка, нитя, бель, филимёнка, сиючка, фанела, шимлази, шелкутни*; б) номинации традиционной женской одежды: *подпол, подпольник, чефлик, подоплёка, лыл, ошейник, завеска, мутозик, зепь, фанелка, кухаёнка, катаур, кулан*; в) номинации традиционных девичьих и женских («бабичих») головных уборов: *связка, подкосник, каук, кичка сорока, позатыльник*.

Лексико-тематическая группа «Наименования украшений» также занимает значительное место в подклассе «Быт». Она включает 3 тематических подгруппы: 1) названия собственно украшений — серег, браслетов, материалов, из которых они изготавливаются; 2) названия украшений на одежде; 3) названия украшений в головном уборе и косе. Приоритетной для некрасовца являлся тематический разряд «Названия украшений на одежде, как женской, так и мужской»: это номинации

видов украшений, шитья по одежде по внешнему виду, форме, по материалу по месту на одежде: *вилюшки, вилюшки-кивилюшки, кистила, косинка, крестовник, кувшинник, орепеюшик, площи, гайтán, запязи, обложка*.

Лексико-тематическая группа «**Наименования кушаний**» занимает определенное место в составе подкласса «Быт». Она состоит из следующих лексико-тематических подгрупп: 1) названия общих понятий; 2) названия хлебобулочных изделий; 3) названия блюд; 4) названия продуктов. Наиболее многочисленным является лексико-тематический разряд «хлебобулочные изделия», в котором существительные называются по виду теста, способу приготовления и начинке, по виду изделия и материалу: *каньш, стряпано, колабушка, баклава, кокурка, трояка, наक्васка, катламка, копытце, абыденка, плячинда, симитка, тарана, какурка*.

Лексико-тематический подкласс «Животный мир» в говоре казаков-некрасовцев представлен названиями млекопитающих, птиц, названиями земноводных и пресмыкающихся животных, названиями насекомых, многоножек, пауков, раков и других членистоногих животных. По количественному признаку приоритетными для некрасовца являются названия птиц, прежде всего диких уток: *утьва, бирибель, гаргавка, гулушмарь, дударь, мажор, суяз, колп, баба, бабура, мартин, чапура, яиц, пугач, трус, кукумява*. Далее следуют названия насекомых, многоножек, пауков: *мухота, комарь, барабан, барабушка, ведьма, чародейка, виринжик, жигучка, мурав, прыгун, сарана*.

Лексико-тематический подкласс «Растительный мир» состоит из номинаций травянистых растений, частей растений, цветов, деревьев и их плодов, кустарников и совокупностей растений. Преобладают номинации травянистых растений, которые использовались в быту, в том числе и для врачевания, растений, которые росли возле поселений некрасовцев в Турции: *сусан, нюхальник, чабор, абуза, шмара, трафилъ, колюка, орепей, купырь, канюфрик, полынок, финовник, белоголовник, зербе-лянка*; а также номинации садовых и полевых цветов: *орепеюшек, огнёв, кабачками, кучками, лопалками, крякалка, папач, папуша*.

Необходимо отметить, что в составе имен существительных находится определенное количество лексем, заимствованных их турецкого языка или через турецкий язык как посредник. Это прежде всего номинации, входящие в подклассы «Трудовая деятельность» и «Быт».

ГЛАВА ВТОРАЯ

СИСТЕМНЫЕ СВЯЗИ В ЛЕКСИКЕ ГОВОРА КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ. ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

В данной главе описываются такие явления системного порядка, как вариативность семантического, акцентологического, фонетического, грамматического характера, тождественность одноименных лексем говора и лексем общенационального языка, многозначность, синонимия, антонимия, гиперо-гипонимия.

1. ЯВЛЕНИЕ ВАРИАТИВНОСТИ В СЕМАНТИКЕ, АКЦЕНТОЛОГИИ, ФОНЕТИКЕ, ГРАММАТИКЕ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

Анализ лексики говора казаков-некрасовцев выявил наличие в ее составе фактов различного варьирования — семантического, акцентологического, фонетического, грамматического — прежде всего в сопоставлении с лексиконом общенационального языка.

Под вариантами слова в лингвистике понимают видоизменения слова, отличающиеся друг от друга в каком-либо отношении при сохранении тождественного морфемного состава. Выделяют различные виды вариантов слова: 1) акцентологические, отличающиеся ударением; 2) грамматические, отличающиеся системой окончаний; 3) фонетические, связанные с видоизменением звуковой стороны слова; 4) словообразовательные, связанные с видоизменением словообразовательных морфем; 5) семантические, под которыми чаще всего понимают различные значения многозначного слова. В данном параграфе семантическая вариативность понимается как изменение значения общенационального слова в говоре казаков-некрасовцев или как изменение значения слова определенного русского говора. Явление вариативности в структуре многозначного слова говора рассматривается в отдельном параграфе.

1.1. Описание собственно вариативности

Класс «Абстрактные отношения и формы существования материи»

Значение ряда существительных говора, относящихся к классу «Абстрактные отношения и формы существования материи», может быть описано как **развитие значения одноименных слов общенац. яз. русского крестьянства или его отдельных говоров**. Так, значение слова *вреда* ‘вред, ухудшение

болезни' (подкласс «Существование, бытие») представляет собой метонимическое развитие и сужение значения одноименной лексемы определенных говоров обиходного языка крестьянства: в крестьянском языке *вреда* 'влд. последствия всякого повреждения, порчи, убытки'¹²⁰. Значение слова *обед* — 'прием пищи утром, завтрак' (подкласс «Время») — представляет собой метонимическое развитие значения одноименного слова общенац. яз.: в национальном русском языке *обед* 'пора, время, когда обедают, полдень, полдни'¹²¹ — метонимический перенос временного характера.

Значение лексем говора *ноша*, *смет* (подкласс «Количество, величина»), возможно, представляет собой метонимическое развитие и сужение значения одноименной лексемы обиходного языка крестьянства. Значение существительного говора *ноша* — 'груз объемом в полмешка' — может являться результатом развития и конкретизации значения общенац. слова *ноша* 'тягость, тяжесть; что можно унести за один раз'¹²². Значение лексемы говора *смет* 'счет', по нашему мнению, представляет собой сужение и конкретизацию значения общенац. слова *смет* действие по глаголу *сметать* 'кидать, метать в кучу'¹²³ (по данным Сл. Даля, т. 4, с. 287).

Значение существительного говора *крепость* 'твердость, верность принципам, национальным традициям' (подкласс «Качество») представляет собой метафорическое развитие значения одноименной лексемы обиходного языка крестьянства. Полагаем, что данное значение представляет собой перенос по сходству физического качества прочности, характерного для значения общенац. лексемы *крепость*, и духовного качества прочности, твердости, верности национальным обычаям, характерного для слова *крепость* в речи казаков-некрасовцев. Значение слова *спасенье* — 'благодарность' (подкласс «Отношения») — представляет собой метонимическое развитие значения одноименной лексемы общенац. яз. *спасенье* 'действие по глг. *спасти* // состоянье спасенного'.

Значение существительного говора *преступка* — 'провинность' (подкласс «Причинность») — представляет собой метонимическое развитие значения одноименной лексемы церковнославянского языка *преступка* 'пропуск при чтении, на церковной службе'¹²⁴.

В классе «Абстрактные отношения и формы существования материи» представлено и явление **фонетической и грамматической вариативности**. Существительное говора *страждание* 'страдание', входящее в подкласс «Существование, бытие», является **фонетическим** вариантом общенац. лексемы *страдание*,

¹²⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 1. С. 636.

¹²¹ Там же. Т. 2. С. 1639.

¹²² Там же. С. 1447.

¹²³ Там же. Т. 4. С. 287.

¹²⁴ Там же. Т. 3. С. 1033.

имеющей аналогичное значение — ‘мука, мученье’¹²⁵. Необходимо отметить, что по своему фонетическому облику существительное говора *страждание* относится к церковнославянскому языку, который был хорошо знаком некрасовцам по церковному обиходу. Существительное говора *нёбо* ‘небо’, входящее в **подкласс «Пространство»**, является фонетическим вариантом общенац. слова *небо*, возникшим в результате распространения общерусского явления перехода [э] в [о] на небытовые слова. Существительное говора *мечик* ‘мяч’ (лексико-тематический **подкласс «Форма»**) является фонетическим вариантом общенац. слова *мячик* ‘упругий небольшой шар’¹²⁶, возникшим в результате межслоговой ассимиляции гласных переднего ряда. Существительное говора *галун* ‘мера жидкости, галлон’, входящее в подкласс «Количество, величина», является фонетическим вариантом заимствованной из английского языка лексемы *галлон*. Слово говора *котушок* ‘комочек’, входящее в подкласс «Количество, величина», является фонетическим вариантом слова обиходного языка русского крестьянства *катышек* ‘круглый комочек’¹²⁷. Слово говора *доброта* (ударение на последний слог) ‘хорошее качество чего-либо’, входящее в подкласс «Качество», является фонетическим (акцентологическим) вариантом существительного обиходного крестьянского языка *доброта* (ударение на второй слог) ‘прочность, достоинство вещи, качество выработки’¹²⁸. Слово говора *пмога* (ударение на первый слог) ‘помощь’, входящее в подкласс «Отношения», является фонетическим (акцентологическим) вариантом существительного обиходного крестьянского языка *помога* (ударение на второй слог) ‘пск. пособие, подспорье, подмога’¹²⁹. Существительное говора *гарба* (лексико-тематический **подкласс «Движение»**) является фонетическим вариантом такого слова общенац. яз., как *арба*. Уместно отметить, что лексема *арба* была заимствована в русский национальный язык из тюркских языков еще до ухода из России казаков-некрасовцев.

Лексема говора *глыбь* (м. р.) подкласса «Пространство» является **грамматическим** вариантом другого слова говора *глыбя* (ж. р.). Существительные говора *ряд*, *ряда*, относящиеся к **подклассу «Порядок»**, по отношению друг к другу также являются грамматическими (родовыми) вариантами.

Существительные говора *вутри* (ед. ч. нет), *пондли* (ед. ч. нет), *сумерк* (мн. ч. нет, м. р.), относящиеся к подклассу «Время», являются одновременно **фонетическими и грамматическими вариантами** таких слов общенац. яз., как *утро* (ед. ч.), *полдень* (ед. ч.), *сумерки* (мн. ч., рода нет). Лексема говора *версто* (ж. р.), входящее в подкласс «Количество, величина», представляет одновременно фоне-

¹²⁵ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 4. С. 563.

¹²⁶ Там же. Т. 2. С. 980.

¹²⁷ Там же. С. 242.

¹²⁸ Там же. Т. 1. С. 1102.

¹²⁹ Там же. Т. 3. С. 711.

тический и грамматический вариант общенац. лексемы *верста*. Существительное говора *грузь* ‘тяжесть’ (ж. р.), относящееся к подклассу «Качество», является фонетическим и грамматическим вариантом общенац. слова *груз* ‘отвлеченное понятие гнета, веса, тяжести’¹³⁰ (м. р.).

Класс «Неорганический мир» (подклассы «Космос», «Земная поверхность», «Атмосферные явления»)

Ряд лексем и словосочетаний подкласса «Космос» являются семантическими вариантами **существующих в национальном языке слов**, с которыми названные слова говора находятся в метафорических связях. Подобные метафорические связи (по сходству внешнего вида и производимого впечатления) обнаруживают такие лексемы говора:

Арба ‘созвездие Большая Медведица’ (в общенац. яз. *арба* ‘телега’¹³¹). *Зарница* ‘яркая звезда, планета Венера’ (в общенац. яз. *зарница* ‘отдаленная молния’¹³²). *Зорька* ‘яркая звезда, планета Венера’ (в общенац. яз. *зорька* ‘видимый свет или освещение от солнца, находящегося под небосклоном’¹³³). *Кадило* ‘название созвездия — звезды из созвездия Центавра’ (в общенац. яз. *кадило* ‘церковный сосуд, курильница на цепочках, в которую на жар кладется ладан’¹³⁴). *Коромысли* ‘название созвездия’ (по отношению к общенац. яз. лексема говора *коромысли* является грамматическим вариантом лексемы *коромысла* и имеет значение ‘лучковатый рычажок, которым на плече носят пару ведер’¹³⁵). *Крест, Петров Крест* ‘созвездие Южный Крест’ (в общенац. яз. лексема *крест* (символ христианского культа) ‘две полосы или два бруска, один поперек другого’¹³⁶, в христианской мифологии *Петров крест* — это перевернутый крест, на котором распяли святого Петра). *Арбяная Дорога* ‘Млечный Путь’ (в общенац. яз. лексема *дорога* ‘ездовая полоса’, слово *арбяной* в Словаре Даля означает ‘относящийся к арбе’¹³⁷). *Прикол-звезда* ‘Полярная звезда’ (в общенац. яз. лексема *прикол* ‘вбитый кол для привязки скота’¹³⁸, в говоре некрасовцев аналогичное значение).

Уместно отметить, что метафоризации в говоре прежде всего подвергаются общенациональные наименования предметов крестьянского быта (*арба*, *коромысло*, *арбяная дорога*, *прикол*), а также явления природы (*зорька*, *зарница*) и предметы христианского культа (*кадило*, *крест*).

Перенос ассоциативного характера демонстрирует существительное говора *лиман* ‘озеро’ (подкласса «Земная поверхность»), в общенац. яз. это слово имеет

¹³⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 1. С. 989.

¹³¹ Там же. С. 54.

¹³² Там же. С. 1566.

¹³³ Там же. С. 1576.

¹³⁴ Там же. Т. 2. С. 173.

¹³⁵ Там же. С. 429.

¹³⁶ Там же. С. 489.

¹³⁷ Там же. Т. 1. Соответственно с. 1175 и с. 54.

¹³⁸ Там же. Т. 3. С. 1094.

иное значение — ‘устье реки, впадающей в море; морской залив, в который вышла река... и обращаемый в *соленое* озеро’¹³⁹ (примечательно, что в говоре некрасовцев *вада слаткая* в лимани, *сазан ирука*, *сом ловицца*).

Ряд лексем подкласса «Атмосферные явления» являются семантически-ми вариантами **существующих в национальном языке слов** на основе метонимических или метафорических связей денотативного характера. Подобные **метонимические связи** демонстрируют существительные: *восток*, в говоре означает ‘восточный ветер’ (в общенац. яз. лексема *восток* имеет значение ‘та страна, где восходит солнце’¹⁴⁰); *леди́на*, в говоре имеет значение ‘сильный холод’ (в общенац. яз. лексема *леди́на* означает ‘отдельная глыба, осколок льду’¹⁴¹); *воздух*, в говоре имеет значение ‘ветер’ (в общенац. яз. лексема *воздух* означает ‘среда, окружающая земной шар и образующая атмосферу’¹⁴²).

Метафорические связи (по сходству внешнего вида и производимого впечатления) в составе подкласса «Атмосферные явления» обнаруживают такие лексемы говора, как *незгода*, *рукав*, *труба*, *фуртуна*. Слово *незгода* в говоре обозначает ‘непогода (ветер, холод, снег)’, очевидно, что это метафорический перенос по сходству производимого впечатления и последствий на базе значения одноименного слова общенац. яз. *невзгода* ‘беда, несчастье, бедствие // немилость, гнев’¹⁴³. Слово *рукав* в говоре означает ‘смерч’, полагаем, что это метафорический перенос на базе такого значения общенац. лексемы *рукав*, как ‘труба, кишка для проводки жидкостей’¹⁴⁴. Слово *труба* в говоре также означает ‘смерч’, полагаем, что это метафорический перенос на базе такого значения общенац. лексемы *труба*, как ‘дудка, кишка, рукав из твердого вещества’¹⁴⁵. Слово *фуртуна* у некрасовцев означает ‘буря на море, шторм’, полагаем, что это метафорический перенос на базе такого значения общенац. лексемы *фортуна*, как ‘судьба’¹⁴⁶, в результате которого возник своеобразный образ судьбы, отражающий специфическое видение мира мира некрасовцем, основным родом занятия которого было рыболовство, занятие часто очень опасное. Необходимо отметить, что слово *фуртуна* является и фонетической модификацией общенац. лексемы *фортуна*.

Уместно отметить, что лексемы говора *погода*, *восток*, *фуртуна* в результате названных семантических трансформаций пережили процесс сужения значения в сопоставлении с общенациональным языком.

¹³⁹ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 65.

¹⁴⁰ Там же. Т. 1. С. 614.

¹⁴¹ Там же. Т. 2. С. 629.

¹⁴² Там же. Т. 1. С. 555.

¹⁴³ Там же. Т. 2. С. 1349.

¹⁴⁴ Там же. Т. 3. С. 1737.

¹⁴⁵ Там же. Т. 4. С. 848.

¹⁴⁶ Там же. С. 1151.

Существительное говора *коловерть* является фонетическим вариантом общенационального слова *коловерт*¹⁴⁷ с аналогичным значением. Слова *ухи*, *плешина* являются фонетической модификацией соответственно общенациональной лексемы *уши* и диалектной лексики *плехтина*.

Класс «Органический мир» (подклассы «Человек», «Трудовая деятельность», «Быт»)

Подкласс «Человек»

Целый ряд лексем говора указанных лексико-тематических групп являются семантическими вариантами по отношению к **существующим в русском общенациональном языке словам** и соотносятся с ними на основе **метонимических, метафорических или ассоциативных семантических связей**. В группах «**Общие номинации**» и «**Семейно-родственные отношения**» это существительные *беседа*, *сродство*, *тетка*. Так, лексема говора *беседа* 'общество, компания' возникла в результате метонимического переноса значения диалектного слова *беседа* 'кал., нвг., твр., ол., влгд., ниж. вечеринка, посиделки'¹⁴⁸. Полагаем, что собирательное существительное *сродство* 'родня' возникло в результате сужения и конкретизации значения общенац. абстрактного слова *сродство* 'родство, кровная связь людей'¹⁴⁹. Лексема *тетка* 'женщина, не являющаяся родственницей' (*Тётка Дуня — тётушка, свая, а чужая — тётка*) также является результатом сужения и конкретизации значения общенац. слова *тетка*. В общенац. яз. существительное *тетка* является синонимом слова *тетушка* и обозначает 'сестру отца или матери'¹⁵⁰.

В группах «**Отношение к религии**» и «**Отношение к нации и месту жительства**» явление вариативности наблюдается в содержании лексем *неверие*, *дед*. Считаем, что собирательное существительное говора *неверие* 'мусульмане, турки' является следствием сужения семантики общенац. слова *неверие* — 'отрицание чего-либо, безверие'¹⁵¹. Полагаем, что существительное *дед* 'обобщенное название русских, России' (*Надоела нам у турках, пайдём к сваиму деду, к рускаму*)¹⁵² представляет собой результат семантического развития и символизации значения слова общенац. яз. *дед* 'отец отца или матери'. Подобный процесс символического расширения в говоре некрасовцев пережила и лексема *дедовщина* 'земля предков, родовые земли, родина' (*Набивай парус на лотку, паедем на дядофшыну*)¹⁵³, пола-

¹⁴⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 349.

¹⁴⁸ Там же. Т. 1. С. 208.

¹⁴⁹ Там же. Т. 4. С. 482.

¹⁵⁰ Там же. С. 761.

¹⁵¹ Там же. Т. 2. С. 1352.

¹⁵² Пример взят из: Сердюкова О. К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 2005. С. 63.

¹⁵³ Сердюкова О. К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 2005. С. 63.

гаем, что базой для указанного семантического процесса послужило слово общенац. яз. *дедовицина* ‘отчина или вотчина, дошедшая от деда’¹⁵⁴.

В группе «Человек по его внешнему состоянию, признакам» ряд лексем являются семантическими вариантами **существующих в национальном языке слов** на основе прежде всего **метонимических связей, а также метафорических и ассоциативных**, а именно: *дрёма* ‘сонливый человек, соня’ возникло в результате сужения и метонимической конкретизации значения общенац. слова *дрёма* ‘наклонность ко сну, сонливость’¹⁵⁵; *поганка* в знач. ‘неопрятная женщина, неряха’ возникло в результате метонимического переноса (неприятие религиозной принадлежности человека, его поступков — неприятие неопрятного вида человека) на базе семантики общенац. слова *поганец*, *поганка* ‘поганный человек, осквернившийся’¹⁵⁶; *белянка* ‘аккуратная, чистоплотная женщина’ возникло в результате ассоциативного переноса на базе семантики общенац. слова *белянец*, *белянка* ‘белолицый, белокурый, красавчик’¹⁵⁷; *лоскутница* ‘неопрятная женщина, неряха’ возникло в результате ассоциативного переноса на базе семантики общенац. слова *лоскутник*, *лоскутница* ‘оборванец, заплатник’¹⁵⁸; *правый* в знач. ‘здоровый, не калека’, *неправый* в знач. ‘искалеченный, калека’ возникли в результате метонимического переноса (характеристика нравственного здоровья человека — характеристика физического здоровья) на базе семантики общенац. слов *правый* ‘прямой, истинный, чистый’, *неправый* ‘несправедливый, несправедливый, виновный’¹⁵⁹; значение существительного *века* ‘ресница’ является следствием метонимического переноса на базе значения одноименной лексемы общенац. яз. *веко* ‘покрышка глазного яблока’¹⁶⁰; *пестрина* ‘веснушка’ возникло в результате ассоциативного переноса на основе значения одноименной лексемы обиходного языка крестьянства *пестрина* ‘мелкий узор’¹⁶¹; значение слова *яблоко* ‘верхняя скула’ представляет собой метафорический перенос (сходство формы и цвета) на основе значения одноименного существительного общенац. яз. *яблоко* ‘плод дерева’; *косточка* ‘крестец’ представляет собой метонимическое развитие значения лексемы *косточка* в общенац. яз., приведшее к его сужению и конкретизации (умал. к *кость* ‘каждая отдельная часть каменистой основы животного тела’¹⁶²; значение существительного говора

¹⁵⁴ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 1. С. 1269.

¹⁵⁵ Там же. С. 1223.

¹⁵⁶ Там же. Т. 3. С. 390.

¹⁵⁷ Там же. Т. 1. С. 379.

¹⁵⁸ Там же. Т. 2. С. 693.

¹⁵⁹ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Соответственно т. 3, с. 992; т. 2, с. 1376.

¹⁶⁰ Там же. Т. 1. С. 810.

¹⁶¹ Там же. Т. 3. С. 261.

¹⁶² *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 451.

полуда ‘бельмо’ является результатом метафорического развития прямого значения слова общенац. яз. *полуда* ‘луда, накладной слой тусклого блеска, оловянная припаянная оболочка на медной и железной посуде’¹⁶³ — сходство расположения и общего впечатления.

В группе «**Человек по его внутреннему состоянию, признакам**» значение пяти лексем говора может быть описано как семантические варианты **существующих в национальном языке слов**: *дуда* ‘бестолковый, неряшливый подросток’ возникло в результате ассоциативного переноса на базе значения общенац. слова *дуда* ‘труба, трубка, ствол’¹⁶⁴; лексемы *молчок* в знач. ‘молчаливый человек’, *шаль* ‘непутевый человек’ возникли в результате метонимического переноса «состояние — человек, находящийся в данном состоянии» на базе значения общенац. слов *молчок* ‘однократное состояние по глаголу *молчать*’¹⁶⁵, *шаль* ‘дурь, взбалмошность, блажь, одуренье’¹⁶⁶; *самовластник* ‘свободный в своих поступках человек, сам себе хозяин’ является результатом развития (ассоциативного характера) значения слова общенац. яз. *самовластник* ‘правлящий неограниченной властью’¹⁶⁷; *язычник* ‘болтун’ возникло в результате ассоциативного переноса на базе значения общенац. слова *язычник* ‘наушник, переносчик, сплетник’¹⁶⁸.

В группе «**Номинации человека по социальным признакам**» значение двух лексем на основе ассоциативных или метонимических связей соотносится со значениями **существующих в национальном языке слов**. Полагаем, что диалектное существительное *ходатель* ‘ходатай, представитель некрасовской общины перед властью’ возникло в результате метонимического переноса и конкретизации на базе значения общенационального слова *ходатель* ‘заступник, проситель за кого-л., поверенный по делам’¹⁶⁹, а субстантиват *статный* ‘богатый, состоятельный’ представляет собой следствие ассоциативного переноса «положительная характеристика внешнего вида человека — положительная характеристика имущественного положения человека» на базе значения общенац. слова *статный* ‘хороших, красивых статей, стройный’¹⁷⁰. Необходимо отметить, что для некрасовцев ассоциативные семантические связи «имущественное положение человека — физическое здоровье человека», а именно «богатый — здоровый, бедный — искалеченный», являются устойчивыми (существительные *статный, калика*).

Лексемы *диверь, племенник, племенница, молоденец, поясница, орепей* являются **фонетическими вариантами** общенациональных слов *деверь, племянник, племянница, младенец, поясника, репей*. Очевидно, лексема говора *руководец*

¹⁶³ Там же. Т. 3. С. 678.

¹⁶⁴ Там же. Т. 1. С. 1243.

¹⁶⁵ Там же. Т. 2. С. 887.

¹⁶⁶ Там же. Т. 4. С. 1394.

¹⁶⁷ Там же. С. 17.

¹⁶⁸ Там же. Т. 4. С. 1566.

¹⁶⁹ Там же. С. 1206.

¹⁷⁰ Там же. С. 515.

‘руководитель’ также является фонетическим вариантом существительного общенац. яз. *руководец* ‘руководящий чем, кем-либо’¹⁷¹.

Ряд лексем лексико-тематических групп, входящих в подкласс «Человек», представляют собой **грамматические варианты**: слово *турка* ‘соби́р. турки’ — вариант слова общенац. яз. *турки* (в указанном собирательном значении); слово ж. р. *людина* ‘человек’ — вариант диалектного слова м. р. *людин* ‘человек’ — в Сл. Даля имеет помету *рязанское*¹⁷²; лексема *внуча* (и. п. мн. ч.) является грамматическим вариантом общенац. слова *внуки* (и. п. мн. ч.).

Существительные говора *берса* (ж. р.) и *туловища* (ж. р.) одновременно являются **фонетическими и грамматическими (родовыми) вариантами** слов общеходного языка русского крестьянства — соответственно существительного ср. р. *берце, берцо* ‘голень’ и существительного ср. р. *туловище* ‘тело, торс’¹⁷³.

Подкласс «Трудовая деятельность» (группы «Земледелие и растениеводство»; 2) «Рыболовство»; 3) «Животноводство»; 4) Врачевание).

Целый ряд наименований подгрупп лексико-тематическая группы «**Земледелие и растениеводство**» могут быть рассмотрены как семантические варианты **существующих в национальном языке слов**. Подобные **метонимические** связи демонстрируют существительные: *дерево* ‘часть сохи, деревянная основа сохи’ (в Сл. Даля указано только основное значение ‘растение’¹⁷⁴), полагаем, что в данном случае имеется метонимический перенос «растение — артефакт из этого растения»; *железо* ‘режущая часть деревянной сохи, лемех’ (в Сл. Даля указано только основное значение ‘металл’¹⁷⁵), метонимический перенос «вещество — артефакт из этого вещества»; *лощенка* ‘самодельный рабочий плащ из клеенки’ (в Сл. Даля указано значение ‘вощанка, клеенка, лошоная крашеница’¹⁷⁶), метонимический перенос «материал — артефакт из этого материала»; *наёмщик* ‘человек, нанявшийся в работники’ (в Сл. Даля указано значение ‘нанимающий что или кого-л.’¹⁷⁷), метонимический перенос «субъект действия — пациенс этого же действия»; *теска* ‘часть плуга, резец’ (в Сл. Даля указано значение ‘действие по глаголу тесать, т. е. обрубить дерево вдоль или накось’¹⁷⁸), метонимический перенос «действие — результат этого действия в виде артефакта»; *гарман* ‘хлеб в снопах, разложенный на току для молотбы’

¹⁷¹ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 3. С. 1739.

¹⁷² Там же. Т. 2. С. 738.

¹⁷³ Там же. Соответственно т. 1, с. 207; т. 4, с. 866.

¹⁷⁴ Там же. Т. 1. С. 1065.

¹⁷⁵ Там же. С. 1324.

¹⁷⁶ Там же. Т. 2. С. 694.

¹⁷⁷ Там же. С. 1078.

¹⁷⁸ Там же. Т. 4. С. 758.

(в Сл. Даля указано значение ‘молотьба волами’¹⁷⁹), метонимический перенос «действие — материал для данного действия»; *город* ‘огород’, в семантике данного слова наблюдается метонимия типа «один предмет — другой предмет, соприкасающийся с первым в пространстве» на базе общенац. значения слова *город* ‘городьба, ограда около жилья, поселения’¹⁸⁰; метонимический процесс «опредмечивания» характерен для значения лексемы говора *рост* ‘плодоножка’, основой для которого послужило значение общенац. слова *рост* ‘состоянье по глаголу расти, усвоение пищи в свою плоть, в вещество’¹⁸¹.

Метафорические переносы с **существующими в национальном языке словами** обнаруживают следующие лексемы говора: *голова* ‘часть вала на ветряной мельнице’ (в Сл. Даля не указано данное значение лексемы *голова*); *ухо* ‘часть сохи, отвал’ (в Сл. Даля не указано данное значение лексемы *ухо*); считаем, что в данных случаях имеется семантическая метафорическая связь типа «часть тела человека — артефакт, схожий с ней по внешнему виду и местоположению»; *терка* ‘приспособление для молотьбы’ (в Сл. Даля указано значение ‘снарядец для тренья, для размягченья чего-л.’¹⁸²), полагаем, что в данном случае имеется метафорическая связь по сходству функций.

Ассоциативные связи с **существующими в национальном языке словами** (ассоциации, обусловленные комплексом сходных черт) характерны для существительных говора *запой*, *кочкарник*, *кочка*, *бунчук*, *горчица*. Считаем, что значение лексемы говора *запой* — ‘пиршество в честь окончания уборки урожая’ — является результатом конкретизации и сужения значения общенац. яз. *запой* ‘запиванье, могарычи’¹⁸³. Значение существительного говора *кочкарник* — ‘сжатое поле с остатками стеблей растений’ — возникло в результате развития и конкретизации значения лексемы общенац. яз. *кочкарник* ‘вообще кочкарное болото, моховина в кочках’¹⁸⁴. Аналогичная связь характерна и для лексемы *кочки* ‘остатки стеблей растений на сжатом поле’ (в Сл. Даля у данной лексемы зафиксировано значение ‘затвердевшая кучка земли, пень, еле видный’¹⁸⁵). Полагаем, что значение существительного говора *бунчук* — ‘часть механизма ветряной мельницы, наружное продолжение горизонтального вала’ — является результатом развития значения слова общенац. яз. *бунчук* ‘булава, жезл гетманов малороссийских казаков’¹⁸⁶. А значение лексемы говора *горчица* ‘стручковый перец’ возникло на базе

¹⁷⁹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 1. С. 847.

¹⁸⁰ Там же. С. 939.

¹⁸¹ Там же. Т. 3. С. 1721.

¹⁸² Там же. Т. 4. С. 783.

¹⁸³ Там же. Т. 1. С. 1530.

¹⁸⁴ Там же. Т. 2. С. 464.

¹⁸⁵ Там же. С. 463.

¹⁸⁶ Там же. Т. 1. С. 347.

значения существительного общенац. яз. *горчица* ‘растение и семя его..., как пряность в пище’¹⁸⁷.

Лексема *скирдо* (в говоре ср. и ж. р.) является **грамматическим вариантом** общенационального *скирда* или *скирд* (ж. и м. р. — по данным Сл. Даля¹⁸⁸). Существительное говора *сабано* (ср. р.) ‘деревянная соха’ является **грамматическим** родовым **вариантом** общенац. слова *сабан* (м. р.). Существительные *мотыка*, *тютина* являются фонетическими вариантами общенац. слов *мотыга*, *тютина*.

Лексико-тематическая группа «Рыболовство». Значение ряда лексем этой группы является следствием метафорического процесса **на базе уже существующих в общенациональном языке слов**. Метафорические переносы на основе сходства общего вида и впечатления демонстрируют существительные (в скобках указаны лексемы общенац. яз.): *усы* ‘часть невода, веревки, закрепляющие углы неводного мешка’ (*ус* ‘у человека волос на верхней губе | у насекомых щупальца | усы растений’)¹⁸⁹; *клин* ‘маленький косой парус в рыбацкой лодке’ (*клин* ‘острый угол, и всякая вещь этого же вида, треугольником’)¹⁹⁰; *коклюшка* ‘поперечная планка на рукояти рулевого весла’ (*коклюшка* ‘точеная палочка, с утолщением к одному концу и шейкою с пуговкой на другом, для намотки ниток и плетенья поясков и кружев’)¹⁹¹; *хобот* ‘хвост сома’ (*хобот* ‘хвост ящерицы, змеи’)¹⁹².

Связь функционального характера обнаруживают лексемы (в скобках указаны слова общенац. яз. или говора): *вешалка* ‘деревянные подставки, на которых развешивают рыболовные сети для просушки’ (*вешалка* ‘столбики с колочками, рама или прибивная к стенке доска с колками для вешанья одежды’)¹⁹³; *волокуша* ‘бредень’ (диалектное волокуша ‘волжск. приволока, невод без матни’)¹⁹⁴; *крыло* ‘боковой плавник некоторых рыб’ (*крыло* ‘леток, член или часть тела птицы и насекомого, служащая для полета’)¹⁹⁵.

Метонимические переносы характерны для следующих лексем: *волок* ‘невод’ (диалектное *волок* ‘сев. переволок, перешеек между двух рек, где переволакивают лодки или товар с них’)¹⁹⁶; *клеёнка* ‘клеякое вещество внутри организма рыб’ (в общенац. яз. *клеенка* ‘ткань, пропитанная каким-либо клеем’)¹⁹⁷.

¹⁸⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 1. С. 947.

¹⁸⁸ Там же. Т. 4. С. 184.

¹⁸⁹ Там же. С. 1086.

¹⁹⁰ Там же. Т. 2. С. 297.

¹⁹¹ Там же. С. 238.

¹⁹² Там же. Т. 4. С. 1204.

¹⁹³ Там же. Т. 1. С. 824.

¹⁹⁴ Там же. С. 580.

¹⁹⁵ Там же. Т. 2. С. 524.

¹⁹⁶ Там же. Т. 1. С. 579.

¹⁹⁷ Там же. Т. 2. С. 290.

Ассоциативный перенос встречается редко: лексема *посуда* ‘рыболовные снасти’ (в общенац. яз. *посуда* ‘хозяйственная утварь’ — по данным Сл. Даля)¹⁹⁸.

Лексико-тематическая группа «Животноводство». Ряд лексем (точнее, их семем) в составе описываемой группы являются семантическими вариантами **на базе уже существующих в национальном языке слов**. Метафорическую связь (по сходству внешнего вида) демонстрируют существительные *лопатка*, *сундук*, *кучугуры*, *копёшка*, *кровать*, *пановка*. В говоре некрасовцев *лопатка* — это ‘костреч’, а в общенац. яз. лексема *лопатка* обозначает ‘плечную кость ... по обе стороны хребта’¹⁹⁹. В говоре некрасовцев *сундук* — это ‘деревянный улей’, а в общенац. яз. лексема *сундук* обозначает ‘укладку, ящик с крышкой, на навесах’²⁰⁰. В говоре некрасовцев существительное *кучугуры* — это ‘кучи навоза’. В обиходном языке русского крестьянства существительное *кучугуры* имеет значение ‘южн. песчаные бугры, сыпучие кочки’²⁰¹. Существительное *копёшка* в говоре некрасовцев имеет значение ‘комоч навоза, кизяк’, а в обиходном языке русского крестьянства одноименная лексема обладает иным значением — ‘бедная копна (сена, хлеба), плохого урожая, кучка’²⁰². Значение лексемы *кровать* — ‘подставка для пчелиного улья’ — представляет собой развитие по сходству значения одноименной лексемы общенац. яз. *кровать* ‘род станка на ножках, под постель, койка’²⁰³. Значение лексемы говора *пановка* ‘задний палец на ноге копытного животного, птицы’ — является результатом метафорического переноса (сходство внешнего вида и расположения) на основе значения бытующего в иных говорах русского языка существительного *пановка* ‘южн. зап. немецк. полка кремневого ружейного замка’²⁰⁴, примечательно, что часть тела животного называется на основе сравнения с частью ружья.

Связь функционального характера свойственна лексеме говора *звон* ‘колокольчик (на шее животного)’: ее значение, возможно, является следствием переноса по функции значения бытующего в иных говорах русского языка слова *звон* ‘сев. и южн. церковный колокол’²⁰⁵. Считаем, что значение существительного *кабарга* — ‘спина животного’ — возникло как результат метонимического развития («животное — часть тела животного») значения слова обиходного языка крестьянства *кабарга* ‘козочка, безрогое сибирское животное из семьи оленей’²⁰⁶.

¹⁹⁸ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 3. С. 909.

¹⁹⁹ Там же. С. 1721.

²⁰⁰ Там же. Т. 4. С. 635.

²⁰¹ Там же. Т. 2. С. 589.

²⁰² Там же. С. 398.

²⁰³ Там же. С. 501.

²⁰⁴ Там же. Т. 3. С. 29.

²⁰⁵ Там же. Т. 1. С. 1676.

²⁰⁶ Там же. Т. 2. С. 168.

Лексико-тематическая группа «**Врачевание**». Целый ряд лексем этой группы являются семантическими вариантами **существующих в общенациональном языке слов**: значение лексемы говора казаков-некрасовцев *боль* — ‘неизлечимая болезнь’ — представляет собой сужение и метонимическую конкретизацию значения слова общенац. яз. *боль* ‘болезнь, хворь, хвороба’²⁰⁷; значение лексемы говора казаков-некрасовцев *причина* ‘болезнь’ — представляет собой метонимическое сужение значения слова общенац. яз. *причина* ‘начало, источник, вина, коренной повод к действию’²⁰⁸; значение лексемы говора казаков-некрасовцев *худоба* — ‘болезнь’ — представляет собой метонимическое расширение значения слова общенац. яз. *худоба* в знач. ‘худощавость, тощест’²⁰⁹; значение существительного говора *глотка* — ‘болезнь горла, опухоль миндалин’ — демонстрирует метонимический перенос типа «часть тела человека — болезнь этой части тела» на основе значения общенац. слова *глотка* ‘горло’²¹⁰; ассоциативный перенос табуистического характера демонстрирует существительное говора *помога* ‘внезапная болезнь, приступ’ на основе значения слова общенац. яз. *помога* ‘подмога, подспорье’²¹¹ (в говоре некрасовцев у данного слова ударение на первом слоге); значение существительного говора *полуда* ‘бельмо’, возможно, является результатом метафорического развития значения слова общенац. яз. *полуда* ‘луда, накладной слой тусклого блеска, оловянная припаянная оболочка на медной и железной посуде’²¹² на основе сходства расположения и общего впечатления; значение слова говора *вал* — ‘опухоль от укуса насекомого’ — является развитием ассоциативного характера значения лексемы общенац. яз. *вал* ‘земляная насыпь грядой или гребнем для укрепления и защиты места от неприятеля’²¹³; значение слова говора *лечба* — ‘лекарство’ — является результатом сужения и метонимической конкретизации значения одноименного существительного общенац. яз. *лечба* ‘действие по глаголу *лечить*’²¹⁴; значение лексемы говора *прищипка* — ‘прививка’ — представляет собой сужение и метонимическую конкретизацию значения одноименного слова общекрестьянского языка *прищипка* ‘действие по глаголу *прищипить*’²¹⁵; значение слова говора *надав* — ‘повреждение на ноге от тесной обуви’ — является результатом сужения и метонимической конкретизации значения одноименного существительного

²⁰⁷ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 1. С. 273.

²⁰⁸ Там же. Т. 3. С. 1201.

²⁰⁹ Там же. Т. 4. С. 1243.

²¹⁰ Там же. Т. 1. С. 878.

²¹¹ Там же. Т. 3. С. 711.

²¹² Там же. С. 678.

²¹³ Там же. Т. 1. С. 399.

²¹⁴ Там же. Т. 2. С. 720.

²¹⁵ Там же. Т. 3. С. 1207.

общенац. яз. *надав* ‘действие и состояние по глаголу *надавить* и *-ся*’²¹⁶; значение лексемы говора казаков-некрасовцев *прытка* — ‘эпилепсия’ — представляет собой метонимическое сужение значения одноименного слова общенац. яз. *прытка* ‘болезнь сглазу, наговору’²¹⁷.

Подкласс «Быт». Для подкласса «Быт» в лексике говора казаков-некрасовцев также характерно явление семантической и иной вариативности.

Целый ряд слов группы «**Одежда и головные уборы**» на основе метонимических, метафорических, ассоциативных семантических связей соотносятся с **существующими в национальном языке словами**. Полагаем, что диалектная лексема *балахон* ‘легкий распахной полукафтан с короткими рукавами, надевается некрасовками поверх рубахи’ представляет собой семантическое развитие и сужение значения существительного общенац. яз. *балахон* ‘вообще летняя верхняя крестьянская одежда, китель, парусник..., покроя халатного или кучерского’²¹⁸ на основе ассоциаций внешнего вида и общего впечатления. Диалектное существительное *подол* ‘часть женской рубахи ниже пояса’ возникло на базе общенац. слова *подол одёжи* ‘край, полоса по низу, по долу’²¹⁹ в результате семантического развития на основе сходства расположения частей одежды вообще и женской одежды в частности. Лексема *подпол* ‘кусоч дешёвого материала, вставляемый в полу балахона в месте, которое обычно скрыто под передником’ также является результатом развития семантики общенац. слова *подпол* ‘подполица, простор или яма под полом, у крестьян это род чулана или погребка’²²⁰ на основе сходства расположения двух предметов относительно друг друга. Лексема *ворот* ‘расшитая грудь мужской рубахи’ представляет собой семантическое развитие общенац. существительного *ворот* ‘воротник’²²¹ путем пространственной метонимии (смежность воротника и передней части рубашки). Слово *голенища* ‘нижняя часть штанов, штанина’ является результатом развития на основе метафоры (сходства расположения артефактов вокруг голени) значения существительного общенац. яз. *голенище* ‘часть сапога, выше подъема, обнимающая голень’²²². Лексема *портки* ‘женские панталоны’ является результатом развития на основе метафоры (сходства внешнего вида и функции) значения существительного общенац. яз. *портки* ‘холщовое исподнее мужское платье, штаны, шаровары’²²³. Лексема *сарафан* ‘теплый стеганный женский кафтан’ представляет собой развитие значения ассоциативного характера

²¹⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 1038.

²¹⁷ Там же. Т. 3. С. 1380.

²¹⁸ Там же. Т. 1. С. 107.

²¹⁹ Там же. Т. 3. С. 491.

²²⁰ Там же. С. 504.

²²¹ Там же. Т. 1. С. 602.

²²² Там же. С. 903.

²²³ Там же. Т. 3. С. 842.

существительного общенац. яз. *сарафан* ‘женская русская одежда, безрукавая, с проймами для рук и с поясом’. Существительное *полушубка* ‘ меховая куртка без рукавов’ является результатом развития на основе метафоры (частичного сходства внешнего вида и функции) значения существительного общенац. яз. *полушубок* ‘короткая, по колени, шубка, обычно овчинная, нагольная’²²⁴. Лексема *катаур* ‘женский нарядный широкий пояс с резной металлической пряжкой’ является результатом развития на основе метафоры (сходства внешнего вида и функции) значения существительного общенац. яз. *катаур* ‘широкий пояс на подряснике’²²⁵. Слово *ширинка* ‘носовой нарядный платок’ является результатом сужения и конкретизации метафорического характера значения слова общенац. яз. *ширинка* ‘фата, плат, платок...’²²⁶. Существительное *ошейник* ‘воротник’ является результатом развития на основе метафоры (сходства внешнего вида и местоположения — вокруг шеи) значения существительного общенац. яз. *ошейник* ‘повязка или застежка на шею скоту, собаке’²²⁷. Значение слова говора *кожа* — ‘мех’ — представляет собой метонимическое развитие значения общенац. существительного *кожа* ‘верхняя оболочка, наружная одежда животного тела’²²⁸. Лексема говора *черес* ‘матерчатый пояс, внутрь которого вкладываются деньги’ представляет собой конкретизацию и сужение значения слова церковнославянского языка *чересел*, *чересл* ‘пояс, кушак, опояска’²²⁹.

Лексемы *бешметь* (м. р.), *полпальта* (нескл.) являются фонетическими вариантами общенац. слов *бешмет*, *полпальто*. Существительные *ножни*, *фанела*, *нитя* являются одновременно фонетическими и грамматическими вариантами общенац. слов *ножницы* ‘орудие для резки тканей’ и *фланель* ‘мягкая ворсистая ткань’, *нить* ‘волокно, волоконце’²³⁰.

Одна лексема группы «Наименования обуви» по своему происхождению может являться следствием метафорического семантического процесса, произошедшего на основе семантики *уже существующего в общенац. яз. слова*. Полагаем, что диалектная лексема *хоботы* ‘грубая обувь’ представляет собой семантическое развитие значения общенац. существительного *хобот* ‘висячая кишка, рукав’²³¹ на основе сходства внешнего вида (формы).

Значение ряда существительных лексико-тематической подгруппы «Наименования украшений» представляет собой семантический вариант по отноше-

²²⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 3. С. 687.

²²⁵ Там же. Т. 2. С. 243.

²²⁶ Там же. Т. 4. С. 1438.

²²⁷ Там же. Т. 2. С. 2024.

²²⁸ Там же. С. 326.

²²⁹ Там же. Т. 4. С. 1314.

²³⁰ Там же. Соответственно *ножницы* — т. 2, с. 1434; *фланель* — т. 4, с. 1144; *нить* — т. 2, с. 1421.

²³¹ Там же. Т. 4. С. 1204.

нию к одноименным словам, **существующим в русском общенациональном языке**. Полагаем, что диалектные существительные: *тряпки* ‘серьги с мелкими висячими украшениями’, *краса* ‘украшения на одежде’, *махор* ‘украшение в косе’, *обнизка* ‘украшение из монет, пришитых к кичке, кокошнику, жерёлку’ — представляют собой результат семантического развития и конкретизации значений слов общенац. яз.: *тряпка* ‘лоскут, оторванный кусок ткани’²³², *краса* ‘красота и украса, украшение чего-л.’²³³, *мохор* ‘каждая отдельная часть мохны, кисти, бахромы’²³⁴, *обнизка* ‘повязка с обнизкою, обнизанная чем-либо’²³⁵ — на основе сходства внешнего вида и общего впечатления.

Лексема *лента* ‘кружево’ является результатом семантического развития значения слова общенац. яз. *лента* ‘тесьма, тканая полоса, большей частью шелковая, для женских нарядов’²³⁶ — на основе ассоциативного переноса (общие семы «женская одежда», «украшение»). Наименование *шестак* ‘украшения на одежде из старинных русских монет, от шести и более’ является результатом семантического развития значения слова *шестак* ‘полдюжины, 6 штук’²³⁷ — на основе сходства количественного характера.

Существительное *бисерок* ‘жемчуг’ является стилистической модификацией церковнославянского слова *бисер* ‘жемчуг’²³⁸.

Существительное *чергунец* ‘золотая монета, червонец’ является фонетическим и акцентологическим вариантом общенац. слова *червонец* ‘золотая монета около трех рублей на серебро’ (по данным Сл. Даля, т. 4, с. 1307).

Некоторые лексемы группы «**Наименования кушаний**» являются семантическими вариантами **существующих в национальном языке слов** на основе метафорических, реже метонимических процессов: это существительные *калач*, *байдажок*, *обед*, *сальник*.

Метафорический перенос денотативного характера демонстрирует лексема *калач*. В говоре казаков-некрасовцев существительное *калач* — это ‘изделие из сдобного теста, похожее на восьмерку’ (в общенац. яз. *калач* ‘белый пшеничный хлеб вообще, пшеничный сгибень с дужкою...’²³⁹). Метафорическая связь образного характера (по внешнему виду и впечатлению) демонстрирует лексема *байдажок*. В говоре существительное *байдажок* — это ‘небольшая палочка для еды’ (в общинах русского крестьянства *бадажок* ‘палка, посох, трость’²⁴⁰). Метони-

²³² *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 4. С. 859.

²³³ Там же. Т. 2. С. 475.

²³⁴ Там же. С. 922.

²³⁵ Там же. С. 1555.

²³⁶ Там же. С. 638.

²³⁷ Там же. Т. 4. С. 1426.

²³⁸ Там же. Т. 1. С. 216.

²³⁹ Там же. Т. 2. С. 187.

²⁴⁰ Там же. Т. 1. С. 92.

мическую связь демонстрирует диалектное существительное *сальник*, которое в говоре некрасовцев означает ‘кушанье из внутренностей рыбы, обычно икры’, а в общенац. яз. *сальник* — это ‘двойная и тонкая перепонка, покрывающая все брюшные черева’²⁴¹, в говоре наблюдается перенос с части туловища (рыбы) на названия кушанья из этой части.

Необходимо отметить, что в лексико-тематической группе «Наименования кушаний» наличествует фонетический вариант общенац. слова *сыворотка* — *сувратка*. Кроме того, в лексико-тематической группе «Наименования кушаний» в речи казаков-некрасовцев встречаются случаи гиперкоррекции, выражающейся в замене исконного звука [x] на звук [ф]. Так, лексема *кухарь* ‘повар’ могла бытовать в речи некрасовцев и в форме *куфарь*, т. е. имела фонетический вариант.

Ряд лексем лексико-тематического подкласса «Животный мир» являются семантическими вариантами **существующих в русском общенац. яз. слов**: значение лексемы говора казаков-некрасовцев *барабан* — ‘большая ночная бабочка’ — представляет собой ассоциативный перенос по общему восприятию на базе общенац. слова *барабан* (по данным Сл. Даля, *барабан* ‘военно-музыкальное оружие’²⁴²); значение лексемы говора *ёриш* — ‘ёж’ — представляет собой метафорический перенос по сходству внешнего вида (‘колючести’) на базе общенац. слова *ёриш* ‘рыба кострик’²⁴³; значение лексемы говора *пичужка* — ‘жаворонок’ — представляет собой сужение значения слова общенац. яз. *пичужка* ‘птаха, птаха, птичка’²⁴⁴; значение лексемы говора *тушкан* — ‘заяц’ — представляет собой расширение значения слова общенац. яз. *тушкан* ‘земляной, норный зайчик’²⁴⁵; значение лексемы говора *чародейка* — ‘насекомое стрекоза’ — представляет собой ассоциативный перенос по свойству ‘очаровывать собою’ на базе общенац. слова *чародейка* — женского наименования по глаголу *чаровать*.

В лексико-тематическом подклассе «Животный мир» имеются и иные **варианты общенациональных слов**: а) фонетический вариант — лексема говора *мартин* (на базе лексемы *мартын* ‘общее название водяных птиц’²⁴⁶); б) грамматический вариант — слово говора мягкого варианта *комарь* (на базе лексемы *комар* — твердый вариант склонения); в) грамматический вариант — существительное говора ж. р. *зверь* (в общенац. яз. это слово м. р.). Кроме того, в данном подклассе есть фонетические варианты слов говора некрасовцев: *кукумява* — *кукунява* в знач. ‘птица сыч’.

В целом изучение **явления вариативности** в семантике, акцентологии, фонетике, грамматике говора казаков-некрасовцев в рамках имени существительного

²⁴¹ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 4. С. 14.

²⁴² Там же. Т. 1. С. 116.

²⁴³ Там же. С. 1301.

²⁴⁴ Там же. Т. 3. С. 293.

²⁴⁵ Там же. Т. 4. С. 446.

²⁴⁶ Там же. Т. 2. С. 783.

выявило преобладание семантической вариативности существительных говора. Выявление семантической и иной вариативности производилось на фоне слов общенац. яз. или (редко) на базе слов отдельных говоров русского языка. Чаще всего встречаются семантические переносы метонимического характера, что соответствует общему развитию значения древнерусского слова, слова в русском языке эпохи становления Московского государства и XVII в., специфике языкового сознания носителя языка указанных временных срезов. Подобные метонимические переносы характерны, например, для существительных: *обед, ноша, погода, восток, ледина, воздух, сродство, неверие, дед, дедовщина, дрема, правый, неправый, века, дерево, железо, город, рост, запой, горчица, кожа, тряпки* и т. д. Семантическое развитие слова на основе метафоры встречается в говоре казаков-некрасовцев в меньшем количестве, чем на основе метонимии, что обусловлено более поздним развитием метафорического обогащения слова и спецификой языкового сознания носителя говора в целом. Приведем примеры подобных существительных говора: *Зарница, Кадило, Прикол-звезда, незгода, рукав, труба, фуртуна, яблоко, голова, ухо, терка, кровать, полушубка, ошейник, хоботы* и др. Развитие в говоре казаков-некрасовцев значения слова обиходного языка русского крестьянства на основе комплекса ассоциаций встречается нечасто. Это такие лексемы, как *лиман, белянка, лоскутница, пестрина, дуда, балахон, подпол, ворот, голенища, портки, сарафан* и некоторые другие.

Только некоторые существительные говора представляют собой семантическое развитие на основе значения лексем, принадлежащих к отдельным диалектам русского языка. Это следующие существительные говора: а) *вреда*, значение которого является результатом метонимического развития значения одноименной лексемы владимирского говора (по данным Сл. Даля); б) *беседа*, значение которого является результатом метонимического развития значения одноименной лексемы в таких говорах, как тверские, нижегородские, олонецкие, вологодские (по данным Сл. Даля); в) *бунчук*, значение которого является результатом ассоциативного развития значения одноименной лексемы говора малороссийских казаков (по данным Сл. Даля); г) *кучугуры*, значение которого является результатом метафорического развития значения одноименной лексемы южного говора (по данным Сл. Даля).

Среди других видов вариативности выделяется **фонетическая вариативность**, связанная с заменой как гласных, так и согласных звуков: *галун, котушек, гарба, лоточка, фуртуна, коловерть, ухи, диверь, племенник, орпей, мотыка, бешимень, сувратка, воточка* и др. В то же время в речи казаков-некрасовцев встречаются случаи гиперкоррекции, выражающейся в замене исконного звука [х] на звук [ф]. Так, лексема *кухлик* ‘кружка’ имела в качестве фонетического варианта слово *куфлик*, существительное *кухни-муфни* ‘хозяйство, обозная часть войска’ имело фонетический вариант *куфни-муфни*.

Грамматическая вариативность также характерна для говора, хотя и в меньшей степени, чем фонетическая вариативность: *глыбь* (м. р.), *ряда* (ж. р.), *турка* (м. р.),

внуча (и. п. мн. ч.), *скирдо* (ж. р.), *звездо* (ж. р./ср. р.), *злато* (ж. р./ср. р.), *пойло* (ж./ср. р.). Ряд слов говора казаков-некрасовцев являются одновременно фонетическим и грамматическими вариантами лексем общенац. яз.: *озир/возир*, *вутри*, *пондли*, *версто*, *гирла*, *туловища* (ж. р.), *петлё* (ж. р./ср. р.), *нитя*, *ножни*, *мати*, *свекры*.

Описанное явление вариативности существительных говора может быть как 1) результатом развития лексем говора на базе уже существовавших слов общенац. яз. или (редко) на базе слов отдельных говоров русского языка, так и 2) следствием самостоятельного возникновения названных слов в говоре путем деривации, формообразования, а также следствием специфики звуковой системы говора. В целом результаты изучения вариативности существительных говора позволяют понять историю формирования лексики говора.

1.2. Описание явлений, сопутствующих вариативности

К явлению **вариативности** примыкают случаи **полного совпадения** в звучании, структуре и значении слов говора и одноименных лексем обиходного языка крестьянства или его отдельных говоров. Полагаем, что такие случаи также должны быть описаны.

Класс «Абстрактные отношения и формы существования материи»

Ряд наименований лексико-тематического подкласса «Существование, бытие» в говоре казаков-некрасовцев являются общими для обиходного языка русского крестьянства: существительное говора *брань* ‘ссора’ — лексема общенац. яз. *брань* ‘перекоры, свара’ (по данным Сл. Даля); существительное говора *жаль* ‘невзгоды, страдание’ — слово обиходного языка крестьянства *жаль* ‘сострадание при чужой беде, печаль, грусть, сокрушение’ (по данным Сл. Даля); лексема говора *мир* ‘отсутствие войны’ — общенац. существительное *мир* ‘отсутствие ссоры, вражды, войны’ (по данным Сл. Даля); слово говора *сполох* ‘тревога, переполох’ — лексема общенац. яз. *сполох* ‘всякого рода беспокойство, склока, тревога, набат’ (по данным Сл. Даля); существительное говора *отдышка* ‘отдых’ — лексема обиходного языка крестьянства *отдышка* ‘состоянье по глаголу отдыхать, покой, успокоенье после трудов’ (по данным Сл. Даля); лексема говора *часть* ‘счастье’ — слово общенац. яз. *часть* ‘участь, доля, удел, счастье, предназначенье’ (по данным Сл. Даля²⁴⁷).

Лексема говора *щелка* [шэлка] лексико-тематического подкласса «Форма» в своем основном значении — ‘отверстие, дырка’ — совпадает со словом общенац. яз. *щелка* в знач. ‘узкая и сравнительно долгая скважина, сквозное, узкое отверстие’²⁴⁸ и одновременно является фонетическим вариантом данной лексемы.

²⁴⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Соответственно *брань* — т. 1, с. 302; *жадь* — т. 1, с. 1309; *мир* — т. 2, с. 857; *сполох* — т. 4, с. 454; *отдышка* — т. 2, с. 875; *часть* — т. 4, с. 1290.

²⁴⁸ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 4. С. 1499.

Ряд наименований лексико-тематического подкласса «Пространство» в говоре казаков-некрасовцев являются общими для обиходного языка русского крестьянства либо для отдельных его говоров:

глыбь ‘глубина’ по своему значению полностью совпадает с одноименной лексемой определенных говоров обиходного языка русского крестьянства *глыбь* ‘тмб., сиб. высота в обратном смысле..., от поверхности до дна’ (по данным Сл. Даля); лексема говора *долоба* ‘тропинка’ аналогична по значению с существительным определенных говоров крестьянского языка *долобка* ‘ур.-казач. тропа’ (по данным Сл. Даля); слово *дорога* ‘улица’ имеет то же значение, что и слово определенных говоров крестьянского языка *дорога* ‘сиб. улица’ (по данным Сл. Даля)²⁴⁹.

Одно наименование лексико-тематического подкласса «Изменение» в говоре казаков-некрасовцев по значению совпадает с одноименным существительным в обиходном языке русского крестьянства — это лексема *повороты* ‘наступление зимы’, значение которой аналогично значению одноименной лексики *повороты* в общенац. яз. — ‘зимний солноворот, день 12 декабря’²⁵⁰.

Ряд наименований подкласса «Количество, величина» в говоре казаков-некрасовцев по значению полностью совпадает с одноименными лексемами в обиходном языке русского крестьянства либо в отдельных его говорах:

пай ‘надел земли, участок поля’ (в Сл. Даля *пай* ‘часть, доля надела или раздела’); *урод* ‘урожай’ (в Сл. Даля *урод* ‘урожай, степень плодородности в известное время’); *долина* ‘длина’ (в Сл. Даля *долина*, пск. *долина* ‘протяженье вдоль’); *крупка* ‘крупница’ (в Сл. Даля *крупки* ‘мн. крошки, крупницы, остатки’)²⁵¹.

Ряд наименований подкласса «Качество» в говоре казаков-некрасовцев являются общими для обиходного языка русского крестьянства: существительное говора *лепота* ‘красота’ — слово общенац. яз. *лепота* ‘краса, красота, ...великолепие, от стар. лепый’ (по данным Сл. Даля); лексема говора *крепость* ‘свойство по прилагательному крепкий’ (*Върата были на крепость наделаны*) — лексема общенац. яз. *крепость* ‘принадлежность, состояние по значению прилагательного крепкий ‘сильный, прочный’ (по данным Сл. Даля); лексема говора *тяжелина* ‘свойство по прил. тяжелый’ — слово общенац. яз. *тяжелина* ‘тяжель, тяжесть, вес чего-либо тяжелого’ (по данным Сл. Даля), существительное говора *доброта* ‘хорошее качество вещи, продукта’ — лексема общенац. яз. *доброта* ‘прочность, достоинство вещи, качество выработки’ (по данным Сл. Даля)²⁵².

²⁴⁹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Соответственно *глыбь* — т. 1, с. 879; *долоба* — т. 1, с. 1143; *дорога* — т. 1, с. 1176.

²⁵⁰ Там же. Т. 3. С. 373.

²⁵¹ Там же. Соответственно *пай* — т. 3, с. 13; *урод* — т. 4, с. 1059; *долина* — т. 1, с. 1092; *крупка* — т. 2, с. 518.

²⁵² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Соответственно *лепота* — т. 2, с. 723; *крепость* — т. 2, с. 528—529; *тяжелина* — т. 4, с. 903; *доброта* — т. 1, с. 1102.

Ряд наименований подкласса «Отношения» в говоре казаков-некрасовцев по значению совпадают с одноименными лексемами **обиходного языка русского крестьянства**: существительное говора *клятва* ‘клятва’ — лексема *клятва* ‘божба, присяга // обет, зарок’ (по данным Сл. Даля); лексема говора *отменение* ‘отличие’ — слово *отменение* ‘различие, отлика, разность’ (по данным Сл. Даля); лексема говора *тяжба* — существительное *тяжба* ‘стар. иск по суду, спор, жалоба в разбирательство судебное’ (по данным Сл. Даля)²⁵³.

Ряд наименований подкласса «Порядок» в говоре казаков-некрасовцев являются общими для обиходного языка русского крестьянства либо для отдельных его говоров. Так, существительное говора *ряда* ‘порядок’ совпадает по своему значению с одноименным существительным определенных говоров обиходного языка русского крестьянства *ряда* ‘пск., твр. порядок’ (по данным Сл. Даля); слово говора *жереб* ‘жеребий’ имеет то же значение, что и одноименная лексема общенац. яз. *жеребий*, *жереб* — ‘метать жеребий, жереби — определять посредством жеребья долю или судьбу’ (по данным Сл. Даля)²⁵⁴.

Ряд наименований подкласса «Причинность» в говоре казаков-некрасовцев являются общими для обиходного языка русского крестьянства: существительное говора *мочь* ‘сила’ — лексема общенац. яз. *мочь* ‘мога, мочь, сила, власть. Быть в силах...’ (по данным Сл. Даля); лексема говора *спорина* ‘удача’ — слово обиходного языка русского крестьянства *спорина* ‘успех, удача, спорость’ (по данным Сл. Даля); существительное *часть* в знач. ‘участь, доля’ — лексема общенац. яз. *часть* ‘участь, доля, жребий, удел’ (по данным Сл. Даля)²⁵⁵.

Класс «Неорганический мир»

Ряд наименований класса «Неорганический мир» в говоре казаков-некрасовцев полностью или частично совпадают по своему значению с одноименными лексемами в обиходном языке русского крестьянства или в других отдельных говорах русского языка (по данным соответствующих словарных статей Сл. Даля). Так, лексема *ухи* (и. п. мн. ч. сущ. *ухо*) в говоре некрасовцев входит в состав устойчивого выражения *солнца ухи* и означает ‘особую форму солнечных лучей с обеих сторон солнца, похожую на уши’; данное значение является общенациональным метафорическим переносом (на основе внешнего сходства), возникшим на базе прямого значения общенационального слова *ухо* — в Сл. Даля читаем «...уши солнца, солнце с ушами — пасолнца, побочные солнца». Лексема *яр* имеет в говоре некрасовцев и в обиходном языке русского крестьянства сходные значения: в говоре *яр* — ‘крутой, обрывистый берег реки’, в живом великорусском языке — ‘отрубистый берег

²⁵³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Соответственно *клятва* — т. 2, с. 311; *отменение* — т. 2, с. 1917; *тяжба* — т. 4, с. 903.

²⁵⁴ Там же. Соответственно *ряда* — т. 3, с. 1777; *жереб* — т. 1, с. 1330.

²⁵⁵ Там же. Соответственно *мочь* — т. 2, с. 871; *спорина* — т. 4, с. 456; *часть* — т. 4, с. 1290.

реки, озера, оврага, пропасти' (по данным Сл. Даля). Существительное говора *плешина* 'поляна' синонимично отмеченному в Сл. Даля с пометой «пск., твер.» слову *плехтина* 'поляна'. Существительное говора *стыдь* полностью совпадает с аналогичной лексемой, характерной для ряда русских крестьянских говоров — в Сл. Даля читаем: «...стыдь 'мск., ряз., вор., тмб. холод, мороз'». Лексема *бурун* имеет в говоре казаков-некрасовцев значение 'волна', а в обиходном языке крестьянства одноименная лексема *бурун* имеет сходное значение 'короткое, но сильное волнение у берегов или над подводными скалами, прибой, толчея' (по данным Сл. Даля). Существительное говора *коловерть* и одноименная лексема общенац. яз. имеют одно значение: в говоре это 'водоворот', в общенац. яз. *коловерть* — 'водоворот, пучина' (по данным Сл. Даля). Существительное говора *крыга* 'льдина' обладает тем же значением, что и одноименная лексема *крыга* в ряде диалектов обиходного языка крестьянства: в Сл. Даля зафиксировано «*крига* или *крыга* зап. и южн. льдина, плавучий лед». Лексема говора *россыть* 'мель' совпадает по значению с одноименным словом в одном из диалектов русского языка: в Сл. Даля зафиксировано существительное *россыть* 'астрх. отмель, пережат в устье реки'. Существительное говора *сухмень* в знач. 'сушь, засуха' имеет то же значение, что и одноименная лексема в обиходном языке русского крестьянства (в Сл. Даля отмечено без помет *сухмень* 'сушь')²⁵⁶.

Класс «Органический мир» (подклассы «Человек», «Трудовая деятельность», «Быт»)

Ряд лексем подкласса «Человек» в говоре казаков-некрасовцев **являются общими для обиходного языка русского крестьянства или для отдельных говоров русского языка:**

людина 'человек' (в Сл. Даля *людина* 'презр. человек'); *жена, женка* 'женщина' (в Сл. Даля *жена* 'вообще женщина, замужняя женщина, супруга, баба'); *странний* 'посторонний, чужой' (в Сл. Даля *странний* 'посторонний, чужой'); *карандух* 'человек маленького роста, невзрачный' (в Сл. Даля *карандух* 'кур. коротыш, малорослый человек'); *хлопец* 'мальчик' (в Сл. Даля *хлопец* 'южн. парень, мальчик')²⁵⁷; *немец* 'немой' (в Сл. Даля: '*немец* (2) 'от природы лишенный речи, языка или слова'); *глупак* 'глупец' (в Сл. Даля *глупак* 'глупый человек, дурак'); *гутарка* 'м. р. и ж. р. разговорчивый человек' (в Сл. Даля: *гутора*, ж. р. *гутарка* 'говорун, рассказчик' с пометой *вор., тмб.*); *смелячка* 'смелая женщина' (в Сл. Даля: *смелач*, *смелачка* 'смелый человек'); *подманичик* 'обманщик' (в Сл. Даля *подманичик* 'кто обманывает'); *кукобница* 'скупая женщина, скопидомка' (в Сл. Даля *кукобник*, *кукобница* 'кур. бережливый хозяин, скопидом'); *односум* 'товарищ' (в Сл. Даля: *односум* 'товарищ пополам; казач. товарищ

²⁵⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Соответственно *уха* — т. 4, с. 1111; *яр* — т. 4, с. 1580; *плешина* — т. 3, с. 316; *стыдь* — т. 4, с. 595; *бурун* — т. 1, с. 353; *коловерть* — т. 2, с. 349; *крыга* — т. 2, с. 498; *россыть* — т. 3, с. 1571; *сухмень* — т. 4, с. 655.

²⁵⁷ Там же. Соответственно *людина* — т. 2, с. 737; *жена* — т. 1, с. 1826; *странний* — т. 4, с. 566; *карандух* — т. 2, с. 223; *хлопец* — т. 4, с. 1191

в походе, однополчанин'); **побирашка** 'нищий, нищая' (в Сл. Даля: *побирашка* 'нищий, нищая'); **мир** 'народ, люди' (в Сл. Даля *мир* 'все люди'); **висок, виски** 'волосы на голове' (в Сл. Даля *висок* 'кур., вор. головной волос вообще'); **кострецы** 'тазовые кости человека, животных' (в Сл. Даля *кострецы* 'нижняя часть крестца,... т. е. задняя часть поясницы'); **лытка** '1. голень, 2. бедро' (в Сл. Даля *лытка* '...сиб. бедро, ляшка, *твр., тул.* берцо, голень, икры'); **нутрь** '1. внутренние органы, нутро. 2. душа' (в Сл. Даля *нутрь* 'внутренности человека и животного // душа, духовный человек'); **поличия** 'облик, внешность' (в Сл. Даля *поличия* 'облик, лицо, лик'); **мослак** 'бедренная кость' (в Сл. Даля *мослак* 'толстая большая кость, особенно одна из округлых костей, бедро с вертлюгом'²⁵⁸); **хряшки** 'грудная клетка, ребра' (в Сл. Даля *хряшки* 'грудь, вернее, подреберье'); **щиколка** 'щиколотка' (в Сл. Даля *щиколка* 'лодыжка'); **салазки** 'челюсти' (в Сл. Даля *салазки* 'тмб. челюсти'); **руда** 'кровь' (в Сл. Даля *руда* 'кровь'²⁵⁹).

Необходимо выделить лексему **спорник** 'соперник', которая совпадает по своему значению с одноименной лексемой в церковнославянском языке (по данным Сл. Даля *спорник* 'црк. сопотивник, поединщик'²⁶⁰).

Подкласс «Трудовая деятельность»

В подклассе «Трудовая деятельность» также обнаруживаются существительные, полностью совпадающие с одноименными лексемами в **обиходном языке русского го крестьянства или в отдельных говорах** русского языка.

Так, ряд наименований подгрупп лексико-тематической группы «Земледелие и растениеводство» в говоре казаков-некрасовцев **являются общими для обиходного языка русского крестьянства или для отдельных говоров** русского языка:

заробок 'деньги' (в Сл. Даля *заробок* 'кур. заработная плата'); **бразна** 'борозда' (в Сл. Даля *бразна* 'старое южное и западное, всякая полоса, взрытая в один конец сохою'²⁶¹); **нива** 'обрабатываемое поле' (в Сл. Даля *нива* 'обработанное поле'); **постать** 'участок поля; полоса, ряд' (в Сл. Даля *постать* 'тмб., пен., ярс., *твр., нвг., прм., сиб.,* поле, пашня, нива, обработанные поля'); **чирики** 'летняя рабочая обувь' (в Сл. Даля *чирики* 'черевики, башмаки'); **парус** 'парусина, прикрепленная к крыльям мельницы' (в Сл. Даля *парус* 'мельничные паруса, покрывающие обрешеченные крылья и убавляемые, по ветру глядя'); **гной** 'навоз' (в Сл. Даля *гной* 'южн. и зап., навоз,

²⁵⁸ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Соответственно *немец* — т. 2, с. 1459; *глупак* — т. 1, с. 882; *гутарка* — т. 1, с. 1018; *смелячка* — т. 4, с. 307; *подманичик* — т. 3, с. 473; *кукобница* — т. 2, с. 547; *односум* — т. 2, с. 1683; *побирашка* — т. 3, с. 343; *мир* — т. 2, с. 862; *висок* — т. 1, с. 507; *кострецы* — т. 2, с. 450; *лытка* — т. 2, с. 718; *нутрь* — т. 2, с. 1454; *поличия* — т. 3, с. 657; *мослак* — т. 2, с. 913.

²⁵⁹ Там же. Соответственно *хряшки* — т. 4, с. 1240; *щиколка* — т. 4, с. 1507; *салазки* — т. 4, с. 1507; *руда* — т. 3, с. 1731.

²⁶⁰ Там же. Т. 4. С. 458.

²⁶¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Соответственно *заробок* — т. 1, с. 1563; *бразна* — т. 1, с. 284; *нива* — т. 2, с. 1411.

назем'); **баран** 'приспособление для поворота корпуса ветряной мельницы' (в Сл. Даля *баран* 'на мельнице рычаг для подвыски жерновов'); **ветрянка** 'ветряная мельница' (в Сл. Даля *ветрянка* 'южн., каз., прм., ветряная мельница'); **клевец** 'небольшая кирка для насекания бороздок на поверхности жернова' (в Сл. Даля *клевец* 'род кирочки для тески камней, им насекаются жернова и тешется камень начисто'); **урак** 'серб' (в Сл. Даля *урак* 'астрх., короткая коса для рубки камыша..., как серб'); **сабан** 'деревянная соха' (в Сл. Даля *сабан* 'южн., сар., смб., прм., русский плуг, двукольный'); **сошка** 'деревянная часть примитивного плуга, попары, его основа' (в Сл. Даля 'сошка и поныне подставка'); **початок** 'кукурузный початок' (в Сл. Даля *початок* 'плод кукурузы, белоярой пшеницы, пшонки, маиса'); **черноколоска** 'сорт яровой пшеницы' (в Сл. Даля *черноколоска* 'порода пшеницы, черная арнаутка'); **горновка** 'сорт яровой пшеницы' (в Сл. Даля *горновка* 'пшеница арнаутка, белотурка'²⁶²); **озадки** 'отходы при веянии зерна' (в Сл. Даля 'озадок вороха хлебного — охоботье, охвостье, легкое и сорное зерно'); **огород** — в говоре некрасовцев данная лексема и одноименное существительное в обиходном языке русского крестьянства имеют аналогичное значение — 'изгородь, ограда' (по данным Сл. Даля); **косье** 'рукоять косы' (в Сл. Даля 'окосево, окосье, *косьё*, древко косы'); **дуля** 'сорт груш' (в Сл. Даля *дуля* 'дерево и плод, его называют также грушей'); **поддулька** 'сорт груш' (в Сл. Даля *поддулька* 'кур. дичок дули, груши, под прививку'); **тутина** 'тутовое дерево' (в Сл. Даля 'тютина' 'тутовое дерево')²⁶³.

Ряд наименований лексико-тематической группы «Рыболовство» полностью или частично совпадают по своему значению с одноименными лексемами в обиходном языке русского крестьянства или в других отдельных говорах русского языка (по данным соответствующих словарных статей Сл. Даля). Приведем некоторые из них: **перо** 'плавник рыбы' (в общенац. яз. *перо* 'рыбье перо, плавник'); **перо** 'лопасть весла' (в общенац. яз. *перо* 'лопасть'); **глаз** 'ячейка, ячейка сети' (в общенац. яз. *глаз* 'ячейка, ячейка сети'); **бабайка** 'гребное весло' (диалектное *бабайка* 'волжск. гребь, весло'); **ахан, охан** 'ставная сеть для ловли красной рыбы' (диалектное *ахан, охан* 'касп. ставная сеть')²⁶⁴.

Ряд наименований лексико-тематической группы «Скотоводство», «Птицеводство» в говоре казаков-некрасовцев являются общими для обиходного языка русского крестьянства либо для отдельных его говоров:

годовик 'однолетний теленок' — слово общенац. яз. *годовик* 'однолеток, годовалое животное' (по данным Сл. Даля); **жеребчик** 'жеребенок по второму году мужского

²⁶² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Соответственно *нива* — т. 2, с. 1411; *постать* — т. 3, с. 896; *чирики* — т. 4, с. 1344; *парус* — т. 3, с. 45; *зной* — т. 1, с. 890; *баран* — т. 1, с. 119; *ветрянка* — т. 1, с. 822; *клевец* — т. 2, с. 287; *урак* — т. 4, с. 1055; *сабан* — т. 4, с. 1; *сошка* — т. 4, с. 422; *початок* — т. 3, с. 964; *черноколоска* — т. 4, с. 1319; *горновка* — т. 1, с. 938.

²⁶³ Там же. Соответственно *озадки* — т. 2, с. 1695; *огород* — т. 2, с. 1662; *косье* — т. 2, с. 1723; *дуля* — т. 1, с. 1245; *поддулька* — т. 3, с. 438; *тутина* — т. 4, с. 896.

²⁶⁴ Там же. Соответственно *перо* — т. 3, с. 254; *глаз* — т. 1, с. 873; *бабайка* — т. 1, с. 87; *ахан* — т. 1, с. 78.

пола' — лексема обиходного языка крестьянства *жеребчик* 'жеребенка для различия называют жеребчиком и кобылкой' (по данным Сл. Даля); слово *лошонок* 'молодой конь' — лексема южного говора *лошонок* 'южн. жеребенок' (по данным Сл. Даля); слово *нетель* 'нетельная корова' — лексема обиходного языка крестьянства *нетель* 'молодая нетелившаяся корова'²⁶⁵ (по данным Сл. Даля); *телок* 'теленка до года' — слово обиходного языка крестьянства *телок* 'бычок' (по данным Сл. Даля); *ялочка* 'ягненок женского пола' — лексема *ярка* 'овечка, овца по первому лету' (по данным Сл. Даля); *неук* 'молодой вол' — слово обиходного языка крестьянства *неук* 'невыезженная, ни в упряжь, ни под верх скотина' (по данным Сл. Даля); *баз* 'загон для скота' — слово других русских говоров *баз* 'новорос., сар., урал. скотный двор, крытый или некрытый' (по данным Сл. Даля); существительное *обротка* 'недоуздок' — слово *обротка* 'недоуздок' (по данным Сл. Даля); слово *кочет* 'петух' — лексема *кочет* в ряде иных русских говоров: 'ряз. кур., петух, петел, певень' (по данным Сл. Даля); существительное *квохтуха* 'наседка' — лексема *квохтуха* в обиходном языке русского крестьянства, в Сл. Даля находим: *квок(х) тунья, квок(т)уша, квокиша, квоктуха* ж. р. 'клушка, наседка, курица, наседка, которая сидит'; существительное *прикол* 'кол для привязывания животных' — лексема общенац. яз. *прикол* 'вбитый кол для укрепы чего-либо' (по данным Сл. Даля)²⁶⁶.

Лексико-тематическая группа «Врачевание». Ряд наименований лексико-тематической группы «Врачевание» в говоре казаков-некрасовцев являются **общими для быта всего русского крестьянства, реже для какого-либо говора общекрестьянского языка**:

опух 'опухоль' (в Сл. Даля одноименное слово *опух* отмечено с аналогичным значением 'опухшее место'); *зелье* 'яд' (по данным Сл. Даля существительное общенац. яз. *зелье* имело аналогичное значение 'трава / лекарство / яд'); *лека* 'лекарство' (в Сл. Даля существительное *лека* зафиксировано как *южное*, имеющее значение 'лечение и само лекарство'); *финовник* 'лечебная трава' (по данным Сл. Даля лексема *финовник* относилась к общенац. яз. и имела аналогичное значение 'растение'); *свих* 'вывих' (в Сл. Даля существительное *свих* зафиксировано как общенац. с аналогичным значением 'пових, вывих')²⁶⁷.

Подкласс «Быт»

Группа «Наименования одежды и головных уборов». Целый ряд наименований одежды и головных уборов говора совпадают с одноименными существительными в **языке русского крестьянства или в отдельных иных русских говорах**. Таковы существительные говора:

²⁶⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Соответственно *годовик* — т. 1, с. 900; *жеребчик* — т. 1, с. 1331; *лошонок* — т. 2, с. 699; *нетель* — т. 2, с. 1398.

²⁶⁶ Там же. Соответственно *телок* — т. 4, с. 741; *ярка* — т. 4, с. 1579; *неук* — т. 2, с. 1402; *баз* — т. 1, с. 96; *обротка* — т. 2, с. 1587; *кочет* — т. 2, с. 463; *квохтуха* — т. 2, с. 259; *прикол* — т. 3, с. 1093.

²⁶⁷ Там же. Соответственно *опух* — т. 2, с. 1782; *зелье* — т. 1, с. 1687; *лека* — т. 2, с. 720; *финовник* — т. 4, с. 1140—1141; *свих* — т. 4, с. 70.

имение ‘имущество’ (ср. в Сл. Даля *имение* ‘достаток, собственность’); **кокошник** ‘праздничный головной убор девушки’ (ср. в Сл. Даля *кокошник* ‘народный головной убор русских женщин, ... носят девицы’); **кичка** ‘часть праздничного женского головного убора, шапочка с двумя выступами по бокам в виде рогов’ (в Сл. Даля *кичка* ‘бабий головной убор с рогами’); **подоплёка** ‘подкладка у мужской рубашки’ (в Сл. Даля *подоплёка* ‘подкладка, подбой у крестьянской рубахи’)²⁶⁸; **портки** ‘мужские штаны’ (в Сл. Даля *портки* ‘холщовое исподнее мужское платье, штаны, шаровары’); **зепь** ‘съёмный карман на пояске’ (в Сл. Даля *зепь* ‘ниж., прм. карман, мошна..., привесный’); **чекмень** ‘мужская верхняя одежда, кафтан из сукна кустарного производства’ (в Сл. Даля *чекмень* ‘вост. крестьянский кафтан, более исподний’)²⁶⁹.

Целый ряд наименований обуви в говоре казаков-некрасовцев являются **общими для быта русского крестьянства в целом или для отдельных групп русского крестьянства**:

ходаки ‘грубая обувь’ (в Сл. Даля *ходаки* ‘ярс., орл., ол. сапоги, чоботы’); **порини** ‘грубая рабочая обувь из целого куска кожи, стянутого бечевкой или ремешком’ (в Сл. Даля *порини* ‘постолы, кожанцы’); **чирики** (в Сл. Даля *чирики* ‘черевики, башмаки’); **постолы** ‘грубая обувь из куска кожи’ (в Сл. Даля *постолы* ‘гнутая из сырой кожи... обувь’); **бахилки, бахилы** ‘женская обувь, мягкие ботинки из цветной кожи, сшитые чулком, без подметки’ (в Сл. Даля *бахилы* ‘обувь, похожая на полусапожки или коты...’)²⁷⁰.

Целый ряд наименований украшений в говоре казаков-некрасовцев являются **общими для быта русского крестьянства или отдельных его групп**:

гайтан ‘тесьма, которой отделяют рубахи и балахоны’ (в Сл. Даля *гайтан* ‘снурок, плетёжок, тесьма’); **наручник** ‘браслет’ (в Сл. Даля *наручник* ‘пск., твр., браслет’); **кутазик** ‘украшение в виде подвесок на кичке, на кокошнике, в косе’ (в Сл. Даля *кутазик* ‘шнур с кистями, подвеска на шнуре, бахромчатое украшение’); **накосник** ‘украшение в косе’ (в Сл. Даля *накосник* ‘ленты, тряпичные привески на девичьей косе’); **позатыльник** ‘деталь старинного праздничного головного убора’ (в Сл. Даля *позатыльник* ‘кур. снизь, поднызь под кичку и кокошник’); **сорока** ‘часть праздничного головного убора некрасовки в виде обруча, надеваемого сверху кички’ (в Сл. Даля *сорока* ‘род кички’)²⁷¹.

Некоторые наименования группы «**Наименования кушаний**» в говоре казаков-некрасовцев являются **общими для обиходного языка русского крестьянства**. Это существительные: **копытце** ‘изделие из теста с творогом, ватрушка’

²⁶⁸ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Соответственно *имение* — т. 2, с. 98; *кокошник* — т. 2, с. 339; *кичка* — т. 2, с. 267; *подоплёка* — т. 3, с. 493.

²⁶⁹ Там же. Соответственно *портки* — т. 3, с. 842; *зепь* — т. 1, с. 1698; *чекмень* — т. 4, с. 1298.

²⁷⁰ Там же. Соответственно *ходаки* — т. 4, с. 1205; *порини* — т. 3, с. 850; *чирики* — т. 4, с. 1344; *постолы* — т. 3, с. 901; *бахилы* — т. 1, с. 139.

²⁷¹ Там же. Соответственно *гайтан* — т. 1, с. 838; *наручник* — т. 2, с. 1207; *кутазик* — т. 2, с. 583; *накосник* — т. 2, с. 1115; *позатыльник* — т. 3, с. 591; *сорока* — т. 4, с. 401.

(в Сл. Даля *копытце* ‘костром. ватрушка’), *пирог* ‘хлеб печеный’ (в Сл. Даля *пирог* ‘хлеб... без всякой приправы’)²⁷².

Лексико-тематический подкласс «Животный мир»

Целый ряд наименований лексико-тематического подкласса «Животный мир» в говоре казаков-некрасовцев полностью или частично совпадают по своему значению с одноименными лексемами **в обиходном языке всего русского крестьянства или в других отдельных говорах русского языка**. К ним относятся следующие лексемы говора:

баба ‘птица пеликан’ (*баба* ‘птица пеликан или кликуша: *Pelecanus onocrotalus*, белый; *Pelecanus crispus*, серо-бурый, на Каспийском и Черном морях’ — Сл. Даля); *бирюк* ‘волк’ (*бирюк* ‘*татарск., орнб., сиб., астрх., вор.* зверь, серый, *нвг.-бор. шуточн.* овчар; волк’ — Сл. Даля); *ведмедь* ‘медведь, (*ведмедь* ‘*малорос., орл., вор.* медведь’ — Сл. Даля); *дудак* ‘птица дрофа’ (*дудак* ‘*вост. татарск.,* дрофа или драхва южн. птица *Otis tarda*’ — Сл. Даля); *карга* ‘ворона’ (*карга* ‘ворона’ — Сл. Даля); *колп* ‘птица, похожая на цаплю’ (*колп* ‘чубатая птица из разряда цапель, чачура, *Platalea*; белая, нос ложкою; перья идут на казачьи султаны’ — Сл. Даля); *лягава* ‘лягушка’ (*лягава* ‘лягушка’ — Сл. Даля); *настопырь* ‘летучая мышь’ (*нетопырь* ‘род млекопитающих летучих животных, летучая мышь, *вор. настопырь*’ — Сл. Даля); *пугач* ‘филин’ (*пугач* ‘большой ушастый филин, *Strix bubo*’ — Сл. Даля); *чапура* ‘цапля’ (*чапура* ‘чапля, чапура, цапля, *Ardea*, долгоногая болотная птица; белая чапура, колпица, колпик’ — Сл. Даля)²⁷³.

В целом анализ одноименных лексем обиходного языка крестьянства и лексем-существительных говора казаков-некрасовцев выявил, что большинство названных номинаций не дифференцированы по отдельным говорам русского языка, являются общими для языка русского крестьянства. Таковы, по данным Словаря Даля, существительные *брань, жаль, мир, сполох, отдышка, часть, повороты, зворот, пай, крупка* и т. д.

В то же время некоторая часть подобных существительных относится к определенным говорам русского языка. В первую очередь, это южные говоры, что объясняется местом первоначальных поселений казаков и составом беглого крестьянства в их рядах. Так, по данным Сл. Даля такие лексемы говора казаков-некрасовцев, как *крыга, хлопец, бразна, гной, ветрянка, кучугуры, лошонок, карандах, кукобница, виски, заробок, поддулька, позатыльник, кочет*, совпадают по своему значению и грамматическим характеристикам с одноименными лексемами различных южнорусских говоров.

Кроме того, в описываемой лексической группе говора казаков-некрасовцев присутствуют слова, одноименные со словами из других русских говоров (по дан-

²⁷² *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Соответственно *копытце* — т. 2, с. 406; *пирог* — т. 3, с. 281.

²⁷³ Там же. Соответственно *баба* — т. 1, с. 32; *бирюк* — т. 1, с. 88; *ведмедь* — т. 1, с. 174; *дудак* — т. 1, с. 500; *карга* — т. 2, с. 91; *колп* — т. 2, с. 143; *лягава* — т. 2, с. 285; *настопырь* — т. 2, с. 1399; *пугач* — т. 3, с. 535; *чапура* — т. 4, с. 582.

ным Сл. Даля), что свидетельствует о пестром по исконной территориальной принадлежности составе казачества (пометы В. И. Даля):

- а) тверских: *ряда, плешина/плехтина, наручник*;
- б) псковских: *долина, ряда, плешина/плехтина, наручник*;
- в) казачьих и уральско-казачьих: *односум, ветрянка, долобка*;
- г) тамбовских: *глыбь, стыдь, гутарка, салазки*;
- д) воронежских: *стыдь, гутарка, виски*;
- е) сибирских: *глыбь, дорога, лытка*;
- ё) владимирских: *вилюшка*;
- ж) нижегородских: *зепь*;
- з) костромских: *копытице*;
- и) гродненских: *бурчак*.

По данным Словаря Даля, ряд существительных говора казаков-некрасовцев совпадают с одноименными лексемами, входящими в лексику *целого ряда* русских говоров: а) тамбовских, воронежских, рязанских, московских говоров — лексема *стыдь*; б) тверских, нижегородских, тамбовских, пензенских, ярославских, пермских, сибирских говоров — лексема *постать*; в) сибирских, южных, пермских, саратовских говоров — лексема *сабан*; г) олонецких, ярославских, орловских говоров — лексема *ходаки*; д) новороссийских, саратовских, уральских говоров — лексема *баз*.

2. Многозначность как проявление вариативных отношений в структуре имени существительного

Многозначность — способность слова иметь одновременно несколько взаимосвязанных значений — представляет собой категориальное (т. е., свойственное целому классу слов) лексико-семантическое отношение внутренне мотивированных значений, выражаемых формами одного слова; это удобный, обобщенный способ хранения информации о мире в языке.

Лингвистическая сущность полисемии объясняется асимметричностью знака и значения. На эту важнейшую семантическую закономерность впервые обратил внимание С. О. Карцевский. Ученый писал:

Знак и значение не покрывают друг друга полностью. Их границы не совпадают во всех точках: один и тот же знак имеет несколько функций, одно и то же значение выражается несколькими знаками. Всякий знак является потенциально «омонимом» и «синонимом» одновременно, т. е. он образован скрещением этих двух рядов мыслительных явлений²⁷⁴.

²⁷⁴ Карцевский С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака. Цит. по кн.: Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. М., 1965. 3-е изд. Ч. 2. С. 85.

Существуют различные типы полисемии. Самая распространенная классификация основана на различных видах мотивированности значений: значения в структуре многозначного слова могут связываться на основе сходства (метафорические связи), на основе смежности (метонимические связи), на основе ассоциации (ассоциативные связи).

Характерной особенностью полисемии является повторяемость, типичность отношения значений в структуре многозначных слов. Особенно это характерно для лексем, входящих в одну лексико-тематическую или лексико-семантическую группу.

2.1. Класс «Абстрактные отношения и формы существования материи»

Явление многозначности в речевой деятельности казаков-некрасовцев в рамках данного класса представлено **ассоциативными связями** семем многозначного слова (лексемы *часть*, *груз*, *покор*) и **метонимическими связями** (лексемы *галун*, *ступень*, *помога*).

Ассоциативные связи семем многозначного слова в классе «Абстрактные отношения» представлены следующими видами:

1) перенос «определенное психическое состояние бытия — артефакт, могущий быть или являющийся знаком этого состояния»: *часть* — 1. ‘счастье’. 2. ‘монетка на счастье’ (*Ф каныш пълажыли щастъ — пять капеек*). В русской разговорной речи имеем следующие примеры подобного переноса: *мальчика никуда не пускали под предлогом оберега — этот кулон служит мне оберегом*;

2) перенос «определенное опредмеченное действие — характеристика состояния человека, связанного с данным действием»: *покор* — 1. ‘абстрактное существительное по глаголу *покорить*’. 2. ‘позор’. В русской разговорной речи имеем следующие примеры подобного переноса: *их страдания были ненеприятными — его жизнь стала страданием*;

3) перенос «абстрактное качество — предмет, обладающий данным качеством»: *груз* — 1. ‘тяжесть’. 2. ‘груз, поклажа’ (*Грусь вазили*). В русской разговорной речи имеем следующие примеры подобного переноса: *тяжесть груза — нельзя женщине нести такую тяжесть*.

Метонимические связи семем многозначного слова в данном классе представлены такими разновидностями:

1) перенос «единица измерения жидкости — сосуд, в который помещается количество жидкости, соответствующее этой единице»: *галун* — 1. ‘мера жидкости’. 2. ‘стеклянная посуда, вмещающая галлон жидкости’. В разговорной речи имеем следующие примеры подобного переноса: *пол-литра спирта — купить пол-литра*;

2) перенос «часть тела человека — единица измерения, равная величине этой части тела»: *ступень* — 1. ‘ступня’. 2. ‘мера длины’ (*Кинул на десять ступиней*). В русской разговорной речи имеем следующие примеры подобного переноса: *рука человека — рукой подать*;

3) перенос «определенное опредмеченное действие — результат этого действия»: *помога* — 1. ‘помощь’. 2. ‘пособие’. В разговорной речи имеем следующие примеры подобного переноса: *отзывы на книгу хорошие* — *отзыв руководителя получен*.

2.2. Класс «Неорганический мир» (подклассы «Космос», «Земная поверхность», «Атмосферные явления»)

Явление многозначности в составе лексики говора в рамках класса «Неорганический мир» представлено в равной степени **метонимическими переносами** (*коблы, рынок, лиман, земля, караель, чернядь, фуртуна, погода*) и **метафорическими переносами** (*ерик, усынок, быстрая, земля, гирла, чернядь, кура*), **ассоциативные переносы** встречаются редко (*сухота*).

Метонимические связи семем многозначного слова в классе «Неорганический мир» таковы:

1) перенос «место — предмет, находящийся на этом месте: биофакт, артефакт»: *рынок* — 1. ‘пологий берег озера’. 2. ‘место водопоя’; *коблы* — 1. ‘болотистое место поросшее камышом, плавни’. 2. ‘камыш’; *грядина* — 1. ‘возвышенное место, не затопляемое водой во время весеннего разлива’. 2. ‘бахчевые культуры’. В литературном языке имеем следующие примеры подобной метонимии: *еду на рынок* — *рынок в этом году обустроили*;

2) перенос на основе синекдохи «целое — часть»: *лиман* — 1. ‘озеро’. 2. ‘невысыхающие остатки весеннего разлива озера’; *земля* — 1. ‘земля, поверхность земли, почва’. 2. ‘место, участок земли’; *погода* — 1. ‘состояние атмосферы, воздуха’ (*Пагода пирьмянилась*). 2. ‘сухая погода, сушь’ (*В Турсии летам пагода*); *фуртуна* — 1. ‘буря, метель’. 2. ‘буря на море, шторм’. В литературном языке аналогичные переносы «целое — часть» широко распространены, ср.: *рука* как ‘верхняя конечность человека’ и *рука* как ‘кисть’;

3) перенос «вещество — артефакт из этого вещества»: *земля* — 1. ‘земля, поверхность земли, почва’. 2. ‘земляной пол’. В разговорной речи имеем следующие примеры подобной метонимии: *хрусталь* — *духи в хрустале*;

4) перенос «атмосферное явление — место, связанное с этим явлением»: *караель* — 1. ‘северный ветер’. 2. ‘север’. В разговорной речи имеем следующие примеры подобной метонимии: *снежная зима* и *Москва — это зима, метель*.

Метафорические связи семем многозначного слова в классе «Неорганический мир» таковы:

1) перенос «определенный биофакт — артефакт, похожий на него по внешнему виду или расположению»: *усынок* — 1. ‘залив озера’. 2. ‘сетчатая воронка внутри вентера’; *ерик* — 1. ‘рукав реки или озера, пролив’. 2. ‘канавка’. В литературном языке имеем следующие примеры подобной метафоры: *бросить камень* — *кольцо с камнем, устье Днепра — устье шахты*;

2) перенос «определенный биофакт — иной биофакт, похожий на него по внешнему виду, расположению»: *гирла* — 1. ‘устье реки’. 2. ‘пролив’; *земля* —

1. 'поверхность земли, почва'. 3. 'глина как строительный материал'. В русском литературном языке имеем следующие примеры подобной метафоры: *схватить за горло — горло реки*;

3) перенос «явление — иное явление, сходное с первым по содержанию, производимому впечатлению, структуре»: *чернядь* — 1. 'чернота'. 2. 'грозовая туча'; *кура* — 1. 'метель, холодный ветер (= ветер со снегом)'. 2. 'ветер с пылью'. В литературном языке имеем следующие примеры подобной метафоры: *сильный дождь и дождь цветов; большое облако и облако цветов*.

Ассоциативные связи семем многозначного слова — это перенос «неблагоприятное атмосферное явление — болезнь, результат которой схож с этим явлением»: *сухота* — 1. 'сушь, сухая погода'. 2. 'болезнь от тоски'. В литературном языке имеем следующие примеры подобного ассоциативного переноса: *на дворе стужа и сердцем овладела стужа*.

Мы видим, что все процессы, характерные для многозначного слова говора казаков-некрасовцев, все виды метонимических и метафорических переносов в семантической структуре многозначного существительного говора широко распространены и в русском литературном языке.

2.3. Класс «Органический мир» (подклассы «Человек», «Трудовая деятельность», «Быт», «Животный мир», «Растительный мир»)

Подкласс «Человек»

Метонимические связи семем многозначного слова являются следующими:

1) перенос «человек определенной нации — народ, к которому принадлежит этот человек — страна, в которой живет данный народ»: *гречанин* — 1. 'грек'. 2. 'греки, Греция'; *турчанин* — 1. 'турок'. 2. 'турки'; *французенин* — 1. 'француз'. 2. 'французы, Франция'. В литературном языке и в разговорной речи подобная метонимия распространена: *к нам приехал в гости немец — немец нас не завоевал*;

2) перенос «характеристика человека по его внешним свойствам — характеристика человека по его социальным свойствам»: *бурлака/бурлак* — 1. 'молодой человек, холостяк'. 2. 'жених'. В русской разговорной речи имеем следующий пример подобной метонимии: *Иван Иванович уже пожилой — партия пожилых набирает обороты*;

3) перенос временного характера: «невзрослый детеныш человека — выросший взрослый детеныш человека глазами родителей»: *дитенок* — 1. 'ребенок'. 2. 'сын или дочь (взрослые)'. В разговорной речи имеем следующий пример подобной метонимии: *Недавно Таня родила ребенка — ее ребенок погиб во время службы в армии*.

Метафорические связи семем многозначного слова в подклассе «Человек» таковы:

1) перенос «человек — животное, схожее в своем состоянии, периоде жизни»: *молодыта* — 1. 'молодежь'. 2. 'молодое поколение животных, пчел'; *ядряч*

1. ‘ребенок мужского пола, мальчик’. 2. ‘детеныш домашнего животного мужского пола’; **первичка, первячка** — 1. ‘женщина, родившая впервые’. 2. ‘корова, отелившаяся в первый раз’. В общенац. яз. аналогичные метафорические переносы широко распространены: *щенята* ‘детеныши собаки, волка’ и *щенята* ‘молокососы, мальчишки — простор.’; *котенок* как ‘детеныш кошки’ и *мой внук* — *настоящий котенок*;

2) перенос «биофакт, обладающий определенными свойствами — человек, к которому могут быть приложены данные свойства»: **попутняк** — 1. ‘попутный ветер’. 2. ‘попутчик’; **ореней** — 1. ‘колючий кустарник’. 3. ‘проворный, беспокойный человек’. В разговорной речи имеем следующий пример подобного переноса: *дует сильный ветер — не девчонка, а ветер*.

Ассоциативные связи многозначного слова в подклассе «Человек» являются следующими:

1) перенос с семантикой долженствования «женщина, обладающая определенными свойствами (красотой) — девушка в возрасте невесты, которая должна обладать данными свойствами»: **красавица** — 1. ‘красивая женщина’. 2. ‘взрослая девушка, которую уже можно сватать’ (*Ета уже красавица, сватать можна*). В разговорной речи имеем следующий пример подобного переноса: *он слепец от рождения — все любящие — слепцы*.

Подкласс «Трудовая деятельность»

Метонимические связи семем многозначного слова в подклассе «Трудовая деятельность» таковы:

1) перенос «место, вместилище — предмет (субъект или объект), находящийся на этом месте или в нем»: **каптарь** — 1. ‘улей, плетенный из хвороста’. 2. ‘рой пчел’; **гарман** — 1. ‘ток, гумно’. 2. ‘хлеб в снопах, разложенный на току для молотбы’. В литературном языке аналогичные метонимические переносы широко распространены: *новый класс* — *класс смеялся*; *центральная площадь* — *площадь загудела*;

2) перенос «сосуд — количество вещества, входящего в сосуд»: **гарс** — 1. ‘ковш, служащий мерой зерна’. 2. ‘мера зерна, помещающаяся в ковш’. В русском литературном языке имеем следующие примеры подобной метонимии: *новое ведро — ведро воды*;

3) перенос «вид бахчевой культуры — посуда из плода этой культуры» (разновидность метонимии «материал — изделие из этого материала»): **корец** — 1. ‘особый вид бахчевой культуры’. 2. ‘высушенный и выдолбленный ее плод с длинным отростком, который используется вместо ковша’; **кубышка** — 1. ‘сорт тыквы’. 2. ‘выдолбленный и высушенный плод ее, используемый в качестве посуды’. В разговорной речи языке имеем следующие примеры подобной метонимии: *стекло — выставка чешского стекла*;

4) перенос на основе деграмматикализации форм множественного числа: **початок** — 1. ‘кукурузный початок’. 2. **початки** (мн.) ‘кукуруза’; **кочка** — 1. ‘кочка’. 2. **кочки** (мн.) ‘остатки стеблей растений на сжатом поле’. Слова *початки* и *кочки*

в говоре обладают неколичественным значением числа — либо собирательным, либо родовым. Подобный перенос по своей сущности также является синекдохой, так как для наименования совокупности предметов (кукурузы, остатков стеблей на сжатом поле) используется наименование формы множественного числа. В литературном языке имеем следующие примеры подобной синекдохи: *попался горький огурец* — *пора сажать и огурцы* (в собирательном или родовом значении);

4) перенос «растение — предмет из этого растения»: *конопи* — 1. 'конопля'. 2. 'конопляная пряжа'. В литературном языке имеем следующие примеры метонимических значений: *растет ромашка* — *пить настой из ромашки* (= высушенный лекарственный сбор);

5) перенос на основе синекдохи «растение — его части»: *садовина* — 1. 'фруктовое дерево'. 2. 'ветки дерева'. 3. 'одна ветка'; *смоквина* — 1. 'дерево инжир'. 2. 'плод инжира'. В литературном языке имеем следующие примеры подобной синекдохи: *росла груша* — *груша нынче уродилась* (собирательное) — *съешь грушу*.

Метафорические связи семем многозначного слова в подклассе «Трудовая деятельность» являются следующими:

1) перенос «часть тела человека — определенный артефакт, схожий по внешним признакам»: *голова* — 1. 'часть тела человека или животного'. 2. 'часть горизонтального вала на ветряной мельнице'. В литературном языке имеем следующие примеры подобного переноса: *головка ребенка* — *головка сахару*;

2) перенос функционального характера «определенный артефакт — иной артефакт, предназначенный для аналогичной функции»: *занузда* — 1. 'уздечка'. 2. 'часть ярма'; *терка* — 1. 'приспособление для молотбы'. 2. 'приспособление для валки шерсти'; *ляса* — 1. 'изгородь из камыша внутри двора'. 2. 'плетень, установленный в устье реки для удержания рыбы'. В русском литературном языке имеем следующие примеры подобного функционального переноса: *крыло птицы* — *крыло самолета*;

3) перенос «определенный артефакт — иной артефакт, похожий на него по внешнему виду»: *соха* — 1. 'деревянный плуг'. 2. 'стойка, подпора, раздвоенная на верхнем конце'; *дерево* — 1. 'бревно'. 2. 'деревянная основа сохи'; *посторонка* — 1. 'часть конской упряжи, постромка'. 2. 'боковые (продольные) стены дома'; *шкорлуха* — 1. 'шелуха'. 2. 'чешуя'. В русском литературном языке имеем следующие примеры подобного переноса: *длинный рукав* — *пожарный рукав*;

4) перенос «птица — артефакт, схожий с ней по внешнему восприятию»: *кочеток* — 1. 'петушок'. 3. 'уключина в лодке'. В русском национальном языке аналогичные метафорические переносы — «предмет — то, что похоже на этот предмет по восприятию» — широко распространены (ср.: *ворон летит* — *увезли на черном вороне*, устар. в знач. 'закрытый автомобиль для перевозки арестованных' — по данным Словаря Ушакова).

Ассоциативные связи многозначного слова в подклассе «Трудовая деятельность» таковы:

1) перенос «определенный артефакт, представляющий часть чего-л. — иной артефакт, также представляющий собой часть чего-л.: *рядочек* — 1. ‘грядка’. 2. ‘полосочка на ткани, одежде’. В русском литературном языке имеем следующие примеры подобного переноса: *полоса обороны* — *последняя полоса газеты*;

2) перенос «определенный биофакт — иной биофакт, схожий с ним по не-окультуренности»: *каплазя* — 1. ‘кормовой злак, дикий овес’. 2. ‘необмолоченная пшеница’. В литературном языке имеются подобные переносы: *дичок сирени* — *заморыш, дичок, сирота*.

Подкласс «Быт» в лексике говора казаков-некрасовцев

Метонимические связи семем многозначного слова в подклассе «Быт» представлены следующими разновидностями:

1) перенос «часть целого — целое»: *кичка* — 1. ‘часть праздничного женского головного убора, шапочка с двумя выступами по бокам в виде рогов’. 2. ‘весь праздничный головной убор некрасовки, состоящий из кички, подзатыльника и сороки’. В литературном языке имеем следующие примеры подобной метонимии: *у него напалец на руке* (= на кисти) *забинтован* — *поднимите руку* (= верхнюю конечность);

2) перенос «целое — часть этого целого»: *кулан* — 1. ‘нарядный широкий женский пояс’. 2. ‘узорная металлическая пряжка на женском поясе катауре’. В имеем следующие примеры подобной метонимии: *машина в сельской местности незаменима* — *ехать на своей машине*;

3) перенос «артефакт, находящийся на определенном месте — другой артефакт, находящийся на этом же месте»: *ошейник* — 1. ‘отделка горловины на мужской и женской рубаше’. 2. ‘воротник’. В русской разговорной речи имеем следующие примеры подобной метонимии: *лифчик* (обязательная деталь женской одежды) — *лифчик разведчика весит немало* (из речи военных);

4) перенос «один определенный артефакт — иной артефакт, составленный из ряда первых артефактов»: *чергунец* — 1. ‘золотая монета, червонец’. 2. во мн. числе ‘украшение из монет’. В разговорной речи имеем следующие примеры подобной метонимии: *ловец жемчуга* — *на шее жемчуг*;

5) перенос «вместилище для определенных целей — вещество, используемое для названных целей»: *мая* — 1. ‘часть желудка ягненка, которую используют для закваски’. 2. ‘дрожжи’. В разговорной речи имеем следующий пример подобной метонимии: *тарелка супа* — *съесть всю тарелку*;

6) перенос «определенный артефакт — состояние, свойство субъекта, вызванное употреблением данного артефакта»: *пойло* — 1. ‘алкогольный напиток’. 2. ‘пьянство’. В разговорной речи имеем следующие примеры подобной метонимии: *вкусная еда* — *парень страдает едой* (т. е. обжорством).

Метафорические связи семем многозначного слова в подклассе «Быт» таковы:

1) перенос «один артефакт — другой артефакт, обладающий сходством расположения и общего впечатления»: *подол* — 1. ‘часть женской рубашки ниже пояса’.

2. 'юбка'; *испод* — 1. 'низ, нижняя сторона, изнанка'. 2. 'нижний край невода'. В разговорной речи имеем следующие примеры подобной метафоры: *подвал в доме* — *подвал в очередном номере газеты*;

2) перенос «один артефакт — другой артефакт, схожий с первым по внешнему виду»: *кувшиник* — 1. 'небольшой кувшин'. 2. 'разновидность узора вышивки'; *орепеюшик* — 1. 'садовый цветок'. 2. 'вид узора вышивки, четыре крестика, образующие ромб'. В разговорной речи имеем следующие примеры подобной метафоры: *елочка растет* — *узор елочкой*.

Ассоциативные связи многозначного слова в подклассе «Быт» единичны — это перенос «определенный артефакт — тот же артефакт с акцентированием его социальных свойств»: *постолы* — 1. «грубая рабочая обувь из целого куска кожи, стянутого бечевкой или ремешком». 2. «дешевая обувь, обувь бедных». В литературном языке имеем следующие примеры подобной метонимии: *чехлы из дерюги* — *подросток одет в какую-то дерюгу*.

2.4. и 2.5. Классы «Животный мир» и «Растительный мир»

Метафорические связи семем многозначного слова классов «Животный мир» и «Растительный мир» редки — это перенос «определенный биофакт — иной биофакт, имеющий внешнее сходство формы: *илан* — 1. 'порода ядовитых змей'. 2. 'рыба угорь'. В литературном языке и в разговорной речи имеем следующие примеры подобной метонимии (по отношению к предметам): *рулевое колесо* — *колесо обозрения*.

Метонимические связи семем многозначного слова классов «Животный мир» и «Растительный мир» также единичны — это перенос на основе «целое — часть целого»: *поречная* — 1. 'выдра'. 2. 'шкурка выдры'; *орепей* — 1. 'колючий кустарник'. 2. 'цветок и плод этого растения'; *стручи* — 1. 'рожковое дерево'. 2. 'плод этого дерева'. В разговорной речи имеем следующий пример подобного переноса: *бежала лиса* — *пальто с лисой*; *на даче растет айва* — *из айвы получается вкусное варенье*.

В целом анализ явления многозначности в именах существительных говора казаков-некрасовцев выявил преобладание переносных значений **метонимического характера**.

Метонимические переносные значения имен существительных говора (в нашем материале около 50 подобных значений) в своем большинстве семантизируют **пространственные отношения** двух денотатов. Переносное значение этого типа свойственно многозначным словам: *галун, рынок, коблы, грядина, караель, дедовщина, гарман, гарс, корец, кубышка, грядина, каптарь, мая, ошейник, гречанин* (= Греция) и т. п.

Значительное число многозначных существительных говора совмещают в своей структуре значения, связанные **со структурной сопредельностью** (целое — часть, форма — предмет такой формы): *лиман, погода, фуртуна, кабарга, подол, кулан, кичка, щёлка, чергунец*.

Определенное число многозначных существительных говора имеют в своей структуре второе метонимическое значение, соотносящееся с главным на основе:

- а) социальной сопредельности: *бурлака, некрасовец*;
- б) временной сопредельности: *дитёнок*;
- в) сопредельности следственного характера: *помога*;
- г) сопредельности вещественного характера: *земь*;
- д) грамматической смежности: *кочки, початки*.

Распространены следующие метонимические модели:

- а) «целое — часть»: *лиман, погода, фуртуна, початки, кочки, кабарга, подол, кулан, кичка*;
- б) «место — предмет, находящийся на этом месте»: *гарман, рынок, коблы, грядина*;
- в) «человек определенной нации — народ, к которому принадлежит этот человек — страна, в которой живет данный народ»: *турчанин* (= турки), *гречанин* (= греки), *французенин* (= французы);
- г) «артефакт, находящийся на определенном месте — другой артефакт, находящийся на этом же месте»: *ошейник*;
- д) «вместилище для определенных целей — вещество, используемое для названных целей»: *мая*;
- е) «вместилище — предмет (субъект или объект), находящийся в нем»: *каптарь*;
- ж) «вместилище — количество вещества, входящего в него»: *гарс*;
- з) «один определенный артефакт — иной артефакт, составленный из ряда первых артефактов»: *чергунец*;
- и) «вид бахчевой культуры — посуда из плода этой культуры»: *корец, кубышка*;
- к) «вещество — артефакт из этого вещества»: *земь*;
- л) «единица измерения жидкости — сосуд, в который помещается количество жидкости, соответствующее этой единице»: *галун*;
- м) «определенное опредмеченное действие — результат этого действия»: *помога*;
- н) «определенная форма артефакта или биофакта — сам артефакт или биофакт такой формы»: *щелка*;
- о) «атмосферное явление — место, связанное с этим явлением»: *караель*;
- п) «совокупность людей — место, в котором эта совокупность находится, должна находиться»: *дедовщина*;
- р) «определенный артефакт — состояние, свойство субъекта, вызванное употреблением данного артефакта»: *пойло*;
- с) «незрелый детеныш человека — выросший взрослый детеныш человека»: *дитёнок*;

- т) «конкретный человек — человек по принадлежности к социальной группе, лидером или идеалом которой является, считается данный конкретный человек»: *некрасовец*;
- у) «характеристика человека по его внешним свойствам — характеристика человека по его социальным свойствам»: *бурлака / бурлак*.

В большинстве случаев переносные метонимические значения возникают в лексемах говора, относящихся к конкретной лексике. В то же время незначительная часть лексики говора казаков-некрасовцев, относящаяся к неконкретным существительным (абстрактным, вещественным, собирательным), также способна развивать переносные метонимические значения (*погода, помога, земля, дедовщина*).

Метонимические переносные значения имен существительных говора выполняют функцию номинации классов предметов или единичных предметов.

Метафорические переносные значения имен существительных говора (в нашем материале около 30 подобных значений) в своем большинстве семантизируют *сходство внешнего вида* двух денотатов. Такое переносное значение характерно для семантических структур целого ряда многозначных слов: *коромысли, усынок, ерик, гирла, быстрая, чернядь, голова, соха, дерево, кувишник*.

Определенное количество многозначных существительных говора имеют в своей структуре второе метафорическое значение, соотносящееся с главным на основе:

- а) схождения расположения денотатов: *подол, испод, подоплёка, попутняк, посторонка*;
- б) схождения функции денотатов: *занузда, тёрка, корец, орпей*;
- в) схождения этапов в жизни человека и животного: *молодыта, ядряч*;
- г) схождения содержания, структуры денотатов: *кура, чернядь*;
- д) схождения формы денотатов: *ширинка*.

Распространены следующие метафорические модели:

- а) «определенный биофакт — иной биофакт, похожий на него по внешнему виду, расположению»: *гирла, земля, чернядь, быстрая, кочеток*;
- б) «человек — животное, схожее в своем состоянии, периоде жизни»: *молодыта, ядряч, первичка*;
- в) «определенный биофакт — артефакт, похожий на него по внешнему виду или расположению»: *усынок, ерик, кочеток*;
- г) «определенный артефакт — иной артефакт, предназначенный для аналогичной функции»: *занузда, корец*;
- д) «один артефакт — другой артефакт, обладающий сходством расположения и общего впечатления»: *испод, посторонка*;
- е) «явление — иное явление, сходное с первым по содержанию, структуре»: *кура*;
- ж) «часть тела человека — определенный артефакт, схожий по внешним признакам»: *голова*;

- з) «один артефакт — другой артефакт, обладающий сходством формы и общего впечатления»: *усынок*;
- и) один артефакт — другой артефакт, сходный с первым по материалу изготовления»: *пирог*;
- к) «биофакт, обладающий определенными свойствами — человек, к которому могут быть приложены данные свойства»: *попутняк, орпей*.

Необходимо отметить, что субстантивные метафоры говора казаков-некрасовцев преимущественно выполняют функцию номинации классов предметов, хотя в их значении может преобладать и второй, образный, план (функция характеристики): *Ана матаица, как арипей, липнуть к работи*.

В большинстве случаев метафорические значения в говоре развивают конкретные существительные, хотя есть и незначительное количество неконкретных (абстрактных и вещественных): *быстрыя, чернядь, зель*.

Ассоциативные переносные значения имен существительных говора (в нашем материале 10 подобных значений) в своем большинстве семантизируют ассоциации, связанные с **прагматическим компонентом значения**, на основе которого возникает новое переносное значение: *сухота, постолы, язычник*.

Определенное количество многозначных существительных говора имеют в своей структуре второе значение, соотносящееся с основным на основе ассоциаций, связанных:

- а) со структурой сопоставляемых денотатов: *деляница, рядочек, односум*;
- б) с той или иной возможной характеристикой сигнификата базового значения: *покор, летний*;
- в) с модальным компонентом базового значения: *красавица*;
- г) с воплощением абстрактного свойства в конкретном денотате: *часть, грузь*.

Распространены следующие ассоциативные модели:

- а) «определенное состояние бытия — артефакт, могущий быть или являющийся знаком этого состояния»: *часть*;
- б) «определенный артефакт, представляющий часть чего-л. — расчлененное количество»: *деляница*;
- в) «определенное опредмеченное действие — характеристика состояния человека, связанного с данным действием»: *покор*;
- г) «неблагоприятное атмосферное явление — болезнь, действие которой может быть сопоставимо с этим явлением»: *сухота*;
- д) «определенный человек — иной человек, в значении имени которого имеется аналогичный семантический компонент “определенной временной отрезок”, но с иной его оценкой»: *летний*;
- е) «определенный человек — иной человек, в значение имени которого включено значение имени первого предмета в качестве семантического компонента должествования»: *красавица*;
- ж) «человек, связанный с кем-либо общим занятием — человек, которого объединяет с кем-то общность возраста»: *односум*;

- з) «определенный артефакт, представляющий часть чего-л. — иной артефакт, также представляющий собой часть чего-л.: *рядочек*;
- и) «определенный артефакт — тот же артефакт с акцентированием его социальных свойств»: *постолы*.

Многозначные лексемы говора, в структуре которых наблюдается связь ассоциативного характера, как правило, относятся к конкретным существительным: *деляница, рядочек, постолы, красавица, язычник, односум*. В то же время в этой группе есть и абстрактные существительные: *часть, покор, сухота*.

По своей функции ассоциативные значения существительных говора — это номинативные значения, хотя в ряде употреблений второй, образный, план является достаточно ярким: *Ня ты ли, сударушка, пустила сухату на маяму жы-вату*.

3. СИНОНИМИЯ В РАМКАХ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

Синонимия — это категориальное лексико-семантическое отношение тождественных или близких по содержанию значений, выражаемых формально различными словами, которые реализуют в тексте семантические функции уточнения и замещения, а также стилистические функции.

Синонимы возникают в языке постоянно. Это обусловлено рядом причин. Одной из основных является стремление человека найти в уже известных предметах, явлениях окружающего мира какие-то новые черты и оттенки. Новый дополнительный признак называется новым словом, сходным или тождественным с уже имеющимися наименованиями. Нередко возникновение синонимов обусловлено проникновением заимствованных слов. Синонимы возникают и в том случае, когда предмету, кроме общеизвестного нейтрального наименования, дается новое, эмоциональное, обозначение. Синонимы возникают также в результате словообразовательных процессов.

По степени синонимичности выделяют: 1) полные синонимы, не обнаруживающие никаких семантических различий; 2) квазисинонимы, имеющие различия, затрагивающие денотативный и сигнификативный слои значения; 3) экспрессивно-стилистические синонимы, обнаруживающие различия в прагматическом слое значения; 4) синтаксические синонимы, обнаруживающие различия в синтаксическом слое значения.

3.1. Класс «Абстрактные отношения и формы существования материи»

Явление синонимии в данном классе встречается редко. Оно представлено в подклассе «Существование, бытие» одним синонимическим рядом стилистических синонимов: *жаль* — *страждание* в значении 'невзгоды'. Существительные *жаль, страждание* имеют одинаковую предметную соотнесенность и разную стилистическую окраску: лексема *жаль* употребляется в высказываниях о бытовых ситуациях (*Какую жаль, пирьнасили, пирьжывали!*), а лексема *страждание* —

в высказываниях о ситуации в обществе (*Многа страждания была, вайна, розмир*). Стилистические синонимы, отличающиеся эмоционально-стилистической окраской, встречаются в подклассе «Качество»: это синонимический ряд *грузь* — *тяжелина*. Лексема *грузь* имеет нейтральную окрашенность (*Вирёфка толстая, штоп имела грусь, падала на дно*), а слово *тяжелина* — эмоционально-экспрессивную (*Ета мине несть такую тяжылину?*).

В подклассе «Порядок» явление синонимии представлено одним синонимическим рядом полных синонимов: *ряд* — *ряда* в значении ‘порядок’. В данном синонимическом ряду лексемы находятся в отношениях семантического тождества. Их возникновение обусловлено явлением грамматической (родовой) синонимии грамем мужского / женского рода, характерной для говора казаков-некрасовцев.

3.2. Класс «Неорганический мир»

В целом большинство синонимических рядов класса «Неорганический мир» относится к полным синонимам. Имеющиеся в данном подклассе ряды полных синонимов можно дифференцировать на две группы на основании характера семантической структуры сопоставляемых лексем.

Первая группа — это полные синонимы, совпадающие в одном и единственном значении лексем. Полные синонимы по денотативному компоненту таковы: синонимический ряд *Зарница* — *Жарница* — *Зорька* — *Зоревая звезда* в значении ‘планета Венера’ (предмет один, хотя называются его разные сущностные признаки); ряды *падина* — *майдан* в значении ‘равнина’; *калюжина* — *лужина* в значении ‘лужа’; *мочаги* — *музга* в значении ‘низкое место, залитое водой и поросшее камышом’; *ручак* — *рудник* в значении ‘ручей, родник’; *рукав* — *труба* в значении ‘смерч’.

Вторая группа — это полные синонимы, совпадающие в одном из своих значений. Данные слова (вся их семантическая структура, а не отдельное совпадающее значение) находятся в привативных отношениях, и в этом они имеют сходство с квазисинонимами. Это синонимические ряды *земь* — *местейка* в значении ‘место, участок земли’ (слово *земь* обладает еще тремя значениями); *гирла* — *ерик* в значении ‘пролив’ (обе лексемы обладают, кроме названного значения, еще одним); *озер* — *лиман* в значении ‘озеро’ (слово *лиман* обладает двумя значениями); *перетяжка* — *лиман* в значении ‘невысыхающие, поросшие камышом остатки весеннего разлива реки или озера’ (слово *лиман* обладает двумя значениями); *рынок* — *мелка* в значении ‘место водопоя’ (слово *рынок* имеет два значения); *сухмень* — *сухота* в значении ‘сушь, засуха’ (существительное *сухота* обладает двумя значениями).

Кроме того, имеется один ряд квазисинонимов: *стыдь* — *ледина*, которые совпадают в семантическом компоненте «холод» и отличаются наличием / отсутствием компонента «сильный» в значении существительного *ледина*.

Заметим, что большинство синонимических рядов данного класса относится к обозначениям водоемов и их частей (подклассу «Земная поверхность»).

Преобладание полных синонимов в составе лексики класса «Неорганический мир» мы объясняем общей тенденцией, характерной для языка, — обновлять свои

лексические средства, а также стремлением носителя говора, его коммуникативной установкой достигать понимания в речи, так как нередко полные синонимы используются как взаимные определители: *Музга — лужына, мачаги. — Зарявая звезда — Зорька, Жарница.*

Кроме того, полные синонимы могут демонстрировать сосуществование двух номинаций в территориально разных поселениях, смену места жительства (*здесь и там* или *у нас и у них*): *Тут лиман, а у нас пиритяшка. — У нас называли ручак, а здесь называют рыдник.*

3.3. Класс «Органический мир» (подклассы «Человек», «Трудовая деятельность», «Быт», «Животный мир»)

Подкласс «Человек» (группы «Номинации человека по отношению к национальности, а также к территории, к месту жительства», «Номинации человека по семейно-родственным отношениям», «Номинации человека по внешнему состоянию, свойству, качеству», «Номинации человека по внутреннему состоянию, свойству, качеству», «Номинации человека по социальному свойству, состоянию, действию, социальным функциям, связям»).

В данном подклассе явление синонимии представлено широко. В группе «**Номинации человека по отношению к национальности, а также к территории, к месту жительства**» имеем 3 синонимических ряда. Ряд *турчанин — туряга* в значении 'турок' относится к стилистическим синонимам: первое слово является нейтрально окрашенным, а второе — эмоционально-экспрессивным, с отрицательной коннотацией пренебрежения. *Етат турчинин — уважливый чилавек. — С турягами рыба-лили, а с Хусейнам тъварицавали, как братья.*

Два других синонимических ряда в группе «Номинации человека по отношению к национальности, а также к территории, к месту жительства» являются однозначными полными синонимами, находящимися в отношениях семантического тождества: *турчанин — турчин* в значении «турок»; *приселок — приходец — прихожанин* в значении «новый поселенец, пришелец, приезжий». Их появление объясняется словообразовательными процессами (сочетание одной и той же мотивирующей основы с синонимичными словообразовательными формантами: *-анин/-ин, -ец/-анин*) и синонимией отдельных семем слов, используемых в качестве мотивирующей основы (*приселиться — приходить*).

В группе «**Номинации человека по семейно-родственным отношениям**» явление синонимии представлено 5 синонимическими рядами. Из них два ряда являются стилистическими синонимами. Синонимы *батяка — батякушка* в значении 'отец' отличаются акцентированием в значении второго слова эмоционального компонента ласкательности. Синонимы *мати — мамака* в значении 'мать' дифференцируются по прагматическому компоненту «более официальные отношения — менее официальные отношения».

Два синонимических ряда в группе «Номинации человека по семейно-родственным отношениям» относятся к полным однозначным синонимам: *свекровья —*

свекры в значении ‘свекровь’; *близнята* — *двойнята* в значении ‘близнецы’. Функционирование в речи некрасовцев полных синонимов *свекровья* — *свекры* обусловлено сосуществованием архаичной лексемы *свекры* и сменившим ее более новым словом *свекровья*. Существование ряда *близнята* — *двойнята* вызвано синонимией мотивирующих слов: *близнецы* — *двойня*. В речи некрасовцев при близком расположении данных полных синонимов в силу их различного мотивировочного признака происходит уточнение и раскрытие свойств обозначаемых предметов, которое вызвано тем, что обозначаемое в силу своей многосторонности не покрывается одним словом. *Ани у наз двайняты, близняты*.

В группе «Номинации человека по внешнему состоянию, свойству, качеству» явление синонимии представлено 14 синонимическими рядами, из них 5 рядов стилистических синонимов: *дрёма* — *дремучка* в значении ‘сонливый человек, соня’, которые отличаются акцентированной во втором слове с помощью средств словообразования разговорно-бытовой эмоционально-экспрессивной окрашенностью; *карандух (пренебр.)* — *подкладышек* в значении ‘человек маленького роста, невзрачный’, которые отличаются по наличию / отсутствию пренебрежительной эмоционально-экспрессивной окраски; *парнек* — *пацанишка (ласк.)* в значении ‘мальчик’, которые различаются отсутствием / наличием ласкательной эмоционально-экспрессивной окраски; *бурлак* — *бурлачака* в значении ‘молодой человек, холостяк’, отличающиеся акцентированной во втором слове с помощью средств словообразования разговорно-бытовой эмоционально-экспрессивной окрашенностью; *бурлак* — *бурлачочек* в значении ‘молодой человек, холостяк’, которые различаются отсутствием / наличием ласкательной эмоционально-экспрессивной окраски, выраженной средствами словообразования.

В группе «Номинации человека по внешнему состоянию, свойству, качеству» присутствуют и полные однозначные синонимы: *белянка* — *чистотка* в значении ‘аккуратная, чистоплотная женщина’; *лоскутница* — *нечистотка* — *поганка* — *писличка* — *судомойница* в значении ‘неопрятная женщина, неряха’; *неправый* — *калика* в значении ‘искалеченный, калека’; *дитёнок* — *молоденец* — в значении ‘ребенок’; *клунч* — *хрип* в значении ‘задняя сторона шеи, загривок’; *костка* — *круп* в значении ‘крестец’; *пёсик* — *тонок* в значении ‘висок’; *бурлак* — *бурлака* в значении ‘молодой человек, холостяк’ (полные грамматические синонимы).

Синонимический ряд *лик* — *поличия* состоит из слов, находящихся в привативных отношениях в силу того, что лексема *лик* является многозначной. Данные слова совпадают в значении ‘облик, внешность’.

Необходимо отметить, что при употреблении в речи полных синонимов полное семантическое равенство исчезает, так как происходит актуализация потенциальных семантических признаков, обусловленных историей возникновения слова, его словообразовательными связями и т. д. Так, значение ‘калека’ у лексемы *неправый* возникло в результате метонимического переноса («характеристика нравственного здоровья человека — характеристика физического здоровья») на базе семантики общенационального слова *неправый* ‘несправедливый, неправедный, виновный’,

что обусловило употребление сравнительной конструкции «неправый, как калека стал» в речи некрасовца: *Нага паломаная, ниправай, как калика*.

В группе «**Номинации человека по внутреннему состоянию, свойству, качеству**» явление синонимии представлено одним синонимическим рядом: *толкуша — толкушка* в значении ‘бестолковый, непонятливый человек’ (стилистические синонимы), которые отличаются акцентированной во втором слове с помощью средств словообразования разговорно-бытовой эмоционально-экспрессивной окрашенностью.

В группе «**Номинации человека по социальному свойству, состоянию, действию, социальным функциям, связям**» явление синонимии представлено двумя синонимическими рядами: *побирун* (м. р.) — *побирашка* (общ. р.) в значении ‘нищий’ (полные лексические и частичные грамматические синонимы); *горетка — погоретка* в значении ‘женщина, у которой сгорел дом’ (полные синонимы).

В целом в подклассе «Человек» преобладают полные синонимы, что, по установившемуся в лингвистике мнению, соответствует специфике диалектов и говоров вообще в отличие от литературного языка, для которого характерно преодоление полной синонимии. В тоже время стилистические синонимы также занимают значительное место, что объясняется спецификой подкласса «Человек»: номинации себя и себе подобных в бытовой речи, как правило, обладают эмоционально-экспрессивной оценочностью.

Подкласс «Трудовая деятельность» (группы: 1) «**Земледелие и растениеводство**»; 2) «**Рыболовство**»; 3) «**Животноводство**»; 4) «**Врачевание**»)

Лексико-тематическая группа «**Земледелие и растениеводство**». В подгруппе «Полеводство» группы «Земледелие и растениеводство» явление синонимии представлено 6 синонимическими рядами полных синонимов: *киюшка — куюшка — напрядник — кашалайка* в значении ‘очищенный от зерен кукурузный початок’; *занузда — запрягалка* в значении ‘часть ярма’; *деляница — пай — паёк — паевая* в значении ‘надел земли, участок поля’. Среди них синонимические ряды, включающие заимствованные лексемы: *тёрка — дювень* в значении ‘приспособление для молотбы’; *озадки — кесмик* в значении ‘отходы при веянии зерна’; *нива — тарла* в значении ‘обрабатываемое поле’ (в данных рядах второе слово заимствовано из турецкого языка).

Ряд приведенных синонимических рядов возникли в результате словообразовательных процессов: а) неоднократной деривации от одной и той же мотивирующей основы с помощью разных формантов (*пай — паёк — паевая*) с одновременной десемантизацией суффикса *-ок* (имеющего в системе словообразования говора уменьшительно-ласкательное значение), б) образования слов от синонимичных мотивирующих основ с помощью синонимичных формантов (*занузда — запрягалка*).

Члены большинства синонимических рядов в лексико-тематической группе «Земледелие и растениеводство» находятся в отношениях тождества (это однозначные лексемы, совпадающие в своем одном единственном значении). Члены некоторых синонимических рядов (их семантические структуры представлены в полном

объеме), являющиеся многозначными словами, находятся в целом в привативных отношениях (ряды *нива* — *тарла*, *деляница* — *пай*, первые слова в которых обладают двумя значениями). В речи некрасовцев подобные полные синонимы нередко расположены рядом, очевидно, в расчете на то, что какой-то из синонимов известен слушающему и понимание будет достигнуто. *Када зёрна снимиши с качана, ета кашалайка, киюшка.*

В подгруппе «Овощеводство» группы «Земледелие и растениеводство» явление синонимии представлено тремя синонимическими рядами полных синонимов: *зрядина* — *кабаки* — в значении ‘бахчевые культуры’; *русканка* — *перехватка* в значении ‘определенный сорт тыквы’; *кочанка* — *шаишыкофка* в значении ‘определенный сорт тыквы’; одним рядом стилистических синонимов: *кабаки* — *кабаки-мабаки*, *тыквы-мыквы* в значении ‘бахчевые культуры’.

Одни из названных рядов являются номинациями, употребляемыми в разных локусах, известных некрасовцам: *Дынки сеили, качанки, тут их шаишыкофками называют.* Другие возникли в результате семантизации и вербализации новых свойств денотата: *Русканка пиривязаная, пиряхватачка.* Третьи представляют собой следствие креативности языкового сознания некрасовцев, их активного участия в языковой игре (в нашем случае такого ее вида, как «словообразовательное эхо») — таков синонимический ряд *кабаки* — *кабаки-мабаки* — *тыквы-мыквы.*

В подгруппе «Садоводство» группы «Земледелие и растениеводство» явление синонимии представлено двумя синонимическими рядами стилистических синонимов: *садовина* — *садовинка* в значении ‘фруктовое дерево’; *тутина* — *тутинка* в значении ‘тут, тутовое дерево’. Вторые члены данных синонимических рядов обладают эмоционально-экспрессивной окраской уменьшительности. В этой подгруппе имеется один ряд полных синонимов: *инжирина* — *смоквина* в значении ‘дерево инжир’, возникновение которого обусловлено процессом заимствования лексемы *инжир* в русский язык из тюркских языков и последующим образованием на его основе уже в говоре некрасовцев лексемы *инжирина.*

Лексико-тематическая группа «Рыболовство». Явление синонимии представлено значительным количеством рядов (более 30), все они являются полными синонимами. Большинство синонимов относится к лексико-тематической подгруппе «Наименования орудий труда (предметов, приспособлений для ловли рыбы, раков) и их деталей»: *деревка* — *деревцо* в значении ‘мачта в лодке’; *каблучка* — *коклюшка* в значении ‘поперечная планка на рукояти рулевого весла’; *судновая* — *судовая* в значении ‘парусное судно’; *брадяка* — *волокуша* в значении ‘бредень’; *глаз* — *очок* в значении ‘ячейка рыболовной сети’; *голяк* — *голянка* в значении ‘рыболовная сеть с одним сетевым полотном’; *дель* — *деляка* — *косяк* — *сетва* в значении ‘полотно рыболовной сети’; *охан* — *садея* в значении ‘сеть для ловли крупной рыбы’; *пореж* — *сирек* в значении ‘полотно рыболовной сети с крупной ячейей’; *барбелка* — *барбель* — *шаматина* в значении ‘поплавок у рыболовной сети’; *наплавок* — *плавок* в значении ‘поплавок’; *ости* — *сандоли* в значении ‘рыбачья

острога»; *рачила* — *рачильня* в значении «приспособление для ловли раков». Реже встречаются синонимы-названия видов рыб: *кусачка* — *лифер* — *лаврак* в значении «морской окунь»; *короп* — *кутум* — *сазанина* — *шаран* в значении «каarp или сазан»; *ласкирька* — *бабушка* в значении «рыба лещ»; *бучок* — *головач* в значении «рыба бычок», а также общие и частные синонимические названия рыболовов: *рыбалец* — *рыбалка* — *рыболовец* в значении «рыболов»; *верховой* — *вершик* в значении «член рыболовецкой артели»; *парной* — *парищик* в значении «член артели при ловле рыбы неводом, который забивает в дно водоема колья — пары».

Лексико-тематическая группа «Животноводство». В подгруппе «Скотоводство» лексико-тематической группы «Животноводство» явление синонимии представлено 11 синонимическими рядами. Из них 8 синонимических рядов являются полными однозначными синонимами: *доёнка* — *доярница* в значении «дойная корова»; *первица* — *первичка* — *первячка* в значении «корова, отелившаяся в первый раз»; *буйла* — *буяла* — *буйлица* — *буйлова* в значении «буйволица»; *жеребчик* — *стрижак* в значении «жеребенок по второму году любого пола»; *годовик* — *телок* в значении «однолетний теленок»; *скотинина* — *худоба* — *худобина* в значении «скот, скотина»; *барашенок* — *кузенок* в значении «ягненок». Ряд представленных полных синонимов возникли в результате неоднократной деривации от одной и той же мотивирующей основы с помощью синонимичных формантов (*первица* — *первичка* — *первячка*; *доёнка* — *доярница*; *буйла* — *буйлица*). Некоторые члены названных полных синонимов являются результатом сосуществования старых архаичных лексем и более новых: *буйлица* — *буйлова*. Полагаем, что субстантиват *буйлова* является реликтом древней системы имени прилагательного, а именно краткого притяжательного прилагательного с суффиксом *-ов-*.

Три синонимических ряда полных синонимов составлены из одного русско-го слова и соответствующего ему по денотату заимствованного турецкого слова: *нетель* — *кысырка* в значении «бесплодная корова»; *буйлак* — *малак* в значении «буйвол-самец»; *паша* — *чаир* в значении «незасеянное поле, пастбище».

Анализ речи носителей изучаемого говора показывает, что полные синонимы нередко употребляются в высказывании в качестве взаимных определителей, акцентирующих тот или иной признак знака — историю возникновения лексики, ее мотивировочный признак и т. п.: *Кысырка* — *эта карова, нетиль*.

В анализируемой подгруппе «Скотоводство» имеется два синонимических ряда стилистических синонимов: *скотинина* — *скотиняка* в значении «животное, скотина»; *ярочка* — *ягничечка* в значении «ягненок женского пола», члены которых одинаково отличаются по отсутствию / наличию экспрессивно-эмоциональной окраски.

Лексико-тематическая группа «Врачевание». Явление синонимии представлено 6 синонимическими рядами. Из них 4 ряда полных однозначных синонимов: *бешиха* — *опух* в значении «опухоль»; *глотка* — *завалки* в значении «опухшие миндалины в горле»; *нырец* — *нырок* в значении «болезненная опухоль, нарыв»; *лека* — *лечба* — *лика* в значении «лекарство». Один синонимический ряд относится

к квазисинонимов: *боль* — *причина* — *худоба* — *помога* в значении ‘болезнь’, так как лексемы, составляющие этот ряд, отличаются элементами своего значения: соответственно семантическими компонентами «неизлечимость» — «порча как причина болезни» — «массовость» — «внезапность». Синонимический ряд *вал* — *валяка* в значении ‘опухоль от укуса насекомого’ относится к стилистическим синонимам, синонимы этого ряда различаются наличием / отсутствием эмоционально-экспрессивной окраски увеличительности.

Подкласс «Быт» в лексике говора казаков-некрасовцев

В группе «**Наименования одежды и головных уборов**» явление синонимии представлено 3 синонимическими рядами полных однозначных синонимов: *винцерада* — *линцерада* — *лощенка* в значении «самодельный рабочий плащ»; *подпол* — *подпольник* в значении ‘кусок дешевого материала, вставляемый в полу балахона в месте, которое обычно скрыто под передником’; *вушкар* — *вушкарник* в значении ‘шнурок или матерчатый пояс у штанов’. Два последних синонимических ряда возникли в силу распространенной в словообразовательной системе говора казаков-некрасовцев тенденции коммуникативного усиления немотивированных существительных (в нашем случае *вушкар*) или существительных, не имеющих материально выраженного суффикса в финали основы (в нашем случае *подпол*), материально выраженным словообразовательным формантом, повторяющим гиперсему лексического значения, в нашем случае «предмет» (лексемы *вушкарник*, *подпольник*).

В речи некрасовцев названные полные синонимы нередко употребляются в функции уточнения, их контактное расположение в высказывании обусловлено спецификой восприятия устной речи, для которой не характерна помехоустойчивость: *Лашонка — эта винцерада, их промасливают маслом. — Навярьху у парки вушкар, вушкарник*. Те или иные помехи присутствуют обычно в каждом конкретном речевом акте, и успешная реализация планируемого прагматического эффекта конкретного высказывания зависит как от уровня помех, так и от своевременного введения в действие субъектом речи соответствующих факторов их нейтрализации и компенсации, к числу которых относится и употребление семантически не дифференцированных средств.

В группе «**Наименования обуви**» явление синонимии представлено 3 синонимическими рядами. Два ряда являются полными однозначными синонимами: *поршнии* — *постолы* в значении ‘грубая рабочая обувь из целого куска кожи, стянутого бечевкой или ремешком’; *ходаки* — *хоботы* в значении ‘грубая обувь’. В речи некрасовцев данные полные синонимы могли выполнять функцию усиления выражаемой эмоции, оценки, отношения: *Трудна было, хадила ф пьсталах, ф паршнях*.

Один ряд синонимов данной группы относится к стилистическим: *бахилы* — *бахилки* в значении ‘мягкие женские ботинки из цветной кожи, сшитые чулком, без подметки’, которые отличаются отсутствием / наличием эмоционально-экспрессивного компонента. Возникновение данного ряда обусловлено словообразовательными процессами: новое слово является мотивированным исходной структурой.

В группе «**Наименования украшений**» явление синонимии представлено 2 синонимическими рядами: *махор* — *лопасник* — *накосник* в значении ‘украшение в косе’ (квазисинонимы, отличающиеся денотативными компонентами значения: *махор* — ‘пролавка серебряная’, *лопасник* — ‘треугольный лоскут с пуговками’, *накосник* — ‘решеточка из серебра’); *кистила* — *трёпки* в значении ‘бахрома’ (полные синонимы).

В группе «**Наименования кушаний**» явление синонимии представлено 3 синонимическими рядами: *ёста* — *приготовка* в значении ‘еда, кушанье’ (полные синонимы); *сколотина* — *сувратка* в значении ‘сыворожка, остающаяся при изготовлении сливочного масла’ (полные синонимы). Один ряд относится к стилистическим синонимам: *затирка* — *затируха* в значении ‘суп, заправленный затертой мукой’, члены которого различаются различной степенью присутствия разговорно-бытовой окраски.

В группе «**Наименования напитков**» явление синонимии представлено 5 синонимическими рядами. Один ряд относится к квазисинонимам: *пойло* — *напива* в значении ‘напиток’ (лексема *пойло* чаще всего обозначает «спиртной напиток»). Еще один ряд представляет собой полную синонимию: *извар* — *кушав* в значении ‘компот’. Семантика каждого из данных синонимов представляет нам разные позиции: изготовителя компота и потребителя компота, что обусловлено значением мотивирующего слова. Аналогично противопоставлены члены синонимического ряда *приготовка* — *ёста* в группе «Наименования кушаний».

В данной группе присутствуют стилистические синонимы: *напива* — *напивка* в значении ‘напиток’; *саламур* — *саламурец* в значении ‘рассол’ различаются тем, что вторые члены рядов обладают эмоционально-экспрессивной окрашенностью. В речи носителей говора названные стилистические синонимы могут выполнять прагматическую этикетную функцию: выражать особое отношение к собеседнику: *Харошай сьламур, сьламурец харошай*.

3.4. Подкласс «Животный мир»

Здесь явление синонимии представлено 6 синонимическими рядами:

1) полные синонимы: *зверина* — *зверь* в значении «зверь»; *зверильница* — *зверильня* в значении ‘зверинец’; *ведьма* — *чародейка* в значении ‘насекомое стрекоза’ (по отношению ко всей семантической структуре лексем это квазисинонимы, т. к. у слова *ведьма* есть еще одно значение);

2) стилистические синонимы: *мартин* — *мртишок* в значении ‘порода чаек’, *зверина* (в значении ‘увеличит. к зверь’) — *зверь* (в значении ‘зверь’);

3) квазисинонимы: *бирибель* — *гулушмарь* — *дударь* — *мажар* — *суяз* в значении ‘птица из породы уток’ (квазисинонимы, так как обозначают разные породы уток).

В целом изученный материал показывает преобладание в лексической системе говора казаков-некрасовцев полных синонимов. М. В. Панов писал, что для всякого литературного языка характерна тенденция к преодолению «нефункционального

различия единиц»²⁷⁵. Считается, что для диалектов и говоров данная тенденция несвойственна, для них характерно обилие семантически недифференцированных способов выражения одной и той же мысли, что оценивается учеными однозначно отрицательно.

На наш взгляд, отрицательная оценка факта существования в диалектах, в том числе и в лексической системе говора казаков-некрасовцев, полных синонимов является некорректной. Анализ речи носителя говора показывает, что употребление полных синонимов вызвано прежде всего спецификой устной речи, ее направленностью на слушающего и особенностями его восприятия.

В процессе коммуникации важна эффективность канала связи. Говорящий входит в контакт со слушающим для того, чтобы слушающий адекватно воспринял то, что ему хочет сказать говорящий, а вовсе не для того, чтобы проговорить какой-то текст. Степень соответствия сообщения-2 сообщению-1 в теории информации принято называть надежностью. С этой целью говорящий может передавать сообщение медленнее, повторять его отдельные части, увеличивать его размеры, в том числе включать в него полные синонимы.

Возникает следующая пропорция: чем выше эффективность, тем ниже надежность и наоборот, чем выше надежность, тем ниже эффективность. Взаимодействие факторов эффективности и надежности, т. е. экономии и избыточности, имеет универсальный смысл для речевой деятельности. Их единство и постоянная борьба определяет многое в реальных процессах речевой деятельности, в реальном устройстве языка.

Избыточность информации — это полное или частичное повторение сообщения, которое обычно сопровождает получение новых данных и которое служит лишь проверкой или корректировкой наших предсказаний²⁷⁶. Избыточность статистической информации можно определить как «разность между теоретически возможной передающей способностью какого-либо кода и средним количеством передаваемой информации»²⁷⁷.

Избыточность проявляется там, где формальных средств использовано больше, чем это нужно для передачи данного объема информации. Интерпретацию избыточности с позиции получателя речи дает Н. А. Шехтман:

Избыточна та часть информации, которая уже известна получателю, если он знаком со статистическими закономерностями данного кода. Чем хуже условия слышимости, тем относительно большую роль играет при восприятии избыточная информация. Значит, избыточными считаются те части сообщения, которые несущественны для идентификации или декодирования сообщения в неблагоприятных условиях²⁷⁸.

²⁷⁵ Панов М. В. Русский язык // Языки народов СССР. Индоевропейские языки. М.: Наука, 1966. Т. 1. С. 55.

²⁷⁶ Гальперин И. Р. Информативность единиц языка. М., 1974. С. 32.

²⁷⁷ Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959. С. 362.

²⁷⁸ Шехтман Н. А. Семантическая редупликация: избыточность или экономия // Лексикологические основы стилистики. Л., 1973. С. 176.

Следует оговорить наше отношение к интерпретации избыточности как к «лишней» информации. Избыточность в речи очень часто оказывается целесообразной. Избыточные в лексическом отношении знаки (в нашем случае полные синонимы) могут стать основой для выражения эмоций и прагматических интенций, важных для выражения мысли.

Причины существования в лексической системе говора казаков-некрасовцев полных синонимов разнообразны:

- постоянное стремление носителя говора к переменам, обновлению словарного состава;
- проникновение в лексику говора заимствованной лексики, освоение и бытование которой прямо не связано с процессами семантической дифференциации языковых средств;
- действие словообразовательных процессов, в результате которых возникают однокоренные синонимы;
- склонность носителей говора к языковому творчеству.

4. Антонимия в рамках имени существительного

Антонимия — это категориальное лексико-семантическое отношение противоположных значений, выражаемых формально различными словами, которые реализуют в тексте функцию противопоставления. Лексические антонимы — это два слова одной и той же части речи, противоположных по самому общему и наиболее существенному для их значения семантическому признаку. Логическую основу антонимии образуют противоположные видовые понятия, которые представляют собой предел проявления какого-нибудь качества, определяемого родовым понятием: *легкий* — *тяжелый* (вес), *подниматься* — *опускаться* (вертикальное движение).

Антонимы классифицируются по своим формальным и семантическим свойствам. По структуре антонимы делятся на разнокорневые и однокорневые, у которых полярные значения возникают в результате присоединения к одному и тому же слову антонимической приставки или путем прибавления к слову префикса, придающего ему противоположный смысл.

Как отмечает Л. А. Новиков в работе «Семантика русского языка», «для современной семантики характерно широкое понимание антонимии, которая не ограничивается кругом только качественных и разнокорневых слов» и предлагает определенную типологию семантически противоположных слов и самой противоположности²⁷⁹. Так, Л. А. Новиков выделяет три разновидности противоположности: 1) комплементарную антонимию; 2) контрарную антонимию; 3) векторную антонимию.

Комплементарная антонимия характеризует пару таких слов, когда отрицание того, что обозначает одно из них, влечет за собой утверждение того, что обозначает

²⁷⁹ Новиков Л. А. Семантика русского языка. М.: Высшая школа, 1982. С. 245.

второе: *в* — *из*, *с* — *без*, *женатый* — *холостой*. Определенная общая для этих слов содержательная область полностью распределяется между словами. Векторная антонимия характеризует слова, обозначающие разнонаправленные действия: *войти* — *выйти*, *здороваться* — *прощаться*, *взлететь* — *вылететь*. Контрарная антонимия характеризует слова, в значение которых входит указание на противоположные зоны шкалы, соответствующей тому или иному параметру объекта или явления (размер, температура, скорость, возраст): *большой* — *маленький*, *жара* — *мороз*, *высоко* — *низко*. Между такими словами есть средние члены, покрывающие среднюю часть шкалы.

В составе существительных говора имеется определенное количество антонимов разных вилов.

4.1. Класс ««Абстрактные отношения и формы существования материи»

Явление антонимии представлено в подклассе «Существование, бытие» одним антонимическим рядом: *мир* ‘отсутствие войны’ — *руина* ‘война’ (контрарные антонимы: в говоре существует слово *розмир* ‘нарушение мира’, являющееся средним членом шкалы, соответствующей параметру «наличие / отсутствие конфликта» такого явления, как «военные отношения государств или этносов»).

4.2. Класс «Неорганический мир»

В нашем материале имеется два антонимических ряда пространственного характера: *караель* ‘северный ветер’ — *полудёнка* ‘южный ветер’; *восток* ‘восточный ветер’ — *маряна* ‘западный ветер’. Перед нами разнокорневые комплементарные антонимы, т. к. они взаимно дополняют друг друга и между ними невозможно вставить промежуточный член оппозиции.

4.3. Класс «Органический мир» (подклассы «Человек», «Трудовая деятельность», «Быт», «Растительный мир»)

Подкласс «Человек»

Антонимия в данном подклассе характерна для групп «Номинации человека по внешнему состоянию, свойству, качеству», «Номинации человека по внутреннему состоянию, свойству, качеству», «Номинации человека по социальному свойству, состоянию, действию, социальным функциям, связям»..

В группе «Номинации человека по внешнему состоянию, свойству, качеству» явление антонимии представлено 4 антонимическими рядами: *белянка*, *чистотка* в значении ‘аккуратная, чистоплотная женщина’ — *лоскутница*, *нечистотка*, *поганка*, *писличка*, *судомойница* в значении ‘неопрятная женщина, неряха’; *неправый*, *калика* в значении ‘искалеченный, калека’ — *правый* в значении ‘здоровый, не калека’; *чистот* в значении ‘аккуратный, чистоплотный мужчина’ — *нечуняй* в значении ‘неопрятный, грязный мужчина’; *карандух* (*пренебр.*), *подкладышек* в значении ‘человек маленького роста, невзрачный’ — *длинняк* в значении ‘человек высокого роста’. Полагаем, что указанные антони-

мические ряды относятся к контрарной антонимии, хотя в нашем материале нет однословных номинаций говора, покрывающих среднюю часть шкалы той или иной представленной выше антонимической оппозиции. В то же время средние члены шкалы той или иной представленной выше антонимической оппозиции могут мыслиться и быть представленными словосочетаниями: не очень аккуратная женщина, человек среднего роста и т. п.

В группе «**Номинации человека по внутреннему состоянию, свойству, качеству**» явление антонимии представлено 3 антонимическими рядами, члены которых относятся к лексике говора: *молчок* в значении 'молчаливый человек' — *мосальник*, *язычник* в значении 'болтун'; *немушка* в значении 'молчаливая женщина' — *гутарка* в значении 'разговорчивый человек' (относится и к женщине); *ламок* в значении 'ленивый человек' — *трудода* в значении 'трудолюбивый человек'. Полагаем, что указанные антонимические ряды относятся к контрарной антонимии, средние члены которых могут мыслиться и вербализоваться словосочетаниями.

В группе «**Номинации человека по социальному свойству, состоянию, действию, социальным функциям, связям**» явление антонимии представлено 1 антонимическим рядом, члены которого относятся к лексике говора: *бедак* в значении 'бедняк' — *казнодар* в значении 'богач'. Полагаем, что указанные антонимические ряды относятся к контрарной антонимии.

Подкласс «Трудовая деятельность»

Лексико-тематическая группа «**Земледелие и растениеводство**». В группе «Земледелие и растениеводство» явление антонимии представлено одним антонимическим рядом: *тарла*, *нива* 'обрабатываемое поле' — *чаир* 'незасеянное поле'. Перед нами разнокорневые комплементарные антонимы, т. к. они взаимно дополняют друг друга и между ними невозможно вставить промежуточный член оппозиции.

Лексико-тематическая группа «**Животноводство**». В подгруппе «Скотоводство» лексико-тематической группы «Животноводство» явление антонимии представлено одним антонимическим рядом: *кысырка*, *нетель* в значении 'бесплодная корова' — *доёнка*, *доярница* в значении 'дойная корова'. Перед нами разнокорневые комплементарные антонимы, т. к. они взаимно дополняют друг друга и между ними невозможно вставить промежуточный член оппозиции.

Подкласс «Растительный мир»

Здесь явление антонимии представлено одним антонимическим рядом: *весновое* в значении 'яровые злаки' — *зимовой* в значении 'озимый'. Полагаем, что указанный антонимический ряд относится к комплементарной антонимии, так как между ними невозможно вставить промежуточный член оппозиции.

В целом необходимо отметить, что явление антонимии не распространено в лексической системе говора казаков-некрасовцев. В собранном небольшом по объему материале преобладают антонимы со значением «характеристика физических,

эмоциональных, нравственных свойств человека», что обусловлено: а) типичным для явления антонимии обозначением качественных характеристик, допускающих градуирование (все антонимы, относящиеся к человеку — это контрарные антонимы, как и большинство антонимов в лексике говоря); б) значительным объемом такого фрагмента словника говоря, как лексико-тематический подкласс «Человек».

5. ГИПЕРО-ГИПОНИМИЯ В РАМКАХ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

Гиперо-гипонимические отношения — это иерархическая организация элементов, основанная на родо-видовых отношениях: *дерево* — *дуб*, *сосуд* — *стакан*. Слово, выражающее общее понятие, называют гиперонимом, а слово, обозначающее вид указанного рода объектов, называют гипонимом.

Денотат (экстенсионал) гиперонима включает в себя денотат гипонима: множество *ясеней* является подмножеством множества *деревьев*. С другой стороны, в сигнификат гипонима входит сигнификат гиперонима: множество признаков, составляющих сигнификат слова *яшень*, является подмножеством множества признаков, составляющих сигнификат слова *дерево*.

Гиперо-гипонимия может быть интерпретирована как квазисинонимия. В этом случае выделяются два типа квазисинонимических различий: а) родо-видовые, в которых имеет место включение значений, и б) видо-видовые, в которых имеет место пересечение значений.

В составе существительных говоря присутствует немалое количество лексем, находящихся в гиперо-гипонимических отношениях.

5.1. Класс «Неорганический мир»

Лексико-тематический класс «Неорганический мир» состоит из следующих подклассов: «Космос», «Земная поверхность», «Атмосферные явления».

В подклассе «Космос» наблюдаются следующие гиперо-гипонимические отношения: гипероним *звезда* ‘звезда’ — собственные имена-гипонимы *Зарница*, *Жарница*, *Зорька* ‘Венера’ — *Прикол-звезда* ‘Полярная звезда’. Гипероним *звезда* является фонетическим и грамматическим (родовым) вариантом слова-гиперонима общенационального языка *звезда*. В подклассе «Атмосферные явления» явление гиперо-гипонимии представлено одним гиперо-гипонимическим рядом: гипероним *воздух* ‘ветер’ — гипонимы *восток* ‘восточный ветер’, *караель* ‘северный ветер’, *полудёнка* ‘южный ветер’, *морьяна* ‘западный ветер’. Гипероним *воздух* является результатом семантического развития лексемы-гиперонима общенационального языка *воздух*.

5.2. Класс «Органический мир» (подклассы «Человек», «Трудовая деятельность», «Быт», «Животный мир»)

Подкласс «Человек»

В группах «Общие номинации», «Номинации человека по семейно-родственным отношениям», «Номинации человека по внешнему состоянию, свойству, качеству» подкласса «Человек» наблюдаются следующие гиперо-гипо-

нимические отношения: гипероним *людина* ‘человек’ — гипоним *жена* ‘женщина’; гипероним *дитенок* ‘ребенок’ — гипоним *ядрач* ‘ребенок мужского пола’; гиперонимы *сродство*, *сродость* ‘родство по крови’ — гипонимы *батяка*, *мати*, *сыняка*, *дядяка*, *тетушка*, *посестрия* ‘младшая двоюродная сестра’ и др. («виды кровного родства»); гипероним *туловища* ‘туловище’ — гипонимы *клуп* ‘крестец’, *костряцы* ‘тазовые кости человека’, *хряшки* ‘грудная клетка, ребра’; гипероним *кубетка* ‘голова’ — гипонимы *виски* ‘волосы на голове’, *песик* ‘висок’; *крёсная-мрёсная* ‘вся родня по кресту’ — гипероним *крестбенник* ‘крестный сын’, *крёстнушка* ‘крестная мать’.

Необходимо отметить специфику одного из гиперонимов в лексико-тематической группе «Семейно-родственные отношения» — это гипероним *крёсная-мрёсная*, который по способу образования и своей форме относится к словообразовательной языковой игре.

Подкласс «Трудовая деятельность»

Лексико-тематическая группа «Земледелие и растениеводство». В подгруппе «Полеводство» группы «Земледелие и растениеводство» явление гиперогипонимии представлено одной гиперогипонимической семантической корреляцией: гипероним *пашеница* в значении «пшеница» и его согипонимы — *горновка*, *колоска*, *желтоколоска*, *красноколоска*, *черноколоска*, называющие различные сорта пшеницы.

В подгруппе «Овощеводство» группы «Земледелие и растениеводство» наблюдается специфическое явление видо-видовой гиперогипонимии в рамках семантической структуры многозначной лексемы. В семантической структуре существительного *овощь* (соби́р., ж. р.) наблюдается явление чередования гипонимической части значения семем, входящих в структуру данного многозначного слова: *овощь* 1. ‘соби́р. овощи’. 2. ‘соби́р. фрукты’. Значения № 1 и № 2 данной лексемы являются согипонимами, так как имеют общий гипероним — словосочетание *растения, выращиваемые человеком в огороде, на бахче и в саду*. Необходимо отметить, что описанная семантическая структура слова *овощь* является архаической и отражает древние представления славянина о классификации различных плодов. В. И. Даль так пишет об этом: «*овощь* — огоро́дина, съедо́мая ботва и ко́ренья..., а встарь и плоды древесные, садовые, также варенные и обсахаренные» (т. 2, с. 1646). В русском национальном языке имеем следующую многозначную лексику с аналогичной семантической структурой: *яблочко* — 1. ‘название матросской песни’. 2. ‘название матросского танца’ (общий гипероним — словосочетание *народное искусство матросов*).

В описываемом лексико-тематической подгруппе «Овощеводство» имеется один случай гиперогипонимии, являющейся следствием словообразовательной языковой игры. Это два синонимичных гиперонима *кабаки-мабаки* в значении ‘овощи, бахчевые культуры’ и *тыквы-мыквы* в значении ‘всякие бахчевые культуры’. Гипонимами к ним в говоре являются названия разных сортов тыкв (*кабак*, *корец*, *кубышка*,

перехватка, русканка, тамбулка), названия разных сортов дынь (*качанка, шашильковка, комовка*), названия бобовых культур (*бурчак, нугут*), названия разных сортов перца (*горчица, хатник*), названия разных сортов помидоров (*думать, самасходы*).

В подгруппе «Садоводство» группы «Земледелие и растениеводство» явление гиперо-гипонимии представлено гиперонимом *садовина* в значении ‘фруктовое дерево’ и его гипонимами *жерделина* ‘дерево, сорт абрикоса’, *инжирина* ‘дерево инжир’, *нарина* ‘гранатовое дерево’, *смоквина* ‘дерево инжир’, *тутина* ‘тутовое дерево’, *стручи* ‘рожковое дерево’.

Лексико-тематическая группа «Животноводство». В подгруппе «Скотоводство» лексико-тематической группы «Животноводство» явление гиперо-гипонимии представлено четырьмя рядами: гиперо-гипонимический ряд *стрижак* — *кобыленок, жеребчик* (лексема *стрижак* обладает гиперонимическим значением ‘жеребенок по второму году *любого пола*’, в то время как существительное-гипероним *кобыленок* означает ‘жеребенок по второму году *женского пола*’, а существительное-гипероним *жеребчик* означает ‘жеребенок по второму году *мужского пола*’); гиперо-гипонимический ряд *барашинок, кузенок* — *ярочка, ягничечка* (лексемы-гиперонимы *барашинок, кузенок* имеют значение ‘ягненок *любого пола*’, а существительные-гипонимы *ярочка, ягничечка* обладают значением ‘ягненок *женского пола*’); существительные-гипонимы *ярочка, ягничечка* обладают значением ‘ягненок *женского пола*’; существительные *скотинина, худоба, худобина*, имеющие значение ‘животное, скотина’, являются гиперонимами по отношению к лексемам, называющим виды скотины по полу, — *малак, буйлак* ‘буйвол-самец’, *буйлица, буйлова* ‘буйволица’ и т. п.

Гиперонимом, основанным на языковой игре, в подгруппе «Птицеводство» является номинация *курица-мурица* ‘всякая домашняя птица’ по отношению к существительным, именующим виды домашней птицы — *куркан* ‘индюк’, *квохтуха* ‘наседка’ и т. п.

Лексико-тематическая группа «Врачевание». В данной лексико-тематической группе также наблюдается явление гиперо-гипонимии. Можно выделить 3 гиперо-гипонимических ряда: гипероним *боль, причина* ‘общее название болезни’ — гипонимы *глинец* ‘гангрена’ — *кудала* ‘понос’ — *лихоманка* ‘лихорадка’ и т. п.; гипероним *бешиха, опух* ‘опухоль’ — гипонимы *вал* ‘опухоль от укуса насекомого’ — *глотка* ‘опухоль миндалин’ — *расперстие* ‘опухоль кисти руки’; гипероним *лека, лечба, лика* ‘лекарство’ — гипонимы *зербелянка, финовник* ‘виды лечебных трав’.

Подкласс «Быт»

Группа «Наименования одежды и головных уборов». В описываемой лексико-тематической группе имеется два случая гиперо-гипонимии. Гиперонимы в этих рядах по отношению к друг другу являются синонимами: гипероним *калы-балык* — ‘совокупность предметов белья’, гипероним *одежка-передёжка* — ‘собр. одежда, смена белья’. Оба названных гиперонима являются следствием словообразовательной языковой игры. Гипонимами к ним в говоре являются

лексемы, называющие разные виды одежды: женской — *балахон, завеска, подол*, мужской — *бешимень, голенища, портки*.

Группа «**Наименования украшений**». В описываемой лексико-тематической группе имеются два факта гиперо-гипонимических отношений. Лексема *краса* ‘украшения на одежде’ является гиперонимом по отношению к словам, называющим: а) виды шитья по одежде по внешнему виду, форме (*вилюшки, косинка, свозинка*), б) виды шитья по одежде по материалу (*жерелок, гайтан, лента, шештаки*), в) виды шитья по одежде по месту (*запязи, обложка, ошейник*). Кроме того, имеется один случай гиперо-гипонимии, являющейся следствием словообразовательной языковой игры. Это гипероним *вилюшки-кивилюшки* — ‘собирающие украшения на одежде, в том числе и в виде извилины’. Гипонимами к нему являются существительные *вилюшки, косинка, свозинка, лапки*, называющие конкретные виды украшений на одежде.

Группа «**Наименования кушаний**». В составе лексико-тематической подгруппы «*Кушания*» имеются два гиперонима: *стряповня* ‘приготовление пищи, стряпанье’ и *стряпано* ‘изделия из сдобного теста’. Гипонимом гиперонима *стряповня* является существительное *солило* ‘солка’. Гипонимом гиперонима *стряпано* является существительное *колабушка* ‘небольшая булочка из сдобного теста’.

Кроме того, видо-видовые гиперо-гипонимические отношения характерны для семантической структуры существительных *накваска и пенирь*, в которой наблюдается явление чередования сем в гипонимической части значения семем, входящих в структуру данных многозначных слов: *накваска* — 1. ‘кислое тесто для заквашивания, закваска’. 2. ‘кислое молоко, используемое для закваски’ (значения № 1 и № 2 данной лексемы являются согипонимами, так как имеют общий гипероним, который выражается словосочетанием *вещества, используемые для закваски*); *пенирь* — 1. ‘творог’. 2. ‘брынза’ (значения № 1 и № 2 данной лексемы являются согипонимами, так как имеют общий гипероним — словосочетание *твердый продукт из сквашенного молока*).

Группа «**Наименования напитков**». В данной группе слов находим две гиперо-гипонимические корреляции: гипероним *пойло* ‘питье, напиток, обычно спиртной’ — гипонимы *воточка, рака, кипучка* (виды алкогольных напитков); гипероним *напива* ‘напиток’ — гипонимы *извар, кушав, чира* (виды безалкогольных напитков).

Подкласс «Животный мир»

Явление гиперо-гипонимии представлено и в этом подклассе. Гиперонимами являются номинации: 1) *птичина, птица-мница* ‘всякая птица’ по отношению к гипонимам-существительным, именующим виды диких птиц, — *бирибель — гулушмарь — мартин*; 2) *зверина, зверь* в значении ‘зверь’ по отношению к гипонимам-существительным, именующим виды зверей, — *бирюк — ведмедь — синсарь — чакалка*.

В целом явление гиперо-гипонимии довольно распространено в лексической системе говора казаков-некрасовцев. Среди имеющегося материала преобладают родо-видовые гиперо-гипонимические корреляции, видо-видовые представлены в семантической структуре трех слов — это многозначные существительные *овоць, наквадка, пенирь*.

Общеизвестно, что тенденция к организации слов в группы с таким видом гиперо-гипонимических отношений, как родо-видовые, характерна для нового времени и что гиперонимы появляются гораздо позже гипонимов, так как их содержание относится к более высокому уровню абстракции. Поэтому считаем, что наличие в говоре казаков-некрасовцев немалого количества гиперонимов свидетельствует о высоком уровне интеллекта носителей этого говора.

Кроме того, ряд гиперонимов говора демонстрирует креативность языкового сознания некрасовцев — это гиперонимы, созданные в результате словообразовательной игры: *вилюшки-кивилюшки, калы-балык, одёжка-передёжка, птица-мница, курица-мурица, кабаки-мабаки, тыквы-мыквы, крёсная-мрёсная*.

В целом анализ системных связей в составе имен существительных говора некрасовцев показывает, что для говора в полной мере характерны такие явления системного порядка, как вариативность семантического, акцентологического, фонетического, грамматического характера, многозначность, синонимия, антонимия, гиперо-гипонимия.

Анализ лексики говора казаков-некрасовцев в рамках имени существительного выявил факты различного варьирования — семантического, акцентологического, фонетического, грамматического — прежде всего в сопоставлении с лексиконом общего крестьянского языка, реже на базе слов отдельных говоров русского языка, что позволяет представить историю формирования лексики говора в рамках имени существительного. Преобладает явление семантического варьирования метонимического характера. Встречается и фонетическая вариативность, связанная с заменой как гласных, так и согласных звуков в сопоставлении с лексемами общенационального языка. Грамматическая вариативность на базе слов обиходного языка русского крестьянства характерна для говора в меньшей степени, чем фонетическая вариативность.

К явлению вариативности примыкают случаи полного совпадения в звучании, структуре и значении слов говора и одноименных лексем обиходного языка крестьянства или его отдельных говоров. Анализ одноименных лексем обиходного языка крестьянства и лексем говора казаков-некрасовцев выявил, что большинство названных совпадающих номинаций являются общими для языка всего русского крестьянства (по данным Словаря Даля). Некоторая часть подобных существительных, по данным Сл. Даля, относится к определенным говорам русского языка. Это прежде всего: а) донские говоры и б) курские говоры, что обусловлено местом первоначальных поселений казаков, а также составом беглого крестьянства в их рядах. В то же время присутствуют слова, одноименные словам других русских говоров, что свидетельствует о пестром составе казачества по исконной

территориальной принадлежности. В общем анализ различных видов вариативности и примыкающих к ней случаев равнозначности (совпадения в звучании, структуре и значении) в лексике имени существительного показывает, что часть лексикона некрасовцев была унаследована из общекрестьянского языка того времени.

Анализ явления многозначности в именах существительных говора казаков-некрасовцев выявил преобладание переносных значений метонимического характера, которые в своем большинстве семантизируют пространственные отношения двух денотатов, а также значения, связанные со структурной сопредельностью (целое — часть, форма — предмет такой формы). Метафорические переносные значения имен существительных говора в своем большинстве семантизируют сходство внешнего вида двух денотатов. Ассоциативные переносные значения имен существительных говора семантизируют ассоциации, связанные с прагматическим компонентом значения, на основе которого возникает новое переносное значение.

Собранный материал выявил преобладание полных синонимов в лексической системе имени существительного говора казаков-некрасовцев, что вызвано прежде всего спецификой устной речи, ее направленностью на слушающего и особенностями его восприятия. Причины существования в лексической системе говора полных синонимов являются разнообразными: склонность носителей говора к языковому творчеству, что вызывает обновление словарного состава; проникновение в лексику говора заимствованной лексики; действие словообразовательных процессов, в результате которых возникают однокоренные синонимы. Явление антонимии не распространено в рамках существительного в лексической системе говора. В имеющемся материале преобладают антонимы со значением «характеристика физических, эмоциональных, нравственных свойств человека».

Явление гиперо-гипонимии довольно распространено в рамках имени существительного. Среди имеющегося материала преобладают родо-видовые гиперогипонимические корреляции. Наличие значительного количества гиперонимов в рамках имени существительного в говоре казаков-некрасовцев свидетельствует о высоком уровне отображения и вербализации действительности носителями этого говора.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СПЕЦИФИКА МОРФОЛОГИИ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В ГОВОРЕ КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ

1. ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ РАЗЯДЫ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ГОВОРЕ КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ

В говоре некрасовцев присутствуют те же лексико-грамматические разряды существительных, что и в литературном языке. Большинство имен относится к конкретным существительным, в то же время имеются абстрактные, вещественные и собирательные существительные.

1.1. Абстрактные существительные

Отвлеченные (абстрактные) существительные — это слова, называющие отвлеченные понятия, свойства, качества, действия и состояния: *слава, смех, благо, плен, доброта, близость, ловкость, бег, движение*.

В говоре казаков-некрасовцев находится значительное количество абстрактных существительных. Среди них выделяются определенные лексико-семантические группы: 1) наименования опредмеченных действий, игр, результатов действий, занятий, 2) наименования свойств и качеств, 3) наименования состояний человека, природы, общества, 4) наименования абстрактных понятий (группы перечислены в соответствии с их количественной представленностью в говоре по убыванию).

Наименования опредмеченных действий, игр, результатов действий, занятий

Водопитие [вѣдапития] — ‘питье воды’. **Главобиения** [главабиения] — ‘головная боль’. **Гайды** [гайды] — ‘шум, веселые крики’ (*Шли з гайдами*). **Зворот** [зварот] — ‘возвращение, возврат’ (...*принясла на зварот*). **Клятьба** [клядьба] — ‘клятва’. **Обгляд** [абглят] — ‘осмотр, обыск’. **Обгоренка** [абгаренка] — ‘абстрактное существительное по глаголу *обгореть*’ (*С етай абгаренки и балесь приключилась*). **Повороты** [повъраты] — ‘наступление зимы’. **Покор** [пакор] — ‘абстрактное существительное по глаголу *покорить*’ (*Мы яво пакарили, ета пакор*). **Помога** [помага] — ‘помощь’. **Причина** [причина] — ‘порча’. **Распутие** [распутия] — ‘распутство’ (*Распутия ня делал*). **Рыбальство** [рыбальства] — ‘рыболовство’. **Спасенье** [спасиня] — ‘благодарность’ (*Вам спасиня за ета*). **Питво** [питво] — ‘абстрактное существительное по глаголу *пить*’ (*Вон ни ф питве*).

Наименования свойств и качеств

Длинина [длинина], *Длинка* [длинка], *Долина* [далина] — ‘длина’. *Доброта* [добрата] — ‘хорошее качество вещи, продукта’. *Лепота* [лепута] — ‘красота’. *Ответность* [атветнасть] — ‘ответственность’. *Отменение* [атминения] — ‘отличие’ (*Фсе адинакава, атминения никакова нету*). *Ровнота* [равната] — ‘ровная часть предмета’. *Склигота* [склигата] — ‘свойство по прилагательному *скользящий*’ (*склизский*). *Тяжелина* [тижылина] — ‘свойство по прилагательному *тяжелый*’. *Хорошение* [хърашения], *Хорошина* [хърашына] — ‘свойство по прилагательному *хороший*’. *Ширка* [шырка] — ‘ширина’.

Наименования состояний человека, природы, общества

Вреда [вряда] — ‘вред, ухудшение болезни’ (*Ни балеим, вряды ня знаем*). *Жаль* [жаль] — ‘невзгода, страдание’. *Изнавага* [изнавага] — ‘обида, притеснение’ (*Никакой изнаваги нету*). *Ледина* [лядина] — ‘сильный холод’. *Невага* [нивага] — ‘обида’. *Неуживка* [ниужыфка] — ‘состояние по прилагательному *неуживный*, невозможность жить при определенных условиях’. *Отдышка* [аддышка] — ‘отдых’. *Пережитки* [пиряжытки] — ‘переживания, невзгоды’. *Примирие* [примирийа] — ‘перемирие’. *Причудение* [причудения] — ‘удивление’. *Скукота* [сुकата] — ‘скука’. *Сполох* [спалох] — ‘тревога, переполох’. *Спорина* [спърина] — ‘счастье, удача’ (*Бох спърины ня дасть*). *Спочив* [спачиф] — ‘сон’. *Стража* [стража] — ‘страдания’. *Стыдь* [стыть] — ‘холод’. *Сухмень* [сухмень], *Сухота* [сухата] — ‘сушь, засуха’. *Умеретие* [умертия] — ‘состояние по глаголу умереть’.

Наименования абстрактных понятий

Заробок [заробак] — ‘заработок’. *Изверие* [изверия] — ‘вера’. *Ряд* [рят], *Ряда* [ряда] — ‘порядок’. *Слышки* [слышки] — ‘слухи’. *Часть* [часть, щасть] — ‘участь, доля’ (*Наша часть была такая*).

Преобладающую часть отвлеченных существительных составляют **мотивированные слова**. Большая часть их образована от глаголов с помощью различных суффиксов: а) *-и|j|*-, *-ни|j|*-, *-ени|j|*-, *-ти|j|*- (орфогр. слова на *-ние*, *-ие*, *-ение*, *-тие*): *спасение*, *распутие*, *умеретие*, *страждание*, *примирие*; б) *нулевого суффикса*: *обгляд*, *помога*, *причина*, *покор*, *зависть*; в) суффикса *-б(а)*: *хороньба*, *клятьба*, *тяжба*; г) суффикса *-к(и)*, *-тк(и)*: *слышки*, *пережитки*; *-тв(о)*: *питво*; д) суффикса *-ств(о)*: *рыбалство*; е) суффикса *-к(а)*: *отдышка*.

Определенная часть мотивированных абстрактных существительных говора образована от прилагательных в рамках суффиксального способа производства слов: а) с помощью суффикса *-ость*: *крепость*, *ответность*; б) с помощью суффикса *от(а)*: *склигота*, *доброта*, *ровнота*, *скукота*, *сухота*; в) с помощью суффикса *-ение*: *хорошение*; г) с помощью суффикса *-ин(а)*: *хорошина*, *длинина*, *спорина*; д) с помощью суффикса *-к(а)*: *длинка*, *ширка*, *неуживка*.

Кроме того, в составе отвлеченных имен говора имеются мотивированные лексемы, образованные (более чем от одной основы) способом сложения слов и основ: *главобиение*, *водопитие*, *землепахарство*, что не свойственно устной речи в принципе и является одной из характерных черт системы словообразования

говора казаков-некрасовцев, в силу исторических причин в определенной степени ориентированной на церковнославянский язык.

1.2. Вещественные существительные

Вещественные существительные называют вещества, среди которых обычно выделяют: пищевые продукты (*жир, крупа, мука, сахар*), материалы (*гипс, цемент*), виды тканей (*бархат, ситец*), ископаемые, металлы (*железо, уголь, олово, сталь, изумруд, яшма*), химические элементы, лекарства (*уран, пирамидон, аспирин*), сельскохозяйственные культуры (*овес, картофель, пшеница*) и другие однородные делимые массы.

В лексиконе говора казаков-некрасовцев имеется определенное количество вещественных существительных. Это следующие группы наименований: 1) жидкости и напитки, 2) сельскохозяйственные растения, 3) отходы растительного и животного происхождения, 4) материалы, 5) продукты, блюда, 6) вещества органического происхождения, 7) металлы, 8) парфюмерия, 9) вещества атмосферного происхождения (группы названы в порядке их количественной представленности в говоре по убыванию). Опишем названные группы подробнее.

Наименования жидкостей, напитков

Воточка [вотачка] — ‘ласк. водка’. **Кипучка** [кипучка] — ‘самодельный крепкий напиток’. **Кисляк** [кисляк] — ‘кислое молоко’. **Молочина** [малачина] — ‘молоко’. **Накваска** [накваска] — ‘кислое молоко, используемое для закваски’. **Прибелка** [прибелка] — ‘закваска для хлеба’. **Саламур** [сьламур], **Саламурец** [сьламурец] — ‘рассол’. **Сколотина** [скалотина], **Сувратка** [сувратка] — ‘сыворотка, остающаяся при изготовлении сливочного масла’. **Сяркё** [сяркё] — ‘винный уксус’ (турецк. *sirke*). **Чира** [шира] — ‘сок винограда’.

Наименования сельскохозяйственных растений

Горновка [гарновка], **Колоска** [калоска], **Желтоколоска** [жолтакалоска], **Черноколоска** [чорнакалоска], **Красноколоска** [краснакалоска] — ‘сорт яровой пшеницы’. **Горчица** [гарчица] — ‘стручковый перец’. **Каплазя** [каплазя] — ‘кормовой злак, дикий овёс’ (турецк. *kaplica* ‘дикий овес’). **Майданоз** [майданос] — ‘петрушка’ (турецк. *maydanoz*). **Нугут** [нугут] — ‘сорт гороха’ (турецк. *nohut*).

Наименования отходов растительного и животного происхождения

Бугрина [бугрина] — ‘отходы на току при молотье, солома’ (*Саломе, палове* — мястия называюща бугрина). **Гной** [гной] — ‘навоз’. **Жибри** [жибри] — ‘отходы винограда при изготовлении вина’ (*Пулушки ат винограду — ета жибри*). **Кесмик** [кясмик] — ‘отходы при молотье и веянии зерна, колоски» (турецк. *kesmik*). **Обьюхи** [абьюхи] — ‘отходы при очистке бобов’. **Озатки** [азатки] — ‘отходы при веянии зерна, шелуха’. **Суховря** [сухъвря] — ‘остатки сухих сот, удаляемые весной из улья’.

Наименования материалов (тканей, пряжи, кожи)

Бель [бель] — ‘белый материал, идущий на рубахи’. **Мешина** [мяшына] — ‘кожа как материал’. **Сиючка** [сиючка] — ‘черный блестящий материал, сатин’.

Фанела [фанела] — ‘фланель’. **Филименка** [филименка] — ‘хлопчатобумажная пряжа’. **Шимлази** [шымлази] — ‘полушелковый материал в рубчик, репс’. **Шелкутни** [шалкутни] — ‘плотный шелковый материал с узором, из которого шили бешметы и балахоны’.

Наименования продуктов, блюд

Буза [буза] — ‘жидкое кушанье из кукурузной муки на дрожжах’. **Журка** [журка] — ‘отвар, бульон’. **Мая** [майа] — ‘дрожжи’ (турецк. *may*). **Пенирь** [пянирь] — ‘творог’ (турецк. *peynir*). **Речель** [рищель] — ‘варенье’ (турецк. *recel*).

В группе вещественных существительных есть подгруппы, включающие незначительное количество номинаций. Это наименования веществ органического происхождения: **зелье** [зелийа] — ‘яд’; наименования веществ атмосферного происхождения: **бель** [бель] — ‘морозный иней, рисунок на стеклах’; наименования металлов: **злато** [злата] — ‘золото’; наименования парфюмерии: **пахучка** [пахучка] — ‘духи, одеколон’.

Одни из вещественных существительных говора казаков-некрасовцев имеют форму ед. ч.: *злато, пойло, молочина, гной, кесмик, бугрина, бель, сиючка, филименка, фанела* и т. п. (их большинство), другие — форму мн. ч.: *озадки, обьюхи, жибри, шимлази, шелкутни* (их меньше).

Существует мнение, что «в отличие от собирательных существительных, вещественные существительные, как правило, не имеют суффиксов для выражения вещественного значения. Это значение выражается только лексически»²⁸⁰. В собранном нами материале имеется немалое количество вещественных существительных, являющихся словообразовательно мотивированными. Большинство из них относится к отсубстантивным и отглагольным моделям, меньшая часть — к отады-ективным моделям.

Отсубстантивные модели вещественных лексем говора входят в два способа словообразования. Во-первых, они относятся к такой разновидности морфологического способа словообразования, как суффиксальный. Наблюдаются следующие суффиксы: а) суффикс **-ин(а)**: *бугрина, молочина*, б) суффикс **-к(а)**: *колоска* ‘сорт пшеницы’.

Во-вторых, отсубстантивная модель представлена мотивированными лексемами *желтоколоска, черноколоска, красноколоска* со значением ‘сорта яровой пшеницы’, входящими в способ сложения с опорным компонентом, равным самостоятельному слову (существительное *колоска*), и подчинительным отношением основ.

В составе мотивированных вещественных существительных говора имеются лексемы с модификационным субъективно-оценочным значением с суффиксами: а) **-к(а)**: *воточка*; б) **-ишк(а)**: *мукишка*; в) **-очк(а)**: *мукишечка*; г) **-иц(а)**: *вотица*; д) **-ец**: *саламурец*.

²⁸⁰ Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 1. С. 462.

Отглагольные модели вещественных лексем говора также относятся к суффиксальному способу. Выделяются такие суффиксы: а) **-к(а)**: *сиючка* (от причастия говора *сиючий*), *пахучка* (от причастия *пахучий*), *кипучка* (от причастия *кипучий*), *накваска* (от глагола *наквасить*), *прибелка* (от диалектного глагола *прибелить*); б) **-л(о)**: *пойло* (от глагола *пить*); в) **-ин(а)**: *сколотина* (от глагола *сколотить*).

Отадъективные модели также представляют суффиксальный способ словообразования. Имеются следующие суффиксы: а) **-ин(а)**: *мешина* (от южн. *мешинный* — ‘кожаный’); б) **нулевой**: *бель* (от прилагательного *белый*); в) **-иц(а)**: *горчица* (от прилагательного *горький*); г) **-овр(я)**: *суховря* (от прилагательного *сухой*); д) **-ак**: *кисляк* (от прилагательного *кислый*).

В составе вещественных существительных говора немало новых слов, возникших во время жизни некрасовцев на чужбине, свидетельством новизны является их отсутствие в Большом толковом словаре донского казачества. Это лексемы *молочина*, *колоска*, *воточка*, *вотица*, *саламур*, *саламурец*, *сиючка*, *пахучка*, *кипучка*, *пойло*, *мешина*, *бель*, *суховря*.

1.3. Собираательные существительные

Собираательные существительные обозначают неопределенное множество предметов или лиц как неделимое целое. В говоре казаков-некрасовцев в составе собираательных существительных выделяются определенные группы. Это слова, обозначающие совокупности: 1) растений, 2) лиц, 3) предметов, 4) животных (группы расположены в порядке убывания их количественного состава в говоре). Покажем данные лексико-тематические группы.

Наименования растений

Грядина [грядина] — ‘бахчевые культуры’. *Дубник* [дубник], *Чирпа* [чирпа, щирпа] — ‘дубовая поросль’. *Кабаки*, *Кабаки-мабаки* [кабаки-мабаки], *Тыквы-Мыквы* [тыквы-мыквы] — ‘бахчевые культуры’. *Конопи* [канапи] — ‘конопля’. *Кочкарник* [качкачник] — ‘сжатое поле с остатками стеблей растений’. *Овощь* [воващъ], *Овоц* [авош] — ‘овощи’. *Садовина* [съдавина] — в знач. ‘ветки дерева’. *Самородина* [съмародина] — ‘смородина’. *Тутник* [тутник] — ‘заросли тутового дерева’. *Чабор* [чабор, щабор] — ‘чабрец’. *Шмара* [шмара] — ‘болотное растение, похожее на осоку’.

Наименования лиц

Грекота [гриката] — ‘*пренебр.* греки’. *Гречанин* [грячанин] — в знач. ‘собира. греки, Греция’ (*Када грячанин Турсию забрал*). *Дед* [дет] — ‘обобщенное название русских, России’. *Дедовщина* [дядофшына] — в знач. ‘собира. деды, старики’. *Людка* [лютка] — ‘*неодобр.* люди’. *Мир* [мир] — в знач. ‘народ, люди’ (*Патом расскажыш, што я у тибя выпрасил пары на раку, так мне мир праходу ни дасть*). *Молодыта* [мъладыта] — ‘молодежь’. *Наброд* [наброт] — ‘пришлые, новые поселенцы’. *Неверие* [ниверия] — ‘мусульмане, турки’. *Соплава* [саплава] — ‘сброд’. *Сродость* [сродасть], *Сродство* [сроцтва] — ‘родня’. *Французенин* [французинин] — в знач. ‘французы, Франция’. *Черкезня* [чиркизня] — ‘*пренебр.* черкесы’.

Наименования предметов

Домовина [дъмавина] — ‘домашнее хозяйство’. *Вилюшки-Кивилюшки* [вилюшки-кивилюшки] — ‘разные украшения на одежде, в том числе и в виде извилины’. *Добрецо* [дабряцо, дабрацо] — ‘ценности, драгоценные камни’. *Имение* [имения] — ‘имущество’. *Калы-Балык* [калы-балык] — ‘совокупность каких-либо предметов одежды’. *Куклы-Муклы* [куклы-муклы] — ‘всякие игрушки’. *Кухни-муфни* [куфни-муфни] — ‘хозяйство, обозная часть войска’. *Неудобки* [ниудопки] — ‘неудобная земля’. *Одѣжка-передѣжка* [адѣшка-пиридѣшка] — ‘одежда, смена белья’. *Построй* [пастрой] — в знач. ‘дома, строения’. *Приготовка* [пригатофка] — ‘приготовленная еда, кушанья’. *Старѣ-марѣ* [старѣ-марѣ] — ‘всякое старье (об одежде)’. *Стряпано* [стряпана] — ‘изделия из сдобного теста’. *Трѣпки* [трѣпки] — ‘бахрома’.

Наименования животных, насекомых

Комарь [камарь] — в знач. ‘комары’ (*Патом камарь пиривлѣси*). *Курица-Мурица* [курица-мурица] — ‘всякая домашняя птица’. *Мухота* [мухата], *Муха* [муха] — ‘мухи’. *Птица-Мница* [птица-мница] — ‘всякая птица’. *Сарана* [сърана] — ‘саранча’. *Скотинина* [скатинина], *Скотиняка* [скатиняка], *Худоба* [худоба], *Худобина* [худобина] — ‘скотина, скот’. *Утя* [утя], *Утьва* [утьва] — ‘утки’. *Черва* [чирва] — ‘черви’.

Большинство собирательных существительных говора казаков-некрасовцев являются мотивированными. Наблюдаются явления словообразовательной и семантической мотивированности, преобладает словообразовательная мотивированность.

У определенного количества собирательных существительных говора собирательное значение является результатом **развития прямого значения**, чаще всего конкретных, реже абстрактных существительных общенационального языка или говора, на **основе метонимического или ассоциативного переноса**. Покажем это подробнее.

Собирательное значение как метонимический перенос значения слова говора или слова общенационального языка на основе смежности двух денотатов: а) «представитель этноса» — «этнос» — «страна проживания этноса»: *гречанин, турка, турчанин, французенин*; б) «один предмет» — «совокупность подобных предметов»: *муха, комарь, утя, овощь*; в) «абстрактное понятие» — «собирательное понятие»: *сродство*.

Собирательное значение как перенос значения слова общенационального языка на основе ассоциаций, связывающих два денотата: а) *дед* (‘отец отца или матери’ в общенациональном языке) и ‘страна, государство, являющееся его Родиной’ в говоре — в данном случае перед нами результат семантического развития и дальнейшей символизации значения слова; б) *дедовщина* (‘имущество от деда’ в общекрестьянском языке) и ‘совокупность дедов’ в говоре (*Дядофшына сабираица*).

Словообразовательно мотивированные собирательные имена говора принадлежат к суффиксальному способу словообразования. Большинство из них относится к **отсубстантивам**, образованным с помощью различных **суффиксов**: а) **-ин(а)**: *скотинина, худобина*; б) **-(ар)ник**: *кочкарник, дубник, тутник* (от существительного

говора *тутина*); в) **-от(а)**: *грекота, мухота*; г) **-к(а)**: *людка*; д) **-(и)л(а)**: *кистила*; е) **-ец(о)**: *добрецо*; ж) **-в(а)**: *утьва*; з) **-як(а)**: *скотиняка*; и) **-овин(а)**: *садовина*; к) **-и(я)**: *черкезня*.

Некоторые словообразовательно мотивированные собирательные имена говора имеют в качестве мотивирующей базы **прилагательное**, формантом выступает суффикс: а) **-ят(а)**: *молодята*; б) **-к(и)**: *неудобки*; в) **-ость**: *сродость*; г) **-об(а)**: *худоба* ‘болезни’ (от *худой* ‘негодный, плохой’).

Ряд мотивированных собирательных существительных говора образован от **глагола** с помощью того или иного суффикса: а) **-к(и)**: *трёпки*; б) **-ия**: *обрядия*; в) **нулевого**: *построй*; г) **-к(а)**: *приготовка*; д) **-льник**: *нюхальник*.

Необходимо отметить, что в говоре казаков-некрасовцев много **новых собирательных** существительных, возникших после их ухода из России. Прежде всего это собирательные существительные, возникшие в результате **словообразовательной игры** — приема «рифмованное эхо», который заключается в следующем: какое-либо слово повторяется с изменением начального звука, причем возникшая эхо-конструкция обладает иной семантикой — семантикой обобщения: *Тыквы-Мыквы, Кабаки-мабаки, Курица-Мурица, Птица-Мница, Старё-марё, Одёжка-передёжка, Кухни-Мухни, Куклы-Муклы, Калы-Балык, Вилюшки-Кивилюшки, Крёстная-Мрёсная*.

Перечисленные лексемы не отмечены ни в донском говоре (по данным Большого толкового словаря донского казачества), ни в каком-либо другом говоре русского языка (по данным Сл. Даля). В то же время в литературе по этому вопросу существует устойчивое мнение, что новые лексемы с собирательным значением в новое время практически не возникают, а в случае необходимости значение собирательности выражается семантически, как следствие развития прямого значения уже существующего слова.

Наличие в составе лексикона казаков-некрасовцев неологизмов с собирательным значением, причем в значительном количестве, свидетельствует, с одной стороны, о креативности языкового сознания носителей говора, а с другой стороны, является показателем сохранности в генетической языковой памяти некрасовцев архаической словообразовательной категории собирательности с ее деривационным соотношением «собирательность — единичность, напр. *тыквы-мыквы* (собирательное) — *тыква/кабачок/арбуз* (единичные).

2. ОДУШЕВЛЕННЫЕ И НЕОДУШЕВЛЕННЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

Определяющим **семантическим признаком** одушевленных существительных считается способность называемых ими предметов самостоятельно перемещаться, передвигаться. Определяющим **грамматическим признаком** одушевленных существительных является специфика их морфологической парадигмы. Одушевленные существительные во мн. ч. имеют форму в. п., совпадающую с формой р. п.: *нет братьев и сестер, нет животных* (р. п.); *увидел братьев и сестер, увидел животных* (в. п.).

Неодушевленные существительные во мн. ч. имеют форму в. п., совпадающую с формой и. п.: *персики, груши и яблоки лежат на столе* (и. п.); *купил персики, груши и яблоки*. (в. п.). В ед. ч. различие между одушевленными и неодушевленными существительными морфологически последовательно выражено только у слов м. р.

Одушевленные существительные м. р. ед. ч. в говоре казаков-некрасовцев называют: а) лиц по семейным, социальным, профессиональным признакам; б) животных — и имеют типичное для русского национального языка морфологическое оформление категории одушевленности в ед. ч. (в. п. = р. п.).

Наименования лиц: *крикуна* нанимали; *выбирали атамана*.

Наименования животных: *кабана* купили; *щучёнака* паймаши и *вориш*.

Исключение составляют слова м. р. на -а, у которых форма в. п. ед. ч. не совпадает с формой р. п. (и с формой и. п.): *Сыняку в армию аддали* (им. п. *сыняка*). Эта грамматическая особенность характерна и для существительных м. р. на -а общенац. яз.

Неодушевленные существительные м. р. ед. ч. в говоре казаков некрасовцев называют различные предметы и явления и имеют типичное для русского общенац. яз. морфологическое оформление категории неодушевленности в ед. ч. (в. п. = и. п.): *слышал гутар*; *извар* ворим; *капать копань* ('колодец').

В нашем материале встречаются **архаические факты** синтагматического проявления категории одушевленности / неодушевленности у существительных м. р. ед. ч.: *Мы наймём турягу, а гварим чирак*²⁸¹ (*чирак* 'наемный работник'). В одном высказывании находятся два одушевленных по семантическому признаку существительных, причем называющих один и тот же денотат, которые обладают то парадигмой одушевленности (*турягу* — в. п., отличный от и. п.), то парадигмой неодушевленности (*чирак* — в. п., равный и. п.).

Полагаем, что форма в. п. лексемы **чирак** по парадигме неодушевленности обусловлена низким социальным статусом обозначаемого рода занятий человека, что является отголоском, «воспоминанием» о древнейшем этапе состояния категории одушевленности в древнерусском языке. Так, в берестяных грамотах XIV в. неизвестный новгородец пишет: *Пришли ми цоловъкъ на жерепць*²⁸², обозначая формой в. п. = и. п. номинацию зависимого человека, слуги. Очевидно, носителем говора специальное (морфологическое) маркирование категории одушевленности особой формой (в. п. = р. п.) в случае употребления лексемы **чирак** в форме объекта могло восприниматься как избыточное. В примере *Я как начала раждать — фсех девак, ни адин мальчик*²⁸³ также видим архаический факт проявления категории одушевленности / неодушевленности в парадигме лексемы *мальчик*. Возможно,

²⁸¹ Пример взят из: Сердюкова О. К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону. 2005. С. 310.

²⁸² Цит. по: Колесов В. В. История русского языка. М.; СПб.: ACADEMIA, 2005. С. 307.

²⁸³ Пример взят из: Сердюкова О. К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону. 2005. С. 214.

что этот факт обусловлен принадлежностью называемого лица (ребёнка) к социально незначимым лицам. Такое «видение» детей является древнейшей чертой в славянских языках, о чем свидетельствует, например, отнесение лексем *дитя* и *чадо* в русском языке к ср. р.

Одушевленные существительные м. р. говора, соотнесенные с предметами, приобретают морфологические приметы неодушевленности (и. п. = р. п.): *На крышу князь ставим* ('гребень крыши').

Существуют особенности в формальных показателях одушевленности во мн. ч. существительных м. р.: наряду с традиционными для русского национального языка флексиями **-аф**, **-оф** (орфографически **-ов**), **-ей**, в говоре казаков-некрасовцев имеют специфичные флексии **-ах**, **-ох**, **-их**.

Наименования лиц: *парежым гявураф*; *учил дьячкох*; *прасти къзакох*; *за вдавцох паили*.

Наименования животных: *волоф чешуть*; *имели коних*, *малакаф*; *кабаниках бил*, *вадили видьмидей*.

По мнению В. Г. Орловой, флексия **-ох** в форме в. п. и р. п. мн. ч. в русских говорах (*дьячкох*) — это результат фонетических изменений в тех говорах, в которых происходит переход от *w* губно-губного к *в* губно-зубному, когда под действием общей тенденции к оглушению согласных на конце слова звук [w] мог превратиться в заднеязычный фрикативный [x]²⁸⁴. Очевидно, происхождение флексии **-их** (*коних*) имеет аналогичное объяснение.

В собранном нами материале встречаются **архаические явления** в рамках категории одушевленности / неодушевленности во мн. ч.: это тексты с омонимичными формами в. п. = и. п. мн. ч. существительных, называющих как лиц, так и животных и птиц. *Дедушка раздядил землю на три сына. — Турки мы боялися* (турка 'турки' в собирательном значении). — *Малаки запригають* (малак 'буйвол'). — *Арлы налитали на ийсы* (ийсы 'аисты'); *В дароги судаки нам панаушыть и привизётъ. — Свини ни были у нас*.

Необходимо отметить, что таких архаических фактов в форме мн. ч. гораздо больше, чем в форме ед. ч. Это обусловлено более поздним распространением омонимии в. п. = р. п. в формах мн. ч. По мнению, К. В. Горшковой и Г. А. Хабургаева, имена м. р. с личным значением фиксируются в форме в. п. = р. п. мн. ч. с конца XIV в., в то время как аналогичные лексемы в форме в. п. = р. п. ед. ч. известны в памятниках XIII—XIV вв.²⁸⁵ Названия животных и птиц до середины XVII в. в формах в. п. = р. п. мн. ч. в памятниках вообще не встречаются²⁸⁶.

²⁸⁴ Русская диалектология. М., 1965. С. 78.

²⁸⁵ Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М., 1981. С. 215—216.

²⁸⁶ Там же. С. 217.

Есть примеры распространения категории одушевленности на названия предметов (в. п. = р. п. во мн. ч.): *Тада начинать **буксори**ках давать* (буксорик ‘оплеуха’).

Слова ж. р. в ед. ч. в говоре казаков-некрасовцев сформулированному правилу морфологического выражения одушевленности / неодушевленности не следуют, что характерно и для общенац. яз. В. п. и р. п. как одушевленных, так и неодушевленных существительных имеют отличные друг от друга, несовпадающие формы.

Одушевленные существительные: а) в. п.: ***ска**тиняку напайть нечим; вон **рыбу** тняить*; б) р. п.: ***у девушки** адёжа иная; **у видри** кожа ценная*.

Неодушевленные существительные: а) в. п.: ***вариву** варим; **становю**ть **накваску***; б) р. п.: ***стены из зямли**; **три пратукалины*** (пратукалина ‘апельсин’).

Слова ср. р. в ед. ч. не имеют формального разграничения одушевленности / неодушевленности, что характерно и для национального русского языка. Все существительные ср. р. (как одушевленные, так и неодушевленные) в ед. ч. имеют формально совпадающие в. п. и и. п. (так же, как неодушевленные существительные м. р.).

В. п.: ***дитё** накорми; **маслица** туда стънавили*, им. п.: ***у касы жала**; тут **пятлё***.

Существительные ж. и ср. р. в формах мн. ч. в говоре казаков-некрасовцев обладают регулярным грамматическим выражением категории одушевленности / неодушевленности: одушевленные существительные во мн. ч. имеют форму в. п., совпадающую с формой р. п., неодушевленные существительные во мн. ч. имеют форму в. п., совпадающую с формой им. п. Аналогично выражается категория одушевленности в формах мн. ч. слов общ. р. Так же, как в формах мн. ч. существительных м. р., лексемы ж. и общ. р. могут иметь в говоре казаков-некрасовцев в в. п. и р. п. мн. ч. специфичные флексии **-ах**, **-ох**, наряду с литературными флексиями **-аф**, **-оф**.

Одушевленные существительные: а) в. п.: ***грудяках** любили; **квахтуха** водить **дтей**, **цыплячка**х; **лысках** били, **либидей**, **вутей*** (лыска ‘водяная курочка’); б) р. п.: ***матушка**х, **сястриньках** ни было; **пасопках** у нас нету* (пособка — слово общ. р. в говоре со знач. ‘помощник’); ***для карох** — сараи, **барашычник для бараши-каф** — барашычник*.

Необходимо отдельно отметить произношение конечного согласного звука [х] в форме р. п. мн. ч. существительного **корова**, которая (форма) имеет нулевую флексию: ***много карох*** (вместо ожидаемой формы ***много кароф*** или возможной формы с материально выраженной флексией говора ***много каровах***). Полагаем, это случай аналогии названной формы слова **корова** с формами лексем говора с материально выраженной флексией **-ох** в р. п. мн. ч. (***много лякох, бълхванох, святкох, женикох, вдафцох, аццох***).

Неодушевленные существительные: а) в. п.: ***капыцы** пякли; **хад**или на **магилишиа***; б) и. п.: ***яблаки** — **верхнии ску**ли; **осмы** **п**лятуць (***асма*** ‘виноградная лоза’).*

В собранном нами материале имеются случаи нарушения формального выражения категории одушевленности/неодушевленности во мн. ч.: существительные всех трех родов, называющие предметы, имеют в в. п. формы, характерные для одушевленных лексем: *На панаир атес с матерю паедуть, привязуть булафках.* — *Яичках* набѣм ф сыр. — *Да вот я тибѣ лякох принясла* (лека, ляка — существительное ж. р. со значением ‘лекарство’). — *В яишках* играим. В то же время названные лексемы в речи казаков-некрасовцев в в. п. мн. ч. могут иметь и форму неодушевленных существительных, как в литературном языке: *Яички* любить. — *Ляки* ни памагають.

3. Род имени существительного

3.1. Мужской род

Мужской род имени существительного выявляется в говоре прежде всего синтагматически (как и в литературном языке) через определенные родовые или координируемые формы: *мой батяка, сыняка паиол, нивадок малый*. Кроме того, существуют морфологические показатели м. р., в качестве которых выступает система падежных флексий (подробнее об этом в разделе, посвященном категории падежа). В и. п. лексемы м. р. имеют в говоре нулевое окончание (*малак*), окончание *-а* (*дядяка*), в единичных случаях окончание *-о* (*друшко идёт*). В то же время существует периферия грамматической категории рода, имеющая особые синтагматические и морфологические показатели, о чем речь пойдет далее.

Существительные м. р. в говоре казаков-некрасовцев, так же, как и в литературном языке, могут иметь как семантический, так и грамматический род. Категория рода у одушевленных существительных (названий лиц) имеет свою семантическую характеристику: слова м. р. называют существа мужского пола, слова женского рода — существа женского пола.

Приведем примеры существительных мужского рода говора, которые по своему лексическому значению относятся только к лицам мужского пола (они не могут быть общим названием лица):

Бурлак [бурлак] — ‘молодой человек, холостяк’. *Батяка* [батяка] — ‘отец’. *Сыняка* [сыняка] — ‘взрослый сын’. *Крестбенник* [крѣзбѣнник] — ‘крестный сын’. *Диверь* [диверь] — ‘брат мужа, деверь’. *Дядяка* [дядяка] — ‘дядя’. *Шуряк* [шуряк] — ‘брат жены, шурин’. *Ядряч* [идряч] — в знач. ‘ребенок мужского пола, мальчик’.

Необходимо отметить, что в группу существительных мужского рода говора, которые по своему лексическому значению относятся только к лицам мужского пола, входят не только наименования мужчин, являющихся членами семьи, близких и дальних родственников, представленные выше, но и ряд других наименований. Это номинации по социальному статусу, имущественному положению и определенным видам занятий, недоступным или невозможным для некрасовки. М. р. подобных имен является социально ориентированным и исторически обусловленным. К подобным номинациям относятся:

а) наименования лица по предмету владения землей (владельцем мог быть только мужчина: **Бахчеван** [бахчаван] — ‘владелец бахчи’;

б) по выборной должности в некрасовской общине: **Атаман** [атаман] — ‘выборный начальник в некрасовской общине, при помощи общего собрания казаков (круга) осуществлявший управление делами общины’; **Ходатель** [хадатиль] — ‘ходатай, представитель некрасовской общины перед властью’;

в) по видам занятий, связанных с письмом (грамоте учили мужчины, преимущественно мальчиков и мужчин): **Дьяк** [дяк] — ‘учитель’; **Дьячок** [дьячэк, дячэк] — в знач. ‘сельский писарь’;

г) по видам ремесла, связанным с огнем, металлом (исторически не характерным для женщины): **Лударь** [лударь] — ‘лудильщик’; **Коваль** [каваль] — ‘кузнец’;

д) по различным видам специализации человека в процессе профессиональных занятий рыбной ловлей, что было характерно только для мужчин:

Атаманок [атаманок] — ‘старший в рыболовецкой артели’. **Веревщик** [ви-ряфшык], **Грузильщик** [грузильшык], **Зарзаватчик** [зарзаваччик], **Исподищик** [испот-шык], **Коренищик** [къряньшык], **Неводарь** [нивадарь], **Парицик** [паршык], **Переборщик** [пиряборшык], **Крылаш** [крылаш] — ‘члены рыболовецкой артели по виду их специализации’.

Существительные м. р., обладающие семантическим родом, в говоре казаков-некрасовцев, как и в общенациональном языке, в количественном отношении преобладают в сопоставлении с существительными ж. р. Это объясняется как внеязыковыми социально-историческими условиями, так и собственно языковыми причинами. Известно, что слова м. р. прежде всего заключают в себе общее понятие о человеке, независимо от пола, и поэтому слова м. р. могут применяться к лицу как мужского, так и женского пола. Однако в говоре казаков-некрасовцев в очень редких случаях мы имеем употребление лексемы **м. р. в ед. ч.**: по отношению к лицу женского пола: **Спорник** [спорник] — ‘соперник’ (*Спорника ни было илѣпать с турками, так хърашо знала турецкай язык*²⁸⁷).

В форме мн. ч. чаще наблюдается отнесенность существительного м. р. к лицу как мужского, так и женского пола (по денотативным характеристикам): **Гявур** [гя-вур] — ‘так турки называли казаков-некрасовцев и русских вообще’ (*Мы вас, гя-вураф, парежым*); **Староверец** [стъравериц] — ‘старовер’ (*Стъраверцам зямли нет*); **Прихожанец** [прихажаниц] — ‘новый поселенец, пришелец’ (*Пришли прихажанцы полна*).

В редких случаях в говоре казаков-некрасовцев существительные м. р., называющие лицо или игрушку-человека, образуют соотносительную словообразовательную пару с существительными ж. р. со значением лица:

1) **Чистот** [чистот] — ‘аккуратный, чистоплотный мужчина’. **Чистотка** [чистотка] — ‘чистоплотная, аккуратная женщина’.

²⁸⁷ Пример взят из: Сердюкова О. К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону. 2005. С. 273.

2) **Куклак** [куклак] — ‘кукла-мальчик’ (*Куклак — паринь*). **Кукла** [кукла] — ‘кукла-девочка’ (*У ней каса заплитеная*).

3) **Дунак** [дунак] — ‘русский поселенец в Румынии, на Дунае’. **Дунавка** [дунафка] — ‘женск. к дунак’.

4) **Пастушиха** [пастушиха] — ‘женск. к пастух’ (*Я тият ганяла, была пастушиха*).

5) **Племенник** [плименник] — ‘племянник’. **Племенница** [плименница] — ‘племянница’.

6) **Знатник** [знатник] — ‘волшебник’. **Знатница** [знатница] — в знач. ‘волшебница’.

7) **Дружко** [друшко] — ‘товарищ жениха, распорядитель на свадьбе’. **Дружка** [друшка] — ‘подруга невесты’ (*Сидять друшка нивестина, жыниховин друшко*).

8) **Ревун** [рявун] — ‘плакса-мальчик’. **Ревунья** [рявуня] — ‘плакса-девочка’.

Необходимо отметить, что многие существительные м. р. говора, называющие лицо, в рамках словообразовательной системы говора имеют потенциальную возможность образования соотносительной пары ж. р. Но подобная пара не зафиксирована в речи носителей говора казаков-некрасовцев. Сюда относится большинство наименований м. р. по национальной принадлежности.

Арапенин [арапанин] — ‘араб’. **Болгар** [балгар] — ‘болгарин’. **Татаренин** [татаринин] — ‘татарин’. **Турчин** [турчин] — ‘турок’. **Турыга** [туряга] — ‘пренебр. Турок’. **Турчанин** [турчинин] — в знач. ‘турок’. В то же время есть и исключения: **Гречанин** [грячанин] — **Гречанка** [грячанка].

Необходимо отдельно остановиться на форме личного существительного мужского рода с формантом *-о*: **дружко** (*Заходить друшко: «Разряшыти влесть, на стакануку вам поднести»*).

В СРНГ отмечена данная лексема со значением, аналогичным значению этого слова в говоре: «*Дружка, и и дружко, а, дружко, а*, м. Одно из лиц народного свадебного обряда, распорядитель на свадьбе со стороны жениха (иногда и со стороны невесты); шафер». Вариант **дружко** приводится в данном словаре с пометами *терск., ряз., смол., кур., дон.* (*Дружко заглядает, Кочергою выгребает. Дон.*)²⁸⁸.

Полагаем, что существительное **дружко** говора является реликтом архаической грамматической категории м. р. Формы личных имен м. р. на *-о* были распространены и среди имен собственных в XVII — нач. XVIII в.: «В первом десятке наиболее употребительных некалендарных имен г. Воронежа в 17 веке находились Бориско, Любимко, Владимирко, в г. Муроме — Богдашко, Потешко, Томилко и др.»²⁸⁹.

²⁸⁸ Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965—2014. Вып. 8. С. 215.

²⁸⁹ Тагунова В. И. Прозвищные имена в Муромских памятниках письменности 17—18 веков // Лексика современного русского языка. Учен. зап. Рязанского пединститута. Т. 40. М., 1967. С. 32—48.

Значительное место в составе существительных м. р. говора казаков-некрасовцев занимают имена неодушевленные, род которых является грамматическим. Они обозначают не только конкретные предметы, но могут называть абстрактные, собирательные, вещественные понятия: соответственно *зарабок*, *дубник*, *комарь*, *речель*, *гной*. По признаку названия предмета как индивидуального или как представителя целого класса выделяются нарицательные и собственные имена существительные. Наричательные имена м. р. преобладают. Имена собственные неодушевленные м. р. являются редкими и представляют собой астрономические названия: *Петров Крест* ‘созвездие Южный Крест’.

Среди существительных м. р. говора имеются грамматические архаизмы сохранившиеся от начала XVIII в. Это абстрактная лексема м. р. *прохлад* [прахлат] — ‘прохлада’ (*хадить пѣт прахладам*). Слово *прохлад* как существительное м. р. зафиксировано в целом ряде словарей, включающих лексику древнерусского языка, великорусского языка, языка XVIII в.: в Материалах Срезневского, в Лексиконе Поликарпова 1704 г., Словаре Академии Российской 1789—1794 гг. В говоре некрасовцев сохранилось именно слово *прохлад* м. р., которое в общенационал. яз. позднее заменилось лексемой ж. р. *прохлада*. Существительное *прохлада* имеет более позднюю фиксацию: впервые оно отмечено в Лексиконе Вейсмана 1731 г., а далее в Российском Целлариусе 1771 г.²⁹⁰

3.2. Женский род

Женский род имени существительного выявляется в говоре прежде всего синтагматически (как и в литературном языке) через определенные родовые или координируемые формы: *сястринька забрала*, *никанчимая боль*, *пашятная мука*. Кроме того, существуют морфологические показатели ж. р., в качестве которых выступает система падежных флексий (подробнее об этом в соответствующем разделе о категории падежа). В и. п. лексемы ж. р. имеют в говоре нулевое окончание (*жаль*, *сухмень*), окончание *-а* (*мамака*, *калоска*). В то же время существует периферия грамматической категории рода, имеющая особые синтагматические и морфологические показатели, о чем речь пойдет далее.

Существительные ж. р. в говоре казаков-некрасовцев могут иметь как семантический, так и грамматический род. Опишем категорию семантического рода в рамках имен ж. р. Приведем примеры существительных ж. р. говора, которые по своему лексическому значению относятся только к лицам женского пола (они не могут быть общим названием лица):

Грудяка [грудяка] — ‘грудастая женщина’. *Девяка* [двяка] — ‘взрослая девушка’. *Детятница* [дятятница] — ‘женщина’. *Мамака* [мамака] — ‘мама, мать’. *Зовица* [завица] — ‘золовка’. *Крестнушка* [крѣснушка] — ‘крестная мать’. *Посестрия* [пасестрия] — ‘младшая двоюродная сестра’. *Свекровья* [свяхровья, сяхровья], *Свекры*

²⁹⁰ По данным Словаря современного русского литературного языка. Т. 1—17. М.; Л.: Наука, 1948—1965 (БАС). Т. 11. С. 1512, словарная статья *прохлада*.

[свьякры] — ‘свекровь’. *Своячина* [сваячина] — ‘сестра жены, свояченица’. *Тётушка* [тётушка] — ‘родная тетя’.

Необходимо отметить, что ряд существительных ж. р. говора, называющих лицо, имеют потенциальную возможность вхождения в соотносительную словообразовательную пару с соответствующей лексемой м. р. — словообразовательная система говора это позволяет. Но подобные пары не зафиксированы в речи носителей говора казаков-некрасовцев в силу этнокультурных и социоконфессиональных причин: строгих правил общежития в старообрядческой семье по отношению к женщине. Сюда относится ряд наименований женщин по следующим признакам:

а) признаку чистоплотности: *белянка* [бялянка], *чистуха* [чистуха] — ‘аккуратная, чистоплотная женщина’; *лоскутница* [ласкутница] — ‘неопрятная женщина, неряха’; *нечистотка* [ничистотка], *судомойница* [сдамойница], *поганка* [паганка] — ‘неряха’; *писличка* [писличка] — ‘грязнуля’ (турецк. *pislik* ‘нечистота’);

б) соблюдению правил казачьего дресс-кода: *голоплешка* [галаплешка] — ‘женщина с непокрытой головой’;

в) умению вести домашнее хозяйство: *безрядница* [бизрядница] — ‘плохая хозяйка’;

г) соответствию казачьим идеалам красоты: *колбёха* [калбёха] — ‘толстая, неуклюжая женщина’, *пеструха* [пяструха] — ‘веснушчатая женщина’.

Среди неодушевленных имен существительных ж. р. в говоре казаков-некрасовцев по признаку названия предмета как индивидуального или как представителя целого класса выделяются нарицательные и собственные имена существительные. Наричательные имена ж. р. преобладают.

Имена собственные неодушевленные женского рода являются редкими и представляют собой астрономические названия: *Зарница* [зарница], *Зорька* [зорька], *Жарница* [жарница] — ‘планета Венера’. *Арба* [арба], *Карауша* [каравуша] — ‘созвездие Большая Медведица’.

Среди существительных ж. р. имеются грамматические архаизмы, сохранившиеся от начала XVIII в., того времени, когда некрасовцы начали свои странствия вне России, и даже от более ранних времен. Это лексемы женского рода *путь*, *салата*, *штурма* в значении ‘буря, шторм’ и *литра* в значении ‘единица измерения жидкости’.

Путь ‘дорога’ (ж. р.) (*Такая вуская путь*). Существительное *путь*, по данным Словаря Срезневского, имело в древнерусском языке областную форму ж. р., которая и сохранилась в говоре. В Лексиконе 1627 г. слово *путь* зафиксировано в форме м. р.²⁹¹.

²⁹¹ По данным Словаря современного русского литературного языка. Т. 1—17. М.; Л.: Наука, 1948—1965 (БАС). Т. 11. С. 1760, словарная статья *путь*.

Салата ‘салат’ (ж. р.) (*Салату на руке делали*). Данное (заимствованное в русский язык из итальянского языка) существительное по данным Лексикона Вейсмана 1731 г. имело форму ж. р. (приводится пример *салату приправити*). В Лексиконе 1762 г. и в Словаре Нордстета 1782 г. это слово зафиксировано уже как лексема мужского рода²⁹².

Штурма ‘шторм’ (ж. р.) (*На мори спъдымаицца иштурма такая*). Слово *иштурма* зафиксировано в Лексиконе Вейсмана 1731 г. как существительное женского рода. Позднее в общенациональном языке существительное **штурм** стало функционировать как лексема м. р., а в говоре некрасовцев сохранилась лексема *иштурма* ж. р. Существительное мужского рода *иштурм* зафиксировано в Лексиконе Нордстета 1782 г. и в Новом словотолкователе Яновского 1804 г.²⁹³ (по данным БАС, т. 17, с. 1589).

Литра ‘литр’ (ж. р.) (*Памиццяицца литра вина*). Слово *литра* как существительное женского рода зафиксировано в целом ряде словарей: в Материалах Срезневского, в Лексиконе Поликарпова 1704 г. (со значением ‘вес’), в Новом словотолкователе Яновского 1804 г., в Словаре Даля (в значении ‘единица измерения’). Позднее в общенац. яз. распространилось существительное **литр** м. р., а в говоре некрасовцев сохранилась лексема *литра* ж. р. Как существительное м. р. лексема *литр* впервые описывается в Новом словотолкователе Яновского 1804 г. как вариативная, а в Словаре Ушакова — уже как единственно возможная²⁹⁴.

3.3. Общий род

Помимо мужского, женского и среднего рода у существительных говора казаков-некрасовцев есть так называемый общий род. Сюда относятся слова с флексией *-а* в и. п. ед. ч., называющие лиц по характерному действию или свойству и имеющие ту же систему падежных флексий, что и существительные ж. р. и м. р. с флексией *-а* в форме и. п. ед. ч. Особенностью существительных общ. р. является зависимость их синтаксической сочетаемости от пола называемого лица: если это лицо женского пола, то существительное общ. р. синтаксически ведет себя как слово ж. р., если же это лицо м. п., то такое существительное синтаксически ведет себя как слово м. р. Родовые характеристики при этом имеют только синтаксическое выражение: а) м. р.: *маталыга взял, пабираишка прииол*; б) ж. р.: *дуда пашила, талкуша ни паняла*.

В нашем материале это такие имена, как:

Дрема [дряма] — ‘сонливый человек, соня’. **Моталыга** [маталыга] — ‘неаккуратный в обращении с чужими вещами’. **Невзора** [нявзора] — ‘надменный человек’. **Неулыба** [ниулыба] — ‘невеселый человек’. **Толкуша** [талкуша] — ‘бестолковый, непонятливый человек’. **Хвалушка** [хвалушка] — ‘хвастливый человек’. **Пабираишка**

²⁹² По данным Словаря современного русского литературного языка. Т. 1—17. М.; Л.: Наука, 1948—1965 (БАС). Т. 11. С. 1760, словарная статья *салат*.

²⁹³ Там же. Т. 17. С. 1589, словарная статья *иштурм*.

²⁹⁴ Там же. Т. 6. С. 259, словарная статья *литр*.

[пъбирашка] — ‘нищий, нищая’. *Гутарка* [гутарка] — ‘разговорчивый человек’. *Дуда* [дуда] — ‘неряшливый подросток’.

3.4. Средний род

Средний род имени существительного выявляется в говоре прежде всего синтагматически (как и в литературном языке), через определенные родовые или координируемые формы: *фсякае рукамисло*; *сваё фамилие*. Кроме того, существуют морфологические показатели ср. р., в качестве которых выступает система падежных флексий (подробнее об этом в соответствующем разделе). В и. п. лексемы ср. р. имеют в говоре безударное окончание *-а* (*моря*, *нёба*), ударное окончание *-о* (*село*). В то же время существует периферия грамматической категории рода, имеющая особые синтагматические и морфологические показатели, о чем речь пойдет далее.

Так же как и в общенац. яз., деление существительных говора на лексемы м. р., ж. р. и ср. р. не имеет последовательного содержательного объяснения.

Ср. р. существительных говора связан прежде всего с названиями неодушевленных предметов. Среди них встречаются лексемы разных лексико-грамматических разрядов.

1. Конкретные существительные: *Полугорье* [пълугорья] — ‘косогор’. *Нурё* [нурё] — ‘нора’. *Кочергё* [къчаргё] — ‘кочерга’. *Корыто* [карыта] — ‘посуда для замешивания теста’. *Копытце* [капыцца] — ‘ватрушка’.

2. Абстрактные существительные: *Причудение* [причудения] — ‘удивление’. *Рыбавазение* [рыбавазения] — ‘перевозка рыбы’. *Рыбальство* [рыбальства] — ‘рыболовство’.

3. Собираательные существительные: *Неверие* [ниверия] — ‘мусульмане, турки’. *Кистила* [кистила] — в знач. ‘кисти, бахрома’. *Добрецо* [дабрияцо, дабрацо] — ‘ценности’. *Весновое* [висновоя] — ‘яровые злаки’.

Среди имен существительных ср. р. в говоре казаков-некрасовцев по признаку названия предмета как индивидуального или как представителя целого класса выделяются нарицательные и собственные имена существительные. Наричательные имена среднего рода преобладают. Имена собственные ср. р. являются редкими и представляют собой географические и астрономические названия: *Константин поле* [кастянтин поля] — ‘Константинополь’. *Кадило* [кадила] — ‘звёзды альфа и бетта из созвездия Центавра’.

Необходимо отдельно описать родовую принадлежность существительного *дитё* в говоре казаков-некрасовцев. В литературном языке одушевленное имя существительное *дитя* является лексемой ср. р. В изучаемом говоре бытует в двух вариантах — в форме м. р. и ж. р., в зависимости от реальной семантики денотата, что выражается синтагматическими средствами: а) *дитё мая милая*, б) *там жил дитё*. — «Чей дитё?». При назывании ребенка без указания пола, в качестве родового наименования, существительное *дитё* в говоре казаков-некрасовцев употреблялось с синтагматическими показателями среднего рода: *маё дитё*.

В то же время в говоре наличествует и существительное **м. р.** с аналогичным значением — *дитёнок*, называющее ребенка любого пола. *Дитёнок* [дитёнак] — в знач. ‘ребенок’.

Другое распространенное одушевленное имя существительное ср. р. общенац. яз. — слово *чадо* — также функционирует в говоре казаков-некрасовцев в двух вариантах: в форме м. р. и ж. р., в зависимости от реальной семантики денотата: *Чадо* [чада] — ‘сын или дочь’ (*чада ты мая, чада ты мой*). Это же относится и к уменьшительно-ласкательной форме слова *чадо*: *Чадушка* [чадушка] — ‘дитя, ребенок’ (*чадушка ты мая милая, мой чадушка*).

Среди существительных ср. р. в говоре казаков-некрасовцев значительное место занимают мотивированные имена:

1) в своем большинстве это отглагольные суффиксальные лексемы с формантами *-ие, -ние, -ение, -во, -ло, -ище, -ство* (*примирие, отменение, причудение* (от глагола говора *причудить* ‘удивить’), *спасенье, страждание, питво, кистило* (от глагола говора *кистит* ‘отделывать кистями’), *оградище, рыбальство* (от глагола говора *рыбальить* ‘ловить рыбу’), *построительство*);

2) реже сложно-суффиксальные существительные с формантами *-ие, -ние, -ение* (*водопитие, главобиение, рыбовозение*);

3) в редких случаях — субстантивированные прилагательные (*весновое*).

По мнению историков русского языка (С. П. Обнорского, В. М. Маркова, Г. А. Хабургаева, В. В. Колесова), имя существительное пережило наиболее резкие изменения в своем развитии в рамках категории **среднего рода**, характеризующейся, говоря словами В. В. Виноградова, «слабо очерченной сферой значений, не связанных с представлениями об естественном поле, которые, как известно, поддерживают знаменательность мужского и женского родов». В. В. Виноградов считал, что «у имен мужского рода ярче выражена идея лица, чем пола, у имен женского рода идея пола ярче, чем идея лица, тогда как у имен среднего рода ни идея лица, ни идея пола не релевантны»²⁹⁵.

По наблюдениям В. В. Колесова, процесс убывания категории среднего рода

...продолжается не одну сотню лет, но средний род сохраняется, особенно в литературно-книжных текстах. Именно там возникло большое число имен среднего рода в «неясно» отвлеченном значении с помощью новых суффиксов: *торжество, влияние*, а также субстантивированные *добро* и т. д.; средний род в таких случаях — это отвлеченная форма обезличенной предметности²⁹⁶.

В говоре казаков-некрасовцев существительные среднего рода в сопоставлении с именами мужского и женского рода занимают незначительное место, но в то же время в говоре имеются **новые** мотивированные слова **ср. р.**, образованные в говоре в период эмиграции по различным, преимущественно отглагольным, моделям (в Большом толковом словаре донского качества данные слова

²⁹⁵ Виноградов В. В. Русский язык. М., 1972. С. 74 и далее.

²⁹⁶ Колесов В. В. История русского языка. СПб., 2005. С. 302.

не зафиксированы)²⁹⁷. В основном это абстрактные существительные, иногда собирательные. Необходимо отметить, что данные существительные относятся к разговорной бытовой речи казаков-некрасовцев, а не к литературно-книжным текстам. Это существительные:

Водопития [вѣдапития] — ‘питье воды’ (*Кушыны для вѣдапития*). **Главобиения** [главабиения] — ‘головная боль’. **Неверия** [ниверия] — ‘мусульмане, турки’. **Построительства** [пѣстраитильства] — ‘строительство’ (*Пѣстраительства типерь многа*). **Примирия** [примирия] — ‘перемирие’. **Причудения** [причудения] — ‘удивление’. **Рыбовозения** [рыбавазения] — ‘перевозка рыбы’.

Выявленные факты показывают, что фактического утрачивания категории ср. р. в говоре казаков-некрасовцев не происходит.

3.5. Специфика грамматической категории рода неличных существительных

Материалом исследования в данном параграфе послужили зафиксированные в говоре казаков-некрасовцев определенные существительные, относящиеся к грамматической категории рода. Это такие неличные имена м. р., ж. р. и ср. р., синтагматические и морфологические родовые показатели которых являются либо вариативными, либо неоднозначными. В собранном материале выявляются следующие явления в грамматической семантике и форме подобных неличных существительных:

- 1) родовая синонимия граммем м. р. / ср. р., ж. р. / ср. р.;
- 2) смена граммемы рода в семантике существительного;
- 3) диффузность граммем рода (преимущественно ж. р. / ср. р.) в семантике ряда имен.

Опишем подробнее эти явления.

Явление родовой синонимии. По мнению историков русского языка, **явление родовой синонимии** было характерно для языка древнерусских памятников, в котором «находят широкое отражение случаи родовой синонимии, т. е. случаи использования однокоренных синонимических образований, принадлежащих различным грамматическим родам»²⁹⁸. По мнению ученого, «особенно широко родовая синонимия отражается в приглагольных образованиях нулевой суффиксации, нередко выступая в пределах одного и того же документа или в условиях одного и того же контекста при наличии нескольких списков»²⁹⁹.

Примеров подобного рода можно привести очень много. Так, например, в Материалах для словаря древнерусского языка И. И. Срезневского легко обнаружить свидетельства употребления таких синонимичных образований, как *заворь* —

²⁹⁷ Большой толковый словарь донского качества. М.: Астель АСТ, 2003.

²⁹⁸ Марков В. М. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М.: Наука, 1974. С. 10.

²⁹⁹ Там же.

завора, заставъ — застава, оградъ — ограда, отрадъ — отрада, подъпоръ — подъпора, присягъ — присяга, укоръ — укора и многих других.

Опишем явление родовой синонимии в говоре казаков-некрасовцев. Оно представлено незначительным количеством однокоренных синонимических образований, принадлежащих различным грамматическим родам: м. р. и ср. р., ж. р. и ср. р., м. р. и ж. р.

- 1а. **Сабано** [сѣбано] (ср. р.) — ‘деревянная соха’ (*Ета было сабано*);
- 1б. **Сабан** [сабан] (м. р.) — ‘деревянная соха’ (*Сабан диривянай*);
- 2а. **Хороньба** [хѣраньба] (ж. р.) — ‘игра в прятки’ (*Играим ф хѣраньбу*);
- 2б. **Хороньбо** [хѣраньбо] (ср. р.) — ‘игра в прятки’ (*Ф хѣраньбо играли*);
- 3а. **Кабарга** [кѣбарга] (ж. р.) — ‘позвоночник животного, рыбы или спина’ (*У ка-бана была кѣбарга*);
- 3б. **Кабарго** [кѣбарго] (ср. р.) — ‘позвоночник животного, рыбы или спина’ (*Кѣбарго пирѣламили*);
- 4а. **Глыбъ** [глыпъ] (м. р.) — ‘глубина’ (*С самава глыбъ*);
- 4б. **Глыбя** [глыбя] (ж. р.) — ‘глубина’ (*Утакая глыбя*);
- 5а. **Ряд** [рят] (м. р.) — ‘порядок’ (*Ряд был*);
- 5б. **Ряда** [ряда] (ж. р.) — ‘порядок’ (*Ни знаим ряды*);
- 6а. **Бешметъ** [бишметъ] (м. р.) — ‘преимущественно мужская одежда, представляющая собой стеганный полукафтан’ (*Бешметъ, вон как куфайка, снизу кожа, накинут красным сукном*);
- 6б. **Бешметя** [бишметя] (ж. р.) — ‘преимущественно мужская одежда, представляющая собой стеганный полукафтан’ (*Ана нарядна, в бишметю надета*).

Необходимо отметить, что подвергнутые анализу существительные говора казаков-некрасовцев, демонстрирующие явление родовой синонимии, в своем большинстве не относятся к отглагольным мотивированным именам, образованным способом нулевой суффиксации, что, по наблюдениям В. М. Маркова, характерно для феномена родовой синонимии древнерусского языка. В нашем материале подобные существительные являются либо немотивированными (*сабан, сабано; кабарга, кабарго; бешметъ, бешметя*), либо мотивированными, но образованными с помощью не только нулевых суффиксов (это существительные *ряд, ряда*, образованные от глагола *рядить* ‘править или управлять, держать в порядке’³⁰⁰), но и с помощью материальных суффиксов: *хороньба, хороньбо*, образованные с помощью суффикса *-б-* от глагола *хоронить* ‘прятать, класть в потаенное место, скрывать вещь или хранить’³⁰¹. Кроме того, и В. М. Марков, и И. И. Срезневский описывали факты родовой синонимии на материале однокоренных синонимических образований, принадлежащих либо ж. р., либо м. р. В нашем материале зафиксированы не только названные синонимы, но и факты родовой синонимии однокоренных синонимических существительных в сфере граммем ср. р. —

³⁰⁰ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 3. С. 1778.

³⁰¹ Там же. Т. 4. С. 1222.

м. р., ср. р. — ж. р. Полагаем, что в говоре казаков-некрасовцев мы имеем факты, репрезентирующие не только явление родовой синонимии, специфичной для древнерусского языка, но и дальнейшее развитие и укрепление этого грамматического феномена.

В русском литературном языке в настоящее время имеются лишь единичные примеры (*проток* — *протока*, *соусник* — *соусница*), которые представляют собою лишь слабые отголоски некогда широко распространенного явления родовой синонимии в русском языке.

Явление смены граммемы рода. В собранном материале наблюдается еще одно явление — **смена граммемы грамматического рода в семантике существительного**. Этот процесс является разнородным: а) ж. р. меняется на ср. р. и наоборот; б) м. р. меняется на ж. р. и наоборот; в) ср. р. меняется на м. р.

Ряд существительных, генетически имевших в языке XI—XVII вв. граммему **ж. р.**, изменили в говоре казаков-некрасовцев (в более позднее время) категорию рода **на ср. р.** Это лексемы *кость*, *кочерга*, *нора*, *фамилия*.

Кость ‘кость’ (ср. р.) (*Пьдавился кастём*);

Кочергё кочерга (ср. р.) (*Къчаргё, къчаргём хлеб вынимали*);

Нурё ‘нора’ (ср. р.) (*У тушкана нья нуря*);

Фамилиё ‘фамилия’ (ср. р.) (*Сваё фамилие ни оказывал*).

Лексема *кость* зафиксирована в Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам И. И. Срезневского, а далее в Лексиконе Поликарпова 1704 г. в форме *кость* ж. р.³⁰² Как слово ж. р. данная лексема описывается в Словаре русского языка XI—XVII вв.³⁰³, зафиксировавшем лексику того времени, когда некрасовцы проживали в Российской империи.

Существительное *кочерга* как слово ж. р. было впервые отмечено в Лексиконе Вейсмана 1731 г.³⁰⁴ Слово *нора* впервые зафиксировано в Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам И. И. Срезневского, а далее в Лексиконе Поликарпова 1704 г. как слово ж. р. *нора*³⁰⁵.

Слово *фамилия* было впервые зафиксировано в Лексиконе Поликарпова 1704 г. как относившееся к ж. р. в форме *фамилья*, а в Российском Целлариусе 1771 г. уже в форме *фамилия*³⁰⁶ (по данным БАС, т. 17, с. 1234).

Ряд существительных, генетически имевших в языке XI—XVII вв. граммему **ср. р.**, изменили в говоре казаков-некрасовцев (в более позднее время) категорию рода **на ж. р.** Это лексемы *древо*, *голенище*, *гладило*, *имение*.

³⁰² По данным Словаря современного русского литературного языка. Т. 1—17. М.; Л.: Наука, 1948—1965 (БАС). Т. 5. С. 1525.

³⁰³ Словарь русского языка XI—XVII веков. М.: Наука, 1980. Вып. 7. С. 372.

³⁰⁴ По данным Словаря современного русского литературного языка. Т. 1—17. М.; Л.: Наука, 1948—1965 (БАС). Т. 5. С. 1552.

³⁰⁵ Там же. Т. 7. С. 1397.

³⁰⁶ Там же. Т. 17. С. 1234.

Древа в знач. 'дерево' (ж. р.) (*Высокою древу*);
Голенища 'нижняя часть штанов, штанина' (ж. р.) (*К этой глянниши*);
Гладила 'столярный инструмент, фуганок' (ж. р.) (*Гладилай работаим*);
Имения 'имущество' (ж. р.) (*Какую имению брать?*);
Туловища 'туловище' (ж. р.) (*Фся тулувишиа*).

Существительные *древо*, *гладило*, *имение* впервые были отмечены Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам И. И. Срезневского как лексемы ср. р.³⁰⁷ Словарь русского языка XI—XVII вв., словник которого показывает нам лексику времени эмиграции некрасовцев, подтверждает родовую принадлежность названных имен к ср. р.³⁰⁸ Лексема *голенщи* впервые зафиксирована в Российском целлариусе 1771 г. именно в форме ср. р.³⁰⁹, Словарь русского языка XI—XVII вв. подтверждает эту информацию³¹⁰. Слово *туловище*, впервые отмеченное в Лексиконе Поликарпова 1704 г., относилось в конце XVI в. к ср. р.³¹¹

В ряде случаев существительное, генетически имевшее в языке XI—XVII вв. граммему **ж. р.**, изменило в говоре казаков-некрасовцев (в более позднее время) категорию рода на **м. р.** Это лексемы *плеть*, *обувь*, *кишка*, *бумага*.

Плеть 'плеть' (м. р.) (*Нету плятя*);
Вобув 'обувь' (м. р.) (*Обув был разнай*);
Кишок 'кишка' (м. р.) (*Большой кишок у шуки*);
Степ 'степь' (м. р.) (*На стяпу памирать пришлось*);
Бумаг 'бумага' (м. р.) (*Шырокий лист, а пьсварьху каг бумах*).

Лексемы *плеть*, *обувь* были впервые зафиксированы в Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам как номинации ср. р.³¹², аналогичная родовая принадлежность у этих имен и в Словаре русского языка XI—XVII вв.³¹³ Существительные *кишка*, *бумага* и *степь* впервые отмечены в Лексиконе Поликарпова 1704 г. как слова ж. р.³¹⁴

В ряде случаев существительные, генетически имевшие в языке XI—XVII вв. граммему **м. р.**, изменили в говоре казаков-некрасовцев (в более позднее время) граммему рода на **ж. р.** Это лексемы *груз*, *обычай*, *обморок*, *шов*, *метр*.

³⁰⁷ Там же. Соответственно Т. 3. С. 119, 1106; Т. 5. С. 293.

³⁰⁸ Словарь русского языка XI—XVII веков. М.: Наука, 1965—1996. Соответственно 1977. Вып. 4. С. 233; 1977. Вып. 4. С. 26; 1979. Вып. 6. С. 226.

³⁰⁹ По данным Словаря современного русского литературного языка. Т. 1—17. М.; Л.: Наука, 1948—1965 (БАС). Т. 3. С. 210.

³¹⁰ Словарь русского языка XI—XVII веков. М.: Наука, 1965—1996. 1977. Вып. 4. С. 60.

³¹¹ По данным Словаря современного русского литературного языка. Т. 1—17. М.; Л.: Наука, 1948—1965 (БАС). Т. 15. С. 1115.

³¹² По данным Словаря современного русского литературного языка. Т. 1—17. М.; Л.: Наука, 1948—1965 (БАС). Соответственно Т. 9. С. 1392; Т. 8. С. 479.

³¹³ Словарь русского языка XI—XVII веков. М.: Наука, 1965—1996. Соответственно 1989. Вып. 15. С. 91; 1987. Вып. 12. С. 176.

³¹⁴ По данным Словаря современного русского литературного языка. Т. 1—17. М.; Л.: Наука, 1948—1965 (БАС). Соответственно Т. 5. С. 982; Т. 1. С. 685; Т. 14. С. 851.

Грузь ‘тяжесть, груз, поклажа’ (ж. р.) (*Грузь вазили балышую*);
Обычая ‘обычай’ (ж. р.) (*Ета па нашей абычаи*);
Вомарака ‘обморок’ (ж. р.) (*Вомарака шишыбла*);
Шва ‘шов’ (ж. р.) (*А шва у ней ни зарасла*);
Метра ‘метр’ (ж. р.) (*Палтары метры шырина. — Чабук фпирёд даёцца, три метры*).

Существительное говора *метра* сочетается с числительными *полторы*, *три* в форме р. п. ед. ч. ж. р.

Слова *груз* и *шов* (в говоре *шва*), впервые зафиксированные в Лексиконе Вейсмана 1731 г., относились в описываемый словарем период к м. р.³¹⁵ Лексема *обычай*, по информации Лексикона Берынды 1627 г., относилась к м. р.³¹⁶ Слово *обморок*, по сведениям Лексикона 1762 г. и Российского Целлариуса 1771 г., было существительным м. р.³¹⁷ Лексема *метр* (в говоре *метра*) в Новом Словотолкователе Яновского 1804 г. представлено как слово м. р.³¹⁸

В редких случаях существительные, генетически имевшие в языке XI—XVII вв. грамему **ср. р.**, изменили в говоре казаков-некрасовцев эту грамему на **м. р.** Это лексемы *озер* / *возир*, *дерив*.

Возер ‘озеро’ (м. р.) (*Наи възир*);

Дерив в знач. ‘дерево’ (м. р.) (*Ета дерив, яво мы сажали*).

Существительные *озеро*, *дерево* были впервые зафиксированы в Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам как номинации среднего рода³¹⁹, что подтверждает и Словарь русского языка XI—XVII вв.³²⁰

Выявленный материал в целом показывает, что, во-первых, чаще всего в говоре некрасовцев меняются грамемы ж. р. (9 слов) или ср. р. (7 слов) и, во-вторых, в результате изменения в большинстве случаев появляется грамма ж. р. (11 слов).

Диффузность грамем ж. р./ср. р.

Опишем проявления тенденции к диффузности семантики грамматического рода в континууме ж. р. — ср. р. в говоре казаков-некрасовцев. Явление диффузности, в отличие от феномена родовой синонимии, репрезентируется в рамках значения одной и той же лексемы и связано с возможностью выражения в семантике одной и той же лексемы в говоре некрасовцев то грамемы среднего, то грамемы женского рода в рамках парадигматики и синтагматики лексемы.

³¹⁵ Там же. Соответственно Т. 3. С. 439; Т. 17. С. 1502.

³¹⁶ Там же. Т. 8. С. 582.

³¹⁷ Там же. С. 258.

³¹⁸ Там же. Т. 6. С. 926.

³¹⁹ По данным Словаря современного русского литературного языка. Т. 1—17. М.; Л.: Наука, 1948—1965 (БАС). Соответственно Т. 8. С. 750; Т. 3. С. 716.

³²⁰ Словарь русского языка XI—XVII веков. М.: Наука, 1965—1996. Соответственно 1987. Вып. 12. С. 60; 1977. Вып. 4. С. 221.

В собранном материале имеются существительные, синтагматическая и парадигматическая маркированность которых в различных контекстах бытования в говоре позволяет отнести их **и к ж. р., и к ср. р.** Среди них вещественные имена (*злато, пойло, плено*), собирательные (*старё-марё, кистила, сродство, стряпана*), отвлеченные (*пойла* ‘пьянство’), конкретные (*версто, оградище, жерело, звездо, клещо, петлё, скирдо, сито, стено, черто*).

Такую особенность существительных говора, как сочетаемость лексем, исторически относившихся к ср. р., с определениями ж. р., а также способность имен, исторически относившихся к ж. р., иметь в и. п. и в. п. флексии ср. р., отметила О. К. Сердюкова, исследовавшая говор некрасовцев в 1963 г.: в ее записях читаем следующие примеры: *пустая ведро, густая мьлако и васкавая свичо, высокую капно*³²¹. О. К. Сердюкова видит в подобных примерах следующие грамматические явления: факты типа *высокую капно* она относит к вариации ж. р., факты типа *густую мьлако* — к переходу имен ср. р. в ж. р.³²²

Собрав значительный материал и подвергнув его анализу, в нашем исследовании мы высказываем иную точку зрения на данное явление. В анализе фактов диффузности семантики грамматической категории рода говора мы шли не от факта исторической родовой принадлежности слова и его родовой характеристики в литературном языке, а анализировали строение этой категории в говоре в системном аспекте и с позиций носителя говора. По синтагматическому критерию, являющемся и в настоящее время основным при определении рода, мы вычленили в составе существительных, относящихся к грамматической категории рода говора, подгруппу лексем, которые, согласуясь с определениями только ж. р. (они также сочетаются с глаголами пр. вр. ж. р.), имеют в и. п. ед. ч. флексивные показатели разного рода: безударное *-а*, ударное *-о*. Далее мы рассмотрели морфологические падежные показатели имен выделенной группы существительных в косвенных падежах. Анализ материала и его обобщение привели нас к выводу о процессе возникновения нового грамматического рода в грамматической категории рода говора казаков-некрасовцев.

Опишем нашу точку зрения подробно. Специфика контекстов бытования существительных говора с неоднозначным грамматическим родом (словосочетаний данных имен с согласуемыми прилагательными и местоимениями, с координируемыми глаголами, а также предложно-падежных форм данных имен) позволяет условно разделить корпус собранных имен на две группы. Необходимо отметить, что ряд имен по своим контекстам могут быть отнесены к обеим группам.

Первая группа имен говора с неоднозначным грамматическим родом — это существительные, которые **согласуются с определениями только женского рода, а также сочетаются с глаголами пр. вр. женского рода**. Необходимо отметить,

³²¹ Сердюкова О. К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Введение. Ростов-на-Дону, 2005. С. 17.

³²² Там же.

что в начальной форме (форме именительного падежа) данные существительные имеют преимущественно **ударную флексию -о-**, которая в современном русском языке является однозначным грамматическим показателем среднего рода существительных, что вступает в противоречие с синтагматическими показателями, которые сопровождают эти имена в текстах записей некрасовцев. Это прежде всего существительные с ударным окончанием -о: *версто, жырало, звездо, клецо, пилено, петлѣ, старѣ-марѣ, стено, скирдо, черто, крыло, молоко, стороно*. В то же время есть и существительные с безударной флексией: *злата, нѣба, сита, сродства, стряпана, блюда, слова, сердца, время, лета, моря, ничения*. В нашем списке находятся существительные, исторически относящиеся как к ж. р. (*версто, звездо, пилено, петлѣ, стено*), так и к ср. р. (*время, лета, моря*).

Приведем примеры согласования названных существительных с местоимениями и прилагательными, а также координации с глаголами прошедшего времени в роде и числе:

— *Озера была* рядом. — *С нашей озеры брали*. — *Семя круглая*. — *Злату-та фсю забрали*. — *Па фсей силе*. — *Вичѣрашняя звяздо*. — *Вся нѣба*. — *Пиляно святистая*. — *Питлѣ навитая*. — *Большая скирдо*. — *За ету чирто*. — *На фсю стяно*. — *Пиредняя стяно*. — *Ружѣ пистонная*. — *Платю сваю*. — *Очинь жырная у них мѣлако*. — *Харошая падворья*. — *Стяно вывалилась*. — *За калечичку сиребриную*. — *Тѣплая мистечичка*. — *Свая сроцтва*. — *Стряпана была*. — *Частай ситай сеим*. — *Гусиная крылою абмяли*. — *Бальшая блюда*. — *Чатырнаццатая лета шла*. — *Пришла время*. — *Время пирихоччитая*. — *Зямлятрусения сильная*. — *Пъмяркала сонца*. — *Ета слова турецкая*. — *Настоящую слову*. — *Загорелась мая сердца*. — *В Азофскую морю*. — *Восточная старано*. — *На одной плече*. — *Мускарная дела*. — *Припала дела*. — *Сирыбро турецкая*. — *Была сарачиная проса*. — *Сошная жылеза*. — *Мая мазива*. — *Ету крыло*. — *Сваю хозяйству*. — *Ета мужская имя*. — *В гори большой*. — *Пуза афацёрская*. — *Фкусная ничения*. — *Нихарошая яйцо*. — *Плахая жызня была*. — *Грусь вазили бальшую* (грусъ — ‘груз, поклажа’). — *Масла ценная*. — *Матушка — красная солнушка*. — *Ровная места*.

Необходимо отметить, что подобные случаи сочетаемости существительного с ударной флексией -о- и прилагательного в форме ж. р. отмечены еще в древнерусском языке. Так, в «Слове о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» (написано Епифанием Премудрым до 1394 г.) в тексте плача вдовы князя Евдокии находим подобное употребление лексемы *звездо*: «Солнце мое, — рано заходиши, мѣсяц мой светлый, — скоро погибаети, *звѣздо восточная*, — почто к западу грядеши?»³²³

В единичных случаях встречаются случаи согласования названных существительных говора, обладающих неоднозначным грамматическим родом, с определениями ср. р.: *на реткая сита сеим* (и существительное, и прилагательное имеют форму в. п. ср. р.).

³²³ Памятники литературы Древней Руси: М., 1981. Т. 4. С. 218.

Особо необходимо отметить употребление лексем м. р., например: а) *розмир* ‘нарушение мира, война’ (*Сивастопальская розмир была*), б) *чистый двор* ‘часть усадьбы, отгороженная от хозяйственных построек’ (*А ета щистый двор, там у нас беседка, там святы были, очинь ета была щистый двор, отгарожена было, камышом обгораживали, загораживали ровна, ровна*), в) *закон* (*Такая закон был*) с синтагматическими показателями ж. р. (определениями ж. р. и в первых двух примерах с глаголом пр. вр. ж. р.). Кроме того, встречаются примеры, когда существительное м. р. имеет в дальнейшем контексте соотносительное местоимение ж. р.: *пънагатим навозу, ана прейть*.

Данные факты показывают, что в грамматической категории рода говора происходили общие процессы, затрагивающие всю систему, а не только сегмент «средний род — женский род».

Вторая группа — это существительные, **предложно-падежные формы** которых являются **вариативными**, так как их показателя могут относить данные имена то к ср. р., то к ж. р. Необходимо указать, что в начальной форме (форме и. п.) существительные данной группы могут иметь: а) безударную флексию, что в условиях акающего южнорусского говора не позволяет считать окончание и. п. ед. ч. ясным грамматическим родовым маркером, например существительные *кистила*, *оградища*, *пойла*; б) имена с ударным окончанием **-о** в форме и. п., например слова *звёздо*, *жерело*, *ружжо*, *сукно*. В записанных текстах говора казаков-некрасовцев имеем варианты падежных форм указанных имен, соответствующих то ж. р., то ср. р.

Падежные формы, соответствующие ж. р.

— *на то место другую яшику становять* (в. п. ед. ч. ж. р.). — *шыринашья с кистилаго* (тв. п. ед. ч. ж. р.). — *пастроили ваградишишу* (в. п. ед. ч. ж. р.). — *пойлу пили* (в. п. ед. ч. ж. р.). — *две звёзды, чатыри звёзды* (р. п. ед. ч. ж. р.). — *звёзды* (и. п. мн. ч. ж. р.). — *бес сали* (р. п. ед. ч. ж. р.). — *мясу купил* (в. п. ед. ч. ж. р.). — *ружжой ахотился* (тв. п. ед. ч. ж. р.). — *покрыта сукною* (тв. п. ед. ч. ж. р.). — *злату забрали* (в. п. ед. ч. ж. р.). — *ф клишишу* (в. п. ед. ч. ж. р.). — *сеим ситай* (тв. п. ед. ч. ж. р.). — *насажывають дериву* (в. п. ед. ч. ж. р.). — *смажытя маслай* (тв. п. ед. ч. ж. р.). — *в маслу* (в. п. ед. ч. ж. р.) *макаши*. — *руками збивали маслу* (в. п. ед. ч. ж. р.) — *никакой нет маслы* (р. п. ед. ч. ж. р.). — *в воду кидають* (в. п. ед. ч. ж. р.). — *пад ряброй* (тв. п. ед. ч. ж. р.). — *веим и краим ришайтой* (тв. п. ед. ч. ж. р.). — *уха солнушки разнаи* (р. п. ед. ч. ж. р.). — *ставишь на сонцу* (в. п. ед. ч. ж. р.). — *пасодють в бальшую месту* (в. п. ед. ч. ж. р.). — *имеить стаду авец* (в. п. ед. ч. ж. р.), *вытикаить в морю* (в. п. ед. ч. ж. р.). — *постукал в акишку* (в. п. ед. ч. ж. р.). — *скрух стине пълажы* (р. п. ед. ч. ж. р.).

Окончание **-е-** в р. п. ед. ч. (в последнем примере *акрух стине*) квалифицируем как вторичное, возникшее у существительных ж. р. твердого варианта I склонения под влиянием существительных мягкого варианта, как в паремии «У голодной куме все хлеб на уме».

Падежные формы, соответствующие среднему роду

— *с кистилам* (тв. п. ед. ч. ср. р.). — *в аградишища клали* (в. п. ед. ч. ср. р.). — *водали в пойла* (в. п. ед. ч. ср. р.). — *восимь звёздах, многа звёздаф* (р. п. мн. ч.

ср. р./м. р.). — *два звезда* (р. п. ед. ч. ср. р.). — *солям пьсало* (тв. п. ед. ч. ср. р.). — *мяса не хватило* (р. п. ед. ч. ср. р.). — *мяса ищю, а ано здесь* (в. п. ед. ч. ср. р.). — *накинута сукном* (тв. п. ед. ч. ср. р.). — *на стяно прибита* (в. п. ед. ч. ср. р.). — *бють аб вадю* (в. п. ед. ч. ср. р.). — *вон любить солнушка* (в. п. ед. ч. ср. р.). — *у няво места няма* (р. п. ед. ч. ср. р.) — *эта дерив* (и. п. ед. ч. ср. р. / м. р.) — *сел у капна* (р. п. ед. ч. ср. р. / м. р.).

Полагаем, что представленные факты демонстрируют классический случай диффузности семантики грамматического рода в континууме «ж. р. — ср. р.», синкретизма грамматического рода в грамматической семантике неличного имени говорящего казаков-некрасовцев.

Нередко грамматические маркеры согласования и предложно-падежных форм противоречат друг другу: определения с исследуемыми существительными говорящего, а также координация с глаголами пр. вр., репрезентируют ж. р., а формы косвенных падежей данных имен указывают на ср. р. Продемонстрируем подобные факты противоречивости родовой семантики.

— *на целю вярсто* — *на вярсто нада итить* (прилагательное стоит в форме ж. р., а форма в. п. ед. ч. существительного демонстрирует ср. р.);

— *большая скирдо* — *складывают скирдом* (прилагательное стоит в форме ж. р., а форма тв. п. ед. ч. существительного демонстрирует ср. р.);

— *здаём фсякаю старё-марё* (местоимение стоит в форме ж. р., а форма в. п. ед. ч. существительного демонстрирует ср. р.);

— *а эта сито* (предназначена) *на стряпана* — *стряпана была* (форма в. п. ед. ч. существительного демонстрирует ср. р., а форма глагола — ж. р. существительного);

— *на этой стяно рагошка прибита* (местоимение стоит в форме ж. р., а форма п. п. существительного *стеню* демонстрирует ср. р.);

— *разви была горя какая?* — *горя многа видила* (местоимение и глагол прошедшего времени стоят в форме ж. р., а форма р. п. существительного *горе* во втором примере демонстрирует ср. р.);

— *эта кислая мьлако* — *вон хочить мьлака*. — *а лишку мьлака взять, ана губицца, жарка жа* (прилагательное стоит в форме ж. р., а форма р. п. ед. ч. существительного *молоко* демонстрирует ср. р.; формы соотносительного местоимения *она* демонстрирует ж. р.);

— *эта адно и то жа здеишня названия* (прилагательное стоит в форме ж. р., а формы местоимений с ударной флексией: *одно, то* — демонстрируют ср. р.);

— *была сарачиня проса, с няво веники делали* (прилагательное стоит в форме ж. р., а соотносительное указательное местоимение — в форме ср. р.);

— *мать повесить рыбу сушить, и фсё лета мы иё с рисам* — *трянацатая лета была* (местоимение стоит в форме ср. р., а прилагательное и глагол стоят в форме ж. р.);

— *наливали рыбию масла* (прилагательное стоит в форме ж. р., а форма в. п. ед. ч. существительного *масло* демонстрирует ср. р.);

— *гасударства давала зямлю* — *гасударству ни явили* (в первом примере лексема *государство* сочетается с глаголом в форме ж. р., а во втором примере это слово стоит в форме д. п. единственного числа ср. р.);

— *рулявое вясло другая, ано ни упала* (прилагательное и глагол стоят в форме ж. р., а соотносительное указательное местоимение стоит в форме ср. р.).

Что же является показателем родовой принадлежности в исследуемых именах, обладающих неоднозначной родовой принадлежностью: формы согласуемых слов или предложно-падежные формы? В. В. Колесов считает, что в южных говорах (в условиях фонетической редукции и развития аканья) «с XVII в. родовая характеристика существительного сконцентрирована на имени прилагательном», а позже, на третьем этапе, после XVII в., «становятся возможными и изменения в косвенных формах типа *пузай, под пузаю, гумну сожгли*»³²⁴.

В грамматической семантике выявленной нами определенной группы неличных имен говора казаков-некрасовцев мы находим совмещение явлений, которые разграничивает В. В. Колесов: сочетаемость данных существительных в одном том же синхронном срезе является синкретичной: а) с определениями и глаголами пр. вр. преимущественно ж. р., б) с предложно-падежными формами, являющимися маркерами как ср., так и ж. р. Причем это явление относится и к существительным, генетически относящимся к ср. р. (*злато, пойло, море, стряпано, сродство, сито*), так и к существительным, генетически относящимся к ж. р. (*звезда, стена, верста*). Сказать, что родовая характеристика имени существительного в говоре казаков-некрасовцев сосредоточена только на согласуемых и координируемых формах имени прилагательного и глагола, полагаем невозможным: эта характеристика по своей форме (средствам выражения) является диффузной.

Собранный материал и его анализ выявляют картину континуальности семантики грамматического рода неличных существительных прежде всего в рамках ср. р. — ж. р., а также в единичных случаях в рамках м. р. — ж. р., проявления которой дают возможность квалифицировать такой процесс как возникновение нового грамматического рода в грамматической категории рода говора казаков-некрасовцев.

О. К. Сердюкова высказала иную точку зрения: она считает, что в грамматической категории рода имен говора происходят определенные подвижки, но в целом родовая дифференциация сохраняется прежней. В связи с этим она отметила такую грамматическую особенность имен говора: «...частичное разложение класса существительных *среднего рода* и переход их в женский род. Определения согласуются с этими существительными только в женском роде: *пустая ведро, густая мьлако, вся хозяйства*»³²⁵. В качестве сопутствующего исследовательница отмечает следующий процесс:

Многие существительные *ж. р.* оформляются в Им.-Вин. п. по среднему роду — флексией *о*, оставаясь при этом существительными женского рода: *васкавая свичо, высокую капно* и др. Возникают ряды альтернативных форм Им.-Вин. падежа внутри

³²⁴ Колесов В. В. История русского языка. М.; СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 303.

³²⁵ Сердюкова О. К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Введение. Ростов-на-Дону, 2005. С. 17.

класса существительных женского рода: с безударной флексией *-а* и с флексией *-о* под ударением³²⁶.

Системный анализ собранного материала показывает, что в группе неличных имен существительных говора казаков-некрасовцев имеется «напряженная точка» — это оппозиция «ср. р. — ж. р.». Полагаем, что в целом можно говорить о существовании нового грамматического рода в говоре казаков-некрасовцев, который мы условно назвали «немужской род», имеющего свою парадигму синкретичного характера (сочетание падежных форм то по ж. р., то по ср. р.) и свою синтагматику (по ж. р.).

Изменение родовой принадлежности неличных имен, по данным диалектологов, характерны для многих северных и южных русских говоров: «в одних говорах наблюдается сужение класса имен существительных среднего рода за счет расширения класса женского рода, а в других за счет мужского или обоих классов, мужского и женского»³²⁷. Т. Б. Юмсунова, исследовательница языка семейских — старообрядцев Забайкалья, пишет: «Существительные, относящиеся в литературном языке к среднему роду, в исследуемых говорах могут переходить в мужской род»³²⁸. Поэтому процессы вариативности, смены рода, диффузности рода в говоре казаков-некрасовцев, скорее всего, являются частной реализацией общих тенденций общенационального русского языка, происходящих в сегменте «грамматический род существительных». В то же время в говоре казаков-некрасовцев эти общерусские процессы более значительны, чем в других русских говорах в силу полного отсутствия ориентации на книжную норму, что привело, на наш взгляд, к формированию «немужского рода».

Кроме того, полагаем, что одним из факторов формирования этого нового грамматического рода в говоре казаков-некрасовцев могли стать межъязыковые контакты: влияние турецкого языка, на котором свободно изъяснялись казаки, могло привести к возникновению элементов пиджинизации в говоре.

4. СИСТЕМА СКЛОНЕНИЙ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

4.1. Типы склонений существительных в ед. ч.

Изучение парадигматики падежных форм имени существительного говора в единственном числе выявило как черты сходства, так и различия в ней в сопоставлении с системой склонения современного русского литературного языка как высшей формы общенац. яз., в которой запечатлены результаты процесса унификации типов склонения русских имен существительных. Кроме того, такое сопоставление обусловлено и островным характером говора.

³²⁶ Сердюкова О. К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Введение. Ростов-на-Дону, 2005. С. 17.

³²⁷ Русская диалектология. М.: Academia, 2005. С. 116. Автор раздела Л. Н. Булатова.

³²⁸ Юмсунова Т. Б. Язык семейских — старообрядцев Забайкалья. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 84.

Склонение существительных ж. р. на -а

В и. п. данные существительные оканчиваются на -а, -я (*Дунька, сула* ‘судак’). Необходимо отметить специфическую фонетическую особенность говора, которая проявляется в ряде падежей, в том числе и в и. п. существительных ж. р. на -а, -я — это выпадение звука -j- перед окончанием, что не характерно для современного литературного языка (*кутья, свинья матеря, семья, ревунья* в общенац. яз. и *кутя, свиня, матеря, семья, рявуня* в говоре).

В парадигме склонения существительных ж. р. ед. ч. мы наблюдаем в говоре сосуществование элементов старого и нового качества.

Форма родительного падежа единственного числа

Существительные ж. р. на -а в говоре имеют в форме р. п. ед. ч., как и в литературном языке, преимущественно безударные или ударные окончания -и, -ы. Данные флексии встречаются в разных морфологических условиях:

а) предлог *из, с, для, без, у, от* + существительное в форме р. п.:

Из абузы (абуза ‘растение, напоминающее камыш’). — *Из мельницы*. — *Катыры из мяшины* (мешина ‘кожа как материал’). — *Плоха без худабини* (худобина ‘животное, скотина’). — *Для шарбы* (шарба ‘уха’) — *Ад зямли падняли*. — *Паплафки с пропки*. — *С абузины делали*. — *Из матери ушытая*; — *Ана у манашки, у Матрѣни*.

б) в различных беспредложных словосочетаниях зависимого существительного в форме р. п.:

Шкорки нету. — *Няма шкарлухи*. — *Па рюмачки вотачки*. — *И камышынины ва двару нет*.

В некоторых лексемах ж. р. твердого варианта склонения на -а существует вариативность твердости/мягкости конечного согласного основы в парадигме склонения, которая влечет за собой замену флексии твердого варианта -ы на флексию -и мягкого варианта. Проявляется эта вариативность в том, что в и. п., в целом ряде косвенных падежей определенные существительные имеют твердый согласный на конце основы, однако в р. п. эти же лексемы имеют конечный мягкий согласный основы и соответственно окончание -и. Например, такова парадигма склонения слов говора *древа, скотина, рыба, невеста, суббота, худоба, верба, рыба*. Приведем примеры:

У рыбини. — *У скатини*. — *Из древи* (древа ж. р. ‘дерево’) *зделана*. — *Палову для худоби*. — *Ярмо из верби*. — *Пять тон рыби*. — *Филименка* (‘хлопчатобумажная пряжа’) *была из вати*. — *У краснай рыби*. — *У ступи* (ступа ‘колесная ступица’) *кляся*. — *До субботи*. — *У нивести*. — *Масла из маслини*.

Данные факты мы объясняем влиянием существительных мягкого варианта этого склонения типа *земля* на существительные твердого варианта (*из верби* как *из земли*). Если в древнерусский период взаимодействие твердого и мягкого вариантов осуществлялось прежде всего в рамках флексий, то в говоре некрасовцев мы видим влияние твердого и мягкого вариантов прежде всего в рамках основ. Для современного литературного языка названное влияние не характерно.

Иногда в форме р. п. ед. ч. встречается ударное окончание *-е*. В нашем материале такое окончание характерно для существительных ж. р. на *-а* с основой на твердый согласный (в том числе и на заднеязычный согласный), находящихся в словосочетании с предлогами литературного языка *у, без*, с предлогом говора *сиреди*:

Аксень у суле (сула 'судак'). — *Ани биз ваде* ни гадны. — *Нашол у бабе*. — *Сиреди ваде*. — *Ис кузе* (куга 'озерное растение, тростник') *симяри* делали.

Л. Н. Булатова, описывая флексии р. п. в южных говорах, предположила, что существуют два типичных

распределения *-и(-ы)* и *-е* в зависимости от синтаксических условий:

1) в сочетании существительного с предлогом *у* — окончание *-е*, а в остальных конструкциях окончание *-и (-ы)*: *у жене, у сестре*, но *без жены*, от *сестры*, нет *жены*, три *сестры* и т. д.;

2) в сочетании с любыми предлогами *-е*, а без предлогов *-и(-ы)*: *у сестре, из воде*, до *еде* и т. п., но нет *сестры*, ведро *воды* и т. п.³²⁹.

Наш материал не подтверждает данное распределение флексий, так как в нем:

1) с предлогом *у* встречаются оба окончания (*у ступи, у рыбы — у суле, у ваде*);

2) обе флексии употребляются с разными предлогами: а) окончание *-и* с предлогами *из/с, для, без, у, от*; б) окончание *-е* с предлогами *у, без, сиреди*.

Исторически данное явление характерно для древнерусского языка и является результатом одного из частных процессов, входящих в унификацию типов склонения имен существительных в единственном числе, а именно результатом влияния мягкого варианта склонения существительных с основой на *-ja-* на твердый вариант с основой на *-а-*, в результате которого лексемы, относящиеся к твердому варианту, приобрели окончание мягкого варианта. В доунификационный период существительные с основой на *-а-*, *-ja-* в некоторых падежах, в том числе и в р. п., отличались по своим окончаниям: в твердом варианте — нет *воды*, в мягком варианте — нет *землѣ*. В современном общенациональном русском языке названный частный послеунификационный процесс в конечных результатах унификации склонения существительных не сохранился.

В речи некрасовцев мы определяем описанные формы в силу их эпизодичности как реликты, «осколки» морфологических аналогических процессов, происходивших в древнерусском языке.

У писателей XIX в. мы также встречаем реликты этого явления: *Я должен у вдове, у докторше крестить*³³⁰, *Как у Вандиковой мадонне*³³¹.

³²⁹ Русская диалектология. М., 2005. С. 119.

³³⁰ Грибоедов А. Горе от ума. Действие II, явление 1 (музейный автограф). Цит. по: Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка. М.: Гос. учеб.-педагогич. изд-во Министрства просвещения РСФСР, 1954. С. 183.

³³¹ Пушкин А. Евгений Онегин, Гл. III. строфа 5.9. По изданию 1827 г. Цит. по: Словарю языка Пушкина. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей. 1956. Т. 1. С. 213.

Форма дательного падежа единственного числа

Существительные женского рода на *-а* в говоре имеют в форме д. п. ед. ч. безударное окончание *-и(-ы)* или ударное *-е*. Данная флексия встречается в разных морфологических условиях:

а) предлог *к*, *по* + существительное в форме д. п.:

Паиол к речки. — Па кружычки дають. — К этой гялянишы (голенища ‘нижняя часть штанов, штанина’) киндяк пришытай. — Г дирефки (деревка ‘мачта в рыбацкой лодке’) приделали макару. — Ходють на стольной дароги. — Макара (макара ‘приспособление для подъема паруса’) приделывацца к мачти. — Ништо ни к душе;

б) в различных беспредложных словосочетаниях зависимого существительного в форме д. п.:

Абнисуць фсей биседи (беседа ‘общество, компания’). — Измянила чёрнай клядьби. — Захатела сваей душе сделать.

Безударное окончание *-и* в форме д. п. ед. ч. существительных говора, очевидно, является проявлением специфичного вокализма в открытых заударных слогах, характерного для всех акающих южнорусских говоров³³².

Форма винительного падежа единственного числа

Существительные ж. р. на *-а* говора имеют в форме в. п. ед. ч., как и в литературном языке, безударное и ударное окончание *-у(-ю)*. Данная флексия встречается в разных морфологических условиях:

а) предлог *в*, *на*, *об*, *по* + существительное в форме в. п.:

Ф печку. — Ф чаику. — Рыба идёть на быстро (быстра ‘быстрое течение посередине реки’). — Нада итить на воду. — На нём вилюшачки на шую. — Чиканину привязывали на вудочку. — На вясну вада уходить. — На птицу паеду;

б) в различных беспредложных словосочетаниях зависимого существительного в форме в. п.:

Бинзинку дастать. — Вада акружаить бугрину (бугрина ‘холм’). — Бузу някли. — Муку збалтаим. — Стал фсяю веру (вера ‘национальность’) брать. — Косу продають. — Шыриночку носить на гялаве. — Зделаим себе сижю (сижа ‘укрытие для засады при охоте’). — Даем кутю. — Надела кухайкю (кухайка ‘женское густо стеганое пальто из легкого материала черного цвета’). — Батюшка тибя накажить, дасть питиню несть (питиня ‘церковное наказание, епитимья’).

Как видим, здесь тоже имеет место выпадение звука *-j-* перед окончанием (*кутью* в литературном языке и *кутю* в говоре), что не характерно для современного литературного языка.

Кроме того, в основах на заднеязычный звук в в. п. нередко имеем замену твердого согласного на мягкий: *кухайкю надеть, купить раку* (рака ‘водка’), что не характерно для современного литературного языка. В результате чего смешан-

³³² Кузнецов П. С. Русская диалектология. М.: Учпедгиз, 1954. С. 55.

ный характер склонения существительных на заднеязычный звук в говоре усиливается в сопоставлении с литературным языком.

Форма творительного падежа единственного числа

Существительные ж. р. на *-а* в говоре имеют в форме тв. п. ед. ч. безударное окончание *-ай*, *-аю* (в большинстве случаев) или ударное окончание *-ой*. Данная флексия встречается в разных морфологических условиях:

а) предлог *с/з, под* + существительное в форме тв. п.:

Гром с мъланѣй приедуть. — Такой рименъ с кнутавилкай. — 3 зимлѣй. — Насека — палка з галавой. — Парус с касицай (косица ‘часть парусного устройства в рыбачьей лодке’). — *Кухаѣнашка с апушкай. — Клиѣнка* (клеенка ‘клеякое вещество внутри организма рыб’) *ф шуки пат спинай*;

б) в различных беспредложных словосочетаниях зависимого существительного в форме тв. п.:

Поють ракой (рака ‘водка’). — *Идутъ вязанкай* (вязанка ‘шествие молодежи парами вокруг села во время свадьбы или на масленицу’). — *Гладилай* (гладила ‘столлярный инструмент’) *вон доски чистить. — Сом кожай* покрыт. — *Правай рукой* косять. — *Тут скатинай* ни владають. — *Бабы прядуть виритѣнкай. — Пакрасила* красной *буяй* (буя ‘краска’). — *И краснилаю и синилаю* яйцы красим. — *Клятушка лядсай* (ляса ‘изгородь из камыша внутри двора’) *агарожына. — И стаить галаплешкай.*

Необходимо отметить утрату конечного звука *-j*- основы существительных на *-ия* в творительном падеже (*с мъланѣй*). Возможно, это явление носит не фонетический, а морфологический характер, что подтверждается и тем, что начальная форма данной лексемы в говоре является вариативной: *молонья* и *молоня*. В этом случае перед нами живой процесс дальнейшей унификации склонения существительных в сегменте лексем ж. р.: существительное *молния* испытывает воздействие слов типа *земля*.

Форма предложного падежа единственного числа

Существительные говора имеют в форме п. п. ед. ч. безударное окончание *-и*, ударное окончание *-е*.

Данные флексии встречаются в словосочетаниях с предлогами *в, на, при*:

Круглая ф сирѣтки. — На стройки. — В двухкатки жывѣть. — *В нурьки* (нурька ‘норка’). — *На апари теста* или *на нақваски. — Сеили на грядины. — Были в ваде. — Сидить в жыгри* (жигри ‘колючий кустарник’), *ф калючки. — На ламби. — Ф комна-ти. — При луне. — В глыбе* (глыба ‘глыб’). — *На наге, на руке. — Вада ф Куми.*

Ударное окончание *-е* в говоре характерно для существительных твердого (*в воде*), смешанного (*на ноге*) и мягкого (*в земле*) варианта склонения. В существительных говора, относящихся к мягкому варианту склонения, так же как и в литературном языке, данное окончание является послеунификационным, результатом влияния твердого варианта склонения существительных с основой на *-а-* на мягкий вариант с основой на *-ја-*, одинаковым с аналогичным послеунификационным окончанием в данном падеже в литературном языке.

Безударное окончание *-и*, очевидно, является проявлением специфичного вокализма в открытых заударных слогах, характерного для всех акающих южнорусских говоров.

Влияние склонения существительных среднего рода на *-о* (исторически с основой на *-о, -jo*) на склонение существительных женского рода на *-а* (исторически с основой на *-а, -ja*)

Ряд неодушевленных существительных говора, этимологически относившихся к женскому роду, имеют **новые** падежные формы существительных среднего (или мужского) рода, исторически — с основой на *-о, -jo*. В нашем материале подобное влияние обнаруживается в формах р. п., в. п., п. п.

1) **Форма родительного падежа единственного числа с флексией *-а*** (по ср. р.):

а) *забор из абуза* (абуза ‘растение, напоминающее камыш’) (на месте формы *из абузы*); необходимо отметить, что в то же время существует и форма р. п. существительного *абуза* в соответствии с формой склонения на *-а*: *Из абузы пляли*);

б) *у няво ням нуря* (на месте формы *нет норы*).

2) **Форма винительного падежа единственного числа с флексией *-о*** (по ср. р.):

а) *люди дрючками бьют аб вадо* (на месте формы *об воду*);

б) *на целаю вярсто* (на месте формы *на версту*);

в) *пиришол за ету черто* (на месте формы *за черту*).

3) **Форма творительного падежа единственного числа с флексией *-ом*** (по ср. р.):

Къчаргём вынимали (на месте формы *кочергой*).

4) **Форма предложного падежа с флексией *-о* ударное** (по ср. р.):

В нурё харонюцца (на месте формы *в норе*).

Некоторые из подобных существительных сохранили в говоре форму и. п. на *-а*: *вода, абуза*, другие имеют новое окончание *-о* в форме и. п. (*нурё, версто, черто, кочергё*).

В целом мы наблюдаем в парадигме склонения **существительных ж. р. говора с флексией *-а*** различные явления:

1) элементы, специфика которых обусловлена особой редукцией в открытых заударных слогах: флексии д. п. (*на дароги*), п. п. (*ф комнати*);

2) реликты морфологических процессов, происходивших в древнерусском языке: флексия мягкого варианта склонения у существительных твердого склонения в р. п. (*у бабе*);

3) элементы, демонстрирующие специфические результаты живого процесса дальнейшей унификации склонения существительных в сегменте лексем ж. р. на *-ия*: изменение форм слов типа *молния* под влиянием слов типа *земля*, сопровождающееся утратой конечного звука *-j-* основы существительных на *-ия* в и. п. и тв. п. (*мъланя, с мъланѣй*);

4) элементы, демонстрирующие специфические результаты дальнейшего взаимодействия твердого и мягкого вариантов склонения в рамках продолжающейся унификации склонения существительных: мягкий конечный согласный основы р. п. и соответственно флексия *-и* у существительных твердого склонения (*у ска-тини, у художу*);

5) элементы, демонстрирующие специфические результаты дальнейшего взаимодействия склонений в рамках продолжающейся унификации склонения существительных: влияние склонения с основой на *-о, -jo* в формах р. п., в. п., п. п. на склонение с основой на *-а, -ja* (*нет нуря, за чирто, кьчаргём*);

6) специфическую мягкость заднеязычного согласного основы: *Манька, Дунь-ка, пить раку*.

Склонение существительных мужского рода на нулевую флексию *Форма родительного падежа единственного числа*

Существительные мужского рода на нулевую флексию в говоре имеют в форме р. п. ед. ч., как и в литературном языке, безударные или ударные окончания *-а, -у*. Данные флексии встречаются в разных морфологических условиях:

а) предлог *до, с, из, у, без* + существительное в форме р. п.:

Пашол да разменьщика. — Работам да сумерку (сумерк ‘сумерки’). — *Дашла да копаня* (копань ‘колодец’). — *И пабех да царя. — Неват был з бамбака* (бамбак ‘хлопчатобумажная или шелковая пряжа, употребляемая для вязки сетей’). — *Са фсякава света* (свет ‘цветок’) *мёт сабирають. — Вышли из лясц. — У атамана насека. — У дуба тарла* (тарла ‘обрабатываемый земельный поле, огород’) *наша. — У сьрахвану* (сарафан ‘теплый стеганный женский кафтан’) *вата. — Мы ездим бис цепу* (цеп ‘ручное приспособление для молотыбы’). — *Сидим у ляду* (у льда);

б) в различных беспредложных словосочетаниях зависимого существительного в форме р. п.:

У ней два кьсяка. — Кулана (кулан ‘нарядный широкий женский пояс’) *няма. — Ни видали такова пабоя* (побой ‘побоище, битва’). — *Няма апатиту*.

Если в литературном языке окончание *-у* в р. п. существительных м. р. является характерным для узкой группы слов: а) для обозначения части некоторого вещества (*кусок сахару*), б) у немногих лексем в сочетании с ударным предлогом (*из лесу, из даму*), — то в говоре некрасовцев это окончание фигурирует и в ряде других случаев, не составляющих определенных структурных или семантических групп (*у сьрахвану, бис цепу, да сумерку, няма дожжу, апатиту*). Исторически названное окончание является реликтом флексии р. п. существительных м. р. с основой на *-и*- краткое типа *сын*, которая была унаследована склонением с основой на *-о*-. В говоре некрасовцев мы видим расширение зоны применения флексии *-у*, взятой из склонения с основой типа *сын*.

Форма дательного падежа единственного числа

Существительные м. р. на нулевую флексию в говоре имеют в форме д. п. ед. ч. безударное окончание *-у(-ю)*, как и в литературном языке. Данная флексия встречается в разных морфологических условиях:

- а) предлог *к*, *по* + существительное в форме д. п.:

Пашла Яга-баба к кавалю. — Пайдём к сваму йизыку. — Г дожжычку кричить. — Па морозу ходють. — Хадил видьметь на лесу. — Тёйшу г жыниху привяли. — Расцвятають пь стяпу, пь хлябу.

- б) в различных беспредложных словосочетаниях зависимого существительного в форме д. п.:

Абувачку шыть чабатарю. — Заказывають асавулу (асакул 'помощник атамана') скликать крух. — Надела сыну на голову.

Полагаем, что ударное окончание -у в форме д. п. ед. ч. лексемы *степ* говора является результатом явления диффузности граммем ж. р./м. р. в семантике ряда имен говора (восходящих к ж. р.). В данном случае существительное *степь* (в говоре *стен*), исторически являющееся словом ж. р., имеет флексию м. р. с основой на -о-. Вероятно, этому способствовало характерное для говора твердое произношение конечного губного согласного звука [п]. В БАС лексема *степь* зафиксирована как слово ж. р. Впервые она отмечена в Лексиконе 1704 г. также в форме *степь*. В БАС отмечается и областная форма д. п. *по степу* и п. п. *в степу* от *стен* мужского рода³³³. В Сл. Даля зафиксированы две лексемы: общерусское *степь* и южное *стен*: «*Степь ж. степ м. южн. вост. безлесная, и нередко безводная пустошь на огромном расстоянии, пустыня*»³³⁴. В СРНГ зафиксирована лексема *стен* м. р.: «*Степ, м. 1. Степь. Поехали раз на степ все, сено косить. Он в степу был, кошару крыл. Там и умер на работе. рост., дон. Она на степу. ставроп., южн.*»³³⁵

Форма винительного падежа единственного числа

Существительные м. р. на нулевую флексию в говоре имеют в форме в. п. ед. ч., как и в литературном языке, окончание -а(-я) или нулевое окончание соответственно в одушевленных и неодушевленных существительных. Данная флексия встречается в разных морфологических условиях:

- а) предлог *в*, *на* + существительное в форме в. п.:

Рыбу кладём ф капак (капак 'кастрюля с крышкой'). — Рыба идёт на миляк (меляк 'мель'). — Сунула ф паткоп (поткоп 'погреб');

- б) в различных беспредложных словосочетаниях зависимого существительного в форме в. п.:

Слышит гутар. — Копань (копань 'колодец') капать. — Кабана купили. — Щучёнака паймали.

В единичном случае в нашем материале в винительном падеже единственного числа встречается флексия -у.: *Ценю цапляють за ярмо* (лексема м. р. *цеп* 'ручное

³³³ Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. М.; Л.: Наука, 1948—1965 (БАС). Т. 14. С. 851.

³³⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 4. С. 529.

³³⁵ Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965—2014. Вып. 41. С. 144.

приспособление для молотьбы'), это слово м. р. впервые отмечено в Лексиконе Вейсмана 1731 г.³³⁶ Очевидно, что в данном случае влияние оказала форма в. п. существительного ж. р. типа *земля*, что в целом обусловлено характерной для говора диффузией граммем грамматического рода.

Форма творительного падежа единственного числа мужского рода

Существительные м. р. на нулевую флексию в говоре имеют в форме тв. п. ед. ч. безударное окончание *-ам* или ударное окончание *-ом*, как и в литературном языке, редко безударное окончание *-ым*, не свойственное литературному языку. Данные флексии встречаются в разных морфологических условиях:

а) предлог *с*, *под* + существительное в форме тв. п.:

С матиряком (материк 'матерная брань') *сругалися ани*. — *Сыграть с припрядам* (припряд 'припляс'). — *Вареники с сырам*. — *Снех с ветрым*. — *С агнём*. — *Пляцинда с сырам, с кабаком*. — *У няво пад ратом два усика*;

б) в различных беспредложных словосочетаниях зависимого существительного в форме тв. п.

Он канём ходить, хвастаить. — *Блакам* (блак 'вид смолы или дегтя') *блакують винтяря*. — *Аделланы витым гайтанам* (гайтан 'тесьма, которой отделивают рубахи и балахоны'). — *Куфликам нём*. — *Воду выцёрпывали тикущём* (текуч 'деревянный ковш для вычерпывания воды из лодки'). — *Хлибаробам был*. — *Вязирым смазаная*. — *Смятали дряпким веникам*. — *Какурку с чайкём яндали*.

Форма предложного падежа единственного числа мужского рода

Существительные м. р. на нулевую флексию в говоре имеют в форме п. п. ед. ч. преимущественно безударное или ударное окончание *-у*, а также безударное окончание *-и*, реже ударное окончание *-е*. В литературном языке преобладает безударное или ударное окончание *-е*, присутствует ударное окончание *-у*.

Данные флексии встречается в словосочетаниях с разными предлогами: *в*, *по*, *на*.

На саму няма шкарлухи. — *В маем даму*. — *В лясу*. — *На ашейнику рубахи*. — *Мука стаить ф карсу* (карс 'мельничный ковш'). — *В меднику* (медник 'чугунок, чугунный горшок с узким дном') *кашу ворим*. — *Гатовиш ф щинаку* (чинак 'большая глиняная миска'. — *На щефлику* (чефлик 'верхняя часть женской рубахи, лиф') *ашейник пастрочиной*. — *Жарёхи стаять на пату* (под 'дно русской печи'). — *На вяку* *много было*. — *Ва сну* *умярла*. — *На хвасту*. — *Ни видать хутара в дыму*. — *У двару* *было нарина*. — *На промыжычки* (промежек 'промежуток') *лист с рагачом*. — *Жыли на фтарым кати* (кат 'этаж'). — *Дилиница в доми*. — *На магазини брали*. — *Ф Стамбули*. — *В ящiku*. — *Ва дне* (от слова *день*). — *Касица на хвасте*. — *Начявали ф стипе* (степ м. р. 'степь'). *Мьлатили хлеп на стипе*. — *Ф пасту* *иная игра*. — *В батисту* *была*. — *Ф плятню* *пириласка*. — *Нашыта на рукаву*. — *Никробы жывут*

³³⁶ По данным Словаря современного русского литературного языка. Т. 1—17. М.; Л.: Наука, 1948—1965 (БАС). Т. 17. С. 647 (статья *цеп*).

ф чилавеку. — На ишаку. — У чистика жылеза на канцу. — На потики (под, потик ‘нижняя поверхность внутри русской печки’) *пякли.*

Уместно отметить случаи употребление предлога *на* в значении ‘внутри’, которое характерно в литературном языке и в большинстве словосочетаний говора для предлога *в* для выражения названного пространственного значения: *на промыжычки был, на магазини брали, на потики пякли.*

Хотя состав окончаний в п. п. существительных м. р. говора почти полностью совпадает с аналогичным составом в литературном языке (исключение составляет безударная флексия *-и*, наличие которой обусловлено спецификой безударного вокализма в открытых заударных слогах в южных говорах), в говоре некрасовцев мы наблюдаем значительное расширение употребления послеунификационной флексии *-у*. Исторически окончание *-у* является реликтом флексии п. п. существительных м. р. с основой на *-и*- краткое типа *сын*, унаследованным склонением с основой на *-о*-.

В литературном языке данная флексия характерна для неодушевленных имен, имеющих односложную основу, для выражения пространственных отношений. В говоре некрасовцев мы видим расширение зоны применения флексии *-у*, взятой из склонения с основой типа *сын*. В говоре флексия *-у* характерна не только для неодушевленных имен, имеющих односложную основу и выражающих пространственные отношения, но и для неодушевленных имен, имеющих неодносложную основу: *ошейник, медник, чинак, чефлик, ящик, плетень, рукав, конец, человек, ишаки, батист*. Кроме того, есть случаи, когда лексема в предложном падеже с флексией *-у* выражает непространственное значение: а) *во сну, ф пасту* — временное значение; б) *Зарыли иё в батисту* — значение указания на предмет, который выступает в качестве объекта, на который направлено действие, в данном случае указание на то, что находится на ком-либо во время действия³³⁷.

В целом мы наблюдаем в парадигме **склонения существительных мужского рода говора** различные явления:

1) элементы, специфика которых обусловлена особой редукцией в заударных слогах: флексии п. п. (*в доми, на магазини*);

2) элементы, демонстрирующие специфические результаты взаимодействия склонения типа *стол* и склонения типа *сын*, выражающиеся в расширении состава существительных, имеющих послеунификационную флексию *-у*: п. п. (*да сумерку, у срахвану*) и п. п. (*в меднику, ва сну, ф чилавеку*);

3) элементы, демонстрирующие специфические результаты диффузии внутри грамматического рода, в нашем материале внутри оппозиции м. р. — ж. р.: флексия *-у* в в. п. существительного м. р., например, лексема *цеп* («ручное приспособление для молотыбы») под влиянием аналогичного падежа существительных ж. р. типа *земля* (*Цетю цапляють*).

³³⁷ Объяснительный словарь русского языка. М.: Астрель АСТ, 2002. С. 43—44.

Склонение существительных женского рода с нулевым окончанием

В и. п. данные существительные имеют нулевое окончание и, как правило, мягкий согласный основы. В редких случаях конечный согласный основы был твердым: **цеп** — ж. р. ‘ряд металлических замкнутых звеньев, продетых одно в другое’ (впервые зафиксировано в Словаре Срезневского, далее в Лексиконе Нордстета 1782 г.³³⁸).

Особо необходимо отметить случаи, когда форма и. п. названных существительных имеет флексию *-а*, как и существительные склонения типа *вода*: **Жизня** была ниплахая. — *Эта такая нитя*. — **Балезня** такая. Влияние склонения типа *вода* на формы имен говора ж. р. с исконным нулевым окончанием в и. п. наличествует и в других падежах данных существительных: в в. п. и п. п. (см. об этом далее).

Форма родительного падежа единственного числа

Существительные ж. р. с нулевым окончанием в говоре имеют в форме р. п. ед. ч. безударное окончание *-и*, как и в современном литературном языке. Данная флексия в говоре встречается в разных морфологических условиях:

а) предлог *с, из, кругом* + существительное в форме р. п.:

Паши с совисти (поест с совести ‘поест вдоволь’). — *Ана рвёцца с цепи*. — *Пярины* (перина ‘одеяла’) *ис шерсти* пашытаи. — *И абводицца кругом лошади*. — *У печи вусть, чтоп хлеб сажать*;

б) в различных беспредложных словосочетаниях зависимого существительного в форме р. п.:

Няма двери ф чулани. — *На спину лошади кладуть*.

Форма дательного падежа единственного числа

Существительные ж. р. с нулевым окончанием в говоре имеют в форме д. п. ед. ч. безударное окончание *-и(-ы)*, как и в современном литературном языке. Данная флексия в говоре встречается в разных морфологических условиях:

а) предлог *по, к* + существительное в форме д. п.:

Па зми (земь — существительное ж. р. ‘земля, поверхность земли, почва’) *ва-лакёцца*. — *Арыш присаидиняцца к арбяной оси*;

б) в различных беспредложных словосочетаниях зависимого существительного в форме д. п.:

Для тваей нутри (нутрь ‘душа’). — *Привязали лошади за хвост, пужнули*.

Форма винительного падежа единственного числа

Существительные ж. р. с нулевым окончанием в говоре имеют в форме в. п. ед. ч. нулевое окончание, как и в современном литературном языке. Кроме того, встречается окончание *-у*.

³³⁸ По данным Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. М.; Л.: Наука, 1948—1965 (БАС). Т. 17. С. 660 (статья *цеп*).

Данные флексии в говоре встречается в разных морфологических условиях:

а) предлог *в*, *на* + существительное в форме в. п.

Палажыл вон грамату в зепь (зепь 'съемный карман на пояске'). — *На цеп*, *на лентачку надают*. — *На всякую воващь кладеть меру*;

б) в различных беспредложных словосочетаниях зависимого существительного в форме в. п.:

Нагами мясили земь. — *Шерсь* стялили. — *Ана цеп* прагрызла. — *Иде ана вазьмёт мошь* (мошь 'сила'). — *Засыпал йирмишель*. — *Так жызню сваю правадил*. — *Ани зверю ядять мелкаю*.

В контексте *ядять зверю мелкаю* мы видим факт диффузности и смены рода в рамках грамматической категории рода в говоре некрасовцев. По данным Словаря русского языка XI—XVII вв. (М.: Наука, 1965—2004), лексема *зверь* относилась в общенациональном языке в период проживания некрасовцев в Российской империи к м. р., а в говоре некрасовцев парадигматические и синтагматические характеристики данного существительного говорят о его принадлежности к ж. р.

Кроме того, полагаем, что окончание -у в форме в. п. ед. ч. существительных ж. р. с нулевым окончанием (*жызню*, *зверю*) является результатом влияния существительных с окончанием -а типа *земля*.

Форма творительного падежа единственного числа

Существительные ж. р. с нулевым окончанием в говоре имеют в форме тв. п. ед. ч. преимущественно безударное окончание -у, не характерное для литературного языка, или редкое окончание -ју, свойственное аналогичным формам литературного языка. Данные флексии в говоре встречается в разных морфологических условиях:

а) предлог *с* + существительное в форме тв. п.:

С новым годом, с новой частью (часть 'счастье');

б) в различных беспредложных словосочетаниях зависимого существительного в форме тв. п.:

Харашо усыпали салю. — *Ночю* придуть. — *Да хваста шерстю адет*. — *Ночю* лятають. — *Акошки белю* зятаюлися (бель 'морозный иней, рисунок на стеклах'). — *Артелю* ездють. — *Судавая с салю* ила.

В подавляющем большинстве форм тв. п. ед. ч. говора звук -j- из флексии исчезает, что характерно и для других форм существительных говора (*ночью*) и связано в целом с особенностями фонетической и морфологической системы говора.

В единичных случаях нам встретилась форма тв. п. ед. ч. с флексией -ам:

Герань разная была: и синяя, и красная, и белая, прямо кистём цвела (нач. форма *кисть*). — *Наяндыривал и пьдавился кастём* (нач. форма *кость*).

Полагаем, что данный факт свидетельствует о влиянии формы аналогичного падежа -jo основ типа *поле*. Уместно отметить, что слово *кость* в говоре в и. п. может иметь ударную флексию -о- (лексема *костё*).

Форма предложного падежа единственного числа

Существительные ж. р. с нулевым окончанием в говоре имеют в форме п. п. ед. ч. безударное окончание *-и* или ударное окончание *-е*. В современном общенациональном языке в данной форме встречается только флексия *-и*.

Названные флексии говора встречается в следующих морфологических условиях:

предлог *в, на* + существительное в форме п. п.:

Ф *сваей жызни*. — **На** *напичи* (напечь 'та часть русской печки, на которой лежат') *греюцца*. — **Паши** *в наче*.

Полагаем, что ударная флексия *-е* является результатом влияния склонения с основой на *-ја* типа *земля* и демонстрирует нам продолжающийся процесс унификации склонений существительного в говоре внутри одного грамматического рода, в данном случае женского: *в наче* как *в земле*.

Влияние склонения с основой на *-ја* типа *земля* на существительные склонения с основой на *-і-* типа *кость* проявляется и в других падежах: и. п., в. п.

В целом мы наблюдаем в парадигме склонения **существительных ж. р. говора с нулевой флексией** различные явления:

1) чрезвычайную устойчивость состава флексий, который был характерен уже для древнерусского языка;

2) утрату начального звука *-ј-* окончания существительных в тв. п. (*адет шерстю*);

3) специфические результаты дальнейшего взаимодействия парадигм существительных **одного и того же грамматического рода (женского)** в рамках продолжающейся унификации склонения существительных: а) изменение формы и. п. существительных с основой на *-і-* типа *жизнь* (флексия *-а* — *жызня, балезня, нитя*) под воздействием аналогичного падежа существительных с основой на *-ја* типа *земля*; б) изменение формы в. п. существительных с основой на *-і-* типа *жизнь* (флексия *-у* — *жызню*) под воздействием аналогичного падежа существительных с основой на *-ја* типа *земля*; в) изменение формы п. п. существительных с основой на *-і-* типа *жизнь* (ударная флексия *-е* — *в наче*) под воздействием аналогичного падежа существительных с основой на *-ја* типа *земля*;

4) специфические результаты дальнейшего взаимодействия парадигм существительных **разного грамматического рода** в рамках продолжающейся унификации склонения существительных: возникновение новой формы тв. п. существительных этимологически с основой на *-і-* с ударной флексией *-ом* (*кастём*) под воздействием аналогичного падежа существительных с основой на *-јо* типа *поле/конь*.

Склонение существительных среднего рода на -о ударное, -а безударное**Форма именительного падежа единственного числа**

Существительные говора в форме и. п. ед. ч., как и в литературном языке, имеют ударное окончание *-о* или безударное окончание *-а*, свойственное только говору:

Нёба гарить. — Билё ни гъварили. — Вареня ис слив. — Диряфцо как мачта. — Фсё на ней: и билё, и кушаня на ней.

Форма родительного падежа единственного числа

Существительные говора имеют в форме р. п. ед. ч., как и в литературном языке, безударное или ударное окончание *-а*. Данная флексия в говоре встречается в следующих морфологических условиях:

- а) предлог *из, возле, с, для, от, без* + существительное в форме п. п.:

Ана из дери́ва. — Из ружья́ убили. — С пьлугорья́ спускаисся. — Возли моря́. — Биз варя́, биз пита́ (начальная форма в говоре *варё, питё*); *Зимляныи кушыны для въдапития́*;

- б) в различных беспредложных словосочетаниях зависимого существительного в форме р. п.:

— Пьстраительства́ типерь мно́га.

Форма винительного падежа единственного числа

Существительные говора имеют в форме в. п. ед. ч., как и в литературном языке, ударное окончание *-о*, а также характерное только для говора безударное окончание *-а*. Данные флексии в говоре встречаются в следующих морфологических условиях:

- а) предлог *в, на* + существительное в форме в. п.:

Кинул нь́ пличо́. — Ф субботу́ и васкрисеня́ загавляим;

- б) в различных беспредложных словосочетаниях зависимого существительного в форме в. п.:

На осьь калясо́ надяють. Пирьплывали́ Мрамарская́ моря́. — Хочить мьлака́.

Безударное окончание *-а* в форме и. п. и в. п. ед. ч. существительных говора, очевидно, является проявлением специфичного вокализма в открытых заударных слогах, характерного для всех акающих южнорусских говоров.

Особо следует отметить формы и. и в. падежей ед. ч. лексем *варенье, белье, кушанье, печенье, воскресенье*, оканчивающихся в литературном языке на *-ье* (в говоре *вареня, билё, кушаня, васкрисеня, пиченя* и т. п.), а также форму р. п. ед. ч. лексемы *ружье*, оканчивающуюся в литературном языке на *-ье* (в говоре *ружя́*). В формах названных лексем говора наблюдается утрата конечного звука *-j-* основы и последующий за этим живой процесс дальнейшей унификации склонения существительных на *-ие/-ье* в сегменте лексем ср. р.: *воскресенье* как *море*. Необходимо отметить, что утрата конечного звука *-j-* основы с последующей унификацией склонения существительных в рамках одного грамматического характерна и для форм существительных ж. р. на *-ия*: формы *мьланя, мьланю, мьланёй* (вместо *молния, молнию, молнией*) аналогичны формам *земля, землю, землёй*.

Форма творительного падежа

Существительные говора имеют в форме тв. п. ед. ч., как и в литературном языке, ударное или безударное окончание *-ом*, безударное окончание *-ам*, а также

безударное окончание *-им*, характерное только для говора. Данные флексии в говоре встречаются в следующих морфологических условиях:

а) в различных беспредложных словосочетаниях зависимого существительного в форме тв. п.:

Рыбальством занималси. — *Снапы* кучай кладутъ, а на гарман привязуть и складываютъ *скирдом* (в говоре начальная форма *скирдо* — ср. р. 'скирд'). — *Стену* сплитѣм, *балотам* (болото 'глина') лепим. — *Бажыством* лячили. — *Ехали* *полим*;

б) в сочетании с предлогом *с*:

Лапышычка ня ладить *с* *маслам*.

Безударное окончание *-им* в форме тв. п. ед. ч. существительных говора, очевидно, является проявлением специфичного вокализма в открытых заударных слогах, характерного для всех акающих южнорусских говоров.

Форма предложного падежа

Существительные говора имеют в форме п. п. ед. ч. характерное только для говора безударное окончание *-и*. Данная флексия в говоре встречается в следующих морфологических условиях:

а) предлог *в* + существительное в форме в. п.:

Теста ф карыти. — *Магазин* был *в аградьбищи*. — *Ф Кастянтин* *поли*.

Безударное окончание *-и* в форме тв. п. ед. ч. существительных говора, очевидно, является проявлением специфичного вокализма в заударных слогах, характерного для всех акающих южнорусских говоров.

Влияние склонения существительных женского рода на *-а* (исторически с основой на *-а*, *-ја*) на склонения существительных среднего рода на *-о* (исторически с основой на *-о*, *-јо*)

Ряд неодушевленных существительных говора, этимологически относившихся к ср. р., имеют **новые** падежные формы по образцу существительных ж. р. исторически с основой на *-а*, *-ја*. В нашем материале подобное влияние обнаруживается в формах р. п., в. п., тв. п.

Булатова Л. Н. высказывает мнение, что во многих южных говорах «принадлежность существительных ср. р. ко 2 склонению стабильна только при ударении на окончании»³³⁹. Наш материал не подтверждает эту мысль: например, лексема говора *рябро* с ударным окончанием имеет тв. п. по ж. р. склонения существительных исторически с основой на *-а* (подробнее в параграфе, посвященном диффузии грамматического рода).

Форма родительного падежа единственного числа с флексией *-и* по женскому роду

Подымались *гуси* *с поли*.

³³⁹ Русская диалектология. М., 2005. С. 122.

Форма винительного падежа единственного числа с безударной, реже ударной флексией -у, -ю по женскому роду

Мясу продавали. — Речка вытякаить **в море**. — Ани **разришению** дали. — Пирьсялилися **на** новую **месту**. — Змеи **зелийу** (зелье 'яд') напускають. — **Пойлу** пѣть и бесица. — Разную **имению** вязли. — **В клишиу** памицаица литра вина (лексема говора *клешио* 'клешня' является вариантом общенационального существительного *клешня*) — Насыпали рису, **маслу** туда наклали. — Ставишь **на сонцу**.

Форма творительного падежа с флексией -ой по женскому роду

Клиѣнка (клеѣнка 'клеякое вещество внутри организма рыб') *ф шуки пат спинай, пад ряброй*.

В целом мы наблюдаем в парадигме склонения **существительных ср. р. говора** различные явления:

- 1) чрезвычайную устойчивость состава флексий, который был характерен уже для древнерусского языка;
- 2) особый вокализм в заударных слогах в в. п. (*пирьплывали Мрамарская моря*), в тв. п. (*ехали полим*) и в п. п. (*ф карыти*);
- 3) специфические результаты живого процесса дальнейшей унификации склонения существительных в сегменте лексем ср. р.: *воскресенье*, *варенье* как *поле*, обусловленного утратой конечного звука -j- основы существительных на -ие в и. п. и косвенных падежах (*в воскресеня, вареня зготовили*);
- 4) специфические результаты дальнейшего взаимодействия склонений в рамках продолжающейся унификации склонения существительных: влияние существительных ж. р. на -а (исторически склонения с основой на -а, -ja) в формах р. п., в. п., п. п. на формы существительных ср. р. (исторически склонения с основой на -о, -jo): например, *мясу* продавали как *воду продавали*.

Склонение существительных с основой на согласный звук

В формах ед. ч. существительных исторически с основой на согласный звук наблюдается потеря тематического согласного (суффикса в настоящее время), чаще всего в косвенных падежах (-ов-, -ен-), а также в и. п. (-ер-). В ряде примеров тематический согласный сохранен:

Вылазим из церкви (р. п.: по аналогии с формой *из земли*). — *Ф церку носим, маминаим* (в. п.: по аналогии с формой *в землю*). — *Мы ерики па ими называли* (д. п.: по аналогии с формой *по туче*). — *Стреньти ф сваю знамю* (в. п.: по аналогии с формой *в землю*). — *Пакор нашему племю* (д. п.: по аналогии с формой *полю*). — *Няльзя аддавать ни в любовь*. — *Ни в любовю жану взял* (в. п.: по аналогии с формой *в землю*).

Анализ имеющегося материала показывает, что представленные лексемы этимологически разных грамматических родов: *церковь*, *имя*, *знамя*, *любовь*, *свекровь* (соответственно женского и среднего) — склоняются по образцу существительных ж. р. с основой на -а (*в знамю, в любовь* — как форма *в землю*), реже — по образцу существительных ср. р. с основой на -о (*пазор племю* как форма *полю*), хотя могут

сохранять исконные флексии, например: *Жыла с матирю* (= с *матерью* — в говоре с пропущенным йотом). — *Ни в любовь*.

Даже в тех случаях, когда существительное исторически с основой на согласный звук сохраняет этот суффикс при словоизменении, его формы, независимо от этимологического рода, также относятся к склонению существительных ж. р. с основой на *-а*: *марква* (и. п. как *земля*); *дали имину* (в. п. как форма *землю*, *свекровя* (и. п. как форма *земля*).

Уместно отметить употребление в фольклорных текстах архаических форм и. п. / в. п. лексемы *мати* и лексемы *свекры*.

В целом мы наблюдаем в парадигме склонения **существительных говора ж. р., м. р., ср. р. ед. ч.** различные явления:

1) элементы, специфика которых обусловлена особой редукцией в заударных слогах в формах существительных говора: флексии д. п. ж. р. (*на дароги*), п. п. ж. р. (*ф комнаты*); флексии д. п. м. р. (*к речки*), п. п. м. р. (*в доми, на магазини*); флексии в. п. ср. р. (*пирьплывали моря*), тв. п. ср. р. (*полим ехали*) и п. п. ср. р. (*ф карыти*);

2) реликты морфологических процессов, происходивших в древнерусском языке: флексия мягкого варианта склонения у некоторых существительных твердого склонения в р. п. ж. р. (*биз ваде*);

3) элементы, демонстрирующие специфические результаты живого процесса дальнейшей унификации склонения существительных в говоре в рамках одного и того же грамматического рода:

а) в сегменте лексем ж. р.: *молния, материя, кутья* как *земля*, обусловленного утратой конечного звука *-j*- основы существительных на *-ия* (например, в тв. п. *с мьланёй*, в в. п. *даем кутю*, в и. п. *свиня, матеря*);

б) в сегменте лексем ср. р.: *воскресенье* как *поле*, обусловленного утратой конечного звука *-j*- основы существительных на *-ие* (например, в в. п. *в васкресеня*);

4) элементы, демонстрирующие специфические результаты дальнейшего взаимодействия твердого и мягкого вариантов склонения лексем на *-а* в рамках продолжающейся в говоре унификации склонения существительных: мягкий конечный согласный основы р. п. ж. р. у лексем, относящихся к твердому варианту (*у скатини, у худоби* как *у земли*);

5) элементы, демонстрирующие специфические результаты дальнейшего взаимодействия склонений в рамках продолжающейся унификации в говоре склонения существительных в рамках разного грамматического рода:

а) влияние существительных ср. р. склонения с основой на *-о, -jo* в формах р. п., в. п., п. п. на формы существительных склонения с основой на *-а, -ja* (например, *аб вадо* как *об колено*);

б) влияние существительных ж. р. склонения с основой на *-а, -ja* в формах р. п., в. п., п. п. на формы существительных ср. р. склонения с основой на *-о, -jo* (например: *мясу прадавали* как *воду продавали*);

6) элементы, демонстрирующие специфические результаты живого процесса дальнейшей унификации в говоре склонения существительных в сегменте лексем исторически с основой на согласный этимологически разных родов: влияние существительных ж. р. исторически с основой на *-a*, *-ja* (например: *в церку, из церкви, па ими, марква, в знамю, дали имену*);

7) элементы, демонстрирующие специфические результаты взаимодействия склонения типа *стол* и склонения типа *сын*, выражающиеся в расширении состава существительных, имеющих послеунификационную флексию *-у*: р. п. м. р. (*да су-мерку, у сѣрахвану*) и п. п. м. р. (*в меднику, ва сну*).

8) элементы, демонстрирующие специфические результаты диффузии внутри грамматического рода в говоре, в нашем материале внутри оппозиции «м. р. — ж. р.»: флексия *-у* в в. п. существительного м. р. *цеп* под влиянием аналогичного падежа ж. р. типа *земля (цєю цяпляють)*.

9) отсутствие чередования *о, а/ноль* звука в неодносложных формах односложного слова, возникшего в древнерусском языке, восстановление в косвенных падежах гласного, характерного для и. п. основы в фонетическом варианте первого предупредного слога: рот — *пад ратом*, лёд — *на ляду*.

4.2. Типы склонений существительных во множественном числе

Форма именительного падежа

Флексии и. п. мн. ч. существительных говора по своему составу в большинстве совпадают с флексиями данного падежа в литературном языке. У существительных говора м. р. это флексии *-а*, *-ы*, *-и* (так же, как и в литературном языке); у лексем женского рода — это флексии *-ы*, *-и* (так же, как и в литературном языке).

В то же время у существительных ср. р. в форме и. п. мн. ч. наблюдаются отличия: повсеместно распространены специфичные флексии говора *-ы*, *-и*; а послеунификационная флексия *-а*, характерная для литературного языка, встречается редко.

1. Мужской род:

Мы так гъварили: «Бридяня». — Када зыбѧ (зыб ‘крутая волна во время волнения на море’) идуь. — У греках жа пѣрѣхада. — На деривах паруса привязаны. — Фсе сыня работают. — Наши папы, дядѧ паехали рыбалить. — Клиня меньшаи напиряду стаять. — Какии пѣхарѣя, а какии рыбалофы. — Перва у нас сваи атаманы были. — Кѣрянныи дамы были. — Садеи — восим пальцах глаза. — Мартины литають белаи. — Кибяли суюцца. — Бишмяти (бешметь ‘вид верхней мужской одежды’) как куфайка. — Ани нас: «Цыгани!» — Жерибы, ета в игре. — Жырябя, ета када канаюцца. — Нарот, как муравли, выходять и заходять.

Необходимо отметить, что окончание *-а* в и. п. мн. ч. распространено в говоре преимущественно у неодносложных лексем м. р., называющих профессию, предметы быта, различные орудия труда, механизмы (*пѣхарѣя, жырябя, пѣрѣхада*), т. е. у существительных, свободных от влияния церковнославянских образцов (влияние религиозных текстов, которые старообрядцы знали наизусть, на речь носите-

лей говора было значительным). В то же время односложные лексемы могут иметь как старое окончание *-ы*, свойственное церковнославянскому языку (*дамы, глаза*), так и новое, характерное для разговорной речи древнерусского, а затем восточнославянского языка (*зыба, дядя*).

Особо следует остановиться на форме и. п. мн. ч. лексем *сын (сыня), брат (братя), друг (друга), муж (мужя), корень (кореня), клин (клиня), кол (коли)* с пропуском суффикса мн. ч. *-j/-ovj-*. Данная форма указанных слов является специфичной для говора (в литературном языке *сыновья, братья, друзья, колья* и т. п.):

Фсе друзья-братя на лавачкам сидять. — Их мужя рыбалили. — Къряня, их сабирали.

В то же время в говоре имеются примеры форм и. п. мн. ч. существительных м. р., которые образуются так же, как и в литературном языке: с помощью форманта *-j-(а) — братья (ани братя)*. Отдельного замечания требует словоформа *саменья* (и. п. мн. ч. от слова *сам*), содержащая в своей структуре суффикс *-enj-(а)*: (*саменья жырнай*).

2. Женский род:

Жэны намажуть. — Буйлавы были. — Жарёхи стаять на пату. — Карги кукурузу бють. — Фсе грузи (груз — ж. р. ‘груз, поклажа’) вазили. Кафы ретка было (кафа ‘кофе’; в СРНГ с пометой «каз.-некрасовцы» отмечена иная однокоренная лексема с данным значением: кофиня. — Нам кофиню греют. Т. 15, с. 119).

3. Средний род:

Их качёвишишы (кочевие ‘кибитка, дом кочевника’) с чакана. — Яйцы были для абмена. — Здесь ета рёбры. — Яблаки — верхниш скули. — Пастраительстви было мала. — У мельницы крыли. — У бърабана крыля бальшыя. — Уха бывають с обоих старон у солнушки.

В литературном языке флексию *-и* в и. п. мн. ч. имеет определенная группа существительных ср. р. на *-ко*: *личико, яблоко, очко, перышко, блюдечко, стеклышко*, а также *брюхо*³⁴⁰. В нашем материале формы и. п. мн. ч. на *-и* у лексем ср. р. наблюдаются преимущественно у иных лексем, не оканчивающихся на указанную финаль.

Необходимо отметить, что окончание *-а* в и. п. мн. ч., редко встречающееся в формах лексем ср. р. говора, является для этих слов в древнерусском языке исконным, доунификационным окончанием, а флексии *-ы, -и* в формах и. п. ср. р. лексем говора являются послеунификационными, вероятно возникшими под влиянием форм м. р. (*яйцы* как форма слова *сады*).

Необходимо отметить вариативную форму *крыли/крыла* (от существительного ср. р. *крыло*) с пропуском суффикса мн. ч. *-j-* в основе.

Форма родительного падежа

Флексии р. п. мн. ч. существительных говора по своему составу только частично, причем в небольшом количестве примеров, совпадают с флексиями данного падежа

³⁴⁰ Русская грамматика. М.: Наука, 1980. С. 494.

в литературном языке — это флексии ударное *-ов*, безударное *-ав* (твердый вариант склонения, существительные м. р.), ударное *-ей* (мягкий вариант склонения, существительные м. р.). У большинства существительных говора независимо от рода в р. п. мн. ч. наблюдаются специфические безударные окончания *-их/-ых*, *-ах*, ударное окончание *-ох*. Реализация флексий *-ов*, *-ав*, *-ей* в говоре в данном падеже также отличается от литературного языка, так как названные окончания характерны в говоре и для имен ср. р. и ж. р.

1. Флексии р. п. мн. ч. существительных говора м. р., совпадающие с аналогичными флексиями литературного языка: *-оф*, *-ов*, *-иф*, *-ив*, *-аф*, *-ав*, *-ей*. В формах конкретных лексем говора совпадение форм с литературным языком происходит не всегда:

Привычки няма да зайцаф. — Цапкоф (цепок ‘цеп’) *ни было. — Салату делали с пимидораф. — Из саменьив вареники варили. — Многа кьмарей* (начальная форма на мягкий согласный — *комарь*).

Уместно отметить факты распространения в говоре послеунификационной флексии *-ов/-ав* (заимствованной из склонения типа *сын* в склонение существительных м. р. типа *город*) на существительные: 1) ср. р. твердого варианта говора: *Рукамислоф* (рукомесло ‘ремесло’) *ни было*; 2) ж. р.: *Уже коштушкаф нет*, что не характерно для литературного языка. В литературном языке окончание *-ов* в р. п. характерно для имен м. р. на твердый согласный. Кроме этого, в литературном языке данную флексию могут иметь некоторые существительные ср. р.: 1) на *-це*, *-ко*, *-ико* (*копытцев*, *очков*, *плечиков*); 2) слова, имеющие *-j-* в основе (*платьев*, *перьев*)³⁴¹.

2. Флексии р. п. мн. ч. существительных говора, не совпадающие с аналогичными флексиями литературного языка:

а) флексии *-их*, *-ых*:

Вирёфка связываица для саидинения крылих. — Фпадобии наших жылезных лошкых. — У колисых утулак ззаду жылезнай. — Койких ни было. — У суседих на биседи (беседа ‘веселое собрание, вечеринка’). — *Кусачка дабяжыть да сетих*;

б) флексии *-ох*, *-ах*, *-ях*:

Преди было муцинах большы. — Молимси на сто паклонах. — Пасопках (пособка ‘помощник’) *у нас нету. — Батюшках, сястриньках ни было. — Нету таких змях. — Мельницы восим крылях. — Пять калечках ис хвьраста.*

Гипотеза В. Г. Орловой о происхождении флексии *-ох* в форме в. п. и р. п. мн. ч. в русских говорах была изложена нами в параграфе, посвященном одушевленности существительных говора казаков-некрасовцев³⁴². Очевидно, флексия *-их* (*коних*) говора является вариантом флексии *-ох/-ах*.

Уместно отметить факты распространения в говоре послеунификационной флексии *-ов/-ав* (заимствованной из склонения типа *сын* в склонение существительных

³⁴¹ Русская грамматика. М.: Наука, 1980. С. 494.

³⁴² Русская диалектология. М., 1965. С. 78.

м. р. типа *город* и впоследствии превратившейся в изучаемом говоре по фонетическим причинам, указанным выше, в окончание *-ох/-ах*) на существительные: а) ж. р., общ. р., м. р. на *-а* твердого и мягкого варианта (*мущинах большы; нету таких зме-ях; пасопках нету; батюшках нету*), б) ср. р. (*пять калечках*), что не характерно для литературного языка.

Кроме того, в формах р. п. мн. ч. существительных говора хотя и редко, но наблюдается нулевая флексия (типа много мужчин, окон), являющаяся для р. п. склонения типа *город* архаической и доунификационной. Примеры подобной флексии единичны:

Вилы на пять зуп. — Пятнацать дён грядли. — Никаких камбайн ни было. — Салата с помидор. — У деда зуп нету.

В литературном языке нулевая флексия в р. п. мн. ч. характерна для определенной группы иных лексем.

Форма дательного падежа

Флексии д. п. мн. ч. существительных говора совпадают с флексиями данного падежа в литературном языке. Это послеунификационные безударные и ударные окончания *-ам, -ям* в формах существительных любого рода и склонения:

1. Формы м. р.:

Ушки пь бакам. — Идёш пь камням. — Пь краям палки. — Каням пастилку деляли. — Ношшыкам заплати. — Пели пь крюкам. — Бурчак быкам даём.

2. Формы ж. р.:

Пь ишакам буксориках (буксорик 'пощечина, оплеуха') давали. — Хлопцы па дефкам ходить. — Пь дарогам хадил.

3. Формы ср. р.:

Вухам лоскатна было. — Камнями па вокнам шыбали. — Зарница бываить пь утрам. — Хадил пь азирам. — Ат бунчука цепи к крылям идуть.

Форма винительного падежа

Флексии в. п. мн. ч. существительных говора, как и в литературном языке, делятся на две группы: а) флексии одушевленных лексем, б) флексии неодушевленных лексем.

Флексии в. п. мн. ч. **одушевленных** существительных говора частично по своему составу совпадают с флексиями в. п. в литературном языке: это ударное *-ов*, безударное *-ав* (твёрдый вариант склонения, существительные м. р.), ударное *-ей* (мягкий вариант склонения, существительные м. р.), совпадающие с флексиями литературного языка. В то же время есть специфические безударные окончания, характерные только для говора: это флексии *-их/-ых, -ах*, ударное окончание *-ох*.

Флексии в. п. мн. ч. **неодушевленных** существительных говора частично по своему составу совпадают с флексиями в. п. в литературном языке. У существительных говора м. р. это флексии *-а, -ы, -и* (так же, как и в литературном языке); у лексем ж. р. это флексии *-ы, -и* (так же, как и в литературном языке). В то же

время есть специфические безударные окончания, характерные только для говора: это флексии *-и*, *-ы* лексем ср. р.:

1. Флексии в. п. мн. ч. одушевленных существительных говора м. р., совпадающие с аналогичными флексиями литературного языка: *-оф*, *-аф*, *-ей*:

Балесь на быкоф. — Прагнал кибялей. — Вадили видьмидей. — Гусей били. — Имели малакаф.

2. Флексии в. п. мн. ч. одушевленных существительных говора м. р., не совпадающие с аналогичными флексиями литературного языка: *-ах*, *-ох*, *-их*:

Имели коних. — Ваивать на греках. — Питушкох привязли. — Учитель учил дьячкох. — За вдавцох пашили.

Подробнее об этих флексиях было сказано при описании родительного падеже множественного числа.

Уместно отметить факты распространения в говоре послеунификационной флексии *-ов/-ав* (заимствованной из склонения типа *сын* в склонение существительных м. р. типа *город* и впоследствии превратившейся в изучаемом говоре по фонетическим причинам, указанным выше, в окончание *-ох/-ах*) на существительные:

1) ж. р. на *-а* твердого и мягкого варианта:

Лысках били. — Барашихах (барашка ‘общее название овец’) *ныня папастригли. — Волишебницах* ни было. — *Бялугу лавили, камбулу;*

2) имена м. р. на *-ин/-ане* типа армянин:

Царь ни брал армянёх,

что не характерно для литературного языка.

Кроме того, в формах в. п. мн. ч. существительных ж. р. говора наблюдается флексия *-ей*, свойственная в литературном языке только определенной группе существительных ж. р.³⁴³, в которую не входят бытующие в говоре формы: *вутей лавили.*

3. Формы неодушевленных существительных: флексии *-а*, *-ы*, *-и*:

Атижжаить у чужьсы гърада. — На заропки пашили туда. — Ф казаники наливали (казаник ‘маленькое ведро’). — *Ф карагоди хадили* (корогод ‘хоровод’). — *Крутили верви ис чакана. — Пратукалы дал* (пратукалина ‘апельсин’). — *Дамы сваи аставили. — Иду пышки ляпить, калабушки. — Капыцы* (ср. р.) *пакли. — Хадили на магилишиа* (могилище — ср. р. ‘кладбище’). — *Коли* (‘колья’) *бёш, патом запляташи.*

Уместно отметить, что в ряде случаев встречаются формы в. п. одушевленных существительных у неодушевленных лексем говора, и наоборот. Подробнее это явление описано в параграфе, посвященном лексико-грамматической категории одушевленности:

Да вот я тебе лякох (ляка ‘лекарство’) *принясла. — Арлы налитали на ийсы* (яис ‘аист’).

³⁴³ Русская грамматика. М.: Наука, 1965. С. 499.

Форма творительного падежа

Флексии тв. п. мн. ч. существительных говора только частично совпадают с флексиями данного падежа в литературном языке: это флексии ударное и безударное *-ами*, безударное *-ями*, одинаковые для всех родов и склонений. Кроме того, в данной форме лексемы говора могут иметь специфическое безударное окончание *-ими*:

1. Флексии *-ами*, *-ями* тв. п. мн. ч. существительных говора, совпадающие с аналогичными окончаниями литературного языка:

Лысину (лысина ‘передняя узкая стена некрасовского дома, фасад’) *памажым пальчыкамі* и *пабелім*. — *Канямі* пахалі. — *З братамі* тільят ганялі. — *Плятнямі* было п’загарожына. — *Матеря* (= материал) *лапамі*. — *Затопалі нагамі*. — *Пюць з жэнамі*. — *Рэчка летам застыніць калюжынкамі* (калюжинка ‘лужа’). — *Лоткамі* ездзілі в Булгарію. — *Гаротчыкі грядкамі* рылі. — *Матыкамі* абрабатовалі. — *Гарячо* сказалі *славамі*. — *Пугавачкі пётнушкамі* (пётнушка — ср. р. ‘пятнышко’) — *У сама ззады хобат, а у другіх рып* — *пярэмі* (= перьями).

2. Флексия *-ими* тв. п. мн. ч. существительных говора, не совпадающая с аналогичными окончаниями литературного языка:

Качан с листими. — *Кичка с рогими*. — *Ураками* касили хляба. — *Масла садицца крупкімі* (крупка ‘крупинка’). — *Матыкімі* абрабатовалі. — *Сальнік нарежыць кусочкімі*. — *Бармакімі* вялі гарман. — *Мельніца парусная, с крылімі*.

Окончание тв. п. мн. ч. *-ими* встретилось нам в безударной позиции, преимущественно после заднеязычных, а также иногда после переднеязычных согласных у существительных ж. р., ср. р. и м. р.: *мотыка*, *крыло*, *рог*, *урок*, *крупка*, *кусочек*, *лист*, *бармак*. В то же время лексема *мотыка* имеет в говоре две вариантные формы: *матыкімі* и *матыкамі*.

В книге «Русская диалектология» высказывается мысль, что «во многих южно-русских и среднерусских говорах различаются следующие ударные и безударные окончания тв. п.: *-ами* под ударением (за *дровами*, *руками*) и *-ими* (*-ыми*) без ударения (*коровыми*, *палками*)»³⁴⁴.

Наш материал не подтверждает такого закрепления флексий в говоре некрасовцев: окончание *-ами* встречается и под ударением (*канямі*, *плятнямі*), и без ударения (*пальчыкамі*, *лапамі*, *пётнушкамі*).

Необходимо отметить утрату йота в основе существительных *листья*, *братья*, *перья*, *ружья*, *крылья* в форме тв. п.: *лісьцямі*, *пярэямі*, *братям*, *ружэямі*, *крылімі*.

Среди собранного материала имеется архаичная доунификационная флексия тв. п. *-ыми*, характерная в древнерусском языке для основ типа *гость* и типа *мати*. Она встретилась нам в словах *матери*, *ости*, *перья*: *Мы с матір’ымі* учілі свой язык. — *Аст’ымі* (ости, вості ‘рыболовное орудие, острога с двумя или тремя зубьями’) *рыбу* цыляють. — *Васт’ымі* бють. — *Дудаки и стрепиты* *пяр’ымі* адынакавыі.

³⁴⁴ Русская диалектология. М., 2005. С. 129. Автор раздела Л. Н. Булатова.

Форма предложного падежа

Флексии п. п. мн. ч. существительных говора совпадают с флексиями данного падежа в литературном языке. Это послеунификационные окончания *-ах*, *-ях* в существительных любого рода и типа склонения.

1. Формы м. р.:

Мы ф курянях жыли. — Ф папах (поп 'островок сросшихся корней из камыша') *рыба запружыная. — Летам ф чириках* хадили (чирики 'летняя рабочая обувь').

2. Формы ж. р.:

Каплазя ('неомолоченная пшеница') *в рубках. — Мы спали на дасках. — Ф кыбышках* квасили м'ялако. — *Ф пасмах* (пасма 'пучок, моток') *тура ис канати. — Тесту ф калгаишках* мясили (калгашка 'деревянная миска для замешивания сдобного теста'). — *На лафках* в банках святки.

3. Формы ср. р.:

У мельницы на деривах паруса привязаны (дерево 'шест'). — *У каровы шапки ф каленях.*

Необходимо отметить форму п. п. мн. ч. с окончанием *-их*, встретившуюся нам в формах некоторых существительного:

Мы на койких ня спим. — *Ня хочица умирать в м'ялых летих.*

Однако в большинстве подобных форм в нашем материале имеется флексия *-ах*: *ф кыбышках, ф калгаишках.*

В целом мы наблюдаем в парадигме склонения **существительных говора ж. р., м. р., ср. р. мн. ч.** различные явления:

1. Элементы, специфика которых обусловлена определенными фонетическими процессами в говоре:

а) переходом от *w* губно-губного к *в* губно-зубному, когда под действием общей тенденции к оглушению согласных на конце слова звук *w* мог превратиться в заднеязычный фрикативный *x*, в результате чего возникли флексии *-ох*, *-ах* (*казакох, на сто наклонах*) *-их* (*коних*) в р. п., а также в в. п. (у одушевленных существительных);

б) утратой йота в основе существительных в форме тв. п. (*листями, братьями*) и д. п. (*крылям, братьям*);

в) возникновением специфического окончания *-ими* в тв. п. мн. ч. (в безударной позиции, в подавляющем большинстве случаев после заднеязычных) у существительных ж. р. и м. р.: *уракими, матыкими.*

2. Элементы, демонстрирующие специфические результаты дальнейшего взаимодействия склонения типа *сын* и склонений существительных типа *город, село* и типа *стена, жена* в рамках продолжающейся унификации склонения существительных говора:

а) флексии *-ов/-ох*, *-ах* в р. п. мн. ч. лексем ср. р., что не характерно для литературного языка (*рукаμισлоф*);

б) флексии *-ох, -ах* в р. п. мн. ч. лексем ж. р./общ. р. (из послеунификационной флексии *-ов/-ав* склонения типа *сын*), что не характерно для литературного языка (*Батюшках, матушках ни было. — Нету таких змеях*).

3. Элементы, демонстрирующие специфические результаты взаимодействия лексем разного рода внутри склонения типа *стол, село* в рамках продолжающейся унификации склонения существительных в говоре: флексии *-ы, -и* в и. п. мн. ч. лексем ср. р. (*рёбры* как форма *столы*).

4. Элементы, демонстрирующие продолжающийся процесс становления категории одушевленности: формы одушевленных существительных у неодушевленных лексем говора, и наоборот (*лякох принясла, на ийсы*).

5. Реликты морфологических процессов, происходивших в древнерусском языке:

а) архаичная доунификационная флексия *-ьми*, характерная в древнерусском языке для основ типа *гость* и типа *мати* (*с матирьми*), распространение данной флексии: *астьми, перьми*;

б) архаичная доунификационная нулевая флексия в р. п. мн. ч., характерная в древнерусском языке для основ на согласный — *много дён*.

Завершая описание и анализ специфики морфологии имени существительного говора казаков-некрасовцев, необходимо отметить, что в данном говоре присутствуют те же лексико-грамматические разряды, что и в современном русском литературном языке: существительные абстрактные, вещественные, собирательные и конкретные; имена одушевленные и неодушевленные, собственные и нарицательные.

Несмотря на то что говор существует в форме устной разговорной речи, в нем находится значительное количество абстрактных существительных, большинство из которых относится к мотивированной лексике. Необходимо отметить, что среди абстрактных имен говора имеются слова, возникшие в период эмиграции, многие из которых образованы способом сложения слов и основ: *главобиение, водопитие, землепахарство*; это не свойственно устной речи в принципе, но в то же время является одной из характерных черт системы словообразования говора казаков-некрасовцев, что обусловлено хорошим знанием носителей говора текстов церковных служб, молитв и церковных песнопений на церковнославянском языке, в котором способ сложения слов и основ распространен.

Вещественные существительные говора в отличие от современного русского литературного языка, в котором вещественность преимущественно выражается лексически, являются в своем большинстве словообразовательно мотивированными и образованы по целому ряду словообразовательных моделей. Среди вещественных существительных говора имеется определенное количество слов, возникших в период жизни казаков-некрасовцев на чужбине.

Значительное число собирательных существительных говора являются новыми. Они появились в период эмиграции в результате словообразовательных

процессов, том числе и словообразовательной игры, опровергая существующее в лингвистике мнение, что новые собирательные имена в новое время практически не возникают, исключая семантическую собирательность.

В говоре казаков-некрасовцев встречаются архаические проявления одушевленности/неодушевленности. Об этом свидетельствуют следующие факты:

1) единичные случаи обозначения формой в. п. = и. п. ед. ч. номинации завысшего человека;

2) случаи обозначения формой в. п. = и. п. мн. ч. номинаций животных;

3) вариативность обозначения формой в. п. = и. п. // в. п. = р. п. мн. ч. номинаций неодушевленных предметов. В целом необходимо отметить, что становление категории одушевленности/неодушевленности в говоре не закончено.

В составе имен существительных м. р. говора находится определенное количество существительных, род которых является социально или исторически обусловленным: номинации выборных должностей, номинации тех, кто обучает письму или занимается переписыванием бумаг, номинации лиц по видам ремесла, связанным с огнем, металлом, номинации лиц по различным видам специализации человека в процессе профессиональных занятий рыбной ловлей. Соотносительные словообразовательные пары м. р. — ж. р. являются редкими в говоре. В составе лексем м. р. и ж. р. говора имеются грамматические архаизмы — неодушевленные существительные с родовой характеристикой, сохранившейся от времени начала XVIII в. (в общенациональном языке родовая принадлежность этих слов изменилась уже в середине XVIII столетия).

В грамматической семантике и форме ряда неличных существительных говора наблюдаются специфические явления:

1) родовая синонимия граммем м. р./ср. р., ж. р./ср. р.;

2) смена граммемы рода в семантике существительного. Этот процесс является разнонаправленным: а) ж. р. меняется на ср. р. и наоборот; б) м. р. меняется на ж. р. и наоборот; в) ср. р. меняется на м. р. Выявленный материал показывает, что, во-первых, чаще всего в говоре некрасовцев меняются граммемы ж. р. (11 слов) или ср. р. (7 слов) и, во-вторых, результатоммены в большинстве случаев является граммема ж. р. (9 слов).

3) в грамматической семантике и форме ряда неличных существительных говора казаков-некрасовцев мы также выявили проявления тенденции к диффузности семантики грамматического рода в континууме ж. р. — ср. р.

Собранный материал и его анализ выявляют картину континуальности семантики грамматического рода неличных существительных прежде всего в рамках ср. р. — ж. р., а также в единичных случаях в рамках м. р. — ж. р., проявления которой дают возможность квалифицировать такой процесс, как возникновение нового грамматического рода в грамматической категории рода говора казаков-некрасовцев, (условно «немужской род»), который имеет свою парадигму синкретичного характера (сочетание падежных форм то по ж. р., то по ср. р.) и свою синтагматику (по ж. р.).

Исследование типов склонения существительных в говоре выявило, что результаты процесса унификации существительных в говоре отличаются от соответствующих результатов в литературном языке, что обусловлено рядом причин:

- фонетическими причинами: особой редукцией в открытых заударных слогах в формах существительных говора; утратой йота в основе имен; специфическими фонетическими процессами;

- диффузией семем грамматического рода в оппозиции ж. р. — ср. р., а также ж. р. — м. р., что приводит к взаимодействию склонений на *-а* (ж. р.) и на *-о* (ср. р.), в единичных случаях на *-а* (ж. р.) и на нулевое окончание (м. р.);

- расширением групп, состава существительных, подвергшихся унификации, в сопоставлении с литературным языком;

- унификацией парадигм внутри одного рода: влияние имен ж. р. на *-а* на имена на *-ия* ж. р., имен ср. р. на *-е* на имена на *-ие* ср. р.;

- влиянием имен ж. р. на *-а* на имена с исторической основой на согласный;

- дальнейшим взаимодействием вариантов склонения: влияние мягкого варианта склонения на твердый вариант.

Кроме того, наш материал выявил в системе склонения существительных говора реликты морфологических процессов, происходивших еще в древнерусском языке, а также неустойчивость в выражении категории одушевленности / неодушевленности.

Полагаем, что внутренние закономерности развития падежной системы говора некрасовцев прежде всего базируются на общерусских тенденциях, действовавших или действующих в русском языке и в языках-предках русского языка в течение длительного времени. В то же время результаты этих внутренних закономерностей могут отличаться и отличаются от соответствующих результатов в литературном русском языке. Существующие в говоре некрасовцев специфические падежные системы зачастую не обладают четкой разграниченностью, что свидетельствует, на наш взгляд, о процессуальном характере внутренних закономерностей развития падежной системы говора некрасовцев.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СПЕЦИФИКА СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В ГОВОРЕ КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ

Анализ системы словообразования имен существительных говора проводится в данном исследовании по выделенным и описанным в главе первой данного раздела классам, подклассам, группам, подгруппам.

Под словообразовательной системой говора понимается совокупность его словообразовательных моделей — продуктивных и непродуктивных — с синхронной точки зрения (словообразовательные гнезда не рассматриваются). Специфика словообразовательной системы говора в нашей работе определяется: 1) составом способов словообразования и приоритетностью их конкретных видов по количественному критерию; 2) типами мотивирующей базы; 3) характером словообразовательного значения; 4) типами словообразовательных формантов.

Изучение словообразовательной системы говора позволит выявить ту часть его лексикона, которая возникла в самом говоре.

1. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ КЛАССА «АБСТРАКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ МАТЕРИИ»

Лексико-тематический класс **«Абстрактные отношения и формы существования материи»** состоит из следующих подклассов: 1) «Существование, бытие»; 2) «Пространство»; 3) «Форма»; 3) «Время»; 4) «Изменение»; 5) «Движение»; 6) «Количество, величина»; 7) «Качество»; 8) «Отношение»; 9) «Порядок»; 10) «Причинность»³⁴⁵.

Словообразовательная специфика мотивированных имен лексико-тематического класса «Абстрактные отношения и формы существования материи» такова: преобладает суффиксальный способ образования, присутствуют префиксально-суффиксальный, способ сложения, субстантивация. Мотивирующая база субстантивная, глагольная, адъективная. Представлены мутационные, модификационные, транспозиционные значения.

³⁴⁵ См.: Лексическая основа русского языка / Под ред. В. В. Морковкина. М.: Русский язык, 1984. С. 245.

Отглагольные суффиксальные словообразовательные модели. В их составе преобладают модели с транспозиционным значением. Модель **V + суффикс -ие, -тие** с транспозиционным значением ‘опредмеченное действие, состояние, процесс’: а) *примирие* ‘перемирие’ от общенац. глагола *примирить*; б) *умеретие* ‘состояние по глаголу умереть, смерть’ от общенац. глагола *умереть*. В общенац. яз. имеется аналогичная высокопродуктивная модель: *доверие, действие, странствие, житие, пожатие* (РГ-80, т. 1, с. 159—160)³⁴⁶. Модель **V + суффикс -ки, (т)ки** с транспозиционным значением ‘опредмеченное действие, состояние, процесс’: а) *слышки* ‘слухи’ от общенац. глагола *слышать/слушать*; б) *пережитки* ‘переживания, невзгоды’ от общенац. глагола *пережить*. В общенац. яз. имеется аналогичная непродуктивная модель: *заморозки, враки, нападки* (РГ-80, т. 1, с. 165). Модель **V + нулевой формант** с транспозиционным значением ‘опредмеченное действие, состояние, процесс’: а) *спочив* ‘сон, отдых’ от глагола *говорить*; б) *обгляд* ‘осмотр, обыск’ от общенац. глагола *обглядеть* ‘осматривать, озирать’³⁴⁷; в) *покор* ‘состояние по глаголу *покорить*’ (‘подчинять, овладеть, заставить повиноваться’³⁴⁸). В общенац. яз. имеется аналогичная высокопродуктивная модель: *пуск, смех, разговор* (РГ-80, т. 1, с. 160). Модель **V + суффикс -от(а)** с транспозиционным значением ‘опредмеченное действие, состояние, процесс’: *скукота* ‘скука’ от общенац. глагола *скупать*. В общенац. яз. имеется аналогичная непродуктивная модель: *дремота, зевота, чихота* (РГ-80, т. 1, с. 162). Модель **V + суффикс -(ён)к(а)** с транспозиционным значением ‘опредмеченное действие, состояние, процесс’: *обгорёнка* ‘состояние по глаголу *обгореть*’ от общенац. глагола *обгореть* ‘надгорать, сгорать поверхностно’³⁴⁹. В общенац. яз. имеется аналогичная высокопродуктивная модель: *плавка, резка* (РГ-80, т. 1, с. 160). Модель **V + суффикс -ок** с транспозиционным значением ‘опредмеченное действие, состояние, процесс’: *обрядок* ‘обряд’ от общенац. глагола *обрядить* ‘приводить в должный вид’ (по данным Сл. Даля, с. 1594).

Отадъективные суффиксальные модели обладают чаще транспозиционным, чем мутационным словообразовательным значением. Модель **Adj + формант -от(а)** с транспозиционным отвлеченным значением признака: а) *ровнота* ‘ровная часть предмета’ от общенац. прилагательного *ровный*; б) *склизота* ‘наличие того, что названо в мотивирующем диалектном прилагательном *склизкий*’ (*сев., нвг.* гладкий, не дающий упору ногам и рукам, на чем скользишь³⁵⁰). В национальном языке имеется аналогичная продуктивная в художественной речи модель: *быстрота, вкуснота, тусклота* (РГ-80, т. 1, с. 181). Модель **Adj + формант -ин(а)**

³⁴⁶ В данной главе ссылки на «Русскую грамматику-80» даются в тексте, полное библиографическое описание РГ-80 дано в предыдущих сносках.

³⁴⁷ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 1482.

³⁴⁸ Там же. Т. 3. С. 628.

³⁴⁹ Там же. Т. 2. С. 1483.

³⁵⁰ Там же. Т. 4. С. 200.

с транспозиционным отвлеченным значением признака: *хорошина* ‘наличие того, что названо в мотивирующем качественном прилагательном *хороший* в значении ‘прекрасный’” (*Бывальча карагоды водють, хърашына, красива...*). В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная в разговорной речи модель: *тишина, пестрина* (РГ-80, т. 1, с. 182). Модель **Adj + формант -ость** с транспозиционным отвлеченным значением признака: *ответность* ‘ответственность’ от относительного прилагательного общенационального языка *ответный* (‘к ответу относящийся’; *ответ* ‘отзыв, то, что сделано или сказано по вопросу’)³⁵¹. Значение отвлеченного признака конкретизировано как «наличие того, что названо в мотивирующем относительном прилагательном». В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная в модель: *облачность, результативность* (РГ-80, т. 1, с. 178). Отадъективная модель **Adj + формант -об(а)** с транспозиционным отвлеченным значением признака: *худобѣ* ‘болезни’ от общенац. прилагательного *худой* ‘негодный, дурной, плохой’³⁵². Лексема *худоба* у Даля имеет иное значение ‘худощавость, тощость // бедность, нищета’. В общенац. яз. имеется аналогичная непродуктивная модель: *злоба* (РГ-80, т. 1, с. 183). Модель **Adj + формант -ом(а)** с транспозиционным отвлеченным значением признака: *хорошение* от общенац. прилагательного *хороший* (*Хърашо жыли?! Какая хърашения?*). В литературном яз. нет аналогичной отадъективной модели (по данным РГ-80).

Модель **Adj + формант -к(а)** с транспозиционным отвлеченным значением количественного признака, проявляющегося в различной степени: а) *длинка* ‘длина’ от общенац. прилагательного *длинный* ‘большой длины в пространстве или во времени’³⁵³; б) *ширка* ‘ширина’ от общенац. прилагательного *широкий* ‘в чем больше ширина’³⁵⁴; в) *неуживка* ‘состояние по прилагательному *неуживный*, невозможность жить при определенных условиях’ (*Ниужыфка: дават няма за каво и взять няма каво*) от прилагательного *неуживный* кто не уживается с людьми, беспокойный, вздорный³⁵⁵. Подобная модель с транспозиционным значением, по данным РГ-80, в русском литературном языке не существует.

Отсубстантивные суффиксальные словообразовательные модели. Модель **S + формант -ин(а)** со значением стилистической модификации: *длинина* ‘длина’ от общенац. слова *длина* ‘протяжение вдоль’³⁵⁶. Данная модель существует и в современном русском языке и является продуктивной (*помидорина, тыкваина* — см: РГ-80, т. 1, с. 216). Подобные слова со значением стилистической модификации представляют собой разговорные или просторечные синонимы соответствующих мотивирующих существительных.

³⁵¹ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 1862—1863.

³⁵² Там же. Т. 4. С. 1242.

³⁵³ Там же. Т. 1. С. 1092.

³⁵⁴ Там же. Т. 4. С. 1439.

³⁵⁵ Там же. Т. 2. С. 1492.

³⁵⁶ Там же. Т. 1. С. 1092.

Модель **S + формант -к(а)** с модификационным субъективно-оценочным уменьшительно-ласкательным значением: а) *годовинка* ‘годовщина’ от *годовина* ‘день события в прошлом году или в прошлых годах’³⁵⁷; б) *малюжечка* ‘маленький предмет’ от слова говора *малюжка* ‘крошка, малютка’. Подобная модель с субъективно-оценочным значением, по данным РГ-80, в русском общенац. яз. является высокопродуктивной: *деревенька, бродяжка* (т. 1, с. 210).

Префиксально-суффиксальный способ представлен двумя моделями. Первая модель такова: **приставка при- + S + нулевой формант** с мутационным значением «тот же предмет, что и предмет мотивирующего слова, но с дополнительным оттенком ‘непосредственно прилегающий к чему-л.’»: *пригорша* ‘пригоршня’ от общенац. слова *горсть* (у Даля есть *пригоршень* ‘горсть’, *пригоршня* ‘южн., зап. — мера сыпи: сколько можно загрести в обе ладони вместе’³⁵⁸). В данном слове наблюдается чередование фонем [ст]/[ш]. В современном русском языке существует схожая непродуктивная модель, аналогичная по значению, но суффиксы в ней являются иными: *приступок, приступка* — по данным РГ-80, т. 1, с. 235. Вторая модель: **приставка у- + V + нулевой формант** с мутационным значением ‘результат действия, названного мотивирующим словом’: *уговор* ‘выговор, произношение’ (*У нас иной уговор*) от общенац. глагола *говорить* (в Сл. Даля лексема *уговор* обладает иным значением; аналогичное значение имеет лексема *выговор*³⁵⁹). В современном русском языке существует аналогичная продуктивная в сельскохозяйственной терминологии модель: *улов, укос, умолот* (РГ-80, т. 1, с. 238).

К способу субстантивации относится существительное *ржавя* ‘ржавчина’. Эта лексема не отмечена в Словаре Даля. Данная лексема демонстрирует архаичность говора казаков-некрасовцев, так как исторически является кратким прилагательным женского рода в определительной функции.

Необходимо отметить, что лексема *длинина* выявляет тенденцию к избыточности морфематической структуры слова, ведь она повторяет значение мотивирующего существительного *длина*. В то же время лексема *длинина* обладает суффиксом, который относит ее к определенным лексико-тематическим группировкам и помогает легче опознавать ее классификационную принадлежность.

2. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ КЛАССА «НЕОРГАНИЧЕСКИЙ МИР»

Лексико-тематический класс «**Неорганический мир**» состоит из следующих подклассов: 1) «Космос»; 2) «Земная поверхность»; 3) «Атмосферные явления».

³⁵⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 1. С. 900.

³⁵⁸ Там же. Т. 3. С. 1067.

³⁵⁹ Там же. Т. 4. С. 696.

Словообразовательная специфика мотивированных имен класса «Неорганический мир» такова: преобладает суффиксальный способ образования, присутствует способ сложения основ и слов, а также субстантивация и префиксально-суффиксальный способ. Мотивирующая база как субстантивная, так и глагольная, редко адъективная. Мотивирующие лексемы в своем большинстве принадлежат к общенац. яз., в единичных случаях — к диалектной лексике.

Отсубстантивные суффиксальные словообразовательные модели представлены в данной группе шестью разновидностями. Наиболее распространенной является следующая модель: **S + формант -ин(а)** со значением стилистической модификации: а) *лужина* ‘лужа’, б) *краина* ‘край’, в) *глыбина* ‘комочек земли, глыба’, г) *грядина* ‘возвышенное место’, д) *бугрина* ‘холм, возвышенность’, е) *падина* ‘равнина, низина (среди гор)’ от общенац. слов *лужа*, *край*, *глыба*, *гряда* ‘цепь холмов’, *бугор* ‘возвышение, холм’, *падь*. Особого замечания требует слово *падина*. Необходимо отметить, что невозможно определить, возникло ли слово *падина* в общенац. яз. (впервые отмечено в Словаре Академии 1822 г.), либо в донском говоре, либо уже в говоре казаков-некрасовцев, поэтому считаем возможным рассмотреть его в данном разделе исследования. Данная модель существует и в современном русском языке и является продуктивной (*помидорина*, *тыквина* — см. РГ-80, т. 1, с. 216). Подобные слова со значением стилистической модификации представляют собой разговорные или просторечные синонимы соответствующих мотивирующих существительных.

Другие отсубстантивные суффиксальные словообразовательные модели представлены немногочисленными или единичными примерами. Большинство из них также обладает модификационным словообразовательным значением. Первая модель **S + формант**, представленный суффиксальными морфами морфемы **-к-: -ашк(а), -ейк(а), -ичк(а), -ушк(а)** с модификационным субъективно-оценочным значением: существительные ж. р. *падинашка* ‘ласк. равнина, низина’ (от *падина*), *местейка* ‘место’ (от общенац. *место*), *земличка* ‘ласк. к земля’ (от общенац. *земля*), *звездушка* (в общенац. яз. аналогичная продуктивная словообразовательная модель: *мордашка*, *кудряшка*, *шубейка*, *зимушка* — см. РГ-80, т. 1, с. 211—213). Вторая модель **S + формант -ечк(о)** с аналогичным субъективно-оценочным значением: существительные ср. р. *местечечко* ‘ласк. к место’ от общенац. *местечко* (в общенац. яз. аналогичная продуктивная словообразовательная модель: *времечко*, *семечко* — см. РГ-80, т. 1, с. 212). Третья модель **S + формант -ок: дождечочек** ‘ласк. дождь’ со значением усиленной степени ласкательности (от *дождечок* с уменьшительно-ласкательным значением). Данная модель является высокопродуктивной в современном русском языке (*дубочек*, *голосочек*, *домичек* — по данным РГ-80, т. 1, с. 209). Четвертая модель: **S + формант -ец: туманец** ‘небольшой туман’ с уменьшительно-ласкательным значением (от общенац. слова *туман*). Данная модель является высокопродуктивной в современном русском языке (*морозец*, *капиталец*, *изъянец* — по данным РГ-80, т. 1, с. 210).

Отглагольные суффиксальные словообразовательные модели. Существительное *pluralia tantum* **зажары** ‘созвездие Стожары’ образовано по **отглагольной модели V + нулевой суффикс**, имеющей общее мутационное значение ‘совокупность предметов, характеризующаяся действием, названным мотивирующим словом’ (от *зажариться* ‘быть зажариваему’. *Я совсем зажарился на солнце*³⁶⁰). В современном русском языке существует аналогичная непродуктивная модель (*всходы, помои, припасы* — по данным РГ-80, т. 1, с. 224).

Модель **V + нулевой суффикс**, имеющая общее мутационное значение ‘отвлеченное действие или состояние’, репрезентированное в таком частном словообразовательном значении, как ‘объект и результат действия’: а) *перелом* ‘крепкий осенний лед’ от общенац. глагола *переломать* ‘изломать, ломать надвое или на части’³⁶¹; б) лексема м. р. *зыб* ‘крутая волна во время волнения на море’ (от диалектного глагола *зыбать* пск., *зыбать* нвг., *зыбить* влгд. ‘колебать, качать, покачивать’³⁶²). Необходимо отметить, что в общенац. яз. имеется слово *зыбь*, которое, кроме иной конечной фонемы (в говоре фонема <б>, в литературном языке фонема <б’>) и иного грамматического рода (в говоре м. р., в литературном языке ж. р.), имеет другое значение ‘легкая рябь на водной поверхности’. В современном русском языке существует аналогичная высокопродуктивная модель (*расплав* ‘расплавленная масса’, *отвал* ‘отваленная порода’, *выем* в стене, *покров* ‘слой, покрывающий что-либо’ — по данным РГ-80, т. 1, с. 220). К этой же модели принадлежит лексема *пой* ‘водопой’, реализующая иное частное словообразовательное значение указанной модели, такое как ‘место’. В современном русском языке у аналогичной высокопродуктивной модели существует такое же частное словообразовательное значение: *забой, загон, ход, вход, выгон*.

Модель **V + формант -(а)ниц(а)** с мутационным значением ‘предмет, характеризующийся отношением к действию, названному мотивирующим словом, конкретизированным как ‘ограниченное пространство’: *деляница* ‘надел земли’ от общенац. глагола *делить* (в Сл. Даля отмечена только лексема *делянка* с тем же значением³⁶³). В общенац. яз. имеется аналогичная словообразовательная модель, называющая сооружения: *звонница, мельница, гостиница* — по данным РГ-80, т. 1, с. 153.

Модель **V + суффикс -к-(а)**, имеющая общее мутационное значение ‘отвлеченный процессуальный признак, названный мотивирующим словом’, конкретизированное во вторичном значении как ‘предмет — результат действия, указанного мотивирующим глаголом, и его место’: *перетяжка* ‘невысыхающие, поросшие камышом остатки весеннего разлива реки или озера’ от общенационального гла-

³⁶⁰ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 1. С. 1441.

³⁶¹ Там же. Т. 3. С. 159.

³⁶² Там же. Т. 1. С. 1738.

³⁶³ Там же. С. 1273.

гола *перетянуть*. В современном русском языке существует аналогичная высокопродуктивная в разговорной речи модель: *зимовка, стоянка, выставка, явка* — по данным РГ-80, т. 1, с. 160—161.

Отадъективное словообразование представлено рядом **суффиксальных моделей**. Первые три модели обладают транспозиционным значением. Модель **Adj + формант -от(a)**: *сухота* в значении ‘сушь, засуха’ с отвлеченным значением признака, свойства (от общенац. слова *сухой*). Данная модель является продуктивной в современном русском языке (*чистота, высота, чернота, широта* — по данным РГ-80, т. 1, с. 181). Вторая модель **Adj + формант -ядь**: *чернядь* в значении ‘чернота’ с отвлеченным значением признака, свойства (от общенац. слова *черный*). Данная модель является непродуктивной в современном русском языке (*пестрядь, мокрядь* во вторичных отвлеченных значениях — по данным РГ-80, т. 1, с. 177). Четвертая модель **Adj + нулевой формант**: *стыдь* ‘холод’ с отвлеченным значением признака, свойства (от общенац. слова *студеный*). Данная модель является продуктивной в современном русском языке в художественной речи (*толиць, круть* — по данным РГ-80, т. 1, с. 224).

Несколько **отадъективных** моделей обладают таким общим мутационным значением, как ‘предмет, характеризующийся отношением к предмету, названному мотивирующим словом’. Первая модель **Adj + формант -иц(a)** с общим словообразовательным значением ‘предмет, характеризующийся признаком, названным мотивирующим словом’, конкретизированным в таком частном значении, как ‘вещество’: *снежница* в значении ‘тонкий лед на реке, озере, засыпанный снегом’ (от общенац. слова *снежный*). Данная модель является непродуктивной в современном русском языке (*живица* — по данным РГ-80, т. 1, с. 174). Вторая модель **Adj + формант -ин(a)**: *ледина* ‘сильный холод’ от прилагательного общенац. яз. *ледяной*. Данная модель является продуктивной в современном русском языке (*пушнина, быстрина, выпуклина* — по данным РГ-80, т. 1, с. 173). Третья модель **Adj + нулевой формант**: *бель* ‘морозный иней, рисунок на стеклах’ (от общенац. слова *белый* ‘бесцветный..., чистый’³⁶⁴). В современном русском языке данная модель является продуктивной в художественной речи (*сушь* ‘сухие ветки’, *заумь* ‘определенный жанр в литературе’ — по данным РГ-80, т. 1, с. 224).

Четвертая модель **Adj + суффикс -ин(a)** имеет общее мутационное значение ‘предмет, характеризующийся признаком, названным мотивирующим словом’, которое конкретизировано как ‘место, пространство, участки и пятна на поверхности’: *площина* ‘ровное место на поверхности земли, равнина’ от общенац. качественного прилагательного *плоский*. В современном русском языке существует аналогичная продуктивная модель: *равнина, луговина, целина* — по данным РГ-80, т. 1, с. 172—173). Пятая модель: **Adj + суффикс -ак** с аналогичным общим

³⁶⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 1. С. 374.

мутационным значением, которое конкретизировано как ‘место’: *меляк* ‘мель’ от общенац. качественного прилагательного *мелкий* ‘неглубокий’³⁶⁵. В современном русском языке существует аналогичная продуктивная в разговорной речи и в просторечии модель: *кругляк, тусляк, товарняк* (по данным РГ-80, т. 1, с. 170). Шестая модель **Adj + -(н)иц(а)**, имеющая общее мутационное значение ‘предмет, характеризующийся признаком, названным мотивирующим словом’, конкретизированное в данном случае как ‘природное явление’: *жарница* ‘планета Венера’ образовано от прилагательного общенац. яз. *жаркий*. В современном русском языке существует аналогичная непродуктивная модель (*денница* — по данным РГ-80, т. 1, с. 174).

Суффиксально-префиксальный способ представлен одной моделью: **префикс за- + S + суффикс -ок**, имеющей общее модификационное значение ‘нечто, находящееся позади того, что названо мотивирующим словом’: *загрядок* ‘болотистое место, отделенное от озера возвышенностью, грядой’ от общенац. существительного *гряда*. В современном русском языке существует аналогичная продуктивная модель: *загрибок, загорбок* — по данным РГ-80, т. 1, с. 232—233.

Способ сложения представлен четырьмя моделями. Первая модель — это существительное с **суффиксом -к-(а)** и предшествующей основой **полу-** (усеченная основа слова *половина* и интерфикс **-у-**) со значением ‘предмет, относящийся к тому, что названо существительным в опорной основе и конкретизировано в первой основе’: а) *полугорка* ‘пригорок’ от общенац. слов *гора* и *половина*; б) *полудёнка* ‘южный ветер’ от общенац. лексем *день* и *половина*. В современном русском языке существует аналогичная продуктивная модель: *полукровка* — по данным РГ-80, т. 1, с. 249). Вторая модель — это существительное с **суффиксом -j-(е)** и предшествующей основой **полу-** со значением ‘предмет, относящийся к тому, что названо существительным в опорной основе и конкретизировано в первой основе’: *полугорье* ‘кособор’ от общенац. слов *гора* и *половина*. В современном русском языке существует аналогичная продуктивная модель: *полугодие* — по данным РГ-80, т. 1, с. 249. Третья модель — это существительное, образованное способом сложения основ (имени и глагола), с опорным компонентом, содержащим глагольную основу + **суффикс -тиj-(е)**: *градобитие* ‘град’ от общенац. слов *град* и *бить*. Сложения этого типа продуктивны в современной книжной речи: *чаепитие, рукопожатие* (по данным РГ-80, т. 1, с. 248). Четвертая модель представлена наименованием *Прикол-звезда* ‘Полярная звезда’, оно образовано **способом сложения слов**: общенац. существительного *прикол* (‘вбитый кол для привязки скота’) и лексемы говора *звезда* (ср. в литературном языке аналогичная словообразовательная модель: *диван-кровать, вагон-купе, плац-палатка*).

К способу субстантивации относятся два существительных: *мелка* ‘мелкое место в озере у берега, где поят скот’, *быстря* ‘быстрое течение на середине реки’.

³⁶⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 824.

Данные лексемы демонстрируют архаичность говора казаков-некрасовцев в силу того, что представляют собой с точки зрения происхождения краткие прилагательные в функции определения.

3. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ КЛАССА «ОРГАНИЧЕСКИЙ МИР»

Лексико-тематический класс «**Органический мир**» состоит из следующих лексико-тематических подклассов: 1) «Человек»; 2) «Трудовая деятельность»; 3) «Быт»; 4) «Животный мир»; 5) «Растительный мир».

3.1. Словообразование существительных подкласса «Человек»

Лексико-тематический подкласс «**Человек**» в говоре казаков-некрасовцев состоит из следующих групп: 1) «Общие номинации человека и совокупностей лиц»; 2) «Номинации человека по отношению к религии»; 3) «Номинации человека по отношению к национальности, а также к территории, к месту жительства»; 4) «Номинации человека по семейно-родственным отношениям»; 5) «Номинации человека по внешнему состоянию, свойству, качеству»; 6) «Номинации человека по внутреннему состоянию, свойству, качеству»; 7) «Номинации человека по социальному свойству, состоянию, действию, функции, связям».

В составе лексико-тематических групп «**Общие номинации человека и совокупностей лиц**», «**Номинации человека по отношению к религии**», «**Номинации человека по отношению к национальности, а также к территории, к месту жительства, по месту нахождению**» находим определенное количество словообразовательно мотивированных существительных. Словообразовательная специфика мотивированных имен такова: преобладает суффиксальный способ образования, присутствует способ субстантивации. Мотивирующая база субстантивная, редко глагольная и адъективная.

Опишем **отсубстантивные словообразовательные** модели. Мотивирующие существительные называют представителей конкретных этносов, фамилии, совокупности людей, отдельных людей и относятся в своем большинстве к общенациональному языку (*грек, турок, француз, Липкин, Некрасов; люди, молодежь*), редко к диалекту (*хутор* — в Сл. Даля это слово имеет помету «южное»). Преобладающая модель **S + формант -(ан)ин, -(ен)ин, -(ован)ин, -ин** с мутационным значением «представитель определенной национальности, народности»: а) *турчанин* «турок», б) *гречанин* «грек», в) *французенин* «француз», г) *арапенин* «араб», д) *татаренин* «татарин» (от соответствующих национальных лексем *турок, грек, француз, араб, татарин*), е) *липованин* «название русских переселенцев-старообрядцев в Добрудже по имени генерала Липкина, освободившего Добруджу», ж) *турчин* «турок». В словах *французенин, арапенин, татаренин* имеется уникальное левое наращение суффикса, иначе незначимый интерфикс **-(ен)**, а в слове *липованин* — интерфикс **-(ова)**. В общенац. яз. имеется аналогичная высокопродуктивная модель: *израильтянин, англичанин, датчанин* (см. РГ-80, т. 1, с. 187).

Необходимо отметить фонетическую специфику лексемы *арापенин* ‘араб’, в данном мотивированном существительном сохранилась произошедшая в мотивирующем слове ассимиляция фонемы [б] по глухости, что обусловлено тем, что русская речь некрасовца существовала только в устной форме, писали некрасовцы на церковнославянском языке (мужчины) и на турецком языке.

Модель **S + формант -ец, (ан)ец** с мутационным значением ‘лицо, характеризующееся отношением к тому, что названо мотивирующим словом’: а) *староверец* ‘старовер’; б) *городянец* ‘горожанин’ от общенац. слова *город* (в Сл. Даля отмечены только лексемы *городчанин, горожанин*). В национальном языке имеется аналогичная словообразовательная модель: *пехотинец, челядинец* (РГ-80, т. 1, с. 185).

Лексемы *турчанин, гречанин, французенин, арапенин, татаренин, турчин, староверец* полностью дублируют значение мотивирующих существительных (соответственно *турок, грек, араб, татарин, француз, старовер*), и их суффикс, на первый взгляд, не добавляет никакой новой информации, а только повторяет уже существующую. В то же время подобная избыточность усиливает информативность слова, помогает опознавать его словообразовательное значение по его финали.

В данных подгруппах имеется три модели со значением стилистической модификации. Модель **S + формант -к(а)** со значением стилистической модификации (по этой модели образуются разговорные или просторечные синонимы мотивирующих слов): а) *людка* ‘неодобр. люди’ (*Лютка — хитраи люди*) от общенац. лексемы *люди*; б) *женка* ‘вообще женщина’ (от лексемы общенац. яз. *жена* ‘вообще женщина’³⁶⁶). В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная модель: *папка, дедка, мамка* (см. РГ-80, т. 1, с. 216). Модель **S + формант -аз(а)** со значением стилистической модификации: *туряга* ‘пренебр. турок’. В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная в разговорной речи и в просторечии словообразовательная модель: *плутяга, парняга, молодчага* (РГ-80, т. 1, с. 217). Модель **S + формант -от(а)** со значением стилистической модификации: *грекота* ‘пренебр. греки’. В национальном языке названная словообразовательная модель отсутствует. В национальном языке имеется непродуктивная модель с формантом *-от(а)* со значением ‘состояние’: *скукота, срамота, смехота* (см. РГ-80, т. 1, с. 217). В данном случае имеется специфичная по своей семантике словообразовательная модель говора некрасовцев.

Модель **S + формант -н(я)** с модификационным значением собирательности: *черкезня* ‘черкесы’ от общенац. существительного *черкес*. В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная в разговорной речи и в просторечии модель: *солдатня, малышня, матросня* (РГ-80, т. 1, с. 206).

Модель **S + формант -(ов)щин(а)** с модификационным значением собирательности ‘группа предметов или лиц, характеризующаяся отношением к предмету, названному мотивирующим словом’: *дедовщина* ‘собр. деды, старики’ (*Дядофшына*

³⁶⁶ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 1. С. 1827.

бисеудить) от общенац. существительного *дед*. В литературном языке аналогичная модель отсутствует. Суффикс *-щина* в литературном языке может иметь *вторичное* собирательное значение, но в сочетании с основами прилагательных: *военищина*, *полицейщина*, *иностранщина* — по данным РГ-80, т. 1, с. 180. В данном случае имеется специфичная по своей семантике словообразовательная модель говора некра-совцев.

Модель **S + формант -ат(а)/онок** с модификационным значением невзрослости: *молодыа* ‘молодежь’ от общенац. *молодь* ‘молодой, неопытный человек’ (в Сл. Даля дано без помет)³⁶⁷. В русском общенац. яз. на протяжении веков является актуальной и высокопродуктивной отсубстантивная модель с аналогичным значением и указанным формантом: *казахата*, *батрачата* (по данным РГ-80, т. 1, с. 204).

Модель **S + формант -ин(а)** с модификационным значением единичности ‘один предмет, выделенный из совокупности предметов’: *людина* ‘человек’ (от общенац. *люди*). В общенац. яз. существует аналогичная словообразовательная модель: *посудина*, *можжевелина*, *изюмина* — по данным РГ-80, т. 1, с. 207.

Модель **S + формант -(ав)к(а)** с модификационным значением женскости: *дунавка* ‘женск. к дунак’ (от диалектного *дунак*). В слове *дунавка* наблюдается уникальное левое наращение суффикса, иначе незначимый интерфикс *-(ав)*. В общенац. яз. имеется аналогичная высокопродуктивная словообразовательная модель: *мотовка*, *плутовка*, *чертовка* — по данным РГ-80, т. 1, с. 200.

Опишем **отадъективные** модели. Модель **Adj + формант -ец, -(ан)ец** с мутационным значением ‘лицо, характеризующееся отношением к тому, что названо мотивирующим словом’: а) *некрасовец* ‘последователь Некрасова’ (от общенац. лексемы *некрасовский* и опосредованно от существительного *Некрасов*), б) *хуторянец* ‘хуторянин’ (от лексемы *хуторский* и опосредованно от существительного *хутор*; по данным Сл. Даля с пометой *южное*³⁶⁸). В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная в разговорной речи модель: *забайкалец*, *поселковец* (РГ-80, т. 1, с. 168).

Модель **Adj + формант -ак** с мутационным значением ‘лицо, характеризующееся отношением к тому, что названо мотивирующим словом’: *дунак* ‘русский поселенец в Румынии, на Дунае’ (от общенац. лексемы *дунайский* и опосредованно от существительного *Дунай*). В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная в разговорной речи и в просторечии модель: *степняк*, *чужак* (РГ-80, т. 1, с. 170).

Модель **Adj + формант -ик** с мутационным значением ‘лицо, характеризующееся отношением к тому, что названо мотивирующим словом’: *безверник* ‘бранное, нехристь’ (от общенац. лексемы *безверный* ‘принадлежащий к безверию’;

³⁶⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 890.

³⁶⁸ Там же. Т. 4. С. 1246.

в Сл. Даля дано без помет³⁶⁹). В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная в разговорной речи модель: *женатик, повторник, игровик* (РГ-80, т. 1, с. 167).

Модель **Adj + нулевой формант** с мутационным значением ‘предмет, лицо, характеризующиеся отношением к тому, что названо мотивирующим словом’: *болгар* ‘болгарин’ (от общенац. лексемы *болгарский* и опосредованно от существительного *Болгария*). В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная в разговорной речи и в просторечии модель: *интеллектуал, хроник* (РГ-80, т. 1, с. 225).

Отглагольные модели представлены тремя моделями. Модель **V + нулевой формант** с мутационным значением ‘объект или результат действия’, конкретизированным в частном значении ‘совокупность предметов’: *наброт* ‘пришлые, новые поселенцы’ (от общенац. глагола *набродить* ‘сходиться с разных сторон, собираться как бы случайно’; в Сл. Даля дано без помет³⁷⁰). В общенац. яз. имеется аналогичная словообразовательная модель: *настой, вар, сад* (по данным РГ-80, т. 1, с. 221).

Модель **V + формант -ец, -(ан)ец** с мутационным значением ‘лицо, характеризующееся действием, названным мотивирующим словом’: а) *приходец* ‘новый поселенец, пришелец, приезжий’ (от общенац. глагола *приходить* ‘прибыть куда-либо пеши, на ногах’³⁷¹; б) *прихожанец* ‘новый поселенец, пришелец, приезжий’ (от общенац. глагола *приходждать* ‘прибыть куда-либо пеши, на ногах’³⁷²). В национальном языке имеется аналогичная непродуктивная словообразовательная модель: *лжец, продавец, выходец* (по данным РГ-80, т. 1, с. 145).

Модель **V + формант -ок** с мутационным значением ‘лицо, характеризующееся действием, названным мотивирующим словом’: *приселок* ‘новый поселенец, пришелец, приезжий’ (от общенац. *приселить* — ‘селить к прочим, пополнять поселенье’³⁷³). В общенац. яз. имеется аналогичная непродуктивная словообразовательная модель: *едок, стрелок, игрок* (по данным РГ-80, т. 1, с. 146).

Способ **субстантивации** представлен 4 словами, называющими лицо:

а) *неверный* ‘не христианин, мусульманин’ от одноименного диалектного прилагательного; б) *жильской* ‘местный житель, не приезжий’ от одноименного диалектного прилагательного; в) *беззаконный* ‘бран. безбожник’ от общенац. прилагательного, г) *странний* ‘о постороннем, чужом человеке’ от диалектного прилагательного *странний* и *странний* ‘кал., тмб., орл. сторонний, посторонний, или из другого города’³⁷⁴). В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная модель: *больной, взрослый* (см. РГ-80, т. 1, с. 239).

³⁶⁹Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 1. С. 150.

³⁷⁰ Там же. Т. 2. С. 995.

³⁷¹ Там же. Т. 4. С. 1194.

³⁷² Там же.

³⁷³ Там же. С. 1153.

³⁷⁴ Там же. С. 566.

В составе лексико-тематической группы «Семейно-родственные отношения», находим определенное количество словообразовательно мотивированных существительных. Словообразовательная специфика мотивированных имен данной лексико-тематической группы такова: преобладает суффиксальный способ образования, присутствует префиксально-суффиксальный способ образования, аналогическое словообразование, субстантивация и словообразовательная языковая игра. Преобладают модификационные словообразовательные значения: стилистической модификации, субъективной оценки, женскости, незрелости. Мотивирующая база субстантивная, а также адъективная.

Охарактеризуем **отсубстантивные** суффиксальные модели. Самая распространенная модель такова: **S + формант -ак(а)** со значением стилистической модификации (по этой модели образуются разговорные или просторечные синонимы мотивирующих слов): а) *батяка* (от общенац. лексемы *батьа*), б) *мамака* (от общенац. лексемы *мама*), в) *сыняка* (от общенац. лексемы *сын*), г) *дядяка* (от общенац. лексемы *дядя*), д) *бурлачака* (от диалектной лексемы *бурлак*), е) *девяка* (от общенац. лексемы *дева*). В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная в разговорной речи и в просторечии модель: *чертяка, коняка, морозяка* (РГ-80, т. 1, с. 217).

Модель **S + формант -ушк(а)** с модификационным субъективно-оценочным уменьшительно-ласкательным значением: а) *батькушка* 'ласк. к отец' (от лексемы говора *батьа*), б) *братушка* 'ласк. к брат' (от общенац. лексемы *брат*). В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная в разговорной и художественной речи, а также в фольклоре, словообразовательная модель: *соседушка, тестюшка, дядюшка* (см. РГ-80, т. 1, с. 213). Модель **S + формант -(оч)ек** с модификационным субъективно-оценочным уменьшительно-ласкательным значением: *бурлачочек* 'ласк. к бурлак' (от диалектной лексемы *бурлак* 'южн. неженатый, холостой')³⁷⁵. В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная в разговорной и художественной речи модель: *зятёк, браток* (РГ-80, т. 1, с. 210). Левое наращение суффикса в данном слове *-(оч)* является характерным только для говора.

Модель **S + формант -иньк(а)** с модификационным субъективно-оценочным уменьшительно-ласкательным значением: *сестринька* 'ласк. к сестра' (от общенац. лексемы *сестра*). В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная в разговорной и художественной речи словообразовательная модель: *заинька, Марфинька* (РГ-80, т. 1, с. 214). Чаще всего данный суффикс на письме передается как *-еньк-*: *папенька, тятенька, дяденька* (РГ-80, там же).

Модель **S + формант -ин(я)** с модификационным словообразовательным значением женскости: *своячина* 'сестра жены, свояченица' (от общенац. лексемы *сво-як*). В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная в разговорной речи модель: *шефиня, филологиня* (РГ-80, т. 1, с. 203). Модель **S + формант -(ов)ј(я)** с модификационным словообразовательным значением женскости: *свекровья* 'свекровь'

³⁷⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 1. С. 351.

(от общенац. лексемы *свекор*). В общенац. яз. имеется аналогичная в разговорной речи словообразовательная модель: *шалунья, драчунья, хохотунья* (РГ-80, т. 1, с. 203). Левое наращение суффикса *-(ов)*, является специфичным, в литературном языке в данной модели оно не встречается, хотя уникальные левые наращения данной модели свойственны и общенациональному языку. Так, у лексемы *попадьа*, относящейся к данной модели, имеется иное уникальное левое наращение данного суффикса: *-(ад)j(я)*.

Модель **S + формант -онок/-ат** с модификационным словообразовательным значением невзрослости: *двойнята* ‘близнецы-двойняшки’ (от общенац. лексемы *двойня*). В общенац. яз. имеется аналогичная высокопродуктивная словообразовательная модель: *внучата, цыганята* (РГ-80, т. 1, с. 204). Модель **S + формант -(ен)онок** с модификационным словообразовательным значением невзрослости, которое сопровождается субъективно-оценочным уменьшительно-ласкательным значением: а) *дитёнок* ‘ребенок’ (от общенац. лексемы *дитя*); б) *дитёnenок* ‘маленький ребенок’ (от общенац. лексемы *дитя*). В слове *дитёnenок* имеем уникальное левое наращение *-(ен)-*. Для данной модели в литературном русском языке характерны иные левые наращения корня, такова, например, лексема *негритенок* с левым наращением *-(ит)-*.

Лексемы *двойнята, дитёnenок, дитёнок* выявляют тенденцию к избыточности морфематической структуры слова, ведь по своему значению основы данных мотивированных слов полностью совпадают со значением мотивирующего существительного (*двойня, дитя*) и суффиксы *-ат(а), -(ен)онок, -онок*, обладающие значением ‘невзрослое существо’, дублируют уже существующую в значении мотивирующего слова информацию.

Модель **S + формант -(ен)ник** с мутационным словообразовательным значением ‘лицо, характеризующееся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом’: *крестбenniк* ‘крестный сын’ (от диалектного *крестбины* пск., смол., *крестбины*, тобол., смол. — ‘крестины’³⁷⁶). В общенац. яз. имеется продуктивная, особенно в разговорной речи, аналогичная словообразовательная модель: *помощник, фокусник, лошаdятник* (РГ-80, т. 1, с. 183—184). Левое наращение суффикса *-(ен)* является характерным только для говора. Иные уникальные левые наращения данной модели свойственны и общенациональному языку. Так, у лексемы *коробейник*, относящейся к данной модели, имеется иное уникальное левое наращение данного суффикса: *-(ей)ник*.

Модель **S + формант -(ат)ниц(а)** с мутационным словообразовательным значением ‘предмет, характеризующийся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом’: *детятница* ‘женщина, имеющая детей’ (от общенац. лексемы *дитя*). В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная словообразовательная модель: *житница, сокровищница* (РГ-80, т. 1, с. 191). В данном слове

³⁷⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 492.

говора имеется уникальное левое наращение суффикса *-(am)*. В целом в говоре произошло семантическое расширение модели, так как слово *детятница* означает человека в отличие от значения 'предмет', свойственного этой модели в литературном языке.

Отадьективные модели представлены двумя разновидностями. **Adj + формант -ушк(а)** с мутационным словообразовательным значением 'лицо, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом': *крестнушка* 'крестная мать' (от общенац. прилагательного *крестная* 'восприемница от купели'³⁷⁷). В общенац. яз. имеется аналогичная словообразовательная модель: *старушка, толстушка* (РГ-80, т. 1, с. 174). **Adj + формант -ость** с мутационным словообразовательным значением 'предмет, характеризующийся признаком, названным мотивирующим словом', конкретизированном в собирательном значении: *сродность* 'собр. родня' (от общенац. прилагательного *сродный* 'близкий, кровный, родственный'³⁷⁸). В общенац. яз. имеется аналогичная непродуктивная словообразовательная модель с собирательным значением: *живность, растительность* (РГ-80, т. 1, с. 176).

Префиксально-суффиксальный способ представлен одной моделью и одним словом. Модель **префикс *по* + S + суффикс *-иј(я)*** с модификационным словообразовательным значением 'предмет, характеризующийся нахождением близ того, что названо мотивирующим словом': *посестрия* 'младшая двоюродная сестра' (от общенац. существительного *сестра*). В общенац. яз. имеется продуктивная аналогичная словообразовательная модель: *побережье, поморье, полесье, поречье* (см. РГ-80, т. 1, с. 233). В целом в говоре произошло семантическое расширение названной модели, так как слово *посестрия* означает человека в отличие от значения 'предмет', свойственного этой модели в литературном языке.

Способ субстантивации представлен лексемами двух моделей, называющих лицо и отличающихся частеречной принадлежностью мотивирующего слова: а) *поженатые* 'женатые', мотивирующим словом является одноименное причастие говора и *отдатая* 'замужняя', мотивирующим словом является одноименное диалектное причастие; б) *крестовый* 'родственник по кресту', мотивирующим словом является одноименное прилагательное. В общенац. яз. имеются аналогичные продуктивные словообразовательные модели: *убитый* и *больной, взрослый* (см. РГ-80, т. 1, с. 239, 241).

Способ образования слов «по образцу» демонстрирует лексема *близнята* 'близнецы', образцом для которой послужило диалектное слово *двойнята*. Способ образования слов «по образцу» демонстрирует также лексема *шуряк* 'шурин', образцом для которой послужило общенац. слово *свояк*.

³⁷⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 490.

³⁷⁸ Там же. Т. 4. С. 481.

В описываемой лексико-тематической группе «**Номинации человека по семейно-родственным отношениям**» имеется один случай **словообразовательной языковой игры**. Это прием рифмованного эха (экспрессивного рифмованного удвоения), который заключается в следующем: какое-либо слово повторяется с изменением начального звука, причем изменяется и его семантика: *крёстная-мрёсная* ‘вся родня’ (*Вядуть фсех сроцтвинниках, крёсную-мрёсную*). Впервые подобные языковые факты отметила О. К. Сердюкова, она полагала, что имена типа *кресная-мресная* возникли под влиянием тюркских разговорных форм³⁷⁹.

В составе лексико-тематической группы «**Номинации человека по внешнему состоянию, свойству, качеству**» (номинации качеств человека по его внешнему виду и по отношению к внешнему миру, номинации человека по его физическим, физиологическим качествам, в том числе наименования болезней) находим определенное количество мотивированных существительных. Словообразовательная специфика мотивированных имен данной лексико-тематической группы такова: преобладает суффиксальный способ образования и субстантивация, присутствует префиксальный способ образования и способ сложения. Мотивирующая база субстантивная, адъективная, глагольная.

Отсубстантивные суффиксальные модели. Большинство из них относится к модификационным словообразовательным моделям. Значительное место среди модификационных словообразовательных моделей занимают модели с субъективно-оценочным уменьшительно-ласкательным значением.

Модель **S + формант -ек, -ок, -(ш)ек, (уш)ек** с модификационным субъективно-оценочным уменьшительно-ласкательным значением: а) *парнек* ‘мальчик’ от лексемы *парень* ‘юноша’³⁸⁰ (в Сл. Даля дано без помет), б) *черепок* ‘черепная коробка, череп’ от лексемы *череп* (в Сл. Даля не отмечено); в) *подкладышек* ‘человек маленького роста’ (очевидно, метафорическое образование от слова общенац. яз. *подкладыш* ‘деланное яйцо, подкладываемое в гнездо, чтобы курица неслась’³⁸¹; г) *глазушек* ‘ласк. глаз’. В общенац. яз. имеется аналогичная словообразовательная модель, продуктивная в разговорной и художественной речи: *окунек, воробышек, клинышек* (РГ-80, т. 1, с. 208).

Модель **S + формант -ун(я)** с модификационным субъективно-оценочным уменьшительно-ласкательным значением: *голопуня* ‘шутл. голопузик’ (очевидно, от слова говора *голопузик*, в Сл. Даля отмечено только прилагательное *голопузий*). В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная в разговорной речи модель: *бабуня, дедуня, Петюня* (РГ-80, т. 1, с. 215).

³⁷⁹ Сердюкова О. К. Лексика говора казаков-некрасовцев: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1969. С. 14.

³⁸⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 3. С. 38.

³⁸¹ Там же. С. 451.

Модель **S + формант -иньк(а)** с модификационным субъективно-оценочным уменьшительно-ласкательным значением: *рукинька* ‘уменьш.-ласк. к рука’. В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная в разговорной и художественной речи модель: *заинька, паинька, косынька* (РГ-80, т. 1, с. 214).

Модель **S + формант -очк(а)** с модификационным субъективно-оценочным уменьшительно-ласкательным значением: *телочка* (в говоре это слово женского рода) ‘ласк. к тело’. В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная в сфере образования личных имен модель: *тетечка, нянечка, мамочка* (РГ-80, т. 1, с. 214).

Модель **S + формант -ушк(а)** с модификационным субъективно-оценочным уменьшительно-ласкательным значением: *костушка* ‘ласк. к кость’. В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная в разговорной и художественной речи модель: *сторонушка, зимушка* (РГ-80, т. 1, с. 214).

Модель **S + формант -як(а)** с модификационным субъективно-оценочным значением ‘увеличения’, возникшим на основе переносного значения мотивирующего слова: *валяка* ‘увелич. к вал’ — ‘опухоль от укуса комара’ (от общенац. лексемы вал ‘земляная насыпь грядой или гребнем’³⁸²). В современном русском языке есть похожая отсубстантивная модель: *коняка, морозяка* (РГ-80, т. 1, с. 217).

Модель **S + формант -к(а)** с модификационным значением «женскости»: *чистотка* в значении ‘аккуратная, чистоплотная женщина’ (от лексемы говора *чистот* ‘аккуратный, чистоплотный мужчина’). Данная модель является высокопродуктивной в современном русском языке: *самка, тетерка, индюшка* (по данным РГ-80, т. 1, с. 200). Модель **S + формант -ниц(а)** с модификационным значением «женскости»: *судомойница* ‘неопрятная женщина, неряха’ (от лексемы общенац. яз. *судомой* ‘кто перемывает в доме посуду, кухонную и столовую’³⁸³ (в Сл. Даля дано без помет)). Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *учительница, свидетельница* (по данным РГ-80, т. 1, с. 201). Лексема говора *судомойница* демонстрирует случай метафорического словообразования, нечасто встречающийся в языке.

Модель со значением стилистической модификации, характерным для стилистически сниженных синонимов, **S + формант -(ы)г(а)**: *моталыга* ‘неодобр. неаккуратный в обращении с чужими вещами’, слово образовано от лексемы *мотала* ‘расточитель’³⁸⁴ (в Сл. Даля дано без помет). В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная в разговорной речи и в просторечии словообразовательная модель: *молочага, плутяга* (РГ-80, т. 1, с. 217).

³⁸² *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 1. С. 399.

³⁸³ Там же. Т. 4. С. 620.

³⁸⁴ Там же. Т. 2. С. 916.

Модель **S + формант -ин(а)** с модификационным значением единичности: *лячина* ‘одна единица ляки’ от слова говора *ляка* ‘лекарство’ (*Типерь на сярцах ни балить, лячину давали*). Данная словообразовательная модель продуктивна в русском языке: *конфетина, штуковина* (РГ-80, т. 1, с. 207).

В данной подгруппе имеются и отсубстантивные модели с мутационным словообразовательным значением. Первая модель **S + формант -ач** с мутационным словообразовательным значением ‘лицо, характеризующееся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом’: *ядряч* ‘ребенок мужского пола, мальчик’ (от общенац. слова *ядро* ‘круглое тело, шар, ... шулята в мошонке’³⁸⁵). В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная в разговорной речи и в просторечии словообразовательная модель: *бородач, усач, лохмач* (РГ-80, т. 1, с. 186).

Вторая модель **S + формант -(от)ин(а)** с мутационным словообразовательным значением ‘предмет, характеризующийся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом’: *лукатина* ‘локоть’ от общенац. лексемы *лука* ‘изгиб, кривизна, излучина’³⁸⁶. В общенац. яз. имеется аналогичная непродуктивная словообразовательная модель: *перина, паутина* (РГ-80, т. 1, с. 192).

Третья модель **S + формант -ник** с мутационным словообразовательным значением ‘предмет, характеризующийся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом’: *подбородник* ‘подбородок’ от общенац. лексемы *подбородок* ‘часть лица под нижней губой’³⁸⁷ (зафиксированное в Словаре Даля слово *подбородник* имеет другое значение — ‘ремешок узды’). В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная словообразовательная модель: *градусник, горчичник* (РГ-80, т. 1, с. 183).

Четвертая модель **S + формант -к(а)/(ет)к(а)** с мутационным словообразовательным значением ‘предмет, характеризующийся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом’: а) *костка* ‘крестец’ от лексемы общенац. яз. *кость* (в Сл. Даля это слово *кость* описано как уменьшительное); б) *кубетка* ‘пренебр. голова’, лексема является метафорическим образованием от *куба* ‘кубышка, высокая кадушка для кумыса и битья масла’³⁸⁸. Подобная модель, по данным РГ-80, в русском литературном языке отсутствует.

Пятая модель **S + формант -(ун)ец** с мутационным значением: *ракунец* ‘болезнь’ от мотивирующего слова общенац. яз. *рак* ‘болезнь, которой наружный признак отверделая язва особого вида’³⁸⁹. Данная словообразовательная модель непродуктивна в русском языке: *рыбец, ремнец* ‘червь’ (РГ-80, т. 1, с. 185). Нарашение

³⁸⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 4. С. 1563.

³⁸⁶ Там же. Т. 2. С. 703.

³⁸⁷ Там же. Т. 3. С. 412.

³⁸⁸ Там же. С. 536.

³⁸⁹ Там же. С. 1586.

суффикса *-ун-* является уникальным, характерным только для системы словообразования говора некрасовцев.

Префиксально-суффиксальный способ. Модель *рас-* + *S* + суффикс + *-тиј(э)* с мутационным значением 'предмет, характеризующийся значением, названным мотивирующим существительным': *расперстие* 'болезнь кисти руки, опухоль' от общенац. слова *перст*. Данная словообразовательная модель в современном русском языке не представлена (по данным РГ-80) и является специфичной моделью говора некрасовцев.

Префиксальный способ представлен одной моделью и одним словом. Модель префикс *не-* + *S* с модификационным словообразовательным значением 'противоположность тому, что названо мотивирующим словом': *нечистотка* 'неопрятная женщина, неряха' (от слова говора *чистотка* 'аккуратная, чистоплотная женщина'). В общенац. яз. имеется аналогичная модель: *недруг* (РГ-80, т. 1, с. 228).

Отадъективные суффиксальные модели представлены пятью разновидностями с мутационными словообразовательными значениями. Первая модель *Adj* + **формант -ак** с мутационным словообразовательным значением 'лицо, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом': а) *беляк* 'блондин' (от общенац. лексемы *белый*), б) *длинняк* 'человек высокого роста' (от общенац. лексемы *длинный*), в) *попутняк* в значении 'попутчик' (от общенац. лексемы *попутный*). В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная в разговорной речи и в просторечии модель: *босяк, толстяк, наивняк* (РГ-80, т. 1, с. 170).

Вторая модель *Adj* + **формант -(а)к(а), (уж)к(а)** с мутационным словообразовательным значением 'лицо, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом': а) *грудяка* 'грудастая женщина' (от общенац. лексемы *грудастый*); б) *малюжка* 'крошка, малютка' (от общенац. лексемы *малый*). В общенац. яз. имеется аналогичная высокопродуктивная в разговорной и профессиональной речи модель: *неженка, невеличка, дурнушка, резвушка* (РГ-80, т. 1, с. 171). Левые наращения вариантов суффикса, иначе незначимые интерфиксы *-(а)*, *-(уж)*, являются уникальными.

Третья модель *Adj* + **формант -ух(а)** с мутационным словообразовательным значением 'лицо, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом': *пеструха* 'веснушчатая женщина' от общенац. лексемы *пестрый* 'рябый, пятнастый'³⁹⁰ (в Сл. Даля дано без помет). В общенац. яз. данный тип обнаруживает продуктивность в разговорной речи и в просторечии: *старуха, толстуха, молодуха* (РГ-80, т. 1, с. 174).

Четвертая модель *Adj* + **формант -(ёнуш)ек** с мутационным словообразовательным значением 'лицо, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом': *молоденушек* 'фолькл. молодой, невзрослый' (от общенац. яз. лексемы *молодой*). Левое наращение суффикса *-(ёнуш)* является уникальным.

³⁹⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 3. С. 26.

В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная словообразовательная модель: *умник, безобразник* (РГ-80, т. 1, с. 166).

Пятая модель **Adj + нулевой формант** с мутационным словообразовательным значением ‘лицо, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом’: *чистот* ‘аккуратный, чистоплотный мужчина’ от лексемы *чистотный* ‘относящийся к чистоте, плотской или нравственной’³⁹¹ (в Сл. Даля дано без помет). В общенац. яз. данный тип обнаруживает продуктивность в разговорной и профессиональной речи: *интеллектуал, гуманитар, легал* (РГ-80, т. 1, с. 225).

Отглагольные суффиксальные модели представлены 3 разновидностями с мутационным словообразовательным значением. Модель **V + формант -ник** с мутационным значением ‘лицо, характеризующееся действием, названным мотивирующим словом’: *приживник* ‘современник’ (от лексемы *приживить* ‘соединять живое’³⁹²; в Сл. Даля дано без помет). В общенац. яз. имеется аналогичная модель: *клеветник, шутник* (по данным РГ-80, т. 1, с. 200).

Модель **V + формант -щик** с мутационным значением ‘лицо, характеризующееся действием, названным мотивирующим словом’: *хромщик* ‘хромой человек’ от общенац. лексемы *хромать*. В общенац. яз. имеется аналогичная модель: *потатчик, проверщик, перебежчик* (по данным РГ-80, т. 1, с. 144).

Модель **V + формант -ень** с мутационным значением ‘предмет, характеризующееся действием, названным мотивирующим словом’: *ступень* ‘стопа’ от *стунать, стунуть* ‘шагать, идти’³⁹³. В общенац. яз. имеется аналогичная непродуктивная модель: *ставень, складень, студень* (по данным РГ-80, т. 1, с. 154).

Модель **V + формант -к(и)** с мутационным словообразовательным значением ‘название объекта и результата действия’: *завалки* ‘опухшие миндалины в горле’ от мотивирующего глагола *завалить*. В общенац. яз. есть аналогичная непродуктивная модель: *покопки* (РГ-80, т. 1, с. 237).

Модель **V + формант -ок** с мутационным словообразовательным значением ‘название объекта и результата действия’: *нырок* ‘опухоль, нарыв’ от мотивирующего глагола *нырять* ‘уйти, опуститься, спрятаться внезапно’³⁹⁴. В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная в разговорной и художественной речи модель: *обрубок, слепок, сгусток, биток, кипяток* (РГ-80, т. 1, с. 147).

Модель **V + формант -ец** с мутационным словообразовательным значением ‘название объекта и результата действия’: *нырец* ‘опухоль, нарыв’ от мотивирующего глагола общенац. яз. *нырять* ‘уйти, опуститься, спрятаться внезапно’. В общенац. яз. имеется аналогичная непродуктивная модель: *рубец, резец, паданец, стланец* (РГ-80, т. 1, с. 145).

³⁹¹ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 4. С. 1349.

³⁹² Там же. Т. 3. С. 1078.

³⁹³ Там же. Т. 4. С. 600.

³⁹⁴ Там же. Т. 2. С. 1456.

Способ сложения представлен двумя моделями и двумя словами. **Модель с опорным компонентом**, содержащим основу существительного со значением части головы и с суффиксом **-к(а)**, которому предшествует основа прилагательно-го: *голоплешка* ‘женщина с непокрытой головой’ от слов *голый* и *плешь* ‘лысина от вылезших волос’³⁹⁵ (в Сл. Даля дано без помет). В общенац. яз. имеется аналогичная модель: *белоручка*, *хромоножка* (по данным РГ-80, т. 1, с. 249). Лексема говора *голоплешка* демонстрирует случай метафорического словообразования, нечасто встречающийся в языке.

Модель сложение основ с опорным компонентом, равным самостоятельному слову, и подчинительным отношением: *главобиение* с мутационным значением ‘головная боль, толчки в голову’. Опорным компонентом выступает слово общенац. яз. *биение*, первый компонент подчинительного сложения — это основа слова общенац. яз. *глава*. В литературном языке существует аналогичная модель: *сердцебиение* (РГ-80, т. 1, с. 245).

Способ субстантивации представлен лексемами двух моделей, называющих лицо. Первая модель в нашем материале представлена лексемой *занятая* ‘беременная’. Мотивирующим словом являются одноименное причастие общенац. яз. В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная словообразовательная модель: *убитый* (РГ-80, т. 1, с. 241).

Вторая модель представлена рядом слов: а) *летний* ‘взрослый, не маленький’, б) *неправый* ‘искалеченный, калека’, в) *правый* ‘здоровый, не калека’, г) *неурядливый* ‘нерасторопный, плохой хозяин’, д) *набольший* ‘сильный, знатный’. Мотивирующим словом являются одноименные прилагательные, чаще всего диалектные. В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная словообразовательная модель: *больной*, *взрослый* (РГ-80, т. 1, с. 239).

В составе лексико-тематической группы «**Номинации человека по внутреннему состоянию, свойству, качеству**» находим определенное количество словообразовательно мотивированных существительных. Словообразовательная специфика мотивированных имен данной лексико-тематической группы такова: преобладает суффиксальный способ образования, присутствует префиксально-суффиксальный способ образования, словообразовательная игра. Мотивирующая база субстантивная, адъективная, глагольная.

Охарактеризуем **отглагольные суффиксальные модели**, которые представлены шестью разновидностями с мутационным словообразовательным значением. Модель **V + формант -ник** с мутационным значением ‘лицо, характеризующееся действием, названным мотивирующим словом’: *жульник* ‘жулик, обманщик’ от лексемы *жулить* ‘мошенничать в играх’³⁹⁶ (в Сл. Даля дано без помет). В общенац. яз. имеется аналогичная модель: *клеветник*, *шутник* (по данным РГ-80, т. 1, с. 200).

³⁹⁵ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 3. С. 333.

³⁹⁶ Там же. Т. 1. С. 1366.

Модель **V + формант -щик** с мутационным значением 'лицо, характеризующееся действием, названным мотивирующим словом': *подманищик* 'обманщик' от лексемы *подманивать* 'заманивать, обольщать'³⁹⁷ (в Сл. Даля дано без помет). В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная модель: *потатчик, проверщик, перебежчик* (по данным РГ-80, с. 144).

Модель **V + формант -к(а), -ушк(а)** с мутационным значением 'лицо, характеризующееся действием, названным мотивирующим словом': а) существительное общего рода *гутарка* 'разговорчивый человек' от диалектной лексики *гутарить* 'вор., тмб. говорить, беседовать'³⁹⁸; б) существительное общего рода *хвалушка* 'хвастливый человек' от общенац. лексики *хвалить*. В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная модель: *выскачка, тараторка, лакомка, болтушка, завирушка* (по данным РГ-80, т. 1, с. 150—151).

Модель **V + формант -ак(а)** с мутационным значением 'лицо, характеризующееся действием, названным мотивирующим словом': существительное мужского рода *трудоак* 'трудолюбивый человек' от общенац. лексики *трудиться*. В общенац. яз. данный тип обнаруживает продуктивность, особенно в разговорной речи и просторечии: *кривляка, кусака, ломака* (РГ-80, т. 1, с. 152).

Модель **V + формант -ок** с мутационным значением 'лицо, характеризующееся действием, названным мотивирующим словом': *ломок* 'неработающий, ленивый человек', вероятно, от слова общенац. яз. *ломаться* 'заставлять себя просить'³⁹⁹ (в Сл. Даля дано без помет). В литературном языке данный тип существует: *игрок, ходок* (РГ-80, т. 1, с. 146).

Модель **V + формант -ач** с мутационным значением 'лицо, характеризующееся действием, названным мотивирующим словом': *ухач* 'удалец, сорвиголова' от общенац. лексики *ухарить* 'молодцевать'⁴⁰⁰. В общенац. яз. данный тип обнаруживает продуктивность, особенно в разговорной речи и просторечии: *трепач, слухач* (РГ-80, т. 1, с. 146).

Модель **V + формант -уш(а)** с мутационным значением «лицо, характеризующееся действием, названным мотивирующим словом»: существительное общего рода *толкуша* 'бестолковый, непонятливый человек' от общенац. лексики *толковать* 'что: объяснять'⁴⁰¹. В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная модель в разговорной речи: *копуша, вруша, растеряша* (по данным РГ-80, т. 1, с. 152).

Модель **V + формант -ушк(а)** с мутационным значением 'лицо, характеризующееся действием, названным мотивирующим словом': существительное общ. р. *толкушка* 'бестолковый, непонятливый человек' от общенац. лексики *толковать*

³⁹⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 3. С. 473.

³⁹⁸ Там же. Т. 1. С. 1018.

³⁹⁹ Там же. Т. 2. С. 684.

⁴⁰⁰ Там же. Т. 4. С. 1107.

⁴⁰¹ Там же. Т. 3. С. 783.

‘что: объяснять’. В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная модель в разговорной речи: *болтушка, завирушка* (по данным РГ-80, т. 1, с. 150—151).

В значении лексем *толкушка, толкуша* ‘бестолковый, непонятливый человек’ наблюдается редкое семантическое явление: для отношений мотивации данных лексем с мотивирующим словом *толковать* ‘объяснять’ характерна энантиосемия. Мотивирующее слово *толковать* обладает значением ‘объяснять’, а мотивированные слова *толкушка, толкуша* включают в свою семантику антонимичный семантический компонент — ‘тот, кому невозможно объяснить’.

Отадъективные модели представлены тремя разновидностями с мутационным значением. Модель **Adj + формант -ик** с мутационным словообразовательным значением ‘лицо, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом’: а) *жадобник* ‘добрый, жалостливый человек’ от диалектного прилагательного *жадобный* ‘нвг., твр., ряз. желанный, милый, любезный, родимый’⁴⁰²; б) *страмотник* ‘бесстыдник’ от диалектного прилагательного *страмотный* (фонетический вариант слова обиходного крестьянского языка *срамотный* ‘срамной, бесчестный’⁴⁰³). В общенац. яз. данный тип обнаруживает продуктивность, особенно в разговорной речи: *киношник, нефтяник, женатик* (РГ-80, т. 1, с. 167).

Модель **Adj + формант -ак** с мутационным словообразовательным значением ‘лицо, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом’: *глупак* ‘глупец’ (от общенац. лексемы *глупый*). В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная в разговорной речи и в просторечии модель: *босяк, чужак, пошляк* (РГ-80, т. 1, с. 170). Модель **Adj + формант -ушк(а)** с мутационным словообразовательным значением ‘лицо, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом’: *немушка* ‘молчаливая, неразговорчивая женщина’ от общенац. лексемы *немой*. Данная модель является высокопродуктивной в разговорной и профессиональной речи: *дурнушка, простушка, резвушка* (РГ-80, т. 1, с. 171).

Отсубстантивные словообразовательные модели представлены двумя разновидностями. Две модели обладают модификационным словообразовательным значением «женскости». Модель **S + формант -нищ(а)**: *кукобница* ‘скупая женщина, скопидомка’ от диалектной лексемы *кукобник* ‘кур. бережливый хозяин, скопидом’⁴⁰⁴. Данная модель является продуктивной в современном русском языке (*учительница, свидетельница* — по данным РГ-80, т. 1, с. 201).

Модель **S + формант -ачк(а)** с модификационным значением «женскости»: *смелячка* ‘смелая женщина’ от существительного обиходного крестьянского языка

⁴⁰² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 1. С. 1308.

⁴⁰³ Там же. Т. 4. С. 479.

⁴⁰⁴ Там же. Т. 2. С. 547.

смелач ‘смелый человек’⁴⁰⁵ (в Сл. Даля дано без помет). В современном русском языке модель высокопродуктивна как в разговорной речи, так и в сфере официальных номинаций: *беглянка, корейка, сардиньянка* (по данным РГ-80, т. 1, с. 201).

Модель **S + формант -ник** с мутационным словообразовательным значением ‘лицо, характеризующееся отношением к предмету, названному мотивирующим словом’: *язычник* ‘болтун’ от общенац. лексемы *язык* ‘словесная речь человека, по народностям’⁴⁰⁶. В современном русском языке данная модель является высокопродуктивной: *причудник, фокусник* (по данным РГ-80, т. 1, с. 183).

Префиксально-суффиксальный способ представлен одной моделью: **префикс не- + V + нулевой суффикс + окончание -а**. Это существительные общего рода с мутационным словообразовательным значением ‘лицо, характеризующееся действием, названным мотивирующим словом’: а) *невзора* ‘надменный человек’ от общенац. лексемы *взирать* ‘смотреть, глядеть’⁴⁰⁷; б) *неулыба* ‘невеселый человек’ от общенац. лексемы *улыбаться*. Данная модель существует и в современном русском языке: *непоседа, недотрога, несмеяна* (по данным РГ-80, т. 1, с. 238).

Модель сложения с опорным компонентом, содержащим адъективную основу, и первым компонентом, выраженным местоименным прилагательным *сам* (в значении ‘сам, сам по себе’), которая обладает мутационным значением ‘лицо, характеризующееся признаком, названным адъективной основой’ и конкретизированным в первой основе сложения: *самовластник* — ‘свободный в своих поступках человек, сам себе хозяин’. В современном литературном языке подобная словообразовательная модель существует: *самоценный, самоочевидный* (РГ-80, т. 1, с. 320).

В составе лексико-тематической группы «**Номинации человека по социальным признакам**» находим определенное количество словообразовательно мотивированных существительных. Словообразовательная специфика мотивированных имен данной лексико-тематической группы такова: преобладает суффиксальный способ образования, присутствует способ сложения и субстантивация. Мотивирующая база субстантивная, адъективная, глагольная.

Охарактеризуем **отглагольные суффиксальные модели**, которые представлены тремя разновидностями. Все отглагольные модели обладают мутационным значением. Модель **V + формант -(т)к(а)** с мутационным значением ‘лицо, характеризующееся действием, названным мотивирующим словом’: а) существительное ж. р. *горетка* ‘женщина, у которой сгорел дом’ (от общенац. слова *гореть*); б) существительное ж. р. *погоретка* ‘женщина, у которой сгорел дом’ (от общенац. слова *погореть*). В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная модель:

⁴⁰⁵ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 4. С. 307.

⁴⁰⁶ Там же. С. 1566.

⁴⁰⁷ Там же. Т. 2. С. 482.

выскачка, тараторка, лакомка, стряпка (по данным РГ-80, т. 1, с. 150—151). Левое наращение суффикса **-(т)** в данном слове является уникальным.

Модель **V + формант -ик(а)** с мутационным значением ‘лицо, характеризующееся действием, названным мотивирующим словом’: существительное общ. р. **побирашка** ‘нищий’ (от общенац. слова *побираться*). В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная модель: *замарашка, притворяшка* (по данным РГ-80, т. 1, с. 150—151).

Модель **V + формант -ун** с мутационным значением ‘лицо, характеризующееся действием, названным мотивирующим словом’: существительное м. р. **побирун** ‘нищий’ (от общенац. слова *побираться*). В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная в разговорной речи модель: *бегун, прыгун, шалун* (по данным РГ-80, т. 1, с. 146).

Отсубстантивные суффиксальные словообразовательные модели представлены одной разновидностью. Модель **S + формант -(в)ан** с мутационным значением ‘лицо, характеризующееся тем, что названо мотивирующим словом’: **бахчеван** ‘владелец бахчи’ (от общенац. слова *бахча* ‘огород в поле, разводят особ. арбузы, дыни’⁴⁰⁸). В общенац. яз. имеется аналогичная непродуктивная модель: *брюхан, смутьян, губан* (РГ-80, т. 1, с. 188). Левое наращение суффикса в данном слове **-(в)** в данном слове является уникальным для данной модели.

Отадъективные суффиксальные модели представлены одной разновидностью. Мотивирующая лексема является наименованием человека по имущественному положению и относится к общенац. яз. Модель **Adj + формант -ак** с мутационным словообразовательным значением ‘лицо, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом’: **бедак** ‘бедняк’ (от общенац. лексемы *бедный*). В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная в разговорной речи и в просторечии модель: *босяк, чужак, пошляк* (РГ-80, т. 1, с. 170).

Способ сложения представлен тремя моделями. **Модель сложения с опорным компонентом, равным самостоятельному слову** и с подчинительным отношением основ, мутационное словообразовательное значение данной модели сводится к объединению значений основ мотивирующих слов в одно сложное значение: **казнодар** ‘богач’ от слов общенац. яз. *казна* и *дар*. В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная словообразовательная модель: *звукорежиссер, градоначальник* (РГ-80, т. 1, с. 242).

Модель сложения с опорным компонентом, содержащим субстантивную основу, и первым компонентом, выраженным числительным, которая обладает мутационным значением ‘предмет, характеризующийся тем, что названо опорной основой и конкретизировано в первой основе сложения’: **оdnосум** ‘товарищ’. В литературном языке имеется аналогичная продуктивная словообразовательная модель: *оdnорог, оdnоудум, восьминог* (РГ-80, т. 1, с. 252).

⁴⁰⁸ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 1. С. 102.

Модель сложения с опорным компонентом, содержащим глагольную основу, и первым компонентом, выраженным местоименным прилагательным *сам*, которая обладает значением ‘лицо, производящее действие, названное глагольной основой’ и конкретизированное в первой основе сложения: *самовидец* ‘очевидец’. В литературном языке имеется аналогичная продуктивная словообразовательная модель: *ясновидец, орденоносец* (РГ-80, т. 1, с. 246).

3.2. Словообразование подкласса «Трудовая деятельность»

Подкласс «Трудовая деятельность» состоит из следующих основных лексико-тематических групп: 1) «Земледелие и растениеводство»; 2) «Рыболовство»; 3) «Животноводство». Покажем специфику словообразования на материале двух групп: «Земледелие и растениеводство» и «Животноводство». Словообразовательная специфика мотивированных имен названных лексико-тематических групп такова: преобладает суффиксальный способ образования, присутствует способ сложения основ и слов, а также субстантивация и префиксально-суффиксальный способ. Мотивирующая база как субстантивная, так и глагольная.

Словообразование лексико-тематической группы «Земледелие и растениеводство»

Охарактеризуем **отглагольные суффиксальные модели**. Словообразовательное значение всех отглагольных суффиксальных моделей говора является мутационным. Мотивирующие глаголы называют конкретные действия, чаще всего относящиеся к сельскохозяйственному труду (*запрягать, зануздывать, сгребать, садить/сажать, сеять*), реже — вообще к трудовой деятельности (*чистить, тереть, делить*). Все мотивирующие глаголы относятся к русскому национальному языку.

Преобладающая модель — это модель **V + формант -лк(а)** с мутационным словообразовательным значением ‘орудие, инструмент’: а) *запрыхалка* ‘часть ярма, боковой стержень, которым запирают шею вола в ярмо’; б) *сгребалка* ‘приспособление из досок, которыми при помощи волов сгребают хлеб на поле’, в) *садилка* ‘конная сеялка’. Данная словообразовательная модель характерна для русского национального языка и продуктивна в современном русском языке: *грелка, пloyка, зажигалка* (по данным РГ-80, т. 1, с. 149).

Модель **V + формант -к(а), -(ар)к(а)** со значением ‘приспособление, орудие труда’ представлена двумя лексемами: а) *тёрка* ‘приспособление для молотыбы’; б) *грабарка* ‘широкая деревянная лопата для сгребания зерна на току’ от глагола общенац. яз. *грабить* ‘грести граблями’⁴⁰⁹. В лексеме *грабарка* имеется уникальное для данной модели наращение *-(ар)*. В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная в разговорной речи и в специальной терминологии словообразовательная модель: *жатка, задвижка, ловушка* (по данным РГ-80, т. 1, с. 151).

⁴⁰⁹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 1. С. 988.

Модель **V + формант -льник** с мутационным словообразовательным значением ‘орудие, инструмент’: а) *навилник* ‘охапка сена, поддетая на вилы’ от мотивирующего глагола *навить* ‘накладывать вилами сено, солому’⁴¹⁰; б) *сеяльник* ‘приспособление для ручного сева в виде передника’. В общенац. яз. есть аналогичная словообразовательная модель: *кипятильник*, *будильник* (по данным РГ-80, т. 1, с. 145).

Другие отглагольные модели представлены единичными примерами: **V + нулевой суффикс** с общим мутационным значением ‘место действия, названного мотивирующим глаголом’: существительное ж. р. *паша* ‘пастбище’ от *пастити* ‘беречь, хранить, надзирать’⁴¹¹. В общенац. яз. имеется аналогичная непродуктивная словообразовательная модель: *пожня* — от *пожать*, *пожнут*; *засада* — от *засесть* (РГ-80, т. 1, с. 222). **V + нулевой формант** с мутационным значением ‘орудие, инструмент’: *занузда* ‘часть ярма, боковой стержень, которым запирают шею вола в ярмо’ от *зануздать* ‘взнуздывать, вкладывать удила в рот и пристегивать их’⁴¹². В общенац. яз. есть аналогичная словообразовательная модель: *пила*, *оправа*, *оправа* (по данным РГ-80, т. 1, с. 222). **V + формант -ик/ник** с мутационным значением ‘орудие, инструмент’: *чистик* ‘приспособление для очистки лемеха плуга’. В общенац. яз. бытует аналогичная словообразовательная модель: *пищик*, *разменник* ‘автомат’ (по данным РГ-80, т. 1, с. 143). **V + суффикс -к(и)** с мутационным значением ‘предмет, характеризующийся отношением к действию, названному мотивирующим словом’: а) *грабки* ‘приспособление для сгребания хлеба или сена в валки’ от глагола обиходного крестьянского языка *грабить* ‘грести граблями’⁴¹³; б) *стругочки* ‘ручные сани для перевозки груза’ от общенац. глагола *стругать* ‘срезывать стружки, щепу с чего-л., более говорится о дереве’⁴¹⁴. В общенац. яз. имеется аналогичная непродуктивная модель: *мостики*, *очистки*, *выжимки* (РГ-80, т. 1, с. 155). **V + суффикс -ель** с мутационным значением ‘предмет, характеризующийся отношением к действию, названному мотивирующим словом’: *чикель*, *чикерь* ‘длинная палка с острием на конце, которой погоняют волов и буйволов’ от *чикать* ‘ударять, треснуть, бить палкою’⁴¹⁵. В общенац. яз. имеется аналогичная непродуктивная модель: *гибель*, *капель*, *метель* (РГ-80, т. 1, с. 164). 5) **V + -к(а)** с мутационным словообразовательным значением конкретизированного в предмете результата действия: *перехватка* ‘сорт тыквы’ от глагола *перехватить* ‘что, чем, перевязать поперек, охватить, обнять кругом’⁴¹⁶. В общенац. яз. имеется аналогичная модель: *похлебка*, *подачка*, *настойка* (по данным РГ-80, т. 1, с. 151).

⁴¹⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 1007.

⁴¹¹ Там же. Т. 1. С. 988.

⁴¹² Там же. С. 1522.

⁴¹³ Там же. С. 988.

⁴¹⁴ Там же. Т. 4. С. 578.

⁴¹⁵ Там же. С. 1339.

⁴¹⁶ Там же. Т. 3. С. 237.

Отсубстантивные суффиксальные словообразовательные модели представлены прежде всего моделями с модификационными значениями единичности, подобия, стилистической модификации, субъективно-оценочным значением. Наиболее распространенной моделью является следующая: **S + формант -ин(а)** с модификационным значением единичности 'один предмет, выделенный из совокупности предметов' а) *колосина* 'один колос'; б) *хлебина* 'один колос'; в) *кочанина* 'очищенный от зерна кукурузный початок'; г) *киюшина, куюшина* 'очищенный от зерна кукурузный початок'; д) *чесноковина* 'зубок чеснока'; е) *лимонина* 'плод лимонного дерева, лимон'; ж) *пратукалина* 'апельсин' (соответственно от существительных общенац. яз. *колос, хлеб, кочан, киюшка, куюшка, чеснок, лимон*, заимствованного в говор через посредство турецкого языка слова *portukal*). Данная модель является актуальной в русском общенац. яз. на протяжении веков и продуктивной в современном русском языке: *изюмина, картофелина, помидорина* (РГ-80, т. 1, с. 207).

Целый ряд иных отсубстантивных моделей, представленных единичными примерами, также обладает тем или иным модификационным словообразовательным значением.

Наиболее распространенной моделью является следующая: **S + формант -ин(а)** со значением стилистической модификации: лексемы: а) *инжирина* 'дерево инжир', б) *смоквина* 'дерево инжир', в) *жерделина* 'фруктовое дерево, сорт абрикоса', г) *нарина* 'гранатовое дерево', д) *тутина* 'тутовое дерево', которые называют сорта фруктовых деревьев и нередко их плоды. Названные лексемы говора образованы соответственно от заимствованных в общенац. яз. лексем *инжир* ('южн. фиги'⁴¹⁷), *смоква* ('инжир, фиги'⁴¹⁸), южного диалектного *жердѣлы* (жерделе, мн. жерделы 'дон. дерево и плод абрикос'⁴¹⁹), заимствованного в говор некрасовцев турецкого *nar*, общенац. существительного *тут* ('тутовое дерево'⁴²⁰), которые называют деревья и плоды соответствующих фруктовых деревьев. Данная модель существует и в современном русском языке и является продуктивной (*помидорина, тыквина*). Подобные слова со значением стилистической модификации представляют собой разговорные или просторечные синонимы соответствующих мотивирующих существительных (РГ-80, т. 1, с. 216).

Модель **S + формант -к(а)** с модификационным субъективно-оценочным уменьшительно-ласкательным значением: а) *сошка* 'уменьш. к соха'; б) *садовинка* 'уменьш. фруктовое дерево' (от лексемы говора *садовина* 'фруктовое дерево'), в) *тутинка* 'уменьш. тутовое дерево' (от слова говора *тутина* 'тутовое дерево');

⁴¹⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 102.

⁴¹⁸ Там же. Т. 4. С. 290.

⁴¹⁹ Там же. Т. 1. С. 1329.

⁴²⁰ Там же. Т. 4. С. 877.

г) **аробка** ‘тележка’ от лексемы общенац. яз. *арба* ‘повозка, телега’⁴²¹. Данная модель является высокопродуктивной в современном русском языке: *шубка, горка, березка, вишенка* (по данным РГ-80, т. 1, с. 210).

Модель **S + формант -к(а), -(ов)к(а)** с модификационным значением подобия ‘предмет, похожий по внешнему виду на предмет, названный мотивирующим словом’: а) **колоска** ‘сорт пшеницы’ от мотивирующего существительного общенац. яз. *колос*; б) **шашлыковка** ‘сорт дынь, по виду напоминающий шампур с нанизанным шашлыком’ от мотивирующего существительного общенац. яз. *шашлык*. В общенац. яз. есть аналогичная модель: *мушка* на лице, *куколка* насекомого, *горка* ‘мебель’ (по данным РГ-80, т. 1, с. 205).

Модель **S + формант -ак(а)** со значением стилистической модификации (подобные имена представляют собой разговорные или просторечные синонимы мотивирующих слов): **деревяка** ‘деревянная деталь сохи’ (от лексемы говора *дерево* в значении ‘часть сохи, деревянная основа сохи’). В общенац. яз. отмечена аналогичная модель: *морозьяка, чертяка* (РГ-80, т. 1, с. 217).

Модель **S + формант -ок** с модификационным субъективно-оценочным значением: **пайёк** ‘пай’. В общенац. яз. есть аналогичная модель: *грибок, городок, возок* (РГ-80, т. 1, с. 208).

Модель: **S + формант -ник** с модификационным значением собирательности ‘совокупность одинаковых предметов (чаще всего растений), названных мотивирующим словом’: **тутник** ‘заросли тутового дерева’ от слова общенац. яз. *тут* ‘тутовое дерево’. Данная модель не наблюдается в составе словообразовательной системы современного русского языка. Необходимо отметить, что для общенац. яз. с данным значением характерна другая непродуктивная словообразовательная модель **S + формант -няк**: *вербняк, дубняк, ивняк, березняк, лозняк, липняк* (РГ-80, т. 1, с. 206). В Сл. Даля зафиксировано иное слово — *тутняк*⁴²².

Другие отсубстантивные модели обладают мутационными словообразовательными значениями. Модель **S + формант -арник** с мутационным значением ‘место’: **кочкарник** ‘сжатое поле с остатками стеблей растений’. В общенац. яз. существует аналогичная модель: *пихтарник, свиарник, кустарник* (по данным РГ-80, т. 1, с. 183).

Модель **S + формант -ств(о)** с мутационным значением ‘занятие лица, названного мотивирующим словом’: **землепахарство** ‘землепашество’, мотивирующее слово *землепахарь* относится к общенац. яз., оно зафиксировано в Словаре Даля со значением ‘земледелец’⁴²³. В общенац. яз. бытует аналогичная модель: *мздоимство, лихоимство* (по данным РГ-80, т. 1, с. 199).

⁴²¹ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 1. С. 5.

⁴²² Там же. Т. 3. С. 876.

⁴²³ Там же. Т. 1. С. 1695.

Модель **S + формант -ник** с мутационным значением ‘предмет, характеризующийся отношением к предмету, названному мотивирующим словом’: *хатник* ‘перец, выращиваемый в горшке’. В общенац. яз. аналогичная модель: *пустырник*, *орешник* (по данным РГ-80, т. 1, с. 183).

Модель **S + формант -овин(а)** с мутационным словообразовательным значением ‘предмет, характеризующийся отношением к предмету, названному мотивирующим словом’: *садовина* ‘фруктовое дерево’ от общенац. существительного *сад* ‘участок земли, засаженный деревьями, кустами...’⁴²⁴ Данная модель является непродуктивной в современном русском языке: *мешковина*, *парусина* (по данным РГ-80, т. 1, с. 192).

Модель **S + формант -ник** со значением ‘лицо’: *хлеборобник* ‘хлебороб’ (от общенац. яз. *хлебороб*). Вероятно, мотивирующая лексема *хлебороб* представляет собой фонетический вариант слова *хлебород*, отмеченного в Словаре Даля со значением ‘землепашец, от *родный* год — урожайный’⁴²⁵. В БАС зафиксированы следующие лексемы, входящие в данное словообразовательное гнездо: *хлебородие*, *хлебородность*, *хлебородный*. В современном русском языке на протяжении веков существовала и существует аналогичная словообразовательная модель: *колхозник*, *помощник*, *фокусник* (по данным РГ-80, т. 1, с. 182). Лексема *хлеборобник* выявляет тенденцию к избыточности морфематической структуры слова, ведь мотивирующее существительное *хлебороб* уже обозначает человека, занимающегося хлеборобством, и суффикс *-ник* не добавляет никакой новой лексической информации. В то же время его функция является коммуникативно значимой: он помогает опознавать словообразовательное значение мотивированного слова по его финали.

Отадъективные суффиксальные модели. В данном разряде имеются три слова, относящихся к отадъективным моделям. Модель **Adj + формант -к(и)** с мутационным словообразовательным значением ‘вещество’: *неудобки* ‘неудобная земля’. В общенац. яз. есть аналогичная словообразовательная модель: *последки* в значении ‘предмет, вещество’ (по данным РГ-80, т. 1, с. 177).

Модель **Adj + формант -к(а)** с мутационным словообразовательным значением ‘конкретный предмет’: *ветрянка* ‘ветряная мельница’ от прилагательного общенац. яз. *ветряный* ‘к ветру относящийся’⁴²⁶. В общенац. яз. существует аналогичная словообразовательная модель: *овсянка*, *рогатка* (по данным РГ-80, т. 1, с. 171).

Модель **Adj + нулевой формант** с мутационным значением ‘носитель признака, названного мотивирующим словом’: *стручи* ‘рожковое дерево’ от словосочетания *стручковое дерево* с мотивирующим прилагательным в качестве определяющего слова от существительного *струк*, *стручок* ‘лопатки, долгий, двухстворчатый семяник

⁴²⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 4. С. 8.

⁴²⁵ Там же. С. 1196.

⁴²⁶ Там же. С. 821.

некоторых растений⁴²⁷. В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная в разговорной и профессиональной речи словообразовательная модель: *техасы* (техасские брюки), *Курилы* (от словосочетания Курильские острова) — РГ-80, т. 1, с. 226.

Модель **Adj + нулевой формант** с транспозиционным словообразовательным значением 'отвлеченный признак': *зависть* 'трудолюбие, рвение к труду' от диалектного прилагательного *завистливый* 'вор., тмб. старательный, ретивый, усердный, ревностный в работе'⁴²⁸. В общенац. яз. есть аналогичная словообразовательная модель: *роскошь, жуть, удаль* (по данным РГ-80, т. 1, с. 225).

Одно существительное относится к **префиксально-суффиксальному способу**: лексема *подгорленник* в значении 'нижняя часть ярма' от существительного *горло* с помощью приставки *под* и суффикса *-(ен)ник* с модификационным словообразовательным значением «пространственной ориентации». В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная в сфере бытовой лексики словообразовательная модель (*подголовник, подлокотник, подсвечник* — по данным РГ-80, т. 1, с. 234).

Способ словосложения представлен в данном разряде тремя мотивированными лексемами. Это существительные *желтоколоска, красноколоска* со значением 'сорта яровой пшеницы', которые относятся к одной и той же модели — сложению с опорным компонентом, равным самостоятельному слову и подчинительным отношением основ. Опорным компонентом выступает слово данного говора — *колоска* 'сорт пшеницы', первые компоненты подчинительных сложений — это слова национального языка (*желтый, красный*). В литературном языке имеется аналогичная словообразовательная модель: *новостройка, сухофрукты, вольнослушатель* (по данным РГ-80, т. 1, с. 242).

Представлена и иная модель — это сложение с глагольной основой в качестве опорного компонента, в котором первой основой выступает основа местоименного прилагательного *сам*. Значение данной модели является следующим: 'предмет, характеризующийся действием, названным опорной основой и конкретизированным в первой основе сложения' — **сам + (о) + V + нулевой формант**. Модель вербализована существительным *pluralia tantum самосходы* 'сорт помидоров' (*Съмасходы сами сходять*). В общенац. яз. имеется аналогичная словообразовательная модель: *самоходы, гусли-самогуды, сапоги-скороходы* (по данным РГ-80, т. 1, с. 252).

Два существительных относятся к **способу субстантивации**. *Весновое* (со значением 'яровые злаки') с мутационным словообразовательным значением 'единицы классификации растительного и животного мира'. В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная модель: *бобовые, цитрусовые, однодольные* — чаще употребляются в форме множественного числа (по данным РГ-80, т. 1, с. 240). Второй субстантиват — это существительное *павая* (со значением 'пай') с мутационным

⁴²⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 4. С. 586.

⁴²⁸ Там же. Т. 1. С. 1398.

словообразовательным значением ‘ограниченное пространство’. В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная словообразовательная модель, называющая помещения: *приемная, операционная, парикмахерская* (по данным РГ-80, т. 1, с. 240).

В описываемой лексико-тематической подгруппе «*Овощеводство*» имеется случаи **словообразовательной языковой игры**, а именно приема рифмованного эха: *кабаки-мабаки, тыквы-мыквы*.

Словообразование лексико-тематической группы «Животноводство»

В состав лексико-тематической группы «*Животноводство*» входят подгруппы: а) скотоводство; б) птицеводство; в) пчеловодство. Словообразовательная специфика мотивированных имен такова: преобладает суффиксальный способ образования, присутствует субстантивация. Мотивирующая база как субстантивная, так и глагольная, редко адъективная.

Отсубстантивные суффиксальные словообразовательные модели. Мотивирующие существительные относятся либо к русскому общенац. яз. (*скотина, телята, жеребенок, самец, лошадь, кобыла*), таких мотивирующих большинство, либо к какому-то русскому диалекту (*худоба*), либо к говору некрасовцев (*барашка* ‘овцы’, *буйлак, куркан*). В целом в отсубстантивных моделях лексико-тематических подгрупп «*Скотоводство*», «*Птицеводство*», «*Пчеловодство*» преобладают модификационные значения различного вида.

Среди них чаще всего встречается модель с модификационным значением «не-взрослости»: **S + формант -он(а)**: а) *худобенок* ‘молодое животное’, б) *барашинок* ‘ягненок’, в) *буйленок* ‘теленка буйвола’, г) *курканенок* ‘птенец индейки’, д) *кобыленок* ‘жеребенок по второму году женского пола’ (соответственно от *худоба* ‘южн., зап. животы, имущество вообще, хозяйство, скот’⁴²⁹, *барашка* ‘овцы’, *буйлак* ‘буйвол’, *куркан* ‘индюк’, *кобыла*). Данная модель является актуальной в русском общенац. яз. на протяжении веков и высокопродуктивной в современном русском языке: *волчонок, лосенок, котенок* (по данным РГ-80, т. 1, с. 204).

Распространены модели с модификационным значением «женскости». Первая модель — **S + формант -их(а)**: а) *самчиха* ‘самка’, б) *кролиха* ‘самка кролика’, в) *козлиха* ‘коза’ (соответственно от слов общенац. яз. *самец, кролик, козел*). Данная модель является актуальной в русском общенац. яз. на протяжении веков и продуктивной в современном русском языке: *волчиха, лосиха* (по данным РГ-80, т. 1, с. 201).

Вторая модель — **S + формант -иц(а)**: *буйлица* ‘буйволица’ (от слова говора *буйлак* ‘буйвол’). Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *буйволица, тигрица, медведица* (по данным РГ-80, т. 1, с. 201).

Третья модель — **S + формант -к(а)**: *ярочка* со значением ‘ягненок женского пола’ (от существительного говора *ярок* ‘ягненок мужского пола’). Данная модель

⁴²⁹ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 4. С. 1243.

является высокопродуктивной в современном русском языке: *самка, тетерка, индюшка* (по данным РГ-80, т. 1, с. 200).

Распространены также модели (их три) с модификационными субъективно-оценочными значениями. Первая модель — **S + формант -к(а): первичка** ‘ласк. к корова, отелившаяся в первый раз’, **кабарожка** ‘уменьш. к позвоночник животного, рыбы’ (соответственно от существительных говора *первица, кабарга*) с уменьшительно-ласкательным значением (в Сл. Даля мотивирующее существительное *кабарга* зафиксировано в значении ‘козочка’). Данная модель является высокопродуктивной в современном русском языке: *овечка, мушка, пташечка* (по данным РГ-80, т. 1, с. 210).

Вторая модель — **S + формант -ишк(и): телятишки** ‘ласк. к телята’ (от *телята*), **отрубишки** ‘ласк. к отруби’ (от *отруби*) со значением ласкательности. Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *детишки, ребятишки* (по данным РГ-80, т. 1, с. 212).

Присутствуют две модели со значением стилистической модификации. Первая модель — **S + формант -ак(а): коняка** ‘то же, что конь’, **скотиняка** ‘то же, что скотина’ (соответственно от существительных общенац. яз. *конь, скотина*). Данная модель существует и в современном русском языке и является непродуктивной: *чертяка, морозяка* (по данным РГ-80, т. 1, с. 217).

Вторая модель — **S + формант -ин(а): скотинина** ‘животное, скотина’, **худобина** ‘домашние животные, скот’, **птичина** ‘птица’ (соответственно от существительных общенац. яз. *скотина, худоба* ‘скот’, *птица*). Данная модель существует и в современном русском языке и является продуктивной: *зверина, псина, рыбина, тварина* (РГ-80, т. 1, с. 216). Подобные слова со значением стилистической модификации (обеих моделей) представляют собой разговорно-просторечные синонимы соответствующих мотивирующих существительных.

Модель **S + формант -в(а)** с модификационным значением «собирательности»: **утьва** ‘утки’ от диалектного *утя* ‘утка’. Данная модель является непродуктивной в современном русском языке: *листва, братва* (по данным РГ-80, т. 1, с. 207).

Определенное место занимают модели с мутационным словообразовательным значением. Модель: **S + формант -ак** с мутационным значением ‘предмет, характеризующийся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом’: **буйлак** ‘буйвол-самец’ от существительного общенац. яз. *буйла*, *буйло* ‘м. р. турецкий, азиатский бык’⁴³⁰. Данная модель является непродуктивной в современном русском языке: *гусак, рысак* (по данным РГ-80, т. 1, с. 185). Необходимо отметить, что лексема **буйлак** выявляет тенденцию к избыточности морфематической структуры слова, ведь она повторяет значение мотивирующего существительного *буйла, буйло*. В то же время суффикс **-ак** относит данное слово

⁴³⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 1. С. 337.

к определенной лексико-тематической группировке и помогает легче опознавать его классификационную принадлежность.

Модель **S + формант -ок** с мутационным значением 'предмет, характеризующийся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом': а) **конек** 'молодой конь в возрасте от одного года до трех лет' (в Сл. Даля это слово толкуется в уменьшительном значении), б) **истобочек** 'помещение под крышей сарая для кур, насест' от диалектного существительного *истобок* 'орл. чердак'⁴³¹. Полагаем, что мутационное значение в данных существительных возникло в результате лексической фразеологизации уменьшительно-ласкательного значения 'молодой конь' или 'небольшой чердак в сарае'. Подобная модель не входит в систему словообразования современного литературного языка (по данным РГ-80).

Модель **S + формант -ник, (ар)ник** с мутационным значением 'помещение': а) **барашечник** 'помещение для овец' (от слова говора *барашка* 'овцы'); б) **кошарник** 'загон для овец' от диалектного существительного *кош* 'южн. загон, овчарня'⁴³². Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *коровник, птичник, пчельник* (по данным РГ-80, т. 1, с. 183).

Модель **S + формант -овилк(а)** с мутационным словообразовательным значением 'предмет, характеризующийся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом', конкретизированном в частном значении 'часть предмета': **кнутовилка** 'палка для кнута, кнутовище' от общенационального существительного *кну́т* 'бич, тонкая веревка для стеганья, битья'⁴³³. Подобная модель не входит в систему словообразования современного литературного языка (по данным РГ-80).

Охарактеризуем **отглагольные суффиксальные модели**. Все отглагольные модели обладают мутационным словообразовательным значением.

Модель **V + формант -(ар)ниц(а)** с мутационным значением 'предмет, одушевленный или неодушевленный, предназначенный для производства действия, названного мотивирующим словом': **доярница** 'дойная корова, т. е. та, которую доят' (от глагола общенац. яз. *доить*). В современном литературном языке существует подобная модель, являющаяся непродуктивной: *курильница, скребница, варница* (по данным РГ-80, т. 1, с. 153).

Модель **V + формант -л(а)** с мутационным значением 'предмет, одушевленный или неодушевленный, производящий действие, названное мотивирующим словом': существительное женского рода **копала** 'морда зверя, свиньи, рыло' (от глагола общенац. яз. *копать*). Подобная модель, называющая части тела как приспособления для производства действия, существует в современном русском языке (в специальной терминологии и просторечии): *дыхало, правило* 'хвост',

⁴³¹ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 144.

⁴³² Там же. С. 470.

⁴³³ Там же. С. 314.

нюхало ‘нос’, *хлебало* и *хапало* ‘рот’. Отличие лексемы говора *копала* от одноомельных имен в общенац. яз. в роде: в говоре — ж. р., в общенац. яз. ср. р., однако данная словообразовательная модель допускает подобную грамматическую вариативность (РГ-80, т. 1, с. 149).

Модель **V + формант -ыш** с мутационным значением ‘результат или объект действия, названного мотивирующим словом’: *болтыш* ‘яйцо с мертвым зародышем’ от глагола общенац. яз. *болтать* ‘приводить жидкость в движение’⁴³⁴. В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная в разговорной речи модель: *катыш*, *кладыш*, *скатыш* (см. РГ-80, т. 1, с. 154).

Модель **V + формант -ух** с мутационным значением ‘результат или объект действия, названного мотивирующим словом’: *зародух* ‘зародыш’ от глагола общенац. яз. *зародить*, *зарождасть* ‘класть начало зачатию’⁴³⁵. В общенац. яз. имеется аналогичная непродуктивная модель: *пастух*, *питух* (РГ-80, т. 1, с. 156), в то же время словообразовательное значение названных лексем не объект, а субъект.

Отадъективные суффиксальные модели в своем большинстве обладают мутационным словообразовательным значением. Мотивирующие прилагательные относятся к национальному языку (*первый*, *доеный*, *сухой*). Модель **Adj + формант -иц(а)** с мутационным словообразовательным значением ‘предмет, одушевленный или неодушевленный, характеризующийся признаком, названным мотивирующим словом’: *первица* ‘корова, отелившаяся в первый раз’ (от прилагательного общенац. яз. *первый*). В современном русском языке существует подобная модель, являющаяся непродуктивной: *капустница*, *ночница*, *вечерница* (названия животных) (по данным РГ-80, т. 1, с. 173).

Модель **Adj + формант -(он)к(а)** с мутационным словообразовательным значением ‘предмет, одушевленный или неодушевленный, характеризующийся признаком, названным мотивирующим словом’: *дойнка* ‘дойная корова’ (от прилагательного общенац. яз. *доеный*). Данная словообразовательная модель характерна для русского общенац. яз. и высокопродуктивна в разговорной и профессиональной речи: *сивка*, *каурка*, *буланка*, *лазоровка*, *белянка* (по данным РГ-80, т. 1, с. 171).

Модель **Adj + формант -ак** с мутационным словообразовательным значением ‘предмет, одушевленный или неодушевленный, характеризующийся признаком, названным мотивирующим словом’: *ярок* ‘ягненок мужского пола’ от прилагательного общенац. яз. *ярый* ‘ярые овцы, молодые, яркие’⁴³⁶.

Модель с модификационным собирательным значением **Adj + формант -(о)вр(а)**: *суховря* ‘остатки сухих сот, удаляемые весной из улья’ от прилагательного общенац. яз. *сухой*. Данная словообразовательная модель в общенац. яз. имеет

⁴³⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 1. С. 271.

⁴³⁵ Там же. С. 569.

⁴³⁶ Там же. Т. 4. С. 1580.

отличия от ее реализации в говоре некрасовцев: в общенац. яз. данный суффикс звучит как **-вар(а)** (безударная гласная суффикса редуцируется, но не исчезает), а мотивирующее слово относится не к прилагательным, а к именам существительным: *детвора*, *мошкара* (РГ-80. т. 1, с. 207).

Способ субстантивации представлен одним словом — *буйлова* ‘буйволица’. Полагаем, что субстантиват *буйлова* является реликтом древней системы имени прилагательного, а именно краткого притяжательного прилагательного с суффиксом **-ов-**.

В лексико-тематической подгруппе «*Птицеводство*», имеются случаи **словообразовательной языковой игры**. Это прием экспрессивного рифмованного удвоения: *курица-мурица* ‘всякая домашняя птица’, *птица-мница* ‘всякая птица’. Данная эхо-конструкция обладает семантикой обобщения.

3.3. Словообразование подкласса «Быт»

Лексико-тематический **подкласс «Быт»** состоит из следующих лексико-тематических групп: 1) «Наименования одежды и головных уборов»; 2) «Наименования обуви»; 3) «Наименования украшений»; 4) «Наименования кушаний»; 5) «Наименования напитков».

Словообразование лексико-тематических групп «Наименования одежды и головных уборов», «Наименование обуви», «Наименование украшений»

Словообразовательная специфика мотивированных имен данных лексико-тематических групп такова: преобладает суффиксальный способ образования, присутствует префиксально-суффиксальный способ и словообразовательная языковая игра. Мотивирующая база прежде всего субстантивная, а также адъективная и глагольная.

Охарактеризуем **отсубстантивные суффиксальные модели**. Мотивирующие существительные называют конкретные предметы или вещества и относятся к общенац. яз. (*барахло*, *оде́жа*, *веретено*, *верх*), к какому-либо русскому диалекту (*мешина*, *свяска*, *кужель*), к говору некрасовцев (*катлама*, *кухайка*, *вушкар*).

Самая распространенная модель — это модель **S + формант -к(а)/-к(и), -(иц)к(а), -(оч)к(а), -(еч)к(а)** с модификационным субъективно-оценочным ласкательным значением: а) *катламичка* ‘ласк. к катлама’ от лексемы говора *катлама* ‘рабочая шуба, крытая грубым сукном’; б) *одежечка* ‘ласк. к одежда’ от общенациональной лексемы *оде́жа* ‘одежда’⁴³⁷; в) *свясочка* ‘ласк. к свяска’ от диалектной лексемы *свяска* ‘дон. повязка: узко сложенный платочек, который молодые казаки повязывают по колпачку’⁴³⁸. В общенац. яз. имеется аналогичная высокопродуктивная словообразовательная модель: *бороздка*, *кабинка*, *дощечка* (РГ-80, т. 1, с. 210—211).

⁴³⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 3. С. 1670.

⁴³⁸ Там же. Т. 4. С. 92.

Необходимо отметить фонетическую специфику лексемы *связочка*: в данном мотивированном существительном сохранилась произошедшая в мотивирующем слове *связка* ассимиляция фонемы [з] по глухости, а в общенациональном языке в аналогичной лексеме *связочка* названная ассимиляция, произошедшая в мотивирующем слове *связка*, не сохранилась. Объясняется это тем, что в период эмиграции некрасовцев русский язык бытовал в их среде только в устной форме.

Модель S + формант -к(и), -(еч)к(и) с модификационным субъективно-оценочным ласкательным значением: а) *бахилки* ‘женская мягкие ботинки из цветной кожи, сшитые чулком, без подметки, поверх бахил надевались котыры’ от существительного общенац. яз. *бахилы* ‘бабы бахилы, или бахилки, обувь, похожая на полусапожки или коты, но без красной оторочки и с подбоем гвоздей’⁴³⁹; б) *косичечки* ‘ласк. к косицы’ (в Сл. Даля не зафиксировано) от существительного говора *косицы* ‘цветные кудрявые перья селезня, используемые в качестве украшения в волосах’. В общенац. яз. имеется аналогичная высокопродуктивная словообразовательная модель: *щипчики, брючки* (РГ-80, т. 1, с. 209).

Модель S + формант -ин(а) со значением стилистической модификации (по этой модели образуются разговорные или просторечные синонимы мотивирующих слов): *барахлина* ‘пренебр. одежка’ от общенац. лексемы *барахло* ‘всякая домашняя рухлядь’⁴⁴⁰. В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная словообразовательная модель: *дерюжина, дранина, требушина* (РГ-80, т. 1, с. 216).

Модель S + формант -к(а) со значением стилистической модификации: *веретёнка* ‘веретено’ от общенац. существительного *веретено* ‘простое ручное орудие для пряжи’⁴⁴¹. В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная в разговорной и профессиональной речи словообразовательная модель: *щебёнка, картонка, табуретка* (РГ-80, т. 1, с. 216—217).

Модель S + формант -ок с модификационным словообразовательным значением подобия ‘предмет, похожий по внешнему виду (расположению) на предмет, названный мотивирующим словом’: *вершок* ‘верх, лицевая сторона одежды’ от общенац. лексемы *верх* ‘обертка, оболочка, чехол, крышка, покрывка; тулуп с суконным верхом’⁴⁴². В общенац. яз. имеется аналогичная словообразовательная модель: *язычок* (у замка), *носок* ‘передняя часть ступни’, *глазок* (у растения) (РГ-80, т. 1, с. 205).

Модель S + формант -ий(а) с модификационным словообразовательным значением собирательности: *обрядия* ‘наряд’ от общенац. яз. существительного *обряд* ‘внешняя обстановка какого-либо действия, обык, законный порядок, чин’⁴⁴³.

⁴³⁹ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 1. С. 139.

⁴⁴⁰ Там же. С. 121.

⁴⁴¹ Там же. С. 441.

⁴⁴² Там же. С. 449.

⁴⁴³ Там же. Т. 2. С. 1594.

В общенац. яз. имеется аналогичная словообразовательная модель: *кавалергардия*, *братия* (РГ-80, с. 206). В представленном случае имеется факт расширения структурно-семантических параметров данной модели: в норме общенационального языка мотивирующие существительные называют лицо.

Модель **S + формант -ин(а)** с мутационным словообразовательным значением 'предмет, характеризующийся отношением к предмету, названному мотивирующим словом': *ярымбутины* 'полусапожки' от турецк. *yarım* 'половина'. В общенац. яз. имеется аналогичная непродуктивная словообразовательная модель: *перина*, *маслина* (РГ-80, т. 1, с. 192).

Модель **S + формант -к(а), -ейк(а)** с мутационным словообразовательным значением 'предмет, характеризующийся отношением к предмету, названному мотивирующим словом': а) *донка* 'часть прялки, донце' от общенац. существительного *дно*; б) *кужелка* 'клубок ниток' от диалектной лексики *кужель* 'пск. вычесанный и перевязанный пучок льну, пеньки, изготовленный для пряжи'⁴⁴⁴; в) *кисётка* 'сумочка для денег' от слова общенац. яз. языка *киса* 'мошна, карман'⁴⁴⁵; г) *камышейка* 'мужская рабочая рубашка с карманами на груди для работы в камышах' (от общенац. существительного *камыш*). В русском национальном языке, по данным РГ-80, данная модель не отмечена.

Модель **S + формант -онк(а)** с мутационным словообразовательным значением 'предмет, характеризующийся отношением к предмету, названному мотивирующим словом': *кухажёнка* 'женская стеганая кофта черного цвета с короткими рукавами' от слова говора *кухайка* 'женское густо стеганное пальто из легкого глянцевого материала черного цвета' (в Сл. Даля отмечено слово *куфайка* с иным значением: 'нвг. род женской куртки коротайки, фуфайки'). В русском общенац. яз. существует аналогичная непродуктивная модель: *масленка*, *солонка* (РГ-80, т. 1, с. 217).

Модель **S + формант -ник, -(ов)ник-** с мутационным словообразовательным значением 'предмет, характеризующийся отношением к предмету, названному мотивирующим словом', конкретизированном в таком частном словообразовательном значении, как 'неодушевленный предмет': а) *подпольник* 'подпол' (от лексики говора *подпол* 'кусочек дешевого материала, вставляемый в полу балахона в месте, которое обычно скрыто под передником'); б) *вушкарник* 'то же, что вушкар' от лексики говора *вушкар* 'шнурок или матерчатый пояс у штанов'; в) *крестовник* 'разновидность узора вышивки' от общенац. существительного *крест*; г) *лопасник* 'украшение в косе, треугольный лоскут с пуговками, на шнуре, который приплетается к косе вместо ленты' от общенац. существительного *лопасть* 'широкий плоский конец чего-н.'⁴⁴⁶. Данная продуктивная словообразовательная модель характерна для

⁴⁴⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 542.

⁴⁴⁵ Там же. С. 274.

⁴⁴⁶ Там же. С. 688.

русского общенац. яз., особенно для разговорной речи: *градусник, горчичник, письмовник* (РГ-80, т. 1, с. 183—184).

Модель **S + формант -ец(о)** с мутационным словообразовательным значением ‘предмет, характеризующийся отношением к предмету, названному мотивирующим словом’: *добрецо* ‘ценности, драгоценные камни’ от существительного общенац. яз. *добро* ‘имущество или достаток’⁴⁴⁷. В русском литературном языке, по данным РГ-80, данная модель (с мутационным значением) не отмечена.

Модель **S + формант -иц(а)** с мутационным словообразовательным значением ‘предмет, характеризующийся отношением к предмету, названному мотивирующим словом’: *косицы* ‘цветные кудрявые перья селезня, используемые в качестве украшения в волосах’ (в Сл. Даля не зафиксировано) от существительного общенац. яз. *коса*. В общенац. яз. имеется аналогичная непродуктивная модель: *рукавица, свекловица* (РГ-80, т. 1, с. 191).

Модель **S + формант -ир-** (в речи некрасовцев **-ыр-**) с мутационным словообразовательным значением ‘предмет, характеризующийся отношением к предмету, названному мотивирующим словом’: *катыры* (в ед. ч. *котыр*) ‘женская обувь из грубой кожи, надеваемая вместо калош’ от общенац. слова *коты* ‘женская обувь..., калоши...’⁴⁴⁸. В общенац. яз. имеется схожая непродуктивная словообразовательная модель, называющая лиц: *бригадир, фуражир, банкир* (см. РГ-80, т. 1, с. 191). В представленном случае имеется факт расширения структурно-семантических параметров данной модели: в норме общенац. яз. мотивированные существительные называют лицо.

Лексемы *подпольник, вушкарник, вершок, катыры* выявляют тенденцию к избыточности морфематической структуры слова, так как полностью дублируют значения мотивирующих существительных *подпол, вушкар, верх* и их суффиксы (соответственно **-ник, -ок, -ир**) не добавляют никакой новой информации, а только повторяют уже существующую в лексическом значении мотивирующего слова. В то же время наличие суффиксов в морфематической структуре данных слов усиливает информативность, является коммуникативно значимым в устной речи.

Отадъективные суффиксальные словообразовательные модели. Модель **Adj + формант -к(а), -(уш)к(а), -(ич)к(а)** с мутационным словообразовательным значением ‘предмет, характеризующийся признаком, названным мотивирующим словом’, которое конкретизировано в частном значении ‘такой конкретный предмет, как одежда, украшение или материал для одежды, вещество’: а) *плюшка* ‘плюшевое пальто’ (от общенац. прилагательного *плюшевый*), б) *лощёнка* ‘самоделный рабочий плащ’ (от общенац. прилагательного *лощенный*), в) *сиючка* ‘черный блестящий материал, сатин’ от слова говора *сиючий* ‘блестящий’ (в Сл. Даля отмечен только

⁴⁴⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 1. С. 1999.

⁴⁴⁸ Там же. Т. 2. С. 460.

глагол *сиять*⁴⁴⁹); г) *теплушка* ‘телогрейка’ (от общенац. *теплый*); д) *пахучка* ‘духи, одеколон’ от общенац. слова *пахучий* (в Сл. Даля *пахучка* ‘растение’, *пахучий* ‘с запахом, душистый’⁴⁵⁰); е) *серебрянка* ‘серебряная пуговица’ (в Сл. Даля не зафиксировано) от общенац. прилагательного *серебряный*; ж) *беличка* ‘пеленка’ от общенац. *белый* ‘бесцветный, противный черному, чистый’⁴⁵¹. Левое наращение суффикса *-(ич)к(а)* является уникальным, в мотивированных лексемах общенац. яз. данной модели оно не встречается. В общенац. яз. имеется аналогичная высокопродуктивная в разговорной и профессиональной речи словообразовательная модель: *кожанка*, *футболка*, *водолазка* (РГ-80, т. 1, с. 171—172).

Модель **Adj + нулевой формант** с мутационным словообразовательным значением ‘предмет, характеризующийся признаком, названным мотивирующим словом’, которое конкретизировано в частном значении ‘вещественное значение носителя признака’: *бель* ‘белое полотно или другой белый материал, идущий на рубахи’ от общенац. *белый*. В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная в художественной и разговорной речи словообразовательная модель: *зелень*, *дичь*, *гниль*, *прель* (РГ-80, т. 1, с. 224).

Модель **Adj + формант -инк(а)** с мутационным словообразовательным значением ‘предмет, характеризующийся признаком, названным мотивирующим словом’: а) *свозинка* ‘узорный шов в виде мережки, таким швом сшивали части мужских праздничных рубаш и штанов’ от прилагательного общенац. яз. *сквозной* в значении ‘проходящий насквозь’⁴⁵², б) *косинка* ‘деталь узора вышивки’ от прилагательного общенац. яз. *косой* в значении ‘непрямой, наклонный’⁴⁵³. Данная продуктивная словообразовательная модель характерна для русского общенац. яз., особенно для разговорной и художественной речи: *рыжинка*, *желтинка* в значении ‘рыжие, желтые пятнышки’ (РГ-80, т. 1, с. 182).

Модель **Adj + формант -ин(а)** с мутационным словообразовательным значением ‘предмет, характеризующийся признаком, названным мотивирующим словом’, которое конкретизировано в таком частном значении, как ‘названия веществ, материалов’: *мешина* ‘кожа как материал’ от диалектного прилагательного *мешинный* ‘южн. кожаный’⁴⁵⁴. Данная продуктивная словообразовательная модель характерна для русского общенац. яз.: *пушнина*, *древесина*, *белковина* (РГ-80, т. 1, с. 172).

Охарактеризуем **отглагольные суффиксальные модели**. Мотивирующие глаголы называют конкретные действия, чаще всего относящиеся к работе по дому (*перемывать*, *завесить*). Все мотивирующие глаголы относятся к русскому общенац. яз. Модель **V + формант -к(а)** с общим мутационным словообразова-

⁴⁴⁹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 4. С. 168.

⁴⁵⁰ Там же. Т. 3. С. 6.

⁴⁵¹ Там же. Т. 1. С. 374.

⁴⁵² Там же. Т. 4. С. 180.

⁴⁵³ Там же. Т. 2. С. 444.

⁴⁵⁴ Там же. С. 971.

тельным значением ‘предмет, характеризующийся действием, названным мотивирующим словом’, которое конкретизировано в следующем частном словообразовательном значении — ‘предмет-объект действия’: а) *завеска* ‘фартук, передник’ от общенац. глагола *завесить*; б) *катунка* ‘сверток, скатка’ от общенац. глагола *катать* ‘оборачивать колесом..., ровнять укатывать’⁴⁵⁵; в) *надвижки* (в ед. ч. *надвижка*) ‘домашние туфли без задников’ от общенац. глагола *надвинуть* ‘двигать одну вещь на другую, сверху ее либо сбоку’⁴⁵⁶; г) *обложка* ‘обшивка рукава’ от *обложить* в значении ‘обкладывать, класть вокруг, окружать’⁴⁵⁷. Данная продуктивная словообразовательная модель характерна для русского общенац. яз.: *катушка, загородка, заколка* (РГ-80, т. 1, с. 150—151).

Модель **V + формант -х(а)** с общим мутационным словообразовательным значением ‘предмет, предназначенный для совершения действия, названного мотивирующим словом’: *перемыха* ‘смена белья’ (от общенац. глагола *перемывать*). По данным РГ-80, в литературном языке такой модели нет. Имеется схожая непродуктивная словообразовательная модель, называющая одушевленный предмет (лицо): *растеряха, побиреха, затеряха* (РГ-80, т. 1, с. 152).

Модель **V + формант -к(и), -ушк(и)** с общим мутационным словообразовательным значением ‘предмет, характеризующийся действием, названным мотивирующим словом’: а) *трёпки* ‘бахрома’ от общенац. глагола *трепать* ‘дергать, тереть, пушить’⁴⁵⁸; б) *вилюшки* ‘украшение на одежде в виде извилины’ от общенац. глагола *вилять* в значении ‘уклоняться от прямого пути’; в) *откидушки* ‘разновидность шва с крестиком’ от общенац. глагола *откинуть /откидывать* ‘отметнуть, кидать в сторону или назад’⁴⁵⁹. Данная словообразовательная модель характерна для русского общенац. яз.: *потягушки, доедки, заморозки, пятнашки* (РГ-80, с. 165).

Модель **V + формант -л(а)** с общим мутационным словообразовательным значением ‘предмет, характеризующийся действием, названным мотивирующим словом’, которое конкретизировано в следующем частном словообразовательном значении — ‘предмет-объект и результат действия’: *кистила* ‘кисти, бахрома’ (в Сл. Даля не зафиксировано) от глагола говора *кистить* ‘делать бахрому, кисти’. Данная продуктивная словообразовательная модель характерна для русского общенац. яз.: *поддувало, седло, мерило* (РГ-80, т. 1, с. 150).

Префиксально-суффиксальный способ представлен двумя словообразовательными моделями. Модель **префикс под- + суффикс -ник** с модификационным словообразовательным значением ‘предмет, находящийся ниже того, что названо

⁴⁵⁵ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 239.

⁴⁵⁶ Там же. С. 1039.

⁴⁵⁷ Там же. С. 1530.

⁴⁵⁸ Там же. Т. 4. С. 831.

⁴⁵⁹ Там же. Т. 2. С. 1887.

мотивирующим словом': а) *подкосник* 'подкладка под косу, чтобы не пачкалась одежда' (от общенац. слова *коса*); б) *подмахрик* 'висячее украшение, подвеска у махра' от общенац. слова *мохор* 'каждая отдельная часть мохны, кисти, бахромы'⁴⁶⁰. В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная в сфере бытовой лексики словообразовательная модель: *подколенник*, *подголовник*, *подфарник* (РГ-80, т. 1, с. 234).

Модель **префикс на- + суффикс -ник** с модификационным словообразовательным значением 'предмет, находящийся на поверхности того, что названо мотивирующим словом': *накосник* 'украшение в косе' (от общенац. слова *коса*). В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная словообразовательная модель: *наколенник*, *нагрудник*, *налобник* (РГ-80, т. 1, с. 23).

Модель **префикс по- + суффикс -ник** с модификационным словообразовательным значением 'предмет, характеризующийся местоположением близ или вдоль того, что названо мотивирующим словом': *позатыльник* 'деталь старинного праздничного головного убора некрасовки, широкая оборка, расшитая золотом и серебром, прикрывающая волосы сзади' (от общенац. слова *затылок*). В общенац. яз. имеется аналогичная непродуктивная словообразовательная модель: *поморник* (птица), *поручейник* (растение) (РГ-80, т. 1, с. 234).

В описываемых лексико-тематических группах «Наименования одежды и головных уборов», «Наименования украшений» имеются случаи словообразовательной языковой игры, которая конкретизирована как прием экспрессивного рифмованного удвоения с приобретением новым словом собирательного значения: а) *оде́жка-передёжка* 'соби́р. одежда, смена белья'; б) *плочи-млощи* 'соби́р. все украшения' (от слова говора *плочи* [плашшы] 'плоские металлические украшения вдоль бортов женского балахона'); в) *вилюшки-кивилюшки* 'разные украшения на одежде, в том числе и в виде извилины'.

Словообразование лексико-тематических групп «Наименования кушаний», «Наименования напитков»

Словообразовательная специфика мотивированных имен данных лексико-тематических групп такова: преобладает суффиксальный способ образования, присутствует субстантивация. Мотивирующая база прежде всего глагольная, также субстантивная и адъективная.

Охарактеризуем **отглагольные суффиксальные модели**. Мотивирующие глаголы называют конкретные действия, чаще всего относящиеся к работе по дому (*приготовить*, *стряпать*, *солить*, *наквасить*, *прибелить*, *сколотить*, *затереть*). Все мотивирующие глаголы относятся к русскому национальному языку.

Преобладающая модель такова: **V + формант -к(а)** с общим мутационным словообразовательным значением 'предмет, характеризующийся действием, названным мотивирующим словом', которое конкретизировано в следующем частном

⁴⁶⁰ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 3. С. 922.

словообразовательном значении — ‘предмет-объект и результат действия’: а) *приготов-ка* ‘еда, кушанье’ (от глагола *приготовить*), б) *затирка* ‘суп, заправленный затертой мукой’ (от глагола *затереть*), в) *накваска* ‘кислое тесто для заквашивания, закваска’ (от глагола *наквасить*), г) *прибелка* ‘закваска для хлеба’ (от глагола *прибелить*). Данная словообразовательная модель характерна для русского общенац. яз. и продуктивна в общем словообразовательном значении в современной русской речи: *похлебка, настойка* (по данным РГ-80, т. 1, с. 151).

Другие отглагольные словообразовательные модели представлены единичными примерами. Модель **V + формант -ин(а)** с общим мутационным словообразовательным значением ‘предмет, являющийся результатом или объектом действия, названным мотивирующим словом’: *сколотина* ‘сыворотка, остающаяся при изготовлении сливочного масла’ (от глагола *сколотить*). Данная словообразовательная модель характерна для русского общенац. яз. и продуктивна в современной разговорной и художественной русской речи: *пригарина, пробоина, оплывина, развалина* (по данным РГ-80, т. 1, с. 155).

Модель **V + нулевой формант** с общим мутационным словообразовательным значением ‘предмет, характеризующийся действием, названным мотивирующим словом’, которое конкретизировано в следующем частном словообразовательном значении — ‘объект действия, чаще всего вещество или совокупность предметов’: существительное женского рода *ёста* ‘еда, кушанье’ (от общенац. глагола *есть*). Данная словообразовательная модель непродуктивна в современной русской речи, хотя и присутствует в системе современного словообразования: *пища, одежда, пряжа, рассада, приправа, ноша* (по данным РГ-80, т. 1, с. 223).

Модель **V + нулевой суффикс** с мутационным словообразовательным значением ‘объект и результат действия, названного мотивирующим глаголом’: существительное *извар* ‘компот’ от общенац. глагола *изварить* ‘разваривать, варить до разварки’⁴⁶¹. Данная словообразовательная модель характерна для русского общенац. яз. и является высокопродуктивной в разговорной, художественной и профессиональной речи: *расплав* ‘расплавленная масса’, *отвал* ‘отваленная порода’ (РГ-80, т. 1, с. 219—221).

Модель **V + суффикс -(ё)х(а)** со значением ‘предмет, характеризующийся отношением к действию, названному мотивирующим словом’: *жарёха* ‘форма для выпечки хлеба’ от общенац. глагола *жарить*. В общенац. яз. подобной модели нет. Имеется сходная непродуктивная модель, обладающая значением лица: *растерёха, пряха* (РГ-80, т. 1, с. 152).

Модель **V + суффикс -тв(о)** с транспозиционным словообразовательным значением: *пиво* ‘состояние по глаголу пить’ от общенац. глагола *пить* ‘пьянствовать’⁴⁶². Данная непродуктивная словообразовательная модель характерна для русского общенац. яз.: *жатва, битва, молитва* (РГ-80, т. 1, с. 165).

⁴⁶¹ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 22.

⁴⁶² Там же. Т. 3. С. 291.

Модель **V + формант -овн(я)**: *стряповня* ‘приготовление пищи, стряпание’ (от глагола *стряпать*) с общим транспозиционным словообразовательным значением ‘отвлеченный процессуальный признак’. В общенац. яз. имеется аналогичная непродуктивная словообразовательная модель: *болтовня*, *мотовня* (по данным РГ-80, т. 1, с. 163).

Модель **V + формант -л(о)** с общим транспозиционным словообразовательным значением ‘отвлеченного процессуального признака’: *солило* ‘солка, засолка’ от общенац. глагола *солить*. По данным РГ-80, названная словообразовательная модель не характерна для русского общенац. яз.

Охарактеризуем **отсубстантивные суффиксальные модели**. Мотивирующие существительные называют конкретные предметы или вещества (*калач*, *пресняк*, *мука*) и в большинстве своем относятся к общенациональному языку.

Модель **S + формант -ишк(а)** с модификационным субъективно-оценочным ласкательным значением: слово женского рода *мукишка* ‘ласк. к мука’ от лексемы общенац. яз. *мука*. В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная словообразовательная модель: *страстишка*, *мыслишка*, *службишка* (РГ-80, т. 1, с. 213).

Модель с модификационным субъективно-оценочным уменьшительно-ласкательным значением **S + формант -ец**: *саламурец* ‘уменьш. рассол’ (от слова говора *саламур*). В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная в разговорной и художественной речи словообразовательная модель: *сахарец*, *супец*, *лимонец* (РГ-80, т. 1, с. 210).

Модель **S + формант -к(а)** с модификационным субъективно-оценочным ласкательным значением: а) *мукишечка* ‘ласк. к мука’ (от лексемы говора *мукишка*); б) *воточка* ‘ласк. водка’ (от слова говора [вотка]), в) *напивка* ‘ласк. к напива’ (от слова говора *напива* ‘напиток’). В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная словообразовательная модель: *избушечка*, *старушечка*, *пташечка*, *хатка*, (РГ-80, т. 1, с. 210).

Необходимо отметить, что в силу того, что говор некрасовцев в период эмиграции был представлен только устной разновидностью русского языка, в мотивированном существительном *воточка* сохранилась ассимиляция фонемы [д] по глухости, характерная для мотивирующего слова [воткъ].

Модель **S + формант -ик, -ок** с модификационным субъективно-оценочным уменьшительно-ласкательным значением: а) слово *калачик* ‘изделие из теста, бублик’ (от общенац. лексемы *калач*). В национальном языке имеется аналогичная высокопродуктивная в разговорной и художественной речи словообразовательная модель: *винегретик*, *уксусик*, *арбузик*, *лещик* (см. РГ-80, т. 1, с. 208—209); б) слово *преснячок* ‘пресный хлебец, лепешка’ (от общенац. слова *пресняк* ‘лепешка, опреснок’)⁴⁶³. В общенац. яз. имеется аналогичная высокопродуктивная

⁴⁶³ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 3. С. 1391.

в разговорной и художественной речи словообразовательная модель: *грибок, чаек, барашек* (РГ-80, т. 1, с. 208—209).

Модель **S + формант -як(а)** с увеличительным субъективно-оценочным значением: *кусмяка* ‘увелич. к кусок’ (*Ну и кусмяка!*) от существительного общенационального языка *кусок*. В литературном языке такой модели нет. Имеется сходная продуктивная в разговорной речи и в просторечии словообразовательная модель со значением стилистической модификации: *чертяка, морозьяка* (РГ-80, т. 1, с. 217).

Модель **S + формант -ин(а)** со словообразовательным значением стилистической модификации: *молочина* ‘молоко’ от существительного общенац. яз. *молоко*. Данная модель существует и в современном русском языке и является продуктивной: *зверина, псина, рыбина, тварина* (РГ-80, т. 1, с. 216).

Модель **S + формант -ух(а)** со словообразовательным значением стилистической модификации: *затируха* ‘суп, заправленный затертой мукой’ от существительного говора *затирка* с аналогичным значением. В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная словообразовательная модель: *комнатуха, речуха, клетуха* (РГ-80, т. 1, с. 217).

Модель **S + формант -к(а)** с аналогичным значением словообразовательным значением ‘предмет, характеризующийся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом’: *симитка* ‘бублик’ от турецк. *simit* ‘бублик’. Подобная модель с мутационным словообразовательным значением, по данным РГ-80, в русском литературном языке отсутствует.

Отадъективные модели представлены двумя видами и тремя лексемами.

Adj + формант -к(а) с общим мутационным словообразовательным значением ‘предмет, характеризующийся признаком, названным мотивирующим словом’, которое конкретизировано в частном словообразовательном значении ‘различные конкретные предметы’: а) *кипучка* в значении ‘самодельный крепкий напиток’ (ассоциативное значение на базе такого значения прилагательного *кипучий*, как ‘подобный кипящей жидкости, kloкочущий’⁴⁶⁴; б) *бензинка* ‘зажигалка’ от общенац. *бензиновый*. Данная словообразовательная модель характерна для русского общенац. яз. и является высокопродуктивной в разговорной и профессиональной речи: *перцовка, жжженка, шипучка, керосинка, рогатка* (РГ-80, т. 1, с. 171—172).

Adj + формант -ак с мутационным словообразовательным значением ‘предмет, характеризующийся признаком, названным мотивирующим словом’: *кисляк* ‘кислое молоко’ от общенац. прилагательного *кислый*. В общенац. яз. имеется продуктивная в общем словообразовательном значении в разговорной речи и просторечии аналогичная модель: *кругляк, светляк, тусляк, сорняк* (РГ-80, т. 1, с. 170).

К способу субстантивации относится одно существительное: *стряпано* (собр., ср. р.) ‘изделия из сдобного теста’ (*Каждый день стряпана была*). Данная лексема

⁴⁶⁴ Там же. Т. 2. С. 272.

демонстрирует архаичность говора казаков-некрасовцев. Полагаем, что субстантиват *стряпано* является реликтом древней системы краткого страдательного причастия прошедшего времени среднего рода в функции атрибута. Очевидно, что краткое страдательное причастие прошедшего времени среднего рода *стряпано* первоначально входило в синтагму *стряпано* + существительное среднего рода, называющее печеные изделия, а затем обособилось и пережило процесс субстантивации.

3.4. Словообразование подклассов «Животный мир» и «Растительный мир»

В составе лексико-тематических подклассов «Животный мир» и «Растительный мир» находим определенное количество словообразовательно мотивированных существительных. Словообразовательная специфика мотивированных имен подклассов «Животный мир» и «Растительный мир» такова: преобладает суффиксальный способ образования, присутствует способ сложения основ, словообразовательная игра и субстантивация. Мотивирующая база прежде всего субстантивная, а также глагольная и адъективная.

Отсубстантивные суффиксальные модели. Часть мотивирующих лексем относится к общенац. яз. (*куб, яшень, камышина, полынь*), часть является словами говора (*абуза, ореней*).

Модель **S + формант -их(а)** с модификационным значением женскости: а) *бирючиха* ‘волчица’, б) *ведмедиха* ‘медведица’, в) *павиниха* ‘самка павлина’, г) *змеиха* ‘самка змея’ соответственно от диалектных существительных *бирюк* (*орнб., сиб., астрх., вор.* — по данным Сл. Даля, т. 1, с. 215), *ведмедь* (*южн., кур., орл., вор.* — по данным Сл. Даля, т. 1, с. 428) и лексем общенац. яз. *павлин, змей*. Данная словообразовательная модель является единственным продуктивным средством образования существительных, называющих самок животных в современном русском языке: *волчиха, лосиха, олениха* (РГ-80, т. 1, с. 201).

Модель **S + нулевой формант + флексия -а** с модификационным значением женскости: *льва* ‘львица’ от слова общенационального языка *лев*. Данный тип продуктивен в современном русском языке: *коза, раба, кума* (РГ-80, т. 1, с. 227).

Модель **S + формант -онок, -(ен)онок** с модификационным значением ‘название детенышей’: а) *бирючонок* ‘волчонок’ от диалектного слова *бирюк* ‘волк’, б) *карженёнок* ‘воронёнок’ от слова общенац. яз. *карга* ‘татар. ворона’⁴⁶⁵ (в Сл. Даля отмечена иная лексема — *карженок* с аналогичным значением ‘не-взрослости’). В слове *карженёнок* имеется уникальное левое наращение *-(ен)-*. Данная словообразовательная модель в современном русском языке обладает высокой продуктивностью: *барсучонок, барсёнок, дельфинёнок* (РГ-80, т. 1, с. 204).

Модель **S + формант -ин(а)** со значением стилистической модификации: а) *зверина* ‘зверь’; б) *птичина* ‘птица’; в) *ясенина* ‘яшень’; г) *камышинина* ‘стебель

⁴⁶⁵ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 226.

камыша, камышинка', образованные от существительных общенац. яз. *зверь, птица, ясень, камышина* с аналогичными значениями. Данная модель существует и в современном русском языке и является продуктивной (*зверина, псина, рыба, тварина*). Подобные слова со значением стилистической модификации представляют собой разговорно-просторечные синонимы соответствующих мотивирующих существительных (РГ-80, т. 1, с. 216).

Модель **S + формант -ин(а)** с модификационным значением единичности 'один предмет, выделенный из совокупности предметов': *абузина* 'стебель абузы' от слова говора *абуза* 'растение, напоминающее камыш'. Данная модель является актуальной в русском общенац. яз. на протяжении веков и продуктивной в современном русском языке (*камышина, картофелина, можжевелина, изюмина*) (РГ-80, т. 1, с. 207).

Модель: **S + формант -ник** с модификационным значением собирательности 'совокупность одинаковых предметов (чаще всего растений), названных мотивирующим словом': *дубник* 'дубовая поросль, молодой дубняк'. Данная модель не наблюдается в составе моделей словообразовательной системы современного литературного языка. Необходимо отметить, что для общенац. яз. с данным значением характерна другая непродуктивная словообразовательная модель: **S + формант -няк**: *вербняк, дубняк, ивняк, березняк, лозняк, липняк* (РГ-80, т. 1, с. 206).

Модель **S + формант -от(а)** с модификационным значением собирательности: *мухота* 'соби́р. мухи' от существительного общенац. яз. *муха*. В литературном языке не имеется аналогичной модели (по данным РГ-80). Данная модель говора является специфичной.

Модель: **S + формант -в(а)** с модификационным значением собирательности: *утьва* 'утки' от общенац. существительного *утка*. Данная модель является непродуктивной в современном русском языке (*листва, братва* — по данным РГ-80, т. 1, с. 207).

Модель **S + формант -ик** с модификационным субъективно-оценочным (ласкательным экспрессивным) значением: а) *муравлик* ласк. к *муравль* 'муравей', б) *кабаник* 'ласк. к кабан'. Данный тип продуктивен в современной русской речи: *котик, ужик* (РГ-80, т. 1, с. 208).

Модель **S + формант -ок** с модификационным субъективно-оценочным (ласкательным экспрессивным значением): а) *мартушок* 'порода чаек' от слова говора *мартин*, являющимся фонетическим вариантом общенац. яз. *мартын* 'общее название водяных птиц'⁴⁶⁶; б) *попынок* 'небольшая низкая полынь' (*Пълынок низинь-кая, палынь высокая*) от общенац. слова *полынь*. Данный тип продуктивен в современном русском языке: *гребешок, кочешок* (РГ-80, т. 1, с. 209).

Модель **S + формант -к(а)** с модификационным субъективно-оценочным значением: *нурька* 'норка' от существительного говора казаков-некрасовцев *нурё*

⁴⁶⁶ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 783.

‘нора’. Данный тип продуктивен в современном русском языке: *картинка, батарейка* (РГ-80, т. 1, с. 210).

Модель **S + формант -(иль)ня** с мутационным значением ‘помещение или вместилище для того, что названо мотивирующим словом’: *зверильня* ‘зверинец’ от существительного *зверь*. Данная словообразовательная модель в современном русском языке непродуктивна: *скворечня* (РГ-80, т. 1, с. 191). Левое наращение суффикса *-(иль)* для данной модели является уникальным.

Модель **S + формант -(иль)ница** с мутационным значением ‘помещение или вместилище для того, что названо мотивирующим словом’: *зверильница* ‘зверинец’ от существительного *зверь*. Данная словообразовательная модель в современном русском языке продуктивна: *гробница, житница, сокровищница* (РГ-80, т. 1, с. 191). Левое наращение суффикса *-(иль)* для данной модели является уникальным.

Модель: **S + формант -онок** с мутационным значением ‘неодушевленный предмет, характеризующийся тем, что названо мотивирующим существительным’: *лопушонок* ‘лепесток’ от общенац. существительного *лопух* (*Три лопушонка белая листа*). В общенац. яз. имеется аналогичная непродуктивная словообразовательная модель, но с иным грамматическим родом: *маслёнка, солонка* (РГ-80, с. 198—199). Наблюдается расширение структурных характеристик общенац. модели.

Модель **формант S + формант -(уш)ек** с мутационным значением ‘неодушевленный предмет, характеризующийся тем, что названо мотивирующим существительным’: лексема *орепенушек* ‘садовый цветок с шарообразным соцветием лилового цвета’, которая образована от существительного говора *орепей* ‘растение с колючими головками’. В литературном языке данная модель, по данным РГ-80, не встречается.

Охарактеризуем **отглагольные суффиксальные модели**. Мотивирующие глаголы обозначают конкретные действия (*труситься, лягать, корячиться, кричать, прыгать*) и относятся к русскому общенациональному языку.

Модель **V + нулевой суффиксальный формант** с мутационным значением ‘живой субъект, характеризующийся действием, названным мотивирующим словом’: *трус* ‘птица’ от слова *труситься* ‘трястись, дрожать’⁴⁶⁷ (в Сл. Даля дано без помет) (*Вон бяжыть и трусицца*). Данная продуктивная словообразовательная модель характерна для современного русского языка: *бахвал, мот, баламут* (РГ-80, т. 1, с. 221).

Модель **V + формант -ушк(а)** с мутационным значением ‘предмет, характеризующийся действием, названным мотивирующим словом’: *корякушка* ‘моллюск-беззубка’ (*Када ана пагибаить, раздваивьицца на две части*) от глагола общенац. яз. *корячиться* ‘разводить, распирает’⁴⁶⁸. Данная словообразовательная модель

⁴⁶⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 4. С. 855.

⁴⁶⁸ Там же. Т. 2. С. 439.

продуктивна в современном русском языке: *болтушка, хохотушка, игрушка, побрякушка* (РГ-80, т. 1, с. 151).

Модель **V + формант -ун** с мутационным значением ‘предмет (одушевленный или неодушевленный), производящий действие, названное мотивирующим словом, часто с оттенком «склонный к этому действию»’: *прыгун* ‘насекомое кузнечик’ от глагола *прыгать*. Данный словообразовательный тип продуктивен в современном русском языке, главным образом в разговорной речи: *грызун, пестун, полоскун, ревун, скакун* (РГ-80, т. 1, с. 146).

Модель: **V + формант -ник** с мутационным значением ‘предмет, производящий действие или предназначенный для осуществления действия, названного мотивирующим словом’: *нюхальник* ‘мята’ от глагола *нюхать*. В общенац. яз. имеется продуктивная в технической терминологии, в сфере названий орудий и механизмов, реже — названий лиц по характеру занятии, аналогичная словообразовательная модель: растение *порезник* (РГ-80, т. 1, с. 143).

Модель: **V + формант -лк(а)** с мутационным значением ‘название предмета по побочному действию’: *крякалка* ‘ранний весенний цветок, подснежник’ (*Крякалочки, ани как ротики*) от глагола общенац. яз. *крякать*. В общенац. яз. имеется продуктивная в сфере терминологии (преимущественно технической) аналогичная словообразовательная модель: *трещалка, тарыхтелка* (РГ-80, т. 1, с. 149).

Охарактеризуем **отадъективные суффиксальные модели**. Мотивирующие прилагательные обозначают признаки предметов (*плешивый, желтый, лысый, жгучий, медяный, мокрый*) и относятся к русскому общенациональному языку.

Модель **Adj + формант -ак/-як** с мутационным значением ‘предмет, одушевленный или неодушевленный), характеризующийся признаком, названным мотивирующим словом’: а) *плешиак* ‘хищная птица, степной лунь’ от прилагательного *плешивый*, б) *желтяк* ‘порода змей’ от слова *желтый*. Данный словообразовательный тип проявляет продуктивность в разговорной речи и просторечии: *пестряк, пухляк, гончак, третьяк* (РГ-80, т. 1, с. 170).

Модель **Adj + формант -к(а)** с мутационным значением ‘предмет (одушевленный или неодушевленный), характеризующийся признаком, названным мотивирующим словом’: а) *лыска* ‘водяная курочка, лысуха’, б) *жигучка* ‘ядовитое мелкое насекомое’ от прилагательных общенац. яз. *лысый, жгучий*. Данный словообразовательный тип высокопродуктивен в разговорной и профессиональной речи: *голландка, синехвостка* (РГ-80, т. 1, с. 171).

Модель **Adj + формант -иц(а)** с мутационным значением ‘предмет, одушевленный или неодушевленный), характеризующийся признаком, названным мотивирующим словом’: *медяница* ‘змея-медянка’ от общенац. слова *медяный* ‘из меди сделанный, на медь похожий’⁴⁶⁹. Образования этого типа широко представлены

⁴⁶⁹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 961.

в народной номенклатуре животных и растений: *капустница*, *древесница*, *ночница*, *вечерница* (РГ-80, т. 1, с. 173).

Модель **Adj + формант -уш(а)** с мутационным значением ‘предмет (одушевленный или неодушевленный), характеризующийся признаком, названным мотивирующим словом’, которое реализуется в частном значении ‘название предмета + собирательность’: *мокруша* ‘мелкий рачок’ от слова *мокрый*. Данный словообразовательный тип обнаруживает продуктивность в разговорной речи *дикуша* (РГ-80, т. 1, с. 174).

Способы словосложения

Модель: **Adj + интерфикс -о- + S + формант -ник** со значением ‘предмет, относящийся к тому или характеризующийся тем, что названо в опорной основе и конкретизировано в первой основе’: *белоголовник* ‘тысячелистник’ состоит из такого опорного компонента, как существительное *голова* и подчинительного компонента — прилагательного *белый* (оба компонента выражены словами общенац. яз.), а также формантов *-о-* и *-ник*. В литературном языке имеется аналогичная продуктивная, преимущественно для книжной речи, словообразовательная модель: *чернорубашечник*, *стоletник*, *ремнецветник* ‘растение’ (РГ-80, т. 1, с. 248).

Модель **S + нулевой интерфикс + S: лимон-трава** ‘душистая трава’. Это модель относится к чистому сложению подчинительного подтипа, состоит из опорного компонента — глагола *трава* — и подчинительного компонента — существительного *лимон* (оба компонента выражены словами общенац. яз.). В литературном языке имеется аналогичная словообразовательная модель: *сон-трава* (РГ-80, т. 1, с. 252).

Модель **Adj + интерфикс -о- + S + нулевой суффикс: золотопуз** в значении ‘порода змей’. Данное существительное относится к модели сложения основ с опорным компонентом, равным основе существительного, и подчинительным отношением. Опорным компонентом выступает основа просторечного слова *пузо*, первый компонент подчинительного сложения — это слово *золотой*. В общенац. яз. аналогичная модель: *долгопят* ‘млекопитающее отряда приматов’ (РГ-80, т. 1, с. 242).

Способ субстантивации представлен в данном подклассе лексемой *поречная* в значении ‘выдра’. В общенац. яз. подобные субстантиваты относятся либо к ср. р., либо употребляются в форме мн. ч.: *пернатые*, *бесхвостые* (РГ-80, т. 1, с. 240). В этом случае имеем результат процесса расширения структурных возможностей модели в говоре.

Способ субстантивации представлен также словом *огнёв* ‘садовый цветок’. Полагаем, что субстантиват *огнёв* является реликтом древней системы имени прилагательного, а именно краткого качественно-относительного прилагательного с суффиксом *-ов-* в функции определения, очевидно из словосочетания *огнев цвет-ток*.

В целом изучение собранного материала показало, что значительное количество лексем-существительных говора являются мотивированными и, очевидно,

возникшими в словообразовательной системе самого говора. Анализ специфики словообразования имени существительного в говоре казаков-некрасовцев выявил, что существительные говора располагают следующими **способами словообразования**: 1) суффиксацией, включая нулевую; 2) префиксально-суффиксальным способом; 3) префиксальным способом; 4) способом сложения; 5) субстантивацией; 6) словообразовательной игрой; 7) аналогическим словообразованием; 8) метафорическим словообразованием; 9) словообразованием, построенным на энантиосемии.

Подавляющее большинство существительных говора образовано **суффиксальным способом**, так же как и в русском общенац. яз. Это характерно для всех лексико-тематических классов, выделяемых в массиве лексем-существительных: класса «Абстрактные отношения и формы существования материи», класса «Неорганический мир», класса «Органический мир», — а также подклассов и лексико-тематических групп, входящих в названные классы.

Префиксально-суффиксальный способ образования существительных говора представлен небольшим количеством мотивированных существительных. Это мотивированные лексемы классов «Абстрактные отношения и формы существования материи», «Неорганический мир», «Органический мир» (подклассы «Человек», «Трудовая деятельность», «Быт»).

Префиксальный способ образования представлен единичными мотивированными существительными. Это мотивированные лексемы класса «Органический мир» (подкласс «Человек»).

Способ сложения представлен небольшим количеством мотивированных существительных. Это мотивированные лексемы классов «Абстрактные отношения и формы существования материи», «Неорганический мир», «Органический мир» (подклассы «Трудовая деятельность», «Животный мир», «Растительный мир»).

Способ субстантивации представлен небольшим количеством мотивированных существительных. Мы включили в него как результаты синхронного способа субстантивации прилагательных (субстантиваты *невернай*, *пожєнатые* класса «Органический мир», подклассов «Трудовая деятельность», «Человек»), так и реликты древней системы имени прилагательного, обладавшего функцией определения в краткой форме; например, реликом краткой формы качественного прилагательного является лексема *быстря* 'быстрое течение на середине реки' (класс «Органический мир»). К архаическим явлениям в области субстантивации относятся и существительное *стряпано* 'изделия из сдобного теста' (лексико-тематическая группа «Наименования кушаний»). Полагаем, что субстантиват *стряпано* является реликом древней системы краткого страдательного причастия пр. вр. ср. р. в функции атрибута.

Анализ способов словообразования в говоре показал, что в словообразовательной системе говора некрасовцев наблюдаются явления, которые редки даже в литературном языке в силу того, что возникают в результате осознанной творческой когнитивно-вербальной деятельности носителя языка. Это словообразовательная

игра, аналогическое словообразование, метафорическое словообразование, словообразование, построенное на энантиосемии.

Из названных креативных способов словообразования наиболее распространен способ **словообразовательной языковой игры**, который представлен таким своим видом, как рифмованное эхо, когда какое-либо слово повторяется с изменением начального звука и с новым, собирательным или родовым, значением: *птица-мница, кабаки-мабаки, одёжка-передёжка, площади-млощи, курица-мурица, куфни-муфни, камыш-мамыш, крёсная-мрётсяная, вилюшки-кивилюшки* и т. д. Таких слов в говоре некрасовцев немало. Это мотивированные лексемы класса «Органический мир» (подклассы «Человек», «Трудовая деятельность», «Быт»). Анализ показывает, что второе слово, слово-эхо, начинается чаще всего со звука [м], но встречаются также начальные звуки [п], [ш], [б], [к]. В то же время встречаются номинации, относящиеся к модели «словообразовательное эхо», но не имеющие собирательного или родового значения, выполняющие только эстетическую функцию балагурства: *малчок-шалчок* (о молчаливом человеке), *кабурга-бурга* (о морской раковине), *скандалишка-мандалишка* случилась, *спирту-мирту* подаришь, деньги получили без *ращёту-палущёту*. По наблюдениям ряда ученых, прием рифмованного эха характерен для носителей русского языка, живущих в соседстве с тюркским населением⁴⁷⁰. Именно к такой группе носителей русского языка относятся казаки-некрасовцы.

Способ образования слов «по образцу», или способ **аналогического словообразования**, демонстрируют лексемы: а) *близнята* ‘близнецы’, образцом для которой послужило диалектное слово *двойнята*, и б) *шурыак* ‘шурин’, образцом для которой послужило общенациональное слово *своаяк*. Это мотивированные лексемы класса «Органический мир» (подкласс «Человек»). В современной речи также имеем подобные лексемы, например слово *папомобиль*, созданное по образцу лексемы *автомобиль*.

Способ метафорического словообразования представлен единичными мотивированными существительными, например *кубетка* (‘*пренебр.* голова’) от существительного *куба* ‘кубышка, высокая кадушка’ (класс «Органический мир», подкласс «Человек»).

Способ словообразования, построенный на энантиосемии, встречается редко — это мотивированные слова говора *толкушка, толкуша*, которые включают в свою семантику антонимичный семантический компонент ‘тот, кому невозможно объяснить’ (класс «Органический мир», подкласс «Человек»). В общенациональном языке также встречаем случаи мотивации, в ходе которой происходит поляризация основных семантических компонентов мотивирующего и мотивированного слов: *умный* (положительная характеристика интеллекта) — *умник* (отрицательная характеристика интеллекта), *дурак* (отрицательная характеристика поведения),

⁴⁷⁰ Русская разговорная речь. М.: Наука: 1983. С. 193.

черт характера) — *дурачок* (положительная характеристика поведения, черт характера).

Необходимо отметить специфические **архаические явления** в процессе освоения мотивирующей основы в словообразовательной системе говора в рамках имени существительного, которые демонстрируют сохранность в языковом сознании носителя говора древнейших черт языка предков восточных славян. Например, архаические явления в процессе освоения заимствованной мотивирующей основы мы наблюдаем в слове говора *пратукалина* (мотивирующим словом явилась турецкая лексема *portukal*), в говоре отразился процесс монофтонгизации дифтонгических сочетаний гласных с плавными *r*, *l* (его южнославянский вид), начавшийся в праславянском языке и закончившийся в отдельных, самостоятельных славянских языках, в том числе и в древнерусском.

В структуре ряда мотивированных лексем говора: *дитёнок*, *дитенёнок*, *вушкарник*, *вершок*, *подпольник*, *длинина*, *глыбина*, *хлеборобник*, *котыры*, *буйлак* — выявляется тенденция к избыточности морфематической структуры слова, когда наблюдаются факты усиления финали слова «пустым» суффиксом, повторяющим один из компонентов значения мотивирующего слова, по которому данное слово ассоциируется с тем лексико-тематическим классом, к которому принадлежит, и легко опознается (класс «Абстрактные отношения и формы существования материи», подкласс «Человек», лексико-тематические группы «Одежда и головные уборы», «Обувь», «Семейно-родственные отношения»). Подобные факты демонстрируют, с одной стороны, морфематическую и семантическую избыточность подобных мотивированных слов, а с другой стороны, их коммуникативное усиление. В то же время в этих фактах выявляется креативность языкового сознания носителей говора.

Необходимо отметить фонетическую специфику мотивированных лексем говора *связочка*, *арापенин*, *воточка* (лексико-тематические группы «Наименования украшений», «Наименования кушаний», «Номинации человека по национальному признаку»): в данных мотивированных существительных сохранилась произошедшая в мотивирующем слове ассимиляция фонем по глухости, а в общенац. яз. в аналогичных лексемах *связочка*, *водочка* и т. п. названная ассимиляция, произошедшая в мотивирующем слове, не сохранилась. Этот факт свидетельствует о том, что образование новых слов в говоре происходит устным путем, в чем мы видим проявление различий в иерархии устной и письменной форм речи в говоре некрасовцев и в общенациональном языке.

По **грамматическому характеру мотивирующего слова** выделяются существительные, мотивированные существительными, глаголами, прилагательными. В подавляющем большинстве лексико-тематических классов преобладают **отсубстантивы** (классы «Неорганический мир», «Органический мир» а также подклассы и лексико-тематические группы, входящие в названные классы). Только в одном лексико-тематическом классе — «Абстрактные отношения и формы существования материи» — главенствуют **девербативы**. **Отдаективы** занимают периферийное положение во всех лексико-тематических классах.

По характеру словообразовательного значения имеются: 1) мутационные значения, 2) модификационные значения, 3) транспозиционные значения. Мутационные и модификационные словообразовательные значения характерны для всех лексико-тематических классов, входящих в лексику говора. Транспозиционные словообразовательные значения встречаются преимущественно в классе «Абстрактные отношения и формы существования материи», а в классе «Неорганический мир», подклассах «Трудовая деятельность», «Быт» репрезентированы единичными случаями.

Мутационные значения преобладают в подавляющем большинстве лексико-тематических классов, подклассов и лексико-семантических групп: в классе «Неорганический мир», в подклассах «Человек», «Быт», «Растительный мир», «Трудовая деятельность» (кроме лексико-тематических групп «Скотоводство», «Птицеводство», «Садоводство»).

Модификационные значения преобладают в меньшем количестве подклассов и лексико-тематических групп: в подклассе «Животный мир», в лексико-тематических группах «Скотоводство», «Птицеводство», «Садоводство», входящих в подкласс «Трудовая деятельность». Среди модификационных значений большинство принадлежит к субъективно-оценочным, на втором месте — значение стилистической модификации и значение женскости, далее идут значение невзрослости, собирательности, есть значения пространственной подчиненности, подобия и противоположности.

Транспозиционные словообразовательные значения главенствуют в одном лексико-тематическом классе «Абстрактные отношения и формы существования материи».

Большинство словообразовательных моделей, характерных для мотивированных существительных говора казаков-некрасовцев, представлены в русском литературном языке. В то же время в составе словообразовательной подсистемы имени существительного говора встречаются **специфичные в структурном отношении словообразовательные модели**.

Все специфичные словообразовательные модели говора казаков-некрасовцев относятся к суффиксальному способу словообразования. В качестве мотивирующей базы специфичные словообразовательные модели говора имеют существительные, прилагательные и глаголы; обладают и мутационным, и модификационным, и транспозиционным словообразовательным значением. Среди специфичных словообразовательных моделей говора преобладают **суффиксальные отсубстантивные модели с мутационным значением**. В их составе есть такие, которые в полной мере могут быть названы именно словообразовательными моделями, так как по ним образовано несколько существительных. Это словообразовательные модели:

1. **S + формант -к(а), -тк(а)** с мутационным словообразовательным значением 'предмет, характеризующийся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом': а) слово *костка* 'крестец' от общенац. лексемы *кость*; б) *кубетка* 'preneбр. голова' от слова обиходного крестьянского языка *куба*

‘кубышка, высокая кадушка для кумыса и битья масла’ (метафорическое образование); в) *симитка* ‘бублик’ от турецк. *simit*.

2. **S + формант -ник** с модификационным значением собирательности ‘совокупность одинаковых предметов, названных мотивирующим словом’: а) *дубник* ‘дубовая поросль, молодой дубняк’; б) *тутник* ‘заросли тутового дерева’ от *тут*.

3. **S + формант -ок, -онок** с мутационным значением ‘предмет, характеризующийся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом’: а) *конек* ‘молодой конь в возрасте от одного года до трех лет’; б) *истобочек* ‘помещение под крышей сарая для кур, насест’ от диалектного существительного *истобок* ‘орл. чердак’ (Сл. Даля, с. 144); в) *лопушонок* ‘лепесток’.

4. **S + формант -к(а), (ей)к(а), -(ён)к(а)** с мутационным словообразовательным значением ‘предмет, характеризующийся отношением к предмету, названному мотивирующим словом’: а) *донка* ‘часть прялки, донце’ от общенац. существительного *дно*; б) *кужелка* ‘клубок ниток’ от диалектной лексики *кужель* ‘пск. вычесанный и перевязанный пучок льну, пеньки, изготовленный для пряжи’; в) *кисётка* ‘сумочка для денег’ от слова общекрестьянского языка *киса* ‘мошна, карман’; г) *камышейка* ‘мужская рабочая рубашка с карманами на груди, удобная для работы в камышах’ от общенац. существительного *камыш*.

5) **S + формант -як(а)** с модификационным словообразовательным значением «увеличительности»: а) существительное *валяка* ‘опухоль от укуса комара’ от общенац. лексики *вал* ‘земляная насыпь грядой или гребнем’ (метафорическое образование); б) *кусяка* ‘увелич. к кусок’ от существительного общенац. яз. *кусок*.

б) **Adj + формант -к(а)** с транспозиционным отвлеченным значением количественного признака, проявляющегося в различной степени: а) *длинка* ‘длина’ от общенац. *длинный*; б) *ширка* ‘ширина’ от общенац. *широкий*; в) *неуживка* ‘состояние по прилагательному *неуживный*’ от общенац. *неуживный*.

Кроме того, присутствуют такие специфичные словообразовательные модели говора, которые в нашем материале представлены одним мотивированным словом (моделями они могут быть названы условно):

1. Модели с мутационным словообразовательным значением, представленные одним словом: 1) **S + формант -овилк(а)**: существительное *кнутовилка* ‘палка для кнута, кнутовище’; 2) **S + формант -ыр-**: существительное *катыры* от диалектного *коты*; 3) **S + формант -ец(о)**: лексема *добрецо* ‘ценности, драгоценные камни’; 4) **V + формант -х(а)**: слово *перемыха* ‘смена белья’; 5) **Adj + нулевой формант**: существительное *нетель* от прилагательного *нетельная*; 6) **V + суффикс -(ё)х(а)**: *жарёха* ‘форма для выпечки хлеба’.

2. Модели с модификационным словообразовательным значением, представленные одним словом, в своем большинстве имеют значение **собирательности**. Подобные существительные зафиксированы в подклассах «Растительный мир», «Животный мир», «Трудовая деятельность» (в лексико-тематической группе «Садоводство»): 1) **Adj + формант -(о)вр(а)**: *суховря* ‘остатки сухих сот, удаляемые весной из улья’; 2) **S + формант -ий(а)**: *обрядия* ‘наряд’; 3) **S + формант**

-от(а): мухота ‘соби́р. мухи’; 4) **S + формант -(ов)щин(а): дедовщина** ‘соби́р. деды, старики’; одна модель обладает значением стилистической модификации: **S + формант -от(а): грекота** ‘пренебр. греки’.

3. Модели говора с транспозиционным значением количественного признака или состояния, представленные одним словом. Подобные существительные зафиксированы в составе класса «Абстрактные отношения и формы существования материи». Модель **Adj + формант -ениј(е)** с транспозиционным отвлеченным значением признака: **хорошение** ‘состояние по прилагательному *хороший*’. Модель **V + формант -л(о): солило** ‘солка, засолка’ от общенац. глагола *солить*.

В словообразовательной системе говора имеется целый ряд случаев расширения семантических или структурных возможностей моделей литературного языка. Так, в рамках модели **префикс по + S + суффикс -иј(я)** с модификационным словообразовательным значением ‘лицо, характеризующееся нахождением близ того, что названо мотивирующим словом’: **посестрия** ‘младшая двоюродная сестра’ (от общенац. существительного *сестра*) — имеем **расширение семантических возможностей** данной словообразовательной модели в говоре казаков-некрасовцев. В общенац. яз. имеется аналогичная словообразовательная модель (*побережье, поморь*), по которой не образуются названия лиц, а только названия предметов. Лексема **поречная** в значении «выдра» относится к способу субстантивации. В этом случае также имеем результат процесса расширения структурных возможностей модели, так как в литературном языке мотивированные существительные-субстантиваты являются словами в форме среднего рода или множественного числа.

Кроме того, имеются значительное количество **уникальных левых наращений суффиксов**, вариантов суффиксов, не характерных для данных суффиксов в словообразовательной системе литературного языка. Это такие левые наращения суффиксов:

-(а)ка в *грудяка*, **-(уж)ка** в *малюжка*, **-(ёнуш)ек** в *молодёнушек*, **-(т)ка** в *погoretка*, **-(в)ан** в *бахчеван*, **-(ав)к(а)** в *дунавка* (‘женск. к дунак’), **-(еж)ник** в *папёжник*, **-(ов)ј(я)** в *свекровья*, **-(ен)онок** в *дитенёнок*, **-(ен)ник** в *крестбенник*, **-(ат)ници(а)** в *детятница*, **-(ар)к(а)** в *грабарка*, **-(ен)-** в *кержанёнок*, **-(иль)ница** в *зверильница*, **-(ль)ня** в *зверильня*, **-(ич)к(а)** в *беличка*, **(ун)ец-** в *ракунец*.

Подобные существительные зафиксированы в подклассах «Человек», «Трудовая деятельность», «Быт», «Животный мир».

В целом словообразование исследуемого макрокласа говора является частной реализацией общей словообразовательной системы русского национального языка.

Раздел 2

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИДЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО

Идеографическая характеристика имен прилагательных в говоре казаков-некрасовцев заключается в распределении родственных по смыслу слов в тематические классы, подклассы и группы. Расположение слов по классам, подклассам, и группам, связанным смысловыми узами, позволяет исследовать знания некрасовцев об окружающем мире. Тематически организованная лексика говора открывает объективную картину познания действительности казаками-некрасовцами. Ввиду того, что словарный состав говора отражает уровень представлений его носителей о тех или иных явлениях и характеризует эти явления, идеографическая характеристика дает основания судить о степени развития культуры и о социальном устройстве, о верованиях и о мышлении, характерных для некрасовцев.

Все имена прилагательные говора казаков-некрасовцев были распределены на три лексико-тематических класса: «Абстрактные отношения и формы существования материи», «Неорганический мир» и «Органический мир». Указанные классы, в свою очередь, дифференцируются на подклассы и группы.

1. КЛАСС «АБСТРАКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ МАТЕРИИ»

Данный класс состоит из ряда подклассов. Самые многочисленные подклассы — это «Качество», «Пространство» и «Время». Самый малочисленный подкласс — это «Изменение».

Лексико-тематический подкласс «Качество»

В лексико-тематическом подклассе «Качество» можно выделить такие группы:

1) Прилагательные, называющие качество артефактов:

Волжский [волшкий] — ‘влажный’ (*Дош, ветир с Дарданели, адёжа воликая*).
Листянистый [листянистый] — в знач. ‘тонкий’ (*Теста как на вареники, патом шарики делают, раскатывают тонка-тонка, ета трайки, ани листянистыи*).
Низенечкий [низиничкай] — ‘низенький’ (*Ляса плитеная ис чакану, низиничкая*).
Суцельный [суцельнай] — ‘цельный’ (*Сахар пакупали кускавой, ни суцельнай*).
Тоненечкий [тониничкий] — ‘тоненький’ (*Каныш — тониничкия пышки скатываши, маслай мажыш*);

2) Прилагательные, называющие качество явлений неорганического мира:

Благой [благой] — в знач. ‘хороший’ (*Пагода благая стаить*). **Прилестливый** [прилестливый] — в знач. ‘привлекательный’ (*Белый свет прилестливый*). **Нечастный** [ничасный] — ‘плохой’ (*Ф поли, где пшаницу выращивали, зямля нипалявная была, ничасная, там степ называли*);

3) Прилагательные, называющие качество биофактов:

Мелечкий [меличкай] — ‘маленький’ (*Атвар был посный, када пост. Накрошыи туда луку, он парицца, меличкай, патом зажарачка, туда дабавляли укропчик, пятрушку, и ета ци*). **Смёртний** [смёртнай] — в знач. ‘непроходимый’ (*Запша — балота камышовая, камышы смёртнаи были*). **Ядрёный** [ядрёнай, идрёнай] — в знач. ‘крупный’ (*У нас жарделки ядрёнаи были*). **Переспетый** [пириспетай] — ‘переспелый’ (*Тутине усе ротики абарвеш, вона фкусная, када пириспетая*);

4) Прилагательные, дающие качественную характеристику занятий человека и их результатов:

Недобрый [нядобрый] — в знач. ‘плохой, трудный (о роде занятий)’ (*Турки высывали свяклу, и дявчатки наши хадили, палоли воть эту свяклу, нядобрая работа*). **Неславный** [нясламный] — ‘плохой’ (*Ня буду играть, ета нясламная песня*). **Чудной** [чудной] — ‘удивительный’ (*Какии чудныи наши свадьбы... фсе радни придуть, фсе идуть сматреть. — А щас там хорошая церква, чудная, и церква, и клякольня, ну правда я на клякольню ни влязала, дюжа высако*).

Лексико-тематический подкласс «Пространство»

В лексико-тематическом подклассе «Пространство» можно выделить такие группы:

1) Прилагательные, называющие признак предмета по месту нахождения, реже происхождения:

Бочный [бочный] — ‘находящийся рядом, сбоку’ (*У нас саседи бочныи были, две турчанки, хадили к нам зь вадой, а как у них празник, булащик напаякуть и нясуть нам*). **Европский** [ивропскай] — ‘европейский’ (*Муцины фпирет адёжу ивропскаю приняли*). **Майнооский** [майноскай] — ‘относящийся к Майносу’ (*Силения называли майноская*). **Сирский** [сирскай] — ‘относящийся к Сирии’ (*Ф Кънстантинполи чёрнаи люди изыком сирским биседають*);

2) Прилагательные, называющие признак предмета по направлению в пространстве:

Отсюдаиный [атсюдаиный] — ‘относящийся к наречию отсюда’ (*Есь атсюдаишни слава и аттудаишни слава*). **Оттудайный** [аттудайный] — ‘относящийся к наречию оттуда’. **Оттелеиный** [аттэлишнай] — ‘относящийся к наречию отгел’ (*Ана жа аттэлишина, с Будёны*).

Лексико-тематический подкласс «Время»

В лексико-тематическом подклассе «Время» можно выделить такие группы:

1) Прилагательные, называющие признак по соотносённости с прошлым временем, частью суток:

Вечёрошний [вичёрашний] — ‘вечерний’ (*Вичёрашня мьлако заквасивали*). **Старинский** [старинский] — ‘относящийся к старине’ (*В музеи: дювень, кьясня, бармаки, сабан — ета наша фсё старинская*). **Тотышний** [тотышний] — ‘отдаленный во времени’ (*Рыбу сушили, салили, в меднику гатовили, здесь мы с ума сходим бис тотышняй рыбы, мясу нхто есь ня хочить*). **Тристалетошний** [тристалетышний] — ‘трехсотлетний’ (*Мы sibя, язык свой тристалетышний збирагли! Паслухай нашу речь!*);

2) Прилагательные, называющие признак по соотносённости с определенной праздничной датой:

Господский [гаспоцкай] — ‘о праздниках: относящийся к господе’ (*Скора празник гаспоцкай, Ражество*). **Масленский** [маслинский] — ‘дни, когда празднуется масленица’ (*Маслинский дни — фсе радуюцца*). **Подхожий** [патхожай] — ‘дни перед праздником’ (*Када дни патхожаи, люди ничаво ни ядят*). **Свадьбенный** [свадьбиный] — ‘происходящий во время свадьбы’ (*Песни пели свадьбины, када нивесту обыгрывали*). **Воскресенный** [въскрисеный] — ‘происходящий во время праздников, в том числе и в воскресенье’ (*На пасху адежа васкрисенная — рукава матучи, шыроки, шолкавая рубаша*).

Лексико-тематический подкласс «Величина, размер»

Великий [вяликий], **Ядрёный** [ядрёнай, идрёнай] — ‘большой’ (*Кадацьки были вяликия, на три — чатыри ядра. — У нас птица-мница была, ути, индюки идрёнай*). **Тёмный** [тёмнай] — в знач. ‘о лесе, саде: огромный’ (*У нас и беднай сафсем были, у каво зямли ни было, а были багатаи, харашо жыли, сады у них тёмнай*).

Лексико-тематический подкласс «Форма»

Кубоватый [кубаватай] — ‘о посуде: круглый, кверху суженный’ (*Мьлако паттапливали ф чугунах, кубаватаи, круглиньки*). **Плетучий** [плятучий] — ‘выющийся’ (*Винаграт был плятучий*).

Лексико-тематический подкласс «Существование, бытие»

Некончимый [никанчимый] — ‘всегда имеющийся’ (*У нас было две буйвалы, быки, да ишо подростки были, птица была, дом квартал занимал, фсе было. Яда была фсягда, никанчимая*).

Лексико-тематический подкласс «Изменение»

Переходчатый [пирихоччатый] — ‘изменчивый’ (*Пагода пирихоччитая, и сняга, и даджжычок*).

Лексико-тематический подкласс «Движение»

Катучий [катуший] — ‘катящийся’ (*Фрукты многа там было, там жа тяпло, гранат, нарт, орех катуший, войвы, маслина плоха расла, иё пакупали*). **Прийдённый** [прийдёнай] — ‘пришедший’ (*Пасадилы бы нас на Дон, мы-та атсели прийдёнай*).

Лексико-тематический подкласс «Количество»

Стокильный [стокильный] — ‘весающий сто килограммов’ (*Рыбы многа лавили: сазан, самина, судак, билесь. Ана сытая, стокильная*). **Смёртный** [смёртнай] — в знач. ‘многочисленный’ (*Муха, камарь смёртнаи*).

Лексико-тематический подкласс «Отношение»

Наразный [наразный] — ‘разнообразный’ (*Наразная матеря: беличка, филімён-ка, снючка, фанэла, шымлази*). **Отменитый** [атмянитай] — ‘отличающийся’ (*Вы зна-тия нашу рубаху? Какой у нас матерал был, атмянитай. А тут што? Он лянйить, а там ни лянй, парш яво и стираши, а вон адин*). **Схожисный** [схажыный] — ‘похо-жий’ (*Симяна, стручя сушым, а зимой ворим. И фасоль расла, и мержынь, миржынёк, на гарох схажынай*). **Одинакий** [адинаякий] — ‘одинаковый’ (*Ф школи форма была адиная: юбачка на рязинацки, на шеи бант, яка называлси*).

2. КЛАСС «НЕОРГАНИЧЕСКИЙ МИР»

В лексико-тематическом классе «Неорганический мир» можно выделить та-кие подклассы:

1) Прилагательные, называющие свойства явлений неорганического мира:

Благой [благой] — ‘хороший (о явлениях природы)’ (*Зима там ни холодная была, благая, снех ретко, а лиман застывал лёдом*). **Подморный** [падморный], **Умирающий** [умирающий] — ‘о воде, земле: вредоносный’ (*На Мадии зямля падморная была, людина мрётъ. — Там умирающая зямля*). **Маленечкий** [малиничкай] — ‘о явлениях приро-ды: очень маленький’ (*Месиц исходить: малиничкай, вузинький*). **Смёртный** [смёрт-най] — в знач. ‘очень далекий’ // ‘о холоде, жаре: очень сильный’ (*И пашол вон в даль смёртную. — Лядина смёртная*). **Путевой** [путявой] — ‘попутный’ (*Вятра сильнаи были: бугас, дарданели, был путявой ветир*). **Склизкий** [склискай] — ‘скользкий’ (*Дош, сняга, дарога склиская*);

2) Прилагательные, называющие признак по соотносённости с ландшаф-том:

Горской [гарской] — ‘горный’ (*Гарская места — эта горы, у нас ня было*). **Сте-повой** [стипавой] — ‘степной’ (*На юги авёс сеяли, и эту пшеицу сеяли, белкалоску, и стипавыи грибы събирали*);

3) Прилагательные, называющие признак по соотносённости с вещест-вом:

Горшочный [гаршочный] — ‘глиняный’ (*Гарики разнаи были, памидоры салили, перис салили, в малиньких гаршочных кюях. Примерна, ты летам пасалили, и ядиши, а если на зиму, то большыи бочки были, ужа в бочки салили*). **Земляной** [зимляной] — ‘о посуде: глиняный’ (*Из глины украшения была фсякая. Зимляныи брачиначки были, чашычки были. Фсякава размера, были и большыи, и малинькии, и среднинькии были*).

3. КЛАСС «ОРГАНИЧЕСКИЙ МИР»

Данный класс состоит из следующих подклассов: 1) «Человек»; 2) «Животный мир»; 3) «Растительный мир». Самый многочисленный подкласс — это «Человек», а самый малочисленный подкласс — это «Животный мир».

3.1. Лексико-тематический подкласс «Человек»

Данный подкласс состоит из трех групп: 1) «Человек как живое существо»; б) «Человек как разумное существо»; в) «Человек в обществе».

Лексико-тематическая группа «Человек как живое существо»

В лексико-тематической группе «Человек как живое существо» можно выделить такие подгруппы: 1) прилагательные, называющие признак по соотносительности с одеждой, обувью, головным убором; 2) прилагательные, называющие признак по соотносительности с физическими или физиологическими качествами человека (внешностью, ростом, силой, здоровьем; 3) прилагательные, называющие свойства еды, воды; 4) прилагательные, называющие признак по соотносительности с жилищем или его частями; 5) прилагательные, называющие признак по соотносительности с цветом спектра или блеском, 6) прилагательные, называющие качества человека по соотносительности с едой и алкоголем, 7) прилагательные, называющие признак по соотносительности с возрастом человека и его с гендером.

1) *прилагательные, называющие признак по соотносительности с одеждой, обувью, головным убором* могут обозначать:

а) признак вида одежды и ее деталей:

Закатауренный [закатавуринай] — ‘подпоясанный поясом, катауром’ (*Женицины таки п̄наряднаи, закатавуринаи*). **Предненский** [преднинский] — ‘об одежде: такой, как у предков’ (*Я щас вам старинский платок пакажу, преднинский*). **Распластнутый** [распласнутый] — ‘незашитый’ (*Чикмяни пад мышкай распласнутыи*). **Раструбистый** [раструбистай] — ‘об одежде: расширяющийся книзу’ (*Мушской б̄лахон, вон ф каст-ряцах выразацца, раструбистай*). **Рубашный** [рубашнай] — ‘относящийся к рубашке’ (*Там фс̄е шыли: рубахи, завески, балхваны, рубаинаи рукава длиннаи были*). **Сборенный** [зборинай] — ‘присобранный’ (*Ети рукава мы щ̄ём руками, ани зборинаи*). **Стебковой** [стипкавой] — ‘относящийся к стебке, шву, который применяется при вышивке’ (*Мать ворт, рукава атишывала, машинки ни было, руками, стипкавым и стр̄чкавым*). **Тельный** [тельный] — ‘нательный’ (*Ж̄ны тельнаю рубаку ни н̄дявали*);

б) признак вида материала, из которого шьется одежда, обувь:

Киндячный [киндячный] — ‘сделанный из синего полотна, киндяка’ (*Киндячнаи парки — синии*). **Мешинный** [мяшыннай] — ‘кожаный’ (*Мяшынный поис, с̄паги*). **Лапистый** [лапистай] — ‘о материале: с крупным рисунком’ (*Матярал у магазину пакупали ф̄сякай: фанелка, ридавой, лапистай тожа многа бяруть*). **Рядовой** [ридавой] — ‘о материале: полосатый’. **Свез̄енный** [свиз̄ёнай] — ‘о швах на одежде: вывязанный, сплетенный’ (*Рубахи, парки были свиз̄ёнай*). **Ткатый** [ткатай] — ‘тканый’ (*Б̄лахоны разны: ета жолтинькай шолкавай, ета ткатай*). **Шелкутн̄ёвай** [шалкутн̄ёвай] — ‘сделанный из шелкутни, плотного шелкового материала с узором’ (*В шалкутн̄ёвай бишметь нарядилси и пашол*). **Рыбальский** [рыбальский] — ‘относящийся к обуви рыбака’ (*У рыбалок линцарада, с̄паги рыбальский*);

в) признак отделки одежды:

Накистенный [накистинай], **Обкистенный** [апкистинай], **Обкищенный** [апкишшынай], **Понакистенный** [п̄накистинай] — ‘отделанный кистями’ (*Вот дефка*

надумаить замуш выходить, фсе сабирались, кистили платки, мутозыки, завески накинстинуаи делали. — Шыринку муцинскаю на шею вяжутъ, ана апкишыная).

Отшитый [атшытый] — ‘вышитый’ (Мама атишывала васкрисенную адёжу, върата у мужыкоф атишытаи);

г) признак отнесенности одежды к празднику или будням:

Понарядный [пънаряднай] — ‘нарядный’ (Дефки, жэнки на паску пънаряднаи, в бишметю надетаи). **Простый** [простаи] — в знач. ‘об одежде: простой’ (Рубаха буднишина простая);

д) признак оценки одежды, обуви:

Знатный [знатный] — в знач. ‘об одежде: хороший’ (Наша адёжа другая, ана знатная). **Урабоченный** [урабочинаи] — ‘об одежде: хорошо обработанный’ (Партних у нас ни было, фсё шыли сами, адёжа была руками урабочиная). **Отойдённый** [атайдёнай] — ‘об обуви: отсыревший’ (Лядина, стыть смёртная, ат ниё вобуф атайдёнай);

2) **прилагательные, называющие признак по соотношенности с физическими или физиологическими качествами человека:**

а) особенные признаки лица, волос, кожи, рук:

Бессаласный [биссаласный] — ‘беззубый, с впалыми щеками’ (Крайних зуп нет, ета биссаласный). **Голоплеший** [гълаплеший] — ‘лысый’ (Дедушка ня был гълаплеший). **Корябкий** [карапкаи] — ‘шершавый’ (А ета щистай двор, там у нас би-сетка, там святы были, ф щистом ва дваре мы мазали, у каровы бирём и мажым, руки шаршатаи становюцца, каряпкаи). **Кузлатый** [кузлатаи] — ‘лохматый’ (Пабедали, ни пабедали, събираимси, играим в яишачки, выигруим, праигрывуимси, а адна пришла, кузлатая, праиграла). **Лупатый** [лупатаи] — ‘о коже: шелушащийся’ (Лицо палуница, ета лупатая). **Обшелудивенный** [апшалудивинаи] — ‘облезлый’ (Вискох нет, вон апиалудивинаи). **Пёстрый** [пёстраи], **пестрявый** [пистрявай] — ‘веснушчатый’ (Пёстраи весь, канапатаи). **Поседетый** [пъсидетаи] — ‘поседевший’ (Скальких уже нету живём, какии пъсидетаи, другая жысть);

б) признаки, связанные со здоровьем:

Квелый [квелый], **Квёлый** [квёлай] — ‘слабый, хилый’ (Он счас пърлизованай у миня, такой квёлай). **Недобрый** [нядобрый] — в знач. ‘больной’ (Ходить, патихоничку ходить, рука ни работаить, ня можыть налить паломникам, яду там атрезать, вон нядобрай). **Неугасный** [ниугаснай] — ‘долго не заживающий’ (Ниугаснай вал, валяка был, камаръ нажох). **Подтятый** [паттятый], **Скулябленный** [скуляблинай] — ‘о ногах: искалеченный’ (Да пърлизованай он, нага паттятая, скуляблиная, ни налетъ сам сабе, ни курицу ни накормить). **Тусменный** [тусминаи] — в знач. ‘о цвете лица: болезненный’ (Ликам был тусминый — бальной). **Почерябленный** [пачиряблинай] — ‘расцарапанный’ (Прибегли, фсе пачиряблинаи). **Здоровецкий** [здравецкаи], **Здравый** [здравай], **Правый** [правай] — ‘здоровый’ (Бурлак у мине, вон здравецкаи был. — Ани были праваи, а ночу фсе памёрли);

в) признаки, связанные с особенностями телосложения:

Москлявый [масклявый] — ‘щуплый’ (Етат худой, масклявый). **Пухлатенький** [пухлатинькаи], **Сырый** [сырый], **Сытный** [сытный] (во 2 знач.), **Сытый** [сытый]

(в 1 знач.) — ‘полный’ (*Сыня пухлатинькай такой. — Сырый этат дитёнак. — Атес, мамака — сытнаи*);

г) признаки, связанные с оценкой внешности, телосложения:

Необразный [ниабразнай] — ‘о внешности: безобразный’ (*Ездил з батякай на ярманку, видала там ниабразных людей*). **Самоцветный** [самацветнай] — перен. ‘о внешности: красивый человек’ (*Адна дефка самацветная была*). **Становитый** [стънавитай] — ‘стройный’ (*Вон муцина становитай, ни жырнай*);

3) **Прилагательные, называющие свойства еды, воды**, могут обозначать:

а) отличительные признаки пищи и воды: вкус, а также форма, цвет, способ приготовления:

Едовый [ядовый] — ‘съедобный’ (*Там жа фасоль, баклы, рыба разная ядовая, маслина вольная, яда была фсягда*). **Плесенный** [плеслинай] — ‘заплесневелый’ (*Хлеп — аснова фсяво. Гряхом щиталось, када иво няправильно резали, няльза пир-варачивать сверху нанис, няльза выбрасывать, дажы плеслины кусочки*). **Скислый** [скислый] — ‘кислый’ (*Хлеп тока ф русских печках някли и на скислам мьлаке някли*). **Славный** [сламный], **Сладкий** [слаткай] (во 2 знач.) — ‘вкусный’ (*Фасоль уращивали, иё ворим, ана сламная. — Замясила, падайдеть, первой слиф я сливаю, фтарой слиф заливаю, туда сахару, хлебушка, ньчинаит апянь бушавать, астанавливаюцца, вот и квас, сладкай*). **Сладкий** [слаткай] (в 3 знач.) — ‘о воде: пресный’ (*Лиман застывал лёдом, ставили дашочки, делали прарупки, вада в в лимани слаткая, сазан, сом ловица*). **Солуцавый** [сьлушшавый], **Солуцанный** [сьлушшанай], **Солуцой** [сьлушшой] — ‘солончатый’ (*Стирали на руках, хазяйствиным мылам, в нашем во-зири вада харошая, ни сьлушшавая, вада сьлушшаная плоха стираить*). **Стряпанный** [стряпанай] — ‘сдобный’ (*Атвариш тыквушку, памнёш, сахарку туда, ньчинаш пышачки делать, стряпанай. Намажым маслом, смятанай — эта кьровинай*). **Сытый** [сытый] — в знач. ‘о продуктах, еде: жирный’ (*Свай буйвалы были в Турсии, только к сиськи, а мьлако само тикёт, смятана сытая, масляная*);

б) признаки, называющие вещества, растения, из которых готовится пища, свойства этих веществ:

Пирожный [пирожнай] — ‘относящийся к хлебу’ (*Снаха делала и апару: отруби с хмелим мясила, фсё эта брадила, запаривалась и ф тепло, потом, када хляба испякуцца, астаёцца кусочик, пирожная наковаска, потом в субботу замачивают и ф тесту*). **Початный** [пашятнай] — ‘кукурузный (о муке)’ (*Бузу заквасивали, штоп пашятная мука была, пирябродить, згустить, хочиш — пей*). **Принчевый** [принчивай] — ‘рисовый’ (*Пирашки пикём с принчивай кашай*). **Пчельной** [пчальной], **пчельный** [пчельнай] — ‘пчелиный (о мёде)’ (*Дяржали пчёлах люди, бапка знакомая была, у ней пчёлы были, мёт пчельнай был и воск, а наша бапка катала свечечки у церкву*). **Ростевой** [растивой] — ‘растительный (о масле)’ (*Масла из маслины, посная растивая, ни кьровинай*). **Сыпкий** [сыпкай] — ‘сыпучий’ (*Сахар сыпкай пакупной был, пьсыпать каныши, пляцинду*). **Тянкий** [тянкий] — ‘тягучий, густой’ (*Винагра́т давят, потом сусла пьлучацца, туда глину дьбавляють, варють, пьлучацца масса, как вареня, тянкай такая жа*). **Деревянный** [диривянай] — ‘о масле: оливковый’ (*Гатовили на диривянай масли*);

4) **Прилагательные, называющие признак по соотношенности с жилищем или его частями**, могут обозначать отличительные признаки жилья, его частей, оценку жилья:

Поветочный [паветачный] — ‘относящийся к поветке, широкому навесу вдоль дома’ (Дом большой: хата, цулан, сарайчик, паветка, лапас, два окна на улицу, а третья паветачная, потом патстроили ищё). **Семикатный** [симикатный] — ‘семиэтажный’ (Патом Ваня, браток, ф Стамбул ушол, там дама симикатнай) — от турецк. *kat* — ‘этаж’. **Хатный** [хатный] — ‘относящийся к хате’ (С работы притить, полить, двор падместь, веник был тръвяной дъравой, был и хатный веник, вапце чистата была). **Независтный** [низависнай] — ‘о жилище: незавидный’ (Там и беднай сафсем были, у каво зямли не было, хата у них низависная была). **Укрошенный** [укрошынай] — ‘о жилище: украшенный’ (К Паски, к Ражеству мы пальчиками бялили, штоп хата была укрошыная);

5) **Прилагательные, называющие признак по соотношенности с цветом спектра или блеском**, могут обозначать определенный цвет спектра по отношению к одежде, тканям, биофактам; блеск, сияние по отношению к одежде, обуви, тканям:

Луданый [луданый], **Буланый** [буланый], **Серый** [серай] (во 2 знач.) — ‘лиловый’ (Святокх многа было: луданый, жолтай, красный святок, синий, серый святок). **Голый** [голый] — ‘белый, неокрашенный’ (Адна лента голая, другая галубая). **Серый** [серай] — в знач. ‘о цветах, волосах, глазах: светлый, не темный’ (Удивилися, как малинькая девацька ф Турсии жыла, а по-русски гаварить, и вяски серай). **Разнокранный** [рзнакрасный] — ‘разноцветный’ (Цвяты святкины — краснай, белай, серай, рзнакраснай). **Белечкий** [белищкай] — ‘ласк. белый’ (Стены бялили руками, белай глинай, пальчиками мазали, штоп белищкай были). **Краснечкий** [красниничкай] — ‘ласк. красный’ (Разная герань свитётъ, была и синяя, и белая, и красниничкая, прямо кистём свяла). **Тусменный** [тусминай] — в знач. ‘о цвете: неяркий’ (Пляшак нападобы кориуна, он тусминный). **Блестучий** [блястучий], **Сиочий** [сиючий] — ‘блестящий’ (Адежа у нас: бишмети блястучии, бълхваны, кундры — сиючий).

Необходимо описать цветовые пристрастия некрасовцев. Любимым цветом некрасовцев является красный, который воспринимается ими как праздничный. В составе прилагательных говора мы отметили два слова, называющих этот цвет (**краснечкий**, **разнокранный**). Кроме того, в говоре частотна лексема общенационального языка *красный*, обозначающая данный цвет спектра. Особо любим некрасовцами красный цвет в одежде: *Падол ис краснава и кырмызам пастрочинай*. — *Бълахон краснай*. — *Краснай штаны, белая рубашка*.

Другим цветом, относящимся к любимым цветам некрасовцев, по-нашему мнению, является лиловый. Для его обозначения в говоре имеется три лексемы: **буланый**, **луданый** и **серый** в одном из своих значений. Эти лексемы некрасовец употреблял при описании садовых цветов, столь любимых носителями данного говора;

6) **Прилагательные, называющие качества человека по соотношенности с едой и алкоголем**:

Наеденный [наединай], **Понаеденный** [пънаединай], **Сытный** [сытный] (в 1 знач.), **Сытенечкий** [сытиничкай] — ‘сытый’ (А мама гъварила, у них зямли мала было, ани

хадили и касили, а турки их кармили, наединаи были. — И яда была, и дети были абуты, кушали фсё, сытнаи, сямя ни гъладовала). **Пышечный** [пышачный] — ‘разборчивый в еде’ (Пышачнай — када то ня хочить, да ета ня хочить). **Терёзвый** [тирёзвай], **Терёзный** [тирёзнай] — ‘трезвый’ (Када тирёзвай — ничаво, работаить);

7) **Прилагательные, называющие признак по соотносённости с возрастом человека или гендером:**

Мелкий [мелкий], **Малый** [малай], **Маленечкий** [малиничкай] — в знач. ‘маленький’ (Ражали в доми, я помню, как Маня ражала, радилси Никитушка, такой мелкай, малиничкай. — Сыня малай был — зглазили). **Летний** [летний] — в знач. ‘взрослый’ (Дитей васыпывали на строгасти, дети уи летнии были, а батяка их лупил, и нихто ни абижалси). **Сердовый** [сердавай] — ‘человек средних лет’ (Старшая снаха Маня, што править, запрафка, уже сердавая, фсех млатишых снох васыпывала). **Постуретый** [пъстуретай], **Пожильный** [пъжильной] — ‘не первой молодости’ (Замуш у нас на-фсёкаму выхадил, хто в 16, хто в 18 лет, в дваццать пять лет нихто замуш ни бирётъ — пъстуретая. — В армию хадили абязательна, забирали мужыкоф в 20 лет, армию аткачал, вярнулси, уже пажыльной). **Бабячий** [бабичий] — ‘бабий’ (Сорак лет — бабичий век). **Мужчинский** [мушинскаяй] — ‘мужской’ (Атес на рыбалофства хадил на 7 месяцаф, ета мушинская была работа, а мы растили, сабирали). **Большый** [большый] — ‘старший’ (Мать в работу пашла з большай доцкай).

Лексико-тематическая группа «Человек как разумное существо»

В лексико-тематической группе «Человек как разумное существо» можно выделить такие подгруппы: 1) прилагательные, называющие характер, нравственные качества, эмоции человека; 2) прилагательные, называющие интеллектуальные качества человека; 3) прилагательные, называющие склонности, умения человека.

1) **Прилагательные, называющие характер, нравственные качества, эмоции человека**, могут обозначать:

а) признаки, называющие характер человека, проявляющийся в его поведении:

Благой [благой] (во втором значении), **Блаженный** [блаженай] — в знач. ‘смирный’ (Батюшка наш, атес Трифан, вон ангину лячил, з глаза лячил, што ат чяво-та лячил, тихай, благой человек был. — Вон харошый был, блаженай). **Горячий** [горячий] — перен. ‘дружеский’ (С турками мы дружыли, я с турицанкай ф школы сидела, учителии были, ни с кем ни ругалися, ани горячии были к нам). **Лестливый** [лесливый] — ‘ласковый’ (Я в бальницы ляжала, пришил врач, рассказываю яму, што павитуха, батюшка и врач — мы вам аддаёмси, а он мне лесливаи слава). **Неразвитный** [ниразвитной], **Торопливый** [търапливай] — ‘боязливый’ (Мамака заступалась за млатишую снаху, ана ниразвитная была. — Ня взяли на работу — астанисси с меньшыи сидеть, у мене малая сестра была, търапливая, крикуха). **Обидливый** [абибливай] — ‘обидчивый’ (Я на каких учителии дюжа злая, как сабака, абибливая: над дятъми издывалия, крясты сымали, цыганы, гаварили). **Обходчивый** [апхоччивай] — ‘покладистый, уступчивый’ (Ана бапка апхоччивая). **Обхожий** [апхожий], **Уважливый** [уважливай] — ‘уважительный’ (Как-та приехал Гумилевич, чилавек апхожый, маи дети яму ёлачку пели. — Дедушку маво звали Иосиф Григорич, он у нас диакан

был, харошый, уважливый был). **Прилестливый** [прилесливай] — в знач. ‘нахальный’ (Ани ночью дежурили, а турки, такии прилесливыи, подрезали мушину нашава). **Простый** [простаи] — в знач. ‘щедрый’ (Када к нам таргофцы приажали, «нити-макар» называлси турок, свякруха понабирёт и сабе, и мене, и снохам, простая ана). **Растрабидный** [растрабиднай] — ‘общительный’ (Мы с ней как-та разгаварилися, тары-бары, растрабидная ана, так ана знаить, как лячить, намагнула). **Слухляный** [слухлянай], **Слушмённый** [слушмёнай] — ‘послушный’ (С радитилями на работы ф поли хадили, а дома я и пьдмьтала, и убирала, играцца сильна некада было, слухлянаи были). **Совестный** [совиснай] — ‘скромный’ (На маслину, працённый день хадили в гости к крёсным, там на фартук давали, магли деньги дать, могли ткань, но падаркаф ни было, мы таки совиснаи, ни прасили). **Сорный** [сорнай] — ‘вздорный, скандальный’ (Када пьнай, сорнай, ругаицца). **Чукавый** [щукавай] — ‘капризный’ (Я плименникаф няньчила: тилинаиш, поиш, кормиш, бирёш на закорки и к матири, адин шукавый был). **Сердовый** [сердавай], **Простый** [простаи] — ‘простой’ (Сердавай проста гъварить, ни хитруить. — Простаи фсё расскажыть). **Ледащий** [лядащий] (во 2 знач.), **Недобрый** [нядобрый] — в знач. ‘плохой человек’ (Взяли снаху Прасковю, ана дома дъ замужыства ничаво ни делала, паели, ана първирнёт лошку, а мыть ня моеть, лядаця, свякрофъ гъварить, нивеска нядобрая);

б) признаки, называющие эмоции:

Беднечкий [бедничкай] — ‘ласк. достойный жалости’ (Да кладбищ даехали, а тетя Катя плащить, што атес асталси, усе плакали, братоцики наши там асталися бедничкии). **Жалкий** [жалкий], **Сладкий** [слаткай], **Умилный** [умильный] — ‘милый’ (Ну утюх был, мая жалкая, но ни жгли мы, очинь аккуратна слажывали адежду. — Мы мячтали, дяфчата маи слаткаи, пайдём в Расию, за афице-раф замуш пайдём. — Вот у мене внучка, умильная, харошая, я ей бляхон адиваю, пашыла). **Насулопненный** [насулопинай], **Поникий** [паникай] — ‘хмурый, печальный’ (Да мы уяжжжали тиха, нас-та праважали, прям плакали па нас турки, насулопинаи, паникаи). **Неумолённый** [ниумалёнай] — ‘безутешный’ (А Иван Царевич боф Къралевич едит и гъварить: ‘Што, дева, сидиш, думу думаиш? Унылая така, ниумалёная?»). **Ницадимый** [ницадимый] — ‘безжалостный’ (Были и чёрнаи калдуны, у турак их многа было, такии ницадимыя). **Смёртный** [смёртнай] — в знач. ‘разудалый, безудержный’ (Батюшка служыл, крест акулал, на весь лиман вада асвященная была, на кряститель кидалися, а патом събирёмси — и начнули карагод вадить — смёртная радасть). **Утрёмый** [утрёмый] — ‘суровый, угрюмый’ (Вон ни адабрыть, утрёмый);

2) **Прилагательные, называющие интеллектуальные качества человека**, могут обозначать:

а) низкий уровень интеллекта:

Безразумный [бизразумный], **Бусорный** [бусарный] — ‘глупый, бестолковый’ (Я страина как баялася воду, када идёш, а вада празрачная, как ета нёба, мене кажыцца, шас нъступлю и уйду куда-нибыть, такая бизразумная). **Невнятный** [нявнятнай], **Немой** [нямой] (во 2 знач.), **Простоумный** [пръстаумный, проставумнай] — ‘непонятливый’ (Тёта Маря была нявнятная, пръставумная). **Неухваткий** [ниухваткай] — ‘недогадливый’ (Я за гот чатыри класса прашла, а другиш год в гот, ани ниухваткаи);

б) высокий уровень интеллекта:

Изучённый [изучёнай], **Письмённый** [письмённой] — ‘грамотный, учёный’ (*Атес Никифор пѣстановлялси в Маскве, он изучёнай был, письменнай*). **Мыслённый** [мыслёнай] — ‘умный’ (*Атес мой прослужыл 23 года, ацца пѣстановили, выбрали, направили в Белаи Клянцы, мыслёнай был чилавек*). **Понятный** [панятнай] — ‘понятливый’ (*Приишол другой, пѣсматрел, што мой атес панятнай, пасадил яво ф кабинет, на машины пятачал*);

3) **Прилагательные, называющие склонности, умения человека**, могут обозначать:

а) склонности, отрицательно оцениваемые в обществе:

Воровливый [въравливай] — ‘вороватый’ (*Зять у саседих въравливай был*). **Доусветный** [даусветнай] — ‘беспробудный’ (*Пяница стал даусветнай*). **Развязанный** [развязанай] — ‘о детях: балованный’ (*Дети с 5–6 лет начинали работать, там каровушка, скатинушка, пачистиш, вады нѣтаскашиш, уже день прашол, мы ни развязаныи были*). **Расшатанный** [рашшатанай] — ‘грубый человек’ (*Вон рашшатанай, нядобрай*). **Ревливый** [рявливай] — ‘плаксивый’ (*У мене малая сястра была, рявливая, а тут жа играца хочицца, а ана на руках*). **Ругливый** [ругливай] — ‘о том, кто ругается’ (*Наши дяды, аццы ни ругливаи были*). **Ледаций** [лядаший] (в 1 знач.), **Недосужий** [нидасужый] — ‘ленивый работник’ (*Адну взял жэнку, у няё дятишек ни было, но чѣт иѣ дети ни зѣхатели, лядацая, ни хочить работать, нидасужая*);

б) склонности, положительно оцениваемые в обществе:

Объёмный [абйомнай], **Прилестливый** [прилесливай] — в знач. ‘ласковый, любящий обниматься’ (*Ета унук у миня, восим лет яму, дивятай пашол, ан такой прилесливай, абйомнай*). **Разговорчивый** [разговорчитай] — ‘разговорчивый’ (*Мине меньшая сястра, ана разговорчитая, меньша ана мине, звонить: ‘Аксинь, Аксинь, ты видиш ента, ты смотриш етат фильм? Мамину скаску?’*). **Шутейный** [шутейный] — ‘любящий шутить’ (*Приходит кума, бабушка радифишався на пѣраходи, гаварить: ‘Кум, а чиво ты пецалиши? А вон: «Кабыла здохла!», а ана — ха-ха-ха, такая шутейная*). **Играливый** [играливай] — ‘умеющий петь песни’ (*Саблазнилася Людмила Василевна и начнула сабирать хор, взяли нас фсяво 10 чилавек, фсе играливыи были*). **Солевой** [съявой] — в знач. ‘умеющий петь по нотам’ (*Ентат батюшка пѣ саям умел служыть*). **Непосестный** [нипасеснай], **суетной** [суятной], **Трудливый** [трудливай] — ‘трудолюбивый’ (*Всю лету гатовяць пасуду, неват, вяжущь сетву, патом смолоть, сушущь, трудяки нипасеснай*). — *Снаха старшая суятная, ни лянилася. — Аццы наши трудливаи были*).

Лексико-тематическая группа «Человек в обществе»

В лексико-тематической группе «Человек в обществе» можно выделить такие подгруппы: 1) прилагательные, называющие признак по соотносённости с приспособлениями, инструментами, средствами труда, орудиями, предметами труда; 2) прилагательные, называющие качество, свойство, артефакта; 3) прилагательные, называющие признак по соотносённости с семейным положением человека; 4) прилагательные, называющие признак по соотносённости с социальными

институтами, обычаями; 5) прилагательные, называющие признак по соотносённости с оценкой обществом значимости, полезности человека.

1) **прилагательные, называющие признак по соотносённости с приспособлениями, инструментами, средствами труда, орудиями, предметами труда**, относящимися в своем большинстве к рыболовству, к земледелию, к быту, к слесарному делу, к пчеловодству:

Гребовой [грибовой] — ‘гребной’ (*Сидилка грибавая в лотки*). **Дюменный** [дюменный] — ‘относящийся к рулю в лодке, дюмену’ (*Дюменная ручка*). **Калкановый** [калканавый] — ‘относящийся к калкану, т. е., к камбале’ (*Калканавыи сети*). **Неводной** [нивадной], **Неводской** [нивацкой] — ‘относящийся к неводу’ (*Струмент нивацкой*). **Парусной** [парусной] — ‘парусный’ (*Карабиль парусной*). **Садейный** [садейный] — ‘относящийся к садеи, т. е., к большой глубоководной сети’ (*Садейная сетка*). **Тагунный** [тагунный] — ‘относящийся к тагуну, т. е., поперечному креплению в корпусе лодки’ (*Тагунная цясть лотачки*). **Тураной** [тураной] — ‘сделанный из конопляной нити, туры’ (*Сетки были туряныи*). **Соиный** [сошнай] — ‘деревянный’ (*Сошнаи орбы*). **Казанный** [казанный] — ‘относящийся к казану’ (*Принясли къзаны полнаи с вадую и ставим нъ казанную лавачку. — Вадищицки принясли, казанную крышацку пабанам, накроим*). **Листянистый** [листянистый] — в знач. ‘бумажный’ (*Мяшки листянистыи*). **Пчельной** [пчальной], **Пчельный** [пчельный] — ‘о ноже: пчелиный’ (*Длинная ножык пчальной*). **Солевой** [съявой] — в знач. ‘относящийся к ноте соль, т. е., к нотам’ (*Саливая книшка*);

2) **прилагательные, называющие качество, свойство артефакта:**

Недобрый [нядобрый] — в знач. ‘недоброкачественный, неисправный’ (*У нас ста-ящий был стол, а када в Расию итить, мы яво ня взяли, ево шашель стал бить, нядоб-рай стал*). **Поклупленный** [паклуплинай] — ‘исковыранный, ободранный’ (*Никакова мебели у нас ни было, два сундука ф шулани стояли, паклуплинали, а в хати кравати дирияныи*). **Прозорный** [празорнай] — ‘редкий, сквозь который хорошо видно’ (*У са-деи ачки реткаи, празорнай*). **Рябкий** [ряпкай] — ‘имеющий неровную поверхность’ (*Тукмак — вон какой ряпкай*). **Смёртный** [смёртнай] — в знач. ‘многочисленный, неисчислимый’ (*Нашы мужыки на турак работали, дъговор на рыбную ловлю зъключали, хазяин смёртнаи деньги нажывал*);

3) **прилагательные, называющие признак по соотносённости человека с его семейным положением:**

Бурлацкий [бурлацкий] — ‘относящийся к бурлаку, т. е., холостяку’ (*Бурлацкая игра*). **Жененый** [жениный] — ‘женатый’ (*Дети у мене фсе женинаи*). **Жениховий** [жыниховий], **Жениховин** [жыниховин] — ‘относящийся к жениху’ (*Жениховий друшко, друшка нивестина*). **Роднистый** [раднистай] — ‘имеющий большую родню’ (*Мы фсе раднистаи*). **Свадьбенный** [свадьбинай] — ‘свадебный’ (*Свадьбиныи песни*). **Семьистый** [сямистай] — ‘имеющий большую семью’ (*Сямя бальшая была, сямистая: Андрюша, Маня, Ваня, Прасковья, Изота, Тимоня, я, Сёмка, батяка, мамака — 11 чилавек*). **Снохиный** [снахинай] — ‘принадлежащий снохе’ (*Ета снахиныи калецки*);

4) **Прилагательные, называющие признак по соотносённости с социальными институтами, обычаями:**

Государский [гасударский] — ‘относящийся к государству’ (*Гасударства давала на балышыи семи зямлю, зямля гасударскай была*). **Колхозский** [калхозский] — ‘колхозный’ (*Я дитём работать пашла, харашо работала, винаграг калхозкай падвя-звала, пусть ни абяжаица ня Бох, ня люди*). **Районский** [районский] — ‘районный’ (*Районскай сикрятарь*). **Недослуженный** [нидаслужынай] — ‘недослуживший’ (*Ф салдаты фсе хадили, ф Сенакали служыли, а адин мужык асталеи ф Турсии, вон был нидаслужынай*). **Коммунический** [камунічскі] — ‘коммунистический’ (*Камунічскіі кнігі*). **Сукупный** [сукупнай] — ‘объединенный’ (*Ушлі дзеці, дзітей нікаво нет, фсе рассыпаліся, ні сукупнаі, фсе жыўць па аддзельнасці*). **Тесный** [теснай] — ‘запрещенный’ (*Ліман теснай стаў*);

5) **Прилагательные, называющие признак по соотносённости с оценкой обществом значимости, полезности человека:**

Гожный [гожный] — ‘годный’ (*Да ф чатырнаццаць лет замуі аддавалі, дваццаць пяць лет — нівеста ўжэ ня гожня*). **Суязный** [суязный] — ‘несвободный’ (*Работа-та свабодная ў нас была, свая работа была, а тут мы суязныі*). **Знатный** [знатный] — в знач. ‘известный’ (*А наша Лена, знатная, ліцо ў рукі, фсё паслезла, в нутры пашло, дзятка Кандраішка іё спас. — Померкала солнушка, прам на знатный дзень, на Благовешчэня*).

3.2. Лексико-тематические подклассы «Животный мир» и «Растительный мир»

В лексико-тематическом подклассе «Животный мир» можно выделить такие группы: 1) «Прилагательные, называющие качества, свойства животного»; 2) «Прилагательные, называющие признак предмета по соотносённости с животным или его частью».

1) **Прилагательные, называющие качества, свойства животного:**

Играливый [играливый] — ‘о животном: игривый’ (*Кошка наша першая ваіла в дом, ета так па-старінкі, у ній игралівай кашонак быў*). **Гладущий** [гладушшай] — ‘о животном: полный, упитанный’ (*Буйла была гладушшая, малочная, птуца-мніца, іцек, с ним хадили на ліман і прывазілі воду*). **Глиной** [глиной] — ‘о мясе животного: гнилой’ (*Саміну салілі, а патам вымачівалі, а патам гатовілі, ана пълучалася как свежая, ні гліная*). **Кусакий** [кусакай] — ‘о насекомых: кусающийся’ (*Камарь кусакай ноня*). **Племенитый** [плімянітай] — ‘о животном: плодovitый’ (*Барашка акаціла, ана жы плімянітая*). **Хитромудрый** [хитрамудрый] — ‘о животном: хитрый’ (*Наі іцек воду вазіл, а патам убяжал, ушол, такой хитрамудрый*). **Доёная** [даёная] — ‘дойная’ (*У свякрові в адной сіме два быка, карова красная, две буйлы даёныі і пат-телачкі*). **Котеная** [котіная] — ‘овца, у которой скоро будут ягнята’ (*У котінай ско-ра будую барашата*). **Малотельная** [малательная] — ‘недавно отелившаяся корова’ (*Толькі ателіца — ета малательная карова*). **Плавной** [плавной] — ‘о животном: плавающий, водяной’ (*Былі змеі плавныі, ані ні апаснаі*). **Свойский** [свойскай] — в знач. ‘о животном: домашний’ (*Утва была свойская, і утва была дикая*). **Перепелё-ый** [пирьпилёсай] — ‘пёстрый’ (*Бабочки — белаі, пирьпилёсай*);

2) Прилагательные, называющие признак предмета по соотносённости с животным или его частью:

Барачий [барачий] — ‘бараний’ (*Шапка барачая*). **Буйлячий** [буйлячий] — ‘относящийся к буйле, т. е., буйволице’ (*Буйлячая мѣлако*). **Кибелячий** [кибелячий] — ‘относящийся к кобелю’ (*Кибелячая дѣлаба*). **Кониный** [канинай] — ‘относящийся к коню’ (*Каниная яда*). **Кузячий** [кузячий] — ‘относящийся к кузёнку, т. е., к ягнёнку’ (*Кузячаи шкурки*). **Перной** [пярной] — ‘сделанный из пера’ (*Адяяла и падушки сами делали, падушки пярныи, а матрасы шырстяныи.*) **Селёдный** [силёдной] — ‘относящийся к сельди’ (*Ета сетка — силёдная*). **Скотинский** [скатинской], **Скотинячий** [скатинячий] — ‘относящийся к скотине’ (*Волас скатинской. — Скатиная кожа*).

В лексико-тематическом подклассе «Растительный мир» можно выделить такие группы: 1) «Прилагательные, называющие качества, свойства растения, его предназначённость»; 2) «Прилагательные, называющие признак предмета по соотносённости с растением».

1) Прилагательные, называющие качества, свойства растения, могут обозначать вид растения, характерные признаки растения:

Зимовой [зимавай] — ‘озимый’ (*Аржавика, ана сама расла, иде пашаничку зимавуя сеили*). **Свойский** [свойской] — в знач. ‘о деревьях, о цветах: садовый’ (*Свойскую маслину мы пѣкупали, ана дишовая*). **Коренной** [кърянной] — ‘о деревьях: могучий’ (*Там лѣса были, расли ягады, дубы кърянныи стояли*). **Лупатый** [лупатай] — ‘о горохе: шелушащийся’ (*Миржанѣк вон лупицца, лупатай*). **Плодушой** [пладушшой] — ‘о растениях: плодовые’ (*Фсѣ расло: бабы, пацатки, патсолнухи, фасоль, ана пладушшая, дарагая, иѣ мяняли*). **Поспелый** [паспетай] — ‘поспевший’ (*Жырделки уш поспетаи*). **Смёртний** [смёртнай] — в знач. ‘разнообразный, в большом количестве’ (*У нас сѣмяна сваи были, сартов вон сколькя, многа, сажали и на зимле, и в вѣдры, свѣты были смёртнаи*);

2) Прилагательные, называющие признак предмета по соотносённости с растением:

Грабиный [грабинай] — ‘относящийся к грабине, т. е., к грабу’ (*Ета грабиная древа*). **Дубной** [дубной] — ‘дубовый’ (*Древу толстаю, дубную кладем, сталбы забиваем, в древу пригваздиваем*). **Камышанный** [камышаный], **Камышинный** [камышынный] — ‘камышовый’ (*Камышаныи крышы были*). **Капустяный** [капустиный] — ‘капустный’ (*Капустиный лист*). **Каунычий** [кавунычий] — ‘арбузный’ (*Кавунычаи семички*). **Лопушиной** [лапушшой] — ‘относящийся к лепестку цветка, лопушонку’ (*Есь свѣты лапушныи, красныи лапушонки*). **Початный** [пашятнай] — ‘кукурузный’ (*Папшатнай листы каровы ядѣть*). **Тамбульный** [тамбульнай] — ‘относящийся к тыкве тамбулке’ (*Рицель бываитъ кабаиной, тамбульнай, из айвины*).

Анализ лексико-тематических классов прилагательных говора выявил, что в классе «Абстрактные отношения и формы существования материи» самые многочисленные подклассы — это «Качество», «Время» и «Пространство», в которых носитель говора соответственно актуализировал и вербализировал признаки качеств артефактов и явлений неорганического мира; признаки по соотносённости

с прошлым временем и с определенной праздничной религиозной датой; признаки по месту нахождения и признаки по направлению в пространстве.

В лексико-тематическом **классе «Неорганический мир»** самые многочисленные подклассы — это прилагательные, называющие свойства явлений неорганического мира а также прилагательные, называющие признак по соотнесенности с ландшафтом.

Наибольшее количество прилагательных находится в составе класса «Органический мир», включающем в себя подклассы «Человек», «Животный мир», «Растительный мир». Среди названных подклассов по количеству прилагательных преобладает подкласс «Человек», в котором носитель говора выделял и вербализировал прежде всего признаки по соотнесенности: с видом одежды и ее качеством; с особыми признаками лица, волос, телосложения; с признаками, связанными со здоровьем; с отличительными признаками пищи и воды; с характером человека, проявляющемся в его поведении, с эмоциями человека, его с нравственными качествами; с приспособлениями, инструментами, средствами труда, орудиями, предметами труда, прежде всего относящимися к рыболовству.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СИСТЕМНЫЕ СВЯЗИ В ЛЕКСИКЕ ГОВОРА КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ. ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

1. ЯВЛЕНИЕ ВАРИАТИВНОСТИ В СЕМАНТИКЕ, АКЦЕНТОЛОГИИ, ФОНЕТИКЕ, ГРАММАТИКЕ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО

1.1. Описание собственно вариативности

Языковые варианты — это разновидности одной и той же языковой единицы, которые при тождественном значении различаются частичным несовпадением своего звукового состава или при общем инвариантном значении различаются конкретными семемами. Выступая способом существования и функционирования единиц языка и языковой системы в целом, они обладают рядом отличительных признаков, разграничивающих их по принадлежности к разным уровням языка (фонетическому, грамматическому, лексическому).

В нашем материале встречаются преимущественно фонетические варианты прилагательных, различающиеся произношением звуков и составом фонем.

В классе «Абстрактные отношения и формы существования материи» есть слово говора *смёртный*, являющееся в своем первом значении ‘невечный’ **фонетическим вариантом** общенационального слова *смертный* — «по естеству, по природе своей подлежащий смерти, невечный, временный»⁴⁷¹. В данном случае мы наблюдаем результат распространения и расширения фонетического процесса «переход ударного э после мягкого согласного в о», который в общенациональном языке не затронул лексику *смертный* в силу ее книжности.

В подклассах «Человек», «Животный мир» зафиксирован ряд лексем, которые являются **фонетическими вариантами** общенационального языка (результат перестановки фонем, замены фонем) при общности грамматических форм и значения слова: *терёзвый* ‘трезвый’, *терёзный* ‘трезвый’, *глиной* ‘гнилой’, *пчельной* ‘пчелиный’, *сердовый* ‘о человеке средних лет’, в общенац. яз. имеются соответственно прилагательные *трезвый*, *гнилой*, *пчельный* (‘пчелиный’⁴⁷²), *сердовой* (‘вообще

⁴⁷¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 4. С. 284.

⁴⁷² Там же. Т. 3. С. 1431.

средний'⁴⁷³). Лексемы говора *обкищенный* 'отделанный бахромой, кистями' и *обкищенный* 'отделанный бахромой, кистями' являются **фонетическими вариантами** в рамках говора некрасовцев.

В составе прилагательных говора встречаются и **семантические варианты общенациональных слов**. Так, в подклассе «Человек» есть подобные слова:

а) лексема *тесный* 'недоступный, запрещенный' (*Возир тесный стал*), семантика которой является результатом развития значения ассоциативного характера слова *тесный* 'где мало места, противоположно просторный, широкий, свободный'⁴⁷⁴;

б) лексема *изучённый* 'грамотный, выученный' (*Дети изучёнаи были*), значение которой представляет собой результат метонимического переноса признака с объекта (изученный материал) на субъект действия;

в) лексема *свойский* — 1. 'домашний (о животных)', 2. 'садовый (о растениях)', семантика которой является результатом развития значения ассоциативного характера слова *свойский* 'свой, собственный'⁴⁷⁵ путем его сужения;

г) лексема говора *сытый* 'полный, толстый (о человеке)' представляет собой перенос по сходству внешнего вида с животного на человека одноименного слова: *сытый* 'о животных, тучный, жирный'⁴⁷⁶;

д) лексема *лапистый* 'материал с крупным рисунком', значение которой является результатом ассоциативного переноса лексемы *лапистый* 'большелапый, медведь, волк, рысь, росомаха, барсук и лиса'⁴⁷⁷;

е) значение прилагательного *коренной* 'могучий (о деревьях)' представляет собой ассоциативный перенос на основе значения одноименного слова «*коренной*, к корню, в различных *знач. относящ.*, но более в *знач. переносн.* основной, начальный, настоящий, первобытный»⁴⁷⁸.

1.2. Описание явлений, сопутствующих вариативности

К явлению **вариативности** примыкают случаи **полного совпадения** в звучании, структуре и значении прилагательных говора и одноименных лексем общенационального языка крестьянства или его отдельных говоров.

В подклассе «Человек» имеется ряд прилагательных, совпадающих по звучанию, грамматическим характеристикам и значению с лексемами **общенац. яз.**: *бязинный* (*бязиннаи рубахи*), в словаре Даля зафиксировано одноименное слово *бязинный* 'бязевый, из бязи сделанный'⁴⁷⁹; *господский* 'относящийся к господе

⁴⁷³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 4. С. 136.

⁴⁷⁴ Там же. Т. 3. С. 890.

⁴⁷⁵ Там же. Т. 4. С. 76.

⁴⁷⁶ Там же. С. 686.

⁴⁷⁷ Там же. Т. 2. С. 610.

⁴⁷⁸ Там же. С. 414.

⁴⁷⁹ Там же. Т. 1. С. 390.

(о праздниках)', в Словаре Даля отмечено аналогичное прилагательное: *господский* 'господский праздник, праздник Господа'⁴⁸⁰; *отселешний* 'здешний', в Словаре Даля находим одноименное слово *отселешний* 'здешний, отсюда родом'⁴⁸¹; прилагательное *заводный* 'зажиточный' совпадает с одноименным словом *заводный мужик* 'имущий, достаточный'⁴⁸²; лексема *казанный* 'относящийся к казану' (*казанная крышацка*) совпадает с одноименным прилагательным *казанный* 'к казану или котлу относящийся'⁴⁸³; слово *вечёрошний* 'вечерний' полностью совпадает с прилагательным *вечерошний* 'бывший накануне вечером, вчера'⁴⁸⁴; лексема говора *одинакий* аналогична прилагательному *одинакий* 'равный по достоинству, одинаковый'⁴⁸⁵; прилагательное говора *обходчивый* 'покладистый, уступчивый' совпадает со словом *обходчивый* 'обходительный, учтивый'⁴⁸⁶; лексема говора *кубоватый* 'круглый, кверху суженный (о посуде)' полностью совпадает с одноименным словом *кубоватый* 'близкий к кубу по виду'⁴⁸⁷; прилагательное говора *скислый* совпадает с аналогичным словом *скислый* 'прокислый, проквашенный'⁴⁸⁸; прилагательное говора *мужчинский* идентично аналогичному слову *мужчинский* 'к мужчине относящийся'⁴⁸⁹.

В подклассах «Животный мир», «Растительный мир» следует отметить такие прилагательные: *кабаний* (*кабанья мяса*), которое полностью совпадает с одноименным словом общенац. яз. *кабаний*; прилагательное *грабинный* 'относящийся к грабу', которое аналогично лексеме общенац. яз. *грабинный* 'принадлежащий, из дерева этого сделанный'⁴⁹⁰.

Кроме того, в подклассах «Человек», «Животный мир» имеется ряд прилагательных, совпадающих по звучанию, грамматическим характеристикам и значению с лексемами **определенных говоров русского языка**: прилагательное говора *странний* 'чужой' совпадает с одноименной лексемой ряда русских говоров *странний* 'калуж., тмб., орл. сторонний, посторонний, нездешний'⁴⁹¹; *воскресенная* (*васкрисенная рубаха*), в Словаре Даля отмечено одноименное прилагательное: 'иск. воскресный, относящийся до воскресенья, в обоих знач., воскресный

⁴⁸⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 1. С. 932.

⁴⁸¹ Там же. Т. 2. С. 1958.

⁴⁸² Там же. Т. 1. С. 1402.

⁴⁸³ Там же. Т. 2. С. 178.

⁴⁸⁴ Там же. Т. 1. С. 498.

⁴⁸⁵ Там же. Т. 2. С. 1675.

⁴⁸⁶ Там же. С. 1620.

⁴⁸⁷ Там же. С. 539.

⁴⁸⁸ Там же. Т. 4. С. 185.

⁴⁸⁹ Там же. Т. 2. С. 931.

⁴⁹⁰ Там же. Т. 1. С. 959.

⁴⁹¹ Там же. Т. 4. С. 566.

день, *пск. воскресенный*⁴⁹²; прилагательное *гладущий* ‘полный, упитанный’, которое по своему значению совпадает с одноименной лексемой ряда диалектов крестьянского языка *гладущий* ‘о животном и человеке, *нвг., кстр.* и *южн.*: жирный, тучный, дебелый, здоровый, полный’⁴⁹³; прилагательное *кониный* (*каниная яда*), полностью совпадающее с одноименной лексемой южного диалекта *кониный* ‘коневий, конячий и южн. конский или лошадиный, к коням относящийся’⁴⁹⁴; прилагательное говора *ядренный* в значении ‘крупный’ совпадает с одноименным словом в орловских, курских и тамбовских говорах *ядренный* ‘крупный, *орл., кур., тмб.* ядреные яблоки, орехи’⁴⁹⁵; лексема говора *отменитый* ‘отличающийся’ аналогична прилагательному северных говоров: *отменитый* ‘сев. отменный, особенный, несхожий с другими’⁴⁹⁶; лексема говора *доёная* ‘дойная’ аналогична прилагательному псковских говоров: *доеный* ‘пск. корова, которая доится’⁴⁹⁷; прилагательное *квелый/квёлый* ‘слабый, хилый’ полностью совпадает с одноименной лексемой рязанских и тамбовских говоров *квелый* ‘*ряз., тмб.* хилый, слабый’⁴⁹⁸.

В целом для говора характерно явление вариативности в составе прилагательных.

2. МНОГОЗНАЧНОСТЬ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ВАРИАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СТРУКТУРЕ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО

Многозначность — наличие у единиц языка более чем одного значения, служащих для обозначения различных предметов и явлений действительности и их признаков. Употребление слова в том или ином значении связывается с особенностями сочетания данного слова с другими словами, иногда с контекстом, ситуацией.

Шмелев Д. Н. в статье «Многозначность» пишет, что между значениями многозначного слова существует определенная семантическая связь, позволяющая считать их значениями одного и того же слова в отличие от значений слов-омонимов. Эта связь, по мнению лингвиста, может основываться на общих семантических элементах, обнаруживающихся в значениях слов⁴⁹⁹.

Развитие полисемии обычно происходит на основе сходства или смежности обозначаемых данным словом признаков предметов и явлений действительности, в связи с чем различают метафорические и метонимические переносы. Кроме того,

⁴⁹² *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 1. С. 607.

⁴⁹³ Там же. С. 352.

⁴⁹⁴ Там же. Т. 2. С. 396.

⁴⁹⁵ Там же. Т. 4. С. 1562.

⁴⁹⁶ Там же. Т. 2. С. 1917.

⁴⁹⁷ Там же. Т. 1. С. 1130.

⁴⁹⁸ Там же. Т. 2. С. 258.

⁴⁹⁹ Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю. Н. Караулова. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. С. 352.

выделяют ассоциативные переносы в семантической структуре многозначного слова. Д. Н. Шмелев в указанной статье пишет, что есть значения слов, воспринимающиеся как «переносные» и связанные с основными значениями не общими элементами смысла, а лишь признаками, которые могут быть названы ассоциативными, так как «не являясь существенными в семантическом плане для основных значений, они связаны с представлением о соответствующем предмете или явлении, что определяет их связь с основным значением слова»⁵⁰⁰.

В нашем материале в структуре **многозначных прилагательных** говора казаков-некрасовцев выявляются все три вида связей значений: метафорический, метонимический и ассоциативный переносы.

Метафорический перенос:

1) «характеристика размера определенного артефакта с точки зрения нормы — характеристика иного артефакта, похожего на него по отклонению от нормы в своем размере»: **ядрёный** — 1. ‘крупный (о сливе)’. 2. ‘большой (ковёр)’. В русском литературном языке ср.: **мелкий плод** — **мелкая тарелка**;

2) «характеристика качества определенного артефакта — характеристика иного артефакта, похожего на него по своему качеству»: **листянистый** — 2. ‘тонкий, как лист, подобный листу’. 3. ‘картонный’. В русском литературном языке ср.: **верхний этаж** — **верхняя одежда**;

3) «характеристика состояния природы — характеристика поведения человека, схожего в своем проявлении»: **благой** — 1. ‘хороший (о погоде)’. 2. ‘тихий, смирный (о человеке)’. В русском национальном языке аналогичные метафорические переносы широко распространены: **ветреная погода** — **ветренный человек**;

4) «свойство биофакта — схожее с ним свойство человека»: **мелкий** — 1. ‘молось крупных рыб либо взрослые экземпляры тех пород рыб, которые не вырастают крупными’. 2. ‘маленький, незрелый’ (*мелкаи детишки*). Для общенационального языка / речи характерна подобная метонимия: **костистая рыба** — **костистая фигура**;

5) «свойство человека — другое свойство человека, схожее в своем проявлении и отрицательной оценке»: **ледащий** — 1. ‘ленивый, плохой работник’. 2. ‘плохой, недобрый человек’. В русской разговорной речи имеем следующий пример подобного переноса: **бывший директор** — **бывшие люди**.

Метонимический перенос:

1) «свойство человека — другое свойство человека, обусловленное первым свойством»: **сытный** — 1. ‘сытый, не голодный’ (*Накармили нас, вот мы и сыт-наи*). 2. ‘полный, не худой’ (*Старшая нивеска сытная была*). В русской разговорной речи имеем следующий пример подобного переноса: **слабое здоровье** — **слабый ребенок**;

⁵⁰⁰ Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю. Н. Караулова. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. С. 352.

2) «свойство человека — свойство пищи, вызывающее указанное свойство человека»: **сытый** — 1. ‘полный, толстый’ (*Ана сытая, куды ей бечь*). 2. ‘о еде: сытный, жирный’ (*Наша смятана сытая*). В русской разговорной речи имеем следующий пример подобного переноса: **молочный брат** — **молочное** вскармливание;

3) «свойство человека — другое свойство человека, обусловленное указанным свойством»: **немой** — 1. ‘молчаливый’ (*Ня любить разговаривать, нямая*). 2. ‘непонятливый’ (*Дет нипанятливай, нямой*); **простый** — 1. ‘простой’ (*Ета прастая рубаха, ни васкрисенная*). 2. ‘нехитрый’ (*Простай, вон фсё расскажыть*). Для общенац. яз. / речи характерна подобная метонимия: **пластичный** человек — **пластичный** ум;

4) «свойство артефакта — свойство человека, связанное со свойством артефакта»: **солевой** — 1. ‘относящийся к нотам’ (*Была саливая книшка*). 2. ‘умеющий петь по нотам’ (*Атес пь салям фсё знал, слявой был*). Для общенац. яз. / речи характерна подобная метонимия: **футбольный** мяч — **футбольный** игрок;

5) «свойство животного по отношению к человеку — это же свойство по отношению к биофакту»: **свойский** — 1. ‘домашний (о животных, птице)’ 2. ‘садовый (о деревьях, о цветах)’. Для общенац. яз. / речи характерна подобная метонимия: **дикая собака** — **дикая** рябина.

Ассоциативный перенос:

1) «признак достижения своего жизненного предела по отношению к биофактам органического мира — признак достижения предела в проявлении существенных признаков биофактов органического мира, форм существования материи количественно-качественного характера»: **смёртный** — 1. ‘смертный’. 2. ‘очень большой’ (*Горы смёртнаи*) // О холоде, жаре: ‘очень сильный: о холоде, жаре’ (*Лядина смёртная*) // ‘густой, непроходимый’ (*Там камышы смёртнаи*) // ‘очень многочисленный, неисчислимый’ (*Смёртнаи деньги наживал хазяин*). Второе значение в его различных оттенках является результатом развития ассоциативного характера компонента значения ‘предел’ слова общенац. яз.: **смертный** — «по естеству, по природе своей подлежащий смерти, вечный, временный» (Сл. Даля, т. 4, с. 233);

2) «признак достижения предела в проявлении размера предмета — признак достижения предела качественного характера»: **тёмный** — 1. ‘о лесе, саде: огромный’ (*Лес тёмнай был*). 2. ‘очень значительный’ (*Заробил пароф, пары тёмнай, очинь многа*). Аналогичный ассоциативный перенос характерен и для общенац. яз.: **огромный сад** — **огромные** достижения;

3) «свойство человека — другое свойство человека, связанное с первым на основе причинно-следственных связей и имеющее отрицательную коннотацию»: **прилестливый** — 1. ‘привлекательный, милый’ (*Унучка така прилестливая*). 3. ‘назойливый, нахальный’ (*Турчанин был прилестливай*). Для общенац. яз. / речи характерен подобный ассоциативный перенос: **любезный** человек — **подойди сюда, любезный** (простор.);

4) «характеристика вкуса пищи — характеристика человека на основе общего впечатления и оценки»: **сладкий** — 2. 'вкусный'. 4. 'ласк. милый, дорогой (ребенок)'. Для общенац. яз./речи характерен подобный ассоциативный перенос: **сладкий пирог** — **сладкий мой** (о ребенке);

5) «свойство артефакта — свойство ситуации, события в жизни человека на основе общности впечатления и оценки»: **знатный** — 1. 'об одежде: хороший, красивый' (*Наша адёжа знатная*). 2. 'о событиях в жизни: известный' (*Людмила Василевна хор начнула, ана у нас знатная*). Для общенац. яз./речи характерен подобный ассоциативный перенос: **блестящий шелк** — **блестящая победа**;

6) ассоциативный перенос временного характера: **летний** — 1. 'взрослый, не маленький' (*Летняя была, лет сямнацать*). 2. 'пожилой, в летах' (*Ф карагоди вначали идуть старушки летнии*). В русской разговорной речи имеем следующий пример подобного переноса: **сын уже *взрослый*, 18 лет** — **взрослому** молодого не понять;

7) ассоциативный перенос на основе общего впечатления о человеке, занятии, предмете: **недобрый** — 1. 'о человеке: плохой' (*Млатишая нивеска нядобрая. ни-аккуратная*). 2. 'больной' (*Рука у ней нядобрая, смоманая*). 3. 'плохой, трудный' (*Аццы рыбабили, нядобрая ета рыбальства*); **серый** — 1. 'светлый' (*Матярал был и серый, и чёрнай*). 2. 'неопределенного цвета, бледно-лиловый' (*Цвятоф было: и краснай, и серай, и белай*). 3. 'о волосах: русый' (*У внуцицьки серай виски*); **тусменный** — 1. 'неяркий' (*Матыльки, ани тусминай, вялятають на вечир*). 2. 'о цвете лица: болезненный' (*Лик тусминай, аш патимнел*). Для общенац. яз./речи характерен подобный перенос, основанный на общем впечатлении: **стеклянный графин** — **стеклянный** взгляд.

Таким образом, явление многозначности в составе имен прилагательных говора представлено, но не широко.

3. Синонимия в рамках имени прилагательного

Опишем явление синонимии в рамках прилагательных говора.

Явление синонимии в лексико-тематическом классе «**Абстрактные отношения и формы существования материи**» встречается нечасто. Оно представлено двумя рядами полных синонимов: **оттелешний** — **оттудашний** в значении 'нездешний'; в данном синонимическом ряду слова **оттелешний** — **оттудашний** находятся в отношениях семантического тождества, обе лексемы употребляются в высказываниях о местонахождении человека в пространстве (*Мы аттэлишнаи. — Наши аттудашни*); **великий** — **ядрёный** в значении 'большой'; данные лексемы употребляются в высказываниях при определении величины / размера предметов, живых существ (*Гаршки вяликия. — Индюки идрёнаи*).

Кроме того, имеется один ряд квазисинонимов: **несламный** в значении 'нехороший, плохой' — **нечастный** в значении 'плохой, неудачный', которые совпадают в семантическом компоненте «плохой» и отличаются наличием / отсутствием компонентов «нехороший» — «неудачный».

Явление синонимии в классе «Неорганический мир» представлено двумя рядами полных синонимов: *горшочный* — *земляной* в знач. ‘глиняный’; обе лексемы употребляются в высказываниях для характеристики состава вещества, из которого сделана посуда (*Щинаки горшочныи. — Братины зямляныи*); *подморный* — *умирающий* в знач. ‘гибельный, вредоносный’; оба прилагательных употребляются в высказываниях, характеризующих состояние воды и земли (*Падморная зямля. — Там умирающая зямля и вада*).

Опишем явление синонимии в лексико-тематическом классе «Органический мир», состоящем из подклассов «Человек», «Животный мир», «Растительный мир».

В подклассе «Человек» (группы «Человек как живое существо», «Человек как разумное существо», «Человек в обществе») явление синонимии представлено широко.

В группе «Человек как живое существо» имеем несколько синонимических рядов однозначных полных синонимов, находящихся в отношениях семантического тождества: прилагательные *подтятый* — *скулябленный* в знач. ‘искривленный, искаженный’, которые употребляются в высказываниях, характеризующих физический недостаток человека; прилагательные *буланный* — *луданный* в значении ‘лиловый’, которые употребляются в высказываниях для называния цвета, отделки одежды и цвета садовых цветов; прилагательные *солущавый* — *солущанный* — *солущой* в знач. ‘солончатый, не пресный’, которые употребляются в высказываниях для называния свойства воды в лиманах и в море; прилагательные *блестучий* — *сияющий* в значении ‘блестящий’, которые употребляются в высказываниях для называния вида ткани, кожи, используемых в одежде и обуви не красовца; прилагательные *летний* — *пожилый* в значении ‘пожилой’ (уже с двадцати пяти лет не красовец и не красовка могли называться пожилыми).

Три синонимических ряда в группе «Человек как живое существо» относятся к квазисинонимам: *сытанный* в значении ‘полный, не худой’ — *сытый* ‘полный, толстый’, которые отличаются степенью семантического компонента «отклонение от среднего объема тела» (в прилагательном *сытый* эта степень значительнее) и наличием/отсутствием слабой отрицательной оценки в слове *сытанный* (о себе не красовка скажет: «Я сытная», т. е., полная, но не сытая, т. е., толстая); *наеденный* в значении ‘сытый, накормленный’ — *понаеденный* в значении ‘сытый, наевшийся’, которые совпадают в семантическом компоненте «сытый» и отличаются компонентами «накормленный» (акцентируется сема «субъект процесса кормления»), «наевшийся» (акцентируется сема «объект процесса кормления»); прилагательные *пёстрый* — *пестрявый* в значении ‘веснушчатый’ отличаются тем, что признак пестроты во втором слове является неявным, только близким к тому, который назван мотивирующим словом *пестрый*.

Два синонимических ряда в группе «Человек как живое существо» относятся к стилистическим синонимам: синонимы *сырый* в значении ‘полный, упитанный’ — *пухлатенький* в значении ‘пухлый, полный’ употребляются

по отношению к детям и отличаются акцентированием в значении второго слова эмоционального компонента ласкательности; прилагательные *белечкий* (ласк.) в значении ‘белый’ — *голый* в значении ‘белый, неокрашенный’, которые отличаются по наличию / отсутствию ласкательной эмоционально-экспрессивной окраски (*Рубаха белицкая, щистая. — Лента голая*); ряд *накистенный* — *по-накистенный* в значении ‘отделанный кистями’ — это синонимы, которые употребляются в высказываниях, характеризующих одежду человека: завеску, платок, рукав, и отличаются наличием во втором слове экспрессивной окраски.

В группе «Человек как разумное существо» явление синонимии распространено достаточно широко. Оно представлено 4 синонимическими рядами полных синонимов: прилагательные *слухляный* — *слушмённый* в значении ‘послушный’ находятся в отношениях семантического тождества, обе лексемы употребляются в высказываниях, характеризующих поведение человека (*Иной слухлянай, слушмёнай*); прилагательные *благой* — *блаженный* в значении ‘спокойный, смиренный’, обе лексемы также употребляются в высказываниях, характеризующих поведение человека; прилагательные *неразвитной* — *совестный* в значении ‘скромный, застенчивый’ находятся в отношениях семантического тождества (*Ана ниразвитная, совисная*); прилагательные *изучённый* — *письмённый* в значении ‘грамотный, выучённый’, которые употребляются в высказываниях, характеризующих интеллект некрасовца (*Дет изучёнай был, письменнай*); прилагательные *ледащий* — *недобрый* в знач. ‘плохой (о человеке)’, которые называют характер человека, его отношение к другим людям.

Два синонимических ряда в группе «Человек как разумное существо» относятся к стилистическим синонимам: прилагательные *жалкий* — *сладкий* в значении ‘милый, дорогой’, которые отличаются по наличию ласкательной эмоционально-экспрессивной окраски во втором слове; прилагательные *сытенечкий* — *сытный* в значении ‘сытый, не голодный’, которые различаются отсутствием / наличием ласкательной эмоционально-экспрессивной окраски, выраженной средствами словообразования в первом члене ряда.

Два синонимических ряда в данной группе относятся к квазисинонимам: прилагательные *невнятный* в знач. ‘непонятливый, неумелый’ — *немой* в значении ‘непонятливый’, которые совпадают в семантическом компоненте «непонятливый» и отличаются наличием / отсутствием компонента «неумелый»; прилагательные *лестливый* в значении ‘ласковый, приветливый’ — *объёмный* в значении ‘ласковый, любящий обниматься’, которые различаются семантическим компонентом «любящий обниматься».

В группе «Человек в обществе» явление синонимии представлено 3 синонимическими рядами: *жениховий* — *жениховин* в знач. ‘относящийся к жениху’ (полные синонимы); *жененый* (ед. ч.) в значении ‘женатый’ — *поженатые* (только мн. ч.) в значении ‘женатые’ (грамматические синонимы, так как во втором слове ряда имеется особое значение формы числа — ‘парное’). В данных синонимических рядах лексемы находятся в отношениях семантического тождества.

Один синонимический ряд в данной группе относится к квазисинонимам: *непосестный* в значении ‘энергичный, трудолюбивый’ — *суетной* в значении ‘трудолюбивый, заботливый’ — *трудоливый* в знач. ‘трудолюбивый, работающий’, которые совпадают в семантическом компоненте «трудолюбивый» и отличаются наличием/отсутствием компонентов «заботливый», «работающий». Члены данного синонимического ряда характеризуют черты характера, отражающие отношение человека к труду, к делу.

Таким образом, в целом в подклассе «Человек» преобладают полные синонимы и присутствуют стилистических синонимы.

В подклассе «Животный мир» явление синонимии встречается редко. Оно представлено в данном подклассе одним синонимическим рядом стилистических синонимов: лексемы *скотинский* — *скотинячий* в значении ‘относящийся к скотине’, которые отличаются наличием/отсутствием разговорно-бытовой эмоционально-экспрессивной окрашенности, акцентированной во втором слове с помощью средств словообразования.

В лексико-тематическом подклассе «Растительный мир» явление синонимии представлено одним синонимическим рядом: лексемы *камышанный* — *камышинный* в знач. ‘камышовый’ относятся к полным синонимам, находящимся в отношениях семантического тождества. Их появление объясняется словообразовательными процессами (сочетание одной и той же мотивирующей основы с разными словообразовательными формантами).

4. Антонимия в рамках имени прилагательного

Опишем явление антонимии в рамках прилагательных говора казаков-некрасовцев. Явление антонимии представлено в классе «Абстрактные отношения и формы существования материи» антонимами разных типов:

1. Контрарные антонимы: прилагательные *мелечкий* в значении ‘меленький’ — *ядрёный* в значении ‘крупный’. Полагаем, что указанный антонимический ряд относится к контрарной антонимии, так как между ними можно вставить промежуточный член оппозиции; прилагательные *благой* в значении ‘хороший’ — *неславный* в значении ‘нехороший, плохой’. Перед нами разнокорневые контрарные антонимы, т. к. между ними можно вставить промежуточный член оппозиции.

2. Непродуктивной разновидностью антонимии является *энантиосемия* (или «внутрисловная антонимия») — противоположность значений внутри одного и того же слова. В семантической структуре слова *смёртный* мы видим энантиосемию: противопоставление основного значения ‘лишённый жизни’ и такой разновидности переносного, как ‘очень весёлый, разудалый’, ‘бурный, безудержный’, т. е., полный жизни (*Начинаицца смёртная свадьба, смёртная радость, смёртнай хохат*). Свое внешнее выражение, как отмечает Новиков Л. А., энантиосемия «находит в контексте, в характере синтаксических и лексических

связей слова (в его разных, противоположных значениях) с другими словами»⁵⁰¹. В русском литературном языке имеем следующие примеры подобного переноса в рамках прилагательных: *надо избавиться от бесценного товара* ('не имеющего цены') — *он является обладателем бесценных сокровищ*.

3. Комплементарные антонимы: *одинакий* в значении 'одинаковый' — *отменный* в значении 'отличающийся'. Данные антонимы взаимно дополняют друг друга и между ними невозможно вставить промежуточный член оппозиции.

4. Векторные антонимы: *отсюдашний* в значении 'относящийся к наречию *отсюда*' — *оттудашний* в значении 'относящийся к наречию *оттуда*', которые называют разнонаправленные признаки.

Опишем явление антонимии в лексико-тематическом классе «Органический мир», включающем подклассы «Человек», «Животный мир», «Растительный мир».

В подклассе «Человек» (группы «Человек как живое существо», «Человек как разумное существо», «Человек в обществе») антонимия характерна для всех групп данного подкласса.

1. Контрарные антонимы: *немой* в значении 'молчаливый' — *разговорчивый* в значении 'разговорчивый'; *понятный* в значении 'понятливый' — *немой, невнятный* в значении 'непонятливый'; *безразумный* в значении 'глупый' — *мысленный* в значении 'умный'; *здравый* в значении 'здоровый' — *недобрый* в значении 'больной'; *летний* в значении 'взрослый, не маленький' — *мелкий* в значении 'маленький, не взрослый'; *здоровецкий* в значении 'очень здоровый, сильный' — *квелый* в значении 'слабый, хилый, вялый'; *москлявый* в значении 'худой, щуплый' — *сытный* в значении 'полный, не худой'; *ледащий* в значении 'ленивый, плохой работник', *недосужий* в значении 'ленивый' — *трудоливый* в значении 'трудолюбивый, работающий'. Контрарные антонимы указывают на противоположные члены шкалы, и между ними можно вставить промежуточный член оппозиции.

2. Комплементарные антонимы: *бабачий* в значении 'бабий' — *мужчинский* в значении 'мужской'; *сладкий* в значении 'пресный, не солёный' — *солушавый* в значении 'солоноватый, не пресный'; *жильской* в значении 'местный житель, не приезжий' — *странний* в значении 'посторонний, чужой'. Данные комплементарные антонимы взаимно дополняют друг друга, и между ними невозможно вставить промежуточный член оппозиции.

5. ГИПЕРО-ГИПОНИМИЯ В РАМКАХ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО

Явление гиперо-гипонимии не свойственно прилагательным говоря. В нашем материале имеется один пример. В подклассе «Животный мир» явление гиперо-гипонимии представлено таким рядом: гипероним *барачий* в значении 'бараний' — гипоним *кузячий* в значении 'относящийся к кузёнку' (кузёнок 'ягненок').

⁵⁰¹ Новиков Л. А. Семантика русского языка. М.: Высшая школа, 1982. С. 251.

В целом системные связи в лексике говора казаков-некрасовцев в рамках имени прилагательного представлены вариативностью, многозначностью, синонимией, антонимией.

Преобладают фонетические варианты прилагательных общенационального языка: встречаются фонетические варианты, различающиеся произношением звуков и составом фонем (слово говора *смёртный*); варианты, возникшие в результате перестановки фонем, замены фонем при общности грамматических форм и значения общенационального слова (*глиной* ‘гнилой’, *пчельной* ‘пчелиный’). Наличие фонетических вариантов в составе прилагательных говора определяется состоянием звуковой системы языка казаков-некрасовцев, а их появление в говоре, вероятно, обусловлено специфическими проявлениями восточнославянских фонетических законов в говоре, а также существованием собственных фонетических норм в говоре.

В явлении вариативности прилагательных говора в качестве периферии описаны факты полного совпадения прилагательных говора (в звучании, структуре и значении) с одноименными лексемами обиходного языка крестьянства или его отдельными говорами. Таковы прилагательные *господский* ‘относящийся к господе (о праздниках)’, *заводный* ‘зажиточный’, *вечёрошний* ‘вечерний’, *гладущий* ‘полный, упитанный’ и др. По данным Словаря Даля, прилагательные говора могут совпадать с одноименными лексемами таких русских говоров, как калужские, тамбовские, орловские, псковские, новгородские, костромские, южные, орловские, курские, тамбовские, северные, рязанские говоры (диалектные пометы В. И. Даля). Анализ вариативности прилагательного и явлений, сопутствующих ей, показал, что только небольшая часть прилагательных была унаследована говором из общенационального языка или отдельных русских говоров.

Для семантической структуры многозначного прилагательного говора казаков-некрасовцев, как и для общенационального русского языка, характерны все известные виды связей значений в структуре многозначного слова. Однако следует отметить, что в семантической структуре многозначного прилагательного говора казаков-некрасовцев преобладают переносы значений на основе смежности и ассоциаций различного характера: а) *сытний* — 1. ‘сытый’. 2. ‘полный’; *свойский* — 1. ‘домашний’ (о животных). 2. ‘садовый’ (о деревьях, о цветах); б) *смёртный* — 1. ‘смертный’. 2. ‘очень большой / очень сильный’; *тёмный* — 1. ‘огромный’ (о лесе, саде). 2. ‘очень значительный’. Метафорические переносы занимают меньшее место. По соотносительности с идеографической характеристикой в составе многозначных прилагательных говора выделяется класс «**Органический мир**», а в нем подклассы «**Человек**» (прежде всего), а также подклассы «**Быт**» и «**Растительный мир**».

Изученный материал показывает преобладание в лексической системе прилагательных говора казаков-некрасовцев полных синонимов: *буланный* — *луданный* в знач. ‘лиловый’, *блестучий* — *сиючий* в значении ‘блестящий’, *изучённый* — *письмённый* в значении ‘грамотный, выученный’. Данное явление обусловлено,

вероятно, стремлением некрасовцев к обновлению словарного состава говора, стремлением к коммуникативной определенности речи, а также действием словообразовательных процессов, в результате которых возникают однокоренные синонимы с разными аффиксами. В то же время встречаются и квазисинонимы. Например, прилагательные **невнятный** в значении ‘непонятливый, неумелый’ — **немой** в значении ‘непонятливый’, которые совпадают в семантическом компоненте ‘непонятливый’ и отличаются наличием/отсутствием компонента «неумелый».

Явление антонимии в рамках прилагательного в лексической системе говора казаков-некрасовцев представлено уже, чем синонимия. Большинство антонимов в говоре некрасовцев характеризуют качества: **немой** в значении ‘молчаливый’ — **разговорчитый** в значении ‘разговорчивый’, **здоровецкий** в значении ‘очень здоровый, сильный’ — **квелый** в значении ‘слабый, хилый, вялый’; меньше антонимических пар, которые указывают на пространственные и отношения: **отсюдашний** в знач. ‘относящийся к наречию отсюда’ — **оттудашний** в значении ‘относящийся к наречию оттуда’. В имеющемся материале наибольшее количество антонимических пар представлено в подклассе «Человек» (группа «Человек как живое существо»), в котором антонимы называют признаки по соотнесенности с гендером, свойствами пищи, с физическими или физиологическими качествами человека (внешностью, ростом, силой, здоровьем). Для явления антонимии в говоре казаков-некрасовцев, как мы видим, характерно присутствие прежде всего контрарных антонимов, комплементарные антонимы присутствуют в меньшем количестве, векторная антонимия и энантиосемия встречаются редко.

Явление гиперо-гипонимии в рамках прилагательного в лексической системе говора казаков-некрасовцев представлено единичным примером.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СПЕЦИФИКА МОРФОЛОГИИ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В ГОВОРЕ КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ

1. ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ РАЗРЯДЫ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Как известно, семантической основой имени прилагательного является обозначение качества, признака, принадлежности предметов как относительно постоянно-го свойства. Имя прилагательное — это «важнейший выразитель точной определенной характеристики предметов, явлений объективной действительности»⁵⁰².

В зависимости от того, как и какой признак обозначается прилагательным, а также от того, какими грамматическими свойствами обладает прилагательное, все прилагательные делятся на следующие основные разряды: качественные, относительные, притяжательные.

1.1. Качественные прилагательные

Как известно, это прилагательные, которые обозначают признаки, свойства и качества предметов, воспринимаемые по преимуществу непосредственно, т. е. являются прямыми наименованиями признаков. Качественные прилагательные характерны для всех классов, подклассов и групп, выделяемых в лексике говора в идеографическом аспекте.

Значения качественных прилагательных в говоре казаков-некрасовцев разнообразны. Они обозначают:

1) оттенки цвета: *луданый*, *буланный* ‘лиловый’, *голый* ‘белый, неокрашенный’, *серый* ‘светлый, не темный’ (о цветах, волосах, глазах), *разноокрасный* ‘разноцветный’;

2) свойства предметов и явлений (форму, вкусовые свойства, оценку): *тёмный* в значении ‘огромный’ (о лесе, саде), *плетучий* ‘вьющийся’, *нечастный* ‘плохой’, *подморный* ‘гибельный’, *сламный* ‘вкусный’, *склизкий* ‘скользкий’;

3) черты характера: *неумолённый* ‘безутешный’, *нещадиный* ‘беспощадный’, *сорный* ‘вздорный’, *воровливый* ‘склонный воровать’;

⁵⁰² Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева (Институт языкознания АН СССР). М.: Советская Энциклопедия, 1990. С. 253.

4) внешние, физические или телесные, качества людей и животных: *голоплеший* 'лысый', *кузлатый* 'лохматый', *кусакий* 'кусающийся', *москлявый* 'худой, щуплый'.

Необходимо отметить широкое распространение в говоре некрасовцев **форм субъективной оценки качества**, которые сочетают в себе обозначение признака с выражением его оценки говорящим. Преобладают формы субъективной оценки качества, образованные с помощью суффиксов *-ечк-*, *-(ен)ечк-*, которые не представлены в общенациональном литературном языке (по данным РГ-80); присутствуют, хотя и редко, формы с суффиксами *-ущ-*, *-еньк-*, характерные и для литературного языка:

1) *-ечк-*, *-(ен)ечк-*: *беднечкий* 'достойный жалости', *жиденечкий* 'жиденский', *низенечкий* 'низенький', *сытенечкий* 'сытенский', *тоненечкий* 'тоненький', *маленечкий* 'маленький', *мелечкий* 'мельный', *пухлатенький* 'пухленький';

2) *-ущ-*: *гладущий* 'упитанный (о животном)', *плодущий* 'плодовитый' (о растениях);

3) *-еньк-*: *пухлатенький* [пухлатинькай] — 'пухлый, полный'.

Значительное количество качественных прилагательных говора являются мотивированными лексемами. Большинство из них относится к суффиксальному способу образования, другие способы встречаются редко. Мотивирующая база разнообразна: глаголы, существительные.

Отглагольные суффиксальные качественные прилагательные чаще всего имеют следующие суффиксы: *-к-* (*жалкий*), *-н-* (*умильный*, *растрабидный*), *-лив-* (*ревливый*, *играливый*), *-чив-* (*обходчивый*), *-нн-* (*развязанный*). Отсубстантивные суффиксальные качественные прилагательные чаще всего имеют следующие суффиксы: *-н-* (*сорный*), *-ев-* (*солевой*), *-енн-* (*письменный*), *-лив-* (*лестливый*).

Подробно описание словообразования прилагательного говора некрасовцев представлено в соответствующей главе.

Необходимо отметить, что краткие качественные прилагательные не были характерны для устной неподготовленной речи некрасовцев. Примеры очень редки: *Кичка с рогими*, *весь абрыдак*, *эта красива*.

1.2. Относительные прилагательные

Как известно, относительными прилагательными называются прилагательные, которые обозначают признак не прямо, а через его отношение к другому предмету, явлению или действию, т. е. опосредствованно. Общее значение относительных прилагательных неизменяемо и может быть определено как «относящийся к данному предмету», «характерный для данного предмета». Относительные прилагательные говора характерны для всех классов, подклассов и групп, выделяемых в идеографическом аспекте в лексическом составе прилагательных.

Относительные имена прилагательные в говоре некрасовцев, так же как и в общенациональном языке, обозначают отношение:

1) к предмету, ситуации: *рашый* (из раков) *салаты*, *картошная салата*, *чесноковая салата*, *рыбиный суп*, *сусанная масла*, *кефалия икра*, *пясочный сахар*, *маслинная масла*, *атласовая завеска*, *свадьбины песни*;

2) к лицу, лицам: *рыбальский лотачки, сямистаи* (т. е., *семьистый*) *хаты, гасударская знамя* (т. е., государя);

3) ко времени: *вичёрашняя* зяздо, *маслинский дни* (т. е., дни на Масленицу), *васкрисенная рубаха* (т. е., рубаха, которая надевается в воскресенье);

4) к месту: *гарское места, ивропская адёжа, майноский казаки*;

5) к отвлеченному понятию: *старинская печка, камунический книги* (т. е., коммунистические);

6) к действию: *прийдёнаи песни, апкистина шыринка, патхожаи дни*;

7) к обстоятельству: *атсюдашнии слава, атселишнаи люди*;

8) к числу: *трисалетышний изык, двухразишний ичмень, симикатнай дом*.

Все относительные прилагательные говора являются мотивированными лексемами. В большинстве случаев это отсубстантивные прилагательные, реже — отглагольные, еще реже — отадективные. Среди способов словообразования господствует суффиксальный, присутствует префиксально-суффиксальный.

Отсубстантивные суффиксальные прилагательные говора чаще всего имеют следующие суффиксы: *-н-* (*киндячный, пчельной*), *-ев-/ов-* (*принчевый, рядовой*), *-аст-* (*решетчастый*), *-ист-* (*листянистый*), *енн-* (*свадьбенный*), *-ян-* (*туряной*), *-ск-* (*неводской*), *-ин-* (*камышинный*), *-ан-* (*капустяный*).

Отглагольные суффиксальные прилагательные говора чаще всего имеют следующие суффиксы: *-к-* (*кусакий*), *ённ-/енн-* (*свезенный*), *-н-* (*стряпаний*), *-т-* (*прострельнутый*).

Подробно описание словообразования прилагательного говора некрасовцев представлено в соответствующей главе.

1.3. Относительно-притяжательные прилагательные

К названным прилагательным относят лексемы, имеющие два значения: одно притяжательное, обозначающее принадлежность какого-либо предмета определенному лицу или (реже) животному, другое — относительное. Притяжательные прилагательные в собственно притяжательном значении характерны для текстов сказок некрасовцев: *Бабина Ягонина печка, Бабина Ягинина дочка*.

Относительно-притяжательные прилагательные говора по словообразовательным параметрам включают в себя следующие группы слов:

1) образованные в говоре с помощью нулевого суффикса, в литературном языке им соответствуют прилагательные, образованные с помощью суффикса *-j-*: а) относительное значение: *шапка барачая* (= баранья), *кабаняя шкура* (= кабанья), *тараняя сеть* (= таранья, т. е., сеть для тарана); б) притяжательное значение: *чакалии норы* (= норы шакалов);

2) образованные с помощью суффикса *-(и)ий/-(а)ий*: *бабичий век, буйлячая малако* (= молоко буйлы), *киблячий лаз* (= лаз собаки), *скатинячая кожа, каунячий семички*;

3) образованные с помощью суффикса *-ск(ий)*: *муцинскаи баи, волос скатинскай*;

4) образованные с помощью суффикса *-ин(ый)*: *стули снахиныи, каниная яда*;

5) образованные с помощью суффикса *-ов, -овин-, -ин-*: *свякорова сястра, жыниховин дружско, нивестина дружска, хатина дверь, ножовкин развод, снахин атец, мужина сястра*;

6) образованные с помощью суффикса *-ов(ий)*: *жыниховий гость*.

В рамках относительно-притяжательных прилагательных говора типа *отцов, сестрин* мы видим: а) расширение словника, соответствующее структурным и семантическим характеристикам прилагательных данной группы: *свякорова сестра*; б) расширение словника, не соответствующее семантическим характеристикам прилагательных данной группы: *хатина дверь, ножовкин развод, каунячий семи-чки* — названные прилагательные, имея суффикс относительно-притяжательного прилагательного, образованы от мотивирующих существительных, называющих конкретные предметы, что нарушает нормы образования подобных прилагательных, существующие в литературном языке.

Необходимо отметить специфику морфологического оформления относительно-притяжательных прилагательных *жениховий, снохиный*, которые имеют в форме и. п. такую же форму, как типичное прилагательное с материально выраженным окончанием, а не форму и. п. с нулевым окончанием, как в норме литературного языка имеют лексемы типа *отцов, мамин* (т. е., как существительные). В данном случае мы встречаем пример унификации склонения относительно-притяжательных прилагательных в говоре под давлением более продуктивного и распространенного типа склонения, характерного для качественных и относительных прилагательных.

Кроме того, уместно отметить, что прилагательное *жениховин* имеет двойной суффикс притяжательности: *-ов + ин-*, возникший, очевидно, в силу недостаточной информативности для казака-некрасовца финали *-ов*.

2. СПЕЦИФИКА ПАДЕЖНЫХ ФОРМ, ФОРМ СТЕПЕНИ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО

2.1. Безударные падежные флексии

Безударные флексии определенных падежных форм прилагательных говора являются специфичными, не совпадающими с окончаниями соответствующих форм в литературном языке. Это флексии прилагательных, основа которых оканчивается на твердый согласный, на заднеязычный согласный, реже — на мягкий согласный. Опишем названные флексии подробнее.

1) Заударная флексия *-ай/-яй* в и. п. / в. п. ед. ч. м. р.: *щабор дикай и свойскай, лиман чистай, камарь смёртнай, извар разнай, яблочнай, сливной, чугуи чёрнай, сынок старшай, аттэлишнай псалтырь, лапас летняй, клявец вострай*.

В тоже время в нашем материале есть безударные флексии *-ый/-ий* в и. п. / в. п. ед. ч. м. р. прилагательных, основа которых оканчивается на твердый согласный, на заднеязычный согласный, на мягкий согласный, что соответствует нормам

литературного языка, но таких форм немного в сопоставлении с формами с заударной флексией *-ай*. Приведем примеры: *вечёрошний, старинский, тотышний, надышний, великий, недобрый, несламный, палированный, знатный*.

2) Заударная флексия *-аи/-яи* в и. / в. п. мн. ч. прилагательных, основа которых оканчивается на твердый согласный, на заднеязычный согласный, реже — на мягкий согласный: *васильки мелкаи, казаны меднаи, палужанаи, бишмяти шалкутнёваи и шымлазёваи, шубы тёплаи, люди дикаи, кочки кукурузнаи, веки чёрнаи, портки синяи*.

В тоже время в нашем материале есть безударная флексия *-ии/-ьи* в и. п. / в. п. мн. ч. указанных прилагательных с указанными основами, что соответствует нормам литературного языка: *калканавыи сети, парки кырмазывыи, жыравыи яйца, цвяты простыи, песни свадьбиныи, астяжки сиребриныи* (= вилки), мельницы *парусяныи, балахоны синии, святы свойскии*.

3) Заударная флексия *-аю/-яю* в в. п. ед. ч. ж. р. прилагательных, основа которых оканчивается на твердый согласный, на заднеязычный согласный, реже — на мягкий согласный:

Турецаю школу зделали. — Круглаю пышку скатаим. — Древу ровнаю кладем. — Ивропскаю приняли адёжу. — Толстаю древу вытёсываем. — Салёнаю есту пададим. — Палажыла жолтаю краску. — Завеску шыли святистаю. — К красному шём синяю. — На склискаю дарогу.

В тоже время в нашем материале есть безударная флексия *-ую* в и. п. / в. п. мн. ч. указанных прилагательных, что соответствует нормам литературного языка: *на маслинную ниделю, на красную рыбу, адень чистую бьрахлину, пасодють в бальшую месту, варку взял свиную, на великую ниделю, в туташнюю лету*.

Специфика безударных флексий наиболее частотных в речи падежных форм прилагательных говора объясняется, по-нашему мнению, стремлением носителя говора к унификации безударных окончаний прилагательного.

2.2. Сравнительная степень

Общеизвестно, что в современном русском языке качественные прилагательные имеют три степени сравнения: положительную, сравнительную и превосходную.

Имя прилагательное в сравнительной степени обозначает качество, характерное для данного предмета в большей или меньшей мере по сравнению с теми же качествами в других предметах, а также по сравнению с качествами, которыми данный предмет обладал ранее или будет обладать в дальнейшем. Для говора некрасовцев характерны формы простой сравнительной степени. Одни формы идентичны по способу образования (основе и суффиксу) формам простой сравнительной степени в литературном языке. Это формы, образованные от основы положительной степени имени прилагательного с помощью суффиксов *-ше, -ще, -же*: *эта сястра ишо меньша; нардэк гуца; рищель слажы; день жарчи*.

Кроме того, в говоре наличествуют архаичные формы сравнительной степени. Это формы, образованные от основы превосходной степени соответствующих прилагательных (в современном осмыслении этих основ в литературном языке) с помощью формообразовательного суффикса *-е* (в говоре произносится как *-а*): *Павины красивейша чапуры. — Етат внучик палнейша. — Наши вареники крупнейша.*

Необходимо отметить, что исторически подобные мотивирующие прилагательные (в нашем случае *красивейший*, *полнейший* и т. п.) являются полной формой сравнительной степени. По мнению историков языка, у восточных славян формы превосходной степени как таковой не было. При переводах с греческого языка для передачи идеи превосходства использовали приставки *пре-*, *наи-*, наречия степени *велики*, *зело*, *очень*, прилагательное *самый*⁵⁰³. И. В. Устинов приводит такой пример значения сравнительной степени у полной формы сравнительной степени прилагательных с суффиксами *-ейш-*, *-айш* в древнерусском языке (из переписки И. Грозного с Кубским): «*Василий крепчайший Григория*»⁵⁰⁴. использование форм прилагательного с суффиксами *-ейш-*, *-айш* в функции сравнительной степени характерно для XVIII в., а также в редких случаях и для XIX в.: «*Счастливейший всех вод земных*» (М. Ломоносов), «*Первый университет Российский ... возвысится еще на степень славнейшую в ученом свете*» (Н. Карамзин), «*Это создание несравненно чистейшее и безупречнейшее, чем мы с вами*» (М. Достоевский)⁵⁰⁵.

Полная форма сравнительной степени восточнославянских прилагательных с суффиксами *-ейш-*, *-айш-* в значении превосходной степени стала использоваться в русском литературном языке сравнительно поздно.

Необходимо отметить, что сложная сравнительная степень в устной неподготовленной речи некрасовцев нам не встретилась. Данная форма иногда наблюдается в текстах сказок некрасовцев, т. е. в обработанной устной речи.

2.3. Превосходная степень

Имя прилагательное в превосходной степени указывает на самую высокую степень качества в предмете по сравнению с теми же качествами в других однородных предметах. Для говора казаков-некрасовцев характерна только формы сложной превосходной степени прилагательного:

- 1) сравнительная степень прилагательного + слово *всех*: *Фсех слажа рыба там была. — Фсех дорожы квасоль*;
- 2) положительная степень прилагательного + слово *самый*: *самыи малинькии утачки, самая старинная ества, самая каниная яда.*

⁵⁰³ По данным: Колесов В. В. История русского языка. М.; СПб., 2005. С. 342; Устинов И. В. Очерки по русскому языку. М.: МГПИ им. Ленина. 1959. С. 214

⁵⁰⁴ Устинов И. В. Очерки по русскому языку. М.: МГПИ им. Ленина. 1959. С. 215.

⁵⁰⁵ Цит. по: Устинов И. В. Очерки по русскому языку. М.: МГПИ им. Ленина, 1959. С. 215.

Уместно отметить, что в последнем примере форма превосходной степени относится к относительно-притяжательному прилагательному, что не характерно для литературного языка, в говоре происходит расширение структурно-семантических границ формы превосходной степени.

Простая форма превосходной степени в устной неподготовленной речи некрасовцев нам не встретилась.

В редком присутствии в говоре форм простой превосходной степени в ее прямом значении превосходства мы видим подтверждение мыслей В. В. Колесова о том, что «в русской ментальности идея превосходства не развивалась последовательно и регулярно»⁵⁰⁶.

В целом анализ морфологических особенностей имени прилагательного говора казаков-некрасовцев позволяет сделать определенные выводы:

— разряды прилагательных говора являются идентичными по своему значению разрядам прилагательных общенац. яз.;

— в образовании и изменении относительно-притяжательных прилагательных типа *жениховий* мы видим результаты процесса унификации склонения прилагательного говора под давлением типичного склонения полных прилагательных адъективного склонения;

— в составе относительно-притяжательных прилагательных типа *отцов* мы видим пополнение данной группы: *свекорова сестра*;

в составе относительно-притяжательных прилагательных типа *сестрин* мы видим расширение данной группы за счет включения прилагательных, соотносительных с неличными мотивирующими существительными: *хатина дверь, каунычии семички*;

— в составе форм простой сравнительной степени наблюдаются архаические формы от основы превосходной степени с суффиксом *-е-*;

— формы сложной превосходной степени могут относиться и к относительно-притяжательным прилагательным, что расширяет рамки грамматической системы прилагательного в говоре;

— редкое употребление форм сложной превосходной степени, отсутствие простой формы превосходной степени (в ее прямом значении превосходства) выявляет специфику языкового сознания некрасовцев, не актуализирующего форм для выражения идеи превосходства, что в целом характерно для русского быденного сознания.

⁵⁰⁶ Колесов В. В. История русского языка. М.; СПб., 2005. С. 342.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СПЕЦИФИКА СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В ГОВОРЕ КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ

1. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ КЛАССА

«АБСТРАКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ МАТЕРИИ»

В составе класса «Абстрактные отношения и формы существования материи» находим ряд мотивированных прилагательных, как правило, имеющих в качестве мотивирующих слова общенац. яз.

Отсубстантивные словообразовательные модели представлены суффиксальными моделями. Модель с мутационным значением «признак, относящийся к предмету, явлению, названному мотивирующим словом» **S + формант -н-:** *бочный* ‘близкий, находящийся рядом, сбоку’ от слова общенац. яз. *бок*. Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *лесной, книжный* (по данным РГ-80, т. 1, с. 272).

Модель с мутационным значением «относящийся к тому или свойственный тому, что названо мотивирующим словом» **S + формант -ск-:** а) *масленский* ‘относящийся к Масленице’, б) *старинский* ‘старинный’, в) *европский* ‘европейский’, г) *майнооский* ‘относящийся к озеру Майнос’, д) *сирийский* ‘относящийся к Сирии’, образованные соответственно от слов общенац. яз. *маслена* ‘масленная неделя’, *старина*, *Европа*, *Майнос*, *Сирия*. Данная модель является высокопродуктивной в современном русском языке: *морской, крейсерский* (по данным РГ-80, т. 1, с. 281).

Отглагольные словообразовательные модели

Охарактеризуем **отглагольные суффиксальные модели.** Модель с мутационным значением «характеризующийся действием, названным мотивирующим словом» **V + формант -уч-:** *плетучий* ‘плетущийся’, *катучий* ‘катящийся’ (от слов *плести, катать*). Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *живучий, пахучий* (по данным РГ-80, т. 1, с. 296).

Модель с мутационным значением «находящийся в состоянии, возникшем в результате процесса, названного мотивирующим словом» **V + формант -ённ-:** *прийдённый* ‘пришедший’ от слова *прийти*. Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *убежденный, протяженный* (по данным РГ-80, т. 1, с. 298).

Модель с мутационным значением «характеризующийся действием, названным мотивирующим словом» **V + формант -чат-: переходчатый** ‘изменчивый’ от мотивирующего глагола *переходить*. Продуктивность данной модели ограничена в современном русском языке: *взрывчатый, заливчатый* (по данным РГ-80, т. 1, с. 296).

Модель с мутационным значением «склонный к действию, названному мотивирующим словом» **V + формант -к-: волжский** ‘влажный’ от мотивирующего слова общенац. яз. *волгнуть* (‘сыреть, набирать в себя влагу, сырость’⁵⁰⁷ — в Сл. Даля, дано без помет). Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *зябкий, вязкий* (по данным РГ-80, т. 1, с. 294).

Модель с мутационным значением «характеризующийся действием, названным мотивирующим словом» **V + нулевой суффикс: подхожий** ‘дни перед праздником’ от мотивирующего глагола общенац. яз. *подходить*. Данная модель является непродуктивной в современном русском языке: *вхожий, похожий* (по данным РГ-80, т. 1, с. 304).

Префиксально-суффиксальный способ с глаголом в качестве мотивирующего слова представлен одной словообразовательной моделью с мутационным значением «неспособный совершить действие, названное мотивирующим словом, или подвергнуться этому действию» **формант не- + V + формант -им-: некончимый** ‘нескончаемый’ от слова *кончать*. Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *невозвратимый, неизгладимый, неутомимый* (по данным РГ-80, т. 1, с. 316).

Отадъективные словообразовательные модели

Охарактеризуем **адъективные суффиксальные модели**. Модель с модификационным ласкательным экспрессивным значением: **Adj + формант -ечк-, -(ен)ечк-: низенечкий, тоненечкий, мелечкий** (соответственно от слов общенац. яз. *низкий, тонкий, мелкий*). Эта модель не представлена в современном русском языке (по данным РГ-80).

Модель со значением стилистической модификации: **Adj + формант -ин-: схожийный** ‘похожий’ от мотивирующего прилагательного *схожий*. Данная модель, по данным РГ-80, не представлена в современном русском языке.

Охарактеризуем **отадъективные префиксальные модели**. Модель с модификационным значением «отсутствие или противоположность признака, названного мотивирующим словом» **формант не- + Adj**: а) *несламый* ‘нехороший, плохой’, б) *недобрый* ‘плохой, неприятный, трудный’ (соответственно от слов *славный, добрый*). Данная модель является высокопродуктивной в современном русском языке: *невеселый, неплохой, неглупый* (по данным РГ-80, т. 1, с. 307).

Отадвербиальные словообразовательные модели представлены суффиксальной моделью. Модель с транспозиционным значением «совмещение в своем значении присущее мотивирующему наречию значение признака со значением

⁵⁰⁷ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 1. С. 568.

прилагательного как части речи» **Adv + формант -ашин-/ешин-/ышин-**: а) *отсюдашний*, б) *оттудашний*, в) *оттелешний*, г) *тотышний*, соотносящиеся соответственно с наречиями общенац. яз. *отсюда*, *оттуда*, с местоименным наречием *тот*, диалектным наречием *оттель* ‘тмб. оттоль, оттуда’⁵⁰⁸. Данная модель является непродуктивной в современном русском языке: *всегдашний*, *теперешний* (по данным РГ-80, т. 1, с. 303).

Способ сложения слов и основ

Модель сложения основы числительного с опорным компонентом, равным самостоятельному прилагательному, **трист- + -а- + Adj летошний** ‘прошлогодний’ (по данным Сл. Даля, с. 281): *тристалеотышний* ‘трехсотлетний’. **Соединительное** значение данной модели сводится к объединению значений, присущих основам мотивирующих слов, в одно сложное значение. Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *пятикомнатный*, *двуспальный* (по данным РГ-80, т. 1, с. 319—320).

Модель сложения основы числительного со связанным опорным адективным компонентом **сто + связанный компонент говора Adj-кильный: стокильный** ‘имеющий вес в 100 кг’. **Соединительное** значение данной модели сводится к объединению значений, присущих основам мотивирующих слов, в одно сложное значение. Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *единообразный* (по данным РГ-80, т. 1, с. 321).

2. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ КЛАССА «НЕОРГАНИЧЕСКИЙ МИР»

В составе класса «Неорганический мир» находим ряд мотивированных прилагательных (в качестве мотивирующих выступают лексемы общенац. яз.).

Отсубстантивные словообразовательные модели представлены суффиксальными моделями. Модель с мутационным значением «признак, относящийся к предмету, явлению, названному мотивирующим словом» **S + формант -н-: горшочный** ‘глиняный’ от существительного *горшок*. Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *тепличный*, *корабельный* (по данным РГ-80, т. 1, с. 272).

Модель с мутационным значением «относящийся к тому или свойственный тому, что названо мотивирующим словом» **S + формант -ск-: горской** ‘горный’ от слова *гора*. Данная модель является высокопродуктивной в современном русском языке: *морской*, *городской* (по данным РГ-80, т. 1, с. 281).

Модель с мутационным значением «относящийся к тому или свойственный тому, что названо мотивирующим словом» **S + формант -ов-/ев-**: а) *степовой* ‘относящийся к степи’, б) *путевой* ‘попутный’ от мотивирующих слов *степь*, *путь*. Данная

⁵⁰⁸ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 1973.

модель является высокопродуктивной в современном русском языке: *домовой, тундровый, полевой* (по данным РГ-80, т. 1, с. 279).

Модель с мутационным значением «содержащий то, что названо в основе мотивирующего прилагательного» **S + формант -ист-**: *листянистый* ‘сделанный из листов’ от лексемы *лист*. Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *песчанистый, травянистый* (по данным РГ-80, т. 1, с. 301).

Отадъективные словообразовательные модели

Охарактеризуем **адъективные суффиксальные модели**. Модель с модификационным ласкательным экспрессивным значением: **Adj + формант -енек-**: *маленечкий* ‘очень маленький’ от слова *малый*. Данная модель не представлена в современном русском языке.

Отадъективные префиксальные модели представлены одной моделью — **формант под- + Adj** с модификационным значением «находящийся в сфере, в ведении того, что названо словом, которым, в свою очередь, мотивировано суффиксальное мотивирующее прилагательное»: *подморный* ‘гибельный, вредоносный’ от слова общенац. яз. *морный* ‘морящий, утомительный’⁵⁰⁹. Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *подследственный, поднадзорный* (по данным РГ-80, т. 1, с. 309).

Отглагольные словообразовательные модели представлены суффиксальной моделью. Модель с мутационным значением «склонный к действию, названному мотивирующим словом» **V + формант -к-**: *склизкий* ‘скользящий’ от глагола *скользить*. Данная модель продуктивна в современном русском языке: *козкий, вязкий* (по данным РГ-80, т. 1, с. 294).

3. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ КЛАССА «ОРГАНИЧЕСКИЙ МИР»

3.1. Словообразование подкласса «Человек»

Данный подкласс включает три лексико-тематических группы: «Человек как живое существо», «Человек как разумное существо», «Человек в обществе».

В составе лексико-тематической группы «**Человек как живое существо**» находим множество мотивированных прилагательных.

Отсубстантивные словообразовательные модели

Отсубстантивные суффиксальные словообразовательные модели. Модель с мутационным значением «признак, относящийся к предмету, явлению, названному мотивирующим словом» **S + формант -н-**: а) *киндячный* ‘сделанный из киндяка’, б) *пирожный* ‘хлебный’, в) *рубашный* ‘относящийся к рубашке’, г) *тельный* ‘надевающийся на тело’, д) *хатный* ‘относящийся к хате’, е) *мешинный* ‘кожаный’, ж) *поветочный* ‘относящийся к поветке’. Данные прилагательные

⁵⁰⁹ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 3. С. 907.

образованы соответственно от слов общенац. яз. *пирог, рубаха, тело, хата, мешин* ‘шира, кожаная или меховая обертка на товаре’⁵¹⁰; от диалектного слова *киндяк* ‘пск., *твр.* красный кумач’⁵¹¹; от диалектного существительного *поветка* ‘вор. вообще крытое место, простор с верхом’⁵¹². Эта модель является продуктивной в современном русском языке: *кирпичный, картофельный* (по данным РГ-80, т. 1, с. 272).

Модель с мутационным значением «относящийся к тому или свойственный тому, что названо мотивирующим словом» **S + формант (нен)ск-: предненский** ‘принадлежащий предку, предкам’ от слова *предок*. В слове *предненский* имеется уникальное наращение **-нен-**. Данная модель является высокопродуктивной в современном русском языке: *советский, городской* (по данным РГ-80, т. 1, с. 281).

Модель с мутационным значением «относящийся к тому или свойственный тому, что названо мотивирующим словом» **S + формант -ов/-ев-:** а) *едовый* ‘съедобный’, б) *принчевый* ‘рисовый’, в) *ростевой* ‘растительный’, г) *кистенёвый* ‘отделанный кистями’, д) *стебковой* ‘разновидность шва при вышивке’, е) *рядовой* ‘полосатый’. Данные прилагательные образованы от слов общенац. яз. *еда, рост, кисть, ряд*; от диалектного слова *принч* ‘дон. рис’⁵¹³; от слова говора *стебок* ‘разновидность шва при вышивке’. Модель является высокопродуктивной в современном русском языке: *береговой, моржовый, полевой* (по данным РГ-80, т. 1, с. 279).

Модель с мутационным значением «свойственный, присущий (реже — принадлежащий) тому, кто назван мотивирующим словом» **S + формант ячий-/ачий-: бабачий** от мотивирующего существительного общенац. яз. *баба*. Данная модель продуктивна в современном русском языке: *индюшачий, поросячий* (по данным РГ-80, т. 1, с. 271). В говоре происходит расширение семантико-структурных возможностей модели: в литературном языке в качестве мотивирующего слова выступают только названия животных, а в говоре — и названия лиц.

Модель с мутационным значением «признак, относящийся к предмету, явлению, названному мотивирующим словом» **S + формант -енн-: плесенный** ‘заплесневелый’ (от слова *плесень*). Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *буквенный, почвенный* (по данным РГ-80, т. 1, с. 274).

Модель с мутационным значением «характеризующийся отношением к тому, что названо мотивирующим словом» **S + формант -ист-:** а) *лапистый* ‘пёстрый, с крупным рисунком’, б) *раструбистый* ‘расширяющийся книзу’, данные лексемы образованы соответственно от слова говора *лапа* ‘крупный рисунок, цветы на материи’; от слова общенац. яз. *раструб*. Модель является высокопродуктивной в современном русском языке: *тенистый, ухабистый, искристый* (по данным РГ-80, т. 1, с. 289).

⁵¹⁰ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 971. Дано без помет.

⁵¹¹ Там же. С. 108.

⁵¹² Там же. Т. 3. С. 151.

⁵¹³ Там же. С. 431.

Модель с мутационным значением «характеризующийся отношением к тому, что названо мотивирующим словом» **S + формант -овит-: становитый** ‘стройный’ от слова общенац. яз. *стан*. Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *ядовитый, сановитый* (по данным РГ-80, т. 1, с. 288—289).

Модель с мутационным значением «характеризующийся внешним признаком, названным мотивирующим словом» **S + формант -ат-: кузлатый** ‘лохматый’ от диалектного слова *кузло/гузло* ‘каз. огузок снопа, низ’⁵¹⁴. Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *полосатый, горбатый* (по данным РГ-80, т. 1, с. 287).

Модель с мутационным значением «обладающий в качестве отличительного признака тем или содержащий то, что названо мотивирующим словом» **S + формант -яв-: москлявый** ‘худой, щуплый’, вероятно, от диалектного слова *москаль* ‘южн. москвич, русский; солдат, военнослужащий’⁵¹⁵. Данная модель является непродуктивной в современном русском языке: *дыравый, слюнявый, кудрявый* (по данным РГ-80, т. 1, с. 290).

Отсубстантивные префиксально-суффиксальные модели. Модель с мутационным значением «характеризующийся отсутствием того, что названо мотивирующим словом» **формант бес- + S + формант -н-: бессаласный** ‘беззубый, с впалыми щеками’ от диалектного слова *салазки* ‘тмб. нижние скулы, челюсти’⁵¹⁶. Данная модель является высокопродуктивной в современном русском языке: *бездарный, безрезультатный* (по данным РГ-80, т. 1, с. 313).

Модель с мутационным значением «содержащий в изобилии, в избытке то, что названо мотивирующим словом» **формант за- + S + формант -енн-: катауренный** ‘подпоясанный поясом, катауром’ от существительного общенац. яз. *катаур* ‘широкий пояс на подрыснике’⁵¹⁷. Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *залесённый, закустаренный* (по данным РГ-80, т. 1, с. 314).

Отглагольные словообразовательные модели

Охарактеризуем **отглагольные суффиксальные модели**. Модель с мутационным значением «склонный к действию, названному мотивирующим словом» **V + формант -к-: а) сыпкий** ‘склонный сыпаться, сыпучий’, б) *корябкий* ‘шершавый, жесткий’, в) *тянкий* ‘тягучий, густой’. Названные прилагательные образованы от слов общенац. яз. *сыпаться, корябать, тянуть*. Данная модель продуктивна в современном русском языке: *колкий, цепкий* (по данным РГ-80, т. 1, с. 294).

Модель с мутационным значением «находящийся в состоянии, возникшем в результате процесса, названного мотивирующим словом» **V + формант -енн-:**

⁵¹⁴ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 1004.

⁵¹⁵ Там же. С. 912.

⁵¹⁶ Там же. Т. 4. С. 130.

⁵¹⁷ Там же. Т. 2. С. 243.

тусменный ‘тусклый, неяркий’, от слова говора *тусметь* ‘смеркаться’. Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *убеждённый, протяжённый* (по данным РГ-80, т. 1, с. 298).

Модель с мутационным значением «характеризующийся действием, названным мотивирующим глаголом» **V + формант -ан-: *стряпанный*** ‘сдобный’ от лексемы *стряпать*. Данная модель является непродуктивной в современном русском языке: *рдяный, пьяный* (по данным РГ-80, т. 1, с. 298—299).

Модель с мутационным значением «характеризующийся действием, названным мотивирующим словом» **V + формант -уч-/юч-: а) *блестучий*, б) *сиючий*** ‘блестящий’ от глаголов *блестеть, сиять*. Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *жгучий, плакучий, ползучий* (по данным РГ-80, т. 1, с. 296).

Модель с мутационным значением «характеризующийся действием, названным мотивирующим глаголом» **V + формант -ущ-: *солушой*** ‘солоноватый, не пресный’ от глагола *солить*. Данная модель является непродуктивной в современном русском языке: *пропаций, завиручий* (по данным РГ-80, т. 1, с. 298—299).

Модель с мутационным значением «характеризующийся отношением к действию, названному мотивирующим глаголом» **V + формант -льн-: *пожилной*** от слова *пожить*. Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *венчальный, купальный* (по данным РГ-80, т. 1, с. 292—293).

Отглагольные префиксально-суффиксальные модели. Модель с мутационным значением «неспособный совершить действие, названное мотивирующим словом, или подвергнуться этому действию» **формант не- + V + формант -н-: *неугасный*** от лексемы *угасать*. Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *неизменный, ненаглядный, непрерывный* (по данным РГ-80, т. 1, с. 316).

Отадъективные словообразовательные модели

Охарактеризуем **отадъективные суффиксальные модели**. Модель **Adj + формант -ецк-: *здоровецкий*** ‘очень здоровый, сильный’ от слова *здоровый*. Данная модель является непродуктивной в современном русском языке: *простецкий, важнецкий* (по данным РГ-80, т. 1, с. 302). Полагаем, что в данном случае перед нами **значение стилистической модификации**, так как мотивирующее и мотивированное слова совпадают по своему значению и отличаются только несниженной / сниженной окраской.

Модель с модификационным (градационным) значением «умеренная степень проявления признака» **Adj + формант -ав-/яв-: *пестрявый*** ‘веснушчатый’ от прилагательного *пестрый*. Данная модель является непродуктивной в современном русском языке: *чернявый, худощавый* (по данным РГ-80, т. 1, с. 302).

Модель с модификационным ласкательным экспрессивным значением **Adj + уникальный формант -енечк-, -ечк-: а) *маленечкий*** ‘очень маленький’, б) *красненечкий*, в) *сытенечкий*, г) *белечкий*. Названные прилагательные образованы соответственно от слов *малый, красный, сытый, белый*. Данная модель не представлена в современном литературном языке (по данным РГ-80).

Модель с модификационным ласкательным экспрессивным значением **Adj + формант -(ат)еньк-**: *пухлатенький* от слова национального языка *пухлый*. Данная модель широко представлена в современном русском языке: *кругленький, умненький* (по данным РГ-80, т. 1, с. 299).

Отадъективные префиксальные модели. Модель с модификационным значением «отсутствие или противоположность признака, названного мотивирующим словом» **формант не- + Adj**: а) *необразный* ‘безобразный’, б) *независтный* ‘незавидный’ от слов общенац. яз. *образный* (‘представляющий какой-л. внешний образ, вид’ — по данным Сл. Даля, т. 2, с. 1580), *завистный* (‘склонный к зависти’ — по данным Сл. Даля, т. 1, с. 1398). Данная модель является высокопродуктивной в современном русском языке: *невеселый, небольшой* (по данным РГ-80, т. 1, с. 307).

Способ сложения слов и основ

В данной лексико-тематической группе есть слово, образованное **сложением основ с опорным компонентом, равным самостоятельному слову. Соединительное** значение модели сводится к объединению значений, присущих основам мотивирующих слов, в одно сложное значение. В данной модели в качестве компонента, предшествующего опорному, выступает основа прилагательного **разн- + интерфикс -о- + Adj**: *разноокрасный* ‘разноцветный’. Опорным компонентом является прилагательное *красный* ‘по цвету: алый, чермный, червлёной: кирпичный, малиновый, огневой и пр. разных оттенков и густоты’⁵¹⁸. Модель является продуктивной в современном русском языке: *разновеликий, разномыслящий* (по данным РГ-80, т. 1, с. 319).

В данной группе есть слова, образованные **сложением основ со связанными опорными компонентами**: а) *семикатный* ‘семиэтажный’, б) *голоплеший* ‘лысый’. **Соединительное** значение обеих моделей сводится к объединению значений, присущих основам мотивирующих слов, в одно сложное значение. В первой модели в качестве компонента, предшествующего опорному, выступает основа числительного **сем- + интерфикс -и- + связанный опорный компонент говора Adj-катный**. Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *одновалентный, единообразный* (по данным РГ-80, т. 1, с. 321). Во второй модели в качестве компонента, предшествующего опорному, выступает основа прилагательного *голый*: **гол- + связанный опорный компонент говора Adj-плеший**. Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *позднеспелый, добрососедский* (по данным РГ-80, т. 1, с. 319).

Одно прилагательное относится к **способу субстантивации**. Это субстантиват с мутационным значением «лицо», который мотивирован прилагательным: *правый* ‘здоровый, не калека’ (*Фтирёт вон был правый*). В национальном языке

⁵¹⁸ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 4—41.

имеется аналогичная продуктивная словообразовательная модель, называющая лица: *больной, левый* (по данным РГ-80, т. 1, с. 239).

В составе лексико-тематической группы «Человек как разумное существо» находим значительное количество мотивированных прилагательных.

Отсубстантивные словообразовательные модели представлены **суффиксальными моделями**. Модель с мутационным значением «признак, относящийся к предмету, явлению, названному мотивирующим словом» **S + формант -н-**: а) *бусорный* ‘глуповатый’, б) *объёмный* ‘ласковый, любящий обниматься’. Приведенные прилагательные образованы соответственно от слова ряда русских диалектов *бусор* ‘тмб., астрх. о человеке: глупость, дурь, придурь’⁵¹⁹; от слова общенац. яз. *объём* ‘охват, охабка’⁵²⁰. Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *кирпичный, картофельный* (по данным РГ-80, т. 1, с. 272).

Модель с мутационным значением «относящийся к тому или свойственный тому, что названо мотивирующим словом» **S + формант -ов-/-ев-**: *солевой* ‘умеющий петь по нотам’ от лексемы *соль* ‘муз. пятая нота в порядке’⁵²¹. Данная модель является высокопродуктивной в современном русском языке: *береговой, полевой* (по данным РГ-80, т. 1, с. 279).

Модель с мутационным значением «признак, относящийся к предмету, явлению, названному мотивирующим словом» **S + формант -енн-**: а) *блаженный* ‘спокойный’, б) *письменный* ‘грамотный, выученный’ соответственно от существительных *благо, письмо* (письмена). Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *буквенный, мысленный, почвенный* (по данным РГ-80, т. 1, с. 274).

Модель с мутационным значением «склонный к тому, что названо мотивирующим словом» **S + формант -лив-**: а) *лестливый* ‘склонный к лести’, б) *милостливый* ‘милостивый’, в) *обидливый* ‘склонный обижаться’. Приведенные прилагательные образованы соответственно от слов *лесть, милость, обида*. Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *сонливый, завистливый* (по данным РГ-80, т. 1, с. 290).

Модель с мутационным значением «относящийся к тому или свойственный тому, что названо мотивирующим словом» **S + формант -ов-**: *сердцовый* ‘о человеке простом, искреннем’ от лексемы *сердце*. Данная модель является высокопродуктивной в современном русском языке: *карликовый, классовый* (по данным РГ-80, т. 1, с. 279).

Модель с мутационным значением «относящийся к тому или свойственный тому, что названо мотивирующим словом» **S + формант -чит-**: *разговорчитый*

⁵¹⁹ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 1. С. 145.

⁵²⁰ Там же. Т. 2. С. 607.

⁵²¹ Там же. Т. 4. С. 268.

‘разговорчивый’ от слова *разговор*. Данная модель не представлена в современном русском языке.

Отглагольные словообразовательные модели

Охарактеризуем **отглагольные суффиксальные модели**. Модель с мутационным значением «склонный к действию, названному мотивирующим словом»: **V + формант -к-: жалкий** ‘милый’ от глагола *жалеть*. Данная модель продуктивна в современном русском языке: *колкий, вязкий* (по данным РГ-80, т. 1, с. 294).

Модель с мутационным значением «характеризующийся отношением к действию, названному мотивирующим словом» **V + формант -н-: а) растребидный** ‘живой, общительный’, б) *умильный* ‘милый’, в) *шутейный* ‘любящий шутить’, образованные соответственно от слов общенац. яз. *шутить, умилять*; от слова говора *растребидивать* ‘шутить, рассказывать веселые истории’. Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *заводной, складной* (по данным РГ-80, т. 1, с. 291).

Модель с мутационным значением «склонный к действию, названному мотивирующим словом» **V + формант -лив-: а) воровливый** ‘склонный к воровству’, б) *игрливый* ‘склонный к игре’, в) *ревливый* ‘склонный плакать, реветь’, г) *ругливый* ‘склонный ругаться’, д) *торопливый* ‘робкий, боязливый’, е) *уважливый* ‘склонный уважать’. Приведенные лексемы образованы соответственно от глаголов общенац. яз. *воровать, играть, реветь, ругать, уважать, торопить* (‘робеть, пугаться, бояться, трусить’⁵²²). Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *пугливый, выносливый* (по данным РГ-80, т. 1, с. 296).

Модель с мутационным значением «характеризующийся действием, названным мотивирующим глаголом» **V + формант -(л)ан-: слухляный** ‘послушный’ от слов общенац. яз. *слушать/слушаться*. В названном прилагательном имеется уникальное наращение -л-. Данная модель является непродуктивной в современном русском языке: *рдяный, пьяный* (по данным РГ-80, т. 1, с. 298—299).

Модель с мутационным значением «характеризующийся действием, названным мотивирующим глаголом» **V + формант -ац-: ледащий** ‘ленивый, плохой’ от глагола ряда русских диалектов *лядитъ* ‘нвг., кстр., тмб. хилеть, худать, сохнуть, изнывать’⁵²³. Данная модель является непродуктивной в современном русском языке: *пропащий, завирущий* (по данным РГ-80, т. 1, с. 298—299).

Модель с мутационным значением «подвергшийся действию, названному мотивирующим словом, и содержащий результат этого действия» **V + формант -ён-: мыслённый** ‘умный, вдумчивый’ от слова *мыслить*. Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *мудреный, вареный* (по данным РГ-80, т. 1, с. 298).

⁵²² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 3. С. 807.

⁵²³ Там же. Т. 2. С. 742.

Модель с мутационным значением «характеризующийся действием, названным мотивирующим словом» **V + нулевой суффикс:** а) *обхожий* ‘обходительный’, б) *поникий* ‘о печальном, грустном человеке’ соответственно от слов *обходить*, *поникать*. Данная модель является непродуктивной в современном русском языке: *вхожий*, *похожий* (по данным РГ-80, т. 1, с. 304).

Модель с мутационным значением «способный подвергнуться действию, названному мотивирующим словом, и содержащий результат этого действия» **V + формант -ём-:** *утрёмый* ‘суровый, угрюмый’, возможно, от мотивирующего глагола *утреневать* ‘проводить раннее утро в деле, на ногах’⁵²⁴ (в Сл. Даля слово дано с пометой церковнославянское) с последующей лексический фразеологизацией значения прилагательного *утрёмый* ассоциативного переносного характера. Данная модель представлена в современном русском языке: *весомый*, *знакомый* (РГ-80, т. 1, с. 295).

Отглагольные префиксально-суффиксальные модели. Модель с мутационным значением «неспособный совершить действие, названное мотивирующим словом, или подвергнуться этому действию» **формант не- + V + формант -им-:** *нещадимый* ‘беспощадный, безжалостный’ от глагола *щадить*. Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *неутомимый*, *невыносимый* (по данным РГ-80, т. 1, с. 316).

Отадъективные словообразовательные модели

Отадъективные суффиксальные модели. Модель с модификационным ласкательным экспрессивным значением **Adj + формант -ечк-:** *беднечкий* от прилагательного *бедный*. Данная модель не представлена в современном литературном языке.

Отадъективные префиксальные модели. Модель с модификационным значением «отсутствие или противоположность признака, названного мотивирующим словом» **формант не- + Adj:** а) *невнятный* ‘непонятливый, неумелый’, б) *неухваткий* ‘ненаходчивый, недогадливый’, в) *неразвитной* ‘застенчивый, боязливый’ соответственно от прилагательного общенац. яз. *внятный*; от слов говора *ухваткий*, *развитной*. Данная модель является высокопродуктивной в современном русском языке: *невеселый*, *неглупый* (по данным РГ-80, т. 1, с. 307).

Модель с модификационным значением «характеризующийся отсутствием того, что названо мотивирующим прилагательным» **формант без- + Adj:** *безразумный* ‘глупый, бестолковый’ от прилагательного *разумный*. Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *безлюдный*, *безграмотный*, *безводный* (по данным РГ-80, т. 1, с. 305).

Модель с мутационным значением «находящийся в непосредственной близости к тому, что названо мотивирующим словом» **формант при- + Adj:** *прилестливый* ‘привлекательный, милый’ от слова говора *лестливый*. Данная модель явля-

⁵²⁴ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 4. С. 1100.

ется продуктивной в современном русском языке: *прижизненный*, *приглагольный* (по данным РГ-80, т. 1, с. 309).

Способ сложения основ и слов

В данной лексико-тематической группе есть слово, образованное **сложением основы с опорным компонентом, равным самостоятельному слову** — модель *прост-* + интерфикс *-о-* + Adj *умный*: *простоумный* ‘простоватый, недалекий’. Соединительное значение данной модели сводится к объединению значений, присущих основам мотивирующих слов, в одно сложное значение. Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *простодушный*, *простонародный* (по данным РГ-80, т. 1, с. 319).

В составе лексико-тематической группы «Человек в обществе» находим значительное количество мотивированных прилагательных.

Отсубстантивные словообразовательные модели

Отсубстантивные суффиксальные модели. Модель с мутационным значением «признак, относящийся к предмету, явлению, названному мотивирующим словом» **S + формант -н-**: а) *мирный* ‘многолюдный’, б) *пчельной* ‘пчелиный (о ноже)’, в) *сошный* ‘деревянный (о сохе)’, г) *неводной* ‘являющийся частью невода’, д) *парусной* ‘относящийся к парусу’, е) *прозорный* ‘прозрачный (о сетях)’, ж) *тагунный* ‘относящийся к тагуну’, з) *дюменный* ‘относящийся к дюменю’, и) *садейный* ‘относящийся к садеи’. Перечисленные прилагательные образованы соответственно от слов общенац. яз. *мир* ‘народ, люди’, *пчела*, *соха*, *невод*, *парус*, *прозор* ‘откуда вольный вид во все стороны, открытое место’⁵²⁵; от диалектного существительного *тагун* ‘арх. поперечное крепление в корпусе лодки’⁵²⁶; от слов говора *дюмень* ‘руль в лодке’, *садея* ‘большая глубоководная сеть для ловли крупной рыбы’. Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *кирпичный*, *картофельный* (по данным РГ-80, т. 1, с. 272).

Модель с мутационным значением «относящийся к тому или свойственный тому, что названо мотивирующим словом» **S + формант -ск-**: а) *государский* ‘относящийся к государю’, б) *колхозский* ‘относящийся к колхозу’, в) *неводской* ‘принадлежащий неводу’, г) *рыбальский* ‘рыбачий’, д) *районский* ‘относящийся к району’, образованные соответственно от мотивирующих существительных общенац. яз. *государь*, *колхоз*, *господь*, *невод*, *район*, диалектного слова *рыбалка* ‘южн. рыболов’⁵²⁷. Данная модель является высокопродуктивной в современном русском языке: *советский*, *городской* (по данным РГ-80, т. 1, с. 281).

Модель с мутационным значением «относящийся к тому или свойственный тому, что названо мотивирующим словом» **S + формант -ов/-ев-**: а) *гребовый* ‘гребной’, б) *калкановый* ‘относящийся к калкану’, в) *шелкутнёвый* ‘относящийся

⁵²⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 3. С. 485.

⁵²⁶ Там же. С. 385.

⁵²⁷ Там же. С. 1752.

к шелкутни', образованные соответственно от слова *гребля*, от слов говора *калкан* 'рыба камбала', *шелкутни* 'плотный шелковый материал с узором'. Данная модель является высокопродуктивной в современном русском языке: *береговой*, *полевой* (по данным РГ-80, т. 1, с. 279).

Модель с мутационным значением «склонный к тому, что названо мотивирующим словом» **S + формант -лив-**: *трудоливый* 'трудолюбивый' от существительного *труд*. Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *сонливый*, *завистливый* (по данным РГ-80, т. 1, с. 290).

Модель с мутационным значением «принадлежащий тому, (относящийся к тому/чему), кто назван мотивирующим словом» **S + формант -(ов)ин-**: а) *хатин* 'относящийся к хате' (*хатина дверь*), б) *мужин* 'принадлежащий мужу', в) *женеховин* 'принадлежащий жениху'. Названные прилагательные в качестве мотивирующих имеют слова *хата*, *муж*, *женех*. В данном случае имеется расширение семантических характеристик модели в говоре, так как в литературном языке подобные слова образуются только от названий лиц (в нашем случае и от названий предметов). В составе суффикса имеется уникальное наращение *-(ов)*. Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *сестрин*, *портнихин* (по данным РГ-80, т. 1, с. 270).

Модель с мутационным значением «принадлежащий тому, кто назван мотивирующим словом» **S + формант -ин(ый)**: *снохиный* 'принадлежащий снохе' от слова национального языка *сноха*. В данном случае имеется расширение семантических характеристик модели в говоре, так как в литературном языке подобные слова образуются только от названий животных: *совиный*, *крысиный* (по данным РГ-80, т. 1, с. 272).

Модель с мутационным значением «характеризующийся отношением к тому, что названо мотивирующим словом» **S + формант -ист-, -(я)ист-**: а) *роднистый* 'имеющий большую родню', б) *семьистый* 'имеющий большую семью', образованные от существительных *родня*, *семья*. Данная модель является высокопродуктивной в современном русском языке: *дуплистый*, *ухабистый* (по данным РГ-80, т. 1, с. 289).

Модель с мутационным значением «признак, относящийся к предмету, явлению, названному мотивирующим словом» **S + формант -ени-**: *свадьбенный* 'относящийся к свадьбе' от слова *свадьба* (в Сл. Даля отмечено только прилагательное *свадебный*). Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *буквенный*, *мысленный*, *почвенный* (по данным РГ-80, т. 1, с. 274).

Модель с мутационным значением «сделанный из того, что названо этим словом» **S + формант -ян-**: *туряной* 'сделанный из туры' от турецкого слова *тура* 'жгут'. Данная модель является непродуктивной в современном русском языке: *глиняный*, *костяной*, *земляной* (по данным РГ-80, т. 1, с. 278).

Модель с мутационным значением «относящийся к тому или свойственный тому, что названо мотивирующим словом» **S + формант -ск-(-цк-)**: *бурлацкий* 'относящийся к бурлаку' от слова говора *бурлак* 'холостяк'. Данная модель является

высокопродуктивной в современном русском языке: *плотницкий, казацкий* (по данным РГ-80, т. 1, с. 281).

В данной лексико-тематической группе имеется случай **метафорического словообразования** — модель **S + формант -н-**: *суязный* ‘свободный (о человеке)’, мотивирующим выступает слово говора *суяз* ‘порода диких уток’ (в Сл. Даля *сви-язь, свизь* ‘дикая утка’⁵²⁸).

Отглагольные словообразовательные модели

Суффиксальная модель с **мутационным** значением «характеризующийся отношением к действию, названному мотивирующим словом» **V + формант -н-**: *гожний* ‘годный’ от глагола *годиться*). Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *заводной, складной* (по данным РГ-80, т. 1, с. 291).

Модель с **мутационным** значением «склонный к действию, названному мотивирующим словом» **V + формант -к-**: *рябкий* ‘имеющий неровную поверхность, шершавый’ от слова общенац. яз. *рябить* ‘пестрить или натюкать, наклевать, делать пестрым’⁵²⁹. Данная модель продуктивна в современном русском языке: *колкий, цепкий* (по данным РГ-80, т. 1, с. 294).

Отадъективные словообразовательные модели

Отадъективные префиксальные модели. Модель со значением **стилистической модификации**: **формант су-** + **Adj**: *сукупный* ‘совокупный, объединенный’ от слова общенац. яз. *купный* с аналогичным значением — ‘совокупный, вместный, совместный, соединенный’⁵³⁰. Данная модель не отмечена в современном русском языке (по данным РГ-80).

Модель с **модификационным** значением «отсутствие или противоположность признака, названного мотивирующим словом» **формант не-** + **Adj**: а) *недосужий* ‘ленивый’, б) *неурядливый* ‘нерасторопный, плохой хозяин’ соответственно от прилагательных *досужий, урядливый*. Данная модель является высокопродуктивной в современном русском языке: *невеселый, неплохой, неглупый* (по данным РГ-80, т. 1, с. 307).

Способ субстантивации

Двенадцать прилагательных образованы **способом субстантивации**. Два субстантивата с **мутационным** значением «помещение»: а) *судновая* ‘парусное судно’, б) *судовая* ‘парусное судно’ от соответствующих прилагательных общенац. яз. *судновой* и *судовой*. В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная словообразовательная модель, называющая помещения: *приемная, моечная, парикмахерская* (по данным РГ-80, т. 1, с. 239).

Девять субстантиватов имеют **мутационное** значение «лицо» и мотивированы прилагательными: а) *верховой* ‘член рыболовецкой артели’, б) *жильской* ‘местный

⁵²⁸ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 4. С. 69.

⁵²⁹ Там же. Т. 3. С. 1776.

⁵³⁰ Там же. Т. 2. С. 562.

житель, не приезжий', в) *крёстная-мрёсная* 'вся родня', г) *крестовый* 'родственник по кресту', д) *неверный* 'не христианин, мусульманин', е) *парной* 'член артели при ловле рыбы неводом, который забивает в дно водоема колья', ж) *полицарский* 'полицейский', з) *беззаконный* 'безбожник' от соответствующих прилагательных общенационального языка: *верховой*, *крёстный*, *крестовый*, *неверный*, от слов говора *жильской*, *парной* (от пары 'колья'), *полицарский*. В национальном языке имеется аналогичная продуктивная словообразовательная модель, называющая лица: *участковый*, *ездовой*, *ротный* (по данным РГ-80, т. 1, с. 239).

Один субстантиват с мутационным значением «лицо» мотивирован причастием: *затворишая* 'затворница, отшельница'. В национальном языке имеется аналогичная продуктивная словообразовательная модель, называющая лица: *убитый*, *пострадавший* (по данным РГ-80, т. 1, с. 241).

3.2. Словообразование подкласса «Животный мир»

В составе лексико-тематического подкласса «Животный мир» находим определенное количество мотивированных прилагательных.

Отсубстантивное словообразование представлено **суффиксальными моделями**. Модель с мутационным значением «признак, относящийся к предмету, явлению, названному мотивирующим словом» **S + формант -н-**: а) *селёдный* 'относящийся к сельди', б) *перной* 'сделанный из пера', образованные соответственно от слов *сельдь*, *перо*. Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *лесной*, *водный*, *морковный* (по данным РГ-80, т. 1, с. 272).

Модель с мутационным значением «относящийся и свойственный тому, что названо мотивирующим словом» **S + формант -ск-**: *скотинский* 'относящийся к скотине', от существительного *скотина*. Данная модель высокопродуктивна в современном русском языке: *зверский*, *конский* (по данным РГ-80, т. 1, с. 281).

Модель с мутационным значением «относящийся, свойственный, присущий (реже — принадлежащий) тому, кто назван мотивирующим словом» **S + формант -ячий/-ачий-**: а) *буйлячий* 'относящийся к буйле', б) *кибелячий* 'собачий', в) *скотинячий* 'относящийся скотине', г) *кузячий* 'относящийся, свойственный кузёнку', образованные соответственно от существительных национального языка *буйла* ('турецкий, азиатский бык и корова' — по данным Сл. Даля, т. 1, с. 337), *кобель*, *скотина*, от слова говора *кузёнок* 'ягненок'. Данная модель продуктивна в современном русском языке: *индюшачий*, *поросячий* (по данным РГ-80, т. 1, с. 271).

Модель с мутационным значением «относящийся, свойственный, присущий тому, кто назван (что названо) мотивирующим словом» **S + формант -ий-**: *барачий* 'относящийся к барану' от слова *баран*. Данная модель продуктивна в современном русском языке: *внучий*, *птичий* (по данным РГ-80, т. 1, с. 271).

Модель с мутационным значением «характеризующийся, обладающий тем, что названо мотивирующим словом» **S + формант -ит-**: *племенитый* 'плодовитый' от лексемы *племя*. Данная модель непродуктивна в современном русском языке: *именитый* (по данным РГ-80, т. 1, с. 290—291).

Отглагольные словообразовательные модели

Охарактеризуем **отглагольные суффиксальные модели**. Модель с мутационным значением «склонный к действию, названному мотивирующим словом»: **V + формант -к-**: *кусакий* ‘склонный кусать’ от глагола *кусать*. Данная модель продуктивна в современном русском языке: *колкий, цепкий* (по данным РГ-80, т. 1, с. 294).

Модель с мутационным значением «характеризующийся отношением к действию, названному мотивирующим словом» **V + формант -н-**: *плавной* ‘плавающий (о птицах)’ от слова *плавать*. Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *заводной, складной* (по данным РГ-80, т. 1, с. 291).

Отглагольные префиксальные модели. Модель с модификационным значением «отсутствие или противоположность признака, названного мотивирующим словом» **формант не- + V**: *неезжий* ‘необъезженный’ от формы глагола общенац. яз. *ездить*. Данная модель высокопродуктивна в современном русском языке: *невеселый, ненаучный* (по данным РГ-80, т. 1, с. 307).

Способ сложения основ и слов

Модель, образованная сложением основы прилагательного и опорного компонента, равного самостоятельному слову **хитр- + интерфикс -о- + Adj**: *хитромудрый* ‘хитроумный’. Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *хитросплетённый, добрососедский* (по данным РГ-80, т. 1, с. 319).

Способ субстантивации

Три прилагательных образованы **способом субстантивации**. Субстантиваты с мутационным значением «названия животных»: *котеная* ‘об овце, у которой скоро будут ягнята’, а) *малотельная* ‘недавно отелившаяся корова’, б) *поречная* ‘выдра’ от соответствующих прилагательных говора *котёная, малотельная*, от слова общенац. яз. *поречный* ‘сущий у реки, при реке, побережный’⁵³¹. В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная словообразовательная модель: *косой, косопалый* (по данным РГ-80, т. 1, с. 239).

3.3. Словообразование подкласса «Растительный мир»

В составе лексико-тематического подкласса «Растительный мир» находим определенное количество мотивированных прилагательных.

Отсубстантивные словообразовательные модели

Отсубстантивные суффиксальные модели. Преобладает модель с мутационным значением «признак, относящийся к предмету, явлению, названному мотивирующим словом» **S + формант -н-**: а) *дубной* ‘дубовый’, б) *початный* ‘кукурузный’, в) *кобольный* ‘относящийся к коблу, т. е., камышу’, г) *лопушной* ‘относящийся к лепестку цветка, лопушонку’, д) *тамбульный* ‘относящийся к тыкве тамбулке’, приведенные прилагательные образованы соответственно от слов

⁵³¹ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 3. С. 851.

общенац. яз. *дуб, початок*; от слов говора *кобёл* ‘камыш’, *лопушонок* ‘лепесток’, *тамбулка* ‘тыква’. Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *водный, лесной, морковный* (по данным РГ-80, т. 1, с. 272).

Модель с мутационным значением «свойственный тому, что названо мотивирующим словом» **S + формант -ин-**: *камышинный* ‘камышовый’ от слова *камыш*. Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *звериный, мышинный, тополиный* (по данным РГ-80, т. 1, с. 272).

Модель с мутационным значением «относящийся к тому, что названо мотивирующим словом» **S + формант -ан-/ -ян-**: а) *камышанный* ‘камышовый’, б) *капустянный* ‘капустный’, образованные соответственно от существительных *камыш, капуста*. Данная модель является непродуктивной в современном русском языке: *берестяной, кожаный, ивяной* (по данным РГ-80, т. 1, с. 278).

Модель с мутационным значением «относящийся к тому или свойственный тому, что названо мотивирующим словом» **S + формант -ов(ой)**: *зимовой* ‘озимый’ от слова *зима*. Данная модель является высокопродуктивной в современном русском языке: *береговой, полевой* (по данным РГ-80, т. 1, с. 279).

Модель с мутационным значением «свойственный, присущий тому, что названо мотивирующим словом» **S + формант -ячий-**: *каунячий* ‘арбузный’ от диалектного существительного *каун* (‘запд. и южн. арбуз’ — по данным Сл. Даля, т. 2, с. 172). В современном русском языке имеется схожая продуктивная модель: *чирячий* (от *чирок*), *свинячий, индюшачий*, мотивирующими лексемами в ней являются только наименования лиц и животных (по данным РГ-80, т. 1, с. 271).

Отглагольные словообразовательные модели представлены суффиксальной моделью с мутационным значением «характеризующийся действием, названным мотивирующим глаголом» **V + формант -ущ-**: *плодущий* ‘плодовитый, урожайный’ от глаголов *плодить / плодиться*. Данная модель является непродуктивной в современном русском языке: *имуций, загребуций* (по данным РГ-80, т. 1, с. 298—299).

Отадъективные словообразовательные модели представлены префиксальной моделью с модификационным усилительным значением **формант пере- + Adj**: *перепелёсый* ‘пёстрый’ от прилагательного общенац. яз. *пелёсый* ‘пёстрый’⁵³² (Сл. Даля, с. 28). Данная модель является продуктивной в современном русском языке: *перетертый, перехоженный* (по данным РГ-80, т. 1, с. 308).

Способ субстантивации

Два прилагательных образованы **способом субстантивации**. Один субстантиват ср. р. с мутационным значением «единицы классификации растительного и животного мира»: *весновое* ‘яровые злаки’ от соответствующего прилагательного говора *весновое* ‘относящееся к весне’. В общенац. яз. имеется аналогичная продуктивная словообразовательная модель (*однодольные, хоботные*); подобные субстантиваты

⁵³² Даля В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 3. С. 28.

в литературном языке чаще употребляются в форме множественного числа (по данным РГ-80, т. 1, с. 240).

Другой субстантиват м. р. с мутационным значением «название цветов»: *подснежный* ‘подснежник’ от прилагательного общенац. яз. *подснежный* — «<...> клюква подснежная»⁵³³. В литературном языке не имеется такой словообразовательной модели (по данным РГ-80, т. 1, с. 239—240).

В целом изучение состава прилагательных говора с точки зрения мотивированности показало, что значительная их часть возникла в самом говоре. Анализ специфики словообразовательной системы прилагательного выявил следующие **способы словообразования**: 1) суффиксальный, 2) префиксальный 3), субстантивация, 4) префиксально-суффиксальный, 5) способ сложения (способы расположены в порядке их приоритетности).

Подавляющее количество прилагательных говора образовано **суффиксальным способом**, так же, как и в общенациональном русском языке. Это характерно для всех лексико-тематических классов, выделяемых в массиве лексем-прилагательных.

Префиксальный способ образования представлен значительно меньшим количеством мотивированных прилагательных. Это мотивированные лексемы класса «Абстрактные отношения и формы существования материи», класса «Органический мир».

Способ субстантивации представлен еще меньшим количеством мотивированных прилагательных. Это мотивированные лексемы класса «Органический мир» — подкласс «Человек», лексико-тематические группы «Человек как живое существо», «Человек в обществе», подклассы «Животный мир», «Растительный мир».

Префиксально-суффиксальный способ образования представлен незначительным количеством мотивированных прилагательных класса «Абстрактные отношения и формы существования материи» и класса «Органический мир» — это подкласс «Человек» в двух его лексико-тематических группах «Человек как живое существо», «Человек как разумное существо».

Способ сложения в сопоставлении с другими способами словообразования встречается нечасто и характерен для небольшого количества лексем класса «Абстрактные отношения и формы существования материи» и класса «Органический мир» — это подкласс «Человек» в двух его лексико-тематических группах «Человек как живое существо», «Человек как разумное существо», а также подкласс «Животный мир».

Способ **словообразовательной языковой игры** представлен таким своим видом, как рифмованное эхо: *зеленый-миленый* (о зеленых овощах), *палировый-малировый* (о разных видах посуды).

⁵³³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 3. С. 524.

Имеется случай **метафорического словообразования**: прилагательное **связный** 'свободный (о человеке)' мотивируется семантическим компонентом «свободный» в значении слова говора *связ* 'порода диких уток'.

По **грамматическому характеру мотивирующего слова** выделяются прилагательные, мотивированные существительными, прилагательными, глаголами, наречиями, числительными. В классе «Абстрактные отношения и формы существования материи» преобладают прилагательные, мотивированные прилагательными, и отсубстантивы. В классе «Неорганический мир» преобладающая мотивирующая основа является отсубстантивной. В двух лексико-тематических группах подкласса «Человек» (класс «Органический мир»): «Человек как живое существо», «Человек в обществе» — главенствуют отсубстантивы; отгадективы, занимают второе место. В лексико-тематической группе «Человек как разумное существо» подкласса «Человек» преобладают девербативы.

Отнумеративы встречаются в единичных случаях (в составе сложений) в классе «Абстрактные отношения и формы существования материи». Прилагательные, мотивированные наречиями, также в единичных случаях встречаются в классе «Абстрактные отношения и формы существования материи».

По **характеру словообразовательного значения** имеются 1) мутационные, 2) модификационные, 3) транспозиционные, 4) соединительные значения. Мутационные и модификационные значения характерны для всех классов, входящих в состав макрокласа «Прилагательное». Соединительные значения встречаются в классе «Абстрактные отношения и формы существования материи» и в двух лексико-тематических группах подкласса «Человек» (класс «Органический мир»): «Человек как живое существо», «Человек как разумное существо», а также в подклассе «Животный мир». Транспозиционные значения в единичных случаях наблюдаются в классе «Абстрактные отношения и формы существования материи». Во всех классах, входящих в состав макрокласа «Прилагательное», преобладают мутационные значения. Среди модификационных значений большинство принадлежит к значению отрицания или отсутствия признака, а также экспрессивному значению ласкательности, имеются значения стилистической модификации, степени сравнения, градации (значение слабой степени проявления признака).

Значительная часть словообразовательных моделей **макрокласа «Прилагательное»** говора казаков-некрасовцев представлена в русском национальном языке, т. е. словообразование исследуемого говора по большей части является частной реализацией общей для русского национального языка словообразовательной системы.

В то же время имеется целый ряд **специфичных в структурном и семантическом отношении** словообразовательных моделей/квазимodelей говора в сопоставлении со словообразовательной системой литературного языка.

Все специфичные словообразовательные модели/квазимodelи в составе прилагательных говора казаков-некрасовцев относятся к суффиксальному способу словообразования. В качестве мотивирующей базы специфичные словообразова-

тельные модели/квазимодели говора имеют прилагательные (они преобладают), а также существительные; как правило, они обладают мутационным словообразовательным значением, но есть и модификационные значения. В целом среди специфичных словообразовательных моделей/квазимodelей говора преобладают **суффиксальные отадъективные модели с мутационным значением**.

В составе специфичных **в структурном и семантическом отношении** словообразовательных моделей/квазимodelей говора есть модель, которая в полной мере может быть названа моделью, так как по ней образовано несколько прилагательных. Это словообразовательная модель с модификационным ласкательным экспрессивным значением **Adj + формант -ечк-, -енечк-: мелечкий, беднечкий; низенечкий, тоненечкий, маленечкий, краснечкий, сытенечкий**.

Кроме того, есть модели специфичного характера, по которым в нашем материале имеется только одно мотивированное слово, т. е. они в полной мере не могут быть названы моделями: 1) модель со значением **стилистической модификации Adj + формант -ин-: схожинный**; 2) модель со значением **стилистической модификации: формант су- + Adj: сукупный** 'совокупный, объединенный'; 3) модель с мутационным значением **S + формант -чит-: разговорчатый**.

Необходимо указать на существование такого явления, как расширение семантико-структурных возможностей модели в говоре. Такое явление характерно для следующих моделей: а) **S + формант -ячий-/ачий-: каунячий**: в литературном языке в качестве мотивирующего слова в этой модели выступают только названия животных и лиц (в говоре — названия предметов); б) **S + формант -ин(ый): снохинный**; в данном случае имеется расширение семантических характеристик модели в говоре, так как в литературном языке подобные слова образуются только от названий животных; в) **S + формант -ин: хатина** (дверь); в этом случае также имеется расширение семантических характеристик модели в говоре, так как в литературном языке по названной модели лексемы образуются только от названий лиц.

В ряде мотивированных прилагательных говора наблюдаются уникальные наращения суффикса: в слове **предненский** 'относящийся к старине, к предкам' имеется уникальное наращение (**нен**); в лексеме **слухляный** 'послушный' имеется уникальное наращение (**л**); в прилагательном **жениховин** в составе суффикса имеется уникальное наращение (**ов**).

В целом анализ словообразовательной системы прилагательного говора показывает, что ее реализация и семантические и структурные нормы являются более гибкими и более последовательными в сопоставлении с аналогичными нормами литературного русского языка.

Раздел 3

МЕСТОИМЕННЫЕ СЛОВА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ МЕСТОИМЕННЫХ СЛОВ В ГОВОРЕ КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ

Макрокласс «**Местоименные слова**» вычленяется из общего состава лексики казаков-некрасовцев по характеру значения входящих в него единиц: это особый тип слов с относительным, меняющимся денотатом, выполняющих функцию так называемых определителей ситуационных или контекстных взаимоотношений в речи; этим местоимения отличаются от слов, именующих собственно предметы, явления, признаки. Наряду с традиционно выделяемыми местоимениями в описание местоименной лексики говора включаются и так называемые полуместоименные слова (в соответствующих своих значениях), которые по своей семантике близки к местоимениям.

В данной главе мы анализируем не только специфичные для говора местоименные слова, но весь состав местоименной лексики, характерной для говора казаков-некрасовцев. Основой нашей классификации послужила классификация местоименных слов в Русском семантическом словаре под ред. Н. Ю. Шведовой⁵³⁴.

В результате проведенного анализа получено такое описание макрокласса «Местоименные слова», в котором его строение предстаёт как разветвленная система, элементами которой являются множества (классы и группы) и подмножества (подгруппы и разряды), многоступенчато располагающиеся в самой системе языка. На первом уровне членения «Местоименные слова» дифференцируются на класс «Слова, указывающие на предмет (на все живое, вещь, явление)» и класс «Слова, указывающие на непроцессуальный признак».

1. КЛАСС «СЛОВА, УКАЗЫВАЮЩИЕ НА ПРЕДМЕТ (НА ВСЕ ЖИВОЕ, ВЕЩЬ, ЯВЛЕНИЕ)»

1.1. Лексико-семантическая группа «Слова, указывающие на лицо, живое существо»

Слова, указывающие на известное лицо

Я, р. п. *мине, миня*, д. п. *мине, мне*, в. п. *мине, миня*. Местоимение личное 1 л. ед. ч. Служит для обозначения говорящим самого себя:

⁵³⁴ Русский семантический словарь / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 2001. Т. 1.

Двадцатава йинваря я радилася, крищенская я. — У мене грызли, грызли руки, а туперя спина балить, сагнуся — ни разагнуся. — Мужык у миня работал, деньги зьрабатывал — Да пять классаф, ап чём мне там знать! — Зачнули мы рость, пришили мене сасватали. — Работал на мельницы, забрали миня.

Ты, р. п. **табе**, **тибе**, д. п. **табе**, **тибе**, в. п. **табе**, **тибе**. Местоимение личное 2 л. ед. ч. Служит для обозначения:

1) одного лица — собеседника (*Мать зьтрудола и гьварить: «Старик, я умираю, а ты бяри сабе жынку, какая я у табе».* — *У тебе трут какой биссонный-та, ты ж людей вылечиваши!*); 2) собеседника, мыслимого неопределенно или обобщенно (*Замуш ни спрашивали, пайдёш ты.* — *Если прадиды да дяды накопили, значить, усё на наслетству тебе пирийдётся!*); 3) употребляется и в соответствии с вежливой формой вы литературного языка (*Идётся чилавек адин, мы гаварим: «Куда ты идёшь?» — А у вас: «Куда вы идёте?»* — *Абращения на вы у нас нет*).

Вы, вас, вам. Местоимение личное 2 л. мн. ч. Служит для обозначения:

1) нескольких лиц, включая собеседника и исключая говорящего (*Как красива было, вы бы пьглядели!* — *Што жа ета у вас за брань?*); 2) при обобщении указывает на разных, неопределенно многих лиц (*А вот када мы в Валгаграг паехали, там казак адин нам и гьварить: «Зачем вы сели там, ваши претки — Дон!»* — *Турки пытаются: «Зачем идёте в Расию, вам здесь никакой изнаваги нету»*).

Местоимение **вы** как этикетная вежливая форма (по отношению к одному человеку) в говоре не используется.

Мы, нас, нам. Местоимение личное 1 л. мн. ч.

1. Служит для обозначения нескольких (либо многих) лиц в составе групп:

1) в составе группы «казаки-некрасовцы» (*А туперь мы по-русски: смятана, ды кяфир, а там такова ни нъзывали, ни гьварили.* — *У нас быстрее женють.* — *Нам суда ни велина ити было, мы пришли суда сами, сваими ступнями*); 2) в составе социальной группы «семья» (*А у миня ж два брата были, так вот мы дом падылили, и у миня плавиначка асталась!* — *А у нас акация на углу стаяла дома.* — *А у нас-та двары бальшыи были!*); 3) в составе группы «детство и юношество» (*А мы сидели и фсе эти мамкины скаски слушали.* — *А как матяря нас били!* — *Ета ана нам в децтви рассказывала*); 4) в составе гендерной группы «женщины» (*Ну ета, тут мы пришли, стали фату адевать.* — *Матерю бирем, знаиш, нашу, у нас ишо есь матеря, наши платки*); 5) в составе локальной группы «село» (*Вот веники у нас таки, падытат на вулицы*).

2. При обобщении указывает на всех, неопределенно многих лиц (*Мы фасоль прьдавали, на дарагая!* — *Работали мы за деньги да за рыбу*).

Слова, указывающие на любое лицо, живое существо

Усе, фсе, фсем. Местоимение определительное:

1) люди в полном составе (*Ехали усе с радостью, будим платя адевать, на кубулках хадить, на фабрики работать.* — *Эта я им рубахи нашыла, фсем траим сёстрам* — *Жаниха вядуть, фсе жыняховины на вулицы!*); 2) живые существа (подразумеваемые или присутствующие) в полном составе (*Вот худоба какая-та была, и усе памёрли*).

Слова, указывающие на неопределенное или точно неназываемое лицо, живое существо, либо на такое, о котором требуется или предоставляется информация

Кое-кто. Местоимение неопределенное. Некоторые или немногие люди (*И зьдесь кое-кто гъварить, а хто ни гъварять*).

Хто-нибуть, каво-нибуть. Местоимение неопределенное:

1) Какое-нибудь неопределенное, то или иное лицо (*Мать с аццом, дык крёсная с крёсным, ишо хто-нибуть*); 2) безразлично кто (*А патом у каво-нибуть сабирались*).

Хто, каво, каму, кем. Местоимение вопросительное и союзное слово. Указывает на лицо (*Хто внимать, то харашо. — Спраситя Байрамиху, ат каво мы изучились. — Каму мы фсё будим гандабить* ('наживать, накапливать')? — *Ишо ня знатна* ('известно'), *каму какой домик*).

1.2. Лексико-семантическая группа «Слова, указывающие на неодушевленный предмет (вещь, явление)»

Слова, указывающие на известный предмет

Усё, фсё, только ед. Местоимение определительное. Всё.

То, что имеется, есть полностью, без изъятия среди: 1) вещей (*Усё блескам вышивали для красаты, вот таки наряды были. — И у нас и яда была, и усё было!*); 2) явлений (*Боженька накажыть, видишь, Боженька стаить, он усё видеть. — Вот фсё разгутарила тебе*).

Слова, указывающие на неопределенный или точно не называемый предмет, либо такой, о котором требуется или представляется информация

Чё, што, д. п. *щиму, чиму*, тв. п. *щем, чем*. 1. Местоимение вопросительное. Указывает на ситуацию (*А чё мы тут у церкву ходим, а толку-та? — Сълавей — што с няво взять, вон вясной вьспяваить. — Ана (рыба) бяжыть пряма на берих летам, щем попала заглушываим и бирём*); 2. Фразеологическая единица **чё ли**, выражение неуверенного предположения (*Да вот щас паказывають фильм, ета чё ли мамина скаска, нам иё мама в Турсии рассказывала?*).

Што-та, чиво-та. Местоимение неопределенное. Указывает на неопределенный предмет: *Атец чиво-та сказал, дети убяжали*.

Слова, указывающие на неизвестный, отрицаемый (отсутствующий, несуществующий) предмет

Ничаво. Местоимение отрицательное, с последующим отрицанием. Ни один предмет, ни одно явление: *И матиматика там у нас была, да учитель па рукам палкай бил, бил..., а усё равно ничаво ня знали!*

1.3. Лексико-семантическая группа «Слова, указывающие на любой предмет (живое существо, вещь, явление)»

Вон, он, р. п. *яво, иво*, д. п. *яму, иму*, м.; **Ана,** р. п. *ей, ней*, в. п. *иё*, ж.; **Ани, их, на них,** мн. Местоимение личное 3 л. Служит для обозначения:

- 1) лица, исключая говорящего и собеседника:

*Мать взяла питуха, адала учителю, **вон** миня выписал. — А **ани** (дети) тада слушались, но ни абижались на **иво** (отца). — Врач делает мне пиривяску, а я **яму** рассказываю. — Жаниха вывидуть, патом **ана** (сваха) нивесту выводить. — Если я **ей** (внучке) пять сказак на начь ни расскажу, **ана** ни спить. Я пришла к **ней** (к матери), присланилась. — Эта ж наши залофки, а я **их** даже праведать ни магу!;*

- 2) предмета речи:

*Тярпух аптярпужывьить, такой клыч сабаннай, **иво** пъярпужыш. — Мяшаиш, штоп **он** (сахар) ни пригарел. — Патом рыбу жарим, патом в духофку, **ф** печь, **ана** парицца, вот эта рыба. — На вулицу выходить лысина ('передняя стена дома, фасад'), **иё** мазали. — Я **их** (кукол) делала бы, разьдявала, адывала. — **Ани** (дети) сидять, и илакають, и илакають на **них** (телефонах, компьютерах);*

- 3) в сочетании с *вот* и следующим далее именем указывает именно на того, о ком идет речь:

***Вот ана** (старшая сестра) миня и воспитывала. — Утей мы держым, кьбаноф, кур, **вот ани** усё и набрали.*

Необходимо отметить, что местоимение *оно* может замещать как названия предметов среднего рода, так и названия предметов мужского рода:

- 1) местоимение *оно* как слово-заместитель, в значении которого содержится отсылка к предыдущему упоминанию данного референта в тексте, репрезентированного в форме существительного ср. р.:

***Мьлако** наливаем **ф** пасуду, **ано** садицца, аткидываем в марлу. — Змей трёхглавый лятить и шумить: «Я ишу **мьса**, а **ано** миня дажыдаить»;*

- 2) местоимение *оно* как слово-заместитель, в значении которого содержится отсылка к предыдущему упоминанию данного референта в тексте, репрезентированного в форме существительного м. р.:

*Ножыкам режым **мёт**, кладём в ришотку, **ф** кьравану (каравана 'большой, широкий таз'), **ано** туды стякаить.*

***Сибе, сабе** (р. п.), д., в. п. **сибе, сабе**. Местоимение возвратное. Служит для обозначения направленности действия на самого производителя действия, заменяя по смыслу личные местоимения:*

*Мы маслу прадавали, а астальное **сабе**, сямя ж бальшая была. — Взяли адну дефку замуж за **сибе**.*

***Ета, етава**, ср. р. Местоимение указательное. Это. Указывает на:*

- 1) предмет (***Ета** ж бабайки, ими грьбуть*); 2) лицо, находящееся перед говорящим (*Или парень заметил тебе и тада уже гаварять: «**Ета** его нивеста»*); 3) на то, о чем только что шла речь (*А так штоп лешый, кьдаство, у нас **етава** ни было*).

2. КЛАСС «СЛОВА, УКАЗЫВАЮЩИЕ НА НЕПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПРИЗНАК»

2.1. Лексико-семантическая группа «Слова, указывающие на признак предмета»

Слова, указывающие на известный признак, качественный или относительный, исходящий от лица или живого существа

Мой, маво, маиво, мая, маей, ж., местоимение притяжательное 1 л. Имеющий отношение (родственное) ко мне (*А знаиш, он с маей залофкай очинь в харошых атнашениях. — Кътламичку наденить, идёт, на батяку маиво пахош. — «У маво была милова Три садика зиянова» — с припрядам играють. — Ремизава у маей свякрухи изучилася, ана така памятливая*).

Твой, тваво, тваиво, твая, тваей, тваи, тваих, местоимение притяжательное. Принадлежащий тебе (*Я каня тваво баюся, баюсь к нямү пьдайтить. — А мне дифчонки гаварять: «Глянь, а пугафки-та на плати тваи!»*).

Наш, нашава, нашамү, наша, нашай; наши, наших, местоимение притяжательное:

1) принадлежащий, свойственный, присущий нам (казакам-некрасовцам) (*А дом наш помню казачий. — Вот тока учера с сынам рьзгаваривали, хто и рубашки наши шить-та начал? — Эта наша старинская адёжа*); 2) имеющий отношение (родственное) к нам (*Я на проводы нашамү Илюшы някла пляцинду с пятрушкой, трайки, пышачки скулака. — Пишытя нашай правительстви жалабу — зямли нет. — При наших прижывах ('в нашу бытность') убили чилавека, дамно уже*).

Ваш, вашава, вашамү, ваша, вашай; ваши, ваших, местоимение притяжательное 2 л.:

1) принадлежащий, свойственный, присущий чужим с точки зрения некрасовцев (*Как закричу: Сёдни наших людей ваш бётъ. — «Бизверная ваша вера!»*); 2) принадлежащий некрасовцам как чужим с точки зрения других этносов и социальных групп (*«Фсех ваших детей пьзабяруть»*, — *фсё нам в Турсии нагутаривали*); 3) не имеющий отношения (родственного) к нам (*Ваша карова смирная. — Спасибо за ваши лесливаи слава к нам*).

Слова, указывающие на известный признак, исходящий от любого предмета, указывающий на принадлежность, присущность кому-чему-н., отнесенность к кому-чему-н.

Явовый, ивовый, нявовый. Местоимение притяжательное 3 л. Его. Принадлежащий, свойственный, присущий ему (*У ниво фсё гатова в явовай комнати. — Ана памярла на ивовых руках. — Биз нявовай воли што будить?*)

Иёвай. Местоимение притяжательное 3 л. ед. ч. Ее. Принадлежащий, свойственный, присущий ей, имеющий отношение к ней, свойственный чему-либо (*Эта мая сястра, эта иёвай муш. — Там мы жыли саседами. Эта наш дом, а эта Галя жыла, иёвай атец, мать.*)

Иѣ. Местоимение притяжательное 3 л. ед. ч. Ее. Принадлежащий, свойственный, присущий ей, имеющий отношение к ней: *А у снахи иѣ ня родная была мать, атец фтарую взял.*

Их. Местоимение притяжательное 3 л. мн. ч. Принадлежащий, свойственный, присущий им. *Я их симѣ.*

Иха. Местоимение притяжательное 3 л. мн. ч. Принадлежащий, свойственный, присущий им. Зафиксировано в сочетании с существительными ж. р. и ж./ср. р. *Мой дет, атес — някрасафцы, я иха крофь, иха сямѣ.*

Свой, сваиво, сваиму, свая, сваи. Местоимение притяжательное.

1) Принадлежащий себе (*Пастроили свой дом, када пажанилися. — Там сын с сваей хазяйкай, у них дитянёнак*); 2) свойственный себе (*Сашыла ть падобию сваих кастюмаф*); 3) присущий себе (*Атнашения была как сваим, равным*); 4) имеющий отношение (родственное) к себе (*Внуцки сваей пашыла. — Дятей сваих на строгасти васытывали*).

Слова, указывающие на исчерпанность, полноту охвата или на свободу выбора из неограниченного или неопределенного множества

Весь, м. Местоимение определительное.

1) без изъятия (*А над ней весь нарот смеялся*); 2) целиком (*А щас я в музей весь свой кастюм адала*); 3) сплошь от начала до конца (*А ана кинулась дамой, и весь день ни выадила, ни быкоф ни выганяла. — Зимой сидели, вьрата атиывали в рубахах — весь пирѣт раишытай*).

Фсякий, фсякава, фсяк, фсякая, фсякие, фсяки. Местоимение определительное. Разный, всевозможный (*Фсякай свет пахнить. — Ани са фсякава света мѣт сабирають. — Нардек фсяк гажалси покушать. — Ана песни играла и фсех извучала ('обучала') Фсякии песни, как претки жыли, как вухадили. — Фсяки святы были*).

Каждый, кажный, каждая. Местоимение определительное. Один, взятый из числа других подобных (*Каждый сваю пасуду ('рыболовные снасти') кидаеть. — Кажнай день мыли гняты на кадушках. — Вот на ветку, на каждую ветку залезу*).

Слова, указывающие на определенность указания либо на отсылку к известному, упомянутому, а также на близость или удаленность кого-чего-н.

Ентот, утетот (м. р.), **ентя, ета, отета, утета, отетя** (ж. р.), **ентя, ета** (ср. р.). Местоимение указательное. Этот. Указывает на находящегося (находящегося) близко (в пространстве или во времени, а также на только что упомянутого (упомянутое) в речи или уже известного (известное):

В ентим дваре салому сыпали, скатину дяржали, курацки были. — Захар Григоревич был, и утетат с нами ездил. — Мы в ентай хати жыли. — Ента старая книга. — И вот ани, ети фсе, пад обрас патходють, цалують атетю Божью Матерь. — Вот скаска пра утету сястрицу Аленушку. — А типерь ани, утетти скаски, утетти усе, туташыни. — А ета сидячий стол, где пышку катаим, вареники.

Етакий [етакий], ая. Местоимение указательное. Такой. 1. Именно этот, подобный данному или тому, о ком-чем говорится (*Внукам сами шѣм кастюмы, ть падо-*

бию сваих, **етакии** някрасофскии); 2. Местоимение определительное. Усиливает степень признака (*Землю выраиш, пасодиш кушын, **етакий** баъшой, и была халодная вада*).

Утакой-та, утакая-та. Местоимение указательное. Такой, вот такой (*Приданая гатовили: платки кисейнаи, мутузики, завески, адияла, падушки, фсё сабирали, сундук **утакой-та** делали. — Там ни было цымента, глина была, **утакая-та** красная, белая. — **Утаку-та** дефку пайдёш сватать?*).

Така, ж. Местоимение указательное. Указывает на известное другим, но, может быть, неизвестное собеседнику (*У нас там икра **така** стояла: и тиникейки, и баламут, и таранки*).

Той (м. р.), **таво, таму, тем, том, тая** (ж. р.), **той.** Местоимение указательное. Тот, та.

1. Указывает на удаленное в пространстве, а также на уже упоминавшееся в речи и известное (*А **той** уехал в Ягипить. — Нашли ани **таво** парня. — Как ана жадала, **таво-та** хочить примолать, гастинчика привязла. — Раньшы толька дашочки ляжали на **том** мести. — А **тая** женишына пашла и сказала матири. — Варенички бирёш, апять **той** шарбы налёш, лимонина если есь — туды падавиш и тада еш. — Адна дочичка была, и **той** в глазах нет*). 2. Указывает на удаленное во времени, а также на уже упоминавшееся в речи и известное (*Када в ваде пятапали, в злой **той** час, смёртный час*).

Слова, указывающие на точность выбора из неограниченного или неопределенного множества, на тождество, совпадение с кем-чем-н.

Тая-ента [тая-ента], **таю-енту, ж. р.** Местоимение указательное. Именно та, именно такая, соответствующая чему-н., не другая (*Папробуй у мене курица пръпадэть, пайду скажу сторажу: «У мене **тая-ента** курица прапала». Вон пайдеть и найдеть **таю-енту** курицу*).

Ти, мн. Местоимение указательное. Те. С частицей *же* указывает на совпадение с чем-либо (*Вот фчяра были **ти жы** паминки*).

Той-та (м. р.), **тая-та** (ж. р.), **те-те, теи-те.** Местоимение указательное. Тот, та, те. Тот самый, именно тот, не какой-нибудь другой (*Хадаки ета фсё зделали, Саничэф, патом наш, **той-та** Ванька, вдваём. — Были гда-та тут **те-ти** старинаи фатаграфии турецкаи, многа их. — Ани **теи-тя** прапали на Мади, какиш ушли*).

Ун-той-та-та [ун-той-ть-ть], м. р. Местоимение указательное. Вон тот (***Ун-той-ть-ть** домик, иде малый сарайшкa, там-ть у нас куханька была*).

Утой-та [утой-та], муж. р., **утая-та** [утая-та], ж. р. Местоимение указательное. Тот, вон тот (***Утой-та** чилавек пашол, ета йиво зять. — **Утаю-та** женишыну спраситя*).

Слова, указывающие на противопоставление или сопоставление с кем-чем-нибудь

Тая [тая], **таю, ж. р.** Местоимение указательное ж. р. Та. В некоторых словосочетаниях имеет значение ‘противоположная’. При перечислении противопоставляется

словам *эта*, *иная*, *другая* (*Вот эта хата, а там бакчи, грядина, **тая** грядина, ента грядина. — С первой жыл, ни аднаво рибёнака, а **таю** взял, с ней радил*).

Слова, указывающие на усиление, интенсификацию, оценку

Какой-нибудь. Местоимение неопределенное. Какой-то (не заслуживающий внимания): *Мяшок **какой-нибудь** вазьмётя старай*.

Такой, такая, така. Местоимение определительное. Усиливает степень:

1) признака (*А у музеа там Гусеф дядя Игор, слепой **такой**, хороший чилавек был, да вот умер уже. — Герань была **такая**, ана фсяких разных видав была у нас: и синяя, и жёлтая, и красная*); 2) оценки (*Вот **такая** жызня! — Мода-та **така** стала!*).

Слова, указывающие на неопределенный признак

Какой, какая, какие. Местоимение неопределенное. Какой-либо, кто-нибудь, безразлично кто (*Къзаки ва везь день рыбалють, адной-та рукой грядуть, а другой хлеба кушают. А приедуть на кош — **какой** рыбу пласташь, **какой** воду носить. — **Какии** люди идуть — ани каг зря ни фпускивают*).

Как-никак. Местоимение неопределенное. Пусть и не обладающий высоким качеством, но достойный того, чтобы рассматриваться как положительное явление (*Истабак ('чердак') — там **какуя-никакуя** вещь хароним, иде арбузы пькладём, инджыр, войвы кладём, сушым*).

Слова, указывающие на выделение, уточнение, ограничение

Адин. Местоимение определительное. Выражает выделение и ограничение — ничего, кроме: *Адиними досками пастроен, ни аднаво гвазьдя ни было!*

Скока. Местоимение количественно-вопросительное. Сколько. Указывает на количество: *А я ни помню, **скока** мне лет было*.

Утета. Местоимение со значением уточнения и выделения — именно это: *Ана пришла з дикретнава отпуска, и **утета** мы с ней фсё время стали ездить*.

2.2. Лексико-семантическая группа «Слова, указывающие на признак другого признака или на ситуативное состояние»

Слова, указывающие на признак по времени, пределу во времени

Када. Местоимение вопросительное. Когда, союзное слово. Указывает на время, которое уже прошло (*Када замуш выхадил, как паложына, адежду вышивали, шоп красива было*).

Окады [юкады]. Местоименное наречие, неопределенное. После, потом. Спустя некоторое время, после, позднее (*Пастафь туды, **о-кады** пабаню*).

Патом. Наречие. Потом. Спустя некоторое время, вслед за кем-чем-н. (*Бурцак руками брали, пьсабирёмси, рядышкам идём, кучики складаем, а **патом** на пад-воду*).

Раньшы. Наречие. Раньше. В прежнее время (*А вот **раньшы** дефка ходить: павяска на галаве, сирёшки красиваи, булафки!*).

Типерь. Наречие. Теперь. В настоящее время, в данный момент (*А **типерь** и крысты — пажалуста, и у церкву идить*).

Туды-сюды. Местоименное наречие, неопределенное. О неопределенном, не очень большом отрезке времени (*Жыних начинать наступать на матерю с аццом: «Жынитя миня!» Туды-сюды и ани начинают жсанить яво*).

Фсяды. Наречие. Во всякое время, постоянно (*Мы фсяды лук, щяснок, баклы сажали, ани как струци, как фасоль-та*).

Щас. Наречие. Сейчас. В настоящее время, теперь (*А щас у миня рубах многа, я аденусь и хажу весь день*).

Слова, указывающие на признак по месту, происхождению, направлению, пределу в пространстве

Где. Местоименное наречие, неопределенное. О выделении из множества при противопоставлении: в каком-то месте (*Да было-та, конешна, па-разнаму: где па-божески, а где и били!*).

Здесь. Местоименное наречие, указательное. То же, что тут (*Ета зьдесь — упал, табе убили, рубль у табе увядали — убили*).

Никуды. Местоименное наречие, отрицательное. Никуда. С последующим отрицанием: ни в какое место. (*Ана ни бѣть ни рукой, ни па галаве, никуды, а шоб больна было — па жопи!*).

Атсюда. Местоименное наречие, указательное. Указывает на исхождение от данного, близкого предела в пространстве: из этого места. (*Ани-та усѣ щас ат-сюда кушать бяруть*).

О-куды-о [о-куды-о]. Местоименное наречие, указательное. Вот сюда (*Вострав был и песок. Мы дашли туды, зацинули рыбалить. Я ей сказала: «Я буду тут, а ты иди о-куды-о»*).

Сюды, сюда. Местоименное наречие, указательное. Указывает на направление к чему-н. определенному: в это место. (*Бидаки па горла ради, што мы пришли сюда. — Приехали сюды у ишсят фторым, а мине наверно ишо васямнаццать ни исполнилася!*).

Тут. Местоименное наречие, указательное. Указывает на данное место, здесь (*Ета тут здраствуйти да дасвиданя*).

Там. Местоименное наречие, указательное. Указывает на:

1) удаленное в разной степени место: в том месте, не тут (*Зимы-та там ни очинь халоднаи были*); 2) местоименное наречие, неопределенное. О выделяемом из множества: где-то, в каком-то месте (*Падол там красненький, зилёный или синий, каждая сабе свет выбярала*).

Утам. Местоименное наречие, определенное. Об определенном, выделяемом из множества: в определенном удаленном месте (*Есть у нас мядали, нам падалири, у миня утам ляжать*).

Слова, указывающие на признак причины, цели, условия, следствия, связи

Тады. Местоименное наречие, указательное. Тогда. Указывает на то, что следует при данных обстоятельствах: в таком случае (*Ана гъварить ей: «Мамака, ты тады их даглядай»*).

Слова, указывающие на признак по способу и характеру, образу действия, на обстоятельство, ситуацию, состояние

О-как-о [о-как-о]. Местоименное наречие, указательное. Именно таким образом, таким способом, вот как (*Сазаничка, самёнацка, шучёнака в мяшочик складём, камышом-мамышом о-как-о закроим, дамой идём*).

О-тако-о [о-така-о]. Местоименное наречие, указательное. Именно таким образом, таким способом, вот так (*А ани фпиряди жывуть, а мы-та пазади о-тако-о, дома щитыри праходить, да мы жывём*).

Утак. Местоименное наречие, указательное. Именно таким образом, таким способом, вот так (*Вот начинаю эту скаску, а Дашулька, ана паказываить пальцы, што, бабушка, нитак, ф книшики утак написана*).

Па-сваёму. Местоименное наречие, определительное. На своем языке (*Мьлако мы па-сваёму называли*).

Па-другому. Наречие определительное. Иначе, по-иному (*А па-турецки ета па-другому называцца*).

Никада. Местоименное наречие, отрицательное. Никогда. С последующим отрицанием: ни при каких условиях (*Ана (мать) никада па улицы ни саяняць*).

Слова, указывающие на признак по мере и степени, количеству, а также на интенсивность проявления признака, его оценку

Скоки. Наречие определительное. Сколько. В восклицательном предложении: так много, очень много (*Знаить, скоки яды было!*).

Чего-Ничего [щаво-нищаво]. Местоименное наречие, определительное. Незначительное и неопределенное количество разных предметов (*Рыбалили да Паски, а палуцали щаво-нищаво! Токи задатки аддаць*).

В целом лексика макрокласа «**Местоименные слова**» по своему происхождению представляет собой либо лексику, усвоенную из древнерусского и великорусского языков, либо лексику собственно говора. Немотивированные лексемы преобладают, что обусловлено тем, что местоименные слова являются самым древним макрокласом слов как в общенац. яз., так и в говоре казаков-некрасовцев. Заимствованная лексика отсутствует.

Местоименная лексика говора, усвоенная им из древнерусского и великорусского языков, как правило, представляет собой фонетические, фонетико-грамматические и грамматические варианты местоименной лексики общенационального языка. Присутствует определенное количество мотивированных лексем, возникших в самом говоре на базе местоименной лексики общенационального языка. Семантическое развитие местоименной лексики общенационального языка встречается в единичных случаях.

В целом макроклас «**Местоименные слова**» в говоре казаков-некрасовцев по своему составу, семантике и функциям мало отличается от соответствующего макрокласа в литературном языке. Так же, как в литературном языке, в речи казаков-некрасовцев используются местоимения, указывающие на *говорящего* (того,

кто порождает данный текст), *адресата* (того, для кого говорящий предназначает данный текст), *на лица, не являющиеся участниками речевого акта*.

Дейктические слова, указывающие на *место и время* осуществления речевого акта, также совпадают с дейктическими словами литературного языка, указывающими на «дейктический центр» и «момент речи»: та же двухступенная система указания степени удаления от говорящего субъектов и объектов окружающего мира в пространстве и времени.

В то же время указание на степень удаленности в системе местоименных слов говора некрасовцев представлено несколько иначе:

1) более градуировано, чем в современном литературном языке: в значении указательных местоимений *ун-той-то-то, утой-то, утая-та* 'вон тот, вон та' степень удаленности усилена.

2) более сложно, чем в современном литературном языке, а именно: в сочетании с таким семантическим компонентом, как «определенность / неопределенность»:

а) так, местоименные наречия *о-куды-о, утам, о-тако-о, о-как-о, утак* обладают указательным значением (соответственно места или способа действия), осложненным значением определенности: например *о-куды-о* 'вот сюда, именно сюда'; *о-как-о* 'именно таким образом, таким способом, вот так'; *о-тако-о* 'именно таким образом, таким способом, вот так';

б) указательные местоимения *той-та, тая-то, те-те, теи-те* 'тот самый, именно тот, не какой-нибудь другой' совмещают в своем значении компонент «удаленность» с семантическим компонентом «определенность».

ГЛАВА ВТОРАЯ

СПЕЦИФИКА МОРФОЛОГИИ МЕСТОИМЕННЫХ СЛОВ В ГОВОРЕ КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ

Местоименная лексика в говоре казаков-некрасовцев в своем большинстве не имеет ярко выраженных морфологических отличий от соответствующего макрокласса в литературном языке. В то же время описание языковой картины мира казака-некрасовца невозможно без выявления системы дейктических координат его мира.

Местоимения — именные слова, которые не называют предметов, их признаков и количество, а только указывают на них. По признаку близости различных разрядов местоимений к разным именным частям речи все местоимения принято делить на три типа: местоимения-существительные, местоимения-прилагательные, местоимения-наречия.

1. МЕСТОИМЕННИЯ-СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

Местоимения-существительные — это часть речи, указывающая на предмет и выражающая значение указания в морфологических категориях падежа (последовательно), числа и рода (непоследовательно).

В зависимости от того, какую семантическую функцию выполняют местоимения-существительные, они, как известно, делятся на следующие группы: 1) личные местоимения, указывающие или только на лицо (на кого-н.): *я, ты, мы, вы*, или и на лицо, и на не-лицо (на кого-что-н.): *он (она, оно, они)*; 2) возвратное местоимение *себя*, указывающее на кого-что-н. как на предмет, который является объектом своего собственного действия; 3) вопросительные местоимения: *кто, что*; 4) неопределенные местоимения: *кто-то, что-то, кто-нибудь, что-нибудь, что-либо, кое-кто*; 5) отрицательные местоимения: *никто, ничто*.

1.1. Личные местоимения 1 и 2 л. ед. ч. и возвратное местоимение в говоре

В склонении личных местоимений 1 л. и 2 л. ед. ч., а также возвратного местоимения **особые окончания**, отличные от литературного языка, встречаются в следующих падежах:

1) окончание *-е* в р. п.:

У тебе тялушычка, а у мене бычка атялила карова. — Мужык у тебе раз-ви работал? — Нашы аццы служыли у сибѣ, стѣражыли, шоп на них ни напали,

на туркаф. — «Я хачу пайти на возира, капытуцки у сабе прамыть», — гъварить Иванушка.

2) окончание -е в в. п.:

У Илюшы была такая платя армейская. Он пришол и взял **мине**, пастретились, на Мамаиф курган влезли. — Ну тут руская пецка памогла: «Прятайся **в мине**». — Ты мѣладец, **табе** никто ни поймал. — Паринь пѣлюбить дефку, сасватають замуш **за сабе**, три паклона кланяють.

Окончание -е личных местоимений 1 л. и 2 л. ед. ч., а также возвратного местоимения в р. п. и в. п. унаследовано говором **из древнерусского языка**. Окончание -е в указанных падежах личных местоимений 1 и 2 л. ед. ч. по данным памятников возникло с XV в.⁵³⁵ Возможно, употребление названных флексий поддерживается и традицией чтения молитв и песнопений на церковнославянском языке (данные окончания были характерны и для старославянского языка), знание которых являлось обязательным и священным для некрасовца-старообрядца.

Специфика форм личных местоимений 1 и 2 л. ед. ч., а также возвратного местоимения в изучаемом говоре проявляется также и **звуковым облике их основ**. В р. п. и в. п. основы данных местоимений с учетом качественно-количественной редукции в большинстве случаев совпадают со звучанием аналогичных основ в литературном языке: *мин'-, тиб'-, сиб'-*, кроме вариативной диалектной основы местоимения *таб'-, саб'-* (см. примеры выше).

В д. п. личные местоимения 1 и 2 л. ед. ч., а также возвратное местоимение говора имеют вариативные основы:

1) диалектные основы *мин'-, таб'-, саб'-* (*Я пат кустичкам сидел, было **мине** видна. — Ни туда пѣяду, а вон хватить глыбину — да в зад **мине**. — Вот, фсѣ разгутарила **табе**. — Родили **сабе** парня. — Здорова **сабе** сидитя*). Необходимо отметить, что диалектные основы *саб'-, таб'-* возникли из древнерусских основ *соб'-, тоб'-* в результате аканья (в отличие от церковнославянского, в котором сохранились общеславянские основы *себ'-, теб'-*). Возникновение основы *мин'-* в д. п., вероятно, является результатом аналогического выравнивания парадигмы местоимения по образцу р. п. и в. п.

2) основы *мн'-, тиб'-, сиб'-* в д. п., совпадающие по своему звучанию с литературным языком (*Вон жа **мне** дивирь. — Купи **мне** воску, я **сибе** свечичак накатаю. — Када нужна, миня призави, я **тибе** буду нужный. — Ни матери, ни ащю, ни **тибе** места ни будить. — Наши матеря варили **сибе** мѣт, веть сямя была бальная*.)

1.2. Личные местоимения 3 л. в говоре

В склонении личного местоимения 3 л. ед. ч. *она* имеются **особые окончания**, отличные от литературного языка. Они встречаются в р. п.: в литературном языке данная форма звучит как *еѣ, от неѣ*, а в говоре — *ей, у ней*, т. е. без

⁵³⁵ Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка. М., 1954. С. 205.

конечного гласного [о] (*У ней в баку балить. — Волга, ряка, па ней с Илюшай каталися, а там у ней люди голаи, купающа*).

Полагаем, что формы *ей, у ней* личного местоимения 3 л. ед. ч. она в р. п. являются следствием аналогического выравнивания форм данного местоимения по формам д. п., тв. п., п. п. (соответственно к *ней, ей, о ней*).

Личные местоимения 3 л. ед. ч. говора имеют и специфичные по звуковому облику **основы**, отличные от литературного языка. Местоимение **он** обладает особыми основами в и. п., р. п., д. п. и в. п.: **вон, яво, иво, яму, иму**, что обусловлено: а) явлением протетического звука [в] начале слова перед ударным исконным звуком [о] — *вон*; б) спецификой редукции гласных говора в первом предударном слоге (яканье) — *яво*; в) выпадением звука йот в начале слова перед [и] — *иво*:

1) и. п.: *Муш, покойник, вон винаград давил. — А вон ета слышыть, да на крылецки ляжыть*;

2) р. п.: *А прошлый гот, яво, винаграду, ни было. — Ждали, ждали, а яво нет*;

3) д. п.: *Фсех вянчали, патом умрётъ — атход души яму цитали, събъравали, пъгрибенья, атпають, нясутъ на магилку. — Ета дефка иму пад версть*;

4) в. п.: *Тут как вон приехал на востраф, как вон папал к нямю, как вон афицу зарезал, как в авец залес, как вон яво выпустил. — Ана нашла Сини Сокала, знацить, трое пориний снасила, па три хлеба съела и нашла яво. — Глянь, на дароги арбуз ляжыть, бык идётъ, такая шустраи есь, ра-а-с иво и пашол. — Мы иво жалеим*.

В то же время в говоре иногда встречается литературная основа и. п. местоимения **он**. *Нъ дваре лапас, лапас он летняй*.

Местоимение она имеет специфичную **основу** в в. п.: в отличие от литературной основы в данном падеже (*её, про неё*), в говоре наблюдается основа без начального йота: **-иё (Иё)** *сватали — ана ни пашла замуш. — Я Ленацку радила, искупаю иё, платоцкам накрою, выйду на вулицу*).

Местоимение они может иметь в говоре архаичное ударение на первом слоге, характерное для древнерусского языка. П. Я. Черных пишет, что «в Чудовском Новом завете XIV в. (древнейшей рукописи с ударениями над словами) наблюдается колебание: **они** и **они**»⁵³⁶. Такие примеры в говоре крайне редки (*Абняла царская доц сваво мужа, пъликавались они*).

1.3. Вопросительные местоимения говора

Вопросительные местоимения говора **кто, что** имеют специфичные по звуковому облику **основы**, отличные от литературного языка. Местоимение **кто** обладает особой формой в и. п. — *хто*. Местоимение **что** в и. п. в говоре звучит как *чё*, а в косвенных падежах имеет форму, начинающуюся звуком [ш] (*Сто-раш увидал, хто идётъ, хто вон такой, записал, у карман паложыл. — Хто щем владал: дяржали кароф, авес, были ути, гуси. — Зямля зътряслася, многа дамоф нападала. — Ты затрудала, чё ли?*).

⁵³⁶ Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка. М., 1954. С. 2057.

В то же время местоимение *что* в и. п. довольно часто может иметь форму, совпадающую с основой этого местоимения в литературном языке — это форма *што*, а в косвенных падежах форма, начинающаяся со звука [ч], как и в литературном языке (но с яканьем в первом предударном слоге) (*Ф школу пашла, што расписацца, вяла. — Ана мне талкаць: «Чаво малчаш?»*). Местоимение *кто* в и. п. очень редко может иметь форму, совпадающую с основой этого местоимения в литературном языке (*Сами сабе знали, кто ф какой вулицы жыл, я в иной вулицы жыла, замуш пашла в другую вулицу*).

1.4. Отрицательные местоимения говора

Отрицательное местоимение говора *никто* имеет специфичную по звуковому облику **основу**, отличную от литературного языка. В и. п. данное местоимение в говоре обладает особой формой — *нихто*, являющейся результатом диссимилиации согласных (*Адин сторож был, и винаград нихто ни абрывал, ни адна груша ни прапала*).

Отрицательное местоимение говора *ничто* имеет в и. п. основу, совпадающую по своему звучанию с формой аналогичного местоимения в литературном языке (*А тут ништо: ни абузы, ни рыпки нашай, ни наших святоф*).

Отрицательное местоимение говора *ничего* обладает основой, совпадающей с основой аналогичного местоимения в литературном языке (*Ты сеш, ты пьдры-ваши, а выйдуть арбузы, ты турку аддаёш, а исть нечива*).

1.5. Неопределенные местоимения говора

Специфика неопределенных местоимений говора связана с особым звучанием основы местоимения *кто*, входящего в их состав (*А рыбу лавили в озире хто щем: хто-та афицкама, винтирями лавили. — Растелим такую адялу толстаю и ляжым на полу, хто где, хто-нибудь ф кухни, кухня зимняя была*).

2. МЕСТОИМЕННЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Местоименные прилагательные, как известно, делятся на шесть групп: 1) притяжательные местоимения: а) личные, указывающие на принадлежность первому лицу (*мой, наш*), второму лицу (*твой, ваш*) или третьему лицу (несклоняемые прил. *его, ее, их*); б) возвратные, указывающие на принадлежность любому из трех лиц: *свой*; 2) указательные: *тот, этот, этакый* (разг.), *такой, таков*; 3) определительные: *всякий, каждый, любой, весь, целый, иной, другой, сам, самый*; 4) вопросительные: *какой, который, чей, каков*; 5) неопределенные: *какой-то, некоторый, некий*; 6) отрицательные: *никакой, ничей*.

2.1. Притяжательные местоимения говора, обозначающие принадлежность 1 и 2 л.

В склонении притяжательных местоимений *мой, твой, наш, ваш* имеются **особые окончания**, отличные от литературного языка. Специфичные окончания в нашем материале наблюдаются:

1) в р. п. и в в. п. ед. ч. местоимений *мой, твой*. Это такая флексия говора, как -во: **тваво, маво** (*Я ишека тваво баюся. — У маво ацца курацки были, и курканы, и утва, усё было*). В сопоставлении с флексией литературного языка (-иво: *маиво*) в названных формах происходит стяжение гласных и выпадение звука [и]. В то же время в речи некрасовцев встречаются и формы р. п. / в. п. ед. ч. местоимений *мой, твой*, аналогичные одноименным формам литературного языка: *маиво, тваиво*;

2) в косвенных падежах местоимений *наш, наша*. Это такие флексии говора, как -ава в м. р. (р. п. и в. п.), -аму (д. п.), ай в ж. р. (р. п., д. п., тв. п., п. п.): **нашава, нашаму, нашай** (*Церки адна ат адной нидалёка были, ани к нашаму сялу прихадили славили, а наши к ним хадили. — А свадьбы нашай няма тут*).

В литературном языке в названных формах местоимений *наш, наша* имеются окончания с первым звуком [ы/ъ] в м. р. и звуком [ъ] в ж. р. в первом заударном слоге: *нашывъ, нашъй* (в говоре звук *а*). Полагаем, что названные особые окончания местоимений *наш, наша* — это результат специфической редукции в заударном слоге после шипящих, а также унификации безударных окончаний местоимений-прилагательных в говоре казаков-некрасовцев.

Необходимо отметить, что в нашем материале отсутствует флексия р. п. ед. ч. местоимений *мой, твой, наш, ваш* со звуком [г] как фрикативным, так и взрывным (т. е., -аго, ага, ого, ога), которая характерна, по мнению ряда ученых, для южных русских говоров⁵³⁷.

В единичных случаях в говоре встречаются **особые унифицированные основы** притяжательных местоимений в косвенных падежах (*Када маво ацца в армию забрали, спярва афицер пряма издывалси над ним, хател маву аццу абрязание зделать*). Мы имеем факт уподобления основы местоимения *мой* в д. п. по аналогии с основой этого же местоимения в р. п.: форма *маву* как форма *маво*.

2.2. Притяжательные местоимения, обозначающие принадлежность 3 л.

Неизменяемые притяжательные местоимения 3 л. ед. ч. *его, её* в говоре имеют те же особые основы, что и в формы р. п. личных местоимений *он, она*:

а) **яво** — форма основы обусловлена спецификой редукции гласных говора в первом предударном слоге (яканьем) (*Приходить кума яво, Татьяна, Симёнавна. — Жаних прииол пъсумлявати, а када кинулси, а нивеста яво пат карытой сидить, а сабака выдала*);

б) **иѣ** — форма основы обусловлена выпадением звука [j] в начале слова перед [и] (*Я настарилася, а иѣ тётка възрастала*).

В то же время в нашем материале есть притяжательные местоимения, специфичные не только по своей основе, но и по грамматическим признакам. Это **склоняемые** притяжательные местоимения:

⁵³⁷ Кузнецов П. С. Русская диалектология. М., 1954. С. 81; Русская диалектология. М., 2005. С. 134. Автор раздела Л. Н. Булатова.

а) **явовый, явовая, ивовый, ийвовай, нявовый** (3 л. ед. ч., м. и ж. р.) (*Атгуля-ли, патом нащал паклал, нивеста кланяицца, явовый крёсный кланяицца, такая мода была. — Ивовый дядя щетыри года служыл. — Брат с мужиной сястроу да нявовым сынам жыли три года, патом в Расею пришли*);

б) **иёвая** (3 л. ед. ч., ж. р.) (*Иёвай муш с маим мужыком работали, мы жыли саседами. — Иевый прадид нъкапил, знащить, усё пъ наслетству табе, и зямля шла*);

в) **ихняя** (3 л. ед. ч., ж. р.) (*Вот так ихняя пъкаления шла да шла, хто ръзбагатель, хто и пъпрапил*);

г) **иха, ихий, их** (3 л. ед. и мн. ч.) (*Хоть бы када там или курицу у нас украли бы, или там наша куроцка зайдеть, или иха к нам. — А мая крёсная, дядя Васька был иё муж, бапка наша, иха мать, ани прихадил к нам у гости, и фсё. — Па-русски гаварим, а датакъваим ихим языком. — Жду ни даждуса их* *приезды*).

В этих фактах мы видим явление аналогии со склонением притяжательных местоимений *мой, твой*, а также стремление старообрядцев унифицировать грамматические признаки прилагательных, называющих признаки предметов, сделать их более системными. Необходимо отметить, что если притяжательные местоимения говора **явовый, ивовый, нявовый, иёвая, ихний, ихняя** приобрели словоизменение по образцу полного прилагательного, то притяжательное местоимение **иха, их** имеет в говоре форму кратких прилагательных м. р. древнерусского языка. На примере данного указательного местоимения мы наблюдаем сохранение таких архаических грамматических форм местоименной лексики говора, как краткие формы в ед. ч. и во мн. ч.

В то же время притяжательное местоимение **их** встречается в речи некрасовцев и в форме, совпадающей с литературным языком, т. е., как несклоняемое: *Я их крёсная*.

2.3. Указательные местоимения говора

В говоре казаков-некрасовцев указательных местоимений гораздо больше, чем в современном литературном языке, что соответствует положению дел в данном фрагменте грамматической системы **в древнерусском языке**. Для изучаемого говора в целом характерна двухступенная система указания, как и в современном русском языке. В то же время встречаются реликты трехступенной системы указания (местоимение *оный* в значении ‘удаленный от говорящего и собеседника, далекий’) (*Зямли трусения было, я думал, што на онам свети*).

Многие указательные местоимения говора, на первый взгляд совпадающие с местоимениями литературного языка, обладают либо специфичной парадигмой, либо специфичным значением, либо специфичной основой.

Местоимения *тот, та, то, те* имеют в говоре специфичные основы в и. п.:

1) местоимение *тот* имеет форму *той*, которая возникла из формы *тъ* в ряде говоров древнерусского языка и известна с XIII в.: *тъи > тыи > той* (в большин-

стве говоров *тъ* превратилось в *тът > тот*)⁵³⁸ (*Зимы-та ни очинь халодныи были, вот тока той гот, када лиман застывал лёдам*);

2) местоимение *та* имеет форму *тая* (*тайя*) (*А тая церква третива веку, жылезный пол, натпись там и Стяпана Разина цеп висит на въратах*).

Существование формы *тая* в русских диалектах П. С. Кузнецов объясняет влиянием «старого указательного местоимения *и, йа, йе*, участвовавшему в образовании полных прилагательных»⁵³⁹. На наш взгляд, в парадигме склонения данного местоимения в говоре некрасовцев происходит аналогическое выравнивание форм по косвенным падежам, в большинстве которых это местоимение в говоре представлено формой *той*.

Местоимение *те* имеет варианты формы: а) диалектную *теи*, б) диалектную *ти*, в) литературную *те* (*Ани же те-ти крясты пришли сымали у нас, дитей наших абзывали турками! — Многа фсяких цвятков было, теи-тя на вокна ставили, ти жа въ двары вынасили, када жарка было*).

Существование диалектной формы *теи* в русских диалектах П. С. Кузнецов также объясняет влиянием «старого указательного местоимения *и, йа, йе*, участвовавшему в образовании полных прилагательных»⁵⁴⁰. На наш взгляд, в парадигме склонения данного местоимения в говоре некрасовцев происходит аналогическое выравнивание форм по форме именительного падежа полных прилагательных (*сини, красны*).

Диалектная форма названного местоимения *ти* представляет собой реликт доунификационной парадигмы склонения указательных местоимений *тот, та, то*, для которой было характерно различие рода и во мн. ч.: форма *ти* относится к м. р. мн. ч.

Необходимо указать, что местоимения *той, тая* могут выступать в качестве мотивирующей базы для новых указательных местоимений, в значении которых степень удаленности усилена. Это местоимения:

а) *ун-той-то-то, ун-тая-та-та*. Указательное местоимение. Вон тот, вон та (*В ун-той-тъ-тъ бальницы, в Ливакумки, я ляжала, ноги балели*);

б) *утой-то, утая-та*. Указательное местоимение. Вон тот (*Сарай, лапас, паветка была, када с улицы заходиш, там дом сastroенaй, заходиш — рагошки пѣрастелины, святки были в тиньке, двор мазали, а утой-та домик — эта куханька была. — Или парень заметил табе, и тада уже гаварять: «Утая-та дефка — иво нивеста»*).

Кроме того, местоимения *той, тая* могут выступать в качестве мотивирующей базы для новых указательных местоимений, в значении которых семантический компонент «удаленность» совмещается с семантическим компонентом «определенность»:

⁵³⁸ По данным: Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка. М., 1954. С. 209.

⁵³⁹ Русская диалектология. М., 1954. С. 79.

⁵⁴⁰ Там же.

а) *той-то, тая-то, те-те, теи-те*, указательное местоимение. Тот самый, именно тот, не какой-нибудь другой (*Если примерна зять пришо, тѣща яшинуцу жарила, тада паложыть той-ту жылезна лошку, а пѣстаяна диривянаи ложычки были. — Какии ушли, теи-тя прапали*);

б) *тая-ента*. Указательное местоимение. Именно та, именно такая, соответствующая чему-н., не другая (*У нас была диривяная щалба, изделаная, плитѣная, паели, памыли и навесили иѣ, таю-енту щалбу, ана висить*).

Указательные местоимения *этой, эта, это* в говоре имеют особую основу: а) с вставным начальным звуком [j] и одновременно б) со вставным звуком [н] после гласного: *ентат, ентим, ента, ентаи, ента* (*Как радилси дитѣнак, белый платочик павязжуть, и ентай связачкай павязжуть. — Карес рос, патом сямяна высыпали, вычищали фсѣ, и в ентат карес соль насыпали, дажа мѣлако наливали, кампот*).

В то же время в говоре имеются вариантные диалектные основы названных местоименных прилагательных, для которых характерна только вставка начального звука [j] в сопоставлении с аналогичными указательными местоимениями литературного языка: *етат, ета* (ж. р. и ср. р.) (*Ета сетка — афчики, для силѣтки. — Хата, в нѣм етат шулан* ('нежилая комната, в которой хранились иконы, праздничная одежда, посуда'), *сарайщик, ета летняя кухня, кухня была зимняя, а вот так — лапас, паветка, подлысина. У нас фсѣ паимѣна нѣзывалася*).

Местоимение говора *ета* может выступать в качестве мотивирующей базы для нового указательного местоимения, в значении которого степень приближенности совмещается с семантическим компонентом «определенность». Это местоимение *утетот, утета/отета*. Указательное местоимение. Именно этот, эта (*Пятрович, он у нас был гарманистам, утетат и жынихом был. — Фсе када падашли, ана, хазяйка, накрываеъ атетю икону платком*).

Указательное местоимение *этакый* в говоре имеет особую основу со вставным начальным звуком [j]: *этакый* (*В Турсии абыкнавенаи дама были **этакие**: из самана, чакмат называли, диривянки были набиты зимлѣй, там жа тѣпла было*).

Указательное местоимение *такой, такая* в говоре имеет особую основу с протетическим звуком у: *утакой-то, утакая-та* (*На этой зимле тарфяная зямля была **утакая-та** послѣ вады. — Рыба была вольная, озира была бальшая **утакая***).

Кроме того, нам встретилось данное местоимение в форме и. п. и в. п. с флексией имени существительного типа *страна* (*Там **таку** кичку адявали дефки, ана сора-рак дней ходить с кичкай. — А рыба сушоная **така** была: судаки, сазаны*). На примере данного указательного местоимения мы наблюдаем сохранение архаических грамматических форм местоименной лексики говора: изменение лексемы *така* по субстантивному склонению (как местоимения-существительного). В современном литературном языке эти местоимения (*такой, такая*) изменяются по адъективному склонению (как местоимения-прилагательные).

2.4. Неопределенные местоимения говора

В составе неопределенных местоимений-прилагательных говора находится особое местоимение **какой**. Местоимение **какой** в говоре может иметь значение неопределенности — ‘какой-либо, кто-нибудь, безразлично кто’, что не свойственно литературному языку⁵⁴¹ (**Какие** ребята в церкву хадили, учились ани там, патом прихадили и славили Христа. — Никаво людей ня знаю, **какие** работали с нами, умирали уже, а мѡладѣжы ня знаю. — Морям бегали, **какой** в Арабию, **какой** в Измирь).

Необходимо отметить, что местоимение **какой** в говоре может обладать и иным, относительным, значением, совпадающим с одним из значений данного местоимения в литературном языке (*Шулки, наски сами вязли, **какии** хатели вывазили*).

2.5. Определительные местоимения говора

В составе определительных местоимений говора мы наблюдаем отличия от литературного языка в **основе** следующих слов:

1) местоимений **все**, **всѣ**, которые в говоре имеет форму **усе**, **усѣ** (*Вот када идѣтя у церкву, а там **усе** нарядныи. — Ширинки были, хвартучки, **усѣ** блескам вышывали для крѡсаты!*);

2) местоимения **каждый**, которое в говоре имеет форму **кажнѣй** (*Ранѣшы мы выбирали атамана **кажнѣй** гот. — **Кажнѣй** день стрѣпана была*).

В то же время в говоре есть и местоимение **каждѣй**, совпадающее с аналогичным литературным местоимением (*Никакова мебели у нас ни было, **каждѣй** имел сундуки и кровати диривянаи, стульчики были, стали*).

Кроме того, местоимение **всякий** (**всякие**) может иметь в говоре в форме и. п. м. р. специфичную **форму** с нулевой флексией (во мн. ч. с флексией **-и**); подобные флексии характерны для кратких прилагательных и существительных типа *стол* в древнерусском языке. Полагаем, что специфичные формы местоимения **всякий** (**всякие**) являются реликтом форм кратких прилагательных древнерусского языка (*Фсяк сваю хазяйству иметь. — Киндячнаи парки на **фсяк** день насили. — **Фсяки** святы были*). Есть и другое мнение: некоторые ученые считают, что формы типа *нова изба, нову избу* являются стяженными, «т. е. возникшими в результате стяжения: утраты интервокального йота и последующего слияния гласных»⁵⁴².

Необходимо отметить, что в и. п. м. р. местоимений говора адъективного склонения встречаются разные виды безударных флексий: а) диалектная флексия **-ай**: **кажнѣй**, **фсякай** (человек); б) литературные флексии **-ий/-ый**: **етакий**, **явовый**, **ивовый**, **нявовый**.

⁵⁴¹ По данным Объяснительного словаря русского языка. М., 2002. С. 164—165.

⁵⁴² Русская диалектология. М., 2002. С. 13. Автор раздела Л. Н. Булатова.

3. МЕСТОИМЕННЫЕ НАРЕЧИЯ

Специфика местоименных наречий говора обнаруживается в ряде явлений.

Во-первых, в составе говора имеются лексемы, отсутствующие в литературном языке: *туды-сюды, окады, о-куды-о, о-как-о, утак, ута, щяво-нищяво*. Опишем названные местоименные наречия подробнее.

1. Местоименные наречия *туды-сюды, окады* обладают временным значением, осложненным значением неопределенности.

2. Местоименное наречие *туды-сюды* имеет значение 'о неопределенном не очень большом отрезке времени' (*Мы пайдем, афицики паставим и купаимси, туды-сюды и начала чайка садицца, знащить, пашла рыба, идёш и иё падбираиш. — Сахар варицца пашти час, пышачки пикёш аддельна в рускай пецки, туды-сюды и их ламаиш, сироп на стол ставиш*). В литературном языке местоименное наречие *туда-сюда* употребляется в значении «в ту и в другую сторону, в разные стороны»⁵⁴³. В этом значении оно встречается и в говоре некрасовцев: *Сталбы забивали, патом малаи сталбы туды-сюды пачалим*.

Местоимение *туда-сюда* в значении, указывающем на признак по пределу во времени, в общелитературной норме не встречается. Полагаем, что значение 'о неопределенном, не очень большом отрезке времени' появилось у местоименного устойчивого выражения говора *туды-сюды* в результате следующего метонимического переноса: «признак признака *пространственного* характера — признак признака *временного* характера». Подобный метонимический перенос пространственно-временного характера типичен для общерусской семантической системы: *до дома уже рукой подать* (пространственное значение) — *до зимы уже рукой подать* (временное значение).

3. Местоименное наречие *окады* имеет в говоре значение 'спустя некоторое время' (*Я вышла замуш втарова июня, акады, ф сентябре, мы сюды пришли*).

4. Местоименные наречия говора *о-куды-о, о-как-о, о-тако-о* обладают указательным значением (соответственно места или способа действия), осложненным значением определенности: *о-куды-о* 'вот сюда, именно сюда' (*Вот касицки видитя, касицки мы, женицыны, втыкали о-куды-о, вот сюда*); *о-как-о* 'именно таким образом, таким способом, вот так' (*Девачка пакрывалась о-как-о сверху, а ета уже па-бапски покрытая называли*); *о-тако-о* 'вот так, именно таким способом' (*У наз домики стаять о-тако-о; ежли пажар, то ни уталиш*).

5. Местоименные наречия говора *утак, утам* обладают указательным значением (соответственно способа действия или места), осложненным значением определенности: *утак* 'именно таким образом, именно так' (*Внучки гаварять: «Бабушка, нет, там утак нада, там утак нада»*); *утам* 'вот там, именно там' (*Да, помню, утам палажыла*).

⁵⁴³ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1994. С. 804.

6. Местоименное наречие говора **чего-ничего** [щаво-нищаво] обладает определительным значением признака по количеству действия, осложненным значением неопределенности ‘незначительное и неопределенное количество разных предметов’: *Хадили славили Христа, давали им там **щяво-нищяво**, деньги-именьги.*

Во-вторых, специфика местоименных наречий говора некрасовцев состоит в особом звучании основ местоименных наречий, являющихся фонетическими вариантами аналогичных местоимений литературного языка: *скока, тады, ни-када, скоки, раньшы*, что вызвано определенными фонетическими закономерностями говора (соответственно диссимиляцией групп согласных, а также гласных, упрощением групп согласных, специфической редукцией в заударном слоге).

В целом по своему составу, морфологическим характеристикам местоимения говора обладают рядом отличий в сопоставлении с литературным языком. Эти отличия касаются парадигм ряда местоимений, звукового состава основ, качественных характеристик флексий, иногда значений:

1. В определенных падежах местоимения говора имеют особые **окончания**, которые по своему происхождению являются **унаследованными из древнерусского языка**: флексия *-е* в р. п. и в. п. ед. ч. местоимений *я, ты, себе*: *мине, табе, сабе*.

2. В определенных падежах местоимения говора имеют особые **окончания**, которые являются следствием **аналогического выравнивания** в парадигме этих местоимений: форма местоимения *она* в р. п. *ей, у ней* (т. е. без конечного гласного [о]) по образцу форм д. п., тв. п., п. п. этого же местоимения (соответственно *к ней, ей, о ней*).

3. Некоторые специфические **окончания** местоимений говора являются результатом определенных **фонетических процессов**, характерных для говора: а) флексия говора *-во* (*тваво, маво*) в р. п. и в. п. ед. ч. местоимений *мой, твой* — результат выпадения звука [и] (дизреза) и последующего стяжения гласных); б) флексии *-ава* в м. р. (р. п. и в. п.), *-аму* (д. п.), *-ай* в ж. р. (р. п., д. п., тв. п., п. п.): *нашава, нашаму, нашай* — местоимений *наш, наша* — результат специфической редукции в заударном слоге после шипящих; в) флексия *-ай* в и. п. местоименных прилагательных: *всякай, кажнай* — результат специфической редукции в заударном слоге.

4. **Основы** некоторых местоимений говора также являются специфичными: они **унаследованы из древнерусского языка**: а) основы *таб’-* (р. п. и д. п.), *саб’-* (д. п.) местоимений *ты, себе*; б) основы *той, тая* (и. п. ед. ч.) местоимений *тот, та*, в) основы *теи, ти* (и. п. мн. ч.) местоимения *те*.

5. Ряд **основ** местоимений говора обладает спецификой, обусловленной различными **фонетическими процессами**, характерными для говора: а) звучание основ *вон, яво, яму, иво, иму, иё* является результатом соответственно протезы звука [в], яканья, дизрезы звука [j] перед начальным звуком и; б) звучание основ *кто, никто, хто-та, кое-кто, чё, щем* является результатом соответственно диссимиляции групп согласных, упрощения групп согласных, замены фонемы <ч> на долгое мягкое <ш>; в) звучание основ *ентат, ента, енти* является результа-

том протезы звука йот и эпентезы звука [н]; г) звучание основы *етакий* является результатом протезы звука [j]; д) звучание основ *утакой*, *утакая* является результатом протезы звука [у]; е) звучание основы *усё* является результатом замены начального звука [в] на звук [у]; ж) звучание основы *кажный* является результатом замены срединного звука [д] на звук [н].

6. Некоторые местоимения говора обладают специфичными **грамматическими признаками** — это несклоняемые местоимения, которые приобрели парадигму склонения, или склоняемые местоимения, которые изменили тип парадигмы склонения: а) приобрели парадигму склонения по адъективному типу притяжательные местоимения *явовый*, *ивовый*, *нявовый*, *иёвая*, *ихний*, *ихняя*, изменяющиеся по аналогии с притяжательными местоимениями *мой*, *твой*; б) приобрело парадигму склонения по субстантивному типу притяжательное местоимение *иха*, *ихи* изменяющееся по образцу кратких прилагательных древнерусского языка; в) сохранили субстантивную парадигму склонения указательное местоимение *така*, *утака*, определительное местоимение *фсяк*, *фсяки*.

7. В составе лексики говора есть **местоимения, отсутствующие в литературном языке**: а) новые указательные местоимения, в значении которых степень удаленности усилена: *ун-той-та-та*, *утой-та*, *утая-та* в значении ‘вон тот’; б) новые указательные местоимения, в значении которых семантический компонент «удаленность» совмещается с семантическим компонентом «определенность»: *той-та*, *тая-то*, *те-те*, *теи-те*, *тая-ента* в значении ‘именно тот’; в) новое указательное местоимение, в значении которого степень приближенности совмещается с семантическим компонентом «определенность»: *утетот*, *утета*, *отета* в значении ‘именно этот, эта’; г) местоименные наречия *туды-сюды*, *окады*, *о-тако-о*, *о-куды-о*, *утак*, *утам*, *о-как-о*, которые обладают соответственно временным либо указательным значением, осложненным значением неопределенности или определенности; д) местоименное наречие *щяво-нищяво*, которое обладает определительным значением, осложненным значением неопределенности.

8. В составе лексики говора есть местоимения, омонимичные местоимениям в литературном языке, совпадающие с ними по звучанию и грамматическим формам, но отличающиеся по значению, — это местоимение *какой*, имеющее в говоре значение неопределенности.

9. В составе указательных местоимений говора встречаются реликты трехстепенной системы указания.

10. В составе лексики говора есть местоименное наречие, возникшее в результате словообразовательной игры — *щяво-нищяво* в значении «немного разных вещей в небольшом количестве».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СПЕЦИФИКА СЛОВООБРАЗОВАНИЯ МЕСТОИМЕННЫХ СЛОВ В ГОВОРЕ КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ

В составе **макрокласса «Местоименные слова»** находим словообразователь-но мотивированные местоименные слова, которые отсутствуют в русском литературном языке. Их мотивирующие лексемы являются указательными местоимениями или указательными местоименными наречиями с частными значениями указания чаще всего на пространство, а также на время, образ действия, количество и относятся к древнерусскому языку (*той, тая*), или к говору (фонетические варианты общенационального языка *куды, кады, ента*), или к общенациональному языку (*как, что, ничего*).

1. МЕСТОИМЕННЫЕ ПРЕФИКСАЛЬНО-СУФФИКСАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ

Модель **префикс *о-* + местоименное наречие + суффикс *-о*** с модификационным значением «усиление признака пространства, названного мотивирующим словом»: ***о-куды-о*** ‘вот сюда’ от местоименного наречия говора *куды* (фонетический вариант общенац. слова *куда*) — словообразовательный формант в данной модели и в следующих моделях является составным. В Большом толковом словаре донского казачества⁵⁴⁴ данная лексема не отмечена.

Модель **префикс *о-* + местоименное наречие + суффикс *-о*** с модификационным значением «усиление признака способа и образа действия, названного мотивирующим словом»: ***о-как-о*** ‘вот как’ от местоименного наречия общенац. яз. *как*. В Большом толковом словаре донского качества данная лексема не отмечена.

Модель **префикс *о-* + местоименное наречие + суффикс *-о*** с модификационным значением «усиление признака способа и образа действия, названного мотивирующим словом»: ***о-тако-о*** ‘вот так’ от местоименного наречия церковнославянского языка *тако* (так — *црк., сев.* ‘равно, подобно, одинаково’ — по данным Сл. Даля, т. 4, с. 716). В Большом толковом словаре донского качества данная лексема не отмечена, в то же время зафиксированы местоименные наречия *отак* и *отакашки* с аналогичным значением⁵⁴⁵.

⁵⁴⁴ Большой толковый словарь донского казачества. М.: Русские словари Астрель-Аст, 2003.

⁵⁴⁵ Там же. С. 343.

Названный вид префиксально-суффиксального способа образования местоименных наречий и вообще наречий (префикс *о-* в сочетании с суффиксом *-о-*) не встречается в словообразовательной системе литературного русского языка, является специфичным, характерным именно для говора казаков-некрасовцев.

2. МЕСТОИМЕННЫЕ ПРЕФИКСАЛЬНО-ПОСТФИКСАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ

Представлены моделями с составным словообразовательным формантом. Модель **префикс *ун-* + местоимение *той/тая* + постфикс *-то-то*** с модификационным значением «усиление указательного признака, названного мотивирующим словом: *унтой-то-то, унтая-то-то* ‘вон тот’ от указательного местоимения говора *той/тая*, унаследованного из древнерусского языка. Этимологически приставка *ун-*, очевидно, является фонетическим вариантом указательного местоимения *он*. В синхроническом аспекте мы рассматриваем данный фрагмент местоимений *унтой-то-то, унтая-то-то* как диалектную приставку. Постфикс *то-то* этимологически является удвоенной частицей. Уместно отметить, что в Большом толковом словаре донского качества лексема *той* не отмечена, а местоимение *тая* со значением, аналогичным его значению в говоре, зафиксировано⁵⁴⁶.

Модель **префикс *у-* + местоимение + постфикс *-то*** с модификационным значением «усиление признака указания, названного мотивирующим словом»: *утой-то, утая-то* ‘вон тот, вон та’ от указательных местоимений говора *той, тая*, унаследованных из древнерусского языка. Этимологически приставка *у-*, очевидно, является фонетическим вариантом приставки *ун-*, которая, в свою очередь, восходит к указательному местоимению *он*. В синхроническом аспекте мы рассматриваем данный фрагмент местоимений *утой-то, утая-то* как диалектную приставку.

Названный префиксально-постфиксальный способ и конкретный его вид не характерен для словообразования местоимений современного русского литературного языка.

3. МЕСТОИМЕННЫЕ ПОСТФИКСАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ

Модель **местоимение + постфикс *-то*** с модификационным значением «усиление признака «удаленности», названного мотивирующим словом, с одновременным усложнением этого признака компонентом «определенность»: *той-то, тая-то, те-те, теи-те* ‘тот самый, именно тот, не какой-нибудь другой’ от указательных местоимений говора *той, тая, те, теи*, унаследованных из древнерусского языка. Этимологически постфикс *то* является частицей.

⁵⁴⁶ Большой толковый словарь донского казачества. М.: Русские словари Астрель-Аст, 2003. С. 529.

Названный постфиксальный способ и конкретный его вид встречается в системе словообразования местоимений общенац. яз., хотя в РГ-80 не отмечен. Например, в Объяснительном словаре русского языка зафиксировано местоимение *такой-то* — «указ-неопред. местоимение, вполне определенный, однако не называемый», относящееся к постфиксальному способу⁵⁴⁷.

4. МЕСТОИМЕННЫЕ ПРЕФИКСАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ

Модель **формант *о-* + местоименное наречие** с относительным значением «временная отнесенность к обстоятельству признаку, выраженному мотивирующим словом»: *окады* ‘после, потом, спустя некоторое время, после, позднее’ от местоименного наречия говора *када* (фонетический вариант общенац. слова *когда*). Уместно отметить, что в Большом толковом словаре донского качества лексема *окады* не отмечена⁵⁴⁸.

Модель **формант *у-* + местоименное наречие** с модификационным значением «усиление указательного признака, названного мотивирующим словом»: а) *утам* ‘именно там’ от местоименного наречия места общенац. языка *там*; б) *утак* ‘именно так’ от местоименного наречия образа действия общенац. языка *так*. Этимологически приставка *у-*, очевидно, является фонетическим вариантом приставки *ун-*, которая, в свою очередь, восходит к указательному местоимению *он*. В синхроническом аспекте мы рассматриваем данный фрагмент местоимений *утам*, *утак* как диалектную приставку.

Модель **формант *от-* + местоимение** с модификационным значением «усиление указательного признака, названного мотивирующим словом»: *утетот*, *утета/отета* ‘именно этот, эта’ от указательного местоимения говора *ета* (фонетический вариант общенац. слова *эта*). Этимологически приставка *от-/ут-*, очевидно, является фонетическим вариантом частицы *от*. В синхроническом аспекте мы рассматриваем данный фрагмент основы местоимений *утетот*, *утета/отета* как диалектную приставку. В Большом толковом словаре донского качества отмечены местоименные наречия *утетот*, *утета* со значениями, идентичными значениям соответствующих лексем в говоре⁵⁴⁹.

Названный вид префиксального способа образования местоименных наречий (префикс *о-*, *от-* в сочетании с местоименной мотивирующей базой), по данным Русской грамматики-80, не встречается в словообразовательной системе литературного русского языка, является специфичным, характерным именно для изучаемого говора.

⁵⁴⁷ Объяснительный словарь русского языка. М., 2002. С. 341.

⁵⁴⁸ Большой толковый словарь донского казачества. М.: Русские словари Астрель-Аст, 2003.

⁵⁴⁹ Там же. С. 546.

5. МЕСТОИМЕННЫЕ МОДЕЛИ ЧИСТОГО СЛОЖЕНИЯ

Модель **указательное местоимение + другое указательное местоимение** (без соединительной гласной) с соединительным значением: *тая-ента* 'именно та, именно такая, соответствующая чему-н., не другая'. Необходимо отметить, что соединение двух указательных местоимений противоположной степени удаленности привело к формированию указательно-определенного значения, в котором степень удаленности является не актуальной. В Большом толковом словаре донского качества данная лексема не отмечена.

Способ сложения не характерен для словообразования местоимений литературного русского языка, является специфичным, характерным именно для изучаемого говора.

6. МЕСТОИМЕННЫЕ МОДЕЛИ, ОСНОВАННЫЕ НА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ИГРЕ

Модель, основанная на повторении первого слова (местоимения) с добавлением новых звуков в его начале: *чего-ничего* [щаво-нищаво] с модификационным значением собирательности, конкретизированным в частном значении «незначительное и неопределенное количество разных предметов»: *Хазяин платил рыбай, парами: полуцали щаво-нищаво*. В Большом толковом словаре донского качества данная лексема не отмечена.

В целом анализ словообразовательной системы местоименной лексики говора выявил, что для **местоименной лексики** говора характерны следующие **способы словообразования**: 1) префиксально-суффиксальный, 2) префиксально-постфиксальный, 3) префиксальный, 4) постфиксальный, 6) способ сложения.

Подавляющее количество местоименной лексики говора образовано префиксально-суффиксальным и префиксально-постфиксальным способом.

По грамматическому **характеру мотивирующего слова** вся мотивированная местоименная лексика говора мотивируется местоимениями или местоименными наречиями.

По **характеру словообразовательного значения** имеются 1) модификационные, 2) относительные, 3) соединительные значения, среди которых преобладают модификационные.

Большая часть словообразовательных моделей **макрокласса «Местоименная лексика»** говора казаков-некрасовцев не представлена в русском литературном языке, т. е. словообразование исследуемого говора в большей своей части является специфической реализацией деривационных возможностей, существующих в русском национальном языке.

Специфические словообразовательные модели макрокласса «Местоименная лексика» говора казаков-некрасовцев входят в типичные для общенационального языка способы словообразования, однако эти способы словообразования (или их

виды) используются в других частных частеречных словообразовательных системах общенационального языка, а в рамках местоименной лексики не используются.

В составе **специфических в структурном и семантическом отношении** словообразовательных местоименных моделей говора есть такие, которые в полной мере могут быть названы словообразовательными моделями, так как по ним образовано несколько лексем. Это следующие словообразовательные модели:

- 1) модель **префикс у-** + **местоимение** + **постфикс -то**: *утой-то, утая-то*;
- 2) модель **префикс о-** + **местоименное наречие** + **суффикс -о**: *о-куды-о, о-как-о, о-тако-о*;
- 3) модель **префикс ун-** + **местоимение** + **постфикс -то-то**: *ун-той-то-то, ун-тая-то-то*;
- 4) модель **префикс у-** + **местоименное наречие**: *утак, утам*.

Остальные специфические модели говора к моделям могут быть отнесены условно, так как не обладают признаком воспроизводимости:

- а) модель **префикс о-** + **местоименное наречие**: *окады*;
- б) модель **чистого сложения слов**: *тая-ента*.

Наличие самой **системы словообразования местоимений** в говоре свидетельствует о креативности языкового сознания старообрядцев казаков-некрасовцев, ведь в литературном языке система словообразования местоимений как таковая отсутствует (в РГ-80 даже нет раздела «Словообразование местоимений»), так как формирование системы местоимений, в том числе и словообразовательной, относится к далекому прошлому русского языка.

Раздел 4

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СПЕЦИФИКА ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА И СЕМАНТИКИ ИМЕНИ ЧИСЛИТЕЛЬНОГО В ГОВОРЕ КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ

Имя числительное — это часть речи, обозначающая количество, а также порядок предметов при счете. Имя числительное как древнейшая по своему происхождению система слов с количественно-числовым и счетно-порядковым значениями функционирует в говоре казаков-некрасовцев традиционно, не изменив в целом своей лексической семантики и грамматических признаков в сравнении с русским общенациональным языком.

Данные говора казаков-некрасовцев подтверждают, что числительное как часть речи в русском национальном языке представляет собой непополняемую группу слов.

В говоре казаков-некрасовцев в системе лексем с количественно-числовым и счетно-порядковым значениями можно выделить три класса слов: 1) количественные числительные, которые обозначают собственно количество или число; 2) собирательные числительные, которые обозначают количество как совокупность; 3) порядковые числительные, которые характеризуются счетно-порядковым значением.

В отличие от русского национального языка, в говоре казаков-некрасовцев отсутствуют дробные числительные, обозначающие ту или иную часть целого.

1. ЛЕКСИЧЕСКИЙ СОСТАВ И СЕМАНТИКА КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Наиболее частотными количественными числительными в говоре казаков-некрасовцев являются наименования количества или чисел, входящих в первый и второй десяток, а также наименования последующих десятков. Наименования сотен малоупотребительны.

Также отметим, что наименее употребительными являются наименования больших количеств или чисел, например, таких, как *тысяча*, *миллион*. Объяснение данного факта, характерного для многих других диалектов и говоров, безусловно, кроется в картине мира и быте его носителей. Ведь в повседневной практике необходимость использования названий крупных количеств и чисел возникает реже необходимости использования единиц и десятков, а числа больше миллиона используются очень редко.

Количественным числительным говора присущи два значения. Это количественное значение, представленное, в отличие от общенационального языка, только одним частным значением — «собственно количественным» (количество как признак предмета): *У мене ж два брата были. — Забалел, три дня хлеба ня кушати. — А налоги мы там платили двянацать рублей. — Ф пятнацать мене присватали. — Дал двяццот лир. — Длинна васимсот, да тысичи метрах длинина.*

Такая разновидность количественного значения, как «числовое значение» (отвлеченное количество, или число: *четыре делится на два*), не характерна для речи казаков-некрасовцев.

Второе значение количественных числительных говора — это «счетное значение», которое не требует употребления имени существительного, в то же время при счете предметы хотя и не называются, но всегда имеются в виду: *Косы мы заплтали ап три, ап шесть, аб восим. — Ани у нас были присватыны, а присватывали трянацати, чатырнацати. — И жыняхи надявали рубахи на трыцать, на сорок.*

Кроме того, в речи казаков-некрасовцев нам не встретилось и «счетно-порядковое значение» количественных числительных (такие числительные называют порядковое место предмета, который при остановке счета оказывается последним в ряду однородных: *место восемь, вагон десять*).

По составу количественные числительные говора, как и в русском национальном языке, делятся на простые, сложные и составные. Простые числительные — это слова с простой основой, либо немотивированные, либо суффиксальные: *пять класоф, двятнацать лет*. Сложные числительные — это слова со сложной основой: *за пидясят рублей; было двяноста лет; грам чатыриста-пяццот; двести сажон неват, акрух неват — васимсот.*

Составные числительные состоят из нескольких слов (двух и более), каждое из которых само является простым или сложным числительным: *семдисят пять рублей кило; в дикабре дисятава будить шысят пять.*

Необходимо отметить, что составные числительные встречаются в речи некрасовцев редко.

2. ЛЕКСИЧЕСКИЙ СОСТАВ И СЕМАНТИКА СОБИРАТЕЛЬНЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

В говоре казаков-некрасовцев употребляется 6 собирательных числительных: *двое, трое, четверо, пятеро, шестеро, семеро* (в общенац. яз. имеются еще *восемь, девятеро, десятеро*).

Собирательные числительные говора, как и в русском национальном языке, обозначают количество как совокупность: *Жыли и четьвира и пятияра вмястях. — Шестира вышли с ружьями.*

Преимущественное употребление собирательных числительных говора, как и в русском национальном языке, с существительными-названиями лиц, а также с местоимениями-существительными *мы, вы, они* выделяет собирательные числительные в небольшую группу слов, способных выражать противопоставление

«личность — неличность»: *Четвира дитей памёрли. — Перва мы двоя сабанами пахали. — А ани троя утету-та песню играют. — Мы вмястях семира жыли.*

В тоже время в говоре встречаются сочетания собирательных числительных с существительными, относящимися к наименованиям конкретных предметов, не всегда обозначающими парные предметы: *троих поринних, троих хлебах*, что не характерно для литературного языка.

По своей структуре собирательные числительные говора, как и в русском национальном языке, являются мотивированными лексемами, образованными с помощью суффиксов от соответствующих мотивирующих количественных числительных: 1) *двое, трое* образованы соответственно от лексем *два, три* с помощью суффикса *-oj-*; 2) *четверо, пятеро, шестеро, семеро* образованы соответственно от количественных числительных *четыре, пять, шесть, семь* с помощью суффикса *-er-*.

3. ЛЕКСИЧЕСКИЙ СОСТАВ И СЕМАНТИКА ПОРЯДКОВЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Порядковые числительные обозначают порядок предметов при счете. Наиболее частотными в говоре некрасовцев являются наименования порядка предметов через отношение к числам первого и второго десятка: *Ни в первой рас. — Дош идёть четвертай день. — Пятай день нынича. — Шыстой дитёнок. — Пятнаццатая гадина пашла. — Эта было с шашнацатава на сямнаццатай. — Он в Турсии работал с дивятнаццатава-дваццатава года.*

Порядковые числительные, именующие порядок предметов через отношение к числам, вербализующимся через составные числительные, встречаются в речи некрасовцев редко (по мере коммуникативной необходимости): *Ф шысят фтаром гаду пасялились. — Я трыцать третива года. — Я пайду на занятия дваццать сядьмова, а дваццать васьмова — Успение.*

По своему лексическому значению (обозначение признака предмета через отношение к числу) порядковые числительные в говоре некрасовцев, как и в русском национальном языке, сходны с относительными прилагательными.

В целом числительные говора по своим лексически группам и подгруппам являются почти полностью идентичными числительным литературного языка. Самым существенным отличием является избирательная частотность числительных в говоре: употребляются количественные числительные, являющиеся наименованиями количества или чисел, входящих в первый и второй десяток, а также наименования последующих десятков. Кроме того, лексическая сочетаемость собирательных числительных является расширенной.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СПЕЦИФИКА МОРФОЛОГИИ ЧИСЛИТЕЛЬНОГО В ГОВОРЕ КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ

1. КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

1. Количественные числительные говора, как и в русском литературном языке, с морфологической стороны характеризуются тем, что не имеют категории числа и рода. Понятие числа входит в их лексическое значение, а отсутствие категории рода обусловлено тем, что числительные в абсолютном большинстве лишены значения предметности. Формами рода обладают лишь числительные *один, два, тысяча, миллион* (лексема *миллиард* не встретилась нам в записях речи некрасовцев).

Числительное *один* в говоре, как и в русском литературном языке, изменяется по родам, согласуясь с именами существительными в роде: *адин арёл, адна внуца, адно нурё*. Числительное *один* как в говоре, так и в литературном языке, не имеет своих собственных, отличающих их от прилагательных морфологических признаков.

Числительное *два* в говоре, как и в русском литературном языке, имеет две формы рода в формах и. п. и в. п. для неод. существительных и в форме и. п. для одуш. существительных: одну для ж. р.: *видить две инжырины*, другую форму для м. р. и ср. р.: *два брата, два карыта, на два пальца*.

В то же время существительные говора, обладающие синкретичным ж. р./ср. р. грамматическим родом, в зависимости от формы р. п. имени (то по ср. р., то по ж. р.) соответственно сочетаются то с формой *два* (по ср. р.), то с формой *две* (по ж. р.): *два звязда и две звязды*.

Необходимо отметить, что употребление родовых форм числительного *два* в говоре некрасовцев не всегда является ясным: *две государства, два пёрушки*. Лексема *государство*, обладая в говоре категорией ср. р., должна сочетаться с формой *два*. Возможны два варианта объяснения подобной формы числительного: либо это непоследовательность в выборе родовой формы числительного, либо это проявление континуальности грамматической родовой семантики существительного говора, приобретение словом *государство* в говоре некрасовцев синкретичного ж. р./ср. р. Существительное *пёрушко* в приведенном примере имеет форму р. п. ж. р., а числительное имеет форму м. р., возможно, что это также проявление континуальности грамматической родовой семантики существительного говора, приобретение словом *пёрушко* в говоре некрасовцев синкретичного ж. р./ср. р.

Не имея категории числа, числительные относятся избирательно к формам числа тех существительных, с которыми они сочетаются. В зависимости от сочетаемости с формами ед. ч. или мн. ч. существительных числительные в говоре, как и в русском литературном языке, делятся на две группы:

1) числительные *два, три, четыре*, которые соединяются с существительными в ед. ч. р. п.: *два года, на три стакана, на три фунта вады, да света асталася два-три часы*. Отдельного замечания требует последний пример. Возможно, что это также проявление континуальности грамматической родовой семантики существительного говора, приобретение словом *час* в говоре некрасовцев синкретичного ж. р./м. р.;

2) числительные *пять, шесть, семь* и далее, которые соединяются с существительными во мн. ч. р. п.: *пять метрах, восим пальцах, за десить минут, шесть ксьякоф, двянацать спицах, двести килаграм, триста лет*.

Это правило действительно только для тех словосочетаний как в говоре, так и в русском национальном языке, в которых числительное выступает в формах и. п. и совпадающего с ним в. п., во всех других падежах сочетающееся с числительным существительное последовательно употребляется в форме соответствующего падежа мн. ч.: *з двух старон, с трёх сетак*.

При числительном *тысяча* в говоре, как и в русском национальном языке, существительные употребляются только в форме р. п. мн. ч.: *да тыисичи метрах длинку*.

Необходимо указать на существующие отличия в формальных показателях мн. ч. существительных ср. р. и м. р. в говоре казаков-некрасовцев, в том числе и в сочетаниях с количественными числительными: в данных сочетаниях в форме имени существительного имеются специфичные флексии *-ах, -ох, -их*: *восим пальцах*. По мнению диалектологов, флексия *-ох, -ах* в форме р. п. и в. п. мн. ч. в русских говорах — это результат фонетических изменений в тех говорах, в которых происходит переход от *и* губно-губного к *в* губно-зубному, когда под действием общей тенденции к оглушению согласных на конце слова звук [w] мог превратиться в заднеязычный фрикативный звук [x]⁵⁵⁰.

В то же время в говоре казаков-некрасовцев в сочетаниях с количественными числительными существительные ср. р. и м. р. во мн. ч. могут иметь и традиционные для русского национального языка флексии *-аф, -оф* (*пять стаканаф*), хотя и гораздо реже.

Количественные числительные в русском национальном языке изменяются по падежам, т. е. склоняются. Склонение числительных не имеет единого образца, оно представлено несколькими типами: 1) склонение числительных *два, три, четыре*; 2) склонение числительных от *пяти* до *десяти* и числительных на *-дцать* (*одиннадцать, двенадцать* и т. д.) и *-десят* (*пятьдесят, шестьдесят* и т. д.); 3) склонение числительных *двести, триста, четыреста* и всех числительных на *-сот*; 4) склонение числительных *сорок, девяносто, сто*.

⁵⁵⁰ Русская диалектология. М., 1965. С. 78.

Специфика склонения числительных в говоре состоит в **частотности** тех или иных падежных форм:

- 1) числительное *один* встречается в различных косвенных падежах;
- 2) числительные *два / две, три, четыре* преимущественно употребляются в форме и. п. / в. п. Кроме того, они могут употребляться в р. п. (форма р. п. этих числительных характерна и для сложных слов типа *двухкатка* 'двухэтажное здание', *двухлевник* 'болгарская серебряная монета', *двухпалка* 'рыболовная сеть', *двухразишний, двухкалёсный, двухмачтовая, трехпалка, четырехпалка* 'морские сети');
- 3) числительные от *пяти* до *десяти* и числительные на *-дцать* и *-десят* встречаются только в форме и. п. / в. п.;
- 4) числительные на *-сот* и числительные *сорок, девяносто, сто* встречаются только в форме и. п. / в. п.

В целом употребительность форм количественных числительных в говоре обусловлена коммуникативной задачей. Носитель говора некрасовцев употребляет в своей речи такие синтаксические конструкции, в которых в сочетании «количественное числительное + существительное» числительное стоит преимущественно в форме и. п. / в. п. В наших материалах нет таких записей речи казаков-некрасовцев, в которых требовалась бы форма, скажем, *пятью, одиннадцатью, пятьюдесятью, пятисот, со ста*, а вместо указанных форм была бы употреблена форма и. п. / в. п. названных количественных числительных, т. е. унификации склонения числительных по образцу форм и. п. / в. п. не наблюдается. Таким образом, перед нами результат определенной коммуникативной стратегии носителя говора в аспекте выбора и предпочтения падежных форм, которая может привести к утрате склонения количественных числительных в речи носителей говора.

2. СОБИРАТЕЛЬНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

2. Собираательные числительные говора, как и в русском литературном языке, с морфологической стороны характеризуются тем, что не имеют категории числа и рода.

Собираательные числительные говора, как и в русском литературном языке, сочетаются с существительными по способу управления в и. п. / в. п. (имя должно стоять в р. п. мн. ч.) и по способу согласования в остальных падежах: *Четвира детей памёрли. — Двоих сроцтвинниках пригласили.*

Собираательные числительные в говоре некрасовцев, как и в русском национальном языке, изменяются по падежам, склоняются они по образцу имен прилагательных во мн. ч.: *троих, троим, троими, о троих*. Специфика склонения собираательных числительных в говоре некрасовцев выражается в том, что в речи встречаются преимущественно формы и. п. / в. п. данных числительных.

В говоре имеются такие словосочетания собираательных числительных с существительными в форме в. п., в которых наблюдаются факты нарушения формального

выражения категории одушевленности / неодушевленности: числительное **трое** в сочетании с неод. существительными имеет в в. п. форму, характерную для одуш. лексем: **троих сутак** пирага ня ел, **троих сутак** вады ня пил. — *Шшей мне, батюшка, троих поринних; мать, испяки троих хлебах.*

3. Порядковые числительные

3. Порядковые числительные по своим грамматическим свойствам (имеют категорию числа и рода, согласуются с существительными, склоняются, как относительные прилагательные), по морфологической структуре в говоре некрасовцев, как и в русском литературном языке, сходны с относительными прилагательными.

Как правило, порядковое числительное в говоре некрасовцев, как и в русском литературном языке, находится в препозиции по отношению к существительному, в редких случаях возможна постпозиция: *Так мне в дикабре диятава будеть шысят пять.*

В целом грамматические свойства числительного говора ничем не отличаются от соответствующих грамматических характеристик числительного в литературном языке. Самое существенное отличие — это преимущественное употребление количественных и собирательных числительных в форме и. п. либо в. п., т. е., отличие статистического характера, обусловленное устной формой речи.

Имеющиеся морфологические отличия числительного говора характерны не для самого числительного, они связаны: а) либо с особой флексией существительных говора в в. п. мн. ч. в сочетаниях с количественными числительными: **-ах, -ох, -их** (*восимь кабаниках*); б) либо с фактами нарушения в говоре формального выражения категории одушевленности / неодушевленности, в том числе и в сочетаниях с числительными (*ня ел троих сутак*).

Раздел 5

ГЛАГОЛ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИДЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ГЛАГОЛА ГОВОРА КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ

В данной главе представлена лексико-тематическая классификация глагольной лексики, основанная на идеографической концепции лексикона. За основу классификации взят синопсис идеографической части, представленный в комплексном учебном словаре «Лексическая основа русского языка»⁵⁵¹.

Описание базируется прежде всего на ономаσιологическом подходе: анализ ведется от содержания к выражающим это содержание языковым формам. Понятия расположены в естественном порядке, сгруппированы по области их употребления, а формально — по их видовому признаку. Такое описание призвано выявить существующую системность в окружающем нас языковом океане. В результате группировки материала по родо-видовому признаку сама собой должна выявляться языковая картина отдельных областей (а в конечном итоге — и всего мира в целом), свойственная мировидению казаков-некрасовцев. Описание лексикона на основе ономаσιологического подхода позволит выявить специфику и своеобразие членения в говоре некрасовцев общего для всех языков смыслового континуума. «Сгущения» одних тем и «разряженные пространства» других тем дают нам любопытные факты для описания объективной картины процесса познания мира казаком-некрасовцем.

Собранный материал глагольной лексики говора казаков-некрасовцев выявил, что макрокласс «Глагол» говора состоит из следующих лексико-тематических классов: класс «Абстрактные отношения и формы существования материи», класс «Неорганический мир», класс «Органический мир». Указанные классы, в свою очередь, дифференцируются на подклассы и группы.

1. КЛАСС «АБСТРАКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ МАТЕРИИ»

Присутствие класса «Абстрактные отношения и формы существования материи», хотя и не самого многочисленного среди других классов (в сопоставлении с классом «Органический мир»), является важным и значимым показателем активной деятельности языкового сознания казаков-некрасовцев по формированию абстрактных понятий и обобщенных наименований форм существования материи.

⁵⁵¹ Лексическая основа русского языка / Под ред. В. В. Морковкина. М.: Русский язык, 1984.

Класс «Абстрактные отношения и формы существования материи» дифференцируется на следующие подклассы: 1) «Существование, бытие»; 2) «Пространство»; 3) «Время»; 4) «Изменение»; 5) «Движение»; 6) «Количество»; 7) «Качество»; 8) «Форма»; 9) «Порядок»; 10) «Причинность». Самый многочисленный подкласс — это «Движение», самые незначительные по количеству — подклассы «Количество», «Качество», «Порядок», «Причинность».

1.1. Лексико-тематический подкласс «Существование, бытие» представлен такими группами: 1) глаголы, называющие конец бытия; 2) глаголы, называющие активные действия, связанные со спасением жизни другого; 3) глаголы, называющие существование. Статистические данные собранной картотеки свидетельствуют, что в целом некрасовец выделял глаголы, называющие конец бытия, а также активные действия, связанные со спасением жизни другого.

1. Глаголы говора некрасовцев, называющие конец бытия, представлены значительным количеством примеров, в основном это глаголы, называющие физическую смерть, уход из жизни без участия стимулирующего субъекта, в единичном случае — с участием стимулирующего субъекта:

Заморить [замарить] — ‘убить’ (*Ани иво патом замарили*). **Замориться** [замариться] — ‘умереть’ (*Маи братья замарились*). **Зарыться** [зарыцца] — ‘умереть’ (*Батяка и мамака у мене зарылись*). **Натянуться** [нъянцуца] — ‘груб. умереть’ (*В дароги вон нъянцуси*). **Перетопнуть** [пиритопнуть] — ‘утонуть’ (*Нашы рыбалки чуть ни пиритопли*). **Попотопнуть** [пъпытануть] — ‘утонуть’ (*Нашы мужыки рыбалили, многа пъяптанули*).

2. Глаголы говора некрасовцев, называющие активные действия, связанные со спасением жизни другого, также представлены в лексиконе некрасовца значительным количеством примеров:

Вырятовать [вырятьвьть] — ‘спасти, освободить’ (*Някрасав вырятьвьль нас аттэда*). **Отпечаловать** [атпячалавать] — ‘спасти, вылечить’ (*Врачи тока могут атпячалавьть*). **Отрятовать** [атритавать] — ‘спасти, вылечить’ (*В больницы миня атритавали*). **Поотрятовать** [пътритавать] — ‘спасти’ (*Рибёнака павитуха пъятритавала*). **Поспасти** [пъспасти] — ‘спасти’ (*У Марьи радилси Никитушка, зглазили, пъякричал и умир, ни пъяспасли*).

3. Глаголы говора некрасовцев, называющие существование, представлены единичными примерами:

Дуться [дуцца] — в знач. ‘находиться, обитать’ (*Ути на плавнях дуюцца*).

1.2. Лексико-тематический подкласс «Пространство». Выделяются такие группы: 1) глаголы, называющие действия, акцентирующие расположение, определение в пространстве человека или вещи; 2) глаголы, называющие действия, акцентирующие изменение места в пространстве человека или вещи.

1. Глаголы, называющие действия, акцентирующие расположение, определение в пространстве человека или вещи, преобладают:

Хорониться [хъранища], **Схорониться**, **Таиться** [таища] — ‘прятаться, спря- таться’ (*Ф прятки игравали, ф сан: хъранилися и искали друг друга. — Возир ни наши, хазяйской, хазяин стържов нанимаить, а мы таилися*). **Одържаться** [адяржаща] — в знач. ‘зацепиться’ (*Адържался за плитень, да пъвиснул*). **Огарнуть** [агарнуть] — ‘окру- жить’ (*Как агарнули иво, пытали, где золата*). **Понайти** [пънайти] — ‘найти’ (*Зимой на платок прикалывали герань, тут такой ни пънайти*). **Пристигать** [пристигать], **Пристигнуть** [пристигнуть] — ‘застигать, застигнуть’ (*Пашили на возир з братом, а тут ночь пристигла*). **Хоронить** [хъранить] — ‘прятать’ (*Хто сазанчика, хто самёна- цка, хто ракаф притянить, в мяшочик складём, схъраним, кумузей был, пръвирил*).

2. Глаголы, называющие действия, акцентирующие изменение места в про- странстве человека или вещи:

Гахнуть [гахнуть] — ‘рухнуть, свалиться’ (*Была зямли трусения, так хатина крыша гахнула*). **Отчались** [атчалища] — ‘отчалить’ (*Атчалилися ад берега, пълпыли*). **Перебавиться** [пирибавища] — ‘переселиться’ (*Патом я в Истамбул пирабавился*). **Попровалиться** [пъправалища], **Ширкнуться** [шыркнуща] — ‘про- валиться’ (*Зямли трусения сильная была, пъправалилася църква. — Там балота, раз и шыркнися*). **Перепрокинуться** [пиръпракинуща] — ‘перевернуться’ (*Канём бех, да пиръпракинулси*). **Тяпнуться** [тяпнуща] — в знач. ‘упасть’ (*Спаткнулси да тяп- нулси*). **Хлыкнуть** [хлыкнуть] — ‘упасть в воду, оказаться под водой’ (*Илюша фсё за мной шол, вон малинькай, а тут витярок и вална, вон как хлыкнул, уже вада из-за рта выскакуить, я как закричала*).

1.3. Лексико-тематический подкласс «Время». Состоит из глаголов, обо- значающих: 1) начало какого-либо действия; 2) временной отрезок, определенный срок (его установление, нарушение, опережение).

1. Глаголы, обозначающие начало какого-либо действия:

Зачать [зачать], **Зачинуть** [зачинуть, зачинуть] (в 1 знач.), **Затеять** [затеить] — ‘начать’ (*Зачала малая у старшей спрашивать, што и как делать, и фсё вмести де- лать стали — и гулять, и мазаца. — Кали зачинём мазаца, глина была ванючая, а тела чистая становища. — На зиму пънапильть дроф, патом фсё дъстають, затеють тапить гарнушыщю, да хлебушки пикём*). **Учинать** [учинать] — ‘начи- нать’ (*Пад гармошку фсякаи пели песни, я учинала*). **Зачаться** [зачаца] — ‘начаться’ (*Мълако закипитили, на медлиной агонь паставили, зачнёца тамища, щалбой вына- ють и ф чашку ложуть*).

2. Глаголы, обозначающие действия, связанные с временным отрезком, опре- деленным сроком (его установлением, нарушением, опережением, изменением):

Обгодить [абгадить] — ‘подождать’ (*Ставили чайник на гарнушку, абгадиш, он нагрещца и выгладиваши платочик*). **Обжидать** [абжидать] — ‘ожидать’ (*Авици- ки паставим и купамси, абжыдаим, када чайка затеила садища, значить, пашла рыба*). **Опоздниться** [апазнища] — ‘опоздать’ (*Кинулася, а ничё ни найду, ни успела, апазнилася*). **Попройти** [пъпрайти] — ‘о времени: миновать’ (*Муш играл, када мъла- дой был, хороший был голас, да лята пъпрашили*). **Приходиваться** [приходивыща] — ‘совпасть с чем-то’ (*Дети на ражыство приижают, на фсе празники их приезды приходивыюца*). **Уранить** [уранить] — ‘сделать что-л. раньше времени’ (*Ураниш*

залить сиропам — пышки жосткаи, а пъяжась три, чатыри часа, вот иё иш, ана таить). **Одержаться** [адяржацца] — в знач. ‘задержаться’ (*Фсе сидела, ждала их ф хладоушники, а ани адяржались, приехали ночью).*

1.4. Лексико-тематический подкласс «Изменение». В своем большинстве лексемы данного подкласса называют действия, акцентирующие в значении глагольной лексемы: 1) семантические компоненты «появление», «отделение», «соединение», «разъединение»; 2) изменение качественных характеристик человека (возраста, цвета лица), реже предмета, с отрицательной оценкой; 3) изменение качественных характеристик человека (возраста, образования), реже предмета, с положительной оценкой.

1. Глаголы, обозначающие действия, акцентирующие в значении глагольной лексемы семантические компоненты «появление», «отделение», преобладают в составе данного подкласса:

Выйтить [выйтить] — в знач. ‘появиться, войти в употребление’ (*Перва, када мамака дифчоначнай была, был рубель, а патом утюх вышал).* **Отрожниться** [атражница] — ‘отделиться’ (*Мы атражнилися ат сваей стади, у турки жыли).* **Отрожнять** [атражняць], **Отрижнуть** [атрижнуть] — ‘отделять / отделить’ (*Масла, ана сверху на мьлаке: атражняиш, събираиш, патом в глиняной чашики диривянай лошкой збываиш).* **Отсекать** [атсякать], **Отсечь** [атсечь] — ‘перестать / переставать, прекращать / прекратить’ (*Пашаницу касили вручную, снапы вязали тожа, мьлатили вручную, патом атсекли: мьлатилка приижал, он и мьлатил).* **Отсекаться** [атсякацца] — ‘прекращаться’ (*Па времени примерно в актибре защинаят силётка лавицца, патом атсякацца).*

2. Глаголы, обозначающие действия, акцентирующие в значении глагольной лексемы изменение качественных характеристик человека (возраста, цвета лица), реже предмета, с отрицательной оценкой:

Нижать [нижать] — ‘перен. стареть’ (*Какии унуки павырасли, багатыри. А мы нижаим).* **Попожелтеть** [пыпажылтеть] — ‘пожелтеть’ (*Ана пьпажылтела, да лиж бы жывая была, фсё будить, как палучицца).* **Пополоветь** [пыпалаветь] — ‘побледнеть’ (*Я страшна как баялася воду: када идёш, а вада празрачная, мне кажыцца, вот эта нёба, и я щас наступлю и уйду куда-небыть, фся пьпалавею, а брат видёт за руку).* **Хужать** [хужать], **Похужать** [пахужать] — ‘становиться хуже’ (*Атес фсе хужал, патом умир, а я с Мишкой асталася, вот така учеба у мене была).* **Пообнизиться** [пыабницца] — ‘стать ниже’ (*Сарайчик турлучнай, вон пьабнизился, сафсем в землю уиёл).*

3. Глаголы, обозначающие действия, акцентирующие в значении глагольной лексемы изменение качественных характеристик человека (возраста), предмета, с положительной оценкой:

Замолодеть [зъмьладеть] — ‘вырасти, превратиться в юношу, девушку’ (*Сястра зъмьладела, пасватали, гот праиол — бяруть).* **Поновить** [пынавить] — ‘возобновить, восстановить’ (*Матирялу нет, бабушкин балахон ни магу пьнавить).* **Поинеть** [пайнеть] — ‘измениться, стать иным’ (*Здесь мы пайнели: стали багатаи, машины у кажнава, благодарим Бога, ни абижаимси ни на што).*

1.5. Лексико-тематический подкласс «Движение». Выявляет в своем составе глагольные лексемы: 1) с общим значением «перемещение в зависимости от направления», которое уточняется как движение вовнутрь, наружу, вверх, по кругу, в разные стороны; 2) с общим значением «качество движения, реже модальность движения»; 3) с общим значением «перемещение в конечную точку или в определенную точку»; 4) с общим значением «перемещение через препятствие»; 5) с общим родовым значением «перемещение»; 6) с общим значением «перемещение в зависимости от среды, средства»; 7) с общим значением «перемещение из какой-либо начальной точки или возвращение в исходную точку».

1. Глагольные лексемы с общим значением «перемещение в зависимости от направления», которое уточняется как движение вверх, по кругу, вовнутрь, движение в разные стороны, наружу занимают значительное место в составе данного подкласса.

1.1. Движение вверх:

Допрядывать [дапрядывать] — ‘допрыгивать’ (*Щигарда игра така: фсе прядают, о-куды дапрядывают*). **Подпрянуть** [патпрянуть] — ‘подпрыгнуть’ (*Ат камышов на чистой ваде вентури ставили, в камышах змеи вадилися, как зашуришить, я как патпрянула*). **Сподняться** [спадняцца], **Сподыматься** [спадымацца] — ‘подняться’ (*Ути спднылись да пълители*). **Сподымать** [спдымать], **Споднять** [спдннять] — ‘поднимать’ (*Воду с озера таскали сами: спдадымаиши ношу вады и таскаиши*).

1.2. Круговое движение:

Кружить [кружыть], **Окруживать** [акружывать], **Окружить** [акружыть] — ‘обходить, обегать кругом’ (*Играим, адна адну ловим, сарай, хату кружым. — Возир акружываим, и в лес за аржавикай*).

1.3. Движение вовнутрь:

Влазить [влязть], **Влезть**, **Лезть** [лесть] — ‘входить в помещение’ (*Влез ф цулан, там икона стояла, дальшы сарайчик, там зярно, мука. — На ражыство ф церкву лезиши, молисси. — А щас там хорошая церква, чудная, и церква, и кляколяня, ну правда я на кляколяню ни влязала, дюжа высако*).

1.4. Движение в разные стороны:

Треться [тресцца] — ‘трястись’ (*Змяля трисения начнулася, зимля начнула тресца, и солнушка памяркала*).

1.5. Движение наружу:

Вылезть [вылысть], **Вылазить** [вылазть] — ‘выйти откуда-либо’ (*Унуки баландалися, баландалися у ваде, смёрзли и вылизли*).

2. Глагольные лексемы со значением «качество движения, реже модальность движения» также занимают значительное место в составе данного подкласса:

Дёрнуться [дёрнуцца] — ‘быстро пойти, уйти’ (*Увидили чиркизина, аттоле дёрнулись*). **Вдарить** [вдарыць] — в знач. ‘быстро, сразу сделать что-л.’ (*Турки дали им пять дней, штоп ушли ф сваю гасударству, а ни уйдуть, паряшуть. Греки вдарили, ушли*). **Крутнуться** [крутнуцца] — в знач. ‘мгновенно отойти’ (*В мяшочик склади,*

камышом закроим, идем, а тут кумузей, мы крутнулись ат ниво). **Нарипываться** [нарипувацца] — ‘пытаться нападать’ (Турчанин многа рас нарипувался на нашы зем-ли). **Плынуть** [плынуть], **Сунуться** [сунуцца] (во 2 знач.), **Стрянуться** [стринуцца] — ‘броситься что-либо сделать’ (Фсе плынули, искали машыны, хто на афтобусу, хто на газели паехал. — Буяничать затеил, как сунуцца, как рванул дверь. — Стрянувшись иё искать, а ана к чиркизину убегла, аблюбила). **Тяпать** [тяпать] — ‘медленно идти, брести’ (Мы з братам хадили венцерь ставить, идём, тяпаим, вон грить, што тут ты правалисси). **Тяпнуть** [тяпнуть] — в знач. ‘броситься, помчаться’ (Мы ехали на грузовой машыны, как тяпнули, вутри ф Стамбули были, а ф часика три на тупла-ход зашли). **Тяпнуться** [тяпнуцца] — в знач. ‘броситься на что-л.’ (Тяпнулси на змяи-ху, вдарил, ана упалзла).

3. Глагольные лексемы с общим значением «перемещение в какую-либо конечную точку или в определенную точку»:

Одержать [адяржать], **Одерживать** [адержывать] — ‘поймать / ловить’ (Мой атес ружгой ахотилис: адержывал кабанов, утей). **Перестретиться** [пиристретицца] — ‘встретиться на пути’ (У кажнава сваи венциры, если, ни дай Бох, хто-та пиристретицца, тада мяняим места, патаму шта можыть притить и украсть). **Поприйти** [паприйти] — ‘прийти’ (Патом турки папришили ф сяло, зямли стала мала). **Подполазывать** [пытпазывать], **Подползть** — ‘подползать / подползти’ (Развеччик патпалос и услышал, што ани гутарять).

4. Глагольные лексемы с общим значением «перемещение через препятствие»:

Перебродить [пирьбрадить] — ‘переходить вброд’ (В озири острав был, идёш, чиряз воду пирьбродиш, выйдиш, а там пясок). **Перепрыдывать** [пиряпрыдывать], **Перепрыгнуть** [пиряпрыгнуть], **Тяпнуть** [тяпнуть] (в 3 знач.) — ‘перепрыгивать / перепрыгнуть’ (Ишек с нами хадил на лиман, воду привазил, патом вон пиряпрыгнул забор, да ушол. — Ани тяпнуть чирис плитень и ойвы драць зачнуть).

5. Глагольные лексемы с общим родовым значением «перемещение»:

Итить [итить] — ‘перемещаться’ (На крицению нада итить в церкву, патом на иардань, а там на креститель кидалися, на весь лиман вада асвященная была). **Напрямить** [напрямить] — ‘направить’ (Напрямил нас Игнат и в лес пьсадил, а Катярина на Майнозы). **Поблизеть** [паблизыть] — ‘стать ближе, приблизиться’ (Уже Ражыство паблизыла). **Рушаться** [рушацца] — ‘двигаться с места, перемещаться’ (Мы рушылись и сюды пришли задними ступянями, а нам ни велина сюды прихадить).

6. Глагольные лексемы с общим значением «перемещение в зависимости от среды, средства»:

Бегать [бегать], **Бечь** [бечь], **Беить** [бешть] — в знач. ‘ездить / ехать’ (Дошка жывёт в Ыстони, я пазалеташний гот туду бегала. — Смотрю, а там черкезины бяжать вярхами). **Бегать** [бегать], **Бечь** [бечь], **Беить** [бешть] — в знач. ‘плавать / плыть на лодке, пароходе’ (Нашы рыбабофцы парусными лотачками па морю бегали). **Пхаться** [пхацца] — ‘отталкиваться (веслом)’ (Атес то брата бирётъ, то мне, я грябу, пхаюся. А вон выкидываит барбелочки).

7. Глагольные лексемы с общим значением «перемещение из какой-либо начальной точки или возвращение в исходную точку»:

Избечь [избечь], **Избеишь** [избеишь], **Убечь** [убечь], **Убеишь** [убеишь] — ‘убежать, сбежать’ (*Нам привифки далжны делать, штоп ни зъразилися, приехали на машинах в белых халатах, а мы избегли. А ани апятъ, ат етава ни убяжыши*). **Крутнуться** [крутнуцца] — в знач. ‘уйти’ (*Врац ляку дал, крутнулси, а вон ф три часа ноци памёр*). **Перекрутиться** [пирькрутицца] — ‘вернуться’ (*Работал па найму ф Стамбули, но тянула к радным, пирькрутилси в радной сяло*).

1.6. Лексико-тематический подкласс «Количество» содержит глаголы со значением: 1) «оценка количества»; 2) «величина, размер».

1. Глагольные лексемы с общим значением «оценка количества»:

Ездивать [ездивать] — ‘ездить неоднократно’ (*Ф Стамбул ездивал: то работал, то за нивестой, ана гастила ф тех краях*). **Ливнуть** [ливнуть] — в знач. ‘вылить что-либо за один прием’ (*Пышки насыпаить сахарам. А патом сиропа ливнёть*).

2. Глагольные лексемы с общим значением ‘величина, размер’:

Менеть [менить] — ‘уменьшаться’ (*Уже ночи менить начнули*).

1.7. Лексико-тематический подкласс «Качество» включает глагольные лексемы со значением «оценка качества»:

Гожаться [гажацца], — ‘быть годным для чего-л., годиться’ (*Ета адежа ни наша, нам ни гажацица*). **Губиться** [губицца] — ‘пропадать, портиться’ (*В глиняных мляко квасили, тада ана ня губицца, жарка жа*). **Точиться** [тачицца] — ‘крошиться’ (*Была мука пацатная, хлеп из ниё ня точицца, бяс крошак*).

1.8. Лексико-тематический подкласс «Форма» включает глагольные лексемы, называющие действия, акцентирующие: 1) «положение человека в позе всадника», «скорченную позу человека, напоминающую позу всадника», 2) редко «изменение формы предмета».

1. Глагольные лексемы, называющие действия, акцентирующие «положение человека в позе всадника», «скорченную позу человека, напоминающую позу всадника»:

Окарачить [акарачить] — ‘сесть на что-либо, охватив ногами’ (*На дериву сел, акарачил, как на ишаку*). **Смыжиться** [смыжыцца] — ‘сжегиться, скорчиться’ (*Она затрудала, смыжылась и ляжыть*).

2. Глагольные лексемы, называющие действия, акцентирующие изменение формы предмета:

Приострить [приастрить] — ‘заострить’ (*Надать клюшычку приострить*).

1.9. Лексико-тематический подкласс «Порядок» включает в свой состав глаголы со значением «оценка соответствия/несоответствия правилам поведения в данной социальной группе»:

Порасфасулиться [пърасфасулица] — ‘важно рассестся’ (*Дядофинына търасфасулились, биседуютъ*). **Порудить** [парудить] — ‘нарушить, осквернить’ (*Нихто ф Турсии ни парудил сваю веру*).

Кроме того, имеется глагол со значением «порядок следования»:

Чередоваться [чиридавацца], — ‘становиться в очередь’ (*Ф кина пашли, там фсе чиридующа, ф каси бяруть билеты*).

1.10. Лексико-тематический подкласс «Причинность» включает в свой состав глаголы со значением «случайность»:

Заприпасть [заприпасть], **Припасть** [припасть], **Страпляться** [страпляцца] — ‘прийтись, случиться / случаться’ (*Тольки ниделю пѣхадил ф школу, большы ни припала: Мишу няньчила. — Эта фсѣ прашло, многа фсяво страплялася, типерьта и ня помню*). **Стѣхтерить-сбохтерить** [стѣхтирить-збохтирить], **Стюхтерить-сбахтерить** [стюхтирить-збахтирить] — ‘сделать что-л. вдруг, непродуманно’ (*Радитили стюхтирили-збахтирили, аддали замуш за меснава, нас асоба ня брали, хто таких темных будетъ брать*).

Кроме того, имеется глагол со значением «сила, воздействие»:

Заповедать [зѣпаведать] — ‘запретить’ (*Турки нам зѣпаведали сваю школу, учицца па-руски, тока па-турски*).

2. КЛАСС «НЕОРГАНИЧЕСКИЙ МИР»

Лексико-тематический класс «Неорганический мир» в рамках глагольной лексики состоит из трех подклассов: «Космос», «Земная поверхность», «Атмосферные явления».

Лексико-тематический подкласс «Космос» представлен одной лексико-тематической группой — «Звезды и планеты». В данном классе можно выделить группу глаголов, называющих перемещение, результаты перемещения, состояние небесных тел, небесной сферы, которые чаще всего акцентируют семантический компонент «переходное время суток, чаще всего вечером, реже утром».

1. Глаголы, значение которых включает семантический компонент «сумерки / начало ночи или дня», а также «луна / месяц»:

Нарожаться [наражацца] — ‘о луне: рождаться’ (*Мѣлады снoхи в ыгры ни играли, какии куклы: вечир, мѣсиц наражаицца мѣладой, а ани вяжущъ, прядущъ*). **Померкать** [пѣмяркаць] — в знач. ‘о месяце: меркнуть, гаснуть’ (*Када летам рана едши ф поли, мѣсиц садицца, пѣмяркаиць*). **Ущербать** [ущарбаць] — ‘о луне: идти на ущерб’ (*Солнушка мѣсиц хватаиць, вон уцарбаиць, мѣниць*).

2. Глаголы, значение которых включает семантические компоненты «рассвет», а также «солнце»:

Выкатываться [выкатывацца, укатывацца] — ‘о солнце, звездах: всходить’ (*Сонца выкатываицца, миру светить*).

Лексико-тематический **подкласс «Атмосферные явления»** представлен одной лексико-тематической группой **«Определенное время суток»**, в которой номинируются процессы, происходящие в атмосфере утром или вечером:

Осветать [асятать], **Рассвентуться** [рассвенуцца] — ‘рассветать / рассвести’ (*Фставали рана, тока рассвеницца — фстали и паили работать*). **Тусметь** [тусметь], **Померкать** [пъмяркать] (во 2 знач.) — ‘смеркаться’ (*Иной раз запазниши, приеши, а уже стала тусметь*).

Подкласс «Земная поверхность» представлен одной лексико-тематической группой **«Определенный участок земной поверхности»**, в котором номинируются процессы, происходящие в водоемах или на заболоченных участках.

Гулять [гулять] — ‘о водоеме: освобождаться ото льда’ (*У нас холодна сильна ни было, возир замирзал на краям, а сирядина гуляла*). **Замулить** [замулить] — ‘занести илом’ (*Када гирлу замулить, иё чистють*). **Осыхать** [асыхать] — ‘о водоеме: просыхать’ (*На вастоки, возли озера, вадой зьливалася, асыхала, и фасоль садили, ано само паливалася*).

Подкласс «Атмосферные явления» состоит из наименований, связанных с морозом и холодом.

Запрохладнеть [запрахладнить], **Захолодать** [захъладать] — ‘похолодать’ (*Зимляной пол был, если запрахладнила, дровами чуть пратопим, вугля ни было. — Марозы будуть, захъладаить, мы убирём усе, магу присесть и тебе усе рассказать*). **Сморозить** [смарозить] — ‘заморозить’ (*Винаград был, тока прапал, маросиво смарозил*).

3. КЛАСС «ОРГАНИЧЕСКИЙ МИР»

Собранный материал показывает, что лексико-тематический **класс «Органический мир»** в рамках глагольной лексики состоит из следующих подклассов: «Человек», «Растительный мир», «Животный мир».

3.1. Лексико-тематический подкласс «Человек» состоит из следующих лексико-тематических групп: 1) «Человек как живое существо»; 2) «Человек как разумное существо»; 3) «Человек в обществе».

Лексико-тематическая группа «Человек как живое существо»

В лексико-тематической группе **«Человек как живое существо»**: можно выделить такие подгруппы: 1) глаголы с общим семантическим компонентом «состояние здоровья»; 2) глаголы, называющие конкретные физические действия человека, не дающие ему профессиональную, социальную, эмоционально-интеллектуальную или какую-либо другую качественную характеристику; 3) глаголы, называющие различные этапы, способы насыщения и отношение к процессу насыщения; 4) глаголы, называющие действия, связанные с соблюдением гигиены; 5) глаголы, называющие действия, связанные с защитой от холода/жары.

1. Глаголы с общим семантическим компонентом «состояние здоровья»:

а) глаголы, называющие болезненные действия и состояния или действия и состояния, вызванные болезнью:

Грызть [грысть] — ‘болеть, ныть’ (*Ноги грызутъ, спина балить, фсё нанис, нанис*). **Затрудать** [зътрудать] — ‘заболеть’ (*Сначала атес Трифан был, зътрудал, апирацью зделали, и он вумир*). **Крёхнуть** [крёхнуть] — ‘застонать’ (*Идём на ниву, тут батя наш крёхнул, ногу вывирнул, а ана направила*). **Окаличиться** [акаличицца] — ‘искалечиться’ (*А наша Лена: лицо и руки — фсё паслезла, в нутри пашло, акаличилася*). **Опроклять** [апраклятиць] — ‘дойти до изнеможения’ (*Адна жэнка и пь врачам, и па бапкам, ницаво, апраклятила, а Хвёдар пьмагнул*). **Отхудать** [атхудать] — ‘похудеть’ (*Ана бясилася, на сабе фсё рвала, атхудала, скока слёз было*). **Принемочь** [принямочь] — ‘приболеть’ (*У нас ф Турсии были бапки, ани здесь памёрли. Приняможыи — спасають*). **Притрудать** [притрудать] — ‘тяжело заболеть’ (*У мене малая сястра была, вот крикуха, притрудала и умирла*). **Сгорбатиться** [згорбатицца] — ‘согнуться, сгорбиться’ (*Притрудилася наша бабака, згарбатилася*). **Сербеть** [сербеть] — ‘чесаться’ (*Раны аткрываюцца, пузырями на тели делаюцца, сярбить тела, а дятка Хвёдар зьгаваривал*). **Трудиться** [тудицца] — ‘болеть’ (*Пирязябла и с тех пор затеила тудицца*).

б) глаголы, называющие действия или состояния, демонстрирующие восстановление здоровья человека или здоровое физическое и физиологическое состояние:

Довидовать [давидавать] — ‘хорошо видеть’ (*Вязли и шыли вечирам, свету ни было, а глаза давидавали, а цаз глаза ни давидавають*). **Оживеть** [аживеть], **Оживливать** [ажывливать] — ‘ожить/оживать’ (*Я в больницы ляжала, нас трои ф палати было, фсе аживели*). **Оздороветь** [аздраветь, аздаровить], **Сколяматься** [скалямацца] — ‘выздороветь’ (*А патом снаха скалямалася, патиhoньку хадила, работу делала*).

в) глаголы, называющие действия, вызывающие болезнь:

Вдарить [вдарить] — в знач. ‘поразить (о болезни)’ (*Боль такая, «ат змяи» называицца, вдарила Лену, как игэма*). **Осакатить** [асакатить] — ‘искалечить’ (*Тягнула и асакатила ногу, пирьламила костачку*) — турецк. *sakat*. **Натюжываться** [натюжывацца] — ‘натуживаться’ (*Ражали в доми, баней ни было. Я помню, как Маня ражала, натюжывалася, кричала, и павятуха прихадила*). **Призатереть** [призьтиреть] — ‘растереть, натереть ногу’ (*Хьдаки грубаи, ноги призатёр*). **Сгорбатить** [згорбатиць] — ‘искалечить, согнув’ (*Боль яму спину згарбатила*).

г) глаголы, называющие эффекты действия холода на человека, как правило, отрицательные, реже — противодействие холоду:

Заколеть [закалеть], **Колеть** [калеть], **Смерзнуть** [смёрзнуть] — ‘замерзнуть/замерзать, остывать/остынуть’ (*Пьталки, палы зимляными были, если ба там были марозы, мы ба фсе закалели. — Пуститя, нутри калеють*). **Перегреться** [пиригрецца] — ‘погреться, отогреться’ (*Сафсем смёрзли, надо пиригрецца*). **Посогреться** [пьсагрецца] — ‘обогреться, согреться’ (*Ф чём нарядная, ф том ана и купаицца, три раза ныряить, а патом идёть висёлая ф хату пьсагрецца*). **Прохланиваться** [прьхла-ницца] — ‘освежиться, остыть’ (*Унуки у канали купаюцца, им нада прьхланицца*).

д) глаголы, называющие физиологические процессы и состояния:

Заспать [заспать] — ‘забыть что-то во сне, забыться’ (*Только ва сну заспю, а так пьачалось биз дштей*). **Клыкать** [клыкать] — ‘икать’ (*Дитёнак затрудал: фсе клыкаить*). **Осапить** [асапить] — ‘усыпить’ (*Атицу как раз апирацыю зделали, асапили фпирёт и зделали*).

2. Глаголы, называющие конкретные физические действия человека, не дающие ему профессиональную, социальную, эмоционально-интеллектуальную или какую-либо иную качественную характеристику:

Буцать [буцать], **Лоскать** [лоскать] — ‘бить’ (*Турки стали яво буцать, ани ни в яво метили, а папали в яво, папутали, ноць пьдвяла. — Училиа ф турецкай школи атнаслися хърашо, ня лоскали, а какой балывалси, — палуцал*). **Ворохнуть** [вврахнуть], **Ворошить** — в знач. ‘тронуть’ (*Инджыр пириспетай, иво варахнёт — падаить*). **Жигануть** [жыгануть] — ‘хлестнуть’ (*Каня плёткой как жыганёт, вон ряку пирыпрянул*). **Жигнуть** [жыгнуть], **Шибнуть** [шыбнуть], **Шибать** [шыбать] — в знач. ‘бросить/бросать’ (*В вайнушку ни играли, адна игра такая: в зимле делали дирьки и в них мечики шыбали*). **Защулыктать** [зщулыктать] — ‘защекотать’ (*Зщулыктали парнёчика, бяжыть, ривёт*). **Извалиться** [извалицца], **Изводлишья** — ‘склониться, опереться’ (*Сидить у стяны, извалился*). **Полозь** [палось] — ‘ползти’ (*Развеччик палос, а када пьтпалос, иво спаймали, пытали*). **Пощупливать** [пашщупливать] — ‘ощупывать’ (*Каунчики пашщупливають: спетай или нет*). **Тяпнуть** [тяпнуть] — в знач. ‘ударить’ (*У турак многа зямли было, дяфчатки наши хадили палолу свяклу па пьть лир, адна ногу тяпнула*). **Тухнуть** [тухнуть] — ‘дунов, потушить’ (*На маслину мамака сказку расказжыть, ламбу тухнёт, знациць, нам спать*). **Шакать** [шакать], — ‘равномерно постукивать’ (*Свету-та ни было, а ана ламбу зажгёт и сидить руками шёт нам адёжу, а пабаивалась ночью, за акошком шак-шак, шакаить*). **Шуркнуть** [шуркнуть] — ‘зашуршать’ (*Мужыки наши рыбалили, а мы адни, только шуркнуть што — мы харонимси*).

3. Глаголы, называющие различные этапы, виды, способы насыщения и отношение к процессу насыщения:

а) глаголы, называющие виды, способы насыщения:

Ворохнуть [вврахнуть], **Ворошить** — в знач. ‘попробовать’ (*Нардэк вврах-ни!*). **Омочать** [амачать, вачачать] — ‘о еде: обмакивать’ (*Галушки ворють, журка астаёцца, циснок амачаим ф соль, да ядим, галушки и журка*). **Шулукаць** [шулукаць] — ‘щелкать семечки’ (*Карман пришытай к поису, суда лажыли семички, шулукали*).

б) глаголы с общей семьей «насыщение», являющиеся гиперонимами (сюда мы включили и антоним, семантизирующий отсутствие насыщения):

Голодовать [гъладавать] — ‘не есть’ (*Ф пост мы лучче ели, чем в мясает. Ни гъла-давали*). **Исть** [исть, исъ] — ‘есть’ (*Мы больша любим исть рыпку. Ф Турсии баламут пасолим, фкусна, а тут мы иво в глаза ни видим*). **Ендаць** [яндать] — ‘неоднократно принимать пищу’ (*А так пастаяна диривяные ложычки были, и палоник диривяный был, и фсе с адной чашки яндали*). **Схрястать** [схрястать] — ‘съесть, сжевать’ (*Вута-цка фкусная, схрястал с кастьями*).

в) глаголы с семантическим компонентом «время приема пищи»:

Вечерать [вичерать], **Вечерять** [вичерять, вищерить] — ‘ужинать’ (*Вечирам вицерили*). **Пондлевать** [пъндлявать] — ‘обедать’ (*Сирёд дня пндлявали*).

г) глаголы с семантическим компонентом «отношение к процессу насыщения»:

Гадиться [гадицца] — ‘брезговать’ (*У нас саседи жыли, две турицанки, на празник булащик напаякуть и нясутъ нам, а я гадюся истъ*). **Наяндыривать** [наяндыривать] — ‘есть быстро, с аппетитом’ (*Рынку напластаим, шарбу ворим и наяндыриваим*).

4. Глаголы, называющие действия, связанные с соблюдением гигиены, в которых также присутствует семантический компонент «состояние здоровья, его сохранение»:

Банить [банить], **Выбанить** [выбанить], **Побанить** [пабанить] — ‘мыть / вымыть что-либо’ (*Доить пайдётъ, бочку поставим, налёцца, стираимси, шоп птрашком банить, ни было птрашка*). **Обанивать** [абанивать] — ‘обмывать’ (*Была трава «тушканий ушка», детей лячили: заваривали и ентим атварам абанивали*). **Обаниваться** [абаницца] — ‘искупаться’ (*У наз баний ни было, детей купали ф тазиках, караманьки называлися, да и сами там абанилися*). **Перекупаться** [пирькупацца] — ‘выкупаться’ (*Купалися в доми: прииол, пирькупался, лёх*).

5. Глаголы, называющие действия, связанные с защитой от холода / жары, в которых также присутствует семантический компонент «состояние здоровья, его сохранение»:

Надеваться [нъдивацца] — ‘одеваться’ (*Дома нъдявались в рубаху, я щас так хажу*). **Понадеть** [пънадеть] — ‘надеть’ (*У нас ни хадили гълышом: дефки пнадеютъ свяску: святки, булафки, сирёшки, а замуж вышла, уже ты пнакрытая и ф платку*). **Таскать** [таскать] — в знач. ‘носить’ (*Ф школу форму таскали, формы фсе пкупали, у наз была юпацца на ризинацки, на шеи бант на ризинацки*).

Лексико-тематическая группа «Человек как разумное существо»

В лексико-тематической группе «Человек как разумное существо» можно выделить такие подгруппы: 1) глаголы, называющие различные виды речевой деятельности; 2) глаголы, называющие различные виды поведения человека, сопряженного с межличностными контактами; 3) глаголы, называющие различные эмоции: любовь, жалость, тревогу, гнев, испуг, отчаяние, ненависть, сомнение; 4) глаголы, называющие ментальные процессы и состояния; 5) глаголы, называющие действия, сопряженные с обучением.

1. Глаголы, называющие различные виды речевой деятельности:

а) глаголы, называющие различные аспекты межличностной языковой коммуникации: способность к речевой деятельности, участие в контакте, поддержание контакта, уклонение от контакта, спор, ссору, молчание:

Беседать [биседать], **Гутарить** [гутарить] — в знач. ‘говорить’ (*Патом мама младший снахи сваей дощки биседаить: «Старшая снаха делать, и ты делай»*). —

Мне сядовни званила буквально Валя Синякова. Приглашала куда-то выступать, но я гутарю, што занята). **Беседать** [биседать], **Гутарить** [гутарить] — в знач. ‘разговаривать’ (Если съ двара выйдим са школы, тады биседуим па-руски. А ф школы — не-е-е, пряталися. — Среди русских пьсиленцав были хахлы, боли «святыи», щем мы. Адёжа у них: панёва, вянок, ленты, па-сваёму гутаряють). **Гутарить** [гутарить] — в знач. ‘рассказывать’ (Мамака гутарила скаски, но очинь мала, вот пра Алёнушку). **Помалчиваться** [памалчивацца] — ‘помалкивать’ (Нам должна пьччиняцца, памалчивацца). **Затыкаться** [затыкацца] — ‘вмешиваться в чужой разговор’ (Када муцины разгъваривають, жэньки ня затыкаюцца). **Дотакивать** [датакьвать] — в знач. ‘поддакивать’ (Матушка з батюшкой придуть и гутаряють: «Свашынька, ну будим уже жаницца, ну будим, сын биспакоицца», а ана датакьваить). **Назвонить** [нъзванить], **Натараберить** [натараберить] — ‘наговорить много’ (Летам дети при-яжжають и унуки, названють: «Бабушка, ты у нас харошая!». — Зимой приедии, я табе натараберю, тады делать нечива). **Клясться** [клясцца], **Тягаться** [тягацца], **Тяжиться** [тяжыцца] (во 2 знач.), **Пораться** [порацца] — ‘ссориться, ругаться’ (Ана пирьвиρνёт лошку, а мыть ня моить, стала старшая снаха, Маня, што править, начнула клясцца с ней. — Ани щас в ипатеку фступили, а хто знаить, будуть ли ани жыть? А вдрух ани пьтягаюцца? Мы ни тяжылися. — Жыли ф Турсии, с турками ни поралися). **Перекорять** [пирькарять], **Пораться** [порацца], **Тягаться** [тягацца], **Тяжиться** [тяжыцца] (в 1 знач.) — ‘спорить, пререкаяться’ (Здесь, на мести, гутаряють: «Турки были, турки и асталися», а я пирькаряюся: «Если ба ня турки, сафхос прапал ба»). — Симёнам назвали, а хатели Грузия назвать. Я поралася: тады был бы Грузия Харитонович, ни к сялу, ни г гораду. — Как напёцца, так тягацца са мной). **Пытать** [пытать] — ‘спрашивать’ (Ньрвала винаграду да панисла, а вон пытаить: «У каво ньрвала, дощка?»). **Справдить** [справдить] — ‘сказать правду’ (Фстрячал Иван Павлавич, он справдил: фстрячали с солим и хлебом, ф комнаты атапления было, драва събирать ня нада). **Внимать** [внимать], **Внять** — в знач. ‘слушая, воспринимать информацию’ (Хто внимаить, тот хьрашо вучицца).

б) глаголы, называющие процессы передачи информации с помощью языка, а также ее подтверждение:

Вестить [вястить], **Явить** [явить], **Повестить** [пъвястить] — ‘сообщать / сообщить’ (Снаха в магазини таргуить, да пъвястила нидамна, што пьсакратили. — А када вон умирал, дощка иво пытала: «Батя, яви нам, как ты лячил»). **Оказывать** [аказывать] — ‘открывать, делать известным’ (Ей атес нищаво ни аказывал, гутарил: «Ты гордая, ты ня будиши людям пьмагать). **Попоявить** [пъпьявить] — ‘сообщить всем’ (Фсем пьпьявили, што за белой глинай паехали: иё рьстваряють, гасють и па-том ентай «либёткай» к Пасхи, Ражыству пальчиками бялили). **Поправить** [папра-вить] — ‘подтвердить правдивость сказанного’ (И верить, на астанوفки там негди фстать, такая гара мусару. Анюта няхай паправить).

в) глаголы, называющие действия, состояния с компонентом «говорение на чужом языке», как правило, с отрицательной оценкой:

Дотакивать [датакьвать] — в знач. ‘изъясняться, вставляя в русскую речь иноязычные слова’ (Мы большы ни разгавариваим па-турецки, на сваём, на рускам гутарим, а датакьваим па-турски). **Хлехотать** [хлихатать], **Шлѣпать** [шлѣпать] —

‘разговаривать на чужом языке’ (*Арапенина видала, хлихатал па-сваёму. — Мы тут ни щиста па-руски гъварим, ф школи, ф Турсии, па-турецки ишлёпали: и атвящали, и гутарили, а па-руски тока дома, и то ретка*). **Покулдукаць** [пъкулдукать], **Прохлихотать** [прахлихатать] — ‘сказать что-либо на чужом, непонятном языке’ (*Были и чёрнаи калдуны, у турак их многа было: пъкулдукають, прахлихочуть пъ-сваёму, кому-та и пъмагнули*).

г) глаголы, дающие качественную характеристику сообщения, речи по параметрам ласковости, правдивости, истинности, бессодержательности, громкости:

Куковать [куковать] — ‘перен. ласково приговаривать’ (*Ана только радила Лену, куковала вакрух иё, а ана зъгасла*). **Нагутаривать** [нъгутаривать] — ‘наговаривать’ (*А Расии мы знали пънаслъшики. Турки нъгутаривали нам, што дитей наших пъзабяруть*). **Обсягать** [абсягать] — ‘оговаривать, обсуждать’ (*Мы там жыли па двоитрои сынавей са снохами и ни ругалися, ни апсягали, папирёк слова ни гутарили*). **Пересужать** [пирьсужать] — ‘судить о ком, осуждать кого’ (*Уважэня нет ни к старшаму, ни к младшаму, фсех пирьсужають*). **Тутукаць** [тутукать] — ‘пренебр. праздно болтать’ (*Садикав ни было, ф сем-восим лет на работы хадили ф поли, каласки събирали, тутукаць некада было*). **Шуметь** [шуметь], **шумнуть** [шумнуть] — ‘кричать / крикнуть’ (*Ну я рвала клубнику, нървала вядро, вон шумнул, пашла, а вон ляжыць, никак ня фстанить*).

2. Глаголы, называющие различные виды поведения человека, сопряженного с межличностными контактами:

а) глаголы, называющие недоброжелательное, неразумное, некорректное поведение, порой даже антиобщественное:

Буяничать [буяничать] — ‘буянить’ (*Нашы бурлаки нигде ни буяничали*). **Ворохнуть** [върахнуть], **ворошить** [варашыть] — в знач. ‘перен. беспокоить’ (*Жыли в адном даму, щятыри комнаты и два лапаса, фсего шесь комнат, и никто тибя ни върашыл*). **Ворохнуться** [върухнуцца], **Ворошиться** [варашыцца] — ‘перен. обращать внимания на какие-либо события, чьи-либо действия, слова’ (*Мы жа привыкли там хадить в рубахах и бисиками, вобуви ни было у дяфчат, но никто ни върашился*). **Закаснеть** [зъкаснеть] — ‘заупрямиться’ (*Батюшка ни хател ухадить, а мы закаснели: «Ни будим аставацца, ни пайдёти, мы в мори пъпадаим»*). **Курвалить** [курвалить] — ‘гулять от жены’ (*Тётушка узнала и гутарить: «Ни нада курвалить, дитё»*). **Нарундживать** [нарундживать] — ‘подстрекать, подзадоривать’ (*Сами турки, если мы надумали уехать, то нарундживали: «Куда угодна, тока ни в Расию»*). **Обессовестнить** [абиссовиснить] — ‘поступить с кем-либо нечестно, обмануть’ (*Дом пръдавали вмести са скатом и зимлёй, па той цыне, какую сами и запросили, нас ни абиссовиснили*). **Обмануться** [абмануцца] — ‘обмануть’ (*Ни визёт на пръдафцоф: нидастача была, ани нас абманулися*). **Обосяковаться** [абасякавацца] — ‘разбаловаться’ (*Ейнай браток сафсем абасякавалси*). **Подсмехивать** [патсмехавать] — ‘подсмеиваться’ (*Здесь нас аддяляли, абзывали как папала, патсмехавали*). **Поношаться** [пънашацца] — ‘издеваться’ (*И турками абзывали, и фсяк абзывали, называли «нахлебники», «нищата», пънашалися. Тигерь нармальна, а толку-та: фсе памёрли*). **Растрампечиться** [растрампечицца] — ‘разбросать’ (*Паганка пъпалась: в хати растрампечилась, неурядливая*). **Смурдить** [смурдить] — ‘груб. подбить на что-либо’ (*Хъдаки ета фсё зделали:*

*Саничеф, патам Ванька, Борис ишо, да дядя Филипка. Ани нас смурдили). **Смурзиться** [смурзицца] — ‘соблазнившись, решиться на что-либо’ (Дефка ета, ана смурзилася за няво и пошла за няво). **Таловать** [тълавать] — ‘воровать’ (Хазяин, ишоб ни лавили рыбу, ни тратили, старажов нанимал, а мы таловали пѣтихоньку). **Трацать** [трашшать] — ‘пугать’ (А вращ главнай пѣсматрел и начал мине траишшать: «Пачиму ты раньшы ка мне ни вярнулась?»). **Фырфыниться** [фырфыницца] — ‘красоваться, щеголять’ (Дитей у нас многа было, када была пуста, када густа, но мы никада ни ругалися. Я фсягда была нарядная, фырфынилась). **Хвардить** [хвардить] — ‘вести праздный, разгульный образ жизни’ (Нашы казаки ня хвардили, ни курвалили, распутия ни было). **Хитровать** [хитравать] — ‘хитрить’ (Убирали винаграт, два ядра — два жытона, а ишоб заплащить, нужна ждать месич. Нас дурили, хитравали).*

б) глаголы, называющие деятельное, активное поведение, связанное с употреблением, использованием чего-либо, с заступничеством, отстаиванием нравственных принципов, возмездием, преследованием, дружбой, бережливостью, борьбой, почитанием другого:

***Рудовать** [рудавать], **Владать** [владать] (во 2 знач.) — ‘использовать, употреблять’ (Жылезная тарелки были, на свадьбах рудавали, пироги с кашай, фсю яду лажыли). **Залетать** [заялять] — ‘заступаться’ (Дет гѣварит: «Рви клубнику: унуки пришли, ани ня столька рвуть, сколька мнуть», а я за них заяляю). **Отместить** [атместить] — ‘отомстить’ (Адин афицер пряма издывалси над ним, а патам ентат офицер взял акацю и избил каво-та, у ние шыпы востраи, и яво выгнали. Вот и атместили яму). **Повыкнуться** [павыкнуцца] — ‘завести дружбу’ (Дед работал с адним тут, ф стройцехи, павыкнулись нямношка, паили к ним, внука искупали). **Поликоваться** [пѣликавацца] — ‘поцеловаться’ (Присватывали в двенацать, трянацать лет, падрасла чуть-чуть, начинают: начал пѣложуть, три паклона, молоуца, пѣликуюцца). **Пристрамливать** [пристрамливать] — ‘срамить’ (Што хатели, то и делали над нами: абзывали, пристрамливали). **Пристыдивать** [пристыдивать], **Покорить** [пѣкарить] — ‘пристыжать/пристыдить’ (Вон сам вырос и узнал, мать нашол и начал пристыдивать: «Ня уш-та для фсех кусок был, а для миня ни было? Как ты миня магла аддать?»). — А тут любофѣ канчаицца, разбѣгаюцца. Дядофишына их ба пѣкарила). **Читать** [читать] — ‘почитать, уважать’ (Маладѣж наша памагала радитилям па дому, пѣ хазяйству. Радитилей уважали, читали). **Хлопотиться** [хлѣпатицца] — ‘хлопотать’ (Хѣдаки хлѣпалились сюды пириехать, а правительства рѣспарядилась). **Сбороть** [збароть] — ‘побороть’ (Церква — жылезнай пол, третий век, Стяпана Разина утакая цепь висить. Збароли яго, пытали и убили).*

в) глаголы, называющие уклонение от деятельности, консервативное поведение (покорность, привычку, приспособление):

***Дуться** [дуцца] — в знач. ‘терпеть, выдерживать’ (В Турсии кина ни сматрели, света ни было, ничаво ни было. Пахали, сеяли, каровы ни было, вот так дулися, тирпели). **Навыкнуть** [навыкнуць], **Привадиться** [привадицца] — ‘привыкнуть’ (Адин рас случайна папала патсолнышная масла, так на фсю вулицу ваняла. А патам на-выкнули, стала нравицца з запахам. — Типерь другая жысть и другая апстанофка, мы уже привадились, а там па-другому жили). **Прихитриться** [прихитрицца] —*

‘приспособиться, приноровиться’ (*Меснаи асоба и ня брали. Патом стали адыацаца, прихитрилися, и ф шысят сидьмом я вышла замуи*).

3. Глаголы, называющие различные эмоции:

а) глаголы, называющие любовь, жалость, преобладают (сюда мы присоединили глаголы с компонентом «желание» и с «компонентом «удовольствие»):

Жадать [жадать], **Примоловать** [примольвать] — ‘жалеть, любить’ (*Хадили, ношу вады таскали, ф пять или щетыри утра таскаим вады, нихто ни жадал. — Пришла свякорова сястра, у ней дитей ни было, ана за матирю ухаажывала, примолавала*). **Облюбить** [аблюбить] — ‘полюбить’ (*Паринь аблюбил дефку — сватають. Сасватають, три паклона кланяють, събирають радню*). **Миловать** [милавать], **Уподобать** [уподобать] — ‘любить / полюбить что-либо’ (*Паска-та целная ниделя, мы празнавываем, в яшиках играим. Выигруим, праигрывуимси, я ету игру милавала. — Мы святы уподобали: асагоры, лиши, ани уже пацвяли, захарафскаи, дюнецкаи*). **Умиляться** [умиляцца] — ‘улыбаться’ (*Я выду, Ленацку платоцкам накрою, а ана ни наглядяцца, умиляцца*). **Охотиться** [ахотицца] — ‘хотеть, иметь желание’ (*Снаха старшая тожа ахотилася рыбалить, афчики ставила*). **Подплёскивать** [патплёскивать] — ‘прихлопывать в ладони, выражая удовольствие’ (*Када песню играю, нуку патплёскиваю*).

б) глаголы, называющие такое чувство, как гнев:

Обеситься [абясицца] — ‘взбеситься’ (*Тётя Таня аблюбила аднаво мужыка, а радители ни хатели, ана абясилася, што вытваряла*). **Сердаться** [сердацца], **Сердитовать** [сярдитаваць], **Сердититься** [сярдитицца] — ‘сердиться / рассердиться’ (*Мог ба дитям пирядать какуй-та малитву, ета жа душы спасаши. Мы на няво нямнога сердалися. — Я на хьдакоф асярдитилася, па правди воли скажу: дети наши пьразъехалися, хто молицца, хто ня молицца. Сюды мы чё пришли? — На сваём гута-риш — турки сярдитавали*).

в) глаголы, называющие состояние тревоги:

Заклупить [заклупиць] — ‘заскрестить на сердце’ (*Да кладбищ даехали, как заклупила тут у нас, усе плацуть. Братоцики наши тама асталися, пакойники*). **Сполошанье** [спьлашанье] — ‘встревожиться’ (*Тольки радила Ваню, нас на карабль забрали, а хьдаки ни магли написать ф паспарти Ваня, адно имя. Спьялошали мы, я на скале сидела с ним, пака туды-сюды*).

г) глаголы, называющие состояние отчаяния:

Запужаться [запужацца], **Обробеть** [абрабеть] — ‘испугаться’ (*Гутарили, што нам привифку нада делать, приехали в белых халатах, а мы запужались, ды са страху забяжали в роишу. — Лес был нидалёка, ни хадили за ним, абрабелі: вакрух ничаво ня знаши, мужыков ни было*). **Отчаять** [атчаять] — ‘отчаяться’ (*Ана и па врацам, и па бапкам, где тока ни была, уже атчаяла, а Хвёдар памагнул*).

д) глаголы, называющие такое чувство, как ненависть:

Сненавидеть [снинавидиць] — ‘возненавидеть’ (*Патом иё выличили, за старика замуи аддали, а ана яво снинавидила*).

е) глаголы, называющие состояние сомнения:

Сумляться [сумляцца] — «сомневаться, опасаться» (*Можыць, такая радня, гэварыць, а сам сумлявацца: малы́й быў, фамілію зьбуравіў*).

4. Глаголы, называющие ментальные процессы и состояния:

а) глаголы, в значении которых содержится семантический компонент «память»:

Збуравіць [збуравіць] — ‘забыть, запомнить’ (*Жылі ёта, сяло наша была, как жа называлі, зьбуравіла я, да, Кюзягэль, а патам Маняс*). **Сдумаць** [здумаць] (в 1 знач.), **Найці** [наці], **Напамніцца** [напамніцца], **Напамятоватца** [напамятоватца] — ‘вспомнить / вспоминать’ (*Здумала: у нас панаіць была, ярманка, как тут называюць: атсы едуць на быках і нас бяруць. — В адін месяц жаніліся: Митішка наш, Трыша, Тymoшка і ёта, как іво, прызабыла..., нашла — Доронька. — Падаждзіця, напамнілася: лошкі жалезнаі былі, а пастаяна дыривянаі ложычкі, і палонік дыривянай. — Есь у мне кіцка, ф кіцках мы прэма вот жаніліся. Я на-памятэвалася, када сюды прішлі, Тумбілевіч хател вэць, а я ні дала: у мяне дці, ёта памяць*). **Прызабыць** [прызабыць] — ‘позабыть’ (*Можыць, раньшы ёта было, я прызабыла, у нас ф карытах замешывалі*).

б) глаголы, в значении которых содержится семантический компонент «мысль», «углубленная мысль», «мысль-озарение»:

Вглуміцца [вглуміцца] — ‘вдуматься’ (*Если вглуміцца, чё ані нас раздзялілі? То бы я пашла, там праведала, і там праведала*). **Внімаць** [внмаць] — в знач. ‘понимать’ (*Вон внімаіць, но ня можыць наліць палонікам, хлэп атрэзаць, чашычку ні данісёць, правая рука ні работаіць*). **Мечтаць** [мячтаць] — ‘думать, предполагать’ (*Мы мячталі в Расіі за афіцэрав замуж выіць, на кубулках хадіць*).

в) глаголы, в значении которых содержится семантический компонент «воображение»:

Сдумаць [здумаць] (во 2 знач.), **Прыбасываць** [прыбасываць], **Прыдумліваць** [прыдумліваць] — ‘придумать / придумывать’ (*Прыдлагалі нам ехаць с імі, здумалі, што в Расіі веру ні сахраняць і дці атбяруць. — Прыбасываюць многа пра нас: цыгані, туркі. — Мамака скаскі умела прыдумліваць, на масліну расказывала*).

5. Глаголы, называющие действия, сопряженные с обучением:

Занімаць [знімаць] — ‘обучать’ (*Дці і внукі фсё знаюць, я іх знімаю булафкі длаць, і ані фсё умеюць*). **Ізучыцца** [ізучыцца], **Поізучыцца** [поізучыцца] — ‘научиться, обучиться’ (*Маі дціфчата ф ішколу хаділі, пэзакончці, ізучціліся, работаюць ф тарговлі. — Сын паізвучцілся, пріставам судэбным в гораді жывёць*). **Павадціць** [павадціць] — ‘приучить’ (*Іё мамака ні павадціла, така ні урядлівая*).

Лексико-тематическая группа «Человек в обществе»

В лексико-тематической группе «Человек в обществе» можно выделить такие подгруппы: 1) глаголы, называющие род занятий; 2) глаголы, называющие отношения между отдельной личностью и социумом; 3) глаголы, называющие действия,

связанные с семьей; 4) глаголы, называющие имущественное положение; 5) глаголы, связанные с эстетическими представлениями о нагоде и эстетическими предпочтениями в одежде.

1. Глаголы, называющие род занятий:

а) глаголы, называющие виды занятий, связанные с приготовлением еды:

Кипнуть [кипнуть] — ‘кипеть’ (*Вада кипнула, кидаши рис, рас на рас: скока вады, стока и риса*). **Откипетить** [аткипетить] — ‘вскипятить’ (*Аткипетии, патом вареники кладёш, вариш их, чалбой бирёш и иш*). **Куропить** [куропить], **Покуропить** — ‘делать / сделать надрез на боках сырой рыбы при засолке или поджаривании целиком’ (*Куропииш — ета режыш с хваста на мелинькаи части, ни распарываиш, патом запякаиш*). **Понавыжарить** [пънавыжарить] — ‘нажарить’ (*Рырку пънавыжариш с персым, паложыш слой рыбы, слой луцку, вады закипаючиш, дабавляиш. И ана тамицца*). **Саливать** [саливать] — ‘неоднократно солить’ (*Рыбу саливали с нашыва возира, сазана, цуку. Мама саливала в битонных калоццах рырку*). **Чалбить** [чалбить] — ‘перемешивать вареники при помощи чалбы’ (*Рыбу вариш, туда луку мелка-мелка крошыш, укропчику, пятрушычки, чернава персу и лепиш, када вареники кипят, ты их чалбиш*). **Пешить** [пешть], **Стряпать** [стряпать] — ‘печь’ (*Калацики можна пешить ис кислава теста, на скавраду и в русская пецку. — Стряпали ф пецки, а фсё варили в гарнуцки. Хто пабиднеи, пацатнаю муку дабавляли*). **Перебумажить** [пирьбумажить] — ‘перемешать тесто’ (*Теста падайдэть када, мы иво пирьбумажым, месим, фсю ночь стаить, а да света пякли уже*). **Побуить** [пъбуить] — ‘о яйцах: покрасить’ (*Пайдем ф церкву, придём, а мамака яишки пъбуила, да напякла*). **Поприготовить** [паприготовить] — ‘приготовить’ (*Днём пякли быдёнку, срочный хлеп, а так пирох. К утру пирох уже гатоф, паприготовили*). **Угожать** [угажать] — ‘украшать еду’ (*Пляцинду угажали: сверху маслом мазыш, сахарам псыпаиш, инджырам*).

б) глаголы, называющие виды занятий, связанные с изготовлением одежды:

Ворныкать [варныкать] — ‘жужжать веретеном’ (*То вязли, то пряли, варныкалы виритёнкой*). **Вывозить** [вывазить], **Вывязти** [вывязти], **Вязти** [вясти], **Везть** [весть] ‘вывязывать, вязать / вывезти’ (*Бисир пакупали, а украшения вязли сами: таранацки, курятники. — Шулки, наски, жылетки, шапки вывазили спицами*). **Тарачить** [тарачить] — ‘взбивать шерсть при помощи ручной чески’ (*Шерсь пакупали у турак, а тарачили и пряли сами*) — турецк. *tarak* ‘ручное приспособление’. **Колбать** [калбать] — ‘шить’ (*Шыли адёжу руками, вот дефка надумаить замуж выходить, сабиралися, сидели и калбали*). **Пакистить** [пакистить] — ‘отделать что-л. кистями’ (*Унуцки сашыла балхван, платок пакистила и свяску пад ниво*). **Попришить** [пыпришить] — ‘пришить’ (*Када куклу делаю, таранацки, курятники пъпришию*). **Связить** [связить] — ‘связывать, сшивать части одежды узорным швом’ (*Мая бабушка Арина шыла адёжу на закас: атишывала рубахи, рукава связила*). **Угожать** [угажать] — ‘украшать одежду’ (*Штаны свозили, варата атишывали, для наряду угажали*).

в) глаголы, называющие виды занятий, связанные с земледелием и растениеводством:

Волочить [валачить] — ‘боронить’ (*Аццы нашы валачили диривянами боръналы*). **Гарманить** [гарманить] — ‘молотить’ (*Раншыш мы гарманили быками, патом*

машина вышла). **Застеблять** [зъстяблять] — ‘впрягать’ (*Быкох запрягали, плуг зъстябляли и пахали*). **Краить** [краить] — ‘просеивать через решето зерно’ (*Пашианицу краили ришыйтой, ат късьмика аддяляли*). **Опутливать** [апутливать], **Опутлять** [апутлять] — в знач. ‘опутывать’ (*Палову для худоби вазили на арбе, иё апутливали сеткими и грузили*). **Орать** [арать] — ‘пахать’ (*Арали на быках и буйвалах*). **Подрывать** [пъдрывать] — ‘пропалывать огород, посеvy’ (*У турак многа зямли было, ты фсё пъдрываиши, полиши, а арбузы выйдуть, яму аддаёи*). **Посбираться** [пъзбирацца] — ‘собирать что-л. в поле’ (*Ф поли пмагали, каласки събирали, пъзбираимся, придём дамой, а там дамаишняи дяла: я малая была, и пъмьятала, и убирала, играцца некада было*). **Сграбливать** [зграбливать] — ‘сгребать что-либо граблями’ (*Летам рана ф поли уедиши, радитили касили, а мы снапы вязали да зграбливали*). **Хлеборобничать** [хлибаробничать], **Хлеборобчить** [хлибаропчить] — ‘заниматься хлеборобством’ (*Мужыки наши работали: рыбалили и хлибаробничали. Тут пришли — тожа хлибаропчють*).

г) глаголы, являющиеся общими названиями рода занятий и определенных видов занятий:

Выстачать [выстачать], **Устачать** [устачать] — в знач. ‘добывать’ (*Мужыки многа рыбы устачали, хозяйин и деньги давал, и рыбу на яду*). **Достачать** [дъстачать] (во 2 знач.), **Выстачать** [выстачать, устачать] (в 3 знач.) — ‘снабжать’ (*Хозяйства была: две буйвалы, двои быкоф, да ишо падростки, птица-мница, винаграат, арбузы. Дет, радитили дъстачали фсё нам*). **Заводиться** [зъвадицца] — ‘заниматься каким-либо видом хозяйства’ (*Курацки были, а курканами бапка ни заводилась*). **Заняться** [заняцца] — ‘наняться на работу’ (*Ф Турсии ф сие русских имигрантав занялся, два года был*). **Заробить** [зърабить] — ‘заработать’ (*Хадили на уборку, надаць зърабить, дама-та пустыи, ни кровати, ни сталоф*). **Копырять** [къпырять] — ‘перен. мастерить’ (*Стули, табуретки, сталы делали сами, да сих пор ф памяти стаить ишо, как батя къпырял*). **Сунуться** [сунуцца] — в знач. ‘приняться что-либо делать’ (*Събираимси и ираим в яицки, мама наша, уже покойница, сунулася играть, да праиграла яицку*). **Важить** [важыть], **Отважить** [атважыть] — ‘взвешивать / взвесить’ (*Таргавали фасолу, инджырам, гранатам, важыли на кантари*). **Барышевать** [баръшывать] — ‘торговать’ (*Мълако само тикёт, смятана атличная, на Мандор таскали, баръшывали, астальнои — сибе*).

д) Глаголы, называющие виды занятий, связанные со строительством дома, ремонтом:

Кузнечить [кузнечить] — ‘заниматься кузнечным делом’ (*Кузнечить, па кузнечному делу мала хто мох*). **Зачаливать** [зачаливать], **Зачалить** — ‘приделать что-л. к чему-либо’ (*Дет къпырять мох, стол сидячий, стули, касу зачалить*). **Обтерпуживать** [аптарпуживать] — ‘обрабатывать деталь при помощи терпуга’ (*Тярпугом аптарпуживали*). **Облипать** [аблипать], **Пооблипать** [пъаблипать] — ‘обмазывать / обмазать стены’ (*Стены аблипали руками белым мелям, пальчиками мазали, скаблёным называлась*). **Останавливать** [астанавливать] — ‘огораживать, окружать’ (*Двор большой был, возли дома гранат и имбирь рос, дули, яблоки сажали, щистай двор атгарожын был, иво къмышом астанавливають ровна-ровна*). **Покуробить** [пакуробить] — ‘поцарапать’ (*Сарайчик вчира глинай пъаблипали, а дети уже пакуробили*). **Почалить** [пачалить], **Причалить** [причалить] — ‘прикрепить, прибить’ (*Дама были*

саманаи, нискаи: *фпирёт* сталбы пачалим, прилепим тониничкия рейки, пол змляной, акошки малинькаи, замков ни было). **Рябить** [рябить] — ‘обмазывать стены и пол дома узором’ (Пол мазали каровим гумном для прочности, *штоб ни трескалси, стены аблпнали и рябили пальчиками*). **Покрасивать** [пакрасивать] — ‘украшать что-либо’ (Щулан пакрасивали: *икона висела, лавацка стаяла, на ней тарелацка и чашецки, для покраски*).

е) Глаголы, называющие виды занятий, связанные с рыболовством:

Блаковать [блаковать] — ‘смолить лодки, рыболовные снасти при помощи блака’ (Летам атес волаки, *винтиря, лотку фсягда блакавал*). **Бортижать** [бартить] — ‘идти под парусом против ветра зигагами’ (Дет *рыбали в мори, умел парусам бартить*). **Гундерить** [гундерить] — ‘управлять парусом при помощи гундера’ (Я ни *рыбалил, вот дед рыбаловил в мори, мох и гундерить, и бартить*). **Букасть** [букать] — ‘стучать по воде, загоняя рыбу в сети’ (Рыбалки, *када ловють, букають дрючками, палками бють*). **Гресться** [гресца] — в знач. ‘работать веслами’ (Грябуцца *греблями, ани прибитаи к краю лотки*). **Трусить** [трусить] — ‘выбирать рыбу из сетей’ (Пъналавили, *трусим, што хазяину, што сибе*). **Прирыбарывать** [прирыбарывать] — ‘прирабатывать рыбной ловлей’ (Жэнки *часта прирыбарывали в нашым возир*).

ё) Глаголы, называющие виды занятий, связанные с животноводством:

Гатить [гатить], **Нагатить** — ‘складывать в кучи’ (На том *дваре салому сыпали, курники были, скату многа, скатину вязали, гатили навозу*). **Спасать** [спасать] — ‘пасти’ (Хто *рѣзбегател, хто пропил, а беднай чилавек так и работал, аххадилси, авец спасал*).

ж) Глаголы, называющие виды занятий, связанные с родовспоможением:

Бабовать [бабавать] — ‘быть повитухой’ (Тета *Галя, ана бабавала, навитуха называлась, пять-шесть дѣн приходила*). **Таскать** [таскать] — в знач. ‘принимать детей при родах’ (Ражали в *доми, навитуха, бабушка, таскала, дитей принимала*).

з) Глаголы, называющие виды занятий, связанные с пчеловодством:

Мартовать [мъртавать] — ‘вырезать сухие соты весной’ (Дяржали *пчѣлах люди, был мѣт и воск, вясной мъртавали, сухи асты вырезали*).

и) Глаголы, называющие виды занятий, связанные с военным делом:

Стренуть [стренуть] — в знач. ‘выстрелить’ (Ночю *слышу — стренули*).

2. Глаголы, называющие отношения между отдельной личностью и социумом:

а) Глаголы, называющие отношения с властью, старшими, включающие в свое значение семантические компоненты «обладание / необладание властью», «подчинение власти, кругу, общине», «ответственность перед кругом, общиной», «наказание власти, круга»:

Владать [владать] — в знач. ‘иметь власть’ (Дяды *нашы крух собирали, атамана выбиравли, а мы уже ни владали*). **Вкориться** [фкарицца], **Вкоряться** [фкаряцца] — ‘покориться / покоряться’ (Мы *триста лет жыли среди турак, а ни фкарились, коринь никрасафский дяржали*). **Жарить** [жарить], **Жечь** [жечь] — ‘сечь, бить плетьюми в наказание’ (Крух *фпирёт жарил плетьюми, вывидуть ф крух и таг жгуть!*). **Ответ-**

стать [атвецтатъ] — ‘нести ответственность’ (*Сыня вырас, я ни магу атвецтатъ*). **Сверзить** [сверзить] — ‘свергнуть’ (*Старава губирнатара знаю, в гастях у няво была, иво жа сверзили*).

б) Глаголы, называющие совместное времяпровождение, включающие в свое значение семантические компоненты «совместный отдых», «совместные занятия творчеством», «игра», «пребывание с визитом, гостевание»:

Играть [играть] — в знач. ‘петь’ (*Дети наши ни хатятъ уицица, вот внуцку уиу, када захоицить — играить, ни захоицить — убяжыть*). **Потанакивать** [пътанакивать] — ‘подпевать’ (*Мой дед нацинаить нъ гармошки, а я съблзною и пътанакиваю*). **Гакнуть** [гакнуть] — ‘громко, вместе запеть’ (*Там сцена была малинькая, да ишо в аварийнам састаянии, а мы как гакним*). **Приурезать** [приурезать] — ‘перен. громко запеть’ (*Пъд гармошку какия тока песни ни пели, как приурезым песню, у миня мужык дажа играл турецкий гимн пъд гармошку*). **Трынчать** [трынчать] — ‘бренчать’ (*Уицица некада, тока трынчить*). **Игрывать** [игравать, игрывать] — ‘часто играть’ (*Девачки в куклы игрывали, панаир был, там пакупали иврапейскаи, турецкаи, да ишо кълакольчики, пагримушки*). **Конаться** [канацца], **Переконаться** [пирьканацца] — ‘определять, кому первому начинать игру’ (*Пабедали, ни пабедали, събираимси фсе падруги и в яицки играим: канаимси, пирьканаимси: каналафка, канофка — ета хто за кем*). **Заведать** [заведать] — ‘навестить’ (*У Ксени, внуцка мая, ущеба, заведала нас и паехала*). **Стретивать** [стретивать] — ‘встречать’ (*Пасол бяжыть на машыни, хъдаки стретивали яво*). **Товарищевать** [тъварищавать] — ‘быть товарищами, совместно заниматься какой-либо трудовой деятельностью (в нашем случае — рыбалить)’ (*С Хусейнам тъварищавали, как братя*).

в) Глаголы, называющие элементы этикета:

Поклоняться [пъклянца] — ‘передавать поклон’ (*Фся наша радня там, я бы заведала, а тока пъклянюся*). **Ручковаться** [ручкавацца] — ‘здороваться за руку’ (*Приехала начальства, пъручкавалась, праверку делаютъ*).

3. Глаголы, называющие действия, связанные с семьей:

а) Глаголы, называющие элементы свадебного обряда, его результаты:

Братся [браща] — ‘сочетаться браком’ (*Нас присватали, а атес ни ф какую, ни разряшал брацца, ня дал, сказал: «Няхай ишо пагуляить»*). **Выйтить** [выйтить] — в знач. ‘выйти замуж’ (*Ф Турсии ф чатырнаццаць лет замуж аددавали, а я в дивятнаццаць вышла, а таких-ж мала было*). **Бурлачить** [бурлачить] — ‘быть женихом’ (*На Покроф авдавел и аталси бурлаком, дитей ни было. Бурлачил я, бурлачил, да вот и жанилиси апятъ*). **Вечеровать** [вичиравать] — ‘устраивать вечеринку, девичник перед свадьбой’ (*Мы таки свадьбы игрывали, такой абряд был: нацал ф три паклона, друшко жыниховин, друшка нивестина, невеста вичаруить, кицки надаявали, свадьба ни ниделю шла*). **Стренуть** [стренуть] — в знач. ‘выстрелом известить о чести невесты’ (*Если невеста чесная, то в аошка стренуть*).

б) Глаголы, называющие действия, связанные с рождением ребенка, воспитанием детей:

Баукаць [баукаць], **Прибаукаць** [прибаукаць] — ‘баюкать’ (*Старшаи дети и залофки, какии паменьшы, занимались дитянёнаками, баукали, насили мамаки ф поли*).

Возрастатъ [възрастатъ], **Позростъ** [пазростъ], **Поскормитъ** [пъскармитъ] — ‘растить/вырастить детей’ (*Приходиш с церкви, пѣмалилси, фсе за стол, пакушали, пѣблагадарили. Так сами жыли, так дитей възрастали. — Ана дома да замужыства ничаво ни делала, так иѣ мамака да бапка пазросли. — Пъскармили дитей, жанили, типерь строим, аддиям*). **Пообдетитъся** [пѣбдятицца] — ‘обзавестись детьми’ (*Вот мы жывѣм пияд два года, пѣбдятились, внуцата типерь, а я пирѣжываю*). **Занятъся** [заняцца] — ‘забеременеть’ (*Мѣладыи снохи на зярно хадили, касили, убирали, а как займуцца, большы дома*).

в) Глаголы, являющиеся общими наименованиями процессов родства / неродства:

Отраднитъся [атрадницца] — ‘отказаться от родства’ (*Ета сямя фпирѣш уехала, в Америку, да атраднилась*). **Пригуртитъся** [пригуртицца] — ‘присстроиться к какой-либо семье’ (*Адну взял жѣнку, у ниѣ дятишак ни было, пригуртилася ана к ням, но што-та дети иѣ ни захатели*).

4. Глаголы, называющие имущественное положение:

Владатъ [владатъ] — в знач. ‘владеть имуществом’ (*Мы худабинай владали: буйвалы малоцнаи, буйвалы маслянаи, карова красная, паттѣлацки и ицек*). **Гондобитъ** [гѣндабитъ] — ‘наживать’ (*У нас зямля была, прадид багатинькай был, у няво прям атара авец была. Так и гѣндабили*). **Цареватъся** [царивацца] — ‘жить в довольстве’ (*Дедушка ишо зямли пѣткупил, у нас паряткам было, гектар пятнацать зямли, царивались*). **Бедноватъся** [биднавацца] — ‘бедствовать’ (*У нас и беднаи сафсем были, ета у каво зямли ни было, ани биднавались*). **Менитъ** [мянитъ] — ‘обменять’ (*Ряшыли с саседам мянитъ дом, новый дом был пабольшы*).

5. Глаголы, связанные с этическими представлениями о нагоде и эстетическими предпочтениями в одежде:

Отелѣшиватъся [атилѣшывацца], **Растелѣшиватъся** [растилѣшывацца], **Рас-телѣшитъся** [растиляшыцца] — ‘раздеваться/раздеться донага’ (*У нас гѣлышом ни хадили, ни атилѣшывались, а щас фсе пѣраскрылись. — Раньшы вада сама бегала ф канали, унуки растилѣшуцца, купаюцца*). **Закатауритъся** [зѣкатавурицца] — ‘подпоясаться катауром’ (*Приданаи събизали, сундук вот такой делали: адияла, падушки, платки кисейнаи, мутузики, завески, балѣхваны, катавур, штоб зѣкатавурицца*). **Затрубулусиватъся** [затрубулусивацца] — ‘подпоясываться трубулусом’ (*Парты краснаи, рубаха атишытая, затрубулусиваюцца и идуць ф карагот*). **Подтуживатъся** [паттуживацца], **Утуживатъся** [утужывацца] — ‘туго подпоясываться’ (*Пѣтпаясывались поисам с катавур, сильна паттужывались. — У завески мутузики, ими утужывѣмся*). **Закулѣмитъся** [закулѣмицца] — ‘некрасиво повязать голову платком’ (*Ета ласкутница: стаить, платком закулѣмилась*).

3.2. Лексико-тематический подкласс «Растительный мир» включает в состав глагольной лексики несколько слов, большинство из которых именует свойства, качества растений:

Выходитъ [выхадитъ] — ‘произрастать, родиться’ (*На Мади зямля была уми-рающая: ништо ни выходила*). **Ростъ** [ростъ] — ‘расти (о растениях)’ (*Мост, речка,*

а там аржавика, ана сама расла, иде хлєп сеяли, там и начнула рость). **Окорениться** [акъряница] — ‘укорениться’ (*Маслины в видре прѣдавали, вядро абрызали, святы сажали, ани быстра акърянилися*). **Заплениться** [запляница] — ‘зарастить сорняками’ (*Фсѣ расло: баклы, бабы, пацятки, квасоля, лук, мы нищаво ни паливали, тока пѣдрывали, штоб ни заплянилися*). **Оморицниться** [амаршыница] — ‘сморщиться’ (*Ойвы падвешываим за нитацку, ани сушацца и амаршыниваюцца*). **Болець** [болить] — ‘становиться больше, расти’ (*Возли хаты дирива пѣсадили, кажную лету болиють*). **Живить** [жывить] — ‘заживлять (о растениях)’ (*Были там таки травы, ляки, прикладываши — жывить тела*).

3.3. Лексико-тематический подкласс «Животный мир»

Лексико-тематический подкласс «Животный мир» дифференцируется на следующие лексико-тематические группы: 1) глаголы, называющие характерные для животных действия, свойства, состояния; 2) глаголы, воспроизводящие звуки, издаваемые животными; 3) глаголы, называющие процесс рождения потомства.

1. Глаголы, называющие характерные для животных действия, свойства, состояния:

а) Глаголы, называющие действия, характерные для **домашних животных**, прежде всего для коров, а также овец, козов:

Брухать [брухать] — ‘бодаться’ (*Наша буйла брухала, дети баяцца*). **Отбиваться** [адбивацца] — ‘о стельной корове: заканчивать доиться’ (*Када карова бра-саить даицца, ета ана адбиваицца*). **Среветься** [сривецца] — ‘зареветь вместе’ (*Зямля трусения была, скатинина сривелася*). **Баницца** [баницца] — ‘о домашних животных: купаться’ (*Худобину заганяли в возир, ана там баницца и плава-ить*). **Локтаць** [лактать] — ‘лакать’ (*Съ стала убиратьоць фсѣ, ни дай салоначку аткрытаю аставить, дажы воду нада щем-та укрыть, штобы каты ни лактали*). **Дуться** [дуцца] — в знач. ‘о животных выдерживать’ (*Холат смѣртнай, скатинина ни можыць дуцца*).

б) Глаголы, называющие действия, характерные для **диких животных**, прежде всего для птиц, рыб, червей, змей, в том числе для змея из Библии:

Зимоваться [зимавацца] — ‘зимовать’ (*Тут птица ни зимуицца, а ф Турсии зима-валася*). **Гресться** [гресца] — в знач. ‘делать движения плавниками в воде’ (*Пѣрками рыба грибѣцца*). **Опутливать** [апутливать], **Опутлять** [апутлять] — в знач. ‘обвивать’ (*Жалтяк пѣпалос и нацнул иво апутливать*). **Полозить** [палозить], **Полозь** [палость] — ‘ползать / ползти’ (*Были змеи на нашым возир, палозили*). **Прилестить** [при-лястить] — ‘соблазнить (о змее)’ (*Адам был, Ева была, змяя-та Адама прилястила*)⁵⁵². **Сшуметься** [сшумецца] — ‘зашуметь (о змеях)’ (*Здесь нету таких змеях, а там сами видели — ф канави ляжыць крух. Вон как шшумицца там, свистицца..., дажы*

⁵⁵² Пример взят из: Сердюкова О. К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 2005. С. 229.

гоняють за людьми)⁵⁵³. **Обисть** [абисть] — ‘объесть’ (*Тутина расла, иѣ черфь абисть, и ана фся и затынища*).

в) Глаголы, называющие действия, характерные **для насекомых**, прежде всего комаров:

Жечь [жечь], **Жигнуть** [жыгнуть] (в 1 знач.), **Тяпнуть** [тяпнуть] (в 5 знач.) — ‘о насекомых: жалить / ужалить’ (*Воват сильна жсѣть, камарь нитак. — Жыгучка, мухата, воват, камарь как тяпнуть — чешыцца*).

2. Глаголы, воспроизводящие звуки, издаваемые животными и насекомыми:

а) Глаголы, воспроизводящие звуки, издаваемые дикими животными: (волками и птицами), а также домашними животными:

Воить [воить] — ‘выть’ (*И кабаники, и бирюки были, ани воили*). **Воспевать** [вѣспявать] — ‘о птицах: петь’ (*Тут сълави есть, так сламна вѣспявають*). **Бякать** [бѣкать] — ‘о буйволах, коровах: мычать’ (*Буйлаки, буйлы бякають*). **Мекекекать** [микикекать] — ‘об овцах: блеять’ (*Выпил и баранчикам, ну казѣльщикам стал, надел на рошки напорстацик, бяжыть, микикекать*).

б) Глаголы, воспроизводящие звуки, издаваемые насекомыми:

Вурунджать [вурунджять], **Виринжать** [виринжять] — ‘жужжать’ (*На лимани мѣшкара была, фсяки виринжики виринжяли*). **Завурунджать** [зѣвурунджять] — ‘зажужжать’ (*На ночь акошки аткрытыми ни аставляли: паложына закрывать, и мухата зѣвурунджыть*).

3. Глаголы, называющие процесс рождения потомства:

а) Глаголы, называющие процесс рождения потомства у всех животных:

Зрастывать [зрастывать] — ‘о животных: выращивать потомство’ (*Наша барашика катѣная, скоро будить зрастывать барашат*). **Телиться** [телища], **Отелиться** [атялища] — ‘о всех животных: производить / произвести потомство’ (*Лиса, када ателища, зрастываит дитей в нурьки*).

б) Глаголы, называющие процесс рождения потомства у определенных животных:

Опороситься [апрасища] — в знач. ‘о свинье и об овце: родить детёнышей’ (*У нас сяводня барашика апрасилася*). **Опороситься** [апрасища] — в знач. ‘о поросятах, ягнятах: родиться’ (*Прадит имел атару авец, апрашилися барашата — вон их адбивал*). **Щениться** [шшанища], **Ощениться** [ашшанища] — ‘о мелких животных: рожать / родить детёнышей’ (*Кролиха фчяра ашшанилась. — Есть рыбы, ани ни митають икру, а шшанища*).

В целом анализ лексико-тематических классов и подклассов глагольной лексики говора показал, что состав и содержательные характеристики лексико-тематического класса «Абстрактные отношения и формы существования материи» в говоре казаков-некрасовцев обусловлены историческими факторами, образом жизни и спецификой менталитета носителей говора. Мы видим это в ряде фактов:

⁵⁵³ Сердюкова О. К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 2005. С. 282.

в преобладании лексики с общей гиперсемой «движение», а также в значительном количестве глагольных лексем с гиперсемами «изменение», «существование» (прежде всего с семантическими компонентами «конец бытия как физическая смерть» и «спасение жизни другого»), «пространство», «время».

Необходимо отметить преобладание в составе глагольной лексики говора, входящей в лексико-тематический класс **«Неорганический мир»**, глагольных номинаций, называющих действия, характерные для переходного времени суток, связанные с луной и звездами.

Лексико-тематический подкласс **«Человек»** в рамках глагольной лексики представлен следующими лексико-тематическими группами: 1) «Человек как живое существо»; 2) «Человек как разумное существо»; 3) «Человек в обществе».

В лексико-тематической группе **«Человек как живое существо»** носитель говора выделял глаголы, в которых присутствовал семантический компонент «состояние здоровья», либо как общий родовой, либо как периферийный. Значительное место занимают и глаголы, называющие различные этапы, виды, способы насыщения и отношение к процессу насыщения. В целом большинство глагольных лексем лексико-тематической группы «Человек как живое существо» называют либо действия или состояния, вызванные болезнью, холодом, или действия, необходимые для продолжения жизни, для защиты здоровья от болезней и холода.

В лексико-тематической группе **«Человек как разумное существо»** носитель говора «сгущал глагольную вербализацию» в таких понятийных сферах, как «межличностная коммуникация на естественном языке и ее качества», «проявления и состояние любви, жалости к ближнему», «недоброжелательное, неразумное, некорректное поведение, осуждаемое казаком», «память», «мысль». В лексико-тематической группе «Человек как разумное существо» мы находим универсальную оппозицию «свой — чужой», которую выражают глаголы с отрицательной коннотацией, называющие речевую деятельность на чужом языке: *покулдүкаты*, *илёпаты*, *хлехотаты*, *прохлехотаты*. В составе глагольной лексики данной группы мы обнаружили вербализацию еще одной универсальной культурологической оппозиции: «верх — это хорошо, низ — это плохо» (*нижаты* — ‘стареть’).

В целом понятийная классификация глагольной лексики в рамках лексико-тематической группы **«Человек в обществе»** показала, что внимание казака-некрасовца привлекает прежде всего номинация действий, связанных с родом занятий. У женщин это работа по приготовлению пищи, шитью, вязанию, украшению одежды, у мужчин — строительство, земледелие и рыболовство. Кроме того, носитель говора выделял процессы, действия, характеризующие его отношения с социумом, с кругом, а также действия по формированию семьи и действия, отражающие этико-эстетические представления о внешнем виде казака и казачки.

В лексико-тематическом подклассе **«Животный мир»** сгущение вербализации наблюдается при номинации действий таких домашних животных — как коровы и овцы, таких диких животных, как рыбы и змеи, а также при номинации действий

мошкар, прежде всего комаров. Кроме того, некрасовец значительное внимание уделял номинации процесса деторождения у различных животных, крупных и мелких, домашних и диких.

Необходимо отметить наличие звукоподражательных глаголов в составе классов «Абстрактные отношения и формы существования материи» и «Органический мир»:

Гахнуть ‘рухнуть, свалиться’, *стюхтерить-сбахтерить* ‘сделать что-л. вдруг, необоснованно’, *кlyкать* ‘икать’, *крёхнуть* ‘застонать’, *буцать* ‘бить’, *шуркнуть* ‘зашуршать’, *тутука́ть* ‘разговаривать, болтать’, *гакнуть* ‘хором громко запеть’, *бл-кать* ‘мычать’, *мекекекать* ‘блеять’, *воить* ‘выть’, *вурунджать, вирунджать* ‘жужжать’, *завурунджать* ‘зажужжать’; *шакать* ‘постукивать, шаркать, издавать звуки шак-шак’ (Сл. Даля: *шакать* ‘кричать хрипло, шипеть селезнем’)⁵⁵⁴; *хлихотать* ‘говорить непонятно, на чужом языке’, *прохлихотать* ‘проговорить непонятно, на чужом языке’ (*хлехотать* ‘кричать, квакать — о лягушках’⁵⁵⁵).

Среди них мы особо выделяем три последних глагола (*шакать, хлихотать, прохлихотать*), в которых звукоподражательные значения являются переносными, основанными на сходстве звуков, производимых с одной стороны, селезнями и лягушками и, с другой стороны, человеком в его трудовой и речевой деятельности.

Познавательный смысл выявленного строения фрагмента лексического древа, характерного для лексической системы глагольной лексики говора казаков-некрасовцев, мы видим в том, что подобный анализ позволяет увидеть и запечатлеть в языковых формах определенные частные «картины жизни» казака-некрасовца.

⁵⁵⁴ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 4. С. 1390.

⁵⁵⁵ Там же. С. 1189.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СИСТЕМНЫЕ СВЯЗИ В ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ ГОВОРА КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ

Под системными связями в составе глагольной лексики говора понимаются связи и отношения вариантности, многозначности, синонимии, антонимии, гиперонимии. Покажем эти явления по порядку их распространенности в глагольной лексике говора.

Анализ системных связей в лексиконе глагола говора проводится в данном исследовании по классам, подклассам, группам, подгруппам, выделенным и описанным в главе первой «Идеографическое описание глагольной лексики говора казаков-некрасовцев».

1. ЯВЛЕНИЕ ВАРИАТИВНОСТИ В СЕМАНТИКЕ, АКЦЕНТОЛОГИИ, ФОНЕТИКЕ, ГРАММАТИКЕ ГЛАГОЛА

Анализ глагольной лексики говора казаков-некрасовцев выявил наличие в ее составе фактов различного варьирования — семантического, акцентологического, фонетического, грамматического — в сопоставлении с лексиконом общенационального языка. В данном параграфе семантическая вариантность изучается как изменение значения общенац. слова в говоре казаков-некрасовцев или как изменение значения слова определенного русского говора. Явление вариативности в структуре многозначного глагола говора рассматривается отдельно.

1.1. Описание собственно вариативности

Класс «Абстрактные отношения и формы существования материи»

Явление *семантического варьирования*. Ряд лексем этого класса по своему происхождению являются следствием метафорических или ассоциативных процессов **на базе уже существующих в общенац. яз. или в отдельных его диалектах слов** (подклассы «Движение», «Время» и «Качество»). Полагаем, что диалектный глагол *тяпать* ‘медленно идти’ (*Тяпаю памаленьку*) мог возникнуть в результате ассоциативного переноса на базе значения слова одного из диалектов русского языка *тяпать* ‘пск. идти с напряжением’⁵⁵⁶. Очевидно, образное значение

⁵⁵⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 3. С. 906.

«некрасовского» *тяпать* обусловлено спецификой мира сельского жителя, крестьянина. Полагаем, что глагол говора *точиться* ‘крошиться’ (*Этат хлеб тощица*), возможно, возник в результате метафорического переноса на базе значения уже существующего в общенац. яз. слова *точиться* ‘течь, капать, струиться, сочиться’ (*слеза точится*)⁵⁵⁷.

В классе «Абстрактные отношения и формы существования материи» представлено и явление **фонетической и грамматической вариативности**. Глаголы *итить, перестретиться, вылазить, подполозть, подполазывать, переполозть, опоздниться* представляют собой одновременно фонетические и морфологические варианты слов общенац. яз. соответственно: *идти, встретиться, вылезти, подползти, подползать, переползти, опоздаться* (*опоздаться* ‘упускать срок’⁵⁵⁸). Глаголы *избечь — избежить, убечь — убежить* представляют собой фонетические и морфологические варианты в рамках говора некрасовцев. Глагол *выйтить* является морфологическим вариантом слова общенац. яз. *выйти*. Глагол *ездивать* является фонетическим вариантом слова общенац. яз. *езживать*.

Класс «Органический мир» (подклассы «Человек», «Трудовая деятельность», «Быт»)

Явление **семантического варьирования** в группе «Человек как живое существо» (подкласс «Человек»). Ряд лексем этой группы по своему происхождению являются следствием метонимических или метафорических процессов **на базе уже существующих слов в обиходном языке русского крестьянства**: глагол *заклунить* ‘заскрести на сердце’ является одновременно фонетическим и семантическим вариантом (сходство впечатления) лексемы *заколупать, заколупывать, заколупнуть*, зафиксированной в словаре Даля со значениями ‘заковыривать’, ‘задирать, колупая’, ‘захватывать или брать, колупая’⁵⁵⁹; значение глагола говора *таскать* ‘носить’ (*Бѣлхваны таскали*), возможно, является результатом метонимического сужения значения лексемы общенац. яз. *таскать* ‘носить или волочить тяжести, переносить, перетаскивать’⁵⁶⁰.

Явление фонетической и грамматической вариантности также имеет место в составе лексики группы «Человек как живое существо»: лексемы говора *исть, сербеть, буцать, пхать* являются фонетическими вариантами общенац. глаголов *есть, свербеть, бацать, пехать* или *пѣхать* (в Сл. Даля последние две лексемы даны без помет⁵⁶¹); лексема говора *осапить* является фонетическим и морфологическим вариантом глагола *усыпить*.

⁵⁵⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 3. С. 814.

⁵⁵⁸ Там же. Т. 2. С. 1762.

⁵⁵⁹ Там же. Т. 1. С. 1467. Дано без помет.

⁵⁶⁰ Там же. Т. 4. С. 727. Дано без помет.

⁵⁶¹ Там же. Т. 3. С. 265.

Группа «**Человек как разумное существо**». Покажем явление семантического варьирования в данной группе.

Ряд лексем группы «**Человек как разумное существо**» по своему происхождению являются следствием метафорических, метонимических или ассоциативных процессов **на базе уже существующих в общем обиходном языке русского крестьянства или в отдельных диалектах слов**: *букать* ‘стучать по воде, загоняя рыбу’, возможно, является результатом метонимического сужения значения лексемы общенац. яз. *букать*, *букнуть* ‘бацнуть, пукнуть, хлопать’⁵⁶²; *заняться* ‘наняться на работу’ является результатом метонимического сужения значения лексемы общенац. яз. *заняться* ‘упражняться, трудиться, делать что-либо’⁵⁶³; *нагутаривать* ‘наговаривать’, возможно, является семантическим и морфологическим вариантом лексемы общенац. яз. *нагуторить* («набаять, наказать, набалагурить»⁵⁶⁴), осложненным дополнительным прагматическим отрицательным компонентом; *найти* ‘вспомнить, припомнить’ является результатом метафорического развития (сходство результата двух действий) значения лексемы *находить* / *найти* ‘идучи, попадать на что-либо, наталкиваться, наткаться’⁵⁶⁵; *прибасывать* ‘придумывать, присочинять’, возможно, является результатом метонимического переноса значения диалектного глагола *прибасить* ‘сев. укра- сить, разукрасить, разодеть’⁵⁶⁶ (Сл. Даля, с. 1038); *шлепать* ‘болтать, разговари- вать (на чужом языке)’ является результатом ассоциативного переноса значе- ния диалектного глагола *шлепать* ‘вят., пск. пустословить’⁵⁶⁷; *явить* ‘сообщать что-либо’ является результатом метонимического переноса и сужения значения глагола общенац. яз. *явить* ‘делать явным, обнаруживать’⁵⁶⁸.

Явление фонетической и грамматической вариантности также имеет место в составе лексики группы «**Человек как разумное существо**»: глаголы *ответстать*, *придумливать*, *пристыдивать* являются фонетическими и морфологическими ва- риантами соответствующих глаголов общенац. яз. *ответчать*, *придумывать*, *присты- жать*⁵⁶⁹; глаголы *отместить*, *трацать* являются фонетическими вариантами со- ответствующих глаголов общенац. яз. *отмстить*, *страцать*; глагол *натараберить* является морфологическим вариантом соответствующего глагола общенац. яз. *натарабарить* ‘наговорить пустячков, наболтать тары-бары’ (по Сл. Даля, т. 2, с. 1252).

⁵⁶² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Уни- верс, 1994. Т. 1. С. 340. Дано без помет.

⁵⁶³ Там же. С. 1450.

⁵⁶⁴ Там же. Т. 2. С. 1038. Дано без помет.

⁵⁶⁵ Там же. С. 1279.

⁵⁶⁶ Там же. Т. 3. С. 1038.

⁵⁶⁷ Там же. Т. 4. С. 1452. Дано без помет.

⁵⁶⁸ Там же. С. 1557.

⁵⁶⁹ Там же. Т. 3. С. 1171.

Группа «Человек в обществе». Покажем явление семантического варьирования в данной группе.

Ряд лексем группы «Человек в обществе» по своему происхождению, возможно, является следствием семантических процессов **на базе уже существующих в общенац. яз. или в отдельных диалектах слов**: *застеблять* ‘пристегивать, впрягать’ может представлять собой метонимическое развитие значения глагола ряда русских диалектов *застебать* ‘вор., кур. пропускать пуговицы в петли, крючки в петельки, затягивать и крепить на пряжке’⁵⁷⁰; *гатить* ‘складывать в кучи (навоз)’ является следствием ассоциативного развития значения глагола общенац. яз. *гатить* ‘заваливать воду, топь, болото хворостом, соломой, землей’⁵⁷¹; *рябить* ‘обмазывать стены и пол дома узорами, полосками’, возможно, представляет собой метонимическое развитие значения (сужение) общенац. глагола *рябить* ‘делать пестрым, рябым’⁵⁷²; *рудовать* ‘использовать, употреблять’ (*Падмохрик дефки рудавали*), вероятно, является следствием метонимического развития значения (расширение) диалектного глагола *рудовать* ‘урал. производить какое-либо действие, работу при помощи какого-л. орудия, инструмента, орудовать чем-л.’⁵⁷³; *свозить* ‘связывать, сшивать части одежды узорным швом’, возможно, является следствием метонимического развития значения (сужение) общенац. глагола *свозить* ‘свезть что куда, возить и складывать в одно место’⁵⁷⁴; *причалить* ‘прибить, прикрепить’ возможно, является следствием метафорического развития значения (сходство результата двух действий) общенац. глагола *причалить* ‘привязывать, прикреплять завязкою’⁵⁷⁵.

Явление фонетической и грамматической вариантности также имеет место в составе лексики группы «Человек в обществе»: лексемы говора *пешить, опутливать, сверзить* являются фонетическими и морфологическими вариантами глаголов соответственно *печь, опутывать, свергнуть*; лексемы говора *хлебоборчить, поклоняться* ‘кланяться’ являются морфологическими вариантами общенац. глаголов *хлебоборничать, поклониться*.

Ряд лексем подкласса «Растительный мир» по своему происхождению, возможно, является следствием семантических процессов **на базе уже существующих в общенац. яз. слов**: *живить* ‘излечивать, заживлять’ (*Ета трафка жывить вопух*) является результатом метонимического сужения значения лексемы общенац. яз. *живить* ‘давать или придавать жизнь, оживлять, животворить’⁵⁷⁶.

⁵⁷⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 1. С. 1596.

⁵⁷¹ Там же. С. 850.

⁵⁷² Там же. Т. 3. С. 1776.

⁵⁷³ Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965—2014. Вып. 35. С. 233.

⁵⁷⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 4. С. 74.

⁵⁷⁵ Там же. Т. 3. С. 1199.

⁵⁷⁶ Там же. Т. 1. С. 1338.

В подклассе «Растительный мир» представлено явление **фонетической вариативности**: лексема говора *обисть* является фонетическим вариантом общенац. глагола *объесть*.

В целом изучение явления вариативности в семантике, акцентологии, фонетике, грамматике говора казаков-некрасовцев на материале глагольной лексики выявило **преобладание семантической вариативности** преимущественно на базе слов общего обиходного языка русского крестьянства, гораздо реже — на базе слов отдельных говоров русского языка.

Среди других видов вариативности выделяется комплексная **фонетическая и грамматическая вариативность**, связанная а) с заменой как гласных, так и согласных звуков и одновременно б) с заменой глагольного суффикса: *итить*, *перестретиться*, *вылазить*, *подползть* и т. п. (варианты слов *идти*, *встретиться*, *вылезти*, *подползти*).

Отдельная **фонетическая вариативность** также характерна для говора, хотя и в меньшей степени: *ездивать*, *исть*, *сербеть*, *пхать*, *отместить*, *трацать*, *обисть* (фонетические варианты слов общенац. яз.: соответственно *езживать*, *есть*, *свербеть*, *пехать* или *пёхать*, *отмстить*, *страцать*, *объесть*).

Отдельная **грамматическая вариативность** встречается реже: *выйтить*, *натараберить*, *хлеборобчить*, *поклоняться* в значении 'кланяться' (грамматические варианты слов общенац. яз. *выйти*, *натарабарить*, *хлеборобничать*, *поклониться*).

1.2. Описание явлений, сопутствующих вариативности

К явлению **вариативности** примыкают случаи **полного совпадения** в звучании, структуре и значении слов говора и одноименных лексем либо обиходного языка всего русского крестьянства, либо отдельных русских говоров.

Класс «Абстрактные отношения и формы существования материи»

Ряд лексем данного класса **совпадает** с с глаголами **других русских говоров** (подклассы «Движение», «Пространство», «Время», «Изменение»). Глагол говора *бегать* и в своем основном значении 'ездить', и в оттенках этого значения: 'бегать на чем', 'бегать чем', 'плавать на лодке, пароходе' совпадает с одноименной лексемой других говоров. По данным СРНГ, глагол *бегать* 'ездить, ехать (по суше)' характерен для ряда русских говоров: *сиб.*, *краснояр.*, *енис.*, *барнаул.*⁵⁷⁷; в значении 'бегать чем' — для *донских говоров*⁵⁷⁸; в значении 'плавать (на судне, о судне)' данный глагол характерен, по данным Словаря Даля, для общенац. яз.⁵⁷⁹ (с. 369, дано без помет). Глагол говора *вылазить* 'выходить (из помещения)', по данным СРНГ, совпадает с одноименной лексемой ряда других говоров: *могал.*, *калуж.*,

⁵⁷⁷ Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965—2014. Вып. 2. С. 169.

⁵⁷⁸ Там же.

⁵⁷⁹ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 1. С. 369.

дон., курск., добрян., охан., перм., зап.-сиб.⁵⁸⁰. Глагол говора *гожаться* ‘годиться’, по данным СРНГ, совпадает с одноименной лексемой ряда других говоров: пенз., калуж., мцен., орл., дубен., тул., жиздр., наровч., иссык-кульск.⁵⁸¹. Глаголы говора *хоронить* ‘прятать’, *хорониться* ‘прятаться’, по данным Сл. Даля, совпадают с одноименными лексемами общенац. яз.⁵⁸² Глагол говора *плынуть* ‘броситься’, по данным Сл. Даля, совпадает с одноименной диалектной лексемой (*плынуть* ‘сар. шибко, скоро набежать, кинуться бегом’⁵⁸³). Глагол говора *огарнуть* ‘окружить’ по своему значению совпадает с диалектной лексемой *обгарнуть*, *огарнуть* ‘кал., тул., вор., смл., млрс. // окружить или охватить’⁵⁸⁴. Глагол говора *лезть* ‘входить в помещение’ совпадает с диалектной лексемой *лазять*, *лезть* ‘лезь в избу, смл., вят. войди, просим’⁵⁸⁵. Глагол говора *окарачить* ‘сесть верхом, охватить ногами’ по своему значению совпадает с диалектной лексемой *окарачить* ‘тмб., кур. сесть на кого, на что-либо верхом, обнять ногами’⁵⁸⁶.

Ряд лексем класса «Абстрактные отношения и формы существования материи» по значению **совпадает** с глаголами **общенац. яз.** (подклассы «Движение», «Пространство», «Время», «Изменение»): *пристигать* / *пристигнуть* ‘найти в каком-либо месте, застигать’ — в общенац. яз. *пристигнуть* ‘настигать, заставить’⁵⁸⁷. Глагол говора *таиться* ‘прятаться, скрываться’ — в общенац. яз. *таиться* ‘быть тайму’, *таить* ‘скрывать от других’⁵⁸⁸. Глагол говора *кружить* в значении ‘обходить, обегать кругом’ — в общенац. яз. *кружить* ‘делать круг, кружить зверя’⁵⁸⁹. Глагол говора *лезть* в значении ‘карабкаясь, взбираться, проникать куда-либо’ — в общенац. яз. *лазять*, *лезть* ‘ходить не по уровню, а подымаясь, либо спускаясь’⁵⁹⁰. Глагол говора *перебродить* ‘переходить вброд’ — в общенац. яз. *перебродить*, *перебрести*, *перебродить* ‘перебрести брод или речку, перейти вброд’⁵⁹¹. Глагол говора *перепрокидывать* ‘опрокидывать, переворачивать’ — в общенац. яз. *перепрокидывать*, *перепрокидать*, *перепрокинуть что* ‘перевернуть вверх дном, перекувырнуть’⁵⁹². Глагол говора *перепрокинуться* ‘опрокинуться,

⁵⁸⁰ Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965—2014. Вып. 5. С. 301.

⁵⁸¹ Там же. Вып. 6. С. 276.

⁵⁸² *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 4. С. 1222. Дано без помет.

⁵⁸³ Там же. Т. 3. С. 331.

⁵⁸⁴ Там же. Т. 2. С. 1479.

⁵⁸⁵ Там же. С. 603.

⁵⁸⁶ Там же. С. 1705.

⁵⁸⁷ Там же. Т. 3. С. 1222.

⁵⁸⁸ Там же. Т. 4. С. 515.

⁵⁸⁹ Там же. Т. 2. С. 713.

⁵⁹⁰ Там же. С. 603.

⁵⁹¹ Там же. Т. 3. С. 83.

⁵⁹² Там же. С. 193.

перевернуться' — в общенац. яз. *перепрокинуться* 'быть опрокинуто'⁵⁹³. Глаголы говора *перепрыдывать* / *перепрыгнуть* 'перепрыгивать' — в общенац. яз. *перепрыдывать*, *перепрыдать*, *перепрыгнуть* 'перепрыгнуть, перескочить, пересигнуть'⁵⁹⁴. Глагол говора *обжидать* 'ожидать, поджидать' — в общенац. яз. *обжидать*, *обождать* 'выжидать, ждать несколько времени'⁵⁹⁵. Глагол говора *одержать* 'задержать' — в общенац. яз. *одержать*, *одерживать* 'удерживать, не давать ходу'⁵⁹⁶. Глагол говора *учинать* 'начинать' — в общенац. яз. *учинать*, *учать* 'начинать, начать, стать'⁵⁹⁷. Глагол говора *чередоваться* 'становиться в очередь' — в общенац. яз. *чередовать*, *чередиться*, *чередоваться* 'вести очередь между собой'⁵⁹⁸.

Ряд наименований класса «Неорганический мир» в говоре казаков-некрасовцев являются общими для обиходного языка русского крестьянства: глагол говора *выкатываться* 'всходить (о солнце, звездах)' — в общенац. яз. *выкатываться* — 'Солнышко выкатилось'⁵⁹⁹; *померкать* 'меркнуть, гаснуть' — в общенац. яз. *меркнуть*, *померкать* 'темнеть, терять цвет либо блеск'⁶⁰⁰.

Ряд глаголов группы «Человек как живое существо» (подкласс «Человек») совпадает с глаголами других русских говоров: глагол *вечерять* 'ужинать' — *вечерять* пенз., смл.; *вечерять* 'нвг., нврс., вор. ужинать'⁶⁰¹. Глагол *банить* 'мыть что-либо' — *банить* 'стар. южн., дон. мыть что-либо'⁶⁰². Глагол *пхать* 'запихивать' — *пхать* 'занд., южн. толкать, заталкивать'⁶⁰³. Глагол *кlyкать* 'икать' — *кlyкать*, *кlyхтать* 'арх., прм. икать, всхлипывать, плакать навзрыд'⁶⁰⁴.

Ряд глаголов группы «Человек как живое существо» совпадает с глаголами общенац. яз. Глагол *голодовать* 'не есть, морить себя голодом' — в общенац. яз. *голодовать* 'голодать продолжительно, терпеть голод, нужду'⁶⁰⁵. Глагол *шибать* 'бросать' — в общенац. яз. *шибать* 'бросать, кидать, метать, швырять, лукать, бить броском, угодить во что, швыряя'⁶⁰⁶. Глагол *шуркнуть* 'зашуршать' — в общенац. яз. *шуркать*, *шуркнуть* 'производить шорох'⁶⁰⁷. Глагол

⁵⁹³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 3. С. 193.

⁵⁹⁴ Там же. С. 194.

⁵⁹⁵ Там же. Т. 2. С. 1563.

⁵⁹⁶ Там же. С. 1671.

⁵⁹⁷ Там же. Т. 4. С. 1117.

⁵⁹⁸ Там же. С. 1309.

⁵⁹⁹ Там же. Т. 1. С. 714.

⁶⁰⁰ Там же. Т. 3. С. 837.

⁶⁰¹ Там же. Т. 1. С. 463.

⁶⁰² Там же. С. 113.

⁶⁰³ Там же. Т. 3. С. 266.

⁶⁰⁴ Там же. Т. 2. С. 303.

⁶⁰⁵ Там же. Т. 1. С. 911.

⁶⁰⁶ Там же. Т. 4. С. 1431.

⁶⁰⁷ Там же. С. 1484.

говора **тяпнуть** ‘ударить’ — в общенац. яз. *тяпать, тяпнуть, тяпывать* ‘ударить’⁶⁰⁸.

Ряд глаголов группы «Человек как разумное существо» (подкласс «Человек») **совпадает** с глаголами **других русских говоров**: глагол **кохаться** ‘пользоваться заботой и лаской родных’ — *кохать, кохаться* ‘польск. употреб. в смл. и зап. губерниях любить, любиться’⁶⁰⁹. Глагол говора **шуметь** ‘кричать’ — *шуметь* ‘тмб., дон. кричать кому что, гаркать’⁶¹⁰. Многозначный глагол говора **гутарить** ‘1. говорить, 2. разговаривать’ — *гутарить* ‘вор., тмб. говорить, беседовать, калякать, разговаривать’⁶¹¹.

Ряд глаголов группы «Человек как разумное существо» **совпадает** с глаголами **общенац. яз.** Глагол **мечтать** ‘думать, предполагать’ — в общенац. яз. *мечтать* ‘думать, представлять себе то, чего нет в настоящем’⁶¹². Глагол **навыкнуть** ‘привыкнуть’ — в общенац. яз. *навыкнуть, навыкать* ‘привыкать’⁶¹³. Глагол **обеситься** ‘взбеситься’ — в общенац. яз. *обеситься* ‘стать бесноватым’⁶¹⁴. Глагол **облюбить** ‘поллюбить’ — в общенац. яз. *облюбить* ‘выбрать по вкусу, полюбить, предпочесть и избрать’⁶¹⁵. Глагол **обробеть** ‘испугаться, оробеть’ — в общенац. яз. *обробеть* и *оробеть* ‘испугаться, бояться чего, струсить’⁶¹⁶. Глагол **пересужать** ‘судить о ком, осуждать кого’ — в общенац. яз. *пересужать* ‘судить, толковать или советовать туда и сюда, обсуждать дело с разных сторон, более в значении осуждать, оуждать’⁶¹⁷.

Ряд глаголов группы «Человек в обществе» (подкласс «Человек») **совпадает** с глаголами **других русских говоров**. Глагол **конаться** ‘определять кому первому начинать игру’ — *конаться* ‘сев., вост. считаться, жеребьеваться’⁶¹⁸. Глагол **орать** ‘пахать’ — *орать* ‘сев. и млрс., нврс. пахать’⁶¹⁹. Глагол **важить** ‘взвешивать’ — *важить* ‘смл., вор. весить и взвешивать’⁶²⁰. Глагол **колбать** ‘шить’ по своему значению частично совпадает со значением одноименного глагола, характерного для курского диалекта *колбать* ‘кур. плохо шить или копотно работать’⁶²¹.

⁶⁰⁸ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 4. С. 906.

⁶⁰⁹ Там же. Т. 2. С. 461.

⁶¹⁰ Там же. Т. 4. С. 1483.

⁶¹¹ Там же. Т. 1. С. 1017.

⁶¹² Там же. Т. 2. С. 844.

⁶¹³ Там же. С. 1016.

⁶¹⁴ Там же. С. 1641.

⁶¹⁵ Там же. С. 1536.

⁶¹⁶ Там же. С. 1791.

⁶¹⁷ Там же. Т. 4. С. 218.

⁶¹⁸ Там же. Т. 2. С. 378.

⁶¹⁹ Там же. С. 1786.

⁶²⁰ Там же. Т. 1. С. 391.

⁶²¹ Там же. Т. 2. С. 341.

Ряд глаголов группы «Человек в обществе» **совпадает** с глаголами **общенац. яз.** Глагол *кузнечить* ‘заниматься кузнечным делом’ — в общенац. яз. *кузнечить* ‘заниматься кузнечным делом’⁶²². Глагол *подтуживаться* ‘туго подпоясаться’ — в общенац. яз. *подтужить*, *подтужать*, *подтуживать*, *подтуживаться* ‘повязку, пояс поднять туже’⁶²³. Глагол говора *саливать* ‘многократно солить’ — в общенац. яз. *солить*, *саливать* ‘осолять, посолить’⁶²⁴. Глагол говора *баюкать* ‘баюкать’ — в общенац. яз. *баюкать*, *баюкать* ‘убаюкивать, усыплять’⁶²⁵. Глагол говора *владать* в своих значениях ‘иметь власть’ и ‘владеть имуществом’ полностью совпадает с одноименным глаголом общенац. яз. *владать* ‘владычествовать, иметь в своей собственности’⁶²⁶.

Ряд наименований подкласса «Животный мир» в говоре казаков-некрасовцев **являются общими для обиходного языка русского крестьянства**: глагол говора *выходить* ‘произрастать, родиться’ — в общенац. яз. *выходить* ‘исходить. Трава уже вышла — взошла’⁶²⁷; лексемы говора *телиться* ‘производить потомство (о животных)’, *щениться* ‘производить потомство (о мелких животных)’ совпадают по своему значению, структуре и звучанию с лексемами общенац. яз. *телиться* ‘рожать, приносить теленка’, *щениться* ‘родить, метать щенят’⁶²⁸; глагол говора *отелиться* ‘родить детенышей (не только о корове, но и о других животных)’ — в общенац. яз. *отелиться* ‘родить, принести теленка; говорится о корове, буйволице, зубрихе, о лани, о слонихе, о крупных травоядных’⁶²⁹; глагол говора *тяпнуть* в своем значении ‘укусить, ужалить’ совпадает с одним из значений многозначного глагола общенац. яз. *тяпать*, *тяпнуть*, *тяпывать* ‘укусить’⁶³⁰.

Ряд глаголов подкласса «Животный мир» **совпадает** с глаголами **других русских говоров**. Глагол говора *локтать* ‘пить, лакать’ совпадает по своему значению и звучанию с одноименной диалектной лексемой ряда русских говоров *локтать* ‘пск., твр. пить по-собачьи, прихлебывая языком’⁶³¹ (Сл. Даля, с. 682).

В целом анализ одноименных глагольных лексем говора казаков-некрасовцев и лексем обиходного языка крестьянства выявил, что большинство названных совпадающих номинаций не дифференцированы по отдельным говорам русского языка, а являются общими для языка русского крестьянства. Таковы, по данным Словаря Даля, глаголы:

⁶²² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 545.

⁶²³ Там же. Т. 3. С. 543.

⁶²⁴ Там же. Т. 4. С. 375.

⁶²⁵ Там же. Т. 1. С. 143.

⁶²⁶ Там же. С. 519.

⁶²⁷ Там же. С. 705.

⁶²⁸ Там же. Т. 4. С. 740, 1501.

⁶²⁹ Там же. Т. 2. С. 1877.

⁶³⁰ Там же. Т. 4. С. 906.

⁶³¹ Там же. Т. 2. С. 682.

перепрокидывать ‘опрокидывать, переворачивать’, *одержать* ‘задержать’, *перепрокинуться* ‘опрокинуться, перевернуться’, *учинать* ‘начинать’, *перепрыдывать* / *перепрынуть* ‘перепрыгивать’, *обжидать* ‘ожидать, поджидать’, *чередоваться* ‘становиться в очередь’, *выкатываться* ‘всходить (о солнце, звездах)’, *померкать* ‘меркнуть, гаснуть’, *голодовать* ‘не есть, морить себя голодом’, *шибать* ‘бросать’, *шуркнуть* ‘зашуршать’, *тяпнуть* ‘ударить’, *навыкнуть* ‘привыкнуть’, *щениться* ‘производить потомство (о мелких животных)’, *тяпнуть* ‘укусить, ужалить’ и др.

В то же время часть глаголов говора совпадает с глаголами **определенных говоров** русского языка. В первую очередь, это **донские и курские** говоры, что объясняется местом первоначального поселения казаков и составом беглого крестьянства в их рядах: это такие глаголы, как: *бани́ть* ‘мыть что-либо’, *пха́ть* ‘запихивать’, *шуме́ть* ‘кричать’, *колба́ть* ‘шить’.

Кроме того, в описываемой лексической группе говора казаков-некрасовцев присутствуют слова, одноименные с другими **определенными** русскими говорами, что свидетельствует о пестром по исконной территориальной принадлежности составе казачества: так, глагол говора *плы́нуть* ‘броситься’ характерен и для саратовских говоров (по данным Сл. Даля).

Многие глаголы говора казаков-некрасовцев, по данным Сл. Даля, совпадают с одноименными лексемами, входящими в лексику **целого ряда** русских говоров, таких как:

- 1) калужские, тульские, воронежские, смоленские, малороссийские и белорусские говоры: *ога́рнуть* ‘окружить’;
- 2) смоленские, вятские говоры: *лезть* ‘войти в помещение’;
- 3) тамбовские, курские говоры: *ока́рачить* ‘сесть верхом, охватить ногами’;
- 4) новгородские, новороссийские, воронежские говоры: *вече́рять* ‘ужинать’;
- 5) воронежские, тамбовские, говоры: *гу́тарить* ‘1. говорить, 2. разговаривать’;
- 6) северные, восточные говоры: *кона́ться* ‘определять кому первому начинать игру’;
- 7) северные и малороссийские, новороссийские говоры: *ора́ть* ‘пахать’;
- 8) смоленские, воронежские говоры: *ва́жить* ‘взвешивать’;
- 9) псковские, тверские говоры: *локта́ть* ‘пить по-собачьи, прихлебывая языком’;
- 10) сибирские, красноярские, енисейские, барнаульские: *бегать* ‘ездить, ехать (по суше)’ (по данным СРНГ);
- 11) калужские, донские, курские, добрянские, оханские, пермские, зап.-сибирские говоры: *выла́зить* ‘выходить (из помещения)’ (по данным СРНГ);
- 12) пензенские, калужские, мценские, орловские, дубенские, тульские, жиздрские, наровчатские, иссык-кульские говоры: *го́жаться* ‘годиться’ (по данным СРНГ).

Необходимо подчеркнуть, что глагольная лексика говора может совпадать и с лексиконом церковнославянского языка. Так, глагол говора *уранить* ‘сделать что-л. раньше времени’ совпадает с одноименной лексемой из ц.-слав. языка *уранити* ‘црк. встать или сделать что-либо рано утром’⁶³².

2. МНОГОЗНАЧНОСТЬ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ВАРИАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СТРУКТУРЕ ГЛАГОЛА

Класс «Абстрактные отношения и формы существования материи». Явление многозначности характерно для лексико-тематических подклассов «Пространство», «Время», «Изменение», «Движение».

Наиболее распространены **метонимические переносы**:

1) «действие общего характера — данное действие, конкретизированное в частностях»: *одержаться* — 1. ‘остановиться, задержаться’ (*Ф Стамбули адяржались*). 2. ‘зацепиться’ (*Лотку пирякинула, ну адяржался, вылис*). Полагаем, что значение 2 ‘зацепиться’ (= ‘задержаться в падении’) является уточнением, сужением значения 1 ‘задержаться’;

2) «определенное действие — данное действие, лишенное компонента фазовости»: *зачинать* — 1. ‘начать’ (*Кали зацинём гарнушышкы тапить, мы залу выгрибаим*). 2. ‘стать’ (в составе глагольного составного сказуемого) (*Зачинула на маслину пеить*); *затеять* — 1. ‘начать’ (*Ета турак з грекам вайну затеил*). 2. ‘стать’ (в составе глагольного составного сказуемого) (*Затеили хор сабирать*). В семантической структуре слов *зачинать*, *затеять* наблюдается процесс расширения значения с одновременной его десемантизацией;

3) «определенное действие — данное действие, лишенное компонента “субъект действия”»: *затеять*. 2. ‘стать’ (в составе глагольного составного сказуемого) (*Затеили наших брать ф службу*). 3. ‘стать’ (в безличном предложении) (*Уже сафсем тусметь затеила*). В семантической структуре слова *затеять* наблюдается процесс расширения значения;

4) «определенное действие — данное действие, лишенное компонента “карабкаться”»: *лезть* — 1. ‘карабкаясь, взбираться, проникать куда-либо’ (*Айвина высокая, ни лесь*). 2. ‘входить в помещение’ (*Пажалуй, лесь в хату*). В семантической структуре слова *лезть* наблюдается процесс расширения значения;

5) «определенное действие — данное действие, лишенное компонента “движение”»: *сунуться* — 1. ‘устремиться куда-либо’ (*Жара, на вулицу ня сунисси*). 4. ‘приняться что-либо делать’ (*Сунулась делать салату*). В семантической структуре слова *сунуться* наблюдается процесс расширения значения с одновременной его десемантизацией;

⁶³² *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 4. С. 1055.

6) «определенное действие с определенным видом обязательного актанта “средство передвижения”» — данное действие с иным по своему виду актантом, заполняющим ту же валентность «средство передвижения»: **бегать** — 1. ‘ездить’ (*Я к дочери ф Ставрапъль бегала*). 2. ‘плавать на лодке, пароходе’ (*Наши мужыки и на Сиридзёмнаму бегали*); **бечь, бежить** — 1. ‘ехать’ (*Ани в горат бегают на машинах*). 2. ‘плыть’ (*Ветир вдарил, и судна бяжыть*). В семантической структуре слов *бегать, бечь* наблюдается процесс смены семантических компонентов, называющих вид средства передвижения.

Метафорические переносы:

1) «одно действие — другое действие, сходное с ним по признаку быстроты, внезапности»: **вдарить** — 1. ‘быстро, сразу сделать что-л.’ (*Дефка как вдарила, дабегла да диревни*). 2. ‘поразить’ (о болезни) (*Ичмень вдарил*);

2) «одно действие физического характера — другое действие ментального характера, сходное с первым по признаку стремительности, быстроты»: **сунуться** — 1. ‘устремиться куда-либо’ (*Хоть бисиками, в кино сунулися*). 2. ‘кинуться, спохватиться’ (*Сунулися, а их слет прастыл*);

3) «одно действие физического характера — другие действия физического характера, сходные с первым по признакам однократности, быстроты, стремительности»: **тяпнуть** — 1. ‘ударить’ (*Ана тяпнула да щинак разбила*). 2. ‘броситься, помчаться’ (*Сели на машину, тяпнули на Бандерму*). 3. ‘укусить, ужалить’ (*Камарь тяпнул*);

4) «одно действие — другое действие, сходное с ним по признаку изменения вертикального положения в горизонтальное или близкое к горизонтальному»: **тяпнуться** — 1. ‘упасть’ (*Вон тяпнулся и ляжыть*). 2. ‘броситься на что-л.’ (*Как тяпнулси на кабаника*);

В лексико-тематическом классе «Неорганический мир» многозначность представлена единичными случаями. Это метонимический перенос «определенное действие — данное действие, лишённое компонента “субъект действия”»: **померкать** — 1. ‘меркнуть, гаснуть’ (*Вечир памяркаить*). 2. ‘безл. смеркаться’ (*Уже пъяркаить*).

Явление многозначности в классе «Органический мир» представлено широко. Покажем данное явление в рамках лексико-тематического подкласса «Человек».

В группах «Человек как разумное существо», «Человек в обществе» мы наблюдаем преимущественное развитие семантической структуры слова по метонимическому типу.

Метонимические переносы:

1) «действие с таким одним обязательным актантом, как “субъект”, — данное действие с такими двумя обязательными актантами, как “субъект” и “объект”»: **беседать** — 1. ‘говорить’ (*Биседать па-руски ни давали*). 2. ‘разговаривать’ (*Ани долга биседають*). В семантической структуре слова *беседать* наблюдается процесс расширения значения;

2) «действие с таким одним обязательным актантом, как “субъект”, — данное действие с такими двумя обязательными актантами, как “субъект” и “объект”, — данное действие с такими тремя обязательными актантами, как “субъект”, “объект” и “содержание” (“текст”): *гутарить* — 1. ‘говорить’ (*Вон правду гутарить*). 2. ‘разговаривать’ (*Вон са снахой гутарить*). 3. ‘рассказывать’ (*Придутъ, сядяцца скаски слухать: «Гутаръ нам скаски»*). В семантической структуре слова *гутарить* наблюдается процесс расширения значения;

3) «определенное действие — другое действие, являющееся следствием первого действия»: *внимать* — 1. ‘слушая, воспринимать информацию’ (*Хто внимать, тот хърашо учицца*). 2. ‘понимать’ (*Вон бисталковай, ни внимать ничаво*). В семантической структуре слова *внимать* наблюдается процесс дальнейшего развития значения на основе следственной сопредельности;

4) «определенное действие, относящееся к ментальной сфере, — то же действие, относящееся к физиологической сфере»: *дуться* — 1. ‘терпеть, выдерживать’ (*Света ни было, фсё врушню, так наши дяды и аццы дулися, тирпели*). 2. ‘обходиться, довольствоваться чем-либо’ (*Беднаи адной пацатной мукой дулися*). В семантической структуре слова *дуться* наблюдается процесс дальнейшего развития значения на основе сопредельности ментальных и физиологических процессов в организме человека;

5) «определенное действие, относящееся к военной сфере, — то же действие, относящееся к свадебному обряду»: *стренуть* — 1. ‘выстрелить’ (*Слышу, на вулицы стренули*). 2. ‘выстрелом известить о чести невесты’ (*Если нивеста чесная — друшка в акашка стренить*). В семантической структуре слова *стренуть* наблюдается процесс сужения значения;

6) «действие с определенным видом такого (обязательного для семантики знака) актанта, как “содержание”, — то же действие с другим определенным видом того же обязательного актанта “содержание”»: *играть* — 1. ‘играть’ (*В ыгры разнаи играли*). 2. ‘петь’ (*Начнули мы ездить и играть песни*); *владать* — 1. ‘иметь имущество’ (*У нас зямля была, атара авец была, владали и пчёлами*). 2. ‘иметь власть’ (*Атамана выбирали, а патом мы ни владали, турки назначали*). В семантической структуре слов *играть*, *владать* наблюдается процесс дальнейшего развития значения на основе сопредельности разных видов одного и того же типа актанта, возможных в содержании данных знаков.

Метафорические переносы также характерны для подкласса «Человек», хотя их меньше:

1) «действие физического характера — действие ментального характера — действие физического характера (иное в сопоставлении с первым действием), сходные с первым по признаку незначительности, ослабленности действия»: *ворохнуть* — 1. ‘тронуть’ (*Вон иво върахнул, а дитинёнак крищить*). 2. ‘беспокоить’ (*Саседи были две турчанки, нас ни върахнули*). 3. ‘попробовать’ (*Върахнёш ойвину, тады режыши*);

2) «одно действие, относящееся к производству речи, — другое действие, относящееся к производству речи, сходное с первым по признаку наличия в речи вставок»: **дотакивать** — 1. ‘поддакивать’ (*Старшая снаха, запрафка, биседуить, а младшая датакъваить*). 2. ‘изъясняться, вставляя в русскую речь иноязычные слова’ (*Мамака пѣ-руски гѣварить, а датакъваить па-турецки*);

3) «одно действие физического характера — другое действие физического характера, сходное с первым по признаку вида движения — круга»: **опутливать** — 1. ‘опутывать’ (*Падводу сеткими апутливають, иштобы вазить грусъ*). 2. ‘обвивать’ (*Калюка плитень апутливають*);

4) «одно действие физического характера — другое действие физического характера, сходное с первым по признаку вида движения»: **грестся** — 1. ‘работать веслами для приведения в движение лодки’ (*Грябуцца греблями, они на краю лотки*). 2. ‘плывя, делать движения плавниками в воде’ (о рыбах) (*Сом кулаками грибѣцца*).

Явление многозначности в подклассе «Животный мир» представлено единичными примерами глагольной лексики:

1) метонимический перенос «действие с такими двумя обязательными актантами, как “субъект” и “объект”», — данное действие с одним таким обязательным актантом, как “объект”»: **опороситься** — 1. ‘родить детёнышей’ (о животных) (*Котиная скоро апѣрасицца*). 2. ‘появиться на свет, родиться’ (о животных) (*Апѣрасилися бѣрашата у них*). В семантической структуре слова *опороситься* наблюдается процесс дальнейшего развития значения на основе сопредельности разных видов актантов, возможных в содержании данного знака;

2) метафорический перенос «одно действие физического характера — другое действие физического характера, сходное с первым по признакам производимого впечатления и последствий»: **жечь** — 1. ‘жалить (о насекомых)’ (*Камарь, воват жгутъ*). 2. ‘бить в наказание’ (*Дети уже жынатаи были, а батя их лупил, так жѣх*).

В целом анализ явления многозначности в глаголах говора казаков-некрасовцев выявил преобладание переносных значений **метонимического характера**, что соответствует общему развитию значения древнерусского слова, слова в русском языке эпохи становления Московского государства и XVII в., специфике языкового сознания носителя языка указанных временных срезов.

Распространены следующие метонимические модели:

1) «действие — данное действие, лишённое определенного семантического компонента, существенного для содержания знака: фазовость, субъект, движение»: соответственно *зачинать, затеять* (в знач. 2); *отсечь, затеять* (в знач. 3), *опороситься; сунуться*;

2) «действие — данное действие с дополнительным определенным семантическим компонентом: объект, содержание»: соответственно *беседать, гутарить* (в знач. 2); *гутарить* (в знач. 3);

3) «действие — данное действие, в котором произошла замена вида одного и того же определенного семантического компонента: содержание, средство передвижения»: соответственно *владать* (в знач. 3), *играть; бегать, бечь / беить*;

4) «действие — другое действие, связанное с первым причинно-следственными отношениями»: *внимать*;

5) «действие — другое действие, связанное с первым пространственными отношениями» (в нашем случае единое пространство понимается как тело человека): *дуться*;

6) «действие — данное действие, перенесенное в иную сферу общественных отношений»: *стренуть*.

Метонимические переносные значения глаголов говора в своем большинстве семантизируют **сигнификативную сопредельность** обозначаемых действий. Под сигнификативной сопредельностью мы понимаем смежность, основанную на возможности частично иного состава и иной компоновки семантических компонентов в содержании знака, что ведет к развитию его значения и возникновению нового значения в его структуре. Сигнификативная сопредельность предполагает возможность перебора актантов, потенциально возможных в содержании знака: их уменьшение, увеличение, замену вида актанта, реже его типа: *зачинать*, *затеять* (в знач. 2, 3), *опороситься*; *сунуться*, *беседать*, *гутарить* (в знач. 2, 3), *владать* (в знач. 3), *играть*, *бегать*, *бечь/беить*.

Некоторые многозначные глаголы говора совмещают в своей структуре значения, связанные **со следственной сопредельностью** (*внимать*); **с пространственной сопредельностью** различных процессов, происходящих в рамках тела человека (*дуться*); **с социальной сопредельностью** различных процессов, происходящих в рамках разных сфер деятельности человека (*стренуть*).

В рамках метонимических переносов в семантической структуре глагольной лексики говора казаков-некрасовцев можно дифференцировать **явления сужения и расширения значения**.

Расширение значения в результате развития значения глагола по метонимическому типу преобладает. Оно бывает двух видов:

а) для семантической структуры таких глаголов, как *лезть*, *отсечь*, *затейать*, *померкать*, *зачинать*, *затеять*, *сунуться*, характерно уменьшение количества семантических компонентов, которое делает конкретное значение менее конкретным (глагол *лезть* во втором значении) или неопределенным (глаголы *затеять*, *померкать* во вторых значениях) либо приводит к десемантизации глагола, «опустошает» его (глаголы *зачинать*, *затеять*, *сунуться* в неосновных значениях);

б) для семантической структуры таких глаголов, как *беседать*, *гутарить*, характерно увеличение количества обязательных семантических компонентов (актантов), которое расширяет дейктическое пространство содержания глагола: от обязательного Я — к обязательным Я + Ты — к обязательным Я + Ты + Нечто (в данном случае текст) (глаголы *беседать*, *гутарить* в неосновных значениях).

Сужение значения в результате развития значения глагола по метонимическому типу встречается реже: из более общего значения вытекает менее общее, ограниченное в своем проявлении (глаголы *одержаться*, *стренуть*).

В рамках явления многозначности в глаголах говора казаков-некрасовцев имеется определенное количество переносных значений **метафорического характера**.

Распространены следующие метафорические модели:

1) «одно действие — другое действие, сходное с ним по признаку быстроты, внезапности действий»: *вдарить, сунуться, тяпнуть*;

2) «одно действие — другое действие, сходное с ним по признаку вида движения»: *опутливать, гресться*;

3) «одно действие — другое действие, сходное с ним по признаку положения в пространстве»: *тяпнуться*;

4) «одно действие — другое действие, сходное с ним по признаку ослабленности»: *ворохнуть*;

5) «одно действие — другое действие, сходное с ним по признаку включенности в содержание семантического компонента «вставка»: *дотакивать*.

3. СИНОНИМИЯ В РАМКАХ ГЛАГОЛА

Класс «Абстрактные отношения и формы существования материи». Явление синонимии в классе ««Абстрактные отношения и формы существования материи» представлено полными синонимами, квазисинонимами, стилистическими синонимами.

Преобладают **полные синонимы**:

отрятовать — отпечаловать — поспасти ‘спасти, вылечить’; *зачать — зачинуть — затеять — учинать* ‘начать / начинать’; *кружить* (*Сарай кружым*) — *окруживать* ‘обходить вокруг’; *избечь, избеишь* — *убечь, убеишь* ‘убежать’; *таиться — схорониться* ‘прятаться, скрываться / спрятаться, скрыться’; *ширкнуться — попровалиться* ‘провалиться’; *запринасть — принасть — страпляться* (*Многа фсяво страплялся*) ‘случиться, прийтись’; *сунуться* (*Сунулись на няво*) — *тяпнуться* ‘броситься на кого-, что-л.’.

Квазисинонимы по своему количеству не так значительны. Например, ряд квазисинонимов, которые совпадают в общем семантическом компоненте «действие по спасению жизни» и различаются дифференциальными компонентами, называющими вид угрозы жизни — «духовное прозябание» или «болезнь»: *вырятовать* ‘спасти, освободить’ (*Русский дет нас аццюда вырятавал*) — *отрятовать, отпечаловать, поспасти* ‘спасти, вылечить’ (*Ана фсю балесь знать, тебе атпячалавить*).

В лексико-тематическом подклассе «Время» наблюдаем следующий ряд квазисинонимов: *обжидать* ‘поджидать’ (*Нас абжыдайтя*) — *обгодить* ‘повременить, подождать’ (*Мы абгадим гот*), которые совпадают в общем семантическом компоненте «действие ожидания кого-чего-либо» и различаются соответственно наличием / отсутствием компонента «появление кого-чего-либо».

В лексико-тематическом подклассе «Движение» имеются синонимические ряды, в которых один член ряда является однозначным глаголом, а второй — многозначным, совпадающим с первым по одному из своих значений (перед нами

квазисинонимы): *влезть* — *лезть*; данные квазисинонимы совпадают в значении ‘входить в помещение’, кроме того, у глагола *лезть* существует еще одно значение — ‘карабкаясь, взбираться, проникать куда-либо’; *перепрыгнуть* — *тяпнуть* (*Пиряпрынул, тяпнул чирис плитень*); данные квазисинонимы совпадают в значении ‘перепрыгнуть’, кроме того, у глагола *тяпнуть* существует еще два значения, например ‘броситься, помчаться’.

В лексико-тематическом подклассе «Пространство» имеется следующий синонимический ряд квазисинонимов: *ширкнуться* (*Правалился в балота*) — *попро-валиться* (*Пъправалилася хата*) — *хлыкнуть* (*Пръвалилси пад лёт, как хлыкнул*). Приведенные лексемы совпадают в общем значении ‘провалиться’, однако глагол *хлыкнуть* обладает ограничивающим его использование денотативным компонентом «провалиться под воду».

Стилистические синонимы в классе «Абстрактные отношения и формы существования материи» также немногочисленны и отличаются своей эмоционально-экспрессивной окраской, а также элементами сигнификативного компонента значения: нейтральные *замориться*, *зарыться* и грубовато-экспрессивные *натянуть*, *задрать ноги*. Лексическое значение всех названных глагольных лексем и глагольного фразеологизма является совпадающим — ‘умереть’, хотя дополнительные сигнификативные компоненты, обусловленные значением мотивирующего слова (*заморить*, *зарыть*, *натянуть*, *задрать*) или однокоренных слов (*морить*, *рыть*, *тянуть*), являются разными, демонстрируя нам причины физической смерти, внешний вид покойника, детали обряда упокоения.

Класс «Неорганический мир» представлен незначительным количеством полных синонимов и квазисинонимов.

Ряд **полных синонимов**: глаголы *осветать* — *рассвенуться*, совпадающие в значении ‘рассветать / рассвести’.

Два синонимических ряда **квазисинонимов**: *померкать* — *тусметь*, совпадающих в значении ‘смеркаться’ (глагол *померкать* обладает еще одним значением — ‘меркнуть, гаснуть’); *выкатываться* — *исходить*. Данные глаголы совпадают в общем и основном сигнификативном семантическом компоненте «всходить» и различаются своими денотативными компонентами значения: глагол *выкатываться* применяется по отношению к звездам и солнцу, а глагол *исходить* — по отношению к месяцу.

Лексико-тематический **класс «Органический мир»** в рамках глагольной лексики состоит из следующих подклассов: «Человек», «Растительный мир», «Животный мир».

Лексико-тематический **подкласс «Человек»**, лексико-тематическая группа «Человек как живое существо». Явление синонимии представлено в данной группе полными синонимами и квазисинонимами, которые по количественному составу почти совпадают. Стилистические синонимы единичны.

Полные синонимы: *оздороветь* — *сколяматься* ‘выздороветь’; *затрудать* — *трудиться* ‘заболеть / болеть’; *заколеть* — *смерзнуть* ‘замерзнуть’;

обаниться — *покупаться* — *перекупаться* ‘искупаться’; *сгорбатить* — *осакалить* ‘искалечить’.

Квзисинонимы лексико-тематической группы «Человек как живое существо» являются следующими:

а) *принемочь* — *притрудать*. Данные глаголы являются квазисинонимами: они совпадают в общем и основном сигнификативном семантическом компоненте «болеть» и различаются видом семантического компонента «степень болезни»: глагол *принемочь* означает ‘приболеть’, а глагол *притрудать* — ‘тяжело заболеть’;

б) *исть* — *ендать* — *наядндыривать* относятся к квазисинонимам: глаголы *есть*, *ендать* и *наядндыривать* совпадают в общем и основном сигнификативном семантическом компоненте «принимать пищу» и различаются отсутствием/наличием семантического компонента «неоднократно», характерного для глагола *ендать*, отсутствием/наличием семантического компонента «быстро, с аппетитом», имеющегося в семантической структуре глагола *наядндыривать*;

в) *понадеть* (Фся начальства п̑надела каски) — *таскать* в значении ‘надевать на себя, носить’ (Мущины б̑лахоны таскали) относятся к квазисинонимам. Глаголы *понадеть*, *таскать*, хотя и совпадают в значении ‘надеть / надевать’, обладают разной семантической структурой: глагол *понадевать* является однозначным, а глагол *таскать* имеет еще одно значение — ‘принимать детей при родах’. Кроме того, данные глаголы различаются денотативным компонентом своего значения: действие глагола *таскать* исходит от одного лица или от многих и не включает компонент «перебор субъектов»; а действие глагола *понадеть* поочередно исходит от ряда субъектов и содержит компонент «перебор субъектов».

Стилистические синонимы: *исть* — *схрястать* (Схрястал с костями). Глагол *схрястать* обладает дополнительной грубовато-экспрессивной окраской, которая усиливается его фонетическим звучанием.

Рассмотрим явление синонимии в рамках глагольной лексики лексико-тематической группы «Человек как разумное существо». **Явление синонимии** в данной группе представлено значительным количеством синонимических рядов: полных синонимов, квазисинонимов, стилистических синонимов.

Преобладают **полные синонимы**:

прибасывать — *придумливать* ‘придумывать’; *напомниться* — *сдумать* ‘вспомнить’; *обессовестнить* (Вон тебе абиссовиснил) — *обмануться* (Нас ани абманулся) ‘обмануть’; *жадать* — *примоловать* ‘жалеть’; *облюбить* — *уподобать* — *миловать* ‘полнобить / любить’; *сердититься* — *сердитовать* — *сердаться* ‘сердиться’; *назвонить* — *натараберить* ‘наговорить много’; *вестить* — *явить* ‘сообщать что-л.’; *запужаться* — *обробеть* ‘испугаться’; *пристрамливать* — *пристыдивать* — *покорить* ‘стыдить / пристыдить’; *навыкнуть* — *привадиться* ‘привыкнуть’; *заспорать* — *перекорять* — *тягаться / тяжиться* ‘поспорить / спорить’.

Квазисинонимы в лексико-тематической группе «Человек как разумное существо» также представлены в определенном количестве: *перекорять* — *пороться* ‘спорить’ (квазисинонимы, так как лексема *пороться* имеет еще одно значение — ‘ссориться’); *клясться* — *пороться* ‘ссориться, браниться’ (квазисинонимы, так как лексема *пороться* имеет еще одно значение — ‘спорить’); *вестить* — *явить* — *попоявить* ‘сообщать что-л.’ (квазисинонимы, так как глагол *попоявить* обладает дополнительным семантическим компонентом «всем»); *изучиться* — *поизучиться* (*Батя сети вязал, и мы поизучились*) в значении ‘научиться, обучиться’ (квазисинонимы, так как различаются денотативным компонентом значения: действие глагола *изучиться* исходит от одного лица или от многих и не включает компонент «перебор субъектов»; а действие глагола *поизучиться* поочередно исходит от ряда субъектов и содержит компонент «перебор субъектов»).

В лексико-тематической группе «Человек как разумное существо» присутствует незначительное количество **стилистических синонимов**: *беседать* — *гу-тарить* — *тутукать* ‘разговаривать’ (стилистические синонимы, так как глагол *тутукать* обладает пренебрежительной эмоционально-экспрессивной окраской).

Рассмотрим явление синонимии в рамках глагольной лексики лексико-тематической группы «Человек в обществе». Оно представлено полными синонимами и квазисинонимами.

Синонимические ряды **полных синонимов**:

пешить — *стряпать* ‘печь’; *хлеборобничать* — *хлеборобчить* ‘заниматься хлеборобством’; *почалить* — *причалить* ‘прибить, прикрепить’; *отелёшиваться* — *растелёшиваться* ‘раздеваться донага’; *гакнуть* — *приурезать* ‘громко запеть (вместе)’; *позрость* — *поскормить* ‘вырастить детей’; *подтуживаться* — *утуживаться* ‘туго подпоясываться’.

Синонимические ряды **квазисинонимов**: *жарить* — *жечь* в значении ‘бить, сечь в наказание’ (квазисинонимы, так как у глагола *жечь* есть и другое значение — ‘жалить’); *играть* — *игрывать* ‘играть’ (квазисинонимы, так как у глагола *игрывать* есть дополнительный сигнификативный компонент значения — «часто»); *закатауриться* — *затрубулусиваться* (совпадают в основном для их значений семантическом компоненте «подпоясаться/подпоясываться», но различаются семантическим компонентом, обозначающим вид пояса: лексема *закатауриться* включает в свое значение обозначение такого вида пояса, как *катаур* ‘женский нарядный пояс с пряжкой’, а лексема *затрубулусиваться* включает в свое значение обозначение такого вида пояса, как *трубулус* ‘мужской праздничный пояс в виде кушака’.

Явление синонимии в лексико-тематическом подклассе «Животный мир» представлено двумя синонимическими рядами **квазисинонимов**:

а) *опороситься* в значении ‘родить детёнышей: не только о свинье, но и об овце’ — *щениться* в значении ‘родить детёнышей: о мелких животных — кроликах, свиньях, живородящих рыбах’. Данные синонимы относятся к квазисинонимам, так как, помимо общего сигнификативного компонента «родить детёнышей»,

обладают различным денотативным семантическим компонентом своего значения, называющим виды животных;

б) *жечь* — *жигнуть* в значении ‘жалить, ужалить’ (квазисинонимы, в силу того что глагол *жигнуть* обладает дополнительным семантическим компонентом «быстрота, неожиданность», данные глаголы также отличаются видом и способом глагольного действия).

В целом явление синонимии в рамках глагольной лексики говора казаков-некрасовцев представлено значительным количеством синонимических рядов, наибольшее количество которых относится к подклассу «Человек».

По содержательным характеристикам преобладает полная синонимия. Количество квазисинонимов немногим меньше. Стилистические синонимы занимают незначительное место в массиве синонимических рядов глаголов говора.

Анализ собранного материала показывает, что синонимы-глаголы любых разновидностей являются как однокоренными, возникшими в результате различных словообразовательных процессов, так и разнокоренными. Появление однокоренных синонимов объясняется участием одной и той же мотивирующей основы в различных словообразовательных моделях с синонимичными словообразовательными формантами: *выстачать* — *достачать*, *хлеборобничать* — *хлеборобчить*, *сплюбить* — *полюбить*, *сердититься* — *сердитовать* и др.

Разнокоренные полные синонимы-глаголы возникают в результате синонимии отдельных семем слов, используемых в качестве мотивирующей основы / корня: *заколеть* — *смерзнуть*, *гутарить* — *беседать*, *обессовестнить* — *обмануться*, *жадать* — *примоловать* и др. Разнокоренные полные синонимы-глаголы возникают также в результате заимствования лексемы с дальнейшим включением ее в систему словообразования говора: диалектное русское *сгорбатить* и созданное в говоре на базе заимствованного турецкого слова синонимичное *осакатить* (турецк. *sakat*).

Преобладание полных синонимов в глагольной лексике говора казаков-некрасовцев мы объясняем общей тенденцией, характерной для языка, обновлять свои лексические средства, а также стремлением носителя говора, его коммуникативной установкой достигать понимания в устной речи, так как нередко полные синонимы используются как взаимные определители: *Пришол, абанился, пькупалси. — Смяркаицца, пьмяркаить. — А вон нъянулси, помир. — Мязиниц мне асакатили, згарбатили.*

Необходимо отметить, что при употреблении в речи полных синонимов полное семантическое равенство исчезает, так как происходит актуализация потенциальных семантических признаков, обусловленных историей возникновения слова, его словообразовательными связями, образной составляющей, заимствованием и т. д. Глаголы-синонимы, возникшие в результате различных словообразовательных процессов, с помощью разных приставок и суффиксов, от однокоренных, но разных мотивирующих основ / корней, акцентируют в своем значении различные стороны обозначаемого глаголом процесса.

4. АНТОНИМИЯ В РАМКАХ ГЛАГОЛА

Антонимия — это категориальное лексико-семантическое отношение противоположных значений, выражаемых формально различными словами, которые реализуют в тексте функцию противопоставления. Лексические антонимы — это два слова одной и той же части речи, противоположных по самому общему и наиболее существенному для их значения семантическому признаку.

Класс «Абстрактные отношения и формы существования материи»

Явление антонимии (классической и ослабленной) представлено в подклассах «Существование, бытие», «Движение». Ослабленная антонимия представлена одним рядом: *вырвать* ‘спасти’ — *заморить* ‘погубить’. Перед нами разнокорневые комплементарные квазиантонимы, т. к. второй член оппозиции представляет ослабленную противоположность в силу своей неопределенности, в то же время они взаимно дополняют друг друга и между ними невозможно вставить промежуточный член оппозиции;

Векторная антонимия представлена двумя рядами: *одержаться* ‘остановиться’ — *дёрнуться* ‘быстро пойти’; *влезть / влезть* ‘войти’ — *вылезть / вылезть* ‘выйти’. Оба антонимических ряда обозначают разнонаправленные движения по отношению к определенной точке пространства.

Класс «Неорганический мир». В нашем материале имеется две антонимичные пары, входящих в подклассы «Космос» и «Атмосферные явления». Данные антонимические ряды являются разнокорневыми комплементарными квазиантонимами, т. к. второй член оппозиции представляет ослабленную противоположность в силу своей неопределенности, в то же время они взаимно дополняют друг друга и между ними невозможно вставить промежуточный член оппозиции: *осветать* ‘рассветать’ — *тусмать* ‘смеркаться’; *нарождаться* ‘рождаться (о луне)’ — *ущербать* ‘идти на ущерб (о луне)’.

Класс «Органический мир» (подклассы «Человек», «Растительный мир», «Животный мир») представлен антонимическими рядами в подклассе «Человек».

Антонимические ряды в группе «Человек как живое существо» являются разнокоренными антонимами, выражающими противоположную направленность действий: *затрудать* ‘заболеть’ — *оздороветь* ‘выздороветь’, *сколяматься* — ‘выздороветь’; *голодовать* ‘не есть’ — *исть* ‘есть’; *перегреться* ‘отогреться’ — *прохланиваться* ‘остыть’.

Антонимические ряды в группе «Человек как разумное существо» являются разнокоренными антонимами, выражающими противоположную направленность действий: *сдумать* ‘забыть, запечатлеть’ — *найти, напомнить* ‘вспомнить’; *облюбить* ‘полюбить’ — *сненавидеть* ‘возненавидеть’.

Антонимические ряды в группе «Человек в обществе» являются разнокоренными антонимами, выражающими противоположную направленность действий: *бедноваться* в значении ‘бедствовать, нуждаться’ — *царевать* в значении ‘жить в довольстве, благоденствовать’ (*Рыбку, икорку пасолим и царюимси целая лету*).

В заключение необходимо отметить, что явление антонимии не распространено в составе глагольной лексической системы говора казаков-некрасовцев. В имеющемся небольшом по объему материале преобладают антонимы, выражающие противоположную направленность действий, что обусловлено грамматической семантикой глагола.

5. ГИПЕРО-ГИПОНИМИЯ В РАМКАХ ГЛАГОЛА

В целом явление гиперо-гипонимии не распространено в лексической системе глагола говора казаков-некрасовцев. В нашем материале есть только один случай гиперо-гипонимических отношений в составе глагольной лексики, относящийся к лексико-тематической группе «Человек как живое существо» подкласса «Человек» класса «Органический мир».

Гипероним *исть* ‘есть, принимать пищу’ и номиниции-гипонимы *ездить на фасоли* ‘питаться преимущественно фасолью’, *ворохнуть* в значении ‘попробовать пищу’.

В целом изучение системных связей в глагольной лексике говора некрасовцев позволяет сделать определенные выводы. В явлении вариативности в семантике, акцентологии, фонетике, грамматике говора казаков-некрасовцев на материале глагольной лексики обнаружилось **преобладание семантической вариативности**, причем преимущественно на базе слов общего **обиходного языка русского крестьянства**, гораздо реже — на базе слов отдельных говоров русского языка. Чаще всего встречаются семантические переносы метонимического характера, что соответствует специфике языкового сознания носителя языка в древнерусский и великорусский периоды (*букать, заниматься, таскать, оказывать, нагутарить, прибасывать* и др.).

Семантическое развитие глагольного слова на базе слов обиходного языка русского крестьянства на основе метафоры встречается в говоре казаков-некрасовцев в меньшем количестве, чем на основе метонимии, что обусловлено более поздним развитием метафорического обогащения слова и спецификой языкового сознания носителя говора в целом (*точиться, заклупить, найти, хлехотать*). Развитие в говоре казаков-некрасовцев значения глагольного слова обиходного языка русского крестьянства на основе комплекса ассоциаций встречается нечасто (*тяпать, гатить*).

В то же время необходимо подчеркнуть: все названные примеры семантической вариативности в рамках глагольной лексики говора могут быть результатом самостоятельного семантического или словообразовательного развития в самом говоре.

Среди других видов вариативности на базе слов обиходного языка русского крестьянства выделяется комплексная **фонетическая и грамматическая вариативность**, связанная а) с заменой как гласных, так и согласных звуков и одновременно б) с заменой глагольного суффикса: *итить, вылазить, подполозть* и др.

К явлению **вариативности** примыкают случаи **полного совпадения** в звучании, структуре и значении слов говора и одноименных лексем обиходного языка крестьянства или его отдельных говоров.

Анализ одноименных глагольных лексем обиходного языка крестьянства и лексем говора казаков-некрасовцев выявил, что большинство названных совпадающих номинаций не дифференцированы по отдельным говорам русского языка, а являются общими для языка русского крестьянства. Таковы, по данным Словаря Даля, глаголы:

бегать 'плавать (на судне, о судне)', *хоронить* 'прятать', *хорониться* 'прятаться', *пристигать* / *пристигнуть* 'найти в каком-либо месте, застигать', *таиться* 'прятаться, скрываться', *кружить* 'обходить, обегать кругом', *лезть* 'карабкаясь, взбираться, проникать куда-либо', *переводить* 'переходить вброд' и многие другие.

В то же время некоторая часть подобных глаголов говора совпадает с глаголами **определенных говоров** русского языка. В первую очередь это **южные** говоры, что объясняется местом первоначальных поселений казаков и составом беглого крестьянства в их рядах.

Многие глаголы говора казаков-некрасовцев совпадают с одноименными лексемами, входящими в лексику **целого ряда** русских говоров, бытующих на территории России от юга до севера, от востока до запада.

Названные совпадения звучания, структуры и семантики глагольных лексем говора с глаголами из общекрестьянского языка или из определенных русских говоров могут иметь различные объяснения. Во время ухода некрасовцев с Дона данные совпадающие глагольные лексемы уже могли входить в общий лексический фонд русских говоров, в том числе и донских. Названные совпадающие глагольные лексемы могут быть результатами контактов некрасовцев на Дону и в эмиграции с представителями других русских говоров, а могут быть и следствием самостоятельного развития слов в самом говоре.

Для лексико-семантической системы глагола в говоре казаков-некрасовцев прежде всего характерны **явления многозначности и синонимии**. В незначительном количестве имеются факты антонимии и гиперо-гипонимии.

В целом анализ явления многозначности в глаголах говора казаков-некрасовцев выявил преобладание переносных значений **метонимического характера**.

Самые распространенные метонимические модели:

1) «действие — данное действие, лишенное определенного семантического компонента, существенного для содержания знака: фазовость, субъект, движение»;

2) «действие — данное действие с дополнительным определенным семантическим компонентом: объект, содержание»;

3) «действие — данное действие, в котором произошла замена вида одного и того же определенного семантического компонента»: содержание, средство передвижения».

Метонимические переносные значения глаголов говора в своем большинстве семантизируют **сигнификативную сопредельность** обозначаемых действий. Определенное количество многозначных глаголов говора совмещают в своей структуре значения, связанные **со следственной сопредельностью, с пространственной сопредельностью** различных процессов.

В рамках метонимических переносов в семантической структуре глагольной лексики говора казаков-некрасовцев можно дифференцировать **явления сужения и расширения значения**. Расширение значения в результате развития значения глагола по метонимическому типу преобладает. Оно бывает двух видов: а) уменьшение количества семантических компонентов, которое либо делает конкретное значение менее конкретным или неопределенным, либо приводит к десемантизации глагола, «опустошает» его; б) увеличение количества обязательных семантических компонентов (актантов), которое расширяет дейктическое пространство содержания глагола.

В рамках явления многозначности в глаголах говора казаков-некрасовцев имеется определенное количество переносных значений **метафорического характера**. Распространены следующие метафорические модели:

- 1) «одно действие — другое действие, сходное с ним по признаку быстроты, внезапности действий»;
- 2) «одно действие — другое действие, сходное с ним по признаку вида движения».

В целом явление **синонимии** в рамках глагольной лексики говора казаков-некрасовцев представлено значительным количеством синонимических рядов. По содержательным характеристикам преобладает полная синонимия. Количество квазисинонимов немногим меньше. Стилистические синонимы занимают незначительное место в массиве синонимических рядов глаголов говора.

Явление **антонимии** не распространено в составе глагольной лексической системы говора казаков-некрасовцев. В имеющемся небольшом по объему материале преобладают антонимы, выражающие противоположную направленность действий.

Явление **гиперо-гипонимии** представлено единичным примером.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СПЕЦИФИКА МОРФОЛОГИИ ГЛАГОЛА В ГОВОРЕ НЕКРАСОВЦЕВ

1. КАТЕГОРИЯ ЛИЦА

Морфологическая категория лица — это система противопоставленных друг другу рядов форм, выражающих отнесенность/неотнесенность действия к участникам речевого акта. Формы лица выражают отнесенность действия к говорящему (формы 1 л.), к собеседнику (формы 2 л.) или к лицу, которое не является ни говорящим, ни собеседником, а также к неодушевленному предмету (формы 3 л.). Соответственно в глаголе выделяются значения собственно-личные (это значения 1 и 2 л.) и значение предметно-личное (это значение 3 л.).

Охарактеризуем значение и структуру личных форм настоящего и будущего простого времени **изъявительного наклонения** в говоре казаков-некрасовцев. Личные формы наст. и буд. простого времени образуются в говоре так же, как и в литературном языке, присоединением к основе настоящего времени идентичных с общенациональным языком определенных флексий, которые заключают в себе одновременно значения лица и числа.

Формы 1 л.: формы ед. ч. образуются присоединением к основе настоящего времени флексий: -у, -ю; формы 1 л. мн. ч. — флексий: -ём, -ем, -им (*Я правду гутарю. — Нямношка бяднуюсь. — Залу выгрибим. — Кладём крючи. — В лапаси летам аддыхаим, хлеба кушаим*).

В то же время в форме 1 л. ед. ч. глаголов говора есть отличия, которые касаются дополнительных средств выражения значений лица в глагольных формах: чередований согласных фонем, находящихся перед окончанием, качества согласных фонем (твердость/мягкость), состава фонем.

1. Для говора казаков-некрасовцев характерно восстановление в 1 л. ед. ч. наст. и буд. простого времени **исконного праславянского согласного** в конце глагольной основы как дополнительного средства выражения грамматического значения лица:

1.1. В основах на переднеязычные согласные наблюдаем отсутствие чередований с шипящими, характерных для литературного языка: *насю, вазю, вылазю, ездю, трудюся, праглатю, гатю, пирьбрадю, хвардю, сненавидю, сгарбатю, ахотюся, хльпатюся, атместю, сверзю, палозю, пирькрутуюсь* (*Я вылазю, а там пришлый*

казак. — *А я большы на квасоли ездю. — Песни играть боля ни хадю. — Глотка балить, ничаво ни пръглатю).*

1.2. В основах на губной согласный в формах наст. и буд. простого времени наблюдаем отсутствие Л-эпентетикум: *купю, засыплю, засню, заступю, покурюю, шумю, поставю, забуравю, готовюсь, приготовю, аблюбю, чалбю, даваю, выламяю* (Адин закрываить глаза, а мы прячимси, вон крищить: «*Лавю, лавю*», каво паймаить, тот и водить. — *Пъприготовю, тада прихади. — За снаху заступю, а бабака сердитовала. — Сичас, какии поспетаи, навывламяю паиятки. — Тока ва сну засню).*

Необходимо отметить, что иногда встречаются и вариантные литературные формы, например, форма 1 л. ед. ч. глагола *любить* встретила нам в говоре только в литературном варианте *люблю*.

Похожие явления отметил Л. Л. Касаткин в речи турчан — старообрядцев, оставшихся в 1962 г. в Турции *пустю, хадю* и т. д., и липован, проживающих в низовьях Дуная: *пакрасу, поставу* и т. д.⁶³³

2. Для говора казаков-некрасовцев характерно восстановление в 1 л. мн. ч. настоящего и будущего простого времени **исконного праславянского согласного** в конце глагольной основы как дополнительного средства выражения грамматического значения лица. Для формы 1 л. мн. ч. глагола говора характерно сохранение исконных заднеязычных согласных, реже переднеязычных согласных, т. е., отсутствие чередований с шипящими, характерных для литературного языка: *пикём, талкём, запрягём, атсикём, вязём* (от инфинитива *вязать*) (*Маслам намажым, сахарам насытим и пикём. — А када галушки ворим, щиснаку сталкём, журки налём, иде галушки варилися, и з галушками ядим. — Паиятки надрали и куюшку жгём. — И мы айву вязём на нитацку).*

3. Кроме того, в конце глагольной основы в 1 л. ед. ч. и мн. ч. наст. и буд. простого времени префиксальных глаголов, образованных от атематических глаголов, в говоре происходит исчезновение звука *-j-*: *Матирял купим частай, сацём с рукавами. — Куфликам пём. — Паию зънавеску* (от инфинитива *пошить*). — *Рукава наприию).* — *Набём их* (от инфинитива *набить*). — *Сабём з древа* (от инфинитива *сбить*). — *Налём да пахлябаим* (от инфинитива *налить*) — *Пиритопють и слють астати* (от инфинитива *слить*). Подобное явление может происходить и в основе беспрефиксальных тематических глаголов: *пьянствуим* (от инфинитива *пьянствовать*).

Данное явление происходит и в потоке речи в конце глагольной основы 1 л. собственно атематического глагола (без приставки), когда данный глагол образует единое фонетическое слово с частицей, стоящей перед ним: *нибём их* (т. е., 'не бьем их'). В тоже время в односложных формах 1 л. атематических глаголов звук *-j-* сохраняется: *рагошку бью* — очевидно, в силу того, что форма без звука *-j-*

⁶³³ Касаткин Л. Л. Исследование говоров русских старообрядцев в Институте русского языка им. В. В. Виноградова // Русские старообрядцы. Язык. Культура. История. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 582, 590.

в таком слове обладала бы слишком малой фонетической протяженностью, что для знаменательного слова в речевой коммуникации нецелесообразно.

Категориальным значением личных форм в 1 л. ед. ч. и мн. ч. изъявительного наклонения в говоре, так же как и в общенац. яз., является: 1) отнесенность действия к говорящему (*Я сижу, пряду*); 2) отнесенность действия к группе лиц, включая говорящего (*Гатим кучи*). Форма 1 л. мн. ч. в говоре, так же, как и в литературном языке, может выступать в расширительном переносном употреблении в предложениях, приписывающих действие многим (всем), включая говорящего и не исключая собеседника: *Визём дитей врачам, атпячалавають. — Ня знаем, када смерть придет, с касой да с малатком.*

Формы 2 л.: формы ед. ч. наст. и буд. простого времени в говоре, так же, как и в литературном языке, образуются присоединением к основе наст. времени флексий: -ёшь, -ешь, -ишь; мн. ч.: -ёте, -ете, -ите (*Жыгнёш — зярно назимь сыпицца. — Што ты рибёнака ни прибаукаиш? — А вы тут наядныриваятя, кушаиця, а миня забыли*).

В то же время есть отличия, которые касаются дополнительных средств выражения значений лица в глагольных формах: чередований согласных фонем, находящихся перед окончанием, состава фонем.

1. Для формы 2 л. ед. ч. наст. и буд. простого времени говора казаков-некрасовцев характерно сохранение исконных заднеязычных согласных, т. е., отсутствие чередований с шипящими: *пикёш, талкёш, запрягёш, атсикёш* (*К Ражеству бялили: пальчиками мажиш стены, патом талкёш угли, и чёрным мазали нижнюю часть*).

2. Для формы 2 л. ед. ч. префиксальных глаголов, образованных от атематических глаголов, в говоре казаков-некрасовцев характерно исчезновение звука -j-: *Прибёш к балки гвазди, и на них павяжуть гранат, айву с ветачками.*

Категориальным значением личных форм во 2 л. ед. ч. и мн. ч. изъявительно-го наклонения в говоре, так же, как и в литературном языке, является: 1) отнесенность действия к собеседнику (*Вот шурупы, ими ты фсё зачаливаиш*); 2) отнесенность действия к группе лиц (*Вы учитильницу па ими очиству называиця, а мы иё тётя*). Форма 2 л. ед. и мн. ч. в говоре, так же, как и в литературном языке, может выступать в переносном обобщенно-личном употреблении: *Там увидишш учитиля, станишш, наклонишшси, пьздарофкалси и паишол.*

Формы 3 л. ед. и мн. ч. наст. и буд. простого времени в говоре казаков-некрасовцев образуются присоединением к основе настоящего времени флексий: -ётъ, -еть, -ить; мн. ч.: -уть, -ють, -ать, -ять (*Оглянулся — судна бяжыть. — Типеря сякровка нищем ни владаить. — Вон носить кадилу. — Мамака на тутине усе ротики абарвётъ. — Тут стаять учёнии (кто выучен церковной службе), там казаки, там бабы. — Ани там плавають и баняцца. — Зря ни фпускивають*).

В то же время есть отличия, которые касаются дополнительных средств выражения значений лица в глагольных формах: качества согласных фонем (твёрдость / мягкость), состава фонем.

1. В ед. и во мн. ч. независимо от спряжения в окончании 3 л. в говоре повсеместно встречается [т'], что является яркой чертой всех южнорусских говоров: *А вон палзѣть*. — *Старшая бабака скажыть, усе делаютъ*.

2. Кроме того, безударные окончания 3 л. мн. ч. 2 спр. совпадают с соответствующими окончаниями 1 спр. (подробнее об этом в разделе «Спряжение»): *Ани чирвяка разводють*. — *Заплотють и жывуть*.

3. В форме 3 л. ед. и мн. ч. атематических глаголов происходит исчезновение звука -j-: *Он бѣть камыш*. — *Рудник из зямли бѣть*. — *Рыбу бють на ваде*. — *Женщины шють*. — *Кипятку лють и труть*. — *Хто сабѣть* — *маладец, а каво збють* — *баба* (от инфинитива *сбить*). — *Квасу налють* — *журка*. — *Пыры пють*. — *Сащѣть куклу*. — *Напѣцца* и *буяничаить*. — *Скока налѣцца* (соответственно от инфинитивов *бить, шить, лить, пить, сишить, напиться, налиться*).

Категориальным значением личных форм в 3 л. ед. ч. и мн. ч. изъявительного наклонения в говоре, так же, как и в литературном языке, является: 1) отнесенность действия к лицу, не являющемуся ни говорящим, ни собеседником, или к неодушевленному предмету (*Старшая снаха Маня някла хлѣп. Када хляба испякуцца, кусочик аставляицца, в суботу замачиваицца, и в теста*); 2) отнесенность действия к группе лиц, не включающей собеседника (*Паложына было претками вышивать рубахи, и их жэнки вышивають*). Форма 3 л. ед. и мн. ч. в говоре, так же, как и в литературном языке, может выступать в неопределенно-личном употреблении, соотносящем действие с субъектом — неопределенным количеством лиц или с одним лицом, представленным как неопределенное: *Кукла украшаицца касичками, платок закалываицца хвостом селизня*. — *Винаграг нарежуть, ноги павыбанють и нагами затеють давить*.

Личные формы будущего сложного времени в говоре казаков-некрасовцев образуются так же, как и в литературном языке: с помощью флексий (показателей лица и числа), которые присоединяются к основе вспомогательного глагола: *Будим печь, будим праигрывать*. — *Будим брать вашу дочирю*. — *Хто дяржал пчѣл, вясной будутъ мъртавать*.

Лексическое значение глагола может не совмещаться с представлением о 1 или 2 л. как о производителе действия. Таковы прямые значения ряда глаголов говора некрасовцев, для которых не характерны формы 1 и 2 л.

Карова брухаить (от инфинитива *брухать* 'бодаться'). — *Буйла бякаить* (от инф. *бякать* 'мычать, блеять'). — *Жарница выкатываицца, укатываицца* (от инф. *выкатываться* 'всходить (о солнце, звездах)'). — *Месиц уцарбаить* (от инф. *уцербать* 'идти на ущерб (о луне)'). — *Харашо жывить тела* (от инф. *живить* 'излечивать, заживлять'). — *Ат мухаты сярбить тела* (от инф. *сербить* 'чесаться').

В формах возвратных глаголов говора наблюдается зависимость постфикса от его положения после гласного или согласного: после гласных чаще всего выступает постфикс -ся/-сь, после согласных чаще всего выступает постфикс -си.

1. В формах 1 л. ед. ч. наст. времени возвратных глаголов (после звука -у-) в говоре наблюдается употребление постфиксов *-ся* или *-сь*: *согнуся, разогнуся, пихнуся, сымусь, разденусь*.

2. В формах 1 л. мн. ч. наст. времени возвратных глаголов (после звука -м-) в говоре наблюдается употребление как постфикса *-ся*, так и постфикса *-си*: *бирёмся, пахватаимся, распушаимся, молимся, мастимси, канаимси, цапляимси*.

3. В формах 2 л. ед. ч. наст. времени возвратных глаголов сочетание последнего звука основы *-и-* и первого звука постфикса *-с-* дает в говоре некрасовцев звуко-сочетание *-сс-*, после которого наблюдается употребление постфикса *-си*: *напёсси* (напёшься), *закрутисси* (закрутишься), *патрудисси* (потрудишься), *памолисси* (помолишься), *занимаисси* (занимаешься), *атплотисси* (отплотишься).

4. В формах 2 л. мн. ч. возвратных глаголов после гласного звука в говоре наблюдается употребление постфикса *-ся*: *Чаво таитися, выходитя!*

5. В формах 3 л. ед. и мн. ч. возвратных глаголов сочетание последнего звука основы *-т-* и первого звука постфикса *-ся* дает в говоре некрасовцев звуко-сочетание *-цца-*: *зимуицца* (зимуется), *учицца* (учится), *носяицца* (носятся), *сплёскиваицца* (сплёскиваются).

6. В формах повелительного наклонения 2 л. мн. ч. возвратных глаголов после гласного звука в говоре наблюдается употребление постфикса *-ся*, а после согласного звука — постфикса *-си*: *сыхадитися, успокойси, надявайси, спускайси, надумливайси*.

7. В формах прошедшего времени возвратных глаголов после гласного звука в говоре наблюдается употребление постфикса *-ся*, а после согласного звука — постфикса *-си*:

па ней училися; надивалися ф катыры; биднавалися; мы боялися; я пастарила-ся; к туркам ни прилучилися;

забалталси; вон зьмарилси; жанилси на другой; камарь пиривлёлси; месяц вывастрилси; надаф палучилси; вон асталси ф Турсии.

Иная сочетаемость конечного звука формы инфинитива и постфикса в формах прошедшего времени возвратных глаголов говора встречается редко: *казак жанился; вал здулся; никто ни вьрухнулся*.

В говоре некрасовцев на месте **невозвратных глаголов** литературного языка нередко возможны совпадающие по значению возвратные глаголы, в единичных случаях на месте **возвратных глаголов** литературного языка возможны невозвратные глаголы:

Давайтя атчалимся ('отчалим') *ад бери́га*. — *На ветир чижало гресца* ('грести'). — *Пайдём, снапы пьзбираимся* ('посбираим'). — *Ну мы их абманулися* ('обманули'). — *Ани ваявалися* ('воевали'). — *Мы десить лет хлѣпятились в Рассею пириехать* ('хлопотали'). — *Утьва, фся птица-мница там зимуицца* ('зимует'). — *Люди аддыхаюцца там* ('отдыхают').

Мы уже атчаяли ('отчаялись'). — *Скора ночи мени́ть* ('уменьшаться') *начнуть*.

Безличные глаголы

В говоре некрасовцев, так же, как и в русском языке, есть глаголы, которые обозначают действие как бессубъектное, т. е. происходящее независимо от деятеля (лица или предмета). Такие глаголы называются безличными. Безличные глаголы имеют лексическое значение, которое несовместимо с представлением о производителе действия. Они обладают формой 3 л. ед. ч. наст. и буд. времени и формой прош. времени ср. р. Некоторые личные глаголы могут иметь безличные формы, наряду с личными.

В составе глаголов говора некрасовцев находим следующие безличные глаголы в форме 3 л. ед. ч., а также в форме прош. времени ср. р.:

1) глаголы без постфикса *-ся*, называемые:

а) состояние природы: *Пьяркаитъ* (от инф. *померкать* ‘смеркаться’). — *Уже тусмеитъ* (от инф. *тусметъ* ‘смеркаться’). — *Запрахладнила* (от инф. *запрохладнеть* ‘похолодать’) — *Гирлу замулила* (от инф. *замулить* ‘занести илом’).

б) физическое или психическое состояние живого существа: *Усерцу как тьяпнитъ* (от инф. *тяпнуть* (в сердце) ‘кольнуть в сердце’). — *Заклупила тут у mine* (от инф. *заклупить* ‘заскresti на сердце’). — *Преди мёрли, патом отсекла, миреть ни стали* (от инф. *отсечь* ‘прекратиться’).

в) наличие или отсутствие чего-н.: *Мне пензии хватаетъ, ишо пирьхватываитъ* (от инф. *перехватывать* ‘хватать с избытком’);

г) долженствование, действие внешней силы: *Видна ни припасть вам пьсматреть на них* (от инф. *припасть* ‘прийтись, случиться’) — *Пирьпракинулси, mine в бок ударила*;

2) глаголы с постфиксом *-ся*, называемые:

а) желательное, возможное действия: *Ись хатицца*;

б) произвольные действия: *Да ета так гутарицца* (от инф. *гутариться* ‘говориться’). — *Как ишумицца, как свистицца* (от инф. *сиуметься* ‘зашуметь’, *свистеться* ‘засвистеть’);

в) состояние природы: *Смяркаицца*. — *Скора рассвеницца* (от инф. *рассветнётся* ‘рассвести’);

г) физическое или психическое состояние живого существа: *Стала мне дурницца* (от инф. *дурниться* ‘становиться плохо’).

Особые случаи

Глагол *рыдать* имеет в говоре личные формы с ударением на окончании: *я рыдаю, хутар рыдаётъ*.

Глагол *есть* (в литературном языке) в говоре казаков-некрасовцев в форме инфинитива звучит как *истъ/ись* и имеет следующие вариантные личные формы: *я ем, ты иши, он истъ/ись, мы ядим, они ядятъ, иши, йиши, ядиши, йистъ, ядим*.

Скора истъ будуть. — *Ись хатицца*. — *Шарбу вариши, иши*. — *Шука и таранку, и лягаву истъ*. — Примерна так: *ты летам пасалил агурицки, и ядиши, а на зиму в бочки салили. А пасалили на ниделькю и йиши памидорицки*. — *И з галушками ядим*. — *Дети рыбу ядятъ*.

Глаголы *варить, отварить, сварить* в говоре казаков-некрасовцев имеют в основе личных форм наст. и буд. времени ударный звук *-о-* (в то же время в инфинитиве и формах прош. времени имеем в основе гласный *-а-*).

Сворить мать, налём да нахлябаим. — Рыбу *атворим*, и ядим. Пашыриш это маленичка шуку и уху *вориш*. — А када галушки *ворим*, щиснаку сталкём, журки налём. — Саламату *ворим*, мы иё становим на заетку. — Накваску стънавили, мукишачку *заворють*. — Мёт *наворинай* стаить.

В редких случаях встречается личная форма, имеющая в основе ударную фонему *-а-*: *Прастоя варим*.

В то же время глагол говора *отваривать* сохраняет гласную *-а-* основы и в личных формах основы, и в прош. времени. *Атвариваиш* траву, ета ляка. — Кафы *атваривали*.

Глагол *посадить* в говоре казаков-некрасовцев имеет в личных формах основы ударный звук *-о-* (а также в форме страдательного причастия прошедшего времени):

Кюпъ у нас зарытый в зимле, камушками абложын, абязательна какую-нябудъ ветачку *пасодиш*, как цвяток какой-нябудъ. — *Пасодють* тебе в тюрьму. — Жырёлak *пасодинай* на матерю. — Картошыцка у миня *пасодиная*, луцок *пасодиный*, сибе сажам, хватить мне на яду, ишо и лишним будить (в литературном языке *посажённый* от глагола *посадить*).

В инфинитиве и формах прошедшего времени глагол *посадить* в говоре казаков-некрасовцев имеет в основе гласный *-а-*: *Пасадили* древы фсяки.

Глагол говора *покласть* имеет в личных формах основы ударный звук *-о-*: *Идём пацятки збирать, на кучки паклодим*.

Глагол литературного языка *браниться* и его производные в говоре казаков-некрасовцев имеют в личных формах основы ударный звук *-о-*: *Всяды вон пѣпн-риброница са фсеми*.

Глагол литературного языка *дразнить* и его производные в говоре казаков-некрасовцев имеют в личных формах основы ударный звук *-о-*: *Вон идёт па вулицы, сабак дрожнить*.

Глагол *хотеть* (в литературном языке представлен формами *хочу, хочешь, хочет, хотим, хотите, хотят*) имеет в говоре некрасовцев все формы со звуком *-ч-* в основе и с ударением на на звуке *-о-* первого слога основы: *Ухадитя, куды хочитя!* — «Сястрица мая Аленушка, мине, казла, зарежать *хочуть*, нажы точуть булатныя, иругины кипять чугунныя».

Глагол литературного языка *вытаскивать* в говоре казаков-некрасовцев имеет иную фонетическую оболочку инфинитива — *вытащивать*, которая сохраняется в личных формах: *У садеи — реткии ачки, ими вытащивають крупную рыбу*.

Глагол литературного языка *ездить* в говоре казаков-некрасовцев имеет иную форму — *ездивать*, которая сохраняется в формах глагола: *Ани туды ездивають*.

Глагол литературного языка *выть* в говоре казаков-некрасовцев имеет в личных формах и в инфинитиве основу *вои-*: **воить**, *воиш*, *воили* (*Валки на пагоду воили*).

Таким образом, в формах лица глаголов говора имеются следующие специфические черты:

— восстановление исконного праславянского согласного: а) в конце глагольной основы в 1 л. ед. ч. в основах на губной согласный и в основах на переднеязычные согласные; б) в конце глагольной основы во 2 л. ед. ч. и мн. ч. в основах на заднеязычные и переднеязычные согласные;

— исчезновение звука *-j-* в конце глагольной основы: а) в 1 л. ед. ч. и мн. ч. префиксальных глаголов, образованных от атематических глаголов; б) в 3 л. ед. ч. и мн. ч. атематических глаголов;

— в формах возвратных глаголов говора наблюдается зависимость постфикса от его положения после гласного или согласного: после гласных выступает постфикс *-ся*, после согласных выступает постфикс *-си*;

— на месте невозвратных глаголов литературного языка возможны возвратные глаголы и редко наоборот;

— имеются личные формы, отличающиеся от литературных по своему фонетическому или акцентологическому облику.

2. КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ

Морфологическая категория времени глагола в говоре по своим содержательным и структурным характеристикам в основном идентична названной категории в литературном языке.

Формы времени глагола в говоре по своему составу, способам образования, набору типовых прямых и переносных значений идентичны формам времени глагола литературного языка. Определенная специфика форм времени наблюдается прежде всего в прош., в буд. времени, а также в отдельных формах прош. времени конкретных глаголов.

Специфика форм времени глагола в говоре выражается в широком употреблении формы давнопрошедшего времени, являющейся архаичной в современном литературном языке: *саливали*, *ездивали*, *игрывали* (*Паста нету — в мячики **игрывали**, полан **игрывали**. — В Истамбул **ездивали***).

В говоре некрасовцев нами выявлены специфические архаичные формы 3 л. буд. простого и буд. сложного времени с формой глагола *быть* усеченного характера, без конечного согласного *-т-* (*будя*): *Памажым*, *пабелым*, ***будя** накрашка* ('украшение'). — *Играй, а сыня **будя** плясать*. В. В. Колесов пишет о том, что такие формы с «опущенным окончанием» характерны как для древнейших восточнославянских рукописей, так и для современных русских говоров⁶³⁴.

⁶³⁴ Колесов В. В. История русского языка. М.; СПб.: ACADEMIA, 2005. С. 399—400.

В формах возвратных глаголов прош. времени исследуемого говора не наблюдается зависимости постфикса от его положения после гласного или согласного звука основы. Так, в формах м. р. прош. времени с основой на -л- в говоре употребляется как постфикс -ся, так и -си: *аглянулся, здулся, върахнулся, абъявился, свярнулся и балталси, пъламалси, вывастрилси, натянулси, асталси*. В формах ж. р. прош. времени и в формах мн. ч. (с финалью на -ла, -ли) в говоре употребляется как постфикс -ся, так и -сь: *фкарился, боялся, пакачивался, надивался, закулёмилася, занялася, асталася и зарылись, угаманились, патурчилились, привадились, вывалились, аишанилась, накрывалась, павадилась*.

Особые случаи

Глагол *быть* в форме прош. времени ср. и ж. р. и в форме мн. ч. имеет ударение на окончании: *Хлеп-та пякли сами, пякарни ни было, ни знали, но ф горади — эта было, но мы фсе сами делали. — У двару было нарина. — Галошах ни было. — Была матеря касая бель. — Карыта у кажнава балышыи были, карыта у кажнава в сие*.

В то же время в форме мн. ч. встречаются формы и с ударением на основе: *Свини ня были*.

Глагол *жить* в форме мн. ч. и ж. р. ед. ч. имеет ударение на окончании: *Но эта, панимаитя, када наши радители жыли, мы ужа, мы ни так ужа стали. — Меньша жыла здравая, щем жыву бальная*. Отсутствие формы ср. р. этого глагола в записях носителей говора, обусловленное нераспространенностью данной формы в коммуникативных ситуациях общения некрасовцев, не позволяет сделать какие-либо заключения об акцентологической характеристике формы ср. р. этого глагола.

Глагол *сунуться* ‘приняться что-либо делать’ в форме прош. времени может десемантизироваться и употребляться в наречном значении ‘быстро’, характеризуя рядом стоящую форму другого глагола прош. времени. *Я сунулася пириделася. — Сунулась причасала голува*.

Глагол *тонуть* ‘тонуть’ имеет в форме прош. времени архаичную форму *тон*: *Я два раза тон*.

Ряд глаголов, содержащих в инфинитиве суффикс -ова-, сохраняет его и в личных формах в отличие от аналогичных форм литературного языка: *Маслину празднавываим* (от *праздновать*). — *Абнимаити, цылавайти* (от *целовать*), *внуцатацки маи!*

Ряд глаголов, содержащих в инфинитиве суффикс -ова-, не сохраняет его в личных формах в отличие от аналогичных форм литературного языка: *Уже вада иза рта высакауить* (от *выскакивать*). — *Ейный свёкар прибгаить к маей свякрови и спрашуить* (от *спрашивать*). — *Адяёцца рубаха* (от *одеваться*). — *Пирьдяёмси в васкрисенную адёжу* (от *переодеваться*).

3. Инфинитив

В говоре казаков-некрасовцев, так же, как и во всех южнорусских говорах, финаль инфинитива не оканчивается на -и. Редкие формы инфинитива на -ти встретились нам только в фольклорных текстах, например в фольклорном глаголе

всплывати ‘всплывать, выплывать’ и в нейтральном глаголе **рятовать** ‘спасать’, имеющем в фольклорном тексте форму на *-ти*: *Я бы рада рятовати, да ни смею всплывати*.

В говоре казаков-некрасовцев, так же, как и во всех южнорусских говорах, ударение в формах инфинитива всегда на основе: **припасть** ‘случиться, прийти’, **обгадити** ‘подождать’, **замулити** ‘занести илом’.

В говоре казаков-некрасовцев распространены формы инфинитива на *-ть* в соответствии с ударным *-ти* в литературном языке. В подобных формах инфинитива наблюдается передвижение ударения с окончания на основу с последующей редукцией конечного *-и*, ставшего безударным. *Затеяли дары несть*. — *Зачнули мы рость*. — *Пьявля курканят на выган пасть*. — *Вёлами гресть ни мох, мьладениц был*. — *Нада гарман згресть*. — *Илан как начал палость*.

По мнению диалектологов, такие формы инфинитива характерны для всех южнорусских говоров^{635, 636}

Особые случаи

Отдельного замечания заслуживают **формы инфинитива** глаголов: *идти*, *уйти*, *пойти*, *прийти*, *выйти*. В говоре они усилены формантом *-ть* (*идти* — **итить**, *прийти* — **приитить**, *выйти* — **выйтить**, *пойти* — **пойтить**, *уйти* — **уйтить**), семантически избыточным, но коммуникативно необходимым, по мнению носителей говора: *Я ни хатела выйтить замуш*. — *Ни хочить итить*. — *Ряшылася замуш выйтить*. — *Мы ряшыли уйтить аттоле*. — *Нада патить дроф принясти*. Иногда встречается форма **выйть**: *И вон ей сказал: «Если хочиш за миня замуж выйть, иди в дивятую царству, в дисятую гьсударству и найдёш миня»*.

По мнению диалектологов, такие формы инфинитива глагола *идти* характерны для всех южнорусских говоров.

Особой в говоре является **форма инфинитива** глагола *печь* — **пеить** (ц.-слав. вариант восточнославянского *печь*): *Пирашки зьмясила, пайду пеить*.

Глагол говора *вязати* ‘вязать’ имеет вариантыные формы инфинитива: **вязти** [вясти], **везть** [весть]. *Жэнки ни лавили рыбу, а сети вясти* — вязли. — *Муцины сети вязуть, а жэны тожэ могут везть*.

Особой в говоре является **форма инфинитива** глагола *бежать* и производных от него: **бечь/беить** ‘бежать, ехать, плыть’, **убечь/убеить** ‘убежать’, **избечь/избеить** ‘убежать, сбежать’ (ц.-слав. вариант восточнославянских лексем): *Ты хочиш убечь*. — *А убеить ат етава ни убяжыш*. — *Вон хател избечь*. — *Я хатела избеить*, избегла.

Глагол литературного языка *есть* в говоре казаков-некрасовцев имеет форму инфинитива **исть/ись**: *Утей варить будуть, да исть будуть*.

Глаголы типа *постучать*, *выскочить*, имеющие в литературном языке конечным согласным основы звук *-ч-*, восстанавливают в говоре исходный соглас-

⁶³⁵ Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина. М.: ACADEMIA, 2005. С. 143.

⁶³⁶ Кузнецов П. С. Русская диалектология. М.: Учпедгиз, 1954. С. 89.

ный в формах инфинитива (*постука́ть, выска́кать*), а также в иных глагольных формах: *Постука́ть в акои́шу, и фсе́, замкоф-та ни было. — Ф кина паи́шли, а свет выключи́ли, тут наши дефки как выска́кали, чуть ни збили кантралерку.*

Производные глаголы типа *выглажива́ть, заквашива́ть*, имеющие в литературном языке конечным согласным основы звук *-ж-/-ш-*, восстанавливают в говоре исходный переднеязычный согласный *-д-/-с-* в формах инфинитива, а также в иных глагольных формах (*выглади́вать, закваси́вать*): *Платок был капро́навый, он ня мя́си, а белый пра́стой платочик — яво ля́хко вы́глади́вали. — Мля́ко на́да было за́кваси́вать.*

Глаголы говора *слуха́ть, выслу́хать* имеют конечным согласным основы звук *-х-*, являющийся исходным заднеязычным согласным, который сохраняется в других формах данных глаголов: *Гаварю́, свя́жы́тя хо́ть марли́чкой, дева́чка за па́ть дне́й, за три́ дня, а́на скрепи́ца, а хто вы́слу́хаи́ть. — Учи́тильни́цу бу́дим слуха́ть. — А вра́ч ста́ял, слу́хал, а я я́му фсе́́ расска́зала! А он слу́хал, слу́хал, да и гва́рить мне: «Вы, значи́т, грама́тная, а я не́т!»*

Глагол литературного языка *роди́ть* имеет иную форму в говоре, с ударением на первом слоге на гласной *-о-*: *ро́дитъ*. Данная звуковая оболочка сохраняется и в других формах этого глагола: *А́на буди́ть ро́дитъ, буди́м сиде́ть те́х-пати́тех. — А та́м е́сли ро́дю́ть маладе́нца, он пла́хой, ну... бува́и́ть слаби́нький, тут па́па вяду́ть, скаре́й я́во крестю́ть, ня да́й Бо́х, он умре́ть.*

Глагол литературного языка *расти́* имеет иную форму в говоре, не только иной суффикс и иное ударение, но и смену гласной в корне — *ро́сть*: *Ва́ткну́л три́ се́мички и ва́дички па́лил, вы́ходя́ть ли́стя — и паи́шли ро́сть.*

Таким образом, в формах инфинитива говора мы находим факты, свидетельствующие о структурном выравнивании данной глагольной формы и приведении ее к единообразию.

4. СПРЯЖЕНИЕ

В говоре казаков-некрасовцев, как и в литературном языке, глаголы с **ударными личными окончаниями** (кроме атематических) распределяются между 1 и 2 спряжением. Показателями каждого спряжения являются ударные окончания в личных формах наст. и простого буд. времени, за исключением формы 1 л. ед. ч., одинаковой для обоих спряжений: *ты за́цинёш, он за́цинёть, мы за́цинём, вы за́цинёте, они за́цинуть; ты на́прямиш, он на́прямитъ, мы на́пряим, вы на́прямите, они на́прямять.*

У глаголов с **безударными личными окончаниями** говора казаков-некрасовцев в результате качественно-количественной редукции в формах 2 и 3 л. ед. ч. и в формах 1 и 2 л. мн. ч. наст. и простого буд. времени происходит совпадение окончаний в звуке *-и-*, показателе 2 спряжения. Приведем примеры из речи носителей говора:

Ня зна́им (1 л. мн. ч.), ка́да буди́ш (2 л. ед. ч.) уми́раеъ. — А вы́ тут на́янды́рива́и́тя (2 л. мн. ч. от глагола на́янды́рива́ть ‘есть быстро, с аппетитом’). — Но́гу

тяпниши (2 л. ед. ч.) *храмой будиши*. — *Тут ана ни балеить* (3 л. ед. ч.). — *Чуть дефка зъмьладеить* (3 л. ед. ч.) — *уже сватають*.

У глаголов с безударными личными окончаниями в 3 л. мн. ч. говора казаков-некрасовцев в результате аналогического процесса выравнивания форм употребляется одна форма — с окончанием 1 спряжения *-уть/-ють*: *Ани иво заморють*. — *Гвоздичак забють да приоцтрьють*. — *Мутозыки пъянакистють*. — *Тут чирвяка разводють*. — *Падрушки абыгрывають, галосють*. — *Нивы пахають*.

В целом спряжение глаголов с безударными личными окончаниями говора казаков-некрасовцев можно определить как особое, отдельное, 3 спряжение, так как совокупность окончания таких глаголов полностью не совпадает с составом личных окончаний ни 1, ни 2 спряжения: *-иши, -ить* (ед. ч.) и *-им, -итя, -ут/-ют* (мн. ч.). В учебнике «Русская диалектология» под ред. Л. Л. Касаткина⁶³⁷ подобные глаголы называются глаголами общего спряжения.

В рамках форм спряжения говора мы наблюдаем стремление носителей говора к унификации безударных личных окончаний глаголов и возникновение единой парадигмы спряжения для глаголов с безударными личными окончаниями.

5. КАТЕГОРИЯ НАКЛОНЕНИЯ

В целом система наклонений говора казаков-некрасовцев является аналогичной системе наклонений литературного русского языка по средствам образования, прямым и переносным значениям.

Личные формы повелительного наклонения — это формы 2 л. ед. и мн. ч. и формы совместного действия.

Формы 2 л. ед. ч. в говоре образуются так же, как и в литературном языке, от основы наст. времени одним из двух способов: путем присоединения к основе наст. времени флексии *-и* или нулевой флексии при чередовании согласных в конце основ по твердости-мягкости: *Придуть, пъяви* (от инф. *появить* ‘сообщить, известить’). — *Мамака, спяки пляцинду* (от инф. *спешить* ‘испечь’). — *Примолай иво* (от инф. *примолать* ‘пожалеть, приласкать’). — *Хади пристыдивай* (от инф. *пристыдивать* ‘пристыжать’). — *Ни лесь, ни рискай*.

В то же время есть отличия, которые касаются дополнительных средств выражения значений лица в глагольных формах: чередований согласных фонем, находящихся перед окончанием.

Для личных форм повелительного наклонения говора, как и для форм наст.-буд. времени, характерно восстановление исконного переднеязычного согласного: *Завескай завесивайси*.

Формы 2 л. мн. ч. повелительного наклонения в говоре образуются так же, как и в литературном языке, от формы ед. ч. путем присоединения агглютинативного аффикса говора *-тя* (фонетический вариант литературного аффикса *-те*):

⁶³⁷ Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина. М.: ACADEMIA, 2005. С. 145.

Ни приба́сывайтя (от формы ед. ч. *приба́сывай* инф. *приба́сывать* ‘придумывать’). — *Ни прида́кивайтя* (от формы ед. ч. *прида́кивай* инф. *прида́кивать* ‘подакивать’). — *Пада́ждитя!* (от формы ед. ч. *подожди* инф. *подождать*), а также *сейтя, рубитя, замяситя, поставитя, будитя, проситя, сымайтя, вяжытя, гаваритя, жывитя, бяжитя*. Гораздо реже формы 2 л. мн. ч. повелительного наклонения в говоре образуются с помощью аффикса *-ти*: *Вглумитесь!* (от формы ед. ч. *вглумись* инф. *вглумиться* ‘вдуматься’), а также *давайти, хатити, дай-ти*.

Что касается аффикса *-ся (-сь)*, то в формах повелительного наклонения после конечного звука основы *-й-* встречается постфикс *-си* (*успокойси, надявайси*), после конечного звука основы *-и-* встречается и постфикс *-сь*, и постфикс *-ся* (*пробудись, ни бясися, сходитися*).

Побуждение в говоре, так же как и в литературном языке, может быть отнесено и к 3 л. ед. и мн. ч. В подобных случаях оно выражается в говоре сочетанием частиц литературном языке *пусть, пускай*, диалектной частицы *няхай* и формы 3 л. ед. и мн. ч. наст. /буд. времени: *Пусть сам зарабатить*. — *Няхай млати́шая сно́ха рыба́лить*. — *Кухня у нас была, там пад навесам кары́та висели на крю́чках. Эта на́да, што́п ни́хто ня ви́дел. А хто уви́дить, няхай ви́дить*.

Формы совместного действия повелительного наклонения в говоре образуются так же, как и в литературном языке:

1) с помощью частиц *давай, давайте* + форма 1 л. мн. ч. буд. времени глаголов сов. в. (аналитический способ): *Давай с тобой за́спораим*. — *Давай на́папалах купим*. — *Давайтя атча́лимся ад бе́рига*;

2) с помощью частиц *давай, давайте* + инфинитив глаголов несов. в. (аналитический способ): *Друзя маи, давайтя лабы́зацца*.

Необходимо отметить, что такая форма совместного действия повелительного наклонения, как 1 л. мн. ч. буд. времени от глагола *быть* (*будем, будемте*) + инфинитив, в говоре нам не встретилась.

Кроме того, в нашем материале отсутствуют синтетические формы совместного действия повелительного наклонения (типа *бежим отсюда!*).

Категориальным значением форм повелительного наклонения в говоре, как и в литературном языке, является представление действия как требуемого, к которому побуждает кого-л. говорящий: а) форма 2 или 3 л. ед. ч., выражает побуждение к действию, обращенное к одному лицу (*Пусть пайде́ть!*); б) форма 2 или 3 л. мн. ч., выражает побуждение, обращенное к нескольким лицам (*Ухадитя, куды хочи́тя!*); в) формы совместного действия, выражают побуждение, обращенное к группе лиц, включающей говорящего (*Давайтя пе́шки ити́ть*).

Особые случаи

Глагол говора *риска́ть* (в литературном языке *рисковать*) имеет соответствующую форму повелительного наклонения *рискай*: *Ни риска́йти*. Глагол *целова́ть* имеет форму повелительного наклонения, сохраняющую суффикс инфинитива: *Абнима́йти, цылава́йти*.

Таким образом, мы наблюдаем расширение средств образования повелительного наклонения в говоре. К ним мы относим: 1) специфическую форму постфикса *-те* и аффикса *-ся*; 2) особые формы повелительного наклонения конкретных глаголов; 3) расширение состава средств образования форм 3 л. повелительного наклонения (частица *няхай*).

6. КАТЕГОРИЯ ВИДА

6.1. Специфика средств выражения семантики несовершенного и совершенного вида

Категория вида — это система противопоставленных друг другу двух рядов форм глаголов: ряда форм глаголов, обозначающих ограниченное пределом целостное действие (глаголы сов. в.), и ряда форм глаголов, не обладающих признаком ограниченного пределом целостного действия (глаголы несов. в.)⁶³⁸. Категорией вида в говоре казаков-некрасовцев, как и в литературном языке, и охватываются все глаголы.

Категориальная видовая система литературного языка и говора казаков-некрасовцев характеризуются значительной структурной и содержательной общностью.

В то же время анализ собранного материала выявил специфические структурные черты в категориальной видовой системе глагола говора в целом, которые относятся как к глаголам несов. в., так и к глаголам сов. в. Это относится: 1) к средствам выражения семантики несовершенного и совершенного вида, 2) к средствам образования видовой пары, а также к приоритетности определенных средств образования видовой пары из существующего в литературном языке набора данных средств.

1.1. Замена суффикса со значением несов. в. на более информативный с аналогичным значением

Носители говора казаков-некрасовцев нередко заменяют суффикс *-а-/-и-* в основе глагола **несов. в.** в литературном языке на суффикс *-ива-/-ва-/-ова-* (лексическое значение и вид глагола при этом не меняются):

— в лит. яз. *обводить* — в говоре *обвадивать* ‘водить везде’ (*Абвадивают там наших казакоф*);

— в лит. яз. *находиться* — в говоре *находиваться* (*Фсё у них находиваицца*);

— в лит. яз. *впускать* — в говоре *впускивать* (*Каво зря ни фпускивають*);

— в лит. яз. *молиться* — в говоре *моливаться* (*Нада богу моливаицца*);

— в лит. яз. *оживать* — в говоре *оживливать* (*В ваде ани ажывливають*);

— в лит. яз. *приходиться* — в говоре *приходиваться* (*Маслина на эти дни приходивьицца*);

— в лит. яз. *встречать* — в говоре *стретивать* (*Нас стретивали с солю и хлебом*);

— в лит. яз. *окружать* — в говоре *акружывать* (*Акружывают рыбу и заганяють*);

— в лит. яз. *хитрить* — в говоре *хитровать* (*Ана хитравала*).

⁶³⁸ Русская грамматика. М.: Наука, 1980. С. 583.

В этом явлении усложнения основы глагола несов. в. в изучаемом говоре мы видим давление грамматической системы глагольного вида, ведь суффиксы *-ва-* и *-ива-*, *-ова-* являются более информативными:

а) они более протяженные по своему звучанию (двухфонемный и трехфонемный комплекс вместо однофонемного);

б) они однозначно выражают грамматическое значение несов. в. в сопоставлении с неоднозначными по своей грамматической семантике суффиксами *-а-* и *-и-*, способными выражать семантику как несов. в., так и сов. в. (*впускать* — НСВ и *сделать* — СВ; *обводить* — НСВ и *встретить* — СВ).

Анализ показывает, что в целом суффиксы *-ва-* и *-ива-*, *-ова-* являются для носителя говора некрасовцев более коммуникативно значимыми, информативно яркими, именно поэтому и происходят замены суффиксов *-а-/-и-* в основе глагола несов. в. общенац. яз.

1.2. Усложнение основы глагола сов. в. префиксом

Носители говора казаков-некрасовцев нередко усложняют основу глагола сов. в. общенац. яз. префиксом. В этих случаях модифицируется лексическое значение глагола: глагол начинает входить в тот или иной способ глагольного действия. В целом ряде подобных глаголов говора изменение лексического значения является очень незначительным, например в глаголах говора, относящихся к интенсивно-результативному способу глагольного действия. Приведем примеры:

- в лит. яз. *провалиться* — в говоре *попровалиться* ‘провалиться’;
- в лит. яз. *обнизиться* — в говоре *пообнизиться* ‘обнизиться’;
- в лит. яз. *согреться* — в говоре *посогреться* ‘согреться’;
- в лит. яз. *написать* — в говоре *понаписать* ‘написать’;
- в лит. яз. *пропасть* — в говоре *попропасть* (*В Мамаиѣ курган влезли, там пѣнаписана, какии пѣпрапали нѣ вайне*).

Подобное усложнение основы происходит и с бесприставочными, и с приставочными глаголами говора. В случае усложнения основы префиксом беспрефиксного глагола сов. в. мы видим давление грамматической системы глагольного вида в изучаемом говоре, ведь приставка (в данном случае *по-*, *вы-*, *с-*) более ярко выражает значение сов. в.: приставки *по-*, *вы-*, *с-* без сопровождения суффиксами *-ива/-ва-* в общенац. яз. выражают только значение сов. в. Покажем примеры:

- в лит. яз. *спасти* — в говоре *поспасти* (в лексеме *спасти* уже не ощущается ее родство со словом *пасти* и, следовательно, не выделяется приставка *с-*);
- в лит. яз. *решить* — в говоре *вырешить* (*Как вырешить батяка, так и будить*);
- в лит. яз. *решить* — в говоре *срешить* (*Што сряшить, то и можыть зделать*);
- в лит. яз. *полить* — в говоре *пополить* (*Агарот уже пѣпалили*).

В случае усложнения основы префиксального глагола сов. в. еще одним префиксом (явление нанизывания префиксов с идентичным грамматическим значением) в изучаемом говоре происходит акцентирование значения сов. в., его подчеркивание: *согреться* — *посогреться*.

В лингвокультурологическом плане в явлении усложнении основы глаголов несов. и сов. видов суффиксами и приставками мы видим проявление такой черты менталитета казака-старообрядца, как стремление к порядку, точнее, к выраженности порядка, его овнешнению.

6.2. Специфика средств образования видовой пары

Глаголы русского языка в литературном языке и в говоре казаков-некрасовцев в своем большинстве противопоставлены друг другу по виду: они составляют видовые пары. Видовая пара — это пара лексически тождественных глаголов сов. и несов. в., различающихся между собой только грамматической семантикой вида. Объединение глаголов в видовые пары — системная категориальная черта вида. В современном русском языке существуют следующие типы видовых пар:

1) видовые пары, формируемые путем перфективации: «беспрефиксный глагол несов. в. — префиксальный глагол сов. в.» (*делать* — *сделать*);

2) видовые пары, формируемые путем имперфективации: а) «префиксальный глагол сов. в. — префиксально-суффиксальный глагол несов. в. с суффиксом имперфективации» (*переписать* — *переписывать*); б) «беспрефиксный глагол сов. в. — суффиксальный глагол несов. в. с суффиксом имперфективации» (*решить* — *решать*);

3) видовые пары разнокоренных глаголов: *брать* — *взять*.

Названные типы видовых пар характерны и для говора казаков-некрасовцев, среди которых наиболее распространенным способом образования сов. в. является имперфективация, как и в литературном языке. В образовании видовых пар глаголов нами выявлена определенная специфика.

Перфективация в говоре

В собранном нами материале говора в образовании видовой пары способом перфективации принимают участие следующие префиксы: *за-*, *о-*, *от-*, *по-*, *при-*, *с-*, *про-*.

Необходимо указать, что приставки *про-* и *пере* не указаны в РГ-80 как средство образования видовой пары способом перфективации в литературном языке, т. е. являются специфичными формантами перфективации в говоре некрасовцев. В присутствии в видовой системе глагола говора особых способов перфективации мы видим стремление носителя использовать все имеющиеся ресурсы языка, дальнейшее развитие видовой системы говора.

Покажем видовые пары говора, образованные способом перфективации с помощью названных префиксов в высказываниях носителей говора:

1) приставка *по-*:

итить — *пойтить* ‘двигаться, перемещаться, деля шаг’ (*Ни хатели итить в Истамбул. — Нада патьть дроф принятьти*); *пондлевать* — *попондлевать* ‘есть после полудня, обедать’ (*Пара пандливать — Пъпандлюим, пайдём на лиман*); *банить* — *побанить* ‘мыть, полоскать’ (*Пашли на реку банить. — Мама мясу побанить, посолить, положить у капак*); *вестить* — *повестить* ‘сообщать’ (*Фчара ана*

взятила, што наедим. — *Павястили, и мы паили дамонь*); **куропить** — **покуропить** ‘делать надрез на боках рыбы при засолке или поджаривании целиком’ (*Рыпку мелкаю курошим, када жарим. — Пакурошим, на сковраду и жарим*); **хужать** — **похужать** ‘становиться хуже’ (*Вон фсё хужаить. — Пахужал савсем*); **трацать** — **потрацать** ‘пугать, стращать’ (*Мине туряга траишал. — Я иё пътраишаю, што вазьму и умру*); **кистить** — **покистить** ‘отделать что-л. кистями’ (*Завеску кистидь буду. — И шыринку, и платок пакистють, для пакрыски (= для красоты)*);

2) приставка **за-**:

колеть — **заколеть** ‘остывать, замерзать’ (*Пираги калють, идить! — Стыть, зькалели дитёнаки*); **вурунджать** — **завурунджать** ‘жужжать’ (*Мышкара вурунджить. — Алять зьвурунджали мухи*);

3) приставка **с-**:

хорониться — **схорониться** ‘спрятаться’ (*Негди хараница. — Паел и взял схранилси*); **мёрзнуть** — **смерзнуть** ‘замерзнуть’ (*Мёрзли реска. — Сафсем там смёрзли*); **ненавидеть** — **сненавидеть** ‘возненавидеть’ (*Мы нидавольны на них, ани нас нинавидють. — Мачиха снинавидила дочку*);

4) приставка **о-**:

сердиться — **осердиться** ‘сердиться’ (*Рас я так сказал — ани сярдитяцца на мене. — Вон на мене асярдитился*); **телиться** — **отелиться** ‘производить потомство’ (*Фся тварь телицца. — Скора буйла ателицца*);

5) приставка **от-**:

важить — **отважить** ‘взвешивать’ (*Хлеп важыли. — Атважывал атес*); **рятовать** — **отрятовать** ‘спасти, вылечить’ (*Рятуйтя, люди! — Тут иё атривавали*); **кипеть** — **откипеть** ‘вскипятить’ (*Как вада кипетить, брасаиш рыпку. — Травы нарвал, аткипетил*); **худать** — **отхудать** ‘похудеть’ (*Вон худаить. — Я атхудал сильно*);

6) приставка **при-**:

баукать — **прибаукать** ‘баюкать’ (*Снаха баукаить яво. — Када прибаукаиш братоцика, можна и паиграть*).

7) приставка **из-**:

вешать — **извешать** ‘помещать в висячем положении’ (*И гранат тожы вязём на нитачку, вешаим. Извешаим, ана ня портицца*).

Следующие две модели перфективации являются специфичными, они не отмечены в современном русском литературном языке (по данным РГ-80).

8) приставка **про-**:

хлехотать — **прохлехотать** ‘говорить непонятно, на чужом языке’ (*Идутъ, па-чиркески хляхочуть. — Прашли, прахлихатали пъ-сваёму*);

9) приставка **пере-**:

конаться — **переконаться** ‘определять, кому первому начинать игру, перехватывая поочередно палку’ (*Каналися, каму шарик катать. — Палкай пириканимси, каму первему начинать*);

Наибольшее количество видовых пар говора некрасовцев, образованных способом перфективации, имеют префиксы *по-* и *за-*.

Имперфективация в говоре

Собранный нами материал показывает, что при имперфективации глаголы несов. в. говора образуются преимущественно с помощью суффикса **-ива-**, который является приоритетным для носителя говора. Суффиксы **-ва-** и **-а-**, которые, наряду с суффиксом **-ива-**, являются характерными для современного русского языка как средство имперфективации, в нашем материале встречаются реже. В «Русской диалектологии» О. Г. Ровнова отмечает, что «продуктивность имперфективного суффикса **-ыва-/ива-** характерна для всей диалектной территории»⁶³⁹. В нашем материале список продуктивных имперфективных суффиксов расширен.

В имперфективации глаголов говора, как и в литературном языке, различаются два подтипа: 1) имперфективация глаголов сов. в., содержащих префикс (принадлежащих как к чисто префиксальному, так и к смешанным способам словообразования с участием префиксации): *переписать* — *переписывать*, *расщедрить* — *расщедриваться* и 2) имперфективация беспрефиксных глаголов сов. в.: *решить* — *решать* (редкие случаи).

1) Тип имперфективации «префиксальный глагол сов. в. — суффиксальный глагол несов. в. с суффиксом имперфективации» в высказываниях носителей говора:

окружить — **окруживать** ‘обходить вокруг’ (*Пайдёмтя лес акружым. — Дефки муцин акружывають*); **одержать** — **одерживать** ‘задержать, поймать’ (*Адяржали их, паймали. — Пчёл адерживать травой лимонкой*); **подползть** — **подползывать** ‘подползать’ (*Илан и патпалос. — Вон дяжурил ночью, уснул, а ани пад ниво патпа-лазывають, и подрезали*); **растелешиться** — **растелешиваться** ‘раздаться донага’ (*Растилешуца и купаюцца. — А у наз бабы ни растилешывались*); **оживеть** — **оживливать** ‘оживать’ (*А тут ажывела. — Ажывливай, уставай!*); **опутлять** — **опутливать** ‘опутывать’ (*Рыбу аханам апутляли и тацуть — сярюгу, бялугу. — Порши с нитках вязаная, ей рыбку апутливають*).

2) Тип имперфективации «беспрефиксный глагол сов. в. — суффиксальный глагол несов. в. с суффиксом имперфективации» в высказываниях носителей говора (в ряде глаголов приставка выделяется только этимологически):

внять — **внимать** ‘слушать внимательно, воспринимать информацию, понимать’ (*Хто внял, то хърашо. — Вон бисталковой, ни внимаить ничаво*); **вкориться** — **вкоряться** ‘покориться’ (*Ани фкарлися. — Иё сватають, а ани ни фкаряицца*).

В целом состав видовых форм, их значения и формальные средства их выражения в говоре некрасовцев и в современном русском языке в основном являются идентичными, в то же время существуют семантические и структурные отличия частного характера. Анализ форм вида глагола в изучаемом говоре выявил явление усложнения основы глаголов несовершенного и совершенного видов, как правило,

⁶³⁹ Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина. М.: ACADEMIA, 2005. С. 163.

уже имеющих грамматический показатель вида, дополнительными суффиксами и приставками со значением вида, что связано с упорядоченностью формальных средств выражения вида глагола в говоре некрасовцев. Кроме того, в говоре имеются специфические средства образования видовой пары способом перфективации, которые не используются в литературном языке в процессе перфективации: это русские приставки *про-* и *пере-*. К специфике средств образования видовой пары способом имперфективации мы относим приоритетность для носителя говора суффикса *-ива-* из существующих в литературном языке списка средств.

В целом в категории вида говора казаков-некрасовцев проявляется общая для русских диалектов «тенденция к обязательному формальному выражению видовых различий»⁶⁴⁰, однако проявления данной тенденции являются специфическими.

7. КАТЕГОРИЯ СПОСОБА ДЕЙСТВИЯ

Способы глагольного действия — это такие семантико-словообразовательные группировки глаголов, в основе которых лежат формально выраженные модификации (изменения) значений беспрефиксных глаголов с точки зрения временных, количественных и результативных характеристик. Способы глагольного действия тесно связаны с категорией вида: одни способы объединяют несоотнесительные глаголы несов. в. (таковы глаголы способов действия многократного: *хаживать*, прерывисто-смягчительного: *попрыгивать* и ряда других); другие способы объединяют глаголы сов. в. (например, ограничительный: *полежать*; одноактный: *прыгнуть*)⁶⁴¹.

Способы глагольного действия подразделяются на три группы, различающиеся по своим самым общим значениям, которые выражены формально — присоединением к глаголу того или иного форманта. Все три группы представлены в говоре, значительная часть из них по своим структурным и семантическим признакам совпадает с системой способов глагольного действия, характерных для литературного языка. Опишем те виды способов глагольного действия в говоре, которые отличаются либо по форме, либо по содержанию от способов глагольного действия, имеющихся в литературном языке.

7.1. Временные способы действия

Данная группа включает следующие временные способы действия: начинательный, ограничительный, длительно-ограничительный, финитивный. Состав временных способов действия и формальные средства выражения в говоре некрасовцев и в современном русском языке в основном являются идентичными, в то же время существуют структурные отличия в выражении определенных видов временных способов действия.

⁶⁴⁰ Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина. М.: ACADEMIA, 2005. С. 157.

⁶⁴¹ Русская грамматика. М.: Наука, 1980. С. 596.

Глаголы начинательного способа действия говора

Глаголы начинательного способа действия говора выражают значение начала действия. Это значение имеет две разновидности: 1) приступа к действию, начального фазиса действия и 2) начала и продолжения действия в едином целом. Вторая разновидность начинательного способа действия обозначает начало и продолжение действия в едином целом, которое не членится на фазисы (достижение результата в процессе возникновения действия). Глаголы второй разновидности всегда выражают слияние начала действия с последующим действием, цельность начала и последующего протекания действия; такие глаголы не могут быть преобразованы в сочетание с глаголом *начать*. В современном русском языке это глаголы, образованные с помощью приставок *по-*, *воз-*, *вз-*, а также префиксами *раз-*, *вз-* и постфиксом *-ся* (*вскричать*, *побежать*, *рассердиться*, *возненавидеть*).

В говоре казаков-некрасовцев к этому списку добавляется еще одна модель — с префиксом *за-* от глаголов несов. в. Данная модель является специфичной, характерной только для говора некрасовцев:

заколе́ть (сов. ‘замерзнуть’) — глагол несов. в. *коле́ть* ‘замерзать’, зафиксированный в говоре пример. *Ноги закалели*;

заспа́ть (сов. ‘забыть что-то во сне, забыться’) — глагол общенац. яз. несов. в. *спа́ть*. Только *ва сну заспиш*;

закосне́ть (сов. ‘заупрямиться’) — глагол общенац. яз. несов. в. *косне́ть* ‘упорно оставаться в одном и том же положении, состоянии’⁶⁴². *Вот закоснела и ни хочить итить*.

Глаголы ограничительного способа действия

Глаголы ограничительного способа действия выражают ограничение действия временными пределами, определенным временным отрезком. По данным РГ-80, в русском литературном языке такие глаголы образуются при помощи префикса *по-* от непереходных и переходных глаголов несов. в. (*полетать*, *постоять*, *пошуметь*).

В говоре казаков-некрасовцев глаголы ограничительного способа действия в отличие от литературного языка в составе форманта могут иметь не только префикс *по-*, но и постфикс *-ся*.

Посби́раться (сов. ‘собирать что-л. некоторое время’) — глагол несов. в. *сби́рать/соби́рать*, относящийся к общенац. яз. *Пайдём, баклы пѣзбираимся*.

7.2. Количественно-временные способы действия

Данная группа состоит из глаголов сов. и несов. в., значение достижения результата действия в которых осложнено дополнительными значениями: одноактности, многократности, сопроводительности, прерывистости, смягчительности, многократной дистрибутивности (по данным РГ-80). В данной группе есть разновидности способов глагольного действия, либо редко встречающиеся в литературном

⁶⁴² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 1. С. 443.

языке в силу своей архаичности, либо совсем не встречающиеся в литературном языке.

Глаголы многократного способа действия

Глаголы многократного способа действия со значением неоднократной повторяемости в говоре, как и в общенациональном языке, образованы присоединением суффикса *-ива-* к основам некоторых глаголов несовершенного вида со значением неоднаправленного движения или конкретного физического действия (*хаживать*). В говоре такие глаголы частотны в отличие от литературного языка, в котором подобные формы стилистически ограничены.

Названные глаголы говора употребляются чаще всего в форме прошедшего времени, но возможны и другие формы (в нашем материале встречаются формы наст. времени — *ездивают, игрывают*):

игрывать (несов. ‘часто играть’) — глагол несов. в. *играть*, относящийся к лит. яз. *Ф пасту в иную игру игравали*;

ездивать (несов. ‘ездить неоднократно’) — глагол несов. в. *ездить*, относящийся к лит. яз. *В Истамбул ездивают*;

варивать (несов. ‘неоднократно готовить пищу’) — глагол несов. в. *варить*, относящийся к лит. яз. *А то фсё нардеки варивали, пирогом макаши, иш, нардек фсяк гажалси пакушать*;

саливать (несов. ‘неоднократно солить’) — глагол несов. в. *солить*, относящийся к лит. яз. *Икорку, рынку саливали*.

Отдельного описания в этой группе заслуживает глагол **ендать** несов. ‘есть неоднократно’ (*Пьдаждитя, лошки жылезныи были, но мы пастаяна ими ни яндали*). Полагаем, что его мотивирующим является глагол несов. в. *есть*, а формантом — суффикс *-а-* и чередование согласных в основе. Одновременно перед нами фонетический и семантический вариант глагола несов. в. *едать*, относящегося к общенац. яз., значение которого, по данным Сл. Даля, не включает семантический компонент «неоднократно».

Глаголы сопроводительного способа действия

Глаголы сопроводительного способа действия означают, что названное действие, несколько ослабленное в своем протекании, сопровождает собою другое действие (*притопывать, подпевать*). Такие глаголы и в говоре, и в литературном языке образуются при помощи префиксов *при-/под-* и суффикса *-ива-* от глаголов несов. в.:

подплёскивать (несов. ‘прихлопывать в ладони’) — глагол несов. в. лит. яз. *плескать* ‘хлопать в ладоши, ударяя в лад по музыке, или в знак одобренья, удовольствия или радости; рукоплескать’⁶⁴³;

подсмехивать (несов. «подсмеиваться») — глагол несов. в. лит. яз. *смеяться*;

прирыбярывать (сов. «прирабатывать рыбной ловлей») — глагол несов. в. *рыбалить*, относящийся к говору некрасовцев. *Мамака, снохи часта прирыбарывали*.

⁶⁴³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 3. С. 312.

Кроме того, в группе глаголов сопроводительного способа действия в нашем материале есть и модель, которая не отмечена в современном русском языке: глагол, образованный с помощью приставки *до-* и суффикса *-ива-*: *дотдживать* (несов. ‘поддакивать, потакать’) — мотивирующий глагол несов. в. *такать* ‘придакивать, подтакивать, соглашаться с кем’⁶⁴⁴. *Батяка гутарить, а сына датаквовать*.

Глаголы многократно-дистрибутивно-взаимного способа действия

Глаголы многократно-дистрибутивно-взаимного способа действия означают складывающееся из многих актов действие, осуществляемое несколькими субъектами (*переговариваться, перемигиваться*). Такие глаголы в литературном русском языке, по данным РГ-80, образуются с помощью префикса *пере-*, постфикса *-ся* и суффикса *-ива-/-ва-/-а-*.

В нашем материале есть несколько иная модель: префикс *пере-* и суффикс *-а-* (без постфикса *-ся*), которая не отмечена в РГ-80. *Пересужать* (несов. ‘судить о ком, осуждать кого’) — мотивирующий глагол несов. в. *судить*, относящийся к литературному языку. *Люди пирьсужают*.

7.3. Результативные способы действия

Данная группа состоит из глаголов сов. в., значение достижения результата действия в которых осложнено дополнительными значениями законченности действия; завершенности длившегося процесса; финитивности, исчерпанности действия; действия, поочередно распространяющегося на ряд объектов или исходящее от ряда субъектов.

Подгруппа глаголов результативного способа действия (интенсивно-результативный способ)

В глаголах интенсивно-результативного способа действия значение достижения результата действия осложнено значением усиленности, а также полноты, интенсивности в проявлении действия: *приглядеться, загуляться, забаюкать, наглядить, начитаться, углядеть, изранить, отлежаться*.

В говоре некрасовцев имеются специфичные модели интенсивно-результативного способа: с префиксом *при-*, *об-*, *пере-*, с префиксом *по-* и *за-* от мотивирующих глаголов сов. в.

1. Глаголы с приставкой *при-*. По данным РГ-80, в русском литературном языке эта модель образования глаголов результативного способа действия включает еще и постфикс *-ся* (*прижиться*), но в нашем материале такие факты не имеются. Приведем примеры:

призатереть (сов. ‘растереть, натереть ногу’) — глагол сов. в. в лит. яз. *затирать / затереть* (в Сл. Даля имеющий несколько иное толкование — ‘замять кого, затолкать в толпе, затеснить’⁶⁴⁵). *Ногу призатёр*;

⁶⁴⁴ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 4. С. 713.

⁶⁴⁵ Там же. Т. 1. С. 1617.

приострѣть (сов. 'заострить') — глагол несов. в. в лит. яз. *острить*. *Гвоздичак нада приострѣть*;

призабыть (сов. 'позабыть') — глагол сов. в. в лит. яз. *забыть*. *Фсё призабыла*.

2. Глаголы с приставкой по- интенсивно-результативного способа действия образуются в говоре от непереходных и переходных глаголов **сов. в.** с помощью префикса **по-**, причем не только от беспрефиксальных, но и от префиксальных глаголов. Подобная модель в РГ-80 не отмечена и является специфичной в говоре некрасовцев.

В. И. Даль отмечает, что приставка **по-** может иметь среди множества других значений и значение «конец действия», акцентируя, что подобное значение характерно для южных и западных говоров⁶⁴⁶. Однако примеры, приведенные В. И. Далем, показывают, что мотивирующими у подобных глаголов являются лексемы несов. в.: *бить* — *побить*, *шить* — *пошить*. Аналогичная информация о значении завершенности приставки **по-** имеется и в БАС (в качестве примеров приведены глаголы *попросить*, *побледнеть*, мотивирующие которых относятся к глаголам несов. в.⁶⁴⁷).

В нашем материале глаголы интенсивно-результативного способа действия с приставкой **по-** образуются от глаголов **сов. в.**:

попровалѣться (сов. 'провалиться') — префиксальный глагол сов. в. лит. яз. *про-валиться*. *Пъпровалилася крыша*;

пообнизиться (сов. 'стать ниже') — префиксальный глагол сов. в. лит. яз. *обни-зиться* 'понижаться, опускаться, падать'⁶⁴⁸. *Хата пѣобнизилаь, в землю ушла*;

попропить (сов. 'пропить') — глагол сов. в. лит. яз. *пропить*. *Хто разбагател, хто и напратил, а хто и бедный чилавек, так он и работал, семью кармил и усё было нар-мально*.

3. Глаголы с приставкой за- интенсивно-результативного способа действия образуются в говоре от непереходных и переходных глаголов **сов. в.** с помощью префикса **за-**, причем не только от беспрефиксальных, но и от **префиксальных** глаголов. Подобная модель в РГ-80 не отмечена и является специфичной в говоре некрасовцев.

Относительно приставки **за-** В. И. Даль среди ряда значений указывает и значение «конец действия» и также приводит примеры, имеющие в качестве мотивирующих глаголы несов. в.: *вянуть* — *завянуть*, *бить* — *забить*⁶⁴⁹. В БАС указывается, что значением 5 приставки **за-** является «достижение действием

⁶⁴⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 3. С. 339.

⁶⁴⁷ Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. М.; Л.: Наука, 1948—1965 (БАС). Т. 10. С. 10.

⁶⁴⁸ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 3. С. 1555.

⁶⁴⁹ Там же. Т. 1. С. 1370.

результата», толкование сопровождается примерами лексем *заклеить*, *закопать*, соотносящихся с мотивирующими глаголами несов. в.⁶⁵⁰

В нашем материале глаголы интенсивно-результативного способа действия с приставкой *за-* образуются от глаголов **сов. в.** в отличие от литературного языка, в котором глаголы интенсивно-результативного способа действия имеют в качестве мотивирующих лексем глаголы **несов. в.**:

заприпцсть (сов. 'прийтись, случиться') — мотивирующим является префиксальный глагол совершенного вида *припасть*, зафиксированный в говоре некрасовцев с аналогичным значением. *Припала жаница. — Иде заприпала, там и жила.*

4. Глаголы с приставкой *об-* интенсивно-результативного способа действия, образуются в говоре от непереходных и переходных глаголов **несов. в.** с помощью префикса *об-*, подобная модель в РГ-80 не отмечена и является специфичной в говоре некрасовцев. В РГ-80 модель результативного способа с префиксом *об-* отмечена только в значении суммарного охвата или уничтожения действием чего-либо: *обшить*, *оббегать*⁶⁵¹. В Словаре Даля отмечено результативное значение приставки *об-*: «означает, кроме законченности действия, какую-то общность, круг»⁶⁵².

Приведем примеры:

облюбить (сов. 'полюбить') — глагол несов. в. лит. яз. *любить*. *Ана облюбила черкезина;*

обробеть (сов. 'испугаться, оробеть') — беспрефиксный глагол несов. в. лит. яз. *робеть*. *Ани ни абрабелю;*

обгодить (сов. 'подождать') — беспрефиксный глагол несов. в. лит. яз. *годить* 'медлить, мешкать, ждать, выжидать'⁶⁵³. *Турки абгадили, потом заняли ентат дом.*

5. Глаголы с приставкой *пере-* интенсивно-результативного способа действия, образуются в говоре от непереходных глаголов **несов. или сов. в.** с помощью префикса *пере-*. По данным РГ-80, глаголы с приставкой *пере-* не входят в группу глаголов интенсивно-результативного способа действия (они имеются только в дистрибутивной группе способов глагольного действия), т. е., данная модель является специфичной в говоре казаков-некрасовцев.

Необходимо отметить, что в глаголах говора, относящихся к интенсивно-результативному способу действия, приставка *пере-* имеет значение, описанное в Сл. Даля как «окончание дела, либо многих дел. Передневали, переночевали»⁶⁵⁴. Подчеркнем, что мотивирующим словом в данной модели в концепции В. И. Даля является глагол несов. в. В Сл. Ожегова–Шведовой данное значение приставки

⁶⁵⁰ Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. М.; Л.: Наука, 1948—1965 (БАС). Т. 4. С. 209.

⁶⁵¹ Русская грамматика. М.: Наука, 1980. С. 603.

⁶⁵² *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 1466—1467.

⁶⁵³ Там же. Т. 1. С. 900.

⁶⁵⁴ Там же. Т. 3. С. 78.

пере- описывается как периферийное под номером 13 следующим образом: «прекращение длившегося действия»⁶⁵⁵.

Приведем примеры из говора:

перестреться (сов. ‘встретиться на пути’) — глагол сов. в. лит. яз. *встретиться*. *Ани пиристретились*;

перекупаться (сов. ‘выкупаться’) — глагол несов. в. лит. яз. *купаться*. *Приехала дамонь, пирькупалася*;

перегреться (сов. ‘погреться, отогреться’) — глагол несов. в. лит. яз. *греться*. *Влезли в хату, пиригрелись*.

Обобщим наши наблюдения над содержанием и формальными характеристиками способов глагольного действия в говоре казаков-некрасовцев. Состав способов действия и формальные средства их выражения в говоре некрасовцев и в современном русском языке в основном являются идентичными, в то же время существуют семантические и структурные отличия частного характера.

Анализ отличий показывает, что для категории способа глагольного действия в говоре характерны следующие процессы:

1. В морфологической системе глагола говора мы наблюдаем **использование ресурсов системы общенационального языка**:

1.1. По данным РГ-80, в современном литературном языке в группу глаголов **начинательного способа действия**, которые обозначают начало и продолжение действия в едином целом (достижение результата в процессе возникновения действия), не входят глаголы следующей модели, функционирующей в говоре казаков-некрасовцев: с приставкой *за-* от непереходных глаголов несов. в.: *заколеть* ‘замерзнуть’, *закоснеть* ‘заупрямиться’.

1.2. По данным РГ-80, в современном литературном языке в группу глаголов **многократно-дистрибутивно-взаимного способа действия**, которые означают складывающееся из многих актов действие, осуществляемое несколькими субъектами, не входят глаголы, образованные по модели префикс *пере-* + суффикс *-а-*, функционирующей в говоре казаков-некрасовцев: *пересужать* ‘судить о ком, осуждать кого’.

1.3. По данным РГ-80, в современном литературном языке в группу глаголов **интенсивно-результативного способа действия** не входят глаголы ряда моделей, функционирующих в говоре казаков-некрасовцев. Это такие модели:

а) глаголы с приставкой *пере-* и постфиксом *-ся* от непереходных глаголов сов. и несов. в.: *перестреться* ‘встретиться на пути’, *перекупаться* ‘выкупаться’ (по данным РГ-80, глаголы подобной структуры имеются только в дистрибутивной группе способов глагольного действия);

б) глаголы с приставкой *за-* от непереходных глаголов сов. в.: *запригнесть* ‘прийтись, случиться’ (в литературном языке от переходных глаголов несов. в.);

⁶⁵⁵ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: «АЗЪ», 1994. С. 490.

в) глаголы с приставкой *по-* от непереходных и переходных, причем не только от беспрефиксальных, но и от префиксальных, глаголов сов. в.: *попропить* ‘пропить’, *попроваляться* ‘провалиться’ (в литературном языке от переходных глаголов несов. в.);

г) глаголы с приставкой *об-* от непереходных и переходных глаголов несов. в.: *облюбить* ‘полюбить’ (в литературном языке модель результативного способа с префиксом *об-* отмечена только в значении суммарного охвата или уничтожения действием чего-либо). Данные модели являются специфичными в рамках категории способа действия в системе глагола говора казаков-некрасовцев.

2. В результате использования ресурсов системы общенац. яз. в ходе возникновения глаголов того или иного способа действия (отдельных приставок, суффиксов, их сочетаний, иной по своим грамматическим характеристикам мотивирующей базы) происходит **расширение состава** моделей, способных выразить тот или иной частный способ глагольного действия.

8. ПРИЧАСТИЕ

Причастия — это атрибутивная форма глагола, в которой совмещаются значения двух частей речи — глагола и прилагательного. Причастия обладают неглагольным словоизменением: они образуют падежные формы по адъективному склонению, изменяются по родам и числам, а страдательные причастия образуют краткие формы. Причастия сохраняют видовое значение глагола и при помощи специальных суффиксов выражают значение времени — настоящее или прошедшее. Соответственно все причастия делятся на причастия наст. и прош. вр. В зависимости от того, представлен ли причастием признак как активный, т. е. характеризующий по производимому действию, или как пассивный, т. е. характеризующий по испытываемому действию, все причастия делятся на действительные и страдательные⁶⁵⁶.

Причастия говора казаков-некрасовцев значительно отличаются от причастий литературного языка по своему составу и структурным характеристикам. По данным собранной нами картотеки, в говоре отсутствуют: а) причастия действительного залога наст. вр., б) причастия страдательного залога наст. вр., в) причастия действительного залога прош. вр. По мнению Е. В. Немченко, в целом в русских говорах отсутствуют причастия действительного и страдательного залога наст. вр.⁶⁵⁷

В говоре некрасовцев в единичных случаях встречаются причастия действительного залога с переносным значением. Таково причастие наст. вр. *умирающий* ‘гибельный’ (*Там умирающая зямля*). Необходимо отметить, что форма этого причастия в говоре является иной, чем в русском литературном языке: в норме литературного языка действительные причастия наст. вр. образуются от основы

⁶⁵⁶ Русская грамматика. М.: Наука, 1980. С. 665.

⁶⁵⁷ Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина. М.: ACADEMIA, 2005. С. 171.

наст. вр. с помощью суффиксов *-ущ/-ащ-* в зависимости от типа спряжения мотивирующего глагола (в нашем случае *умирающий*). В говоре некрасовцев, очевидно, использована основа инфинитива *умира-* + суффикс *-ащ-* с дальнейшим стяжением гласных.

Кроме того, в нашей картотеке есть еще одна лексема, по форме совпадающая с действительным причастием наст. вр.: *сиющий* ‘сияющий’ (*Дефки закатавуряца, кундры сиющих панаденуть*). Полагаем, что слово *сиющий* является фонетической модификацией распространенного в говоре некрасовцев слова *сиючий*, которая возникла в результате замены звука *-ч-* на звук *-щ-*, типичной для говора (*щугун, шлыщка, киётщка*).

Уместно отметить в данном параграфе наличие в говоре отглагольных прилагательных с суффиксами *-уч/-ач*, исторически являющихся древнерусскими действительными причастиями наст. вр. Одни из них являются принадлежностью говора, другие характерны и для литературного языка:

- а) *блестучий* ‘блестящий’ (*Шолк такой блестячий!*);
- б) *сиючий* ‘блестящий’ (*Лакировыи батинки были сиючий*);
- в) *вонючий* ‘воняющий’ (*Бабура ванючая*);
- г) *колючий* ‘колющийся’ (*Ёри калючий*);
- д) *мотучий* ‘мотающийся’ (*Рукава длиннаи, матучий*);
- е) *летучий* ‘летающий’ (*Дудаки, ани лятучий*).

В единичном случае в нашем материале встретилось слово, которое по своему происхождению является причастием действительного залога прош. вр. Это субстантиват *затворишая* ‘затворница’ от глагола общенац. яз. *затворить*.

Группа причастий в говоре казаков-некрасовцев системно представлена только **страдательными причастиями прош. вр.**, в своем большинстве функционирующими как отглагольные прилагательные.

Опишем специфику страдательных причастий прош. вр. говора казаков-некрасовцев.

Страдательные причастия с суффиксом *-т-* в говоре

1. Страдательные причастия с суффиксом *-т-* в говоре в определенной своей части образуются по моделям, характерным и для литературного языка.

Так, большинство страдательных причастий прош. вр. говора казаков-некрасовцев с суффиксом *-т-* образованы от глаголов разных классов, имеющих в инфинитиве односложный корневой морф на гласную: *вы-ши-ть* — *выши-т-ый*, *от-ши-ть* — *отиши-т-ый*, *на-кры-ть* — *накры-т-ый*, *при-ши-ть* — *приши-т-ый*, *на-де-ть* — *наде-т-ый*, *сла-ть* — *сла-т-ый*. Некоторые причастия говора образованы от глаголов, основа которых в прош. вр. оканчивается на *-ну-*: *подо-тк-нуть* — *подо-тк-нул* — *подоткнутый*. Аналогичное образование страдательных причастий прош. вр. с суффиксом *-т-* наблюдаем и в литературном языке. Приведем примеры:

вышитый — вышить (*На рукавах аблошка вышитая*); *отишитый* в знач. ‘вышитый’ — отшить (*Атишитаи рубахи*); *пришитый* — пришить (*Бис кармана женишына*

ни была, карман, суда деньги лажыли, суда насавыи платочки, семячки, вон **пришыйтай**); **посишыйтай** в знач. ‘сшитый’ — посшить (*Посошыйты они, знаиш, какии крепкии, вот, ни сломиш, из матиряла шытыи, посошыйтыи*); **зашиывайтай** в знач. ‘зашитый’ — зашивать (*Чикмяни пад мышкай ни зашиыватаи*); **накрытый** — накрыть (*А ета ужса пабапски накрытая называли, ета ужса жэнишына*); **надетый** — надеть (*На галаве кишца надетая*); **слатый** в знач. ‘застланный рогожками и половиками’ от глагола *стлать*, менее правильное *слать* ‘класть что на плоское’⁶⁵⁸ (*Ф хати палы слатаи*); **обобитый** в знач. ‘обитый’ — обить (*Беднаи, пол у них ни абабитай*); **лупатый** в знач. ‘облупленный, шелушащийся’ от глагола *лупить* ‘сдирать кожу, шкуру, сымать с чего-либо кожуру, кору’⁶⁵⁹ (*Гарох лупатый*).

2. Страдательные причастия с суффиксом *-т-* в говоре в определенной своей части по своей форме отличаются от моделей, свойственных для литературного языка.

2.1. Это причастия, образованные от непереходных глаголов:

а) **постуретый** в знач. ‘постаревший’ — постареть (*Мълады замуш ходим, дваццать пять лет станит дефки — иё нихто ня любить, нихто замуш ни бирёт — пьстуретая, пьстарела*);

б) **поседетый** — поседеть (*Када приехали в Расею, ана была уже пьсидетая*).

2.2. Это отдельные причастия, имеющие в говоре суффикс *-т-*, а в литературном языке суффикс *-н-*. Необходимо отметить, что в системе русского языка суффикс *-т-* возможен и в этих причастиях (глаголы имеют в инфинитиве односложный корневой морф на гласную). Например:

отдатая в знач. ‘замужняя’ — отдать (*Фсе дефки ишо ниаддатаи*); **ткатый** в знач. ‘тканый’ — ткать (*А бълахон-та ткатаи*); **порватый** в знач. ‘порванный’ — порвать (*Касеты, правда, парватыи, затертыи*); **прибрatый** в знач. ‘прибранный’ — прибрать (*Хата ни прибратаи*); **прострельнутый** в знач. ‘простреленный’ (*Знамя, ана прастрельнутая*); **спетый** в знач. ‘спелый’ — спеть (*Гранат уже спетый*); **переспетый** в знач. ‘переспелый’ (*Инджыр пириспетай, фкуснай*).

Страдательные причастия с суффиксом *-ен-* в говоре

1. Страдательные причастия с суффиксом *-ен-* в говоре в определенной своей части образуются по моделям, характерным и для литературного языка.

1.1. Так, ряд страдательных причастий прош. вр. говора казаков-некрасовцев с суффиксом *-ен-* образованы от основ наст. вр. на согласную в соответствии с моделями литературного языка. Приведем примеры:

клоденный — класть — кладу (*Ета в медник рыба клодинаи*); **свежённый** в знач. ‘вывязанный, сплетенный’ — свезти — свезу (*Парки свизёнаи для покраски*; **наеденный** в знач. ‘сытый, накормленный’ — наесть — наем — наедят (*Наединаи фсе, радуюся*); **понаеденный** в знач. ‘сытый, наевшийся’ — понаесть — понаем — понаедят (*Да я пьнаединаи*); **найденный** — найти — найду (*Песни, ани отсюда найдёнаи, с Расии*);

⁶⁵⁸ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 4. С. 538.

⁶⁵⁹ Там же. Т. 2. С. 708.

заплетенный — заплести — заплету (*Плътни, хворостом заплитёные*); **ражонный** — родить — рожу (*Ана тут ражоня*).

1.2. В соответствии с моделями литературного языка ряд страдательных причастий прош. вр. говора казаков-некрасовцев с суффиксом *-ен-* образуются от глаголов, имеющих основу инфинитива и прош. вр. на суффикс *-и-*, который заменяется в причастии на *-е* (в говоре безударное *-и*). Приведем примеры:

сборенный в знач. ‘присобранный’ — сборки-ть (*Рукава зборинаи*); **почерябленный** в знач. ‘расцарапанный, разодранный’ — почеряби-ть (*Руки пачиряблинаи*); **укрошенный** в знач. ‘украшенный (о жилище)’ — укрости-ть (*Хата была укрошыная*); **закатауренный** в знач. ‘подпоясанный поясом, катауром’ — закатаури-ть (*Катавур закатавуринаи*); **куропленный** в знач. ‘надрезанный, имеющий разрезы, надрезы’ — куропи-ть (*Рыпка куропина харашо жарница*); **жененный** — жени-ть (*Фсе сына ни жениныи*); **кистеный** в знач. ‘отделанный кистями’ — кисти-ть (*То кистиная шыринка*); **вылепленный** в знач. ‘сфотографированный’ — вылепи-ть (*Теперь ани зделали большой музей. Там мой вылиплиный дядя Егор, Гусев Егор Фатеивич, вылиплинай, и мой брат, Харлам Илларионович, как красива вылипленай*); **побуённый** в знач. ‘покрашенная’ — побуи-ть — ‘покрасить’ (*Ета шкурка, ана пьбуёная*); **накистенный** — ‘отделанный кистями’ — накистить; **обкистенный** — ‘отделанный кистями’ — обкистить; **понакистенный** — ‘отделанный кистями’ — понакистить; и т. д.

2. Некоторые страдательные причастия с суффиксом *-ен-* в говоре по своей форме отличаются от моделей, свойственных для литературного языка. Это причастия, образованные от непереходных глаголов:

2.1. **отойдённый** в знач. ‘отсыревший’ — отойти (*Дажжы сильнаи, чирики атайдёнаи*); **взойденный** — взойти (*Тесту взайдёную пирьталчём*); **прийдённый** — прийти (*Уте-та атседава прийдёнаи книги*); **пойдённый** — пойти (*Слушай, эти песни атсюда пайдёные, ани на Дану были*); **сядиный** от глагола *садиться* в знач. ‘оседать, опадать’ (*Сядиная мьлако*); **переброненный** — перебраниться в знач. ‘страдательное причастие по указанному глаголу’ (*Сротцвеники пирябронинаи*).

2.2. При образовании страдательных причастий с суффиксом *-ен-* в говоре в одних случаях имеют место те же чередования, что и в литературном языке — парных твердых с парными мягкими, переднеязычных с шипящими: *закатау- рить* — *закатауренный*, *почерябить* — *почерябленный*, *уработить* — *урабочен- ный*, *родить* — *рожденный*.

2.3. В то же время в ряде случаев названные чередования (парных твердых с парными мягкими, переднеязычных с шипящими) отсутствуют: *куропить* — *куроп- енный*, *кистить* — *кистеный*, *посадить* — *посоденный*, *заморозить* — *за- морозиный*, *закрутить* — *закрутинай* (ножык).

Страдательные причастия с суффиксом *-н-* в говоре

1. Страдательные причастия с суффиксом *-н-* в говоре образуются по моделям, характерным и для литературного языка от глаголов с основой на гласный. Приведем примеры:

мазаний — маза-ть (*Ф хати палы мазанаи*); **намотанный** — намота-ть (*Крючки вот так намотаныи*); **порастрепанный** в знач. ‘разбросанный, о людях’ — порастрепа-ть (*Да, дочка у мене в Асети, адна в Есинтуках, адна тут, сын вот был тут, тигерь уехал в Ленинград с жаною, парастрёпаныи дети на Расеи, вот што нам трудна, а так нам ничё*); **стряпанный** в знач. ‘сдобный’ — стряпа-ть (*У нас стряпанай — эта сладинькай хлебушак*); **перепужанный** — перепуга-ть (*Чилавек пирипужанай*); **испужанный** — испуга-ть (*Испужанай дитёнак*); **агародинай** — огороди-ть (*Их сяло агародиная*); **сборинай** — собори-ть (*Рукава зборинаи*); **поподеланный** — поподела-ть (*Там хаты пьпаделаныи*); **заморозиный** в знач. ‘замороженный’ — заморози-ть (*Рыпка скрепица, каг замарозиная*); **скрутиный** — скрути-ть (*Кърякушка, ана скрутиная*); **нарядиный** — наряди-ть (*Така нарядиная*).

2. При образовании страдательных причастий с суффиксом *-н-* в говоре в отсутствуют чередования переднеязычных согласных с шипящими: **агародинай, заморозиный, нарядиная, скрутиная**.

Краткие формы страдательных причастий прош. вр. также встречаются в речи казаков-некрасовцев:

Уже пьстановлина. — Рагошки были парастелины, и двор был, мазали двор, святки были в тиньке, все было. — Мы шём руками. Вот куклы пашыты руками. — Идём на улицы — трапинацки, камушки ляжать, претки там нашы захаронины. — Пришли свёкар да свякровя, а у миня фсе пьпамазана, пьпригатовлина.

По данным нашей картотеки, **деепричастие** не характерно для говора казаков-некрасовцев, данная глагольная форма встречается очень редко. Нам встретилась данная форма в единичных случаях и в спонтанной речи, и в тексте одной из песен некрасовцев: *Хадил в армию ишо ни жанёмшась, ипать взяли, пашол и там памёр. — Измянёмша чёрнай клядьби, Сам жанилси на другой*. Уместно отметить, что в приведенных деепричастиях произошла замена звука *в* на звук *м*, что характерно для говора.

Таким образом, причастия говора казаков-некрасовцев значительно отличаются от причастий литературного языка по своему составу и структурным характеристикам. По данным собранной нами картотеки, в говоре отсутствуют причастия действительного залога наст. вр., причастия страдательного залога наст. вр., причастия действительного залога прош. вр. Группа причастий в говоре казаков-некрасовцев системно представлена только страдательными причастиями прош. вр., в своем большинстве функционирующими как отглагольные прилагательные. Ряд страдательных причастий с суффиксом *-т-*, *-ен-* в говоре по своей форме отличаются от моделей, свойственных литературному языку, так как они образованы от непереходных глаголов, либо не имеют чередований парных твердых согласных с парными мягкими, переднеязычных с шипящими.

В целом исследование морфологии глагола говора выявило следующее:

1. Морфологическая система глагола говора по своим содержательным и структурным характеристикам во многом совпадает с морфологической системой глагола литературного языка.

2. В сопоставлении с литературным языком в морфологической системе глагола говора мы наблюдаем значительное количество иных глагольных лексем, категориальные формы которых в своем большинстве воспроизводят модели литературного языка в его отдельных глагольных категориях как по своему содержанию, так и по своей структуре.

3. В морфологической системе глагола говора мы наблюдаем использование ресурсов системы общенац. яз. — таких моделей, которые не характерны для той или иной грамматической категории глагола в литературном языке, но могли бы быть элементом системы, так как по своему значению и структуре не противоречат характеристикам той или иной категориальной формы. В результате этого происходит **пополнение и расширение морфологической системы глагола** (моделей, элементов моделей, средств). Явление расширения элементов морфологической системы глагола характерно для таких категорий, как способ глагольного действия, наклонение глагола, вид, для такой формы глагола, как страдательное причастие.

3.1. Анализ материала показывает, что для категории способа глагольного действия в говоре **пополнение и расширение морфологической системы глагола** выражается в следующих процессах:

1) во включении в группу глаголов **начинательного способа действия** глаголов модели приставка *за-* от непереходных глаголов несовершенного вида: *закос-неть* ‘заупрямиться’;

2) во включении в группу глаголов **многократно-дистрибутивно-взаимного способа действия** глаголов, образованных по модели префикс *пере-* + суффикс *-а-*: *пересужать* ‘судить о ком, осуждать кого’;

3) во включении в группу глаголов **интенсивно-результативного способа действия** глаголов: а) с приставкой *пере-* и постфиксом *-ся* от непереходных глаголов сов. и несов. в.: *перестретиться* ‘встретиться на пути’, б) с приставкой *за-* от непереходных глаголов сов. в.: *заприпасть* ‘прийтись, случиться’, в) с приставкой *по-* от непереходных и переходных глаголов сов. в.: *попровалиться* ‘про-валиться’, г) с приставкой *об-* от непереходных и переходных глаголов несов. в.: *облюбить* ‘полюбить’.

3.2. Хотя в целом система наклонений говора казаков-некрасовцев является аналогичной системе наклонений литературного русского языка по средствам образования, прямым и переносным значениям, в ней мы также наблюдаем процесс расширения средств образования наклонения, что проявляется в пополнении состава средств образования форм 3 л. повелительного наклонения: в этот состав в говоре, помимо общенациональных частиц *пусть, пускай*, входит диалектная частица *нехай*.

3.3. В составе страдательных причастий говора есть формы, образованные по иным, нежели в литературном языке, моделям, не нарушающим общие механизмы образования страдательных причастий. Данные отступления являются вариантами, которые предоставляет система общенац. яз.: *ткатый* ‘тканый’, *порватый* ‘порванный’.

3.4. Кроме того, в говоре имеются специфичные средства образования видовой пары способом перфективации, которые не используются в литературном языке, — это приставки *про-* и *пере-* (*хлехотать* — *прохлехотать*, *конаться* — *переконаться*). В присутствии в видовой системе глагола говора особых способов перфективации мы видим стремление носителя говора использовать все имеющиеся ресурсы общенац. яз.

4. В морфологической системе глагола говора мы наблюдаем **использование архаичных ресурсов общенац. яз.** в качестве средств выражения грамматической семантики. Это характерно для категории лица, а также для категории времени.

4.1. В формах лица глаголов говора наблюдается восстановление исконного праславянского согласного как дополнительного средства выражения семантики лица:

1) восстановление исконного праславянского согласного в конце глагольной основы **в 1 л. ед. и мн. ч.** наст.-буд. вр.: а) в основах на губной согласный: *куню*, *засыню*; б) в основах на переднеязычные согласные: *насю*, *вазю*, *ездю*; в) в основах на заднеязычные согласные: *сталькём*, *жгём*;

2) восстановление исконного праславянского согласного в конце глагольной основы **во 2 л. ед. и мн. ч.** наст.-буд. вр. в основах на заднеязычные и переднеязычные согласные: *пикём*, *талкём*, *запргём*, *атсикём*;

3) восстановление исконного праславянского согласного в конце глагольной основы **во 2 л.** повелительного наклонения в основах на переднеязычные согласные: *завеситься* — *завесивайся*.

4.2. Хотя в целом формы времени глагола в говоре по своему составу, способам образования, набору типовых прямых и переносных значений идентичны формам времени глагола литературного языка, в их составе широко употребляется форма давнопрошедшего времени, являющаяся архаичной (*саливали*, *варивали*).

5. В морфологической системе глагола говора мы наблюдаем **нарушение неглобальных запретов** в рамках той или иной категориальной глагольной формы литературного языка. Так, в рамках причастий говора имеется ряд форм страдательных причастий, образованных от непереходных глаголов, что невозможно в литературном языке: *отойденный*, *прийденый*, *постуретый* ('постаревший'), *поседеый*.

6. В морфологической системе глагола говора мы наблюдаем **неиспользование** тех или иных элементов морфологической системы глагола литературного языка. Так, в глагольной системе говора отсутствуют деепричастия, действительные причастия и наст., и прош. вр., страдательные причастия наст. вр.

7. В морфологической системе глагола говора мы наблюдаем **процесс аналогического фонетико-фонологического выравнивания основы**: личные формы стремятся к единообразию конечного согласного основы (в том числе и путем архаизации), выравнивание может происходить по разным формам, выбранным в качестве образца: а) выравнивание форм 1 л. ед. ч. по форме инфинитива: *насю*,

облюбую, даваю (как *носить, облюбить, давать*); б) выравнивание формы инфинитива по личным формам наст. времени, по форме прош. времени: *помалчиваться* (как *молчу*), *воить* (как *воиш, воить, воили*); в) выравнивание форм 1 л. мн. ч. и 2 л. ед. ч. (множественного числа нет в записях) по форме 1 л. ед. ч.: *пикѣм, пикѣи* (как *пяку*); г) выравнивание всех личных форм по 1 л. ед. ч.: *хочим, хочите, хочуть* (как *хочу*); д) выравнивание форм 3 л. по форме 1 л. ед. ч.: *вижутъ* (как *вижу*); е) одновременное выравнивание формы инфинитива однокоренных глаголов и иных глагольных форм однокоренных глаголов: *гладить — выглаживать — выглаживали; тащить — вытащивать; квасить — заквасивать — заквасивали; ездить — ездивать — ездивали — ездиваютъ; замесить — замесивать — замесивали*.

8. В морфологической системе глагола говора мы наблюдаем процесс структурного выравнивания такой глагольной формы, как инфинитив. В формах инфинитива говора мы находим факты, свидетельствующие о значительном давлении системы на ее отдельные части и отдельные элементы. В качестве единого форманта инфинитива в говоре некрасовцев выступает суффикс *-ть*, который является единственно возможной нормой, под которую подстраиваются все глаголы: а) в одних суффикс *ть-* вытесняет суффикс *ти-* (*рость*); б) в других глаголах, в которых эта замена фонетически возможна, но коммуникативно нецелесообразна, суффикс *ти-* усложняется семантически незначимым, но системно и коммуникативно значимым для носителя говора суффиксом *ть-*: получается нанизывание формантов (*итить*); в) в третьих глаголах выравнивание происходит особым образом: вместо финали *-чь-* (*печь*), используется финаль *-ить*, характерная для церковнославянского языка и оканчивающаяся на *-ть-*, что совпадает по звучанию с единственно возможным для инфинитива говора формантом *ть-*. В результате в рамках глагольного формообразования инфинитива уходят редкости, а система становится более жесткой и прозрачной.

9. В морфологической системе глагола говора мы наблюдаем процесс структурного выравнивания форм глагола в рамках одной и той же категории. Анализ форм вида глагола в изучаемом говоре выявил явление усложнения основы глаголов несов. и сов. видов, как правило, уже имеющих грамматический показатель вида, дополнительными суффиксами и приставками со значением вида. Таким образом, в морфологической системе глагола говора происходит усиление морфологической выразительности лексико-грамматической категории вида, что проявляется в двух разных процессах: а) вторичной имперфективации глаголов национального языка несов. в., имеющих суффиксы *-а-*, *-и-*, которые в говоре заменяются на более морфологически выразительный и коммуникативно значимый суффикс несов. в. *-ива-*: *приходиваться* (на месте *приходиться*), *оживливать* (на месте *оживать*), б) усиление результативного значения глаголов национального языка сов. в. с помощью вторичной суффиксации глаголов сов. в.: *поспасти* (на месте *спасти*), *попритьтись* (на месте *притьтись*).

В этом явлении усложнения основы глагола несов./сов. в. в изучаемом говоре мы видим давление грамматической системы глагольного вида, стремящейся:

а) к однозначности и более яркой в коммуникативном аспекте представленности грамматической семантики вида в глагольном слове, б) реже — к акцентированию грамматической семантики вида путем дублирования. В лингвокультурологическом плане в явлении усложнения основы глаголов несовершенного и совершенного видов суффиксами и приставками мы видим проявление такой черты менталитета казака-старообрядца, как стремление к выраженности порядка, аскетического рационализма, свойственного старообрядцу, а в лингвистическом аспекте полагаем, что старообрядец принадлежит к наивным структуралистам, для которых система — это все.

10. В морфологической системе глагола говора мы наблюдаем стремление носителей говора к унификации глагольных форм, что выражается в процессе структурного выравнивания безударных личных форм глагола и возникновении единой парадигмы спряжения для глаголов с безударными личными окончаниями: а) ед. ч.: *-иш*, *-ить* (*будиш*, *балеить*) и б) мн. ч.: *-им*, *-итя*, *-ут/-ют* (*нижаим*, *кушаитя*, *разводятя*).

11. В морфологической системе глагола говора при образовании различных глагольных форм от глагольных лексем общенационального языка мы наблюдаем чередование ударного или безударного звука *-а-* (в литературном языке) и ударного звука *-о-* (в основе глагола говора) в процессе переноса ударения на основу: *хотеть* — *хочуть*; *расти* — *рость*; *класть* — *клоденный*; *посадить* — *пасоде-ный*; *родить* — *рожденный*, *украсить* — *укрошенный*, *браниться* — *броница*, *варить* — *она сворить*, *отварить* — *она отворить*, *сварить* — *сворим*, *дрознить* — *он дрознить*. Возможно, перед нами отголоски близости *а* краткого и *о* краткого в индоевропейском и общеславянском языках, реликты этой близости наблюдаются в ряде современных лексем общенац. яз.: *зарев* — *зорька*, *рост* — *выращивать*.

12. Для личных форм наст./буд. вр. характерно исчезновение звука *-j-* в конце глагольной основы: а) в 1 и 2 л. ед. и мн. ч. префиксальных глаголов, образованных от атематических глаголов: *паию зънавеску* (от инф. *пошить*), *набём их* (от инф. *набить*), *прибёш к балки*; б) в 3 л. наст./буд. вр. ед. и мн. ч. атематических глаголов: *он бёт камыш*, *рыбу бють на ваде*, *женицыны шють*.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СПЕЦИФИКА СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ГЛАГОЛА В ГОВОРЕ КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ

1. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ КЛАССА «АБСТРАКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ МАТЕРИИ»

В составе класса «Абстрактные отношения и формы существования материи» находим определенное количество словообразовательно мотивированных глаголов. Словообразовательная специфика мотивированных слов данного класса такова: преобладает префиксальный способ образования, присутствуют суффиксальный, префиксально-суффиксальный, постфиксальный, префиксально-суффиксально-постфиксальный способы образования и словообразовательная языковая игра. Мотивирующая база глагольная, редко адъективная и междометная.

Отглагольные модели

Отглагольные префиксальные модели

Мотивирующие глаголы обозначают абстрактные действия (*отрятовать*, *пройти*), инхоативные действия (*молодеть*), движение (*бродить*), конкретные действия (*пришить*) и относятся как к русскому общенац. яз., так и к говору.

Модель **формант *по-* + V** с модификационным значением «акцентировать в действии, названном мотивирующим глаголом сов. в., семантический компонент “результат”»: а) *пополоветь* ‘побледнеть’, б) *поотрятовать* ‘спасти’, в) *попройти* ‘пройти’, г) *попожелтеть* ‘пожелтеть’, д) *поспасти* ‘спасти’, е) *попотонуть* ‘утонуть’; ж) *понайти* ‘найти’ от глаголов сов. в. *половеть*, *отрятовать* (лексе-мы говора), *пройти*, *пожелтеть*, *спасти*, *потонуть*, *найти* (слова литературного языка). В названных словах наблюдается явление морфематической избыточности, так как приставка *по-* не придает мотивированным словам какого-либо нового значения, а только усиливает и акцентирует значение результативности. В современном литературном языке не существует подобной модели: по данным РГ-80, мотивированные глаголы-девербативы с приставкой *по-* представлены пятью типами, ни один из которых не совпадает по своей словообразовательной семантике с описанной выше моделью⁶⁶⁰.

⁶⁶⁰ Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 1. С. 366. Далее в данной главе ссылки на РГ-80 даются в тексте.

Модель **формант за- + V** с модификационным значением «довести кого-что-л. до нежелательного состояния (негодности, утомления, истощенности) посредством действия, названного мотивирующим глаголом»: *заморить* 'погубить, убить'; мотивируется глаголом несов. в. *морить*. В современном литературном языке существует идентичная продуктивная модель: *заездить, закормить, заласкать* (РГ-80, т. 1, с. 360).

Модель **формант за- + V** с модификационным значением «начать действие, названное мотивирующим глаголом»: *замолодеть* 'вырасти, превратиться в юношу, девушку'; данная лексема мотивируется глаголом несов. в. *молодеть* 'становиться моложе, юнеть'⁶⁶¹. Аналогичная продуктивная модель имеется в современном литературном языке: *загреть, замелькать* (РГ-80, т. 1, с. 360).

Модель **формант в- + V** с модификационным значением «поместить(ся), проникнуть внутрь чего-нибудь с помощью действия, названного мотивирующим глаголом»: *влезть* 'входить в помещение', мотивируется глаголом несов. в. общенац. яз. *лазить* 'ходить не по уровню, а подымаясь, либо спускаясь'⁶⁶². Данная словообразовательная модель характерна для русского литературного языка и продуктивна в современном русском языке: *вклеить, влететь, влить* (РГ-80, т. 1, с. 357).

Модель **формант об- + V** с модификационным значением «действие, названное мотивирующим глаголом, совершаемое в течение некоторого времени, чаще недолгого: а) *обгодить* ' подождать' от мотивирующего слова *годить* 'медлить, мешкать, ждать, выжидать', более употребителен с приставками *по-, пере-*⁶⁶³, б) *обжидать* 'ожидать, поджидать', от глагола несов. в. *ожидать*. Данная модель, по данным РГ-80, не отмечена в литературном языке; в то же время формант *об-* в данной модели имеет то же значение, что и префикс *по-* в аналогичной по своей структуре и своему значению продуктивной модели литературного языка: *покурить, поработать* (РГ-80, т. 1, с. 366).

Модель **формант пере- + V** с модификационным значением «действие, названное мотивирующим глаголом, направить из одного места в другое через предмет или пространство»: а) *переползть* 'переползти' от глагола несов. в. *ползти*; б) *перебродить* 'переходить вброд' от глагола несов. в. *бродить* 'идти высокою травой, вязкою грязью, или бродом, вброд, водою'⁶⁶⁴. В современном литературном языке существует идентичная продуктивная модель: *перекочевать, перелететь, перепилить* (РГ-80, т. 1, с. 365).

Модель **формант пере- + V** с модификационным значением «краткое, неинтенсивное действие, совершенное обычно в перерыве какого-нибудь другого действия»: *перестрелиться* 'встретиться на пути' от глагола несов. в. *стрелиться*

⁶⁶¹ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 891.

⁶⁶² Там же. С. 603.

⁶⁶³ Там же. Т. 1. С. 900.

⁶⁶⁴ Там же. С. 315.

‘встречаться, сойтись’⁶⁶⁵. В современном литературном языке существует аналогичная непродуктивная модель: *перекурить, передохнуть* (РГ-80, т. 1, с. 366).

Модель **формант о- + V** с модификационным значением «совершить (доставить до результата) действие, названное мотивирующим глаголом»: *окорачить* ‘сесть верхом, охватить ногами’ от глагола несов. в. общенац. яз. *карачить* ‘осаживать задом’⁶⁶⁶. В современном литературном языке функционирует идентичная модель: *опорочить, опубликовать, охарактеризовать* (РГ-80, т. 1, с. 363).

Модель **формант о- + V** с модификационным значением «действие, названное мотивирующим глаголом, направить вокруг чего-нибудь, на все стороны чего-нибудь»: *окружить* ‘обойти вокруг чего-нибудь’, слово мотивировано глаголом *кружить*. Данная словообразовательная модель характерна для литературного языка: *обежать, опетлить* (РГ-80, т. 1, с. 363).

Модель **формант от- + V** с модификационным значением «совершая действие, названное мотивирующим глаголом, отказаться или заставить отказаться от чего-нибудь»: *отпечаловать* ‘спасти, вылечить’ от глагола несов. в. общенац. яз. *печаловать* ‘скорбеть, горевать’⁶⁶⁷. В современном литературном языке существует аналогичная непродуктивная модель: *отговорить, отсоветовать, отучить* (РГ-80, т. 1, с. 364).

Модель **формант под- + V** с модификационным значением «приблизиться, присоединиться к чему-нибудь с помощью действия, названного мотивирующим глаголом»: *подполозть* ‘подползти’ от глагола несов. в. *ползти*. В современном литературном языке существует идентичная продуктивная модель: *подбрести, подскакать, подсесть* (РГ-80, т. 1, с. 367).

Отглагольные суффиксальные модели

Мотивирующие глаголы обозначают конкретные (или другие) действия и относятся: к русскому общенац. яз., к диалектному языку, к говору казаков-некрасовцев.

Модель **V + формант -ива-** с модификационным значением «многократно совершать действие, названное мотивирующим глаголом» от глаголов несов. в.: *ездивать* ‘ездить неоднократно’ от глагола несов. в. *ездить*. В современном литературном языке существует аналогичная модель: *видеть* — *видывать, слышать* — *слыхивать* (РГ-80, т. 1, с. 351).

Модель **V + формант -ива-** с модификационным значением несов. в. от глаголов сов. в.: глагол а) *окруживать* ‘обходить вокруг’ от мотивирующего глагола сов. в. *окружить*; б) *одерживать* ‘задерживать’ от глагола сов. в. *одержать* ‘удерживать, придерживать, останавливать’⁶⁶⁸; в) *подполазывать* ‘подползать’ от глагола

⁶⁶⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 4. С. 487.

⁶⁶⁶ Там же. Т. 2. С. 225.

⁶⁶⁷ Там же. Т. 3. С. 268.

⁶⁶⁸ Там же. Т. 2. С. 1671.

сов. в. *подполозть* из говора казаков-некрасовцев. В современном литературном языке существует аналогичная продуктивная модель: *засеить* — *засеивать* (РГ-80, т. 1, с. 350).

Модель **V + формант -ну-** с модификационным значением «однократно совершить действие, названное мотивирующим глаголом»: глагол а) *отрижнуть* ‘отделить’ мотивирован глаголом несов. в. *отрожнять* ‘отделять, разделять на части’ из говора казаков-некрасовцев; б) *перепрыгнуть* ‘перепрыгнуть’ от общенац. глагола *перепрыдуть* / *перепрыдывать*⁶⁶⁹. В современном литературном языке имеет-ся идентичная продуктивная модель: *махать* — *махнуть*, *толкать* — *толкнуть* (РГ-80, т. 1, с. 348).

Отглагольные постфиксальные модели

Модель **V + формант -ся** с модификационным возвратным значением является продуктивной в говоре: а) *отчалиться* ‘отчаливать’ от глагола сов. в. общенац. яз. *отчалить* ‘отвязать, отрешить, отпугать что связанное’⁶⁷⁰; б) *зачаться* ‘начать’ от глагола сов. в. общенац. яз. *зачать* ‘начать’; в) *одержаться* ‘задержаться’ от глагола сов. в. общенац. яз. *одержать* ‘удерживать, придерживать, останавливать’⁶⁷¹; г) *прохладиться* ‘остыть’ от глагола сов. в. общенац. яз. *прохладить* ‘остудить, дать чему остыть, холодить’⁶⁷²; д) *пхаться* ‘толкаться’ от глагола несов. в. южного и западного говоров *пхать* ‘толкать, двигать от себя толчком, тычком, совать’⁶⁷³. В современном литературном языке существует аналогичная продуктивная модель: *сердиться*, *починиться*, *печалиться* (РГ-80, т. 1, с. 384).

Отглагольные префиксально-суффиксальные модели

Модель **формант пре- + V + формант -ыва** с модификационным значением «попеременно совершать действие, названное мотивирующим глаголом»: *перепрыдывать* ‘перепрыгивать’ от глагола несов. в. общенац. яз. *прыдуть* ‘прыгать, скакать, сигать’⁶⁷⁴. В современном литературном языке существует идентичная непродуктивная модель: *перестукивать*, *перезванивать* (РГ-80, т. 1, с. 382).

Отадъективные словообразовательные модели

Отадъективные суффиксальные модели

Модель **Adj + формант -е-** с мутационным значением «приобретать признак, названный мотивирующим прилагательным»: *менеть* ‘уменьшаться’. Глагол образован от прилагательного *меньший* в его сравнительной степени *меньше*. В современном литературном языке существует аналогичная продуктивная модель: *голубеть*, *желтеть*, *зеленеть*, *пестреть* (РГ-80, т. 1, с. 346).

⁶⁶⁹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 3. С. 194.

⁶⁷⁰ Там же. Т. 2. С. 1986.

⁶⁷¹ Там же. С. 1671.

⁶⁷² Там же. Т. 3. С. 1371.

⁶⁷³ Там же. С. 266.

⁶⁷⁴ Там же. С. 1392.

Модель **Adj + формант -а-** с мутационным значением «приобретать признак, названный мотивирующим прилагательным»: *хужать* ‘становиться хуже’. Глагол образован от прилагательного *худой* в его сравнительной степени *хуже*. В современном литературном языке имеются глаголы, созданные по идентичной непродуктивной модели: *ветшать*, *крепчать* (РГ-80, т. 1, с. 345).

Отадъективные префиксально-суффиксальные модели

Модель **формант no- + Adj + формант -е-** с мутационным значением «приобрести признак, названный мотивирующим прилагательным»: а) *поинеть* ‘измениться, стать иным’, б) *поближесть* ‘стать ближе, приблизиться’. Данные глаголы образованы от прилагательных *иной* и *близкий*. В современном литературном языке существует аналогичная продуктивная модель: *посерьезнеть*, *построжесть* (разг.) (РГ-80, т. 1, с. 380).

Модель **формант no + Adj + формант -и-** с мутационным значением «в большей степени наделить тем признаком, который назван мотивирующим прилагательным»: *поновить* ‘возобновить’. Глагол образован от прилагательного *новый*. В современном литературном языке существует аналогичная продуктивная модель: *понизить*, *пояснить* (РГ-80, т. 1, с. 377).

Модель **формант у + Adj + формант -и-** с мутационным значением «наделить тем признаком, который назван мотивирующим прилагательным»: *уранить* ‘сделать что-л. раньше времени’. Глагол, по нашему мнению, образован от прилагательного *ранний* в его сравнительной степени *раньше*. В современном литературном языке существует аналогичная продуктивная модель: *удешевить*, *удлинить* (РГ-80, т. 1, с. 378).

Отадъективные префиксально-суффиксально-постфиксальные модели

Модель **формант о- + Adj + формант -и- + формант -ся** с мутационным значением «приобрести признак, названный мотивирующим прилагательным»: *опоздниться* ‘опоздать’ от прилагательного / наречия *поздний / поздно*. В современном литературном языке существует идентичная продуктивная модель: *осовремениться*, *осмелиться* (РГ-80, т. 1, с. 390).

Отмеждоментные словообразовательные модели

Префиксально-суффиксальные отмеждоментные модели. Модель **формант с- + междометие + формант -(тер)и-** с мутационным значением «передача звуковой оболочкой мотивирующего слова характерных черт содержания обозначаемого действия»: *стёхтерить-сбохтерить*, *стюхтерить-сбахтерить* ‘сделать что-л. неожиданно или необоснованно’ от междометий общенац. яз. *тюх*, *бах*. Данная словообразовательная модель является специфичной: она не отмечена в современном литературном языке (по данным РГ-80, т. 1, с. 394). Кроме того, в структуре данных глаголов мы имеем уникальный незначимый интерфикс *-тер-*. В форме данных глаголов наблюдается явление языковой игры: носитель языка разными языковыми средствами передает звуки шума от неожиданного удара, проводя аналогию с неожиданным действием.

2. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ КЛАССА «НЕОРГАНИЧЕСКИЙ МИР»

В составе класса «Неорганический мир» находим небольшое количество словообразовательно мотивированных глаголов. Словообразовательная специфика мотивированных слов данного класса такова: преобладает префиксальный и префиксально-суффиксальный способы образования, присутствуют суффиксальный и постфиксальный способы образования. Мотивирующая база преимущественно глагольная, редко адъективная или субстантивная.

Отглагольные словообразовательные модели

Отглагольные префиксальные модели

Модель **формант с-** + V с модификационным значением «уничтожить(ся), повредить(ся), израсходовать(ся) в результате действия, названного мотивирующим глаголом»: *сморозить* ‘заморозить’ от глагола несов. в. *морозить*. Аналогичная продуктивная модель есть в современном литературном языке: *сгнуть*, *сгореть*, *сгрызть*, *спалить* (РГ-80, т. 1, с. 369).

Модель **формант ис/из-** + V с модификационным значением «совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом»: *исходить* ‘всходить’ от глагола несов. в. *ходить* ‘перемещаться’. Идентичная продуктивная модель есть в современном литературном языке: *искупать*, *испортить*, *испугать*, *изувечить* (РГ-80, т. 1, с. 360).

Модель **формант за-** + V с модификационным значением «довести кого-либо, что-либо до нежелательного состояния (негодности, утомления, истощенности) посредством действия, названного мотивирующим глаголом»: *замулить* ‘занести илом’ от глагола несов. в. *мулить* (лексема ряда русских диалектов *мулить* ‘южн., зап. мутить жидкость, болтать’⁶⁷⁵). В современном литературном языке существует идентичная продуктивная модель: *заездить*, *закормить*, *заласкать* (РГ-80, т. 1, с. 360).

Отглагольные префиксально-постфиксальные модели

Модель **формант на-** + V+ **-ся** с модификационным значением «действие, названное мотивирующим глаголом, совершать в достаточной степени»: *нарождаться* ‘несов. рождаться’ от глагола *рожать* (*Месяц наражаица*). Необходимо отметить, что, по данным РГ-80, в современном русском языке подобная модель относится к мотивированным глаголам только сов. в., а в нашем случае у мотивированного глагола несовершенный вид (*нагореваться*, *наглядеться* — РГ-80, т. 1, с. 386).

Отглагольные постфиксальные модели

Модель **формант V+** **-ся** с модификационным значением возвратности: *рассвенуться* ‘рассвести’ от диалектного глагола *рассвенуть* ‘то же, что рассвететь’, то есть «о наступлении рассвета, приближении восхода солнца»⁶⁷⁶. Постфикс **-ся**

⁶⁷⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 936.

⁶⁷⁶ Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965—2014. Вып. 34. С. 203.

переводит непереходный глагол *рассветнуть* в класс безличных, называющих состояние. Сочетанием непереходного глагола с постфиксом *-ся* в литературном русском языке очень часто образуется глагол, который лексически близок к глаголу без постфикса *-ся*: *чернеться*, *белеться* (РГ-80, т. 1, с. 618).

Отсубстантивные словообразовательные модели

Отсубстантивные суффиксальные модели

Модель **S + формант -а-** с мутационным значением «наделять кого- или что-либо тем, что названо мотивирующим существительным»: *ущербать* ‘идти на ущерб (о луне)’ от существительного *ущерб*. В современном литературном языке существует аналогичная модель: *пятнать*, *венчать* (по данным РГ-80, т. 1, с. 345).

Отсубстантивные префиксально-суффиксальные модели

Модель **формант о- + S + -а-** с мутационным значением «совершать действия, имеющие отношение к тому признаку, который назван мотивирующим существительным»: *осветать* ‘рассветать’ (от существительного *свет*). В современном литературном языке по данной модели образуются глаголы только сов. в. в отличие от глагола *осветать*, относящегося к глаголам несов. в. (РГ-80, т. 1, с. 381 — *опоздать*, *обеднять*).

Отадъективные словообразовательные модели

Отадъективные префиксально-суффиксальные модели

Модель **формант за- + Adj + -е-** с мутационным значением «приобрести тот признак, который назван мотивирующим прилагательным»: *запрохладнеть* ‘похолодать’ от прилагательного *прохладный*. В современном литературном языке существует идентичная непродуктивная модель: *задеревенеть*, *закоричнеть* (РГ-80, т. 1, с. 379).

3. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ КЛАССА «ОРГАНИЧЕСКИЙ МИР»

Лексико-тематический класс «**Органический мир**» состоит из следующих подклассов: «Человек», «Растительный мир», «Животный мир».

3.1. Словообразование подкласса «Человек»

Лексико-тематический подкласс «**Человек**» состоит из следующих лексико-тематических групп: 1) «Человек как живое существо»; 2) «Человек как разумное существо»; 3) «Человек в обществе».

Словообразование лексико-тематической группы «Человек как живое существо». В составе группы «Человек как живое существо» находим определенное количество словообразовательно мотивированных глаголов. Словообразовательная специфика мотивированных слов данной группы такова: преобладают префиксальный и суффиксальный способ образования, присутствуют префиксально-суффиксальный, префиксально-постфиксальный, суффиксально-постфик-

сальный, префиксально-суффиксально-постфиксальный. Мотивирующая база преимущественно глагольная, редко субстантивная.

Отглагольные словообразовательные модели представлены префиксальными, префиксально-суффиксальными, суффиксальными, постфиксальными и суффиксально-постфиксальными моделями.

Отглагольные префиксальные модели

Модель **формант за- + V** с модификационным значением «довести кого, что-либо до нежелательного состояния в результате действия, названного мотивирующим глаголом»: а) *заспать* ‘забыть что-то во сне’ от глагола несов. в. общенац. яз. *спать*; б) *заколеть* ‘замерзнуть’ от общенац. глагола несов. в. *околеть* ‘цепенеть, коченеть’ — по данным Сл. Даля, т. 2, с. 368). В современном литературном языке существует идентичная продуктивная модель: *заездить*, *закормить*, *заласкать* (РГ-80, т. 1, с. 360).

Модель **формант вы- + V** с модификационным значением «совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом»: *выбани́ть* ‘вымыть’ от глагола говора несов. в. *бани́ть*. В современном литературном языке существует аналогичная продуктивная модель: *выровнять*, *выстроить*, *высушить* (РГ-80, т. 1, с. 357).

Модель **формант по- + V** с модификационным значением «совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом»: *попони́длевать* ‘пообедать’ от глагола говора несов. в. *пони́длевать* ‘обедать’. В современном литературном языке существует аналогичная продуктивная модель: *посеять*, *поссорить* (по данным РГ-80, т. 1, с. 365).

Модель **формант по- + V** с модификационным значением «акцентировать в действии, названном мотивирующим глаголом сов. в., семантический компонент “результат”»: а) *понаде́ть* ‘надеть’ от глагола сов. в. *наде́ть* с аналогичным значением; б) *посогре́ться* ‘согреться’ от глагола сов. в. *согре́ться* с аналогичным значением. В названных словах наблюдается явление морфематической избыточности: приставка *по-* не придает мотивированным словам какого-либо нового значения, так как значение результативности уже есть в мотивирующем слове. В современном литературном языке не существует подобной модели (по данным РГ-80, т. 1, с. 366).

Модель **формант от- + V** с модификационным значением «довести кого, что-либо до нежелательного состояния в результате действия, названного мотивирующим глаголом»: *отхудать* ‘похудеть’ от общенац. глагола несов. в. *худать* ‘становиться худым’⁶⁷⁷. В современном литературном языке существует аналогичная продуктивная модель: *отлежать*, *отдавить*, *отсидеть* (РГ-80, т. 1, с. 364).

⁶⁷⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 4. С. 1244.

Модель **формант о-** + **V** с модификационным значением «совершить (дovести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом несов. в.»: а) *оздороветь* ‘выздороветь’ от слова общенац. яз. языка *здороветь* ‘становиться здоровым’⁶⁷⁸; б) *окалечиться* ‘искалечиться’ от слова общенац. яз. *калечиться* ‘увечиться’⁶⁷⁹; в) *отелешить* ‘раздеть’ от диалектного глагола *телешить* ‘дон. снимать одежду, раздевать кого-либо’⁶⁸⁰. В современном литературном языке существует идентичная продуктивная модель: *озябнуть*, *окрепнуть* (по данным РГ-80, т. 1, с. 361—362).

Модель **формант при-** + **V** с модификационным значением «действие, названное мотивирующим глаголом, совершить с незначительной интенсивностью, не полностью»: *призатереть* ‘растереть, натереть ногу’ от глагола сов. в. общенац. яз. *затереть* ‘начать тереть’ (по данным Сл. Даля, т. 1, с. 1618). В современном литературном языке существует идентичная продуктивная модель: *привстать*, *призадуматься*, *приоткрыть* (РГ-80, т. 1, с. 367).

Модель **формант с-** + **V** с модификационным значением «совершить (дovести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом»: а) *смерзнуть* ‘замерзнуть’ от глагола несов. в. *мерзнуть*; б) *схрястать* ‘съесть, сжевать с хрустом’ от глагола несов. в. общенац. яз. *хрястать* ‘грызть и жевать что-либо хрупкое’⁶⁸¹. В современном литературном языке существует идентичная продуктивная модель: *схитрить*, *сходить*, *съездить* (по данным РГ-80, т. 1, с. 369).

Модель **формант пере-** + **V** с модификационным значением «краткое, неинтенсивное действие, совершенное обычно в перерыве какого-нибудь другого действия»: *перегреться* ‘погреться’ от глагола несов. в. *греться*. В современном литературном языке существует аналогичная непродуктивная модель: *перекурить*, *передохнуть* (РГ-80, т. 1, с. 366).

Модель **формант пере-** + **V** с модификационным значением «интенсивно совершить действие, названное мотивирующим глаголом»: *перекупаться* ‘выкупаться’ от глагола несов. в. *купаться*. В современном литературном языке существует аналогичная продуктивная модель: *перемежнуть*, *переволновать*, *перезябнуть* (по данным РГ-80, т. 1, с. 364).

Отглагольные суффиксальные модели

Модель **V + формант -ну-** с модификационным значением «однократно совершить действие, названное мотивирующим глаголом несов. в.»: а) *шуркнуть* ‘зашуршать’ от общенац. глагола *шуркать* ‘шаркать, производить шорох’⁶⁸²; б) *шибнуть* ‘бросить’ от глагола говора *шибать* ‘бросать’; в) *крёхнуть* ‘застонать’,

⁶⁷⁸ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 1. С. 1685.

⁶⁷⁹ Там же. Т. 2. С. 195.

⁶⁸⁰ Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965—2014. Вып. 44. С. 9.

⁶⁸¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 4. С. 1240.

⁶⁸² Там же. С. 1464.

вероятно, от диалектного глагола *крѣхтать* — ‘кур. кряхтать, охать’⁶⁸³; г) *закнуть* ‘хором громко запеть’, метафорическое образование от общенац. глагола *закать* ‘крякать с придыханием при каждом ударе топором’⁶⁸⁴. Аналогичная продуктивная модель имеется в современном литературном языке: *толкнуть*, *прыгнуть* (РГ-80, т. 1, с. 348).

Модель **V + формант -ива-** с модификационным значением несов. в.: *обанивать* ‘обмывать’ мотивирован диалектным глаголом сов. в. *обанить* ‘обмыть’, который, в свою очередь, мотивирован диалектным глаголом *банить* ‘мыть, чистить водой’⁶⁸⁵ (по данным Сл. Даля); *оживливать* ‘оживать’ от глагола говора *оживеть* ‘ожить’. Аналогичная продуктивная модель имеется в современном литературном языке: *протолкнуть* — *проталкивать*, *засеять* — *засеивать* (РГ-80, т. 1, с. 351).

Отглагольные префиксально-суффиксальные модели

Модель **формант до- + V + формант -ова-** с модификационным значением «доведение действия до какого-то определенного предела»: *довидовать* ‘хорошо видеть’ от глагола *видеть*. Данная модель не представлена в словообразовательной системе литературного языка (по данным РГ-80, т. 1, с. 381—382), является специфичной, относящейся к словообразовательной системе говора некрасовцев. В РГ-80 в список приставок, сочетающихся в рамках девербативных префиксально-суффиксальных моделей литературного языка с суффиксами *-ива-/ова-*, префикс *до-* не входит.

Модель **формант о- + V + формант -и-** с модификационным значением «совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом»: *осанить* ‘усыпить’ от глагола несов. в. *спать*. Данная модель не представлена в словообразовательной системе литературного языка (по данным РГ-80, т. 1, с. 382—384). В РГ-80 в список приставок, сочетающихся в рамках девербативных префиксально-суффиксальных моделей с суффиксом *-и-*, префикс *о-* не входит.

Модель **формант у- + V + формант -ива-** с модификационным значением «длительно, непрерывно, настойчиво совершать действие, названное мотивирующим глаголом»: *утушивать* ‘утолять боль’ от глагола несов. в. *тушить* ‘гасить, тушить, потушать, не дать гореть’⁶⁸⁶. Полагаем, что в данном случае перед нами случай метафорического словообразования. Данная модель не представлена в словообразовательной системе литературного языка (по данным РГ-80, т. 1, с. 381—382). Префикс *у-*, по данным РГ-80, не входит в список приставок, сочетающихся в рамках девербативных префиксально-суффиксальных моделей литературного языка с суффиксами *-ива-/ова-*.

⁶⁸³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 494.

⁶⁸⁴ Там же. Т. 1. С. 838.

⁶⁸⁵ Там же. С. 113.

⁶⁸⁶ Там же. Т. 4. С. 879.

Отглагольные префиксально-постфиксальные модели

Модель **формант за- + V + формант -ся** с модификационным значением «приобретать состояние, являющееся результатом действия мотивирующего глагола»: а) *замориться* ‘умереть, погибнуть’ от глагола несов. в. *морить* ‘умерщвлять, лишать жизни’⁶⁸⁷, б) *зарыться* ‘умереть’ от глагола несов. в. *рыть* (перед нами вновь случай метафорического словообразования). В современном литературном языке существует аналогичная модель: *загуляться*, *забегаться* (по данным РГ-80, т. 1, с. 386).

Модель **формант по- + V + формант -ива-** с модификационным значением «время от времени и с небольшой интенсивностью совершать действие, названное мотивирующим глаголом»: *пощупливать* ‘ощупывать’ от глагола несов. в. *щупать*. В современном литературном языке существует идентичная продуктивная модель: *повизгивать*, *поддергивать*, *подремывать* (разг.) (РГ-80, т. 1, с. 382).

Отглагольные постфиксальные модели

Модель **формант V + формант -ся** с модификационным значением общевозвратного действия: глагол *растелешиться* ‘раздеться донага’ мотивирован диалектным глаголом *растелешить* — ‘дон. раздеть догола’⁶⁸⁸. В современном литературном языке существует аналогичная продуктивная модель: *пугаться*, *печалиться* (по данным РГ-80, т. 1, с. 618).

Отсубстантивные словообразовательные модели

Отсубстантивные суффиксальные модели

Модель **S + формант -ова-** с мутационным значением «совершать действия, производимые во время того, что названо мотивирующим существительным»: *пондлевать* ‘обедать’ от существительного говора *пондли* ‘полдень’. В современном литературном языке существует идентичная модель: *ночевать*, *зимовать* (по данным РГ-80, т. 1, с. 338).

Модель **S + формант -ова-** с мутационным значением «наделять кого- или что-либо тем, что названо мотивирующим существительным»: *голодовать* ‘морить голодом’ от слова *голод*. В современном литературном языке существует аналогичная модель: *травмировать*, *спиртовать* (по данным РГ-80, т. 1, с. 338).

Модель **S + формант -а-** с мутационным значением «совершать действия, производимые во время того, что названо мотивирующим существительным»: *вечерять* ‘ужинать’ от слова *вечер*. В современном литературном языке существует идентичная непродуктивная модель: *обедать*, *ужинать* (по данным РГ-80, т. 1, с. 345).

Отсубстантивные префиксально-суффиксальные модели

Модель **формант за- + S + формант -а-** с мутационным значением «действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим существительным»:

⁶⁸⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 907.

⁶⁸⁸ Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965—2014. Вып. 34. С. 253.

затрудать ‘заболеть’ от ц.-слав. слова *труд* ‘црк. стар. болезнь’⁶⁸⁹. В современном литературном языке существует аналогичная непродуктивная модель: *завождать*, *зауздать* (РГ-80, т. 1, с. 381).

Модель **формант при-** + **S** + **формант -а-** с мутационным значением «действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим существительным»: *притрудать* ‘тяжело заболеть’ от ц.-слав. слова *труд* ‘црк. стар. болезнь’ (по данным Сл. Даля). В современном литературном языке подобная модель не отмечена (по данным РГ-80, т. 1, с. 381), она является специфичной. В РГ-80 в список приставок, сочетающихся в рамках отсубстантивных префиксально-суффиксальных моделей литературного языка с суффиксом *-а-*, префикс *при-* не входит.

Отсубстантивные суффиксально-постфиксальные модели

Модель **S** + **формант -и-** + **формант -ся** с мутационным значением «действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим существительным»: *трудиться* ‘болеть’ от ц.-слав. слова *труд* ‘црк. стар. болезнь’ (Сл. Даля, т. 4, с. 853). В современном русском языке существует аналогичная непродуктивная модель: *невеститься*, *петушиться*, *пороситься* (по данным РГ-80, т. 1, с. 384).

Отсубстантивные префиксально-суффиксально-постфиксальные модели

Модель **формант о-** + **N** + **-ива-** + **формант -ся** с мутационным значением «наделять кого-либо тем признаком, который назван мотивирующим существительным»: *отелёшивать* ‘показать тело, раздевшись донага’ от существительного *тело* / *телеса*. В современном литературном языке аналогичная модель не существует: в РГ-80, в составе моделей отсубстантивных префиксально-суффиксально-постфиксальных глаголов, подобный формант (*о-* + *-ива-* + *-ся*) не указан (РГ-80, т. 1, с. 390).

Отадъективные словообразовательные модели

Отадъективные префиксально-суффиксальные модели

Модель **формант о-** + **Adj** + **формант -е-** с мутационным значением «приобрести тот признак, который назван мотивирующим прилагательным»: *опроклять* ‘дойти до изнеможения от каких-либо неудобств’ от прилагательного *проклятый*. В современном литературном языке существует аналогичная непродуктивная модель: *ороговеть*, *оголеть* (по данным РГ-80, т. 1, с. 378).

Модель **формант с-** + **Adj** + **-е-** с мутационным значением «наделить тем признаком, который назван мотивирующим прилагательным»: *сгорбатить* ‘согнуть’ от прилагательного *горбатый*. В современном литературном языке существует идентичная непродуктивная модель: *скособочить*, *снизить* (по данным РГ-80, т. 1, с. 378).

Отадъективные префиксально-суффиксально-постфиксальные модели

Модель **формант с-** + **S** + **формант -и-** + **формант -ся** с мутационным значением «стать тем или приобрести признаки того, кто назван мотивирующим

⁶⁸⁹ Даля В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 4. С. 853.

существительным»: *сгорбатиться* ‘согнув, искалечить’ от слова *горбатый*. В современном литературном языке существует аналогичная продуктивная модель: *скопытиться, смилостивиться* (по данным РГ-80, т. 1, с. 390).

Словообразование лексико-тематической группы «Человек как разумное существо»

В составе группы «Человек как разумное существо» находим определенное количество словообразовательно мотивированных глаголов. Словообразовательная специфика мотивированных слов данной группы такова: преобладает префиксальный и префиксально-суффиксальный способ образования, присутствуют суффиксальный, постфиксальный, суффиксально-постфиксальный, префиксально-суффиксально-постфиксальный способы. Мотивирующая база преимущественно глагольная, редко субстантивная, адъективная, адвербиальная.

Отглагольные словообразовательные модели представлены префиксальными, суффиксальными, постфиксальными, префиксально-суффиксальными, префиксально-постфиксальными, постфиксальными моделями.

Отглагольные префиксальные модели

Модель **формант при- + V** с модификационным значением «действие, названное мотивирующим глаголом, совершить с незначительной интенсивностью, не полностью»: *призабыть* ‘позабыть’ от глагола несов. в. *забыть*. В современном литературном языке существует аналогичная продуктивная модель: *привстать, призадуматься, приоткрыть* (по данным РГ-80, т. 1, с. 367).

Модель **формант с- + V** с модификационным значением «совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом»: а) *сненавидеть* ‘возненавидеть’ от глагола несов. в. *ненавидеть*; б) *сбороть* в значении ‘побороть’, данный глагол мотивирован общенац. глаголом несов. в. *бороть* ‘осиливать в борьбе, одолевать борючись’⁶⁹⁰; в) *сказнить* ‘нарушить веру’ от глагола несов. в. *казнить* ‘подвергать казни, карать, наказывать’⁶⁹¹. В современном литературном языке существует аналогичная продуктивная модель: *скомкать, скривить* (по данным РГ-80, т. 1, с. 371).

Модель **формант с- + V** с модификационным значением «акцентировать в действии, названном мотивирующим глаголом совершенного вида, семантический компонент “результат”»: *сполюбить* ‘полюбить’ от глагола сов. в. *полюбить*. В названном слове наблюдается явление морфематической избыточности, так как приставка *с-* только усиливает и акцентирует значение результативности. В современном литературном языке не существует подобной модели: по данным РГ-80, мотивированные глаголы-девербативы с приставкой *с-* представлены пятью типа-

⁶⁹⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 1. С. 287.

⁶⁹¹ Там же. Т. 2. С. 181.

ми, ни один из которых не совпадает по своей словообразовательной семантике с описанной выше моделью (РГ-80, т. 1, с. 371).

Модель **формант об-** + **V** с модификационным значением «совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом несов. в.»: а) *облюбить* ‘полюбить’ от глагола *любить*; б) *обробеть* ‘испугаться, оробеть’ от глагола *робеть*. В современном русском языке существует аналогичная продуктивная модель: *обнищать*, *обвенчать* (по данным РГ-80, т. 1, с. 364).

Модель **формант о-** + **V** с модификационным значением «совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом»: *обеситься* ‘взбеситься’ от глагола *беситься*. В современном русском языке существует аналогичная продуктивная модель: *оглохнуть*, *обеспокоить* (по данным РГ-80, т. 1, с. 363).

Модель **формант по-** + **V** с модификационным значением «совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом»: а) *поправить* ‘подтвердить правоту, правдивость сказанного’ от глагола несов. в. общенац. яз. *править* ‘исправлять, поправлять; делать правее, прямее, правильное, исправнее’⁶⁹²; б) *покорить* в значении ‘поругать, пристыдить’ от глагола несов. в. общенац. яз. *корить* в значении ‘бранить, хулить, хаять’⁶⁹³; *поизучиться* ‘обучиться’ от глагола говора *изучиться* с аналогичным лексическим значением. В современном литературном языке существует аналогичная продуктивная модель: *посеять*, *поссорить* (по данным РГ-80, т. 1, с. 365).

Модель **формант по-** + **V** с модификационным значением «акцентировать в действии, названном мотивирующим глаголом совершенного вида, семантический компонент «результат»: *попоявить* ‘всем сообщить’ от общенац. глагола сов. в. *появить* ‘сообщить, известить, показать’⁶⁹⁴. В названном слове наблюдается явление морфематической избыточности, так как приставка *по-* не придает мотивированным словам какого-либо нового значения. В современном литературном русском языке не существует подобной модели: по данным РГ-80, мотивированные глаголы-девербативы с приставкой *по-* представлены пятью типами, ни один из которых не совпадает по своей словообразовательной семантике с описанной выше моделью (РГ-80, т. 1, с. 366).

Модель **формант про-** + **V** с модификационным значением «совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом»: *прохлихотать* ‘проговорить непонятно, на чужом языке’ от глагола говора несов. в. *хлехотать* ‘говорить непонятно, на чужом языке’ (в Сл. Даля у названного глагола отмечено значение ‘квакать’⁶⁹⁵). В современном русском языке существует аналогичная продуктивная модель: *продемонстрировать*, *прозвучать* (по данным РГ-80, т. 1, с. 369).

⁶⁹² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 3. С. 990.

⁶⁹³ Там же. Т. 2. С. 418.

⁶⁹⁴ Там же. Т. 3. С. 982.

⁶⁹⁵ Там же. Т. 4. С. 1189.

Отглагольные суффиксальные модели

Модель **V + формант -ну-** с модификационным значением «однократно совершить действие, названное мотивирующим глаголом несов. в.»: а) *шумнуть* ‘крикнуть, позвать’ от глагола *шуметь* ‘кричать’; б) *ворохнуть* ‘беспокоить, задевать’ от глагола *ворошить* ‘трогать’. Аналогичная продуктивная модель имеется в современном литературном языке: *толкнуть, прыгнуть* (РГ-80, т. 1, с. 348).

Отглагольные постфиксальные модели

Модель **V + формант -ся-** с модификационным значением «отрицание возвратного значения»: *обмануться* ‘обмануть’ от глагола *обмануть* в том же самом значении (*Мы их обманулись*). В современном литературном языке, по данным РГ-80, не существует аналогичной модели. Постфикс *-ся* в данном случае является десемантизированным морфом.

Отглагольные префиксально-суффиксальные модели

Модель **формант при- + V + формант -ива-** с модификационным значением «действием, названным мотивирующим глаголом, сопровождать какое-нибудь действие»: *придумливать* ‘придумывать’ от глагола *думать*. В современном литературном языке существует аналогичная продуктивная модель: *присвистывать* ‘говорить с присвистом’, *прихлопывать* ‘сопровождать что-либо хлопками, хлопнуть в такт чему-либо’, *пришепывать* (по данным РГ-80, т. 1, с. 380).

Модель **формант на- + V + формант -ива-** с модификационным значением «длительно, непрерывно, настойчиво, интенсивно совершать действие, названное мотивирующим глаголом»: *нагутаривать* ‘наговаривать’ от диалектного глагола несов. в. *гутарить* ‘вор., тмб. говорить, беседовать, болтать’⁶⁹⁶. Аналогичная продуктивная модель имеется в современном литературном языке: *названивать, накручивать, наплясывать* (РГ-80, т. 1, с. 380).

Модель **формант за- + V + формант -а-** с модификационным значением «начать действие, названное мотивирующим глаголом»: *заспорать* ‘поспорить’ от глагола несов. в. *спорить*. Данная модель является специфичной в говоре казаков-некрасовцев, так как не отмечена в русском литературном языке. В аналогичной по своей структуре и своему значению продуктивной словообразовательной модели литературного языка (*закурить, заговорить*) используется суффикс *-и-* (по данным РГ-80, т. 1, с. 375).

Модель **формант пере- + V + формант -а-** с модификационным значением «краткое, неинтенсивное действие, совершенное обычно в перерыве какого-н. другого действия»: *пересужать* ‘судить о ком, осуждать кого’ от глагола *судить*. Данная модель является специфичной в говоре казаков-некрасовцев, так как не отмечена в русском литературном языке. В аналогичной по своей структуре и своему значению непродуктивной словообразовательной модели литератур-

⁶⁹⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 1. С. 1018.

ного языка *перекурить* используется суффикс *-и-* с аналогичным значением (по данным РГ-80, т. 1, с. 377).

Модель **формант под- + V + формант -ива-** с модификационным значением «слабо, с небольшой интенсивностью совершать действие, названное мотивирующим глаголом»: а) *подплёскивать* ‘прихлопывать в ладони’ от мотивирующего глагола несов. в. общенац. яз. *плескать* ‘хлопать в ладоши, ударяя в лад по музыке, или в знак одобрения, удовольствия или радости, рукоплескать’⁶⁹⁷; б) *подсмехивать* ‘подсмеиваться’ от глагола несов. в. *смеяться*. В современном литературном языке существует аналогичная непродуктивная модель: *подкашливать* (разг.), *подхрапывать* (разг.) (РГ-80, т. 1, с. 382).

Модель **формант при- + V + формант -ива-** с модификационным значением «с небольшой интенсивностью совершать действие, названное мотивирующим глаголом»: а) *пристрамливать* ‘срамить’ от диалектного фонетического варианта глагола несов. в. литературном языке *срамить*; б) *пристыдивать* ‘стыдить’ от глагола несов. в. литературном языке *стыдить*. В современном литературном языке существует аналогичная продуктивная модель: *припахивать* (разг.), *прихлёбывать* (разг.) (РГ-80, т. 1, с. 382).

Модель **формант до- + V + формант -ива-** с модификационным значением «дополнительно совершить действие, названное мотивирующим глаголом»: *дотакивать* ‘потакать, поддакивать’ от общенац. глагола несов. в. *такать* ‘соглашаться с кем, приговаривая: да, так’⁶⁹⁸. Данная модель не представлена в словообразовательной системе литературного языка (по данным РГ-80, т. 1, с. 375), является специфичной. В РГ-80 в список приставок, сочетающихся в рамках девербативных префиксально-суффиксальных моделей литературного языка с суффиксом *-ива-*, префикс *до-* не входит.

Отглагольные постфиксальные модели

Модель **V + формант -ся** с модификационным значением общевозвратного действия: *изучиться* ‘научиться, обучиться’ от глагола несов. в. *изучить*. В современном литературном языке существует аналогичная продуктивная модель: *пугаться*, *печалиться* (по данным РГ-80, т. 1, с. 618).

Модель **V + формант -ся** с модификационным значением взаимного совместного действия: *клясться* ‘ругаться, ссориться’ от глагола несов. в. *клясть*. В современном литературном языке существует идентичная продуктивная модель: *видеться*, *обниматься* (по данным РГ-80, т. 1, с. 617).

Отглагольные префиксально-постфиксальные модели

Модель **формант за- + V + формант -ся** с модификационным значением «в течение длительного времени совершая действие, называемое мотивирующим глаголом, целиком погрузиться в него»: *занужаться* ‘испугаться’ от глагола несов. в.

⁶⁹⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 3. С. 312.

⁶⁹⁸ Там же. С. 713.

пугать. Аналогичная продуктивная модель имеется в современном литературном языке: *замечаться, заслушаться* (РГ-80, т. 1, с. 386).

Модель **формант на- + V + формант -ся** с модификационным значением «действие, называемое мотивирующим глаголом, совершить в достаточной степени»: *напомниться* ‘вспомнить’ от глагола несов. в. *помнить*. Идентичная продуктивная модель имеется в современном литературном языке: *наглядеться, наговориться* (РГ-80, т. 1, с. 386).

Модель **формант при- + V + формант -ся** с модификационным значением «совершая действие, называемое мотивирующим глаголом, приспособиться, привыкнуть к чему-либо»: *прихитриться* ‘приспособиться’ от глагола несов. в. *хитрить*. Аналогичная продуктивная модель имеется в современном литературном языке: *прижиться, присмотреться* (РГ-80, т. 1, с. 387).

Модель **формант о- + V + формант -ся** с модификационным значением «дойти до определенного состояния, совершая действие, названное мотивирующим глаголом»: *обосяковаться* ‘стать босяком’ от диалектного глагола несов. в. *босяковать* ‘урал. бродяжничать, быть босяком’⁶⁹⁹. Данная модель не представлена в словообразовательной системе литературного языка (по данным РГ-80, т. 1, с. 386), является специфичной. Названный формант представлен в списке формантов девербативных префиксально-постфиксальных моделей в РГ-80, но указанное словообразовательное значение в перечне отсутствует.

Отадъективные словообразовательные модели представлены суффиксальным, суффиксально-постфиксальным, префиксально-суффиксальным способами словообразования.

Отадъективные суффиксальные модели

Модель **формант Adj + формант -ова** с мутационным значением «действие, имеющее отношение к признаку, названному мотивирующим прилагательным»: а) *сердитовать* ‘сердиться’ от *сердитый*; б) *хитровать* ‘хитрить’ от *хитрый*; в) *миловать* ‘любить что-либо’ от *милый*. В современном литературном языке существует аналогичная продуктивная модель: *лютовать, пустовать* (по данным РГ-80, т. 1, с. 391—392).

Отадъективные префиксально-суффиксальные модели

Модель **формант о- + Adj + формант -и** с мутационным значением «наделить кого-либо признаком, названным мотивирующим прилагательным»: *обессовестнить* ‘поступить с кем-либо нечестно, обмануть’ от прилагательного *бессовестный*. Данная модель представлена в словообразовательной системе литературного языка: *облагородить* (по данным РГ-80, т. 1, с. 376).

Отадъективные суффиксально-постфиксальные модели

Модель **Adj + формант -и- + формант -ся** с мутационным значением «совершать действия, свойственные тому, кто имеет признак, названный мотивирующим

⁶⁹⁹ Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965—2014. Вып. 3. С. 127.

прилагательным»: *сердититься* ‘сердиться’ от прилагательного *сердитый*. Данная модель представлена в словообразовательной системе литературного русского языка: *дичиться, упрячиться* (по данным РГ-80, т. 1, с. 385).

Отсубстантивные словообразовательные модели представлены суффиксальным, префиксально-суффиксальным, префиксально-суффиксально-постфиксальным способами словообразования.

Отсубстантивные суффиксальные модели

Модель **S + формант -а-** с мутационным значением «наделять кого или что-либо тем, что названо мотивирующим существительным»: *сполошать* ‘встревожиться’ от общенац. слова *сполох* ‘беспокойство, склока, хлопоты’⁷⁰⁰; *ответать* ‘отвечать’ от общенац. слова *ответствие* ‘ответственность в знач. обязательного ручательства, под страхом ответа, взысканья’⁷⁰¹. В современном литературном языке существует аналогичная продуктивная модель: *пеленать, стращать* (по данным РГ-80, т. 1, с. 345).

Модель **S + формант -ича-** с мутационным значением «совершать действия, свойственные тому, кто назван мотивирующим существительным»: *буяничать* ‘буянить’ от общенац. существительного *буян*. В современном литературном языке существует идентичная продуктивная модель: *подхалимничать, школьничать* (по данным РГ-80, т. 1, с. 341).

Модель **S + формант -(ал)и-** с мутационным значением «совершать действия, свойственные тому, кто назван мотивирующим существительным»: *курвалить* ‘гулять от жены’ от общенац. существительного *курва* ‘неприл., бранно развратная женщина’⁷⁰². Примечательно, что в мотивированном слове отсутствует гендерный компонент «феминность», свойственный мотивирующему слову, который заменяется гендерным компонентом «маскулинность». Как уверяют некрасовцы, женщина не могла «гулять от мужа», за это по заветам Игната Некрасова следовало жестокое наказание. В современном литературном языке существует аналогичная продуктивная модель: *партизанисть, фиглярить* (по данным РГ-80, т. 1, с. 334).

Отсубстантивные префиксально-суффиксальные модели

Модель **формант за- + S + формант -а-** с мутационным значением «приобрести признак, названный мотивирующим существительным»: *заспорать* ‘поспорить’ от слова *спор*. В современном литературном языке существует идентичная непродуктивная модель: *зауздать, завожжать* (по данным РГ-80, т. 1, с. 381).

Модель **формант с- + S + формант -и-** с мутационным значением «приобрести признак, названный мотивирующим существительным»: *справдить* ‘сказать

⁷⁰⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 4. С. 453.

⁷⁰¹ Там же. Т. 2. С. 1862.

⁷⁰² Там же. С. 568.

правду' от слова *правда*. В современном литературном языке существует аналогичная модель: *сосборить*, *скучить* (по данным РГ-80, т. 1, с. 378).

Отсубстантивные суффиксально-постфиксальные модели

Модель **формант S + формант -и- + формант -ся** с мутационным значением «действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим существительным»: *охотиться* 'хотеть, иметь желание' от слова *охота* 'состояние человека, который что-либо хочет; хотенье, желанье, склонность или стремление'⁷⁰³ (Сл. Даля, т. 1, с. 2008). В современном литературном языке существует аналогичная продуктивная модель: *петушиться*, *невеститься*, *толпиться* (по данным РГ-80, т. 1, с. 384).

Отсубстантивные префиксально-суффиксально-постфиксальные модели

Модель **формант на- + S + формант -ова- + формант -ся** с мутационным значением «приобрести признак того, что названо мотивирующим существительным»: *напамятоваться* 'помнить, припоминать' от существительного *память*. Данная модель не представлена в словообразовательной системе литературного языка (по данным РГ-80, т. 1, с. 390), является специфичной. В РГ-80 в список приставок, сочетающихся в рамках отсубстантивных префиксально-суффиксально-постфиксальных моделей с суффиксом *-ова-* и постфиксом *-ся*, префикс *на-* не входит.

Модель **формант по- + S + формант -ова- + формант -ся** с мутационным значением «совершить действие, связанное с тем, что названо мотивирующим существительным»: *поликоваться* 'поцеловаться' от существительного *лик*. Данная модель не представлена в словообразовательной системе литературного языка (по данным РГ-80, т. 1, с. 390). В РГ-80 в список приставок, сочетающихся в рамках отсубстантивных префиксально-суффиксально-постфиксальных моделей литературного языка с суффиксом *-ова-* и постфиксом *-ся*, префикс *по-* не входит.

Словообразование лексико-тематической группы «Человек в обществе»

В составе лексико-тематической группы «Человек в обществе» находим значительное количество словообразовательно мотивированных глаголов. Словообразовательная специфика мотивированных слов данной группы такова: преобладает префиксальный и суффиксальный способ словообразования, присутствуют префиксально-суффиксальный, префиксально-постфиксальный, суффиксально-постфиксальный, префиксально-суффиксально-постфиксальный способы. Мотивирующая база преимущественно глагольная, присутствует субстантивная база.

Отглагольные словообразовательные модели

Отглагольные префиксальные модели

Модель **формант вы- + V** с модификационным значением «действие, названное мотивирующим глаголом, совершить (довести до результата)»: а) *выбить*

⁷⁰³ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 2008.

‘выбить на карточку, сфотографировать’ от глагола несов. в. *бить*; б) **выстачать** ‘добывать, доставлять, снабжать’ от диалектного глагола *стачать* ‘зап. доставать, достачествовать, быть в достаточном количестве’⁷⁰⁴; в) **вывязати** ‘связать’ от глагола говора несов. в. *вязти / везть* с тем же лексическим значением. В современном литературном языке существует аналогичная продуктивная модель: *выломать, вынести, выбросить* (по данным РГ-80, т. 1, с. 357).

Модель **формант за- + V** с модификационным значением «действие, названное мотивирующим глаголом, совершить (довести до результата)»: а) **заробить** ‘заработать’ от диалектного глагола несов. в. *робить* ‘малорос. работать, делать; робить, робливать что, о черной, крестьянской работе’; ‘арх., вологод., перм., олон., вят., сиб., ряз., калуж., смл. работать, делать, трудиться, страдовать’⁷⁰⁵; б) **закулёмиться** ‘некрасиво повязать голову платком’ от диалектного глагола несов. в. *кулёматься* ‘дон. закутываться, закрываться платком’⁷⁰⁶. В современном русском языке существует идентичная продуктивная модель, особенно в разговорной речи и просторечии: *застоговать, задублировать, замрачить, загустеть* (по данным РГ-80, т. 1, с. 361).

Модель **формант от- + V** с модификационным значением «интенсивно, полностью, окончательно совершить действие, названное мотивирующим глаголом»: а) **откипеть** ‘вскипятить’ от глагола несов. в. *кипятить*; б) **отродниться** ‘отказаться от родства’ от глагола несов. в. *родниться* ‘сближаться новым родством’⁷⁰⁷. В современном литературном языке существует аналогичная продуктивная модель: *отгладить, отделать, отработать* (по данным РГ-80, т. 1, с. 364).

Модель **формант по- + V** с модификационным значением «многократное, иногда также поочередное действие, распространенное на все или многие объекты или совершенное всеми или многими субъектами»: а) **пооблипать** ‘облепить, обмазать’ от общенац. глагола несов. в. *облипать* ‘прилипать вокруг, липнуть к чему кругом’⁷⁰⁸; б) **покистить** ‘отделать что-либо кистями’ от глагола говора несов. в. *кистить* с аналогичным лексическим значением. В современном литературном языке существует аналогичная продуктивная модель: *посажать, понабросать* (по данным РГ-80, т. 1, с. 366).

Модель **формант по- + V** с модификационным значением «акцентировать в действии, названном мотивирующим глаголом совершенного вида, семантический компонент “результат”»: а) **поприготовить** ‘приготовить’ от глагола сов. в. *приготовить*; б) **понавязжарить** ‘нажарить’, очевидно, от глагола говора сов. в. *навязжарить* (в Сл. Даля не зафиксировано); в) **попришить** ‘пришить’ от глагола

⁷⁰⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 4. С. 519.

⁷⁰⁵ Там же. Т. 3. С. 1689.

⁷⁰⁶ Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965—2014. Вып. 16. С. 35.

⁷⁰⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 3. С. 1699.

⁷⁰⁸ Там же. Т. 2. С. 1527.

сов. в. *пришить*; 4) *поскормить* ‘вырастить детей’ от переносного значения общенац. глагола сов. в. *скормить* ‘весь корм, искормить, издержать или извести весь’ (по данным Сл. Даля, т. 4, с. 207). В названных словах наблюдается явление морфематической избыточности, так как приставка *по-* не придает мотивированным словам какого-либо нового значения, только усиливает значение результативности. В современном литературном языке не существует подобной модели (РГ-80, т. 1, с. 366).

Модель **формант *по-* + V** с модификационным значением «совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом»: а) *покуробить* ‘поцарапать, ободрать’ (от диалектного глагола несов. в. *корёпать* ‘вологод., сиб. делать неуклюже, неумеючи, вертеть и ломать, коверкать’⁷⁰⁹; б) *покуропить* ‘сделать продольные разрезы на сырой рыбе, чтобы косточки прожарились’ от глагола говора несов. в. *куропить* с аналогичным лексическим значением; в) *пообдетиться* ‘обзавестись детьми’, очевидно, от глагола говора несов. в. *обдетиться* ‘иметь детей’ с аналогичным лексическим значением (в Сл. Даля не отмечено). В современном литературном языке существует аналогичная продуктивная модель: *поблагодарить, построить, позавтракать* (по данным РГ-80, т. 1, с. 367).

Модель **формант *с-* + V** с модификационным значением «доставить / доставлять из разных мест в одно, соединить / соединять с помощью действия, названного мотивирующим глаголом»: глагол несов. в. *свозить* ‘связывать, сшивать части одежды узорным швом’ от глагола несов. в. общенац. яз. *возить* ‘доставлять, переправлять, передвигать с одного места на другое’⁷¹⁰. В современном литературном языке существует аналогичная продуктивная модель: *спаять, склеить, сплести* (по данным РГ-80, т. 1, с. 371). В то же время наблюдается расширение структурных характеристик модели: мотивированный глагол относится к несовершенному виду.

Модель **формант *с-* + V** с модификационным значением «совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом»: *сверзить* ‘свергнуть’ от диалектного глагола несов. в. *верзить* ‘с.м.л. бросать; свергать, поражать’⁷¹¹. В современном литературном языке существует аналогичная продуктивная модель: *скиснуть, скомкать, смягчить* (по данным РГ-80, т. 1, с. 371).

Модель **формант *об-* + V** с модификационным значением «действие, названное мотивирующим глаголом несов. в., направить вокруг кого-чего-нибудь»: а) *обголашивать* ‘обголашивать невесту’ от общенац. глагола *голашивать / голосить* ‘причитать нараспев, по обряду, над покойником, над рекрутом или как невеста на девичнике, прощаясь с подругами, плакать’⁷¹²; б) *обыгрывать* ‘обыгрывать

⁷⁰⁹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 438.

⁷¹⁰ Там же. Т. 1. С. 557.

⁷¹¹ Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965—2014. Вып. 4. С. 146.

⁷¹² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 1. С. 180.

невесту' от общенац. глагола *игрывать/играть* 'чем, во что, с кем, на чем, по чем, что; шутить, тешиться, веселиться, забавляться, проводить время потехой, заниматься чем для забавы, от скуки, безделья'⁷¹³; в) *облипать* 'обмазывать стены' от общенац. глагола *лепить* 'прилеплять, приклеивать; залеплять, замазывать, заклеивать; вылеплять, выделять, образовывать из мягкого вещества: глины, воску и пр.'⁷¹⁴ В современном литературном языке существует идентичная продуктивная модель: *обжарить, обсыпать* (по данным РГ-80, т. 1, с. 363).

Модель **формант пере-** + **V** с модификационным значением «многократное и поочередное действие, совершенное многими субъектами»: *перекопаться* 'определить, кому первому начинать игру, перехватывая поочередно палку' от глагола несов. в. общенац. яз. *копаться* с тем же лексическим значением (в Сл. Даля *копаться* 'считаться, жеребьеваться, глотаться, меряться по палке или по веревке, метать жеребей'⁷¹⁵). Аналогичная продуктивная модель имеется в современном литературном языке: *перебывать, перездороваться* (РГ-80, т. 1, с. 365).

Отглагольные суффиксальные модели

Модель **V** + **формант -ну-** с модификационным значением «однократно совершить действие, названное мотивирующим глаголом»: *кипнуть* 'однократное к кипеть' от глагола несов. в. общенац. яз. *кипеть*. Аналогичная продуктивная модель имеется в современном литературном языке: *толкнуть, прыгнуть* (РГ-80, т. 1, с. 348).

Модель **V** + **формант -ива-** с модификационным значением «многократно совершать действие, названное мотивирующим глаголом» (отличается от мотивирующего глагола лишь своим видовым значением несовершенного вида): *опутливать* 'опутывать' от глагола сов. в. общенац. яз. *опутлять* с тем же значением; *зачаливать* 'приделывать что-либо к чему-либо' от глагола несов. в. общенац. яз. *зачалить* с совпадающим лексическим значением. Аналогичная продуктивная модель имеется в современном литературном языке: *протолкнуть — проталкивать, засеять — засеивать* (РГ-80, т. 1, с. 351).

Модель **V** + **формант -ива-** с модификационным значением «многократно совершать действие, названное мотивирующим глаголом» от бесприставочных глаголов несов. в.: а) *саливать* 'солить' от глагола общенац. яз. *солить* с тем же значением; б) *игрывать* 'играть' от глагола *играть* с аналогичным значением. В современном литературном языке существует идентичная модель: *видеть — видывать, слышать — слыхивать* (РГ-80, т. 1, с. 351).

Отглагольные префиксально-суффиксальные модели

Модель **формант под-** + **V** + **формант -ва-** с модификационным значением «слабо, с небольшой интенсивностью совершать данное действие, названное мо-

⁷¹³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 289.

⁷¹⁴ Там же. С. 722.

⁷¹⁵ Там же. С. 378.

тивирующим глаголом»: *подрывать* ‘полоть’ от глагола несов. в. общенац. яз. *рыть* с аналогичным лексическим значением. В современном литературном языке существует идентичная продуктивная модель: *подпахивать, поддуть* (РГ-80, т. 1, с. 382).

Отглагольные префиксально-постфиксальные модели

Модель **формант в-** + V + **формант -ся** с модификационным значением «углубиться, вникнуть во что-нибудь с помощью действия, названного мотивирующим глаголом»: *вкориться* ‘покориться’ от глагола несов. в. общенац. яз. *корить* ‘кого за что, чем или в чем: укорять, по(у)прекать’⁷¹⁶. В современном литературном языке существует идентичная продуктивная модель: *всмотреться, вдуматься* (РГ-80, т. 1, с. 383).

Модель **формант за-** + V + **формант -ся** с модификационным возвратным значением: *заводиться* ‘заниматься каким-либо видом хозяйства’ от общенац. глагола несов. в. *водить* ‘управлять’⁷¹⁷. В современном литературном языке существует идентичная продуктивная модель: *заговориться, забежаться* (РГ-80, т. 1, с. 383).

Отглагольные суффиксально-постфиксальные модели

Модель **формант V** + **формант -ся** с модификационным значением общевозвратного действия: *кохаться* ‘пользоваться заботой и лаской родных’ от диалектного глагола несов. в. *кохать* ‘польск., употреб. в смолен. и зап. губерниях любить кого-либо’⁷¹⁸. В современном литературном языке существует аналогичная продуктивная модель: *пугаться, печалиться* (РГ-80, т. 1, с. 618).

Отсубстантивные словообразовательные модели

Отсубстантивные суффиксальные модели

Модель **S** + **-ова-** с мутационным значением «действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим существительным»: а) *мартовать* ‘весной вырезать сухие соты’ от слова *март*; б) *вечеровать* ‘устроить вечеринку, девичник перед свадьбой’ от диалектного *вечерины* ‘южн. название вечерних собраний, пиров’⁷¹⁹. В современном литературном языке существует идентичная модель: *зимовать, ночевать* (РГ-80, т. 1, с. 337).

Модель **S** + **формант -и-** с мутационным значением «действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим существительным»: а) *гарманить* ‘молотить’ от слова говора *гарман* ‘ток, гумно’; б) *гостить* ‘угощать’ от слова *гость*; в) *менить* ‘обменять’ от лексемы *мена*; г) *гундерить* ‘управлять парусом при помощи гундера’ от существительного говора *гундерь* ‘часть парусного устройства в лодке’ (в Сл. Даля не отмечено). В современном литературном языке существует аналогичная модель: *солить, мотыжить* (РГ-80, т. 1, с. 334—335).

⁷¹⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 418.

⁷¹⁷ Там же. Т. 1. С. 544.

⁷¹⁸ Там же. Т. 2. С. 461.

⁷¹⁹ Там же. Т. 1. С. 463.

Модель **S + формант -а-** с мутационным значением «действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим существительным»: *хлеборобничать* ‘заниматься хлеборобством’ от слова говора *хлеборобник*. В современном литературном языке существует идентичная модель: *сапожничать*, *плотничать* (РГ-80, т. 1, с. 342).

Модель **S + формант -и-** с мутационным значением «совершать действия, свойственные тому, кто назван мотивирующим существительным»: *хлеборобчить* ‘хлеборобничать’ от слова *хлебороб*; *кузнечить* ‘заниматься кузнечным делом’ от существительного *кузнец*. В современном литературном языке существует аналогичная модель: *шоферить*, *соседить*, *партизанить* (РГ-80, т. 1, с. 334).

Модель **S + формант -ова-** с мутационным значением «создавать то, что названо мотивирующим существительным»: *барышевать* ‘торговать’ от слова общенац. яз. *барыш*. В современном литературном языке существует идентичная модель: *полосовать*, *бликовать* (РГ-80, т. 1, с. 338).

Модель **S + -ова-** с мутационным значением «действовать с помощью того, что названо мотивирующим существительным»: *блаковать* ‘смолить лодки блаком’ от слова говора *блак* ‘вид смолы или дегтя’ (в Сл. Даля не отмечено). В современном литературном языке существует аналогичная модель: *циклевать*, *шприцевать* (РГ-80, т. 1, с. 338).

Модель **S + формант -ова-** с мутационным значением «совершать действия, свойственные тому, кто назван мотивирующим существительным»: *бабовать* ‘быть повитухой’ от слова говора *бабушка* ‘повитуха’ (в Сл. Даля данное значение не отмечено). В современном литературном языке существует идентичная модель: *плутовать* (РГ-80, т. 1, с. 338).

Отсубстантивные префиксально-суффиксальные модели

Модель **формант при- + S + формант -ива-** с мутационным значением «действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим существительным»: *прирыбарывать* ‘прирабатывать рыбной ловлей’ от существительного общенац. яз. *рыбарь* ‘промышляющий ловлей рыбы’⁷²⁰. В современном литературном языке существует аналогичная модель: *пригубить*, *приохотить* (РГ-80, т. 1, с. 374).

Модель **формант об- + S + формант -ива-** с мутационным значением «действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим существительным»: *обтерпуживать* ‘обрабатывать деталь при помощи терпуга’ от существительного общенац. яз. *терпуг* ‘вид напильника’ (зафиксировано в Сл. Академии 1822 года, в Сл. Даля не отмечено). В современном литературном языке существует идентичная модель: *обсахарить*, *облесить* (РГ-80, т. 1, с. 376).

Модель **формант с- + S + формант -ива-** с мутационным значением «действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим существитель-

⁷²⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 3. С. 1752.

ным): *сграбливать* ‘сгребать что-либо граблями’ от слова общенац. яз. *грабли*. В современном литературном языке существует аналогичная модель: *скучить*, *собрать* (РГ-80, т. 1, с. 378).

Отсубстантивные суффиксально-постфиксальные модели

Модель **S + формант -а- + формант -ся** с мутационным значением «действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим существительным»: *поклоняться* ‘передавать поклон, кланяться’ от слова *поклон*. В современном литературном языке существует идентичная модель: *брататься*, *столоваться* (РГ-80, т. 1, с. 382).

Модель **S + формант -ева- + формант -ся** с мутационным значением «совершать действия, свойственные тому, кто имеет признак, названный мотивирующим существительным»: *цареваться* ‘жить в довольстве, благоденствовать’ от существительного *царь*. В современном литературном языке существует аналогичная модель: *почковаться*, *рубцеваться*, *столоваться* (РГ-80, т. 1, с. 385).

Модель **S + формант -ова- + формант -ся** с мутационным значением «совершать действия, имеющие отношение к тому, что названо мотивирующим существительным»: *ручковаться* ‘здороваться’ от существительного *рука*. В современном литературном языке существует идентичная модель: *рубцеваться*, *столоваться* (РГ-80, т. 1, с. 385).

Отсубстантивные префиксально-суффиксально-постфиксальные модели

Модель **формант за- +N+ формант -и-/-ива- + формант -ся** с мутационным значением «совершать действия, имеющие отношение к тому, что названо мотивирующим существительным»: а) *закатауриться* ‘подпоясаться катауром’ от существительного говора *катаур* ‘женский нарядный пояс с пряжкой’, б) *затрублусиваться* ‘подпоясаться трубулусом’ от существительного говора *трубулус* ‘мужской праздничный пояс в виде кушака’. В современном литературном языке существует аналогичная модель: *заилиться*, *запутиниться* (РГ-80, т. 1, с. 390).

Модель **формант при- +N+ формант -и- + формант -ся** с мутационным значением «совершать действия, имеющие отношение к тому, что названо мотивирующим существительным»: *пригуртиться* ‘о семье: пристроиться к кому-либо’ от переносного значения общенац. существительного *гурт* ‘стадо скота или птицы в отгон’⁷²¹. В современном литературном языке существует идентичная модель: *приосаниться*, *прилуниться* (РГ-80, т. 1, с. 390).

Отадъективные модели

Отадъективные суффиксальные модели

Модель **Adj + формант -и** с мутационным значением «наделять кого- или что-либо тем признаком, который назван мотивирующим прилагательным»: *рябить* ‘обмазывать стены и пол дома полосками’ от диалектного прилагательного *рябой*

⁷²¹ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 1. С. 1011.

(сев.), *рябый* (южн.) ‘пестрый, крапчатый, чубарый, пятнастый’⁷²². В современном литературном языке существует аналогичная модель: *желтить*, *пьянить*, *молодить* (РГ-80, т. 1, с. 336).

Отадъективные суффиксально-постфиксальные модели

Модель **Adj + формант -ова- + формант -ся** с мутационным значением «приобретать признак, состояние, названные мотивирующим прилагательным»: *бедноваться* ‘бедствовать’ от прилагательного *бедный*. В современном литературном языке аналогичная модель не существует: в РГ-80, в составе моделей отадъективных суффиксально-постфиксальных глаголов, подобный формант (-ова- + -ся) не указан (РГ-80, т. 1, с. 385).

Отадъективные префиксально-суффиксально-постфиксальные модели

Модель **формант у- + Adj + формант -ива- + формант -ся** с мутационным значением «совершать действия, имеющие отношение к тому, что названо мотивирующим прилагательным»: *утуживаться* ‘туго подпоясываться’ от прилагательного общенац. яз. *тугой*. В современном литературном языке аналогичная модель является непродуктивной: *ухитриться*, *улетучиться* (РГ-80, т. 1, с. 390).

Модель **формант под- + Adj + формант -ива- + формант -ся** с мутационным значением «совершать действия, имеющие отношение к тому, что названо мотивирующим прилагательным»: *подтуживаться* ‘туго подпоясываться’ от прилагательного *тугой*. В современном литературном языке аналогичная модель не существует: в РГ-80, в составе моделей отадъективных префиксально-суффиксально-постфиксальных глаголов, подобный формант (*под-* + *-ива-* + *-ся*) не указан (РГ-80, т. 1, с. 390).

3.2. Словообразование подклассов «Растительный мир» и «Животный мир»

В составе подклассов «Растительный мир» и «Животный мир» находим незначительное количество словообразовательно мотивированных глаголов. Словообразовательная специфика мотивированных слов данных подклассов такова: преобладает префиксальный и суффиксальный способ образования, присутствуют постфиксальный, суффиксально-постфиксальный, префиксально-суффиксально-постфиксальный, префиксально-постфиксальный, способы образования. Мотивирующая база преимущественно глагольная, также присутствует субстантивная.

Отглагольные словообразовательные модели

Отглагольные префиксальные модели

Модель **формант об- + V** с модификационным значением «причинить ущерб кому-нибудь с помощью действия, названного мотивирующим глаголом несов. в.»: *обисть* ‘объесть (о растениях)’ от слова говора *исть*. В современном русском языке существует аналогичная модель, проявляющая продуктивность в разговорной

⁷²² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 3. С. 1776.

речи и просторечии: *обворовать* (разг.), *обжулить* (прост.), *обхитрить* (прост.) (по данным РГ-80, т. 1, с. 362).

Модель **формант за- + V** с модификационным значением «начать действие, названное мотивирующим глаголом»: *завурунджать* ‘зажужжать’ от глагола говора несов. в. *вурунджать* ‘жужжать’. В современном литературном языке существует аналогичная модель: *запеть*, *затанцевать* (РГ-80, т. 1, с. 358).

Модель **формант о- + V** с модификационным значением «совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом несов. в.»: *оморщиться* ‘морщиться (о горохе)’ от слова общенац. яз. *морщиться* ‘собирается в морщины’⁷²³. В современном литературном языке существует идентичная продуктивная модель: *озябнуть*, *окрепнуть*, *опорочить* (по данным РГ-80, т. 1, с. 361).

Отглагольные суффиксальные модели

Модель **V + формант -ну-** с модификационным значением «однократно совершить действие, названное мотивирующим глаголом»: *жигнуть* ‘ужалить’ от глагола несов. в. общенац. яз. *жечь*. В современном литературном языке существует аналогичная продуктивная модель: *дунуть*, *кашлянуть* (РГ-80, т. 1, с. 346).

Отглагольные постфиксальные модели

Модель **V + формант -ся** с характеризующе-качественным возвратным модификационным значением: *отбиваться* ‘кончать доиться’ (*Карова адбиваицца*) от общенац. глагола несов. в. *отбивать* ‘отталкивать, отражать // удалять, уничтожать’⁷²⁴. В современном литературном языке существует идентичная продуктивная модель: кофе *растворяется*, нитки *рвутся* (РГ-80, т. 1, с. 618).

Отглагольные префиксально-постфиксальные модели

Модель **формант с- + V + формант -ся** с модификационным значением «достигнуть согласованности, взаимопонимания, совершая действие, названное мотивирующим глаголом: а) *среться* ‘зареветь (вместе)’ от глагола несов. в. *реветь*; б) *сишуметься* ‘зашуметь (вместе)’ от глагола несов. в. *ишуметь*. В современном литературном языке существует аналогичная продуктивная модель: *слететься*, *сжиться* (РГ-80, т. 1, с. 386).

Отсубстантивные словообразовательные модели

Отсубстантивные суффиксально-постфиксальные модели

Модель **S + формант -и- + формант -ся** с мутационным значением «действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим существительным»: *щениться* ‘рожать детенышей’ от существительного *щенок*. В современном литературном языке существует идентичная продуктивная модель: *ягниться*, *жеребиться* (РГ-80, т. 1, с. 384).

⁷²³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 912.

⁷²⁴ Там же. С. 1844.

Отсубстантивные префиксально-суффиксально-постфиксальные модели

Модель **формант *о-* + S + формант *-и* + формант *-ся*** с мутационным значением «стать тем или приобрести признаки того, что названо мотивирующим существительным»: ***окорениться*** ‘укорениться (о растениях)’ от существительного *корень*. В современном литературном языке существует аналогичная продуктивная модель: *омещаниться, омужичиться* (РГ-80, т. 1, с. 387).

Модель **формант *о-* + S + *-и-* + *-ся*** с мутационным значением «действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим существительным»: а) ***опороситься*** ‘родить детенышей’ от диалектного слова *порось* ‘свиной детеныш’⁷²⁵; б) ***отелиться*** ‘родить детенышей’ от слова общенац. яз. *теля* ‘приплод от коровы неопределенного пола’⁷²⁶. В современном литературном языке существует идентичная продуктивная модель: *оказначиться, обабиться* (РГ-80, т. 1, с. 390).

Словообразовательные модели от звукоподражательных слов

Суффиксальная модель **звукоподражательное слово + формант *-а-*** с мутационным значением «воспроизводить звучание мотивирующего слова»: ***бькать*** ‘мычать (о скоте)’ от звукоподражательного слова общенац. яз. *бя-я*; ***мекекекать*** ‘блеть’ от звукоподражательного слова говора *ме-ке-ке*. В современном литературном языке существует аналогичная продуктивная модель: *кукарекать, тьявкать* (РГ-80, т. 1, с. 343).

В целом анализ системы словообразования глагола говора показал, что в словообразовательной системе говора имеется значительное количество глаголов, которые относятся к мотивированной лексике и, очевидно, были образованы в самом говоре в период эмиграции.

В связи с тем что в течение двух с половиной веков говор казаков-некрасовцев развивался в изоляции от общенационального русского языка, в том числе и от его материнской основы — донского говора, а также вне связи с другими русскими говорами, считаем целесообразным сопоставление словообразовательной системы говора со словообразовательной системой литературного русского языка как высшей формой общенац. яз.

Анализ собранного материала выявил, что глаголам говора свойственны следующие **способы словообразования**: 1) префиксальный, 2) суффиксальный, 3) префиксально-суффиксальный, 4) постфиксальный, 5) суффиксально-постфиксальный, 6) префиксально-постфиксальный, 7) префиксально-суффиксально-постфиксальный.

Подавляющее количество глаголов говора образовано **префиксальным способом** — так же, как и в литературном русском языке. Это характерно для всех лексико-тематических классов, выделяемых в массиве лексем-глаголов.

⁷²⁵ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 3. С. 835.

⁷²⁶ Там же. Т. 4. С. 741.

Суффиксальный способ образования представлен незначительно меньшим количеством мотивированных глаголов в сопоставлении с префиксальным. Это мотивированные лексемы класса «Абстрактные отношения и формы существования материи», большинства групп класса «Органический мир» (группы «Человек как живое существо», «Человек в обществе» подкласса «Человек», подклассы «Растительный мир» и «Животный мир»).

Префиксально-суффиксальный способ образования представлен еще меньшим количеством мотивированных глаголов. Это мотивированные глаголы класса «Неорганический мир», некоторых групп класса «Органический мир» (группа «Человек как разумное существо» подкласса «Человек»).

Префиксально-постфиксальный способ образования представлен небольшим количеством мотивированных глаголов. Это некоторые мотивированные глаголы класса «Абстрактные отношения и формы существования материи», класса «Органический мир» (группы «Человек как живое существо», «Человек как разумное существо», «Человек в обществе» подкласса «Человек», подклассы «Растительный мир» и «Животный мир»).

Префиксально-суффиксально-постфиксальный способ образования является следующим по количественному составу. Он представлен незначительным количеством мотивированных глаголов класса «Абстрактные отношения и формы существования материи», класса «Органический мир» (группы «Человек как живое существо», «Человек как разумное существо», «Человек в обществе» подкласса «Человек», подклассы «Растительный мир» и «Животный мир»).

Постфиксальный способ образования представлен незначительным количеством мотивированных глаголов, в основном в классе «Абстрактные отношения и формы существования материи».

Суффиксально-постфиксальный способ образования также представлен незначительным количеством мотивированных глаголов, в основном в группе «Человек в обществе» подкласса «Человек», класса «Органический мир».

Кроме того, встречаются единичные случаи **способа метафорического словообразования** (*утушивать* ‘утолять боль’, *жарить* ‘сечь плетью’, *пригуртиться* ‘пристроиться к кому-либо (о семье)’). Имеются случаи **способа словообразовательной игры**, построенной на явлении «словообразовательного эха»: глаголы *стёхтерить-сбохтерить*, *стюхтерить-сбахтерить* ‘совершить нелогическое или неожиданное действие’, *винокаться-мурдокаться* ‘изготавливать вино в домашних условиях’, *надеться-переодеться* ‘одеться, выбрав что-то из имеющегося’ (*Сам винаград давил, саседий паили, хто придёт, а мне он нужен, нужна мне винокация-мурдокация? — У няво плятя армейская и такая, навутри Илюша наделси-пирьаделси, и мы паили*).

По грамматическому **характеру мотивирующего слова** выделяются глаголы, мотивированные глаголами, существительными, прилагательными. Во всех лексико-тематических классах в качестве мотивирующего слова преобладают **девербативы**. **Отсубстантивы** занимают второе место. **Отъадективы** занимают перифе-

рийное положение во всех лексико-тематических классах. В единичных случаях в качестве мотивирующей базы выступают междометия и звукоподражательные слова.

По характеру словообразовательного значения имеются: 1) модификационные значения, 2) мутационные значения. Оба названных значения характерны для всех лексико-тематических классов, входящих в глагольную лексику говора. **Модификационные** значения преобладают во всех лексико-тематических классах, это значения вида и способа глагольного действия. **Мутационные** значения присутствуют во всех лексико-тематических классах, но их значительно меньше. Это значения: «совершать действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим существительным», «совершать действия, свойственные тому, кто (что) названо мотивирующим существительным», «наделять кого- или что-либо тем признаком, который назван мотивирующим прилагательным / существительным», «приобретать признак, состояние, названные мотивирующим прилагательным / существительным» и некоторые другие.

Большинство словообразовательных моделей, характерных для мотивированных глаголов говора казаков-некрасовцев, представлены в русском литературном языке.

В то же время в составе словообразовательной подсистемы глагола говора встречаются **специфичные в структурном или в семантическом отношении словообразовательные модели**.

Специфичные глагольные словообразовательные модели говора казаков-некрасовцев относятся к префиксально-суффиксальному, префиксально-суффиксально-постфиксальному, префиксальному, суффиксальному, префиксально-постфиксальному, суффиксально-постфиксальному способу словообразования (соответственно 6, 5, 3, 1, 1, 1 пример). В качестве мотивирующей базы специфичные словообразовательные модели говора имеют глаголы, существительные, прилагательные и междометия (преобладают глаголы). Специфичные глагольные словообразовательные модели говора обладают и модификационным, и мутационным словообразовательным значением. В целом среди специфичных глагольных словообразовательных моделей говора преобладают **префиксальные девербативные модели с модификационным значением**.

В составе специфичных глагольных словообразовательных моделей говора казаков-некрасовцев есть такие, которые в полной мере могут быть названы словообразовательными моделями, так как по ним образовано несколько глаголов:

1. Отглагольная словообразовательная префиксальная модель **формант по- + V** с модификационным значением ««акцентировать в действии, названном мотивирующим глаголом сов. в., семантический компонент “результат”»»: *поспассти, попо-явить, пополоветь, понадеть, посогреться, поприишть, понавьжарить, попо-желтеть*. Специфика данной модели проявляется одновременно и в ее структуре (мотивирующий глагол сов. в. в отличие от глагола несов. в. глагола в аналогичной модели в литературном языке), и в содержании словообразовательного значения.

2. Отмеждоментная словообразовательная префиксально-суффиксальная модель **формант с- + междометие + формант -(тер)и-** с мутационным значением «воспроизведение звучания мотивирующего слова как характеристики содержания обозначаемого действия»: *стёхтерить-сбохтерить, стюхтерить-сбахтерить*. Специфика данной модели в ее структуре: междометие в качестве мотивирующего слова, что не характерно для суффиксально-префиксального способа образования глаголов литературного языка (по данным РГ-80).

3. Отглагольная словообразовательная префиксальная модель **формант об- + V** с модификационным значением «действие, названное мотивирующим глаголом, совершаемое в течение некоторого времени (чаще недолгого)»: глаголы *об-зодить* ‘подождать’, *обжидать* ‘ожидать, поджидать’. Специфика данной модели в ее структуре: формант *об-* не входит в состав формантов, характерных для префиксального способа образования отглагольных глаголов литературного языка (по данным РГ-80), хотя он имеет то же значение, что и префикс *по-* в аналогичной по своей структуре и своему значению продуктивной модели литературного языка (*покурить*).

Другие специфичные глагольные словообразовательные модели говора казаков-некрасовцев только условно могут быть названы моделями, так как по ним образовано по одному слову. Подобные «квазимодели» говора можно разделить на три группы: а) модели, специфичные по своей структуре; б) модели, специфичные по своему значению; в) модели, специфичные по своей структуре и значению одновременно.

Преобладают «квазимодели» первой группы, специфичные по своей структуре. К ним относятся следующие:

1) отглагольные словообразовательные префиксально-суффиксальные модели: а) **формант до- + V + формант -ова-** с модификационным значением «доведение действия до какого-то определенного предела»: *довидовать* ‘хорошо видеть’; б) **формант до- + V + формант -ива-** с модификационным значением «дополнительно совершить действие, названное мотивирующим глаголом»: *дотакивать* ‘потакать, поддакивать’; в) **формант у- + V + формант -ива-** с модификационным значением «длительно, непрерывно, настойчиво совершать действие, названное мотивирующим глаголом»: *утушивать* ‘утолять боль’; г) **формант за- + V + формант -а-** с модификационным значением «начать действие, названное мотивирующим глаголом»: *заспорать* ‘поспорить’; д) **формант пере- + V + формант -а-** с модификационным значением «краткое, неинтенсивное действие, совершенное обычно в перерыве какого-н. другого действия»: *пересужать* ‘судить о ком, осуждать кого’;

2) отглагольная словообразовательная префиксальная модель **формант с- + V** с модификационным значением «акцентировать в действии, названном мотивирующим глаголом совершенного вида, семантический компонент “результат”»: *сплюбить*;

3) отсубстантивная словообразовательная префиксально-суффиксальная модель **формант при- + S** с мутационным значением «действие, имеющее отноше-

ние к тому, что названо мотивирующим существительным»: *притрудать* ‘тяжело заболеть’ от слова *труд* — ‘црк., стар. болезнь’;

4) отсубстантивные префиксально-суффиксально-постфиксальные модели:
а) **формант на-** + **S** + **формант -ова-** + **формант -ся** с мутационным значением «приобрести признак того, что названо мотивирующим существительным»: *на-памятоваться* ‘помнить, припоминать’; б) **формант по-** + **S** + **формант -ова-** + **формант -ся** с мутационным значением «совершить действие, связанное с тем, что названо мотивирующим существительным»: *полицоваться* ‘поцеловаться’; в) **формант о-** + **S** + **формант -ива-** + **формант -ся** с мутационным значением «наделять кого-либо тем признаком, который назван мотивирующим существительным»: *отелёшивать* ‘обнажать тело, раздеваясь донага’;

5) отадъективные префиксально-суффиксально-постфиксальные модели:
а) **формант у-** + **Adj** + **формант -ива-** + **формант -ся** с мутационным значением «совершать действия, имеющие отношение к тому, что названо мотивирующим прилагательным»: *утуживаться* ‘туго подпоясываться’; б) **формант под-** + **Adj** + **формант -ива-** + **формант -ся** с мутационным значением «совершать действия, имеющие отношение к тому, что названо мотивирующим прилагательным»: *подтуживаться* ‘туго подпоясываться’;

б) отадъективная суффиксально-постфиксальная модель: **формант Adj** + **формант -ова-** + **формант -ся** с мутационным значением «приобретать признак, состояние, названные мотивирующим прилагательным»: *бедноваться* ‘бедствовать’.

Во всех перечисленных тринадцати «квази моделях» говоря первой группы, не имеющих в литературном языке, форманты (приставки, суффиксы, постфиксы), в принципе существующие в литературном языке, не включены в РГ-80 в список формантов, характерных для того способа образования, в соответствии с которым образовано то или иное слово.

К «квази моделям», специфичным по своему значению, относится отглагольная словообразовательная префиксально-постфиксальная модель **формант о-** + **V** + **формант -ся** с **модификационным** значением «дойти до определенного состояния, совершая действие, названное мотивирующим глаголом»: *обосаковаться* ‘разбаловаться, стать хулиганом’. Специфика данной модели в ее словообразовательном значении, которое не характерно для названного форманта в литературном языке.

К «квази моделям», специфичным одновременно по своей структуре и по своему значению, относятся следующие модели:

1) отглагольная словообразовательная постфиксальная модель **V** + **формант -ся** с **модификационным** значением «отрицание возвратного значения»: *обмануться* ‘обмануть’ от общенац. глагола *обмануть* в том же самом лексическом значении;

2) отсубстантивная суффиксальная модель **S** + **формант -(ал)и-** с мутационным значением «совершать действия, свойственные тому, кто назван мотивирующим существительным»: *курвалить* ‘гулять от жены’ от общенац. существитель-

ного *курва* ‘*неприл., бранно* развратная женщина’ (по данным Сл. Даля) со сменой гендерного компонента.

Репертуар способов словообразования, словообразовательных значений, префиксов, суффиксов, постфиксов в словообразовательной системе говора тот же, что и в литературном языке. Специфичные словообразовательные модели говора являются результатом: а) иного сочетания существующих морфем в рамках форманта; б) использования семантических и структурных возможностей конкретных видов элементов словообразовательной структуры — мотивирующей базы, словообразовательных морфем, которые в настоящее время «не работают» в литературном языке.

Полагаем, что в лингвокогнитивном аспекте специфичность словообразовательных моделей говора обусловлена свободолюбием старообрядцев.

В целом мы наблюдаем расширение словообразовательной системы говора в сопоставлении со словообразовательной системой литературного русского языка за счет использования ресурсов общенационального русского языка.

Раздел 6

НАРЕЧИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИДЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ НАРЕЧИЯ

Макрокласс «Наречие» состоит из следующих лексико-тематических классов: класс «Абстрактные отношения и формы существования материи», класс «Органический мир». Указанные классы, в свою очередь, дифференцируются на подклассы и группы.

Класс «Неорганический мир», по нашим данным, не представлен в макроклассе «Наречие».

1. КЛАСС «АБСТРАКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ МАТЕРИИ»

Наиболее многочисленной является лексико-тематический подкласс «Время», далее по численности следует подкласс «Пространство».

Рассмотрим данные подклассы подробнее.

Лексико-тематический подкласс «Время» представлен несколькими группами:

1) наречия, обозначающие такой признак, внешний по отношению к его носителю, который называет временной предел (реже отрезок времени):

Даднесь [даднесь, даднесь], *Понынече* [паныннича], *Понынче* [панынчи] — ‘доныне, до сих пор’ (*Мы выступали в малай кэнсирватории в Маскве, даднесь пластинка есь у нас. — У нас паныннича хранища старай псалтырь: кожанай пириплёт, диривянны доски, дажа пячать*). *Докель* [дакель], *Докеля* [дакеля], *Покаль* [пакаль], *Покеля* [пакеля] — ‘пока, покуда’ (*Дакель гарнушку рэзажгут, дакель сваряць, дакеля буйвалу падояць, уже ночушка, и мы уснём. — Патом нас с сястрой на сухую падвяску пирвяли, мы паили работать, работала, пакеля муш сильна ни забалел*). *Назавтрево* [назафтрива] — ‘назавтра’ (*Лажылися спать позна, назафтрива фставали рана, штобы фсё успеть*). *Наподальки* [напэдальки] — ‘позднее, после’ (*Дедушка раздэлил землю на три сына, а напэдальки ишо паткупил, и у нас паряткам было*). *О-коды* [о-кады] — ‘после, позднее’ (*Ламбы были кирасинавыи, газет, книжак ни было, радива о-кады паявилась, перит атэздам*). *Потель* [патэль], *пота* [пата] — ‘до тех пор’ (*Пака ни умоишси и ни памолишси, патэль ни к чиму из яды или пасуды прикасацца няльза, грех ета*). *При живе* [прижыви] — ‘при жизни’ (*При жыви мамы ишо вышывали рубахи, а наш возраст уже и рубахи ни вышывал*). *Нынече* [нынича] — ‘сегодня’ (*Бирюк спрашываить лису: «Де ш ты нынича была?»*);

2) наречия, обозначающие такой признак, внешний по отношению к его носителю, который называет временной отрезок, предшествующий моменту речи:

Впереди [фпиреди], **Вперѣж** [фпирѣш], **Наперѣд** [напирѣт], **Наперѣж** [напирѣш] (во 2 знач.), **Перво** [перва], **Первой** [первай] — ‘раньше, сначала’ (**Фпиреди** в адной комнати жыли фсей симѣй: радитили, мы з жаной, брат, бабушка, тут жа примус был, тесна, но рай. — Бабушка рассказывала, што **перва** сяло было очинь балышая, ат маста дѣ маста. — Два сяла в Расию **напирѣж** нас ушли. — **Спирѣт** атец Трифан был, апирацью иму зделали, и вон умир, и атца пѣстававили люди). **Преди** [преди] — ‘прежде’ (**Преди** мужыки наши рыбалили да шысти месицаф, хазяин и деньги платил, и рыбу давал). **Невдаме** [нявдами] — ‘недавно’ (Раньшы мы сами быками мѣлатили, **нявдаме** машина вышла да стала мѣлатить). **Даве** [давя] — в знач. ‘недавно, в течение нескольких часов’ (Ишо **давя** хатела сказать прѣ абет, ты пишыи?);

3) наречия, обозначающие такой признак, внешний по отношению к его носителю, который называет прошлое, чаще далекое:

Кались-то [кались-та] — ‘когда-то’ (**Кались-та** читать-щитать ни умели, чо писали, то писали, чо дадутъ, то дадутъ, пѣказатили ня знали, а типерь у мальчика мядаль зѣлатая). **Летось** [летасъ], **Летося** [летася] — ‘в прошлом году’ (Вот **лета-ся** чѣ-та прапал винаграт, ня брали яво, мой мужык сам вино давил, саседий паили, хто придѣтъ, а мне вон нужсын, винокацица-мардокацица). **Нады** [нады], **Надысь** [надысь] — ‘позавчера’ (**Надысь** mine внуцка прижжала). **Наперѣд** [напирѣт], **Наперѣж** [напирѣш] — в знач. ‘давно’ (Как приехали, **напирѣт** ета было, паили в первый клас, и была па пидясят лет, и па трыццать лет. и па сямнаццать, фсе в адном класи). **Спрѣдвѣков** [спритвикоф] — ‘издавна’ (**Спритвикоф** многа слоф турецких, патаму шта ну нет русских, старыи мы знали, а новаи — па-турецки гѣварили). **Смаленечку** [смаленичку], **Смалечку** [смаличку] — ‘сызмала’ (Косы ни стригли, **смаленичку** девачка радилась — адна каса, када замуш — две касы, и усѣ);

4) наречия, обозначающие такой признак, внешний по отношению к его носителю, который называет время суток:

Вечер [вечир] — ‘вечером’ (С работы пришли, **вечир** палить, двор пѣдмясти, там чистату съблюдали). **На пондлѣх** [нѣ пандлѣх] — ‘в полдень’ (Пилянаши, поши, кормиш, если радитили где-та на работи, **нѣ пандлѣх** бирѣш иѣ на закорки и к ма-тири, а аттудова апать иѣ принисѣш). **Наутре** [наутри], **Наутрево** [наутрива] — ‘наутро, утром’ (Приехала туды, у ниво платя армейская и такая, **наутри** Илюша наделси-пирѣделси, пафстретилися и на Мамаиф курган-та влезли);

5) наречия, обозначающие такой признак, внешний по отношению к его носителю, который называет вневременное явление, ситуацию, действие:

Завсѣгда [зафсягда], **Всягды** [фсяды] — ‘всегда’ (Улишу **фсяды** пѣдмятали, у фсех цвяты были в дамах, а тут мусару — ужас. — У нас там **зафсягда** пално было ма-тярѣлу, стены делали, пѣталки делали). **Дайма** [дайма] — ‘обычно, постоянно’ (**Дай-ма** ф прятки играли, ф сан: ета так завязывались глаза, и ф сан играли) — турецк. *daıma* — ‘всегда’. **Теперѣча** [типѣрича] — ‘теперь’ (Там и кѣрагод вадили, и свадьбы какиш, свадьба па нидели шла, а сюды мы пришли и **типѣрича** фсѣ-фсѣ пѣтярѣли). **Тоды** [тады] — ‘тогда’ (Када выступали, **тады** визде нас хараишо принимали, но день-ги ни давали);

6) наречия, обозначающие такой признак, внешний по отношению к его носителю, который называет ограниченный временной отрезок:

Лету-летскую [лету-лецкую] — ‘все лето’ (*Урот снимали два раза, фсю лету-лецкую работали, събирали, выращивали*). *Ночь-ноченскую* [ночь-ночинскую] — ‘всю ночь’ (*Пабаивалась ночью, наверна, или ей жутка была адной сидеть, вот ана нам скаски рассказывала ночь-ночинскую, када маслина была*). *На пору* [на пору] — ‘иногда, порой’ (*Мамака на пору ругала, а батяка бил*).

Необходимо отметить, что наречия говора, входящие в подгруппу «Время», преимущественно именуют временной предел, а также временной отрезок, предшествующий моменту речи или относящийся к далекому прошлому.

При этом наречия говора с корнем *перёд* (*наперёж, сперёд, наперёд, вперёж*) демонстрируют, во-первых, амбивалентное восприятие времени некрасовцами через признак пространства. Е. Е. Левкиевская так пишет о подобном восприятии времени предков русских: «Пространство не отделено от времени, образуя с ним единый хронотоп, в рамках которого фиксируются и осмысляются события»⁷²⁷. Во-вторых, значения названных наречий также выявляют архаическое восприятие времени казаками-некрасовцами — из настоящего в прошлое, когда прошлые события всегда впереди. Для нас стрела времени направлена из настоящего в будущее, поэтому прошлые события позади.

Лексико-тематический подкласс «Пространство» представлен рядом групп:

1) наречия, обозначающие такой признак, внешний по отношению к его носителю, который называет направление: наружу, вниз, вперед, вверх, прямо, в длину, вдоль. Чаще всего наречия говора называют направление наружу, вниз и вперед:

Надвор [надвор] — ‘наружу’ (*Гарман мълатели, къряня надвор, а колас ф сирётку*). *Надворе* [надваре], *Снадворе* [снадвори] — ‘снаружи’ (*Чугин снадвори чёрнай*). *Наниз* [нанис] — в знач. ‘вниз’ (*Спускайси наниз!*). *Нанизу* [нанизу] — ‘внизу’ (*Воду насили ф карамысли, фсё с озира таскали, нанизу возир был*). *Споду* [споду] — ‘снизу’ (*Дювинь был диривянай, а споду камушки таки вострые, ани трутъ*). *Наперёд* [напирёт], *Наперёж* [напирёш] — в знач. ‘вперед’ (*Брат идёт напирёш, а я ззади, вон топнить, я праваливаюсь в грязя*). *Спереди* [спиряда] — ‘спереди’ (*Кукошник застябаица спиряда*). *Посверх* [пасверьх], *Посверху* [пъсварьху] — ‘сверху’ (*Стены бялили руками, белым мелам, и пасверьх пальчиками мазали. — Ни дай бох саялянку аткрытую аставить, иё нада пъяварьху укрывать, няцистай дух купаица*). *Напрямые* [напрямыи] — ‘напрямик’ (*Да ни даляко, вот хати, а ф паля напрямьи идём, па ету сторану*). *Вдлинь* [вдлинь] — ‘вдоль’ (*Завески, рукава, пояс абрабатывали, вдлинь были рядочки, и напирёк, ни для обирага, а штоп красива было*). *Вдлиньку* [вдлиньку] — ‘в длину’ (*Камыш на пталок стялили вдлиньку*). *Круга* [круга] — ‘кругом’ (*Мы пашли с ней на азира ети рыбалить, идём круга, озир ня наш, хазайский*);

⁷²⁷ Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995—2012. Т. 1—5. Т. 4. С. 305.

2) наречия, обозначающие такой признак, внешний по отношению к его носителю, который называет начальную точку отсчета в направлении движения:

Откеда [аткеда], **Откеле** [аткеля], **Откуле** [аткули] — ‘откуда’ (*У няво была гармошка аткеда-та: из Америки сам привёс или хто иму привёс, вон сидить играть, а тетка Маланя песни паёть или пляшыть — Аткули ветир ни падуить, ноги маи балять*). **Отседа** [аццеда], **Отселе** [атселя], **Отсуле** [атсуля], **Отселева** [аццэлива], **отселечка** [атселичка] — ‘отсюда’ (*У матири у маей крыша аткрылася, аццеда тьякло, аттэда тьякло. — Адна женщинына, атселя, с Ливакумки, у ниё така гадазь была, внутрь пашла ета балячка. — Фтарой день ветир атселичка дуить*). **Оттеда** [аттэда], **Оттелеча** [аттэлича], **Оттелечка** [аттэличка], **Оттель** [аттэль], **Оттуле** [аттуля], **Оттуль** [аттуль] — ‘оттуда’ (*Ани уйдуть ф синтябре рыбаить, а в апрели аттэда прихадил, на паску. — Нас рассялили в бараки, адна сямя жыла в адной комнати, аттэличка мы пирьсялились на вулицу Винаградную. — В децтви игр было мала, но фсе равно играли: адин аттуль бяжыть, адин аццуль*);

3) наречия, обозначающие такой признак, внешний по отношению к его носителю, который называет конечную точку отсчета в направлении движения:

Домонь [дамонь], **Домонюшки** [дамонюшки] — ‘домой’ (*С радитилями нъ работы хадили ф поли, къласки събирали, дамонь позна зывляишиси*). **Посуля** [пъсуля] — ‘до сих пор, до этого места’ (*Я Ленацку рьдила, выду, платощикам вот пъсуля па-крою, Галя ни нъглядицца*);

4) наречия, обозначающие такой признак, внешний по отношению к его носителю, который называет местоположение:

Внапырный [внапырный] — ‘вслед, непосредственно за кем-либо’ (*Вон внапырный за фсеми приехал*). **Поряд** [парят] — ‘рядом, подряд’ (*Вёдра были квадратнаи, в них маслины прьдавали, их абрязали и сажали святы парят, нужна было паливать кажный вечер*).

Лексико-тематический подкласс «Количество» представлен следующими группами:

1) наречия, обозначающие такой признак, внешний по отношению к его носителю, который называет определенность количества:

Двоишки [дваишки] — ‘вдвоем’ (*Нас вазили на Мамаиф курган тада, мы на Волги-рике, па ней двоишки с Илюшай каталися*). **Напополах** [напапалах], **Пополах** [пъпалах] — ‘пополам’ (*Жанилси сын, строють, аддияют, наследства напалах между сынами*). **Колько** [колька, кольки] — в знач. ‘несколько’ (*Кольки километрах жыли хахлы, стараверцы, патом ани уехали в Америку*);

2) наречия, обозначающие такой признак, внешний по отношению к его носителю, который называет оценку количества:

Вольно [вольна] — ‘вдоволь’ (*У нас дома айва была, тёрин, керес, тютелька, дули, инжыр, многа было, у нас агарод здоровый был, вольна яндали*). **Мирно** [мирна] — ‘многочисленно, тесно’ (*Спали на полу: мать, батя, я рядом, брат, мирна, да фсе биз абит*);

3) наречия, обозначающие такой признак, внешний по отношению к его носителю, который называет оценку величины, размера, числа:

Ядрено [идряно] — ‘крупно’ (*Айву мы с ветки събирали, резали иё идряно, и мы иё на нитацку вязём, вешаим, извешаим фсю, а патом ядим*). **Колько** [колькя, кольки] — в знач. ‘сколько’ (*Плетни были, калюками загарожены, а усё пирилазили, кольки рас было: пирилезуть, абарвуть и убягуть са двара*). **Трохи** [трохи] — ‘немного’ (*Калацики пякуть ис кислава теста, масла многа ни наливали, трохи, а скъвраду в рускаю пецку, ани жарилися*).

Лексико-тематический подкласс «Отношение» представлен следующими группами:

- 1) наречия, обозначающие определенные отношения:

Наверх [наверх] — ‘меньше’ (при обозначении веса) (*Мы большы питались рыбой, вот бъламут: насолим, фкусна, а тут мы иво в глаза ни видим, привязли как-та ат кила **наверх** 70 рублей, ета дорага*). **Наниз** [нанис] — в знач. ‘больше (при обозначении веса, лет)’ (*Я дитём работать пашла, на два года **наниз** написала, пътаму шта децкаи ни щитаюцца, миня в марти шысят шастова аформили ф штатнаи*). **Отсобня** [атсабня] — ‘отдельно, особо’ (*Агарот был разбросан, там кусок, кусок там, бабоцки **атсабня**, там и пацатки сажали, а мержынь атсабня*). **Под версть** [пад версть] — в знач. ‘под цвет’ (*Па фкусу и крьсате пѣдбирили, к синяму пришей синий рукаф, ано никрасива, падбирили **пад версть***). **Наместо** [наместа] — ‘вместо’ (*Мы папа ни называли, **наместа** гъварили батяка, да ишо мамака, бабака*);

- 2) наречия, обозначающие определенные отношения, основанные на сходстве, одинаковости, соответствии:

По-бабичу [па-бабичу] — ‘по-бабьи’ (*У нас галышом ни хадили, замуи вышла, усё, ты уже накрытая и ф платку, **па-бабичу***). **По-здесему** [па-здесяму] — ‘по-здешнему’ (*Мы сразу ня знали, што иво **па-здесяму** рис называли, у нас принч*). **По-игнату** [пъ-игнатаму] — ‘по-старинному, как при Игнате Некрасове’ (*Павёл нас Игнат, мы там скока лет пражыли, нам ни велина было сюды итить, мы **пъ-игнатаму** фсё делали*). **По-старински** [пъ-старински] — ‘по-старинному’ (*Лиман на иордань застывал лёдам, ставили дащочки, делали прорубь, батюшка служыл, крест ачунал, фсё **пъ-старински***). **По-турски** [па-турски] — ‘по-турецки’ (*Ни разряшали рѣзгаваривать ф школи па-руски, тока **па-турски**, там нас наказывали, а дома на сваём*).

Лексико-тематический подкласс «Движение» представлен одной немногочисленной группой наречий, обозначающих качество таких действий, как ходьба, бег, падение, их свойства:

Врыски [врыски], **Тупочка** [тупачка] — ‘быстро, бегом’ (*Када к нам в сяло таргофцы приижали, «нитки-макар» нѣзывалси турок, бѣжали **врыски**, на яшики мяняли, брали сирѣжычки, растык, ета краска для бравей, нитки. — Сами-саломи игра была, ишо была игра: адин зѣкрываить глаза, а мы **тупачка** па улицы прячимси, а каво первым нашли, тот водить*). **Книзу пузи** [книзу пузи] — ‘ничком’ (*Дитинѣнак пухлатинький, выскакал из люльки и упал **книзу пузи***). **Ощупка** [ашшупка] — ‘ощупью’ (*Бапка сафсем у них каклека была, **ашишупка** хадила, а дет тожа*). **Помалечку** [памалищку] — ‘потихоньку, небыстро’ (*Взяла краснаи нитки, завязываить и гъварить: «Нати, курям пѣкрашыти», ниделька праходить, гляжу, а у ниѣ **памалищку** праходить, а было ниприятна*).

Лексико-тематический **подкласс «Качество»** представлен группой наречий, обозначающих общую и частную оценку качества состояния, ситуации, действия:

Неславно [нясламна] — ‘нехорошо, плохо’ (*Здесь лучча, там нясламна: дама саманаи, нискаи, малинькаи, акошки малинькаи, мы жыли с радитилями ф халоднай комнаты*). **Куча-на-кучу** [куча-на-кучу] — ‘тесно, скученно’ (*Мы жыли ф сарайицки, вот где у нас пашаница, семицки, папуша, там мы на палу, куча-на-кучу, кравати ни было*). **Назолоте** [назалате] — ‘имеющий золотистый оттенок’ (*Наряды были красиваи, гляниш: бѣлахон назалате — пад жолтаи ни патходить, завеску зилѣнаю или синяю падбираиш*). **Труско** [труска] — ‘тряско’ (*Мужыки нѣ канях ездють — эта и труска*). **Редочко** [редачка] — ‘редко’ (*Из абуза лясу пляли редачка*).

Лексико-тематический **подкласс «Изменение»** представлен одной немногочисленной группой наречий, обозначающих такой способ действия, который является иным в сопоставлении с общепринятым, распространенным:

Инак [инак], **Инако** [инака], **По-инакому** [па-инакаму], **По-второму** [па-фтарому] — ‘иначе’ (*И слива была, инджыр, ойвы, так ели и кушав варили, инак называють кампот. — Эта были стараверы святыи, у них адѣжа другая, па-фтарому гѣварили, говар хахлячий*).

Лексико-тематический **подкласс «Порядок»** представлен одной группой наречий, обозначающих порядок следования:

Рядом [рядам], **Рядышам** [рядышам, рядышам] — ‘по порядку’ (*Теперь рядом расскажу: в клуп бисиками хадилл, в рубахи и бисиками, стыдна захадить, а в кина хоцица, а вобуви нету, потом стали нас нямношка адявать, илѣпки пакупать*).

Лексико-тематический **подкласс «Форма»** представлен одной немногочисленной группой наречий, обозначающих такой способ действия, который называет позу человека:

Сидьма [сидьма] — ‘сядя’ (*Турки пакойника принясут, сидьма пасодють*). **Стойка** [стайка] — ‘стоя’ (*Так и стаиш стайка, када дядофшына биседуить*).

Лексико-тематический **подкласс «Существование, бытие»**, по нашим данным, представлен единичным примером:

Неможно [немажна] — ‘нрч. в знач. сказ. невозможно’ (*Стыдь, фуртуна, немажна*).

2. КЛАСС «ОРГАНИЧЕСКИЙ МИР»

В состав класса «Органический мир» макрокласа «Наречие» входит только подкласс «Человек», подклассы «Животный мир», «Растительный мир» не представлены.

2.1. Лексико-тематический подкласс «Человек»

Лексико-тематическая группа «Человек как живое существо» представлена следующими подгруппами:

1) наречия, обозначающие такой образ действия, который называет отсутствие одежды или обуви:

Бисиками [бисиками] — ‘босиком’ (*Мы жа привыкли ф Турсии хадить в рубахах и бисиками, там зимы, марозав нету*). **В раздежку** [в раздешку] — ‘раздетый, не укрытый’ (*Када жара, фсе спять враздежку*). **Телешом** [тилишом], **Телешами** [тилишами] — в знач. ‘нагишом’ (*А там люди тилишом купающца, я думала, как у нас в возир быкоф, каров ганяють, ани пють, аддыхають, а патом их гонють кармить, а тут люди аддыхающца*);

2) наречия, обозначающие такой образ действия, который называет способ спать в некрасовской семье:

Впокатуху [ф пакатуху], **Покатухою** [пъкатухаю] — ‘впвалку’ (*У мамаки дитей многа было, на палу ляжали ф пакатуху, бабака с нами на палу, расстелим адялуу такую толстаю, пълажымси и ляжым*);

3) наречия, называющие качество, свойство бытовой ситуации:

Гадко [гатка] — ‘грязно’ (*Нъ астанокфи, ф Ставрапали, там негди фстать, гара мусару, гатка, бутылки, в Турсии ни так*). **Зором** [зорам] — в знач. ‘с трудом’ (*Пашила, а вон ляжыть, ругающца, никак ни фстанить, с Фетькай зорам ф кухню заняли*) — от турецк. *zor* ‘трудно’;

Лексико-тематическая группа «Человек как разумное существо» представлена следующими подгруппами:

1) наречия, называющие качество, свойство действия, совершенного целенаправленно:

Нароком [нарокам], **Понароком** [пънарокам], **Снарочит** [снарачит], **Снарочито** [снарачита] (во 2 знач.) — ‘нарочно, в шутку’ (*Мамака иво Фадеич называла, и крёсная, я малая была: «Ни пайму, што я Фадеюшка, што ли?»*, а ани **нарокам** смяющца. — *Када мъладую привядуть, павянчають, за стол сажаютъ, «Няси сватям пълккону» — снърачита гъварять, пълнарокам*);

2) наречия, называющие способ действия, совершенного без планирования:

Науmek [наумек], **По-умекам** [пъ-умекам] — ‘наугад, наобум’ (*А Расии знали пълнаслышки, дом прадали вмести съ скатом и зимлѣй, и паехали науmek. — Пъл-умекам брата в каблах нашла сваиво*);

3) наречия, называющие качество, свойство действия, ситуации, которые связаны с интеллектуальной деятельностью или эмоциональным состоянием человека:

Благо [блага] — ‘спокойно, смирно’ (*Саседы были, раньшы ушли в Расию, а турки пълсялилися, мы с ними блага жыли, ни ругалися*). **Втай** [фтай] — ‘тайно’ (*И так вянчались фтай, дамонь привадили батюшку, фтай крястилися. А нас заставляли снимать крясты ф школи, а я ни сняла*). **Догрубно** [дагрубна] — ‘обидно’ (*А Галя другой год была в Турсии, гъварила, што фсѣ пълаламали, нищиво ни асталоса, так дагрубна стала*).

Лексико-тематическая группа «Человек в обществе» представлена следующими подгруппами:

1) наречия, называющие качество, свойство действия, относящегося к общественной жизни

В кучу [ф кучу], **Вместя** [вмястя], **Вместях** [вмястях], **Местя** [мястя], **Местях** [мястях], **Заедино** [зьядина], **Заедин** [зьядин] (в 1 знач.) — ‘вместе’ (*Ели с общей чашки, лошки диривянаи были, фсе паидять, сабирёш ф кучу, в адну чашку лошки и идёш моши.* — *В нашай симе снох ни абижали, адивали снох **вмястя** и ни дяли.* — *Мы **вмястях** жыли, старшая снаха малую ваститывала.* — *Мълады снохи в игры ни играли, на зярно **зьядин** хадили, касили, убирали.* **За дурняк** [зъ дурняк] — ‘ни за что, даром’ (*Иму деньги дасталися **зъ дурняк**.* **Зором** [зорам] — в знач. ‘силой, насильно’ (*Ана бясилась, фсё на сабе рвала, скока слёз было, патом выличили, и за старика **зорам** адалли.* **Между** [мяжду] — ‘между собой’ (*Стала малая снаха у старшай спрашивать, што и как делать, и фсё **мистях** стали делать, и гулять, и мазаца, дружнаи стали **мяжду**;*

2) наречия, называющие качество, свойство действия, относящегося к письменной или устной речи:

По-писаному [па-писанаму], **По-письмённому** [пъ-письмёнаму] — ‘грамотно, на книжном языке’ (*Я с децтва службы любила, знала наизусь фсе стихи, никто мене ни показывал, сама начнула и пашла гаварить **пъ-писанаму**.* **Ручно** [ручна], **Саморучно** [самаручна] — ‘рукописно’ (*У нас псалтырь был, написан **ручна**, ат тестя;*

3) наречия, называющие способ действия, относящегося к рыболовству:

Бродяка [брдяка], **Вбродника** [вбрѣдника] — ‘вброд’ (*Винтярями **брадяка** ловють, и брдянями **вбрѣдника**.*

Преобладают наречия, называющие такое качество действий, которое связано с общинным укладом жизни некрасовцев.

В целом анализ наречной лексики говора в идеографическом аспекте выявил:

— значительное преобладание наречной лексики, относящейся к классу «Абстрактные отношения и формы существования материи»;

— значительное преобладание в указанном классе наречной лексики, относящейся к лексико-тематическим подклассам «Время» и «Пространство»;

— преимущественное именование временного предела, а также временного отрезка, предшествующего моменту речи или относящегося к далекому прошлому, в наречиях говора, входящих в подкласс «Время»;

— преимущественное именование направление движения (чаще всего наружу, или вниз, или вперед), а также начальной точки движения в наречиях говора, входящих в подкласс «Пространство»;

— в наречиях говора, входящих в подкласс «Человек», следует отметить акцентирование некрасовцами наречий, называющих: а) отсутствие одежды или обуви, б) целенаправленные качества, свойства действий, в) качество действий, которое связано с общинным укладом жизни некрасовцев.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СИСТЕМНЫЕ СВЯЗИ В ЛЕКСИКЕ ГОВОРА КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ. НАРЕЧИЕ

1. ЯВЛЕНИЕ ВАРИАТИВНОСТИ В СЕМАНТИКЕ, АКЦЕНТОЛОГИИ, ФОНЕТИКЕ, ГРАММАТИКЕ НАРЕЧИЯ

1.1. Описание собственно вариативности

В макрокласе «Наречие» встречается значительное количество **фонетических и акцентологических вариантов** наречных лексем. Большая часть этих наречий относится к классу «Абстрактные отношения и формы существования материи», некоторая часть — к подклассу «Человек» класса «Органический мир». Приведем примеры (в скобках дается слово литературного языка):

вместя (вместо), **вперёж** (вперед), **всегды** (всегда), **двожды** (дважды), **наперёж** (наперед), **откеда** (откуда), **оттеда** (откуда), **отседа** (отсюда), **онтуда** (оттуда), **спереда** (спереди); **пополах** (пополам); **тоды** (тогда).

Ряд наречий говора одновременно является и фонетическими, и словообразовательными вариантами (в силу того, что имеют иные наречные суффиксы) слов общенац. яз.: **бисиками** ‘босиком’ (*босиком* ‘разувкой, босыми ногами’⁷²⁸), **стойка** ‘в стоячем, вертикальном положении’ (*стойком* ‘встоячь, в стоячем положении’⁷²⁹).

Другие наречия говора (в подавляющем большинстве входящие в подклассы «Время» и «Пространство» класса «Абстрактные отношения и формы существования материи») имеют варианты в самом говоре:

а) акцентологические: **надворе** — **надворе**;

б) фонетические, отличающиеся составом гласных, реже согласных: **наперёд** — **наперёж**; **откеле** — **откуле**; **понынече** — **понынче**; **отселе** — **отсуле**; **оттель** — **оттуль**;

в) словообразовательные, отличающиеся суффиксами: **докель** — **докеля**; **летось** — **летося**; **наутре** — **наутрево**; **оттуль** — **оттуле**; **покаль** — **покеля**; **перво** — **первой**.

Значение ряда наречий говора является результатом **развития значения синонимных слов общенац. яз.** Так, значение наречия говора **надысь** ‘позавчера’

⁷²⁸ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 1. С. 291.

⁷²⁹ Там же. Т. 4. С. 540.

представляет собой **метонимическое развитие** и сужение значения одноименной лексемы обиходного языка крестьянства: *надысь* ‘намедни, на днях’⁷³⁰. Считаем, что второе значение наречия говора *заедино* ‘одновременно’ является **метонимическим развитием** типа «пространство — время» общенац. значения данного наречия: *заедино* ‘вместе, нераздельно, совокупно’⁷³¹. Полагаем, что значение наречия говора *рядом* ‘по порядку’ является результатом **ассоциативного** переноса значения одноименного наречия общенац. яз. *рядом* ‘один возле другого, либо один за одним, сподряд’⁷³².

1.2. Описание явлений, сопутствующих вариативности

К явлению **вариативности** примыкают случаи **полного совпадения** в звучании, структуре и значении наречий говора и одноименных лексем обиходного языка крестьянства или его отдельных говоров.

Ряд наречий говора **являются общими для обиходного языка русского крестьянства либо для отдельных его говоров** (большая часть из них относится к классу «Абстрактные отношения и формы существования материи»):

вдлинь ‘вдоль’ (ср. в Сл. Даля *вдлинь* ‘пенз. в длину, вдлину, вдоль, длинником, по длине, долиною; противополог. поперек, впоперек’⁷³³); *наперед* ‘раньше’ (в Сл. Даля наречие *наперед* имеет аналогичное значение ‘прежде чего, большей частью о времени’⁷³⁴); *втай* ‘тайно’ (в Сл. Даля наречие *втай* имеет аналогичное значение⁷³⁵); *доднесь* ‘доныне, до сих пор’ (ср. в Сл. Даля *доднесь* ‘додня, додню, доныне, до сего дня; до наших дней, времен’⁷³⁶); *докель* ‘пока’ (в Сл. Даля наречие *докель* имеет аналогичное значение⁷³⁷); *тепереча* ‘теперь’ (в Сл. Даля это наречие имеет аналогичное значение⁷³⁸); *заедино* ‘вместе, рядом’ (ср. в Сл. Даля *заедино* ‘вместе, нераздельно, совокупно’⁷³⁹); *завсегда* ‘всегда’ (в Сл. Даля наречие *завсегда* имеет аналогичное значение⁷⁴⁰); *нароком* ‘нарочно, в шутку’ (ср. в Сл. Даля *нароком* ‘нарочно, умышленно’⁷⁴¹); *наумек* ‘наугад, наобум’ (ср. в Сл. Даля *наумек* ‘прм., сиб. наобум, наугад’⁷⁴²), *на пору* ‘иногда, порой’ (ср. в Сл. Даля *напору* ‘порою, временем, иногда’⁷⁴³); *откеле* ‘откуда’ (ср. в Сл. Даля *откеля*, *откелева*, *откелича*, *откеда*, *откедова* ‘раз. кур. тмб.

⁷³⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 1074.

⁷³¹ Там же. Т. 1. С. 1440.

⁷³² Там же. Т. 3. С. 1178.

⁷³³ Там же. Т. 1. С. 424.

⁷³⁴ Там же. Т. 2. С. 1168.

⁷³⁵ Там же. Т. 1. С. 666.

⁷³⁶ Там же. С. 1121.

⁷³⁷ Там же. С. 1132.

⁷³⁸ Там же. Т. 4. С. 747.

⁷³⁹ Там же. Т. 1. С. 1440.

⁷⁴⁰ Там же. Т. 1. С. 1407.

⁷⁴¹ Там же. Т. 2. С. 1202.

⁷⁴² Там же. С. 1271.

⁷⁴³ Там же. С. 1182.

пск. *твр.* откуда, отколь⁷⁴⁴); *отселе* ‘отсюда’ (ср. в Сл. Даля *отселе, отселева, отселича* ‘отсюда’⁷⁴⁵); *оттуда* ‘оттуда’ (ср. в Сл. Даля *оттуда, оттудова* ‘тмб. оттуда, оттоде’⁷⁴⁶); *пота* ‘до тех пор’ (ср. в Сл. Даля *пота* ‘сев., вост. пока, дока, дотоле, покамест, потуды, по то время, дотуды’⁷⁴⁷); *преди* ‘прежде’ (ср. в Сл. Даля *преди* ‘нар. впереди, наперед’⁷⁴⁸); *сидьма* ‘сидя’ (ср. в Сл. Даля *сидмя* ‘не сходя с места усидчиво работать’⁷⁴⁹); *телешом* ‘нагишом’ (ср. в Сл. Даля *телешом* ‘ряз., тмб. нагишом, голью’⁷⁵⁰); *трохи* ‘немного’ (ср. в Сл. Даля *трохи, трошки* ‘южн. зап. немного, мало, несколько, маленько’⁷⁵¹).

Необходимо отметить, что, по данным Словаря Даля, наречия говора могут совпадать с одноименными лексемами самых разных говоров: 1) в первую очередь, это тамбовские говоры (3 наречия) и рязанские говоры (2 наречия); а также 2) пермские, сибирские, пензенские, тверские, курские, псковские, северные, восточные, южные, западные говоры (рубрикация говоров и пометы в соответствии со Словарем Даля).

2. МНОГОЗНАЧНОСТЬ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ВАРИАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СТРУКТУРЕ НАРЕЧИЯ

В составе макрокласа «Наречие», по нашим данным, имеются многозначные слова, относящиеся и к классу «Абстрактные отношения и формы существования материи» и к подклассу «Человек» класса «Органический мир»: *даве, колько, заедино, заедин, наниз, наперед, напереж, снарочит, снарочито, зором, под версть*. В структуре названных многозначных слов говора выделяются следующие виды связей значения:

- 1) перенос на основе синекдохи: «данное значение (как целое) — сужение данного значения (часть данного значения)»: *даве* — 1. ‘недавно, час-два тому назад’. 2. ‘несколько минут тому назад’; *телешом, телешами* — 1. ‘нагишом’. 2. ‘в полураздетом состоянии’;
- 2) ассоциативный перенос «пространство — время»: *заедино, заедин* — 1. ‘вместе, рядом’. 2. ‘вместе, одновременно’; *наниз* — 1. ‘вниз’. 2. ‘больше’ (при обозначении времени, лет); *наперед, напереж* — 1. ‘вперед’. 2. ‘раньше’. 3. ‘давно’;

⁷⁴⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. С. 1187.

⁷⁴⁵ Там же. С. 1958.

⁷⁴⁶ Там же. С. 1972.

⁷⁴⁷ Там же. Т. 3. С. 918.

⁷⁴⁸ Там же. С. 1007.

⁷⁴⁹ Там же. Т. 4. С. 147.

⁷⁵⁰ Там же. С. 887.

⁷⁵¹ Там же. С. 647.

3) ассоциативный перенос «количество — неопределенное количество»: *колько* — 1. 'сколько'. 2. 'несколько';

4) ассоциативный перенос «определенный способ и образ действия — качество, свойство этого же способа действия»: *зором* — 1. 'силой, насильно'. 2. 'с трудом';

5) ассоциативный перенос «качество, свойство действия, относящееся к человеку, — качество, свойство действия, относящееся к артефакту»: *под версть* — 1. 'под стать'. 2. 'под цвет'.

В целом необходимо отметить преобладание ассоциативного переноса, а среди его видов — ассоциативного переноса «пространство — время». Уместно отметить, что наречия говора *впереди*, *вперёд* 'раньше, сначала' в говоре некрасовцев вообще не имеют пространственного значения (в отличие от наречий *наперёд*, *наперёд*, в семантической структуре которых есть и пространственные, и временные значения), которое в соответствии со значением корней в данных лексемах является исторически первым, прототипическим.

3. Синонимия в рамках наречия

В рамках наречия говора представлено и **явление синонимии**. Преобладают синонимические ряды с отношениями полной синонимии, встречаются синонимические ряды с отношениями квазисинонимии, стилистические синонимы наблюдаются редко.

Полные синонимы:

в кучу — *вместя*, *вместях* — *местя*, *местях* в знач. 'вместе';

впереди, *вперёд* — *наперед*, *наперёд* — *перво*, *первой* в знач. 'сначала, раньше';

докель, *докеля* — *покаль*, *покеля* в знач. 'пока, покуда';

в покатуху — *покатухою* в знач. 'впавалку';

нароком, *понароком* — *снарочит*, *снарочито* в знач. 'нарочно, в шутку';

ручно — *саморучно* в знач. 'рукописно';

пота — *потель* в знач. 'до тех пор';

надворе — *снадворе* в знач. 'снаружи';

напополах — *пополах* в знач. 'пополам';

всягды — *завсегда* в знач. 'всегда';

наумек — *по-умекам* в знач. 'наугад';

врыски — *тупочка* в знач. 'бегом';

инак, *инако* — *по-второму* — *по-инакому* в знач. 'иначе'.

Явление полной синонимии характерно прежде всего для класса «**Абстрактные отношения и формы существования материи**» — для лексико-тематических подклассов «**Время**» (синонимы данной группы преобладают), «**Пространство**», «**Количество**», а также для класса «**Человек**» — для лексико-тематических групп «**Человек как разумное существо**», «**Человек как живое существо**», «**Человек в обществе**».

Большинство имеющихся в нашем материале полных наречных синонимов говора употребляются в речи носителей говора дистантно, в разных контекстах. В то же время полные наречные синонимы могут находиться и в одном контексте, с целью уточнения, актуализации нужной собеседнику информации («Няси сватям пѣ паклону» — *снарачита гѣварить, пѣнарокам*).

Значительное количество полных синонимов является результатом словообразовательных процессов: неоднократного словообразования наречий от одной и той же мотивирующей основы с помощью различных словообразовательных формантов:

вместя, вмestях — *мestя, мestях*;
впереди, вперѣж — *наперед, наперѣж*;
докель, докеля — *покаль, покеля*;
нароком, понароком — *снарочит, снарочито*;
пота — *потель*;
напополах — *пополах*;
всягды — *завсегда*.

Назовем наречные квазисинонимы:

а) *доднесь* ‘доныне, до сих пор’ — *пoнынече, пoнынче* ‘доныне, до сих пор’ — *посуля* в знач. ‘до сих пор’. В семантической структуре наречия *посуля* есть значение ‘до этого места’, отсутствующее в других членах этого синонимического ряда;

б) *куча-на-кучу* ‘тесно, скученно’ — *мирно* ‘многолюдно, тесно’ — *тесно* ‘тесно’. В значении наречия *мирно* присутствует семантический компонент «многолюдно», который не входит в содержание значения других членов синонимического ряда;

в) *напоодальки* ‘немного позднее, после’ — *о-коды* ‘после, позднее’. Наречие *напоодальки* отличается от синонима *о-коды* наличием в семантике компонента «степень признака признака».

Имеющиеся в нашем материале наречные квазисинонимы употребляются в речи носителей говора дистантно, в разных контекстах. Большинство наречных квазисинонимов является результатом частичной, реже полной, синонимии мотивирующих основ: *иной* — *второй, день* — *ныне* и т. д.

Наречные стилистические синонимы встречаются в единичных случаях: *домонь* — *домонюшки* (*экспресс.*) в значении «домой». Данные стилистические синонимы являются результатом словообразовательных процессов. Употребляются в речи носителей говора как контактно, в одном контексте, с целью усиления выразительности речи (*Пять тон рыбы лавили хазяину, а вечирам бирѣм и дамонюшки, прихаранил их да дисятak дамонь*), так и дистантно, в разных по эмоциональному настрою и коммуникативным целям контекстах (*Свадьбу сыграли и нивесту привяли дамонь. — Была ф Правакумки, да паехала дамонюшки*).

4. АНТОНИМИЯ В РАМКАХ НАРЕЧИЯ

Явление антонимии представлено определенным количеством антонимических рядов:

вечер ‘вечером’ — *наутре, наутрево* ‘наутро, утром’; *врыски* ‘быстро, бегом’ — *помалечку* ‘потихоньку, небыстро’; *круга* ‘кругом, кружным путем’ — *напрямые* ‘напрямик’; *наверх* ‘меньше’ — *ниниз* ‘больше’; *наперед* ‘раньше’ — *напоодальки, окоды* ‘после’; *неславно* ‘нехорошо, плохо’ — *хорошоньки* ‘ласк. к хорошо’; *посверх, посверху* ‘сверху’ — *споду* ‘снизу’; *сидьма* ‘сидя’ — *стойка* ‘в стоячем, вертикальном положении’; *теперича* ‘теперь’ — *тоды* ‘тогда’.

Явление наречной антонимии, по нашим данным, характерно только для класса «Абстрактные отношения и формы существования материи» — для лексико-тематических подклассов «Время» (антонимы данной группы преобладают), «Движение», «Количество», «Качество», «Форма», «Пространство».

Все имеющиеся в нашем материале антонимы являются разнокорневыми, их противопоставление базируется на антонимии мотивирующих основ.

Выделяются следующие виды наречной противоположности (перечислены в соответствии с распространенностью в говоре):

1) контрарные антонимы (контрарная антонимия характеризует слова, в значение которых входит указание на противоположные зоны шкалы, соответствующей тому или иному параметру объекта или явления): *вечер* ‘вечером’ — *наутре, наутрево* ‘наутро, утром’; *врыски* ‘быстро, бегом’ — *помалечку* ‘потихоньку, небыстро’; *неславно* ‘нехорошо, плохо’ — *хорошоньки* ‘ласк. к хорошо’; *сидьма* ‘сидя’ — *стойка* ‘в стоячем, вертикальном положении’;

2) векторные антонимы (векторная антонимия характеризует слова, обозначающие разнонаправленные действия): *круга* ‘кругом, кружным путем’ — *напрямые* ‘напрямик’; *посверх, посверху* ‘сверху’ — *споду* ‘снизу’; *наверх* ‘меньше’ — *ниниз* ‘больше’;

3) комплементарные антонимы (комплементарная антонимия характеризует пару таких слов, когда отрицание того, что обозначает одно из них, влечет за собой утверждение того, что обозначает второе): *теперича* ‘теперь’ — ‘тогда’; *наперед* ‘раньше’ — *о-коды, напоодальки* ‘после’.

В целом анализ системных связей в составе наречной лексики говора казаков-некрасовцев выявил:

— значительное количество среди наречий говора фонетических, акцентологических, словообразовательных вариантов одноименных слов общенационального русского языка;

— наличие многозначности, среди которой преобладает ассоциативный перенос вида «пространство — время»;

— наличие синонимии, среди которой преобладает полная синонимия словообразовательного характера;

— наличие антонимии, среди которой преобладает разнокорневая контрарная антонимия.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СПЕЦИФИКА МОРФОЛОГИИ НАРЕЧИЯ В ГОВОРЕ КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ

1. РАЗЯДЫ НАРЕЧИЙ ПО ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОМУ ЗНАЧЕНИЮ

При классификации макрокласса наречий говора казаков-некрасовцев по лексико-грамматическому значению мы опирались на традиционную классификацию наречий, представленную в русских грамматиках, в соответствии с которой все наречия говора делятся на два лексико-грамматических разряда: 1) собственно-характеризующие, т. е. обозначающие свойства, качества, способ действия, интенсивность проявления признака, к которым примыкают предикативные наречия; 2) обстоятельственные, обозначающие признак, внешний по отношению к его носителю, т. е. характеризующие по месту, времени, условию и другим обстоятельствам. Анализ выявил значительное преобладание обстоятельственных наречий.

1.1. Собственно-характеризующие наречия. В собственно-характеризующих наречиях говора выделяются следующие лексико-семантические группы: 1) наречия образа действия (их большинство), 2) количественные наречия, 3) сравнительно-уподобительные наречия.

В наречиях образа действия представлены разнообразные частные виды общего значения качественности и свойственности — от значения качественно-характеризующего (*благо, гадко*) до значения образа и способа действия (*бисиками, бродяка*). Покажем их подробнее:

а) качественно-характеризующее значение:

благо ‘спокойно, смирно’, *гадко* ‘грязно’, *иначе* ‘иначе’, *куча-на-кучу* ‘тесно, скученно’, *наместо* ‘вместо’, *отсобня* ‘отдельно, особо’, *под версть* в знач. ‘под статью’, *ручно* ‘рукописно’, *саморучно* ‘рукописно’, *ядрено* ‘крупно’ и др.

б) значение образа и способа действия:

бисиками ‘босиком’, *бродяка* ‘вброд’, *в раздежку* ‘раздетый, не укрытый’, *вдлинку* ‘в длину’, *внапырный* ‘вслед’, *впокатуху* ‘вповалку’, *врыски* ‘быстро, бегом’, *втай* ‘тайно’, *книзу пузи* ‘ничком’, *наумек* ‘наугад’, *ощупка* ‘ощупью’, *помалечку* ‘потихоньку, медленно’, *по-умекам* ‘наугад’, *рядом* ‘по порядку’, *тупочка* ‘бегом’ и др.

Количественные наречия говора. Данные наречия определяют количество и меру действия. Примечательно, что количественные наречия со значением

характера интенсивности признака, обычно определяющие прилагательное или наречие (в современном языке таковы: *очень, страшно, удивительно, исключительно, слишком, много*), в изучаемом говоре встречаются редко. Среди количественных наречий говора выделяются:

а) наречия, обозначающие неопределенное количество: *вольно* ‘сколько нужно, вдоволь’, *трохи* ‘немного’;

б) наречия, обозначающие определенное количество: *двожды* ‘дважды’, *наверх* ‘меньше (при обозначении веса)’, *наниз* в значении ‘больше (при обозначении меры веса, времени, лет)’;

в) наречия, обозначающие меру, степень количества (со значением усиления или ослабления): *крепко* ‘очень’, *смёртний* в значении ‘наречие меры *очень* в сочетании с прилагательным’ (*Внук байчивай смёртнай*), *тёмный* в значении ‘наречие меры *очень* в сочетании с прилагательным’ (*Саседы были багатаи тёмнай*).

Сравнительно-уподобительные наречия указывают на образ или способ действия путем сравнения или уподобления: *по-бабичу* ‘по-бабьи’, *по-второму* ‘иначе, по-иному’, *по-здесему* ‘по-здешнему’, *по-игнатому* ‘по-старинному, как при И. Некрасове’, *по-инакому* ‘иначе, по-иному’, *по-писаному* ‘на книжном языке’, *по-старински* ‘по-старинному’, *по-турски* ‘по-турецки’.

1.2. К качественным наречиям примыкают предикативные наречия — слова, выступающие в функции главного члена однокомпонентного предложения. Предикативные наречия означают состояние — субъектное или бессубъектное. В составе предикативных наречий говора выделяется ряд следующих лексико-семантических групп:

а) наречия, обозначающие состояние природы: *студено, стыдено* ‘холодно’ (*Тут зимой крепка студяно*), *тихочко* ‘тихо’ (*Аб морю тихачка*);

б) наречия, обозначающие состояние среды, обстановки: *мирно* ‘многолюдно, тесно’ (*Адна комната, мирна*), *неславно* ‘нехорошо, плохо’ (*Там нясламна*), *теп-лочно* ‘тепло’ (*Тёплацка ф хати*);

в) наречия, обозначающие физическое состояние живых существ: *труско* ‘тряско’ (*Ехатъ было труска*);

г) наречия, обозначающие психическое состояние живых существ: *догрубно* ‘обидно’ (*Нам дагрубна*), *лучше* ‘сравн. степень к *хорошо*’ (*Мне дома было лучча*), *любочко* ‘приятно’ (*Любачка пагладеть*);

д) наречия, обозначающие модальную оценку: *льзя* ‘можно’ (*Да льзя гаварить*), *надоть* ‘надо’ (*Надыть работать*), *неможно* в значении ‘нельзя’ (*Ня-можна жыть*), *нема* ‘не принято’ (*У нас няма жану бить*).

Среди предикативных наречий по структурным признакам выделяются: а) слова, не соотносительные с качественными наречиями: *неможно, любочко, льзя*; б) слова на -о, соотносительные по значению с качественными наречиями литературного языка: *мирно, труско, тесно, неславно*, или с качественными наречиями говора: *догрубно*; в) слова с модификационным значением усиления признака *тихочко*,

теплочко, любочко (в сопоставлении с наречиями литературного языка *тихо, тепло, любо*); г) формы сравнительной степени качественных наречий: *лучшие*.

1.3. обстоятельственные наречия. В обстоятельственных наречиях говора выделяются следующие лексико-семантические группы:

а) наречия места:

вдлинку ‘в длину’, *вдлинъ* ‘вдоль’, *домонъ* ‘домой’, *круга* ‘кругом, кругным путем’, *надвор* ‘наружу’, *надворе* ‘снаружи’, *нанизу* ‘внизу’, *наперёд* в знач. ‘вперед’, *напрямые* ‘напрямик’, *откеда* ‘откуда’, *отседа* ‘отсюда’, *оттеда* ‘оттуда’, *поряд* ‘рядом, подряд’, *посверх* ‘сверху’, *посуля* ‘до этого места’, *спереда* ‘спереди’, *споду* ‘снизу’ и др.

б) наречия времени:

вечер ‘вечером’, *впереди* ‘раньше, сначала’, *всягда* ‘всегда’, *даве* в знач. ‘недавно, час-два тому назад’, в знач. ‘несколько минут тому назад’, *доднесь* ‘доныне, до сих пор’, *докель* ‘пока, покуда’, *завсегда* ‘всегда’, *колись-то* ‘когда-то’, *летось* ‘в прошлом году’, *лету-летскую* ‘все лето’, *нады* ‘позавчера’, *назавтрево* ‘назавтра’, *наперёд* в знач. ‘раньше’, в знач. ‘давно’, *наподальки* ‘немного позднее, после’, *на пондях* ‘в полдень’, *на пору* ‘иногда, порой’ и многие другие.

в) наречия совместности:

в кучу, вмesty, местя ‘вместе’, *двоишки* ‘вдвоём’, *заедино* в знач. ‘вместе, рядом’, в знач. ‘вместе, одновременно’, *между* ‘между собой’.

г) наречия цели:

нароком, понароком, снарочит, снарочито ‘нарочно’.

д) наречия причины:

за дурняк ‘ни за что, даром’.

Необходимо отметить приоритетность для некрасовца обозначения признаков действий временного и пространственного характера, а также незначительное количество наречий для обозначения признаков действий причинного и целевого характера.

2. СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ НАРЕЧИЙ

У наречий говора наблюдается только форма простой сравнительной степени. Составные формы сравнительной степени и любые формы превосходной степени не имеются. В отсутствии в говоре форм превосходной степени у наречий мы видим подтверждение мыслей В. В. Колесова о том, что «в русской ментальности идея превосходства не развивалась последовательно и регулярно»⁷⁵².

В собранном материале имеются простые формы сравнительной степени двух видов: 1) от наречий на *-о* с помощью формообразовательных суффиксов *-ей/-ше*;

⁷⁵² Колесов В. В. История русского языка. М.; СПб., 2005. С. 342.

2) от формы превосходной степени соответствующих общенациональных или диалектных прилагательных с помощью формообразовательного суффикса *-е*. Необходимо сказать, что исторически подобные мотивирующие прилагательные (в нашем случае *плошейший, слободнейший*) являются полной формой сравнительной степени. Подобный способ формообразования степени наречий характерен и для литературного языка (*наипочтительнейше, низжайше, покорнейше*), но в литературном языке подобные формы имеют значение элитива, а в говоре — сравнительной степени.

Сравнительная степень, образованная от наречий на *-о* с помощью формообразовательных суффиксов *-ей/-ше*

Дружно — *дружней* (*Дружней или*); плохо — *плошей* (*Плашей видна*); сильный — *сильней* (*Сильней стала приставать*); ядрёный 'крупный' — *ядрёньше* (*Пашол дажжычок ядрёньше*); долгий — *должы* (*Должы стоить*); Большой — *большы* (*сейтя большы*); хороший — *лучча* (*Ана лучча играла*).

Сравнительная степень, образованная от превосходной степени соответствующих прилагательных с помощью формообразовательного суффикса *-е*

Плошейший — *плошейше* (*Плашейша наз жыли*); крупнейший — *крупнейше* (*На вареники пластаим крупнейша*); скорейший — *скорейше* (*Турки пашли скарейша*); громчейший — *грамчейше* (*Граммейша кричи*); сладчайший — *солодше* (*Борц ворють салошша*); ядрёнший — *ядрёньше* (*Дажжычок пашол ядрёньше*).

Ряд наречий говора имеют особые экспрессивно и эмоционально окрашенные формы субъективной оценки:

любочко (*Любачка пагладеть*), *оттелечка* (*Ателичка плывуть*), *теплочко* (*Тёплацка ф хати*), *тихочко* (*Нады было тихачка*), *редочка* (*Редачка пляли*), *близоцко* (*Падашли близачка*), *толечко* (*Толицка уснул*), *вдлиньку* (*Кушыныками в длиньку шыли*), *помалечку* (*Памаличку вырали*), *хорошоньки* (*Хърашоньки жыли*), *рядышком* (*У ней фсё рядышком*).

Формы субъективной оценки наречий говора образованы по моделям **Adv +** один из таких **формантов**, как *-чко/-ко/-очко/-ку/-ечку/-ньки/-ышком*, с экспрессивным модификационным значением «ласкательность» чаще от соответствующих наречий общенац. яз., реже от наречий говора.

В целом анализ морфологических характеристик наречий говора выявил:

— значительное преобладание обстоятельственных наречий над собственно характеризующими, что демонстрирует актуальность обозначения обстоятельного признака действия, состояния для носителя говора;

— приоритетность для носителя говора таких лексико-семантических групп обстоятельственных наречий, как наречия времени, наречия места, наречия образа действия;

— уникальный способ выражения **наречного значения меры** путем семантико-грамматического развития двух прилагательных говора: *смёртный* и *тёмный* в значении 'очень';

-
- наличие только формы **простой** сравнительной степени в наречиях говора;
 - наличие простой сравнительной степени, образованной от формы превосходной степени соответствующих общенац. или диалектных прилагательных (с суффиксом *-ейи/-айи-*) с помощью формообразовательного суффикса *-е*;
 - отсутствие в говоре форм наречий со значением превосходной степени.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СПЕЦИФИКА СЛОВООБРАЗОВАНИЯ НАРЕЧИЯ В ГОВОРЕ КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ

1. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ КЛАССА

«АБСТРАКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ МАТЕРИИ»

Отадъективные словообразовательные модели

Отадъективные префиксально-суффиксальные модели. Преобладающая модель — **формант -по-** + **Adj** + **формант -ому/-ему** с транспозиционным значением «совмещение в своем значении присущее мотивирующему прилагательному значению признака со значением наречия как части речи»: а) *по-второму* ‘иначе, по-иному’; б) *по-здесему* ‘по-здешнему’; в) *по-инакому* ‘иначе, по-иному’ от слов общенац. яз. *второй, здешний, инакий*. В литературном языке имеется аналогичная высокопродуктивная словообразовательная модель: *по-прежнему, по-видимому* (РГ-80, т. 1, с. 403).

Модель **формант -по-** + **Adj** + **формант -и** с транспозиционным значением «совмещение в своем значении присущего мотивирующему прилагательному значения признака со значением наречия как части речи»: а) *по-старински* ‘по-старинному’ от прилагательного *старинный*; б) *по-турски* ‘по-турецки’ от слова *турецкий*. В литературном языке имеется аналогичная высокопродуктивная словообразовательная модель: *по-дружески, по-хозяйски* (РГ-80, т. 1, с. 403).

Модель **формант -по-** + **Adj** + **формант -у** с транспозиционным значением «совмещение в своем значении присущего мотивирующему прилагательному значения признака со значением наречия как части речи»: *по-бабичу* ‘по-бабьи’ от прилагательного *бабий*. В литературном языке имеется аналогичная непродуктивная словообразовательная модель: *понапрасну, попусту* (РГ-80, т. 1, с. 403).

Модель **формант -с-** + **Adj** + **формант -у** с мутационным значением «исхождение от признака, названного мотивирующим прилагательным»: *смаленечку, смалечку* ‘сызмала’ от прилагательного говора *маленечкий*. В литературном языке имеется аналогичная непродуктивная словообразовательная модель: *смалу, спьяну* (РГ-80, т. 1, с. 405).

Модель **формант -на-** + **Adj** + **формант -ые** с мутационным значением «исхождение от признака, названного мотивирующим прилагательным»: *напрямые* ‘напрямик’ от лексемы общенац. яз. *прямые*. Формант *-ые* в данной модели омонимичен падежной флексии мотивирующего прилагательного. В современном

русском литературном языке модель не представлена, является специфичной для говора (по данным РГ-80).

Отадъективные суффиксальные модели. Модель **Adj + формант -о** с транспозиционным значением «совмещение в своем значении присущего мотивирующему прилагательному значения признака со значением наречия как части речи»: а) *вольнo* ‘свободно, сколько хочешь, как хочешь’ от слова общенац. яз. *вольный*; б) *мирно* ‘многолюдно, тесно’ от лексемы общенац. яз. *мирный* в значении ‘относящийся к народам, людям’; в) *перво* ‘сначала, раньше’ от прилагательного общенац. яз. *первый*; г) *тесно* ‘тесно’ от слова общенац. яз. *тесный*; д) *труско* ‘тряско’ от лексемы общенац. яз. *тряский*; е) *ядрено* ‘крупно’ от прилагательного общенац. яз. *ядренный*. В литературном языке имеется аналогичная высокопродуктивная словообразовательная модель: *быстро*, *зябко* (РГ-80, т. 1, с. 398).

Отадвербиальные словообразовательные модели

Отадвербиальные суффиксальные модели говора являются специфичными, они не представлены в современном русском литературном языке (по данным РГ-80). Мотивирующими, как правило, являются лексемы литературного языка.

Модель **-Adv + формант -че/-ча/-еча** со значением стилистической модификации: а) *нынече* ‘сегодня’ от слова общенац. яз. *ныне*; б) *пoнынече* ‘до сих пор’ от лексемы *пoныне*; в) *оттелеча* ‘оттуда’ от наречия говора *оттель* с идентичным значением; г) *тепереча* ‘теперь’ от наречия *теперь*.

Модель **Adv + формант -ева/-ево** со значением стилистической модификации: а) *отселева* ‘отсюда’ от наречия говора *отселе*; б) *назавтрево* ‘назавтра’ от лексемы *назавтра*; в) *наутрево* ‘наутро’ от слова *наутро*.

Отадвербиальные префиксальные модели

Модель **формант -не- + Adv** с модификационным значением «отрицание или отсутствие признака»: а) *неможно* ‘невозможно’; б) *неславно* ‘нехорошо, плохо’ соответственно от лексем литературного языка *можно*, *славно*. В литературном языке имеется аналогичная продуктивная словообразовательная модель: *некстати*, *ненадолго* (РГ-80, т. 1, с. 402).

Модель **формант -за- + Adv** со значением стилистической модификации: *завсегда* ‘всегда’ от наречия литературного языка *всегда*. В литературном языке имеется аналогичная непродуктивная словообразовательная модель: *зазря* (РГ-80, т. 1, с. 402).

Модель **формант -на- + Adv** со значением стилистической модификации: *напополах* ‘пополам’ от слова говора *пополах* с тем же значением. В литературном языке имеется аналогичная непродуктивная словообразовательная модель: *назавтра* (РГ-80, т. 1, с. 402).

Модель **формант по- + Adv** со значением стилистической модификации: *пoсверху* ‘сверху’ от лексемы литературного языка *сверху* с идентичным значением. В современном русском литературном языке не представлена, является специфической моделью говора (по данным РГ-80).

Модель **формант поза-** + **Adv** с мутационным словообразовательным значением «временная отнесенность к признаку, названному мотивирующим наречием»: **позалетось** (т. е., в позапрошлом году) от диалектного наречия *летось* ‘кур., пск., твер. прошлый год’⁷⁵³. Данная модель представлена в литературном языке: *позавчера* (по данным РГ-80, т. 1, с. 404).

Отсубстантивные словообразовательные модели

Отсубстантивные префиксально-суффиксальные модели. Модель **формант с-** + **S** + **формант -у/-а** с мутационным значением «исхождение от признака, названного мотивирующим существительным»: а) *споду* ‘снизу’; б) *спереда* ‘спереди’ от существительных общенац. яз. *перёд* ‘передняя сторона’, *под* ‘пол, низ’⁷⁵⁴. В литературном языке имеется аналогичная непродуктивная словообразовательная модель: *сверху, снизу* (РГ-80, т. 1, с. 406).

Модель **формант на-** + **S** + **формант -у** с мутационным значением «признак по его отнесенности к предмету, явлению, названному мотивирующим словом»: а) *нанизу* ‘внизу’; б) *на пору* ‘порой, иногда’ соответственно от наречий литературного языка *низ, пора*. В литературном языке имеется аналогичная непродуктивная словообразовательная модель: *наверху, на ходу* (РГ-80, т. 1, с. 405).

Модель **формант на-** + **S** + **формант Ø** с мутационным значением «направленность к тому, что названо мотивирующим существительным»: а) *наниз* ‘вниз’; б) *наперёд, наперёж* ‘вперёд’ соответственно от лексем *низ, перёд*. В литературном языке имеется аналогичная непродуктивная словообразовательная модель: *наверх, набок* (РГ-80, т. 1, с. 405).

Модель **формант на-** + **S** + **-формант -е** с мутационным значением «признак, характеризующийся отнесенностью к тому, что названо мотивирующим словом»: а) *назолоте* ‘имеющий золотистый оттенок’; б) *надворе* ‘снаружи’; в) *наутре* ‘утром’ соответственно от существительных *золото, двор, утро*. В литературном языке не представлена (по данным РГ-80).

Модель **формант по-** + **S** + **формант -ому** с мутационным значением «признак по его отнесенности к предмету, явлению, названному мотивирующим словом»: *по-игнатову* ‘по-игнатовому, по-старинному, как при И. Некрасове’ от существительного общенац. яз. *Игнат*. В литературном языке не представлена (по данным РГ-80).

Модель **формант на-** + **S** + **формант Ø** с мутационным значением «признак по его отнесенности к предмету, явлению, названному мотивирующим словом»: *наместо* ‘вместо’ от лексемы *место*. В литературном языке не представлена (по данным РГ-80).

⁷⁵³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 728.

⁷⁵⁴ Там же. Соответственно *перёд* — т. 3, с. 120; *под* — т. 3, с. 559.

Модель **формант по-** + **S** + **формант О** с мутационным значением «признак по его отнесенности к предмету, явлению, названному мотивирующим словом»: *поряд* ‘рядом, подряд’ от существительного *ряд*. В литературном языке не представлена (по данным РГ-80).

Отсубстантивные суффиксальные модели

Модель **S** + **формант -ом** с мутационным значением «признак по его отнесенности к предмету, явлению, названному мотивирующим существительным»: *рядом* ‘по порядку’ от лексемы *ряд*. В литературном языке имеется аналогичная продуктивная словообразовательная модель: *вечером, утром, летом*. Формант **-ом-** в данной модели омонимичен падежной флексии мотивирующего существительного (РГ-80, т. 1, с. 405).

Следующие три отсубстантивные суффиксальные модели не представлены в современном русском литературном языке (по данным РГ-80).

Модель **S** + **формант -онь** с мутационным значением направленности: *домонь* ‘домой’ от существительного *дом*.

Модель **S** + **формант -а** с мутационным значением направленности: *круга* ‘кругом, кругным путем’ от слова *круг*.

Модель **S** + **формант -ка** с мутационным значением «признак по его отнесенности к предмету, явлению, названному мотивирующим словом»: *ощупка* ‘ощупью’ от лексемы *ощупь*.

Отглагольные словообразовательные модели представлены одной суффиксальной моделью — модель **V** + **формант -ка** с транспозиционным значением «совмещение в своем значении присущего мотивирующему глаголу значения признака со значением наречия как части речи»: *стойка* ‘в стоячем, вертикальном положении’ от глагола *стоять*. В РГ-80 не представлена.

Отнумеративные словообразовательные модели

Названные модели относятся только к **суффиксальному** способу словообразования и представлены специфичной моделью говора **Num** + **формант -ишки** с транспозиционным значением «совмещение в своем значении присущего мотивирующему числительному значения количества со значением наречия как части речи»: *двоишки* ‘вдвоем’ от числительного литературного языка *двое*.

Анализ состава наречий говора в рамках класса «Абстрактные отношения и формы существования материи» позволил выделить и такой способ, как **сращение устойчивых сочетаний в наречие**. Этот способ представлен устойчивыми сочетаниями, состоящими из существительного в косвенном падеже и однокоренного прилагательного в косвенном падеже: *лету-летскую* ‘все лето’; *ночь-ноченскую* ‘всю ночь’.

Кроме того, в составе данного класса в говоре есть наречия, представленные единичными устойчивыми сочетаниями: а) устойчивое сочетание, состоящее из двух предлогов и существительного множественного числа в косвенном падеже: *спредвеков* ‘издавна, исстари’; б) устойчивое сочетание, состоящее из произ-

водного предлога и существительного в косвенном падеже: *книзу пузи* ‘ничком’; в) устойчивое сочетание, состоящее из существительного в и. п. + предлог + то же существительное в косвенном падеже: *куча-на-кучу* ‘тесно, скученно’.

2. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ПОДКЛАССА «ЧЕЛОВЕК» КЛАССА «ОРГАНИЧЕСКИЙ МИР»

Отадъективные словообразовательные модели

Отадъективные префиксально-суффиксальные модели. Преобладающая модель — это **формант -по-** + **Adj** + **формант -ому/-ему** с транспозиционным значением «совмещение в своем значении присущего мотивирующему прилагательному значения признака со значением наречия как части речи»: а) *по-писаному* ‘грамотно, на книжном языке’; б) *по-письмённому* ‘грамотно, на книжном языке’ от прилагательных общенац. *писанный, письменный*. В литературном языке имеется аналогичная высокопродуктивная словообразовательная модель: *по-прежнему, по-видимому* (РГ-80, т. 1, с. 403).

Вторая модель — это **формант -за-** + **Adj** + **формант -о** с транспозиционным значением «совмещение в своем значении присущего мотивирующему прилагательному значения признака со значением наречия как части речи»: *заедино* ‘вместе, рядом’ от лексемы *единый*. В литературном языке имеется аналогичная непродуктивная словообразовательная модель: *заживо, заново* (РГ-80, т. 1, с. 405).

Следующая модель в современном русском литературном языке не представлена (по данным РГ-80), является специфичной для говора. Это модель **формант -за-** + **Adj** + **формант -як** с мутационным значением «исхождение от признака, названного мотивирующим прилагательным»: *за дурняк* ‘ни за что, даром’ от слова *дурной*.

Отадъективные суффиксальные модели

Модель **Adj** + **формант -о** с транспозиционным значением «совмещение в своем значении присущего мотивирующему прилагательному значения признака со значением наречия как части речи»: а) *ручно* ‘рукописно’ от лексемы литературного языка *ручной*; б) *гадко* ‘грязно’ от слова литературного языка *гадкий*; в) *саморучно* ‘рукописно’, очевидно, от прилагательного говора *саморучный* (в Сл. Даля зафиксирована только лексема *саморучно* с иной лексической сочетаемостью и с иным значением — ‘приложился, своеручно подписался’ — т. 4, с. 23). В литературном языке имеется аналогичная высокопродуктивная словообразовательная модель: *быстро, зябко* (РГ-80, т. 1, с. 398).

Отадвербиальные словообразовательные модели

Отадвербиальные суффиксальные модели. Модель **Adv** + **формант -ах** со значением стилистической модификации, которая характерна для наречий, являющихся разговорными или просторечными синонимами мотивирующих слов: *вместях* ‘вместе’, *местях* ‘вместе’ от наречий говора *вместя, местя* ‘вместе’. В современном русском литературном языке не представлена (по данным РГ-80).

Модель **Adv + формант -ника** со значением стилистической модификации: *вбродника* 'вброд' от наречия *вброд*. В современном русском литературном языке не представлена (по данным РГ-80).

Отглагольные префиксальные модели. Не зафиксированы в словообразовательной системе русского литературного языка (по данным РГ-80). Первая модель — **формант по- + Adv** со значением стилистической модификации: *понароком* 'нарочно, то же, что нароком' от наречия общенац. яз. *нароком* 'нарочно, умышленно'⁷⁵⁵. Вторая модель — **формант с- + Adv** с мутационным значением «доведение до признака, указанного мотивирующим словом»: *снарочито* 'нарочно' от лексики общенац. яз. *нарочито*.

Отсубстантивные словообразовательные модели

Отсубстантивные префиксально-суффиксальные модели. Модель **формант в- + S + формант -у** с мутационным значением «признак, характеризующийся отнесенностью к тому, что названо мотивирующим словом»: *в кучу* 'вместе' от существительного *куча*. В литературном языке имеется аналогичная продуктивная словообразовательная модель: *в придачу*, *в одиночку* (РГ-80, т. 1, с. 405).

Отсубстантивные суффиксальные модели. Модель **S + формант -ом** с мутационным значением «признак по его отнесенности к предмету, явлению, названному мотивирующим существительным»: *зором* 'силой, насильно' от основы слова турецкого языка *zor* 'трудно'. В литературном языке имеется аналогичная продуктивная словообразовательная модель: *вечером*, *утром*, *летом*. Формант **-ом-** в данной модели омонимичен падежной флексии мотивирующего существительного (РГ-80, т. 1, с. 405).

Следующая модель не зафиксирована в словообразовательной системе русского литературного языка (по данным РГ-80). Это модель **S + формант -яка** с мутационным значением направленности: *бродяка* 'вброд' от существительного *брод*.

Отглагольные словообразовательные модели

Отглагольные префиксально-суффиксальные модели. Модель **формант в + V + формант -ежку** с транспозиционным значением «совмещение в своем значении присущего мотивирующему глаголу значения признака со значением наречия как части речи»: а) *в раздежку* 'раздетый, не укрытый'; б) *в покатуху* 'вповалку' соответственно от лексем литературного языка *раздеть*, *покатить*. В литературном языке имеется аналогичная продуктивная словообразовательная модель: *вдогонку*, *вперевалку* (РГ-80, т. 1, с. 407).

В целом анализ собранного материала выявил, что значительное количество наречий относится к мотивированной лексике и что, очевидно, они возникли

⁷⁵⁵ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 1202.

в словообразовательной системе самого говора. Для **наречий** говора характерны следующие **способы словообразования**: 1) суффиксальный, 2) префиксально-суффиксальный, 3) префиксальный, 4) способ сращения.

Подавляющее количество наречий говора образовано **суффиксальным способом**, так же, как и в общенациональном русском языке. Это характерно для всех лексико-тематических классов, выделяемых в массиве лексем-наречий.

Префиксально-суффиксальный способ образования представлен меньшим количеством мотивированных наречий. Это лексемы обоих классов, характерных для макрокласа «Наречие» говора некрасовцев — класса «Абстрактные отношения и формы существования материи» и класса «Органический мир» (подкласс «Человек»).

Префиксальный способ образования представлен незначительным количеством мотивированных наречий как класса «Абстрактные отношения и формы существования материи», так и подкласса «Человек» класса «Органический мир».

Способ сращения в сопоставлении с другими способами словообразования встречается нечасто и характерен только для класса «Абстрактные отношения и формы существования материи».

По грамматическому **характеру мотивирующего слова** выделяются наречия, мотивированные наречиями, существительными, прилагательными глаголами, числительными. В классе «Абстрактные отношения и формы существования материи» преобладают **отсубстантивы**; наречия, **мотивированные наречиями**, на втором месте. В подклассе «Человек» класса «Органический мир» главенствуют **отгадективы**; наречия, **мотивированные наречиями**, занимают второе место. **Девербативы** занимают периферийное положение в обоих лексико-тематических классах. **Отнумеративы** встречаются в единичных случаях в классе «Абстрактные отношения и формы существования материи».

По характеру словообразовательного значения имеются: 1) мутационные, 2) модификационные, 3) транспозиционные значения, которые характерны для всех лексико-тематических классов, входящих в состав макрокласа «Наречие».

Модификационные значения распространены в классе «Абстрактные отношения и формы существования материи» и присутствуют в подклассе «Человек» класса «Органический мир». Среди модификационных значений большинство принадлежит к стилистической модификации, в незначительном количестве имеются значения отрицания или отсутствия признака.

Мутационные значения преобладают по своему количеству в классе «Абстрактные отношения и формы существования материи» и присутствуют в подклассе «Человек» класса «Органический мир».

Транспозиционные словообразовательные значения главенствуют в подклассе «Человек» класса «Органический мир» и присутствуют в значительном количестве в классе «Абстрактные отношения и формы существования материи».

Определенная часть словообразовательных моделей **макрокласа «Наречие»** говора казаков-некрасовцев представлена в русском литературном языке.

В то же время имеется целый ряд **специфичных в структурном и семантическом отношении** словообразовательных моделей. Большинство **специфичных** словообразовательных моделей говора казаков-некрасовцев относятся к **суффиксальному способу словообразования**, кроме того, есть незначительное количество префиксально-суффиксальных и префиксальных словообразовательных моделей. В качестве мотивирующей базы специфичные наречные словообразовательные модели говора имеют существительные, прилагательные, наречия, числительные и глаголы; данные модели обладают и мутационным, и модификационным, и транспозиционным словообразовательным значением. Среди специфичных словообразовательных моделей говора преобладают **отсубстантивные модели с мутационным значением**.

В составе **специфичных в структурном и семантическом отношении** словообразовательных моделей говора есть такие, которые в полной мере могут быть названы словообразовательными моделями, так как по ним образовано несколько наречий. Это следующие словообразовательные модели:

1) Модель **формант на- + S + формант -е** с мутационным значением «признак, характеризующийся отнесенностью к тому, что названо мотивирующим словом»: *назолоте* ‘имеющий золотистый оттенок’ от существительного общенац. *золото*; *надворе* ‘снаружи’ от существительного *двор*; *наутре* ‘утром’ от существительного *утро*.

2) Модель **Adv + формант -че/-ча/-че** со значением стилистической модификации: *нынече* ‘сегодня’ от наречия *ныне*; *пониныче* ‘до сих пор’ от наречия *понины*; *оттелеча* ‘оттуда’ от наречия говора *оттель* с идентичным значением.

3) Модель **Adv + формант -ах** со значением **стилистической модификации**, которая характерна для наречий, являющихся разговорными или просторечными синонимами мотивирующих слов: *вместях* ‘вместе’; *местях* ‘вместе’ от наречий говора *вместя*, *местя* ‘вместе’.

В то же время имеется ряд таких специфичных словообразовательных моделей говора, по которым, по нашим данным, образовано одно слово (т. е., они не могут быть в полной мере названы моделями):

1) две разные по форманту отафьективные префиксально-суффиксальные модели с мутационным значением «исхождение от признака, названного мотивирующим прилагательным», представленные следующими наречиями: *за дурняк*; *напрямые*;

2) три разные по форманту отсубстантивные суффиксальные модели с мутационным значением направленности, представленные следующими наречиями: *бродяка*; *домонь*; *круга*;

3) три разные по форманту отсубстантивные префиксально-суффиксальные модели с мутационным значением «признак по его отнесенности к предмету, явлению, названному мотивирующим словом», представленные следующими наречиями: *по-игнтому*; *наместо* ‘вместо’; *поряд*;

4) отсубстантивная суффиксальная модель с мутационным значением «признак по его отнесенности к предмету, явлению, названному мотивирующим словом», представленная наречием: *ощупка*;

5) две разные по форманту отадвербиальные суффиксальные модели со значением стилистической модификации, представленные следующими наречиями: *вбродника*; *теперича*;

6) две разные по форманту отадвербиальные префиксальные модели со значением стилистической модификации, представленные следующими наречиями: *понароком*; *посверху*;

7) отадвербиальная префиксальная модель с мутационным значением «доведение до признака, указанного мотивирующим словом», представленная наречием: *снарочито*;

8) отглагольная суффиксальная модель с транспозиционным значением, представленная наречием: *стойка*;

9) отнумеративная модель с транспозиционным значением, представленная наречием: *двоишки*.

Раздел 7

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА И МЕЖДОМЕТΙΑ

ГЛАВА 1

СОЮЗЫ В ГОВОРЕ НЕКРАСОВЦЕВ

В собранном нами материале говора некрасовцев союзы, отличные по своей форме и/или значению от союзов литературного языка, составляют незначительную по своему количеству группу.

1. Сочинительные союзы

Специфические **сочинительные союзы** говора, отличные от литературного языка, представлены разделительными и противительными союзами.

Разделительные союзы

Аль [аль] ‘или’ (*Пойдеть она аль нет?*).

В словаре Даля зафиксировано значение ‘или’ союза *аль/али*, причем как общенациональное, без диалектных помет: «Али, Але, Аль, союз или, либо. Али то, али это»⁷⁵⁶.

Противительные союзы

Ну ‘но’ (*Бугас, дърданели — сильнай ветир, ну быстра праходить. — Сыня есть, ну ф Стъврапали*).

В словаре Даля значение противительного союза у лексемы *ну* не отмечено. В СРНГ одно из значений лексемы *ну* отмечено как значение противительного союза, характерное для ряда русских говоров: «Ну. Употребляется в значении противительного союза: но, однако. *Клашка идет* [соглашается идти помочь], *ну с мальчиком. ряз., яросл., казаки-некрасовцы, по нижн. и средн. теч. р. Урала, сиб.*»⁷⁵⁷.

Сочинительные союзы

Ды [ды] ‘и’.

Употребляется в следующих случаях: перед последним словом в ряду слов, обозначающих однородные в определенном отношении предметы, явления, указывает

⁷⁵⁶ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 1. С. 27.

⁷⁵⁷ *Словарь русских народных говоров.* М.; Л.: Наука, 1965—2014. Вып. 21. С. 360.

на то, что перечисление данных предметов, явлений исчерпано»⁷⁵⁸ (*Судить чилавека ды ругать. — Кладётъ слой рыбу ды слой луку*).

Союз впервые отмечен в Материалах И. И. Срезневского и в Лексиконе Поликарпова 1704 года в фонетическом облике *да* (по данным БАС)⁷⁵⁹; возможно, его фонетический вариант *ды* возник в говоре во время эмиграции. В то же время слово *ды* в значении ‘и, ещё’ зафиксировано в Словаре Даля с пометой *южное, курское*⁷⁶⁰ и могло быть в говоре и до эмиграции некрасовцев.

2. Подчинительные союзы

Специфические **подчинительные союзы** говора представлены условными и целевыми союзами.

Условные союзы

Коли [кали] ‘если’ (*Палы зимляныи были, кали там были марозы, мы бы фсе замёрзли*).

В словаре Даля в словарной статье союза *коли* условное значение присутствует, причем оно не сопровождается никакими диалектными пометами: «Коли — союз если, когда, буде. Коли любишь, так скажи»⁷⁶¹. Лексема *коли* в говоре является многозначной. Помимо значения условного союза, она имеет значение наречия времени и вопросительной частицы.

Лиж бы [лижбы] ‘если’ (*Последний сын фсягда дъглядаитъ радитилий, лиж бы памруть радитили, тада вон аставалси наследникам*).

В словаре Даля и в СРНГ союз не зафиксирован.

Ещё бы [ишшобы] ‘если бы’ (*Да ишшо бы ни теплаи тваи слезы, ты бы и сам в раю не был*) (сказка).

В СРНГ и в словаре Даля союз не зафиксирован.

Да ни [дани] ‘если не’ (*Калюк зацепицца за рубаишу, да ни парвёш — ни ацепицца*).

В словаре Даля отмечена частица *да* в условном союзном значении: «частица эта заменяет другие союзы: по, и, однако, также, еще, но ведь, разве, если; ан, лих. *Да* хочешь, так дам»⁷⁶². Необходимо отметить, что в говоре существуют высказывания,

⁷⁵⁸ Объяснительный словарь русского языка. Структурные слова / Под. ред. В. В. Морковкина. М.: АСТРЕЛЬ АСТ, 2002. С. 131.

⁷⁵⁹ Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. М.; Л.: Наука, 1948—1965 (БАС). Т. 2. С. 515.

⁷³⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 1. С. 1019.

⁷⁶¹ Там же. Т. 2. С. 346.

⁷³⁸ Там же. Т. 1. С. 1019.

в которых сочетание *да ни* является сочинительным противительным союзом (*Да ни тах-та дамно ета было*).

Целевые союзы

Каб [кап] ‘чтобы’ (*Лажылися спать позна, а фставали рана, каб успеть, свая работа была*).

В словаре Даля в словарной статье союза *каб* целевое значение отсутствует: «Кабы зап. кабысь — союз как бы, когда бы, если бы. Кабы не кабы, так бы Ивана Великого в бутылку посадил»⁷⁶³.

Необходимо отметить специфику составного причинного союза *потому что*, части которого в говоре могут употребляться дистантно в отличие от литературного языка (*Дочка старикова дала подругам золата, потому была рада, што ани ие фстретили*).

Существует специфика структурного характера в употреблении в говоре носительных **союзных слов** *какой* и *который*: названные союзные слова чаще всего начинают сложное предложение с придаточным определительным (в литературном языке структура сложного предложения с придаточным определительным является иной): *Какии училиля были, мы ни с кем ни ругалися. — Какая поспетая груначка, ядим. — Который брат стариша, радил дочку*.

В то же время иногда встречаются **союзные слова** *какой* и *который*, расположение которых в структуре сложного определительного предложения аналогично структуре в литературном языке: *Гасударства скажыть, какии нажитки. — Кулаки у сама, каторыми вон грибёцца*.

В целом в собранном нами материале говора некрасовцев союзы, отличные по своей форме и/или значению от союзов литературного языка, составляют незначительную по своему количеству группу. Среди специфических союзов говора можно выделить: 1) союзы, совпадающие с такими же по структуре и значению союзами в других русских говорах (*аль, ну, коли, каб*); 2) союзы, по своей семантике характерные только для говора некрасовцев (*лиж бы* в условном значении, *ещё бы* в условном значении). Ряд союзов и союзных слов имеет в говоре специфику структурного характера: особое расположение в структуре высказывания (*какой, который, потому что*).

⁷⁶³ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 1. С. 169.

ГЛАВА 2

ПРЕДЛОГИ В ГОВОРЕ НЕКРАСОВЦЕВ

1. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В речи некрасовцев имеются как первообразные (*об, под*), так и непервообразные предлоги (*круги, круг, округ*).

По своему значению предлоги можно разделить на: 1) пространственные; 2) временные; 3) объектные; 4) целевые; 5) причинные; 6) сравнительные; 7) обладающие значением удаления; 8) обладающие значением орудия; 9) определительные; 10) обладающие значением образа действия.

Все виды значений предлогов характерны для речи некрасовцев.

Изученный материал показал, что лексическое и грамматическое значение большинства предлогов говора, а так же их функциональная значимость в тексте принципиально не идут вразрез с общепринятой литературной нормой и практикой. Большинство контекстуальных значений предлогов находят свое подтверждение в нормативных словарях литературного языка.

Необходимо также отметить разнообразие и широту употребления многочисленных значений предлогов в речи казаков-некрасовцев. Словоупотребление каждого из предлогов представляет собой целый диапазон значений с определенной семантикой. Один и тот же предлог может сочетаться с именными частями речи, стоящими в разных падежных формах, и при этом получать новое значение — места, времени, объектности и т. д. Приведем примеры бытования в речи некрасовцев многозначного предлога *по*, круг значений которого не выходит за рамки употребления аналогичного предлога в литературном языке (значения предлога *по* в говоре совпадают со значениями этого предлога в таком нормативном словаре русского языка, как Объяснительный словарь русского языка⁷⁶⁴).

Предлог *по* в речи казаков-некрасовцев многозначен и актуализирован в следующих общеупотребительных значениях:

— с д. п. при указании на предмет, на поверхности которого происходит действие или кто-что-либо находится (*Едить он рас ть улицы, када приишжжал да нас, тарговиц был*).

⁷⁶⁴ Объяснительный словарь русского языка. Структурные слова / Под ред. В. В. Морковкина. М.: АСТРЕЛЬ АСТ, 2002. С. 258—261.

— с д. п. при указании на предмет, пространственный объект, вдоль которых кто-что-либо располагается (*Старуха у няво памярла, а па рэке жыла адна старуха; у няё тожа мужа ні было, помир*).

— с д. п. при указании на место, пространство, учреждение и т. п., в пределах, границах которых происходит действие (*Ваня стал па дому работат з сыном калдуна*).

— с д. п. при указании на человека, в соответствии с мнением, точкой зрения которого что-либо утверждается. Синонимично предложениям *в соответствии с, согласно* (*Пё Ігнатову слову за варафство бую да смерці*).

— с д. п., в соединении со словами имя, фамилия и т. п. Указывает на часть или на категорию собственного имени, с помощью которых обозначается человек или животное (*Я ня знаю іво пё празваню*).

В целом следует сказать, что речь казаков-некрасовцев в аспекте словоупотребления предлогов формируется в рамках норм русского литературного языка, на базе общеупотребительных значений.

Вместе с тем заметим, что в речи казаков присутствуют случаи оригинального употребления предлогов. Их неповторимость и отступление от литературной нормы прослеживаются на разных языковых уровнях — от фонетического до семантического и синтаксического. В собранном нами материале говора некрасовцев предлоги, отличные по своей форме и/или значению от предлогов литературного языка, составляют незначительную по своему количеству группу.

2. СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ПРЕДЛОГИ С ПРОСТРАНСТВЕННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

Круг [крух] — предлог, с р. п. в знач. ‘около, рядом’ (*Сел крух міне*).

В словаре Даля зафиксировано только существительное *круг*. Данное значение предлога *круг* зафиксировано в СРНГ под номером 2 как функционирующее в целом ряде русских диалектов, в том числе и в донских говорах: «Круг, *предлог с род. пад.* 1. Около, кругом, со всех сторон. *Кашемировый платочек круг голувишки*»⁷⁶⁵.

Круги [круги] — предлог, с р. п. в знач. ‘вокруг’ (*Стаялі кругі яво, ну нічаво яму ні зделалі*).

В словаре Даля зафиксировано только существительное *круг*. Данное значение предлога *круги* зафиксировано в СРНГ как функционирующее в донских говорах: «Круги, *предлог*. То же, что Круг (в первом знач., т. е., Около, кругом, со всех сторон). *Он ходит круги зеркала*»⁷⁶⁶.

⁷⁶⁵ Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965—2014. Вып. 15. С. 296.

⁷⁶⁶ Там же. С. 297.

Кругом [кругом] — предлог, с р. п. в знач. ‘около, рядом’ (*Приехали на машинах в белых халатах, в лапатки шырять, **кругом** нас стоять, а мы забяжали в роишу. — Галя **кругом** наз жыла*). с р. п. в знач. ‘у, при’ (***Кругом** возир бокчи были*).

В словаре Даля зафиксировано только существительное *круг* и наречие *кругом*. Значение предлога *кругом* ‘около, рядом’ зафиксировано в СРНГ с пометой «казаки-некрасовцы», второе пространственное значение предлога *кругом* не отмечено⁷⁶⁷.

Об — предлог, с в. п. и р. п. в знач. ‘около’ (*Школа **аб** речку стояла. — Вон сидить **аб** дарогу*); с в. п. в знач. ‘мимо’ (*Бяжыть **ап** царёв **аб** дом, а там царевна*) (сказка); с в. п. и р. п. в знач. ‘вдоль’ (***Аб** берига рыбу ловили. — **Аб** дарогу смаквины стоять*).

В словаре Даля не зафиксированы названные пространственные значения предлога *об*⁷⁶⁸.

Округ [акрух] — предлог, с р. п. в знач. ‘около, рядом’ (*Возир **акрух** наз был. — Зямли **акрух** дома ни было*).

В словаре Даля зафиксирован фонетический вариант этого предлога — *вокруг* — с аналогичным значением ‘кругом, около, близ’.

Данное значение предлога *округ* зафиксировано в СРНГ как функционирующее в целом ряде русских говоров, в том числе и в говоре некрасовцев: «Округ, предлог с род. пад. 1. Возле, поблизости, около чего-либо»⁷⁶⁹.

Под — предлог, с в. п. выражает направление движения, приближение к чему-л. (*У церкву хажу, а никто ни хадить, никаво нету, вот дощка прибягаить **пад** нас. — Два брата и мы две сястры, на уборку нас послали, **път** сяло*); с тв. п. имеет знач. ‘меньше’ или ‘моложе’ (*Гулушмари — самыи малинькии утачки, ани **пад** утями. — Дитей многа было, я старшы фсех, запрафка, **пъда** мной ишишо есть*).

Второе значение предлога говора *под* — ‘указание на человека, предмет, размеры которого или возраст меньше по отношению к сопоставляемому человеку, предмету»⁷⁷⁰ мы рассматриваем как переносное пространственное: в данном случае пространство представлено как виртуальное пространство возраста или размера.

В словаре Даля предлог *под* зафиксирован в общем значении «с вин. пад. означает движение близко, вплоть к чему-либо», которое аналогично первому значению этого предлога в говоре некрасовцев, причем значение описано без каких-либо диалектных помет, второе значение не отмечено⁷⁷¹.

До [да] — предлог, с р. п. указывает предел действия (*Ну а жынихи едуть, да-яжжасють **да** дому, а ани на краю жыли, вады папрасють, ана вынисить, а ани нею*

⁷⁶⁷ Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965—2014. Вып. 15. С. 306.

⁷⁶⁸ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 1465—1466.

⁷⁶⁹ Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965—2014. Вып. 17. С. 166.

⁷⁷⁰ Аналогичное значение указано в кн.: Объяснительный словарь русского языка. Структурные слова / Под ред. В. В. Морковкина. М.: АСТРЕЛЬ АСТ, 2002. С. 263.

⁷⁷¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 3. С. 559.

сблзнилися) (сказка); с р. п. указывает направление действия: к кому, чему-либо (*Мамака да млатишай снахи заботливая была*).

В словаре Даля значение предлога *до* описано так: «*до* — предлог, показывает какой-н. предел, конец // к, в отношении к чему-л. Я пришел до Вашей милости»⁷⁷². Полагаем, что основное значение предлога *до* и его употребление, зафиксированные в Сл. Даля, включает в себя более частные значения предлога *до* в говоре.

3. СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ПРЕДЛОГИ С ОБЪЕКТНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

Об [аб, ап] — предлог, в знач. с в. п. указывает на предмет, к которому прикасаются при направлении на него действия (*Спаткнулси ап камянюку да упал. — Падушки ап стену кладем*).

В словаре Даля данное значение предлога *об* зафиксировано в качестве первого: «винительный. При названии предмета, к коему прикасаются, на который действие направлено. Обопрись об меня»⁷⁷³.

Кругом [кругом] — предлог, с р. п. в знач. ‘кроме, наряду’ (*Кругом кьмарей да мухаты, хто лятаить?*).

В словаре Даля зафиксировано только существительное *круг* и наречие *кругом*. В СРНГ зафиксировано аналогичное значение предлога *кругом*, выражающим объектное отношение, с пометой «казаки-некрасовцы»: «Кругом, предлог с род. пад. 3. Кроме, наряду с чем-либо»⁷⁷⁴.

Опричи [апрячи], **опричь** [апричь] — предлог, с р. п. в знач. ‘кроме’ (*Апрячи дня ангела, день ражденья ни атмячали, падарки ни дарили*).

В словаре Даля также зафиксирован предлог *опричь* (без помет), *опричи* (с пометами *пск., твр.*) с аналогичным значением ‘кроме, окроме’⁷⁷⁵.

4. СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ПРЕДЛОГИ С ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

Об [аб, ап] — предлог, с в. п. употребляется для обозначения признака предмета по его количеству (*Низамужняя пляла аб адну косу, када вянчать, аб две касички раздяляють. — Мельница ап шасты крыл была. — Аб два калиса двуколка*).

В словаре Даля не зафиксирован предлог *об* в данном значении. В СРНГ зафиксировано аналогичное определительное значение предлога *об*, которое характерно

⁷⁷² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 1. С. 1095.

⁷⁷³ Там же. Т. 2. С. 1465.

⁷⁷⁴ Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965—2014. Вып. 15. С. 306.

⁷⁷⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 1773.

для северных русских говоров: «О, Об — предлог. 18. С *род. пад.* Употребляется для обозначения признака предмета по его количеству, стоимости, тяжести. *И взял себе боевую палицу о сто пудов* (сказка). *перм.*»⁷⁷⁶.

Уместно отметить, что ряд специфичных предлогов говора являются многозначными. В своем большинстве многозначные предлоги обладают несколькими пространственными значениями — это предлоги *о/об, под, кругом*. В то же время в содержании предлогов говора пространственные значения могут сочетаться с объектными и определительными (предлоги *о/об, кругом*).

5. Предлоги *из* и *с*

Особого описания требуют такие предлоги говора, как *из* и *с*. Материал показывает, что в **р. п.** в говоре существуют два предлога: *из* и *с*. Аргументом в пользу существования именно двух предлогов является их бытование в следующих однотипных фонетических позициях:

а) перед гласным: *из абузы, из абуза, из арбузах — с абузины, с Ирусалима, из утра да ночи, ляка с Игната*;

б) перед сонорными и звуком [в]: *из мельницы, из ляса, из мяшыны, из вады, из вирёфках — агнива с нитки, магаджыры с Макидони, с лимана, с Расии, с рускава чилавека, с ружих*.

Позиции перед звонкими или глухими согласными не показательны для предлогов говора *из* и *с*: каждый из них в результате редукции начального звука [и] предлога *из*, а также происходящей ассимиляции по звонкости / глухости может выступать в варианте [с] и [з]:

а) в позиции перед глухими согласными: *ис шерсти, ис хвоста, ис чакана — с цепи, с принчу, с сарая, с пропки, с совисти, с кабаняй шкуры, с кожы ляка*;

б) в позиции перед звонкими согласными: *из древи, из зямли, из гары, из дерива, из досках, из двухлевничках, из бамбака — з бамбака, з гары, з галавы, з гор, з зелина вина, з глыбя, з дерива, магаджыры з Булгари*.

Анализ употребления предлогов говора *из* и *с* показывает, что их значения не дифференцированы, что является реликтом, наследием древнерусского языка.

Значения данных предлогов могут быть разными: а) пространственным: *из ляса, с Ирусалима*; б) временным: *ляка с Игната*, в) объектным: *из арбузах, с абузины*.

В **тв. п.** в разных фонетических условиях в нашем материале встречается только предлог *с*:

а) перед гласным: *с апушкой, с арбами, кутычка с агнём, с аднасумьями, с арипеем*;

⁷⁷⁶ Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965—2014. Вып. 15. С. 337—338.

б) перед сонорными и звуком [в]: *с рогими, с листими, с мѣланѣй, с наборуш-ками, с ними, с вадичичкай, с вами*;

в) перед глухими согласными: *с касицай, с кнутавилкай*;

г) перед звонкими согласными (в варианте [з]): *з зимлѣй, з гѣлавой, з бабуш-кай, з галушками*.

В Словаре Даля зафиксировано следующее употребление предлога *с*: «с родительным падежом означает движенъе откуда-либо, заменяет предлог *из*, от. Он с Вятки приехал»⁷⁷⁷. По данным СРНГ, во многих русских говорах наблюдается аналогичная картина: в р. п. существует два предлога — *из* (что соответствует литературному языку) и синонимичный ему диалектный предлог *с*. В СРНГ зафиксирован как предлог *из* в названных значениях — пространственном, временном, объектном⁷⁷⁸, так и предлог *с* в этих же значениях⁷⁷⁹.

В целом изученный материал показал, что лексическое и грамматическое значение большинства предлогов говора принципиально не идет вразрез с общепринятой литературной нормой и практикой.

Среди специфических предлогов говора можно выделить: 1) предлоги, совпадающие с такими же по структуре и значению предлогами в других русских говорах (*круг, круги, об* в пространственном значении; *округ, до, кругом* в объектном значении; *опричи, об* в определительном значении, *с* в р. п. в разных значениях); 2) предлоги, характерные только для говора некрасовцев (*кругом* в пространственном значении, *под* в значении ‘указание на предмет, размеры которого меньше’).

⁷⁷⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 4. С. 672.

⁷⁷⁸ Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965—2014. Вып. 12. С. 81.

⁷⁷⁹ Там же. Вып. 36. С. 5.

ГЛАВА 3

ЧАСТИЦЫ В ГОВОРЕ НЕКРАСОВЦЕВ

Существуют различные классификации частиц по семантике. В нашей работе мы будем пользоваться классификацией, представленной в книге Н. М. Шанского и А. Н. Тихонова «Современный русский язык. Словообразование. Морфология»⁷⁸⁰. В соответствии с выбранной типологией по своей семантике частицы делятся на:

- 1) частицы, имеющие различные смысловые значения;
- 2) эмоционально-экспрессивные частицы;
- 3) модальные частицы;
- 4) словообразующие и формообразующие частицы.

В собранном нами материале говора некрасовцев частицы, отличные по своей форме и/или значению от частиц общенационального языка, составляют незначительную по количеству группу. Среди них: 1) частицы, имеющие различные смысловые значения; 2) эмоционально-экспрессивные частицы; 3) модальные частицы; 4) формообразующие частицы.

Рассмотрим их подробнее.

1. Частицы, имеющие различные смысловые значения

Альниж [альниш] ‘даже’ (*Мы приехали за русских замуш аддавать, а здесь бога нету, альниш церкви нету*).

В словаре Даля не зафиксирована. В СРНГ зафиксирована лексема *альниж* и *альниж* со значениями ‘так что, даже’ как союз и частица, характерная для ряда русских говоров, в том числе и донских: «Альниж и альниж. То же, что ально — “так что; даже”. *Ахрем хватил его, альниж у того искры из глаз посыпались. кур., пересыслав. влад.* “При указаниях на дальность расстояния, срока”: *и альниж в середу, альниж за горой. дон., Миртов*»⁷⁸¹. В нашем материале слово *альниж* зафиксировано только как частица.

Гольный [гольный] ‘только один’ (*Уйдуть в дарогу наши муцины, ф силе астаюцца гольные жэны*).

⁷⁸⁰ Шанский Н. М., Тихонов А. Н. Современный русский язык. Словообразование. Морфология. М.: Просвещение, 1981. С. 253.

⁷⁸¹ Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965—2014. Вып. 1. С. 246.

В словаре Даля прилагательное *гольный* в значении частицы не зафиксировано. В СРНГ зафиксировано многозначное прилагательное *гольный*, характерное для многих русских говоров, в том числе и для донских говоров, в семантической структуре которого в качестве четвертого значения указано и значение, совпадающее со значением в говоре некрасовцев: «4. Только, исключительно указанный здесь; один только. *Гольные огурцы* (на базаре), т. е. ничего, кроме огурцов, нет. *дон.*»⁷⁸².

Частицы *альниш* и *гольный* принадлежат к выделительно-ограничительным частицам.

2. ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНЫЕ ЧАСТИЦЫ

2.1. Среди специфических эмоционально-экспрессивных частиц говора имеется частица выражающая удивление и усиливающая эмоциональность высказывания:

Лякась [лякась] ‘глянь-ка’ (*Я дятям ни гутарила скаски, а ана, лякась, фсё зна-ить*).

В СРНГ и Сл. Даля не зафиксирована.

Вот и [воты] ‘выражение удивления, восхищения, ну и’ (*Вот ы учёнаи ани!*).

К специфическим эмоционально-экспрессивным частицам говора относится и составная частица *вот и*. В говоре казаков-некрасовцев частица *вот и* имеет значение выражения удивления и восхищения, которое сближает ее с русскими частицами *ай да, ну и*. Данное значение частицы *вот и* не отмечено в словарях русского общенационального и литературного языка (например, в Объяснительном словаре русского языка⁷⁸³).

3. МОДАЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ

Среди специфических модальных частиц говора преобладают **вопросительные**. Это синонимичные частицы *коли, либо, лиж*, обладающие одним и тем же значением ‘разве’.

Коли [кали] ‘разве’ (*Кали ана иво ни жалеить?*).

В Словаре Даля лексема *коли* в качестве частицы со значением ‘разве’ не зафиксирована⁷⁸⁴. В СРНГ зафиксирована частица *коли* с аналогичным значением

⁷⁸² Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965—2014. Вып. 6. С. 348.

⁷⁸³ Объяснительный словарь русского языка. Служебные слова / Под ред. В. В. Морковкина. М.: Астрель АСТ, 2002. С. 66.

⁷⁸⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 47.

‘разве’, бытующая в вологодских русских говорах: *«Коли я виноват? Ты сама захотела. волог.»*⁷⁸⁵.

Необходимо отметить, что частица говора *коли* является многозначной лексемой: кроме названного значения частицы, она может функционировать в говоре в качестве наречия и союза.

Либо [либа] ‘разве’ (*Меснаи асоба ня брали, либо хто нас вазьмёт, таких, в рубашах?*).

В Словаре Даля лексема *либо* в значении ‘разве’ не зафиксирована⁷⁸⁶. В СРНГ зафиксирована частица *либо* с аналогичным значением ‘разве’, бытующая в ряде русских говоров: *«Либо, частица. 1. Вопросительная. Разве. Либ о что. Попить либо что не надо нонче? Ако тепло. сужж. кур., 1915. казаки-некрасовцы»*⁷⁸⁷.

Лиж [лиж] ‘разве’ (*А щас эти люди и детей крестють, и вянчають, да лиж можна так делать?*). В Сл. Даля и СРНГ не зафиксирована.

Среди специфических модальных частиц говора имеется **отрицательная** частица:

Нема [няма] ‘не’ (*Приходить батя и гаварить: Фуфайки у нас были, слаёнацки красиваи, няма сераи, што тут на работу выдавали*).

В Словаре Даля у лексемы *нема* значение частицы не отмечено, она фиксируется как наречие: *нема* — «нар. малорос. и белорус., употребляется в смежных губерниях. Нет, не имеется, негде взять»⁷⁸⁸. Очевидно, в говоре некрасовцев произошло функционально-семантическое развитие лексемы *нема*.

В СРНГ зафиксирована частица *нема* с аналогичным значением ‘не’ как частица, бытующая именно в говоре некрасовцев⁷⁸⁹.

Лексема *нема* является многозначной: кроме значения частицы, она функционирует в говоре в качестве категории состояния в двух значениях: 1) не имеется (*Свяска есь? — Няма, няма!*); 2) не принято (*Няма кидать жану, а иную брать*).

Среди специфических модальных частиц говора имеется частица, **указывающая на чужую речь**:

Де — частица, указывающая на чужую речь (*Турки абвястили, што няхай-де рускаи вучуть па-турецки, ганяли Саничава, для чиво-де учии их па-руски*).

⁷⁸⁵ Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965—2014. Вып. 14. С. 134.

⁷⁸⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 647.

⁷⁸⁷ Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965—2014. Вып. 17. С. 40.

⁷⁸⁸ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т.3. С.1358.

⁷⁸⁹ Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965—2014. Вып. 21. С. 77.

4. ФОРМООБРАЗУЮЩИЕ ЧАСТИЦЫ

Нехай [няхай] ‘пусть, пускай’ (*Няхай* *приходють, хата большая*).

Является типичным средством образования в говоре формы 3 л. повелительного наклонения.

В Сл. Даля данная частица зафиксирована с аналогичным значением: «*нехай* — *млрс., смол., кур., ниж., прм., тмб.* Пусть, не тронь, дай волю»⁷⁹⁰.

В целом специфические частицы говора (не совпадающие с литературным языком) охватывают весь круг возможных по своей семантике частиц литературного языка. Среди них преобладают модальные частицы. Среди специфических частиц говора можно выделить: 1) частицы, совпадающие с такими же по структуре и значению частицами в других русских говорах (*альниж, гольный, коли, либо, нехай*); 2) частицы, характерные только для говора некрасовцев (*лякась, лиж, няма*).

⁷⁹⁰ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 1406.

ГЛАВА 4

МЕЖДОМЕТИЯ В ГОВОРЕ НЕКРАСОВЦЕВ

Общие замечания. В собранном нами материале говора некрасовцев междометия, отличные по своей форме и/или значению от междометий общенационального языка, составляют незначительную по своему количеству группу. Среди них есть как первообразные, так и непервообразные междометия.

1. СПЕЦИФИЧНЫЕ ПЕРВООБРАЗНЫЕ МЕЖДОМЕТИЯ

В составе первообразных междометий говора присутствуют междометия звукоподражательного характера (они преобладают) и междометия, выражающие волеизъявление.

1.1. Междометия звукоподражательного характера

Клян-кльонь [клян-кльонь] звукоподражание чужой (на английском языке) речи (*С Англии приажжжали, с Америки. Ани фсё гутарять: **клян-кльонь**, а мы гъварим: эта лебиди гутарють*)⁷⁹¹. В Сл. Даля и в СРНГ не отмечено.

Клы-влы [кль-вль] звукоподражание крику казарки (*Казарка кричить **кль-влы, кль-влы, кль-влы***). В Сл. Даля и в СРНГ не отмечено. В Сл. Даля зафиксировано существительное, которое могло быть мотивирующим для данного междометия: «кль-ка, кль-чка — мск., ярс. квочка, курица с цыплятами»⁷⁹².

Така-тука [тъкатука] звукоподражание действию, производимому человеком (*Пашла Яга-баба к кавалю. — «Каваль-каваль, скуй мне толстай зуп». — Каваль **така-тука** и скавал зуп*). В Сл. Даля и в СРНГ не отмечено.

1.2. Междометия, выражающие волеизъявление

Кроме звукоподражательных, в состав первообразных междометий говора входят междометия, обслуживающие **сферу волеизъявлений** и побуждающие к осуществлению какого-либо действия:

Ады [ады] ‘прочь, вон’ (*Ады, уходи*). В Сл. Даля и в СРНГ не отмечено. Предположение, что это заимствование из турецкого языка, не находит достаточных оснований.

⁷⁹¹ Пример взят из: Сердюкова О. К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 2005. С. 105.

⁷⁹² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 303.

Аю-аю или *Алюшки* [аю-аю] или [алюшки] — междометие-отзыв ‘иду, слышу’ (Нарвала вядро клубники, другую начала, слышу завёт, кричу: «**Алюшки!**» Пашла, а вон ляжыць, ругаюцца, тапок атскачил).

В Словаре Даля междометия *аю-аю* и *алюшки* не зафиксированы, имеется аналогичное по значению и сходное по звучанию междометие *аюшки* — «вор., тмб. дружеский зов, отклик. привет»⁷⁹³.

2. СПЕЦИФИЧНЫЕ НЕПЕРВООБРАЗНЫЕ МЕЖДОМЕТИЯ

В составе специфичных междометий говора находится определенное количество **непервообразных междометий**. Среди них: 1) междометные глаголы (глагольные междометия), 2) междометия, обслуживающие сферу этикета, 3) междометия, выражающие эмоциональную оценку.

2.1. Междометные глаголы

Междометные глаголы (глагольные междометия, глагольно-междометные формы) по своей форме и значению совпадают с первообразными междометиями звукоподражательного характера, но отличаются от них своей синтаксической функцией: в предложении они являются сказуемыми.

Шак ‘о резком ударе, резком или стремительном движении’ (А вон *шак* мушину нашава, подрезал иво, вон сразу умир там). В Сл. Даля и в СРНГ не отмечено.

Блюк ‘бульк, хлюп’ (Ана патянула, а шишка бальная, задергалась, *блюк* в воду, ана крищить вай-вай! Ваня пабех и шею ламанул шишки-та). В Сл. Даля и в СРНГ не отмечено.

Шак-шак ‘о равномерном постукивании, шорохе’ (Финц-сокал прилитель, на акого-ка сел, *шак-шак*). В Сл. Даля и в СРНГ данное междометие не отмечено. В Сл. Даля зафиксирован глагол с омонимичным корнем *шакать* — ‘кричать хрипло, кричать селезнем’⁷⁹⁴.

2.2. Этикетные непервообразные междометия

К специфичным непервообразным междометиям говора, обслуживающим сферу этикета, относится устойчивое словосочетание *спаси Христос*, обладающее значением ‘спасибо’ (*Спаси Христос, што мне вытаскали. — Спаси Христос свякоравай систре, аставила рыпки*).

2.3. Непервообразные междометиям говора, выражающие эмоциональную оценку

К специфичным непервообразным междометиям говора, выражающим эмоциональную оценку, относится междометие *во какая* (Дитёнак *во какой* пухлатинькай).

⁷⁹³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 1. С. 18.

⁷⁹⁴ Там же. Т. 4. С. 1390.

Необходимо отметить, что междометия говора и общенационального языка могут выступать в качестве мотивирующей основы в процессе словопроизводства глагольной лексики говора. Таковы глаголы говора: *стѣхтерить-сбохтерить*, *стюхтерить-сбахтерить* ‘экспр. сделать что-л. вдруг, необоснованно’, *бяхать* ‘мычать, блять (о скоте)’, *буцать* ‘бить’, *шакать* ‘постукивать, шаркать, издавать звуки шак-шак’.

В целом анализ служебных слов и междометий говора позволил сделать следующие выводы:

1. В собранном нами материале говора некрасовцев союзы, предлоги, частицы, отличные по своей форме и/или значению от союзов, предлогов, частиц литературного языка, составляют незначительную по количеству группу.

2. Среди специфических союзов, предлогов, частиц говора можно выделить:

1) союзы, предлоги частицы, совпадающие с такими же по структуре и значению служебными словами в других русских говорах: а) союзы *аль*, *ну*, *коли*, *каб*; б) предлоги *круг*, *круги*, *об* в пространственном значении, *округ*, *до*, *кругом* в объектном значении, *опричи*, *об* в определительном значении, *с* с р. п. в разных значениях; в) частицы *альниж*, *гольный*, *коли*, *либо*, *нехай*;

2) союзы, предлоги частицы, характерные только для говора некрасовцев: а) союзы *лиж бы* в условном значении, *ещѣ бы* в условном значении б) предлоги *кругом* в пространственном значении, *под* в значении «указание на предмет, размеры которого меньше»; в) частицы *лякась*, *лиж*, *няма*.

3. Изученный материал показывает развитие системы служебных слов данно-го островного говора, что в целом демонстрирует определенную специфику когнитивности носителя говора и результатов ее овнешнения в его языковом сознании.

4. В целом междометия говора казаков-некрасовцев по своей семантике и структуре в большинстве случаев совпадают с междометиями литературного языка. В тоже время существует ряд междометий как первообразных, так и непервообразных, характерных именно для говора и не встречающихся не только в литературном языке, но и, по данным Сл. Даля и Словаря русских народных говоров, в других русских диалектах.

Раздел 8
ФРАЗЕОЛОГИЯ

ГЛАВА 1

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ГОВОРА КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ

Особая значимость фразеологических единиц заключается в том, что фразеологический фонд любого языка содержит в своей семантике национально-культурный компонент, отражающий особенности культуры и быта народа и подчеркивающий самобытность исторического развития той или иной страны.

Фразеологический фонд в любом конкретном языке является устойчивой частью лексикона, что позволяет вычлениить и систематизировать этническое мировидение, культурно-исторический и эмпирический опыт того или иного народа.

Состав фразеологических единиц говора казаков-некрасовцев в своем большинстве собран из словарных статей Словаря говора казаков-некрасовцев О. К. Сердюковой⁷⁹⁵, а также пополнен из материалов, собранных ставропольскими учеными в ходе полевых экспедиций. В нашем материале представлено 307 фразеологических единиц, из них 240 относятся к человеку, 33 единицы номинируют абстрактные понятия, 17 относятся к космосу и неживой природе, 17 единиц — к растительному и животному миру. Среди них преобладают собственно фразеологизмы различных типов, а паремии встречаются редко.

Опишем состав собственно фразеологизмов **по лексико-тематическому, лексико-семантическому признаку**. Мы разделили их на следующие большие группы: 1) фразеологизмы, называющие предметы, явления, состояния, ситуации, действия, связанные с человеком, 2) фразеологизмы, называющие абстрактные понятия; 3) фразеологизмы, называющие явления, состояния, ситуации, действия, связанные с космосом и неживой природой; 4) фразеологизмы, называющие явления, состояния, ситуации, действия, связанные с животным и растительным миром.

⁷⁹⁵ Сердюкова О. К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 2005.

1. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, НАЗЫВАЮЩИЕ ПРЕДМЕТЫ, ЯВЛЕНИЯ, СОСТОЯНИЯ, СИТУАЦИИ, ДЕЙСТВИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ЧЕЛОВЕКОМ

Данная группа фразеологизмов в порядке их приоритетности по количественному признаку дифференцируется на следующие подгруппы:

- 1) фразеологизмы, называющие ситуации, действия, связанные с тем или иным родом занятий;
- 2) фразеологизмы, называющие предметы, явления, состояния, ситуации, действия, связанные с одеждой;
- 3) фразеологизмы, называющие виды эмоционального состояния человека;
- 4) фразеологизмы, называющие предметы, явления, состояния, ситуации, действия, связанные с пищей;
- 5) фразеологизмы, называющие предметы, приспособления, инструменты, связанные с тем или иным родом занятий;
- 6) фразеологизмы, называющие виды физического состояния человека;
- 7) фразеологизмы, называющие предметы, явления, состояния, ситуации, действия, связанные с домом;
- 8) фразеологизмы, называющие предметы, явления, состояния, ситуации, действия, связанные с обрядами, праздниками;
- 9) фразеологизмы, называющие предметы, явления, состояния, ситуации, действия, связанные с обществом;
- 10) фразеологизмы, называющие предметы, явления, состояния, ситуации, действия, связанные с семьей;
- 11) фразеологизмы, называющие виды интеллектуального состояния человека;
- 12) фразеологизмы, называющие предметы, состояния, ситуации, действия, связанные с религией;
- 13) фразеологизмы, называющие виды поз, движений человека, части тела, возраст;
- 14) фразеологизмы, называющие состояния, ситуации, действия, характеристики, связанные с речью;
- 15) фразеологизмы, называющие действия, связанные с играми, и виды игр.

Фразеологизмы, называющие ситуации, действия, связанные с тем или иным родом занятий

Фразеологизмы данной подгруппы делятся на следующие разряды: 1) номинации, связанные с рыболовством; 2) номинации, связанные с родом занятий; 3) номинации, связанные с ремеслом; 4) номинации, связанные с земледелием; 5) номинации, связанные с родовспоможением; 6) номинации, связанные с растениеводством, луговодством; 7) номинации, связанные с охотой; 8) номинации, связанные со службой.

- 1) Номинации, связанные с рыболовством:

• ***Быть, находиться в дороге, пойти по дорогам*** — ‘заниматься рыбным промыслом вдали от дома, как правило, на море и в течение 8—9 месяцев’ (*Он в дороге рыбачил*).

- **Неводарская артель** — ‘артель рыбаков, ловящих неводом’ (*Артель нивадарская фсю зиму ездить на марях*).

- **Задатки отбить** — ‘отдать деньги, взятые под улов’ (*У нас мужся пайдуть пь дорогам, нада задатки атбивать*).

- **Загон загонять** — ‘загонять рыбу в сети’ (*Лафцы акружывають рыбу, загон заганяють*).

- **Гоном гнать** — ‘загонять рыбу в невод’ (*Винтёршыки, нивадари неват кидают и гонам гонять рыбу*).

- **Стуком бить по воде** — ‘бить по воде, шумом загонять рыбу в сети’ (*Гонам гонять рыбу, стукам бють пь ваде*).

- **Бить отводы** — ‘забивать шесты в дно водоема’ (*Давайця грузила, шысты паменьшы, штоп ветир ни гнал, и бейця атводы*).

- **Бить пар** — ‘забивать кол в дно водоема’ (*Парышк бёт пар, за ниво лотку привязывали*).

- **Ехать гребками, ехать на гребках** — ‘плыть на веслах’ (*На астрада мы ехали на грипках, а да рынака ездили парусами*).

2) Номинации, связанные с тем или иным родом занятий:

- **Мускорное дело** — ‘сложное, канительное дело’ (*Капрон (капроновые сети) — эта мускарная дела: вы хатитя сделать, ана ня ладница, сделали — ана портицца*).

- **Отважить отвагу** — ‘взвесить некоторое количество товара’ (*Скарей мне отвагу атваши, скарей атвесь прадукты*).

- **Выбить на карточку** — ‘сфотографировать’ (*Вон выбил их на карточку. Вон сынок мой выбитай*).

- **Сбивать на карточку** — ‘фотографировать’ (*Щас будут збивать на картачку, фсе пашли пьнаряднай*).

- **На голос становить** — ‘воспроизводить мелодию песни, петь’ (*Ты песню на голос станави*).

- **Утолить пожар** — ‘погасить’ (*У наз домики плитнёваи, ежли пажар, то ни уталиш*).

3) Номинации, связанные с ремеслом:

- **Бить рогожку, корзины** — ‘плести при помощи самодельного стана’ (*Сичас у мене весь кусок есть, стан, рагошку бью, корзины бью*).

- **Бить шерсть на тарак** — ‘взбивать шерсть при помощи ручного приспособления, тарака’ (*Руками шэрсть чешым и скубим, а на тарак били на адаяла*). Турецк. *tarak*.

- **Ковать камень** — ‘обрабатывать мельничный жернов, насекать на нем бороздки’ (*Камни кавали кляфцами, дарошки прорубали, ерики*).

- **Сбивать сукно** — ‘валять сукно’ (*Фсё сами и ткали, и пряли. Трут сукно тёркаю, горячай вады лють и труть, сукно збивають*).

- **Тереть сукно** — ‘валять сукно’ (*Давайти сапрём сукно! Валять у нас ни гьварили*).

4) Номинации, связанные с земледелием:

- **Родимая земля** — ‘плодородная земля’ (*Бабочки сеили, тыквы-мыквы, думати, у нас там родимая зямля, багатая. — Гнаяку вазили пь палям, иде нирадимая*

зямля). (Интересно, что у слова *родимый* происходит семантическая модификация: оно утрачивает распространенное значение ‘родной’ и функционирует в значении ‘плодородный’, основанном на прототипическом семантическом компоненте «давать урожай».)

- **Надас пахатъ. Надас драць** — ‘распахивать землю’ (*На марти пашым надас. — На бурчак надаз драли, пирипахъвали*). (Турецк. *nadas*.)

- **Помолотить помолот** — ‘обмолотить хлеб’ (*Ей сулил батька: «Пъмалотим пъмалот, я табе атвязу сам»*).

- **Урак жать** — ‘работать на жатве, жать’ (*Муцины урак жнутъ: адни пастать гонють, други вяжуть*).

- **Пойти на урак** — ‘пойти на жатву’ (*Девить лет мы тият ганяли, патом паили на урак*).

5) Номинации, связанные с родовспоможением:

- **Бабушка-пупочница** — ‘повитуха’ (*Я была бабушка, в дивевни принимала, бабушка-пупочница была*).

- **Сделать помощи** — ‘оказать помощь беременной женщине’ (*Ей нада зделать помоги, адгладить, рибёнака на месту положить: мы там, жоны, чувалы спадымали*).

6) Номинации, связанные с растениеводством, луговоедством:

- **Бить камыш** — ‘рубить, косить камыш’ (*А вон пашил, мой беднай, бѣть камыш*).

- **Веять на ветра** — ‘веять зерно на ветру’ (*Дювянями мълатили, веили на ветра*).

7) Номинации, связанные с охотой:

- **Идти гоном** — ‘во время охоты гнать зверя к засаде’ (*Пашили ани гонам на кабана; адни в засади сели, а други гоняць*).

- **Следы отрезать** — ‘выследить’ (*Атес пашил, засаду пашил сел, сляды атрезал*).

8) Номинации, связанные с войной, бунтом, со службой:

- **Отворять войну** — ‘начинать войну’ (*Начали вайну атваряць, пабивать людей*).

- **Кофти задирать** — ‘срывать ногти, пытать’ (*Игнат чирис чаво атседа ушол? Тут кофти задирали, а он собрал да пъувѣл и малых, и старых*).

- **Под шинеликом быть** — ‘служить в армии’ (*Я семь лет пѣт шинеликам был. Иде жыць, там служыць*).

Фразеологизмы, называющие предметы, явления, действия, связанные с одеждой

Данная подгруппа делится на следующие разряды: 1) номинация видов одежды и ее частей; 2) номинация украшений на одежде; 3) номинация тканей, материала; 4) номинация действий по отношению к одежде; 5) номинация головных уборов.

1) Номинация видов одежды и ее частей:

- **Одѣжка-передѣжка** — ‘одежда, смена белья’ (*В лотачки сетки, адѣшка-пиридѣшка, пирдяѣмси*).

• **Рубаха-перемываха** — ‘смена белья’ (*Рубахи-пирьмувахи* ни было, бедна жыли).

• **Воротная рубаха** — ‘рубаха с расшитой грудью’ (*Въратныи рубахи* — с атышитым воротам, фся грудь раишыта).

• **Круговная рубаха** — ‘рубаха с вышитой грудью, рукавами и подолом’ (*Кругавныи рубахи* атыштаи. У *кругавных рубахах* узоры были праиштыаи да локатя, внизу тожа были узоры).

• **Портки свезённые** — ‘праздничные штаны, в которых клинья сшивались узорным швом’ (*Свизёная рубаха* и *парки краснаи, свизёнаи, сколькои клиней* — фсё свозили шолкам).

• **Завеска канчатая** — ‘нарядный, яркий передник’ (*Завеску* нивести шыли *канчатую, святистаю, святочиками*).

• **Завеска с мутозиками** — ‘передник с длинными завязками, украшенными кистями’ (*Завеска с мутозиками* — матеря лапами, мутоски зсаду висять да кален с вихрами).

• **Мотучие рукава** — ‘длинные рукава, спускающиеся ниже ладони у женских праздничных рубах’ (*На празник рубаха* — *матучиии рукава*. — *Рукава* были длинаи, *матучиии*, на пасху играим, канаимси чирис рукава).

• **Рукава с наборушками** — ‘рукава со сборками’ (*Рукава с наборушками*, зборинаи, а на празник — *матучиии* рукава).

• **Платок наметками** — ‘большой платок из двух-трех покупных квадратных платков, называемых наметками’ (*Намитъчками* были *платки*, две с пълавинай намитки на платок).

• **Платок урумьский (урумельский)** — ‘нарядный цветной платок, отделанный кистями’ (*На празник надивали святистай, урумьской*. — *Урумьской платок* на кистиной).

• **Платок хлыстовой** — ‘простой, будничный платок из куска материи длиной около полутора метров, обычно оранжевого цвета’ (*Хлыставой платок* ни на кистиной, прастой, им за фсяк час надиваисся).

• **Ширинка кистеная, накищенная** — ‘небольшой нарядный платок, отделанный кистями’ (*Платочик, ширинка кистиная*. — *Ета ширинка накищенная, с аднаво боку кисти*).

2) Номинации украшений на одежде:

• **Площи-млощи, собир.** — ‘все украшения’ (*Абабрали нас, как пуп: сирябро турецкая, плаишыи-млаишыи*).

• **Змеиные головки** — ‘украшения из белых камешков, нашиваемые на одежду’ (*На ошейнику прииштыаи змяинаи галоваишки*).

• **Белая междя** — в значении ‘украшение, серебряная или позолоченная монета на цепочке’ (*У каво на шеи белая миздя, бальшой чаргунис*). (Турецк. *tescidie*.)

3) Номинации тканей, материала:

• **Косая бель** — ‘диагональ белого полотна или другого белого материала, идущего на рубахи’ (*Была матеря косая бель, касыи ряды*).

• **Круглая бель** — ‘полотно с прямыми рядами нитей’ (*Круглая бель* харашо атышываицца).

- **Чефличный материал** — ‘материал, из которого шьют чефлики, т. е. верхнюю часть женской рубахи’ (*Матирял чефличный, луданый, шылкутни, сарафаннай*).

4) Номинации действий по отношению к одежде:

- **Ходить открытнй** — ‘ходить с непокрытой головой (о женщине)’ (*Доцка аткрылась, сняла платок, типеря аткрытняя доцка ходить*).

- **Позалупит подлы** — ‘подобрать, подоткнуть подолаы’ (*Идём кизяки збирать, пьзалупим падлы, збираим, на кучки паклодим*).

5) Номинации головных уборов:

- **Кичка с рогими** — ‘часть праздничного женского головного убора, шапочка с двумя выступами по бокам в виде рогов’ (*Кичка с рогими перва наядёцца, на кичку — сарока круглая*).

Фразеологизмы, называющие виды эмоционального состояния человека

Фразеологизмы данной подгруппы делятся на следующие разряды: 1) номинации действий, основанных на эмоциях; 2) номинации эмоциональных состояний; 3) характеристика человека в эмоциональном аспекте.

1) Номинации действий, основанных на эмоциях:

- **Волю не сымать** — ‘давать волю, не запрещать’ (*Ишо кахають яво, захоचितь — кушаить, ана волю ни сымаить*).

- **Втыкать глаза** — ‘упрекать’ (*Тольки мы пирьсялилисы, а нам фтыкають глаза: «Тут фтирёж нашы пришли»*).

- **На сердцах завязать** — ‘затаить зло’ (*Адин ничиво, забудить, а другой на сирцах завязжыть*).

- **Изнавагу давать** — ‘обижать, издеваться’ (*Када мы стали сюда прасицца, ани (турки) нам стали изнавагу давать, будуть гуторить: «Идитя к сваму гявуру»*).

- **Кош строить** на ком — ‘издеваться’ (*Што ты на матири кош строиш?*).

- **Печь сердца** — ‘расстраивать кого-л.’ (*Ня хочиш — ни хади, ни няки маи сярса, я пайду — нхто мне гявурам ни назавётъ*).

- **Печь нутри** — ‘действовать на нервы, расстраивать’ (*Я пайду, ни някитя маи нутри*).

- **Любить резко** — ‘сильно, горячо любить’ (*Када девушку любить реска, тада тёшишы играить ету песню*).

- **Сполохи сделать** — ‘забить тревогу’ (*Паткупили стоража: «Када мы выидим далёка, ты сполохи зделаиш»*).

- **Торопём становиться** — ‘удивляться, поражаться’ (*Мрамарская моря пирьплывали, на Чёрнаму плыли на лотачках. Люди таропём становяцца, пассажыры увидили нас на лотачках — удивления*).

2) Номинации эмоциональных состояний:

- **На сердцах плохо** — ‘о состоянии тревоги’ (*Мне на серцах плоха стала*).

- **Сердца упали** — ‘о состоянии тревоги, испуга при плохом известии’ (*Маи сярца упали — гьварять, там ф чувалах ходють*).

- **Тяпнуть в сердце** — ‘о состоянии тревоги’ (*Заиграить гармонь — мне как тяпнуть у серцу*).

- **Волноваться сердцами** — ‘о состоянии тревоги’ (*Я валнуюсь сярцами, хател к мамаки пайтить*).
- **Виски дубором** — ‘о состоянии тревоги, испуга при плохом известии’ (*виски — ‘волосы’*). (*Теи-та из Масквы кълаклы, как зазвонять — дубарам виски стануть*).
- **Не в голову** — ‘не до чего-л.’ (*Были песни, да нам ня в голову*).
- **Не к душе** — ‘не по душе’ (*Нишито ни к душе, либа бы паела — нима апатиту*).
- **Не в любовь** — ‘не по любви’ (*Я как бес сали яду ел, так жызню сваю правадил, ни в любовь живу*).
- **Не в совесть** — ‘не по любви’ (*Атец Антипат гъварил: «Няльзя аддавать ня в совисть, ни в любовь, если ни хатить»*).
- **Найти беды** — ‘попасть в беду’ (*Уехали скарея, каб бяды ни нашли*).
- **Тяглу тянуть** — ‘переносить трудности, страдать’ (*Нашы матаря бурчак ели, такуя тяглу тянули*).

3) Характеристика человека в эмоциональном аспекте:

- **Гром с молоньей** — ‘о ком-то сердитом’ (*Пайдём салату зделаим, гром с мъланей приедутъ*).

Фразеологизмы, называющие предметы, явления, состояния, ситуации, действия, связанные с едой

Данная подгруппа делится на следующие разряды: 1) номинации действий, процессов, состояний, связанных с едой; 2) номинации видов кушаний; 3) номинации продуктов, 4) номинация видов хлебных изделий.

1) Номинации действий, процессов, состояний, связанных с едой, питьем:

- **Хлеба кушать** — ‘есть, принимать пищу’ (*В лапаси летам аддыхаим, хлеба кушаим. — Пришол к нам, сидить, хлеба кушаить*).
- **Поесть с совести** — ‘поесть вдоволь, в охотку’ (*Чаво паиш с совести да вады выпииш, бываить кудада, панос*).
- **Ездить на фасоли** — ‘питаться преимущественно фасолью’ (*Прастоя варим, боля на квасоли ездим*).
- **Садом питаться** — ‘питаться фруктами, ягодами’ (*Адин жыл у мори, вон рып-кай питалси, а другой жыл в ляхах, садам питалси*).
- **Не ладить** — ‘не подходить, не сочетаться (о продуктах)’ (*Лапишычку ворим, бабы туды насытим, чернава персу, биз масла, ана ня ладить с маслом*).
- **Со всячинкой** — ‘по-всякому бывает (о еде)’ (*Кали сытаи, а кали-та галоднаи, са фсячинкай*).
- **Лёгкий дух** — ‘слабый жар в печи’ (*У сазана икорку выбрали, насытали принчу, изюму, маслу туда паклали, ф сопру паклали, пратапили печь, жар праишол, в лёфкай дух поставили*).
- **Вдаться в пойло** — ‘начать пьянствовать’ (*Вон вдалси в пойла, пётъ да прапи-ваить*).
- **Пойло пить** — ‘пьянствовать’ (*С нявовым сынам жыла, ни ужылася, пойлу пётъ и бесицца, ни ужылася*).

2) Номинации видов кушаний:

- **Без варя, без питья** — ‘без горячего, без вареного’ (*Там вон биз варя, биз питья, а тут я иму и наварю, и накармю*).

- **На заетку** — ‘на закуску’ (*Саламату ворим, мы иё становим на заетку*).
- **Рыба в медник клоденная** — ‘рыба томленая с приправами и овощами’ (*Лук па-жарим, слой рыбу ды слой луку, ды персым чёрным сыпали — в медник рыба клоденная*).
- **Солить в корень** — ‘способ засолки рыбы, крепкий посол’ (*Рытку ф коринь салили, солана пасолим, ана скрепицца, каг замарозиная*).
- **Мясо вомачку** — ‘мясо с подливой’ (*Ета кабаняя мяса вомачку*).
- **Молочины не видеть** — ‘не иметь в доме молока’ (*Гъладаим, сидим, мълачины в глаза ня видим*).

3) Номинации продуктов:

- **Зетинное масло** — ‘оливковое масло’ (*Сазана начистим, насыпаим рису, маслу паложуть, масла зятинная, а па-нашаму маслинная*).
- **Хлебная мука** — ‘пшеничная мука’ (*Съламату с пащатнай муки и с хлебнай муки делали, и с пащатнай хлеб пякли*).

4) Номинации видов хлебных изделий:

- **Бабский хлебушек** — ‘хлеб домашней выпечки’ (*Прасила Хвения: «Привязитя хоть бапскава хлебушка. Он високай да белай»*).
- **Невестин калач** — ‘особенно красиво сделанный калач для невесты’ (*И прастыи кълачи, и нивестины кълачи аддельнаи, скатаиш да так пирьплятёш, смятанкай абливаим и кладём в медник*).
- **Пышечки с кулака** — ‘вид пончиков’ (*С кулака пышачки называли, кислая теста, сахар сыпють, на масли кипятъ, ани плавають, каг барбелки, патом астячками бяруть да на тарелку*).

Фразеологизмы, называющие предметы, приспособления, связанные с тем или иным родом занятий

Фразеологизмы данной подгруппы делятся на следующие разряды: 1) номинации предметов, приспособлений в рыболовстве; 2) номинации предметов, приспособлений в растениеводстве, в обработке продуктов растениеводства; 3) номинации предметов, приспособлений в быту; 4) номинации предметов, приспособлений в земледелии.

1) Номинации предметов, приспособлений в рыболовстве:

- **Зарзаватная лодка** — ‘вспомогательная лодка для перевозки рыбы и снаряжения при ловле неводом, зарзават’ (**В зарзаватнай лотачки бутарь складають, рыбу вовать — ета наша названия**). (Турецк. *zerzavat*.)
- **Неводарная лодка** — ‘рыбачья лодка, в которой находится невод’ (**В нивадарнай лотки струмент, две пары бабаичках, там и паршык, и пириборшык, в нийо и невад збирають**).
- **Парусная сиделка** — ‘среднее сиденье в лодке, в котором делается гнездо для мачты’ (**Две сидилки в лотки — адна парусная, одна грибавая**).
- **Порежская сеть** — ‘рыболовная сеть, имеющая порежь’ (**Парижский сети ф трёх частях, ф сирётки сетка — васьмипалка, а пориш такой реткий**).
- **Голая сеть** — ‘рыболовная сеть с одним сетевым полотном’ (**Голый сети — афчики, на силёдачку**).

• **Быть с полуводы** — ‘о полупогруженном состоянии рыболовной снасти’ (*Пригинаем свинец, чтобы большая грузь была, а потом адгинаем, чтобы с палувады сетка была, в ваде напалавина*).

2) Номинации предметов, приспособлений в растениеводстве, в обработке продуктов растениеводства:

• **Парусная мельница** — ‘ветряная мельница’ (*У наз была мельница парусная, с крылими*).

• **Парусовая мельница** — ‘ветряная мельница’ (*Мельница была далека парусовая, витряная, ап шастаи крыл, аб двянацати крыл мельница дашишатая*).

• **Парусная мельница** — ‘ветряная мельница’ (*Мельницы парусяныи, вятрянки и вьдяныи ест*).

• **Коса с грабками** — ‘коса, снабженная гребнем с длинными зубьями’ (*Ани касили касой з грапками, а мы снапы вязали*).

3) Номинации предметов, приспособлений в быту:

• **Куточка огонь** — ‘коробка спичек’ (*Кутачка огонь — спички, только агонь гутарили, спички здесь узнали. — Кутачка агонь — каропка спичак*). (Турецк. *kuti*.)

• **Деревянный лакей** — ‘приспособление, при помощи которого снимают сапоги’ (*А ета диривянай лакей, сапаги лехшы снимать*).

• **Пильный развод** — ‘приспособление для правки пилы’ (*Ета пильный развод*).

• **Ножовкин развод** — ‘инструмент для правки пилы, разводка’ (*Нажсофкин развод, вон для пилы*).

4) Номинации предметов, приспособлений в земледелии:

• **Отвальное ухо** — ‘часть плуга, отвал’ (*У сабана дерива пь бакам, отвальнаи вухи, землю разглажывают и кладуть рядом*).

• **Сабанное железо** — ‘железный лемех у сабана’ (*А режыть сабанная жылеза*).

• **Сабанное ухо** — ‘отвальная доска у сабана’ (*У сабана палацки узинькаи — сабаннии вухи, атваливают землю*).

• **Сошное железо** — ‘лемех сохи’ (*Сахою пахали, събаном, у ней фсё диривяная, ручка, атвальная даска, а снизу надризаит сошная жылеза*).

Фразеологизмы, называющие виды физического состояния человека

Фразеологизмы данной подгруппы делятся на следующие разряды: 1) номинации действий, процессов, связанных с болезнью; 2) номинации физиологических и физических процессов; 3) номинации тех частей тела, которые болят; 4) номинации способов лечения.

1) Номинации действий, процессов, связанных с болезнью. Во фразеологических единицах, называющих процессы, связанные с болезнью, преобладают номинации действий, характеризующих обморок, натугу, паралич, болезни горла, глаз, головы, сердца:

• **Болезнь накидывает** — ‘о человеке, подверженном приступам болезни’ (*Иё болезь накидывает, накрываит*).

• **Воморока шишбла** — ‘случился обморок’ (*Привязли яво, а яво вомарака шишбла*).

- **Омороки накинуги** — ‘упасть в обморок’ (*Иё сына што зделали: пашаничку уктали, а иё омаки накинуги, так и асталась*).
- **Не владать языком** — ‘потерять дар речи’ (*Дятка глянул, а вон сидить, речь атабралась, сам ни владать*).
- **Языком поломаться** — ‘потерять дар речи’ (*Паралик у няво был, он изыком пъламалси*).
- **На сердцах болит** — ‘сердце болит’ (*Тут тинерь на сярцах ни балить, лячину давали*).
- **Сердца горят** — ‘высокая температура тела’ (*У миня лихоманка, сярца гарять, приняситя хочь вады*).
- **Натугу сделать** — ‘надорваться’ (*Ана сибе натугу зделала, натужылася*).
- **Глотка позавалила** — ‘опухли миндалины’ (*Глотка пълзавалила, што ни пралатю — няма ничаво*).
- **Дать лом** — ‘о болевом ощущении, ломоте’ (*Был на поли, камарь сунулси, а мне плоха стала, прииол дамонь — такой у мине глас, дал лом суда, в голаву, как талкачом*).
- **Глазами потеряться** — ‘утратить зрение’ (*У ней глаза ни давидали, глазами пълтяралась, при чужых людей жыла*).
- **Тукмаки забили в голове** — ‘о головной боли’ (*Скажы хто набил мине, как набитая, на вечир каг забили тукмаки в гълаве*). (Турецк. tokmak.)
- **Мукой мучиться** — ‘страдать, мучиться’ (*Пятнацать дён бабаичками грьбли, мукай мучилися*).

2) Номинации физиологических и физических процессов:

- **Сон показался** — ‘приснился сон’ (*Мне сон пълказалси, мать пирида мной стала: «Сынок, куда ты идёш, нас брасаиш?»*).
- **Выйти, ийти стыдями** — ‘идти по холоду’ (*Павылизли из вады стыдими, ани там пълзакалели*).
- **Трусма труситься** — ‘сильно трястись’ (*Ноги трусюцца, трусьма трусюцца*).
- **Реветь резко** — ‘безудержно плакать’ (*Мать ривёт реска, а атец ишо решиа ривёт*).
- **Ударить по телеши** — ‘ударить по голому телу’ (*Сматри, а то па тилишы абажгу*).
- **Головы лечить** — ‘похмеляться’ (*На первый день, Троицу, играют песни, пють з жанами, на фтарой — пайдёмти голавы лячить*).

3) Номинации тех частей тела, которые болят:

- **Рука калика** — ‘искалеченная рука’ (*У сына рука калика, малай был — костачки пълывадали*).
- **Сердце талое** — ‘слабое, больное сердце’ (*Тилиграму ня вдали, траишати ня будиш — у ней сердца талая*).

4) Номинации способов лечения:

- **Лечить божеством** — ‘лечить молитвами’ (*Волибницах ни было, у нас бажыством лячили*).
- **Боль утушивать** — ‘утолять боль, заговаривая’ (*Знатница паскудит, нагавариваит, а хорошая загавариваит, боль утушываит*).

Фразеологизмы, называющие предметы, явления, состояния, ситуации, действия, связанные с домом

Данная подгруппа делится на следующие разряды: 1) номинации видов дома и частей дома, частей двора при доме; 2) номинации нахождения вне дома; 3) номинации видов мебели; 4) номинации действий, состояний, связанных с управлением домашним хозяйством; 5) номинации приспособлений для наведения порядка в доме; 6) номинации действий, связанных со строительством дома.

1) Номинации видов дома и частей дома, состояния дома, частей двора при доме:

- **Большое место** — ‘почетное, лучшее место за столом’ (*Свадьба начинаицца, нивесту пасодють в бальшую месту*).
- **Глуховая стено** — ‘глухая стена, без окон’ (*Ана в глухавую стяно влезла, полымь пашла, ф хату бѣть*).
- **Земной кат** — ‘нижний ярус, этаж’ (*Парусная мельница, фундаминт, жорнаф, крух с кулаками — фсе эта стоить на зямном кати, лесница зделана на фтарой кат, там мука храницца*). (Турецк. *kat* — ‘этаж’.)
- **Коренной дом** — ‘дом, построенный с использованием в качестве стоек несрубленных деревьев, стоящих на корню’ (*Къряннии дамы были. Дашол да лесу, там атрубил, там атрубил, такая рашка, на няѣ лясицу клали, кѣмышом абгѣрадили — вод дом*).
- **Плетнёвая хата** — ‘строение, стены которого плетутся из камыша, затем обмазываются глиной’ (*Плитнёвыи хаты делали, плитнѣм гарадили и мазали, самана мы ня знали*).
- **Турлучный дом, хата** — ‘строение, стены которого плетутся из камыша, затем обмазываются глиной’ (*турлук* — ‘стена дома, плетенная из камыша’) (*Дом на столбах турлучнай, стены камышом абвязываюцца, плитнёвая хата*). (Турецк. *turluk*.)
- **На потолок, на потолку** — ‘на чердак, на чердаке’ (*На пѣталку пацятки наклали, чардак ни гѣварили, называли на пѣталок*).
- **Чистота и белота** — ‘о состоянии чистоты в доме’ (*Мы жа пришли аттѣлишини, в домики павыйдим, и чистота и билата будить*).
- **Чистый двор** — ‘чистая часть усадьбы, отгороженная от хозяйственных построек’ (*Эта щистай двор, иде птица — агаротка*).

2) Номинации нахождения человека вне дома:

- **В разбеге** — ‘в отсутствии, не дома’ (*Фсе дети в разбеги. — Видиш — занямох, а фсе в разбеги*).
- **В расходе** — ‘в отъезде, в отсутствии’ (*Зимой мужыки фсе в расходи, па фсей Турсии рыпку ловють*).

3) Номинации мебели:

- **Сидячий стол** — ‘круглый стол на низких ножках’ (*Стаячий стол — на нём кушаим хлеба, а эта сидячий стол, где пышку раскатываем, вареники*).
- **Стенная подушка** — ‘подушка, которую кладут к стене, сидя на коврах, по восточному обычаю’ (*Рагошки стелим, патом матразы, падушки ап стенку кладѣм, стеннаи падушки*).

4) Номинации действий, состояний, связанных с управлением домашним хозяйством:

- **На влады стать** — ‘обзавестись хозяйством, обжиться’ (*Месяц патрудисси да на влады станиш*).
- **Держать хозяйство** — ‘управлять домом, хозяйством’ (*Фсяк сваю хозяйству имейт, есь жана держыть, а вон трохи пмагаить*).
- **Куды зря** — ‘как попало’ (*Лянивая, бязрядница, фсе стоить куды зря*).
- **Как лететь** — ‘о высшей степени красоты и изящества’ (*Я магу сделать ка-зацкай дом, красивой, будить как лететь*).

5) Номинации приспособлений для наведения порядка в доме:

- **Дерябкий веник** — ‘жесткий веник, метла без ручки’ (*Палы мазали, мяли веникам; иде карова — мяли дяряпким веникам*).

6) Номинации действий, связанных со строительством:

- **Набор набирать** — ‘собирать людей для помощи при строительстве дома’ (*А дом упал, зямлятрясения была. Пашла набор набирать, набор набирала да строила, людей прасила*).

Фразеологизмы, называющие предметы, явления, состояния, ситуации, действия, связанные с обрядами, праздниками

Фразеологизмы данной подгруппы делятся на следующие разряды: 1) номинации действий, связанных с обычаями, обрядами; 2) номинации артефактов, связанных с обычаями, обрядами.

1) Номинации действий, связанных с обычаями, обрядами:

- **Желать в гости** — ‘приглашать в гости’ (*Фсе пайдуть в Ливакумку в гости жылат*).
- **Жеребы трясти** — ‘бросать жребий’ (*Сабирались, жырябя трясли, пирьк-наимси, ф шапку накладём*).
- **Малый начал. ♦ Большой начал** — ‘этапы сватания’ (*Первай рас пашлёт сын матирю сватать, ей пасулють, што девушку аддадут, начал кладуть малай, па-том балшой, руку запивають*).
- **Косу продавать** — ‘обряд при сватании, когда жених делает подарки родне невесты и ее подругам — выкупает косу невесты’ (*Када косу прадають, спросють: «За сколько будить брать?»*).
- **Обголашивать невесту** — ‘обряд при сватании: прощаться с невестой’ (*На дру-гой день нивеста на пасади сидит, падруги абгалашывають*).
- **Пирь пить** — ‘пировать’ (*Аддали дочку замуш, пирь пють, гуляють*).
- **Садиться на посад. Сидеть на посаде** — ‘обряд при сватании, когда на второй день сватания невеста сидит в своем доме, в переднем углу, подруги поют свадебные песни’ (*Пьгуляють да света, а светом нивесту пдымають, и ана садицца нъ пасат, птьт иконы, косу распускаять, цельнай день сидить*).
- **Играть с припрядом. Песня с припрядом** — ‘играть с приплясом. Песня с при-плясом’ (*Эта песня с припрядом. — А вы Дуню напрасити, ана сыграить с припря-дам*).

• **Руку запивать** — ‘свадебный обряд — угощать сватов в первый день сватовства’ (*Начал паклали, три паклона паклали, руку запили*).

2) Номинации артефактов, связанных с обычаями, обрядами:

• **Гулевая песня** — ‘песня, исполняемая на вечеринках, беседная’ (*Маслинный песни другии, а гулявыи песни сафсем другии, маслинный песни в биседах ни играють*).

Фразеологизмы, называющие предметы, явления, состояния, ситуации, действия, связанные с обществом

Фразеологизмы данной подгруппы делятся на следующие разряды: 1) номинации, связанные с этикетом; 2) номинации организаций, их функций; 3) номинации качества жизни.

1) Номинации, связанные с этикетом:

• **Здорово дневали** — ‘приветствие днем и вечером’ (*Идём — старьи люди идуть, скажым: «Здарова днявали». — «Спаси Христос»*).

• **Здорово ночевали** — ‘приветствие утром’ (*Утрам гаварим «здарова начава-ли», а вечирам «здарова днявали»*).

• **Здорово себе работаете** — ‘приветствие’ (*Нильзя сказать «здраствуйти» — старики абияцца. Нада «Здарова сабе работаитя»*).

• **Здорово себе сидите** — ‘приветствие’ (*Здарова сабе сидитя, вот пришла ваша Лукеша*).

• **Моя семё** — ‘в обращении: родной, милый’ (*Мая симё — дитёнака так называют*).

• **Соль моя** — ‘любимый (в обращении)’ (*И любезная мая, ах, соль ты мая*).

• **Моя утроба** — ‘любимый (в обращении)’ (*Ах, мая утроба, какая мьладая, да забыла*).

2) Номинация организаций, их функций:

• **Круг закликать** — ‘сзывать круг (круг — орган самоуправления, общее собрание, решавшее все внутренние дела некрасовской общины)’ (*Асавул круг закликаить, фсе идуть, хто ни придёт — штрахують*).

• **Круг поставить** — ‘организовать собрание круга’ (*Атаманушки крух паставили*).

• **Взять отдых** — ‘пойти в отпуск’ (*Дедушка наш скоро вазьмёт оддых*).

• **Запереть в щелку** — ‘посадить под замок’ (*А сын пойла многа пётъ. На сабра-нии приказывали: «Ишо будиш делатъ — ф шэлку запрём»*).

3) Номинации качества жизни:

• **Жить нужно** — ‘плохо, трудно’ (*Нашы аццы, дядя паехали рыбалить, а мы стали жыть нужна да бедна*).

• **Стало тесно** — ‘не стало свободы, стали терпеть притеснения’ (*Атаман стал турак, там нам тесна стала*).

• **Не знать ряды** — ‘не знать порядка, законов’ (*Ф святой книги было написана итить к сваей вери, а мы жа ни знаим ряды*).

• **Купила коротка** — ‘не за что купить’ (*Чаво ш ты вина ня купиш? — Купила каратка!*).

Фразеологизмы, называющие предметы, явления, состояния, ситуации, действия, связанные с семьей

Данная подгруппа делится на следующие разряды: 1) номинации действий, состояний, связанных с формированием семьи; 2) номинации действий, состояний, связанных с рождением ребенка; 3) номинации рода, родственников.

1) Номинации действий, состояний, связанных с формированием семьи:

- **Замуж давать (дать)** — ‘выдавать замуж’ (*Дефки п̄расли, парни п̄расли, стали замуи давать, стали брать*).
- **Держать кого** — ‘быть женатым на ком’ (*Наи сасет у нас сястру дяржал*).
- **Жить за кем** — ‘быть замужем за кем’ (*Ета с Хромицикам жывѣтъ, а ета жы-вѣтъ за Лифѣром*).
- **Понять жену** — ‘взять жену’ (*Мая жана п̄мярла, я ета фтарую панял*).

2) Номинации действий, состояний, связанных с рождением ребенка, воспитанием:

- **Идти на майдан** — ‘о рождающемся ребенке’ (*Идѣтъ на майдан рибѣнак, и мы жа яво принимаим*).
- **Найти девочку, мальчика** — ‘родить девочку, мальчика’ (*Жывут гот, сабе мальчика наили. А я тады тольки перваю девачку нашла*).
- **Кормить сосом** — ‘кормить грудью’ (*Я таю-та дифчарушку кармила са-сом*).
- **Бить как сидоровых** — ‘жестко наказывать’ (*А матяря нас били как сидоро-вых!*).

3) Номинации рода, родственников:

- **Крестовая сестра, крестовая дочь** — ‘родственник по крещению’ (*Ана мая сястра крястовая. — Есь у нас сродники, мая дочка крястовая*).
- **Я их семѣ** — ‘я из их рода’ (*Казаки ф Турсии пражыли ишо пиддсяят лет, я иха симѣ, иха крофѣ*).

Фразеологизмы, называющие виды интеллектуального состояния человека

Фразеологизмы данной подгруппы делятся на следующие разряды: 1) номинации состояний, связанных с памятью; 2) номинации состояний, связанных с интеллектом; 3) номинации состояний, связанных со вниманием.

1) Номинации состояний, связанных с памятью:

- **Брать в голову** — ‘учиться чему-л., запоминать’ (*Дет рассказывал, а мы в гола-ву ня брали, и ня помним ничаво*).
- **Внять в голову** — ‘научиться чему-л.’ (*Внял в голаву, склат узнал, научился, книшку ат аццох п̄лучил*).
- **Лик потерять** — ‘забыть черты лица’ (*Вон долга служыл, адин другога лик уже п̄тярjali*).

Интересная закономерность обнаруживается во фразеологизмах, обозначающих способ припоминания, восстановления в памяти:

- **Навести на конец** — ‘вспомнить начало песни’ (*Песня старинная, ни навяду на конец*).

• **Найти конец** — ‘вспомнить начало песни’ (*Курагодная песня интиресная, да ни найду с канца иё*).

Полагаем, что в данных фразеологизмах отражена «разновидность пространственно-временного круговорота», характерная для древнерусского и других славянских языков: фразеологизмы, включающие слово *конец*, толкуются через лексему *начало*. Обусловлено это тем, что слова *начало* и *конец* содержат один и тот же корень *кон*. Ю. С. Степанов так пишет о значении корня *кон*:

В «чистом» виде он представлен в слове *кон*, др.-рус. *конъ* — «предел». Но точнее значение этого корня и слова можно определить так: «раздел между прошлым и настоящим или между настоящим и будущим». Тогда делаются понятны два значения, казалось бы, «противоположные», но в действительности происходящие из одного и того же: 1. «конец», причем само слово *конец* — производное от того же слова *конъ*; 2. «начало», которое следует предположить в производных словах *искони* «с самого начала», *исконный*, др.-рус. *исконъный* «изначальный». При измерении длин какой-либо меркой, а также при счете отрезками (например, на обычной современной сантиметровой линейке) конец одного отрезка является в то же время — и м е н н о в т о ж е в р е м я — началом другого отрезка⁷⁹⁶.

2) Номинации состояний, связанных с интеллектом:

• **В лиховую звонить** — ‘о бестолковом человеке’ (*Нипанятливый — в лиховую звони яму сколько хочиш*).

• **Натянуть в голову** — ‘догадаться, сообразить’ (*Нямношка натямила ему в голову, ну ня сразу понял*).

• **Будь наумна** — ‘будь умницей’ (*Буть умильна, сиди тиха, наумна буть*).

3) Номинации состояний, связанных со вниманием:

• **Отворять уши** — ‘слушать внимательно’ (*Няхай вухи атваряить, внимать решиш*).

Фразеологизмы, называющие предметы, состояния, ситуации, действия, связанные с религией

Фразеологизмы данной подгруппы делятся на следующие разряды: 1) номинации действий, связанных с религиозными правилами; 2) номинации групп иноверцев.

1) Номинации действий, связанные с религиозными правилами:

• **Держать пост** — ‘соблюдать пост’ (*Старая вера — ни курить, барады ня брить, пасты дяжрать*).

• **Начал класть** — ‘совершать молитву с поклонами’ (*На абет садисси — молиси, а вутрам начал кладём, вечирам хлебушка паели и начал кладём*).

• **Обрекатся кем / Нести обрѣк** — ‘давать обет святому’ (*Хадил па морям в лотачках. Хто ни хадил, тот абрѣках ни нѣс, а хто хадил, тот абрыкалси, и свеичику жѣг какому святому*).

⁷⁹⁶ Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 126.

- **Поминать резче** — ‘поминать усерднее’ (*Сей муку чашиша, пяки пирох мяхча, паминай Кузьму решиша*).

- **Сказнить веру** — ‘нарушить веру’ (*А турки хатять, штоп мы сваю веру сказнили*).

2) Номинации групп иноверцев:

- **Безверная вера** — ‘неодобр. мусульмане, некрещенные’ (*Там бизверная вера, никришионаи, смотрють, каг ба над христианами пасмяяца*).

- **Неверная вера** — ‘турки, мусульмане. Страна, населенная мусульманами’ (*Ходим аб магилку ацца да праклинаим яво, што он аставил нас тут, в нивернай вери пагибать*).

- **Дикий мир** — ‘дикие люди’ (*Ани вышли с кърablyа, а там дикай мир*).

Фразеологизмы, называющие виды поз, движений человека, части тела, возраст

Фразеологизмы данной подгруппы делятся на следующие разряды: 1) номинации поз, движений; 2) номинации частей тела; 3) номинации возраста.

1) Номинации поз, движений:

- **Конём ходить** — ‘красоваться, гордо выступать’ (*Пъясы были, трабулус — поис шырокай, на фсю хату длининой, вон падаить, а он канём ходить, хвастаить*).

- **Мосолы растопорить** — ‘стоять, расставив ноги’ (*Банка наша стаить, масалы растапорила, балтаить*).

- **Сидеть на пристанках** — ‘сидеть на корточках’ (*Сижу на пристапках да чишишу пацатки*).

- **Идти ростом** — ‘идти прямо, в полный рост’ (*Ни иди ростам, а то хлопнить хто-нибудь, иди в винагради*).

2) Номинации частей тела:

- **Передний палец** — ‘указательный палец’ (*Палиц большой, малый — мизиниц, пиредний палец — указатильный*).

3) Номинации возраста:

- **Купырь молодой (молодая)** — ‘очень молодой человек’ (*Вон был ишо купырь маладой. — Эта ана купырь маладая* (купырь — «м. растение дягиль»⁷⁹⁷)).

- **Голь да перетыка** — ‘пренебрежительное название молодых казаков’ (*Эта разви казаки? Эта голь да пирятыка! Раньшы были къзаки!*).

Фразеологизмы, называющие состояния, ситуации, действия, характеристики связанные с речью

Фразеологизмы данной подгруппы делятся на следующие разряды: 1) номинации действий, связанных с речью; 2) номинации-характеристики речи, пения, определенных слов.

⁷⁹⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 567.

1) Номинации действий, связанных с речью:

- **Владать языком** — ‘владеть каким-л. языком’ (*Царковнаму учили, а свецкаму нет; вы свецким владаиця, а царковным нет*).
- **Класться на имя** — ‘называться’ (*В лиманах и в мори разная рыба, как ана на имя клалася па-руски, мы ня знаим*).
- **Не мурмычет** — ‘не отвечает, не подает голоса’ (*Я иё заву, а ана стаить и ни мурмычить*).
- **Слухи брать** — ‘получать известия’ (*Мы слухи бирём, што ани будут пирсяляцца. — Я ат людей слухи бяру*).

2) Номинации-характеристики речи, пения, определенных слов:

- **Догрубное слово** — ‘обидное, злое слово’ (*Дагрубныя слава — злыя, нясламныя слава*).
- **Материнское слово** — ‘матерная брань’ (*Вон ни ругливый был, дети материнская слава ни слыхали*).
- **Мосолы собирать** — ‘сплетничать, болтать’ (*Пашла Аксютка мьсалы сабировать, балтатъ языком*).
- **Сказать лишку** — ‘сказать лишнее’ (*Ступнул из диревни — уже турки; лишку ни гьвари, лишку скажыся — набють*).
- **На всю вражую** — ‘очень громко’ (*Бапка, надо грамчейша, а то ты тиха играиш. — А што жа на фсю вражую кричатъ?*).
- **Играть резко** — ‘петь мастерски, с вдохновением’ (*Он играть реска, а ани слушають*).

Фразеологизмы, называющие действия, связанные с играми, и виды игр

Фразеологизмы данной подгруппы делятся на следующие разряды: 1) номинации видов игр; 2) номинации действий в играх.

1) Номинации видов игр:

- **Играть жмуркой** — ‘играть в прятки’ (*Давайти жмуркай играть! — Жмуркай играли — лавю. лавю, каво поймаю — кала-бала-шышка, на табе платок*).
- **Горю играть** — ‘игра горелки’ (*Играли в гарю, събярцуца дефки — в гарю, вы аццюда бягитя, а мы аццюда, и ловють*).
- **Колоду ворочать** — ‘название игры’ (*Калоду ворочать — пирькидають адин аднаво*).
- **Лаем играть** — ‘название игры’ (*Лаем играли — вон станить на углу, каму водить: «Лай-лай, бягитя!»*).

2) Номинации конкретных действий в играх:

- **Стать в корень** — ‘при игре в чехарду стать в наклонном положении, чтобы другие перепрыгивали’ (*Начнём чигарду играть, адна ф коринь становицца, а мы прыдаим*).
- **Стать под девку, под невесту** — ‘в хороводе стать в пару с девушкой’ (*Бурлака затрубулусивъицца и становицца пьд невесту, када карагод бываить*).

Обобщая данный параграф, необходимо сказать, что фразеологический единицы, относящиеся к лексико-тематической группе «Человек», занимают основное

место в составе фразеологизмов говора казаков-некрасовцев (68%). По своей семантике в данной группе фразеологизмов преобладают номинации ситуаций, действий, состояний, предметов, связанных с родом занятий, одеждой, пищей, эмоциональным и физическим состоянием некрасовца.

Среди них выделяются наименования ситуаций, действий, состояний, предметов, связанных с рыболовством, основным занятием некрасовских мужчин.

В лексико-тематической группе «Человек» довольно много номинаций различных рубаш и их деталей, фартуков, платков.

Необходимо также отметить немалое количество фразеологических номинаций видов хлебных изделий или номинаций, так или иначе связанные с хлебом.

Отношение к хлебу у некрасовцев аналогично отношению к хлебу во всей традиционной славянской культуре. С. М. Толстая пишет:

Хлеб в традиционной культуре — высшая жизненная ценность, «дар Божий», главный ресурс жизни, символ достатка, благоденствия, здоровья и плодородия, повседневная обрядовая реалья, обращение с которой в высшей степени ритуализованно и подчинено множеству предписаний и запретов, объект почитания и сакрализации⁷⁹⁸.

Некрасовка Беликова Пелагея Федоровна так описывает отношение казаков к хлебу:

С хлебом было связано много обычаев и традиций. В первую очередь его нельзя выбрасывать. Грехом считалось, даже когда неправильно его резали. Его нельзя переворачивать сверху вниз. Хлеб — основа всего: с хлебом молодых встречали, его освящали на поминках и на Пасху. Такой хлеб даже птице не давали. Если не успели съесть в свое время, его сушили на сухарики и ели потом. В каждом доме обязательно была русская печь, в которой каждую неделю пекли хлеба. Остальную еду обычно готовили на летних печах — горнушках, прямоугольных каменных печах, также в каждом доме были и буржуйки, но хлеб пекли только в русской печи.

В меньшем количестве в лексико-тематической группе «Человек» наличествуют номинации ситуаций, действий, состояний, предметов, связанных с домом, обрядами, праздниками, обществом, семьей, религией, интеллектуальным состоянием, речью, внешним обликом, играми некрасовца.

Во фразеологизмах говора лексико-тематической группы «Человек» широко представлена пейоративная оценка. Отдельный пласт составляют устойчивые сочетания, посвященные слову и речи, что свидетельствует о понимании его силы и значимости казаком. Отрицательно оценивается: грубое слово, пустое слово, неуместное слово, многословие, очень громкая речь (*Догрубное слово* — «обидное, злое слово». *Материнское слово* — «матерная брань». *Сказать лишку* — «сказать лишнее». *Мосолы собирать* — «сплетничать»).

Пейоративную характеристику приобретают определенные качества человека, такие как бестолковость, сердитость, неаккуратность (*В лиховую звонить* — «о бестолковом человеке». *Гром с молоньей* — «о ком-то сердитом»).

⁷⁹⁸ Толстая С. М. Статья хлеб // Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 1—5. М.: Международные отношения, 2009—2012. Т. 5. С. 412.

Отрицательно воспринимаются страдание, лишения, отсутствие воли, порядка (*Мукой мучиться* — ‘страдать’. *Жить нужно* — ‘плохо жить’. *Стало тесно* — ‘нет свободы’. *Не знать ряды* — ‘нет порядка’).

С пейоративной точки зрения оценивается и образ жизни человека, не соответствующий представлениям народа о таких важнейших нравственных концептах, как «любовь», «совесть» (*Не в совесть / Не в любовь* — ‘не по любви’).

Мелиоративной окраской отличаются обращения *соль моя*, *утроба моя*, *симё моя*, эквивалентами которых в русском литературном языке являются обращения *душа моя*, *солнце моё* и т. д. В названных обращениях говора прослеживаются архаические представления славянина о ценностях окружающего его мира. Происхождение обращения *соль моя*, по-видимому, объясняется тем, что это важнейший продукт для выживания человека, который крестьяне покупали, а не производили. Из-за повышения цены на соль в России в XVII столетии случились «соляные бунты». Но соль для древнерусского человека, и для великорусского человека эпохи средневековья — это не только продукт, но и символ богатства, и магическое средство. В словаре «Славянские древности» так описывается лексема и понятие *соль*:

...приправа к пище, символ достатка и благополучия, мощное защитное, очистительное, продуцирующее и в то же время вредоносное магическое средство. ... Соль ассоциируется также с умом, любовью и дружбой. Устойчивое соединение двух самоценных по себе и собственной символике продуктов «хлеб-соль» образует единство, основополагающее для многих ритуалов⁷⁹⁹.

Практическая, мифологическая, сакральная ценность соли и обусловила появление в говоре некрасовцев такого обращения человеку, чаще всего к родному, как *соль моя*.

Обращение к родственнику, чаще всего к ребенку, *симё моя* (= семя моё) также репрезентирует представления некрасовца о приоритетах в его жизни. В семантике обращения *симё моя* отразились древние представления о семени как символе оплодотворяющего начала в растительном, животном мире и мире человека. В словаре «Славянские древности» лексема *семя* толкуется как

...символ будущей жизни, плодородия и изобилия. ... Слово *семя* означает и зерно растения, и оплодотворяющее начало в человеке и животном (ср. др.-рус. *семя* — «потомство», русское диалектное *семячко* — «ласкательно о ребенке», *крапивное семя* — «внебрачный ребенок», пословицы «Благое *семя*, благие и плоды», «От худого семени не будет доброго племени» и т. д.)⁸⁰⁰.

⁷⁹⁹ Пьянкова К. В., Седакова И. А. Статья *соль* // Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 1—5. М.: Международные отношения, 2009—2012. Т. 5. С. 113.

⁸⁰⁰ Усачева В. В. Статья *семя* // Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 1—4. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 618.

Происхождение обращения *утроба мая* обусловлено, с одной стороны, тем, что *утроба* воспринималась славянином как вместилище органов, связанных с пищеварением и рождением новой жизни, а с другой стороны, как символ сути самой жизни — души, сердца. В словаре В. И. Даля лексема *утроба* толкуется следующим образом: «живот, брюхо, чрево, //Сердце, душа, вообще внутреннее, сокрытое»⁸⁰¹. В данной словарной статье В. И. Даль приводит и обращение *Прости, моя утроба, моя утробушка!*

Положительно оцениваются такие явления, как плодородная земля, умение делать что-либо красиво (*Родимая земля* — ‘плодородная земля’. *Как лететь* — ‘о высшей степени красоты и изящества’).

В целом категория качества в рамках фразеологических единиц говора казаков-некрасовцев по своей сути во многом соответствует представлениям о «хорошем» и «плохом» в славянской культуре, где также положительно воспринимается плодородная земля (*земля-матушка*), отрицательно оценивается не вовремя сказанное слово (*слово не воробей — вылетит, не поймаешь*), бестолковость людей (*ему как об стенку горохом*) и т. д. Очевидно, такая оценка является отражением универсального представления о «хорошем» и «плохом», поскольку в культурах многих народов можно обнаружить осмысление тех же самых понятий в аналогичной системе координат. В то же время план выражения категории квалитативности в рассматриваемом говоре является оригинальным: целый ряд обнаруживаемых здесь устойчивых сочетаний не свойственен ни одному из родственных языков.

Некоторые фразеологизмы отражают специфичный быт казака-некрасовца, элементы которого возникли в Турции в результате влияния определенного социокультурного окружения и условий проживания в Турции:

Сидячий стол — ‘круглый стол на низких ножках, за которым готовили еду’.
Стенная подушка — ‘подушка, которую кладут к стене, сидя на коврах, по восточному обычаю’.
Белая межда — ‘украшение, серебряная или позолоченная монета на цепочке’ (от турецк. *meçdie*).
Ездить на фасоли — ‘питаться преимущественно фасолью’.

Ряд фразеологизмов созданы некрасовцами с использованием заимствованных лексем из турецкого языка. Это фразеологические единицы, относящиеся к роду занятий казака:

• *Зарзаватная лодка* — ‘вспомогательная лодка для перевозки рыбы и снаряжения при ловле неводом, зарзават’. (Турецк. *zerzavat*.)
Надас пахатъ. Надас дратъ — ‘распахивать землю’. (Турецк. *nadas*.)
Бить шерсть на тарак — ‘взбивать шерсть при помощи ручного приспособления, тарак’. (Турецк. *tarak* ‘гребень’.)

Реже это номинации, относящиеся к быту, болезням:

• *Земной кат* — ‘нижний ярус, этаж’. (Турецк. *kat* ‘этаж’.)
Куточка огонь — ‘коробка спичек’. (Турецк. *kuti* ‘коробка’.)
Тукмаки забили в голове — ‘болезнь’.

⁸⁰¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 4. С. 1101.

ненное ощущение толчков в голову'. (Турецк. *tokmak* 'молоток'.) **Турлучный дом, хата** — 'строение, стены которого плетутся из камыша, затем обмазываются глиной'. (Турецк. *turluk* 'круг'.)

2. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, НАЗЫВАЮЩИЕ АБСТРАКТНЫЕ ПОНЯТИЯ

В говоре казаков-некрасовцев достаточно широко представлена фразеология, в той или иной степени отражающая специфику освоения отвлеченных понятий в языковом сознании некрасовца. Важно подчеркнуть, что во фразеологических единицах говора, называющих абстрактные понятия, нашли воплощение как черты, общие для всех славянских культур, так и особенности, присущие исключительно рассматриваемому говору.

Данная группа фразеологизмов в порядке их приоритетности по количественному признаку дифференцируется на следующие подгруппы:

- 1) фразеологизмы, называющие предметы, явления, состояния, ситуации, действия, связанные с категорией пространства;
- 2) фразеологизмы, называющие предметы, явления, состояния, ситуации, действия, связанные с категорией времени;
- 3) фразеологизмы, называющие предметы, явления, состояния, ситуации, действия, связанные с категорией бытия;
- 4) фразеологизмы, называющие предметы, явления, состояния, ситуации, действия, связанные с категорией количества, величины.

Фразеологизмы, называющие предметы, явления, состояния, ситуации, действия, связанные с категорией пространства

Данная подгруппа делится на следующие разряды: 1) номинации чуждого человеку макропространства, движения в этом пространстве, состояния человека в нем; 2) номинации способов перемещения в пространстве.

1) Номинации чуждого человеку макропространства, состоящего из таких элементов, как дорога, путь, виды движения назад, в разные стороны, состояния человека в пространстве:

- **Не под линию** — 'не по пути' (*Мне жы ни пад линию к тебе беишь*).
- **Найти ряд** — 'найти путь, выход из положения' (*Къбаны па плавням вадилися. Плавни такия, што заедили и ни найдёи ряду, куда выихать*).
- **Стольная дорога** — 'большая дорога' (*Ходють па стольнай дароги, бальшой, а трапинка — дълаба*).
- **Пойти на зворот** — 'возвратиться' (*Вон паиош на зварот, назат зваратилси*).
- **Задними ступенями** — 'назад, по своим следам' (*Гъварять, пайдётя задними ступенями ф сваю веру*).
- **Куды зря** — 'в разные стороны, куда попало' (*Зачнём бегать куды зря — какой в Измирь, какой в Арабию*).
- **Быть в поездах** — 'быть в разъездах' (*Муш ф паиздах бываить на зиму, ани там и рыбу ловють, и прадають*).

- *Попасть на отрез* — ‘попасть в окружение’ (*Вон был ф Турсии, пирьскачил суды, папал на атрес*).

2) Номинации способов перемещения в пространстве:

- *Морем бегать* — ‘плавать на лодке, пароходе’ (*Морям бегали ф Стамбул, пърахот за семь часох прибягал*).

- *Бечь чем* — ‘ехать на коне’ (*Вон бех канём, спаткнулси, тяпнулси*).

- *Бечь верхами* — ‘ехать на коне’ (*Выихали на берих — двянацать чилавек бяжать вярхами*).

В целом же необходимо отметить, что изображение пространства в рамках фразеологических единиц в говоре казаков-некрасовцев соответствует его описанию в славянских культурах, где также основополагающей является оппозиция пространства жилого (безопасного) и пространства, расположенного за пределами дома (полного опасностей для человека).

Фразеологизмы, называющие предметы, явления, состояния, ситуации, действия, связанные с категорией времени

Данная подгруппа делится на следующие разряды: 1) номинации, связанные с обозначением наиболее архаической формы времени, получившей название циклического; 2) номинации, связанные с обозначением времени нового, линейного, возникшего под влиянием христианского мировидения; 3) номинации, связанные с обозначением психологического времени.

Такое синкретичное представление о времени в рамках фразеологических единиц в говоре вполне согласуется с представлениями славянских народов, в которых «Время (*искон. < *vert men*, родственно вертеть) — одна из основных категорий (наряду с пространством) традиционной картины мира, сочетающая мифологическое (циклическое) и историческое (линейное) восприятие»⁸⁰².

1) Номинации, связанные с обозначением наиболее архаической формы времени, получившей название циклического.

Циклическое время по своему происхождению связывается с «циклическими явлениями природы — восходом и заходом солнца, наступлением весны и других времен года, рождением и умиранием луны и т. д.»⁸⁰³. Главная его особенность заключается в том, что «оно выступает уже вполне обобщенным и концептуализированным в архаических аграрных культурах, где такие циклы составляют самое существо культуры и хозяйства»⁸⁰⁴.

Семантика этого времени выражается в том, что оно олицетворяет собой вращение по замкнутому кругу, предполагающее постоянное прохождение двигаю-

⁸⁰² Толстая С. М. Статья время // Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения. Т. 1—4. 2009. Т. 1. С. 448.

⁸⁰³ Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 95.

⁸⁰⁴ Там же.

щегося объекта через одни и те же точки. В языке это время обычно передается с помощью лексем («минута», «час», «день», «год»), включающих в свое значение семантический компонент «круг».

В говоре такое понимание времени нашло отражение в следующих фразеологизмах:

- *Летошний год* — ‘прошлый год’ (*Мне яво леташний гот привадили. — Тольки мы пирьсялилися, леташний гот*).
- *Надышний день* — ‘позавчера’ (*Я надышний день упала. — Иё учительница пришла надышний день*).
- *Пёстрая неделя* — ‘неделя перед масленицей, когда три дня в неделю постятся’ (*Патом идёт пёстрая ниделя: ф панидельник, сиряду, пятницу ни ядим мяса, яички*).
- *Позалетошний год* — ‘в позапрошлом году’ (*Летася — прошлый гот, пьзалетосия — пьзалетошний гот*).
- *Повороты пошли на зиму* — ‘о наступлении осени’ (*Повраты паили на зиму, Иван Придатеча — прибавилася ночка-та*).

Наличие циклического времени в говоре было во многом обусловлено тем, что одним из основных занятий казаков-некрасовцев было земледелие, по своей специфике задающее ритм всей жизни.

2) Номинации, связанные с обозначением времени нового, линейного, возникшего под влиянием христианского мировидения.

В ряде фразеологизмов говора мы находим своеобразное выражение линейного времени. Если у славян оно воспринималось прежде всего как движение по прямой линии от сотворения мира до страшного суда (в соответствии с линейностью человеческой жизни, имеющей начало и конец), то в некоторых фразеологизмах некрасовцев оно контаминировалось с пространством, олицетворяя собой движение сверху вниз:

- *Сверха наниз* — ‘к старости’ (*Сорак лет — бабий век..., типерь пайдеть свярха наниз*).
- *Года низжают* — ‘годы прибавляются’ (*Раньшы я фсё розумам работал, а типерь розум стал фсё нанис, гада низжают*).

В данных фразеологизмах представлена пространственная метафора, которая является отражением очень важной для человеческого сознания оппозиции *верх — низ*, из которой следует, что человек осмысляет время через пространство. Верх для казака-некрасовца связан с духовной жизнью человека, основан на вере в Бога и общении с ним, связан с совестью. Низ ассоциируется с повседневной жизнью человека, с тем, с чем сталкивается он постоянно. По-видимому, такое восприятие окружающего мира казаками-некрасовцами, отразившееся в их языковом сознании, — это след «первоначально слитого воедино представления о времени и пространстве»⁸⁰⁵, сохранившегося в говоре и стершегося в литературных языках. Верх в соответствии с общекультурными концептуальными метафорами, по ко-

⁸⁰⁵ Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. СПб.: Изд-во ЛГУ, 1986. С. 156.

торым на него «ориентированы здоровье, жизнь»⁸⁰⁶, приобретает мелиоративную оценку (в говоре это молодость, расцвет сил), тогда как низ, ассоциирующийся с «болезнью и смертью»⁸⁰⁷, оценивается отрицательно (старость, немощь).

3) Номинации, связанные с обозначением психологического времени.

В диалекте казаков-некрасовцев нашло отражение и т. н. психологическое время, устанавливающееся относительно жизни человека. В языке оно обычно передается с помощью слов и выражений «давно», «когда-то», «на нашей памяти» и т. д. Репрезентантами психологического времени в говоре стали фразеологизмы:

- **Нема коли** — 'нет времени, некогда' (*Ныня няма кали гутарить, зафтра прихаді*).
- **При нашей прѣживи** — 'при нас, в нашу бытность' (*Ета было-та при нашей прѣживи*).
- **В старинку** — 'давно, в старину' (*Ф старинку далёка хадили работать, двоя сутак бягии на лотачки*).

Таким образом, время в рамках фразеологический единиц говора казаков-некрасовцев представлено как категория многоаспектная, в полной мере отражающая осмысление человеком как хода своей собственной жизни, так и развития всей системы мироздания.

Фразеологизмы, называющие предметы, явления, состояния, ситуации, действия, связанные с категорией бытия

Данная подгруппа делится на следующие разряды: 1) номинации, связанные с такими онтологическими категориями, как жизнь и смерть; 2) номинации, связанные с таким аспектом категории бытия, как отсутствие — присутствие (наличие) человека.

1) Номинации, связанные с такими онтологическими категориями, как жизнь и смерть. Больше внимание в говоре уделяется смерти, которая может быть геройской или будничной:

- **Склонить голову** — 'сложить голову, погибнуть' (*Казак голову склонил*).
- **Душу таскать на ниточке** — 'постоянно подвергаться смертельной опасности во время рыболовного промысла на море' (*Какая лотачка была? Семь метрах длинину, полторы метры ширины..., душу таскали сваю на нитачки*).
- **Задрать ноги** — 'груб. умереть' (*Ана задрала уже ноги, умярла*).

В устойчивых сочетаниях говора находит отражение и традиция не говорить о мертвых плохо: **Таскать мощами** — 'тревожить мертвых, плохо вспоминать' (*Чаво маю сястру таскають маццями, ана дивяноста третим гаду вумирла, уже костушкав нет*).

2) Номинации, связанные с таким аспектом категории бытия, как отсутствие — присутствие (наличие) человека:

⁸⁰⁶ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 33.

⁸⁰⁷ Там же

- *При глаз* — ‘в присутствии кого-л.’ (*Я при глас у табе бяру адну рыпку*).
- *В глазах нет* — ‘об отсутствии кого-либо’ (*Адна дочичка была, и той в глазах нет*).
- *Нема кому* — ‘некому’ (*Адна жыву, мяшацца няма каму*).

Фразеологизмы, называющие предметы, явления, состояния, ситуации, действия, связанные с категорией количества, величины

Категория количества, величины представлена незначительным числом примеров:

- *Взять лишку* — ‘взять лишнее’ (*А лишку взять мѣлака — ана губицца*).
- *По руке* — ‘с руку толщиной’ (*Толстай на руке чакан был, вот такая чаканина*).
- *В глазу порошинка* — ‘только и есть’ (*У няво сродники есть, а у нас — в глазу пѣрашынка — вначата да вначки*).

В целом необходимо отметить, что абстрактные категории в говоре казаков-некрасовцев, выраженные во фразеологических единицах, по своему происхождению и содержанию носят контаминированный характер: с одной стороны, они возникли на основе общей для многих народов славянской культуры, а с другой — имеют оригинальные черты. Элементы сходства выявляются в осмыслении таких более древних понятий, как время, пространство, однако есть и образования более позднего происхождения, что обусловлено причинами исторического характера.

Оказавшись в изоляции от других славянских народов, казаки-некрасовцы, сохраняя прежние традиции, неизбежно должны были осмыслять и оценивать новые, ранее неизвестные явления и предметы, что в полной мере нашло отражение и во фразеологии их говора. К специфичным для говора фразеологизмам можно отнести следующие единицы, выражающие стремление к свободе некрасовцев, их сложный и драматический исторический путь: *Задними ступенями* — ‘назад, по своим следам’ (о возвращении на родину), *Душу таскать на ниточке* — ‘постоянно подвергаться смертельной опасности (о рыболовном промысле на море)’.

3. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, НАЗЫВАЮЩИЕ ЯВЛЕНИЯ, СОСТОЯНИЯ, СИТУАЦИИ, ДЕЙСТВИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ЖИВОТНЫМ И РАСТИТЕЛЬНЫМ МИРОМ

Данная лексико-тематическая группа представлена двумя подгруппами:

- 1) фразеологизмы, называющие предметы, явления, состояния, ситуации, действия, связанные с растительным миром;
- 2) фразеологизмы, называющие предметы, явления, состояния, ситуации, действия, связанные с животным миром.

Фразеологизмы, называющие предметы, явления, состояния, ситуации, действия, связанные с растительным миром

Данную подгруппу можно дифференцировать на следующие разряды: 1) номинации видов растений; 2) номинации частей растений, номинации-характеристики плодов растений.

1) Номинации видов растений (садовых цветов, целебной травы, кустарников, пшеницы, проса, гороха):

- **Змеиная пышка** — ‘название садового цветка’ (*Святы — змеиная пышка, лапушной святок, стамбульский — краснай*).
- **Чёрная колюка** — ‘колючий кустарник, используемый для изгородей’ (*Коли (= колья) бють, калюку рубают, чёрная калюка, ана растёт ф Терскай вобласти, скатывають кучками и заплятають, гародють*).
- **Трава куропеная** — ‘целебная трава’ (*Травачка куропиная, белинький святочик, иде раначку разрежыш, либа палиц сагрёш*).
- **Хлеб навершенный** — ‘зерно в мешках, сложенное в скирд или в кучу’ (*Хлеп навершаний — накладыны высока, кладём мяшки, да вярхом накладым*).
- **Нырковая трава** — ‘трава, которой лечили болезнь нырок’ (*Нырковая трава лячила, курили ей, нырок апкуривали*).
- **Горох пупистый** — ‘крупный горох’ (*Сеили гарох, гарох был пупистай*).
- **Сарачинное просо** — ‘сорт проса’ (*У наз была сарачинная проса, с няво венки делали*).
- **Тушканьи ушки** — ‘лечебная трава’ (*Када испужанай дитёнак бувайт, иво тушканями вушками — шырокий лист, а пьсварьху каг бумах, а вон листьями паверх растёт, а панюхаши — пахнить*).

2) Номинации частей растений (кукурузы, дерева), номинации-характеристики плодов растений:

- **Початные виски** — ‘волокна в кукурузном початке’ (*виски — ‘волосы’*) (*Пачатнай виски дефки паназбирають и косы панаплятуть*).
- **Саморослая рашка** — ‘естественная развилина древесного ствола’ (*Сьмарослая рашка — дерица находиш, штоп ано расло в два конца*).

Фразеологизмы, называющие предметы, явления, состояния, ситуации, действия, связанные с животным миром

Данную подгруппу можно дифференцировать на следующие разряды: 1) номинации-характеристики животного (коровы, коня); 2) номинации количества животных (о рыбе); 3) номинации пород птиц.

1) Номинации-характеристики животного (коровы, коня):

- **Бойкая корова** — ‘бодливая корова’ (*Карова бёцца, за мной ганяла; мы ни дяржали бойких карох*).
- **Гулевая корова** — ‘нетельная корова’ (*Здесь называют гулявая карова, а панашаму — нетиль*).
- **Конь невлаканный** — ‘необъезженный конь’ (*Ой, вы бягитя, люди добрыи. Ой, вядитя мне каня нивладанава, Да няситя востру саблю нивладанау*).

2) Номинации количества животных (о рыбе):

- **Рыбный гарман** — ‘плотное скопление рыбы в водоеме, косяк’ (*Рыбный гарман — рыба скучкишца и стоить на мести. И сом становицца гарманам*).
- **Рыба киповая** — ‘о большом количестве рыбы в водоеме’ (*Возир наш — рыба кипавая, кипить рыбай*).

3) Номинации породы птиц:

- *Крыжняя утка* — ‘порода диких уток’ (*Крыжнии* — *бальшыя утки*).

Фразеологизмы, называющие явления, состояния, ситуации, действия, связанные с животным и растительным миром, представлены небольшим количеством единиц. Преобладают номинации видов растений: целебных трав, окультуренных растений — пшеницы, проса, гороха, кукурузы. В меньшем количестве имеются наименования-характеристики коровы, коня, количества рыбы.

4. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, НАЗЫВАЮЩИЕ ЯВЛЕНИЯ, СОСТОЯНИЯ, СИТУАЦИИ, ДЕЙСТВИЯ, СВЯЗАННЫЕ С КОСМОСОМ И НЕЖИВОЙ ПРИРОДОЙ

Важное место в говоре казаков-некрасовцев занимают устойчивые конструкции, отражающие представления о вселенной. Фактически те же самые природные явления были осмыслены и в других славянских культурах, но в говоре они в некоторых случаях приобретали другие названия.

Данная лексико-тематическая группа представлена тремя подгруппами:

- 1) фразеологизмы, называющие предметы, явления, состояния, ситуации, действия, связанные с космосом;
- 2) фразеологизмы, называющие предметы, явления, состояния, ситуации, действия, связанные с земной поверхностью;
- 3) фразеологизмы, называющие предметы, явления, состояния, ситуации, действия, связанные с атмосферными явлениями.

Фразеологизмы, называющие предметы, явления, состояния, ситуации, действия, связанные с космосом

Данную подгруппу можно дифференцировать на следующие разряды: 1) номинации атмосферных явлений; 2) номинации созвездий, скоплений звезд; 3) номинации звезд, планет; 4) номинации действий, характерных для звезд (их характеристика).

1) Номинации атмосферных явлений:

- *Месяц исходит* — ‘всходит’ (*Месиц наражаицца мьладой, малиничкай, месиц вузинький исходить*).
- *Солнце померкает. Луна померкает* — ‘о солнечном, лунном затмении’ (*Пмяркала сонца — затмения, луна тожы пмяркала*).
- *Солнца уха* — ‘особое состояние солнечных лучей, оптическое явление, бывающее перед дождем’ (*Уха бывають с абоих старон, сонца уха, на ветир и на дош*).

2) Номинации созвездий, скоплений звезд:

- *Арбяная дорога* — ‘Млечный путь’ (*На нёби как туманам ляжыць Арбяная дарога*).
- *Матвеева дорога* — ‘Млечный путь’ (*Чирис фсё нёба протянулась Матвеева дарога*).

• **Петров Крест** — ‘созвездие Южный Крест’ (*Кадила фпирёт идёть, Пятроф Крест за ними*).

3) Номинации звезд, планет:

• **Заревая звезда** — ‘планета Венера’ (*Вясной, бываить, зашла Зарявая звезда — значить, заря скоро*).

• **Прикол-звезда** — ‘Полярная звезда’ (*Прикол-звядзо называють Севирная, ана стаить на мести, а кругом ниё звёзды апходять*).

• **Бурлацкое солнышко** — ‘луна’ (*Месиц светить, гъварять — бурлацкая солнышка, хлопцы на дефкам ходять*).

4) Номинации действий, характерных для звезд:

• **Звезда служит** — ‘светит, находится на небосводе’ (*Большая звязда — Зарница, бываить вечирам служыть, бываить на утрам служыть*).

Фразеологизмы, называющие предметы, явления, состояния, ситуации, действия, связанные с земной поверхностью

Данную подгруппу можно дифференцировать на следующие разряды: 1) номинации-характеристики ландшафта; 2) номинации явлений, связанных с земной поверхностью.

1) Номинации-характеристики ландшафта. Интересно, что во фразеологии рассматриваемого говора обнаруживается осмысление неизвестных географических явлений через уже знакомые образы, что свидетельствует о метафоричности мышления некрасовца.

• **Песчаное море** — ‘пустыня’ (*Мы къраблём пъяжым, там пнящаная моря, там нашы живутъ, в бишмятах, в блъхванах, у них кички, сирёшки*).

• **Гудило гудит** — ‘о шумном месте в реке’ (*В речки как быстрая места, так гудила гудить*).

2) Номинации явлений, связанных с земной поверхностью:

• **Трусение земли. Земля трусение** — ‘землетрясение’ (*Зямля трусения сильная бываить, как ветир тянить, тах-та там трусения зямли. Ну, мы жывы были*).

Фразеологизмы, называющие предметы, явления, состояния, ситуации, действия, связанные с атмосферными явлениями

• **Благий свет** — ‘хорошая погода’ (*Свет-та титерь благий стаить*).

• **Лёгкая зима** — ‘теплая зима’ (*Зимы ни было, лёфкаи зимы были*).

• **Лёгкая погода** — в знач. ‘ясная, сухая погода’ (*Бахилы на лёхкай пагоди надывали, а в дои — катыры*); в знач. ‘безветренная погода на море’ (*Кали лёхкая пагода, штобы сильна праехать, вирёфку натягъвали и на макара*).

• **Погодное время** — ‘ясная погода’ (*Кукумява — глаза сераи; кали г дожджыч-ку — кричить «кук», а кали пагодная время — «кукумья» кричить*).

В целом фразеологизмы, называющие явления, состояния, ситуации, действия, связанные с космосом и неживой природой, присутствуют в говоре в небольшом количестве. Преобладают фразеологизмы, называющие предметы, явления, состо-

яния, ситуации, действия, связанные с космосом: номинации созвездий, скоплений звезд, звезд, планет, атмосферных явлений, действий, характерных для звезд. Присутствуют наименования-фразеологизмы предметов, явлений, связанных с атмосферными явлениями и земной поверхностью.

К специфичным фразеологическим единицам, выражающим эмпирический опыт и этническое мировидение некрасовца, мы относим следующие:

- *Прикол-звезда* — ‘Полярная звезда’ (лексема *прикол* в своем основном значении — ‘кол для привязывания животных’, Полярная звезда так же неподвижна относительно соседних звезд).

- *Звезда служит* — ‘звезда светит, находится на небосводе, чаще всего о Венере’ (в данном случае культурно-исторический опыт носителя говора позволил ему увидеть в регулярном появлении планеты Венера — утром и вечером — аналог службы казака).

Кроме того, в составе и содержании фразеологических единиц лексико-тематического разряда «Космос» находятся единицы, которые относятся к «наивной астрономии», отражают воплощенные в изучаемых языках наивные (донаучные) представления об астрономии:

- *Арбяная дорога* — ‘Млечный путь’. Ю. Д. Апресян пишет о наивных представлениях человека о мире так: «Они отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником в этот мир»⁸⁰⁸.

⁸⁰⁸ Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. 2. С. 351.

ГЛАВА 2

ГРУППЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ОБЪЕДИНЯЕМЫЕ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИМИ И ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИМИ ПРИЗНАКАМИ

1. СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ

В литературе вопроса по своему строению и общей семантике фразеологические обороты делятся на две большие группы:

1. Фразеологические обороты, имеющие форму самостоятельных предложений: *Кот заплакал, Голод не тетка* и др.

2. Фразеологические обороты, имеющие форму словосочетаний: *чудеса в решете, сесть в лужу* и т. п. Подобная дифференциация фразеологических оборотов представлена в ряде монографий, словарей и учебников⁸⁰⁹. В собранном материале говора имеются фразеологические обороты обеих групп. Рассмотрим их подробнее.

2. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОРОТЫ, СТРУКТУРНО РАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЮ

По значению в данной группе выделяются два разряда: 1) номинативные единицы, называющие то или иное явление действительности, и 2) коммуникативные единицы, передающие сообщение. В собранном нами материале говора в составе фразеологических оборотов, структурно равных предложению, присутствуют как коммуникативные единицы, так и номинативные единицы.

2.1. Номинативные единицы

Такие единицы, являясь по структуре предложениями, выступают в речи как часть предложения, функционально они равны фразеологическим оборотам, которые представляют собой сочетание слов. Номинативные фразеологические обороты, структурно равные предложению, являются образными синонимическими заменами слов или словосочетаний:

⁸⁰⁹ Фомина М. И. Современный русский язык. Лексикология. М.: Высшая школа, 1983. С. 272; Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М.: Высшая школа, 1969. С. 99; Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. Л.: Наука, 1977. С. 126.

• *Солнце померкает. Луна померкает* — ‘о солнечном, лунном затмении’. *Сердца горят* — ‘высокая температура тела’. *Гудило гудит* — ‘о шумном месте в реке’.

2.2. Коммуникативные единицы

Среди коммуникативных фразеологизмов по характеру выражаемого ими сообщения выделяются две группы: а) воспроизводимые устойчивые предложения, не содержащие в себе никакого нравственного содержания, разговорно-бытовые штампы речи (в собранном материале их абсолютное большинство); 2) воспроизводимые устойчивые предложения афористического характера, содержащие в себе нравоучение, меткое суждение.

Коммуникативные единицы, не содержащие в себе никакого нравственного содержания, разговорно-бытовые штампы речи.

• *Я их семё* — ‘я из их рода’. *Воморока сшибла* — ‘случился обморок’. *На сердцах не болит* — ‘сердце не болит’. *Тукмаки забили в голове* — ‘в голове ощущаются болезненные толчки’. *Сон показался* — ‘приснился сон’. *Будь наумна* — ‘будь умницей’. *Солнце померкает. Луна померкает* — ‘происходит солнечное, лунное затмение’. *Глотка позавалила* — ‘опухли миндалины’. *Повороты пошли на зиму* — ‘наступает осень’. *Стало тесно* — ‘не стало воли, свободы’. *Сердца упали* — ‘на сердце стало тревожно от плохих известий’.

Коммуникативные единицы афористического характера

— *Нет ни паста, ни хваста, ни сиряды, ни пятницы* — ‘ни то, ни сё: о том, что находится за пределами определенной классификации’:

Па правди воли скажу, дети наши фсе пъразъехали: хто молицца, хто ня молицца, ни паста, ни хваста, ни сиряды, ни пятницы — ничо.

— *Смерть фсё равно идёт ня с краснай блюдай, а с касой ды с малатком* — ‘кто бы ни был человек, каким бы он ни был, смерть все равно мучительна и страшна’:

Гаварили старые люди: смерть фсё равно идёт не с краснай блюдай, а с касой ды с малатком. Вот так вот претки-та гъварили нам.

— *Пака у бабушки паспеют канышы, у дедушки ня станицы души* — ‘о событии, явлении, действии, которое происходит медленно или долго’:

Стюдень рыбный долга готовицца. Прасушиваши ету рыбу, высохнуть ана, запякаши иё ф печки, в духовки, штоб запах был, штобы сыростю ня пахла, а именна, штобы пичёным пахло. Запакли и ставим иё варить. Ана кипить. Пасмотриш если мягинькая, то сумаши, ана остынет и начинаши иё ламать. Но сначала вымали иё, там жа шкарлупа бываить, вымали, паламаим иё и заливаем иё квасам. И тада туда дабавляицца щяснок, лимон, укроп на фкус, нету соли — дабавляши, нету кислаты — дабавляши. Пака у бабушки паспеют канышы, у дедушки ни станицы души.

— *Хочь биз ухи, лиж ба ни ф супухи (сыпуха [супуха] — ‘сажа’) — ‘хоть без прибытка, зато без позора’:*

Адин рыбу налавил — заработал, а фтарой пришёл, иишо задатки ня отбыл. У нас, бывала, атес када паедить на рыбалку, им же и, прежде чем уехать, задатки аддадут. Задатки — эта как аванс, штоп сям на што-та жыла, ани аставляют матери. Я помню, атес рыбалить-рыбалить, а задатки ня отбыл. Привизёт ням-ножка, и фсе. Бываить, каму как навизёт. Хочь биз ухи, лиж ба ни ф супухи.

— **Калачика хочишь — спать ни хочишь** — ‘о трудоемком, занимающем много времени деле’:

*Нардэк. Эта када винаград варють, удаляют сямяна так: ягоды в мяшок, в такой спяцальный мяшок, и нагами дають, карыта чистая, диривяная, в карыти дырачка. Так на высоту ставят, а потом внизу ёмкость какуя-нибуть. И вот ноги вымають харашо, и в мяшок вот этот винаград насыпають, в карыту ложуть и давать, и в эту дырачку сок стякаить, без ничаво, чистой. Ни працезжывать, ня нада, ничаво. Потом сок ворють, на агне ворють иво, и мяшають, мяшають, и палучаицца такой, как светла-каричинвая масса. Сахару туда ни дабавляють, ничаво, как вареня, тока вареня густая, а эта как сок, без ничаво. Как сок ворють, тока там ни ягот, ни сямяна, ничаво. Тока глину дабавляли. Глинай этой мы бялили там, мы извёскай ни бялили, вот этой глинай бялили, спяцальная какая-та была. Была диревня, там капали иё, потом иё как-та мясили и кругами делали. Потом в сок иё и биспрырывно мяшали, мяшали, пака ана как паложы-на не станавилась. Палучалси этот нардэк. **Калачика хочишь — спать ни хочишь.***

3. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОРОТЫ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИЕ СОБОЙ СОЧЕТАНИЯ СЛОВ

В составе фразеологических оборотов говора, представляющих собой сочетания слов, насчитывается множество моделей. Опишем наиболее распространенные и продуктивные.

3.1. Фразеологические обороты модели «прилагательное + существительное» являются многочисленными в собранном материале (100 единиц).

В нашем материале присутствуют только фразеологические обороты, в которых существительное и прилагательное семантически равноправны, так как оба выполняют номинативную функцию:

• **Крестовая сестра, крестовая дочь** и т. д. — ‘родственник по обряду крещения’. **Турлuchный дом, хата** — ‘строение, стены которого плетутся из камыша, затем обмазываются глиной’.

Фразеологические обороты, в которых прилагательное десемантизировано, типа *голова садовая*, в нашем материале отсутствуют.

Прилагательное во фразеологических оборотах данной модели чаще всего стоит перед существительным:

• **Большое место** — ‘почетное, лучшее место за столом’. **Глуховая стено** — ‘глухая стена, без окон’. **Плетнёвая хата** — ‘строение, стены которого плетутся из камыша, затем обмазываются глиной’. **Мотучие рукава** — ‘длинные рукава, спускающиеся ниже ладони. С такими рукавами раньше шились женские праздничные рубахи’.

Воротная рубаха — ‘рубаха с расшитой грудью’. *Зетинное масло* — ‘оливковое масло’. *Неводарская артель* — ‘артель рыбаков, ловящих неводом’. *Порежная сеть* — ‘рыболовная сеть, имеющая порежь’. *Парусяная мельница* — ‘ветряная мельница’. *Деревянный лакей* — ‘приспособление, при помощи которого снимают сапоги’.

В тоже время есть определенное количество фразеологических оборотов, в которых прилагательное постпозитивно:

• *Портки свезённые* — ‘праздничные штаны, в которых клинья сшивались узорным швом’. *Ширинка кистеная, накишенная* — ‘небольшой нарядный платок, отделанный кистями’. *Платок уруменский (урумельский)* — ‘нарядный цветной платок, отделанный кистями’. *Завеска канчатая* — ‘нарядный, яркий передник’. *Рыба киповая* — ‘о большом количестве рыбы в водоеме’. *Трава куропеная* — ‘целебная трава’. *Горох пунистый* — ‘крупный горох’.

Фразеологизмы говора модели «прилагательное + существительное» известны в говоре как в исходной форме именительного падежа, так и в формах косвенных падежей:

• *Неверная вера* — ‘страна, населенная мусульманами’ (*Вон аставил нас тут, в нивернай вери пагибать*). *Материнское слово* — ‘матерная брань’ (*Мы материнская слава ни слышали*). *Тушканьи ушки* ‘лечебная трава’ (*Лячили испух тушканими вушками*). *Бойкая корова* ‘бодливая корова’ (*Я бойких карох баялся*).

3.2. Фразеологические обороты модели «глагол + существительное в в. п./тв. п. без предлога» также являются продуктивными и многочисленными, по численности они совпадают с фразеологическими оборотами типа «существительное + прилагательное» (100 единиц).

Глагол и существительное в рамках данной модели чаще всего являются семантически равноправными, образуя единое содержание:

• *Бить рогожку, корзины* — ‘плести при помощи самодельного стана’. *Идти гоном* — ‘во время охоты гнать зверя к засаде’.

Реже встречаются такие фразеологические обороты названной модели, в которых компоненты семантически неравноправны: существительное выполняет прежде всего экспрессивную функцию, а глагол — номинативную. Для таких фразеологизмов характерен повтор корневых морфем у глагола и существительного:

• *Помолотить помолот* — ‘обмолотить хлеб’. *Пирь пить* — ‘пировать’. *Набор набирать* — ‘собирать людей для помощи при строительстве дома’. *Мукой мучиться* — ‘страдать, мучиться’.

Порядок компонентов во фразеологизмах этой модели может быть как прямым, так и обратным, хотя препозитивное употребление глагола преобладает:

• *Играть жмуркой* — ‘играть в прятки’. *Морем бегать* — ‘плавать на лодке, пароходе’. *Конём ходить* — ‘красоваться, гордо выступать’.

Глагол в составе указанных фразеологизмов свободно образует грамматические формы (лица, времени, числа и рода в прошедшем времени, наклонения):

• *Слухи брать* — ‘получать известия’ (*Я ат людей слухи бяру*). *Найти ряд* — в знач. ‘найти путь, выход из положения’ (*Ни найдёш ряду, куда выхаты*). *Стуком бить по воде* — ‘бить по воде, шумом загонять рыбу в сети’ (*Стукам бють пь ваде*). *Садом питаться* — ‘питаться фруктами, ягодами’ (*Вон садам питалси*). *Печь сердца* — ‘расстраивать кого-л.’ (*Ни пьки маи сяrsa*).

3.3. Фразеологические обороты модели «глагол + существительное в в. п. с предлогами» занимают третье место в составе собранного нами материала (их 20 единиц).

Глагол и существительное в рамках данной модели являются семантически равноправными в силу того, что оба слова выполняют номинативную функцию:

• *Солить в корень* — ‘способ засолки рыбы, крепкий посол’. *Тянуть в сердце* — ‘кольнуть в сердце’.

Порядок компонентов во фразеологизмах данной модели может быть как прямым, так и обратным, хотя препозитивное употребление глагола преобладает:

• *Стать под девуку, под невесту* — ‘в хороводе стать в пару с девушкой’ (*Ванька ф карагоди над мине стал*).

Глагол в составе указанных фразеологизмов свободно образует грамматические формы (лица, времени, числа и рода в прошедшем времени, наклонения):

• *Навести на конец* — ‘вспомнить начало песни’ (*Песня старинная, ни навяду на конец*). *Сбивать на карточку* — ‘фотографировать’ (*Щас будут збивать на карточку*). *Внять в голову* — ‘научиться чему-л.’ (*Сыня внял в голуаву*). *На голас становить* — ‘воспроизводить мелодию песни, петь’ (*Ты иё (песню) на голас станави*).

3.4. Фразеологические обороты модели «глагол + наречие» занимают четвертое место в составе собранного нами материала: всего 10 фразеологизмов.

Глагол и наречие в рамках данной модели преимущественно являются семантически равноправными, выполняющими номинативную функцию:

• *Жить нужно* — ‘жить плохо, трудно, в нужде’. *Здорово дневали* — ‘приветствие днем и вечером’.

В единичных случаях наречие выполняет только экспрессивную функцию:

• *Трусьма труситься* — ‘сильно трястись’.

Порядок компонентов во фразеологизмах данной модели может быть как прямым, так и обратным, хотя препозитивное употребление глагола преобладает:

• *Реветь резко* — ‘безудержно плакать’. *Любить резко* — ‘сильно, горячо любить’.

Глагол в составе указанных фразеологизмов свободно образует грамматические формы (лица, времени, числа и рода в прошедшем времени, наклонения):

• *Торопём становиться* — ‘удивляться, поражаться’ (*Люди тарапём становяцца*). *Играть резко* — ‘петь мастерски, с вдохновением’ (*Он игратиь реска, а ани слухают*).

3.5. Фразеологические обороты, представляющие собой конструкции с отрицанием «не, нема» немногочисленны (7 примеров в нашем материале, пятое место). Порядок компонентов закреплён: на первом месте отрицательная частица, на втором — предложно-падежная форма существительного (чаще всего), или глагол с зависимым существительным, или частица, или местоимение в косвенном падеже. Вторые компоненты грамматических форм не имеют:

• *Не к душе* — ‘не по душе’. *Не в совесть* — ‘не по любви’. *Не в любовь* — ‘не по любви’. *Нема коли* — ‘некогда’. *Нема кому* — ‘некому’. *Не под линию* — ‘не по пути’. *Не знать ряды* — ‘не знать порядка, законов’.

3.6. Фразеологические обороты модели «предлог + существительное в косвенном падеже» занимают шестое место в составе собранного нами материала: всего 6 единиц, среди которых есть и фразеологизм расширенной структуры «предлог + прилагательное + существительное».

Порядок следования компонентов в этой модели строго закреплён: предлог всегда препозитивен. Опорное существительное не может менять свою форму. Чаще всего существительное стоит в форме п. п., а также в. п. и р. п.:

• *На потолок, на потолку* — ‘на чердак, на чердаке’. *В разбеге* — ‘в отсутствии, не дома’. *В расходе* — ‘в отъезде, в отсутствии’. *Без вара, без нитья* — ‘без горячего, без вареного’. *На заетку* — ‘на закуску’. *В старинку* — ‘давно, в старину’. *При нашей приживи* — ‘при нас, в нашу бытность’.

3.7. Фразеологические обороты модели «существительное + иное существительное в тв. п. с предлогом» занимают седьмое место в составе собранного нами материала: всего 5 фразеологизмов.

Порядок следования компонентов в этой модели строго закреплён: существительное в именительном падеже всегда препозитивно. Опорное существительное может иметь формы косвенных падежей и мн. ч.:

• *Гром с молоньей* — ‘о ком-то сердитом’. *Коса с грабками* — ‘коса, снабжённая приспособлением для сгребания хлеба или сена’. *Кичка с рогими* — ‘часть праздничного женского головного убора, шапочка с двумя выступами по бокам в виде рогов’ (*Две кички с рогими addали*).

3.8. Фразеологические обороты модели «существительное + иное существительное в и. п.» являются немногочисленными (4 примера в нашем материале). Порядок компонентов закреплён: на первом месте опорное существительное и на втором месте компонент-существительное атрибутивного характера. Оба компонента могут иметь формы числа и падежа. Некоторые из фразеологических единиц названной модели можно одновременно отнести к явлениям словообразовательной игры:

• *Одѣжка-передѣжка* — ‘одежда, смена белья’. *Рубаха-перемываха* — ‘смена белья’ (*Рубахи-пирьмувахи ни было*). *Бабушка-пупочица* — ‘повитуха’. *Прикол-звездо* — ‘Полярная звезда’.

3.9. Фразеологические обороты, представляющие собой конструкции с сочинительными союзами единичны:

• *Голь да перетыка* — ‘пренебрежительное название молодых казаков’. *Чистота и белота* — ‘о состоянии чистоты в доме’.

3.10. Фразеологические обороты, представляющие собой конструкции с подчинительными союзами единичны. Порядок компонентов закреплён: на первом месте подчинительный союз, на втором — глагол, компоненты своего местоположения не меняют:

• *Как лететь* — ‘это выражение употр. для подчеркивания высшей степени красоты и изящества’.

В целом анализ собранных фразеологических единиц с точки зрения их структуры и общей семантики выявил, что в говоре казаков-некрасовцев по обобщенной семантике преобладают номинативные фразеологические обороты, а по структуре — фразеологические обороты, представляющие собой сочетания слов, среди которых самыми распространенными и многочисленными являются фразеологические единицы двух моделей: а) модели «глагол + существительное в в. п. / тв. п. без предлога», б) модели «существительное + прилагательное». Эти же модели являются продуктивными и распространенными и в современном русском языке⁸¹⁰.

Содержание фразеологизмов говора показывает нам как внешний, так и внутренний мир носителей данного говора, а также их исторический путь. Система фразеологический единиц говора казаков-некрасовцев, с одной стороны, формировалась под влиянием исторических условий их проживания, в которых и возникли определенные бытовые реалии и их устойчивые номинации, а с другой — была основана на некоторых общих для всех славянских языков особенностях восприятия мира: противоположность и единство начало и конца, циклическое и линейное время, оппозиция микропространство — чужое пространство.

⁸¹⁰ Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М.: Высшая школа, 1969. С. 99—123.

Раздел 9
ФОНЕТИКА

Впервые свои наблюдения над спецификой фонетической системы говора казаков-некрасовцев описала в 1963 г. ростовская исследовательница О. К. Сердюкова⁸¹¹. Позже, уже в XXI столетии, анализируя фонетику орегонских турчан, А. А. Касаткин высказал предположение, что фонетика говора ставропольских некрасовцев имеет те же черты⁸¹². Наши наблюдения над фонетикой говора уточняют и дополняют имеющийся в литературе анализ.

ГЛАВА 1

ВОКАЛИЗМ В ГОВОРЕ

Специфика фонетической системы говора казаков-некрасовцев в области гласных проявляется прежде всего в области безударного вокализма.

В области гласных звуков наблюдаются южновеликорусские процессы: аканье, яканье, особое качество редукции, расширение условий перехода звука *е* в звук *о*.

В области аканья в говоре преобладает недиссимильативное аканье. П. С. Кузнецов так определяет этот вид аканья: «Аканье, при котором в первом предударном слоге на месте *о* и *а* постоянно является *а* или гласный, близкий к нему, называется недиссимильативным аканьем»⁸¹³.

В говоре некрасовцев недиссимильативное аканье наблюдается после твердых согласных, в том числе и после шипящих и звука *ц*, на месте всех гласных неверхнего подъема: *навёс*, *прасила*, *пиано*, *пъшаница*, *ф карыти*, *багач*, *жаних*, *цапля-имси*, *на вайне*, *сабе*, *памру*, *атпал*, *ахотничать*, *ано* и т. д.

Диссимильативное аканье встречается в говоре некрасовцев редко. П. С. Кузнецов под ним понимает «аканье, при котором в первом предударном слоге на месте *о* и *а* наблюдаются *ь* или *ы* перед ударным *а*»⁸¹⁴, когда происходит расподобление между ударным и предударным гласным: если под ударением *о* или *а*, то в первом

⁸¹¹ Сердюкова О. К. Из наблюдений над фонетическими особенностями говора казаков-некрасовцев // Научные сообщения за 1963 год. Ростовский университет. Ростов-н-Дону, 1964. С. 83—85.

⁸¹² Касаткин А. А. Исследование говоров русских старообрядцев в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН // Русские старообрядцы. Язык. Культура. История. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 581—582, 595.

⁸¹³ Кузнецов П. С. Русская диалектология. М.: Учпедгиз, 1964. С. 21.

⁸¹⁴ Там же.

предударном слоге не-а/не-о. В говоре некрасовцев в первом предударном слоге в названных условиях мы встретили три звука — ъ, и и у. Такие примеры в говоре являются нечастыми:

а) звук ъ в первом предударном слоге на месте о или а перед ударным а: *пѣжа-рим, пѣхарья* (*Каких пахали, пѣхарья называют*);

б) звук у в первом предударном слоге на месте о или а перед ударным а/о: *чубан, кучошник, болгары, гумно* ('говно'), *Бугуслоф*. Названный вид диссимиляции бывает и во втором предударном слоге: *чумадан, бугуродица*;

в) звук и в первом предударном слоге на месте а перед ударным а: *чигирда* ('чехарда').

В ряде примеров мы нашли **специфические виды безударного вокализма** в первом предударном слоге после твердых согласных, не отмеченные О. К. Сердюковой:

а) появление звука у на месте звука а/о перед ударным э или и: *брусветы* ('браслеты'), *у суседах, ядинулична*. Полагаем, что перед нами случай уподобления по подъему: в первом предударном слоге отвергается возможный гласный нижнего подъема, он заменяется на гласный верхнего подъема, более близкий к ударным звукам э/и;

б) появление звука у на месте звука а/о перед ударным у: *фуртуна*. В этом примере мы имеем факт полного уподобления по качеству между ударным и безударным звуком;

в) появление звука ы или ъ на месте звука у перед ударным ы: *кѣбышка, кыбышка*. В этом примере мы также имеем факт полного или частичного уподобления по качеству между ударным и безударным звуком;

г) появление звука а на месте звука у перед ударным ы: *рдынцы*. В данном случае имеется факт диссимиляции ударного и безударного звуков по подъему: расподобление сочетания звуков (в первом предударном и ударном слогах) у и ы на сочетание звуков а и ы;

д) появление звука а на месте звука и перед ударным и: *няма апатиту*. В данном случае имеется факт диссимиляции ударного и безударного звуков по своему качеству: расподобление сочетания звуков (в первом предударном и ударном слогах) и и и на сочетание звуков а и и;

е) появление звука у на месте звука ы перед ударным а: *рубаха-пирьмуваха*. Полагаем, что перед нами случай расподобления по ряду: в первом предударном слоге гласный ы среднего ряда (мотивирующий глагол *мыть*), одинаковый по ряду с ударным гласным а, заменяется на звук заднего ряда у.

В области яканья наблюдается ассимилятивно-диссимилятивное яканье, которое представляет собой совмещение принципов диссимилятивного и ассимилятивного яканья. П. С. Кузнецов так характеризует данный тип яканья:

После мягкого согласного а наблюдается и перед ударяемым гласным верхнего подъема, и перед ударяемым гласным нижнего подъема (т. е. а). Только перед ударяемым гласным среднего подъема и то только в том случае, если перед последним

мягкий согласный (т. е., если этот гласный среднего подъема *e* или *o*, развивавшееся из старого *e*), в предударном слоге наблюдается *и*: *нясла, бяда, зямля, сяло, нясу, цвяты* и т. д., но: *нисёш, диревня, лител*⁸¹⁵.

Такую разновидность яканья в литературе вопроса принято называть ассимилятивно-диссимилятивным яканьем кидусовского вида в связи с его распространенностью в деревне Кидусово Рязанской области. Приведем примеры из речи некрасовцев: *яво, ряшить, плятьми, лятають, лянивая, няма, вядуть, нямнога, лятучий, звяздо, явовай, ядовый, дяды, зямля, звярильница, няльзя, лядина, мязинис* (случаи с *и*: *рибёнак, типерь, глидела, зимлэй, бирём, зилёных, сплитёнай*).

Явление протетического звука в. Протетический *в* нередко встречается в говоре:

а) в начале слова чаще всего перед ударными звуками *у, о*: *вусть, вужы* ('уже'), *вуксус, вужынаць, вуж, вуха, нету вовата* ('овода'), *вутрам, вости, вома-рака, вось* (есть и лексема *ось*), *вокынь* ('окунь'), *вокна, Терской вобласти, вумнай, вон* ('он'), *вока* ('ока'), *вовачь* (соб. 'овоць').

б) реже в начале слова перед безударными звуками *у, а*: *вумирла, вутулак* (есть и лексема *утулак*), *вучитьльница с вучильниками, боть па ваде вастьми* (от *вост*), *вузалок*;

в) редко в середине слова между гласными, второй из которых *у* или *о*: *милявон, асавула, катавур, каравулы, нивучёная, правулачик, павутри, кавунячий, райвонскай*.

Замена начального звука в на у. В начале фонетического слова перед согласными звук *в* заменяется в говоре звуком *у*, редко звуком сочетанием *йи*: *па сваиму укусу, укусно, удава, унук, у капак, у сьрахвану, у лес, йирмишель*.

Переход ударного е в о после мягких согласных. Данный фонетический процесс в говоре имеет отличия от результатов перехода ударного *е* в *о* в литературном языке. В ряде лексем мы видим расширение списка слов, включенных в данный фонетический процесс вследствие нарушения того или иного условия перехода в литературном языке:

а) переход в слове, заимствованном из церковнославянского языка, или слове, имеющем церковнославянский корень: *нёба* (*Фся нёба звяздамі*), *на нёби* (*На нёби туманам ляжыць Арбяная дарога*), *крёснушка, крёсная*;

б) переход в группе *ер* (из *ьр*), когда за звуком *р* следует мягкий согласный: *смёртны* (от *смерть* с мягким *рь*).

В некоторых словах говора, имеющих все фонетические условия для перехода, данный процесс отсутствует: *жэны, звезды, зебри* ('жабры'), *берса* (в великорусском языке *берцо*), *шэлка* ('щелка').

Изменение ударных гласных. В ряде слов имеются факты замены ударных гласных в словах, существовавших в русском языке до эмиграции некрасовцев и,

⁸¹⁵ Кузнецов П. С. Русская диалектология. М.: Учпедгиз, 1964. С. 50.

следовательно, изменивших свое звучание уже в говоре казаков-некрасовцев как островном: звуки *о*, *ы* заменяются звуком *у*, звук *а* заменяется звуком *ы*:

а) *целая бумба*. Лексема *бомба* зафиксирована в Лексиконе Вейсмана 1731 г. именно в таком фонетическом облике (по данным БАС)⁸¹⁶. Возможно, перед нами явление языковой игры: отзвучие со словом *бум*;

б) *пузурь, сувратка*. Лексема *пузырь* отмечена в Лексиконе Поликарпова 1704 г. именно в названном фонетическом облике (по данным БАС)⁸¹⁷. Существительное *сыворотка* также зафиксировано в Лексиконе Поликарпова 1704 г. именно в таком фонетическом облике (по данным БАС)⁸¹⁸;

в) *куды*. Лексема *куда* отмечена в Материалах И. И. Срезневского и в Лексиконе Поликарпова 1704 г. именно в таком фонетическом облике (по данным БАС)⁸¹⁹. В то же время слово *куды* отмечено в Словаре Даля как вариант лексемы *куда* без всяких помет, т. е. как общерусское слово крестьянского мира⁸²⁰, по данным СРНГ, слово *куды* распространено в различных русских говорах⁸²¹ и могло быть привнесено в говор и до эмиграции казаков.

Второй предударный слог. Во втором предударном слоге (а также в третьем и других предударных слогах) после твердого согласного в говоре некрасовцев звуки *а/о* совпадают в звуках *а* или *ъ*, редко *у* или *ы*:

а) звук *а* во втором предударном слоге (а также в иных предударных слогах) после твердого согласного: *агаражывать*, *наплафки*, *забалел*, *паразбеглися*, *гдлавач*, *дагадить*, *зафсягда*, *завадицца*, *заядина*, *растрабидник*;

б) звук *ъ* во втором предударном слоге (а также в иных предударных слогах) после твердого согласного: *съдавина*, *сърахван*, *пълитела*, *мълако*, *гъдавинка*, *гълянишица*, *дъмавина*, *пъдаплёка*, *пътпалазывать*, *пътишывалка*, *пъзабыцца*, *скъваротку*, *къмары*, *въратная рубаха*, *мъкара* (макара — ‘приспособление для подъема паруса’), *мъшанба* (машанба — ‘брезентовый щит’), *мъладёна*, *мъланя* (‘молния’), *нъ пандлях*;

в) звук *у* во втором предударном слоге (а также в иных предударных слогах) после твердого согласного: *сфутуграфируй*;

г) звук *ы* во втором предударном слоге после твердого согласного: *пыявыи* (от *пай*).

Мы также нашли случаи количественно-качественной редукции звука *у* во втором предударном слоге после твердого согласного до звука *ъ*: *пъзырёк*.

⁸¹⁶ Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. М.; Л.: Наука, 1948—1965 (БАС). Т. 1. С. 570.

⁸¹⁷ Там же. Т. 11. С. 1670.

⁸¹⁸ Там же. Т. 14. С. 1348.

⁸¹⁹ Там же. Т. 5. С. 1788.

⁸²⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 2. С. 541.

⁸²¹ Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965—2014. Вып. 16. С. 16—17.

Во втором предударном слоге (а также в иных предударных слогах) после мягкого согласного в говоре некрасовцев встречаются звуки *и* или реже *ь*:

а) звук *и* во втором предударном слоге (а также в иных предударных слогах) после мягкого согласного: *зиляниила* (зеленила — ‘зеленая краска’), *зиильной*, *зиирбляка*, *зимаваица*, *киибялёнак*, *лиижабок*, *ниивадарный*, *нииразвитной*, *пииляно*;

б) звук *ь* во втором предударном слоге (а также в иных предударных слогах) после мягкого согласного: *вьитирок*, *пирьбрадить*, *пирьбумажыть*, *пирькарять*, *пирьмываха*, *пирьдяёмси*.

Гласные в заударных слогах. Вопрос о гласных конечных слогов тесно связан с морфологическими явлениями аналогии и выравнивания, о чем мы писали в соответствующих разделах и главах. В данном разделе мы даем общую характеристику качества заударных слогов в говоре. В заударных слогах в говоре, и в открытых, и в закрытых слогах, после твердого согласного произносится звук *а*, или *ы*, или *ь*, или *у*:

а) звук *а* в заударном (открытом или закрытом) слоге после твердого согласного: *аблюбиала*, *атрывак*, *етаа*, *бисталковай*, *нюхальник*, *тонинькаа*, *тилиграмаа*;

б) звук *ы* в заударном (открытом или закрытом) слоге после твердого согласного: *вокынь*, *лошкых*, *з братым*, *куда-небыть*, *скока пышык*, *таварышша*;

в) звук *ь* в заударном (открытом или закрытом) слоге после твердого согласного: *такая-ть*, *натягьваем*, *придакьвать*, *приходивьца*, *загавьр*;

г) звук *у* в заударном (открытом или закрытом) слоге после твердого согласного: *спаласкивуим*, *праигрывуимси*, *тулувишша*, *сторуш*.

В заударных слогах в говоре, и в открытых, и в закрытых слогах, после мягкого согласного произносится звук *а* или *и*:

а) звук *а* в заударном (открытом или закрытом) слоге после мягкого согласного: *ныня*, *выхадиатя*, *вырятаваать*;

б) звук *и* в заударном (открытом или закрытом) слоге после мягкого согласного: *восим*, *на поли*, *очини*, *десить*.

Появление гласного полного образования в сочетаниях согласных. Это явление наблюдается при разных условиях. Во-первых, **перед** сонорным согласным *рь*, *ль*, *р*, *л* условиях сочетания сонорного согласного с другим согласным:

а) в заударном слоге появляется гласный *и*: *сентябирь*, *актябирь*, *карабиль*, *ансамбиль*;

б) в предударном слоге (первом или втором предударном) появляются гласные *а*, *у*, *и*: *самародиа*, *Сиредзёмная моря* (‘Средиземное’), *сиряда* (‘среда’), *тирёз-вай*, *кубулики* (‘каблуки’ — в лексеме говора *кубулики* также произошла межслоговая ассимиляция гласных в первом и втором предударных слогах).

Во-вторых, **после** сонорного *н*, *р*, *л*, *ль* в условиях сочетания сонорного согласного с другим согласным:

а) в заударном слоге появляются гласные *а* или *и*: *рибёнака*, *дитёнака*, *ры-наа*, *тураа*, *щучёнака*, *тёрин*;

б) в предударном слоге появляется гласный а: у *рата*, на лабу-та, из ляды ('из льда').

Возможно, что в данном случае мы имеем следствие морфологических явлений аналогии и выравнивания основы (в корне или в суффиксе): рот — *рата*, лоб — лаба, лёд — ляда, ребёнак — ребёнака, рынок — рынака, курок — турака и т. д.

В-третьих, гласный полного образования может появляться в сочетаниях согласных, не включающих сонорный. Это сочетания согласных *биш*, *сиш*, *дит*, *чик*, *пиш*, *кт*, как правило, на морфемном шве приставки и основы в предударных слогах (чаще) и в заударных слогах (реже). В названных сочетаниях могут появляться разные гласные полного образования:

а) в предударном слоге это гласный *а* или *ъ*: рукава абашытаи, сашытаи, сашей ('сшей'), Иван Придатеча ('Предтеча'), пашаничная/пъшаничная мука;

б) в заударном слоге это гласный *и* или *а*: кусочцками нареш, прашытая да локатя.

Этимологически во всех случаях появления гласного полного образования в сочетаниях согласных наблюдается явление прояснения редуцированного гласного, находящегося в слабой позиции, в гласный полного образования.

Диссимиляция гласных, дистактная по ряду или по ряду и подъему:

а) *чикатурить* ('штукатурить') — расподобление двух одинаковых гласных *у* (во втором предударном слоге и в ударном слоге), на месте которых имеем гласные *и* и *у*;

б) *табе* — расподобление двух одинаковых гласных *э* (в первом предударном слоге и в ударном слоге), на месте которых имеем гласные *а* и *э*.

ГЛАВА 2

КОНСОНАНТИЗМ В ГОВОРЕ

2.1. Отдельные звуки

Для говора характерен *г* фрикативный, который оглушается в звук *х* на конце слова: *уадны*, *ис кууе* (куга — ‘озерное растение, тростник’), *кау бялахон*, *пастёуаный*, *сних*, *акрух*, *Бох спърины ня дасть*.

В окончаниях существительного в р. п. и в. п. мн. ч. в говоре имеется звук *х*, специфика которого обусловлена особыми фонетическими процессами в далеком прошлом говора: существованием звука *w* губно-губного на месте звука *в* губно-зубного, когда под действием общей тенденции к оглушению согласных на конце слова звук *w* мог превратиться в заднеязычный фрикативный *х*: *няма казакох*. О би-лабиальности в древности звука *в* писали многие ученые, среди них и П. С. Кузнецов⁸²².

На месте *ф* (чаще в начале слова, а также в конце и в середине) в говоре произносится звуки *х*, *к* или звукосочетания *хв*, *кв*: *хрансузы*, *сърахван*, *трахвиль*, *ква-соля*, *хванарик*, *Хвеня*, *итрах*, *итрахують*, *кохта*, *Хума*, *кухаёнка*. В то же время звук *ф* типичен для говора как результат оглушения звука *в* или ассимиляции по глухости: *дроф*, *на быкоф*, *рукафчики*, *фтянули*, *фсякаи*. Нередко встречаются и случаи гиперкоррекции — звук *ф* на месте звуков *г/х*: *кофти*, *куфни*, *лёфкий*, *куфарь* (кухарь — ‘повар’), *куфлик* (кухлик — ‘кружка’).

Среднеязычный звонкий фрикативный согласный *й* в положении перед ударным гласным, а также после ударного гласного не в начале слова утрачивается:

а) в положении перед ударным гласным:

усыпали салю, *пьяница* (‘пьяница’), *пьянаи были* (‘пьянай’), *матярал* (‘материал’), *козы корку абели* (‘объели’), *пём* (‘пём’), *сацём* (‘сошьём’), *сабём з древа* (‘сошьём’), *сашёш* (‘сошьёшь’), *скальких уже нету жывём* (‘живём’), *салави* (‘соловыи’), *дасть батюшка питиню несть* (питиня — ‘церковное наказание, епитимья’), *напёцца*, *налёцца*, *бёцца* (‘бьётся’), *пападя* (‘попадья’), *сидобная тыквушка* (‘съедобная’), *сесть хатели* (‘съесть’), *вёть гняздо* (‘вьёт’);

б) после ударного гласного не в начале слова:

свини (‘свиньи’), *алади* (‘олады’), *восиню* (‘осенью’), *ночью* (‘ночью’) *придутъ*, *шерстю* (‘шерстью’) *адет*, *семи бальшыи* (‘семьи’), *белю* (‘белью’) *затянулися*

⁸²² Кузнецов П. С. Русская диалектология. М.: Учпедгиз, 1964. С. 63.

(бель — ‘морозный рисунок на стеклах’), *артелю* (‘артелью’) *ездють, в васкрисеня* (‘в воскресенье’), *Василевна* (‘Васильевна’), *ф третим гаду* (‘третьим’), *Кандративна* (‘Кондратьевна’), *дасвиданя*, *Успение Божей Матери* (‘Божьей’), *брали листьа* (‘листья’).

Нередко на месте мягкого согласного *рь* в середине или в начале слова произносится твердый согласный *р*:

а) в середине слова: *Сидорывна, гурба гусей, тюрьма, Христа славили, добра-цо, матярал, трыцать, каструля, варыли, скрыпучая, сварыл, напрымер, таварыша, стрыжак* (‘жеребенок по второму году’);

б) в начале слова: *рыдник, рыс, с рысу*.

Подобное явление наблюдается и с другими парными мягкими согласными звуками, но реже. Это мягкие звуки *ль, нь, сь, зь, дь*, которые в ряде слов заменяются в речи некрасовцев на соответствующие твердые звуки:

а) мягкий *ль* заменяется на парный твердый *л*: *в марлу аткидываим, целная*;

б) мягкий *нь* заменяется на парный твердый *н*: *напорстаицк* (‘наперсточек’);

в) мягкий *нь* заменяется на парный твердый *н*: *патсолнышина масла* (‘подсолнечная’);

г) мягкий *сь* заменяется на парный твердый *с*: *суда* (‘сюда’);

д) мягкий *зь* заменяется на парный твердый *з*: *изум*;

е) мягкий *дь* заменяется на парный твердый *д*: *были саседами*.

Реже на месте твердого согласного *р* в середине, в конце, или в начале слова произносится мягкое *рь*: а) в середине слова: *дырька, курям* (‘курам’), б) в конце слова: *камари, камарь, у видри кожа ценная* (от *видра*), в) в начале слова: *рибы*.

Это же явление встречается и с другими твердыми парными согласными:

а) твердый *д* заменяется на парный мягкий *дь*: *дырька* (‘дырка’), *дырочка*;

б) твердый *т* заменяется на парный мягкий *ть*: *стюдень, стюдени* (‘стюдень’);

в) твердый *в* заменяется на парный мягкий *вь*: *видра* (‘выдра’).

Звук *щ* нередко произносится как твердое долгое или краткое *ш*: *ношишк, ишио /ишишо, плошшы-млошшы, плош* (площи — ‘плоские металлические украшения на балахоне’), *ишаняица* (‘щенятся’), *пладушишой, чашиша* (‘чаще’), *чишишу* (‘чищу’), *шука /ишука* (‘щука’).

В то же время возможен звук *щ* как самостоятельный: *пляцинда, щи, воваць, ниций, в аградьбищи, глазищи, веици, щель*. Кроме того, звук *щ* в говоре может возникать в результате замены или ассимиляции (об этом далее).

Наблюдаются твердые звуки *м, н, в* в конце слов на месте соответствующих мягких губных согласных звуков: *восим, сем, степ, цеп* (‘ряд металлических замкнутых звеньев, продетых одно в другое’), *вобуф*; но в то же время есть слова, в которых мягкий конечный губной сохраняется: *земь, зепь, любофь, свякрофь, пастафь*.

Характерен мягкий согласный *ть* в конце 3 л. глаголов ед. и мн. ч.: *закликаить, прилепють, заплотють, ни мурмычить*.

Характерен мягкий согласный *кь* в конце существительных и наречий (обычно местоименных), как правило, в заударном слоге, в единичных случаях — в ударном:

а) в заударном слоге: *Танькя, кухайкя, на ниделькю, Сафийкя, сколькя, колькя, столькя*;

б) в ударном слоге: *стайкя* ('стоя'), *с чайкём, выпили ракю*.

В некоторых словах встречается мягкий согласный *жь*: *мужя наши, жибри* ('отходы винограда'), *жигра* ('колючий кустарник').

2.2. Фонетические процессы

Распространены следующие фонетические процессы: ассимиляция по глухости/звонкости, ассимиляция по месту и/или способу образования, оглушение звонкого согласного в конце слова, перестановки, эпентезы, диэрезы, замены. Покажем названные фонетические процессы подробнее.

Распространена ассимиляция по глухости/звонкости. Преобладает ассимиляция по глухости: *сирёшки, Азофская, слаткай, блиска, бапка, на лотки, фсё, адёш-ку*. Ассимиляция по звонкости встречается реже, так же, как и в литературном языке: *ад берига, здадим, з гълавы, таг было, лиж бы, можыдь быть, злупавать, у наз был*.

Характерно оглушение звонкого согласного в конце слова: *пабех, няма стаканаф, абет, зуп, фпирёш, фхот, зёнчух, княсь, дених, уш*. В то же время в ряде слов оглушения звонкого на конце слова не происходит: *матраз* (во мн. ч. *матразы*), *Майноз* (встречается *Майнос*).

Полная ассимиляция по месту и/или способу образования звуко сочетаний *жч, жж, тс, шс, сч* является нормой: *муцинскай, муцины, прияжжала, мьлацы, вяжыцца, чистицца, двянаццаць, напёсси, намолисси, застябнёсси, щитались*.

Неполная ассимиляция по способу образования звуко сочетания *вн* (замена фрикативного губно-зубного *в* на носовой губной *м* перед носовым зубным *н*) встречается реже: *нидамна, сламнай, Сидарамна, жанёмшась, гумно* ('говно'), *па-ломник* ('половник').

Неполная ассимиляция по способу образования звуко сочетания *сл* (изменение бокового переднеязычного *л* на фрикативный губно-зубной *в* после фрикативного переднеязычного звука *с* и перед гласным) представлена единичными примерами: *брусветы* ('браслеты').

Неполная диссимилиация по способу образования звуко сочетаний *кт, кр* типична для говора: *хто, нихто, квахтуха, хрест*.

Неполная дистактная диссимилиация звука *р* по способу образования также характерна для говора: *ярманка*.

Для фонетической системы говора казаков-некрасовцев характерны перестановки, диэрезы, эпентезы:

1) перестановки: *гардал/галдар* ('сорт горчицы'), *глиной* ('гнилой');

2) диэрезы: *тады, када, скумрия, сонца, сердца, струмент, празник, сичас, ся-крофь, балесь, на скавраде, сувратка* ('сыворотка'), *каммунический* ('коммунистический'), *кълдаство, скока, стока, писят, шесь, осятать* ('освящать'), *ниززя*

(‘нельзя’), *Якалемна* (‘Яковлевна’), *палоник* (‘половник’), *лапасник* (‘украшение в косе, треугольный лоскут с пуговками, на шнуре’), *свозинка* (‘узорный шов в виде мережки, которым сшивали части мужских праздничных рубаш и штанов’). Некоторые из представленных примеров совпадают с диэрезами в литературном языке;

3) эпентезы: *церква с кумпалами*, *инджыр*, *каклека*, *ентой*, *ента*, *Тумбилевич* (Тумилевич — ростовский исследователь фольклора некрасовцев), *аржавика* (‘ежевика’);

4) одновременно диэрезы и эпентезы: *пролафка* (‘провода’), *балхваны шыли* (‘балахоны’), *невдаме* (‘недавно’).

Различные замены звуков также частотны в фонетической системе говора казачков-некрасовцев:

1) распространена замена *ч* на *щ* в начале и середине слова: *щюма* (‘чума’), *лящила людей*, *коцки* (‘кочки’), *паццистим*, *паццятки*, *ф щюлани*, *нитацицки*, *цистата*, *агурицики*, *ф кадацки*, *циряк в рату*, *щистая*, *гарчицищья*, *щяво ты*, *щяса два*, *щурли*, *рубашицки*;

2) распространенная замена *ц* на *с* (в конце, середине и начале слова): *три пальса*, *Турсия*, *атес*, *святы*, *агурсы*, *касисы*, *с канса*, *хрансузы*, *свитѣть*, *святистая*, *святощиками*;

3) встречаются: а) замена *ж* на *з*: *зенчух*, *зѣбри*; б) замена *м* на *н*: *никробы*, *гранпластинка*, *зенчух*; в) замена *т* на *ч*: *чижало жыть*, *хочѣ*; г) замена *в* на *н*: *тирѣзнай*; д) замена *шт* на *ч*: *чикатуричь*; е) замена *ј* на *р*: *полицарский*; ж) замена *п* на *б*: *ламба*; з) замена *ч* на *к*: *паралик*; и) замена *х* на *г*: *чигирда* (‘чехарда’).

В целом характерные особенности **системы гласных** говора проявляются в следующих явлениях:

— в специфических видах безударного вокализма в первом предударном слоге после твердых согласных: *брусветы*, *у суседих*, *фуртуна*, *кыбышка*, *рамынцы*, *апатит*;

— в наличии архаического ассимилятивно-диссимилятивным яканья кидусовского вида: *лянивая*, *вярхами*, но *плименник*, *чирто*;

— в широком распространении явления протетического звука *в*: *вутришня*, *вусики*, *воспа*, *вухадили*;

— в частичном несовпадении результатов перехода ударного *е* в *о* после мягких согласных: *на нѣби*, но *жѣны*;

— в отсутствии изменения качества звука *а* во втором предударном и заударном слогах: *панимношу*, *валакѣца*, *апшалудивинай*, *малюшка*, *падрушками*.

В целом характерные особенности **системы согласных** говора проявляются в следующих явлениях:

— в наличии особого фрикативного звука *г*;

— в отсутствии самостоятельных звуков *ф/фь*;

— в отсутствии согласного звука *ј* в позиции перед ударным или безударным гласным в середине слова;

-
- в неустойчивости оппозиции по твердости — мягкости звуков *р/рь* в середине слова;
 - в неустойчивости оппозиции по твердости / мягкости звуков *п/нь, ф/фь, м/мь* в конце слова;
 - в редкой самостоятельности звука *ц*;
 - в специфических видах ассимиляций согласных, дизрез и протез;
 - в значительном количестве различных замен согласных в начале, конце и середине слова.

Фонетическая система говора казаков-некрасовцев представляет собой одну из форм существования во времени и пространстве русской языковой системы. Представление вокализма и консонантизма в ней является в определенной степени специфичным, что обусловлено как островным характером говора, так и давлением устной формы речи, являющейся на протяжении двух с половиной веков единственной формой бытования данного говора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Этнокультурное своеобразие казаков-некрасовцев состоит в том, что в течение двух с половиной веков проживания в Турции, в условиях инокультурного неславянского окружения, они сохранили русский язык, культуру, обычаи, иначе — систему этнических констант, которая и является той призмой, сквозь которую человек смотрит на мир и которая определяет этничность сознания человека. Некрасовцы всегда воспринимали русскую речь как способ и средство выражения их национального русского облика:

«Мы себя, язык свой 250 лет берегли. Наши предки, где только не побывали! По каким землям не ходили! Сколько нас поумирало на чужбине! А мы царя пережили, сохранили некрасовский корень. Сколько языков поменяли: и румынский, и болгарский, и турецкий, и греческий — один только наш русский язык уцелел», — с достоинством говорит казак-некрасовец Л. В. Тумин⁸²³.

Мировидение особой социально-конфессиональной группы русского этноса, проживающей на Ставрополье, — казаков-некрасовцев — заслуживает пристального внимания ученых, ведь их система этнокультурных координат во многом является самобытной, сохранившей в себе черты мироощущения предков русских. Этническая культура казаков-некрасовцев выявляет значительное количество архетипических представлений древнерусского человека и даже славянина о членении, категоризации, структурировании и оценивании окружающего мира, что обусловлено изоляцией культуры, в том числе и языка казаков-некрасовцев, от общенациональной культуры и общенационального русского языка, а также неосознанным противостоянием представителя русской культуры и языка чуждому неславянскому культурному и языковому окружению.

Изучение этноцентрического содержания культуры такой социально-конфессиональной группы русского народа, как казаки-некрасовцы Ставрополя, способствует формированию этнокультурной компетенции гражданина. На важность национальных (этнических) корней в жизни человека указывали многие русские философы начала XX в. По мнению Н. А. Бердяева, вне национальности, понимаемой как индивидуальное бытие, невозможно существование человечества. И. А. Ильин говорил, что именно через национальную индивидуальность каждый отдельный человек входит в человечество, входит как национальный человек.

⁸²³ Цит. по книге: Рабчевская А. Б. Вновь обретенная Родина. Ставрополь, 2012. С. 25.

Необходимо учитывать и тот факт, что современный мир оказался под значительным влиянием англосаксонской лигвокультуры, которая на пути к глобализации мира пытается растворить в себе этнокультурную самобытность других народов, в том числе и русского народа.

Исследование литературного языка необходимо дополнить тщательным изучением всех социально-функциональных страт национального русского языка, в первую очередь диалектов, к которым относится и островной говор особой социально-конфессиональной группы русского этноса, проживающей на Ставрополье, — казаков-некрасовцев.

Исследование лингвистического материала, собранного в различных экспедициях (в середине XX в. и настоящее время) к местам проживания казаков-некрасовцев, в 1962 г. вернувшихся из Турции в села и поселки Ставропольского края, дало возможность определить социально-исторические особенности функционирования островного архаичного южнорусского говора в условиях тюркоязычного окружения, выявить в языковой картине мира казака-некрасовца как общее ядро информации, образов и символов, характерных для языкового сознания всего русского этноса, так и особенных этнокультурных частей и вкраплений, выделяющих казаков-некрасовцев как конкретное национально-лингвокультурологическое общество, описать его этноментальную и лингвокультурологическую специфику.

Заканчивая исследование, приведу слова некрасовцев о красоте их говора: «А самый чистый русский язык — это у нас. Пройди по всему белому свету, чище нашей речи нигде не найдешь», — так в конце XIX в., находясь в эмиграции, описывали некрасовцы свою речь русскому путешественнику В. И. Иванову-Желудкову⁸²⁴.

⁸²⁴ *Иванов-Желудков В. И.* Русское село в Малой Азии // *Русский вестник*. 1866. Т. 63. Июнь. С. 417.

ЛИТЕРАТУРА, ПОСВЯЩЕННАЯ ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКУ КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ

- Архипенко Н. А.* Федор Викторович Тумилевич. Устный биографический нарратив об ученом-фольклористе // Казаки-некрасовцы: язык, история, культура: сб. научных статей. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 216—226.
- Архипенко Н. А., Калиниченко И. Ю.* Материалы для изучения традиционного костюма казаков-некрасовцев: погребальная обрядовая одежда // Казаки-некрасовцы: язык, история, культура: сб. научных статей. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 421—439.
- Багдасарова А. Б.* О некоторых этнических особенностях культурной жизни казаков: песенный фольклор // Проблемы возрождения казачества: сб. статей II Всероссийской научно-практич. конф. Ставрополь, 1992.
- Беляя З. А.* На чем земля держится. Культурное наследие как фактор развития территорий // Лингвистическая экология: сохранение исчезающих языков: материалы Междунар. науч. конф. (19—22 сентября 2012 г.). Ставрополь, 2013.
- Бубнов А. И., Богданов А. Б.* К вопросу об обычаях казачества // Проблемы возрождения казачества: сб. статей III Всероссийской научно-практич. конф. Ставрополь, 1993.
- Буганов В. И.* Булавин. М., 1988.
- Буганов В. И., Богданов А. П.* Бунтари и правдоискатели в русской православной церкви. М., 1991.
- Булавинское восстание. 1707—1708: сб. документов. М., 1935.
- Вендина Т. И.* Ценности и оценки в пространстве словообразования // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1997. СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 2000. С. 24—34.
- Волкова Н. Г., Заседателева Л. Б.* Казаки-некрасовцы: основные этапы этнического развития // Вестник МГУ. История. № 4. 1986.
- Грицкевич Н. Н.* Семантические особенности частиц русского языка в диалектной речи казаков-некрасовцев (на примере сказок, записанных Ф. В. Тумилевичем) // Вестник Северо-Кавказского федерального ун-та. 2013. № 4. С. 126—129.
- Грицкевич Н. Н.* Функционирование союзов и частиц в сказках казаков-некрасовцев // Экология традиционных культур: проблематика исчезающих этнокультурных групп в современном мире. Ставрополь: Сервисшкола, 2013. С. 48—51.
- Громакова О. Н.* Слова, характеризующие человека, в речи казаков-некрасовцев // Особенности функционирования и преподавания русского языка в полиэтническом регионе Северного Кавказа: материалы Междунар. конф.-семинара (Ставрополь, 21—25 сентября 2010 г.) / Под ред. В. М. Грязновой. Ставрополь, 2010. С. 286—290.
- Громакова О. Н.* Особенности словообразования существительных, обозначающих постройки, в говоре казаков-некрасовцев // Рефлексия: научный журнал. Назрань: Пилигрим, 2011. № 1. С. 37—39.

- Громакова О. Н. Семантические особенности наименований построек в говоре казаков-некрасовцев // Липоване: история и культура русских старообрядцев. Одесса, 2011. Вып. 8. С. 211—213.
- Громакова О. Н. Специфика лексики, связанной со строительством, в говоре казаков-некрасовцев // Формирование языковой личности в поликультурном пространстве Северного Кавказа: материалы Всероссийской науч. конф. Ставрополь: Ставропольский филиал Московского гос. гуманитарного ун-та им. М. А. Шолохова, 2011. С. 138—143.
- Громакова О. Н. Дом казака-некрасовца как отражение традиции и взаимодействия культур // Проблематика бытования русского языка и русской культуры на юге России: история, современность и перспективы: материалы Всероссийского научно-практического семинара (Ставрополь, 6—7 декабря 2011 г.) / Под ред. В. М. Грязновой. Ставрополь: Сервисшкола, 2012.
- Грязнов Д. Г. Кристаллизация нормативного содержания правил общественного происхождения в культуре казаков-некрасовцев // Вестник Пятигорского гос. лингвистического ун-та. 2015. № 3. С. 270—275.
- Грязнов Д. Г. Нормы общественного происхождения: анализ содержания и состава (на материале социальных норм казаков-некрасовцев // Вестник Пятигорского гос. лингвистического ун-та. 2016. № 1. С. 180—185.
- Грязнова В. М. Теоретические основы «Семантического словаря говора казаков-некрасовцев» // Особенности функционирования и преподавания русского языка в полиэтническом регионе Северного Кавказа: материалы Междунар. конф.-семинара. Ставрополь, 2010. С. 22—27.
- Грязнова В. М. Языковая картина мира казаков-некрасовцев и их потомков в лексикографическом описании: подходы и теоретические основы // Россия и славянский мир в контексте многополярности: материалы VII Междунар. науч. конф. Славянск-на-Кубани, 2010. С. 53—59.
- Грязнова В. М. Архаичность говора казаков-некрасовцев как его специфическая характеристика // Липоване: история и культура русских старообрядцев. Одесса, 2011. Вып. 8. С. 10—22.
- Грязнова В. М. Континуальность семантики в грамматической категории рода существительных в говоре казаков-некрасовцев // Вестник Ставропольского гос. ун-та. 2011. № 76 (5). Ч. 2. С. 12—18.
- Грязнова В. М. Явление диффузности и родовой синонимии в грамматической категории рода существительных в говоре казаков-некрасовцев // Вестник Ставропольского гос. ун-та. 2011. № 76 (5). Ч. 1. С. 25—32.
- Грязнова В. М. Лексико-семантическая и словообразовательная специфика лексико-тематической группы «Атмосферные явления в говоре казаков-некрасовцев» // Актуальные проблемы регионоведения: материалы Междунар. научно-практич. конф. Славянск-на-Кубани, 2011. С. 26—32.
- Грязнова В. М. Наименования, связанные с религией, в говоре казаков-некрасовцев // Векторы духовности в русской литературе и журналистике XIX—XX вв. VIII Сургучёвские чтения (20—21 мая 2011 г.). Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. С. 218—220.
- Грязнова В. М. Национально-культурный компонент в говоре казаков-некрасовцев // Формирование языковой личности в поликультурном пространстве Северного Кавказа: материалы Всероссийской конф. Ставрополь: Московский гос. гуманитарный ун-т им. М. А. Шолохова, 2011. С. 70—78.

- Грязнова В. М. Словообразовательная специфика лексико-тематической группы «Земледелие и растениеводство» в говоре казаков-некрасовцев // Рефлексия: научный журнал. Назрань: Пилигрим, 2011. № 1. С. 39—44.
- Грязнова В. М. Вещественные существительные в говоре казаков-некрасовцев // Русский язык в синхронии и диахронии: материалы Всероссийской интернет-конф., посвящ. 85-летию со дня рожд. проф. Ю. И. Леденева (2012 г.). (Режим доступа: <http://conf.stavsu.ru/conf.asp>)
- Грязнова В. М. Исторический путь казаков-некрасовцев, проживающих в Ставропольском крае // НаукаПарк: научно-практический многопредметный журнал. Ставрополь, 2012. № 2 (7). С. 4—11.
- Грязнова В. М. Лексико-тематическая группа «Земледелие и растениеводство» в говоре казаков-некрасовцев // Казаки-некрасовцы: язык, история, культура: сб. научных статей. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 363—381.
- Грязнова В. М. Лингвистическая экология: сохранение исчезающих языков: материалы Международной научной конференции // Вестник РГНФ. 2012. № 4. С. 217—220.
- Грязнова В. М. Речевая деятельность казаков-некрасовцев в аспекте ее историко-культурного прочтения (к вопросу о междисциплинарных связях в филологии) // Историко-функциональное изучение литературы и публицистики: истоки, современность, перспективы: материалы Междунар. научно-практич. конф. (18—19 мая 2012 г.). Ставрополь, 2012. С. 52—56.
- Грязнова В. М. Речевая деятельность казаков-некрасовцев в аспекте лингвокультурологии // Динамика языковых и культурных процессов в современной России: материалы III Конгресса РОПРЯЛ (11—13 октября 2012 г.). СПб., 2012. Т. 1. С. 371—375.
- Грязнова В. М. Специфика архаических черт говора казаков-некрасовцев // Актуальные проблемы русской диалектологии: материалы докл. Междунар. конф. (27—28 октября 2012 г.). М.: ИРЯ РАН, 2012.
- Грязнова В. М. Специфика грамматических категорий имени существительного в говоре казаков-некрасовцев // Проблематика бытования русского языка и русской культуры на юге России: история, современность и перспективы: материалы Всероссийского научно-практич. семинара. Ставрополь, 2012. С. 3—14.
- Грязнова В. М. Специфика категории одушевленности в говоре казаков-некрасовцев // Вестник Ставропольского гос. ун-та. 2012. № 79 (2). С. 128—133.
- Грязнова В. М. Говор казаков-некрасовцев: лексико-тематическая подгруппа «семейно-родственные отношения» // Лингвистическая экология: сохранение исчезающих языков: материалы Междунар. науч. конф. (19—22 сентября 2012 г.). Ставрополь: Сервис-школа, 2013. С. 34—48.
- Грязнова В. М. Говор казаков-некрасовцев: обращенность к прошлым языковым эпохам // Мир русского слова. СПб., 2013. № 1. С. 24—31.
- Грязнова В. М. Специфика лексико-семантической системы говора казаков-некрасовцев: архаика и современность // Вестник Северо-Кавказского федерального ун-та. 2013. № 2. С. 151—156.
- Грязнова В. М. Идеографический и системно-семасиологический аспект анализа лексики говора казаков-некрасовцев (на примере одной из лексико-тематических групп) // Вестник Северо-Кавказского федерального ун-та. 2013. № 4. С. 129—134.
- Грязнова В. М. Общая характеристика системы словообразования наречия в говоре казаков-некрасовцев // Вестник Северо-Кавказского федерального ун-та. 2013. № 5. С. 144—148.

- Грязнова В. М. Лексико-тематическая группа «Украшения» в говоре казаков-некрасовцев // Русский язык как государственный язык РФ в условиях полиэтнического и поликультурного региона: материалы межрегиональной конф. (22—24 мая 2013 г.). М.; Саранск: МГУ им. Н. П. Огарева, 2013. С. 150—153.
- Грязнова В. М. Специфика грамматической категории рода имен существительных в говоре казаков-некрасовцев // Русские старообрядцы: сб. статей к XV Междунар. съезду славистов. М.: Языки славянских культур, 2013. С. 435—438.
- Грязнова В. М. Идеографическая характеристика глаголов говора казаков-некрасовцев // Вестник Северо-Кавказского федерального ун-та. 2014. № 2. С. 168—173.
- Грязнова В. М. Общее и специфичное в системе словообразования глагола в говоре казаков-некрасовцев // Вестник Северо-Кавказского ун-та. 2014. № 3. С. 174—180.
- Грязнова В. М. Лингвокультурологическая специфика речевой деятельности казаков-некрасовцев // Актуальные проблемы межкультурной и межъязыковой коммуникации: материалы 3-й Междунар. конф. «Язык сквозь призму культуры» / Ереванский лингвистический ун-т. Ереван: Лингва, 2014. С. 118—127.
- Грязнова В. М. Лингвокультурологическая специфика речевой деятельности старообрядцев казаков-некрасовцев // Языки и культуры в современном мире: материалы конференции (2—7 мая 2014 г.) / НОПРИЛ, Российский центр науки и культуры в Париже. Париж, 2014. С. 96—100.
- Грязнова В. М. Местоименная лексика в говоре казаков-некрасовцев // Лингвистическая экология: проблематика исчезающих языков и культур в истории и современности: материалы Междунар. науч. конф. Ставрополь, 2014. С. 68—82.
- Грязнова В. М. Многозначность как проявление вариативных отношений в структуре глагольного слова говора казаков-некрасовцев // Язык. Текст. Дискурс: научный альманах Ставропольского отд. РАЛК. Вып. 12. Ч. 2. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. С. 168—178.
- Грязнова В. М. Системные связи в глагольной лексике говора казаков-некрасовцев // Вестник Пятигорского лингвистического ун-та. 2014. № 3. С. 15—19.
- Грязнова В. М. Социокультурное своеобразие языковой картины мира старообрядцев казаков-некрасовцев // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2014. № 12 (51). Т. 1. С. 186—193.
- Грязнова В. М. Специфика морфологии наречия в говоре казаков-некрасовцев // Лексический атлас русских народных говоров: сб. материалов и исследований. СПб.: ИЛИ РАН, 2014. С. 148—154.
- Грязнова В. М. Характерные черты морфологии глагола островного говора старообрядцев казаков-некрасовцев // Мир русского слова. 2014. № 2. С. 17—24.
- Грязнова В. М. Национально-культурная специфика лексики казаков-некрасовцев // Филология и культура. Казань, 2014. № 4. С. 66—71.
- Грязнова В. М. Система склонений имени существительного в единственном числе в говоре казаков-некрасовцев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 8. Ч. 2. С. 63—67.
- Грязнова В. М. Социолингвистическая специфика речевой деятельности старообрядцев казаков-некрасовцев Ставропольского края // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII конгресса МАПРЯЛ (Университет г. Гранада, Испания, 13—20 сентября 2015 г.): В 15 т. СПб.: МАПРЯЛ, 2015. Т. 2. С. 48—54.
- Грязнова В. М. Специфика категории вида в говоре казаков-некрасовцев Ставропольского края // Язык. Текст. Дискурс. Научный альманах. Ставрополь, 2015. Вып. 13. С. 362—370.

- Грязнова В. М. Специфичные словообразовательные модели имени существительного в островном русском говоре // И. А. Бодуэн де Куртэнэ и мировая лингвистика: Междунар. конф.: V Бодуэновские чтения (Казан. федер. ун-т, 12—15 окт. 2015 г.): труды и материалы: В 2 т. / Под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Е. А. Горобец, Г. А. Николаева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. Т. 1. С. 84—87.
- Грязнова В. М. Морфологическая система глагола говора старообрядцев казаков-некрасовцев сквозь призму культуры // Вестник Пятигорского гос. лингвистического унта. 2016. № 1. С. 14—18.
- Грязнова В. М. Лексико-семантическая характеристика фразеологических единиц говора казаков-некрасовцев // Вестник Пятигорского гос. лингвистического унта. Пятигорск, 2016. № 2. С. 37—45.
- Грязнова В. М. Фонетическая система говора казаков-некрасовцев Ставропольского края // Вестник Адыгейского гос. ун-та. 2016. № 2. С. 32—40.
- Грязнова В. М. Общие лингвокультурологические характеристики лексики говора казаков-некрасовцев // Мова і культура: науковий журнал. Киев: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2011. Т. 7 (153). С. 122—129.
- Денисов Н. Г. Церковно-певческая культура старообрядцев казаков-некрасовцев // История церкви: изучение преподавание: материалы науч. конф., посвящ. 2000-летию Христианства (22—25 ноября 1999 г.). Екатеринбург, 1999. С. 171—174.
- Денисов Н. Г. Церковно-богослужебные традиции казаков-некрасовцев // Христианство и христианская культура в степном Предкавказье и на Северном Кавказе: сб. науч. статей. Ростов-на-Дону, 2000. С. 53—59.
- Денисов Н. Г. Казаки-некрасовцы сегодня // Вопросы казачьей истории и культуры. Майкоп, 2002. Вып. 1. С. 90—101.
- Денисов Н. Г. Сорок лет на родной земле // Музыкальная академия. 2002. № 3. С. 51—53.
- Денисов Н. Г. Новые факты истории // Музыкальная академия. 2002. № 3. С. 53—57 (совместно с Е. А. Агеевой).
- Денисов Н. Г. Устные традиции пения казаков-некрасовцев // Устная и письменная трансмиссия церковно-певческой традиции: Восток — Русь — Запад. Гимнология: материалы междунар. науч. конф. (23—27 мая 2005 г.). М.: Научно-издат. центр «Московская консерватория», 2008. Вып. 5. С. 280—287.
- Денисов Н. Г. Старообрядческая богослужебно-певческая культура (к проблеме типологии): Автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. СПб., 2010. 44 с.
- Денисов Н. Г. Ustna nradycja spiewu kosakow-niekrasowckow // Muzyka Sakralna czesc czwartą. Czestochowa, 2010. P. 81—87.
- Денисов Н. Г. Вспоминая праздник — 40 лет возвращения казаков-некрасовцев в Россию // Лингвистическая экология: сохранение исчезающих языков: материалы Междунар. науч. конф. (19—22 сентября 2012 г.). Ставрополь, 2013.
- Денисов Н. Г. Еще раз об истории казаков-некрасовцев // Лингвистическая экология: сохранение исчезающих языков: материалы Междунар. науч. конф. (19—22 сентября 2012 г.). Ставрополь, 2013.
- Денисов Н. Г. Старообрядческая богослужебно-певческая культура: вопросы типологии. М.: Прогресс-Традиция, 2015.
- Денисов Н. Г., Смилянская Е. Б. Старообрядчество Бессарабии: книжность и певческая культура. М.: Индрик, 2007.
- Духовная культура накануне нового столетия: тезисы научно-практической конференции / Науч. ред.: В. З. Дуликова, Э. И. Петрова. М.: МГУК, 1998.

- Желябова И. В. Рыболовецкая лексика в говоре казаков-некрасовцев // Вестник Ставропольского гос. ун-та. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. Вып. 71.
- Желябова И. В. Турецкая лексика в говоре казаков-некрасовцев // Казачество в социокультурном пространстве России: опыт и перспективы развития: материалы Всероссийской науч. конф. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. С. 269—272.
- Желябова И. В. Лексико-семантическая специфика церковной лексики в говоре казаков-некрасовцев // Формирование языковой личности в поликультурном пространстве Северного Кавказа: материалы Всероссийской науч. конф. Ставрополь: Ставропольский филиал Московского гос. гуманитарного ун-та им. М. А. Шолохова, 2011. С. 81—87.
- Желябова И. В. О происхождении лексем подгруппы «рыболовство» говора казаков-некрасовцев // Континуальность и дискретность в языке и речи: материалы III Междунар. конф. Краснодар: КубГУ, 2011. С. 214—216.
- Желябова И. В. Особенности словообразования рыболовецкой лексики говора казаков-некрасовцев // Липоване: история и культура русских старообрядцев. Одесса, 2011. Вып. 8. С. 203—206.
- Желябова И. В. Словообразовательная специфика наименований домашней утвари в говоре казаков-некрасовцев // Рефлексия: научный журнал. Назрань: Пилигрим, 2011. Вып. 1. С. 46—49.
- Желябова И. В. Словообразовательная специфика рыболовецкой лексики в говоре казаков-некрасовцев // Вестник Ставропольского гос. ун-та. 2011. Вып. 77 (6).
- Желябова И. В. Словообразовательный аспект фитонимов в говоре казаков-некрасовцев // Филология, журналистика и культурология в парадигме современного социокультурного знания: материалы 56-й научно-методич. конф. «Университетская наука — региону». Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. С. 110—115.
- Желябова И. В. Влияние географического положения Турции на лексику говора некрасовцев // Проблематика бытования русского языка и русской культуры на юге России: история, современность и перспективы: материалы Всероссийского научно-практического семинара. Ставрополь: Сервисшкола, 2012. С. 138—143.
- Желябова И. В. Лингвокультурологические аспекты изучения наименований домашней утвари в речи некрасовцев // Экология традиционных культур: проблематика исчезающих этнокультурных групп в современном мире: материалы Междунар. науч. конф. (19—22 сентября 2012 г.). Ставрополь, 2013. С. 51—58.
- Желябова И. В. Номинации лиц по их отношению к трудовой деятельности в говоре казаков-некрасовцев // Русский язык как государственный язык Российской Федерации: лингвистический, социальный, историко-культурный, дидактический контексты функционирования. Волгоград, 2013.
- Желябова И. В. Лексико-семантическая специфика наименований растительного мира в говоре казаков-некрасовцев // // Славянская письменность и культура как фактор единения народов России: Материалы II Всероссийской научно-практич. конф.; Сев.-Осет. гос. ун-т им. К. Л. Хетагурова. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2014. С. 100—108.
- Зудин А. И. Легенды некрасовских казаков // Казаки-некрасовцы: язык, история, культура: сб. научных статей. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 331—348.
- Иванов-Желудков В. И. Русское село в Малой Азии // Русский вестник. 1866. Т. 63, июнь. Из истории народов Северного Кавказа: сб. науч. статей / Отв. ред. А. А. Кудрявцев, Т. А. Невская. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2000. Вып. 3.

- Историческая справка о жительстве казаков-некрасовцев в Турции. // Казаки-некрасовцы. Сб. материалов. Ставрополь, 2009.
- История городов и сел Ставрополя: краткие очерки / Науч. ред. проф. Д. В. Кочура, проф. А. А. Кудрявцев. Ставрополь, 2002.
- Калиничева Н. В. Семья и семейные отношения в сказках казаков-некрасовцев // Казаки-некрасовцы: язык, история, культура: сб. научных статей. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 348—363.
- Каменец А. Основные проблемы сохранения и развития традиционной народной культуры в современных условиях // Традиционная народная культура: сб. информационно-аналитических материалов / Отв. ред. А. Каменец, ред. и сост. И. Горбатова. М., 1995.
- Карпун М. А. Растения в диалекте и традиционной культуре казаков-некрасовцев: к постановке проблемы // Казаки-некрасовцы: язык, история, культура: сб. научных статей. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 381—390.
- Касаткин Л. Л. Исследование говоров русских старообрядцев в Институте русского языка им. В. В. Виноградова // Русские старообрядцы. Язык. Культура. История. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 595—597.
- Кислякова Г. Г. История казаков-некрасовцев в экспозиции и выставках Новочеркасского музея истории донского казачества // Лингвистическая экология: сохранение исчезающих языков: материалы Междунар. науч. конф. (19—22 сентября 2012 г.). Ставрополь, 2013.
- Короленко П. П. Некрасовские казаки // Известия общества любителей изучения Кубанской области. Вып. II. Екатеринодар, 1900. С. 71.
- Крыласов В. Г. Истории и сказы Ставрополя. Ставрополь: ООО «Интеллект», 2009.
- Кудряшова Р. И. Семантика лексемы «бурлак» в донских казачьих говорах и других русских диалектах // Лингвистическая экология: проблематика исчезающих языков и культур в истории и современности: материалы Междунар. науч. конф. (19—22 сентября 2014 г.). Ставрополь, 2014.
- Лалаева Д. И. Наименования мифологических персонажей в народной культуре донского казачества // Лингвистическая экология: проблематика исчезающих языков и культур в истории и современности: материалы Междунар. науч. конф. (19—22 сентября 2014 г.). Ставрополь, 2014.
- Листопадов А. М. Песни казаков-некрасовцев // Песни донских казаков. Т. IV. М.: Музгиз, 1953.
- Мельников А. Проблемы региональной народной культуры // СЭ. 1985. № 3.
- Мильчев В. И., Сень Д. В. Расспросные речи как источник по истории некрасовских казаков последней четверти XVIII в. (по материалам РГАДА) // Казаки-некрасовцы: язык, история, культура: сб. науч. статей. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 244—261.
- Минорский В. Ф. У русских подданных султана. М., 1902.
- Миронова А. В. Из наблюдений над календарно-хозяйственной обрядностью казаков-некрасовцев // Казаки-некрасовцы: язык, история, культура: сб. науч. статей. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 390—397.
- Москетти-Соколова А. Историко-культурные связи казаков-некрасовцев и липован. М., 2006.
- Мызников С. А. Лексика говора казаков-некрасовцев в казачьем и общерусском диалектом контексте // Лингвистическая экология: сохранение исчезающих языков: материалы Междунар. науч. конф. (19—22 сентября 2012 г.). Ставрополь, 2013.

- Мызников С. А. О некоторых особенностях словарного состава говора казаков-некрасовцев // Лингвистическая экология: проблематика исчезающих языков и культур в истории и современности: материалы Междунар. науч. конф. (19—22 сентября 2014 г.). Ставрополь, 2014.
- Неганова Г. Д. Лексика культурного ландшафта в говорах костромского заволжья и казаков-некрасовцев: общее и локальное // Лингвистическая экология: проблематика исчезающих языков и культур в истории и современности: материалы Междунар. науч. конф. (19—22 сентября 2014 г.). Ставрополь, 2014.
- Подъяпольская Е. П. Восстание Булавина 1707—1709. М., 1962.
- Попова Н. С. Организация жилого пространства у казаков-некрасовцев: традиции и инновации // Казаки-некрасовцы: язык, история, культура: сб. науч. статей. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 439—453.
- Пронштейн А. П. Земля донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону, 1961.
- Рабчевская А. Б. Вновь обретенная Родина. Ставрополь, 2012.
- Ригельман А. История или повествование о донских казаках, 1778 года. М., 1846.
- Рудиченко Т. С. Федор Викторович Тумилевич и его вклад в изучение фольклора казаков-некрасовцев // Лингвистическая экология: сохранение исчезающих языков: материалы Междунар. науч. конф. (19—22 сентября 2012 г.). Ставрополь, 2013.
- Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие / Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина, А. М. Красовицкий и др.; под ред. Р. Ф. Касаткиной. М.: Наука, 1999.
- Русские народные сказки казаков-некрасовцев. Собраны Ф. П. Тумилевичем. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство. 1958.
- Савельев Е. П. Древняя история казачества. М.: Вече, 2007.
- Семантический словарь говора казаков-некрасовцев с лингвокультурологическим комментарием/ Авт.-сост. В. М. Грязнова, И. В. Желябова, О. Н. Громакова и др.; отв. ред. В. М. Грязнова. Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2012.
- Сень Д. В. «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 — конец 1920-х гг.): Дис. ... канд. истор. наук. М., 2007. С. 19—22.
- Сень Д. В. Казаки-некрасовцы в Крымском ханстве: актуальные вопросы изучения // Казаки-некрасовцы: язык, история, культура: сб. научных статей. — Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 226—244.
- Сердюкова О. К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов-н/Д., 2005.
- Смирнов И. В. Казаки-некрасовцы // Вопросы истории. 1988. № 8.
- Традиции, уклад жизни и фольклор казаков-некрасовцев. Ставрополь, 2008.
- Трубицина И. А. О программе спецкурса «Сказки казаков-некрасовцев» (для учащихся 5-х классов инновационных и общеобразовательных учебных заведений) // Лингвистическая экология: сохранение исчезающих языков: материалы Междунар. науч. конф. (19—22 сентября 2012 г.). Ставрополь, 2013.
- Тумилевич Ф. Неопубликованные песни об Игнате Некрасове // Народно-устная поэзия Дона. Ростов-на-Дону, 1963.
- Тумилевич Ф. В. Песни казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 1947.
- Тумилевич Ф. В. Казаки-некрасовцы. «Дон». Ростов-на-Дону, 1958.
- Тумилевич Ф. В. Сказки и предания казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 1961.
- Тумилевич Ф. В. Неопубликованные песни об Игнате Некрасове // Народная устная поэзия Дона. Ростов-на-Дону, 1963.

- Тумилевич Ф. В. Казаки-некрасовцы. К истории антифеодального движения на Дону и Кубани // Казаки-некрасовцы: язык, история, культура: сб. науч. статей. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 12—36.
- Тумилевич Ф. В. Свадебный обряд у казаков-некрасовцев // Казаки-некрасовцы: язык, история, культура: сб. науч. статей. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 36—73.
- Тумилевич Ф. В. Предания о городе Игнате и их источники // Казаки-некрасовцы: язык, история, культура: сб. научных статей. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 73—106.
- Тумилевич Ф. В. Неопубликованные песни об Игнате Некрасове // Казаки-некрасовцы: язык, история, культура: сб. научных статей. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 106—141.
- Тумилевич Ф. В. К вопросу о поэтике песен казаков-некрасовцев // Казаки-некрасовцы: язык, история, культура: сб. науч. статей. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 141—188.
- Тумилевич Ф. В. Хранители песен казаков-некрасовцев // Казаки-некрасовцы: язык, история, культура: сб. научных статей. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 188—215.
- Филатова И. М. Говор казаков-некрасовцев в сравнении с говором станицы нижнечирской волгоградской области // Лингвистическая экология: проблематика исчезающих языков и культур в истории и современности: материалы Междунар. науч. конф. (19—22 сентября 2014 г.). Ставрополь, 2014.
- Цветкова Е. В. Лексика «Семантического словаря говора казаков-некрасовцев с лингвокультурологическим комментарием» в сопоставлении с костромской микропонимией // Лингвистическая экология: проблематика исчезающих языков и культур в истории и современности: материалы Междунар. науч. конф. (19—22 сентября 2014 г.). Ставрополь, 2014.
- Чайковский М. С. Записки М. Чайковского (Садык-паши) // Киевская старина. Ежемесячный исторический журнал. Т. 39. Киев, 1892, октябрь. Вып. 12.
- Черкашина Э. А. Лексико-тематическая группа «Животный мир» в лексике казаков-некрасовцев // Рефлексия: научный журнал. Вып. 1. Назрань: Пилигрим, 2011. С. 56—60.
- Черкашина Э. А. Лексико-тематическая подгруппа «Врачевание» в лексике казаков-некрасовцев // Липоване: история и культура русских старообрядцев. Одесса, 2011. Вып. 8. С. 214—216.
- Щепотьев В. П. Русская деревня в Азиатской Турции // Вестник Европы. СПб., 1893.
- Энциклопедия казачества / Сост. А. И. Скрылов, Г. В. Губарев. М.: Вече, 2007.
- Якоби Л. А. Особенности свадебного обряда некрасовских казаков // Казаки-некрасовцы: язык, история, культура: сб. науч. статей. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 408—421.
- Ямнова Т. И. Жизнь казаков-некрасовцев в Турции. Русские путешественники о жизни казаков на чужбине и материалы собирательских экспедиций сотрудников музея в Ставропольский край // Лингвистическая экология: сохранение исчезающих языков: материалы Междунар. науч. конф. (19—22 сентября 2012 г.). Ставрополь, 2013.
- http://turkey-info.ru/about_turkey/nature_geography/nature/nature.html
- <http://www.a-pesni.golosa.info/kazaki/nekrasov/Nekrasov.php>

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СЛОВАРИ

- Берында П.* Лексикон славеноросский. Киев: Киево-Печерская лавра, 1627.
- Большой толковый словарь донского казачества: В 2 т. М.: Русские словари; Астрель; АСТ, 2003.
- Геллергоф Ф.* Российский лексикон по алфавиту, с немецким и латинским переводом. Печатан при Императорском Московском университете. Т. 1—2. М., 1778.
- Геллергоф Ф.* Российский Целлариус, или Этимологический российский лексикон. М., 1771.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М.: Прогресс-Универс, 1994.
- Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русскаго языка к общей пользе при императорской Академии наук печатию издан (Вейсманнов лексикон). СПб., 1731.
- Нордстет И.* Российский, с немецким и французским переводами, словарь. Ч. 1—2. СПб., 1780—1782.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1994.
- Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного / Сост. Вл. Бурнашев. Т. 1—2. СПб., 1843—1844.
- Поликарпов-Орлов Ф. П.* Лексикон трехязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище из различных древних и новых книг собранное и по славенскому алфавиту в чин разположенное. М., 1704.
- Семантический словарь говора казаков-некрасовцев с лингвокультурологическим комментарием / Авт.-сост. В. М. Грязнова, И. В. Желябова, О. Н. Громакова и др.; отв. ред. В. М. Грязнова. Под общ. ред. В. М. Грязновой. Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2012.
- Сердюкова О. К.* Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 2005.
- Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 1—4. М.: Международные отношения, 2009.
- Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 1—6. СПб., 1806—1822.
- Словарь Академии Российской. Ч. 1—6. СПб., 1789—1794.
- Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965—2014. Вып. 1—47.
- Словарь русского языка XI—XVII веков. М.: Наука, 1965—2008. Вып. 1—28.
- Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук. Т. 1—2. СПб., 1891—1907.
- Словарь русского языка. Т. 1—4. М., 1957—1961 (МАС).
- Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. М.; Л.: Наука, 1948—1965 (БАС).
- Словарь структурных слов русского языка. М., 2007.
- Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук. Т. 1—4. СПб., 1847.
- Соколов П.* Общий церковно-славяно-российский словарь. Т. 1—2. СПб., 1834.
- Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1—3. СПб., 1893.
- Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
- Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1—4. М.: «TERRA», 1996.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТЕКСТЫ (ЗАПИСИ РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ ГОВОРА)

Далее представлены записи речи носителей говора казаков-некрасовцев, сделанные в 2008—2015 гг. Это рассказы тех некрасовцев, которые в 1962 г. (в составе 1001 человека) приехали в села Ставропольского края. Первый текст записан с соблюдением большинства основных норм научной лингвистической транскрипции. Остальные тексты записаны в упрощенной транскрипции: звучание слова передается на основе обычной русской графики, в ряде случаев привлекаются дополнительные графические средства.

ТЕКСТ 1

Анастасия Тимофеевна Пушечкина (Запись текста сделана студентами филфака СКФУ, расшифровка сделана проф. СКФУ В. М. Грязновой).

Настасья Тимахфеивна я Пушычкина, первава йинваря рожыная. Ета унук у миня был, восим лет яму, дивятай пашол, вон у миня спросить: «Ты ф каком уаду радилась, бабушка?» — «Ф сорок пятам». — «А ф каком месяцы?» «Да первава йинваря». — «А хто ишо у вас первава йинваря?» — Да вот зять, ишо адин зять первава йинваря». — «М-м, бабушка, да фсе вы в адин день радились». — «Так ани ж в друуих уадах радились». — «Нет, бабушка, вы ж в адном месяцы радились». Насилу вдолбила: «Ну ани ш пастарша. Дедушки пачти восимдисят лет, мне вон сколько лет». Тада сидел-сидел: «А-а, вон как?»

Мне васимнацать была, када приехали. Ехали с радостию, мятали в Расию. Пайдём, будим платя нъдивать, на кубулках будим хадить, на канфетнай фабрики будим работать.

Веритя, мы када жыли ф Турсии, мама нам рассказывала пра Иссея скаску, как Иссей, вон жа морим плыл, искал ета самая и приплыл вон к остраву, а на етам острави, мама нам рассказывала, людаев жыл, аднаулазый. И там тока вон авец пас, ну ета тут. Ета ана нам в децтви енти скаски рассказывала. Мы приижжаим в Расию, и паказывають па тиявизару етат фильм. Мине меньшая сястра, меньша ана мине, звонить: «Аксинь, Аксинь, ты видиш ента, ты смотриш етат фильм? Мамину скаску». Я уъварю: «Да». А мы так, вот ана нам рассказывала ету скаску. А вот пьнимаиш, начала ни мауу..., вот фспъминала.

Тут как вон приехал на востраф, как вон папал к ням, как вон афцу зарезал, как в авец залес, как вон яво выпустил, фсё, а вот начала ня помню. Вот мноуа сказак знала. Ну вот начала и канец, вот ента фсё стала зъбывацца. Уже, знаиш, када у миня была Дашулька, внучичка первая, ей уже двацать лет, я вот с ней скаски..., если я ей пять сказак ни ръскажу, ана ня спить. Вот я ишо помнила. А типерь уже нет. Ну знаю сказаках мноуа. Но вот начала и канец мауу пиряпутывать.

Вот пра Иванушку, пра Алёнушку, мы жа фсе скаски ф Турсии рассказывали. Как Иван Царевич бо Къралевич..., пусти миня в речичку, ножышки прамыть,

капыташки прамыть. Вот ана нам вечирам, свету-та ни было, а ана знаиш, лампы зажүть и сидить руками шеть нам адёжу, а знаиш, пабаивалась ночью, наверна, или ей жутка была адной сидеть, вот ана нам скаски рассказывала. Мы сядим вот так, ва кружок. Брат был, я и ишо паменьшы мая сястра, ишо меньша, ана ишо малинькая была..., Анютка, Тимонька и я. И вот ана нам скаски рассказываить. И мы сидели и фсе енти скаски слушали.

Пра Сини Сокала ана нам рассказывала, и вот как печка русская идеть, как де-вушка... Сини Сокал иё хател засватать, а сёстры зьривнавали, и вон ей сказал: «Если хочиш за миня замуж выить, иди в дивятую царству, в дисятую ўсударству и найдёш миня». И ана шла, шла-шла и фстретилася ей ябланы, фся засохшая, фся паникшая. Ана ўварить: «Дева, дева, аброй миня, абмаш, прьпали, а я табе на вре-мю зүадюся». А ана взялася, разделася, абрыла ету ябланю. И тут же-ш енту скаску паказывають, а нам иё мама ф Турсии рассказывала.

Идеть, русская печка стаить, фся аборванная, фся ента... «Дева, — ўварить, — Дева, памаш мине, а я табе на времю зүадюся». Ну, ана памазала, абмазала иё. Фстретилася сабачка, бальная, ана иё пьдлячила, усё.

«Ну ничё, — ўварить, — девачка, када будиш назад вяртацца, мы тибе па-можым». И шла, значить, шучка, када была нъваднения, была вада сильная, ана билася-билася и на бирижок прибилася, а вада ушла, ана асталася на биряшку.

Бёцца, а в воду ни пьпадеть и ўварить: «Дева, пусти мине в воду, а я табе на времю зүадюся». Када ана иё пустила в воду, ана нашла Сини Сокала, значить, трое поршний снасила, па три хлеба съела и нашла яво. Ну а вон уже жанилси и взял Бабину Яүонину дочку. А ана, Бабина Яүинина дочка, съблазнила яво и при-тварилося вот ентай вот девушкой. А ана пришла, а вон ўварить: «Нада ш ухадить жа, аставить иё». Вот ани едут на павоски, а сабачка следам тинь-тинь, ўав-ўаф, стьрикова дочка едит, старухина дочка... Сабачка вот памоула. Ну тут руская печ-ка памоула. «Прятайся в мине». Ани залезли, а печка жарам абдалася, ани прашли и ни нашли их. Тут пад ябланю ани спряталися. А пад воду пьдашли, а шука так зделала, што вады ни асталася, ани праехали, а тут — вада. Ани спаслися. Мама нам енту скаску... А тут фильмы мы видели. Ета фсё турецкия скаски.

А Алёнушка, знаиш, с Иванушкой жыли, а к ним стала Баба Яүа в ўости ха-дить. Ана в ўости ходить и ўварить: «Нътапитя печку жарчи, давайтя Иванушку парить», а сама хочить Иванушку уничтожыть. А сястра ўварить: «Как жа я нъ-таплю жарка печку и туда брацца пьсажу, вон жа упичёцца. А вон ўварить: «Ты, сястрица, ни пиржывай. Нътапи печку пажарча, а я сяду нъ лапату, то ноуу пьды-му, то руку пьдыму». А ана скажыть: «Иди, бабушка, пькажи, как нада нъ лапату садицца». Нътапила ана печку, пьсадила яво нъ лапату, Иванушку, а вон то ручку падымить, то ношку. Ана ўварить: «Баба, ни умеить вон сидеть нъ лапати. Ты бы фстала, да пьказала, как яму сидеть». Ана рьстянулася нъ лапати. А та и сунула иё ф печку, да зьпякла.

А ани фстали, да ушли, ушли ани з браццам. Ана ўварить: «Братиц, па ку-шырям-та ня беуай, а то рубашыцку парвёш. Ана у нас адна». А вон то сюды

пъбжыть, то туды пъбжыть и парвал сваю рубашку. А зышывать иуолку с ниткай взяли, а напорстак забыли, вяртацца нада. Вон: «Сястрица, я пайду дамой, вазьму напорстак». — «Ты пайдеш, а мясам пахнись, а ты съблзнисси, да и паеш. А ўде будим вады братъ пить? Тока ф капытах вадичка есь, ф палях, а большы ниўде нет». — «Нет, я мауу выдиржать».

А сам пришол, напорстак взял, вышал, а сам падумал: «Дай лизну нямношка». Лизнул нямношка мясу. «Дай ишо рас лизну». Лизнул, идёть, вады хочить, а вады ниўде нету. Ис капыта нямношка выпил, ни зделался баранам, идёть дальшы, дальшы шёл-шёл, ишо зхателась. Выпил и баранчикам, ну казёльщикам стал, надел на рошки напорстак, бжыть, микикекаить, а сястра, ну ана ш знаить, што так будить, ну пашла, приуарюнилась, в лясу на пинёчку, и сидить.

А Иван Царевич боф Къралевич едить и ўварить: «Што, дева, сидиш, думу думаиш? Унылая така?» Ана ўварить: «Ну как жа мне..., был брат, адин-идинствиннай, пашёл да казёльщиком стал». Вон ўварить: «Выходи за миня замуш. У миня стада бальшая казлох. Пустим яво, и вон будить в маёй стади». Ну сьуласилась, паехала с ним на лошади, приехали в яво сяло, ну и стала жыть.

Там Баба Яу пъявилась. Стала заманивать иё купацца в речку. «Пайдем, Аленушка, купацца». Ана ей ўварить, ну то вада ни збылеицца, ну то холадна ишо. Ну так ни так, съблзнила иё Баба Яу, пашли. Ана приуатовила зарани шалкову траву, люту змию, белуарюч каминь. Ана ўварить: «Ръздывайся, Аленушка». А та ўварить: «Ты ръздывайся». А ана ўварить: «Ты мьладая, ръздывайся, я на табе пгўляжу».

Ента разделася, а та тълканула иё, каминь на ей кинула, шалкову траву, да змию люту. А брат, казёльщик, даудывалси, што ето ни то, и сматрел за ними ис-пат кустика. Увидал ето фсё, ну и сястра утанула, ана прибеула, Баба Яу, на русскую печку ляула и ляжыть. А Иван Царевич приехал, а ана: «Иван Царевич, я зьбалела. Хачу казёльщика, Ванюшку». А вон: «Да што ты, брата роднава хочиш. Я тибе любовова казла». — «Нет, вод брацца».

А вон ета слышыть на крылещки ляжыть. А вон яму: «Што ш ты ни идёш на лужок, трафку ня шыпиш? Ляжыш, да ляжыш на крыльце». — «Я хачу пайти на возира, капытушки прамыть». А вон ўварить: «Да иди». А вон пашол в вадичку, да кричить: «Сястрица мая Аленушка, мине, казла, зарежать хочуть, нажы точать булатныя, шууины кипять чууунныя». А ана вынырнула нямножышка из вады, да ўварить: «Мне жаль табе, да ни как сабе. Люта змия серса выжала, шелкова трава ноуи спутала, белуарюч каминь на дно тянить». Нырнула и на дно пашла. Вон плакал, паплакал, да и назат пришол. Апать на крылечка лёх и ляжыть. Никуда ж ни атходить. А та тврядить: «Иван Царевич, зареж мине казёльщика». А вон ни сьулашаицца.

Фтарой раз вон у ниво просицца, вон атпустил. Пришол вон в вадичку и стал апать плакацца. А ф третий раз вон сказал слууам: «Идитя, ляштя, пъяжыть, пгўлядитя, куда вон ходить». Ну и пашли ани, ляули, ляжать. А вон пришол, залес апать в воду, стал плакать. Сястра вынырнула, яму рассказывать. А тут слууи взяли иё, яму привяли.

Типерь ана рассказывайт-рассказывайт, а иё дочка, иё залофка, ана ўварить: «Бабу Яўу привязали за няежжыва каня и пьвалакли, и ўде наўа атървалася, а возли вашыва дома тулавишша упала. Мать взяла, нъварила». — «Сваха, да мы ня ели ету мясу!» — «Как ня ели? Цельная тулавишша у ваших варот валялася!» — «Нет, свашынька, да мы ня ели ету мясу».

Ишо помню. Мать умирайт, а атец астаёцца. Машиху взял, а у ней дочка, ана привяла, да ана-та никрасивая. А аццова-та дочь, та красавица. Ну а жынихи едут, а ани на краю жыли, вады папросють, ана вынисит, а ани нею съблазнилися. Приехали сватать, а ани типерь ня хочуть иё аддать. Пат карыту пьсадили, ну пат палуашку, так нъзывали. Ну а машихину дочку нъ пасат пьсадили, будуть аддавать. Накрыли жа, а сабачка, знаиш, ана любила сваю сабаку: «Тинь-тинь, ўав-ўаф. Стърикова доч пат карытай, а машихина нъ кравати». Ани: «Пабейтя ие, пьуанитя». Сабака выдаеть дочь. Жаних пришол пьсумлявати, а када кинулси, а нивеста яво пат карытой сидит, а сабака выдала.

ТЕКСТ 2

Рамзаёва Анна Илларионовна (Запись текста сделана студентами филфака СКФУ, расшифровка сделана проф. В. М. Грязновой и доц. СКФУ И. В. Желябовой). Текст записан в упрощенной транскрипции: звучание слова передается на основе обычной русской графики, в ряде случаев привлекаются дополнительные графические средства, общие с литературным языком фонетические процессы не отмечаются.

Работали мы за деньги да за рыбу. У нас там икра така была: и баламут, и таранки, и сыр, щучия икра, кефалия икра, сазания икра — всё у нас это было. А рыба сухая куканами висела. А рыбу мы так солили: вымачивали, да сушища клали, вот так готовили. А рыба сушеная така была: судаки, шшуки, сазаны. А вот тут с ума-то без рыбы сходим! А из рыбы любое блюдо сделать-то можно, от любых болезней!

Вот помню, ляжала в больнице я, ноги болели. Врач делает мне перевязку, а я ему рассказываю, про бабушку повятуху рассказываю. У нас ведь как, на первом месте повятуха, потом батюшка и врач! А врач стоял слухал, а я ему всё рассказала! А он слухал, слухал, да и гаварить мне: «Вы, значит, грамотная, а я нет!», а я ему отвечаю: «Да нет, голубчик, энто я неграмотная. У тебя ж труд какой бессонный-то, ты ж людей вылечиваешь!»

Када трахтаров ишшо не было, мы на быках, на волах пахали. А какая смятана да молоко у нас отличные были! У нас две коровы были. Мы масло продавали, а остальное сабе, семья ж большая была. У нас вобщем было два быка, коровы две, кони, да ишек ишшо был. Я на ишаке на Лиман за водой ездила, вот для того его и дяржали. А потом сбегла она, видать не понравилось у нас!

Мы как жили: были и богатые, и бедные, и хорошие, и плохие! А веть от чяво зависело, богатый ты или бедный? Если прадеды да дяды накопили, значить, усё

по наследству тебе перейти! И зямля-то по наслетству шла. А дети-то были малые, а обман был, обманывали! Забяралі сабе землю, а детям ничего не доставалось! Вот так и поколения шла да шла. Кто разбогател, кто и попропил, а кто и бедный человек, так он и работал, семью кормил и всё было нормально.

Вот мы построили дом, када пожанилися. Мужик у меня работал, деньги зарабатывал. Денех у нас лишних не было, а дом красивый был. И у нас и яда была, и всё было! И дети были и одеты, и обуты! А картошки мы брали нямнога килаграм на зиму. Да картошка надоела уже! А вот раньше мы ели фасоль, маслина вольная, баламут, рыбы разные, уху, сыр, кифалы, таранки всякие — вот это яда! Знаитя, скоки яды было! Но в банки мы не закрывали. Вот целую бочку посолим капусты, перец, арбузы, агурцы — всё поперятрусим. И вот захотел, пошёл, капуста вытащил, да щи сварыл. А картошку не так, как щас, сажали! Мы сажали рядами огромными. И лук, и часнок в огороде сажали. А огород у нас посярётски дома был, но у нас огород маленький был. А у меня ж ещё два брата были, так вот мы дом подялили, и у меня половиночка осталась! А какие мы свадьбы играли!

Но почяму ж нас на Дон не посадили?! Это ж наши предки, наша родина. Мы када уехали, так плакали! Там жишь лиман, крякушки, камышок наше, наше, родина наша! Идешь по улице — тропиночки, камушки лежат, предки там наши захоронены, плятни, хворостом заплятёные.

Да вот щас у нас знамя — два орла, это чё две государства чё ли?! Вот один должен быть орёл! Думаютъ, какая разница — тут или там, чё они нас раздялили-то?! Трофимовна, Анька — это ж наши золовки, а я их даже проведать не могу! Это ж наша родня, мужа моего сёстры двоюродные. Потом Арина — она ж тоже его сестра двоюродна, Антон у неё был муж. Дочка моя там, Матрёна. Она в столовой работаить, така красивая, полная баба! Таня Симонова, унучка моя. Да родни у нас многа! А чё мы тут у церкву ходим, а толку-то! Не хочу я тут жить, вот если бы нас на Дон посадили, тада другое дело! Все вместе были бы тада! А типерь дети у Ставрополь поехали, один в Краснодаре, трое в Ставрополе.

А вопще помогают дети. Вот приижали, помядоры сажали, баклы сажали. А фрухты всякие у нас раньше были: и гранат огромный, и яблоки, и айва! Маслины, правда, тока не было, это щас её у церкви посадили. Но раньше мы её покупали, она ж дешовая, а края-то тёплые! Вот нащёт продуктов там вопросу не было. Напрымер, пост, мы в посте даже лучше ели, чем в мясоед. Мы рыбой больше там питались, баламутом. Понасолим, укусно-то как! А здесь не ядим, привязли как-то семьдесят рублей килограм, кому енто надо!

Зимы там не очень холодные были. Вот тока када Лиман застывал лёдам. Када вот идешь на Иордань (празьник такой) кругом городка, мы ж всягда сяло окружали и на воду шли. А там такие дашочки клали, потом крух делали, када батюшка туда шёл, то там пели, батюшка служил и крест окунал, на весь Лиман вода священная была! А на креститель кидалися, бросалися у воду, спорили и женщины, и мужики. Вот идёте када у церкву, а там усе нарядные, и всё равно три раза нырял каждый. А потом бабы идуть весёлые, поють. А потом у кого-нибудь у доме

собирались и выпивали по стакану спиртаку или раку. А потом хороводы начинали водить. У нас дома мы на крещение песни пели, а какие песни пели да хороводы водили! Сколько-то смеху было! Как красиво было, вы бы поглядели!

А дети наши жили здесь до шешнацати годов. У нас здесь жил сын старшой да сноха, сын мой меньший с ребёнком. Они-та усё сейчас отсюда кушать бяруть. Утей мы держим, кабанов, кур, вот они усё и бяруть.

А в лесах там у нас ягоды усякие росли. Мы када хороводы водить ходили, бывало, перейдешь через мост, а там аржавика понаплетеная, усё расло там. Дажжи там часто были, вот мы и сажали пащатки, бобы, подсолнухи. Мы ничё не поливали! Картошка, лук, арбузы, ничего не поливали! А налоги мы там платили двянацать рублей, веть у нас света-то не было, а только кирасин.

В наше время как девки ходють, страшно смотреть, тьфу! А вот раньше девка ходить: повязка на голове, серёшки красивы, булавки! А замуш вышла, значит усё, уже ты накрытая и в платку! Я у рубaxe раньше ходила. И щас у меня рубax много, я оденусь и хожу весь день! Ето ж наша старинная рубaxа!

Вот тока учера с сыном разговаривали, хто ш рубашки наши шить-то начал?! Ето ж усё ис Турции пайдёное и опять же придёное. Вот павёл нас туда Игнат. Да там же усе помёрли, одна тока матушка осталася. Вот худоба какая-то была, и усе помёрли, одна она осталась, и то вот уже умерла она. А мы там жили, сколько лет прожили! Наши приходили, а мы пришли читвёртые суда, атставшие, пропащие. Куда красная шлюпка, туда нам и итить. Нам суда не велено итить было, мы пришли суда сами, своими ступнями.

А вот када мы в Волгоград поехали, там казак один нам и гварить: «Зачем вы сели там, ваши претки — Дон!». Да, вот если бы казаки поехали на Дон, то там бы и нас посадили. А дом наш помню казачий. Одними досками построен, ни одного гвоздя не было! Мы там плясали, выступали на Дону! Помню идем по тропиночке, песни поём разные. Потом пошли ф церкву. А церква третева веку, железный пол, надпись там и Степана Разина цепь висит на воротах. А сейчас там новая церква построена, да кака красивая! А у музеа там Гусев, дядя Егор, слепой такой, хороший человек был, да вот умер уже и мой брат Гусев Харлам Иларионович. А щас я ф музей весь свой костюм отдала. Нате, говорю, вешайтя! Кресты, помню, пришли сымали у нас, детей наших обзывали, и турками, и как только не называли! А типерь и крясты, пожалуста, и у церкву идитя.

Косы мы заплятали аб три, аб шесть, аб восемь. А замуш уже када вышли, заплятали две касы. Заплятаешь и на голову накидываешь.

Курям сухарики давали.

Када замуш выхадили, то, как положено, одежду вышивали, шоб красиво было. Также фата была, хвартучки — усё блеском вышивали для красоты, вот таки наряды были. Нас ентому не обучали! Усё руками делали. Подол там красненький, зелёный или синий, каждая сабе цвет выбярала, по красоте, да шоб подходила. И синее с красным не смотрицца, а вот если хорошо подбярёшь, уже ш по-другому будеть, покрасивше. И женяхам делали по тридцать, по сорок рубашек-то.

Стирали мы мылом хозяйственным. А мыло-то в город ездили покупать.

Дитей своих по строгости воспитывали. Да было-то, конечно, по-разному, где по-божески, а где и били! Но дети-то не обяжались никада! У нас дети даже женатые уже были, а батя усё равно воспитывал, бил даже! А они тада слушались, но не обяжались на никаго. А в нашо время-то дети совсем не слушающця, ни свя-кровь, ни сноху! Вот, например, моя мать, она жила у Мани, сестры маей старшой. Вот она меня и воспитывала. А у снохи её не родная была мать, а мачеха, а отец родный был. Они очень дружно жили.

А у нас-то дворы большие были. Мы святы сажали. Да никак щас сажают! А рядами — в один, два, да даже в три сажали, полочками такими, а ну-ка их-то ещё и полить надо! С работы придёшь, полил, да во дворе ищё подмесьть надо, знаете какая чистота-то была! Как жишь святы назывались та, запаматывала, што-то вроде кокса-мокса, не помню! Шапки — святы были у нас, глазки Анютины, всяки святы были. Ищё комнатны были, енти самые, герань, точно герань была, она всяких разных видов была у нас: и синяя, и жёлтая, и красная с листьями такими большими, красивыми. Ой, да много всяких цвятков было! Мы их и на окна ставили, и во дворы выносили, када жарко было, а када холодно было, то у комнату заносили, шоб не замерзли.

ТЕКСТ 3

Елисютикова Татьяна Тимофеевна (Запись текста и расшифровка сделана доцентом СКФУ И. В. Желябовой, уточнена проф. В. М. Грязновой). Текст записан в упрощенной транскрипции: звучание слова передается на основе обычной русской графики, в ряде случаев привлекаются дополнительные графические средства, общие с литературным языком фонетические процессы не отмечаются.

У маей маме семера было дитей, бабушка была васьмая, мать дивятая, отец, десить чилавек. У нас были круглые сталы, за два стала садились, а нихто не кинул рибёнака. А тут как бывает? Пачиму мы такими стали? Господь нас вот за ета наказываить, мать маладенца родила и убила, а там, если родють маладенца, он плахой, ну, бывает слабинький, тут попа вядуть, скарей яво крестють, не дай Бох, он умрёт. А мы тут за своих дитей совсем не боримси. Ведь мы богата живём в етай стране. Расия наша богатая, фсё у нас есть, ведь раньша ничо не было, даже машин не было, пишками ходили, а типерь и машины есть, и мы на машинах ездим, у кажнава рибёнока, у сына машины, пошти у кажнава есть. А вот пачиму так дитей на сваих делаем?

Как родилси рибёнак, начинают связочкай повязывать ево. Белый платочик малинкаму, белый платочик повязуть, и связочкай повязывают. А вот взрослому связку под низ адивають.

Вот я делаю ети булавачки, ета тараночка внутри: она как хвостик, а вот ета рыбочка, а есть курятники. Ета я для куклы, а ета взрослые есть, вот косички видят, вот косички мы, женщины, втыкали вот суда. И вот ета фсё сама делаю.

На свадьбах с кашай пиряги ложили на железные тарелки, всю яду ложили, и ели там с етих жа тарелках. Форфар был, но ета для богатых. В глининам малако квасили. У нас ещё расли карсы: он рос, семена высыпали, очищали всё и туда насыпали, и соль насыпали, и дажа молоко наливали, кампот наливали. И ложки железные были, но мы постоянно ими ни яндали. Если примерна зять пришёл, тёща яишницу жарила, положить железную ложку и вилку, а так постоянна деревянные ложечки были, и полоник деревянный был, вилками мы ни ели, вот только ложками деревянными всё ели, и все с одной чашки ели.

Для вареников у нас была деревянная шалба изделаная, плетёная, с ивушках пляли иё, и ана прям красива была сплетёна, вот вареники вытянишь шалбой, все поели, помыли и повесили иё, она висить.

Глиняныи украшения были всякие: брачинашки, чашешки. Всякава размера: большая была, и маленькие, и среднинькие. Украшали у нас иконы палищищками, киёточками. У нас вот етими чашками украшали в шулани.

Всё у нас вот так поимённа называлася: шулан, сарайщик — ето летняя кухня, кухня была зимняя, лапас, паветка, подлысина, двор такой, где скатина была, на том дваре солому сыпали, скатину вязали, курники были. А ета щистый двор, там у нас беседка, там святы были, очинь ета была щистый двор, отгарожена было, камышом обгораживали, загораживали ровна, ровна. Там ели садились, там свадьбы мы играли, там нащалы делали, все у етим щистам во дваре. А уж молодую бяруть када, в шулан уводять. Тут сарайщики были, в сарайщике мы зярно хранили, мука у нас была, у горнух солка была.

Никакова мебели у нас не было, были сундуки и кровати деревянные, лавка была, стульчики были, стули были. Столы редко-редко у каво, потом уже, потом. А вот в старину у нашей у бабушки был стол чёрным лакам вскрытый, стоячий был стол (*стол на высоких ножках. — В. Г.*). И вот знаитя, када в Россию итить, мы яво не взяли, шашель ево начал бить, и оставили, ножки были очень красива выделанныи.

Очень аккуратна слаживали одежду, ты што, ни дай Бох, ты как абы как кинешь иё. Платок вот постираишь, патом йиво сворачиваишь, я покажу как мы сворачивали, платки, вот так йиво сворачиваишь, натягиваишь, свирнёшь яво, и вот так йиво на коленачки выгладишь. Не разряшали родители, не дай Бох, конец будить мятый, ета не хорошо. И вот ета разгладишь, разгладишь йиво, чуть-чуть сыраватинькива, и вот всегда родители говорили, вешайтя во дворе, там беседка была, там он ни пережарицца. Утюх был, но угольной, братья сами себе брюки гладили, и рубашки гладили сами себе.

Потом ставишь чайник, он нагроицца на горнушки, и вот ево вытеришь, коптели жа, и тада вот им выглаживали мы платки, носовые платочки, вот ета мы выглаживали. Капрон, платок был капронавый, он не мялси, а белый простой платочик — мы ево выглаживали.

Мы мячтали: пайдём в Россию, за офицерав замуж пойдём, а нас родители скорее-скорей поотдавали.

Корыта была вот такая большая, деревянная. Блины туда мазали, пироги, корыта у кажнава в сяме, потому што хлеп-то пякли сами, пякарни ни было. Толкушка была, чяснок толкли, соль толкли, вот ета всё в толкушке, была малая толкушка, большая толкушка была, мы толкли кукурузу, там мы толкли пшаницу. Жорнав был и толкушки были, хто на жорнаве, хто на толкушке, они жа каменные, а вот толкач был деревянный. Соль-то была раньшы крупная, толкли, да на сету сеяли иё для яды, а для солки — крупную соль.

Смятану делали. Молоко кипятили, масла сверху собирали ложкай. Иё собирають, собирають, потом в чашке, в глининой, деревянной ложкай и сбивали, но это наши родители. Мы уже мы не так стали: молоко закипятили, иё на медлинной огонь поставили, она вот томицца, томицца, патом обрезали ножом, щалбоу её вынають, в чашку ложуть, она такая духавита, вот. Ентим мы блины мазали, калачи жарили, олады пякли, всё вот етай смятанай.

Горшки вот такие были, для солки: помидоры солили, перец солили в маленьких. Примерно ты летам посолил и йидишь, а если на зиму, то большыи бочки были, уже в бочке солили, а ета вот примерно посолили на недельку и йишь их: то огурщики, то помидорщики, то синенькии. Вот ета маленькай, они вот такие глиняные были горшки. Ты на стол яво положишь, и всё, а ета горшок для солки, большой, разница была.

И были у нас кюпи, кушины, мы воду носили. Кушин, у няво горлышка маленькая была, две ручки у няво была. Кюпь у нас зарытый в земле, камушками обложин, обязательно какую-нибудь ветачку посадишь, как святок какой-нибудь. И вот знаишь, каждую субботу умываишь етот кушин, туда воды наливаишь, она бываить холодная, кюпь. Вядра на чатыре наливали. У каво большы, у каво меньшы, у каво какая сямя была, вот кюпь был на разную сямю.

Мы ходили авщики ставили с братом на силёдачку. Она примерно вот в октибре месеце начинаить силёдка ловицца, ну она небольшая, вот такая, мы солили иё, солёную ели. Вот пойдёшь, авщик растянишь, поставишь, а сами играимси, если начала чайка садицца перед вечерам, начинаицца рыбка ловицца. А нам лиж бы на воде-то посидеть, в озире покупацца. Мы с утра идём, родители грядь, зачем вы так с утра идётя, рыба-то не будить ловицца, с обеда лучша, ну мы пойдём, авщики поставим, и купаимси. Вот начала чайка садицца, знащить, пошла рыба, и вот идешь, отбираишь, а у тебя сумка висить, и ты туда ложышь, набирём много и тада идём домой. А я страшна как боялася воду, када идёшь, а вода прозрачная, и вот ета нёба в ней, и мне кажицца, што щас я наступю и уйду куда-небыть, и вот он, брат, мине бирёт за руку, и он видёт, видёт.

Была у нас панаирь, ярманка, как тут называют, вот туда-то мы-то на быках ездили, на машине ездили. Отсы едут, а ты уговариваишь отса, штоп он тебе взял на ету ярманку. Мы-то на быках ездивали, понасадимся, отес с матерю едут, ды нас бяруть.

Работали, с малых лет заставляли работать, пшаницу мы косили вручнуй, снопы вязали вручнуй, молотили вручнуй. Потом, может, 10 лет, можа большы, можа

ранышы, ня буду бряхать, уже комбайнир, молотилка, приизжал он и молотил пшаницу нам, а косить с поля мы сами косили вручнуя, и возили всё. У кажнава свая зямля была: у каво большы, у каво меньшы было, по-всякаму. Конешно, покупали, ну и потом, у ково сямя большая была, зямли мало, государства давала землю на большыи семи, называли мы их новые земли. На дальних мы сеяли кукурузу, подсолнухи, фасоль, тыкву, арбузы сеяли, а вот паявые, мы там лук сажали, раннюю картошку сажали, а дсятки, сырты — ета вот тока фасоль сеяли. Фасоль была дорогая, и мы фасоль много сеяли.

ТЕКСТ 4

Бабаёва Анна Ивановна (Запись текста и расшифровка сделана студентами филфака СКФУ). Текст записан в упрощенной транскрипции: звучание слова передается на основе обычной русской графики, в ряде случаев привлекаются дополнительные графические средства, общие с литературным языком фонетические процессы не отмечаются.

Капитан корабля объявил, што родился уже гражданин России на турецкай земле. А корабль русский «Грузия» называицца. Я хотела сына Грузией назвать, дедушка не захотел. Своим отцом назвал — Семёнам.

Мы суда приехали, и нас поместили в общежитие, жили мы там полгода. Возили-возили по всем селам и в общежитие поместили. Там холодна, кушать негде, люльки нету, койки нету, ничо нету. Дед работал с одним тут, в стройцехе. И ему, видать, пожаловался, што вот привезли внука, а купать негде, холодна. Снахе рассказал, и она пришла за мной. И повела миня домой, говорить: «Бери малыша и пойдем ко мне». Там мы ево искупали.

В Турсии обыкнавеннаи дома были из самана, чакмат называли. Деревяшки были набиты землей, там все постройки были такии. Там же тёпла было. Глина там красная была, глина белая была, мазали, краснай песок, желтый был. Туда кизяк коровий добавляли. Помажут, высохнуть. Када высохнуть — ня пахнуть. В хате мазали черным.

Приданое мать готовила. Платки кисейные, мутузики, завески. Собирали усё, сундук вот такой делали. Кто одеяла, кто подушки давали, матрасы. Одеяла и подушки сами делали. Перьями набивали, а матрасы шерстяные были. Шерсть барана.

У каво огароды были большыи, у нас маленькии. Отдельна зямля была, где пшаницу сеяли. Большая озера была — вода приходила. Зимой и вясной обхадила. На етай земле торфяная зямля была после воды. И пахали, сеяли фасоль, кукурузу, подсолнешник. Потом мы перемалывали, делали масла.

И мы варили с винаграда чиру. Варили на всех, по праздникам стряпали, калачики жарили со смятанаю, с творагам пякли. Каравайчики жарили, пираги сливные пышки, семечки затыкали в них и мазали со смятанаю.

Рыба была вольная, озера была большая, ходили женщины, потянуть и рыбку поймают. Селёдачка была хорошая, вкусная. У нас отец ходил за сомом. Готовить посуду, невад всю лету вяжут. Вяжут, потом смолоть, сушить. Ходили на шестем месяца, денежку зарабатывали. Мы помогали растаскивать нить, штоп не закрутилась. Мы растаскиваем её, чтобы не крутилась, потом с одной стороны, потом с другой. Отец уедет, мать остаётся. Живем всю зиму без отца. К паске только приедет.

Самая крупная рыба сартма называлась, такая она крупная. Судаки были, сулай назывались. Вот засушить отец в дороге, понасушить их, а када едят домой, судаки нам привезет, рыбы сухой. Он привазил все. Потом ждем, пока он их начинать развязывать, окружили отца. Нате вам! Вот эта икра соленая, эта рыба сухая. Мамака повесить, и всё лета мы её ядим с рисом. Мамака порежить рыбку, положить каши, луку, рису, рыбу масличкам полёт, и водички, потом в сопрашку на медленный огонь, она упарицца — вкусна! И он мяса засаливал дикава каба, мамака тоже вымачивала и с капустой нам кормила. Мы кушали, голодными не были. Все была там вкусна! Масла была особенна вкусная, оливковая. Оливки покупали в городе Бандерми, ездили покупали. Отец, када уезжает в дорогу, заготавливают мяшок сахару (эта тюленей называли), масла, керасин (газ называли). Один раз случайно попала подсолнышная, так она на всю улицу воняла. А тут мы без привычки сначала её пожарили, пользовались. А потом привыкли, и стала нравиться с запахами.

В прятки играли, в сан. Говорили: «Давайте в сан играть!» Прятались и искали друг друга. Завязывались глаза, и в сан играли. И карысы гаварили — эта по-турецки, а так и не знаю. Вот так становились ноги, а потом нога на ногу вдвоем, потом аж вот так подымали и прыгали. Если уронить, так они садяцца вдвоем, и сначала другие садяцца.

В Турции, там такие стёклышки собирали, а турки ездили и принимали. И стёкла, и кости, и старе. Ездить и кричать по-турецки, а сестра сходила и отцов свитер да отнесла, а брали смячебынас, так называли такие вот стрючки, они на деревьях висять, сахарная и толстенькая, коришневые. Так и мяняли, сестра прибежала, отцов свитер отнесла, так она полную завеску набрала за весь свитер. Полную ей завеску насыпал турак.

В восемнадцать лет только регистрировали. Отец ни в какую. Там как раз одни разошлись, у нас вообще никогда не расхидились. И он не дал. «Год еще погулять пускай!». Ему стала восемнадцать, а мне девятнадцать. А мать в четырнадцать лет, и нарожала, и ничаво, а тут, говорить, нельзя. Вот женить и не гуляют ни от каво, разводов не было. Вот мы уже живем писят два года, и родители наши по многу лет попрожили. А тут чувств нет, всё, любовь кончается. Разбегается. Она себе там нашла, он там. Вот теперь ище внучата, а я переживаю. Вот они сейчас еще в ипатеку вступили. А кто знает, будут ли они жить?

ТЕКСТ 5

Пушечкина Василиса Абрамовна (Запись текста и расшифровка сделана студентами филфака СКФУ). Текст записан в упрощенной транскрипции: звучание слова передается на основе обычной русской графики, в ряде случаев привлекаются дополнительные графические средства, общие с литературным языком фонетические процессы не отмечаются.

Када суда привязли, здесь возле столовой высадили, а мы все в своих одеждах. А от нас все убегают, мы в цветных одеждах, скажут, цыганей попривели, што ли? Нас высадили, вот ета мы сидим. Стали нас разбирать, делить на первое отделение, потом на культстаны, где свободные места, там нас и поселили. А нас, значить, на красный уголок, на винзавод, чатыри сями, а у нас у одних четверо детей, у других семера. Привезли в красный уголок, а там ничего нету, ни кроватей, пол просто, и всё. Мы вытаскиваем одеяла, перины.

Там, на винзаводе, начальства была, и наших отцов забирають — пойдем. Вот наши матери стали переживать, сидим мы, ждем — нету. Приходить батя и говорить: «Дарья (звали мать так), а тут бога нету». Мамака говорить: «Как бога нету? Мы приехали в Россию за русских замуж отдавать, а здесь бога нету. Надо крестница, надо молица. А где?». Отец ей: «Церквы здесь нету. И все напрасно, сгорели мы здесь».

Нам, правда, домик отделили, мы ходили туды, как храм сделали, ходили молились туды. Потом в сельсавет ходили просили, и нам тада построили ету церкву. А так вянчались скрытно, домой привадили батюшку. Если родился, молитву поп должен давать, без молитвы мы в церкву не пойдем. И стали мы от так, всё тайно, тайна крестились, вянчались. А они нас заставляли снимать крясты в школе, а я не сняла, сказала «Ня буду», и не сняла. И комсамол мне ваш не нужен. А детей приводили, галстуки снимали, на линейку водили. А щас ети же люди и детей крестять, и вянчають. А писят лет скоро же будеть.

Там пять классов закончила, а здесь на второй день сразу на винаградники послали. Два брата и мы, две сястры, меньшая пошла в первый класс, а меня на винаград. На уборку нас послали.

Убирали винаград, говорили, што нам прививки должны делать, штоб не заразились. Приехали на машинах в белых халатах, мы забежали в рошшу, там у нас была, они вышли, а нас никаво не было, уехали они, уехали. Наутра выходим, а они вперед, в лопатки ширять. Бригадир нам потом объяснила, што утак, вот утак.

И в клуб ходили, в клуб ходили в наших рубахах. К нам подайдуть, а мы убегаим. В кина ходили, один раз в кина пришли, а свет выключили. Тут наши девки как рванули, чуть не сбили контролёрку. В Турсии не смотрели, ничаво не смотрели. Света не было, ничаво не было. Там пахали, сеяли, косили все врушную. Коровы у нас не было. Ета все прошло. А теперь-то не помню.

Там дома были саманнии, низенькаи, маленькаи. Потолки низкаи. Окошки маленькаи, здесь большыи, дверь мы никада не закрывали. Жили так, жили в селе.

Ходили друг к другу, поетаму дверь не закрывали, даже замков не было. Плетни были загорожены колночками, их перелазили, у нас гранаты были много, расли. Перелезуть, оборвуть и убегут со двора. Кухню, мы построили иё, мы иё называли горнушка. Она раньшы была сарайщиком, у нас там пашаница, кукуруза была, вобщем, амбар стоял. Мы называли яво сарайщик. А была еще сделана рядом там постройка, там у нас стояла русская пешка. И там у нас дрова ляжали, и кушать готовили. А ели на улице, када летам, а зимой яду заносили в хату.

Спали где? Вот, где у нас амбар, пашаница и семечки, кукуруза, и там мы на полу спали. Вот так мать, я, старшая рядом, батя, брат, вабще все, без обид. Все на полу. Кровати не было. Две снохи и еще детей двое. Там тоже брат, сноха, и девочка потом родилась. В другой хате у нас поставили буржуйку, шуба называли, поставили, вывели трубу, топили, обогревали, а мы жили с родителями в холодной комнате.

У нас дома айва была, чернослив, тёрин, керес (черешня), тутник (тютелька мы иё называли), дули (грушина), инжир, много было, у нас огород здоровый был. Всё так поидали и вареня не варили. Варили тока с винаграда. Давили винаград и варили щиру, щирь варили. Да делали нардэк. И с тыквушки варили рищель — вареня такое. Вот помню, мама порежить кусочками и положить в глину белую, и она в глине ляжала. Я спрашиваю: «Мама, зачем ты в глину ложишь?» — «Штоб крепкая была». Скрепила иё глина, а потом кусочки мыли, вытаскивали, мы их варили, она крепенькая была.

Айву мы с ветки собирали, резали ее. У нас нитачка была, и мы иё на нитачку вязем. Мама заставить нас, целую с листикам отрежим, а у нас потолки были, ну, как здесь балки. Гвозди прибёшь к балки, на них вешають гранат с ветачками и айву с ветками. Вешаим, извешаем всю, а потом ядим. Сохранялась долго, висела. Высохли и так висели. Мы так сохраняли айву и гранат.

Святков было много. Сажали бабаски, гералю называли, лисичек, так по-турецки называли. Были дубки, динецкие называли. Святкины, мы их и щас так называем. Ета как мы там запомнили. Семяна вязли, но в Новороссийске забрали. Они нам сказали: «Если вы везёте какие-нибудь цветы, то нельзя». А мы вязли нарциссы, шапки (гиргени по-вашему), герцинты (а мы называли сининькаи, а если розовелые, то красненькаи называли, были и беленькаи, ета все так по цвету). Они у нас всё позабирали. Фасоль привязли, васильки. Потом ищё бобы, баклы, привязли. Утут сажали и ели. Баклы ета как бобовые, плоскаи, крупныи, а стручки, как горох. А мы их называли баклы. Сравнивали: зубы, как баклы. Бакла растеть как перец. Резали иё и ели. Потом кто-то привозил нарциссы, они не такие, как здесь. У них одна ветачка, на ней по пять, по шесь, а у нас одна и одна. Я у нас на базаре видела.

Тыквушка, синенькаи были, арбузы были, дыни были, всё ета было. У нас был дом, при нём зямля, там у нас куры ходили, буйвалы ходили. И зямля была, как щас, отдельный пай. Мы их парами называли. Бобовые отдельна, мы их бахчи называли, там и сажали кукурузу, бобы, а горох отдельна. Огород был разбросан, кусок там, кусок там.

Приехали и пошли в первый класс, учительницу ня знали, как звать, тётай иё называли, ха-ха-ха, не знаю, у нас учительница по имя-отчеству, а мы иё тётай. Ходили в вечернюю школу, начали учить, и была по писят лет, и была по тридцать лет, и по сямнадцать, и по ваямнадцать. Все в одном классе сидели. Учились писать, читать, да мы тока на турецком читали, писали. У мене еще диплом турецкий, я яво сохранила, он у меня ляжить. В Турсии, в школе еще, не разряшали разговаривать по-русски, нельзя было, там нас наказывали. И если со двора выйдем со школы, тада разговаривали между собой, а в школе не-е-е, прятались, не разговаривали. А дома на своем, ну, много слов турецких, потому што ну нет русских, што старай были, то знали. А новай мы уже начинали по-турецки. Например, рис. Мы сразу ня знали, што иво рис называли, принч называли.

Губки нет, глаза тоже не красили. Брови красили, и румяна были. Я даже ня помню, чем мазали. Брови красили, и када малыми были, нам красили. Там какой-то растык называлси. Вечерам мне намажуть, они высохнуть, утрам стану, смою их, они вроде черныи. А губы нет, губы не разряшали красить, говорили, а то умрёшь, а на том свете будут там черти. Косы ня стригли. Мальчики стриглись. Была у нас парихмахерская, бербер называли, турецкая, турки работали. Они ходили постригались. А девочки — как родилася, одна коса, када замуж — две косы. И усе. Косы небольшие были, они плоха росли, и усе. И зимой, и летам девки ходили с косой. Мы их девки называли, не дявчата, а девки. В пятнаццать-шашнаццать лет замуж выходят, уже они завязали косы суда. Две косы делали и завязали уздесь, замотали. Сверху платок, обязательно.

Мы жа привыкли там ходить в рубахах и бисиками, там не была морозов. А мужики зато одетые были. В туфлях, в костюмах, в галстуках. Хороводы танцевали. А обуви не было у дявчат, дорогая была. А потом нам начали шлёпки покупать. Шлёпки были фсе бисерам сделаны, в празднишные дни хадили в шлёпках, а такие дни бисиками. В клуб ходили бисиками, в рубахе и бисиками. Стыдна была заходить, а в кина хочецца итить, а обуви нету.

Один рыбу налавил — заработал, а второй пришел, еще задатки не отбыл. У нас, бывало, отец када поедить на рыбалку, им же ш, прежде чем уехать, задатки отдадут. Задатки — ета как аванс, штоп сямя на што-то жила, они оставляють матери. Я помню, рыбалить-рыбалить, а задатки не отбыл. Привезёт нямножка, и все. Бывайть, кому как повезеть. На лиманы какие-то ездили. А наши на море были, они на крючках шапы ловили, так рыба называлась, ета рыба, как змея. Мы иё змея называли, она как угорь. Привозили иё, я помню, жарили, яндали, раков привозили.

Буйвалы были, бугай их называли. Они паслись, а если пахать — пахали на них. Када дома были, кормили их. Мельница была: на жернаве крутили, потом пашаницу дробили и с соломай мяшали. И кормили. А утрам пахать пошли. Пахали, сеяли, всё на них. За сялом у кайдава был свай гарман. Сушили бобы. Зярно отдельна сушили, пашаницу отдельна, кукурузу отдельна, подсолнухи. А там делали кулюбы, шалаши, кулюбы называли. И вот там и ночевали, и охраняли свои бобы. Никто нас ня трогал — женщин с детьми.

Турки, када праздник, зовуть вешать флаги, штобы у нас у всех был турецкий флах. На их праздник мама шила из краснава материала флах, шила полумесяц и звездочку. На клюшку привяжем и заставим детей прибить.

Текст 6

Ялуплина Прасковья Григорьевна (Запись текста и расшифровка сделана студентами филфака СКФУ). Текст записан в упрощенной транскрипции: звучание слова передается на основе обычной русской графики, в ряде случаев привлекаются дополнительные графические средства, общие с литературным языком фонетические процессы не отмечаются.

И бакчи были у нас, и поля были, мы косили хлеб, отцы наши косили, снопы возили, вязали, снопы стаскивали скирдой, гарманили, быками гарманили. Потом машина вышла, молотилка скажет, что вот рядышком складывайся в эти скирды свою зярну, и будить молотить по очереди, да. А раньшы мы сами пьмолотим быками и всё.

Улицы не называли. Не называли, какая улица. Сами сабе знали, хто в какой вулице жили. Я скажем, в иной улице жила, замуж пошла в другую вулицу. Вот так по улицам жили.

У нас в хати комната называлася чулан, пелянищка была, в длянү висела, икона стояла, нанизу лавочка стояла, тарелощка и чашешки, ну, для красоты. В шулан влез, в хату подёшь прям вот, ето хатина дверь, в хату попадешь. А в хате кровать была деревянная, койких не было, диванов не было, рогожка расстеленная. Ложишься на полу, у матери много детей было, на полу ляжали, бабка с нами на полу, расстелим такую одеялу толстаю и положимси, и ляжим, ну так. Хто ф кухне, хто где ношивал.

А ета сарайщик назывался, там зярно, мука. А ета кухня называлась, летняя кухня, пещка была, русская пещка сделанная, там топили, там хлеба пякли. Лапас был, поветка была, поветка называлась, ета када с улицы заходишь, идешь, о-та-ко-о, вот тут с улицы сюда идешь и заходишь прямо вот как утакое помещение. Рогожки были порастелены, и двор был, мазали двор, святки были в теньке, святки были, всё было.

А мушины в озарях рыбалили. Август, сентябрь, в сентябре уже уходят, дорога называли, в дорогу ходили они, вот и к Паске уже приходють, када Паска поздняя придуть, а када Паска ранняя, то после Паски.

Паска-то целная неделя, мы праздновываем и в яишках играем, и все дявщата, ребята и такие пожилые женщины, целная неделя, с понедельника нацинаем и до самой до субботи играим в яишки. Пойдем в церку, придем из церки, победили, не победили, подруги все собираемся и играим в яишки, канаимси. Каналовка, кановка — ета хто за кем, и играим в яишечки, выигруим, проигрывуимси. А на Рожаство ходили, славили, Христа славили. Ходили ребята в церку, ушились

они там, и они приходили славили, там щаво-нищаво, давали им деньги-шменьги. «Бабушка, можна у вас Христа пославить?» — «Можно, пожалуста, заходити, рябятки». А тут вот пришли, один год дали им, потом запретили, не стали им славить. Все равно стол накрывали, стол накроють, приготовють, пославють, садитися побейте, садитися покушайте, а как пославили, дала там деситёрку-питёрку, и они спасибо, спаси Христос, и накаишься сполна.

Крястили, крястили, никого ни бываить некрещённого, вянчали, шоб не один человек невенчаный, неперевенченный не был. Всех вянчали, помреть, отход души читали, соборовали, потом поють погребение, несут на могилу, и сорок дён поминали. И за год, и за два, и за три года, три года поминали.

Парень палюбил девку — сватають, сосватають, три поклоне кланяють, три поклоне называлися так: ета малый нащал, а ета большой нащал говорили, большой нащал. Соберёт родню жаних, всю свою родню, а невестина сямя — свою родню, и придуть у невести гуляють, гуляли, гуляли, закуску они приносили. Вот отгуляли, вот, все нащал поклали. Невеста увидить свякруху — в землю кланяицца, в землю поклоницца ей, свякрухе, и явовому кресному. Щетверым людям кланяицца, а его родня ейным кланяицца. Такая была мода. Кланилися, а хто его знаить, зачем.

Курощки были, курканы были. Курканы? как же их, хиндуки, хиндуки, бабка дяржала у нас.

Картошку, лук сажали и чяснок сажали, баклы сажали. Баклы растуть, такие стручи у них, как у квасоли, и такие толстенькаи, хощишь сырые вари, а хощишь вари сухии. Я их шасто варила, сварю их, прямо воды налю, сварю, очистю, прямо хорошая вещь. Нугут сеяли, бурщак сеяли, а бурщак для скотины, быкам давали, коровам давали, яшмень давали.

Поля суды были, а бакчи были суды, на ету сторону. Вот зима, дожжи идуть, ливни и дожжи, все заливали. Потом бакчи высыхають, а мы пашим и сеим. Квасоль сеили, кукурузу сеили, подсолнухи сеили, а уж вот сентябрь, октябрь, кукуруzych наломаим и ядим. Кукурузу окущивали, вот кукурузу окущиваишь вон так, а квасоль ровно подрывали, а ета окущивали, и подсолнухи тоже окущивали. И арбузы сеили, арбузиках понасеили, говорили грядина, на грядине арбузики. Ты все подрываешь, ходишь, полишь.

А с щаво строили? Хто из самана строил, хто с матами, с матами строил, по-разному строили, ну как придёцца. Зямля затряслася, много домов попадала, государство помогала, строили. Людей не осталось, нанимать каво. Все хужають, хужають люди, не луцають, а хужають. А тады вот приходили, не нада вам щаво построить, говорили, теперя нету. Те, хто с нами работали, поумирали же, вот, а молодежи я и не знаю, чесно надо сказать, че уш мне.

Рыбу ловили. Пойдем на камышы у возир вентяра ставить. Вентяра-то поставишь, тянем, притяним, хто сазанчика, хто щущёначка, хто сомёночка, хто раков притянет, в мешочек складём. Кумузей проверял, он же возир ня наш, хозяйский. А хозяин, он сторожов нанимаёт, шоп не ловили и рыбу ня тратили, не продавали

иё. Мы положим, камышом-мамышом закроим, принесём. Из соменьев вареники варили, и раков наловим, и рашьи салаты делали, всё делали.

Сушили рыбу, и рыбу солили, и на под кидали и студень делали. Рыбу отворишь, поширишь маленечко, квасу налёшь, туды щеснощку и уху воришь. Студень хороший и тут делают, на поминках делают. Да вот рыбу привозили, рыба была за три рубля, а теперь нищаво не возьмёшь, за три рубля нищаво ня купишь, всё дорого.

Воду носили в коромысле, всё с озера таскали, сами, сами. Стираем там койщаво, палку вазьмём, суды повесим, идем спаласкивуем. И еще знаишь, пост бывать великий четверток, щистай четверток, ходили ношу воды таскали. На бакки пойдёшь, наберёшь кушин, как чайник-то. И большие кушины были, купи такие были, землю выроишь, посодишь кюп, и была холодная вода.

ТЕКСТ 7

Шкодрина Домна Тимофеевна (Запись текста и расшифровка сделана студентами филфака СКФУ). Текст записан в упрощенной транскрипции: звучание слова передается на основе обычной русской графики, в ряде случаев привлекаются дополнительные графические средства, общие с литературным языком фонетические процессы не отмечаются.

У нас специально бочка стояла. Как дощь пойдёт, вот дождевой водой мы стирали очень хорошо. Для стирки очень хорошая вода. У нас не было колонак. У нас колодезь был. У всех колодезя были.

Спали там на деревянных кроватях. Стелили матразы, мы дюшек называли их, сверху матраза пярины, ета одеялы, а мы их пяриной называли. А тут-то пярины ети называли матразы. Под голову подушку. Подушка свои: курканы были, вути были, вот с перев (*с перьев*. — В. Г.) у нас и были ети подушки. Была простынь пододяльная, мы называли щях-щах. Мы яво не надевали, а пришивали, отпарывали, одново сотрём, а другова одевали. А хто победнее, ототрёт, потом опять яво натягивають.

Померкало, один год в Благовещеня сонце померкало. Ну всё ночь и ночь. А время-то подходить, а оно всё не светаить, глянули — солнушка померкаеть. Померкало солнушка, прям на знатный день, на Благовещеня.

А между собой по-русски разговаривали. А с турками разговаривали по-турецки, и в школу ходили турецкаю. По-русски не было у нас в школе. У нас не было русских школ. Вот тут в какую хош школу ходи, а там одна была турецкая.

Маму ласково называли матушка. Говорили, пойдём к матушке. Бабушку ласкова — бабуличка. Бурлак, ета уже взростава называли, шиснацать лет.

Женшына без мужа — удова. У нас там мамами матушку жаны не называли. Мой мужик называл мою маму по отчеству, мамой не называли. Тёща, тесть и свёкр, свякровь сохранилось. Внебрачных у нас не было. Не было у нас жэнок,

шоб не в браке родила. У нас не было такова, и слова даже не было. Ну, если вот муж умер, например, жана осталась, а там, скажем, жана умярла, а муж остался, тада сходяцца — ета сводные дети. Не было приёмных дитей. Но, например, умерли, вабще роцтвеников не осталась, и какая-то сямя ряшила принять ребёнка в сямю, он сирота, ни отца, ни матери нету, тада принимают те.

Не баюкала я никада, никаво ни качала. Некада была баюкать.

Ничего страшнава, лишь бы ты живая была, и большы нищаво ня надо, и береги себя, духом ни падай. Всё будет, как получицца. Самое главнае — лиж бы ты на ногах была.

ТЕКСТ 8

Гулина Елена Кондратьевна (Запись текста и расшифровка сделана студентами филфака СКФУ). Текст записан в упрощенной транскрипции: звучание слова передается на основе обычной русской графики, в ряде случаев привлекаются дополнительные графические средства, общие с литературным языком фонетические процессы не отмечаются.

Малай — ета выпечка. Туда нардэк добавляють, обыкнавенная теста, кислая теста и туда добавляють нардэк. У нас нардэк называли, а тут пекмес, или как йиво называют. Ета када винаград варють. Вот винаград давять йиво, потом сусла, и туда глину добавляють и мяшають, мяшають и получаицца такое, как светло-коричневая масса. Сахару туда не добавляють, ничаво, как вареня, тока вареня густая, а ета как сок, без ничаво. Как сок ворють, тока там ни ягод, ни сямян, ничаво. Удаляють семена так: ягоды в мяшок, в такой специальный мяшок и ногами давять, корыта чистая, деревянная, в корыти дырачка. Так на высоту ставить, а потом внизу ёмкость какуя-нибудь. И вот ноги вымоють хорошо, и в мяшок вот етат винаград насыпають, в корыту ложуть и давять, и в ету дырачку сок стякаить, без ничаво, чистай. Не процеживать ня надо, ничаво. Потом сок ворють, на огне ворють иво, глину добавляють. Мы ей бялили там, мы извёскай не бялили, вот етай глинай бялили, специальная какая-то была. Была деревня, там копали иё, потом иё как-то мясили и кругами делали. Потом беспрярывно мяшали, мяшали, пока она как полжина не становилась. Потом етат нардэк добавляли в теста и получался малай. Получался как пень трухлявый, как торты у вас, наподоби такова. Получалась как пирок сладкий. Шёл на заедку. И вот етат нардэк у нас палучался как компот, мы иво из стаканов пили. Ложкай не ели. Большая чашка была, воды добавять, и вот так и хлябали.

У нас калачики напякуть када и из кислава теста тожы. Раскатають теста и на сковроду. Масла многа не наливали, икономили. Сковроды в рускаю печку, они жарились. Потом перевярнуть их, ды нямножка ишшо, и они поджаривались, потом на марличку. Очень вкусна. В етат нардэк калачики макали. Тожы на заедку.

Компот варили из вишни, сливы, тока послы Преображеня. Винаград и яблаки росли. Апельсинах у нас не было. Можя и росли, но мы не дяржали. У турак можна

было саженцы купить, а так не было. Што у нас росло, то и сажали. И прививали, виноград прививали.

Турки привозили лимоны, апельсины, мандарины, они гроши стоили. Не очень у нас-то садов было. Дворики малинкай, для хозяйства, садовину не сажали. Инджиру много было. Разных сортов был, два раза в год был. Винаград не сушили. Наши отцы, дедушки ходили на рыболовства и сундучками тянули изюм. Изюм в кашу добавляли и компот варили.

Дрожей никаких не было, оставляли кусочек хлеба. Пираги пякли и оставляли. Яво в теста и муку закатывали. И вот подойдёт када, а хлеб заканчивался, яво подбивали и почти всю ночь стояло. До утра, до света пираги пякли уже. Ета быдёнка называлась. Днём пякли быдёнку, срочный хлеп, а так пирох. К утру уже готов, уже вытащить из печки. Пякли в печки, а всё варили на горнушки. Кто победнее был, кукурузнаю муку (пощатнаю) добавляли. Мы пашаничнаю тока пякли. Подойдёт, потом на сковородах положить, и тада в печки пякли.

Симитка, ета турки пякли, мы не пякли. Продавалси он в городи. В город поехали, он там 5 копеичик стоить. Кунжут там, на симитки, а у нас сусан называли, обсыпан был. Родители привозили.

Трояка. Обыкновенная теста замешивают, как на вареники, потом шарики делают, ну разложить, скока тебе надо, положить и раскатывают, тонка-тонка, как пышку, большую пышку. Маслам смазывают, хочешь сахарам посыпишь, чтобы сладкая была, ну она тада подгораить, лучшы без сахара. Скрутивайшь рулетики, потом соединяють и на сковоротку, на масле жарють, вот ета трайка наша. Можно и сладинькая. Можно обыкновенная. Идётся на заедку.

Сливные пироги. Мы вареня там не варили, а сушки сушили, да и не всягда сушили, а меняли на квасоль. Вот потом отваривали, добавляли сливы и варили, чтоп погуще она была. Добавляим самародину. Мы так привыкли называть етат пирох. Большы сливах росло, поетаму готовили из их. Большы сливах отворють, через дуршляк костачки выбяруть, а вот ета мякать остаёцца, туды муки, чтобы погуще была. И пякли.

Плящинда. Из тыквы, творога, смятаны. Замесишь обыкновенная теста, не кислая. Потом шарики на сковроду. Начинку делают в основном из тыквы, из сырой тыквы. Очистють от кожуры, на куски порежишь, и на тёрке трёшь и начинайшь начинять пышку. Ишшо туду изюм добавляють, а финик ишшо лучша. И сверху маслам мажишь, но и сахарам посыпали, а иногда и инджиром.

ТЕКСТ 9

Серафима Иосифовна Щепелева (Запись текста и расшифровка сделана студентами филфака СКФУ). Текст записан в упрощенной транскрипции: звучание слова передается на основе обычной русской графики, в ряде случаев привлекаются дополнительные графические средства, общие с литературным языком фонетические процессы не отмечаются.

Кольцо жаних дарил обязательно. Вначали регистрация, потом свадьбу назначают. Када вянчаить в церки батюшка, тада обручают. А пока не перевянчающа, спать ниhto не спать. Нельзя, ето грех. Ну, некоторые сотворяють, сотворяли, но редка. За ето наказывали. Пойдёшь к батюшке каицца, он тебя накажить, дасть питиню несть, ето питиня (*епитимья*. — В. Г.) называицца. Пять лет ты должна каждой день пять месяцев в календарю помолицца за етат грех.

Журка. Ета када вот ворють ети самыи галушки, галушки своришь, а етат сок остаёцца, журка. Вот яво мы и ели. Галушки делали из теста, обыкновенава, преснава. Замесишь яво, и никаких дрожжей, и начинаишь. Вода закипела, вот так выдавливаишь из руки и бросаишь. Вкусная яда, посная яда. Бываить, когда кушаишь, можна мяса положить, галушки и ета журка.

Уха. Мы иё шарба называли. Из свежай рыбки варили, бывало, если нету, то вымачивали. У нас все там рыбу любили. Вымачивали ету рыбку, и тада начинаим варить. Возьмём луку, накрошим нямнога иво, водичкай попарим, маслички туда поснай и парицца, кипить вода, и ложили рыбу, головы. В уху ложили мы пятрушку, укропчик ложили. А фасоль када варили, мы туда ложили мяту (нюхальник). И в горох, если отдельно, то туды ложили мяту, для запаха.

Посная масла оливкавая, но и такая была, подсолнечная. Мы выращивали и сдавали. А оливкавую мы покупали. У нас дерева росли, но почему-то они были горькии, видимо, их надо была прививать, а ета была дичка.

Затирка. Возьмёшь водички, полёшь, и начинаишь муку мять, пашаничную брали. Разатрёшь иё, мелкая она бываить, а потом иё просеишь, и вода закипела, катушки катающа, и ты их воришь. Лукавичку пережаришь, сделаишь и туда ложышь, а если пост, тада лукавичку ня жарили. Картошку возьмёшь, положишь туда иё, она отварицца, нямножка потолкёшь туда, и вот готова. Можна и морковачку. Ну, для любителя, хто любить, а хто нет. Мука пашаничная свая. Пашаницу выращивали, чтоб на год хватила.

Стюдень рыбный (мужской). Просушиваишь ету рыбу, сухую, высохнуть она, запякаишь иё, в печки, в духовки, большинство в русских пяхах, штоб запах был, штобы сыростю ня пахла, а именно, штобы пичёным пахло. Запаякли и ставим иё варить. В чугуне кипить вода, и положым иё туда. Она кипить. Посмотришь, если мягинькая, то сымаишь, она остынет и начинаишь иё ломать. Но сначала вымали иё, там жа шкарлупа бываить, вымали, поломаим иё и заливаем иё квасам. И тада туда добавляицца щяснок, лимон, укроп на вкус, нету соли — добавляишь, нету кислоты — добавляишь.

Красный сладкий стюдень (женский). Крошицца туда сваякла, капуста, укроп, щяснок, соль, квас, потом лимон и вот, пожалуста, готов.

Щи (борщ). Щи готовили, как и борщ, тока в борщ побольше луку. Отвар был посный, када пост. Был и мясной. Накрошишь туда луку, он парицца, попарицца, туда воды добавляють. Потом зажарочка. Туда добавляли укропчик, пятрушку, лук. И ета называицца щи. Если мясной, то готовили на мясе, так же, тока мясной. Зажарку делали на посном масле. Если на поминки, тада варили на воде

без масла. Мяса мало было. Мясу тушили, на свадьбу делали, кравай называицца.

Яичница. Хочишь жарь с луком. Лук кроши, пережарочку делай. Яйца туда и томат. И вкусна. Если есть помидоры, то кроши туда, и вкусна. Если есть колбаса, то кроши. Колбаса — суджюк. Яйца свои были. И курей дяржали, и утей, хто с краю жил, у возир, те гусей дяржали. Яйца пякли. Закладывали в печь, в скорлупе. Запякали на Паску. Они вкуснай, запах такой.

Соленя. Солили в бочках, тока в бочках. Солили помидоры, огурсы, перец и капусту. Мало, хто солил капусту. Кочан раздяляли на части, ета называицца пилюльки. В Турсии в соленя добавляли укроп, щисначёк, лаврушку, хто любить. А здесь уже листья вишни, самородины, хрен стали добавлять. Хрен он и там был. Арбузы там не солили. Большинство тут начали солить. Приправы в капусту не ложили, только укроп и морковку, целую. Рыбу солили в бочках, и икру солили. Взбиваим иё, туда масла посная, лимон, цедра лимона. Он иё стягиваить. Она получаицца как смятана, если иё хорошо взобёшь.

Буза делаицца так. Мука бирёцца, заквасивали мы иё, обязатильна, штоп была пощатная, кукурузная мука. Вот заквасишь, она тада перебродить, хочешь пить, пей, а не хочешь такую, она отстаицца, сгустеить, сливаишь из чугуна и тады начинаишь пить.

Овёс мы выращивали, потом йиво на жырнова крутишь, просеишь иво, ету муку, туды такжы дрожжи, свои дрожжи положишь. Сахару туда добавляишь, штоп для брожения. Она бродить. Ну, дня три она бродить. Да, дня три, она долго бродить. А потом выбрадила она, закипятишь водички, заливаишь, она останавливаицца, пёшь с сахарам. Наливаишь и ишь. Ета овсяной квас.

Рицель. Мы там вареня собственно не варили. С айвы готовили, у нас своя была, с ниё варили. Хочешь целиком, а если крупной, разрезаишь иво, хочешь на две — три части, ложим, вот опять етат сироп кипить, укипить и посмотришь иво густоту и кидаишь. Называицца рицель.

Калабушки, они как хлебушык. Мука пашаничная, на воде, дрожжи добавляишь. Только на воде, потому шта середя, пятница, всё поснай. Сделаишь булочку, вот так. Вкусненькай.

Сдобнай готовили тожы. Пирогы пикём сливовые, пироги с тыквушкой. А потом мы их намажим маслом, смятанай намажим, и в духовку. Вот ета всё сок впитываить со смятанай. Режишь на кусочки и кушаишь. Очень вкусныи бывають. На паску, большии праздники мы всегда готовим пироги с тамбулкай, ета тыквушка такая. Именно ета тыквушка штоп была, отваришь, помнёшь, сахарку туда и начинаишь пышички делать, сдобныи пышички. Русканка ишшо была, так она сильно водянистая. А хорошая именно тыквушка тамбулка. Если какой-та праздник, то нельзя кушать коровинай, скоромнай, вот ета смятана, молоко — ета коровинай. Вот теста месим, добавляим посная масличко, штоп хорошая была пышка, и делаишь.

С кулака пышычки делали так. Нищаво: ни яйца, ни молока, простая вода и соль, ни сахару, ничо ня надо. Делаишь, как на оладики, тесту. Она взойдеть,

и начинаишь тада вот так ляпить: бирёшь ложичкай, масла кипить, в масла их ложишь. Такии маленькии делаишь, ммм, Госпади Божа мой! И потом сироп варишь, если хочешь мед, но мед он тяжёлый, а сироп сами сварим и кушаем.

Невестины калачи делали к свадьбе. Опять жы теста дрожжывая, сироп варишь. Первый большой калач скатаим, положим. Потом второй — в серединку. Иво плятуть, как косу. Переплятаим, и туда, в серединку. Сверху я иво ножом, ножом, чтоб серединка не отпала, и крест-на-крест вот етова большова, который вот етот, большой, ети края ево, крест-накрест порежишь, крест-накрест. Так красиво бывать!

Бапский хлеб? Простой ета. Опять то жы самое, а как жы, без дрожжей хлеб никада не бывать. Дома часто пикём. Вынаим из печки, и водичкой хорошенько, чистенькай тряпочкай моишь и ложишь. Укрываицца, пропариваицца. Мяхкий-мяхкий такой. И у каво бапка принимала роды, идешь и калач етат, пирох нисёшь — ета бабий калач называицца, пирох бапский. Ты повитухе нисёшь етат калач.

А кисель мы делали кислый. Делали мы так: делаишь дрожживую тесту, она у нас всходить, мы водички горячей лём и иё размешаим, и цедим, процедим, и ставим кисель варить. Варицца, варицца, варицца — свариваицца. Он как жыле бывать. Хочешь сахару туда полажи, а хочешь — вот етат нардэк с винаграда. Наливаим и кушаем.

Саламата делаицца на простой воде, потом вынаишь иё. Если есть смятанка, смятанкай иё заделываишь. А если нету молока, тада с сахарам и кушаишь. И крошички крошишь, на поснай масли пережариваишь и туда в ету саламату вымешываишь. Ета в виде киселя.

Оладики, оладушки, када яйца ложышь, пышныя бывают, хорошие. Молочка, если хочишь, соль, сахарку, смятанкай мажишь, в духовачку, смятанку возьмёт. Нет смятаны, масла сливачная намажишь. Свои были буйвалы в Турсии, очень жирная у них молоко. Перекипятили и переливаим туды-сюды. Маслбойка была, а не было, руками сбивали маслу.

Симитка, ета турки пякли. Мы покупали толька. Ета бублик, а внутри дырка. Теста такая жа готовицца, кунжутам, такой сыпучий вон, вот им посыпанный, чуть-чуть сладинький.

Сливовые пироги пякли из сушки. С яблак, с сушки, мы иё вымачивали, варили, варицца, сварилися, туда мукицы добавляишь, мяшаишь, штоп густыи были. Сахарку и вареня добавляишь. Яблочки сушили, ягоды тожа. И с фруктай делали. Яблаки круглаи, сливы, жерделы, дули вымаишь, ставишь, варицца. Сварилися, посмотришь. Вроде жидкаи, туда муки заправляли и мяшали, мяшали. Следишь, чтоб густыи были. Потом на лопату и в руссаю печку.

Копытце делали. Пышку катали, наложишь туда вареня и начинаишь ети краишки загинать, приправа видная, а середина остаёцца. Потом в сопру, ставим и она пекёцца в рускай печки, потом смятаны, стынуть, смазываишь и опять жа в духовку, нарежишь кусочиками.

Тарана, мы иё покупали. Она делаицца на ийце, вот крупа, пашанична крупа, вот на ей. Крупа, туда дрожжи, яйца, она тада бываить такая пышная. Потом они бяруть решато, туда-сюда труть. И теста падаить, вот она тарана называицца.

Каныш. Так жа пышки делали, такие жа простыи, хочешь пятнаццать, хочешь дваццать. Катаишь на сковроду, положила одну пышку, вот маслом и сахарам посы- паишь, сколько пышык, стока и мажишь, и сыпишь. Краишки сворачиваишь и по- положишь монету, щасть, возьмёшь, там и тут положишь. Мать принесёт, нарежить, крутанёт, ну каждый берёт сабе кусок. Ну, возьмём, кому щасть попала, кому нет. Часта-густа мине попадала. Вот теперя я делаю. Один раз я забалела и не ис- пякла. А внуки: «Бабушка, а где же каныш твой?» — «А каныш мой вон видишь, ляжить, неживой». Потом я испякла, а они говорят: «Бабушка, неинтересна. Надо именно в тот день».

Кокурка. Када наши отцы ездили на рыбалку, мы им делали кокурку. Они с чай- кём пили там на рыбалке. Она год ляжала, ницаво не делаицца. Сахар пясочный, масла, мука пашаничная и вода. Перемешиваишь, потом делаишь кокурку.

Пышачки. Мы ета только на помины готовим и на праздник. Сахар ворим: раз воды — раз сахару, вядро воды — вядро сахару. Сварицца, тады вымешиваим иво, процедила сквозь марличку, штоб какая волосинка или соринка вдрух, што- бы ницаво не было. Потом добавляишь муки, как на олади делаишь тесту. Муки туда положила и обратна цедишь сквозь дуршлах. И ставишь варицца и мяша- ишь, мяшаишь. Он три часа варицца. Потом сахар в сковородку, пожаришь иво и выливаишь в кастрюлю. Он тада коричневый делаицца. Ишшо арахис пожарим, накрутили на мясорубку, засыпим. И он, сироп, стоять до утра. Начинаишь пы- шачки: вода, дрожжи и всё. Никакой нет масла. Теста подошла, делаим пышачки и в русской печки попекём. Вытянишь, они остынуть, порежишь их кубиками, потом поломаишь, ложишь етат сахар, умешиваишь и на столы подаёшь в тарел- ках.

Хотя есть, хотя нет муки, а в воскресеня у каждава было што-то напичённое: пякли трайки, катламошки, пляцинду. Ета на пышачки многа масла идеть, все ико- номать. Большинство ету пляцинду пякли: она мало бирёт масла. У каво есть лишняя мука, пякуть калачики. Калачика хочишь — спать не хочишь. Катламош- ки на большиеи празники. Вот невеста уже сосватанная, она несёт эти пышачки, большую чашку.

Мы покупали картошку на квасоль. Квасоль продадим, картошки купим. Суп варили, соус готовили, в борщи добавляли. Мы етат соус варили без мясы. Только по воскресеням, потому што дефицит был. Чистишь, потом положишь в медник, варицца, туда зажарачку делаишь — лук, морковачку туда и пятрушычку, укроп- чик, потом всё варицца на гарнушке. И вот она томицца, томицца.

У нас рыба была: и сом, и ишука, и сазан, и сельдь, вот засолим иё, а потом салату делаишь с помидорами, огурцами и ишь. Брали с собою, када идёшь в поли, хлеб жы косили. Набирём туда и там ядим помидоры, огурсы, мы бирём и кушаим. Ета сухой паёк называицца.

Пянич — ета сыр. Да сами делали из молока. Какой хочешь. Есть преснаватай, есть солёнай. Закваску заквасишь, ета сырная закваска, када молоко прокиснить, и вот именно тада лёш закуску, называлася мая, мая называлася по-турецки. Вот возмёшь иё, немножичка волёшь, чайную ложичку, она иё прям сразу стягивайть, она иё стянить, и тада откидывайшь на дуршлах или на марличку. Повесишь — она стичёт, и нескалька раз перварачивайшь всю, и тады иё решь.

Чай у нас ретка был, у нас айвовый ети листьа заварють и пейтя. Я как-то пошла к соседям, а они чай сидять пють, а они хоть ба предложили ба, а я не магу хочу чай.

Украшения в Турсии были. Ну, булавки носили, булавачки, и цепочки, и бусы были, таки пласмассовые были, всяки. Ну, ети булавки, бусы сами делали. Купили бусы мелкии и сидим одно их делаим. Такии длинныи — ета курятники назывались, а таки — тараначки назывались. Одежду украшали. Вот на балахон делали внизу, гайтан называли, а тут я не знаю, как называют. Вот ета вот, што как лентачка. Если жёлтый балахон — синий делаишь, а если красный балахон — жёлтый ставишь, по цветам штоп подходила. На завеску лентачку тожы белаю, какая бы она не была — синяя, зеленая, только единственнае — на жёлтую, если эта завеска, чёрную лентачку ставишь. На свадьбу невеста надевала птичку, но здеся иё нету. Одна была, када я вышла замуж, я эту птичку носила. Потом у моих ротственников была, и вот они уехали и эту птичку увязли. Три птички были, но почему-то вот одни они привязли суда.

ТЕКСТ 10

Беликов Гаврила Дмитриевич (Запись текста и расшифровка сделана студентами филфака СКФУ). Текст записан в упрощенной транскрипции: звучание слова передается на основе обычной русской графики, в ряде случаев привлекаются дополнительные графические средства, общие с литературным языком фонетические процессы не отмечаются.

Тутина, черная тутина и белая, шателки, инджир росли. Шателки — ета персики.

Нардэк, он не совсем густой, можна была и ложкай исть. Зимой мы, када снех выпадить, у нас там очень редка снех был, то снех бирёшь, насобираишь, а потом бирёшь макаишь в нардэк и кушайшь. Можно была разбавлять и пить. Кому как. Кто хотел кружку, у нас кружка была, и стаканы были, и карец из тыквы. Ета тыква, она не сидобная была, она такая жёская, у ниё ручка была, из ниё карец, ковшик делали.

Выращивали и арбузы: женщины, дети, бабушки, там старшая бабушка, она там руководила. Ну а старики, они на зиму уходили на рыбалку, а летам-то они были, они летам косили косами, серпами. Жэнки вот арбузы сеили, кукурузу сеили, подсолнухи, бобы сеили. Вот ета ш нада была собирать все, мужики все были в ета время.

Арбузы ели, и коровам, быкам давали, буйлам. Всю зиму арбузы не выдерживали. Под печку, русскую печку, их там под неё наложуть, туда насыпали зярно, а на зярно ложили арбузы и тыквы. Потом бирёшь оттуда и ишь. Подвала не было, подвала ни копали.

Подсолнишник сажали, нет, маслу не делали, продавали. Как фасоль и кукурузу. А в основном жарили. В выходные дни у нас как ба посиделки. Собирались, люди выхажали: женщины, девки, мужики — под мельницу, ветряную мельницу. Туда собирались и щелкали ета семечки. Не, танцев у нас не было. Карагоды водили, но тока на масленицу. Танцевали тока на свадьбах.

Мясу варили по разным праздникам: Разговеня, Рожество, на Паску. Отваривали, а потом отдельно ели. Очень ретка. Щи варили из кабачков. Супа в Турсии ни было. Картошка очень мало там тожы употреблялась. Помидоры, там тожы очень мало было помидоров, пойдешь, три-чатыри-пять набирёшь, в основном делали салату с помидор.

Лапша домашняя, своя была. Соль, мука, вода — ета всё замесивали и потом пышки раскатывали и бросали на сонцу. А потом уже резали пышки, нямношка подсушили, а потом резали лапшу. В оснавном посная лапша была.

Молоко квасили, кисляк называлась. Закипятили молоко. Потом она остывает до определённой температуры. Бабушка так делала: мизиниц поставить, если терпить, значить, уже начинать квасить. Накваска, она всягда оставалась. Прежде чем начинать кушать, бабушка возьмёт наложить кружку, штоб была наквака, потому што дети могут и всё сесть. А потом с кисляка айран делали. Соли туда добавляишь, и хлеба туда крошуть, и неквашаная молоко.

Мамалыга — ета из кукурузы, как мука, она сделанная, каша такая, иё варили. На горнушке готовили. Или в горшке чугунном в русской печи.

Коныфеты были покупные.

Сладкая блюда — ета пляцинда. Тока не с тыквы и не с творагам, тока с сахарам, просто с сахарам. Внутри смятаной мазали. Там-то смятаны пошти не было, редка.

Смятана была домашняя. Закипятили молоко, када оно вскипела, бирёшь карец и начинаишь убивать иво: вот так вот подымаишь и лёшь, лёшь. Налил, вылил, налил, вылил. Получаицца пенка, она поднимаицца. На маленькой огонёк иё ставишь, постаить нямношка и получаицца смятана сверху. Так собирають несколько раз, а потом к празднику, в воскресеня тады уже мажишь, када можно.

Перис фаршировали, дулма называли. Синенькии засаливали и начиняють начиняли. Рис, приправы, всё такое. Ну, если какой праздник, ответственный поедить в город, возьмёт там фаршу мяснова, то разрезають синенькии, туда фаршу налаживали. Потом нитошкой завязывали и пякли.

Там не была стока птицы, штоб варить, хранили птицу-мницу за то, что она яйца нясла. Яйца бабушка собирёт, или сдать-продать, или в церку идёт, штоб свещку Богу поставить.

Мне всягда нравилась баранина с картошкой, ну ета очень редка делали. Ета моя любимая блюда. Зарубали барана, мяса солили, потом в сковородку большую,

туда луку, картошки нямножка, потому шта картошки там тожа очень мало было. Потом все слаживаицца, картошка нямножка поварицца, и мяса нямножка, потом в ету сковородку, сопру, все вылаживають, и в русскую печку ставили. Она там запякаицца, потом соус делали: щисначку туда ложуть, лук, пятрушку. Лавровый лист? В Турсии не употребляли такова.

Салату из помидора делали, туда лук, огурсы. Лук нарежишь, покрошишь, потом соли туда, потом все мнешь, помяли, потом водички наливаишь, промываишь, потом начинаишь помидоры, огурсы туда, соли, пятрушки.

Раков поймали, отварили хорашо, потом шейки отрывали и очистили всё. Туда ложуть и клещи тожа. А потом щиснаку начищають, толкуть щяснок, туда масла и потом употребляют, очень вкусно.

Молоко, смятана, оно не пропадала, никада не успявала пропадать, потому шта семи ж большии были все, самые малые пять-шесть детей, а так и восем, и девять, и одиннадцать детей.

Мы изюм не делали, мы просто свежий винаград ели и нардэк делали. Были корыта деревянные, и там ета на другом конце дырочка. В мяшок налаживаишь винаграду и ногами топчишь. И взрослые, и дети делали, а на зимле подкапывали, и туда ставили чашку. Жибри, ета остатки винаградные, выбрасывали курям.

Пили чай: смородина там, айва, айвиное дерево. Брали листья, заваривали и пили, чай называли, потому што ета ж название турецкае, поетаму. Мятю добавляли, ну, ета на любителя. Кофы не пили вообще, потому шта не разряшали.

Напиву делали такую: в посуду, в стеклянную, туды розы красной лепестки. Потом воды наливали. Ставишь иё на сонцу, и она там стоять, потом разбавляишь сахаром и пёшь.

Синий спирт покупали. На Рожыство, на Паску собирауцца старики, сядуть, возьмутъ стаканик, наливають. Приносишь им воду, разбавляют и пють.

Текст 11

Синяков Никита Филиппович (Запись текста и расшифровка сделана студентами филфака СКФУ). Текст записан в упрощенной транскрипции: звучание слова передается на основе обычной русской графики, в ряде случаев привлекаются дополнительные графические средства, общие с литературным языком фонетические процессы не отмечаются.

Вот када наши предки пришли в Турсию, было сем где-то симей в етам селе, вдоль етава возир Маньяз. Вот была там ета каменная фабрика.

Летом возир Маньяз высыхаить, и там фасоль растеть, бобы. Лучшая фасоль, тураки называли «казак фасульасы», «казацья фасол». Ета наша фасоль на всю Турсию самая вкусная, и сичас вот. Одно блюда — ето бобы вареныи, лук, соль. Ишшо вариант: бобы сварыли и цыдилкой выбирали, вода стякаить, в чашку их и маслом поливали, чёрный перес, пятрушкой посыпали и вымешивали. И закуска была и йида, вот так у нас бобы готовили.

Было шесть семей, они чаще ели мяса, а мы только на большие праздники, на Рождество и на Паску.

Рыбу солили, в ведрах солили шшуку, сазана. В бетонных колодцах мама солила рыбу. А хозяин потом отправлял. Рыбу отмачивали и потом варыли её. Казаки во всех озёрах ловили. В море одна сямя ловила. Там троя сынавей. Каждый год много лет выходили в море и озёра. Солили рыбу с нашева возира, а привязуть с возира Бечигир и других возир, тожа солили.

Капусту солили. Икру били: деревянные чашки и ложки брали и били об чашку, в конце добавляли маслу, и оно становилась как тесто. И укус добавляли в икру разбитую. Таку икру мазать можна на хлеб. Икра — ета была почетная яда. Вот Хрыста славили и два стола ставили на семдесят человек, чатыре дома сажают за стол, они кушают икру.

Жарили рыбку. Сазан мелкай пощистили, иво держим рукой с хвоста, снимаишь чешую, ножом острым режишь с хвоста. Разрезанное на мелинькие части отделяица до головы, но не распарывать, и запякаица.

Нардэк варили мы с винаграда. Надо — добавили водички, хлябали, а нет, без воды, так сладенькава больша. Только винаград, никакова сахара. Потому што там сахар покупали. Яичко дадут тебе: «На, сыночик, иди ты сабе щяво-нибудь купишь». И бяжышь с ним, ты знаишь, как рад. Если денех нет, яичку, или две, или три дадут тебе, или крёсная дала, или крёсный дал, или мать дала, вот и бяжим, халвы или варёный сахар покупаим. Идёшь, чуть не генерал, шо ты вот халвы купил белай или краснай, или сахару.

У нас в хате столы были круглаи, вот так диаметр, а вот такой высотой. Ета древний мусульманский стол. Мы иво взяли у мусульман.

Чулан — ета у нас как торжественная точка дома казаков-некрасовцев. Вот там, нигде только там покойник ляжал, оттуда выносили в церкву, на кладбище, там невесты сидели. У невести там в чулани тожа стаить стол, стуля, жаних приходить, сват, сваха там сидять, посидять, выпють. Невесту встрячают и оттуда вядуть в церкву, вянчают и вядуть их домой к жаниху и сразу ложуть и провяряють, девочка она или недевочка. Если недевочка, одявають её спокойно, свадьба идеть, никто нечаво такова плахова не делаить. Вядуть сват, сваха, не жаних, ету невесту отцу-матирю, помолюцца Богу, поклонюцца, и всё. А там туды-сюды по-хорошему: где была, с кем была. Вот таки традиции были, очень строго было, и мне ета нравицца. Ета всё с России увезённая было. Матушку Россию всегда вспоминали.

Отец говорил, што книга в сундуке у церкви была. Сундук вот такой длинины, как было в чулане. Отец рассказывал, што в етам сундуке, узорки кругленькии, рисунки разные и всё такое, оно так открываицца, крышка была полукруглая, и там ляжали ризы отца, священника ризы. И там ляжала книга вот такой толщины и два флага. В книге описывали наши предки, за каждый день написано. Как с Дона ушли, как на Кубани жили. Помню, одиннацать тысяч повешана, сорок тысяч убита, пятсот тысяч человек погребяно. Потом они рванули на Анапу, потом в Румынию, до Дуная, потом в Болгарию, город Сизопаль, а там до турецкай границы пятнацать километров.

И турки, пограничники, как нам рассказывали, говорят: «Мы вам поверим, мы вас примим, ну если вы выстрелите в свой флах». И в книге написана, отец говорил, што кто-то из толпы сделал выстрел, и в одном флаге два выстрела.

Теперь яда. Яда, которую сами для сями не варили, не пякли. Ета кахда яда посвящена религиозному празднику: там Святой Троицы, там ишшо два праздника. Я шас вспомню, вот. В церкви в конце службы батюшка объявлять, хто берёт храм Святой Троицы, и все потом там собирають деньги, бываить, едут в город, там покупають.

Потом уже идуть послѣ церкви, послѣ долгой службы, вечерней, и утренней, и послеутренней, и так там готовить. Ета праздничный обед, да. Борщ дають, за ним рыбу, вот ету, студень, а потом идуть с кашай пѣраги, обязательно в етат же момент ложуть облиты сахарам пышачки.

Варють мяса, варять иво. Отваривають кости от мяса, долго варють, потом их убирають, очень вкусный сок от долга варинных костей, на которых там чуть мяса остаёцца. И в етам соку вот ета лук, многа луку, капустачку — всё варять пожже. Вкусна очень.

Дальшы. Рыбу сушуть, желатильна шшуку, щучя сушеная вкусная. Потом ку-сочиками ломають, не режут, а ломають, отделяють ети, как их, костачки. Всё. А уже етат студень готовят заранее. Он с теста, соль, вода, чуть-чуть кислин-кий, и ету рыбу ложуть в етат студень. И называют иво суп рыбиный, или рыбий суп. Мне очень нравицца. Вот, кстати, на днях кушали.

Катали пышку, вот такова диаметра, ложили туда вареный рис и ету пышку вот так заворачивали. Наделали их и потом в печку, дровами топать печку, их за-совывают, и они там пѣкуцца. Мастера знают, скока там время нада. Ета пѣраги с кашам. Да, внутри рис, ну, каша называют.

Вот. Теперь делают теста, катають на столах, вот такова диаметра, а потом режут, режут, режут вот так. И каждая, квадратик, ну, назовём пышечка, пѣ-чѣцца, потом режѣцца. А там кастрюля большая, там варицца сахар, варицца, как мѣд, похожий на мѣд, и вымешивають иво. Потом в большую посуду ложуть ета, и заливають вареным сахарам, и в чашычки ложуть. И по столам ета раcтавляють, и люди кушають.

ТЕКСТ 12

Васютлов Никита Иванович (Запись текста и расшифровка сделана студентами филфака СКФУ). Текст записан в упрощенной транскрипции: звучание слова передается на основе обычной русской графики, в ряде случаев привлекаются дополнительные графические средства, общие с литературным языком фонетические процессы не отмечаются.

Вот здесь мы и жили. Балкон здесь жа? Вот мы так здесь и жили. Сначала мы жили там (показывает), первая, уторая комната, потом жили здесь, встречались

с Тумилевичем, если помните, такой был. Матушка ему сто шисят восем песен спела исторических. Но он, правда, ей помогнул: она отравилась, он в больницу иё, с операцией помох, и она благодаря ему ишо прожила где-то сямнаццать лет жизни.

Мы переехали уже в декабре девяносто, ой, шисят третева года. Все-то в шисят втором, а мы в шисят третем. Нас тут скока, пять человек было. Мы отсюда, с общегития, уехали самые последние.

В Турсии у нас быки были, коровы. А у соседей — лошади. Мало хто коней дяржал, и они считались зажиточными. Кони, ета тяговая сила была. Вот у нас было чатыри быка, вот два быка, например, рабочих и два молодых. Работают там три-чатыри года, потом их убирають, а молодые подрастають.

Рыбу мы и щас делаим по-старинному. Мы делаим как: я покупаю рыбу, ну, в основном щас я бяру окуня, он получаицца очень вкусный. Окуня солим вкрутую. Зная, как вкрутую? Ну, ето солить, сколько соли можно, не жалка. Не чистим, тока по хребту иё перерезаим. Нечаво не добавляим, и не моим иё, кстати. Ета потом начали мыть, а када иё не моишь, она вкуснее. И вот она посолилась, она всю зиму ляжить в рассоле. Непосредственна перед готовкой иё моишь. На день вымочил и в духовку иё. На протвьинь ложишь иё с чешуёй. Чешую снимать не надо. Потом кольцами лук, ету, картошку, сюды ложили, вот, ну, если летом — помидоры, перец там, болгарский, горький. И на протвьинь. Када готовишь иё, вся чешуя становицца на протвьини вот так. И не подгораить, што интересна, рыба не подгораить, чешуя она ж вот так становицца, а потом она раз — и так, вертикальна, и получаицца такая прослойка. Даже масла не добавляить жана, потому што вот самава жира хватаить. Она, зная, прекрасна получаицца. Храним обычно в кастрюлях, бочках. Она ш не пропадаеть, потому што посолина так, што сколько была можна соли, стока и взяла. Она и щас у мене храницца, там штук шесть осталось.

Казачьи вареники мы делаем. Вот тока учера делали. Значить, рыбу, так матушка моя делала, порезали большими кусками, отварили иё и голову тожы усю варим, потом вытаскиваем и начинаим. Если голова большая — иё съедаишь. Ету рыбу вытаскиваем большими ломтями, потом иё берёшь и разрываишь, руками рвёшь иё. В чём заключаицца? Када через мясорубку, тово укуса нет. А иё рвёшь, она же переварилась, потом туда лук квадратиками, чем мельче квадратик, тем вкусней, вот потом соли, перец красный, чёрный туда, ну усё молотое. И фарш етот получаицца. Потом вареники делаим, жана маленькие делаеть, мы большие не делаим. Делаютя вареники и обязательно две дырочки, зная, как варенички жа делают, но только две дырочки надо делать. Када лепишь их руками, оставляишь два отверстия — с етай стороны и с той. Если не оставить отверстия, они лопающа, ну как взрывающа, када варяцца. И варяцца буквально пять-сем минут. Рыба-то уже готова, только тесто, а тесто чё там, тесто оно раскатываицца, оно ж тоненькое, и оно буквально пока чайник вскипел, уже вареники готовы. Вареники мы делаем где-то диаметрам шесть-сем сантиметров, раз — положил у рот и фатить, не кусать — само лучшае, так вкуснее получаицца. И потом, када мы ядим, мы обязательна

тоже юшку ядим, вот в которой они варились, — шахба называицца. Вот иё берёшь и туда вуксусу добавляишь, ну если у ково есть лимон, то лимон. И ишь именно с варениками, вареники готовы, и с ними ишь.

У нас на поминках ишшо ета рыба в медник клоденая делаицца. Мы делаем как обыкновенну рыбу. Щас шшуку-от в последнее время мы делали. От прям берёшь, и вкусна получаицца, прям как колбаса. От как колбасу иё порежим, када жарицца, она пережариваицца. А потом жана берёт и подливу делаить. Опять лук, томат, специи всякие, и от када рыба готова уже, поджарена, она слой положила рыбы, полила от етай за жаркай, опять слой рыбы, опять жарка. И када всё это закончилась, всё ета опять заливаицца и ставицца у духовку потушить. От она и называицца — рыба в медник, в горшок, клоденая. А щас в кастрюльке. Для своей семи у нас кастрюлька такая. И она никада не портицца, берётя вилкай ети ломтики и всё. Укусна! И от у нас все готовить иё, и на поминках обязательна.

Уху мы любим. Мы картошку не ложим, тока специи, усё натуральнае, и лук, и томаты, и всё. Ну, я как начинаю готовить, туда вначале ни рыбу, ничё: сразу щяснока, или раздавил иво, или прям целый, как обычный щяснок, не тронутый, тока мы очищаем. Воду поставили — сразу лук, щяснок и лук. Лук надо долга варить. Он тада вкуснее получаицца. От она кипить, вода, ложу головы, головы минут десять, там может пять, прокипят, тада тока ложу рыбу. И опять ложу рыбу, сначала крупные куски, а потом мелочь, но мелочь обязательна, она вкус передаёт неповторимый. Мы ишшо, бывало, наловим мелочи, и в марлу, она прокипят, тада достаём. И сразу бросаю перец, горький и душистый. Но чуть-чуть, а потом, када будить готова, каждый добавить, скока ему нужна. Всё уже сварилась, я иду выключаю, пятрушку и укроп, рубленнаи, ложу. И выключаю. И от все ети дела. А потом уже каждый себе добавить суп, скока ему нужна.

У меня матушка в детстве работала у главнова банкира Турсии, от она работала с хрансузами. И от они готовили от ети унутренности рыбы, жарили и точно так тушили. Она рассказывала и иногда нам делала. От знаить, сома узять, у няво очень большой пузырь и пичёнка, у шшуки пузыря нет. А с чяво большы, ня знаю. Печень и пузырь, ну от насколько я знаю, тока у сома. А ишшо она говорила, што ети хрансузы из кишки готовили, из птицы. Ишшо вкусно кишки с баранины, их жа не выкидывают, обязательно промывают. Вот матушка готовила их, но только по просьби, и из курицы. Ну, бывало, на зиму там восем куриц сразу режим, и от она готовила. Я пробывал, ну знаить, ни с чем не сравнимо. Она рассказывала, ето у них самый деликатес.

Вот любое блюда, я заметил, казачье, очень долго делаицца. Вот етат студень делаицца, рыбный студень. Рыбу сначала сушать, потом ету рыбу в духовке парють, уж сушеную парять в духовке, потом кипятком обдають, потом начинают иё жарить, а потом заливают квасом. Вот када казаки ета готовят, то начинают с вечера и тока к утру бываить она готова.

Из свинины редка готовили, редка, вот чесно я скажу. В основном дикую. Дело в том, што ели кабанов, када вызижали на рыбалку, на рыбалку вызижали, они ж

в камышах. И кабанов рыбалки били, а потом солили в лодках и привозили. Мы делали шулюм, мясо отваривали, точно так, как рыбу делали, но тока делали из мяса. В медник ложили и обязательно на горнушки готовили, не в кастрюлях. И сейчас на поминках в кастрюлях не готовят. И на костре готовили.

Мы-то картошку уращивали, но год на год не приходилась. Мы ездили, поедим, продадим квасоль, а картошки купим. В борщи добавляли, соус делали. Соус варили без мяса. Картошку на чатыри, на пять частей, штоб сильна крупной не была, она в чугуна варицца. Потом пережарачку сделал, лук, морковочку туда, и пятрушичку, и укропчик. Всё потом туда ложишь и она варицца на горнушке, томицца, малинький огонь даёшь, она томицца. Картошку и жарили, жарили. У каво большая сямя, не жарили, у каво малая сямя, жарили с лучком. Туда добавишь и томатку, она перекипятицца, а тада вкусненькая бываить.

У нас рыба была какая хочешь: и сом, и сазан, и шшука, и судак, и сельдь, вот такую мелкую понасолим, а потом, пожалуста, салату матушка делать с помидорами, с огурцами летам. Брала с собою, када в поле были. Наберём хлебушек в корзины, рыбку и поядим с помидорами, с огурцами. Сухой паек назывался: надо брать, штобы ни пролилася, ни разлилася, ета такой отдельный обед.

И ета с кулака пышычки, катламочки делали на горнушки. Выпечку делали, а потом сахар варили обязательно. Покупали и варили, они туда добавляють муки, обязательно муку добавляють. Када сделали, в чугуна ложили и заливали, должны пропитацца сиропом.

Плящину моя жана вкусную делать, така нежная получаицца. Я ей помогаю: она пышки раскатываить, а я на тёрку тыкву. Тыква тока сырая, на крупную тёрку, на мелкую, она невкусная получаицца. Потом иё на пышку, пышка круглая, колбаскай катаим и на протывень полукольцом, пока не закончицца. Ну, там сямнаццать, дваццать пышак. Када испяклось, тада она сахаром посыпаить нямношка и сверху сиропом нямношка, штоб она пропиталась. А в конце уже, када готова, уже смятаной, но домашней.

Шипучку мы как делали: собирали розы, лепестки роз, ставили в банку, лимонную кислоту туда кидали и на сонце, без сахара, без ничаво. Потом наливали в стакан соды пищевой, ну вот как шампанское, вот такое пили. Мы и сейчас ета делаем, тока летом, такой приятный запах.

Каньш делали на праздник. Жарили пышки, типа как блины делают, пышки таки сухии. И значить, делали хто десять, хто пятнаццать пышак, и с сахарам, и с мёдом. Маку добавляли — хто как добавлял. И вот они одну пышку сделали, помазали, вторую пышку сделали, и туда прятали деньги. На щась. Ну, там две три монеты. Почему-то всегда мне доставалось. Ну, наверна, подсовывали. Жаворонки делали, пякли. Я сам удивлялся: как матушка делала копию птички. Вот она сидить всю ночь и делать.

Каши. От скока помню, кашу нам варила мамка рисовую, от почему-то очень нам нравилась, на молоке всягда. Заправляли маслом, ну тода как такавова масла не было, мы добавляли смятану, домашню смятану. Мы корову дяржали, у нас

восем коров было. Ну, мой отец, скока уже здесь прожил лет, ни раз не попробывал магазинную смятану. Мамка кашу варила обыкновенно. Потом она, например, сварила рис, ложить сабе в тарелку, положила туда ложку смятаны, но обязательно мы готовили с изумом. А изум сами делали. У нас изум на чердаку, обвешивали им, и он всё время, всю зиму висел. Делали кашу из пшана, я до сих пор не люблю. Мой старший брат, он любил, ну разница большая у нас, он уж там был жанат, и поэтому они мне готовили рисовую, што я хотел. Я родился, када матери была за шисят лет.

Вот у меня путаница была. Отец умер, ему по документам было девяноста шесь лет. Када начали документы поднимать, ну, как у няво мох родицца в чатыре года сын? У няво старшая сестра умярла два года назад, ей младшый говорили: «Тётъ Дунь, скока табе лет?» Она говорить: «Мне идеть сто десятый год». — «А дедушки скока?» — «Ну, считай, дедушка меня на восем лет старшы». Но по документам вот так реально. Вот я пятнадцатый по счету, брат — пятый, двое остались в живых. А было шиснаццать дитей. Умерли в триццать третем году, када голод был, он жа везде был, до сорок седьмова года умирали, и в чатыре года, и в пять-шесь лет.

Водку называли рака. Иё не было, вот скока я помню. Дело в том, што там не пили, и отец мне ета говорил. Ходили раку пили, не харчевня, ну как называицца, как типа кафешки, туда ходили и пили спирт, но пили не так, штоб напицца. Вабще курить жа нельзя, знали тока два-три казака, кто курил официально.

ТЕКСТ 13

Пушечкина Анастасия Тимофеевна (Текст записали Н. И. Самарина, и. о. заведующего филиалом ГБУК СК «Ставропольский краевой музей изобразительных искусств» в поселке Новокумский, и А. А. Никулушкина, научный сотрудник филиала ГБУК СК «Ставропольский краевой музей изобразительных искусств» в поселке Новокумский. Текст расшифровали студенты филфака СГУ). Текст записан в упрощенной транскрипции: звучание слова передается на основе обычной русской графики, в ряде случаев привлекаются дополнительные графические средства, общие с литературным языком фонетические процессы не отмечаются.

Приехали в шисят втором году. Замуж в Турсии выходила, юня второва, а в сентябire уже в России были. Мне было восимнаццать. Сямнаццатова мая я родила двойню. Павлик был очень слабинький, сямсот, ой, васямсот грамм, они двойнны у меня были, двойняты, один умер, а етат остался.

Жили в Мажарах. Два хозяина в одном доме. Суда, в Новокумку, переехали в шисят пятам. Капустин был как комендант. И он, мол, так и так, молодая сямя, дитё малая, надо, мол, квартиру. А было тут три домика, утетат, где Андрей Синяков живеть, ета квартира была пустая. Потом на самом краю, там утетат был молодежный посёлак, и вот там были две комнаты, только нихто не засялял. И он, мол, молодын, у них рибёнак, втарой уже рибёнак, и нам утам дали, а када я уже третива родила, вот ету квартиру нам дали.

Сразу в Мажарах пошли на виноград работать. Павлик был очень слабинький, в садик ево не бяруть, очень слабинький, а работать-то надо итить. И мама приехала туда, к нам. И вот мама Павлика малинькова глидела, а Ваню отдавали в садик. Мама Павлика долго ево глидела. Он очень был слабинький, и через два часа ему надо было поить чаво-нибудь. Потом года чатыре ему стало, мы в садик иво отдали. А он так воспитательницы говорить: «А чё вы мне не даёти кушать, если вы ня будити давать кушать, я умру». А она говорить: «Как будить завтрак, обед и ужин, тада и дадим». А он: «Тада я к вам большы не приду. Бабушка миня часта кормила».

Я помню все сказки. Ну, понимаишь, ети сказки, вот они туташныи, только несколько слов наших, переделанных. Вот про етава, «по горам, то по морям плавал и вот заблудилси»... Вот мама моя енту сказку рассказывала ишшо в Турсии. Я по телевизару вижу ету сказку. А теперь они, утети сказки, утети усе, туташныи. А современные сказки, конешно, по-другому, и слова другие, и всё. Вот начинаю ету сказку, а Дашулька, она показываить пальцы, што, бабушка, не так, в книжке утак написана. Вот сказка про утету сястрицу Аленушку. У нас она точна така, только в нескольких словах по-другому иё говорили. Вот я шас стану внучкам говорить, а они: «А, бабушка, нет, ета не так, не так. Там утак надо, там утак надо». А то я все сказки, загадок очень много знаю, мама много рассказывала.

Про наш ансамбль. Прииждал суда Тумилеивич. Он начал собирать вот ети самыи, вот ети наши песни. А потом Людмила Василевна начнула хор собирать. Нет, Людмила Василевна нас не первая собирала. Нас Пятрович первый собирал.

У мене мальчишка Павлик малинький был. Слабинький, и я сразу не пошла. Года два я не ходила, а потом пошла. Ну, он поправилси и я пошла. А они сразу пошли, вот ета Чернышиха, Полина Кирилловна, потом Аграфена Яколевна, Пятрович, ну и брат мой Иван. Ну, вот Пятрович, утетат с нами ездил, потом Людмила Василевна, она взялася. Вот я к ней пришла. А чё, лихо было! А потом она в декретный отпуск ушла.

А вот Пятрович нас попярой повёз на гранпластинку. Мы с Пятровичам поехали, а Людмила Василевна в декрете была. Потом на фестиваль опять мы с ним, с Пятровичам ездили. Людмилы Василевны не было. Потом, знаишь, она пришла с декретнава отпуска, и утета мы с ней все время стали, а Пятрович, он у нас был гармонистам, он у нас и жынихом был. Мы свадьбу делали. Людмила Василевна была невестай, а Пятрович был жынихом.

Мы ездили раза три на фестиваль в Москву. В Ростов несколько раз. Первый раз они поехали, я не ездил, второй раз я поехала в Ростов. В Ростове мы раза два были, потом в Москву, потом под Ставрополь, потом в Новосибирске, в Ленинграде мы были. Ета самая, всё с Людмилай уже Василевной.

Подарки давали, и грамоты давали и, знаишь, в Новосибирске такой вот музыкальный подарили, ну как иво, ну как табе объяснить, там ета подарили. Потом кушины кой-какие дарили. Они там и были, у Людмилы Василевны. Почетныи грамоты вот дарили нам. Есть у нас мядали, нам подарили, у меня утам лжгать.

В ансамбли очень много было. А ну-ка, где у меня фотография. Щас почитаю. Дуся была, потом, знаишь, Никита Филиппович утетат, Синяков, вот и жана иво была, Кишкильдина Мотя вот была, Никулушкина Матрёна была, Никулушкина Настася была, Чернышыха, Чернышова была, Полина Кириллавна была, Винтовкина Дуся, Елисютикова была. Ета вот эти перваи. Потом, знаишь, хто ишшо..., Лена Кондративна, потом ета была Лебедкова. Ета старьи, мы ездили на ... ета, на пластинку.

Ну, потом хто у нас был, подожди, Полина Кириллавна, Захар Григоревич был, утетат с нами ездил. Потом етат жыш Кудрин Андрей поехал. Ета они потом поехали в Ленинград, поехали в Новосибирск, и попада поехала, а потом им не понравилася, они бросили, не стали, в Ленинграде они с нами были, в Новосибирске были, а потом бросили они, а теперь жыш опять Кудрина стала ходить. А потом, знаишь, Аграфена Якалевна ня стала ходить, и Иван, брат мой, бросил, утетат Федор, бросил, етат самый. У Кишкильдиивай брат умер, и она тоже бросила, ня стала ездить. С Матрёнай мы даже на ... в Америку съездили. После Америки тожы раза два ездила, ноги заболели, она бросила тожы. А ета самая Настася, Анастасия заболела, она ездила все время.

Людмила Василевна часто нас собирала, а Пятрович был, тожы часто собирал, Как утета она умерла, то все.

ТЕКСТ 14

Беликова (в девичестве Ялуплина) Пелагея Федоровна (Текст записала и расшифровала А. А. Никулушкина, научный сотрудник филиала ГБУК СК «Ставропольский краевой музей изобразительных искусств» в поселке Новокумский). Текст записан в упрощенной транскрипции: звучание слова передается на основе обычной русской графики, в ряде случаев привлекаются дополнительные графические средства, общие с литературным языком фонетические процессы не отмечаются.

В детстве игр было мало. Так как дети уже с пяти-шести лет начинали работать: по дому помогали, присматривали за младшими детьми в семье. Но все равно выходили на улицу для игр. Одной из игр, самой интересной, была игра, напоминающая гольф. В земле делали небольшие дырки и при помощи мяча пытались попасть в них.

Девочки играли в куклы. У нас в Турсии была, называлась у нас понаир — ярмарка. Там покупали игрушки: куклы турецкие, европейские, колокольчики, погремушки. Можно было купить и украшения: ленты, ожерелье, катауры, куланы.

Поясок надевал священник с момента крещения. Без пояса и нательного креста на люди показываться нельзя было.

С хлебом было связано много обычаев и традиций. В первую очередь его нельзя выбрасывать. Грехом считалось даже, когда неправильно его резали. Его

нельзя переворачивать сверху вниз. Хлеб — основа всего, с хлебом молодых встречали, его освящали на поминках и на Паску. Такой хлеб даже птице не давали. Если не успели съесть в свое время, его сушили на сухарики и ели потом. В каждом доме обязательно была русская печь, в которой каждую неделю пекли хлеба. Остальную еду обычно готовили на летних печах — горнушках, такие прямоугольные каменные печи, также в каждом доме были и буржуйки, но хлеб пекли только в русской печи.

Понятие оберега не существовало. Положено было еще предками вышивать рубахи, и их вышивали. Это до нас вышивали, а мы, уже наш возраст, не вышивали. Просто так завески, фигурочки обрабатывали или рукава, а как оберег — такого ничего не говорили. Просто замуж отдавали как положено было, чтоб красиво было, не для оберега, а для красоты вышивали, там у нас вообще наряды были красивые. Расцветку костюма тщательно подбирали, чтобы подходило. Обучать нас не обучали, у нас это в крови было. Глянeshь — ага, балахон под желтое подходит, под красненький — завеску зеленую подбираeshь или синюю. Все подбирали на глаз — глянeshь, чтоб красиво было. И по вкусу, и по красоте, и чтоб подходило. Например, к синему пришей синий рукав — оно же некрасиво будет, и смотреться не будет, а если другой цвет, и наряд уже по-другому смотрится. Сундуки набивали по тридцать-сорок рубах, самых разных.

Стирали, конечно, только на руках, хозяйственным мылом. Или ездили в Бандерму на рынок за порошком. Бывало, что торговцы сами к нам приезжали и продавали все, что необходимо, также и стиральные порошки.

Детей воспитывали по строгости, хотя там у кого какой ребенок, но дети никогда не обижались. У нас батя был, так дети уже взрослые, уже женатые были, батя их лупил, и никто не обижался, и слушались. А щас наши дети нас слушаются? И снох, бывало, за косы дергали, но редко, сноху нельзя было обижать.

В нашей семье снох не обижали. Если даже родные свякрухи не возлюбят сноху, то много происходило неприятностей. А вот, например, моя мать, у неё неродные снохи были. Старшая сноха Маня, что правит, заправка, она меня все воспитывала, еще сноха в Мажарах. Она им мама-мачеха, а отец родный был. Они очень дружно жили. Мы не знали, как ругаться. Марья рассказывала, как взяли сноху Прасковью.

Одевали снох вместе. Та, что помоложе, её жалели. Ели с одной чашки всей семьей. Семья большая была: Андрюша, Марья, Ваня, Прасковья, Изот, Тимоня, бабушка, я, Семка, батя, мама — 11 человек. Ели с общей чашки, ложки деревянные были. Все поедят, соберeshь все в одну чашку ложки и идeshь, моеeshь. Она, Прасковья перевернет ложку, а мыть не моет. А мама ей говорит: «Ложись спать», а старшую сноху заело. Мама заступает за младшую сноху: «Дите моё, я сама помою». Она: «Ага, она спать хочет, и я спать хочу». А мама: «Ой, дите моё, сама смою». Мама поддерживала младшую сноху.

Дворы большие были, а ведра были квадратные, сейчас перевелись, в них маслины продавали. Их обрезали и сажали, не один, не два, а по 100 в ряды, и их

нужно было каждый вечер поливать. С работы притить, полить, двор подмести — там вообще чистоту соблюдали. В этих ведрах во дворе сажали герань, а когда холодно было, их заносили. У нас клятушка была — колидорчик. Дом большой был, и их заносили, чтоб они не смерзлись, а весной опять выносили во двор. А на земле еще само-собой цветы сажали: коксы, чернобrivочки, шапки, хризантемы, все цветы были. Герань разная была и синяя, и красная, и белая, прямо кистём цвела, на окнах так же цветы ставили и на полки во дворах ставили.

А у нас в Турсии ездили за белой глиной, она белая, как известка. Её растворяют, гасят и потом этой «лебедкой» (она так там называлась) к Паске, Рождеству мы пальчиками белили. Глина мягкая была, руки не разъедала, пальчиками мазали стены, чтоб бороздки от пальчиков оставались. Потом толкли угли и черным мазали нижнюю часть стены. Ну, вот поехали за этой глиной, а мама жалуется свашеньке, что большая сноха на малую сноху жалуется. А свашенька: «Учите, учите». Как же её учить, если родная мать не научила.

По воскресеньям принято было навещать родителей. Ну, мать младшей снохи дочери нотации прочитала: «...что ж, ты же вышла замуж. Старшая сноха делает, и ты делай» и так далее... Короче, мать нотации прочитала, а где ж она будет делать, коли мать за неё все делала, да бабка все за неё делала, а она дома до замужества ничего не делала. Ну, поговорили. Вернулась Прасковья домой, стали ужинать. Пообедала и не побегла, ждет она, как все поедят. Стала малая у старшей спрашивать, что и как делать, и все вместе делать стали: и гулять и мазаться. Глина была вонючая, а мажешь, мажешь, и тело чистое становится. И соседи даже их дружбе завидовать стали. И свякруха неродная была, а как дружно жили. Когда к нам в село, торговцы приезжали, «нитки-макар» назывались, турок ходил и продавал нитки, иголки, перстни, сережечки, на яички меняли. Покупали «растык» — краска для бровей. Вот они понаберут, и себе, и мне, и свякруха никогда к ним не лезла, что хотели, то и делали, а жили в одном доме. Четыре комнаты и два лапаса — всего 6 комнат. Дом хороший был. Года три прожили вместе, и отец им купил дом. Потом Ваня, браток, в Стамбул ушел, там они тоже комнаты как-то поделили. В общем, жили нормально. А есть и родные свякрухи, и ссорятся.

Молодые снохи, конечно, уже в игры не играли, какие куклы, когда уборка или какие дела. На озеро ходили, косили, убирали, на уборку ходили все. Я у бати была любимица и на уборку не ходила, на то снохи были, а потом он стал турок нанимать. Но мой возраст ходили все, а я и знать не знала, как снопы вязать.

Хлеб пекли в домашних условиях. Дрожжи не покупали, делали опару. Наша Марья, сноха, пекла отличный хлеб. Все сама делала, и опару: отруби с хмелем месили, потом это все бродило, затем запаривалось, и в тепло. Потом, когда хлеба испекутся, останется кусочек — они его оставляют, потом в субботу замачивают, и в тесто. Такой хлеб долго хранится и не плесневел, и не чернел и неделю с субботы до субботы хранился. А Марья и хлеб, и калашники, и пышечки пекла, мама на нее всё сдала. Она, Марья, у нас стряпуха. Мама не любила готовить. У нас и коровы, и быки — хозяйство было большое, и мама: «Ой, дите моё, я лучше

корову пойду посмотрю», — там чистить нужно было. Ей легче было с хозяйством управляться, чем на кухне. А эта и рада.

До замужества девочки косы плели. Незамужняя плела одну косу, махор носила. Когда идешь в церковь, когда венчают, уже две косички разделяют да заплетают, а потом их перематывают — уже одну косу носить не будешь. Замужние по-другому, по-бабьи, накрывают. Уже шас-то стали так накрываться.

И булавочки кололи тогда синенькие, голубенькие — тогда много продавалось. От «насару», от сглазу, детям пристегивали (это камни были), и носили касачьи глазки, а большие и не знаю, что от сглазу кололи. Не только на свадьбу, всегда носили. И бабы, и девочки носили, чтоб не сглазили, и маленький. И маленький родится, и то, бывало, сглаз.

У Марьи родился Никитушка, такой пухленький был — сглазили. Как закричал, закричал, так и умер. Рожали в доме (бань у нас не было). Я помню, как Марья рожала. Родила, а бабушка приходила, она же роды принимала, повитухи назывались у нас. Она приходила 5—6 дней, на 7 день заканчивала. Помню, ведро она парит. У нас круглый шар был железный. Она её прямо в рубахе поставит над ведром и парит, напарит её этим паром — всю гадость очищала. Потом уложит на кровать и гладила живот. А тут родишь — тебе грелку со льдом ставят на живот. А после этого, сколько воспаления яичников. А там у нас никто воспалением не болел.

До 40 дней в церковь не ходили, у священника брали молитву и читали. Это строго было. Вот бабушка повитуха походит, потом даёшь ей на рубаху или на балахон, хлебушка, ну, кто что может. Она прощается. А потом Марья сама потихоньку ходила, уже работу делает и все такое.

Повитухи также вправляли живот — от бесплодия лечили. Она может узнать, будет ребенок или нет. Соображала, наверное.

Костоправов у нас не было. Бабушки принимали роды, могли живот поправить, это Марья наша уже здесь править начала. Это батя наш ногу вывернул, мама рассмеялась, как это можно ногу поправить. А тут она, пожалуйста. Это Бог даёт. Талант от Бога. Это дар Божий, если бы она не соображала, то она бы и не делала.

У нас в Турции были бабки, они приехали и здесь померли. Одна в Мажарах тетя Аня была, там и умерла уже. И тут баба Марья Пашина была. Они уже пожилые были. У неё дочка осталась, она теперь в Америке этим занимается, тоже правит, кому живот правит, кому живот поднимает. Это дар: она нащупает, она узнает.

Были и черные колдуны. У турок их много было. У меня двоюродная тетка была, тетя Таня, она любила одного мужика, а родители не хотели. Я говорю: «Дураки, Господи, прости меня грешную». Что она делала, что она вытворяла: она бесилась, на себе все рвала, это не передать, не рассказать, сколько слез было. И что: потом вылечили, и за старика отдали замуж. А лечили-то этим же, по бабкам. К туркам и ходили, ходили к тем, кто сильнее. А среди наших таких не было.

Наши бабушки деток лечили, росточек отмечали, испуг сливали, грыжу лечили — молитву читали. Такие были, а что бы надеть порчу — не было. Это и не все могли. Только кто знал, а мог знать, а не брался.

Батюшка наш, отец Трифон, он ангину лечил, сглаз лечил, ишшо от чего-то лечил. От бородавок лечил. Нашептывал молитву. Тетушка Пашина, моего крестного жена, а у Анюты моей дочки, веришь, бородавки были, все ручечки усыпаны. Когда намоет, они ж спарятся — некрасиво было, как цвятошки, неприятно. Она ходила, ей не помогало. Лида была, тоже знает, как лечить, не помогнула. Михаловна, Варвара Горина, мы с ней как-то разговорились, тары-бары, тетушка, а у Ани бородавки, так некрасиво. «Ой, дитё моё, пусть она у тебя на руках посидит, придёте». Ну, мы пошли. Сидим, она сама разговаривает, а сама потихонечку шепчет. И взяла красные нитки, уже завязывает и говорит: «Нате, курям покрошите под горшок». И неделька проходит, другая, Аня глядит, прямо чертовщина, а у неё эти прошли. До того рада была, и по сей день, слава Богу, нет.

Ей отец все передавал. А еще чего она просила, он говорил: «Ты гордая, ты не будешь людям помогать».

Пронюшкин Федор — противный дядька был — от змеи заговаривал. В такое место наступишь, такие раны открываются, и пузырями на теле делается, прыщики такие, прямо обливаешься. Одна с Правокумки женщина, у неё такая гадость была, а Бог знает, что это за болячка, она внутрь пошла. Та и по врачам, и по бабкам, где только не была, не помогли. Откуда-то узнали, что он помогает. Он им воду поставил, потом водку и заставил принимать по ложечке. Ну и что, сколько-то дней лечились, и приехали, отблагодарили. Он помог ей, спас. А когда он умирал, Таня Бокачева, дочка его: «Батя, покажи нам, как ты лечил». — «Не знаете, и нечего знать». А ведь дурак, ты же доброе дело людям делаешь, мог бы и передать, чтобы лечить людей добрых, доброе дело делать. Так и не рассказал. Мог бы и детям передать какую-то молитву. Это же не портишь человека, а душу спасаешь. Сколько они плакали, ходили.

А наша Лена Беликова — лицо и руки — все послезло, вовнутрь пошло. На виноградниках поработала, это «от змеи» называется, как экзема. Она у неё внутрь пошла. Что только не делала! Ну, она пришла к нему, он на водку сделал, насмазывалась, и потихонечку прошло. Он её только и спас, врачи не могли, кроме дядьки Кондрашки, никто.

Вечером нельзя было выносить из дому. Но особенно из дому мусор нельзя выносить, поговорили, и дома и осталось. А замечать за калитку нельзя — в кушечку собрали, а утром выбросили. А полы там не мыли. По крошинам вообще ходить нельзя, в уголок их подметаешь, пока не поздно. Как покушали, сразу подметаешь и веничек в уголок. Со стола убирают всё, куда положено, не дай Бох, соляночку открытую оставить — её надо укрывать — нечистый Дух купается. Ничего нельзя открытым оставлять, даже воду, надо чем-то укрыть, хотя бы палочкой или ложечкой.

— *Существовали ли приметы, связанные с рассыпанием соли или разбитым зеркалом?*

Ничего такого я не слышала. Говорят, соль рассыпешь — ругаться. Мы там жили по двое-трое сыновей со снохами, и не ругались, поперек слова не говорили. А тут ты ему слово, а он тебе — десять, там совсем другие отношения были — уважали друг друга. Там увидишь учителя — станешь, поклонись, поздоровкался и пошел. А тут учитель — кто его уважает? Ни к кому, никакого уважения нет: ни к старшим, ни к младшим, а там строго было — уважали и стариков, и маленьких, и деверей. Деверей по отчеству всегда называли.

На ночь закрывали окна занавесками. Ни в коем разе окна открытыми не оставляли. Положено закрывать, и закрывали, да и не прилично, как же ты будешь ходить, а кто-то смотреть.

Лампы были керосиновые, электрических не было, радио уже перед отъездом появилось. Газет у нас не было, и книжек не было, все развлечение — в школу ходили. Зимой бобочечки выбирали, кукурузу, подсолнухи шелушили, а сейчас все телевизор смотрят.

Там коровушка, скотинушка, пока почистишь, воды натаскаешь, туда-сюда — уже обед. Воды нальешь, и целый день прошел. Зимой-то быстро уже темно. А летом рано уедешь в поле и поздно домой заявляешься.

Мальчишки в войнушку не играли — у них игра была по очереди шарик катали (типа гольфа). Или арбуз — его порежешь, и шкорками играли. В догонялки играли, жмурки играли и в сами-солемы: двое сидят, руки-ноги ставят, а остальные прыгают, если толкнешь, то садишься. А еще была игра: друг за друга становятся, и друг друга перепрыгивают — тоже была игра, мы в неё в школе играли. Были у нас и прыгалки, скакалками мы их называли, еще была игра: один закрывает глаза, а мы идём по улице прячемся, а кого первым нашли, тот и водит.

Там у нас садики не было, в 7—8 лет с родителями на работы ходили в поле. А в поле помогали колоски собирать. А дома — домашние дела: малая я была, и подметала, и убирала, и играть сильно некогда было. Вот когда уже Ксюша большая стала, поехали, нам куклу купили, а так и не было. Я главное — племянников нянчила, а как же иначе. Пеленаешь, поишь, кормишь, если родители где-то на работе, берешь её на закорки — и к матери. Та покормит, а оттудова опять её принесешь. Старшие дети и золовки, какие поменьше, занимались маленькими детьми, и не выйдешь с ребеночком гулять. Вот не взяли на работу — ага, останешься с меньшими сидеть. У меня малая сестра была, вот крикуха была! Я ей кричала: «Господи, хоть бы ты сдохла!» — тут же играть хочется, а она на руках, и она, правда, умерла. Закричала, закричала, то ли сглазили, этого не знаю. Марья, сноха, поила её. А у нас печка была, они её топили, и была трава такая «тушканий ушко», есть такая трава, ею детей лечили. Её заваривали и этим отваром детей купали. На горнушке (печь такая) отвар подогревали, и этой водичкой купали, обливали. Если ей умирать, — значит, умрет, а если выздоровит, значит, выздоровит. Она её купала перед трубой, перед зарей. Наша Анюточка притихла, тихо, тихо, и к утру она умерла.

У нас баней не было, детей купали в тазиках — «караманьки» назывались, да и сами там купались. В доме купались. Но щас у каждого ванна, и утром и

вечером моешься. А турки вообще не купались, а вот и воняли. А там были купальни, «ингермишка» называлась (типа общественных купален), там скамеечки были и караманьки, а турки туда не ходили, у них этого не было.

А первый зуб кидали на крышу и говорили: «Мышка, мышка, на тебе простой, а дай мне золотой». Но это когда увидишь, что ребенок зуб потерял, а когда и не увидишь, где дитё зубик потеряло. Где там за зубами смотреть, и нас мама так учила: «На простой, а дай золотой».

А у Вас была форма школьная?

А в школе форма школьная была — с этим там строго было. Формы все покупали. У нас была юбочка на резиночке. На шее бант был на резиночке, он снимался, у мальчиков и девочек — «яка» назывался. В школе везде чистота и порядок были, туалеты везде убирались.

Ваши дома отличались от домов турок?

Дома турок от наших отличались. Такой красоты, как у нас, у них не было, цветы они не сажали. Постройка дома такая же была. Так же, как у нас, у кого двор большой, а у кого и маленький. У нас двор большой был. Возле дома гранат и имбирь рос. Также были груши, яблоки — всё сажали.

День рождения не было, не отмечали, был день ангела, но подарки дарить не принято было. Свидетельства о рождении сразу тоже не было. Год, два проходят. Кто помнит, кто не помнит, а кто помнит, и моложе, и старше мог записать. Но подарков ко дню рождению не было.

На масленицу, в прощенный день, ходили в гости к крестным, там на фартук давали, могли деньги дать, а могли ткань, но подарков не было.

Мебели не было. Кроме сундуков и круглых столов. Кровати делали сами — полочки. Столы были круглые, низкие, но такие, что помещалась вся семья. У хозяина было свое место. В гости к друг другу не ходили, только когда свадьба, или сватовство. У нас был большой стол и скамейки были современные.

Расскажите о трапезе.

Особое уважение за столом старшим. Как же иначе, он глава семьи, особенно дедушка, прадедушка. Такого, как сейчас: на стол только накрывают трапезу, а дети уже с кусками бегают, такого не было. У нас все по расписанию было, всей семьей. Вот утром встали, и завтракаем вместе. В субботу идешь в церковь, из церкви приходишь — все садятся за стол, помолились, поели, встали, поблагодарили (молитва) — кто куда. В воскресенье утром все идут в церковь, а мать или сноха еще до церкви все напарила, наварила, все приготовила, напекла сладости. Приходишь с церкви, помолился, все за стол, покушали, поблагодарили. Если семечки жарили — поделили семечки по карманам — кто куда. Кто на мельницу, кто к родителям. И на стол одна чашка. А сейчас: один поел, еще за ним посуду не домыли, не успели все прибрать — второй садится, потом третий, и целый день посуду моешь. Там все по часам, было: поели, помолились, свободны.

Утром ни есть, ни пить ничего нельзя — грех это, пока не умоешься и не помолишься. Ни к чему из еды или посуды прикасаться нельзя — грех это. Встанешь, освободишься, идешь умываться. Потом встанешь перед образами и тогда

молишься. Пока не умоешься, ни до чего дотрагиваться нельзя. Вечером поужинал, умылся, помолился и спать. Полотенца не вышивали, покупали, а наш возраст уже и рубахи не вышивал.

Любили ли вы шить из лоскутков?

Нет, из лоскутков шить не любили. Одежда шили из цельного материала, пододеяльник мы не одежали, а обшивали, затем отпарывали и снимали для стирки. И простыней не было. Это мы уже здесь увидели простыни, пододеяльники, а там на матразах спали и одеялом укрывались.

Из рукоделия: вязали и шили. Вязали спицами: носки, шапочки, жилетки, кофты. Крючков у нас не было, только спицами вязали. Узоров тоже сильно не было, как чулках вязли (платочная, лицевая, изнаночная вязка). Журналов по вязанию тогда не было. Турки тоже много вязали, мы с ними общались и многие узоры брали у них. Шили одежду вручную. Потом появилась у нас швейная машинка. Портних у нас не было, все шили сами, ходили помогать друг другу. Вот девка надумает замуж выходить, все собирались, кистили платки, мутозыки, вечерами сидели. Кроме одежды, в приданое готовили подушки, одеяла, матразы. Пуха не было, все набивали шерстью. Утей там держали мало, поэтому если и были пуховые подушки, то их покупали, или куда-то ездили. Шерсть же покупали у турок, а уже пряли её сами. Коврики тоже ткали турки. Из рукоделия можно было бы отметить только то, что мужчины плели сапетки. Батя наш сам плел. И сети на рыбалку тоже мужики вязали сами. У нас был такой большой лапас квадратный. Как сядут: Андрюша, Ваня, Изот — и сидят, вяжут, а нитки покупали.

Бисер покупали, а вязали украшения сами. У нас три вида было: таранощки, или рыбки, пёрушки и курятники. Ими украшали платок, но когда их сильно много, тоже некрасиво. Летом платок украшали живыми цветами, а зимой прикалывали герань, но здесь такой герани, как там, нет.

ТЕКСТ 15

Васютов Парфен Иванович (Текст записала и расшифровала Н. И. Самарина, и. о. заведующего филиалом ГБУК СК «Ставропольский краевой музей изобразительных искусств» в поселке Новокумский). Текст записан в упрощенной транскрипции: звучание слова передается на основе обычной русской графики, в ряде случаев привлекаются дополнительные графические средства, общие с литературным языком фонетические процессы не отмечаются.

Проживая в Турции, о России мы знали понаслышке. Радио, телевидения тогда еще не было. Сами турки хотели, чтобы, если бы мы и надумали уезжать, то во Францию, США, Бразилию — куда угодно, но только не в Россию.

Дома и имущество продали по той цене, какую сами и запросили. Дом продавали вместе со скотом и землей. У нас земля там была в частной собственности. Отдельно имелся участок под фасоль, зерно, бакчи, кукурузу, виноградники.

Во время проживания в Турции мы торговали фасолью, фруктами (инжир, виноград), виноградники были только кустами, беседки для них мы не делали.

После переезда нас поселили в общежитии (в этом здании в настоящий момент находится музей). В одной комнате мы жили всей семьей: родители, брат, бабушка и мы с женой. Здесь же находился примус, на котором готовилась еда. Остальных, тех, кто не поместился в общежитии, расселили в ближайших бараках. У нас, можно сказать, был рай — паровое отопление, тесно, но рай. Тем же, кто проживал в бараках, было хуже — они топились углем, которого, конечно, не хватало. В общежитии семья прожила полтора года. Практически сразу после переезда меня отправили на курсы трактористов (6 месяцев), затем 3 года армии (Волгоград и Казань). Во время службы у меня родилась дочь. Когда умерла, отпустили без разговоров, успел даже похоронить.

В качестве жилья совхоз выделил один фундамент под дом, всё достраивали вдвоем с женой самостоятельно: и мазали и белили, и красили, никто не помогал. Оба ветераны труда. Я в настоящее время уже не работаю, нахожусь на пенсии.

Потом решили с соседом поменяться домами. На нашу большую семью этот дом был маленький. Новый дом был побольше — четыре комнаты, в центре печь. В новом доме сразу стали все ломать и достраивать кухню, провели газ. У нас с женой пятеро детей: старший сын, дочь (сейчас живет в Воронеже), а потом тройня — два сына и дочь.

В Турции два года работал по найму в семье русских эмигрантов в г. Стамбуле. В семье работодателей отношения были хорошие, но тянуло к родным. Обстановка более русская, чем у нас в селе была, поэтому, когда вернулся в родное село, я изменил планировку дома, заложил традиционную дверь из двух комнат и сделал для себя вход отдельно.

Второй раз в Стамбул поехал уже по поручению будущего тестя за невестой, которая гостила в тех краях. Бывшие хозяева очень хотели познакомиться с моей невестой, но она подумала, что я ее обманываю, и не поехала. Кроме этого, они уговаривали меня ехать в СССР, даже предлагали свое наследство, так как своих детей у них не было, но я отказался.

По рассказам моей бабушки, раньше село было очень большое — «от моста до моста». Она рассказывала о трех миграциях казаков-некрасовцев до революции. Село было одно, но два прихода, две церкви: Троицкая и Успенская. Среди русских поселенцев были так называемые «хохлы», которые жили в нескольких километрах от нас. Это были староверы более строгого вероисповедания, чем мы, более «святые», брезговали даже посудой, с которой пил кто-то другой. У них была другая одежда, очень похожая на украинский костюм: понёва, венки, ленты, говор хохлячий. Они все впоследствии уехали в США, перед отъездом предлагали казакам ехать с ними, так как говорили, что в СССР веру не сохраняют и детей заберут.

В Турции семья была небольшая, я был старший сын. Причем в одном доме семья проживала 200 лет. Дом был из деревянных свай и каркаса, которые обмазывали глиной и саманом. Жилые комнаты переходили одна в другую. Обстановка

в доме была простая: стены белили, пол земляной, два раза для прочности его мазали коровьим гумном. Он становился прочным и не трескался. Застилили пол рогожкой (типа циновки), которую изготавливали из растения, с виду похожего на наш камыш. Приезжали специальные мастера, которые замеряли комнату, затем у себя в мастерской по специальной технологии на большом станке обрабатывали растение (резали, скручивали, мяли) и плели. Обычно делали по размеру комнаты. Такие же рогожки, но поменьше, стелили на лавки, на которых сидели днем, а ночью спали. Стены украшали цветными тканями и фотографиями в рамках. Среди мебели были маленький турецкий стол и лавки. Из-за теплого климата ели в основном на улице. Освещали помещение керосиновыми лампами на 100—200 свечей.

Фотографии делали специальные заезжие фотографы, или, если кому нужно было, ездили в Бандерму в фотоателье.

Рукоделием занимались не все женщины. Моя бабушка Арина Алексеевна шила на заказ женскую одежду и вышивала рубахи. У нее в Турции была даже швейная машинка «Зингер».

В семье хранится старый Псалтырь, доставшийся семье от тестя: деревянные доски, кожаный переплет, печать.

Когда ехали, с собой привезли турецкий стол, швейную машинку, фотоаппарат (по турецким деньгам стоил от 350 ливров), керосиновую лампу.

О местном населении осталось очень хорошее мнение.

ТЕКСТ 16

Гулина Елена Кондратьевна (Текст записали и расшифровали Н. И. Самарина, и. о. заведующего филиалом ГБУК СК «Ставропольский краевой музей изобразительных искусств» в поселке Новокумский, и Алла Анатольевна Никулушкина, научный сотрудник филиала ГБУК СК «Ставропольский краевой музей изобразительных искусств» в поселке Новокумский). Текст записан в упрощенной транскрипции: звучание слова передается на основе обычной русской графики, в ряде случаев привлекаются дополнительные графические средства, общие с литературным языком фонетические процессы не отмечаются.

Когда вы приехали в Россию, вы сразу пошли работать?

Ну да, мне еще тринадцати не было, я пошла работать. Я пошла в вечернюю школу, нет, не в вечернюю, мы с обеда учились, во вторую смену. И за год я закончила 4 класса, первый, второй, третий, четвертый, мы прям за четвертый класс экзамены сдавали. Нас Галина Димитриевна Черняк учила, мы с утра до вечера учились, прям две смены учились. Потом экзамены сдали. Потом пошла в пятый класс, в вечернюю школу, и сразу хорошо училась, и меня на шестой перевели, я за год два закончила, а потом седьмой и восьмой.

С чего начинался ваш ансамбль?

Я не помню год, а самое первое выступление у нас было в Пятигорске. Нас возила Валентина Афанасьевна, фамилию не помню, она работала в женсовете

у нас. Это мне было лет пятнадцать. А еще до нас возили взрослых женщин, тоже Валентина Афанасьевна. Это просто нами интересовались, а она нас повезла, нас просто собирали. Сюда приезжали, мы и карагод водили, и крыло водили. Когда отец священником был, к нам Тумилевич приезжал, мы с мамой ему песни пели. Потом как-то приехал Тумилевич, у меня уже Андрюша и Таня были, его почему-то никто не принял, а я как раз зуб удалила, меня дома не было, мои дети ему «Ёлочку» пели. Потом я песню пела «Хожу я, хожу», нам ее тетя Таня и бабушка пели.

А хор начался так. Людмила Васильевна здесь работала и ходила к Иван Яковлевичу Никулушкину за молоком, а он поехал в Америку и привез гармошку, или кто-то ему привез. Он сидит и играет, а тетка Маланья, его жена, сидит и песни поет или пляшет. Вот как соблазнилась Людмила Васильевна и начала собирать хор. Это было, по-моему, в 1978 году, в конце мая или в июне. Мы еще в Левокумке, там старый, старый клуб был, мы там выступали. В Правокумке мы заняли первое место, и нас сразу отправили в Ставрополь. Мы поехали, и сразу нам там лауреата звание дали, и мы начали ездить.

Два раза в Ростов ездили, в Ставрополь много раз ездили. У нас Анатолий Петрович в сценке участвовал, женихом был, а Мотя Кичильдиева невестой была. Он тогда директором клуба нашего был. У нас сначала парня ни одного не было в ансамбле, это потом пришел к нам Лефёр Григорьевич Бокачев, потом Гавриил Беликов. А когда мы ездили в Новосибирск, Мишин Анатолий Петрович с нами чей-то не поехал, и у нас женихом Таран был. В 1982 году мы поехали, и пластинка есть, в Малый зал консерватории имени Чайковского. Мы выступали, там сцена была маленькая, да и ишо в аварийном состоянии. Ну, поэтому нас и взяли всего 10 человек — Лефёр Григорьевича, Иван Яковлевича, Семен Ивановича с Бургун-Маджар, вот он жаних был, а Мотю как невесту не взяли, взяли Лебедекову, не стали-то много-то людей брать. Там немножко скандалишка-мандалишка вышла, а потом мы ишо-то раз ездили, то всемирный фестиваль был. Ну, года не записывала, не помню когда.

Расскажите про вашу жизнь в Турции?

У нас сямья большая была — бабушка, дедушка, тетя Лябядкова была, и вот отец, мать, я, Анютка, Илюша и кресный. Он жанился, у него жана, и мальчишка у них был. Потом нам дом построили в 1959 году, нас отделили. И тогда мы: мама, папа, я, Анютка, Илюша (Галя у нас там родилась, а Ванюша у нас тут родился) — перешли в новый дом.

Дом большой — хата, шулан, сарайщик, лапас был, потом подстроили еще. Дома у нас мазанки были, земляной пол был, дровами чуть протопим, и все, угля не было. Потолки земляные были, если бы там были морозы, мы бы все замерзли. Стены бялили руками, белым мелом (глиной). Пальчиками мазали, «скабленным» называлось. У нас русские печки были, и буржуйки тожа. Но хлеб только в русских печках пякли. И горнушка у нас была, варили-то все на горнушках.

Иной раз запозднишься, приедешь, а время-то позднее. Фасоль убирали, пока зерна пособираешь, пока все уберешь. Пока горнушку разложат кураем, пока сварят, пока буйволу подоят, уже темно, мы, маленькие, и уснем. Ложились спать поздно, а вставали рано, чтобы все успеть. Сказки нам мама рассказывала, когда масленица была. У нас пост, вот этот-то Рождественский, начинался, и тогда-то нам и рассказывали сказки. В основном то пряли, то вязали. Семьи почти у всех большие были. У моей бабушки 16 детей было, звали её Ксенья Григорьевна, она деду Епифану Никулушкину родная сестра была.

С турками мы дружили, я с турчанкой все дорогу сидела в школе. Беликова Галя с одной стороны, я с другой, а турчанка посередине в школе сидела. Учителя были, ни с кем не ругались, относились хорошо. Нас не били, а какой балывался, сам и получал.

У нас и бедные совсем были, это у кого зямли не было, а были богатые. У нас зямля была, дедушка, прадед богатенький был, у няво прям отара овец была, потом прабабушка умерла, он как вдовец остался. Трех сыновей и три дочки было, а ишо маленький был, да умер. Одну взял женщину, у неё дятишек не было, она хорошая была, но чёт её дети не захотели. Дедушку маво звали Иосиф Григорьевич, а он на 73 году умер. Он у нас дякон был, хороший был. Разделил он потом землю на три сына, как после отца и по наследству досталось, а дедушка еще подкупил, и у нас порядком было. Там-то гектары не считали, там делюмы, а что обозначает, не знаем. Это у нас в Каратубрах, там у нас уже гектара два земли было. А так, если все собрать, у нас гектар 15 земли было. В поле, где пшаницу выращивали, у нас зямля не полявная была, это степью называли. Там овес сеяли и вот эту пшаницу сеяли, белколоску, и озимые, как тут называют. Это было на юге. А на востоке возле озера, водой заливалось, там фасоль выращивали, она само поливалась, там пшаная зямля была.

У нас семена свои были, собирали, а потом сажали. Сямян много было, сортов вон сколько.

Хозяйство у нас было: две буйволы, двое быков да ишо подростки были. Буйвола жили. Птица была, особенно когда мы отделились, у нас большой двор был. У нас дом квартал занимал. И виноград был, и арбузы сеяли, и у нас вот эта трава была, люцерка-то. В Турсии мы на работу не спешили, нас там никто не ругал, как встали, так пошли работать, а здесь по-другому. Работа-то свободная у нас была. Своя работа была.

Отец на рыболовство ходил на 7 месяцев, а мы растили, собирали. Вот они уйдут в сентябре, в апреле на Пасху приходили. Они договор заключали и возвращались.

Замуж у нас по-всякому выходили, кто в 17, 18, а кто и в 16 лет. У нас по-всякому было — кто любил, кто замечал, матери приходили, говорили, они шли сватать, а кто не любил, да так отдали.

Молодежь наша помогала родителям по дому, хозяйству. Родителей уважали, почитали. Обыкновенная семья была, работали на земле. Накосишь, муки наме-

лишь, соберешь урожай, и ели всю зиму. Мы налогов не платили ничего, никуда не торопились. Могли и ночью работать, а то могли и дома сидеть, своя работа была. Зимой сидели и за скотом ухаживали. На турок работали только наши мужики, они же договор на рыбную ловлю заключали. У турок большие плантации были, они высевали сахарную-то свеклу, и девочки наши ходили, мы не ходили. Они пололи вот эту свеклу, и по пять лир турки-то им платили на каждой на день. Ходили с песнями, без песен никуда, уставали, они их кормили. А мама говорила, что у них земли мало было, дедушка у них сиротой остался, мамин отец, полтора годика земельки не было, и они тоже ходили и косили. Дедушка косил, а тета Таня Елисютикова собирала, а мама снопы вязала, но кормили и утро, и вечер, и в обед кормили.

У нас и соседи недалеко жили — две турчанки. У нас же во дворе колодец был, для хозяйства, а у них не было, так они к нам ходили за водой. А как у них праздник, булочки напекут и несут нам, угощали нас. Не ругались, не дрались, никого не резали. Одного, правда, резали, я помню, мне, по-моему, лет 6 было, его подрезали, мужчину нашего. Его дядя Марка Бандеровский звали, они дежурили, и турки ошиблись, не в няво метили, а попали в няво. Они ночью дежурили, у нас раньше там дежурили, как дружина, но не круглый год, а в определенное время. Они хотели, какого-то другого, а его попутали, ночь-то его подвела. Там артерию ему перерезали, и он сразу умер там. И то это не наш казак был, а пришлый. Они тоже с турками договор заключили, земли арендовали и сеяли рис, и поэтому турок ошибся, темнота везде: свету не было. Наша тетя Таня всегда говорила: «Семья без уroda не существует, а град без блядей не бывает». У нас такого не было, чтоб изнасиловал кого-то, только по своему желанию было, это ихнее дело.

У нас холодно сильно не было, снега не было, как сейчас осень, так и у нас там было. Ветра сильные были, «бугас» назывался, а ищо «дардонели» — ветер сильный.

Где лучше жить? В Турции или в России?

Там-то легче, там родители помогали, но денег не было вольных. Родители помогали, мама кушать готовила да с детьми сидела. Здесь все сами-то делаем. А там свякровь-то помогала, сноху в дом возьмут, она и есть готовит, а свякровь отдыхает. Не всегда дети с родителями жили. Если три сына, то старшего отделили, среднего тоже отделили, а последний всегда доглядает родителей. Умрут родители, тогда он оставался наследником, вот так было. Там такого не было, чтобы воля была.

Вы помните, как вы уезжали из Турции?

Да мы уезжали тихо, без скандала. Нас-то как провожали, прямо плакали по нас турки. Мы машины в городе заказывали, машину на пять, на шесть семей давали. Наши вещи поставили, а уже поздно, темнело, мама расплакалась, папа пошел искать машину. Ну и нашел, погрузили, люди-то отдельно, кто на автобусу, кто на газели приехали. А мы ехали на грузовой машине, нам место выделили в кабине, там отец сидел. Сестренка моя, она 60-го года, на коленях у отца сидела. До кладбищ доехали, а тетя Катя Бабаева плачет, что отец остался, покойник.

Много наших осталось, все плакали, братошки наши остались, покойники тама. Всю ночь ехали, ехали, к утру приехали. В Стамбул приехали, а уже в часика три на теплоход-то зашли. А сестренке полтора годика было, я-то ее по трапу-то вяду, она говорит: «Ой, мама», а работники-то, которые там работали, удивились, как маленькая девочка в Турсии жила, а по-русски «мама» говорит. Мы не часто по-русски говорили, и шчас-то не научились-то чисто говорить. Мама на турецком говорила. В школе-то мы по-турецки говорили и отвечали, по-русски только дома, и то редко. Я таблицу умножения по-турецки лучше знаю, чем на русском, мне так легче. По-турецки быстрей умножаю, чем по-русски.

А кто Вас встречал в России?

А кто встречал, Иван Павлович нас встречал, Лукьянов. Он нас встречал. Тады нас на поезд сразу посадил, и сюда нас привязли, на стадионе нас встречали с солью и хлебом. Нас расселяли в бараки, одна семья жила в одной комнате. А потом в вашем музее жили, но там еще и молокане жили. Нам хорошо было, и отопление было, и дрова собирать не надо было. Батареи-то по-турецки «калидифере». Мы зиму-то одну прожили, и всё, мама-то должна была брата родить, Ваню. Мы рано перешли. Большие семьи все переселяли в первую очередь, и мы переселились на улицу Виноградную.

Трудовая деятельность как ваша началась?

Да я сразу пошла работать, отцу как раз операцию сделали, аппендицит. Я сначала работала временно, платили за часы, рубль 73 копейки. Мама в декрете, платили мало, нас пятеро, да и родителей двое, далеко-то не уедешь. Отец меня взял, да и пошли с ним на открывку, все вручную открывали, лопатами. Работали, работали порядком, две нормы сделали, норма была два ряда и три пролета. Порядком мы работали. А потом нас с сестрой на сухую подвязку перевяли, и как мы пошли и пошли работать. Но этот-то год мне не зачисляли в стаж, они же как детские считаются, я-то детём работать пошла. А в марте 1966 году меня уже оформили как в штатное. И я проработала до 2008 года на виноградниках. Я бы не ушла, но у меня муж сильно заболел, и мне пришлось уйти.

Награды у Вас имеются?

Грамот-то много, да толку от них мало. Правительственных наград у меня нету, только давал совхоз, да ставропольские. Губернаторская грамота и диплом 2 степени, заняла второе место по уборке в крае. Я хорошо работала, хорошо, пусть не обижается ня Бох, ня люди.

Расскажите о своем отце, как он стал священником?

Отец у меня был священнослужителем, уже здесь в России. Сначала отец Трифон был Пронюшкин, операцию ему сделали, и он умер в 1972 году. И отца постановили, люди выбрали, направили его в Белые Кленцы, отец Никифор в Москве постановлялся, рукоположение в Москве было, а отца в Белых Кленцах, в Украине. Вот он на Пасху в последний день поехал, в субботу, и на Троицу он приехал. Отец мой прослужил 23 года священнослужителем. В 1995 году отец-то мой умер, в 1996 году 23 февраля начал служить отец Никифор. Мы-то без священника жили

порядком. Бох мне талан дал, я совсем неученая, я и букв-то церковных не знаю. У меня-то зрительная память хорошая. Нихто меня не учил, нихто мне не показывал, сама начнула, вроде соображаю и пошло само собою. Я с детства службы любила, и последовательность службы я знала наизусть, все стихи. В Турции у нас тоже церква была, мы ее посещали постоянно, каждый день. Мы шли, шли, шли в церкву. Каждое воскресенье ходили, и это как закон был. Субботу работаем до обеда и потом всё бросали, работа не работа, и шли в церкву. Сготовим и идем на службу, утром в воскресенье встанем, помолимся и идем в церкву. Принято утром и вечером, сейчас вечером не ходим, так как служить не с кем. Когда в Турции жили, встал малый дитя на ноги и пошел в церкву. Щас такого нет, наши дети не ходят в церкву. Я привыкла уже каждый день в церкву ходить.

А вы помните, как в армию мужчин забирали?

В армию ходили обязательно, на два года. Забирали мужиков в 20 лет. Когда мово отца в армию забрали, сперва офицер прямо издевался над ним, хотел мову отцу обрезание сделать. А отец каждый день выходил на восток и молился. А потом этот офицер избил каво-то акацией, у няё-то шипы какие острые, и яво выгнали. Пришел другой, посмотрел, что отец-то мой немного талантливый, и посадил яво в кабинет, поучили отца, и он у них секретарем был, на машинке печатал. У меня где-то фотография даже есть, отец часто приходил домой, он близко где-то служил.

Храм? Хто иво знать, что так назвали. Обед надо называть, а они храм.

У каждого храма свое название. Есть Казанская Божья Матерь, вот у нас Успение, у них Троицкая, есть же Михайла Архангела храм, есть Никольской храм. Наша церковь носит название Успение Божей Матери, када Божья Матерь умирала, вот Иисус Христос своей Матери посвятил. Мы каждый раз ей совершали. Не было вот таково, чтоб мы не совершили. Это считается как бы помины.

Храм в числе стоит. Двадцать восьмова августа по новому стилю, а по старому — пятнадцатого августа. В числе стоит. Батюшка, отец Никифор, извещает. Назначает по желанию. Он благославляет, там две женщины, дает им на блюдо крест, и они идут в каждый двор, собирают деньги на храм. Дают, скока желание есть. Потом эта семья, которую утвердили, в которой будет проходить храм, они закупают продукты. Готовят свои родственники. Если в среду или пятницу попадет, то тока рыбу ядят, мясо не разрешается.

В этот день все идут в церковь. Литургия совершается, служба большая совершается. Литургия — это всемирное служение. Литургия проходит два с половиной три часа. И теперь после службы молебн. Который хозяин взял обед себе, домой который будет себе приводить, вот он молебн заказывает. Молебн совершается отдельно. После поучения читают, после этого батюшка берет икону, вот эту, Успения Божей Матери, благословляет два человека, желательно, чтоб вот были с бородами, у нас с бородами-то мало людей. Вот они берут вдвоём икону, и впереди еще подсвечники несут, и батюшка с крестом, как крестный ход, так идут все.

Доходят до дома, хозяева встречают, служба совершается, поют там ей, величают. У нас к каждому празднику своя служба. Отдельная служба. И вот они, эти все,

под образ подходят, целуют отетю Божию Матерь. Кто готовил, родственники все. Все када подошли, она, хозяйка, накрывает отетю икону платком.

Хозяева, например, муж с женою, берут отетю икону и несут. И говорят: «Добро жалует всегда старого, да малого на божий храм, что Господь дал». А там уж приготовили место и там иё ставят, лампадочка горит. Ну и опять служба совершается, там немножко попоют и под крест берут.

И тада начинают за обед молиться, «отче наш» читают, всегда первую службу начинают «отче наш», молитву читают. «Отче наш» не прочитают — за стол не сядешь. На поминках говорят, что там батюшку, или матушку, или сыночка, или дочку, или там тётушку, или крёснущу поминаем, а тут говорят: «Кормитесь, православные христиане». Тут просто как обед, должны так победать.

Потом садятся и все кушают. Свекольный студень сразу стоит, его не подают. Его уже приготовили, штоб обязательно вода и соль, и хлеб были. Первое подают хлеб, такой печеный, и студень становятся рыбный. Потом борщ подают, а потом лапшу подают, потом рыбу подают, потом пироги с кашей, у них рис внутри, пышечки, облиты сахаром.

Обед закончился, служба совершается, и многая лето служат для хозяйки и хозяина. Три раза помолются, поблагодарять хозяев и расходятся.

В Правакумке совершается Михайлов день, а в Левокумке, у них Казанская Божья Матерь. У всех вобщем свой какой праздник. У кого на Николу совершается. Какое церковь название носит, вот так храм называется. Обязательно обед совершают.

Текст 17

Рамзаёва Анна Илларионовна (Текст записала и расшифровала Н. И. Самарина, и. о. заведующего филиалом ГБУК СК «Ставропольский краевой музей изобразительных искусств» в поселке Новокумский). Текст записан в упрощенной транскрипции: звучание слова передается на основе обычной русской графики, в ряде случаев привлекаются дополнительные графические средства, общие с литературным языком фонетические процессы не отмечаются.

Здесь вот какой материал используется, а там (вы знаете нашу рубаху?) какой у нас материал красивый был. А тут што. Он линяет, а там не линял, паришь его и стираешь, а он один в один.

У кого есть голос, а у кого нет, но поёт и распевается.

Мужики наши работали: рыбалили по 2—3 до 6 месяцев. Хозяин и деньги платил, и рыбу давал (на еду). Много икры было. У нас там икра тиникетями стояла.

Рыбу сушили, солили, сомину солили, а потом вымачивали, в медник клали, а потом готовили. А рыба сушеная: судаки, щука, сазаны — висела у нас куканами рыба. Мы там насчет рыбы проблем не знали, мы к ней привыкли, эта наша основ-

ная еда, а мясо есть никто не хочет — подавай рыбу. Мы её и в медник кладём, и жарим, и с томатиком — как хочешь.

Я в больнице лежала, нас трое в палате было — я им всё рассказывала. Придет врач: «Ну, чем она вас кормила? — Ну, сегодня в медник рыбу клала. — Наелись? — Наелись». Выйдет, придет через 5 минут: «Ну чем щас кормила? — Плящину пякла. — Ну, наелись? — Наелись».

Врач, который делал перевязку, а ноги у меня болят, мне говорит: «Приедешь, я тебе ноги сделаю, операцию, будешь помнить меня».

Все делали на быках и буйволах. Я доила буйволов. Есть буйволы молочные, а есть буйволы масляные, есть буйволы тугососые, еле-еле давишь, а есть, только к сиське, — а молоко само течет, смятана была отличная. У нас две буйволы были и корова, на Мандор таскали, продавали, а остальное себе. Я уже замужем была, у свекрови в одной семье 2 быка, корова красная, две буйволы и подтелочки и ишек (осел. — В. Г.), с нами ходил на озеро Лиман. Кони были.

Иду как-то, деверь на колодце сидит, кобыла от голоду сдохла, а он горюет. Открыл магазин, а пил. Приходит кума Татьяна Семеновна, бабушка родившегося на пароходе, мы там рядом жили, она ему говорит: «Кум, а чего ты печалишься? — А как же, кума, мне не печалиться — кобыла сдохла». А она — «Ха-ха-ха», веселая была, сопетка у нее, она сараи чистила. Мы там сараи чистили, в сопетку слаживали на плечи, и на кушу выносили. У нас там куши были. Она и песню сочинила:

Сдохла у Фомки кобыла.
Сердила-вердила
На кобыле ездила.
Не журится Фомушка,
С пуза сделаем барабан,
С копыта сделаем стаканы,
С головы сделаем холодец,
С хвоста сделаем помело.

А он встал и в погоню за ней, а она скинь сопетку, порты закрыла, и весь день не вышла ни коров, ни быков — никого не поила. Все смеялись.

Кто жил богато, а кто и бедно, есть хорошие, а есть и плохие.

Работали одинаково. Когда деды-прадеды жили, кто знает, что делали. Накопили, так и передавали богатство по наследству, а бедный человек обходился. Семья не голодовала, и нормально.

Пуговки наши в музей пошли. Там Маланья, третья жена Степана Разина: она нарядная, в бешметю надета. А бабы мне говорят: «Ну, Анька, твои пуговики, глянь, хде». И в музей: дювень, колесня, грабли, бармаки, вилы, плух, сабан — все наше старинное. Знамя в музей: один орел, одна голова и три печати: орел, жеребенок маленький. И мужик на бочке сидит голый с ружьем и говорит: «Если бы я костюм свой продал, а Родину пропил, а костюм бы остался, а то пропил это все, а Родину спас».

В Турсии сажали персичку (перец болгарский), баклы, помидор, нугут, фруктов много — там же тепло. Гранат, айва, яблоки — было все. Маслина плохо росла, покупали, она дешевая.

В пост мы лучше ели, чем в мясоед, мы больше питались рыбой: баламут насолим, вкусно, а тут мы его в глаза не видим, привезли как-то 70 рублей кило, — дорого.

Сажали яровые, зимы теплые, снег редко, не всегда. На Иордань всем селом шли на Лиман, на озеро, там ставили грядушки, дощочки. Делали прорубь, и когда батюшка туда шел — пели. Служил и крест окунал, на весь Лиман вода освященная была, а на креститель кидались.

На крещение спорили, на креститель бросались и женщины, и мужики. Идет она в церковь и спорит, и в чем нарядная, в том она и купается и три раза ныряет, а потом идет веселая. Поет. Идет, разденется в доме, в котором все собирались. Готовили все, помогали и дадут стакан спиртаку, раки. Спорили за деньги, за халву, спорили и давали. Потом начинали карагод водить.

Там коммунальные услуги не платили. Налог 12 рублей в год. Правда, света не было, для освещения были ламбы, фонари, казнички. И ворот обшивали при ламбе, а тут со светом. Глаза все испортили, с телевизором с этим.

У нас гольшом не ходили. Девка ходит: свяска, повязанная у неё, цветки, сережки, булавки. Уши прокалывали. А замуж вышла, все — уже ты накрытая и в платку. И турки так ходили, девка ходит открытая, а замуж вышла — накрытая, ну щас они все уже раскрылись.

Сперва пришли сюда — они смеялись, детей наших обзывали турками, кресты снимали, а теперь, пожалуйста, и кресты, и идите в церкву, и всё, и давайте все костюмы. Я на каких учителей дюже злая, как собака. Над детьми издевались, били, рвали над ними тетради, особенно у нас тут одна Валуева Анна Петровна, она уже всем насолила. Но щас учителя другие, придут: «Ну, тетя Ань, ну дайте». — «Ну, беритя».

А щас у меня кукла валяется, племянница заставила, Мария. Куклу аж в Золотовец племянник забрал, и у меня остались только две куклы, а теперь племянница дала куклу, шью ей, да щас некогда, зимой буду. Кукла украшается «косичками». Хвост селезня, им закалывали платки; мытозики, коса у меня тут, волосы настоящие, махры делаю, подкосник. Я думала девка, а потом нарядила бабой. Из бисера все сделала и пришила настоящий махор. Подкосник: коса у девки, делаешь подкосник белый и кладешь иво, и махор заплетает, а когда о махор бисер бьется, то балахон не марается. Это у нас закон такой. Булавочки — курятники, тараночки, пёрушки. Косу девка заплетала одну, а волос заплетали об три, об шесть, как хочешь, а замуж когда вышла уже две косы заплетает и переплетает на голову и накрывается шлычкой. Кавук ложится под шлычку и повязывается. Кулан — это пояс, такой ремень с красивой бляшкой. Носки называли корсуники.

Научное издание

Виолетта Михайловна Грязнова

ГОВОР КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ
СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

Корректор Е. Сметанникова

Оригинал-макет подготовлен Е. Морозовой

Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 10.12.2016. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 58,69. Тираж 600 экз. Заказ №

Издательский Дом ЯСК

№ госрегистрации 1147746155325

Phone: **8 (495) 625-35-92** E-mail: **Lrc.phouse@gmail.com**

Site: **<http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>**

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: **8 (499) 255-77-57** E-mail: **gnosis@pochta.ru**

Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).

Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4